

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2025. 20(1)
АМЕРИКАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Адрес для писем:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (США)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

- А. А. Черкасов (г. Вашингтон, США)
гл. редактор – д-р ист. наук
- Д. Даровец (г. Венеция, Италия)
- П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)
- Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
- Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)
- Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)
- Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Дж. Санборн (Пенсильвания, США)
- В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)
- С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)
- Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)
- Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)
- М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Подписано в печать 01.03.2025 г.

Заказ № 83.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай II, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2025. 20(1)
AMERICAN HISTORICAL JOURNAL

Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

- A. A. CHERKASOV (WASHINGTON, USA)
Editor in Chief – Dr. (History)
- D. DAROVEC (VENICE, ITALY)
- P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)
- E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
- R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)
- R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)
- B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)
- J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)
- W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)
- S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)
- G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)
- F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)
- M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 03/01/2025

Order № 83.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas II is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo “Views of the Russian Empire”

C O N T E N T S

ARTICLES

Kazakh-Bashkir Military-Political Interaction during the Expansion of the Western Oirats (Kalmyks) and Bashkir Uprisings of the 17th century R.R. Asilguzhin, A.Kh. Ryskildin, Zh.M. Sabitov	5
Kalmyks of the Russian Empire in the System of International Relations of Inner Asia (first half of the 18th century) A.Sh. Kadyrbayev, E.A. Komandzhaev, L.V. Okonova	15
Materials on the History of Kazakh-Russian Relations (1729–1740) G.Kh. Samigulov	23
Protection of the Population of the Orenburg Borderlands of the Russian Empire Against Slave Raiding in 1801–1831. Part I A.Yu. Peretyatko	33
Yanuarii Mikhailovich Neverov (1810–1893): Some Touches to the Biographical Portrait (To the 215th Anniversary of His Birth) S.B. Zinkovskii, E.V. Krasnenkova, A.S. Ivlyushkin, N.S. Petrishchev	45
The Moral State of the Russian Army in 1812. From Border Battles to the Battle of Borodino E.S. Kozlovskaya, A.Yu. Ovcharenko, D.S. Sknarev, O.Yu. Kazenko	58
The Russian and French Empires. Strategic Perspectives by 1812 (on the Subject of the Cause of the Disaster of the Great Army) G.G. Popov, D.G. Safaralieva, P.A. Byshkov, B.A. Bulgarova	71
Military and Political Activities of F.K. Kluki von Klugenau in the North-Eastern Caucasus in 1818–1850 (based on Materials from the “Russkaya Starina”) A.A. Zhurtova, P.A. Kuzminov, L.R. Gaunova, Z.H. Soblirov	82
Orenburg Kazakhs of the Eastern part and Imperial Services: the Specifics of Kazakh-Russian Contacts in the first half of the XIX century G.K. Mukanova, S. Zhumatay, K.K. Sarsembina, S.M. Syzdykov	91
Tambov Men's Gymnasium (1825–1918): an Essay to the 200th Anniversary of Its Establishment I.Yu. Cherkasova, L.A. Koroleva, V.S. Nikitina	103
195 Years since the Birth of Alexander Ivanovich Georgievsky (1830–1911): To the Anniversary of the Russian Teacher A.A. Baibarin, I.V. Tyurin, S.A. Savostyanova, E.G. Khrushchev	110
Reflection of the Russian Intelligentsia of the 19th century in the Context of the Polish Question A.G. Gryaznukhin, T.V. Gryaznukhin	117
Kazakh History in British Periodicals: Interpretations and Historical Accuracy G. Kushenova, A. Auanasova, A. Maxutova, A. Kairullina	129
Russian Periodicals of the XIX century as a Polemical Environment of Caucasian Studies (Case of Discussion of the Publication of “Laws and Customs of the Kabardians”) Yu.M. Azikova, P.A. Kuzminov	138
Paradigms of Development of National Universities in the second half of the XIX – early XX centuries A. Lebid, V. Stupakova	151

Representations of the Turkestan Region as the outskirts of the Russian Empire in the Discourse of Regional Periodicals in the late XIX – early XX centuries S.M. Matkarimova, S.S. Davletov, K.Y. Masharipov, T.P. Abdullaev	159
To the 175th Anniversary of the Birth of Teacher Maximilian Brown (1850–1930): A Biographical Sketch G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.Y. Epifanov, I.N. Kuksin	169
On the Activities of Iosif Osmolovsky in the Context of the Russian Military Movements Against the Khokand Khanate (1852–1862) S. Tokbolat, Sh. Rakhmetulla	175
The Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University: Its Collections Dating to between the second half of the 19th and the early 20th centuries A.A. Cherkasova	188
The Drinking Collection of the Reign of Catherine II (1862–1796) N.Ye. Goryushkina	195
The First Russian Archaeological Dictionary: Characteristics and History of Creation Yu.G. Kokorina, M.M. Vagabov	207
Reception of the Resettlement Business in the Turkestan Region in the Assessments of Imperial Experts of the second half of the XIXth – early XXth centuries S.D. Mamraimov, A.M. Zharken, S.N. Apasheva, B.S. Tokmurzayev	218
The Educational Function of the Customary Law of the Peoples of Siberia in the XIX century V.V. Naumkina, T.V. Vorotilina, S.A. Grimalskaya, R.M. Zhirov	228
The Imperial Novorossiysk University: A Historical Essay to the 160th Anniversary of Its Foundation N. Ter-Oganov	238
The Emergence of Innovations in Agriculture of the Russian Empire (based on Official Documents and Journalistic Materials for 1867) Yu.B. Nadtochiy, V.A. Ivashova	247
Institutionalization of Russian-Turkmen Relations during the Pacification of the Akhal-Teke Oasis I.I. Aminov	255
A History of Bethany Commandery No. 28, K.T. (1868–1918) A. Cherkas	264
The Emergence and Development of New Religious Movements in Kazakhstan in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Turgay and Ural Regions) Zh.D. Mustafina, A.T. Maden	289
The State of Forestry of the Large Landowners of Russia in the late XIX – early XX centuries R.M. Zhitin, A.G. Topilsky, M.A. Oblitsov	300
Pre-Soviet Historiography of Vocational Education Development in Kherson Gubernia (19th – early 20th centuries) O.P. Trygub, S.I. Degtyarev	311
“The Sublime Porte was not Guided by any Specific Rules or Laws of Civilized War”: F.F. Martens on the Russian-Turkish War of 1877–1878 and Humanitarian Law N.Yu. Nikolaev, D.S. Iurchenko	321
Features of the Development and Productive Indicators of Animal Husbandry of Large Landed Estates of the Tambov Province in the late XIX – early XX centuries R.M. Zhitin, A.G. Topilsky, M.A. Oblitsov	333

Socio-Economic Development of Akmola Region based on materials from Russian Official Sources at the end of the 19th century (1881–1900) (Historical-Political Aspect) G.M. Karasayev, A.S. Ualtayeva, K.V. Cherepanov, A.S. Margulan	346
The Far Eastern Vector of the Grand Strategy of the General Staff of the Russian Army in the late 19th and Early 20th centuries and the Failures of the Russian Empire in the First World War G. Popov, S. Davydov, A. Kukareka, E. Babaeva	359
Terms for the Electricity Supply in the Russian Empire at the turn of the 20th century O.A. Gorodov, K.S. Semenovich, D.A. Zhmulina, R.E. Bauer	371
Personnel Management of Local Government Institutions in Eastern Siberia in the late 19th and early 20th centuries (Historical Aspect) T.G. Karchaeva, G.M. Lushchayeva, N.V. Barsukova, E.V. Savina	385
The Mentally Ill as a Subject of Civil Rights in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries N.V. Prisyazhnaya, O.N. Bobrovskaya, E.G. Kaletskiy, D.A. Leychinskaya	393
Migration Movement to Siberia at the end of XIX – beginning of XX centuries (based on Reports of Governors Yenisei Province) T.V. Izluchenko, D.N. Gergilev, E.A. Akhtamov, D.N. Nesterenko	406
Economic Modernization of Russia in the late 19th century: Strategic Guidelines and Internal Contradictions V.V. Titov, K.N. Babichev	417
V.V. Barthold's Scientific Strategy as a Component of Intellectual Culture G.T. Zhakupova, B.B. Kozhahmetov, M.S. Myrzabekov, K.M. Rustem	426
“America Amazed Me – It’s Siberia in 1000 years”: N.M. Yadrintsev’s Trip to the United States of America in 1893 V.A. Dolzhikov, A.V. Golovinov, K.A. Ishekov, Yu.V. Golovinova	433
Primary School in the Life of the Zyryans in the late XIX – early XX centuries: the Transformation of Customary Legal Views O.A. Plotskaya, K.K. Atabekov, D.A. Shiryov, T.S. Bessonova	442
S.N. Bulgakov's Socio-Political Activity in 1901–1917 D.V. Alontseva, O.N. Grishaeva, R.V. Tikhonov	451
Image of the Turkestan Region of the early XX century in the Diary Entries of Priest V. Ilarionov A.M. Koskeyeva, Z.S. Ilyassova, B.K. Issabek, B.S. Tokmurzayev	459
Organization of Anti-Tuberculosis Medical and Social Care in the Yenisei Province in the 1910s T.A. Kattsina, K.A. Tishkina, O.A. Kattsin, L.V. Zakharova	470
White Flower Days in Yenisei Province at the beginning of the 20th century: Charity Events for Tuberculosis Patients T.A. Kattsina, K.A. Tishkina, O.A. Kattsin, L.V. Zakharova	478
The First World War: the Eastern Front in Modern Historiography T.A. Magsumov	487
Ethnic Groups of Peasant Migrants in the Altai Okrug (based on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural and Land Census) V.N. Razgon, D.N. Belyanin, A.V. Razgon	498

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 5-14
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.5

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

Kazakh-Bashkir Military-Political Interaction during the Expansion of the Western Oirats (Kalmyks) and Bashkir Uprisings of the 17th century

Rafil R. Asilguzhin ^{a, *}, Azamat Kh. Ryskildin ^b, Zhaksylyk M. Sabitov ^a

^a Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Republic of Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The Kazakh-Jungar war and the corresponding migration of a significant part of Kazakh clans from Semirechye and South Kazakhstan westward and to the north-west, in the beginning of the 17th century intensified the Kazakh-Bashkir interaction embracing ethnic, military and political components. The complicated political situation of the 16th and 17th centuries, when there was a confrontation and interaction between Muscovy, the Nogai Horde, the Khanate of Siberia and the Kazakh Khanate, was superimposed on the strengthening of interaction between Bashkirs, Kazakhs and other Turkic-speaking nations with the western Oirat-Kalmyks during the expansion of the latter. The article analyses sources on participation of the Kazakh and Karakalpak in the Bashkir riots of the second half of the 17th century. It also considers the reasons and purposes of the Muscovite tsarist government's measures to counteract the union of Turkic-speaking peoples with Kalmyks, the issues of Bashkir and Kalmyk subjectship, as well as Bashkir-Kalmyk interaction. The analysis of the complex political and legal status of the Bashkirs in the period under consideration is given. Along with the facts of the conclusion of oaths on the joint struggle of Bashkirs and Kazakhs, preconditions for the gradual transition of political patrons of Bashkirs from Kuchumovich to representatives of Kazakh governing dynasties are formed.

Keywords: Bashkir uprisings, Bashkirs, Kazakh, Karakalpak, Kalmyk, Oirat, migration, subjectship, estek, ishtyak.

“... на ту противность всю Башкирию преклонил, но, и с киргиз-кайсаками соединясь ...”
 (П. Рычков)

1. Введение

Казахско-башкирские контакты в XVII – начале XVIII вв. столкнулись с наложением двух серьезных внешнеполитических вызовов. Во-первых, это фактор европейской колониальной экспансии, форпостом которой в степной Евразии являлась Российская империя, предпринимавшая комплексные мероприятия для отворения пути в «полуденную Азию». Во-вторых, на существование башкир и казахов оказала серьезное влияние экспансия западных ойратов (калмыков). Данный вызов казахский исследователь Г.М. Тулепбергенов охарактеризовал следующим образом: «военно-политическая обстановка в этом регионе в первой четверти XVII в. усугубляется прибытием новых насельников, воинственных калмыков, внеся поправки во внешнеполитические действия Российского государства» (Тулепбергенов, 2014: 35). География экспансии западных монголов, ойратов, и их многочисленность отмечены востоковедом А.З. Валиди: «Западные монголы –

* Corresponding author

E-mail addresses: asrafil@yandex.ru (R.R. Asilguzhin), zh.sabitov@gmail.com (Zh.M. Sabitov), azamat.ryskildin@gmail.com (A.Kh. Ryskildin)

ойротские калмыки – в 1600 году начали в массовом порядке переселяться в Западный Казахстан. В 1618 году 50 тыс. калмыцких семей заселились по течению рек Тобол и Ишим. В 1630–1632 гг. часть достигла берегов реки Идель. Их предводитель Хо-Урлюк обосновался вдоль Яика и Ишима» (Валиди, 2010: 45). В результате казахские роды были вынуждены мигрировать, частично устремившись в северо-западном направлении, где им пришлось потеснить башкир и занять степи в долинах рек Орь, Тургай, Илек и др. вплоть до левобережья Яик, а также в долинах рек Уй, Тобол и др. в Зауралье. Историк И.В. Ерофеева, отмечая казахско-джунгарские войны и вызванную этим миграцию казахов на земли башкир в Зауралье, пишет: «Во второй половине – конце XVII вв., когда происходили наиболее острые столкновения между казахами и волжскими калмыками, часть казахских родоплеменных групп Младшего жуза разместились или долгое время проживала на башкирских землях в Уйско-Миасском междуречье и по правому берегу Яика...» (Ерофеева, 2007: 77-78).

В значительной мере именно экспансия западных ойратов вызвала активизацию казахско-башкирских этнических и военно-политических контактов в начале XVII века. Отмеченные процессы произошли на фоне усиления давления российского абсолютизма на башкир в условиях интенсификации юго-восточной политики московских правителей. Взаимная вражда тюрко-мусульманских народов с калмыками усилилось после принятия калмыками русского подданства в 1655 году.

Важный аспект исследуемой проблемы заключается в существенных различиях политико-правовой культуры башкир, калмыков и казахов, особенно в том, что касалось статуса и объема полномочий ханской власти в отношении военно-служилого сословия, а также объема встречных обязанностей военно-служилых подданных (йомышлы) и положения податных подданных (ясаклы). Для калмыков источником правосознания считалась Яса в трактовке буддийских монахов (бахсы, ламы), согласно которой власть чингизидов считалась абсолютной ввиду сакрализации «золотого рода» и генеалогического права чингизидов. Родство с последними позволяло приближенным кланам действовать от имени хана и применять «легальное насилие» в отношении менее приближенных подданных. Так, с чингизидами-кучумовичами породнились и торгоуты (тайша Хо-Урлюк выдал дочь за Ишима, сына Кучума) и хошуты (тайша Байбагис также выдал дочь за Ишима, сына Кучума). На этом основании и торгоуты, и хошуты считали себя управомоченными на сбор ясака с тех же башкир или казахов как бы в пользу хана аналогично тому, как ранее сбор ясака в пользу хана осуществляли ногайские бии из дома Едиге. Однако для башкир источником права являлись институты тюрко-мусульманского права на основе Корана, прежде всего, институт икта, которым регулировались договорные отношения хана и военно-служилых подданных кланов (асаба). Договорной характер отношений с чингизидами, иначе – «свободный вассалитет», по выражению Н.В. Устюгова, у башкир предусматривал гораздо больший перечень оснований для несогласия с ханской властью. Это была форма легального протеста и отказа от подданства, по сравнению с теми же казахами, у которых традиции подданства чингизидам укоренились глубже. Разница в традициях правосознания не могла не порождать коллизий, которые приводили к отказу от подданства и многочисленным откочевкам как от Кучумовичей и калмыков к Романовым, так и, наоборот, от Романовых к Кучумовичам, а позднее и к казахским ханам, потомкам чингизида Урус-хана.

2. Материалы и методы

2.1. При подготовке статьи авторы использовали широкий круг опубликованных источников, наиболее важными из которых выступают материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация). Они содержат сведения об участии казахов в башкирских восстаниях второй пол. XVII – нач. XVIII вв. В частности, характеризуются процессы подданства башкир, взаимодействия калмаков (ойратов), башкир, казахов, каракалпаков и других народов. Важные материалы по истории Оренбургского края, Башкортостана и Казахстана содержат фонды Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), в частности, Фонд 1 «Оренбургская экспедиция» (где имеются дела о «недопущении соединения башкирцев с киргиз-кайсаками», грамота Анны Иоанновны хану Малого казахского жуза Абулхаиру за приведение в подданство России Старшего и Среднего жузов); Фонд 2 «Канцелярия Оренбургской комиссии»; Фонд 3 «Оренбургская губернская канцелярия» (в частности, дела о взаимоотношениях российских властей с казахскими жузами и среднеазиатскими ханствами; дело о Возведении султана Нурали в ханское достоинство и т. д.; дела о побеге башкир и других из киргизского плена; дела о нападении киргизов на приграничные территории, дела о незаконном пересечении границ башкирами); Фонд 6 «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора» (в частности, дело об утверждении султана Айчувака в звании хана Малой Киргизской Орды; дело об ограблении киргизами российских караванов, дело о зачислении казах в казачье сословие; дела о принятии казахами православной веры; дела о причислении казахов в башкирское сословие и расселении среди башкир; дела о награждении киргизов орденами и ценными подарками; дела о строительстве мечетей и обучении киргизских детей; дела о строительстве крепостей на территории Малых и других жузов); Фонд 10 «Канцелярия Оренбургского губернатора» (в частности,

дела о проживании киргизов в Оренбургской губернии, дела об обвинениях киргизов в угоне скота у крестьян) и т. д.

Важнейшим сводом источников по теме исследования совместных выступлений в восстаниях башкир их южных соседей, каракалпаков и казахов, а также калмыков, является сборник документов, посвященный социальным отношениям в Башкортостане и башкирским восстаниям XVII и первой половины XVIII вв. Это сборник «Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1», выпущенный в 1936 г.

Взаимоотношения башкир с каракалпаками, сибирскими татарами и калмыками, сведения о совместных участиях этих народов в восстаниях XVII в., а также материалы о связях башкир с сибирскими правителями из Кучумовичей отражены в сборниках документов «Акты исторические» и «Русско-монгольские отношения».

В фондах РГАДА, в частности, в делах «Калмыцкие дела Посольского приказа», хранятся немало материалов о причинах и ходе конфликта башкир, казахов и калмыков, а также о вопросах взаимодействия губернской администрации с указанными народами.

2.2. Основным методом исследования стал сравнительно-исторический, позволяющий обобщить упоминаемые в различных источниках материалы, содержащие сведения о военных, политических, историко-этнографических аспектах взаимодействия казахов и башкир в период джунгарской (калмакской) экспансии. Также данный метод позволил проследить процесс участия казахов и их соседей каракалпаков в башкирских восстаниях второй половины XVII в., в первую очередь, в «Сеитовском бунте» (1676–1684 гг.). Большой массив анализируемых источников по теме исследования свидетельствует о сложных взаимоотношениях тюрко-мусульманских народов – казахов, башкир, каракалпаков, ногайцев, волжских калмыков, западных ойратов. Путем сопоставления данных предпринята попытка закрыть лакуны в рассматриваемой проблематике. Анализ ранее накопленных нарративов и комплексное изучение ретроспективности событий второй половины XVII в. относительно взаимодействия тюрко-мусульманских и монгольских народов позволили выявить ряд ранее неочевидных закономерностей: участие каракалпаков и казахов в восстаниях на Южном Урале; разноплановость (ситуативность) союзнических отношений калмыков (ойратов), башкир, каракалпаков и казахов и др.

Изучение межэтнического взаимодействия кочевников на рубеже позднего средневековья и начала нового времени предполагает междисциплинарные подходы. Общенаучные методы анализа и синтеза используются в комплексе со специальными методами источниковедения и методами смежных гуманитарных наук, а именно кросс-культурного анализа, антропологии и этнологии. Авторы разделяют подход К. Леви-Стросса, утверждающего, что «при изучении любого общества следует рассматривать его в собственном культурном контексте».

3. Обсуждение

При написании данной статьи использовались работы российских исследователей – этнографов, историков, государственных деятелей XVIII – начала XX вв. и современных ученых, а также современных казахских и башкирских историков. Российскую историографию по вопросам изучения башкирских восстаний можно разделить на три периода: дореволюционный (имперский), советский и современный.

В историографии времен существования Российской империи башкирские восстания 1633–1635 гг., 1645 г., 1662–1664 гг., 1682–1684 гг., как и восстания XVIII в., объяснялись «воровством» непокорных башкир, не желавших входить «под твердую руку» царя. Известный государственный деятель и историк Василий Татищев в одной из своих Записок в Правительственный Сенат нелестно охарактеризовал представления башкир о взаимоотношениях с Империей: «Земли е.и.в. называют они своими, а бунты – войной, отпущения же вин миром, для того, что народ степной и дикой и к тому же испортила их прежняя воля» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1183. Л. 230). Один из старейших исследователей Южного Урала и Оренбуржья и одновременно с этим чиновник, географ, историк Петр Рычков не только дал подробные описания башкирских восстаний (бунтов) второй половины XVII – начала XVIII вв. («... так усилились и в такую вольность пришли, что многие продерзости чинить отважились, а, наконец, явным уже образом бунтовали, с таким намерением, чтоб им, отрешившись от подданства российского, восстановить особое владение»), но также обратил внимание на участие казахов в этих бунтах (Рычков, 1999: 53). В качестве иллюстрации доминировавшей в дореволюционный период концепции исторической миссии России как форпоста европейской цивилизации можно привести слова историка В.Н. Витевского, объяснявшего причины экспансии России на Восток, в частности, при покорении коренных обитателей Оренбургского края – башкир: «... Россия должна была принять на себя решения трудной мировой задачи, по отношению к тюрко-татарским племенам: сначала ей пришлось быть оплотом европейской цивилизации от мусульманского фанатизма и восточного варварства, ...» (Витевский, 1897: 118).

Известный советский историк Н.В. Устюгов, посвятивший специальное исследование башкирскому восстанию 1662–1664 гг., подробно изучил вопросы взаимодействия башкир с калмыками, сибирскими татарами, кучумовичами во главе с царевичем Кучуком (позже ханом), а также рассмотрел дипломатические усилия царского правительства по разрыву этого союза.

Н.В. Устюгов справедливо определил отношения башкир и московского государства как «свободный вассалитет»: «Свое подданство московскому царю башкирские феодалы рассматривали как вассалитет, и смотрели на московского государя как на своего сюзерена, которому они были обязаны добровольной службой. Поскольку эта служба и платеж ясака были добровольны, эта добровольность предполагала и право отъезда... если условия вассалитета почему-либо казались неприемлемыми для вассала» (Устюгов, 1947: 44). Какими именно ордынскими государственно-правовыми традициями и стереотипами правосознания руководствовались сами башкирские повстанцы в XVII–XVIII вв., советские историки интересовались в меньшей степени, чем выяснением антифеодального и антиколониального характера народных выступлений. В отличие от них востоковед А.З. Валиди Тоган в подготовленной в Турции в 1950-х гг. рукописи «История башкир» подробно описал институт «икта»: «башкиры признавались военным сословием, поэтому все мужчины от 17 до 43 лет считались воинами. Это обстоятельство являлось продолжением того, что они еще в ханские времена находились в составе войск. Взамен башкиры имели право передавать свои земли по наследству, и это считалось их «иктой». Башкиры и мишаре, имевшие подобные права, считались «асаба». И русское слово «икта» перевели на свой язык как «вотчинник» (Валиди, 2010: 56-57). По содержанию взаимных условно договорных правоотношений между сувереном и представителями военно-служилого сословия тюрко-мусульманский институт икта был аналогичен тюрко-монгольскому «союргал», который также практиковался в государствах чингизидов, включая Хулагуидов, а также в государствах Тимуридов. В целом ряде трудов А.З. Валиди приводятся важные факты из восточных источников о башкиро-казахских отношениях в период нашествия западных джунгар – ойратов. Также им указываются сведения о перипетиях непростых, временами враждебных, но иногда и союзнических взаимоотношений калмыков с тюрко-мусульманскими народами, о попытках предводителей башкирских восстаний создать единый фронт из ногайцев, калмыков Крыма и Турции на юге России (Валиди, 2014; Валиди, 1994).

Сведения о причинах строительства Закамской засечной (крепостной) линии, об участии в нападениях на нее казахов, каракалпаков, башкир, ногайцев и калмыков даны в работе историка из Татарстана В.В. Ермакова (Ермаков, 2008: 97). Казахский историк Г.С. Султангалиева дополняет указанное также тем, что меры российского правительства по строительству в 1652–1654 гг. Закамской крепостной линии стали важнейшими причинами крупнейшего восстания башкир XVII столетия – «Сеитовского восстания» (Султангалиева, 2001: 16).

Вопрос изучения фондов РГАДА, где содержатся материалы о происходящих среди башкир, казахов и калмыков конфликтах, об их причинах, а также о контактах губернской администрации с указанными народами стал предметом внимания В.А. Новикова, исследователя второй половины XIX в. (Новиков, 1879: 214).

Исследователи Б.А. Азнабаев и А.И. Кортуннов, затрагивая историю взаимоотношений башкир с калмыками, каракалпаками и казахами в XVII–XVIII вв., считают слабой стороной военно-социальной организации башкирского общества отсутствие единого центра принятия решений, что неизбежно снижало эффективность действий башкирских военизированных отрядов: «В открытой местности, допуская применение больших масс конницы, башкиры уступали калмыкам и казахам по причине их многократного численного преимущества». Именно отмеченное привело к тому, что «к 60-м годам XVII в. башкиры утратили свои вотчинные угодья не только на Эмбе, но и в среднем течении Яика. В 20-е гг. XVIII в. казахи Младшего жуза вытеснили башкир со степных территорий по рекам Яик, Илек и Ор» (Aznabaev, Kortunov, 2021: 1643). Необходимо уточнить, что указанным событиям предшествовало вытеснение калмыков на запад казахами с юга и башкирами с севера. Но казахское продвижение с юга на север оказалось более обширным как по причине более надежных отношений казахов с узбекским тылом, так и по причине более централизованной организации казахского ханства, поддерживаемого сетью суннитского духовенства, способного время от времени примирить клановые междоусобицы в общих интересах.

Историк А.Ю. Быков, рассматривая взаимоотношения российских властей с казахами в период с 1731–1917 гг., отмечал, что в числе причин «отрицательного имиджа казахского этноса в глазах российского правительства» необходимо указать и противоречия внутри казахского общества, и неоднократные нападения казахов на русские поселения, а также многолетние взаимные набеги и барымта казахов, башкир и калмыков (Быков, 2023: 117).

Вопросы военно-политического взаимодействия московских правителей и калмыцких ханов, причины и последствия для башкир и других тюркских народов включения калмыков в состав России, цели и выгоды от подписания «шертных» договоров с калмыками для московских правителей подробно рассмотрены коллективом авторов в книге от 1929 г. «Этюды по истории Приволжских Калмыков» (Этюды..., 1929).

Большая часть исследователей склоняется к мнению, что наименование народа калмык (калмак) есть обозначение со стороны тюркских народов. В. Бакунин, служивший толмачом при калмыцких ханах в первой половине XVIII в., писал: «... хошоуты и зенгюрцы сами себя и торгутов калмыками и доньне не называют, а называют, как выше означено, ойрат. Торгоуты же как себя, так и хошоутов и зенгюрцов калмыками хотя и называют, но сами свидетельствуют, что сие название не

свойственно их языку, а думают, что их так назвали россияне, но, в самом деле, видно, что сие слово “калмык” произошло из языка татарского, что татары называют их калмак, что значит “отсталые” или “остальцы”». (Бакунин, 1995: 22). Термин «калмак» изначально был конфессионимом, маркирующим кочевников, не принявших ислам и «оставшихся в вере отцов». Позже «калмак» стал экзоэтнонимом тюркских народов по отношению к ойратам, которые исповедовали буддизм. Известный востоковед В.П. Юдин считал возможным применять термин «калмык» при обозначении ойратов или джунгар только в тюркской форме – «калмак»: «Неверно также именовать ойратов или джунгаров калмыками. Этот термин применялся лишь в отношении волжских калмыков. Если употреблять термин калмык для обозначения ойратов, то, по-видимому, его стоит употреблять в тюркской форме калмак, для отличия от калмыков» (Юдин, 2001: 266). В исторической литературе принято разделять термины «калмак» и «калмык». Калмаками называли всех ойратов, а калмыками называли только их западную часть (волжских и с недавних пор чакарских калмыков).

Востоковед В.В. Бартольд следующим образом комментировал значение этнонима: «Калмыки – тюркское название одной из монгольских народностей, самоназвание которой – ойраты ... Это слово выводится (вероятно, только народной этимологией) от глагола катмак ‘оставаться’; оно будто бы обозначает “оставшихся” язычниками ойратов в противоположность “вернувшихся” (глагол донмек) вновь в ислам (по известным мусульманским представлениям) дунганам (китайскими мусульманам)» (Бартольд, 1968: 538).

4. Результаты

В документе от 1691 г. послы от Галдана Бошокгу-хана передают иркутскому воеводе следующие причины их ссоры с Казачьей Ордой: «назад тому лет з 10, верами они, калмыцкой Бушухту-хан и Казачья Орда разны: Бушухту-хан де их с калмыки и с ыными Орды верует в Далай-ламу, а Казачья де Орда верует особливо по-крымски в Махмета, обрезывающа по-бусурмански. И посылал де Бушухту-хан в Казачью Орду, чтоб они съединились и веровали с ним, калмыцким Бушухту-ханом, и с иными Орды в одного Далай их ламу, от того де с ними учинилась и ссора, потому что они не похотели по-калмыцки в Далай-ламу веровать. И за то де у них были бои великие и многие де их города Бушухту-хан их разорил...» (Русско-монгольские..., 2000: 340). Конфликт западных ойратов с казахами и другими тюркоязычными народами в XVII в. носил, разумеется, не только религиозный оттенок, экспансия имела в своей основе борьбу за новые жизненные пространства при амбициозных правителях. Возникшее в конце XIV в. ойратское государство в исторических памятниках XVII–XVIII вв. обычно называется Джунгарией. В русской исторической литературе они назывались зюнгарскими калмыками и ойратами. В 1643 г. пятидесяти тысячное войско ойратов вторглось в пределы казахских земель, удар пришелся на плодородные земли Семиречья, ныне – юго-восточные области Казахстана, а также южные и восточные ее области. Значительная часть казахских родов была вынуждена откочевать из этих регионов в западном и северо-западном направлении. В период правления Цэвэна Рабтана джунгарам удалось завоевать значительную часть земель Старшего и Среднего жузов, казахи получают поддержку других тюрко-мусульманских народов. Так, в 1699 г. башкиры и каракалпаки участвовали в походе против сибирских ойратов: «...слышали де они в Барабинских волостях отъ Башкирцов, что де к Кокону батырю в улусъ приезжал из Башкир беглец, и сказывалъ де ему Кокону, Башкирцы де сложились вместе съ Казачьею ордою и с Каракалпаки, и хотятъ итти воевать его Кокону или Барабинские волости...» (Акты исторические..., 1842: 521).

Экспансия западных ойратов (калмыков) на казахов и башкир и другие народы стала своеобразным фоном, на котором происходила серия башкирских восстаний во второй половине XVII в., крупнейшим из которых стал «Сеитовский бунт» 1676–1684 гг. В это сложное время, как видно из многочисленных источников, фиксируются периоды совместных военных действия калмыков с казахами, башкирами и другими народами. Свидетельством ситуативных союзнических отношений может служить и документ от 14 января 1663 г. «Распросные речи башкира Аллагула Баишева в Тобольской воеводской избе о дальнейших намерениях восставших башкир и мари по отношению к русским и о сношениях их с калмыками». В нем идет речь о попытке одного из лидеров башкирского восстания Сарымергена привлечь к борьбе и калмыцкие силы: «... да он же де Сарымергенко посылал от себя х калмыцкому к Урлюкову сыну ко Тайчину тайше посла своего для того, чтоб он Тайчин прислал к нему Сарымергенку начальника человека на помощь с ратными людьми итти под Тюмень войною...» (МИБ, 1936: 136). В этом же ключе даны сведения востоковеда А.З. Валиди, упоминавшего помощь калмыков при совместных выступлениях башкир и казахов, им упомянуты события и содействие, оказанное со стороны. Так, при описании военной помощи, оказываемой калмыцким тайшой Хо-Урлюком казахскому султану Абылаю, А.З. Валиди замечает следующее: «Абылай султан в 1633 году занимался освобождением башкир Исетской дороги и племени Катай от русского подданства. Группа из калмыков в целях оказания помощи Абылай султану вошла в местность под названием Дуван, взяла в плен и уничтожила русских, намеревавшихся обосноваться там. Абылай султан непрерывно воюет против русских. В 1636 году он вместе с калмыками, находившимися в Дуване, и с братом Тюке султаном напали на Уфу» (Валиди, 2010: 46). Оружие для восставших башкир, по версии А.З. Валиди, возможно приходило из

Средиземноморья, поскольку позже, в 1680 г., «калмацкий хан Аюка подписал соглашение с Крымским ханом и договорился с Уфимскими башкирами о нападении на Самару» (Валиди, 1994: 55). В 1646-1648 гг., как пишет тот же А.З. Валиди, за освобождение Уфы, Исетской дороги и Туринских владений от власти Московских царей боролись брат Абылай султана Давлет-Гирей султан, его брат Абуга султан и сын Аблая Кучук султан, но все было тщетно. Тем не менее надежды башкир на калмыков не оправдались, в том числе по причине принятия последними русского подданства в 1655 г. Более того, как отмечал А.З. Валиди, «калмыки начали следовать предательской политики и под видом помощи башкирам брали их в плен, грабили» (Валиди, 2010: 46).

Отметим, что военно-политическое взаимодействие московских правителей и калмыцких ханов шло в позитивном ключе. В конце столетия, в 1697 г., Петр I, отправляясь во главе Великого посольства в Европу, решил официально возложить на хана Аюку охрану юго-восточных рубежей России от набегов соседних кочевых народов. Дело было поручено князю Б.А. Голицыну. Последний в связи с этим «высочайшим» распоряжением 13-20 июля 1697 г. заключил с Аюкой шертный договор при персональной встрече в устье р. Камышенки. В данном договоре «обнаруживается тенденция правительства использовать калмыков в качестве солидной военной силы для завоевательных целей, воинственная энергия кочевников направлялась на пограничных с ними на юго-востоке и востоке бухарцев каракалпаков и киргизов» (Этюды..., 1929: 14-15). Востоковед А.З. Валиди также отмечает, что «Предводитель калмыков Дайчин тайши и его сын Мунжак не были для башкир надежными союзниками. Они оба, показывая верность русскому царю, сообщали ему сведения о делах Крыма и башкир. ... И Мунжак поставил в известность, что он узнает о связях своих врагов татар (то есть ногайцев), а также башкир с крымскими ханами и сообщит об этом царю ...» (Валиди, 2010: 66-67).

У башкир было немало причин для конфликта с калмыками. Уже к началу 20-х гг. XVII в. Южное Зауралье и прилегающие к ней местности Западной Сибири попали под фактический контроль калмыков. В 1619 г. джунгарский тайша Сенгил разорил приграничные башкирские селения, а в 1623 г. напал на башкир Тамьянской и Кипчакской волостей. В начале 1620-х гг. большая группа калмыков сосредоточилась близ юго-восточной границы Башкортостана. По сведениям В.А. Новикова, ожидая нападения калмыков, уфимские власти в 1635 г. получили указание отселить башкирское население из Восточного Зауралья на Уфимскую сторону Уральских гор (Новиков, 1879: 214). Часть племени Сальют (Сальджиут) ушла на земли племени Минг под Уфой, часть племенного объединения Кара-Табын отселилась на запад, к озеру Асылыкуль. Принятые меры оказались действенными: оставшиеся в Зауралье башкиры стали подвергаться постоянным нападениям многочисленных калмыков, о чем свидетельствует документ от 1649 г.: «ездили они на зверовье разных волостей башкирцы человек с 20 и наехали на них сибирской дороги за Уралом-горой по сю сторону Тоболу на речке Тогузаке калмыки» (РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. Д. 1645. Л. 51).

Возвращаясь к «Сеитовскому бунту» (1676–1684 гг.), отметим причины этого восстания. По мнению казахского историка Г.С. Султангалиевой, причинами башкирского восстания 1676–1684 гг. стали меры российского правительства по строительству в 1652–1654 гг. в западных пределах исторического Башкортостана так называемой Закамской засечной линии, которая прошла от расположенного в Восточном Закамье города Мензелинск с крепостями Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Новошешминск, Кичуевск, Зайнск (Султангалиева, 2001: 51-32). О предназначении Закамской линии даны сведения историком из Татарстана В.В. Ермаковым: «По своему предназначению Закамская черта имела преимущественно внешнюю направленность и строилась «для береженья от приходу воинских людей». Под ними в XVII веке подразумевались прежде всего ногайцы, калмыки, киргиз-кайсаки и башкиры. Именно в 40-е годы XVII века наблюдалась активизация набегов кочевых народов на прикамские земли, которые в это время заселялись и осваивались дворцовыми, монастырскими и казенными крестьянами» (Ермаков, 2008: 97).

Об участии казахов в «Сеитовском бунте» (1676–1684 гг.) и причинах башкирских бунтов начала XVIII в. эмоционально высказался русский историк и путешественник Петр Рычков (1712–1777): «... народ, получа довольство во всем от многих пожалованных им угодий и набрав в сожитие к себе многих беглых иноверцев ... так усилились и в такую вольность пришли, что многие продерзости чинить отважились, а, наконец, явным уже образом бунтовали, с таким намерением, чтоб им, отрешившись от подданства российского, восстановить особое владение. Из таковых их бунтов под державою Российской, прежде нежели Оренбургская комиссия учреждена, наиглавнейшими и пущими были два. Первый в 1676 году, в котором главным зачинщиком и предводителем был башкирский их старшина Сеит, от которого и называется бунт сей Сеитовский. Он не токмо на ту противность всю Башкирию преклонил, но, и с киргиз-кайсаками соединясь года с три то свое бунтовщицье намерение продолжал, и все закамские пригороды с большею частию Казанского уезда разорил ...» (Рычков, 1999: 53).

Важный аспект казахско-башкирских взаимодействий XVII – начала XVIII вв. связан с разницей подходов к пониманию подданства ханской власти у казахов, калмыков и башкир. Сложное политико-правовое положение башкир в рассматриваемый период подтверждает то обстоятельство, что часть восточных башкирских племен, прежде всего табыны, в тот период поддерживала сибирского хана Кучума и его потомков Шибанидов-Кучумовичей. Так, в документе от 1663 г. содержатся следующие

строки: «... и они де башкирцы миритца не хотят до смерти своей, и ныне хотят притти под Уфу войною и ждуд Кучука царевича к себе; а как Кучюк царевич Сибирской дороги з башкирцы к ним придет, и они де башкирцы тотчас с ним придуд ...» (МИБ, 1936: 169). По сведениям Б.А. Азнабаева, к началу XVII в. в башкирском обществе сложилась такая ситуация, при которой сторонниками кучумовичей оказался крупнейший родоплеменной союз башкир – Табын, а также относительно небольшие роды Сынгрян, Кошсо и Бикатен. В то же время враждебную к кучумовичам (шибанидам) партию поддерживали родовые группы Айле, Сальзигут, Катай (Азнабаев, 2016: 273).

Перешедшие из-под власти царя на сторону Кучумовичей башкиры не считали себя «ворами» в трактовке Московского государства, а, скорее, сторонниками восстановления законной, с их точки зрения, власти Кучумовичей, которые ведут священную войну против неверных. Сведения османских архивов свидетельствуют об отправке башкирами представителей (послов) к правителям Крымского ханства и к Османским султанам. Договорные взаимодействия башкир с калмыками и казахами были сложными. Из среды последних в исследуемый период (XVII – первая треть XVIII вв.) даже приглашались представители чингизидов. Все эти обстоятельства подтверждают статус башкир как субъектов международных дел (Aznabaev, Kortunov, 2021: 1644).

Также отметим здесь, что в целях распространения власти на территорию современного северного и северо-западного Казахстана включается и Казахское ханство под предводительством хана Хакк-Назара (Исин, 2002: 88-89). Казахи называли башкир «естеки» («иштек»). Таким образом, в условиях, когда среди башкирских родов не было единства в политических вопросах, башкиры оказались включенными в орбиту сложной геополитической обстановки XVII столетия.

Знаковое событие произошло в 1694 г., когда башкиры посетили казахского правителя Тауке-хана и «шертовали», т.е. дали клятву о совместной борьбе, о чем свидетельствует документ от 1695–1696 гг. «Дело о спорных землях башкир на Сибирской стороне Урала», согласно которому «... были де оне башкирцы в Казачьей Орде и с Тевкихановыми людьми шертовали и договорились, чтоб им весною, соединясь всем вопче Казачьи Орды с людьми, притти на слободы войною... ». В этом же документе упоминаются свидетельства возвращенных из плена в Казачьей Орде о проживании среди Каракалпаков немалого количества башкир: «... да в Каракалпаках же живут башкирцы во многих юртах з женами и з детьми заодно и на войну ходят вместе, и вожем на слободы бывают оне ж башкирцы, а много ль человек, того не ведает... » (МИБ, 1936: 94). Как видно из многочисленных документов, в ходе подавления восстаний немало башкир оказалось в казахской и каракалпакской среде. По сведениям А.З. Валиди, после того как в 1683 г. русские пришли с большими силами и им удалось привлечь на свою сторону калмаков, освободительное движение было подавлено. Но возглавлявший это движение в течение 23 лет Саит Бахадир (Саит Жафер) скрылся в казахских степях, поскольку позже его сын принимал участие в башкирских восстаниях, приходя из страны казахов (Валиди, 1994: 56). Согласно документу от 1696 г., в Башкирию вернулось двести семей «Ногайской, Казанской, Осинской и Сибирских дорог» (РГАДА, Ф. 248. Кн. 132. Л. 89-910б.).

Были и обратные случаи, т.е. перемещения населения в Башкирию из южных степей. Подтверждением этого факта может служить прошение, поданное в сентябре 1734 г. Некто Жаубазар Казбулатов, действовавший от большой группы казахов (60 дворов «киргизцев»), в переписке с Российскими властями отмечает причины их переселения к башкирам: «... жили из давних годов под властью владельца калмацкого Аюки хана, по смерть его застали под властью Дондугумбы, и видя мы, нижайшие, направость и недоброй совести его Дондугумбы, сошед из той орды и пришли к ... башкирцом и жительство имеем у оных башкирцов» (РГАДА: Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 358). Историк А.И. Добросмыслов отмечает причины преимущественного размещения казахов в Башкирии: «вследствие неурядиц и обеднения многие киргизцы проявили большое стремление к переходу на жительство в Башкирию; особенно много бежало сюда семейств, членами которых были башкирские женщины, захваченные киргизами в плен, в разное время. Преимущественно киргизы бежали в 9-й, 6-й и 4-й башкирские кантоны. Многие из беглецов испрашивали разрешение пограничного начальства на водворение... » (Добросмыслов, 1901: 219).

5. Заключение

Период XVII – начало XVIII вв. оказался переломным в истории башкир и казахов. Он сопровождался существенными этно-демографическими и военно-политическими потрясениями. Усилившаяся колонизация башкирских земель, отход Московских правителей от условий вхождения башкирских родов в состав Московского государства вызвали череду кровавых башкирских восстаний, наиболее крупным из которых в тот период стал «Сеитовский бунт» 1676–1684 гг.: «Дорогой ценой приобрела себе этот край коренная Россия: много, даже очень много было пролито инородческой и русской крови на этом обширном прострaнствe прежде, чем оно было включено в состав Русского государства. Более двух веков, с небольшими перерывами, продолжалась упорная борьба Русского Правительства с инородческим населением этого края, особенно с главными обитателями его – башкирами», – писал российский историк В.Н. Витевский (Витевский, 1897: 118).

В восстаниях активное участие принимали казахи и каракалпаки, а в ряде случаев и калмыки. Идеологические и политические установки исторических деятелей калмыков, каракалпаков и казахов

XVII века помогают оценить степень их участия в восстаниях на территории исторического Башкортостана. Башкирские кланы нередко оказывались по разные стороны субъектов геополитического соперничества по причине отсутствия возможности самостоятельно противостоять «пороховым державам». Кроме того, в полном соответствии с ордынским правом на откочевку от хана башкиры неоднократно сменяли сюзеренов. В исследуемый период часть башкир в ответ на давление российского абсолютизма использовали традиционное договорное привлечение на ханское правление джучидов (потомков Чингизхана).

Анализ источников, представленный в статье, подтверждает важность комплексного восприятия истории взаимоотношений башкир, казахов и калмыков (ойрат-калмаков). В период, когда джунгары завоевали значительную часть Старшего и Среднего жузов, казахи получали поддержку других тюрко-мусульманских народов. Однако имеются многочисленные свидетельства ситуативных союзнических отношений (в частности, во время башкирских бунтов 1662–1664 гг. и 1681–1684 гг.), совместных военных действий, например, башкир с ойрат-калмаками. Усиление военно-политического взаимодействия московских правителей и калмыцких ханов, особенно после принятия последними русского подданства в 1655 г., серьезно усложнило геополитическое положение как для башкир, так и для казахов. При амбициозных правителях экспансия западных ойратов имела в своей основе борьбу за новые жизненные пространства. Как свидетельствуют источники, в некоторых случаях конфликт с казахами и другими народами в XVII в. принимал религиозный оттенок. Объективные факторы способствовали выработке калмыцкими и российскими правителями союзнической политики, отразившейся на положении башкир, ногайцев, крымцев, казахов.

Также отмеченные выше события привели к усилению казахско-башкирских этнокультурных связей, сближению этнической территории башкир и казахов. Последние потеснили башкир и заняли степи в долинах рек Орь, Тургай, Илек и др. вплоть до левобережья Яик, а также в долинах рек Тобол и Ишим (Есиль). Кроме того, немалая часть калмыков (калмаков) инкорпорировалась в казахском и башкирском народах, в составе последних даже сформировав в конце XVII – нач. XVIII вв. отдельную Калмакскую волость.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта «Казахское ханство во второй половине XV – первой половине XVIII вв.: этнополитическая история и внешняя политика» BR21882223.

Литература

- Азнабаев, 2016** – Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII–первой трети XVIII вв. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
- Акты исторические..., 1842** – Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 4 (1645–1675). (СПб.: Тип. II-го отд. собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. 592 с.
- Бакунин, 1995** – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 153 с.
- Бартольд, 1968** – Бартольд В.В. Калмыки / Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. 758 с.
- Быков, 2023** – Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.). Т.1: монография; отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. М.: ИВ РАН, 2023. 464 с.
- Валиди, 2014** – *Әхмәтзәки Вәлиди Туган*. Бөгөнгө төркиле Төркөстан һәм яқын тарихы. Көнбайыш һәм Төньяк Төркөстан. Өфө. Китап. 2014. 276 б. (Валиди Туган А.З. Сегодняшний Туркестан и его недавнее прошлое. Уфа: Китап, 2014. 276 с.)
- Валиди, 2010** – Валиди А.З. История башкир. Ахметзаки Валиди Тоган; [перевод с турецк. А.М. Юлдашбаева; авт. вступ. статей А.М. Юлдашбаев, И. Тоган] (перевод с турецкого). Уфа. Китап, 2010. 352 с.
- Валиди, 1994** – Валиди А.З. История башкир. История тюрков и татар (на баш.яз). Уфа: Китап, 1994. 350 с.
- Витевский, 1897** – Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: Историческая монография В.Н. Витевского. Казань: Типо-Литография В.М. Ключникова, 1897. 629 с.
- Добросмыслов, 1901** – Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // *Известия Оренбургского отд. Императорского РГО*. Оренбург, 1901. Вып. 16.
- Ермаков, 2008** – Ермаков В.В. История Набережных Челнов и региона восточное Закамье. Часть I. Издание 2-е, исп. и доп. Казань: Казан. гос. ун-т. 2008. 468 с.
- Ерофеева, 2007** – Ерофеева И.В. «Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик». Алматы: Дайк-пресс. 2007. 456 с.
- Исин, 2002** – Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV – XVI в. Семипалатинск. “Тенгри”, 2002. 139 с.
- МИБ, 1936** – Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. Издательство Академии наук ССР. М.-Л., 1936 (МИБ. Ч. 1). 631 с.

- Новиков, 1879** – *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, печатня Н. Блохина. 1879. 269 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Русско-монгольские..., 2000** – Русско-монгольские отношения 1685–1691: Сб. док. Отв. ред. Н.Ф. Демидова. М.: Изд. фирма «Восточная литература». РАН, 2000. 487 с.
- Рычков, 1999** – *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.
- Султангалиева, 2001** – *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX в.). Уфа: РУНМЦ Госкомнауки Респ. Башкортостан, 2001. 258 с.
- Тулепбергенов, 2014** – Тулепбергенов, Г.М. Этнополитические связи казахов и башкир в эпоху правления Абылай-хана // *Проблемы Востоковедения*. 2014. №1 (63). с. 34-38.
- Устюгов, 1947** – *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. в сб.: Исторические записки. Т. 24. Отв. ред. акад. Б. Д. Греков; Акад. наук СССР. Ин-т истории. Москва: Акад. наук СССР. 1947. 394 с. С. 30-110.
- Этюды..., 1929** – Этюды по истории Приволжских Калмыков. Ч. III и Ч. IV. Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Первый том исследования XVII век и начало XVIII века. Проф. Н.Н. Пальмов. Изд. Калм. Обл. Исполн. Комитета. Астрахань, 1929. 391 с.
- Юдин, 2001** – *Юдин В.П.* Центральная Азия в XIV-XVIII веках глазами востоковеда. Казахстанские востоковедные исследования. Алматы. Дайк-Пресс. 2001. 384 с.
- Aznabaev, Kortunov, 2021** – *Aznabaev B.A., Kortunov A.I.* Liquidation of Bashkir's Contractual Lending in 1725–1733 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1638-1649.

References

- Akti istorisheskyie..., 1842** – Akti istorisheskyie, sobranyie i izdanniye arheografisheskoiiu komissieu. T. 4. (1645-1675) [Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission. T. 4 (1645-1675)]. (Spb.: Tip II-go otd. Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, 1842. 592 p. [in Russian]
- Atigaeв, 2015** – *Atigaeв, N.A.* (2015). Kazahskoe hanstvo v sisteme mejdunarodnih otnosheniyi v Evraziyi [Kazakh Khanate in the system of international relations of Eurasia]. *Mir Bolsogo Altaiya*. 1(3): 200-211. [in Russian]
- Aznabaeв, 2016** – *Aznabaeв, B.A.* (2016). Baskirskoie obshestvo v XVII – pervoi treti XVIII vv. [Bashkir society in the 17th - first third of the 18th centuries]. Ufa: RITS BashGU, 370 p. [in Russian]
- Aznabaeв, Kortunov, 2021** – *Aznabaeв, B.A., Kortunov, A.I.* (2021). Liquidation of Bashkir's Contractual Lending in 1725–1733. *Bylye Gody*. 16(4): 1638-1649.
- Bakunin, 1995** – *Bakunin, V.M.* (1995). Opisanie kalmikskih narodov, a osoblivo iz nih Torgoutskogo, i postupkov ih hanov vkadeltsev/Sothinenie 1761 goda [Description of the Kalmyk peoples, and especially of the Torgout people, and the deeds of their khans and owners. The 1761 essay]. Elista: Kalmitskoe knizhnoie izdatelstvo, 153 p. [in Russian]
- Bartold, 1968** – *Bartold, V.V.* (1968). Kalmiki [Kalmyks]. V.V.Bartold. Soshineniya. T. V. M.: Nauka, 758 p. [in Russian]
- Bykov, 2023** – *Bykov, A.Yu.* (2023). Rossiyskaya politika v Stepnykh oblastiakh i transformatsiya kazahskogo obshchestva (1731-1917 gg.) [Russian Politics in the Steppe Regions and the Transformation of Kazakh Society (1731-1917)]. T. 1. Monografiya; otv. red. A.Sh. Kadyrbaev. M.: IV RAN, 464 p. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1901** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1901). Turgayskaya oblast. Istoricheskiy ocherk [Turgai region. Historical essay]. Izvestiya Orenburgskogo otd. Imperatorskogo RGO. Orenburg. Vyp. 16. [in Russian]
- Ermakov, 2008** – *Ermakov, V.V.* (2008). Istoriya Naberezhnih Shelnov i regiona vostoshnoe Zakamie. Shast I [History of Naberezhnye Chelny and the Eastern Zakamye region. Part I] V.V. Ermakov. Izdanie 2-e, isp i dop. Kazan: Kazan. gos. un-t. 468 p. [in Russian]
- Erofeeva, 2007** – *Erofeeva, I.V.* (2007). “Khan Abulhayir: polkovodets, pravitel, politik” [Khan Abulhair: military leader, ruler, politician]. Almaty: Daik-press. 456 p. [in Russian]
- Etyudy..., 1929** – Etyudy po istorii Privolzhskih Kalmikov. Sh. III i Sh. IV. Ogranishitelni meropriatiya pravitelstva v otnoshenii kalmikov. Perviyi tom issledovaniya XVII vek i nashalo XVIII veka [Etudes on the History of the Volga Kalmyks. Ch. III and Ch. IV. Restrictive measures of the government in relation to the Kalmyks. The first volume of the study of the XVII century and the beginning of the XVIII century]. Prof. N.N. Palmov. Izd. Kalm. Obl. Uspoln. Komiteta. Astrahan, 1929. 391 p. [in Russian]
- Isun, 2002** – *Isun, A.* (2002). Kazahskoe hanstvo i Nogaiskaya Orda vo vtoroi polovine XVI – XVI v. [Kazakh Khanate and Nogai Horde in the second half of the XV-XVI centuries]. Semipalatinsk. “Tengri”, 139 p. [in Russian]
- MIB, 1936** – Materiali po istorii Bashkirskoi ASSR. Sh. 1. Bashkirskiye vosstanya v XVII i pervoi polovini XVIII vv. [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Ч. 1. Bashkir uprisings in the XVII and the first half of the XVIII centuries]. Izdatelstvo Akademii nauk SSR. M-L., 1936. 631 p. [in Russian]
- Novikov, 1879** – *Novikov, V.A.* (1879). Sbornik materialov dlia istotii Ufimskogo dvorianstva [Collection of materials for the history of the Ufa nobility]. Ufa, peshatniya N. Blohina. 269 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnih aktov [The Russian state archive of ancient acts].

- Rishkov, 1999 – Rishkov, P.I. (1999). Topografiya Orenburgskoi gubernii [Topography of Orenburg province]. Ufa: Kitap, 312 p. [in Russian]
- Russko-mongolskiye..., 2000 – Russko-mongolskiye otnosheniya 1685-1691 [Russian-Mongolian relations 1685-1691]. Sb. Dok. Otv. Red. N.F. Demidova. M.: Izd. Firma “Vostoshnaya literatura”. RAN. 487 p. [in Russian]
- Sultangulov, 2001 – Sultangulov, G.S. (2001). Zapadnii Kazakhstan v sisteme etnokulturnih kontaktov (XVIII – nash. XX v.) [Western Kazakhstan in the system of ethno-cultural contacts (XVIII – early XX centuries)]. Ufa: RUNMS Goskonnauki Resp. Bashkortostan, 258 p. [in Russian]
- Tulepbergenov, 2014 – Tulepbergenov, G.M. (2014). Etnopoliticheskie svyazi kazahov i bashkir v epohy pravleniya Abilai-hana [Ethno-political relations between Kazakhs and Bashkirs in the era of Abylai Khan's reign]. *Problemy Vostokovedeniya*. 1(63): 34-38. [in Russian]
- Ustugov, 1947 – Ustugov, N.V. (1947). Bashkirskoe vosstanie 1662-1664 gg. [The Bashkir uprising of 1662-1664 years]. V sb.: *Istoricheskiye zapiski*. T. 24. Otv. red. B.D. Grekov; Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. Institut Istorii. Moskva: Akad. nauk SSSR. 394 p. [in Russian]
- Validi, 1994 – Validi, A.Z. (1994). Istoriya bashkir. Istoriya turkov i tatar [History of the Bashkir. History of the Turks and Tatars]. Ufa. Kitap. 350 p. [in Bashkir]
- Validi, 2010 – Validi, A.Z. (2010). Istoriya bashkir [History of the Bashkir] [perevod s turetsk. A.M. Uldashbaev]. Ufa. Kitap. 352 p. [in Russian]
- Validi, 2014 – Validi, T. (2014). Segodnyashii Turkestan i ego nedavnee proshloe [Today's Turkestan and its recent past]. Ufa: Kitap. 276 p. [in Bashkir]
- Vitevskiy, 1897 – Vitevskiy, V.N. (1897). I. I. Nepliyev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 g. [V.N. Nepliyev and the Orenburg region in its former composition before 1758]. *Istoricheskaya monografiya V.N. Vitevskogo*. Kazan: Tipo-Litografiya V.M. Klyuchnikova. Pp. 178-369. [in Russian]
- Yudin, 2001 – Yudin, V.P. (2001). Tsentralnaya Aziya v XIV-XVIII vv. glazami vostokoveda [Central Asia in the XIV-XVIII centuries through the eyes of an orientalist]. Almaty. Daik-press. 384 p. [in Russian]

Казахско-башкирское военно-политическое взаимодействие в период экспансии западных ойратов (калмыков) и башкирских восстаний XVII в.

Рафил Рифгатович Асылгужин ^{a,*}, Азамат Хурматович Рыскильдин ^b, Жаксылык Муратович Сабитов ^a

^a НИИ Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Республика Казахстан

^b ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

Аннотация. События казахско-джунгарской войны и вызванная этим миграция к началу XVII в. значительной части казахских родов из районов Семиречья, Южного Казахстана в западном и северо-западном направлении активизировали казахско-башкирские этнические, военные и политические взаимоотношения. Сложная геополитическая обстановка XVI-XVII столетий, когда шло противостояние и взаимодействие Московии, Ногайской Орды, Сибирского ханства и Казахского ханства, наложилась на усиление взаимодействия башкир, казахов и других тюркоязычных народов с западными ойратами (калмыками) в период экспансии последних. В статье анализируются сведения об участии казахов и каракалпаков в башкирских восстаниях второй половины XVII в. Рассматриваются причины и цели мероприятий царского правительства по противодействию союзу тюркоязычных народов с калмыками, вопросы подданства башкир и калмыков, а также башкиро-калмыкские военно-политические взаимодействия. Дан анализ сложного политико-правового статуса башкир в рассматриваемый период. Наряду с фактами заключений клятв («шертования») о совместной борьбе башкир и казахов складываются предпосылки для постепенного перехода политических покровителей башкир от кучумовичей к представителям казахских правящих династий.

Ключевые слова: башкирские восстания, башкиры, казахи, каракалпаки, калмыки, ойраты, миграция, подданство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: asrafil@yandex.ru (Р.Р. Асылгужин), zh.sabitov@gmail.com (Ж.М. Сабитов), azamat.ryskildin@gmail.com (А.Х. Рыскильдин)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 15-22
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.15

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Kalmyks of the Russian Empire in the System of International Relations of Inner Asia (first half of the 18th century)

Alexander Sh. Kadyrbayev ^{a,*}, Evgeniy A. Komandzhaev ^b, Ludmila V. Okonova ^b

^a Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to a topical issue – foreign policy contacts of the Kalmyk Khanate. This Volga region entity actively interacted with the Dzungar Khanate, Qing China and Tibet. The place of the Kalmyks in the system of intra-Asian relations in the second half of the 18th century is analyzed. The article is based on the introduction of Russian archival materials into scientific circulation. Currently, there are only a few works on the topic under study. In addition, the need for a comprehensive and in-depth study of this problem dictates the use of interdisciplinary and civilizational-cultural approaches. A comprehensive analysis of the development of relations between the Volga region Kalmyks and the Dzungar Khanate, Tibet and the Qing empires in Inner Asia in the middle of the 18th century is the goal of this work, since it will clarify many events that had a significant impact on the historical fate of the Kalmyk people. The authors presented and analyzed archival materials and scientific literature. The time frames of the study chosen by the authors correspond to the task at hand, since provide an opportunity to trace the evolution of the relationship between the Volga Kalmyks in the system of international relations in Inner Asia in the first half of the 18th century. The article uses the following methodological principles: objectivity, historicism, and comprehensiveness. The Kalmyk factor played a significant role at that time in international relations in Inner Asia, which even the suzerain of the Kalmyk Khanate, the Russian Empire, could not ignore. The military potential of the Kalmyks attracted even Qing China, which was fighting with the Dzungar Khanate for hegemony in Inner Asia.

Keywords: Russian Empire, Kalmyk Khanate, Kalmyks, Tibet, Dalai Lama, Qing China, Ayuka Khan, Dzungar Khanate, international relations, foreign policy.

1. Введение

В середине XVII века на территории Российской империи появилось новое образование – Калмыцкое ханство, основанное частью ойратских племен, принявших российское подданство и заселивших Нижнее Поволжье и Северный Прикаспий. Получившие новое этническое название калмыки еще долгое время сохраняли взаимоотношения с центральноазиатскими народами, особая активность которых наблюдалась в первой половине XVIII века. В этот период калмыки заняли обширную территорию на юге России и стали одной из главных сил, обеспечивавших российское доминирование в данном регионе. Взаимоотношения калмыков с Джунгарским ханством, Тибетом и Китаем служили составной частью восточной политики России. Кроме того, история русско-калмыцких отношений, а также связи с джунгарами, тибетцами, маньчжурами и китайцами в первой половине XVIII века отчетливо показывает поступательное развитие калмыцкого кочевого государства.

* Corresponding author

E-mail addresses: komandzhaev@mail.ru (A.Sh. Kadyrbayev)

2. Материалы и методы

Эмпирической базой исследования выступают документы, которые хранятся в российских архивохранилищах:

1) Материалы Архива внешней политики Российской империи (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация);

2) Опубликованные материалы, к ним относится сборник документов «Международные отношения в Центральной Азии XVII-XVIII вв. Документы и материалы» ([Международные отношения..., 1989](#)).

Методологическая база работы основана на применении цивилизационно-культурного подхода, позволившего оценить факты и материалы как часть культуры калмыцкого кочевого народа. Социологический позитивизм как научный подход позволил определить социальные истоки властных институтов. При анализе и интерпретации материала использованы классические исторические принципы: объективность, историзм, всесторонность.

3. Обсуждение

Изучение указанной проблемы имеет вековую традицию. Одной из первых книг, посвященных положению калмыков в рассматриваемый период, является работа В.М. Бакунина ([Бакунин, 1939](#)). В первой половине XIX века в трудах российских ученых Н.Я. Бичурина ([Бичурин, 1995](#)), С.М. Соловьева ([Соловьев, 1865](#)) и других рассматриваются различные аспекты внешней политики России и взаимоотношений калмыков с народами Внутренней Азии.

В исследованиях советских ученых И.В. Златкина ([Златкин, 1983](#)), Н.Н. Пальмова ([Пальмов, 1922](#); [Пальмов, 1926](#)) и других расширяется источниковая база, углубляется проблематика вопроса.

В работах современных историков Е.Л. Беспрозванных ([Беспрозванных, 2001](#); [Беспрозванных, 2008](#)), Г.Б. Избасаровой ([Избасарова, 2022](#)), Ж.Б. Кундакбаевой ([Кундакбаева, 2005](#)), А.В. Цюрюмова ([Цюрюмов, 2003а](#); [Цюрюмов, 2003б](#); [Цюрюмов, 2005](#); [Цюрюмов, 2006](#); [Цюрюмов, 2007](#); [Цюрюмов, 2019а](#); [Цюрюмов, 2019б](#)), В.Т. Тепкеева ([Тепкеев, 2018](#); [Тепкеев, 2020](#)) представлены ценные наблюдения об истории калмыков Поволжья и о взаимоотношениях Калмыцкого ханства с народами Внутренней Азии.

4. Результаты

Предками калмыков являлись ойраты – западномонгольские племена, кочевавшие в степях Центральной Азии. В конце XII – начале XIII вв. ойратские племена представляли собой племенной союз, вошедший впоследствии в империю Чингисхана. В конце XIV столетия на территории Западной Монголии четыре самых крупных западно-монгольских племен образовали Ойратский союз. До XVII в. ойраты считались частью Монгольской империи, хотя фактически ойратские правители обладали полной самостоятельностью. При этом ойраты постоянно вели войны с восточномонгольскими правителями, а также междоусобные войны за пастбищные территории.

На рубеже XVI-XVII вв. ойратский союз состоял из пяти крупных этнополитических объединений: хошутов, торгутов, дербетов, джунгаров и хойтов. Военные неудачи, потеря части территории вынуждали искать новые места для проживания, поэтому в начале XVII в. племена торгутов и дербетов с частью хошутов стали перемещаться на северо-запад, в малонаселенные степные пространства Южной Сибири, которые были территорией России.

Предводитель самой многочисленной этнополитической группировки торгутов Хо-Урлюк первым из ойратов вступил в контакт с воеводой г. Тары в 1606 г. и просил разрешения кочевать по р. Ишим и торговать в Таре. В 1607–1608 гг. ойратские племена торгутов и дербетов продолжали кочевать в районе Тары и Томска. Ойратские правители согласились принять российское подданство и платить дань скотом. В 1608 г. царь Василий Шуйский принял группу, представлявшую калмыцких правителей, которая подтвердила желание калмыков стать подданными российского государства, что позволило бы ойратам кочевать в Западной Сибири и беспопытно торговать в русских городах. Ойратские нойоны (князья) и тайши обязывались платить дань скотом и при необходимости помогать в обороне русских крепостей. Ойратские племена торгутов, дербетов и хошутов начали постепенное переселение в пределы России. В пределах России появилось и название «калмыки».

Развитие русско-калмыцких отношений в первой половине XVII в. было непростым. Калмыки отличались от сибирских народов, поэтому способы управления, которые применялись российскими властями по отношению к сибирским народам, не подходили калмыкам. Были и военные столкновения калмыков с русскими войсками. В 1635 г. в Центральной Азии образовалось Джунгарское ханство, что повлекло отток населения некоторых калмыцких улусов обратно на историческую родину.

Однако объективные условия способствовали более тесному сближению калмыков с Россией: калмыцким кочевникам нужна была торговля с оседлыми народами. Калмыки продавали скот и продукты животноводства, а покупали товары, которые сами не производили. Для кочевых цивилизаций исключительно важным было взаимодействие с оседлыми народами. Прежние военные

набеги кочевников на соседей ушли в прошлое. Именно в пределах России для калмыцкого кочевого общества сложились условия, способствующие поступательному развитию.

В 30–40-е гг. XVII в. калмыками было занято междуречье Эмба и Яик, позже – территория между Яиком и Волгой. Затем, перейдя на правобережье Волги и тесня кочевавшие здесь ногайские племена, они заняли северо-прикаспийскую территорию. Таким образом, калмыки уверенно осваивали Предкавказье и Северный Прикаспий.

Калмыки, как и другие этносы, обладая уникальными цивилизационно-культурными чертами, оказались на юге России в совершенно ином цивилизационном окружении, среди народов, отличавшихся от них антропологическим типом, языком, религией. Это способствовало быстрейшему формированию национальной государственности калмыков, что, в свою очередь, послужило средством защиты их национальной идентичности и суверенитета.

С древних времен Россия являлась многонациональным государством, в котором разные народы, сохраняя свою уникальность, вполне уживались. Российское правительство применяло различные инструменты интеграции новых подданных и организации их адаптации к политическим, социально-экономическим и культурным условиям.

В середине XVII столетия в пределах России складывается автономное Калмыцкое ханство, при этом государственность в виде ханства возникла достаточно быстро, так как у калмыков уже были государственно-правовые традиции. Традиционные институты верховной и публичной власти, существовавшие у калмыков и появившиеся еще в монгольскую эпоху, были принесены в пределы России. Российское правительство также было заинтересовано в централизации власти в калмыцком обществе.

Учитывая важное значение буддизма и высокий авторитет главы буддистов Далай-ламы, временем образования Калмыцкого ханства можно считать 1647 г., когда предводителю калмыков Дайчину была вручена грамота Далай-ламы на ханское достоинство. При этом Дайчина признавали главой калмыков некоторые соседи и ойратские правители. Однако официальное признание Калмыцкого ханства со стороны Российского правительства состоялось позже, несмотря на то, что российские власти признавали калмыцкие национальные институты власти.

Калмыцкое ханство, хотя и находилось под покровительством России не только при первых своих правителях, но и позже, особенно в период правления Аюки-хана, самого знаменитого правителя в его истории, однако имело широкую автономию в своей внутренней политике, а также обладало относительной свободой в установлении связей с другими государствами. Именно при правлении Аюки-хана, который в 1669 году пришел к власти, произошло усиление Калмыцкого ханства. Внешне это выразилось в том, что Аюка был признан в ханском достоинстве и религиозным правителем Тибета – Далай-ламой (главой ламаистской или тибетской ветви буддизма, приверженцами которой были калмыки) и русским царем Петром I, в отличие от своих предшественников во власти. Так, например, Дайчин, правитель волжских калмыков, в 1655 году получил от Далай-ламы титул хана, от которого позже отказался, а первого правителя Калмыцкого ханства Мончака ни Далай-лама, ни русские власти не удостоили ханских регалий, и Москва признала его лишь в качестве главного тайши (Избасарова, 2022: 138-139). Об официальном признании Калмыцкого ханства Россией свидетельствует подписание 17 июля 1697 г. «Договорных статей, учиненных на реке Камышенка, между Калмыцким ханом Аюкой и боярином князем Борисом Голицыным», в которых калмыцкого правителя впервые назвали ханом. Необходимо подчеркнуть, что фактически Калмыцкое ханство возникло раньше, и соседние государства, а также монгольские и ойратские правители признавали титул калмыцкого хана (Тепкеев, 2020: 3-4).

Аюка-хан смог установить тесные личные взаимоотношения с Петром I, что позволило калмыцкому хану приобрести большое влияние и широкие полномочия, признаваемые российскими властями. Петр был единственным из русских государей, посетивших Калмыцкое ханство и кочевья калмыков, где был торжественно принят калмыцким ханом. В 1722 г. Аюка-хан с женой и детьми был принят императором Петром I в районе Саратова (Бакунин, 1939: 205).

Аюка-хан поддерживал связи не только с сопредельными с Калмыцким ханством государствами, но и с далекими от Нижнего Поволжья, например, с империей Цин – государством маньчжурских богдыханов. Оно включало в свой состав Китай, Маньчжурию, Монголию, свидетельством чему является цинское посольство во главе с Тулишэнем ко двору хана Аюки в июне 1712 года, а также с теократическим Тибетом, где правил Далай-лама, куда с согласия царя Петра I в 1709–1714 годах отправились послы калмыцкого хана, посетившие эту страну, а затем Пекин – столицу Цинской империи, где им дал неофициальную аудиенцию ее император Канси, что стало для цинских властей поводом для отправки в Калмыцкое ханство вышеупомянутого посольства Тулишэня. Поддерживали связи калмыки и со своими сородичами ойратами, создавшими последнюю кочевую империю во Внутренней Азии – Джунгарское ханство. Это нашло выражение в династийном браке дочери Аюки-хана Сетерджаб с правителем Джунгарского ханства (Бакунин, 1995: 23-27) хунтайджи Цэваном-Рабданом, а сам Аюка был женат на Дарма-Бале, двоюродной сестре этого джунгарского правителя. Однако в 1700–1704 годах происходит ухудшение калмыцко-джунгарских

отношений из-за того, что джунгарский хунтайджи «Аюке учинил великую обиду» (РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 26. Лл. 457-458об.).

После ссоры с отцом один из сыновей Аюки-хана в конце XVII – самом начале XVIII вв. вернулся в Джунгарию (Златкин, 1983: 221-222). Этот инцидент описывается в русском документе «Записка о переговорах в Сенате с цинскими послами по джунгарскому вопросу от 9 февраля 1731 года».

В «Записках» говорится о том, что, когда сын Аюки-хана Санжиц, послушавшись отца, состоявшего вместе с калмыцким народом уже долгое время в подданстве Российского государства, с частью улусов ушел к контайше, Аюка пожаловался императору, что ушедшие с сыном улусы привели к усилению Цон Араптана, и это позволило ему пойти с войсками в Тибет (АВПРИ. Ф.62/1. Сношения России с Китаем. 1731. Д. 9. Л. 1-2).

Что касается цинского посольства 1712 года к калмыкам, то его появление в их кочевьях было вызвано стремлением маньчжурского богдыхана воспользоваться ухудшением калмыцко-джунгарских отношений и вовлечь хана Аюку в союз против Джунгарского ханства. Это вызвало беспокойство российских властей, поскольку данная ситуация не отвечала интересам России и ставила под угрозу безопасность русской Сибири, пограничной с Джунгарским ханством, о чем свидетельствует «Доношение сибирского губернатора М.П. Гагарина канцлеру Г.И. Головкину о намерении цинского правительства направить посольство к хану поволжских калмыков Аюке» от 30 августа 1712 года (Международные отношения ..., 1989: 229-231).

Калмыцкие ханы поддерживали отношения и с далеким Тибетом, о чем сообщает упомянутое выше «доношение» Гагарина Головкину о просьбе Аюки-хана пропустить через Сибирь паломников к Далай-ламе и о получении разрешения царя. То есть Аюка-хан с позволения русского царя отправил своих людей к религиозному правителю Тибета Далай-ламе, где находились святы места ламаистской ветви буддизма, приверженцами которой были калмыки. Тибет был центром ламаистской ветви буддизма и местом паломничества его последователей, к которым относилось большинство монголоязычных народов: монголов, ойратов, калмыков, бурят. Однако визит калмыцкого посольства в Тибет вызвал протест русских властей в Сибири, о чем свидетельствует уже приведенный выше документ-донесение губернатора Сибири канцлеру Головкину с просьбой к российскому императору не разрешать калмыкам паломничество в Тибет, а также не пропускать послов империи Цин к хану Аюке.

Данная просьба объяснялась невозможностью узнать точные цели китайского посланца по важному делу (Китай никогда и никуда не посылал послов). Как стало известно из других источников, целью являлось намерение склонить Аюку к войне с правителем Джунгарского ханства. Видимо, он представлял опасность для Цинского Китая, поскольку кочевал вдоль китайских границ и в непосредственной близости от сибирских городов. Русский губернатор считал, что поражение джунгарского правителя усугубит ситуацию в Сибири, так как произойдет соприкосновение русской границы с китайской и усилится близость Китая со многими сибирскими городами – от Красного Яра до Тюмени. Он просил царя своим указом запретить Аюке воевать с джунгарским хунтайджи, чтобы не нарушить мирные отношения с ним. По его мнению, пропускать через Сибирь и Китай посланцев и людей Аюки не следовало (Международные отношения..., 1989: 229-231). Таким образом, губернатор уверял государя в том, что сибирского контайшу надо всячески оберегать и защищать от китайцев, а также не допускать объединения Аюки с китайцами.

Российское правительство и власти империи Цин высоко оценивали военную мощь Калмыцкого ханства, если без волжских калмыков Китай опасался начинать военные действия против Джунгарского ханства. Калмыцкое ханство обладало эффективной военной организацией и оружием, даже артиллерией, т.к. русские власти Астрахани и Уфы обязались в случае калмыцких походов «снабжать хана Аюку артиллерией с достаточным количеством ядер и бомб», ежегодно выдавать по 20 пудов пороха и 10 пудов свинца (Бичурин, 1991: 38).

Тем не менее, в истории войн калмыков число участвующих в самых больших походах составляло не более 20 или 40 тысяч воинов, в то время как в Цинской империи насчитывалось к тому времени до 300 миллионов подданных, и ее войска, ведущие боевые действия против Джунгарского ханства, насчитывали триста тысяч воинов, т.е. обладали военным потенциалом, на первый взгляд, несопоставимым с калмыцким. Исходя из этих соображений, логично предположить высокую боеспособность калмыцких воинов и эффективность их военной организации.

О степени обеспокоенности России действиями Аюки-хана во Внутренней Азии свидетельствует внимание к ним высших инстанций. По указу от 26 ноября 1712 г. предписано было китайского посланца препроводить в Казанскую губернию, обеспечивая по дороге всем необходимым. По прибытии к Аюке необходимо было выведать цели приезда. В случае намерения китайцев склонить Аюку к войне с джунгарским правителем нужно было отговорить калмыцкого хана, о чем уведомить казанского и сибирского губернаторов царским указом (АВПРИ. Ф. 62/1. 1729. Д. 8. Л. 82об.-83).

Однако при всем беспокойстве высших российских властей по поводу внешнеполитической деятельностью калмыцкого хана они все-таки избегали запретов в отношении действий Аюки-хана и даже обеспечивали всем необходимым его возвращающихся из Китая и Тибета послов, что

свидетельствует о влиянии, которое Аюка-хан оказывал на российско-джунгарские и российско-цинские отношения.

Опасения быть втянутыми в войну против Джунгарского ханства сохранялись у русских властей достаточно долго. Через четыре года появляется очередное письмо сибирского губернатора М.П. Гагарина кабинет-секретарю А.В. Макарову от 21 февраля 1716 года о предложении цинского двора правительству России выступить совместно против Джунгарского ханства. В письме выражалось беспокойство о возможных самостоятельных действиях хана Аюки и желание письменного подтверждения того, что он будет слушать сибирского губернатора, когда речь пойдет о государственных делах. Далее М.П. Гагарин пишет о том, что захват китайцами земель Джунгарского ханства невыгоден России. Он объяснял это тем, что джунгарский хунтайджи кочует на сибирских землях, а война с ним не нужна (РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 26. Л. 457-458об.).

Из этого письма видно, что власти России поддерживали с Джунгарским ханством разносторонние отношения, в частности, торговые, и надеялись склонить правителя Джунгарского ханства принять подданство Российской империи, а действия хана Аюки в поддержку империи Цин явно этому не способствовали. Аюка-хан не считался с мнением властей, в частности, сибирского губернатора, который апеллировал к царю, чтобы правителя калмыков поставили под его контроль, хотя это была не первая его просьба, так как и четыре года назад он просил царя запретить Аюке-хану поддерживать связи с империей Цин, но безуспешно.

Но и при преемниках Аюки-хана цинские власти не оставляли надежды на военную поддержку Российской империи в их борьбе с Джунгарским ханством, когда в 1730 г. из Пекина в Россию отправили посольство в составе 54 человек, причем часть этой свиты должна была ехать с визитом к волжским калмыкам (Международные отношения ..., 1989: 277). Формальным поводом для цинского посольства в Россию являлось поздравление нового императора Петра II в связи с его восшествием на российский престол. Однако к прибытию цинского посольства в Москву Петр II умер и на троне уже находилась императрица Анна Иоанновна, что побудило цинский двор в том же 1731 году отправить в Россию новое посольство с теми же задачами, основной из которых было намерение склонить волжских калмыков к войне против Джунгарского ханства (Моисеев, 1983: 98).

Сибирский вице-губернатор А.Л. Плещеев писал императрице Анне Иоанновне 30 марта 1732 года о том, что цинское правительство по-прежнему желало использовать в борьбе с Джунгарским ханством военные силы волжских калмыков. Иркутский вице-губернатор Жолобов 4 декабря 1731 г. тоже писал, что контайша (правитель Джунгарского ханства. – Авт.) нанес большой урон китайской армии, поэтому от китайского двора отправили послов к волжским калмыкам, чтобы поднять их на контайшу. Тобольская губернская канцелярия сообщала, что посланцы наместника Черен-Дондука (Черен-Дондука – Авт.), прибывшие из Саратова, проехали через Сибирь к Далай-ламе в Пекин, и опасалась в связи с этим тайного сговора волжских калмыков с китайцами и войны без разрешения российских властей с джунгарским правителем Галдан-Цэрэном.

Осознавая нависшую над ними опасность, правители-хунтайджи Джунгарского ханства пытались восстановить отношения с Калмыцким ханством, о чем свидетельствует миссия ойратского посла Донрюнга, направленного в 1741 году к волжским калмыкам. Он дошел до Самары, но в пути заболел и умер (Международные отношения..., 1989: 303).

Российские власти старались отслеживать контакты поволжских калмыков с иностранными державами. Последние из-за действий калмыцких послов опасались быть втянутыми в конфронтацию с Джунгарским ханством, которое в это время вело успешную войну с империей Цин, нанеся ей ряд поражений в Халхе и заняв крупный религиозный центр ламаизма в Северной Монголии – монастырь Эрдени-Дзу.

5. Заключение

Таким образом, несмотря на огромную удаленность Калмыцкого ханства от пределов Джунгарского ханства, калмыцкий фактор играл весомую роль в международных отношениях, с чем не мог не считаться даже сюзерен Калмыцкого ханства в лице Российской империи, не говоря уже об империи Цин, которая в борьбе с Джунгарским ханством стремилась использовать военный потенциал поволжских калмыков.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда №23-18-20019 «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России» (<https://grant.rscf.ru/project/23-18-20019/>).

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Бакунин, 1939 – Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа // *Красный архив*. 1939. № 3 (94). С. 184-254.

- Бакунин, 1995** – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев соч. 1761 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Беспрозванных, 2001** – Беспрозванных Е.Л. Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. 354 с.
- Беспрозванных, 2008** – Беспрозванных Е.Л. Калмыцко-китайские отношения в XVIII веке. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2008. 370 с.
- Бичурин, 1991** – Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста. 1991. 128 с.
- Златкин, 1983** – Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. Изд. 2-е. М.: Наука, 1983. 410 с.
- Избасарова, 2022** – Избасарова Г.Б. Западный Казахстан в региональной политике Российской империи (XVIII – начало XIX вв.). Актобе: Принт А, 2022. 358 с.
- Китинов, 2020** – Китинов Б.У. Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.): дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.03; [Место защиты: ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук]. Москва, 2020. 546 с.
- Кундакбаева, 2005** – Кундакбаева Ж.Б. "Знаком милости Е.И.В...". Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. Москва, СПб.: АИРО-XXI; Дмитрий Буланин, 2005. 303 с.
- Международные отношения..., 1989** – Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Книга I. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 375 с.
- Моисеев, 1983** – Моисеев В.А. Дело Шоно Лаузана // *Общество и государство в Китае*. Т. XIV. Ч. 2. М., 1983. С. 96-102
- Пальмов, 1922** – Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России. Астрахань, 1922. 159 с.
- Пальмов, 1926** – Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 1. Астрахань, 1926. 260 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Тепкеев, 2018** – Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время. Элиста: Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2018. 366 с.
- Тепкеев, 2020** – Тепкеев В.Т. Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой половине XVIII века: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук : специальность 07.00.02; [Калмыцкий ИЦ РАН]. Улан-Удэ, 2020. 44 с.
- Цюрюмов, 2003а** – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство и Джунгария: этапы межгосударственных отношений / *Россия, Запад и Восток: история взаимоотношений. Материалы всероссийской научной конференции*. СПб., 2003. С. 90–93.
- Цюрюмов, 2003б** – Цюрюмов А.В. Геополитическое положение Калмыцкого ханства в XVII–XVIII вв. // *Астраполис*. № 4–5. 2003. С. 29-30.
- Цюрюмов, 2005** – Цюрюмов А.В. Калмыцко-джунгарские отношения в XVII веке / *Образование, культура и гуманитарные исследования Восточной Сибири и Севера в начале XXI («Байкальские встречи – V»)*. Улан-Удэ, 2005. С. 201-206.
- Цюрюмов, 2006** – Цюрюмов А.В. Калмыцко-китайские отношения в конце XVII – первой четверти XVIII вв. // *Известия ВУЗов. Северокавказский регион. Общественные науки. Приложение*. 2006. № 5. С. 164-170.
- Цюрюмов, 2007** – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007. 462 с.
- Цюрюмов, 2019а** – Цюрюмов А.В. О калмыцко-китайских контактах в восточной политике Петра I / *Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве: Материалы III Международного научного форума, Элиста, 11–14 ноября 2019 года*. Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 2019. С. 409-410.
- Цюрюмов, 2019б** – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в международных отношениях в Центральной Азии (середина XVIII века) / *Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве: Материалы III Международного научного форума, Элиста, 11–14 ноября 2019 года*. Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 2019. С. 59-61.
- Соловьев, 1991** – Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. М.: Мысль, 1989–1991.

References

- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire].
- Bakunin, 1939** – Bakunin, V. (1939). Opisanie istorii kalmyckogo naroda [Description of the history of the Kalmyk people]. *Krasnyj arhiv*. 3(94): 184-254. [in Russian]
- Bakunin, 1995** – Bakunin, V.M. (1995). Opisanie kalmyckih narodov, a osoblivo iz nih torgoutskogo, i postupkov ih hanov i vladel'cevsoch. 1761 g. [Description of the Kalmyk peoples, and especially the Torgout people, and the actions of their khans and rulers, comp. 1761]. Elista: Kalm.kn.iszd-vo, 153 p. [in Russian]

- Besprozvannyh, 2001** – *Besprozvannyh, E.L.* (2001). Lidery Tibeta i ih rol' v tibeto-kitajskih otnoshenijah XVII–XVIII vv. [Leaders of Tibet and their role in Tibetan-Chinese relations in the 17th–18th centuries]. Volgograd: Izd-vo Volgogr. gos. un-ta, 354 p. [in Russian]
- Besprozvannyh, 2008** – *Besprozvannyh, E.L.* (2008). Kalmycko-kitajskie otnosheniya v XVIII veke [Kalmyk-Chinese relations in the 18th century]. Volgograd: Volgogradskij gos. un-t, 370 p. [in Russian]
- Bichurin, 1991** – *Bichurin, N.YA. (Iakin'f)* (1991). Istoricheskoe obozrenie ojratoj ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni [Historical overview of the Oirats or Kalmyks from the XV century to the present]. 2-e izd. Elista. 128 p. [in Russian]
- Izbasarova, 2022** – *Izbasarova, G.B.* (2022). ZapadnyjKazahstan v regional'noj politike Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XIX vv.) [Western Kazakhstan in the regional policy of the Russian Empire (XVIII – early XX centuries)]. Aktoke: Print A, 358 p. [in Russian]
- Kitinov, 2020** – *Kitinov, B.U.* (2020). Buddijskij faktor v politicheskoj i jetnicheskoj istorii ojratoj (seredina XV v. – 1771 g.) [The Buddhist factor in the political and ethnic history of the Oirats (mid-15th century – 1771)]: diss. ... dokt. istor. nauk: 07.00.03; [Mesto zashhity: FGBUN Institut vostokovedeniya Rossijskoj akademii nauk]. Moskva, 546 p. [in Russian].
- Kundakbaeva, 2005** – *Kundakbaeva, Zh.B.* (2005). "Znakom milosti E.I.V...". Rossiya i narody Severnogo Prikaspiya v XVIII veke ["By a sign of H.I.V.'s mercy...". Russia and the peoples of the Northern Caspian region in the 18th century]. Moskva, SPb.: AIRO-XXI; Dmitrij Bulanin, 303 p. [in Russian]
- Mezhdunarodnye otnosheniya..., 1989** – *Mezhdunarodnye otnosheniya v Central'noj Azii. XVII–XVIII vv. Dokumenty i materialy* [International relations in Central Asia. XVII–XVIII centuries. Documents and materials]. Kniga I. M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1989. 375 p. [in Russian]
- Moiseev, 1983** – *Moiseev, V.A.* (1983). Delo SHono Lauzana [The case of Shono Lauzan]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. T. XIV. Ch. 2. M. Pp. 96-102. [in Russian]
- Pal'mov, 1922** – *Pal'mov, N.N.* (1922). Ocherk istorii kalmyckogo naroda za vremena prebyvaniya ego v predelah Rossii [Essay on the history of the Kalmyk people during their stay within Russia]. Astrahan'. 159 p. [in Russian]
- Pal'mov, 1926** – *Pal'mov, N.N.* (1926). Etyudy po istorii privolzhskih kalmykov [Sketches on the history of the Volga Kalmyks]. Ch.1. Astrahan', 260 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Solov'ev, 1991** – *Solov'ev, S.M.* (1991). Sochineniya v 18 knigah [Works in 18 books]. M.: Mysl', 1989–1991. [in Russian]
- Tepkeev, 2018** – *Tepkeev, V.T.* (2018). Ajuka-han i ego vremya [Ayuka Khan and his time]. Elista: Kalmytskij nauchnyj tsentr Rossijskoj akademii nauk, 366 p. [in Russian].
- Tepkeev, 2020** – *Tepkeev, V.T.* (2020). Rossijskoe gosudarstvo i kalmyki: problemy politicheskikh vzaimootnoshenij v XVII – pervoj polovine XVIII veka [The Russian state and the Kalmyks: problems of political relationships in the 18th century – the first half of the 18th century]: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenojstepeni dokt. istor. nauk: special'nost' 07.00.02 [Kalmyckij NC RAN]. Ulan-Ude, 44 p. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2003a** – *Tsyuryumov, A.V.* (2003). Kalmyckoe hanstvo i Dzhungariya: etapy mezhgosudarstvennyh otnoshenij Kalmyckoe hanstvo i Dzhungariya: etapy mezhgosudarstvennyh otnoshenij [The Russian article and the Kalmyks: problems of political relationships eun the 18th century – the first half of the 18th century]. *Rossiya, Zapad i Vostok: istoriya vzaimootnoshenij. Materialy userossijskoj nauchnoj konferentsii*. SPB. Pp. 90-93. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2003b** – *Tsyuryumov, A.V.* (2003). Geopoliticheskoe polozhenie Kalmyckogo hanstva v XVII-XVIII vv. [Geopolitical position of the Kalmyk Khanate in the XVIII-XVIII centuries]. *Astrapolis*. 4–5: 29-30. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2005** – *Tsyuryumov, A.V.* (2005). Kalmycko-dzhungarskie otnosheniya v XVII veke [Kalmyk-Dzhangar relations in the 17th century]. *Obrazovanie, kul'tura i gumanitarnye issledovaniya Vostochnoj Sibirii Severa v nachale XXI («Bajkal'skie vstrechi – V»)*. Ulan-Ude. Pp. 201-206. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2006** – *Tsyuryumov, A.V.* (2006). Kalmycko-kitajskie otnosheniya v konce XVII – pervoj chetverti XVIII vv. [Kalmyk-Chinese relations at the end of the 18th century - the first quarter of the 18th century]. *Izvestiya VUZov. Severokavkazskij region. Obshchestvennye nauki. Prilozhenie*. 5: 164-170. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2007** – *Tsyuryumov, A.V.* (2007). Kalmyckoe hanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenij [Kalmyk Khanate within Russia: problems of political relationships]. Elista, 462 p. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2019a** – *Tsyuryumov, A.V.* (2019). O kalmycko-kitajskih kontaktah v vostochnoj politike Petra I [About Kalmyk-Chinese contacts in the Eastern policy of Peter I]. *Setevoe vostokovedenie: vzaimodejstvie mongol'skih i tyurkskih etnosov vo vremeni v prostranstve: Materialy III Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, Elista, 11–14 noyabrya 2019 goda*. Elista: Kalmytskij gosudarstvennyj universitet imeni B.B. Gorodovikova. Pp. 409-410. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2019b** – *Tsyuryumov, A.V.* (2019). Kalmyckoe hanstvo v mezhdunarodnyh otnosheniyah v Central'noj Azii (seredina XVIII veka) [Kalmyk Khanate in international relations in Central Asia (mid-

18th century)]. *Setevoe vostokovedenie: vzaimodejstvie mongol'skih i tyurkskih etnosov vo vremeni v prostranstve: Materialy III Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, Elista, 11–14 noyabrya 2019 goda*. Elista: Kalmyckij gosudarstvennyj universitet imeni B.B. Gorodovikova. Pp. 59–61. [in Russian]

Zlatkin, 1983 – Zlatkin, I.Ya. (1983). *Istoriya Dzhungarskogo hanstva* [History of the Dzungar Khanate]. Izd. 2-e. M.: Nauka, 410 p. [in Russian]

Калмыки Российской империи в системе международных отношений Внутренней Азии (первая половина XVIII в.)

Евгений Александрович Команджаев ^{a, *}, Александр Шайдаатович Кадырбаев ^b, Людмила Вячеславовна Оконова ^b

^a Институт востоковедения Российской академии наук, Российская Федерация

^b Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – внешнеполитическим контактам Калмыцкого ханства. Этот поволжский субъект активно взаимодействовал с Джунгарским ханством, Цинским Китаем и Тибетом. Анализируется место калмыков в системе внутриазиатских отношений во второй половине XVIII в. Статья основана на введении в научный оборот российских архивных материалов. В настоящее время по исследуемой теме имеются лишь отдельные работы. Кроме того, необходимость всестороннего и углубленного изучения данной проблемы диктует применение междисциплинарного и цивилизационно-культурного подходов. Комплексный анализ развития взаимоотношений калмыков Поволжья с Джунгарским ханством, Тибетом и империей Цин во Внутренней Азии в середине XVIII века является целью данной работы, т.к. позволяет прояснить многие события, оказавшие значительное влияние на историческую судьбу калмыцкого народа. Авторами проанализированы архивные материалы и научные источники. Временные границы исследования, выбранные авторами, соответствуют поставленной задаче, т.к. дают возможность проследить эволюцию взаимоотношений калмыков Поволжья в системе международных отношений в первой половине XVIII века. В статье использованы методологические принципы: объективность, историзм, всесторонность. Калмыцкий фактор играл весомую роль в это время в международных отношениях во Внутренней Азии, с чем не мог не считаться даже сюзерен Калмыцкого ханства в лице Российской империи. Военный потенциал калмыков привлекал даже Цинский Китай, боровшийся с Джунгарским ханством за гегемонию во Внутренней Азии.

Ключевые слова: Российская империя, Калмыцкое ханство, калмыки, Тибет, Далай-лама, Цинский Китай, Аюка-хан, Джунгарское ханство, международные отношения, внешняя политика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: komandzhaev@mail.ru (Е.А. Команджаев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 23-32
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.23

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Materials on the History of Kazakh-Russian Relations (1729–1740)

Gayaz Kh. Samigulov ^{a,*}

^a South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract

The proposed text is a publication of the documents that were unknown for wide range of researchers. The first document provides new details about the situation preceding the sending of an envoy by the Khan of the Younger Zhuz Abulkhair to Empress Anna Ioannovna in 1730, and about the role that the Bashkirs of the Nogai and Siberian roads played in this. The second material complements significantly the available information about the reasons for the Khan of the Middle Zhuz Semeka sending envoys to the Ufa governor Koshelev with a proposal to accept Russian citizenship by the Kazakhs of this zhuz.

The following three texts are materials from interrogations of three participants in Kazakh raids on Kalmyks winter huts in the winter of 1739–1740. These sources contain information about the organizers and leaders of the campaigns, the course of the raids, and specific toponyms that allow us to reconstruct the events with reference to the location.

In general, these documents allow us to reconstruct a more complete picture of complicated relationships between the Kazakhs and the Russian Empire and directly with the Bashkirs and Kalmyks, as citizens of the Russian Empress, during this period.

Keywords: Northern Kazakhstan, Kazakh Khanate, Bashkirs, Kalmyks, zhuzes, Russian Empire, conflicts.

1. Введение

Работа в архивах в последние годы выявила довольно значительное количество не введённых в научный оборот документов. Эти материалы относятся к разным периодам, территориям и различным историческим событиям. В данной публикации хочу представить несколько документов, имеющих непосредственное отношение к истории Казахстана и России первой половины XVIII в., ранее не опубликованных. Интерес к истории в целом не ослабевает в Казахстане последние десятилетия. Период перехода «под протекцию» Российской империи — один из ключевых в истории Казахского ханства. Важно изучение как процессов на уровне правящих персонажей, так и в части взаимоотношений казахов и народов, являвшихся подданными Российской империи и проживавших на приграничных территориях. Публикация документов, касающихся знаковых этапов развития государства и не введённых ранее в научный оборот, является важной и всегда актуальной частью исследовательской работы. Публикуемые документы могут выявить достаточно важные детали процессов, давно являющихся объектом интереса специалистов-историков.

2. Материалы и методы

Предлагаемые вниманию коллег материалы выявлены в разных архивах и касаются разных аспектов истории Казахстана и России. Сюжеты, описанные в первых двух документах, достаточно хорошо известны — обращение хана Младшего жуза Абулхаира к Анне Иоанновне в 1730 г. и отправка ханом Среднего жуза Семеке посланцев в Уфу в 1734 г. — и частично рассмотрены ранее в разных

* Corresponding author

E-mail addresses: gayas_@mail.ru (G.Kh. Samigulov)

изданиях (Рычков, 2002; ПСЗ-I. 1830. Т. IX. С. 309–317. № 6571; Казахско-русские отношения..., 1961; История Казахстана..., 2005), но именно архивные первоисточники до сих пор не были опубликованы. Еще три документа содержат информацию о набегах казахов на калмыков зимой 1739–1740 гг. — и насколько я могу судить, эти материалы тоже ранее не попали в поле зрения исследователей.

Первый документ выявлен в Архиве внешней политики Российской империи (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Может показаться странным, что он до сих пор не был введён в научный оборот, учитывая плотную работу казахстанских коллег в указанном архиве. Объяснение этому достаточно простое — это письмо хранится в одном из дел фонда «Башкирские дела», а название самого дела не имеет никакого отношения к содержанию публикуемого источника (АВПРИ. Ф. Башкирские дела. 1730 г. Оп. 108/1. Д. 1. Л. 2–6об.), поэтому неудивительно, что оно прошло мимо внимания предыдущих исследователей. Второй документ хранится в одном из дел фонда Сената Российской государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 147) (Москва, Российская Федерация). Документ о набегах казахов на зимние становища калмыков зимой 1739–1740 гг. выявлены в фонде Оренбургской комиссии Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7) (Оренбург, Российская Федерация).

Предоставляю вашему вниманию эти материалы и надеюсь, что они будут полезны для реконструкции истории взаимоотношений казахов и башкир и, в более крупном масштабе, Казахских жузов и Российской империи.

Методы, использованные в настоящей публикации, достаточно традиционны — публикация архивных материалов. Предваряет её краткий историографический обзор освещения в литературе событий, к которым относятся публикуемые материалы, и основных персонажей, фигурирующих в этих документах. Причём я практически обойду молчанием фигуры ханов Абулхайра и Шемеке, поскольку обзор литературы, посвящённой им, займёт очень много места. А моя задача не в том, чтобы дать очерк истории казахско-русских отношений того периода, а в том, чтобы ввести в оборот новые документы. При этом необходимо хоть кратко дать информацию по башкирам, сыгравшим значительную роль в событиях, отображенных в представляемых источниках. Хотя бы потому, что они являются менее «публичными» фигурами, чем казахские ханы.

В рамках настоящей публикации постараюсь избежать интерпретации публикуемых материалов, предоставив эту возможность коллегам, более погружённым в тему и имеющим более широкий кругозор.

3. Обсуждение

Первый из публикуемых документов описывает события, предшествовавшие отправке ханом Абулхайром посланника к императрице Анне Иоанновне в 1730 г., приведшего в итоге к принятию русского подданства казахами Младшего жуза. Сам процесс принятия русского подданства Абулхайром и другими казахами описан и проанализирован во множестве монографий и статей, касающихся российско-казахских отношений этого периода. Причины обращения Абулхайра к Анне Иоанновне указываются разные. Так, Б. С. Сулейменов писал: «Безусловно, Абулхайр стремился не только оградить Казахскую степь от внутренних усобиц и внешней опасности, но и укрепить свою власть в крае при помощи Российского оружия» (Сулейменов, Басин, 1981: 38). С. Акимбеков констатирует, что «в конкретных условиях начала 1730-х годов обращение тех или иных представителей казахских племен за подданством к России было практически неизбежным» (Акимбеков, 2018: 97).

В разных исследованиях различается степень детализации событий рассматриваемого времени, но публикуемый нами документ — письмо башкир Ногайской и Сибирской дорог Анне Иоанновне — не упоминается нигде. Даже в очень подробной работе И. Ерофеевой «Хан Абулхайр» этот источник не фигурирует, хотя сама ситуация получила освещение с другой стороны: «На возросшую интенсивность башкирских набегов в кочевья Младшего и Среднего жузов на рубеже 20–30-годов косвенно указывает также констатируемый А. И. Тевкелевым исторический факт созыва в мае 1730 года собрания казахской знати и старейшин обоих жузов, на котором было принято решение об организации специального казахского посольства в Петербург в интересах заключения с царским правительством полномасштабного договора о мире. И, наконец, самым солидным аргументом в подтверждение резко возросшей остроты военных конфликтов между казаками и башкирами в тот период может служить приезд в мае 1730 года в кочевья Младшего жуза знатного башкирина Ногайской дороги Алдара Исянгильдина, «потребовавшего», по утверждению Абулхатра, направить от казахских ханов полномочного посланника в Россию для разрешения казахско-башкирских поземельных споров и возникших на этой основе вооруженных взаимных столкновений» (Ерофеева, 2007: 210).

Достаточно подробно осветил ситуацию принятия русского подданства казаками Младшего жуза С. Таймасов: «С именем Абулхайра связано судьбоносное событие в истории казахского народа. После победы над джунгарами в 1729 г. под озером Балхаш хан вернулся к берегам Яика, при посредничестве башкирского тархана Алдара Исекеева, обратился за протекцией к русскому правительству. В 1731 г. казахи Младшего жуза стали подданными России. Историки до сих пор

спорят о подлинных причинах, побудивших Абухаира пойти на такой шаг. Высказываются прямо противоположные мнения: одни говорят о вынужденных действиях хана, желавшего спасти свой народ от джунгарского порабощения, другие — подозревают его в эгоизме и политическом авантюризме. Думаем, что в политических планах казахского лидера имел место еще один существенный аспект. Для того чтобы пояснить свою мысль, приведем цитату из статьи С. Г. Кляшторного: “Особенно трагичным было положение Младшего жуза, вытесненного со своих кочевий на север и попавшего под удары башкир, каракалпаков, бухарцев, волжских калмыков и яицких казаков, недовольных перекочевкой жуза к Уралу. Принятие российского подданства и защиты резко изменило обстановку. Военная опасность была минимизирована, а со стороны калмыков, казаков и башкир — и вовсе устранена”» (Кляшторный, 2002: 118; Таймасов, 2009: 50). Вряд ли можно делать такой однозначный вывод о резком изменении ситуации после принятия подданства. В 1737 году российские власти планировали поход в казахскую степь после набега казахов на приволжских калмыков (Материалы..., 2002: 430), так что резкого изменения не было, но, вне всякого сомнения, ситуация начала перестраиваться.

Самым первым автором, рассмотревшим эту ситуацию в своей работе, был П.И. Рычков. Причём он писал если не совсем по свежим следам, то, по крайней мере, имел возможность общаться с большей частью непосредственных участников событий. Однако письмо, публикуемое ниже, равно как и события в нём описанные (за исключением собственно отправки Абулхаиром посланца к Анне Иоанновне) в его изложении, тоже отсутствуют. Хорошо известно и неоднократно опубликовано само письмо хана Абулхаира к Анне Иоанновне. Но здесь достаточно интересная ситуация — текст письма, опубликованный в сборнике «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.» (Казахско-русские отношения..., 1961: 35), существенно отличается от того, который был опубликован в сборниках «Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв.» (Международные отношения..., 1989: 273) и «Под стягом России» (Под стягом России..., 1992: 362–363). Возможно, это объясняется тем, что в первом случае была осуществлена публикация с авторским переводом тюркского текста, а в двух других публиковался перевод, осуществленный в сентябре 1730 г. Мустафой Турчаниновым.

Второй публикуемый документ также не был введён в научный оборот до последнего времени. Он описывает набеги хана Среднего жуза Семеке и ответные действия башкир в 1733–1734 гг. Надо отметить, что ситуация, описанная в нём, достаточно подробно изложена в работе И.В. Ерофеевой, но ею она реконструирована на основании группы разных источников, опубликованных к моменту написания её книги (Ерофеева, 2007: 281–282). Похвальное письмо Анны Иоанновны башкирам всех дорог ей было неизвестно. Приведённый ниже источник позволяет скорректировать реконструкцию И.В. Ерофеевой, поскольку в нём прописаны месяцы и годы столкновений войск Семеке-хана и башкир. И.В. Ерофеева немного «удревнила» события, сдвинув их на год раньше (1732–1733 гг.) (Ерофеева, 2007: 281–282).

Представляется, что оба документа достаточно важны для реконструкции ситуации принятия российского подданства казахами Младшего и Среднего жузов, поскольку добавляют новые важные детали и уточняют уже имеющиеся сведения.

Фигуры ханов Абулхаира и Семеке (Шемеке), являющихся фигурантами публикуемых документов, хорошо освещены в научной литературе. Алдар (Алдарбай) Исекеев — персонаж также достаточно известный, хотя фигурирует он в литературе под разными фамилиями. И.В. Ерофеева обозначает его как Алдара Исянгильдина, а башкирские авторы пишут об Алдаре Исекееве (Байназаров, 2003: 62–72; Тархан и батыр..., 2018: 127–209). Причём речь идёт, несомненно, об одном и том же персонаже. Алдар являлся фактическим автором (одним из авторов) первого из публикуемых документов и едва ли не инициатором отправки Абулхаиром посланца к Анне Иоанновне в 1730 г. Таймас Шаимов менее представлен в исследованиях историков, хотя нельзя сказать, что он обойдён вниманием — о нём довольно много сказано в работе И. В. Ерофеевой (Ерофеева, 2007: 209, 219, 257, 263, 272, 280, 281, 306), упоминавшаяся статья Байназарова посвящена ему и Алдару Исекееву (Исянгильдину) (Байназаров, 2003), недавно в Челябинске вышел сборник документов и материалов «Таймас Шаимов и его время» (Таймас Шаимов..., 2023). Именно Таймас Шаимов возглавлял башкир, дважды нанесших поражение войску Шемеке-хана в 1733–1734 гг. (ПСЗ-И. 1830. Т. IX. С. 309–317. № 6571).

Завершающий блок текстов включает материалы допросов казахов, взятых в плен во время набега на калмыцкие зимние становища в декабре 1739 – январе 1740 гг. Взаимоотношения казахов и калмыков являются предметом исследований разных авторов на протяжении длительного периода. Однако сюжет, который освещён в документах, публикуемых ниже, остался за рамками исследований, причём и тех, которые непосредственно посвящены этому периоду (Пальмов, 1922; Пальмов, 1926; Пальмов, 1927; Торопицын и др., 2019; Suseeva et al., 2019 и др.). Не обозначен этот сюжет и в работе И. В. Торопицына, рассматривающей непосредственно узкий отрезок времени, включающий период описываемых в документах событий (Торопицын, 2009). При этом публикуемые документы содержат сведения о руководителях двух отрядов казахов, совершивших набеги на калмыков, о примерном маршруте их следования. В них содержатся названия урочищ, которые могут помочь с привязкой описываемых событий к конкретным местам. Сама информация о набеге и его

организаторах даст возможность более подробно реконструировать последовательность событий в казахско-калмыцких отношениях конца 1730-х – начала 1740-х гг.

4. Результаты

Документы:

1. 1730 года июня 10 дня. Письмо башкир Сибирской и Ногайской дорог Уфимского уезда императрице Анне Иоанновне, направленное вместе с башкирами, сопровождавшими посланца хана Младшего жуза Абулхаира (АВПРИ. Ф. Башкирские дела. 1730 г. Оп. 108/1. Д. 1. Л. 2-6об.).

Перевод с татарского письма к Ея Императорскому Величеству, писанного от башкирцов Сибирской и Ногайской дороги, поданного гдну канцлеру графу Гаврилу Ивановичю сентября в... де(нь) 1730 году.

Всепресветлейшай, милостивейшая, Пречестнейшая, высочайшая и всемилостивейшая Гдрня наша, и над владеющими императрица, северных, заподных, южных и восточных стран обладательница и между оными благословенная и самодержавная; Гдь бг да сохранит ваше величество от всяких злоключений.

Все милостивейшая великая государыня императрица, припадая к стопам вашим, всенижайшей поклон приносим, Ногайской и Сибирской дороги, мы, нижайшие рабы отправили к вашему императорскому величеству с казацким // посланником 6 человек башкирцов наших, а имянно: 1 – Менсур Алдарова, 2 – Эшкине Тюлякова, 3 – Мирас Юлмаметева, 4 – Сафар Сеитова, 5 – Муса Кашкалтаева, 6 – Катрач Моллакаева.

Ещё же все милостивейшая Гдрня Императрица к стопам вашим все нижайше Сибирской и Ногайской дороги башкирцы доносим, что казаки и карыкалпаки напали на нас и несколько знатных людей наших до смерти побили, иных в полон взяли, имения наши побрали и разорили, от чего пришли мы в великое разорение, и того ради все милостивейшая Гдрня мы, Ногайской и Сибирской дороги рабы ваши башкирцы // против тех казаков и каракалпаков бились, також которые их войска на Сибирскую и Ногайскую дорогу приезжали и тех мы побили. А которые из них пойманы, тех к вашему Императорскому величеству отправили. Також де все милостивейшая Гдрня для свободного отправления тех взятых в роси(й)ское государство по дорогам поставили караулы, которой с теми казаками бой чинили, а потом, усмотря оные казаки и каракалпаки свое безсилие к нам, Сибирской и Ногайской дороги башкирцам, рабам вашего императорского величества, от себя с известием несколько людей отправили. А из тех отправленных от них зимним путем // в дороге от метелицы несколько померло, а оставшиеся ознобили ноги пеши к нам, рабам вашего императорского величества башкирцам пришли, того ради, что в город Уфу идти не могли. Потом из Уфы дворянин с подъячим и толмачем, приехав, их свидетельствовали и по свидетельству паки назад возвратились, а по возвращении их те казаки нам башкирцам сказали, что мы к вам, башкирцам Ногайской и Сибирской дороги затем приехали и все нижайше вас просим, чтоб в добром порядке в миру и в соединении с нами были, и отправите к нам посланника своего. На то мы им // ответствовали, что ежели когда от нас посланник отправляется, то к хану вашему посылаетца, а вы, к нам башкирцам приезжая паки назад отъезжаете. А ныне у нас с вами доброго миру нет, и в улусы ваши послов не отправляем. Ежели с нами, Сибирской и Ногайской дороги башкирцами подлинно мир содержать намерение имеете – у нас великая и всемилостивейшая Гдрня есть, которая Гдрня от востока до запода обладала, и чужестранных неприятелей в протекцию свою привела. А вы, не пришед в подданство Ея императорского величества, мы с вами, казаками и каракалпаками всегда неприятельски поступать будем // И ежели вы с нами в миру и в согласии быть намерение имеете, бейте челом всемилостивейшей и великой Гдрне, она может вас милостиво в протекцию свою принять, также и победить вас в воле всемилостивейшей и великой Гдрни нашей; а мы всемилостивейшей Гдрни указом ослушны быть не можем. Тако им сказали и на то те казаки нам ответствовали, требуя чтоб мы вышеписанные речи хану их объявили, а хан наш в подданстве быть желает или нет, то состоит в воле ево. Потом мы, Ногайской и Сибирской дороги башкирцы Алдарбая да Эшкиню Тюкяляева сына для отправления к означенным казакам послом учредили // и по учреждении, до посылки их, Уфимского командира уведомили, что мы к означенным казакам посылаем означенных посланников с таким договором: если де они в подданстве все милостивейшей и великой Гдрне быть желают, чтоб от них посланника взяв к вашему Императорскому величеству привести. А для того посланника ездили мы, нижайшие рабы, Эшкине Тюкяляев с Алдарбаем и по прибытии к оному казацкому в улусы ево. Тогда оный хан взятых моих в плен Алдарбая двух детей призвав пред себя, стал мне говорить, что: возьми детей своих из плену, а после сего времени с вами и з детьми вашими в миру и в соединении // быть желаю. А наших башкирцов у них в полону и пожитков много численное число имеетца, одних тамо моих, Алдарбаевых 2000 лошадей у них имеетца. А мы, нижайшие, Алдарбай и Эшкине, на то ево ханское слово сказали ему, что мы не для пленников и не для пожитков своих к нему приехали, пленники и пожитки наши перед вами, у нас с вами миру нет. Еще же мы ему сказали: ежели с нами мир содержать намерены, отправите посла ко

всемиловейшей и великой Гдрне императрице, которая от востока до запада* обладала // и многих чужестранных неприятелей под протекцию свою привела, она Гдрня млство тебя в протекцию свою принять и победить может. Таком у ему сказали, потом оный казацкой хан с нами посланника своево к вам, всемиловейшей Гдрне, отправил. Как мы, так и казаки в воле вашего императорского величества; всенижайшее и всепокорно просим вашего императорского величества Ногайской и Сибирской дороги раби ваши, чтоб посланных посланников наших, не задержав, паки к нам отправить соблаговолили. //

Июня 10 дня 1730 году

Переводил Мустафа Турченинов

2. 1734 г. марта 22. Похвальная грамота императрицы Анны Иоанновны башкирам всех четырех дорог Уфимского уезда за победу над войском хана Среднего казахского жуза Семеке (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 147. О. 250-251об.)

// Прошлого ж 1734 года марта 22 дня послана из Коллегии иностранных дел грамота ж Ея Императорского Величества к башкирцам следующего содержания: «Нашим верным подданным башкирцам всех дорог и родов, тарханом, батырям и старшинам и всему башкирскому народу.

Донесено нам Императорскому Величеству, что вы по подданнической своей верной должности в прошлом 1733 году // в августе месяце по уведомлению нашего подданного киргиз касацкого Абулхаир хана противнаго Средней киргиз касацкой орды Шемяки хана, которой оставя учиненную нам в подданстве присягу собрався с такими ж противными и хотел пленить и разорить ваши башкирские жилища, не токмо того не допустили, но весма их разбили и многих из них побили и знамена ханские, также ружья, пансыри и лошадей многих взяли. А нынешняго году в первых числах Генваря, еще тот же хан в другой ряд собрався со многими противными хотел было на ваши башкирские жилища напасть, но от вас не токмо такой же воинской отпор учинен, но и сам тот хан с войски был осажден и принужден со всею старшиною просить у нас Императорского Величества, милостиваго прощения и подданства, чего для прислали нарочно двух посланных к нашему полковнику и воеводе уфимскому Кошелеву. И видя мы те ваши верные к нам, Императорскому Величеству, службы милостиво вас тарханов, батырей и старшин и весь башкирской народ похваляем, что та ваша служба Нашему Императорскому Величеству угодна, и при том нашею Императорскою самодержавною властью повелеваем и впредь такая ж по подданнической своей верности на наших неприятелей службы свои оказывать, за что и наилутче нашею императорскою милостию обнадеживаем. И для того повелели мы сию нашу Императорскую милостивую грамоту помянутому уфимскому воеводе вам на Уфе объявить, а кто на оных двух службах действительно были и живут в дальних местах, тем в их жилища копии разослать. И впредь для всегдашняго известия на Уфе в канцелярии в особую послужную книгу записать

3. Допросы пленных казахов, участвовавших в набегах на калмыков зимой 1739–1740 гг. (ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 18-22об.)

1740 года Генваря в 10 день присланные от порутчика Агарева взятые от касак два человека касак языки в Астраханской губернской канцелярии допрашиваны

А имянно:

1. Зовут ево Исеком Кайдагулов сын касацкого владельца Серикея Янлибеева батыря роднова ево брата Туляс батыря племянник, от роду ему дватцать восемь лет. Сидели де оне за Яиком по сю сторону Ембы реки у Черного озера и имели завсегда с яицкими казаками торг. И в нынешнее осеннее время, тому назад три месяца, касацкий их хан Аболхаир, которой жителство имеет близ кара калпак при реке Сыр, прислал х касацким владельцам письмо, чтоб оне, собрався, шли на калмык для того, что от них, калмык, завсегда чинятся к ним, касакам, подбеги и берут в плен людей, и лошадиные табуны отгоняют. И напротив б тово и им бы калмыком учинить бы разорении и где их найти могут людей и лошадей искать себе в добычу получить. И по тому письму касацкие владельцы, пять человек, а имянно: первой Эсет батырь, второй Серикей батырь, третей Кудай Назар батырь, четвертой Кадыр батырь, пятой Менгешер батырь, собрав войско три тысячи человек о четырех, и о трех, и о двуконь перешли Яик реку в урочище лубьяским и шли подле моря песками, чая, что в тех местах сидят скудные калмыки и нигде калмык не нашли, но имеющие в их войске знающие касак, которые бывали в плену у калмык, и в прошлых годех за калмыками хаживали // и повели их берегом моря льдом к буграм¹ и нашли насидящих калмык и тех калмык взяли. А чтого владения и сколько душ того он не знает. И по опросам их оные калмыки сказали, что еще близ них сидят калмыки в урочище Устюкяй и для показания один каомыканин с ними, касаками, поехал. И привел во оное урочище и сидело во оном урочище калмык в трех местах, а сколько кибиток тако ж и калмык было и чьего владения того он потому ж не знает. И что в тех кибитках калмык застали и тех взяли, а другие калмыки сапслись по льду к морю бегом. И взявши оных калмык их касацкое войско разделилось на три партии. Первая партия при Серке батыре и при Эсет батыре и при Менгешер батыре свыше двух тысяч человек осталось при оных взятых калмыках. А другая партия со владельцами Кадыр батырем

* В тексте написано «до дапода» – явная описка писца.

¹ В тексте написано «к бурграм».

да Кудай Назар батырем в дву стах человеках, где и он, Исек, был и пошли на правую сторону и нашли насидящих в дву местах калмык. И взяли калмык мужеска и женска полу сколько застать могли, а другие калмыки тако ж разбежались. А сколько числом взято потому ж он не знает. А третья партия пошла налево к морю во сте человеках и при них из владельцев никого не было и взяли також сидящих кибитками калмык, а сколько кибиток и людей того тако ж не знаемо. И на другой день оные партии соединились паки вместе и приехали в урочище Ачакли кичас и из оног войска Эсет батырь и Серик батырь и Худай Назар батырь, которые более всех с добычи в плен калмык получили, в войске в двух тысячах в дву стах пошли паки за Яик в свое кочевье. А от них остались Мангешер батырь и Кадыр батырь в восьми стах человеках, где и он, Исек, остался для получения // еще добычи понеже де на оную партию ясыря ничего не досталось. И из оног места пошли в Каралат и идучи разбились паки на две партии. И в одной партии около дву сот человек, где и он, Исек, был при владельцах Кадыр батыре и Менгешер батыре, пошли к морю и нигде сидящих калмык не наехали, токмо наезжали беглых ис тех, прежних, калмык на льду и оных брали. А сколько числом набрано, того де не знает. И намерены были переначевать и тот ясырь разделить, но в той ноци напала на них российская партия и их разбила. И ево, Исека, взяли в плен. А всех ди калмыцкий ясырь от них российская партия отбила, того он не знает. А показанная другая их касацкая партия в шести стах человеках, при которой и старшин никого не было, пошли направо и в добычу что получили ль или нет и где ныне, того он не знает, а токмо уповае, что они ныне по известиям от разбитых их партии уже пошли за Яик в свое жилище. А здесь им быть он, Исек, уже не уповае. А намерения таког, чтоб перейти чрез Волгу или с тем взятым в плен добычею где остановитсца в степе и зжидатца всем касаком к возвращению за Яик он Исек ни от кого не слыхал. И показанными партиями на русских людей и на татарские улусы были ль и взяли ль что тако ж он не знает, ибо тою партию, с которой партией он был, нападений на русских и на татар не имели. И что скота и лошадей у русских и у татар и у калмык взято ль того он не знает.

2. Зовут ево Бек Бердий Кошбармаков касацкого // владельца Джанбек батыря племянник тритцати девяти лет. [...]¹. И по тому письму касацкие владельцы четыре человека, а имянно: первый Эсет батырь, второй Кудай-Назар батырь, трети Кадыр батырь, четвертой Менгешер батырь. А пятый Серкей батырь с ними был ли или нет, того сказать не знает. Собрав войско три тысячи человек о трех и о дву конь и перешли Яик реку в урочище Сарайшлы и шли подле моря через озеро, зовомое Тауска буилды пеками, чая, что в тех местах сидят калмыки, но токмо их не нашли. Но имеюция в их войске знающие касаки, которые бывали в плену у калмык, и в прошлых годех за каомыками хаживали, повели их подле моря льдом к буграм и нашли насидящих калмык и взяли их. А что числом и чьего владения сказать не знает. И по вопросом их оные калмыки сказали, что еще близ их сидят калмыки под Каралатом в урочище Устюпя, а для показания ис показанных один калмыченин с ними, касаками, ездил и привел во оное урочище и сидело в том урочище // калмык в трех местах, а сколько кибиток, також калмык было и чьего владения того он потому ж не знает. И что во оных кибитках калмык застали ис которых взяли, а другие по льду к морю бежали. И взявши оных калмык их касацкое войско разделилось на две партии. Первая партия при Эсет батыре и при Менгешер батыре, свыше дву тысяч чевек, где и он был, вторая при владельцах Кадыр батыре и Кудай-Назар батыре в трех стах человеках. И пошли на правую сторону, и нашли насидящих в трех местах калмык, и взяли калмык мужеска и женска пола, например, всего более тысячи душ. А некоторые потому ж разбежались по льду. А третьей партии у них не было. И на другой день оные две партии соединились паки вместе и приехали в урочище Агачлы кигач. И из оног войска Эсет батырь и Худай-Назар батырь, которые более всех в добыче в плен калмык получили в войске в двух тысячах и больше пошли паки за Яик, в свое кочевье. А от них остались Менгешер батырь и Кадыр батырь в восьми стах человеках, где и он остался, для получения еще добычи, для того что на оную их партию малое число досталось. И из оног места пошли в Каралат, и идучи разбились паки на две партии. И в одной партии около дву сот человек при владельцах Кадыр батыре и Менгешер батыре, и пошли к морю // влево, а другая партия направо, вдаль от моря. И нигде они сидящих кибитками калмык не наехали, токмо наезжали беглых калмык на льду и из них женский пол з детми брали, а сколько числом душ, не знает. А мужеска полу все разбежались. И намерены были переначевав тт ясырь разделить, но в ту ночь напала на них российская партия и их разбила, и его Бек Бердия всязи в плен. А весь ли калмыцкий ясырь от них российская партия отбила, также и означенная их вторая партия что себе в добычу получила или нет и где ныне, того он не знает. Токмо уповае, что они ныне по известиям от разбитой их партии пошли за Яик, в свое жилище [...]²//

1740 году Генваря 23 дня приведенной кундровским Адиль мурзою Темирбулатовым касаченин в Астраханской губернской канцелярии допрашиван, а в допросе сказал

3: Зовут де ево Джанберды Аккучюков, улуса Средней сотни³ владельца Кара Балвана

¹ Содержание пропущенного фрагмента практически дословно повторяет текст предыдущего документа.

² Окончание документа практически дословно повторяет таковое в предыдущем документе.

³ «Улуса Средней сотни» – толмач, судя по всему, буквально перевёл выражение «Орта жуз», т.е. Средний жуз.

племянник. Нынешняго осенняго время собрались касакские владельцы Эсет батырь с товарищи, а кто другие владельцы и во скольких людях, того он не знает, и пошли к Волге для получения добычи у калмык. И после их к Волге отходу касакской меньшей орды Джанбек батырь, тому ныне з дватцать семь дней, собрал еще войска около тысячи человек о дву и о трехконь, где и он Аккучюков был. И перешед Яик реку повыше Гурьева городка в урочище Джеман дендер пошли к Волге для получения у калмык добычи ж, ибо де они, калмыки, у них касак перед тем отогнали копчатской табун лошадей, а сколько лошадей было, того он не знает. И как Яик перешли, наехали они у Яика следующих вышешписанных Эсет батыря от Волги обратно к своим юртам с полученною добычею. И виделся оный Эсет батырь (с) Джанбек батырем и сказывал, что он у моря сидящих калмык взял ясыри и с тем идет паки в дом свой. А сколько ясыря взято, того он не сказал. И при том говорил, что при море де уже калмык нет, а есть в Мочагах, // куда означенный Джанбек баырь, простясь с ним, Эсет батырем, с своим войском около тысячи человек и пошел. И на дороге в против их по тракту Эсет батыря видели едущих вслед ево Эсет батыря восемь человек верхами, а каие люди, того они не знают. И увидев они их касакское войско ушли они неведомо куда, и кроме оных на других ни на кого не наезжали. Токмо у Ахтубы реки наехали на татар астраханских, едущих с рыбой, восемь человек и их ограбили. Да на реке Бузане наехали на красноярских казаков человек с шестнатцать и у одного казака оной Джанбек батырь снял себе саблю, а ему отдал свою. И при том отдал показанных взятых татар, да имеющее при нем, Джангер батыре незанное какое письмо. Ничего над ними, казаками не учинил, отпустил в Астрахань, токмо ис тех татар одного человека, знающего в которых местах калмыки сидят, взял он, Джангер батырь, с собою. И перешед Волгу пошли горами и наехав едущего из Астрахани в Кизляр толмача Муслима Аитова с русскими казаками и накакого грабительства им не учинили, токмо с него толмача показанной Джанбек батырь снял саблю и ему отдал означенную, взятую у красноярского толмача¹ и их отпустил. И на другой день, то есть 22 Генваря, нашли на татарские аулы и взято ль от них что, того де он не знает, для того, что под ним, Аккучюковым, на льду упала лошадь // и при том здешними татарами он ухвачен и привезен в Астрахань. А намерение де они, касакки, положили итти по мочагам до Кумы и набрав в плен калмык и скота, возвратится паки к свои юртам уже не тем трактом, как шли, а итти им выше по Волге. А как оне возвратятся того он ныне не знает. А чтобы подле моря возвратиться назад, того он не слышал. И хотя он, Джанбек, что по Волге есть заставы и известен, но с таким упованием пошел, что ему воспрещения не будет для того, что российским людем никакого озлобления не показывает, а идет он на своих неприятелей калмык. И з другими заграничными народами сообщится намерения не имеет. И после их из юрт выходу еще войско еще войско к Волге быть намерены ль, того он не знает и ни от кого не слышал.

5. Заключение

Излагаемые в исследованиях версии исторических событий являются реконструкциями. Их достоверность зависит, в первую очередь, от опоры на исторические источники. Не обязательно новые источники противоречат уже известным, но они могут послужить подкреплением высказанного ранее предположения либо дополнить картину событий деталями, которые могут существенно изменить акценты, или же просто уточнить даты или географические привязки, что весьма немаловажно в исторических штудиях.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации программы программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Казахское ханство во второй половине XV — первой половине XVIII вв.: этнополитическая история и внешняя политика» (ИРН BR21882223).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>.

Литература

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

Акимбеков, 2018 — Акимбеков С.М. Казахстан в Российской империи. Алматы: ТОО «Институт азиатских исследований», 2018. 562 с.

Байназаров, 2003 — Байназаров И. Р. Были воинами и дипломатами: Алдар Исекеев и Таймас Шаимов в посольстве А. И. Тевкелева в 1731–1733 гг. // *Ватандаш*. 2003. № 11. С. 62–72.

Ерофеева, 2007 — Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы: Даик-пресс, 2007. 456 с.

История Казахстана..., 2005 — История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. III том: Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) / Сост. И. В. Ерофеева. Алматы: Даик-пресс, 2005. 484 с.

¹ Возможно, ошибка писца – выше, где речь идёт об «обмене» саблями, упоминается казак, а не толмач.

Казахско-русские отношения..., 1961 – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов / Сост. Ф.Н. Киреев и др. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской АССР, 1961. 741 с.

Кляшторный, 2002 – *Кляшторный С.Г.* Россия и тюркский мир Евразии: российско-казахстанская геополитическая модель // *Евразийство: проблемы осмысления* (по итогам международной научной конференции 14–15 сентября 2002 г.). Уфа: Восточ. ун-т, 2002. С. 109-120.

Материалы..., 2002 – Материалы по истории Башкортостана / Авт.-сост. Н. Ф. Демидова. Т. VI. Уфа: Китап, 2002. 768 с.

Международные отношения..., 1989 – Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв.: Документы и материалы / Сост. Б. П. Гуревич, В. А. Моисеев. Кн. I. М.: Наука, 1989. 375 с.

ОГАОО – Объединённый государственный архив Оренбургской области.

Пальмов, 1922 – *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калмыцкое государственное издательство, 1922. 137 с. Оттиск из журнала: *Ойратские известия*. 1922. № 1–2.

Пальмов, 1926 – *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. XVII–XVIII вв. Часть I. Астрахань: Калмоблиздат, 1926. 264 с.

Пальмов, 1927 – *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Часть II: XVIII век. Астрахань: Калмоблиздат, 1927. 231 с.

Под стягом России..., 1992 – Под стягом России: сборник архивных документов / Сост. А.А. Сазонов и др. М.: Русская книга, 1992. 432 с.

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (ПСЗ-1) / Сост. Сперанский М. М. Т. IX. СПб.: Тип. II Отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 309-317. № 6571.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Рычков, 2002 – *Рычков П.И.* История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2002. 186 с.

Сулейменов, Басин, 1981 – *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алматы: «Наука» Казахской ССР, 1981. 248 с.

Таймас Шаимов..., 2023 – Таймас Шаимов и его время: Сборник документов и материалов / Сост. Г. Х. Самигулов. Челябинск: ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал», 2023. 152 с.

Таймасов, 2009 – *Таймасов С.У.* Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М.: Наука, 2009. 344 с.

Тархан и батыр..., 2018 – Тархан и батыр Алдар Исекеев / *История башкирских родов. Бурзян*. Т. 31. Ч. I. / С.И. Хамидуллин и др. Уфа: НОЦ «История башкирского народа» ИИГУ БашГУ, 2018. С. 127-209.

Торопицын, 2009 – *Торопицын И.В.* Оборона калмыцких улусов в 30–40 гг. XVIII в. // *Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства*. Ч. I. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2009. С. 242-246.

Торопицын и др., 2019 – *Торопицын И.В., Сусеева Д.А., Кундакбаева Ж.Б.* Шаткий мир: казахско-калмыцкие отношения в начале 1740-х гг. // *Вестник калмыцкого университета*. 2019. № 4(44). С. 63-68.

Suseeva et al., 2019 – *Suseeva D.A., Toropitsyn I.V., Kundakbayeva Zh.* New searches on the Kazakh-Kalmyk relations of the first half of 1740s: new archival documents from Elista // *Journal of history*. 2019. № 3 (94). Pp. 28-34.

References

AFPRES – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].

Akimbekov, 2018 – *Akimbekov, S.M.* (2018). Kazakhstan v Rossiiskoi imperii [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty: TOO «Institut aziatskikh issledovaniy», 562 p. [in Russian]

Bainazarov, 2003 – *Bainazarov, I.R.* (2003). Byli voynami i diplomatami: Aldar Isekeev i Taimas Shaimov v posol'stve A. I. Tevkeleva v 1731–1733 gg. [They were warriors and diplomats: Aldar Isekeev and Taimas Shaimov in the embassy of A.I. Tevkelev in 1731–1733]. *Vatandash*. 11: 62-72. [in Russian]

Erofeeva, 2007 – *Erofeeva, I.V.* (2007). Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. Almaty: Daik-press, 456 p. [in Russian]

Istoriya Kazakhstan..., 2005 – *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov*. Tom III: Zhurnaly i sluzhebnye zapiski diplomata A.I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhstana (1731–1759 gg.) [History of Kazakhstan in the Russian sources in the 16th–20th centuries AD. Volume III: Journals and internal notes of A.I. Tevkelev the diplomat on the history and ethnography of Kazakhstan (1731–1759)]. Sost. I. V. Erofeeva. Almaty: Daik-press, 2005. 484 p. [in Russian]

Kazakhsko-russkie otnosheniya..., 1961 – Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. [Kazakh-Russian relations in the 16th–18th centuries AD]. Sost. F.N. Kireev i dr. Alma-Ata: Izd-vo Akademii nauk

Kazakhskoi ASSR, 1961. 741 p. [in Russian]

Klyashturnyi, 2002 – *Klyashturnyi, S.G.* (2002). Rossiya i tyurkskii mir Evrazii: rossiisko-kazakhstanskaya geopoliticheskaya model' [Russia and the Turkic world in Eurasia: Russian-Kazakh geopolitical model]. *Evrasiistvo: problemy osmysleniya (po itogam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 14–15 sentyabrya 2002 g.)*. Ufa: Vostochn. un-t. Pp. 109–120. [in Russian]

Materialy..., 2002 – Materialy po istorii Bashkortostana [Materials on the history of the Bashkortostan]. Avt.-sost. N. F. Demidova. T. VI. Ufa: Kitap, 2002. 768 p. [in Russian]

Mezhdunarodnye otnosheniya..., 1989 – Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noi Azii XVII–XVIII vv. [International relations in Central Asia during the 17th–18th centuries AD]. Sost. B.P. Gurevich, V.A. Moiseev. Kn. I. M.: Nauka, 1989. 375 p. [in Russian]

OGA00 – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [United State Archive of the Orenburg Region].

Palmov, 1922 – *Palmov, N.N.* (1922). Ocherk istorii kalmytskogo naroda za vremya ego prebyvaniya v predelakh Rossii [An essay on the history of the Kalmyk people during their stay within the borders of Russia]. Astrakhan': Kalmytskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 137 p. Ottisk iz zhurnala: *Oiratskie izvesti*. № 1–2. [in Russian]

Palmov, 1926 – *Palmov N.N.* (1926). Ehtyudy po istorii privolzhskikh kalmykov. XVII–XVIII vv. [Studies on the history of the Volga Kalmyks. 17–18th century]. Chast' I. Astrakhan': Kalmoblizdat, 264 p. [in Russian]

Palmov, 1927 – *Palmov, N.N.* (1927). Ehtyudy po istorii privolzhskikh kalmykov [Studies on the history of the Volga Kalmyks]. Chast' II: XVIII vek. Astrakhan': Kalmoblizdat, 231 p. [in Russian]

Pod styagom Rossii..., 1992 – Pod styagom Rossii: sbornik arkhivnykh dokumentov [Under the banner of Russia: a collection of archival documents]. Sost. A.A. Sazonov i dr. M.: Russkaya kniga, 1992. 432 p. [in Russian]

PSZ-I, 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I (PSZ-I) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection I (PSZ-I)]. Sost. A.A. Sazonov i dr. M.: Russkaya kniga, 1992. 432 p. [in Russian]

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archives of Ancient Documents].

Rychkov, 2002 – *Rychkov, P.I.* (2002). Istoriya Orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoi gubernii [History of Orenburg on the establishment of the Orenburg province]. Ufa, 186 p. [in Russian]

Suleimenov, Basin, 1981 – *Suleimenov, B.S., Basin, V.Ya.* (1981). Kazakhstan v sostave Rossii v XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as a part of Russia in the 18th – early 20th centuries AD]. Almaty: «Nauka» Kazakhskoi SSR, 248 p. [in Russian]

Suseeva et al., 2019 – *Suseeva, D.A., Toropitsyn, I.V., Kundakbayeva, Zh.* (2019). New searches on the Kazakh-Kalmyk relations of the first half of 1740s: new archival documents from Elista. *Journal of history*. 3(94): 28–34.

Taimas Shaimov..., 2023 – Taimas Shaimov i ego vremya: Sbornik dokumentov i materialov [Taimas Shaimov and his time: Collection of documents and materials]. Sost. G. Kh. Samigulov. Chelyabinsk: FSSKN «Obshchestvennyi fond «Yuzhnyi Ural», 2023. 152 p. [in Russian]

Taimasov, 2009 – *Taimasov, S.U.* (2009). Bashkirsko-kazakhskie otnosheniya v XVIII v. [Taimasov S.U. Bashkir-Kazakh relations in the 18th century AD]. M.: Nauka. 344 p. [in Russian]

Tarkhan i batyr..., 2018 – Tarkhan i batyr Aldar Isekeev [Tarkhan and batyr Aldar Isekeev]. Istoriya bashkirskikh rodov. Burzyan. T. 31. Ch. I. S.I. Khamidullin i dr. Ufa: NOTs «Istoriya bashkirskogo naroda» IIGU BashGU, 2018. Pp. 127–209. [in Russian]

Toropitsyn i dr., 2019 – *Toropitsyn, I.V., Suseeva, D.A., Kundakbaeva, Zh.B.* (2019). Shatkii mir: kazakhsko-kalmytskie otnosheniya v nachale 1740-kh gg. [Unsteady Peace: Kazakh-Kalmyk Relations in the early 1740s]. *Vestnik kalmytskogo universiteta*. 4(44): 63–68. [in Russian]

Toropitsyn, 2009 – *Toropitsyn, I.V.* (2009). Oborona kalmytskikh ulusov v 30–40 gg. XVIII v. [Defense of Kalmyk uluses in the 30–40s of the 18th century AD]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Edinaya Kalmykiya v edinoi Rossii: cherez veka v budushchee», posvyashchennoi 400-letiyu dobrovol'nogo vkhozhdeniya kalmytskogo naroda v sostav Rossiiskogo gosudarstva*. Ch. I. Elista: ZAOR NPP «Dzhangar». Pp. 242–246. [in Russian]

Материалы к истории казахско-российских отношений (1729–1740 гг.)

Гаяз Хамитович Самигулов ^{a, *}

^a Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gayas_@mail.ru (Г.Х. Самигулов)

Аннотация. Предлагаемый текст представляет собой публикацию нескольких документов, не известных широкому кругу исследователей. Первый документ сообщает новые детали о ситуации, предшествовавшей отправке ханом Младшего жуза Абулхайром посланца к императрице Анне Иоанновне в 1730 г., и о роли, которую в этом сыграли башкиры Ногайской и Сибирской дорог. Второй материал существенно дополняет имеющуюся информацию о причинах отправки ханом Среднего жуза Семеке посланцев к уфимскому воеводе Кошелеву с предложением принятия казахами этого жуза российского подданства. Следующие три текста — материалы допросов трех участников казахских набегов на калмыцкие зимовья зимой 1739–1740 гг. Эти источники содержат информацию об организаторах и руководителях походов, о ходе набегов и конкретных топонимах, позволяющих реконструировать события с привязкой к местности. В целом эти документы позволяют реконструировать более полную картину непростых взаимоотношений казахов с Российской империей и непосредственно с башкирами и калмыками, как подданными российской императрицы, в указанный период.

Ключевые слова: Северный Казахстан, Казахское ханство, башкиры, калмыки, жузы, Российская империя, конфликты.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 33-44
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.33

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Protection of the Population of the Orenburg Borderlands of the Russian Empire Against Slave Raiding in 1801–1831. Part I

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^aCherkas Global University, Washington, DC, USA

^bVolgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to analyzing how effective was the defense system of the Orenburg Borderlands of the Russian Empire in 1801–1831 at protecting local populace from steppe nomad's slave raids, and how efficiently were local officials organizing rescue of the Russian subjects already taken into slavery. The research is based on materials of the Joint State Archive of Orenburg Region (OGAOR), previously mostly unpublished. Firstly, the author analyzes the overall dynamics for the number of slaves captured at the time and the number of killed during slave raids. Secondly, thorough examination of well-documented individual cases helps understand real practices of the local officials and officers.

The following quote of the Orenburg Military Governor G.S. Volkonskii, taken from his orders which were sent to the commandants of all border fortresses, is provided in the first part of article: “Weakness and negligence of service continue to this day”. The research shows that only formal performance of one's duties by border officers in the aforementioned period wasn't unusual. At the same time, the change of dynamics of the number of captured slaves was also influenced by events in the steppe. As a result, the highest number of captures occurs in 1823, when, on the one hand, the uprising of Zh. Tlenshiev – a nomad starshina, who was formerly loyal to Russian authorities and even saved at least 1 Russian slave – reached its peak; on the other hand, an investigation conducted by the adjutant of P.K. Essen, next Orenburg Military Governor, revealed grievous flaws in the defense of the borderland (up to absence of reaction on the news about a group of nomads capturing people, and one of them having a Russian officer's uniform).

Keywords: slavery, slave ownership, Central Asia, Orenburg line, G.S. Volkonskii, P.K. Essen, Zh. Tlenshiev.

1. Введение

Еще в XIX в. российскими авторами был создан целый ряд текстов, посвященных русским рабам в Центральной Азии. Е.К. Созиной даже предложено такое понятие, как «дискурс “степных пленников”», причем, по мнению исследовательницы, данный дискурс был средством «внутренней колонизации» и «работал на геополитические интересы России» (Созина, 2016: 7). Целый ряд сочинений о тяжелейшем положении русских пленников в Хиве написал один из классиков русской литературы, В.И. Даль (Даль, 1838a: 188-211; Даль, 1838b: 81-86; Даль, 1839: 74-92). Русские путешественники, побывавшие в Центральной Азии, тем более регулярно вставляли в свои сочинения следующие стереотипизированные сентенции: «Нужно видеть несчастных русских невольников в Бухаре и Хиве, чтобы воодушевиться пламенным желанием освободить их» (Мейендорф, 1975: 146); «Русский в Бухаре есть какое-то безответное существо, на которое всякий может наложить руку» (Записки..., 1983: 107).

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

Однако до сих пор не отрефлексированным как в культуре, так и в научной литературе остается сюжет о том, что присутствие в Центральной Азии рабов, являвшихся подданными Российской империи, было связано не только с набегами степных кочевников (чаще всего в терминологии документов эпохи – «киргизцев»), но и с неспособностью пограничных властей предотвратить захват людей во время этих набегов. Так, в дискурсе «степных пленников» вопрос ответственности российских чиновников и офицеров за то, что на подконтрольных им территориях степными кочевниками до середины XIX в. регулярно захватывались рабы, вообще почти не поднимался. Из этого правила нам известно только одно любопытное исключение. В начале XX в. оренбургским историком-любителем С.Н. Севастьяновым был опубликован очерк «Иван Васильевич Подуров», который Е.К. Созина считает достаточно характерным для русской литературы о «степных пленниках» и даже выстроенным «с оглядкой на романтическую литературную традицию» (Созина, 2011: 45). Но в этом очерке не только описывается пребывание И.В. Подурова в плену, но и прямо сообщается: захват пленников был нормой (дословно «заурядным явлением») в оренбургском пограничье первой трети XIX в. (Севастьянов, 1999: 196). Согласно данным С.Н. Севастьянова, в 1803–1817 гг. при оренбургском военном губернаторе Г.С. Волконском с Оренбургской линии было похищено 176 человек, а в 1818–1829 гг. при губернаторе П.К. Эссене – 443 человека (Севастьянов, 1999: 196). Нетрудно подсчитать, что при Г.С. Волконском в плен захватывалось около 10-ти человек год, а при П.К. Эссене – около 40, т. е. число подобных захватов в долгосрочной динамике даже не уменьшалось, а росло. Отмечает С.Н. Севастьянов и тот факт, что после похищения киргизцами героя его очерка, И.В. Подурова, один из местных офицеров, атаман Переволоцкой станицы Дашкенчев¹, в наказание был отправлен «на трое суток на хлеб и воду при военной гауптвахте» (Севастьянов, 1999: 196).

Таким образом, даже из литературы, без учета архивных документов, известен как минимум один случай, когда представитель приграничных оренбургских властей был наказан за то, что с подконтрольной ему территории оказался похищен человек. Однако действительно ли Дашкенчев совершил какое-либо упущение или, может быть, вышестоящие власти не разобрались в ситуации и наказали невиновного? И вообще насколько эффективно российские военные и чиновники в оренбургском пограничье первой трети XIX в. противостояли захватам рабов, отражая набеги степных кочевников? На эти вопросы мы и попытаемся ответить в первой части нашей статьи.

2. Материалы и методы

Мы не случайно ограничиваем хронологические рамки нашего исследования первой третью XIX в. Дело в том, что в начале 1830 гг. оренбургскими властями была предпринята попытка систематизировать статистику по захвату рабов и по сопровождавшим эти процессы убийствам российских подданных на Оренбургской линии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 37–38). Хотя, как мы покажем далее, ряд случаев не попал в эту статистику, она позволяет хотя бы ориентировочно оценить, насколько масштабным был захват рабов в оренбургском пограничье в конкретные годы. Данная статистика охватывает период с 1758 по 1831 гг. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 37–38).

Основным же содержанием первой части нашей статьи станет разбор отдельных эпизодов захвата рабов, хорошо задокументированных в Объединенном государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО). Дело в том, что в большинстве случаев в документах оренбургских властей получал отражение сам факт захвата людей сумевшими перейти границу киргизцами, а вот каких-либо расследований, призванных установить степень ответственности за случившееся, почти не предпринималось. Тем большего внимания заслуживает ряд выявленных нами задокументированных эпизодов, самые ранние из которых относятся к 1800 гг., когда за проникновением киргизцев через пограничную линию следовало наказание отдельных офицеров, высказывалась оценка случившегося вышестоящими властями или (в одном случае) даже проводилось целое следствие, сопровождавшееся очными ставками, о степени виновности конкретного чиновника.

Все это дает нам возможность уяснить как общую динамику захвата рабов в оренбургском пограничье первой трети XIX в., так и конкретные ошибки местных офицеров и чиновников этого времени в деле защиты границы. Как утверждает К. Гинзбург, познавательно эффективной формой исторического исследования является «непрерывное чередование микро- и макроистории, “крупных планов” и “общих” или “сверхобщих” планов, позволяющее вновь и вновь возвращаться к общей картине исторического процесса и уточнять ее за счет выявления бесспорных исключений и краткосрочных причин» (Гинзбург, 2004: 305). Именно к достижению подобного результата мы и стремились в данной статье.

3. Обсуждение

Литература по темам, смежным с темой нашего исследования, обширна и разнообразна. Целый ряд работ посвящен Оренбургской линии (Стромов, 2024: 272–291; Мауль, 2017: 351–361).

¹ В архивных документах фамилия атамана Переволоцкой станицы пишется как Дашкенчев, а не Дашкенчев. Мы далее будем следовать этому написанию.

Многочисленны и работы посвящены тематике рабовладения в Центральной Азии XIX в. (Исмаилова, 1973: 20-30; Ermachkov, 2021: 26-34; Ermachkov et al., 2021: 1171-1180). Что касается фигур отдельных оренбургских губернаторов и их личного влияния на российскую политику в регионе, то этому вопросу посвящена фундаментальная монография Р.Ю. Почекаева (Почекаев, 2017). Однако до сих пор почти отсутствуют научные работы, посвященные именно соотношению этих тем, вопросу о том, насколько эффективно система обороны в оренбургском пограничье защищала местное население от захвата в рабство.

4. Результаты

В 1807 г. оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский получил целый ряд рапортов, описывающих ночное похищение с пашен возле Оренбурга «ворами-киргизцами» около 10-ти человек, включая толмача Оренбургской пограничной комиссии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 283. Л. 1. 6об.). Подполковник Никифоров, вышестоящий над сотником Сильновым, командиром соответствующего участка пограничной линии (подобный участок именовался «дистанцией»), сообщил, что, когда о случившемся узнали от одного из похищенных, малолетка Ивана¹, почему-то «брошенного» похитителями в степи, для преследования был выделен отряд солдат, и этому отряду удалось вернуть еще одного похищенного (тяжело раненного и тоже брошенного в степи казака Якова Леонтьева), а также найти во время преследования «три копыя, изломанного древку, и два топора» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 283. Л. 1об.-2). Заранее отвечая на возможные обвинения в адрес Сильнова, Никифоров подчеркивал, что граница охранялась надежно, на дистанции соблюдался «совершенный порядок», а если киргизцам и удалось похитить столько людей, то исключительно потому, что они переправились через реку в скрытном и глубоком месте, чего «предполагать было невозможно» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 283. Л. 2). Завершая свой рапорт, офицер писал: он считает совершенно невозможным охранять все броды на пограничной реке, и следует запретить местным жителям ради их же безопасности ночевать в поле или ездить ночью без охраны (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 283. Л. 2об.).

Оренбургский городничий Голубовский докладывал: кроме малолетка Ивана и Я. Леонтьева, спастись смог «киргизенок Саратай», его почему-то не связали, и, когда похитители переходили брод, он бросился в воду с лошади и уплыл (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 283. Л. 3-3об.). Помимо этого, городничий весьма подробно и натуралистично описывал раны Я. Леонтьева, от которых тот в итоге скончался: «Брюхо у него проколото и видные члены повреждены, кои все и вывалились вон из нутра, сколько штаб-лекарь старался вложить, но никакое средство пособия преподать не могло» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 283. Л. 4). Оренбургская войсковая канцелярия ко всему этому добавляла, что похитителей было «около тридцати», т. е. пересечь границу и дойти почти до самого Оренбурга смог достаточно крупный отряд (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 283. Л. 6).

Реакция Г.С. Волконского на произошедшее оказалась крайне жесткой. Губернатор разослал идентичные распоряжения всем командирам приграничных крепостей, в которых текущая ситуация описывалась следующим образом: «Слабость и нерадение о службе продолжаются и поныне, киргизцы всегда удачно проходят сквозь линию, похищают людей хоть временно, но лошадей и другой скот нередко, нигде ни в чем не видно таких действий, чтобы при самом покушении воров на линию остановленные и пораженные были они как злодеи, если и доводилось где преследовать, то и там не видно таких же действий, кои бы устраивали их отваживать впредь на злодеяния; и вообще преследователи, упустив воров из виду, возвращались без всякого успеха» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 283. Л. 17об.-18). Далее разбиралась деятельность сотника Сильнова. Ему последовательно ставилось в вину то, что он «не имел заботы принимать мер к предупреждению злодейств киргизских», «людей, рассеянных на пашнях в поле, не собрал в одно место, оставил в ночь беспрепятственно, как будто б в не опасном месте, без оружия и без особого над ними присмотра и охранения» и, наконец, «разъезд, осматривавший по утру положение места, не знал бы вовсе о увозе людей и где киргизцы удачно могли пройти сквозь линию, если бы не остался избавившийся от их плена дворовой фон Рейса человек (т. е. малолеток Иван – Авт.), который уведомил разъезд о злодеянии» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 283. Л. 18об.). Г.С. Волконский официально сообщил командирам крепостей, что Сильнов отдан им под суд, о его просчетах сообщено лично императору, и то же самое будет со всяким офицером, независимо от чина, если он допустит упущение по пограничной службе (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 283. Л. 18об.-19).

И, действительно, в том же 1807 г. Г.С. Волконский приказал отдать под суд еще двух офицеров – начальника аксакальского форпоста и атамана Никольской станицы. Первого – за то, что мимо его постов смогли пробраться киргизцы, а второго – за то, что несколько жителей его станицы остались ночевать на пашнях (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 335. Л. 3-3об.). Касаясь проблемы ночевки в опасном месте, Г.С. Волконский указывал: местные жители «оставляются ночевать в степь из-за лишней части хлеба и тем подвергают себя гибели». Он считает недосмотр за тем, чтобы подобных случаев не повторялось, достаточным для предания суду (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 335. Л. 3об.).

¹ Он зафиксирован в одних документах как Иван Иванов, а в других – как Иван Пачин (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 283. Л. 1, 3).

Полтора десятилетия спустя, в начале 1830 гг., оренбургские власти пытались доказать, будто бы на их территории проблема захвата рабов почти решена, а российских подданных центральноазиатские работорговцы похищают преимущественно с рыбных ловель в Каспийском море. Председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс формулировал это следующим образом: «Прежде захватывали людей из внутренних селений, даже на Волге и за Волгой, потом и с линии, а ныне почти исключительно пленяют рыболовов на Каспийском море около Мангашлыцкого берега» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 22-220б.). В рамках доказательства этого утверждения была подготовлена статистическая таблица, из которой оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен делал вывод, согласно которому «с 1824 года увоз людей с линии постепенно, но заметным образом уменьшался, а в последние три года число выреченных из плена превышает таковое же увлеченных ордынцами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 31-310б.). Данная таблица публиковалась еще в начале XX в. С.Н. Севастьяновым, но с некоторыми неточностями (Севастьянов, 1906: 128-129). Чтобы проверить утверждения П.П. Сухтелена и Г.Ф. Генса, мы составили два графика на основе этой таблицы, взяв в качестве стартовой точки не 1824 г., а 1801 г.: график числа захваченных в оренбургском пограничье русских подданных и график числа погибших в ходе захватов. Кстати, из соотнесения этих графиков с рассмотренными нами выше эпизодами видно, что легшие в их основу статистические данные оренбургских властей начала 1830 гг. неполны: в 1807 г. они не фиксируют погибших во время захватов киргизцами российских подданных, хотя выше мы убедились, что в этом году именно в ходе захвата рабов погиб Я. Леонтьев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 370б.).

Рис. 1. Примерное число людей, захваченных на Оренбургской линии в 1801–1831 гг.
Источник: ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 370б.-38.

Таким образом, в 1801–1831 гг. динамика численности жертв похищений в рабство в оренбургском пограничье менялась не линейно. Дважды, в 1802–1803 гг. и в 1821–1824 гг., число захватов резко возрастало и начинало превышать 40 человек ежегодно. В пиковые годы, в 1802 г. и в 1823 г., похищалось более 100 человек в год. При этом в 1821–1824 гг. не только было похищено в сумме больше людей, чем за любой другой аналогичный промежуток времени, но похищения еще и сопровождалось многочисленными убийствами, пик которых (более 30 убитых) тоже приходится на 1823 г. В конце рассматриваемого периода, с 1829 г., число захваченных резко упало до менее чем 10 человек в год, но переоценивать значение данного факта и делать из него вывод, будто бы проблемы с охраной границы оказались окончательно решены, не следовало. Такое же падение имело место и в конце губернаторства Г.С. Волконского, когда менее 10-ти человек в год похищалось в 1816–1818 гг., и, следовательно, успокоение ситуации на границе не означало, что она останется безопасной в долгосрочной перспективе.

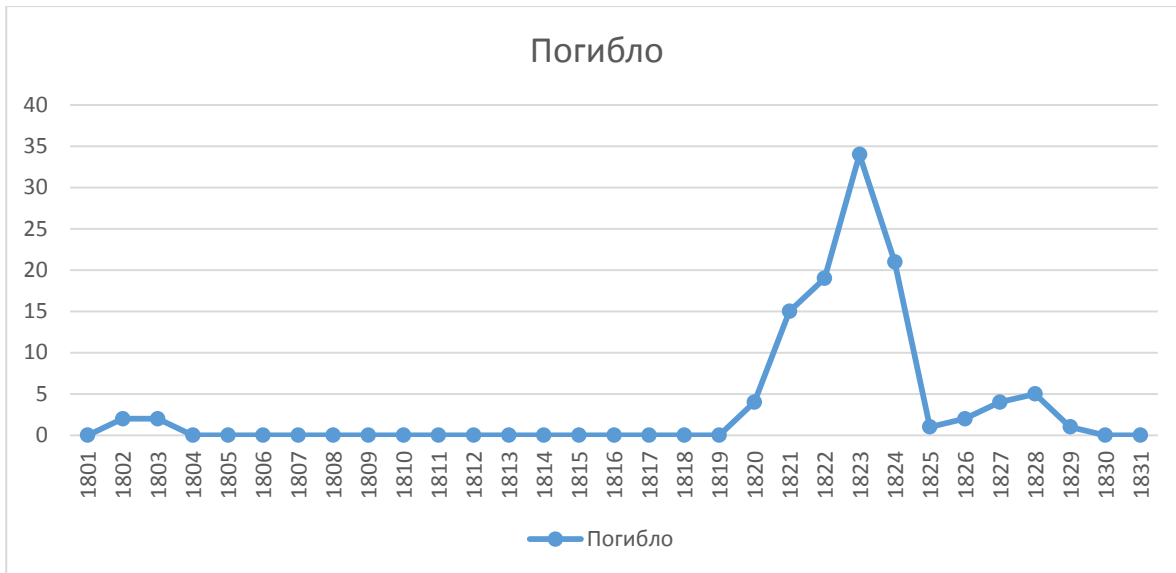

Рис. 2. Примерное число людей, погибших в ходе захватов рабов на Оренбургской линии в 1801–1831 гг. Источник: ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 370б.-38.

Полноценный анализ причин колебаний числа жертв работорговли в оренбургском пограничье первой трети XIX в. выходит за рамки данной небольшой статьи. Однако отметим, что на эти колебания, вероятно, влияла политика оренбургских губернаторов. Так, в 1806–1807 гг., перед тем, как Г.С. Волконский предал суду ряд офицеров, отвечавших за безопасность пограничья, число похищенных в рабство превышало 20 человек в год, в оставшиеся же 10 лет его губернаторства сравнимый захват рабов произошел только в 1814 г., а в 1808–1813 гг. и в 1815–1817 гг. ежегодно захватывалось менее 20-ти человек. Резкий рост числа захватов при следующем губернаторе, П.К. Эссене, возможно, был связан с неким пересмотром отношения к киргизцам и ослаблением пограничной безопасности. С.Н. Севастьянов утверждал, будто бы, «основываясь на единогласном предании казаков об Эссене, можно предположить, что он отпускал киргиз и мало ограждал от них прилинейных жителей, вероятно, исполняя только букву закона, который, по его настояниям, в силу изменения местных условий, мог бы излагаться в смысле более действенного охранения русского прилинейного элемента» (Севастьянов, 1999: 205).

Разумеется, на интенсивность набегов киргизцев влияла и ситуация в самой степи. Так, Г.С. Волконскому удалось установить хорошие отношения с неким «Старшиной Юламаном Тлянчиным», которому он даже объявлял благодарность за «вывезение из Киргизского плена от хищников Киргизцев войска Уральской Илецкой Станицы Казака Артемья Рыбаксова» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 226). Речь идет о Жоламане Тленшиулы, уважаемом в современном Казахстане историческом деятеле. Ж. Тленшиулы известен, в первую очередь, как раз тем, что с 1822 г. он начал, с точки зрения современной казахской историографии, «открытую войну с Российской империей», окончившуюся к 1826 г., когда его силы были разбиты (его позднейшая борьба с расширением влияния России в степи выходит за рамки интересующего нас хронологического периода) (Ksenzhik, Zhetpisbay, 2020: 61-65).

Одним из элементов войны Ж. Тленшиулы стал захват русских пленников, включая, возможно, самый дерзкий и известный случай подобного захвата в оренбургском пограничье. В 1823 г. киргизцами были пленены два русских офицера – прапорщик С.А. Медведев и есаул И.В. Подуров (позднее дослужившийся до генеральских чинов и ставший оренбургским атаманом). Именно этому эпизоду и посвящен очерк С.Н. Севастьянова «Иван Васильевич Подуров», который мы упоминали во вводной части нашей статьи. Здесь же уместно отметить, что данный очерк не просто остается востребованным по сей день: он неоднократно анализировался современными учеными, причем одни авторы считают его относительно достоверным (Жаглова, Сайбулова, 2020: 35-42), а другие, напротив, идеализирующим русских и демонизирующим казахов (Жетписбай, 2019). Таким образом, факт захвата киргизцами в плен в 1823 г. не простых крестьян, казаков, солдат или мещан, а офицеров российской армии, включая известного в дальнейшем казачьего генерала, не просто не забыт, но и до сих пор вызывает определенные дискуссии.

Для нас же принципиально важно, что фактически за операцией по похищению русских офицеров стоял Ж. Тленшиулы, с которым оренбургским властям и пришлось вести переговоры об их освобождении, причем киргизский старшина требовал, чтобы оренбургский военный губернатор П.К. Эссен при этом вступил с ним в личную переписку (Peretyatko, 2023: 45). В рамках этой переписки Ж. Тленшиулы пытался объяснить, что российские власти отобрали у его соплеменников

исконно принадлежавшие им земли, и киргизцы неоднократно посылали прошения об их возвращении, но не получили никакого, даже отрицательного, ответа (Peretyatko, 2023: 45).

Таким образом, мы можем однозначно утверждать: конфликт Ж. Тленшиулы с российскими властями, имевший место в первой половине 1820 гг., не просто мог косвенным образом способствовать захватам рабов при набегах киргизцев. Сам Ж. Тленшиулы считал вполне возможным захватывать пленников для улучшения своей переговорной позиции. И, соответственно, пик захватов рабов в оренбургском пограничье в 1821–1824 гг. оказывается связан не только с возможной сменой политики нового губернатора по охране границы, но и с тем, что П.К. Эссен довел ситуацию до вооруженного конфликта с влиятельным киргизским старшиной, который при Г.С. Волконском, напротив, даже помогал в освобождении захваченных русских подданных.

Заслуживают внимания и обстоятельства захвата И.В. Подурова и С.А. Медведева, в полной мере продемонстрировавшие те «слабость и нерадение о службе» ряда охранявших границу офицеров, которые за полтора десятилетия до этого критиковал Г.С. Волконский. Хотя похищение произошло 1-го июля, в Оренбурге о нем узнали только 5-го июля, причем не от какого-либо официального лица, а от отставного казака Е. Белоновского. Этот ответственный человек, узнав о случившемся, по своей инициативе явился в корпусное дежурство Отдельного оренбургского корпуса и сообщил о похищении неизвестными И.В. Подурова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 1-10б.). В тот же день, но несколько позже, о случившемся, наконец, доложила и оренбургская войсковая канцелярия (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 2-3). А уже 6-го июля П.К. Эссен отправил разбираться в ситуации своего адъютанта Березовского (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 19об.-200б.). Тому даже пришлось провести небольшое следствие, чтобы установить нижеприведенную последовательность событий.

Таблица 1. События, связанные с похищением киргизцами двух русских офицеров 1-го июля 1823 г., согласно донесению адъютанта оренбургского военного губернатора Березовского от 11-го июля 1823 г.

Время	Событие
1 июля, 7 утра	И.В. Подуров на тройке (возница – малолеток Кожевников) отбывает из крепости Переволоцкой в Новосергиевскую станицу
1 июля, полдень	Башкирец Абсалям Абдулов с сыном захвачены 4 киргизцами, один из которых одет в русскую офицерскую форму, а у другого сабля, показавшаяся А. Абдулову странной
1 июля, день	А. Абдулов с сыном смогли освободиться по недосмотру пленителей
1 июля, сумерки	А. Абдулов с сыном приходят к атаману Переволоцкой станицы хорунжему Дашкеичеву и сообщают о факте их захвата 4 киргизцами, <i>упомянув, что один из них был одет в русскую офицерскую форму, а у другого была сабля, показавшаяся А. Абдулову странной</i> ¹
2 июля, утро	Мать малолетка Кожевникова приходит к атаману Дашкеичеву и просит узнать, где находится ее сын
3 июля, утро	Мать малолетка Кожевникова <i>повторно</i> приходит к атаману Дашкеичеву и просит узнать, где находится ее сын
3 июля, вечер	Атаман Дашкеичев наконец посылает команды для поиска пропавших И.В. Подурова и Кожевникова

Источник: ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 19.

Таким образом, согласно проведенному Березовским следствию, уже вечером 1-го июля 1823 г. атаман Переволоцкой станицы Дашкеичев не просто знал, что около его станицы захватывают людей киргизцы, но и получил информацию, согласно которой у одного из этих киргизцев откуда-то взялся русский офицерский мундир. Ситуация требовала немедленных мер, поскольку единственным способом получить такой мундир для киргизца было отобрать его у русского офицера, а как раз утром из Переволоцкой станицы выехал без охраны с одним малолетним извозчиком есаул И.В. Подуров. Следовало бы еще вечером 1-го июля послать казаков для поимки перешедших границу киргизцев и спасения почти наверняка захваченных ими офицера и сопровождавшего его подростка, однако Дашкеичев, несмотря на ежедневно следовавшие обращения к нему матери этого подростка, сделал это только через двое суток, вечером 3-го июля.

Березовский приложил к своему донесению показания ряда лиц. А. Абдулов совершенно однозначно указывал: он сообщил Дашкеичеву не только о том, что его захватывали киргизцы, но и о том, «что на одном из киргизцов был офицерской сюртук темно-зеленый, с крашеным воротником и светлыми пуговицами, и с позументами на плечах, сабля на другом, у коей эфес с защитой» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 330б.). Станичный пастух, башкирец Ф. Салихов, бывший свидетелем

¹ Курсивом здесь и в следующей таблице выделены прямые расхождения в различных версиях событий (в версии адъютанта оренбургского военного губернатора Березовского и в версии атамана Переволоцкой станицы Дашкеичева).

разговора, подтверждал это показание (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 390б.). Дежурный по станице Г. Иванов сообщал: Дашкеичев, получив от А. Абдулова информацию об орудующих в округе киргизцах, приказал ему собрать для их поимки 7 казаков (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 300б.-31). Г. Иванов сделал это, однако затем срок его дежурства истек, и он сдал дежурство Н. Чернышеву, после чего не интересовался дальнейшими событиями (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 300б.-31). Кожевникова подчеркивала: она дважды ходила к атаману с просьбой начать поиски ее сына, но в ответ получала только указания «идти со двора», причем во второй раз свидетелями этого были несколько казаков, включая упомянутого выше Н. Чернышева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 350б.-36). Н. Чернышев и другие свидетели этой сцены подтверждали ее слова, добавляя, что Дашкеичев даже приказывал женщине самой идти на поиски пропавшего сына с другим малолетним сыном (напомним: разведка вокруг станицы еще не была проведена и там могли оставаться киргизцы, захватывающие рабов) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 370б.).

Эти показания наглядно демонстрируют крайнюю халатность Дашкеичева, однако сам атаман не собирался признавать вину, вместо этого доказывая, будто бы события развивались совершенно иначе, из-за чего Березовский даже организовал его очную ставку с А. Абдуловым и Кожевниковой, впрочем, ни к чему не приведшую, поскольку атаман продолжал настаивать на своих показаниях (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 41-410б.). Вот версия событий Дашкеичева.

Таблица 2. События, связанные с похищением киргизцами двух русских офицеров 1-го июля 1823 г., согласно рапорту атамана Переволоцкой станицы Дашкеичева от 8-го июля 1823 г.

Время	Событие
1 июля, 7 утра	И.В. Подуров на тройке (возница – малолеток Кожевников) отбывает из крепости Переволоцкой в Новосергиевскую станицу
1 июля, 10 вечера	А. Абдулов с сыном приходят к атаману Переволоцкой станицы хорунжему Дашкеичеву и сообщают о факте их захвата 4 киргизцами, <i>но не упоминают о том, что один из них был одет в русскую офицерскую форму, а у другого была сабля, показавшаяся А. Абдулову странной</i>
1 июля, вечер	Атаман Дашкеичев собирает 7 человек для поиска киргизцев, однако А. Абдулов отказывается сопровождать их и показывать дорогу, ссылаясь на сильнейший дождь и темноту; Дашкеичев решает, что в подобных условиях ловить киргизцев бесполезно и распускает собранных людей по домам, кроме 2, отправленных охранять станичный табун; кроме того, он ставит в известность о случившемся атамана Татищевой станицы
2 июля	Атаман Дашкеичев, видя, что Кожевников не вернулся в срок, посылает нарочного в Новосергиевскую станицу, чтобы уточнить, не задержался ли он там
3 июля, утро	Мать малолетка Кожевникова <i>впервые</i> приходит к атаману Дашкеичеву и просит узнать, где находится ее сын; Дашкеичев обещает принять меры, как только вернется нарочный, исходя из его сообщения
3 июля, ?	Возвращается нарочный из Новосергиевской станицы, сообщая, что И.В. Подуров и Кожевников до нее не доехали
3 июля, 9 вечера	Атаман Дашкеичев отправляет 20 человек искать пропавших и посылает уведомления о случившемся по всей линии
4 июля	Посланные Дашкеичевым казаки находят 2 брошенные и разграбленные повозки, включая повозку И.В. Подурова

Источник: ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 45-460б.

Как мы видим, версия Дашкеичева противоречила не только показаниям А. Абдулова и Кожевниковой, но и показаниям ряда свидетелей, в частности, Ф. Салихова и Н. Чернышева. В подобной ситуации П.К. Эссен счел Дашкеичева виновным, однако поступил с ним гораздо менее жестко, чем его предшественник, Г.С. Волконский, поступал с пограничными офицерами за меньшие прегрешения. С должности атамана Дашкеичева не сняли и под суд не отдали, но только отправили на трое суток на гауптвахту «с употреблением в пищу хлеба и воды» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 65-66). Таким образом, несмотря на серьезнейшее упущение в обеспечении защиты оренбургского пограничья от киргизских набегов и попытку смягчить свою вину откровенной ложью, противоречащей показаниям нескольких свидетелей, атаман Переволоцкой станицы Дашкеичев остался на своем посту, и от его действий по-прежнему зависела безопасность как минимум жителей этой станицы.

Еще более показательна для нашего исследования переписка Березовского с комендантами приграничных крепостей и атаманами приграничных станиц. Она демонстрирует полную неготовность части российских приграничных укреплений к оперативной реакции на похищение не только обычных солдат, казаков или крестьян, но и даже офицеров. Наиболее красноречиво в этом

отношении было уведомление, полученное адъютантом оренбургского военного губернатора от коменданта Рассыпной крепости. Этот комендант, майор Подгорнов, 9-го июля информировал Березовского, будто бы не только «от Переволоцкой станицы от господина атамана Дашкевича никакого уведомления не имел», но и «от прочих по вверенной мне дистанции от господ атаманов никаких донесений об оном происшествии получено не было, и какие приняты ими были меры к открытию в похищении злодеями вышепоминаемых людей, также мне о том донесено не было» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 52-52об.). Итак, комендант одной из крепостей Оренбургской линии более чем через неделю после похищения киргизцами двух русских офицеров просто ничего не знал о случившемся и не принял никаких мер.

Из Нижнеозерной крепости доносили, что осмотрели российский берег реки Урал и ничего не обнаружили, а отправлять команды для поиска на другой берег запрещалось «за известными предписаниями Господина Оренбургского Военного Губернатора» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 51-51об.). С.Н. Севастьянов в одном из своих трудов критиковал П.К. Эссена еще и за то, что этот оренбургский губернатор запрещал казакам «под страхом строгого взыскания переплыть Урал и догнать хищников» (Севастьянов, 1999: 205). Выше мы видели, что Г.С. Волконский, при котором число захватов киргизцами российских подданных в оренбургском пограничье было значительно меньше, чем при П.К. Эссене, напротив, был сторонником активного преследования набеговых партий, требуя от своих подчиненных «таких же действий, кои бы устраивали их отваживать впредь на злодеяния». И сейчас мы наблюдаем очевидное негативное следствие существовавшего при П.К. Эссене запрета для солдат и казаков пограничных дистанций переправляться через Урал. В данном случае этот запрет мешал искать следы двух украденных русских офицеров там, где эти следы, безусловно, могли быть.

Илецкий атаман Донсков докладывал, что получил информацию о похищении только «в вечеру 7-го числа» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 57). Таким образом, до него сведения о чрезвычайной ситуации в приграничье дошли, но очень медленно, даже если отсчитывать не с 1-го июля, а с вечера 3-го июля, когда Дашкеичев начал распространять новости о случившемся по линии.

Наконец, атаман Татищевой станицы Исаков подтверждал, что 2-го июля получил от Дашкеичева сообщение, согласно которому в окрестностях были замечены киргизцы, и ими был захвачен А. Абдулов, однако ему предлагалось в связи с этим только усилить надзор над станичными табунами (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 61-61об.). Затем Исаков отбыл из станицы, хотя информация о пропаже И.В. Подурова и С.А. Медведева не сообщалась (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 62-62об.).

Таким образом, в условиях рассмотренной нами чрезвычайной ситуации вся российская система охраны оренбургского пограничья оказалась абсолютно неэффективной. Сначала пограничные посты просто не заметили отряд киргизцев, перешедший границу, затем один из станичных атаманов двое суток не реагировал на уже полученную информацию о том, что около его станицы киргизцы захватывали людей, причем один из них был в форме русского офицера. Наконец, когда вскрылась пропажа русского офицера (как оказалось впоследствии, даже двух) и необходимо было срочно начать искать их следы и следы их похитителей, в одной из пограничных крепостей вообще не получили об этом никакой информации, до другой она дошла только еще через несколько суток, а в третьей поиск вели лишь по одной стороне реки Урал, ссылаясь на указания военного губернатора. Это привело к появлению еще одной жертвы. Того же рокового 1-го июля из Татищевой станицы в Переволоцкую на поиск пропавших с ведома станичного атамана Исакова отправился казак Е. Наймушин (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 67-67об.). Хотя Исаков уже 2-го июля узнал о том, что в окрестностях бесчинствуют киргизцы, он судьбой Е. Наймушина не обеспокоился, пока через 4 дня (т. е. 5-го или 6-го июля) к атаману не явилась жена Е. Наймушина, обратившая внимание на его исчезновение (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 67-67об.). Через какое-то время был обнаружен и труп пропавшего казака, убитого похитителями И.В. Подурова и С.А. Медведева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 317-317об.).

В итоге после 4-го июля российские войска в оренбургском пограничье развили бурную, но достаточно хаотичную и малоэффективную активность, пытаясь найти какие-то следы двух русских офицеров или их похитителей. Куда более эффективной стратегией оказалось обращение к лояльным России киргизцам. 8-го июля, когда «розыскные команды» все еще искали следы похитителей, илецкий атаман Донсков «послал благонадежных киргизцов» в степь (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 68-69). И уже через 4 дня, 12-го июля, киргизский старшина Наизабай Аргымбаев доложил, что ему удалось встретиться с увезенными в степные аулы русскими офицерами, получить от И.В. Подурова письмо для передачи и узнать имена похитителей (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 71-71об.).

А теперь вернемся к графику примерного числа людей, захваченных на Оренбургской линии в 1801–1831 гг. Как мы уже писали выше, из него видно, что именно на 1823 г. приходится максимум как числа захваченных российских подданных, так и числа убитых во время этих захватов (в точных числах – 113 захваченных и 34 убитых) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 37об.). Обстоятельства же захвата в плен И.В. Подурова и С.А. Медведева наглядно показывают, как реально выглядела на тот момент оборона оренбургского пограничья. Достаточно очевидно, что жесткие меры, принятые

Г.С. Волконским для укрепления этой обороны в 1807 г., оказались забыты, и российская охрана границы оказалась неспособна не только систематически противодействовать проникновению небольших киргизских отрядов на российскую территорию, но и хотя бы оперативно реагировать на подобные проникновения. Соответственно, даже с учетом того, что Ж. Тленшиулы, вероятно, обладал определенными полководческими талантами и боевым опытом, большое число российских подданных, захваченных в оренбургском пограничье в 1821-1824 гг., было связано еще и с тем, что система местной обороны, как минимум до 1823 г., не отличалась эффективностью.

В заключение этого сюжета обратим внимание на единственный пока что выявленный нами киргизский набег, который оказался именно перехвачен, а не предотвращен, и при этом был достаточно подробно описан в архивных документах. Этот набег произошел как раз в 1807 г., причем в его ходе российским войскам несколько раз откровенно повезло. Киргизцы снова беспрепятственно проникли на российскую территорию, не были обнаружены даже во время похищения людей и напали на легкую добычу – на отдельно стоящий дом, где жила женщина с двумя детьми (сыном и дочерью) и работником-подростком (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 341. Л. 1). Однако далее удача им изменила, и дочери («девке», возраст которой в документе, к сожалению, не указан) удалось не только сбежать, но и быстро добраться до ближайшего крестьянского поселения, жители которого, не дожидаясь войск, сами пошли на помощь похищенным (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 341. Л. 1). Хотя крестьяне все равно опоздали, похищенные тоже смогли сориентироваться и бросали по пути «разные лоскутья», по которым крестьянам удалось проследить их путь до переправы, около которой уже были военные (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 341. Л. 1). Дело в том, что киргизцам не повезло еще несколько раз. Переправляя награбленное через реку, они оставили двух мальчиков на российской стороне связанными, но без охраны, и тем удалось развязаться и сбежать (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 341. Л. 5-50б.). Беглецы вскоре наткнулись на военного, канонира Крысина, который отвел их к ближайшему форпосту, где как раз находился проверявший караулы по линии казачий хорунжий Силкин (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 341. Л. 5-50б.). В результате немедленно отправленная погоня смогла поймать всех четырех киргизцев, участвовавших в набеге, и вернуть украденное имущество, но похищенная женщина, «жена крестьянина Пономарева», обнаружена не была даже при столь быстрой реакции (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 341. Л. 50б-60б.). Как мы видим, быстрота и хорошая организация действий были очень важны для противодействия киргизским набегам, а как раз их и недоставало российским войскам в оренбургском пограничье и в 1807 г., когда это привело к попытке Г.С. Волконского навести определенный порядок в этих войсках жесткими методами, и в 1823 г., когда киргизцы смогли по-настоящему масштабно воспользоваться слабостью русских войск, захватив более 100 человек за год, включая двух офицеров.

5. Заключение

Нам остается кратко сформулировать основные выводы, к которым мы пришли в рамках первой части нашей статьи.

1) В первой трети XIX в. система защиты населения оренбургского пограничья от захвата в рабство степными кочевниками неоднократно оказывалась неспособна выполнять свои важнейшие функции. Оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский в 1807 г. совершенно однозначно связывал это не только с объективной сложностью защиты протяженной границы от небольших набеговых партий, но и со «слабостью и нерадением о службе» российских военных. Именно в 1807 г. Г.С. Волконским были преданы суду несколько офицеров и чиновников, которые, во-первых, оказались неспособны остановить или хотя бы обнаружить при переходе границы отряды киргизцев, а, во-вторых, позволяли местным жителям, включая детей, ночью находиться вне хорошо охраняемых пунктов. После принятых мер, в 1808–1820 гг., число захватов в рабство жителей оренбургского пограничья заметно упало (за весь этот период не было ни одного года, когда число захваченных достигло бы показателей 1807 г.). Однако при следующем оренбургском военном губернаторе П.К. Эссене властями начали приниматься странные меры, не отвечающие соображениям пограничной безопасности. Так, комендант Нижнеозерной крепости утверждал, что его людям по приказу губернатора запрещено пересекать реку Урал, причем как раз в ситуации, когда это было необходимо для поиска следов людей, захваченных киргизцами. А практика отдачи виновных в нерадении о службе под суд, по-видимому, тоже прекратилась (атаман Переволоцкой станицы хорунжий Дашкеичев за серьезные упущения в критической ситуации получил только 3 дня гауптвахты). Все это способствовало новому падению эффективности защиты границы.

2) В то же время число захваченных в рабство подданных Российской империи зависело не только от эффективности пограничной защиты, но и от ситуации в степи. Если при Г.С. Волконском Ж. Тленшиулы, влиятельный кочевой правитель, был лоялен России и даже помог освободиться русскому рабу А. Рыбаксову, то при П.К. Эссене он вступил в открытый конфликт с Российской империей, что, наряду с описанным выше падением эффективности пограничной защиты, имело серьезные последствия. В 1823 г. на Оренбургской линии было зафиксировано 113 захваченных и 34 убитых российских подданных – это наивысшие показатели в 1801–1831 гг. Кроме того, именно в этом году киргизцами было захвачено два русских офицера, И.В. Подуров и С.А. Медведев, что

повлекло своеобразное расследование обстоятельств их захвата. В результате выяснилось, что атаман Переволоцкой станицы Дашкеичев, зная, что около его станицы захватывают людей киргизцы, один из которых где-то добыл русский офицерский мундир, двое суток не предпринимал никаких активных действий. Атаман Татищевской станицы Исаков, тоже зная о разбойничающих около его станицы киргизцах, несколько дней не обращал внимания на исчезновение казака Е. Наймушина, позднее обнаруженного убитым киргизцами. В Рассыпной крепости даже через неделю не имели никакой информации о случившемся и, соответственно, не приняли никаких мер по поиску похищенных офицеров и их похитителей. В целом все эти факты рисуют описанную Г.С. Волконским картину «слабости и нерадения о службе» многих офицеров, которые выполняли свои обязанности по защите границы. Здесь наиболее показательно то, что Дашкеичев приказывал матери похищенного киргизцами подростка самой идти искать сына, ссылаясь на отсутствие людей для организации поисков. Разумеется, были и офицеры, действовавшие куда более профессионально и эффективно (илецкий атаман Донсков почти сразу отправил в степь искать украденных офицеров «благонадежных киргизцов», за 4 дня нашедших И.В. Подурова и С.А. Медведева). Однако формальное отношение к службе офицеров, отвечавших за охрану границы, и в 1807 г., и 1823 г. было вполне типичным.

Литература

- Гинзбург, 2004 – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М., 2004. 345 с.
- Даль, 1838a – Даль В.И. Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830 // Альманах «Утренняя заря». СПб., 1838. С. 188-211.
- Даль, 1838b – Даль В.И. Рассказ хивинского пленника Федора Федорова Грушина // Литературное прибавление к Русскому инвалиду. 1838. № 5. С. 81-86.
- Даль, 1839 – Даль В.И. Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова // Альманах «Утренняя заря». СПб., 1839. С. 74-92.
- Жаплова, Сайбулова, 2020 – Жаплова Т.М., Сайбулова А.Ж. Особенности поэтики биографического очерка С.Н. Севастьянова «Подуров» // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2020. № 7–8. С. 35-42.
- Жетписбай, 2019 – Жетписбай Н. О некоторых моментах взаимоотношений казахов с русскими прилинейными жителями в XVIII – первой трети XIX вв. в Западном Казахстане // *Qazaqstan tarihy*. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/seo-materials/show/29540> (дата обращения: 26.11.2024).
- Записки..., 1983 – Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., 1983. 149 с.
- Исмаилова, 1973 – Исмаилова С.К. Документы о рабстве в Бухарском ханстве в XIX – начале XX в. // *Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук*. № 2 (72). 1973. С. 20-30.
- Мауль, 2017 – Мауль В.Я. Крепости Оренбургской пограничной линии: строительство и судьба (по материалам Пугачевского бунта) / *Сибирские строители: события и судьбы: сб. статей Всерос. науч. конф.* Сургут, 2017. С. 351-361.
- Мейендорф, 1975 – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 180 с.
- ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.
- Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. 384 с.
- Севастьянов, 1906 – Севастьянов С.Н. События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839–1840 гг. // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 95-148.
- Севастьянов, 1999 – Севастьянов С.Н. Иван Васильевич Подуров. Историко-биографический очерк // *Гостиный двор: Литературно-художественный и общественно-политический альманах*. Оренбург, 1999. С. 190-205.
- Созина, 2011 – Созина Е.К. Степные пленники. Литературная универсалия и ее фактуальная контекстность в отечественной словесности первой трети XIX в. // *Кормановские чтения*. Ижевск, 2011. С. 35-46.
- Созина, 2016 – Созина Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 1 (50). С. 6-15.
- Стромов, 2024 – Стромов П.А. Форпосты Оренбургской пограничной линии // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2024. № 2(50). С. 272-291.
- Ermachkov, 2021 – Ermachkov I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1). Pp. 26-34.
- Ermachkov et al., 2021 – Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3). Pp. 1171-1180.

[Ksenzhhik, Zhetpisbay, 2020](#) – *Ksenzhhik G.N., Zhetpisbay N.Y.* The uprising led by Zholaman Tlenshiev: sources, history // *Vestnik KRSU*. Vol. 20. № 2. Pp. 61-65.

[Peretyatko, 2023](#) – *Peretyatko A.Yu.* A Documentary Narration about the Steppe Slavery or a Colonial Narrative: Essay “Ivan Vasil'evich Podurov” by S.N. Sevast'yanov // *Slavery: Theory and Practice*. 2023. 8(1): 36-52.

References

[Dal, 1838a](#) – *Dal, V.I.* (1838). Rasskaz nevol'nika, khivinskogo urozhentsa Andreya Nikitina. 1830 [The story of a slave, a khivan denizen Andrei Nikitin. 1830]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya»*. Saint-Petersburg. Pp. 188-211. [in Russian]

[Dal', 1838b](#) – *Dal, V.I.* (1838). Rasskaz khivinskogo plennika Fedora Fedorova Grushina [The story of khivan captive Fedor Fedorov Grushin]. *Literaturnoe pribavlenie k Russkomu invalidu*. 5: 81-86. [in Russian]

[Dal', 1839](#) – *Dal', V.I.* (1839). Rasskaz vyshedshego iz khivinskogo plena astrakhanskogo meshchanina Tikhona Ivanova Ryazanova [The story of an Astrakhan burgher Tikhon Ivanov Ryazanov who left khivan captivity]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya»*. Saint-Petersburg. Pp. 74-92. [in Russian]

[Ermachkov et al., 2021](#) – *Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(3): 1171-1180.

[Ermachkov, 2021](#) – *Ermachkov, I.A.* (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.

[Ginzburg, 2004](#) – *Ginzburg, K.* (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. *Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya*. Moscow, 345 p. [in Russian]

[Ismailova, 1973](#) – *Ismailova, S.K.* (1973). Dokumenty o rabstve v Bukharskom khanstve v XIX – nachale XX v. [Documents about slavery in the Khanate of Bukhara in the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 2(72): 20-30. [in Russian]

[Ksenzhhik, Zhetpisbay, 2020](#) – *Ksenzhhik, G.N., Zhetpisbay, N.Y.* (2020). The uprising led by Zholaman Tlenshiev: sources, history. *Vestnik KRSU*. 20(2): 61-65.

[Maul', 2017](#) – *Maul', V.Ya.* (2017). Kreposti Orenburgskoi pogranichnoi linii: stroitel'stvo i sud'ba (po materialam Pugachevskogo bunta) [Fortresses of the Orenburg borderline: construction and fate (based on materials on the Pugachev rebellion)]. *Sibirskie stroiteli: sobytiya i sud'by: sbornik statei Vseros. nauch. konf.* Surgut. Pp. 351-361. [in Russian]

[Meyendorff, 1975](#) – *Meyendorff, E.K.* (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Journey from Orenburg to Bukhara]. Moscow, 180 p. [in Russian]

[OGA00](#) – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].

[Peretyatko, 2023](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2023). A Documentary Narration about the Steppe Slavery or a Colonial Narrative: Essay “Ivan Vasil'evich Podurov” by S.N. Sevast'yanov. *Slavery: Theory and Practice*. 8(1): 36-52.

[Pochekeyev, 2017](#) – *Pochekeyev, R.Yu.* (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and Khans. Personal factors in Russian law-making in Central Asia: 18th to early 20th centuries]. Moscow, 384 p. [In Russian]

[Sevast'yanov, 1906](#) – *Sevast'yanov, S.N.* (1906). Sobytiya v Orenburgskom krae, podgotovivshie ekspeditsiyu v Khivu 1839-1840 gg. [Events in the Orenburg Kraj that preceded the expedition to Khiva of 1839-1840]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Is. 16. Orenburg. Pp. 95-148. [in Russian]

[Sevast'yanov, 1999](#) – *Sevast'yanov, S.N.* (1999). Ivan Vasil'evich Podurov. Istoriko-biograficheskii ocherk [Ivan Vasil'evich Podurov. A historical and biographical sketch]. *Gostinyi dvor: Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh*. Orenburg. Pp. 190-205. [in Russian]

[Sozina, 2011](#) – *Sozina, E.K.* (2011). Stepnye plenniki. Literaturnaya universal'ya i ee faktual'naya kontekstnost' v otechestvennoi slovesnosti pervoi treti XIX v. [Steppe captives. Literary universality and its factual contextuality in Russian literature of the first third of the 19th century]. *Kormanovskie chteniya*. Izhevsk. Pp. 35-46. [in Russian]

[Sozina, 2016](#) – *Sozina, E.K.* (2016). Diskurs «stepnykh plennikov» v russkoi literature XIX veka [«Steppe captives» discourse in Russian literature of 19th century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1(50): 6-15. [in Russian]

[Stromov, 2024](#) – *Stromov, P.A.* (2024). Forposty Orenburgskoi pogranichnoi linii [Outposts of the Orenburg borderline]. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*. 2(50): 272-291. [in Russian]

[Zapiski..., 1983](#) – *Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha)* [Notes about the Khanate of Bukhara (The reports of P.I. Demezov and I.V. Vitkevich)]. Moscow, 1983. 149 p. [in Russian]

Zhaplova, Saibulova, 2020 – Zhaplova, T.M., Saibulova, A.Zh. (2020). Osobennosti poetiki biograficheskogo ocherka S.N. Sevast'yanova «Padurov» [Features of the poetics of S.N. Sevast'yanov's biographical essay «Padurov»]. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 7–8: 35-42. [in Russian]

Zhetpisbai, 2019 – Zhetpisbai, N. (2019). O nekotorykh momentakh vzaimootnoshenii kazakhov s russkimi prilineinymi zhitelyami v XVIII – pervoi treti XIX vv. v Zapadnom Kazakhstane [About some moments of the relationships of the Kazakhs with Russian near-linear dwellers in the 18th – first third of the 19th centuries in the Western Kazakhstan]. *Qazaqstan tarihy*. [Electronic resource]. URL: <https://e-history.kz/ru/seo-materials/show/29540> [in Russian]

Защита жителей оренбургского пограничья Российской империи от захвата в рабство в 1801–1831 гг. Часть I

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу того, насколько система защиты оренбургского пограничья Российской империи в 1801–1831 гг. обеспечивала безопасность местных жителей от набегов степных кочевников и насколько эффективно местные чиновники организовывали спасение уже захваченных в рабство российских подданных. Исследование основано на материалах Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО), прежде преимущественно не публиковавшихся. Автор, во-первых, анализирует общую динамику числа захваченных в рабство в это время и числа погибших в ходе набегов, направленных на захват рабов. Во-вторых, подробно разбираются хорошо задокументированные частные случаи, позволяющие понять реальные практики местных чиновников и офицеров.

В первой части статьи приводится цитата из распоряжения оренбургского военного губернатора Г.С. Волконского: «Слабость и нерадение о службе продолжаются и поныне». На основании исследования показано, что формальное исполнение обязанностей со стороны пограничных офицеров в рассматриваемый период не было чем-то необычным. В то же время изменение динамики числа захваченных в рабство зависело и от событий в степи. В результате наивысшее число захватов приходится на 1823 г., когда, с одной стороны, достигло пика восстание Ж. Тленшиулы, старшины кочевников, прежде лояльного российским властям и даже спасшего минимум одного русского раба. С другой стороны, проведенное адъютантом оренбургского военного губернатора П.К. Эссена разбирательство показало серьезнейшие упущения по защите приграничья (вплоть до отсутствия реакции на новость о том, что людей захватывает группа кочевников, один из которых где-то достал форму русского офицера).

Ключевые слова: рабство, рабовладение, Центральная Азия, оренбургская линия, Г.С. Волконский, П.К. Эссен, Ж. Тленшиулы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 45-57
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.45

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Yanuarii Mikhailovich Neverov (1810–1893): Some Touches to the Biographical Portrait (To the 215th Anniversary of His Birth)

Sergei B. Zinkovskii ^{a,*}, Elena V. Krasnenkova ^{b,c}, Alexander S. Ivlyushkin ^d, Natalia S. Petrishcheva ^e

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^c The State University of Management, Moscow, Russian Federation

^d Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

^e Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Abstract

This manuscript is dedicated to the 215th anniversary of Ya.M. Neverov and highlights some aspects of his biography. The materials were the works of Neverov himself, as well as biographical works about his personality and activities. The research methods are the historiographical method, the biographical method, the classification method and the synthesis method.

Yanuarii Mikhailovich Neverov is an outstanding Russian educator, manager in the education system, and a theorist of didactics of a new formation, the so-called “activity pedagogy”. He promoted the ideas of nationality, the creation of a Russian national system of upbringing and education, the universal accessibility and all-religious education, rightly believing that it is precisely in a high level of education that the economic success of the nation lies.

Being from a poor provincial family and a disabled child, Neverov “made himself”, having received an excellent education, and thanks to his hard work and outstanding organizational abilities, he rose to the rank of a full privy counselor.

During the administration of the Caucasian Educational District, the number of public (primary) schools and ethnic “literacy schools” has increased several times, and the educational management system itself has become exemplary.

In his pedagogical works, Yanuarii Mikhailovich carries out an in-depth analysis of the situation in the field of education, fully highlights its shortcomings, and also provides practical recommendations necessary for its development.

Keywords: Yanuarii Mikhailovich Neverov, 1810–1893, the education system in the Russian Empire, public education in Russia, the Caucasian Educational District.

1. Введение

Янаурий Михайлович Неверов (1810–1893 гг.) прославился как эффективный менеджер от сферы образования, автор трудов, посвященных российскому образованию, один из теоретиков образовательной реформы 1864 года в Российской империи.

Данная биографическая работа посвящена 215-летию юбилею со дня рождения Януария Михайловича.

* Corresponding author

E-mail addresses: zinkovskiy-sb@rudn.ru (S.B. Zinkovskii)

2. Материалы и методы

Представляется удобным классифицировать материалы нашего исследования на три категории: работы самого Неверова; биографические труды о нем; труды с другим предметом исследования, но в которых упоминается личность Неверова или Кавказский учебный округ.

1. Из работ Януария Михайловича отметим такие его труды, как «Что нужно для образования в России?» (Неверов, 1857а), «К ученическому кодексу» (Неверов, 1857б), «Еще об образовании кавказских горцев» (Неверов, 1859), «Программа по истории для кавказских гимназий» (Неверов, 1867), «К вопросу об образовании инородцев» (Неверов, 1869), «Тимофей Николаевич Грановский, профессор Московского университета. 1854-1856 гг.» (Неверов, 1880), «Отчет по Кавказскому учебному округу за 1870 г.» (Отчет за 1870 г., 1871), «Состояние учебной части на Кавказе и за Кавказом в 1871 году» (Состояние учебной части в 1871 году, 1872) и др.

2. В данной работе мы анализировали биографические труды Н.А. Бродского (Бродский, 1915), Д.Д. Семенова (Семенов, 1894), а также материалы энциклопедических изданий (Брокгауз-Ефрон, 1897; НЭС, 1916).

3. Из комплексных исследований, в которых делается анализ биографии, а также педагогических и административных достижений Неверова, мы использовали труды В.Р. Аветисян (Аветисян, 2014; Аветисян, 2016), Н.Ю. Казаковой (Казакова, 2023), С.Т.Ш. Саид, В.М. Головки (Саид, Головки, 2018; Саид, Головки, 2018), К.Э. Штайн (Штайн, 2006; Штайн, Петренко, 2015), М.Д. Кузьминой (Кузьмина, 2016), Д.М. Ноздрин (Ноздрин, 2023), Е. Громовой (Громова, 2009), А.И. Мишина (Мишин, 1976), Д.И. Петренко (Петренко, 2015; Петренко, 2017), А.Р. Психомаровой (Психомарова, 2024), М.С. Коршунова (Коршунов, 2013), Г.Н. Малаховой, В.Н. Чегарновой (Малахова, Чегарнова, 2013), Е.Е. Хатаева, И.Е. Хатаева (Хатаев, Хатаев, 2008), А.А. Черкасова (Cherkasov, 2011) и др.

В качестве методов исследования применялись историографический метод для анализа материалов о личности Неверова; биографический метод – для непосредственного изучения биографических страниц личности Неверова; метод классификации применен нами для удобного группирования материалов; а также метод синтеза – для формулирования результатов и выводов.

3. Обсуждение

Работ, посвященных личности Неверова, достаточно много. Также считаем удобным классифицировать их по двум категориям, а именно непосредственно биографические научные труды (включая и юбилейные) и работы, имеющие другой предмет исследования, но затрагивающие биографические аспекты личности Януария Михайловича.

К первой категории отнесем статьи Н.А. Бродского (Бродский, 1915), Д.Д. Семенова (Семенов, 1894), а также энциклопедические работы, освещающие личность педагога и чиновника, в частности статьи в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (Брокгауз-Ефрон, 1897), «Новом энциклопедическом словаре» (НЭС, 1916) и др.

Ко второй группе отнесем многочисленные статьи в периодических изданиях.

Так, В.Р. Аветисян освещает трансформацию педагогических подходов и методик Я.М. Неверова от периода работы в Ставропольской гимназии до службы в Лазаревском институте (Аветисян, 2014), Н.Ю. Казакова освещает актуальность его дидактических взглядов в современной педагогике (Казакова, 2023), анализ опыта работы с интеллектуально одаренными детьми (Саид, Головки, 2018), К.Э. Штайн описывает деятельностную философско-педагогическую концепцию Неверова (Штайн, 2006).

Серия работ посвящена эпистолярному наследию Неверова с его друзьями, в частности с философом Т.Н. Грановским (Кузьмина, 2016), И.С. Тургеневым, Н.В. Станкевичем (Ноздрин, 2023).

Часть исследований анализирует вклад Неверова в развитие системы образования Ставропольской губернии. В частности, изучается влияние «Кодекса Неверова» на ставропольское образование (Громова, 2009), роль его личности в общественной жизни Ставрополя (Мишин, 1976), проблемы учета Неверовым исторической традиции в проспективной методологии обучения русскому языку в многонациональной губернии в его бытность директором Ставропольской губернской гимназии (Петренко, 2015) и др. (в частности, Психомарова, 2024; Глагол будущего..., 2006).

Большой пласт работ анализирует вклад Януария Михайловича в развитие системы образования Северного Кавказа. Так, М.С. Коршунов в своей монографии «Избранные работы по истории просвещения на Северном Кавказе» (Коршунов, 2013) анализирует творческое наследие Неверова, Г.Н. Малахова и В.Н. Чегарнова освещают проблемы подготовки местной элиты к государственной службе на Кавказе (Малахова, Чегарнова, 2013), Е.Е. Хатаев и И.Е. Хатаев анализируют роль Неверова в развитии просвещения народов Северного Кавказа в 1810–1893 гг. (Хатаев, Хатаев, 2008), Д.И. Петренко на материале работ Януария Михайловича исследует значение исторической традиции в современной методологии обучения русскому языку на Северном Кавказе (Петренко, 2017), проблемы обучения русскому языку на Ставрополье на материалах трудов Неверова (Штайн, Петренко, 2015) и др.

Нельзя не отметить и труды, посвященные непосредственно истории Кавказского учебного округа. В последние годы тема региональной системы народного образования на Кавказе в

имперский период активно изучалась. Так, общекавказскую модель образования рассматривали такие авторы, как N.A. Shevchenko, O.V. Natolochnaya, K.V. Taran и другие (Shevchenko et al., 2016; Natolochnaya et al., 2016; Natolochnaya et al., 2021; Natolochnaya et al., 2022; Taran et al., 2021). Что касается отдельных кавказских территорий, то народное образование на территории Карской области, Бакинской и Елисаветпольской губерний было рассмотрено Т.А. Magsumov и другими (Magsumov et al., 2020; Magsumov et al., 2020a; Magsumov et al., 2021; Magsumov et al., 2021a; Magsumov et al., 2021b; Magsumov et al., 2022; Magsumov et al., 2022a). Аналогичные процессы на территории Тифлисской, Кутаисской, Эриванской губерний, а также Сухумской области изучал А.М. Mamadaliev и другие (Mamadaliev et al., 2020; Mamadaliev et al., 2020a; Mamadaliev et al., 2020b; Mamadaliev et al., 2020c; Mamadaliev et al., 2021; Mamadaliev et al., 2021a; Mamadaliev et al., 2021b; Mamadaliev et al., 2021c; Mamadaliev et al., 2022; Mamadaliev et al., 2022a; Mamadaliev et al., 2022b). Кубанская область была рассмотрена в трудах V.S. Molchanova и др. (Molchanova et al., 2019; Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2020). Ставропольская губерния была рассмотрена в трудах O.V. Natolochnaya и др. (Natolochnaya et al., 2020; Natolochnaya et al., 2020a; Natolochnaya et al., 2020b). А.А. Cherkasov и другие рассматривали Черноморскую губернию и Терскую область (Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a; Cherkasov et al., 2020b; Cherkasov et al., 2021). Территория Дагестанской области была рассмотрена G. Rajović и другими (Rajović et al., 2022; Rajović et al., 2022a; Rajović et al., 2022b).

4. Результаты

Януарий Михайлович родился 18 августа¹ 1810 года в Нижегородской губернии, в селе Верякуши, в семье частного адвоката и внебрачной дочери священника (Брокгауз-Ефрон, 1897: 810). По свидетельствам его биографов-современников (см., в частности, Бродский, 1915: 73), отношения в семье были весьма напряженными. Более того, в период беременности отец нанес травму матери, в результате чего Неверов родился слепым на один глаз, что сразу поставило крест на военной карьере. Также Н.А. Бродский указывает, что «каникулы Януарий часто проводил в деревне Дивеево Нижегородской губернии, где встречался со схимником Серафимом Саровским, укрепившим в нем глубокое религиозное чувство» (Бродский, 1915: 74).

Рис. 1. Писатель, педагог, попечитель Кавказского учебного округа, тайный советник Януарий Михайлович Неверов (1810–1893).

¹ Здесь и далее – все даты по старому стилю.

Окончив в 1825 году училище, он поступает на службу в канцелярию городского магистрата в Нижнем Новгороде, однако, не проработав и года, был уволен губернатором (Брокгауз-Ефрон, 1897: 810). Предполагаем, что принципиальный, честный и неуступчивый характер с молодости был отличительной чертой будущего тайного советника.

Смерть отца обрекла семью на бедность. Понимая необходимость получения высшего образования, молодой Януарий уезжает в Москву. Вот что Н.А. Бродский пишет о матери Неверова: «...чтобы собрать Януария в дорогу, она продала единственную оставшуюся у нее драгоценность – венчальный жемчуг. Память о материнском самопожертвовании неоднократно удерживала сына от бурных столичных развлечений» (Бродский, 1915: 74).

Неверов в Москве вел весьма скромный образ жизни. Целый год он вынужден был готовиться к экзамену. Поступил только в следующем, 1827 году. Будучи выходцем из бедной семьи с твердым намерением «выбиться в люди», Януарий прилежно учился и в 1832 году окончил Московский университет с отличием, получив степень по филологии (Аветисян, 2014: 34).

В университете, будучи на несколько лет старше своих однокурсников, он познакомился со Станкевичем, в кружок которого записался и стал активным его членом, однако менее чем через два года покинул его.

В 1833 году в надежде строить карьеру в столице Неверов переезжает в Санкт-Петербург и устраивается в редакцию «Журнала министерства народного просвещения».

Желая перенять иностранный опыт, Януарий в 1837 году отправляется на стажировку в Германию. Был корреспондентом Археографической комиссии, представлял Россию. За границей он познакомился с Грановским и Тургеневым, с которыми переписывался и поддерживал дружеские отношения до самого конца их жизни. Вернувшись через два года, он был назначен инспектором Рижской гимназии, а с начала 1846 года – директором народных училищ Черниговской губернии (Брокгауз-Ефрон, 1897: 811).

Неверову удалось значительно поднять уровень образования гимназии г. Чернигов, однако напряженный режим работы и слабое от природы здоровье предопределили переезд на Кавказ в более благоприятный климат. Так, 1850 году он был назначен директором Ставропольской классической мужской гимназии, которой будет руководить 10 лет, вплоть до 1860-го года. Именно в этот период выйдут в свет его наиболее выдающиеся труды, в частности «Что нужно для образования в России?» (Неверов, 1857а), «К ученическому кодексу» (Неверов, 1857б), «Еще об образовании кавказских горцев» (Неверов, 1859) и др.

Уровень образования в гимназии достиг образцового, несмотря на то, что регион был многонациональным, и контингент учащихся был этнически весьма разнообразен. О «ставропольском» периоде Неверова имеется весьма большое количество работ современных авторов, в которых о директоре отзываются весьма комплементарно: «...В гимназии хорошо была организована работа предметных кружков. Здесь практиковалось ежегодное проведение конкурсов на лучшее сочинение о классиках русской литературы. По традиции ученикам, занявшим первые места, вручали полные собрания сочинений русских писателей, а их работы публиковались в «Ставропольских ведомостях. ...Особое внимание оказывал Неверов воспитанникам-горцам, чье участие в конкурсах Неверов считал особенно отрадным явлением в жизни гимназии. Он искренне радовался каждому их успеху на пути их умственного и нравственного развития» (Хатаев, Хатаев, 2008: 66-67).

Понимая удаленное расположение Ставрополя, Неверов старался поднять качество образования не только приглашением хороших специалистов, с которыми познакомился в Москве и Санкт-Петербурге, но и за счет собственных ресурсов, в частности открытием специальных классов, один из которых предназначался для гимназистов, поступающих в вузы, а другой – для последующего преподавания в самой гимназии (Аветисян, 2014: 34). Любовь к данному учреждению была столь велика, что он завещал после своей смерти 3 тыс. рублей (огромная по тем временам сумма) на развитие гимназии (Аветисян, 2015: 125-126).

За заслуги перед Кавказским учебным округом его попечитель А.П. Николай представил Януария Михайловича к ордену Святого Владимира III степени.

Однако с новым губернатором П.А. Брянчаниновым, назначенным в 1859 году, у Неверова отношения не сложились, и он уезжает в Москву, занимая в 1861–1862 годах должность директора Лазаревского института (Аветисян, 2014: 34).

Эффективная и целенаправленная служба Неверова не осталась незамеченной в Министерстве народного просвещения, и в 1863 году его повышают в звании до действительного статского советника (соответствует воинскому званию генерал-майора в сухопутных войсках и контр-адмирала – на флоте). Данное звание давало право на получение потомственного дворянства (НЭС, 1916: 206). А в следующем году его назначают на должность попечителя Кавказского учебного округа, которым он будет управлять до 1879 года, то есть 15 лет.

Именно управление округом принесло Неверову лавры весьма эффективного менеджера в системе образования, новатора в педагогических и управленческих решениях, а также педантичного и требовательного начальника.

Исследователи отмечают эффективность его управления, указывая, что «...активная и, безусловно, плодотворная работа образовательной администрации Кавказского учебного округа в лице ее попечителей» (Mamadaliyev et al., 2021: 1801), включая Неверова, послужила тому, что к «периоду упадка империи процесс интеграции системы образования на Кавказе в общероссийскую фактически был завершен» (Cherkasov, 2011: 148). Количество народных (начальных) училищ и этнических «школ грамотности» в Кавказском учебном округе за время попечительства Неверова увеличилось в несколько раз, а сама система управления образованием стала образцовой.

В другой работе вышеназванные авторы указывают: «...такие невероятные успехи деятельности администрации от сферы образования (и, прежде всего, попечителя образования округа Я.М. Неверова) сложно переоценить. Однако, по нашему мнению, без кардинальных буржуазных преобразований 1860–1870-х годов, инициировавших «спрос на образованность», достичь таких результатов было бы невозможно» (Mamadaliyev et al., 2020: 535-536).

Я.М. Неверов награжден орденами Св. Владимира II-й и III-й степеней (1860), орденом Св. Анны I-й ст. (1868; императорская корона к ордену получена в 1870 году), орденом Св. Станислава I-й ст. (1866), орденом Белого орла (1878). В 1872 году получил звание тайного советника (Брокгауз-Ефрон, 1897: 811). С 1878 года был постоянным членом Совета министра народного просвещения.

Советская историография не благоволила Неверову по причине того, что до конца жизни он оставался убежденным сторонником «уваровской» теории официальной народности. Как указывают К.Э. Штайн и Д.И. Петренко, цитируя В.М. Головки: «...Я. М. Неверов, вычеркнутый в советский период из истории педагогики и литературы за приверженность официальной доктрине православия, самодержавия и народности, ныне воспринимается как выразитель той концепции культурного развития, которое имеет в виду общечеловеческие, цивилизационные идеалы и стратегию нравственного обеспечения исторического прогресса» (Штайн, Петренко, 2015: 122). С данным тезисом мы не можем согласиться в полной мере, так как советская космополитическая государственная идеология, всецело уравнивавшая этническую принадлежность, была своего рода отражением административной работы Неверова. Он всегда почтительно уважительно относился к национальным меньшинствам и искренне радовался (и способствовал) их успехам.

Умер Я.М. Неверов в 1893 году, похоронен на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге.

Несколько слов скажем о научно-практических работах Я.М. Неверова.

Прежде всего, отметим работу, которая в определенных аспектах повлияла на политику правительства и лично на императора Александра II. Это статья «Что нужно для образования в России?», опубликованная в журнале «Русский педагогический вестник» (Неверов, 1857). Статья имеет объем в несколько сотен страниц, поэтому было бы вполне уместным считать данный труд фундаментальным. В работе Януарий Михайлович осуществляет глубокий анализ ситуации в сфере образования, в полной мере освещает ее недостатки и условия, необходимые для его развития. Мы предполагаем, что авторы образовательной реформы 1864 года в России во многих моментах учитывали те недочеты, которые высказал Неверов в статье 1857 года.

Из других статей отметим работу «К ученическому кодексу» (Неверов, 1857b), также опубликованную в «Русском педагогическом вестнике». Она долгое время являлась негласным уставом Ставропольской гимназии (см., напр., Психомасова, 2024) и некоторых других учебных заведений Кавказского учебного округа.

Также отметим статью «Еще об образовании кавказских горцев» (Неверов, 1859), опубликованную в журнале «Кавказ». В известной степени она определила развитие системы образования Кавказа и Закавказья, так как обнажала имеющиеся недостатки в данной сфере и предлагала пути устранения этих недостатков. Другой похожей работой, но уже учитывающей первые результаты реформаторской деятельности правительства в системе образования, является статья «К вопросу об образовании инородцев» (Неверов, 1869).

Также нельзя не выделить фундаментальную работу «Программа по истории для кавказских гимназий» (Неверов, 1867), изданную с учетом недавнего присоединения территорий Кавказа к Российской империи и рассчитанную на применение в условиях полиэтничности региона.

Некоторые из своих работ Неверов посвящал своим друзьям. Одна из таких посвящена философу Тимофею Николаевичу Грановскому (Неверов, 1880).

Многие опубликованные Януарием Михайловичем труды являлись непосредственной частью его административной работы. Среди них можно выделить попечительские отчеты Кавказского учебного округа (см., напр., Отчет за 1870 г., 1871) и публикуемый анализ состояния системы образования на Кавказе и в Закавказье (см., напр., Состояние учебной части в 1871 году, 1872).

5. Заключение

Януарий Михайлович Неверов является выдающимся российским педагогом, менеджером в системе образования, теоретиком дидактики новой формации, так называемой «деятельностной педагогики». Пропагандировал идеи народности, создания русской национальной системы

воспитания и образования, вседоступности и всеословности образования, справедливо полагая, что именно в высоком уровне образования заложен экономический успех нации.

Будучи из небогатой провинциальной семьи и инвалидом детства, Неверов «сделал себя сам», получив отличное образование, а благодаря трудолюбию и выдающимся организаторским способностям дослужился до звания действительного тайного советника.

За время управления Кавказским учебным округом количество народных (начальных) училищ и этнических «школ грамотности» увеличилось в несколько раз, а сама система управления образованием стала образцовой.

В своих педагогических трудах Януарий Михайлович осуществляет глубокий анализ ситуации в сфере образования, в полной мере освещает ее недостатки, а также дает практические рекомендации, необходимые для ее развития.

Литература

Аветисян, 2014 – Аветисян В.Р. Педагогическая деятельность Я.М. Неверова. От Ставропольской гимназии к Лазаревскому институту / *Современная наука: теоретический и практический взгляд. Материалы I Международной научно-практической конференции*. ООО «НОУ «Вектор науки». 2014. С. 34-37.

Аветисян, 2015 – Аветисян В.Р. Путь Я.М. Неверова из Ставропольской гимназии в Лазаревский институт (в фондах государственного архива Ставропольского края) / *Научный поиск. Материалы IV Международной научно-практической конференции*. Научный ред. Ю.В. Мамченко. 2015. С. 123-128.

Аветисян, 2016 – Аветисян В.Р. Роль Я.М. Неверова в становлении института восточных языков (Лазаревского института) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2016. № 3. С. 8-12.

Бродский, 1915 – Бродский Н.А. Неверов и его автобиография // *Вестник воспитания*. 1915. №6. С. 73-83.

Брокгауз-Ефрон, 1897 – Неверов, Януарий Михайлович / *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1897. Т. XXа. С. 810-811.

Глагол будущего..., 2006 – Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я. М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века / Под ред. К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.

Громова, 2009 – Громова Е. Кодекс Неверова // *Ставропольская правда*. 2009. № 11. С. 5.

Казакова, 2023 – Казакова Н.Ю. Педагогические взгляды Я.М. Неверова и их актуальность в современном мире / *Высшее образование на Северном Кавказе: история и современность. Сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Ставрополь, 2023. С. 82-89.

Коршунов, 2013 – Коршунов М.С. Избранные работы по истории просвещения на Северном Кавказе. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013.

Кузьмина, 2016 – Кузьмина М.Д. Дружеское письмо 1830-х годов: заграничные корреспонденции Т.Н. Грановского // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2016. № 3 (72). С. 48-51.

Малахова, Чегарнова, 2013 – Малахова Г.Н., Чегарнова В.Н. Политика Российской империи в области подготовки элиты для просвещения и государственной службы на Кавказе из числа горского населения // *Научная мысль Кавказа*. 2013. № 4 (76). С. 53.

Мишин, 1976 – Мишин А.И. Неверов и его роль в общественной жизни Ставрополя // *Материалы по изучению Ставропольского края*. Вып. 14. Ставрополь, 1976. С. 313.

Неверов, 1857а – Неверов Я.М. Что нужно для образования в России? // *Русский педагогический вестник*. 1857. 13. №4.

Неверов, 1857б – Неверов Я.М. К ученическому кодексу // *Русский педагогический вестник*. 1857. №8. С. 412-444.

Неверов, 1859 – Неверов Я.М. Еще об образовании кавказских горцев // *Кавказ*. 1859. № 59.

Неверов, 1867 – Неверов Я.М. Программа по истории для кавказских гимназий. Тифлис, 1867.

Неверов, 1869 – Неверов Я.М. К вопросу об образовании инородцев // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1869. Часть 146 (октябрь).

Неверов, 1880 – Неверов Я.М. Тимофей Николаевич Грановский, профессор Московского университета. 1854-1856 гг. // *Русская старина*. 1880. Т. 27. № 4. С. 731-764.

Ноздрин, 2023 – Ноздрин Д.М. И.С. Тургенев и Н.В. Станкевич. История знакомства // *Человеческий капитал*. 2023. № 7 (175). С. 51-56.

НЭС, 1916 – Неверов, Януарий Михайлович / *Новый энциклопедический словарь*: В 48 томах (вышло 29 томов). СПб., Петроград, 1916. Т. 28. С. 206.

Отчет за 1870 г., 1871 – Отчет по Кавказскому учебному округу за 1870 г. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1871. Сентябрь. С. 1-29.

Петренко, 2015 – Петренко Д.И. Учет исторической традиции в проспективной методологии обучения русскому языку в полиэтническом регионе (на материале педагогических, философских и критических исследований Я.М. Неверова, директора Ставропольской губернской гимназии) /

Инновационное преподавание русского языка в условиях многоязычия. Сборник статей: в 2 томах / Отв. ред. Н.М. Румянцева, М., 2014. С. 354-362.

[Петренко, 2017](#) – *Петренко Д.И.* Значение исторической традиции в современной методологии обучения русскому языку на Северном Кавказе (на материале работ Я.М. Неверова) / *Инновации в образовании и наук. Сборник научно-методических статей историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института*. Под научной редакцией Е.Н. Атаршиковой, В.И. Бережного. М., 2017. С. 136-148.

[Психوماхова, 2024](#) – *Психوماхова А.Р.* Ставропольская мужская гимназия – колыбель просвещения на Северном Кавказе // *Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов*. Барнаул, 2024. С. 17-20.

[Саид, Головки, 2018](#) – *Саид С.Т.Ш., Головки В.М.* Практика работы Я.М. Неверова с интеллектуально одаренными детьми // *НаукаПарк*. 2018. № 5 (66). С. 63-65.

[Саид, Головки, 2018](#) – *Саид С.Т.Ш., Головки В.М.* Система литературного образования Я.М. Неверова // *НаукаПарк*. 2018. № 5 (66). С. 65-67.

[Семенов, 1894](#) – *Семенов Д.Д.* Педагог-идеалист сороковых годов // *Русская школа*. 1894. № 2. С. 21.

[Состояние учебной части в 1871 году, 1872](#) – Состояние учебной части на Кавказе и за Кавказом в 1871 году // *Журнал Министерства народного просвещения*. Октябрь. 1872. С. 175-196.

[Хатаев, Хатаев, 2008](#) – *Хатаев Е.Е., Хатаев И.Е.* Роль Я.М. Неверова в развитии просвещения народов Северного Кавказа (1810-1893 гг.) // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. 2008. № 4. С. 66-71.

[Штайн, 2006](#) – *Штайн К.Э.* Деятельностная философско-педагогическая концепция Я.М. Неверова и еnergiea текстов его учеников / *Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я.М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века*. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.

[Штайн, Петренко, 2015](#) – *Штайн К.Э., Петренко Д.И.* Русский язык в полиэтническом регионе (на материале сочинений Я.М. Неверова, директора Ставропольской губернской гимназии 1850-1860 годов) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2015. № 1. С. 121-128.

[Cherkasov, 2011](#) – *Cherkasov A.A.* All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history*. 2011. 2(10): 138-149.

[Shevchenko et al., 2016](#) – *Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V.* The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 363-372.

[Natolochnaya et al., 2016](#) – *Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I.* The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 222-228.

[Natolochnaya et al., 2021](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Dyuzhov A.V., Petrova S.V.* To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1789-1799.

[Natolochnaya et al., 2022](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Dyuzhov A.V., Petrova S.V.* To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 189-198.

[Taran et al., 2021](#) – *Taran K.V., Korolev A.A., Ludwig S.D., Pestereva N.M.* (2021). Private Educational Institutions in the Caucasus in the Period 1846–1914: A Historical-Statistical Study // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(3): 812-821.

[Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E.* The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 221-234.

[Magsumov et al., 2020a](#) – *Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E.* The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 459-472.

[Mamadaliyev et al., 2020](#) – *Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.

[Mamadaliyev et al., 2020a](#) – *Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 530-540.

[Mamadaliyev et al., 2020b](#) – *Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1065-1084.

[Mamadaliyev et al., 2020c](#) – *Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2409-2426.

- [Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88-104.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya O.V., Zimovets L.G., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 473-480.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya O.V., Makarov Y.N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 679-688.
- [Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 984-992.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65 (3): 750-770.
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65 (4): 1067–1084.
- [Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 963-970.
- [Cherkasov et al., 2021](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(1): 211-218.
- [Mamadaliev et al., 2021](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 169-181.
- [Mamadaliev et al., 2021a](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 699-716.
- [Mamadaliev et al., 2021b](#) – Mamadaliev A.M., Novitskaya L.Yu., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1191-1202.
- [Magsumov et al., 2021](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the second half of the 19th century and the early 20th century. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(2): 529-545.
- [Magsumov et al., 2021a](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the Second Half of the 19th Century and the Early 20th Century. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(3): 822-836.
- [Magsumov et al., 2021b](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(4): 1042-1047.
- [Magsumov et al., 2022](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 299-306.
- [Magsumov et al., 2022a](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. (2022). The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(2): 662-669.
- [Mamadaliev et al., 2021c](#) – Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Volkov A.N. The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1800-1813.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Miku N.V. The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 386-402.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Miku N.V. The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 714-728.

Rajović et al., 2022 – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Galitskaya N.V. The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(2): 656-661.

Rajović et al., 2022a – Rajović G., Bratanovskii S.N., Mineeva E.K., Chuikov O.E. The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3): 1013-1020.

Rajović et al., 2022b – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Buryanov S.A. The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1385-1393.

Mamadaliev et al., 2022b – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The System of Public Education in Sukhumi District in the Period 1900–1914 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1374-1384.

References

Avetisyan, 2014 – Avetisyan, V.R. (2014). Pedagogicheskaya deyatel'nost' Ya.M. Neverova. Ot Stavropol'skoi gimnazii k Lazarevskomu institutu [Pedagogical activity of Ya.M. Neverov. From Stavropol Gymnasium to Lazarev Institute]. *Sovremennaya nauka: teoreticheskii i prakticheskii vzglyad. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. OOO «NOU «Vektor nauki». 2014. S. 34-37. [in Russian]

Avetisyan, 2015 – Avetisyan, V.R. (2015). Put' Ya.M. Neverova iz Stavropol'skoi gimnazii v Lazarevskii institut (v fondakh gosudarstvennogo arkhiva Stavropol'skogo kraja) [The Path of Ya.M. Neverov from Stavropol Gymnasium to Lazarev Institute (in the funds of the state archive of Stavropol Krai)]. *Nauchnyi poisk. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Nauchnyi red. Yu.V. Mamchenko. Pp. 123-128. [in Russian]

Avetisyan, 2016 – Avetisyan, V.R. (2016). Rol' Ya.M. Neverova v stanovlenii instituta vostochnykh yazykov (Lazarevskogo instituta) [The Role of Ya.M. Neverov in the formation of the Institute of Oriental Languages (Lazarev Institute)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 3: 8-12. [in Russian]

Brodskii, 1915 – Brodskii, N.A. (1915). Neverov i ego avtobiografiya [Neverov and his autobiography]. *Vestnik vospitaniya*. 6: 3-83. [in Russian]

Brokgauz-Efron, 1897 – Neverov, Yanuarii Mikhailovich [Neverov, Yanuariy Mikhailovich]. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.)*. SPb., 1897. T. XXa. Pp. 810-811. [in Russian]

Cherkasov et al., 2020 – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (3): 750-770.

Cherkasov et al., 2020a – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (4): 1067-1084.

Cherkasov et al., 2020b – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.

Cherkasov et al., 2021 – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2021). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(1): 211-218.

Cherkasov, 2011 – Cherkasov, A.A. (2011). All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history*. 2(10): 138-149.

Glagol budushchego..., 2006 – Glagol budushchego: Filosofskie, pedagogicheskie, literaturno-kriticheskie sochineniya Ya. M. Neverova i rechevoe povedenie vospitannikov Stavropol'skoi gubernskoi gimnazii sere diny XIX veka [Verb of the future: philosophical, pedagogical, literary-critical works by Ya.M. Neverov and the speech behavior of pupils of the Stavropol provincial gymnasium of the mid-19th century]. Pod red. K.E. Shtain. Stavropol': Izd-vo SGU, 2006. [in Russian]

Gromova, 2009 – Gromova, E. (2009). Kodeks Neverova [Neverov's code]. *Stavropol'skaya pravda*. 11: 5. [in Russian]

Kazakova, 2023 – Kazakova, N.Yu. (2023). Pedagogicheskie vzglyady Ya.M. Neverova i ikh aktual'nost' v sovremennom mire [Pedagogical views of Ya.M. Neverov and their relevance in the modern world]. *Vysshee obrazovanie na Severnom Kavkaze: istoriya i sovremennost'. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Stavropol'. Pp. 82-89. [in Russian]

Khataev, Khataev, 2008 – Khataev, E.E., Khataev, I.E. (2008). Rol' Ya.M. Neverova v razviti i prosveshcheniya narodov Severnogo Kavkaza (1810-1893 gg.) [The role of Ya.M. Neverov in the development of education of the peoples of the North Caucasus (1810-1893)]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova*. 4: 66-71. [in Russian]

- [Korshunov, 2013](#) – *Korshunov, M.S.* (2013). Izbrannye raboty po istorii prosveshcheniya na Severnom Kavkaze [Selected works on the history of education in the North Caucasus]. Stavropol': Izd-vo SKFU. [in Russian]
- [Kuz'mina, 2016](#) – *Kuz'mina, M.D.* (2016). Druzheskoe pis'mo 1830-kh godov: zagranichnye korrespondentsii T.N. Granovskogo [Friendly letter of the 1830s: foreign correspondence of T.N. Granovsky]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(72): 48-51. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.
- [Magsumov et al., 2020a](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.
- [Magsumov et al., 2021](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the second half of the 19th century and the early 20th century. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 10(2): 529-545.
- [Magsumov et al., 2021a](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the Second Half of the 19th Century and the Early 20th Century. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 822-836.
- [Magsumov et al., 2021b](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2021). The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 10(4): 1042-1047.
- [Magsumov et al., 2022](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2022). The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 299-306.
- [Magsumov et al., 2022a](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2022). The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 11(2): 662-669.
- [Malakhova, Chegarnova, 2013](#) – *Malakhova, G.N., Chegarnova, V.N.* (2013). Politika Rossiiskoi imperii v oblasti podgotovki elity dlya prosveshcheniya i gosudarstvennoi sluzhby na Kavkaze iz chisla gorskogo naseleniya [Policy of the Russian Empire in the field of training the elite for education and public service in the Caucasus from among the mountain population]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 4(76): 53. [in Russian]
- [Mamadaliev et al., 2020](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.
- [Mamadaliev et al., 2021](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 169-181.
- [Mamadaliev et al., 2021a](#) – *Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A.* (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 699-716.
- [Mamadaliev et al., 2021b](#) – *Mamadaliev, A.M., Novitskaya, L.Yu., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A.* (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 16(3): 1191-1202.
- [Mamadaliev et al., 2021c](#) – *Mamadaliev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Volkov, A.N.* (2021). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(4): 1800-1813.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – *Mamadaliev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Miku, N.V.* (2022). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 17(1): 386-402.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – *Mamadaliev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Miku, N.V.* (2022). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 17(2): 714-728.
- [Mamadaliev et al., 2022b](#) – *Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu.* (2022). The System of Public Education in Sukhumi District in the Period 1900–1914. *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1374-1384.

- [Mishin, 1976](#) – *Mishin, A.I.* (1976). Neverov i ego rol' v obshchestvennoi zhizni Stavropolya [Neverov and his role in the public life of Stavropol]. *Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraya*. Stavropol'. 14: 313. [in Russian]
- [Molchanova et al., 2019](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049–1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1524–1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88–104.
- [Natolochnaya et al., 2016](#) – *Natolochnaya, O.V., Kryukova, N.I., Buslaev, S.I.* (2016). The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years). *Bylye Gody*. 39(1): 222–228.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya, O.V., Zimovets, L.G., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473–480.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – *Natolochnaya, O.V., Makarov, Y.N., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679–688.
- [Natolochnaya et al., 2020b](#) – *Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984–992.
- [Natolochnaya et al., 2021](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Dyuzhov A.V., Petrova S.V.* (2021). To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(4): 1789–1799.
- [Natolochnaya et al., 2022](#) – *Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Dyuzhov, A.V., Petrova, S.V.* (2022). To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 17(1): 189–198.
- [NES, 1916](#) – Neverov, Yanuarii Mikhailovich [Neverov, Yanuariy Mikhailovich]. *Novyi entsiklopedicheskii slovar': V 48 tomakh (vyshlo 29 tomov)*. SPb., Petrograd, 1916. T. 28. P. 206. [in Russian]
- [Neverov, 1857a](#) – *Neverov, Ya.M.* (1857). Chto nuzhno dlya obrazovaniya v Rossii? [What is needed for education in Russia?]. *Russkii pedagogicheskii vestnik*. 13(4). [in Russian]
- [Neverov, 1857b](#) – *Neverov, Ya.M.* (1857). K uchenicheskomu kodeksu [On the student code]. *Russkii pedagogicheskii vestnik*. 8: 412–444. [in Russian]
- [Neverov, 1859](#) – *Neverov, Ya.M.* (1859). Eshche ob obrazovanii kavkazskikh gortsev [More on the education of the Caucasian highlanders]. *Kavkaz*. № 59. [in Russian]
- [Neverov, 1867](#) – *Neverov, Ya.M.* (1867). Programma po istorii dlya kavkazskikh gimnazii [History program for Caucasian gymnasiums]. Tiflis. [in Russian]
- [Neverov, 1869](#) – *Neverov Ya.M.* (1869). K voprosu ob obrazovanii inorodtsev [On the issue of education of foreigners]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Chast' 146 (oktyabr'). [in Russian]
- [Neverov, 1880](#) – *Neverov, Ya.M.* (1880). Timofei Nikolaevich Granovskii, professor Moskovskogo universiteta. 1854–1856 gg. [Timofey Nikolaevich Granovsky, professor of Moscow University. 1854–1856]. *Russkaya starina*. 27(4): 731–764. [in Russian]
- [Nozdrin, 2023](#) – *Nozdrin, D.M.* (2023). I.S. Turgenev i N.V. Stankevich. Istoriya znakomstva [I.S. Turgenev and N.V. Stankevich. History of acquaintance]. *Chelovecheskii kapital*. 7(175): 51–56. [in Russian]
- [Otchet za 1870 g., 1871](#) – Otchet po Kavkazskomu uchebnomu okrugu za 1870 g. [Report on the Caucasian Educational District for 1870]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1871. Sentyabr'. Pp. 1–29. [in Russian]
- [Petrenko, 2015](#) – *Petrenko, D.I.* (2015). Uchet istoricheskoi traditsii v prospektivnoi metodologii obucheniya russkomu yazyku v polietnicheskom regione (na materiale pedagogicheskikh, filosofskikh i kriticheskikh issledovanii Ya.M. Neverova, direktora Stavropol'skoi gubernskoi gimnazii) [The importance of Historical Tradition in Modern Methodology of Teaching Russian in the North Caucasus (based on the works of Ya.M. Neverov)]. *Innovatsionnoe prepodavanie russkogo yazyka v usloviyakh mnogoyazychiya. Sbornik statei: v 2 tomakh*. Otv. red. N.M. Rumyantseva, M. Pp. 354–362. [in Russian]
- [Petrenko, 2017](#) – *Petrenko, D.I.* (2017). Znachenie istoricheskoi traditsii v sovremennoi metodologii obucheniya russkomu yazyku na Severnom Kavkaze (na materiale rabot Ya.M. Neverova) [The importance of Historical Tradition in Modern Methodology of Teaching Russian in the North Caucasus (based on the works of Ya.M. Neverov)]. *Innovatsii v obrazovanii i nauk. Sbornik nauchno-metodicheskikh statei istoriko-filologicheskogo fakul'teta Stavropol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. Pod nauchnoi redaktsiei E.N. Atarshchikovoi, V.I. Berezhnogo. M. Pp. 136–148. [in Russian]

[Psikhomakhova, 2024](#) – *Psikhomakhova, A.R.* (2024). Stavropol'skaya muzhskaya gimnaziya – kolybel' prosveshcheniya na Severnom Kavkaze [Stavropol Boys' Gymnasium – the Cradle of Education in the North Caucasus]. *Sotsial'no-gumanitarnyi vestnik. Vserossiiskii sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul. Pp. 17-20. [in Russian]

[Rajović et al., 2022](#) – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.E., Galitskaya, N.V.* (2022). The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 11(2): 656-661.

[Rajović et al., 2022a](#) – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Mineeva, E.K., Chuikov, O.E.* (2022). The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 1013-1020.

[Rajović et al., 2022b](#) – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.E., Buryanov, S.A.* (2022). The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1385-1393.

[Said, Golovko, 2018](#) – *Said, S.T.Sh., Golovko, V.M.* (2018). Praktika raboty Ya.M. Neverova s intellektual'no odarennymi det'mi [Practice of Ya.M. Neverov's work with intellectually gifted children]. *NaukaPark*. 5(66): 63-65. [in Russian]

[Said, Golovko, 2018](#) – *Said, S.T.Sh., Golovko, V.M.* (2018). Sistema literaturnogo obrazovaniya Ya.M. Neverova [Ya.M. Neverov's System of Literary Education]. *NaukaPark*. 5(66): 65-67. [in Russian]

[Semenov, 1894](#) – *Semenov, D.D.* (1894). Pedagog-idealist sorokovykh godov [The idealist teacher of the forties]. *Russkaya shkola*. 2: 21. [in Russian]

[Shevchenko et al., 2016](#) – *Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V., Emelyanova, O.V.* (2016). The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features. *Bylye Gody*. 40(2): 363-372.

[Shtain, 2006](#) – *Shtain, K.E.* (2006). Deyatel'nostnaya filosofsko-pedagogicheskaya kontseptsiya Ya.M. Neverova i energie tekstov ego uchениkov [Activity-based philosophical and pedagogical concept of Ya.M. Neverov and the energie of his students' texts]. *Glagol budushchego: Filosofskie, pedagogicheskie, literaturno-kriticheskie sochineniya Ya.M. Neverova i rechevoe povedenie vospitannikov Stavropol'skoi gubernskoi gimnazii serediny XIX veka*. Stavropol': Izd-vo SGU. [in Russian]

[Shtain, Petrenko, 2015](#) – *Shtain, K.E., Petrenko, D.I.* (2015). Russkii yazyk v polietnicheskom regione (na materiale sochinenii Ya.M. Neverova, direktora Stavropol'skoi gubernskoi gimnazii 1850-1860 godov) [Russian language in a multi-ethnic region (based on the works of Ya.M. Neverov, director of the Stavropol provincial gymnasium in the 1850-1860s)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 1: 121-128. [in Russian]

[Sostoyanie uchebnoi chasti v 1871 godu, 1872](#) – Sostoyanie uchebnoi chasti na Kavkaze i za Kavkazom v 1871 godu [The state of the educational unit in the Caucasus and beyond the Caucasus in 1871]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Oktyabr'. 1872. Pp. 175-196. [in Russian]

[Taran et al., 2021](#) – *Taran, K.V., Korolev, A.A., Ludwig, S.D., Pestereva, N.M.* (2021). Private Educational Institutions in the Caucasus in the Period 1846–1914: A Historical-Statistical Study. *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 812-821.

Януарий Михайлович Неверов (1810–1893): некоторые штрихи к биографическому портрету (к 215-летию со дня рождения)

Сергей Борисович Зинковский ^{a, *}, Елена Валерьевна Красненкова ^{b, c}, Александр Сергеевич Ивлушкин ^d, Наталья Сергеевна Петрищева ^e

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^b Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^c Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

^d Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина, Российская Федерация

^e Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

Аннотация. Данная рукопись посвящена 215-летию юбилею Я.М. Неверова и освещает некоторые аспекты его биографии. Материалами послужили труды самого Неверова, а также биографические работы о его личности и деятельности. Методами исследования стали историографический метод, биографический метод, метод классификации и метод синтеза.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zinkovskiy-sb@rudn.ru (С.Б. Зинковский)

Януарий Михайлович Неверов является выдающимся российским педагогом, менеджером в системе образования, теоретиком дидактики новой формации, так называемой «деятельностной педагогики». Пропагандировал идеи народности, создания русской национальной системы воспитания и образования, вседоступности и всеобщности образования, справедливо полагая, что именно в высоком уровне образования заложен экономический успех нации.

Будучи из небогатой провинциальной семьи и инвалидом детства, Неверов «сделал себя сам», получив отличное образование, а благодаря трудолюбию и выдающимся организаторским способностям дослужился до звания действительного тайного советника.

За время управления Кавказским учебным округом количество народных (начальных) училищ и этнических «школ грамотности» увеличилось в несколько раз, а сама система управления образованием стала образцовой.

В своих педагогических трудах Януарий Михайлович осуществляет глубокий анализ ситуации в сфере образования, в полной мере освещает ее недостатки, а также дает практические рекомендации, необходимые для ее развития.

Ключевые слова: Януарий Михайлович Неверов, 1810–1893 гг., система образования в Российской империи, народное образование в России, Кавказский учебный округ.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 58-70
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.58

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Moral State of the Russian Army in 1812. From Border Battles to the Battle of Borodino

Ekaterina S. Kozlovskaya ^a, Alexey Yu. Ovcharenko ^a, Dmitry S. Sknarev ^a, Oleg Yu. Kazenkov ^{a, b, *}

^a Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Russian Federation

^b Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

The research examines the facts of surrender, desertion and unauthorized abandonment of the battlefield by Russian servicemen on the basis of materials on the fighting of the Patriotic War of 1812 for the period from border battles to the Battle of Borodino inclusive. The authors focus on individual plots of the Battle of Borodino. The paper proves that for the Russian military authorities of the early 19th century, surrenders were an uncomfortable topic, which is therefore poorly reflected in the sources, but the authors managed to find in the array of documentary evidence mentions of rare facts about Russian prisoners of war in the Great Army of Napoleon Bonaparte. Based on these testimonies, the authors conclude that much more than 3,000 Russian soldiers were captured during the specified period. The authors also conclude, based on the analysis of the events of the Battle of Borodino, that the organization and methodology of the battle of the Russian Army in 1812 were qualitatively different. They were inferior to the French side, the authors attribute this to the fact that the Russian Empire remained a semi-feudal state at that time. The authors show in their work that desertion was not a common phenomenon in Russian provinces, but at the same time they note the opportunistic behavior of many landlords during recruitment.

Keywords: Patriotic War of 1812, Battle of Borodino, Napoleonic France, prisoners of war.

1. Введение

Отечественная война 1812 года является феноменом, если рассматривать ее в качестве научного объекта. Мощнейшая в военном отношении держава, стоявшая уже на «рельсах» капиталистического развития, проиграла феодальной империи, которая до начала XIX в. воевала в основном с Османской Турцией. В отечественной литературе нет до сих пор однозначного мнения о причине победы России в этой войне, кроме патриотической версии, что русский народ проявил высокие моральные качества, по сравнению с лишенной идеологии армией завоевателей, состоявшей частично не из французов. Данное объяснение выглядит спорным. У армии Наполеона Бонапарта была идеология, базировавшаяся в основном на ценностях Великой буржуазной французской революции. К тому же около половины жителей Российской империи составляли не русские, и значительный процент ее населения получил российское подданство при Екатерине II, то есть достаточно поздно. Среди «новых» россиян имелось много поляков и литовцев, а также исповедовавших католицизм и униатство западных белорусов и украинцев.

Мы ставим целью настоящей работы рассмотреть некоторые негативные моральные аспекты состояния Русской армии в Отечественной войне 1812 года, к которым относятся дезертирство, сдачи в плен и самовольный уход с поля боя, дав им оценку на базе документов и свидетельств современников, а также научных работ, созданных уже после описываемых событий. Подчеркнем, что мы не относим

* Corresponding author

E-mail addresses: o.kazenkov@gmail.com (O.Yu. Kazenkov)

любой случай самовольного ухода с поля боя к проявлениям трусости. Одной из причин данного явления была политика: солдаты не хотели отдавать жизни и здоровье за тот или иной политический режим (политические причины могли быть разными, например, нелояльность католического и униатского населения Беларуси к Российской империи). Из цели вытекают следующие задачи: проследить факты сдачи российских военнослужащих в плен на фоне обстоятельств, при которых это произошло; рассмотреть вопросы дезертирства и самовольного оставления боевых позиций; выявить, существовал ли в российском обществе на то время протестный потенциал.

Гипотеза настоящей работы заключается в том, что в условиях позднего феодализма сознание российского общества не было столь высоко развито, как в буржуазных социумах, несмотря на распространение рыночных ценностей, когда индивид ориентируется в своих действиях, в первую очередь, на финансовый результат. Кроме того, организация Русской армии еще оставалась на уровне XVIII в., когда как вооруженные силы Французской республики быстро избавились от полуфеодальных пережитков королевского режима.

Хронологический период избран от пограничных боев с Великой армией до Бородинского сражения и времени немного после него, так как отступление Наполеона I из Москвы является несколько иной, особой по содержанию страницей истории Отечественной войны 1812 года.

2. Материалы и методы

Исторический анализ в работе основан на изучении опубликованных до 1917 г. документах российской и французской сторон, относящихся к Отечественной войне 1812 г. Особый интерес для нас представляет систематизированный обзор документов по Рязанской губернии в 1812 г., составленный И.И. Проходцовым и выпущенный к Столетию Юбилею Отечественной войны 1812 г., а также опубликованные до 1917 г. летописи полков (фактически это систематизированные документальные сведения, снабженные комментариями составителей). Высокую ценность представляет собой опубликованный к Юбилею Отечественной войны 1812 г. «Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года». Это содержательный документ, составленный на базе материалов еще дореволюционного военного архива в Лефортово, ныне это Российский государственный военно-исторический архив (Москва, Российская Федерация). То же самое касается другого особо ценного издания по истории Отечественной войны 1812 года, это «Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Отечественная война», вышедшая перед Столетним юбилеем в сборнике документов. Не менее интересным представляется нам «Календарь Наполеона», одно из изданий которого появилось в России в начале XX в. Это записки авторства самого Наполеона Бонапарта. Из сборников документов советского периода мы опираемся на актуальный до сих пор сборник под редакцией Р.Е. Альтшуллера, появившийся в 1962 г.

Надо отметить, что проблемы дезертирства, саботажа, сдачи в плен, самовольного ухода с поля боя редко отражались в работах современников тех событий. Сведения французских официальных лиц, руководивших Великой армией, включая Наполеона I, малочисленны на этот счет, и необходимо относиться к ним достаточно осторожно по вполне понятным причинам. Российские источники также страдают субъективизмом (известна история с противоречивым подсчетом потерь в Бородинском сражении).

В работе получили отражение общенаучные методы анализа и синтеза, а также метод экстраполяции. Мы анализируем события на базе свидетельств, отраженных в разных источниках, на предмет морального состояния Русской армии в интересующий нас исторический период. В фокусе внимания у нас при этом такие явления, как сдачи российских военнослужащих в плен, самовольный уход с поля боя и дезертирство. Разумеется, данные явления взаимосвязаны и вместе отражают общий моральный уровень армии. Мы рассматриваем эти явления во взаимосвязи и в контексте конкретных событий, фокусируя внимание на Бородинском сражении, в ходе которого наиболее полно отражено моральное состояние российских войск периода Отечественной войны 1812 г. В этом анализе нам важны также факторы, влиявшие на моральное состояние Русской армии, в первую очередь, это напряжение вооруженной борьбы. Информация по этому поводу наиболее полно представлена в материалах по Бородинскому сражению. Так как армия не существует вне общества и вне его политического развития, то мы затрагиваем проблему отношения крестьянского населения российских губерний к рекрутским наборам и к режиму Романовых в целом. В этой связи методы анализа и синтеза оказались плодотворными, так как мы получили достаточно полное научное представление по изучаемому нами предмету.

Дефицит сохранившихся статистических данных, особенно по фактам сдачи в плен российских военнослужащих, заставил нас обратиться к методу экстраполяции, когда мы взяли за основу количество собранных в Твери бежавших из французского плена русских солдат и офицеров для понимания масштабов сдачи в плен до сентября 1812 г. Это дало нам приблизительное представление о сдачах в плен русских солдат и офицеров в Отечественной войне 1812 г. до сдачи Москвы французам.

3. Обсуждение

Образ Отечественной войны 1812 года в российской историографии и научно-популярной литературе имеет вид небывалого до этого подъема народа против захватчиков в лице Великой армии Наполеона I. Проблемы страданий населения России, включая пагубное влияние на народ рекрутских наборов, и неоднозначного отношения к этой войне в российском обществе были затронуты уже в дореволюционной литературе, будучи достаточно широко обсуждаемы историками на Юбилей войны 1812 года в 1912 г. Однако в советской историографии эти вопросы отошли на второй план. Так, например, в актуальной до сих пор работе Л.Г. Бескровного ([Бескровный, 1973](#)) о дезертирстве, плене и самовольном уходе с поля боя нет ничего. Это связано с конъюнктурой в советской исторической науке после 1945 г., когда такие темы были «табуированы» даже применительно к изучению Российской империи. Исключение составили только темы крестьянских волнений и антиправительственных выступлений ([Годин, 1963](#); [Бабкин, 1969](#)). Эта же традиция в российской исторической науке перешла в постсоветский период. В наиболее знаковых работах, посвященных Русской армии периода Наполеоновских войн ([Троицкий, 2018](#); [Земсков, 2018](#)), эти вопросы почти не освещены. Даже в статье В.А. Корнилова про рекрутскую повинность в первой половине XIX в. вопрос дезертирства во время Отечественной войны 1812 г. не освещен ([Корнилов, 2008](#)).

4. Результаты

Дезертирство в Русской армии и кампания 1812 года

Дезертирство – сложный вопрос для изучения жизни Русской армии в начале XIX в., так как при Александре I оно еще не являлось уголовно преследуемым деянием. За неоднократные побеги из воинской части солдата могли максимум отправить служить в дальний гарнизон, например, в Сибирь. В тех условиях это было уже суровое наказание. Кроме того, дезертирство нередко принимало вид неявки на службу в силу возникших обстоятельств, например, неспособности долгое время найти свой полк после выписки из госпиталя. Регистрация и арест дезертиров, которых обычно называли мародерами, были достаточно затруднены в условиях образовавшейся во втором полугодии 1812 г. в тылах Русской армии неразберихи. Полиция за пределами Москвы и С-Петербурга часто была бессильна в борьбе с этим явлением в силу своей малочисленности.

Дезертирство в период Наполеоновских войн в России подразделялось на несколько основных видов: бегство рекрутов, самовольное оставление части без видимых внешних обстоятельств (классическое дезертирство принявшего присягу военнослужащего), бродяжничество в силу возникших особых обстоятельств (разгром воинской части в бою, неспособность быстро после выписки из госпиталя или командировки добраться до своей части, развал части в результате плохого снабжения). Были еще легальные методы организации помещиками уклонения от службы, которые нельзя считать дезертирством, но, с моральной точки зрения, они стоят достаточно близко к нему. Об этом – ниже.

Итак, дезертирство рекрутов. Это была сложная форма неявки на службу в период Наполеоновских войн, так как рекрутов конвоировали. Но, несмотря на это, побеги были нередкими. Объяснимо это непопулярностью службы среди многих россиян из-за высокой смертности. Как пишет В.А. Корнилов, «только единицы солдат могли выслужить полный 25-летний срок. По данным Инспекторского департамента Военного министерства, на 1820 год из 826,1 тыс. солдат 25-летний срок выслуживало не более 3,5 тыс., в кавалерии это составляло соотношение 1 на 380 человек, в пехоте – 1 на 210 человек, в артиллерии – 1 на 564 чел.» ([Корнилов, 2008: 20](#)). За период 1800–1809 гг. только летальные нестроевые потери в Русской армии составили 221 800 человек против 101 100 российских военнослужащих, погибших, взятых в плен и пропавших без вести ([Корнилов, 2008: 20](#)), или почти 36 тыс. чел. в год. Согласно подсчетам Жака Удайе, боевые потери Франции за период 1800–1815 гг. составили 439 тыс. человек (сюда вошли умершие в госпиталях), 706 тыс. французских военнослужащих выбыли по другим причинам, включая дезертирство ([Houdaille, 1972](#)). Позднее на базе его подсчетов была дана оценка летальных потерь Франции за 15 лет Наполеоновских войн как 900 тыс. – 1 млн военнослужащих, из которых половина пришлась на 1812–1814 гг. ([Drevillon, 2013: 178-186](#)), то есть в течение периода 1800–1815 гг. французская армия теряла в среднем по 75 тыс. человек. Русские потери в кампании составили примерно 230-250 тыс. чел.

В.А. Корнилов указывает, что в 1810 г. дезертировало 1 086 из 36 645 рекрутов, что немного менее 3 % от призванных ([Корнилов, 2008: 21](#)). Однако это был мирный год. В одном из документов указано, что множество призванных в связи с войной с Францией в западных губерниях скрывалось по деревням. Кроме того, из полков бежали литовские и белорусские рекруты еще до Смоленского сражения, их было приказано отыскивать, когда Русская армия преследовала осенью 1812 г. войска Наполеона I ([Отечественная война 1812 года, 1912: 401](#)).

Отношение к рекрутской повинности в коренных русских губерниях со стороны населения было более лояльным, нежели в присоединенных бывших землях Речи Посполитой. Так нам позволяет судить пример сюжета с 82-м рекрутским набором в Рязанской губернии (вторая половина весны 1812 г.), где из 2 905 призванных было «забраковано» 1 204 человека, но это были в основном лица с серьезными хроническими заболеваниями и физическими недостатками ([Проходцов, 1913: 125](#)). Однако среди этих рязанских рекрутов встречались случаи членовредительства, но крайне редкие.

Недобор оказался незначительным: по всей губернии 82 человека (Проходцов, 1913: 126). Сохранилась практика отдачи в рекруты явно негодных к службе (Проходцов, 1913: 137). Такое поведение помещиков и вело к тому, что нередко от 30 до 50 % рекрутов на службу не принималось, и в Рязанской губернии доля негодных к службе в 83-м наборе только возросла по сравнению с 82-м набором (Проходцов, 1913: 137).

Сложности с привлечением новых рекрутов в западных губерниях России сохранялись и после Бородинского сражения, касалось это уже коренных русских территорий. Так, например, витебский губернатор Лешерн сообщал генералу Витгенштейну 11 сентября 1812 г., что в Невельском, Велижском и Городецком уездах крестьяне под влиянием французской пропаганды (обещания отмены крепостного права) готовы были отбивать отданных в рекруты земляков по пути последних в Себеж (Отечественная война 1812 года. Т. 18. 1911: 60). То есть у дезертирства, пусть и в такой форме, была в некоторых случаях и политическая сторона.

20 сентября 1812 г. Лешерн сообщил М.И. Кутузову, что Велижский, Городецкий, Серажский и Невельский уезды вышли из повиновения российской власти (Отечественная война 1812 года. Т. 18. 1911: 120), в связи с чем этот губернатор не мог вывезти с данных территорий 600 рекрутов. Также он просил выделить ему кавалерийский контингент, чтобы это сделать, а также для предотвращения вывоза в Витебск заготовленного для французов продовольственного запаса, и это при том, что частей Великой армии в этих уездах не было (Отечественная война 1812 года. Т. 18. 1911: 120).

Есть также сведения об открытом коллаборационизме, и не только в регионах, которые были населены преимущественно поляками и литовцами, но и в Могилевской губернии, где проживали и проживают в основном православные белорусы. Так, например, генерал-лейтенант граф Гудович, принявший командование Черниковским ополчением, докладывал М.И. Кутузову 18 сентября 1812 г., что вся Могилевская губерния присягнула Наполеону, и в этой губернии шел сбор рекрутов (видимо, для формирования временного литовского правительства в Вильно) из расчета 1 рекрут на 50 мужчин призывного возраста. В эти новые формирования включались, по данным, которыми располагал Гудович, также русские дезертиры и пленные поляки и белорусы, служившие до этого в Русской армии (Отечественная война 1812 года. Т. 18. 1911: 91). Разумеется, эта «мобилизация» в Могилевской губернии, как и во всей Беларуси (Nawrot, 2013), провалилась (во многом из-за ограниченных экономических возможностей сторонников Наполеона в восстановленном им Великом княжестве Литовском, а также ввиду негативного отношения православного населения Беларуси к оккупационным войскам Франции). В общей сложности в ВКЛ удалось мобилизовать или набрать на добровольной основе около 6 тыс. солдат и офицеров к декабрю 1812 г. (Кудряшов, 1992). Это были преимущественно литовцы и белорусы, исповедовавшие католицизм или униатство.

Вероятность крестьянских волнений в случае войны с Наполеоном высоко оценивал и сам император Александр I, поэтому незадолго до кампании 1812 г. он дал распоряжение разместить в каждой губернии по полубатальону (300 человек) для противодействия потенциальным бунтарям (Семевский, 1912: 78).

У Наполеона I не было конкретного плана политических преобразований на оккупированных российских территориях, кроме восстановления Великого княжества Литовского как уступки польским союзникам (они в управлении этим квазигосударством и доминировали).

20 декабря 1812 г. в Сенате Наполеон заявил, что ведет с Россией только политическую войну, но мог бы вооружить огромную армию русских крестьян, о чем французского императора, с его, правда, слов, просили во многих российских деревнях. Но Наполеон отказался от этой меры, потому что опасался, с его слов в Сенате, гибели многих семей российской знати (Семевский, 1912: 79). То есть, говоря словами А.С. Пушкина, Наполеон Бонапарт боялся русского бунта, бессмысленного и беспощадного.

Поздеев, известный консерватор и масон, писал министру просвещения графу Разумовскому во время вторжения французов в Россию, что «мужики наши ожидают какой-то вольности; это очаровательное слово кружит их» (Семевский, 1912: 79). Наполеон I был прав: политическое сознание русского крестьянства было еще достаточно архаичным. На это указывает пример протестного движения среди крестьян двух сел Гжатского уезда Смоленской губернии в июле 1812 г., когда несколько крепостных объявили о переходе в старообрядчество. Речь шла о секте, в которую многих крестьян заставляли вступать насильственно. Лидеры этих «новых старообрядцев» обещали освобождение от крепостной зависимости и «Царствие небесное» (Семевский, 1912: 81).

По данным полиции, протестный потенциал среди крестьянства и горожан с низкими доходами оставался высок к лету-осени 1812 г., и это могло определенным образом влиять на решения некоторых военнослужащих сдаваться, дезертировать и самовольно покидать поле боя.

После оставления Москвы в российских войсках стала падать дисциплина, это привело к распространению бродяжничества и мародерства, то есть к определенной форме дезертирства. Этот вопрос взял под контроль лично Александр I, в связи с чем командование армии в лице дежурного генерала Коновицина особо занялось этой проблемой. В Рязанской губернии специальные команды начали отлов мародеров. Одна из таких команд под руководством генерал-майора Левицкого смогла собрать недалеко от Рязани к концу сентября 1812 г. 6 офицеров и 968 нижних чинов, занимавшихся бродяжничеством и мародерством (Проходцов, 1913: 627). Данное явление продолжалось и позднее.

Так, к 17 октября 1812 г. по дорогам Рязанской губернии было собрано 1 102 нижних чина (Проходцов, 1913: 631). Однако в данном случае речь шла о вынужденном (по хозяйственным причинам) дезертирстве. Многие из бродяжничавших солдат были выписаны недавно из госпиталей, но не получили ни пропитания, ни соответствующего обмундирования, ни денег, чтобы нормально добраться до своих полков.

Сдачи в плен и самовольный уход с поля боя

О точном количестве русских пленных, взятых французами в 1812 г., у нас нет сведений, поскольку многие из них остались во временных лагерях на территории России или погибли при переходах к границе. У французской армии было правило: по возможности, отправлять пленных в глубокий тыл, где и проводился их окончательный учет (Boudon, 2019: 57). Первая волна русских военнопленных пришла на 1799 г., время Швейцарского похода А.В. Суворова (около 7 тыс. человек). Такое огромное для России конца XVIII в. количество сдавшихся в плен на поле боя объяснимо поражением А.В. Суворова в сражении под Цюрихом (Boudon, 2019: 57). К счастью для Русской армии, наиболее сильные части армии еще революционной Франции во главе с Наполеоном Бонапартом находились в Египте. Но в конце 1805 г. Наполеон I показал свой полководческий талант под Аустерлицем. Одним из результатов этого и сопутствовавшего ему сражений стал захват 13 787 русских офицеров и нижних чинов в плен (Boudon, 2019: 57). В ноябре 1813 г. во Франции и присоединенных к ней территориях были учтены 8 627 русских военнопленных (Boudon, 2019: 59). Сомнительно, что большинство из них попали в плен в 1812 г., принимая во внимание, что в ноябре 1812 г. французские военные власти отмечали, что на их территории находились только около 180 русских военнопленных (Boudon, 2019: 59). Однако связано это было, очевидно, со сложностями этапирования из России. Другая проблема – выживаемость русских пленных до их попадания на территорию Франции.

Конвоирование и содержание русских военнопленных на территории России было для французов непростым вопросом, так как известно, что к середине октября 1812 г., по данным Военного министерства, в расположении российских войск оказалось 1 230 нижних чинов, «вышедших из плена» (Отечественная война 1812 года. Т. 21. 1914: 297). Формулировка «вышедший из плена» достаточно расплывчата. Из другого документа становится известно, что это были собранные в Твери бежавшие из плена российские военнослужащие (Отечественная война 1812 года. Т. 19. 1912: 295). Здесь указана цифра 1 280 человек, то есть это те русские военнопленные, которые, судя по всему, находились ранее в тылу северного фланга отступавшей армии Наполеона. Документ датирован 6 октября (выписка из донесения М.И. Кутузова императору Александру I), из чего следует, что побег эти бывшие пленные совершали не позднее 3 октября.

В связи с конвоированием и отправкой русских военнопленных в западные губернии в сентябре 1812 г. есть интересное документальное свидетельство, что, по данным русской разведки, колонна в 3 тыс. российских военнопленных была этапирована в Смоленск через Можайск (данные были переданы в соответствующем рапорте 22 сентября 1812 г.). Их сопровождала команда в 300 солдат при двух орудиях (Отечественная война 1812 года. Т. 18, 1911: 5). Колонна русских пленных достаточно многочисленна, и это не бывшие раненые, захваченные французами в московских госпиталях, большинство из них не могло к тому времени выздороветь.

В боевом календаре Русской армии 1812 года (был составлен уже спустя сто лет после описанных событий российскими военными историками по фондам армейского архива в Лефортово) отражены сдачи в плен русских солдат и офицеров уже в приграничных сражениях. В одном из приводимых в данном сборнике донесений читаем: 26 июня 1812 г. 1-й пехотный корпус генерал-майора Кульнева отправил разъезд в районе местечка Жеймы в составе трех унтер-офицеров и 32 драгун (все из Ямбургского драгунского полка). Этот отряд наткнулся на превосходящие силы французской кавалерии и после боя сдался в полном составе в плен (отмечается, что все были перед этим ранены). Это были, как считается, первые русские кровавые потери в Отечественной войне 1812 года (Никольский, 1913: 58).

Часто пленные во всех войнах попадают в разряд пропавших без вести. В большом арьергардном бою под Ошмянами (29 июня 1812 г.) русские войска потеряли 31 человека пропавшими без вести, но при этом убиты были 13 человек (Никольский, 1913: 68). Это был один из арьергардных приграничных боев, когда со стороны французов действовали в основном кавалерийские немногочисленные части, а главные силы Великой армии только подтягивались к Вильно и Гродно.

В тот же день, 29 июня, французы внезапно ворвались в город Паневежис, где застали пришедшую с марша 27-ю инвалидную роту. Почти все это подразделение было взято в плен, и в августе 1813 г. 20 выживших инвалидов вышли к русским войскам (Никольский, 1913: 69) (уже на территориях Польши или Германии). Разумеется, в плен сдавались и французы, и их союзники. Например, в сражении у фольварка Повьвиорки к русским кавалеристам в плен сдалось более 100 чинов Великой армии (Никольский, 1913: 70). Однако тогда происходили в основном бои с участием российской кавалерии, которая была лучше морально подготовлена. Но еще важнее, что русские кавалерийские части были лучше организованы, находясь под командованием опытных и

хорошо обученных командиров. Иную картину представляют собой бои с участием обычных армейских пехотных частей, ярким примером чему служит бой за Могилев (20 июля 1812 г.). Французы оказались у стен этого города внезапно, несмотря на то что было хорошо известно, что они наступают в данном направлении. В Могилеве находились разрозненные отдельные части, в основном запасные батальоны. Город был сдан вместе с собранными крупными складами провианта (Никольский, 1913: 114). При этом в городе с разными поручениями находились более 150 офицеров и нижних чинов, все они не успели за отступавшим гарнизонным батальоном и пропали без вести (Никольский, 1913: 115) (это официальная версия, но, вероятнее всего, многие из них попали в плен). Судя по описанию боя, Могилев не был подготовлен к обороне, упомянуты только две крепостные пушки, которые при отступлении применял гарнизон.

С Могилевым связана попытка прорваться через расположение корпуса Даву 2-й армии Багратиона, для чего последний приказал 7-му корпусу Раевского атаковать Даву в районе Новоселок, Салтыковки и Фатовой. Русские проиграли это сражение 23 июля 1812 г. Пропавшими без вести в нем считались 319 офицеров и нижних чинов, тогда как были убиты 565 и ранены 585 (Никольский, 1913: 134). В одном документе «Наполеон маршалу Бертье для маршала Удино» упоминается взятие в плен в сражении при Красном 1 500 русских (Correspondance de Napoléon Ier, 2013: 159). Официальные точные данные о потерях всех частей, участвовавших 14 августа 1812 г. в сражении под Красным, отсутствуют. Но в реляциях командовавшего там русскими войсками генерал-майора Д.П. Неверовского фигурирует цифра общих потерь, включая и убитых, 1 500 человек (Никольский, 1913: 273). По отдельным полкам имеется детальная роспись потерь, судя по которой мы можем сказать, что Наполеон I оказался близок к истине, назвав цифру сдавшихся в плен русских – 1 500 человек: 49-й егерский полк пропавшими без вести потерял 169 человек (под пропавшими без вести обычно имелись в виду пленные), в 50-м егерском полку 175 человек пропали без вести (Никольский, 1913: 281) (под Красным в дивизии Неверовского было больше двух полков). Из другого документального свидетельства следует, что в ходе отступления от Красного к Смоленску дивизия Д.П. Неверовского потеряла примерно 2 тыс. человек пленными (Fabry, 1903: 286). Не доверять этим данным у нас нет оснований, так как сражение под Красным было действительно очень тяжелым, и русские части расходовали много боеприпасов, а также потеряли большую часть конной артиллерии. С подвозом боеприпасов были, разумеется, сложности, так как часть сил Неверовского долгое время сражалась в окружении превосходящих сил противника.

Уже через два дня после сражения под Красным французы оказались у стен Смоленска. Сражение за Смоленск длилось до 19 августа 1812 г. Наполеон Бонапарт писал относительно русских потерь в Смоленске как о 4 тыс. убитых и 10-12 тыс. раненых, о пленных он не упоминает (Correspondance de Napoléon Ier, 2013: 159) (впрочем, в своих письмах он об этом редко пишет). По российским данным, только рядовых в Смоленском сражении и в процессе отступления из города (7 августа 1812 г.) пропало без вести 3 831 человек и 3 045 солдат погибли (Никольский, 1913: 367). Если большинство пропавших без вести – это все-таки пленные, то, соответственно, сдались примерно столько же, сколько и погибли. Очевидно, большая часть русских солдат попала в плен в Смоленске и в его окрестностях при отступлении, будучи ранеными, поэтому Наполеон Бонапарт, скорее всего, и учел их как раненых.

9 сентября 1812 г. Наполеон I упоминал в письме в Вену своему союзнику императору Франциску I о большом количестве русских пленных, захваченных в сражении при Бородине, но точная цифра не указана (Correspondance de Napoléon Ier, 2013: 207). В тот же день, 9 сентября, французы занимают Можайск и обнаруживают там приблизительно 10 тыс. русских раненых (данные из Календаря Наполеона), оставленных при отступлении М.И. Кутузовым (Календарь Наполеона..., 1912: 52). О том, сколько попало в плен русских солдат и офицеров при Бородине, российские источники того времени умалчивали, они «скрываются» под графой «пропавшие без вести» (но большинство пропавших без вести фактически погибли).

Как определил С.В. Львов по документам, 1-я Западная армия потеряла только рядовых убитыми 4 678 человек, но пропавшими без вести – 4 610 рядовых. По 2-й Западной армии несколько иное соотношение погибших и пропавших без вести рядовых: 3 858 чел. против 5 225 чел. (Львов, 2003: 65). В случае 2-й Западной армии такое соотношение потерь нетипично для летнего периода кампании 1812 г. Этой армией командовал князь П.И. Багратион, который погиб, когда поднимал своих солдат в очередную контратаку.

Судя по рапорту командующего 1-й армии генерала М.Б. Баркляя-де-Толли о действиях вверенных ему войск в Бородинском сражении, к полудню 2-я армия П.И. Багратиона (к тому моменту он был тяжело ранен) была разбита, в результате чего левый фланг всех русских сил был смят, укрепления 2-й армии французы взяли и стали развивать наступление под сильным артиллерийским прикрытием на курган, который защищала 26-я дивизия той же 2-й армии (Афанасьев, 1912: 17-18) (Курганная батарея, или батарея Раевского). Положение спас начальник штаба 1-й армии генерал-майор А.П. Ермолов, который с Третьим батальоном Уфимского полка остановил толпы бегущих чинов 26-й дивизии и, создав из их состава колонну, ударил на французов в штыки (Афанасьев, 1912: 18). Курганную батарею вскоре удалось отбить (правда, при помощи других полков 1-й Западной армии), но временно. О самовольном отступлении русской пехоты у батареи

Раевского А.П. Ермолов в своем рапорте пишет следующее: «Проезжая центр армии, я увидел укрепленную высоту, на коей стояла батарея из 18-ти орудий, составлявшая правое 2-й армии крыло, в руках неприятеля, в больших уже силах на ней гнездившегося. Батареи неприятеля господствовали уже окрестностью сея высоты и с обеих ее сторон спешил и колонны распространить приобретенные им успехи. Стрелки наши во многих толпах не только без устройства, но уже и без обороны бежавшие, приведенные в совершенное замешательство и отступающие не стройно 18-й, 19-й и 40-й егерские полки и дали неприятелю утвердиться. Высота сия, повелевавшая всем пространством, на коем и устроены были обе армии, 18 орудий доставшихся неприятелю было и слишком важным обстоятельством, чтобы не испытать возвратить сделанную потерю» (Афанасьев, 1912: 21-22).

Уже после кампании 1812 г. в своих знаменитых записках А.П. Ермолов писал несколько другое об этом эпизоде: «Между тем генерал Тучков, видя совершенное расстройство 2-й армии, потерявшей главного и важнейших частных начальников, и что невозможно рассчитывать на твердое сопротивление раздробленных частей ее, велел III корпусу немедленно войти в бой; занял конечность левого крыла армии 1-ю гренадерскою дивизией и успел стать на Можайской старой почтовой дороге, где близ селения Утицы находились уже польские войска, предвидимые князем Понятовским» (Ермолов, 1863: 82). То есть 2-я Западная армия, со слов А.П. Ермолова, пришла в расстройство на начальном этапе Бородинского сражения, еще не понесла столь существенных потерь, за исключением 2-й сводно-гренадерской дивизии. Командный состав 2-й Западной армии понес к тому времени ощутимые потери, но оставались командиры полков и батальонов, а также ряд командиров дивизий. Командир 8-го пехотного корпуса, М.М. Бороздин оставался в строю, ему пришлось лично вести три полка в контратаку на Семеновские флеши.

Есть сведения, приводимые в вышедшей в 1839 г. в Москве краткой книге авторства штабного поручика Н.Д. Неелова (он указан при этом в качестве составителя текста книги). Эта работа была странной сразу с двух точек зрения: ее написал офицер невысокого чина и, несмотря на смелость сделанных в этой работе замечаний о действиях русских войск, книга прошла цензуру при режиме Николая I в 1839 г., а в этом году Бородинское сражение отмечалось особо громко. Курганная батарея названа Нееловым люнетом. Описание боя за это место мало отличается от других, но при этом указано, что Курганная батарея была взята генералом Бонами силами одной бригады против находившихся под командованием Паскевича 1-го и 2-го батальонов Полтавского пехотного полка, а также Ладожского, Нижегородского и Орловского полков. В резерве за батареей стояли 18-й, 19-й и 40-й егерские полки (Неелов, 1839: 57) (то есть целая дивизия). Непосредственно люнет взял 30-й линейный пехотный полк из бригады Бонами, несмотря на сильный картечный и ружейный огонь со стороны русских. Этот полк был вскоре выбит из люнета А.П. Ермоловым, которому пришли на помощь крупные силы Русской армии (Неелов, 1839: 58). То есть солдаты Бонами сражались, серьезно численно уступая противнику, а не наоборот.

А.П. Ермолов в других частях своего рапорта пишет о высоком моральном духе русских солдат и офицеров. Это делают и другие генералы, включая и М.И. Кутузова. Известно, что фактически разбитую 26-ю дивизию сменила 24-я дивизия (сибиряки) генерал-майора П.Г. Лихачева, который при второй атаке французов на Курганную батарею был ранен и взят в плен. Это означало, что 24-я дивизия понесла большие потери (фактически была разбита).

А.П. Ермолов пишет о поражении 24-й дивизии кратко, указывая, что она была атакована многочисленными силами французов. В монографии Н.Ф. Гарнича указано, что весь 6-й корпус Дохтурова, состоявший из 7-й и 24-й пехотных дивизий, насчитывал 9 900 чел. (Гарнич, 1956: 103), то есть под командованием П.Г. Лихачева было не более 4 500 чел.

Главная роль во второй атаке Курганной батареи была отведена 2-му кавалерийскому корпусу под командованием генерала Коленкура (Монбрен к тому времени погиб), который должен был зайти в тыл батареи, прорвавшись через ряды дивизии Лихачева при поддержке справа 4-го кавалерийского корпуса Латур-Мобура (3 600 человек) (Гарнич, 1956: 103). Но этот корпус насчитывал немногим менее 4 тыс. чел. Левый фланг Лихачева прикрывала пехотная бригада де Росси, сразу за которой стоял 3-й кавалерийский корпус Кройца (3 700 человек) (Гарнич, 1956: 104). За Корфом находились Семеновский и Преображенский полки. В центре 24-ю дивизию прикрывал 4-й пехотный корпус Остермана (9 500 человек) (Гарнич, 1956: 104), и за спиной Остермана стоял 2-й кавалерийский корпус Корфа (3 500 человек) (Гарнич, 1956: 104), справа от Остермана находилась 7-я пехотная дивизия (ее атаковали несколько эскадронов 3-й легкой кавалерийской дивизии) (Nafziger, 1988: 307). За спиной Корфа находились два кавалерийских полка (Жилин, 1987: 190) (последний резерв). Эскадроны 2-го и 4-го французских кавалерийских корпусов смогли прорваться даже до позиций генерала Корфа, оставив Курганную батарею позади, для ее штурма 2-й корпус выделил часть своих сил (Жилин, 1987: 190). Задачей этих корпусов было не столько овладение самой батареей Раевского, сколько сковывание и дезорганизация стоявших за ней русских частей, которые численно почти в три раза превосходили атаковавших их кавалеристов Коленкура и Латур-Мобура.

Непосредственно редут первый раз атаковала 2-я кирасирская дивизия, которая была быстро расстроена огнем русской пехоты, тогда же погибает командующий 2-го кавалерийского корпуса генерал Коленкур. Понимая всю сложность ситуации, Латур-Мобур поворачивает основные силы

своего 4-го корпуса на лонет ([Nafziger, 1988: 308](#)) (7-я кирасирская дивизия и легкая польская кавалерия Розника). 33-й егерский, Пермский и Кегсгольмский полки останавливают этих кавалеристов мощным огнем, но саксонским гвардейцам генерала Тилеманна ([Thielemann](#)) удалось прорваться на батарею (за его саксонцами устремился 9-й линейный полк), и это предопределило исход боя в пользу Великой армии.

Непосредственно в лоб дивизию Лихачева атаковали дивизии Морана и Жерара из 1-го корпуса Даву, а также дивизия Брюсье из 4-го корпуса (Итальянская гвардия). Но 1-я дивизия Морана понесла большие потери уже во время первой атаки на батарею Раевского, и к моменту начала Бородинского сражения вся эта дивизия насчитывала около 4 тыс. человек, так как она понесла большие потери в предыдущих боях, особенно в районе Шевардинского редута ([Моран, 2013](#)). После почти полной гибели бригады генерала Бонами (он попал в плен) в результате знаменитой контратаки А.П. Ермолова Моран мог повести на второй штурм Курганной батареи едва ли 2 тыс. человек. Судя по описанию боя за батарею Раевского, приведенную у Г. Нафцигера в основном по французским документам, силы 1-го корпуса Даву не принимали значительного участия в штурме, в итоге этот бой превратился в противоборство преимущественно кавалерий двух сторон ([Nafziger, 1988: 308](#)). Левее батареи Раевского действовал кавалерийский корпус Груши против трех полков 24-й дивизии и целой 7-й дивизии, этот корпус насчитывал менее 3 тыс. человек ([Гарнич, 1956: 103](#)). Вскоре против Груши на выручку 7-й дивизии Барклай-де-Толли бросил Изюмский гусарский и Польский уланский полки. Однако уже понесшие потери кирасиры Груши отразили атаку этих двух свежих русских полков. Тогда в бой вступили два гвардейских кавалерийских полка (бригада генерала И.Е. Шевича), которые исправили положение. Но здесь мы видим, что русские части превосходили корпус Груши численно. Однако, по Г. Нафцигеру, 7-ю дивизию атаковали непосредственно части 5-го корпуса Понятовского, а конкретнее – карабинеры, которые разбили 19-й егерский полк и взяли позиции 2-й гвардейской конной кавалерийской батареи ([Nafziger, 1988: 309](#)) (бой у деревни Князьково). И в данном случае создать большое численное превосходство над 7-й пехотной дивизией и 4-мя кавалерийскими полками войска Наполеона I не могли. Но массовое самовольное оставление боевых позиций с русской стороны у д. Князьково, судя по всему, имело место. Этому есть объяснение. Например, 11-й Изюмский гусарский полк не выдержал боя с французскими кирасирами и польскими уланами, потому что перед этим понес большие потери, гусары целый час стояли под артиллерийским обстрелом рядом с 4-м пехотным корпусом Остермана ([Соколовский, 1912: 23](#)) (до этого они приняли активное участие в сражении за Шевардинский редут). Только убитыми в Бородинском сражении Изюмский полк потерял 120 человек ([Соколовский, 1912: 25](#)).

Военный историк Е.П. Гурьев несколько по-другому описывает действия бригады И.Е. Шевича: часть второго резервного кавалерийского корпуса под командованием генерала П. Ватье прорвалась между батареей Раевского и флешами, создав угрозу прорыва центра всей Русской армии, в связи с чем М.Б. Барклай де Толли бросил в бой конную гвардейскую бригаду, сам возглавив ее атаку ([Гурьев, 2017](#)). Однако, по П.А. Жилину, части второго французского кавалерийского корпуса прорвались через расположение бригады де Росси, а затем вступили в бой с выдвинутыми против них Семеновским и Преображенским полком ([Бюцов, 1912: 12](#)), но это не остановило всех прорвавшихся французских кирасир, часть их прорывается через порядки 4-го пехотного корпуса и налетает на фланг 2-го кавалерийского корпуса, здесь они оказываются рядом с прорывавшимися через порядки 7-й дивизии частями генерала Груши ([Жилин, 1987: 190](#)). Пространство между русским 4-м пехотным корпусом и двумя гвардейскими полками, Преображенским и Семеновским, оказалось слишком большим, чтобы последние могли своей контратакой его закрыть, а французские кирасиры атаковали слишком быстро, поэтому, скорее всего, «преображенцы» и «семеновцы» смогли убить и ранить только несколько десятков французских кавалеристов.

Сдержан в оценках эффективности действий 2-й Западной армии был генерал М.Б. Барклай-де-Толли. В описании Бородинского сражения он упоминает, что к полудню 26 августа 1812 г. «2-я армия при отсутствии раненого князя Багратиона и многих генералов была опрокинута и в величайшем расстройстве» ([Альтшуллер, 1962: 333](#)), но при этом потери этой армии за все Бородинское сражение были меньше, чем у 1-й Западной армии.

Первый удар на левом фланге Русской армии приняли 27-я дивизия Неверовского и 2-я сводно-гренадерская дивизия М.С. Воронцова. Последняя представляла собой фактически малочисленную батальонную группу, насчитывавшую только 4 тыс. нижних чинов. Их атаковали 4-я и 5-я французские дивизии, имевшие в своем составе 16 400 солдат и офицеров, при поддержке 1-го кавалерийского корпуса (5-6 тысяч сабель) ([Васильев, Попов, 2002: 49](#)). Французы устроили мощный артиллерийский налет, применив 102 орудия, это и стало главной причиной трагедии 2-й сводно-гренадерской дивизии (после Бородинского сражения в строю оставались примерно 300 солдат и офицеров этой дивизии).

Основная тяжесть отражения первой атаки легла на 27-ю пехотную дивизию. У Богдановича дана следующая конфигурация расположения русских войск на левом фланге: сами «Багратионовы» флеша занимала утром 26 августа 1812 г. (по старому стилю) дивизия Воронцова, а за ней находилась 27-я пехотная дивизия. В резерве у села Семеновская располагались 2-я гренадерская и

2-я кирасирская дивизии (Богданович, 1859: 151). Их атаковал 3-й пехотный корпус маршала Нея, насчитывавший 10,3 тыс. чел.

Французы своим артиллерийским налетом нанесли большие потери пехоте 2-й сводно-гренадерской дивизии, но разгромить русскую артиллерию у «Багратионовских» флешей не смогли, что стоило им дорого в начале сражения. Остается открытым вопрос: сколько фактически насчитывала 27-я дивизия Неверовского, которая отступила с флешей? Известно, что в Бородинском сражении Одесский полк (№48) потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 283 человека (Попов, 1911: 97), это составило немногим более половины его наличного состава (перед этим полк понес большие потери в бою за Шевардинский редут). Соответственно, только 48-й полк насчитывал перед первой атакой французов на флешу примерно 520 человек.

56-й Житомирский полк (он же Тарнопольский) 27-й дивизии понес также большие потери, но до этого участвовал в бою за Шевардинский редут. Точных данных о его общих потерях нами не выявлено, но установлено, что убитыми «житомирцы» потеряли 560 чел. и 262 чел. ранеными (Шаматов, 1902: 11). С учетом того, что обычно до четверти личного состава пехотные полки в кампанию теряли пропавшими без вести, можно сказать, что 56-й полк насчитывал к моменту начала Бородинского сражения не менее 1 200 солдат и офицеров.

Мы не имеем точных сведений о составе и потерях 52-го Виленского полка из той же дивизии Неверовского, но известно, что этот полк лишился более половины личного состава в бою за Шеварино (345 человек) (Хлопов, 1911: 9), поэтому он насчитывал утром 26-го августа около 300 человек. По потерям 24-го Симбирского полка у Шеварино 413 выбывших или 49 % личного состава полка перед Бородинским сражением (Александров, 1911: 26), то есть в полку осталось около 840 человек. Входившие в состав 27-й дивизии 49-й и 50-й егерские полки насчитывали 1 300-1 400 человек. Таким образом, 27-я дивизия имела в своем составе, по нашим оценкам, около 4 200 человек, не считая артиллерийских рот. Несмотря на такую малую численность, уступая противнику почти в два раза по количеству солдат и офицеров, 2-я сводно-гренадерская и 27-я пехотная дивизии все-таки относительно долго отражали атаки французов. Связано это было отчасти с кустарниками и пролесками, которые осложняли действия французской пехоты (Неелов, 1839: 37). Русская артиллерия на левом фланге не была подавлена, она действовала с заранее подготовленных позиций картечью.

На грани катастрофы вся Русская армия у деревни Бородино оказалась в результате поражения 26-й пехотной дивизии, ее сменила 24-я дивизия из состава 6-го корпуса Д.С. Дохтурова. После Бородинского сражения сложилась популярная версия (на основе рапортов и иных свидетельств участников с русской стороны), что поражение этого корпуса было вызвано большими потерями. Но С.В. Львову уже в постсоветский период по документам корпуса удалось установить, что его общие потери составили 3 882 человека, из них убитыми – 971 человек (Львов, 2004: 257). Перед Бородинским сражением 6-й корпус насчитывал около 12 тыс. офицеров и нижних чинов, то есть корпус потерял почти треть личного состава. При этом корпус сражался на заранее подготовленных, укрепленных позициях, имея 84 полевых орудия. Этому корпусу не повезло в том аспекте, что Бутырский полк находился в арьергарде и в сражении участвовал очень ограниченно, а в Смоленском сражении 6-й корпус лишился многих старослужащих, на смену которым пришли новобранцы.

5. Заключение

В условиях полуфеодальной системы организации Вооруженных сил Российской империи количество далеко не всегда переходило в качество, но проблема заключалась далеко не только в моральном состоянии военнослужащих, которое было достаточно хорошим, но и в подготовке личного состава и руководстве войсками. Например, знаменитая контратака А.П. Ермолова на Курганную батарею произошла спонтанно, во многом благодаря тому, что А.П. Ермолов с совершенно другим заданием оказался в этом месте, то есть, система обороны в центре Русской армии в период Бородинского сражения была недостаточно хорошо организована. Понесшие большие потери в бою за Шевардинский редут полки оказались в первой линии обороны. Французы атаковали часто в меньшинстве или при наличии паритета либо небольшого превосходства, что также указывает на преимущества буржуазной модели комплектования и организации армии.

Недоборы рекрутов, вызванные оппортунистическим поведением многих помещиков, вели к нехватке личного состава в боевых частях при достаточно многочисленном мужском населении России. Но при этом и условия службы были тяжелыми, что также вело к нехватке личного состава из-за больших нестроевых потерь.

Нами установлено, что в Москве в условиях оккупации ее Наполеоном должно было находиться более 3 тыс. русских военнопленных, которые являлись не ранеными на момент пленения. Побег около 1 280 русских военнослужащих из французского плена указывают на достаточно большое количество захваченных российских солдат и офицеров в период от пограничных боев до Бородинского сражения.

Литература

1911 – Отечественная война 1812 года, 1911 – Отечественная война 1812 года: Отд. 1: Переписка русских правительственных лиц и учреждений Отечественная война 1812 года. Кн. 18 – Отд. 1.

Материалы Военно-Ученого ком. Гл. Штаба / Изд. Военно-Ученого Ком. Гл. Штаба. Ред. Военно-Ученого Архива Гл. Штаба. С-Петербург: Главное управление Генерального штаба, Типография «Бережливость», 1911. 250 с.

1912 – Отечественная война 1812 года, 1912 – Отечественная война 1812 года: Отд. 1: Переписка русских правительственных лиц и учреждений Отечественная война 1812 года. Кн. 19 – Отд. 1. Материалы Военно-Ученого ком. Гл. Штаба / Изд. Военно-Ученого Ком. Гл. Штаба. Ред. Военно-Ученого Архива Гл. Штаба. С-Петербург: Главное управление Генерального штаба, Типография «Бережливость», 1912. 403 с.

1914 – Отечественная война 1812 года, 1914 – Отечественная война 1812 года: Отд. 1: Переписка русских правительственных лиц и учреждений Отечественная война 1812 года. Кн. 21 – Отд. 1. Материалы Военно-Ученого ком. Гл. Штаба/ Изд. Военно-Ученого Ком. Гл. Штаба. Ред. Военно-Ученого Архива Гл. Штаба. С-Петербург: Главное управление Генерального штаба, Типография «Бережливость», 1914. 543 с.

Александров, 1911 – Александров А.П. (сост.). История 24-го пехотного Симбирского полка. 1811–1861: = История двадцать четвертого пехотного Симбирского полка. 1811–1861. Ч. 1. Кременчуг: тип. Диковского, 1911. 359 с.

Альтшуллер, 1962 – Альтшуллер Р.Е. и др. (сост.). Бородино: документы, письма, воспоминания. М.: Издательство Советская Россия, 1962. 413 с.

Афанасьев, 1912 – Афанасьев В. (сост.). Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 года. М.: Издание кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года, 1912. 60 с.

Бабкин, 1969 – Бабкин В.И. Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 году / Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX вв. 1969. С. 343-350.

Бескровный, 1973 – Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М.: Наука. 1973. 616 с.

Богданович, 1859 – Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. Т. II. СПб.: Тип. Торгового дома С. Струговщика, Г. Похитонова, Н. Водова и Ко. 1859. 588 с.

Бюцов, 1912 – Бюцов Б.Е. Лейб-гвардии Преображенский полк в сражении 26 августа 1812 г. при Бородине. Санкт-Петербург: тип. Сириус, 1912. 39 с.

Васильев, Попов, 2002 – Васильев А.А., Попов А.И. Война 1812 года. Хроника событий. Grande Aumee. Состав армии при Бородино. М.: Рейтар, 2002. 119 с.

Гарнич, 1956 – Гарнич Н.Ф. Отечественная война 1812 г. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 287 с.

Годин, 1963 – Годин В.С. Антикрепостническое восстание ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 г. / Краеведческие записки гос. архива Пензенской обл. Пенза: Пензенское кн. изд-во. 1963. С. 5-29.

Гурьев, 2017 – Гурьев Е.П. Переход количественных признаков патриотизма в качественные на историческом уровне // Наука, общество, оборона. 2017. №4 (13). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2017-4-13/article-0126/> (дата обращения: 01.09.2024).

Ермолов, 1863 – Ермолов А.П. Записки Алексея Петровича Ермолова о войне 1812 года. Londres, Bruxelles: S. Tchorzewski; S. Gerstmann, 1863. 220 с.

Земсков, 2018 – Земсков В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: Эксмо, Яуза, 2018. 658 с.

Жилин, 1987 – Жилин П.А. (отв. ред.). Бородино. 1812. М.: "Мысль", 1987. 383 с.

Календарь Наполеона..., 1912 – Календарь Наполеона 1812 г. = 1812 год. Мемуары современников и очевидцев, Календарь Наполеона тысяча восемьсот двенадцатого года, Двенадцатый год. М.: Образование, 1912. 151 с.

Корнилов, 2008 – Корнилов В.А. Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Исторические науки. 2008. N. 1 (22). С. 8-24.

Кудряшов, 1992 – Кудряшов И.Ю. Вооруженные силы Литовского княжества 1812 г. // Старый барабаник. 1992. № 1. С. 20-27.

Львов, 2003 – Львов С.В. О потерях Российской армии в сражении при Бородино 24 – 26 августа 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. 2003. С. 52-66.

Львов, 2004 – Львов С.В. Потери 6-го пехотного корпуса при Бородино: к дискуссии о численности и потерях Российской армии в Бородинском сражении / Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. 2004. С. 238-257.

Моран, 2013 – Моран Шарль-Антуан-Луи-Алексис. Рапорт генерала Морана о сражении при Москве-реке, 5 – 7 сентября 1812 г. Вступ. ст., публ. и коммент. Горшков Дмитрий Игоревич // Вестник архивиста. 2013. № 2 (122). С. 206-231.

Неелов, 1839 – Неелов Н.Д. (сост.). Опыт описания Бородинского сражения. Москва: Типография Н. Степанова. 1839. 135 с.

Никольский, 1913 – Никольский В.П. (ред.). Труды Московского отдела императорского Русского военно-исторического общества. Т. IV. Материалы по Отечественной войне. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. Часть I. Перечень боевых столкновений русских армий с 4 июня по 31 августа 1812 года. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1913. 678 с.

- [Попов, 1911](#) – *Попов Ф.Г.* (сост.). История 48 Пехотного Одесского полка. Т. 1-2. Т. 1. 2 т. М.: тип. Рус. т-ва, 1911. 114 с.
- [Проходцов, 1913](#) – *Проходцов И.И.* Рязанская губерния в 1812 году преимущественно с бытовой стороны: материалы для истории Отечественной войны. Ч. 1-я. Рязань: Рязанская губернская ученая архивная комиссия, 1913. 636 с.
- [Семевский, 1912](#) – *Семевский В.И.* Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной / *Дживелегов А.К.* и др. (ред.). Отечественная война и русское общество. Юбилейное издания. Т. V. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина. 1912. С. 74-113.
- [Соколовский, 1912](#) – *Соколовский М.К.* Памятка 11-го Гусарского Изюмского, его королевского высочества принца Генриха Прусского полка / = Памятка Одиннадцатого Гусарского Изюмского, его королевского высочества принца Генриха Прусского полка, Славное прошлое изюмских гусар / Сост. М.К. Соколовским и кн. А.С. Эрстовым. Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1912. 46 с.
- [Троицкий, 2007](#) – *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007. 560 с.
- [Хлопов, 1911](#) – *Хлопов М.Д.* 52-й Пехотный Виленский... полк: = Пятьдесят второй Пехотный Виленский полк. Боевая жизнь и деятельность Полка за сто лет. 1811-1911. Феодосия: тип. Натковича и Виниковича, 1911. 61 с.
- [Шаматов, 1902](#) – *Шаматов Г.М.* (сост.). Краткая боевая хроника 56-го пехотного Житомирского его имп. выс. вел. кн. Николая Николаевича полка (1811-1902 гг.) / = Краткая боевая хроника пятьдесят шестого пехотного Житомирского его имп. выс. вел. кн. Николая Николаевича полка (1811-1902 гг.). Бендеры: тип. Е. Натензон-Постан, 1902. 51 с.
- [Boudon, 2019](#) – *Boudon J.-O.* Les prisonniers russes en France en 1814 / Les Russes en France en 1814, édité par Marie-Pierre Rey, Éditions de la Sorbonne. 2019. Pp. 57-68.
- [Drevillon, 2013](#) – *Drevillon H.* L'individu et la Guerre, Du chevalier Bayard au soldat inconnu. Paris: Belin, 2013. 320 p.
- [Correspondance de Napoléon, 2013](#) – Correspondance de Napoléon Ier. Т. 24. Paris: Hachette Livre BNF, 2013. 668 p.
- [Fabry, 1903](#) – *Fabry G.* Campagne de Russie (1812). Т. 4. Paris: R. Chapelot. 1903. 488 p.
- [Houdaille, 1972](#) – *Houdaille J.* «Pertes de l'armée de terre sous le Premier Empire, d'après les registres matricules» // *Population*. 1972. Vol. 27. No. 1. Pp. 27-50.
- [Nafziger, 1988](#) – *Nafziger G.* Napoleon's invasion of Russia. New-York: Ballantine books. 1988. 650 p.
- [Nawrot, 2013](#) – *Nawrot D.* Udział wojska litewskiego w kampanii 1812 roku // *History Notebooks*. 2013. Is. 140 (1), pp. 45-63.

References

- [1911 – Otechestvennaya voina 1812 goda, 1911](#) – Otechestvennaya voina 1812 goda: Otd. 1: Perepiska russkikh pravitel'stvennykh lits i uchrezhdenii Otechestvennaya voina 1812 goda [The Patriotic War of 1812: Section 1: Correspondence of Russian government officials and institutions The Patriotic War of 1812]. Kn. 18 – Otd. 1. Materialy Voенно-Uchenago kom. Gl. Shtaba. Izd. Voенно-Uchenago Kom. Gl. Shtaba. Red. Voенно-Uchenago Arkhiva Gl. Shtaba. S-Peterburg: Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba, Tipografiya «Berezhlivost'», 1911. 250 p. [in Russian]
- [1912 – Otechestvennaya voina 1812 goda, 1912](#) – Otechestvennaya voina 1812 goda: Otd. 1: Perepiska russkikh pravitel'stvennykh lits i uchrezhdenii Otechestvennaya voina 1812 goda [The Patriotic War of 1812: Section 1: Correspondence of Russian government officials and institutions The Patriotic War of 1812]. Kn. 19 – Otd. 1. Materialy Voенно-Uchenago kom. Gl. Shtaba. Izd. Voенно-Uchenago Kom. Gl. Shtaba. Red. Voенно-Uchenago Arkhiva Gl. Shtaba. S-Peterburg: Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba, Tipografiya «Berezhlivost'», 1912. 403 p. [in Russian]
- [1914 – Otechestvennaya voina 1812 goda, 1914](#) – Otechestvennaya voina 1812 goda : Otd. 1: Perepiska russkikh pravitel'stvennykh lits i uchrezhdenii Otechestvennaya voina 1812 goda [The Patriotic War of 1812: Section 1: Correspondence of Russian government officials and institutions The Patriotic War of 1812]. Kn. 21 – Otd. 1. Materialy Voенно-Uchenago kom. Gl. Shtaba. Izd. Voенно-Uchenago Kom. Gl. Shtaba. Red. Voенно-Uchenago Arkhiva Gl. Shtaba. S-Peterburg: Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba, Tipografiya «Berezhlivost'», 1914. 543 p. [in Russian]
- [Afanas'ev, 1912](#) – *Afanas'ev, V.* (sost.). (1912). Podlinnye dokumenty o Borodinskom srazhenii 26 avgusta 1812 goda [Authentic documents about the Battle of Borodino on August 26, 1812]. М.: Izdanie kruzhka revnitatelei pamyati Otechestvennoi voiny 1812 goda, 60 p. [in Russian]
- [Aleksandrov, 1911](#) – *Aleksandrov, A.P.* (sost.). (1911). Istoriya 24-go pekhotnogo Simbirskogo polka. 1811–1861: = Istoriya dvadtsat' chetvertogo pekhotnogo Simbirskogo polka. 1811–1861 [History of the 24th Simbirsk Infantry Regiment. 1811–1861]. Ch. 1. Kremenchug: tip. Dikovskogo, 359 p. [in Russian]
- [Al'tshuller, 1962](#) – *Al'tshuller, R.E.* i dr. (sost.). (1962). Borodino: dokumenty, pis'ma, vospominaniya [Borodino: documents, letters, memoirs]. М.: Izdatel'stvo Sovetskaya Rossiya, 413 p. [in Russian]
- [Babkin, 1969](#) – *Babkin, V.I.* (1969). Novye materialy o klassovoi bor'be krest'yan v 1812 godu [New materials on the class struggle of peasants in 1812]. Voprosy voennoi istorii Rossii XVIII i pervoi poloviny XIX vv. Pp. 343-350. [in Russian]

- Beskrovnyi, 1973** – *Beskrovnyi, L.G.* (1973). Russkaya armiya i flot v XIX v. [Russian army and navy in the 19th century]. M.: Nauka. 616 p. [in Russian]
- Bogdanovich, 1859** – *Bogdanovich, M.I.* (1859). Istoriya Otechestvennoi voiny 1812 g. [History of the Patriotic War of 1812]. T. II. SPb.: Tip. Torgovogo doma S. Strugovshchika, G. Pokhitonova, N. Vodova i Ko. 588 p. [in Russian]
- Boudon, 2019** – *Boudon, J.-O.* (2019). Les prisonniers russes en France en 1814. Les Russes en France en 1814, édité par Marie-Pierre Rey, Éditions de la Sorbonne. Pp. 57-68.
- Byutsov, 1912** – *Byutsov, B.E.* (1912). Leib-gvardii Preobrazhenskii polk v srazhenii 26 avgusta 1812 g. pri Borodine [Life guards Preobrazhensky regiment in the battle of August 26, 1812 at Borodino]. Sankt-Peterburg: tip. Sirius, 39 p. [in Russian]
- Correspondance de Napoléon, 2013** – Correspondance de Napoléon Ier. T. 24. Paris: Hachette Livre BNF, 2013. 668 p.
- Drevillon, 2013** – *Drevillon, H.* (2013). L'individu et la Guerre, Du chevalier Bayard au soldat inconnu. Paris: Belin, 320 p.
- Ermolov, 1863** – *Ermolov, A.P.* (1863). Zapiski Alekseya Petrovicha Ermolova o voine 1812 goda [Notes of Alexei Petrovich Ermolov on the war of 1812]. Londres, Bruxelles: S. Tchorzewski; S. Gerstmann, 220 p. [in Russian]
- Fabry, 1903** – *Fabry G.* Campagne de Russie (1812). T. 4. Paris: R. Chapelot. 1903. 488 p.
- Garnich, 1956** – *Garnich, N.F.* (1956). Otechestvennaya voina 1812 g. [Patriotic War of 1812]. M.: Goskul'tprosvetizdat. 287 p. [in Russian]
- Godin, 1963** – *Godin, V.S.* (1963). Antikrepostnicheskoe vosstanie ratnikov Penzenskogo opolcheniya v dekabre 1812 g. [Anti-serfdom uprising of the Penza militia warriors in December 1812]. Kraevedcheskie zapiski gos. arkhiva Penzenskoi obl. Penza: Penzenskoe kn. izd-vo. Pp. 5-29. [in Russian]
- Gur'ev, 2017** – *Gur'ev, E.P.* (2017). Perekhod kolichestvennykh priznakov patriotizma v kachestvennye na istoricheskom urovne [Transition of quantitative features of patriotism to qualitative ones at the historical level]. *Nauka, obshchestvo, oborona.* 4(13). [Electronic resource]. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshchestvo-oborona/2017-4-13/article-0126/> (date of access: 01.09.2024). [in Russian]
- Houdaille, 1972** – *Houdaille, J.* (1972). « Pertes de l'armée de terre sous le Premier Empire, d'après les registres matricules ». *Population.* 27(1): 27-50.
- Kalendar' Napoleona..., 1912** – Kalendar' Napoleona 1812 g. = 1812 god. Memuary sovremennikov i ochevidtsev, Kalendar' Napoleona tsyacha vosem'sot dvenadtsatogo goda, Dvenadtsatyi god [Napoleon's Calendar 1812]. M.: Obrazovanie, 1912. 151 p. [in Russian]
- Khlopov, 1911** – *Khlopov, M.D.* (1911). 52-i Pekhotnyi Vilenskii... polk: = Pyat'desyat vtoroi Pekhotnyi Vilenskii polk. Boevaya zhizn' i deyatelnost' Polka za sto let. [52nd Vilnius Infantry... Regiment]. 1811–1911. Feodosiya: tip. Natkovicha i Vinikovicha, 61 p. [in Russian]
- Kornilov, 2008** – *Kornilov, V.A.* (2008). Rekrutskaya povinnost' i vnutrennee sostoyanie russkoi armii v pervoi polovine XIX veka [Recruitment and the internal state of the Russian army in the first half of the 19th century]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki.* 1(22): 8-24. [in Russian]
- Kudryashov, 1992** – *Kudryashov, I.Yu.* (1992). Vooruzhennyye sily Litovskogo knyazhestva 1812 g. [Armed Forces of the Grand Duchy of Lithuania in 1812]. *Staryi barabanshchik.* 1: 20-27. [in Russian]
- L'vov, 2003** – *L'vov, S.V.* (2003). O poteryakh Rossiiskoi armii v srazhenii pri Borodino 24 – 26 avgusta 1812 goda [On the losses of the Russian army in the battle of Borodino on August 24-26, 1812]. Epokha napoleonovskikh voyn: lyudi, sobytiya, idei. Pp. 52-66. [in Russian]
- L'vov, 2004** – *L'vov, S.V.* (2004). Poteri 6-go pekhotnogo korpusa pri Borodino: k diskussii o chislennosti i poteryakh Rossiiskoi armii v Borodinskom srazhenii [Losses of the 6th Infantry Corps at Borodino: towards a discussion of the size and losses of the Russian army in the battle of Borodino]. Epokha napoleonovskikh voyn: lyudi, sobytiya, idei. Pp. 238-257. [in Russian]
- Moran, 2013** – *Moran, Sharl'-Antuan-Lui-Aleksis* (2013). Raport generala Morana o srazhenii pri Moske-reke, 5 – 7 sentyabrya 1812 g. Vstup. st., publ. i komment. Gorshkov Dmitrii Igorevich [General Moran's report on the battle of the Moscow River, September 5–7, 1812]. *Vestnik arkhivista.* 2(122): 206-231. [in Russian]
- Nafziger, 1988** – *Nafziger, G.* (1988). Napoleon's invasion of Russia. New-York: Ballantine books. 650 p.
- Nawrot, 2013** – *Nawrot, D.* (2013). Udział wojska litewskiego w kampanii 1812 roku. *History Notebooks.* 140(1): 45-63.
- Neelov, 1839** – *Neelov, N.D.* (sost.) (1839). Opyt opisaniya Borodinskogo srazheniya [Experience of describing the Battle of Borodino]. Moskva: Tipografiya N. Stepanova. 135 p. [in Russian]
- Nikol'skii, 1913** – *Nikol'skii, V.P.* (1913). (red.). Trudy Moskovskogo otdela imperatorskogo Russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva [Works of the Moscow Department of the Imperial Russian Military Historical Society]. T. IV. Materialy po Otechestvennoi voine. Boevoi kalendar'-ezhednevnik Otechestvennoi voiny 1812 goda. Chast' I. Perechen' boevykh stolknovenii russkikh armii s 4 iyunya po 31 avgusta 1812 goda. M.: Pechatnya A. I. Snegirevoi, 678 p. [in Russian]

- Popov, 1911 – Popov, F.G. (sost.). (1911). Istoriya 48 Pekhotnogo Odesskogo polka [History of the 48th Odessa Infantry Regiment]. T. 1-2. T. 1. 2 t. M.: tip. Rus. t-va, 114 p. [in Russian]
- Prokhodtsov, 1913 – Prokhodtsov, I.I. (1913). Ryazanskaya guberniya v 1812 godu preimushchestvenno s bytovoï storony: materialy dlya istorii Otechestvennoï voiny [Ryazan province in 1812, mainly from the everyday side: materials for the history of the Patriotic War]. Ch. 1-ya. Ryazan': Ryazanskaya gubernskaya uchenaya arkhivnaya komissiya, 636 p. [in Russian]
- Semevskii, 1912 – Semevskii, V.I. (1912). Volneniya krest'yan v 1812 g. i svyazannyya s Otechestvennoï voinoï [Peasant unrest in 1812 and associated with the Patriotic War]. Dzhivelegov A.K. i dr. (red.). Otechestvennaya voïna i russkoe obshchestvo. Yubileinoe izdaniya. T. V. M.: Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina. Pp. 74-113. [in Russian]
- Shamatov, 1902 – Shamatov, G.M. (sost.). (1902). Kratkaya boevaya khronika 56-go pekhotnogo Zhitomirskogo ego imp. vys. vel. kn. Nikolaya Nikolaevicha polka (1811-1902 gg.) [Brief combat chronicle of the 56th Zhitomir Infantry of His Imperial High Grand Prince Nikolai Nikolaevich Regiment (1811-1902)]. = Kratkaya boevaya khronika pyat'desyat shestogo pekhotnogo Zhitomirskogo ego imp. vys. vel. kn. Nikolaya Nikolaevicha polka (1811-1902 gg.). Bendery: tip. E. Natenzon-Postan, 51 p. [in Russian]
- Sokolovskii, 1912 – Sokolovskii, M.K. (1912). Pamyatka 11-go Gusarskogo Izyumskogo, ego korolevskogo vysochestva printsa Genrikha Prusskogo polka = Pamyatka Odinnadtsatogo Gusarskogo Izyumskogo, ego korolevskogo vysochestva printsa Genrikha Prusskogo polka, Slavnoe proshloe izyumskikh gusar [Memo of the 11th Izyum Hussar Regiment, His Royal Highness Prince Henry of Prussia]. Sost. M.K. Sokolovskim i kn. A.S. Eristovym. Sankt-Peterburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 46 p. [in Russian]
- Troitskii, 2007 – Troitskii, H.A. (2007). 1812. Velikii god Rossii [1812. The Great Year of Russia]. M.: Omega, 560 p. [in Russian]
- Vasil'ev, Popov, 2002 – Vasil'ev, A.A., Popov, A.I. (2002). Voïna 1812 goda. Khronika sobytii. Grande Aumee. Sostav armii pri Borodino [War of 1812. Chronicle of events. Grande Aumée. Composition of the army at Borodino]. M.: Reitar, 119 p. [in Russian]
- Zemskov, 2018 – Zemskov, V.N. (2018). Velikaya armiya Napoleona v Borodinskom srazhenii [Napoleon's great army in the battle of Borodino]. M.: Eksmo, Yauza, 658 p. [in Russian]
- Zhilin, 1987 – Zhilin, P.A. (otv. red.) (1987). Borodino. 1812. [Borodino. 1812]. M.: "Mysl", 383 p. [in Russian]

Моральное состояние Русской армии в 1812 г. От пограничных сражений до Бородинской битвы

Екатерина Станиславовна Козловская^a, Алексей Юрьевич Овчаренко^a, Дмитрий Сергеевич Скнарев^a, Олег Юрьевич Казенков^{a, b, *}

^a Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Российская Федерация

^b Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В работе проводится изучение фактов сдач в плен российских военнослужащих, а также фактов их дезертирства и самовольного оставления поля боя на базе материалов о боевых действиях Отечественной войны 1812 г. за период от пограничных боев до Бородинского сражения. Авторы концентрируют внимание на отдельных сюжетах Бородинского сражения. В работе доказывается, что для российских военных властей начала XIX в. сдачи в плен были неудобной темой, поэтому она слабо отражена в источниках. Однако авторам удалось обнаружить в массиве документальных свидетельств упоминания редких фактов о русских военнопленных у Великой армии Наполеона Бонапарта. Авторы на базе этих свидетельств приходят к выводу о том, что в плен за указанный период были взяты намного больше 3 тыс. российских военных. Авторы также приходят к выводу на базе анализа событий Бородинского сражения о том, что качественно организация и методология ведения боя Русской армией в 1812 г. уступали французской стороне. Авторы связывают это с тем, что Российская империя оставалась в то время полуфеодальным государством. Авторы показывают в работе, что дезертирство не было распространенным в русских губерниях явлением, но при этом отмечают оппортунистическое поведение многих помещиков во время рекрутских наборов.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, Бородинское сражение, Наполеоновская Франция, военнопленные.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: o.kazenkov@gmail.com (О.Ю. Казенков)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 71-81
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.71

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Russian and French Empires. Strategic Perspectives by 1812 (on the Subject of the Cause of the Disaster of the Great Army)

Gregory G. Popov ^{a, *}, Dilara G. Safaralieva ^b, Pavel A. Byshkov ^c, Bella A. Bulgarova ^{d, e}

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

^b Moscow House of Nationalities, Moscow, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^e Alnoor University College, Mosul, Iraq

Abstract

The article analyzes the strategic perspectives of Napoleon Bonaparte's Grand Army in the Campaign of 1812. There is also the Russian strategic perspective in 1812 in comparison with the French one. Objective factors influencing the situation of the armed forces of France and Russia are mainly considered. Authors focus on the distribution of human resources, as well as the losses suffered by Russia and France during the Napoleonic Wars until 1812. The authors prove that Napoleonic France suffered heavy losses during military campaigns in the period from 1800 to 1811, the French army had a particularly difficult situation on Iberian Peninsula, campaigns against Spain and Portugal were in many ways a continuation of the long-running so-called "Anglo-French duel". The authors show in their work that the demographic situation in Russia was more favorable by 1812, which had a positive effect on its defense capability, which cannot be said about Napoleonic France, whose human reserves were not enough in 1812 for a war "on two fronts". Russian Russian-Turkish (1806–1812) and Russian-Persian Wars (1804–1813) negatively affected Russia's ability to fight against Napoleonic France out of pulling large military contingents to southern borders. Authors also show that the structure of the Grand Army was not well thought out to carry out such operation as an offensive deep into European Russia. The authors rely mainly on English-language sources.

Keywords: The Napoleonic Wars, the Patriotic War of 1812, the War Ministry of the Russian Empire, recruitment, military economy.

1. Введение

Отечественная война 1812 года представляет большой интерес с той точки зрения, что передовое на то время государство (Франция) было разгромлено полуфеодальной Россией. Историческая наука до сих пор не дала ответа на вопрос о причинах катастрофы Великой армии, сводя все к высокому моральному духу русских, а также к климатогеографическому фактору. Однако в ряде других войн эти два фактора работали недостаточно хорошо.

Основной причиной поражения (наша гипотеза) Наполеона Бонапарта в России стала глобальная стратегия построенной им империи. Эта стратегия сформировалась еще до якобинской диктатуры. Ее суть сводилась к борьбе с Англией как главным соперником за гегемонию в мире. Наполеон I внес определенную коррективу: он организовал континентальную блокаду. Но и со стороны англичан тоже

* Corresponding author

E-mail addresses: GGPopov2009@mail.ru (G.G. Popov)

имели место меры по экономической изоляции Франции, которая до Великой буржуазной революции и после нее сильно зависела от импорта. Усилия наполеоновской Франции, направленные на борьбу с Англией на море, имели негативные последствия для французской военной экономики.

Во время Бородинской битвы французская кавалерия практически равнялась по численности русской, незначительно превосходя последнюю по качеству (Гарнич, 1956: 103). Вдумаемся в этот факт. Это произошло в рамках двух земледельческих обществ, но только французское было экономически более развито. Это означает, что французская мобилизация национального хозяйства давала серьезные сбои перед Кампанией 1812 г.

Другой, также достаточно интересный факт, не нашедший должного осмысления в историографии Отечественной войны 1812 года – это относительно небольшая численность трех западных русских армий летом. Россия еще до Петра Великого развивалась в режиме военного лагеря.

Целью настоящей работы – показать влияние на судьбу Великой армии объективных факторов стратегического порядка, включая, в первую очередь, людские потери в кампаниях до 1812 г., а также особенности подготовки России к большой войне с Францией. Из цели вытекают следующие задачи: 1) рассмотреть потери армии Наполеона в кампаниях до 1812 г.; 2) рассмотреть Пиренейский театр военных действий через призму проблемы оттягивания ресурсов Франции от России; 3) дать обзор потерь Франции на море и связанных с этим экономических потерь от морской блокады со стороны англичан; 4) показать особенности комплектования Русской армии перед Отечественной войной 1812 г.

2. Материалы и методы

Для решения поставленных в работе задач мы привлекаем материалы разных типов и происхождения. Среди источников особое значение для нас имеют сборники документов, опубликованные до 1917 г. Один из них посвящен истории Военного министерства. Он был издан в начале XX в. (Столетие Военного министерства, 1902). В данном издании хорошо показаны процессы развития Русской армии перед Отечественной войной 1812 г., включая важные для нас вопросы рекрутских наборов. Другим заслуживающим внимания источником для изучения предмета нашего исследования является сборник документов по истории Кавказской войны, составленный в конце XIX в. А.Л. Гизетти (Гизетти, 1896). В данной работе достаточно полно отражен вопрос состава российских войск на Кавказе к моменту нападения наполеоновской Франции на Россию.

Для проводимого в работе анализа мы также привлекаем редкий и малоизвестный сборник документов В.А. Петрова (Петров, 1911), посвященный вопросу артиллерийских трофеев, взятых Русской армией у французов и их союзников в 1812 г. Из этих материалов следует, что Великая армия располагала артиллерийским парком не столь высокого качества, и этот парк собирался наспех по всей Европе.

Мы также обращаемся к некоторым работам историков, изданных в советский период. Среди них выделим особо остающуюся актуальной до сих пор монографию Л.Г. Бескровного «Русская армия и флот в XIX в.» (Бескровный, 1973). В ней отражено много экономических и организационных аспектов развития вооруженных сил Российской империи в начале XIX в. То же самое можно сказать о монографии Н.Ф. Гарнича об Отечественной войне 1812 года (Гарнич, 1956). В этой книге собрано достаточно много статистических фактов. В этом смысле она остается актуальной до сих пор.

Постсоветская российская историография также богата на работы, но во многом она сконцентрирована на событиях в России, если речь идет об Отечественной войне 1812 г. и о заграничных походах 1813–1814 гг. Во многом это наследие еще советского периода, когда кампании наполеоновских войн этих лет изучались в рамках русскоцентричного методологического подхода. В этой связи влияние внешних и внутренних факторов, в частности потерь Франции на других театрах военных действий, на исход похода Великой армии в Россию не привлекало внимания российских историков (до них советских) или же находилось на периферии исследования тех событий. Некоторое исключение составляет труд Е.В. Тарле о Наполеоне I (Тарле, 1939), где затрагиваются экономические вопросы, но Е.В. Тарле не был историком экономики, поэтому анализ хозяйственной стороны подготовки Франции к войне с Россией перед 1812 г. подробно не проведен. В этой связи мы обращаемся к группе иностранных опубликованных работ, включая ряд научных статей и монографий. В частности, особо здесь стоит отметить работу Д.Г. Чендлера (Chandler, 1966), которая является и монографией, и в некоторой степени энциклопедией, так как в данном труде приводится много статистики по армии Наполеона Бонапарта и его кампаниям. Несмотря на то что данная монография была издана в 1966 г., она не утратила актуальности, поскольку остается по отраженным в ней статистическим данным непревзойденной. Однако у Д.Г. Чендлера нет столь глубокого анализа военной экономики наполеоновской Франции, а также экономической стороны войны на море в указанный период, как в ряде других современных исследований. Одним из примеров является работа Д. Даудин и Е. Тириделли (Daudin, Tirindelli, 2022). Это аналитический труд в рамках регулярно проводимых в университете Базеля семинаров по экономической истории.

Работа основана на историко-проблемном и системном методах. Мы отслеживаем такую проблему как изменение военного потенциала наполеоновской Франции до 1812 г., с точки зрения способности этого государства воевать с Российской империи на территории последней. В этой связи, разумеется, рассматривается и военный потенциал России, но в меньших масштабах. Нам важно

выявить, какие проблемы предопределили более всего ход событий в формате Отечественной войны 1812 г., но сами боевые действия мы не рассматриваем, так как предметом нашего исследования выступает стратегическая перспектива сторон в этой войне с акцентом на анализ положения Франции. Мы смотрим на указанную выше проблему системно, привлекая сведения из разных сфер жизни французского общества в начале XIX в. В частности, мы уделяем немало места в работе вопросу влияния морской блокады Франции со стороны Великобритании как фактору, спровоцировавшему череду событий и процессов, снизивших военный потенциал Франции.

3. Обсуждение

В целом военно-исторического анализа Отечественной войны 1812 г., с точки зрения выявления в длительном хронологическом порядке факторов, повлиявших на ее исход в пользу Российской империи, не проводилось. Тем более не было объединения военно-исторического анализа с экономико-историческим по этой проблеме. В.Н. Земсков отметил в своей знаковой работе (Земсков, 2018: 30-79), что статистика по Бородинскому сражению остается сферой споров историков, но и он сам не концентрирует внимания на военно-технических и экономических факторах, повлиявших на это одно из величайших в мировой истории сражений.

Н.А. Троицкий (Троицкий, 2007) также не фокусирует внимания на влиянии предыдущих военных событий на состояние армий России и Франции перед Кампанией 1812 г. Мало также у него сведений и по поводу военно-промышленного комплекса двух государств. Более 20 лет назад была издана знаковая работа – энциклопедия под редакцией В.М. Безотосного (Безотосный, 2004), но военно-экономические вопросы там затронуты поверхностно.

Полное описание вооруженных сил Российской империи в XIX в. дает научная монография Л.Г. Бескровного (Бескровный, 1973), аналогов которой, на наш взгляд, в современной историографии нет. Но Л.Г. Бескровный рассматривает проблему войн России с наполеоновской Францией через призму марксизма-ленинизма, который ставит на первое место уровень развития производительных сил, по которым Россия отставала от Запада, но, по мнению Л.Г. Бескровного, состояние военных технологий в то время позволяло Российской империи противостоять Франции. Однако непонятно, как, с точки зрения марксизма-ленинизма, военные технологии и оборонно-промышленный комплекс оказались столь оторванными от производительных сил российского общества.

В западной литературе преобладает в объяснении причин поражения Великой армии в России географический детерминизм. По Д. Чандлеру, слабое развитие российской экономики не позволило оккупационным властям Наполеона I обеспечить Великую армию всем необходимым на должном уровне. На то, что людской потенциал Франции был ослаблен в предыдущих кампаниях, что создало негативную стратегическую перспективу для армии Наполеона Бонапарта в 1812 г., даются расплывчатые намеки в исследовании Д. Чандлера (Chandler, 1966: 750-850). Географо-климатический детерминизм продолжает играть ключевую роль в объяснении поражения Великой армии России в западной историографии, несмотря на то, что со времени публикации книги Д. Чандлера прошло уже почти 60 лет.

4. Результаты

Война на море и ее последствия для Франции

На момент Великой буржуазной революции (1789) Франция имела 5 286 военных и коммерческих судов, из которых 3 270 были водоизмещением более 100 т., составляя общий тоннаж 729 340 т. В 1815 г. от этого одного из мощнейших флотов мира осталось только 80 судов, не считая единиц водоизмещением менее 100 т. С 1793 по 1815 гг. французы потеряли в боях с флотом Великобритании 377 боевых судов уровней линкора и фрегата (последних – 229 единиц). Коммерческий флот также понес огромные потери: из имевшихся в 1801 г. на плаву 1 500 торговцев оставались к 1812 г. только 179 (Salavrakos, 2018: 35). Кроме того, Франция потеряла 1 030 конфискованных у частных лиц судов с общим количеством 9 400 орудий, безвозвратные потери их экипажей составили 69 147 человек (Harvey, 1993: 124). Поражение на море привело Францию к потере 18 154 артиллерийских систем разных калибров (Salavrakos, 2018: 35). Скажем для сравнения, что Великая армия во время похода в Россию была оснащена примерно 1 300 артиллерийскими орудиями.

Одним из результатов поражений на море стала для Франции потеря ее собственных колоний и ряда колоний, которые относились к ее подчиненным союзникам (Испания и Нидерланды). К 1800 г. французские коммерческие суда очень редко выходили в море. Это незначительно сказывалось на потреблении продовольствия самими французами, так как в начале XIX в. у них еще хватало собственных аграрных ресурсов, которые, правда, до Русской кампании Наполеона I не всегда в полной мере использовались из-за оппортунистического поведения значительной части фермерства. Но главный удар от морской блокады и потери колоний пришелся по ряду важных статей потребления национальной экономикой. Это касается и металла, о чем ниже.

До 1797 г. более 90 % всей внешней торговли Франция осуществляла по морю, в 1800 г. этот показатель составил 77 %, упав к 1809 г. до рекордно низкой отметки – 67 % (Daudin, Tirindelli, 2022:

23). К 1811 г. Наполеон I потерял до 90 % Французской колониальной империи (Daudin, Tirindelli, 2022: 28).

По некоторым оценкам импорт Франции сократился из-за блокады на 51,6 % за период 1807–1814 гг. по отношению к возможному тренду мирного времени (ситуация, если бы блокады не было), но при этом французский экспорт возрос на 4,3 % (O'Rourke, 2006: 129). Последний показатель говорит в пользу того, что контрибуции с побежденных не давали должного эффекта для обеспечения военной экономики, поэтому приходилось наращивать объемы экспорта, чтобы приобретать преимущественно на европейских рынках сильно подорожавшие товары (для того, чтобы что-то продать, надо что-то купить). Это также указывает на то, что издержки в ориентированных на экспорт сегментах французской экономики увеличивались на фоне дефицита ресурсов в условиях войны. Кроме того, импорт «поглощает» часть инфляции, так как обычно на внешних рынках приобретаются товары, которые дома стоят дороже. Франция испытывала сильную инфляцию во время наполеоновских войн (правда, вызвана она была не только сложностями во внешней торговле).

Рост экспорта в 4,3 %, подсчитанный O'Rурком (O'Rourke, 2006: 129), все-таки был достигнут за период 1807–1814 гг. и, скорее всего, отражал больше ситуацию во французской внешней торговле в 1808–1809 гг. Есть многочисленные свидетельства занимавшихся обследованием промышленности французских чиновников. Данные свидетельства доказывают, что во французской индустрии из-за морской блокады имел место тяжелый кризис во время наполеоновских войн (Thoral, 2011: 170-173).

К концу 1806 г. торговля Франции со странами балтийского региона, потреблявшими до 20 % ее экспорта вин (Россия выступала здесь одним из главных импортеров), прекратилась (Scheltjens, 2015: 155). Она возобновилась после подписания русско-французского мирного договора в Тильзите, но незначительно (Scheltjens, 2015: 157).

Другой важной статьёй балтийской торговли для Франции был шведский металл. Перед революцией Франция импортировала 10 тыс. т (Purchasse, 2006: 100) черных металлов из Швеции, имея в 1794 г. собственное производство 60 тыс. т (Weider, Gueguen, 2004: 81). Интерес к шведскому металлу был вызван в Париже качеством, которого не могли добиться французские металлурги.

Выплавку черных металлов удалось довести во Франции в 1814 г. до 112 тыс. т (Weider, Gueguen, 2004: 81) против 60 тыс. т в 1794 г. на фоне того, что шведский импорт сократился более чем вдвое (по стоимости) к 1793 г. (Purchasse, 2006: 101). Разумеется, такой результат был достигнут постепенно на фоне значительного роста спроса на металл у Франции и ее союзников. Важным сырьем для промышленности Франции была латунь, которая импортировалась в основном из Швеции (Purchasse, 2006: 105), ее завоз оттуда во Францию также резко сократился.

Как мы сказали выше, на потреблении продуктов питания средним французским домохозяйством морская блокада оказывала минимальное влияние. Морская торговля, если бы не было блокады, и победил бы французский флот, могла стать фактором роста потребления калорий. Однако в Англии этого не произошло в период наполеоновских войн, несмотря на лучший доступ Великобритании к рынкам колоний. Но по потреблению на душу населения Франция отставала от Англии хронически, и это было вызвано тенденциями в аграрных экономиках двух стран еще второй половины XVIII в. (Steckel, Floud, 1997: 167).

В случае отсутствия блокады Франция могла немного увеличить потребление продовольствия, и это позволило бы привлечь больше рабочих рук в промышленность, что было необходимо для увеличения выпуска военной продукции, а также сырья и полуфабрикатов для нее. Занятость в промышленности России и Англии была почти равна французской (Таблица 1).

Таблица 1. Общая численность промышленных рабочих (для Великобритании и Франции приблизительная оценка) (Арсентьев, 2011: 27; Steckel, Floud, 1997: 166)

Россия, 1812 г.	Франция, усредненный приблизительный показатель (1810–1813 гг.)	Великобритания, 1801 г., усредненный приблизительный показатель
119 093	2 320 000	2 282 000

В 1810 г. во Франции стал развиваться кризис, вызванный сложностями сбыта продукции промышленных предприятий, в связи с чем усилилась безработица (Тарле, 1939: 229-237). Только на спасение от разорения руанских мануфактур Наполеон I был вынужден в 1811 г. выделить из бюджета 15 миллионов франков (Тарле, 1939: 230).

Итак, подводя итоги по разделу следует сказать следующее: безвозвратные потери личного состава французского флота были эквивалентны трем полевым корпусам армии, но эти потери составляют около 6,8 % от минимальной оценки (примерно 900 тыс. человек) от всех летальных потерь вооруженных сил Франции в период наполеоновских войн. Максимальная оценка этих потерь – приблизительно 1 миллион солдат и офицеров (Drevillon, 2013: 178-186).

Мы не имеем сведений о том, что Великая армия в России испытывала нехватку артиллерии, но и парк последней (1 200–1 300 орудий) был меньше числа артиллерийских систем трех западных и

Дунайской армий России к лету 1812 г. – 1 600 единиц (Тарле, 1939: 83). Это привело к тому, что Наполеон I не смог добиться решающего превосходства в огневой мощи в Бородинском сражении. Но это сражение не явилось исключением. В 1809 г. под Ваграмом Наполеон I имел 395 орудий против 452 австрийских. Под Аустерлицем это соотношение было 139 к 278 (Popov et al, 2024: 1152). Под Лейпцигом (1813 г.) армия Наполеона Бонапарта уступала силам коалиции в артиллерии почти в два раза. Это может указывать на то, что флот забирал у армии в случае с наполеоновской Францией много артиллерийских систем. Судя по росписи трофейных орудий, свезенных в Москву к 1815 г., около 60 % артиллерийских систем Великой армии было представлено образцами не французского производства (Петров, 1911: 15), которые по качеству чаще всего уступали французским.

Одним из прямых следствий побед флота Великобритании стала способность вооруженных сил последней проводить десантные операции и получать снабжение по морю. В частности, это касается операций английских сил на Пиренейском полуострове, о чем ниже. В результате боевых действий между Францией и Великобританией первая потеряла за период 1803–1815 гг. только пленными более 120 тыс. человек (Daly, 2004: 362). Но С. Кальвет дает следующую оценку французских военнопленных, захваченных англичанами: около 150 тыс. человек (Calvet, 2014: 30-31). Но эти подсчеты велись для французов, отправленных в лагеря и тюрьмы непосредственно в пределах Английской метрополии. Французские вооруженные силы несли потери и в колониях, откуда пленных не всегда отправляли в Европу. Известно, что в конце 1802 г. в плавучих тюрьмах на Ямайке содержалось 4 200 французских военных. Вскоре к ним присоединились еще многие сотни моряков, это был итог экспедиции на Санто-Доминго (1801–1803 гг.) (Girard, 2008), то есть против гаитянских революционеров, которых поддерживали вооруженные силы Великобритании. Общие потери французской стороны в этой операции не определены. Погибших было от 50 до 60 тысяч человек (сюда вошло и большинство попавших в плен, так как выживаемость в плавучих тюрьмах была незначительной). Из них на флот пришлось около 8 тыс. погибших или 10 % личного состава всего военно-морского флота Франции в то время (Girard, 2008).

Война на полуострове и австрийский удар

Прямым следствием поражений Франции на море стали десантные операции англичан на Пиренейском полуострове, которые вылились в открытие целого «фронта» против Наполеона I в этой части Европы. Там шла война, которая получила название в историографии Великобритании как Война на полуострове. Особенностью этой войны стало то, что официально Испания оставалась союзницей Франции в лице короля Жозефа (брат Наполеона Бонапарта, пришедший на смену Карлу IV Бурбону) и его правительства. Наполеону I противостояла Севильская Верховная Хунта – политическая группа испанских повстанцев (Пожарская, 2011), союзных Англии.

Многие испанцы к 1808 г. были недовольны Годоем – профранцузским премьером и крупным реформатором, который активно поддерживал военный союз с Наполеоном I против Англии, когда последняя уничтожила почти весь испанский флот, блокировала страну, тем самым спровоцировав в Испании и ее латиноамериканских колониях экономический кризис. Антиклерикальная политика Годоя стала одним из факторов для выступления против его режима. К тому же колонии стали больше склоняться к независимости от Мадрида.

Среди Севильской Верховной Хунты не было единства по поводу вопроса оперативного подчинения войск повстанцев английским генералам. И только в конце 1812 г. Веллингтон (он разобьет почти спустя три года Наполеона Бонапарта под Ватерлоо) станет командующим над объединенными англо-испанскими силами.

Наполеон I осуществил масштабную интервенцию (до этого контингенты вводились уже зимой 1807 г.) в Испанию в ответ на антифранцузское выступление военных и буржуазии в мае 1808 г. Летом того же года французы осадили Сарагосу. Попытки поставить под контроль всю страну оказались для французов неудачными. 16-19 июля 1808 г. в сражении при Байлене их корпус был разбит испанцами. Из почти 24 500 французских военных в плен попали около 17 тыс. и приблизительно 3 тыс. были убиты. Сдался и их командир, генерал П. Дюпонт, который считался одним из самых опытных французских генералов. Одной из причин поражения стало то, что Наполеон Бонапарт счел один корпус достаточным для установления контроля над южной и центральной частями Испании. Ответный на Байлен поход в Испанию осенью 1808 г. возглавил сам Наполеон Бонапарт, который победил. Но поражение испанцев на этот раз было вызвано во многом не только военными талантами французского императора, но и оппортунизмом глав испанских провинций (Gates, 2003: 214). Однако победа Наполеона I при Туделе не привела к полному подчинению страны французам. Англичане стали активно действовать с территории союзной им Португалии (экспедиция генерала Джона Мура). Кроме того, в 1809 г. против Франции выступила Австрийская империя, и Наполеону I пришлось покинуть Испанию со значительной частью своих войск.

Историк О. Коннели назвал летальные потери Франции за пятилетний период испанских кампаний – это 300 тыс. человек (Connolly, 1999: 117). Сам Наполеон I считал испанскую проблему как главную, которая привела его империю к гибели (Connolly, 1999: 117). Даже к началу кампании в

России в Испании оставались 203 тыс. французских военнослужащих, сведенных в пять армий (Fremont-Barnes, Fisher, 2004: 228).

Пятая антифранцузская коалиция и связанное с этим наступление Австрии в Германии и Польше (1809) заставили Наполеона I вернуться из Испании в Восточную Европу со своими основными силами. Со стороны Вены это был «удар в спину», когда за пределами Пиренеев к 1809 г. осталось только около 150 тыс. французских солдат и офицеров, разбросанных по гарнизонам на пространствах империи Наполеона Бонапарта (Chandler, 1966: 622).

Французской армии пришлось перестраивать логистику в связи с неожиданным решением австрийского правительства (Наполеон I возлагал надежды в австрийском вопросе на Александра I, который должен был, по замыслу французского императора, следуя Тильзитскому договору, удержать Вену от подобных шагов). Австрийское правительство не ожидало, что Наполеон I сможет провести быструю мобилизацию. Но произошло то, что будет иметь место спустя немного времени в случае с формированием Великой армии против России: Франция смогла мобилизовать против Австрии в общей сложности 400 тыс. человек, многие из них были рекруты 1810 года призыва (Fremont-Barnes, Fisher, 2004: 106). Как и в случае с Русской кампанией, к походу на Вену были привлечены многочисленные союзные контингенты, среди них было Великое герцогство Варшавское, которое предоставило корпус (Fremont-Barnes, Fisher, 2004: 106). Эрцгерцог противопоставил этой мощи регулярную армию в 300 тыс. штыков и сабель, а также ландвер численностью 150 тыс. человек. Принимая во внимание, что австрийцы сражались на своей территории и долго готовились к реваншу после разгрома под Аустерлицем (декабрь 1805 г.), у французов было небольшое преимущество.

Главным сражением этой кампании стал Ваграм (5-6 июля 1809), когда французы потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 40 тыс. человек, австрийцы – приблизительно столько же (Fremont-Barnes, Fisher, 2004: 143). Победа далась Наполеону Бонапарту тяжело. Утром 6 июля австрийцы считали, что они уже выиграли сражение, их командующий эрцгерцог Карл получал поздравления, когда в Вене раздался торжественный колокольный звон. Но французам хватило огневой мощи, чтобы отразить контратаки австрийцев, которые слишком торопились и не подтянули свою артиллерию за наступавшей пехотой.

Потери и изменения людского потенциала Вооруженных сил России и Франции

Тот факт, что Наполеон I призвал в 1809 г. тех, кто должен был пойти в армию по возрасту в 1810 г., указывает на то, что к моменту Австрийской кампании людские ресурсы Франции были почти исчерпаны. У нас нет точных потерь Франции в войне с Австрией в 1809 г. По Б.Ц. Урланису, французы и их союзники потеряли в 1809 г. на всех театрах военных действий 51 950 человек (Урланис, 1960: 76). Надо сказать особо, что оценки потерь Франции в период наполеоновских войн Б.Ц. Урланисом оказались заниженными, они не были известны в полной мере к середине XX в. и французским историкам. Но даже и эта цифра (почти 52 тыс.) выглядит внушительно. Принимая во внимание, что раненых было со стороны Франции и ее союзников 151 500 человек (Урланис, 1960: 76), и многие из них не возвращались в строй или не могли уже служить по состоянию здоровья в первой линии, потери 1809 г. негативно должны были отразиться на качестве кадрового состава Великой армии в 1812 г. Поэтому до половины сил, подготовленных французским императором к вторжению в Россию, составляли союзные контингенты, показавшие невысокие боевые качества в предыдущих кампаниях.

Перед походом в Россию Наполеон I поручил Военному министерству сформировать так называемый «приоритетный бан» (premierban) для обороны непосредственно Франции в период отсутствия почти всей ее армии в пределах национальной территории. В этот «бан» незамедлительно призывались 80 тыс. молодых людей в возрасте от 20 до 26 лет (Chandler, 1966: 755), помимо тех, кто уже направлялся в учебные части или находился в составе боевых соединений. Разумеется, в «приоритетный бан» попали далеко не все французы указанного выше возрастного диапазона, но призваны туда были многие. Еще 165 тыс. человек попали в запасные батальоны, которые находились в тылу Великой армии, эти батальоны комплектовались в основном новобранцами.

Наполеон I тщательно изучил опыт похода шведского короля Карла XII в Россию. Французский император пришел к выводу, что ему надо иметь 500 тыс. солдат и офицеров и еще большее количество войск в тылу. Однако решение по поводу организации тыла было оригинальным: Наполеон Бонапарт отказался от концепции создания цепочек снабжения, состоящих из многих складов («магазинов»), как учила старая школа военной мысли еще XVIII в., но вместо этого он обеспечил каждую дивизию огромным обозом. Артиллерия получила 30 тыс. лошадей, кавалерии достались 80 тыс. лошадей (Chandler, 1966: 758). Обеспечение столь огромного количества лошадей фуражом оказалось невозможным в условиях русской осени 1812 г.

Наполеон I опасался того, что русские обратятся к тактике выжженной земли. Это было связано с негативным опытом, полученным на этот счет во время испанских кампаний, где полурегулярные части Хунты именно так и поступали. Кроме того, Наполеон Бонапарт был убежден, что экономически в российских западных губерниях не будет достаточно ресурсов, чтобы прокормить и пятую часть его армии (Chandler, 1966: 757).

Кавалерия Великой армии имела 80 тыс. лошадей и примерно столько же непосредственно всадников или менее 20 % от основных сил. Но, как показал опыт армии Фридриха Великого, короля Пруссии, правильным было иметь долю кавалерии 25 % от всех сил (Свечин, 1928: 220) (эта мера Фридриха II была построена на боевом опыте). При этом пруссаки в период Семилетней войны в основном оборонялись на своей территории.

У России имелись также свои сложности с комплектованием армии. В первую очередь, это касалось пополнений. За период 1800–1809 гг. летальные нестроевые потери в Русской армии составили 221 800 человек против 101 100 человек безвозвратных потерь (Корнилов, 2008: 20) на фоне того, что за период 1798–1810 гг. был принят в армию 834 761 человек. То есть к 1811 г. нижних чинов должно было насчитываться 511 861 чел. (Корнилов, 2008: 20), не считая казаков и призванных до 1798 г. И это даже больше, чем у Наполеона Бонапарта на то время. По 81-му рекрутскому набору, объявленному в сентябре 1811 г., планировалось набрать еще 135 тыс. человек, но фактически поступило 120 тыс. человек, из них в депо первой линии – 84 966 человек (Столетие военного министерства, 1902: 46). Дезертирство рекрутов было минимальным (Корнилов, 2008: 20). Но Военное министерство сочло в начале 1812 г. количество в 120 тыс. человек призванных недостаточным для комплектования Вооруженных сил в течение этого года (Столетие военного министерства, 1902: 47). Поэтому было принято решение провести 82-й рекрутский набор, по которому в армию должно было отправиться около 70 тыс. новобранцев. Скажем для сравнения: Франция призвала в 1811 г. 110 281 молодого человека 1791 г. рождения, но для действующей армии предназначались 80 тыс. человек (French Council..., 1811).

Помимо рекрутов, были еще источники пополнения армии и флота, среди них – ратники. В конце 1809 г. в результате наборов периода Войны IV Коалиции в сухопутных частях оказалось 168 117 ратников (Столетие военного министерства, 1902: 39), большинство из них должны были оставаться в строю к 1812 г. или их можно было быстро призвать из резерва. Во время Отечественной войны 1812 г. был набран 280 951 ополченец (Столетие военного министерства, 1902: 72). Качество частей ополчения было заметно ниже, чем армейских, но по мере интеграции ополченцев в Вооруженные силы империи оно повышалось.

Особым ресурсом Российской империи было казачество. Только в Малороссии числилось 450 тыс. казаков, но к 1812 г. они не были объединены в войско (Столетие военного министерства, 1902: 57). Это стало следствием политики Екатерины II, которая ограничивала казаков в правах по всей империи. Данный контингент резервистов мог служить в основном в легкой кавалерии, но при надлежащем обучении – и в других типах войск. Военное министерство сочло мобилизацию Малороссийского казачества опасной в силу вероятности волнений. Кроме того, российские военные чиновники считали необходимым иметь резерв в Юго-западных губерниях. К тому же Малороссия понесла крупные издержки по снаряжению воинских контингентов численностью 18 тыс. человек. Эти издержки ложились в основном на зажиточных казаков (Столетие военного министерства, 1902: 60). К тому же в Малороссии к 1812 г. сохранялась сложная политическая ситуация. Поэтому 83-й военный рекрутский набор было решено провести в Полтавской и Черниговской губерниях весьма ограниченно (Столетие военного министерства, 1902: 60). Флот в условиях кампании 1812 г. против наполеоновской Франции был не особо полезен, отправленные в сухопутные войска флотские части были малочисленными.

Донское казачество имело особо позитивный статус в Российской империи. Но к 1812 г. донские казаки понесли большие потери в Наполеоновских войнах, это вызвало некомплект казачьих полков во 2-й Западной армии. На 1-е июня 1812 г. в девяти казачьих полках этой армии числилось менее 4 тыс. человек, это мало (Сапожников, 2012: 73). Некомплекты казачьих частей имели место также и в других соединениях.

В 1810 г. М.Б. Барклай де Толли был назначен военным министром с целью проведения реформы сухопутных сил. По примеру французов, он реорганизовал армию, создав трехдивизионные корпуса, усиленные мобильной артиллерией (Chandler, 1966: 750). На артиллерию и повышение ее мобильности М.Б. Барклай де Толли делал особую ставку, как и на кавалерию, только численность казачьих соединений была увеличена на 15 тыс. человек (Chandler, 1966: 749). У Российской империи было достаточно ресурсов, чтобы увеличить численность казачьих войск во время Отечественной войны 1812 г. еще приблизительно на 30 тыс. человек (Chandler, 1966: 749). При этом сохранилась доставшаяся от XVIII в. проблема: большое количество войск оставалось в гарнизонах, это было связано как с вооруженными конфликтами на мусульманской периферии (знаменитые Кавказские линии), так и с традицией держать крупные контингенты для подавления возможных крестьянских восстаний (комплекс «пугачевщины»). К лету 1812 г. 153 тыс. российских солдат и офицеров находились в гарнизонах (Chandler, 1966: 750). Кроме того, Военным министерством с 1810 г. были развернуты 36 учебных центров и несколько резервных дивизий. Последние также выполняли функции подготовки нижних чинов. В таких частях к моменту вторжения войск Наполеона Бонапарта проходили службу 45 тыс. человек (Chandler, 1966: 750).

Отдельно стоит сказать о Дунайской армии (командующий адмирал П.В. Чичагов), которая только завершила к лету 1812 г. боевые действия против Османской империи (Бухарестский мирный

договор с Турцией был подписан 16 мая 1812 г. по старому стилю). К северу от нее, на Волыни, располагалась 3-я Обсервационная Западная армия генерала А.П. Тормасова. Дунайская и 3-я Обсервационная Западная армии объединились, достигнув общей численности около 60 тыс. человек, и предприняли 29 августа 1812 г. наступление против южного фланга Великой армии, который прикрывал вспомогательный австрийский корпус генерала К.Ф. Шварценберга. Последний, имея 40 тыс. солдат и офицеров, не решился дать сражение и отступил по направлению к Бресту (Шорников, 2012: 19).

Именно на конец лета – начало осени 1812 г. наступление П.В. Чичагова и А.П. Тормасова не имело большого стратегического эффекта. Но важно другое. Крупные силы Русской армии были развернуты далеко от зоны вторжения Великой армии в Россию. Это было следствие Русско-турецкой войны (1806–1812 гг.), что являлось частью проблемы мусульманской периферии России – проблемы, уходящей корнями в допетровские времена. Для сдерживания К.Ф. Шварценберга достаточно было армии А.П. Тормасова, усиленной, допустим, одной пехотной дивизией и двумя кавалерийскими полками. Противостояние с Османской империей можно было бы назвать для России «своей Испанией», если проводить аналогии с наполеоновской Францией.

На Кавказе на момент начала Отечественной войны 1812 года находилось 58 батальонов пехоты, 15 эскадронов кавалерии при 106 орудиях. Часть пехоты была сведена в 15 пехотных полков трехбатальонного состава (Гизетти, 1896: 40). Надо помнить, что в 1804-1813 гг. Россия вела войну против Персии, у которой были сторонники среди знати народов Кавказа.

5. Заключение

Проблема, когда «не хватило нескольких батальонов», имеет достаточно глубокие корни в развитии как военной экономики, так и общества в целом. Англо-французская «дуэль» продолжилась при Наполеоне Бонапарте с небывалой до этого силой, что привело Францию к катастрофическим последствиям. Только потери именно французов на Пиренейском полуострове почти сопоставимы с их потерями во время Русской кампании 1812 г.

Не совсем удачно сложившаяся для Франции кампания 1808 г. в Испании спровоцировала вступление Австрии в войну и образование V Коалиции. Политика России в формате событий 1809 г. подтолкнула Наполеона I к идее подготовки великого похода против империи Романовых.

Россия имела также стратегические сложности и проблемы экономического и геополитического порядков. В частности, значительная часть ее армии была оттянута на решение задач, связанных с мусульманской периферией. Это в немалой степени ослабило оборонительный потенциал России в ее западных губерниях к лету 1812 года.

Литература

Арсентьев, 2011 – Арсентьев В.М. Категории и численность промышленных рабочих в России в первой половине XIX века (по материалам Среднего Поволжья) // *Экономическая история*. № 4. 2011. С. 26-35.

Безотосный, 2004 – Безотосный В.М. (ред.). Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 880 с.

Бескровный, 1973 – Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М.: Наука. 1973. 616 с.

Гарнич, 1956 – Гарнич Н.Ф. Отечественная война 1812 г. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 287 с.

Гизетти, 1896 – Гизетти А.Л. (сост.). Хроника Кавказских войск в двух частях. Тифлис: Типография канцелярии Главнокомандующего гражданскою частью на Кавказе, 1896. 598 с.

Земсков, 2018 – Земсков В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: Эксмо, Яуза. 2018. 658 с.

Корнилов, 2008 – Корнилов В.А. Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Исторические науки*. 2008. N. 1 (22). С. 8-24.

Петров, 1911 – Петров В.А. (сост.). Орудия, отбитые у неприятеля в 1812 году. М.: Синодальная типография, 1911. 125 с.

Пожарская, 2011 – Пожарская С.П. Россия и Испания в годы наполеоновских войн (1808 – 1812 гг.) // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2011. Т. 2. Вып. 8. С. 16-17.

Сапожников, 2012 – Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.; СПб.: Альянс Архео, 2012. 848 с.

Свечин, 1928 – Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Том I. М.-Л.: Воениздат, 1928. 386 с.

Столетие военного министерства, 1902 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование Императора Александра I. СПб.: Тип. "Бережливость", 1902. 516 с.

Тарле, 1939 – Тарле Е.В. Наполеон. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 352 с.

Троицкий, 2007 – Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007. 560 с.

- Урланис, 1960 – Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 565 с.
- Шорников, 2012 – Шорников П. Бухарестский мир и участие Дунайской армии в Отечественной войне 1812 г. // Русин. 2012. №4 (30). С. 11-28.
- Calvet, 2014 – Calvet S. Aux mains des Britanniques et des Espagnols. La captivité des soldats et des officiers français au Royaume-Uni et dans la péninsule ibérique. *Napoleonica // La Revue*. 2014. No 3. Pp. 17-34.
- Chandler, 1966 – Chandler D.G. The campaigns of Napoleon. Vol. I. NY: Scribner, 1966. 1172 p.
- Connelly, 1999 – Connelly O. Blundering to Glory : Napoleon's Military Campaigns. USA, Maryland, Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1999. 254 p.
- Daly, 2004 – Daly G. Napoleon's Lost Legions: French Prisoners of War in Britain, 1803-1814. *History*. 2004. Vol. 89. pp. 362-363.
- Daudin, Tiridelli, 2022 – Daudin G., Tiridelli E.M. Not "easy to win": The British war on French trade, 1744–1815 // Forschungs seminar. November 1. 2022. Basel. Universitaet Basel. Wirtschaftswissenschaftliche Fakultät. 2022. Pp. 1-60.
- French Council..., 1811 – French Council of State Decree on the Number of Men to be Called Up in 1811. 1811. [Electronic resource]. URL: https://www.napoleon-series.org/research/abstract/military/army/france/conscription/1811/c_conscripts13.html (date of access: 18.10.2024).
- Fremont-Barnes, Fisher, 2004 – Fremont-Barnes G., Fisher T. The Napoleonic Wars: The Rise and Fall of an Empire. London: Osprey Publishing. 2004. 352 p.
- Gates, 2003 – Gates D. The Napoleonic wars. 1803-1815. London: PIMLICO, 2003. 336 p.
- Girard, 2008 – Girard P.R. The Ugly Duckling: The French Navy and the Saint-Domingue Expedition, 1801-1803 // *International Journal of Naval History*. 2008. Vol. 7. Iss. 3. Pp. 485-507.
- Harley, 1993 – Harley A.D. Collision of Empires: Britain in Three World Wars, 1793-1945. Bloomsbury Publishing, 1993. 803 p.
- O'Rourke, 2006 – O'Rourke K.H. The worldwide economic impact of the French Revolutionary and Napoleonic Wars, 1793–1815 // *Journal of Global History*. 2006. No 1. Pp. 123–149.
- Popov et al., 2024 – Popov G., Barabash V.V., Poplavskaya N.V., Kazenkov O. Yu. The Development of the Firepower of the Russian Army in the first half of the 19th century in Comparison with Enemies as a Factor of Russia's Victories and Defeats in the Napoleonic and Crimean Wars // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1148-1160.
- Pourchasse, 2006 – Pourchasse P. Le Commerce du Nord : les échanges commerciaux entre la France et l'Europe septentrionale au XVIIIe siècle. Rennes: Presses universitaires de Rennes. 2006. 392 p.
- Salavrakos, 2018 – Salavrakos I-D. An Analysis of the French economic industrial and military mobilization in the Revolutionary and Napoleonic wars 1789-1815 // *Journal of Military and Strategic Studies*. 2018. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 31-77.
- Scheltjens, 2015 – Scheltjens W. French imports to the Baltic, 1670-1850. A quantitative analysis // *Revue de l'OFCE, Presses de Sciences-Po*. 2015. No 4. Pp. 137-173.
- Steckel, 1997 – Steckel R.H. (ed.), Floud R. (ed.). Health and Welfare during Industrialization (National Bureau of Economic Research Project Report). Chicago: University of Chicago Press, 1997. 476 p.
- Thoral, 2011 – Thoral M-C. From Valmy to Waterloo 1792-1815 (War, Culture and Society, 1750–1850). London: Palgrave Macmillan, 2011. 261 p.
- Weider, Gueguen, 2004 – Weider B., Gueguen E. Napoleon: The Man who Shaped Europe. London: Spellmount Publisher, 2004. 288 p.

References

- Arsent'ev, 2011 – Arsent'ev, V.M. (2011). Kategorii i chislennost' promyshlennykh rabochikh v Rossii v pervoi polovine XIX veka (po materialam Srednego Povolzh'ya) [Categories and number of industrial workers in Russia in the first half of the 19th century (based on materials from the Middle Volga region)]. *Ekonomicheskaya istoriya*. 4: 26-35. [in Russian]
- Beskrovnyi, 1973 – Beskrovnyi, L.G. (1973). Beskrovnyi L.G. Russkaya armiya i flot v XIX v. [The Russian army and Navy in the XIX century.]. M.: Nauka. 616 p. [in Russian]
- Bezotosnyi, 2004 – Bezotosnyi, V.M. (red.). (2004). Otechestvennaya voyna 1812 goda. Entsiklopediya [The Patriotic War of 1812. Encyclopedia]. M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 880 p. [in Russian]
- Daly, 2004 – Daly, G. (2004). Napoleon's Lost Legions: French Prisoners of War in Britain, 1803-1814. *History*. 89: 362-363.
- Daudin, Tiridelli, 2022 – Daudin, G., Tiridelli, E.M. (2022). Not "easy to win": The British war on French trade, 1744–1815. Forschungs seminar. November 1. 2022. Basel. Universitaet Basel. Wirtschaftswissenschaftliche Fakultät: 1-60.
- French Council..., 1811 – French Council of State Decree on the Number of Men to be Called Up in 1811. 1811. [Electronic resource]. URL: https://www.napoleon-series.org/research/abstract/military/army/france/conscription/1811/c_conscripts13.html (date of access: 18.10.2024).

- Fremont-Barnes, Fisher, 2004** – *Fremont-Barnes, G., Fisher, T.* (2004). The Napoleonic Wars: The Rise and Fall of an Empire. London: Osprey Publishing. 352 p.
- Gates, 2003** – *Gates, D.* (2003). The Napoleonic wars. 1803-1815. London: PIMLICO. 336 p.
- Garnich, 1956** – *Garnich, N.F.* (1956). Otechestvennaya vojna 1812 g. [Patriotic war of 1812]. M.: Goskul'tprosvetizdat. 287 p. [in Russian]
- Girard, 2008** – *Girard, P.R.* (2008). The Ugly Duckling: The French Navy and the Saint-Domingue Expedition, 1801-1803. *International Journal of Naval History*. 7(3): 485-507.
- Gizetti, 1896** – *Gizetti, A.L.* (sost.) (1896). Khronika Kavkazskikh voisk v dvukh chastyakh [Chronicle of the Caucasian troops in two parts]. Tiflis: Tipografiya kantselyarii Glavnokomanduyushchego grazhdanskoyu chast'yu na Kavkaze. 598 p. [in Russian]
- Harley, 1993** – *Harley, A.D.* (1993). Collision of Empires: Britain in Three World Wars, 1793-1945. Bloomsbury Publishing. 803 p.
- Kornilov, 2008** – *Kornilov, V.A.* (2008). Rekrutskaya povinnost' i vnutrennee sostoyanie russkoi armii v pervoi polovine XIX veka [Conscription and the internal state of the Russian army in the first half of the 19th century]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*. 1(22): 8-24. [in Russian]
- O'Rourke, 2006** – *O'Rourke, K.H.* (2006). The worldwide economic impact of the French Revolutionary and Napoleonic Wars, 1793–1815. *Journal of Global History*. 1: 123-149.
- Petrov, 1911** – *Petrov, V.A.* (sost.) (1911). Orudiya, otbitye u nepriyatelya v 1812 godu [Guns recaptured from the enemy in 1812]. M.: Sinodal'naya tipografiya. 125 p. [in Russian]
- Popov et al., 2024** – *Popov, G., Barabash, V.V., Poplavskaya, N.V., Kazenkov, O. Yu.* (2024). The Development of the Firepower of the Russian Army in the first half of the 19th century in Comparison with Enemies as a Factor of Russia's Victories and Defeats in the Napoleonic and Crimean Wars. *Bylye Gody*. 19(3): 1148-1160.
- Pourchasse, 2006** – *Pourchasse, P.* (2006). Le Commerce du Nord : les échanges commerciaux entre la France et l'Europe septentrionale au XVIIIe siècle. Rennes: Presses universitaires de Rennes. 392 p.
- Pozharskaya, 2011** – *Pozharskaya, S.P.* (2011). Rossiya i Ispaniya v gody napoleonovskikh voyn (1808–1812 gg.) [Russia and Spain in the period of Napoleonic wars (1808–1812)]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. 8 (2): 16-17 [in Russian]
- Salavrakos, 2018** – *Salavrakos, I.D.* (2018). An Analysis of the French economic industrial and military mobilization in the Revolutionary and Napoleonic wars 1789-1815. *Journal of Military and Strategic Studies*. 3: 31-77.
- Sapozhnikov, 2012** – *Sapozhnikov, A.I.* (2012). Voisko Donskoe v Otechestvennoi voine 1812 goda [The Don Army in the Patriotic War of 1812]. M.; SPb.: Al'yans Arkheo, 848 p. [in Russian]
- Scheltjens, 2015** – *Scheltjens, W.* (2015). French imports to the Baltic, 1670-1850. A quantitative analysis. *Revue de l'OFCE, Presses de Sciences-Po*. 4: 137-173.
- Shornikov, 2012** – *Shornikov, P.* (2012). Bukharestskii mir i uchastie Dunaiskoi armii v Otechestvennoi voine 1812 g. [The Bucharest Peace and the participation of the Danube Army in the Patriotic War of 1812]. *Rusin*. 4 (30): 11-28. [in Russian]
- Steckel, 1997** – *Steckel, R.H.* (ed.). Floud R. (ed.) (1997). Health and Welfare during Industrialization (National Bureau of Economic Research Project Report). Chicago: University of Chicago Press. 476 p.
- Stoletie voennogo ministerstva, 1902** – *Stoletie voennogo ministerstva. 1802–1902. Glavnyi shtab. Istoricheskii ocherk. Komplektovanie voisk v tsarstvovanie Imperatora Aleksandra I* [The centenary of the Ministry of War. 1802–1902. The main headquarters. A historical sketch. Recruitment of troops during the reign of Emperor Alexander I]. Sankt-Peterburg: Tip. "Berezhlivost". 1902. 516 p. [in Russian]
- Svechin, 1928** – *Svechin, A.A.* (1928). Evolyutsiya voennogo iskusstva [The evolution of military art]. Tom I. Moscow, Leningrad: Voengiz. 386 p. [in Russian]
- Tarle, 1939** – *Tarle, E.V.* (1939). Napoleon [Napoleon]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. 352 p. [in Russian]
- Thoral, 2011** – *Thoral, M-C.* (2011). From Valmy to Waterloo 1792-1815 (War, Culture and Society, 1750–1850). London: Palgrave Macmillan. 261 p.
- Troiczkij, 2007** – *Troiczkij, H.A.* (2007). 1812. Velikii god Rossii [The Great year of Russia]. M.: Omega. 560 p. [in Russian]
- Urlanis, 1960** – *Urlanis, B.Cz.* (1960). Voiny i narodonaselenie Evropy. [Wars and the population of Europe]. M.: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury. 565 p. [in Russian]
- Zemskov, 2018** – *Zemskov, V.N.* (2018). Velikaya armiya Napoleona v Borodinskom srazhenii [Napoleon's Great Army in the Battle of Borodino]. Moscow: Eksmo, Yauza. 658 p. [in Russian]
- Weider, Gueguen, 2004** – *Weider B., Gueguen E.* (2004). Napoleon: The Man who Shaped Europe. London: Spellmount Publisher. 288 p.

**Российская и Французская империи. Стратегические перспективы к 1812 г.
(к вопросу о причине катастрофы Великой армии)**

Григорий Германович Попов ^{a,*}, Диляра Гаджиметовна Сафаралиева ^b
Павел Анатольевич Бышков ^c, Белла Ахмедовна Булгарова ^{d,e}

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

^b Московский дом национальностей, Москва, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Российская Федерация

^d Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Российская Федерация

^e Колледж гуманитарных наук университета Альнура, Мосул, Ирак

Аннотация. В статье проводится анализ стратегических перспектив Великой армии Наполеона Бонапарта относительно Кампании 1812 г. Также проводится сравнение российской стратегической перспективы в 1812 г. в сравнении с французской. Рассматриваются в основном объективные факторы, влиявшие на положение вооруженных сил Франции и России. Авторы делают акцент на распределении людских ресурсов, а также потерях, которые понесли Россия и Франция в период наполеоновских войн до 1812 г. Авторы доказывают, что наполеоновская Франция понесла большие потери в ходе военных кампаний в период с 1800 по 1811 гг. Особенно тяжелая ситуация в этом смысле у французской армии была на Пиренейском полуострове. Кампании против Испании и Португалии были во многом продолжением давно шедшей так называемой «англо-французской дуэли». Авторы показывают в работе, что демографическая ситуация в России к 1812 г. оказалась более благоприятной, что позитивно отразилось на ее обороноспособности, чего нельзя сказать о наполеоновской Франции, людских резервов которой не хватило в 1812 г. для ведения войны «на два фронта». На способность России воевать с наполеоновской Францией негативно влияли Русско-турецкая (1806–1812 гг.) и Русско-персидская войны (1804–1813 гг.) в аспекте оттягивания крупных воинских контингентов на южные рубежи. Авторы также показывают, что структура Великой армии была недостаточно хорошо продумана для проведения такой сложной операции, как наступление вглубь Европейской России. Авторы опираются в основном на англоязычные источники.

Ключевые слова: наполеоновские войны, Отечественная война 1812 года, Военное министерство Российской империи, рекрутские наборы, военная экономика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: GGPopov2009@mail.ru (Г.Г. Попов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 82-90
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.82

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Military and Political Activities of F.K. Kluki von Klugenau in the North-Eastern Caucasus in 1818–1850 (based on Materials from the “Russkaya Starina”)

Angela A. Zhurtova ^a, Peter A. Kuzminov ^{a, *}, Lina R. Gaunova ^a, Zareta H. Soblirova ^a

^a Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of the military and administrative activities of Lieutenant General of the Russian Imperial Army F.K. Kluki von Klugenau. His service lasted from 1818 to 1850 and is associated with the period of the Caucasian War. This study is based on materials compiled by his adjutant, Colonel I.A. Grzhegorzhevsky and published in the journal “Russkaya Starina”. Kluki von Klugenau acted as an informant and editor of these materials. The presented memoirs are quite extensive, so the editors of the magazine published them in parts in four issues. The time of Kluki von Klugenau's Caucasian service is divided into three periods in the documents: the first stage from 1818 to 1832 ends with the capture of the strategically important aul of Gimry in the North-Eastern Caucasus; the second – from 1833 to 1836 – the period of his command of troops in Northern Dagestan before his appointment as commander of the first brigade of the XIX infantry division, and the third stage from 1836 to 1850, during which Klugenau governed the Akhaltsikhe province, took part in the fight against Shamil and his supporters, etc. before his appointment to serve in the Kingdom of Poland in 1849. The memoirs, reports, notes of Kluki von Klugenau are among the main sources on the history of the struggle against Imam Shamil, military-political and administrative processes in the region in the 1820s – 1850s.

Keywords: F.K. Kluki von Klugenau, the journal “Russkaya Starina”, North-Eastern Caucasus, Russia, Caucasian War, Imam Shamil.

1. Введение

Российская периодическая печать с момента возникновения выполняла и выполняет важнейшую функцию формирования общественного мнения и легитимации политической власти, являясь главным выразителем государственной идеологии. Д. Сатурнин определял периодическую печать как нервную систему общества, состояние которой отражается на всех органах общественного организма и одновременно обусловлено социальными интересами и проблемами (Сатурнин, 1904).

Модернизация общественных отношений во второй половине XIX в. и присоединение Кавказа стимулировали интерес российского общества к печатному слову и появление массы периодических изданий. На страницах газет и журналов публиковались научные статьи, очерки, воспоминания, эссе, посвященные проблемам развития кавказских обществ. Все это было призвано сформировать системное и по возможности объективное представление о регионе.

Журнал «Русская старина» является одним из первых исторических журналов дореволюционной России. Его основателем и редактором в 1870–1892 гг. был известный в стране историк, журналист, общественный деятель М.И. Семевский. Издание выходило ежемесячно в Санкт-Петербурге в течение 1870–1918 гг. Его содержание отличается большим жанровым разнообразием. Основная масса опубликованных материалов связана с историей России имперского периода и

* Corresponding author

E-mail addresses: petrakis_hist@bk.ru (P.A. Kuzminov)

представлена историческими, литературными, эпистолярными текстами, а также корпусом официальной документации.

2. Материалы и методы

Наибольший интерес в рамках данного исследования вызывают материалы, посвященные политике России на Северо-Восточном Кавказе в XIX в., в частности, деятельности генерал-лейтенанта Франца Карловича Клюки-фон-Клугенау (Клюгенау), одного из представителей российской власти в регионе. На наш взгляд, данной личности в отечественной историографии не уделено достаточно внимания. Будучи европейцем по происхождению и политическим взглядам, он «носил в груди русское мужество» и посвятил свою жизнь службе на Кавказе. Во многом благодаря его таланту командира, полководца, администратора России удалось закрепиться на Северо-Восточном Кавказе в самые тяжелые годы Кавказской войны. Его рапорты, записки и воспоминания, отложившиеся в архивохранилищах и частью опубликованные, являются ценнейшим источником по истории борьбы с имамом Шамилем, а также по военно-политическим процессам в регионе в 20-х – 50-х гг. XIX века.

Опубликованные в журнале «Русская старина» материалы составлены адъютантом Ф.К. Клюки-фон-Клугенау, полковником Исидором Александровичем Гржегоржевским, которого современники называли «отлично образованным и весьма развитым человеком» (Гржегоржевский, 1874: 132). В силу большого объема документов редакторы журнала разместили их частями в четырех томах. Отметим редчайший случай в дореволюционной историографии: сам Клугенау выступил информатором и редактором данных материалов.

Методологическую основу работы составили принципы исторического познания: принцип историзма, объективности научного анализа, системности, которые позволили исследовать деятельность Ф.К. Клюки-фон-Клугенау в развитии, индивидуальности, всесторонности и конкретно-исторической обусловленности.

Благодаря историко-генетическому методу прослежена динамика исторических процессов на Северо-Восточном Кавказе и ее влияние на военно-политическую и административную деятельность Клугенау в исследуемый период. Применение биографического метода позволило осуществить обратный процесс: на основании персональных текстов генерала и фактов его биографии удалось расширить представление о событиях, происходивших на Северо-Восточном Кавказе в 1820–1840-х гг.

3. Обсуждение

Военно-политическая деятельность Ф.К. Клюки-фон-Клугенау относится к числу малоизученных проблем отечественной историографии. Однако интерес к данной личности в науке сохраняется, о чем свидетельствует переиздание его воспоминаний (Клюки-фон-Клюгенау, 2001), а их различные фрагменты используются современными исследователями Кавказской войны.

Отдельные аспекты управленческой и военно-политической практики Клюки-фон-Клугенау на Северо-Восточном Кавказе проанализированы в работе Ф. Дашлай (Дашлай, 2013). Большинство исследователей рассматривают деятельность генерала в контексте борьбы с Шамилем и его сторонниками (Магомедов, 1991; Гаммер, 1998; Блиев, 2004; Васильев, 2021; Мамулия, 2022), особое внимание авторы уделяют дискуссионному вопросу о характере взаимоотношений Клугенау с имамом.

В ряде работ, посвященных истории российской армии и офицерской службы, а также биографиям наиболее выдающихся военных деятелей, затрагиваются отдельные факты кавказской службы Клугенау (Арутюнов, 1898; Клычников, 2016 и др.).

Для большинства исследований основным источником информации о жизни и деятельности Клюки-фон-Клугенау служат материалы журнала «Русская старина».

4. Результаты

Свое повествование И.А. Гржегоржевский начинает с того, что имя Клугенау было малоизвестно в России, но «громко на Кавказе», где генерал служил более тридцати лет (1818–1850 гг.), связанных со «многими превратностями счастья» для русского оружия и неудачами вследствие «своеволия главных начальников» (Гржегоржевский, 1874: 132).

Франц Карлович Клюки-фон-Клугенау родился 13 (25) сентября 1791 года в г. Иозефштадте в Богемии (западный край Чешской Республики). Его отец был подпоручиком австрийской службы. В 1803 г. Франц поступил в Винер-Нейштадтскую военную академию, где, по словам Гржегоржевского, он плохо учился и «много шалил». Но при этом был любимчиком педагогов и офицеров благодаря своей искренности и бойкости (Гржегоржевский, 1874: 133).

1 марта 1808 г. он стал кадетом пехотного полка в Лайбахе. Свой первый офицерский чин Клугенау получил в восемнадцать лет 17 августа 1809 г. После активного участия в Дрезденском сражении против войск Б. Наполеона (15 августа 1813 г.) был произведен в подпоручики. Во время Лейпцигского сражения 6 октября 1813 г. получил сильную контузию ядром в спину и до конца года пролежал в госпитале. Был награжден чином поручика, затем два года (с 1814 г. по 1816 г.) переходил из полка в полк, отчего «сучал бездействием» (Гржегоржевский, 1874: 133). После окончания войны

за освобождение Германии Клугенау был награжден бронзовым пушечным крестом. Дальнейшая служба не сулила ему карьерного роста, поэтому в 1817 году он уходит в отставку.

Указанные события совпали с успехами русской армии в Европе в 1813-1814 гг. Клугенау был впечатлен итогами Заграничного похода России и подал прошение императору Александру I о принятии его на русскую службу и об отправке на Кавказ. Его просьба была удовлетворена, и 18 марта 1818 г. в звании поручика Клугенау был определен в VIII егерский полк, находившийся в Крыму (Гржегоржевский, 1874: 134). С этого времени, как сообщает «Русская старина», имя Клугенау занимает «видное место в летописях Кавказской войны» (Гржегоржевский, 1876: 145).

Начало его российской службы связано с эпохой А.П. Ермолова, назначенного 24 мая 1816 г. Александром I главнокомандующим Отдельным Грузинским корпусом, главным управляющим гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях и чрезвычайным послом в Персии. В мае 1818 г. егерский полк был направлен на р. Сунжу и приступил к строительству крепости Грозной. Клугенау принимал участие в данной экспедиции в Чечню и 14 ноября 1818 г. взял штурмом поселения Большой и Малый Дженгутай, за что был награжден орденом Святой Анны III степени.

В 1820 г. после расформирования егерского полка Клугенау перешел в Грузинский гренадерский полк, в составе которого участвовал в сражении с джарскими лезгинами, вторгшимися в Кахетию (Гржегоржевский, 1874: 136-137). В ходе штурма в урочище Капи-Дара (3 марта 1822 г.) Клугенау со своей ротой атаковал главное укрепление отряда лезгин, в результате чего ему был присвоен чин капитана и орден Святого Владимира IV степени.

В 1826 г. началась война с Персией, и Клугенау был отправлен в крепость Шушу, где ему было необходимо сформировать военную базу для отпора войскам Аббаса-Мирзы. 25 июля персы подступили к крепости и начали ее осаду, которая из-за командования Клугенау закончилась неудачей (Гржегоржевский, 1874: 138-139). В результате переговоров с принцем Аббас-Мирзой удалось заключить взаимовыгодный договор, по условиям которого Россия и Иран обязывались «друг другу не вредить», новых укреплений не строить, позволить беспрепятственно вести торговлю и т.п. (Гржегоржевский, 1874: 148-149) В обороне крепости Ф.К. Кюлки-фон-Клугенау принимал личное участие, неоднократно вел переговоры с Аббас-Мирзой, о чем систематически докладывал А.П. Ермолову.

Был прикомандирован к VII карабинерскому полку (впоследствии XIII лейб-гренадерский Эриванский полк), в составе которого принимал «славное участие» в разгроме персидской армии при Елисаветполе. По итогам сражения Клугенау был награжден орденом Святого Георгия IV степени (Гржегоржевский, 1874: 501).

В 1827 г. он был назначен военным комендантом Карабагской области. На данном посту он занимался административными вопросами, созданием инфраструктуры для снабжения российской армии и местных жителей, в частности, построил «дорогу на с. Геррус в Нахичевань для транспорта и торговли» (Гржегоржевский, 1874: 501-502). И.А. Гржегоржевский, описывая его функции в сфере управления Карабагской провинцией, подчеркивает, что в разрешении судебных разбирательств участвовали как представители российской администрации, так и «туземцы». Он неоднократно отмечает, что благодаря «ласковости, справедливому и бескорыстному управлению при энергическом характере» Клугенау снискал себе «всеобщую любовь жителей» (Гржегоржевский, 1874: 503).

В Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. в составе Эриванского карабинерного полка он также принимал деятельное участие. 19-20 июня 1829 г. он «проявил мужество» в генеральных сражениях при с. Котанлы и Мили-Дюзе, а также при штурме с. Харта и г. Байбурта, за что ему были пожалованы чин подполковника и золотая шпага (Гржегоржевский, 1874: 503-504). Однако боевые действия на этом не завершились. Возвращавшиеся из Турции войска были отправлены в экспедицию против джарцев, и при штурме с. Закаталы Клугенау получил серьезное ранение (Гржегоржевский, 1874: 508).

С 1831 г. он участвовал в борьбе с Кази-Муллой и Гамзат-Беком, командовал войсками в Северном Дагестане. 17 октября 1832 года барон Г.В. Розен с отрядом подступил к аулу Гимры и овладел им. Кази-мулла в ходе сражения был убит (Гржегоржевский, 1874: 515). Данное обстоятельство способствовало временному перерыву в боевых столкновениях в регионе, чем воспользовался Кюлки-фон-Клугенау, занявшись улучшением обороны Темир-хан-Шуры. Крепость под его начальством стала удобной штаб-квартирой для российских военных (Абдулаева, 2018: 7-8).

В 1834 г. он был назначен командиром Апшеронского пехотного полка и произведен в генерал-майоры с оставлением при Отдельном Кавказском корпусе. Одновременно ему было поручено общее командование войсками в Дагестане, с которыми он отправился в Аварию против Гамзат-бека. После гибели последнего Клугенау начал борьбу с его преемником Шамилем и взял укрепленный аул Гоцатль на берегу Аварского Койсу. И.А. Гржегоржевский назвал эту экспедицию «блистательнейшей» (Гржегоржевский, 1875: 553).

В 1836 г. Клугенау был назначен командиром первой бригады XIX пехотной дивизии. Как утверждает И.А. Гржегоржевский, на тот момент «действия Шамиля имели вид собственно защиты его приверженцев», он убеждал Клугенау «в своей преданности русскому правительству», заявлял,

что преследует лишь одну цель – сохранить чистоту религии и заставить соплеменников бросить привычки, которые не терпит мусульманская вера (Гржегоржевский, 1876: 152).

Клюки-фон-Клугенау был убежден, что существует лишь два способа стабилизации обстановки в Дагестане: добиться от Шамиля посредством переговоров согласия «жить в покое» либо нанести горцам «сокрушительный удар». Сам он отдавал предпочтение первому варианту действий, о чем неоднократно сообщал начальству. В частности, в мае 1836 г., представляя свои соображения барону Г.В. Розену, он заявил, что мюриды менее опасны для российской власти, нежели многие горцы, но Шамиль со временем может стать для России главной проблемой. Высказанное мнение о сложившейся в регионе ситуации, а также доносы некоторых подчиненных вызвали у Розена подозрения о содействии Клугенау распространению мюридизма на Кавказе и помощи Шамилю. В ответ на неожиданные обвинения барона Франц Карлович мог оправдаться лишь тем, что всегда считал Шамиля «возмутительным грабителем и разбойником» (Гржегоржевский, 1876: 378).

Таким образом, либеральные взгляды Клюки-фон-Клугенау не разделялись высшим командованием. В Кавказском корпусе его считали одним из лучших военачальников, уважали за честность и «легендарную храбрость» (Лапин, 2023: 41), при этом в любом деле, в том числе в борьбе с Шамилем, он искал возможности достичь взаимовыгодной договоренности, призывал к поиску компромиссных методов «замирения» горцев. Подобная позиция нередко оставляла его в меньшинстве и приводила к разногласиям с начальством. При этом Клугенау признавал, что только самодержавная власть была способна привести общество к «гражданственности и просвещению». Подобный монархизм был свойственен российской либеральной идее XIX века наряду с признанием кавказских народов равноправными субъектами в отношениях с российской администрацией и установкой на поиск взаимоприемлемых форм взаимодействия (Zhurtova et al., 2017: 778; Коновалов и др., 2020: 85).

Как полагает М. Гаммер, стремление к диалогу с Шамилем могло быть оправдано желанием переманить бунтаря на свою сторону, поскольку российскому руководству было выгоднее иметь дело с сильным легитимным лидером, способным осуществлять контроль над всем Северо-Восточным Кавказом, «нежели со множеством воинственных и никого не признающих племен» (Гаммер, 1998).

Тем временем велась подготовка экспедиции в Нагорный Дагестан. Целью экспедиции было уничтожение Шамиля и занятие Хунзаха российскими войсками на постоянной основе (Гржегоржевский, 1876: 645). Розен потребовал «примерно наказать» всех мюридов. Клугенау отказался от участия в данной экспедиции, поскольку «опасался, что все дурные распоряжения падут на него» (Гржегоржевский, 1876: 647). С назначением начальником XIX дивизии К.К. Фезе начались, по выражению И.А. Гржегоржевского, неприятности для Клугенау (Гржегоржевский, 1876: 647).

Экспедиция 1837 г. не принесла большого успеха российским войскам, кроме занятия Хунзаха и «устройства сообщения» с Темир-хан-Шурой (Гржегоржевский, 1876: 648). Кроме того, Фезе ввел в заблуждение высшее командование, заявив, что в результате экспедиции «с изъявлением покорности Шамилем» России покорился весь Дагестан. Вследствие этого барону Розену поступил приказ «вытребовать Шамиля и его сообщников» в Тифлис, где они должны просить «всемилодивейшего прощения» Николая I, планировавшего осенью 1837 г. посетить Кавказ.

Розен озвучил этот приказ Фезе, который отказался его исполнять и перепоручил его Клугенау 12 сентября 1837 г. (Гржегоржевский, 1876: 650) В силу отсутствия времени Клугенау решил вести переговоры с Шамилем лично. Франц Карлович написал ему письмо, в котором попросил о личной встрече 29 сентября вблизи Чиркаты, обещав Шамилю полную безопасность и напомнив о том, что он никогда не нарушал слова русского офицера.

Встреча состоялась, разговор был долгим. Клугенау старался убедить Шамиля прекратить дальнейшее сопротивление и перейти к сотрудничеству. Иمامу были предложены следующие гарантии: «Император возвеличит его (Шамиля), окажет ему почет, сделает управляющим делами всех дагестанских мусульман». Эти обещания зафиксировал в своей «Хронике» биограф Шамиля Мухаммад-Тахир аль-Карахи (Мухаммед Тахир, 1941: 91). Как сообщает И.А. Гржегоржевский, Шамиль «явно тронутый», ответил генералу, что согласен с ним и «понимает справедливость его слов», однако согласиться на поездку не может, не посоветовавшись с приближенными» (Дашлай, 2013).

Встреча Ф.К. Клюки-фон-Клугенау с Шамилем в 1837 г. в окрестностях аула Гимры легла в основу создания картины Г.Г. Гагарина. Она была написана художником в 1849 г. в поселении Царские Колодцы (Дедоплис-Цкаро, Грузия) (Гагарин, 1849a). Кроме названных личностей, на картине изображен также адъютант Клюки-фон-Клугенау Н.И. Евдокимов (Клычников, 2016: 91), ставший в дальнейшем одним из известных героев Кавказской войны. В 1883 г. картина была подарена Г.Г. Гагариным П.М. Третьякову (Гагарин, 1849b). Сегодня она хранится в Третьяковской галерее.

Многие исследователи указывают на любопытный инцидент, произошедший во время встречи Франца Карловича и Шамиля. Данный инцидент существенно повлиял на решение имама. После переговоров они протянули друг другу руки, но вмешался один из ближайших сподвижников Шамиля, наиб Ахбердил Мухаммад (по другим сведениям, дядя Шамиля Бартихан (Магомедов, 1991: 70), который воспрепятствовал их рукопожатию, объяснив свое поведение тем, что имам не должен «подавать руку кяфиру» (Мамулия, 2022: 79). Данный жест наверняка имел значение для Шамиля,

однако, как справедливо отмечает М.В. Васильев, решение имама определило множество факторов, в числе которых религиозные мотивы, влияние социального окружения, желание стать «единоличным правителем Кавказа» и др. (Васильев, 2021: 81). Спустя некоторое время он сообщил Клугенау о своем отказе ехать в Тифлис на встречу с императором. Шамиль заявил, что советовался со своими приближенными, которые поклялись убить его, если он решит отправиться в Тифлис (Гржегоржевский, 1876: 656).

На наш взгляд, недоверие Шамиля во многом было вызвано требованием командующего Сунженской линией полковника А.П. Пулло выдать двух почетных старшин «для представления их государю императору», которое было озвучено в период переговоров с Клугенау. И.А. Гржегоржевский утверждает, что горцы ненавидели Пулло и считали его «своим непримиримым врагом». Поэтому предложение, последовавшее одновременно от двух представителей российской администрации, могло вызвать у Шамиля сомнения «в искренности переговоров» с Клугенау (Гржегоржевский, 1876: 657-658).

Таким образом, разрешить конфликт с Шамилем посредством переговоров не удалось. Клугенау в последующем признавался: «Все, что я в силах был сделать, это обеспечить физическое управление горцами, но в моральном отношении мы их потеряли» (Дашлай, 2013).

В XVI томе «Русской старины» (1876 г.) редакторы журнала представили заключительную часть очерка Гржегоржевского о Клугенау в сжатом виде, сохранив «наиболее выдающиеся места из деятельности» генерала в Дагестане в 1838–1845 гг., аргументируя это слишком большим объемом материала, который, однако, необходимо ввести в научный оборот. Составителем сжатого очерка стал редактор И.И. Ореус.

Последняя часть очерка о Ф.К. Кюки-фон-Клугенау начинается с того, что в 1838 г. он принимает на себя управление Ахалцыхской провинцией. На новом посту ему пришлось бороться с разразившейся чумой, завезенной из Турции. И благодаря «благоразумным и энергическим мерам» Клугенау в течение восьми месяцев с эпидемией удалось справиться (Очерк..., 1876: 351-352).

Борьба с Шамилем продолжалась. В начале 1839 г. генерал-адъютант П.Х. Граббе организовал экспедицию в Ахульго и назначил Клугенау командиром второй бригады XX пехотной дивизии и начальником левого фланга Кавказской линии (Очерк..., 1876: 353). Он был отправлен в экспедицию в аул Чиркей, где едва не погиб. 14 сентября 1840 г. близ аула Гимры он нанес Шамилю «решительное поражение», результатом которого стало освобождение Аварии и Койсубу (Очерк..., 1876: 357).

Докладывая командующему Отдельным Кавказским корпусом Е.А. Головину о положении дел, Клугенау указывал на ряд проблем: во-первых, на недостаточное финансирование войск в Дагестане, ставшее причиной увеличения налоговой повинности местных народов, что «ожесточает их против» российской власти; во-вторых, на острую нехватку в «военных учреждениях» (артиллерийских складах, госпиталях и пр.); в-третьих, на недостатки в организации управления регионом, связанные с ограниченностью прав Клугенау как управляющего и отсутствием у него административной опоры в виде штаба, канцелярии и т.п., что вынуждает его вникать «во все мелочи» лично. Головин был недоволен подобным отзывом и назначил на его должность генерала Фезе. Император, «отдавая полную справедливость» словам и действиям Клугенау, приказал вернуть его на прежний пост (Очерк..., 1876: 360).

В 1841 г. Клугенау снова возглавил первую бригаду XIX пехотной дивизии и одновременно был утвержден в должности командующего войсками в Северном Дагестане. Однако уже в январе 1843 года Клугенау попросил об увольнении. В связи с этим Николай I писал военному министру: «Полезная и усердная служба этого генерала мне давно известна; я этого не забуду» (Очерк..., 1876: 365). Отставка не состоялась. 6 декабря 1844 г. Франц Карлович был произведен в генерал-лейтенанты.

В 1845 г. он принимал участие в экспедиции в Дарго. Современники утверждали, что, несмотря на опасность положения российских войск, Клугенау ободрял всех «примерной неустрашимостью и распорядительностью». Главнокомандующий Кавказским корпусом М.С. Воронцов лично просил его принять участие в той «несчастной экспедиции» (Очерк..., 1876: 380), которая закончилась неудачей для российской стороны. Как утверждает Ф. Арутюнов, назвав ее «сахарной экспедицией», отступление завершилось «благодаря стрелкам и кабардинцам, которые отбивались только штыками» (Арутюнов, 1898).

Экспедиция в Дарго стала последней в боевой биографии Франца Карловича. Всего на его счету было 20 военных компаний и более ста сражений. Последние годы своей жизни он провел «в мирных занятиях». С 1845 по 1849 гг. Клугенау возглавлял XIX пехотную дивизию в Царских Колодцах (Дедоплис-Цкаро, Грузия), занимался хозяйственными и организационно-распорядительными вопросами. В 1849 г. он стал начальником IX пехотной дивизии, находившейся в Царстве Польском. В это же время он был награжден орденом Белого Орла, причисленного императором к российским наградам в 1831 г. (Очерк..., 1876: 381). Но из-за «гибельного влияния тамошнего климата» скончался 7 апреля 1851 г., не дожив несколько месяцев до своего шестидесятилетия.

Завершается очерк о деятельности Клугенау на Кавказе оценкой его личностных качеств. И.А. Гржегоржевский подчеркивает: о мужестве и храбрости генерала было известно всему Кавказу.

Он всегда находился «в первых рядах предводимых им войск», подвергая свою жизнь опасности. Был внимателен к офицерам и солдатам, которые «особенно любили его» за отцовскую заботу и «веселый нрав». Он всегда держал слово, за что, по мнению Гржегоржевского, снискал «всеобщее уважение горцев», поскольку ничего «так не действовало на противников, как точное исполнение обещания». За свою более чем тридцатилетнюю службу Клугенау не приобрел никакого состояния, «кроме доброго имени». Он много писал и собрал массу ценных сведений о современных ему событиях на Кавказе (Очерк..., 1876: 382), которые легли в основу исследуемого очерка.

5. Заключение

Таким образом, воспоминания генерала Франца Карловича Клюки-фон-Клугенау, составленные при содействии И.А. Гржегоржевского, представляют собой ценнейший материал по одному из самых сложных вопросов российско-кавказских отношений – истории завоевания Северо-Восточного Кавказа. Благодаря редакторам журнала «Русская старина» данные материалы введены в научный оборот и активно используются кавказоведами.

О деятельности Клюки-фон-Клугенау в научной литературе сложилось два противоположных представления. Многие исследователи считают его выдающимся генералом, отдавшим лучшие годы своей жизни российской службе, блестяще прошедшим кавказскую школу и снискавшим уважение офицеров-сослуживцев и местных народов. Известно, что его боевые и профессиональные качества высоко ценили А.П. Ермолов, И.В. Паскевич, М.С. Воронцов и др. Часть авторов, отдавая должное его мужеству и другим личностным качествам, акцентирует внимание на его непоследовательности и эмоциональности, что привело к серьезным проблемам для российской армии, например, к неудаче в даргинской экспедиции и др.

Главная ценность материалов Клугенау, на наш взгляд, заключается в том, что они демонстрируют непрерывный поиск кавказской администрацией методов и механизмов наиболее гармоничного и безболезненного вхождения народов Северного Кавказа в состав России.

Клугенау, принимая активное участие в военных экспедициях на Северо-Восточном Кавказе, был одним из немногих военачальников, кто призывал к использованию дипломатических способов урегулирования конфликта в регионе, о чем свидетельствуют его попытки установления доверительных отношений с Шамилем, занятия хозяйственной деятельностью, решение вопросов развития инфраструктуры во вверенной ему территории и пр. По многим вопросам управления горцами он занимал либеральную позицию, вследствие чего возникало недопонимание с высшим военным руководством (Г.В. Розеном, Е.А. Головиным и др.). В силу указанных причин его воспоминания сохраняют свою актуальность и в современных исторических исследованиях.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ. Договор №14 от 9.07.2024.

Литература

Абдулаева, 2018 – Абдулаева М.И. Строительство военных укреплений в XIX в. Темир-хан-шур. // *ACTA HISTORICA: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию*. 2018. № 1. С. 7-9.

Арутюнов, 1898 – Арутюнов Ф. Гомборцы. История 1-го Кавказского стрелкового Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича батальонаСПб.: Типо-Литография И. Вышнянского, 1898. 500 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/gal/today.php?ID=372966&ysclid=m2успuipr3i401350167> (дата обращения: 10.12.2024).

Блиев, 2004 – Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 878 с.

Васильев, 2021 – Васильев М.В. Борьба за Кавказ. Часть III. Имамат Шамиля // *Электронный научный журнал «Архонт»*. 2021. Вып. 1 (22). С. 79-89.

Гагарин, 1849а – Гагарин Г.Г. Свидание генерала Клюки фон Клугенау с Шамилем в 1837 г. 1849 г. Галерея библиотеки «Руниверс». [Электронный ресурс]. URL: https://runivers.ru/gal/gallery-all.php?SECTION_ID=7072&ELEMENT_ID=637463 (дата обращения: 10.12.2024).

Гагарин, 1849б – Гагарин Г.Г. Свидание генерала Клюкке фон Клугенау с Шамилем. 1849 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/129906> (дата обращения: 10.12.2024).

Гаммер, 1998 – Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана М.: «КРОН-ПРЕСС», 1998. [Электронный ресурс]. URL: https://militera.lib.ru/research/gammer_m/04.html (дата обращения: 10.12.2024).

Гржегоржевский, 1874 – Гржегоржевский И.А. Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клугенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе, 1818–1850 гг., время с 1818 по 1832 г. // *Русская старина*. Том XI. 1874. Выпуски 9–12. С. 131-152, 497-515.

Гржегоржевский, 1875 – *Гржегоржевский И.А.* Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клугенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе, 1818–1850 гг., время с 1833 по 1835 гг. // *Русская старина*. Том XII. 1875. Выпуски 1–4. С. 545–554.

Гржегоржевский, 1876 – *Гржегоржевский И.А.* Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клугенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе, 1818–1850 гг., время с 1836 по 1850 гг. // *Русская старина*. Том XV. 1876. Выпуски 1–4. С. 144–162, 377–387, 645–658.

Дашлай, 2013 – *Дашлай Ф.* Генерал Клюки фон Клугенау // *Русское поле*. Golos. 2013. Вып. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://golos.ruspole.info/node/3765> (дата обращения: 10.12.2024)

Клычников, 2016 – *Клычников Ю.Ю.* «Из военных дворян Ставропольской губернии...»: начало военной карьеры генерал-адъютанта генерала от инфантерии графа Н.И. Евдокимова / *Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах*: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.) / Отв. ред. академ. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 87–94.

Клюки-фон-Клугенау, 2001 – *Клюки-фон-Клугенау Ф.К.* Схватка с империей (Очерк военных действий на Кавказе). М.: Academia, 2001. 162 с.

Коновалов и др., 2020 – *Коновалов А.А., Журтова А.А., Кандрокова Ф.С.* Концептуальные основы русского и европейского либерализма второй половины XIX в. В сравнительной перспективе // *Манускрипт*. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 5. С. 82–87. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gramota.net/materials/9/2020/5/15.html> (дата обращения: 10.12.2024).

Лапин, 2023 – *Лапин В.В.* Кавказские войны XVIII–XIX вв. и армяне. Служба армян в армии России как социальный лифт (XIX – начало XX в.) // *Новое прошлое / The New Past*. 2023. № 1. С. 28–47. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-28-47

Магомедов, 1991 – *Магомедов Р.М.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала: Даггиз, 1991. 132 с.

Мамулия, 2022 – *Мамулия Г.* Имам Шамиль и национально-освободительная борьба горцев Северо-Восточного Кавказа в сообщениях французских консулов из Тифлиса. Тбилиси: Грузинский фонд стратегических и международных исследований, 2022. 152 с.

Мухаммед Тахир, 1941 – *Мухаммед Тахир ал-Карахи*. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи: о дагестанских войнах в период Шамиля / Пер. с араб. А.М. Барабанова; предисл. академ. И.Ю. Крачковского. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 333 с.

Очерк..., 1876 – Очерк военных действий и событий на Кавказе, 1818–1850 гг., по биографии Ф.К. Клюки-фон-Клугенау, написанной И. Гржегоржевским, составил И. И. Ореус. Главы XV–XVI // *Русская старина*. Том XVI. 1876. Выпуски 5–8. С. 351–382.

Сатурнин, 1904 – *Сатурнин Д.* Очерк периодической печати в Англии // *Периодическая печать на Западе*. СПб., 1904. [Электронный ресурс]. URL: https://evartist.narod.ru/text2/34_5.htm (дата обращения: 10.12.2024).

Zhurtova et al., 2017 – *Zhurtova A.A., Kuz'minov P.A., Konovalov A.A., Muratova E.G.* The problem of Russian-Caucasian historical interaction in the domestic liberal historiography of the late XVIII – XIX centuries // *Bylye Gody*. 2017. 45 (3): 776–784.

References

Abdulaeva, 2018 – *Abdulaeva, M.I.* (2018). Stroitel'stvo voennykh ukrepleni v XIX v. Temir-khan-shura. [Construction of military fortifications in the 19th century. Temir-khan-shura]. *ACTA HISTORICA: trudy po istorii, arkheologii, etnografii i obschestvoznaniyu*. 1: 7–9. [in Russian]

Arutyunov, 1898 – *Arutyunov, F.* (1898). Gombortsy. Istoriya 1-go Kavkazskogo strelkovogo Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo Knyazyá Mikhaíla Nikolaevicha batal'ona [Gombors. History of the 1st Caucasian Rifle Battalion of His Imperial Highness Grand Duke Mikhail Nikolaevich]. St. Petersburg: Tipolitoografiya I. Vyshyanskogo, 1898. 500 p. [Electronic resource]. URL: <https://runivers.ru/gal/today.php?ID=372966&ysclid=m2ycnuip3i401350167> (date of access: 10.12.2024). [in Russian]

Bliev, 2004 – *Bliev, M.M.* (2004). Rossiya i gortsy Bol'shogo Kavkaza na puti k tsivilizatsii [Russia and the mountaineers of the Greater Caucasus on the way to civilization]. М.: Mysl', 878 p. [in Russian]

Dashlai, 2013 – *Dashlai, F.* (2013). General Klyuki fon Klugenau [General Kluki von Klugenau] *Russkoe pole*. Golos. 1. [Electronic resource]. URL: <http://golos.ruspole.info/node/3765> (date of access: 10.12.2024). [in Russian]

Gagarin, 1849a – *Gagarin, G.G.* (1849). Svidanie generala Klyuki fon Klyugenau s Shamilem v 1837 g. 1849 g. [Meeting of General Kluki von Klugenau with Shamil in 1837. 1849]. Runivers Library Gallery. [Electronic resource]. URL: https://runivers.ru/gal/gallery-all.php?SECTION_ID=7072&ELEMENT_ID=637463/ (date of access: 10.12.2024). [in Russian]

Gagarin, 1849b – *Gagarin, G.G.* (1849). Svidanie generala Klyukke fon Klyugenau s Shamilem. 1849 [Meeting of General Klukke von Klugenau with Shamil. 1849] [Electronic resource]. URL: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/129906> (date of access: 10.12.2024). [in Russian]

Gammer, 1998 – *Gammer, M.* (1998). Shamil'. Musul'manskoe soprotivlenie tsarizmu. Zavoevanie Chechni i Dagestana [Shamil'. Muslim resistance to tsarism. Conquest of Chechnya and Dagestan]. [Electronic

resource]. M.: «KRON-PRESS. [Electronic resource]. URL: https://militera.lib.ru/research/gammer_m/04.html (date of access: 10.12.2024). [in Russian].

Grzhegorzhevskii, 1874 – *Grzhegorzhevskii, I.A.* (1874). General-leitenant Klyuki-fon-Klugenau. Ocherk voennykh deistvii i sobytii na Kavkaze, 1818-1850 gg., vremya s 1818 po 1832 g. [Lieutenant General Klukke von Klugenau. Essay on military actions and events in the Caucasus, 1818–1850, the time from 1818 to 1832]. *Russkaya starina*. T. XI. No. 9–12. Pp. 131-152, 497-515. [in Russian]

Grzhegorzhevskii, 1875 – *Grzhegorzhevskii, I.A.* (1875). General-leitenant Klyuki-fon-Klugenau. Ocherk voennykh deistvii i sobytii na Kavkaze, 1818–1850 gg., vremya s 1833 po 1835 gg. [Lieutenant General Klukke von Klugenau. Essay on military actions and events in the Caucasus, 1818-1850, the time from 1833 to 1835]. *Russkaya starina*. T. XII. No. 1–4. Pp. 545-554. [in Russian]

Grzhegorzhevskii, 1876 – *Grzhegorzhevskii, I.A.* (1876). General-leitenant Klyuki-fon-Klugenau. Ocherk voennykh deistvii i sobytii na Kavkaze, 1818–1850 gg., vremya s 1836 po 1850 gg. [Lieutenant General Klukke von Klugenau. Essay on military actions and events in the Caucasus, 1818-1850, the time from 1836 to 1850]. *Russkaya starina*. XV: 1-4. Pp. 144-162, 377-387, 645-658. [in Russian]

Klychnikov, 2016 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2016). «Iz voennykh dvoryan Stavropol'skoi gubernii...»: nachalo voennoi kar'ery general-ad'yutanta generala ot infanterii grafa N.I. Evdokimova [“From the military nobility of the Stavropol province...”: the beginning of the military career of Adjutant General of the Infantry General Count N.I. Evdokimov]. *Yug Rossii i sopredel'nye strany v voynakh i vooruzhennykh konfliktakh: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Otv. red. akad. G.G. Matishov. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNTs RAN. Pp. 87-94. [in Russian]

Klyuki-fon-Klyugenau, 2001 – *Klyuki-fon-Klyugenau, F.K.* (2001). Skhvatka s imperiei (Ocherk voennykh deistvii na Kavkaze) [Klyuki-fon-Klugenau F.K. Fight with the Empire (Essay on Military Operations in the Caucasus)]. M.: Academia, 162 p. [in Russian]

Konovalov i dr., 2020 – *Konovalov, A.A., Zhurtova, A.A., Kandrovkova, F.S.* (2020). Kontseptual'nye osnovy russkogo i evropeiskogo liberalizma vtoroi poloviny XIX v. V sravnitel'noi perspektive [Conceptual Foundations of Russian and European Liberalism of the Second Half of the 19th Century. In Comparative Perspective] [Electronic resource]. *Manuskript*. Tambov: Gramota. 13(5): 82-87. [Electronic resource]. URL: <https://www.gramota.net/materials/9/2020/5/15.html> (date of access: 10.12.2024). [in Russian]

Lapin, 2023 – *Lapin, V.V.* (2023). Kavkazskie voiny XVIII–XIX vv. i armiyane. Sluzhba armyan v armii Rossii kak sotsial'nyi lift (XIX – nachalo XX v.) [Caucasian Wars of the 18th–19th Centuries and Armenians. Service of Armenians in the Russian Army as a Social Elevator (19th – Early 20th Century)]. *Novoe proshloe/The New Past*. 1: 28-47. DOI: 10.18522/2500-3224-2023-1-28-47 [in Russian]

Magomedov, 1991 – *Magomedov, R.M.* (1991). Bor'ba gortsev za nezavisimost' pod rukovodstvom Shamilya [The Struggle of the Highlanders for Independence under the Leadership of Shamil]. Makhachkala: Daggiz, 132 p. [in Russian]

Mamulia, 2022 – *Mamulia, G.* (2022). Imam Shamil' i natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza v soobshcheniyakh frantsuzskikh konsulov iz Tiflisa [Imam Shamil and the National Liberation Struggle of the Highlanders of the North-East Caucasus in the Reports of the French Consuls from Tiflis]. Tbilisi: Gruzinskii fond strategicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy, 152 p. [in Russian]

Mukhammed Takhir, 1941 – *Mukhammed Takhir, al-Karakhi* (1941). Khronika Mukhammeda Takhira al-Karakhi: o dagestanskikh voynakh v period Shamilya [The Chronicle of Muhammad Tahir al-Karakhi: About the Dagestani Wars during the Period of Shamil]. Per. s arab. A.M. Barabanova; predisl. akad. I.Yu. Krachkovskogo. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 333 p. [in Russian]

Ocherk..., 1876 – Ocherk voennykh deistvii i sobytii na Kavkaze, 1818-1850 gg., po biografii F.K. Klyuki-fon-Klugenau, napisannoi I. Grzhegorzhevskim, sostavil I. I. Oreus. Glavy XV–XVI [Essay on military actions and events in the Caucasus, 1818-1850, based on the biography of F.K. Klukke von Klugenau, written by I. Grzhegorzhevsky, compiled by I. I. Oreus. Chapters XV–XVI]. *Russkaya starina*. 1876. T. XVI. No. 5–8. Pp. 351-382. [in Russian]

Saturnin, 1904 – *Saturnin, D.* (1904). Ocherk periodicheskoi pechati v Anglii [Essay on the periodical press in England]. *Periodicheskaya pechat' na Zapade*. St. Petersburg. [Electronic resource]. URL: https://evartist.narod.ru/text2/34_5.htm (date of access: 10.12.2024). [in Russian]

Vasil'ev, 2021 – *Vasil'ev, M.V.* (2021). Bor'ba za Kavkaz. Chast' III. Imamat Shamilya [The fight for the Caucasus. Part III. Imamat of Shamil]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Arkhot»*. 1(22): 79-89. [in Russian]

Zhurtova et al., 2017 – *Zhurtova, A.A., Kuz'minov, P.A., Konovalov, A.A., Muratova, E.G.* (2017). The problem of Russian-Caucasian historical interaction in the domestic liberal historiography of the late XVIII – XIX centuries. *Bylye Gody*. 45 (3): 776-784.

Военно-политическая деятельность Ф.К. Клюки-фон-Клугенау на Северо-Восточном Кавказе в 1818–1850 гг. (по материалам журнала «Русская старина»)

Анжела Ариковна Журтова ^а, Петр Абрамович Кузьминов ^{а, *}, Лина Ризуановна Гаунова ^а, Зарета Хасанбиевна Соблирова ^а

^а Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению военной и административной деятельности генерал-лейтенанта российской императорской армии Ф.К. Клюки-фон-Клугенау. Его служба длилась с 1818 по 1850 гг. и неразрывно связана с Кавказской войной. В основе данного исследования лежат материалы, составленные его адъютантом, полковником И.А. Гржегоржевским и опубликованные в журнале «Русская старина». Клюки-фон-Клугенау выступил в роли информатора и редактора данных материалов. Представленные воспоминания довольно обширны, поэтому редакторы журнала опубликовали их частями в четырех номерах.

Время кавказской службы Клюки-фон-Клугенау разделено в документах на три периода: первый этап – с 1818 по 1832 гг. – завершается взятием стратегически важного на Северо-Восточном Кавказе аула Гимры; второй – с 1833 по 1836 гг. – период его командования войсками в Северном Дагестане до назначения командиром первой бригады XIX пехотной дивизии; и третий этап – с 1836 по 1850 гг., – в течение которого Клугенау управлял Ахалцыхской провинцией, принимал участие в борьбе с Шамилем и его сторонниками и др. до его назначения на службу в Царство Польское в 1849 г. Воспоминания, рапорты, записки Клюки-фон-Клугенау относятся к числу основных источников по истории борьбы с имамом Шамилем, военно-политическим и административным процессам в регионе в 1820–1850-х гг.

Ключевые слова: Ф.К. Клюки-фон-Клугенау, журнал «Русская старина», Северо-Восточный Кавказ, Россия, Кавказская война, Шамиль.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: petrakis_hist@bk.ru (П.А. Кузьминов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 91-102
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.91

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Orenburg Kazakhs of the Eastern part and Imperial Services: the Specifics of Kazakh-Russian Contacts in the first half of the XIX century

Gyulnar K. Mukanova ^{a,*}, Samat Zhumatay ^b, Kuralay K. Sarsembina ^a, Satay M. Syzdykov ^b

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The history of Russian-Kazakh relations in the first half of the 19th century has been poorly studied. Thus, the “white spots” of the historiography of the topic remain the personalities of Kazakh public figures and their participation in negotiation processes with the border imperial services. Not only khans, sultans and batyrs, but also representatives of the clergy, as it turned out, were involved in political processes in the border regions. In the twentieth century, these categories of nomadic society were classified as a “hostile class” and completely removed from scientific circulation. From a new methodological standpoint, it makes sense to study the essence of social protest among the Orenburg Kazakhs of the eastern part, in which Maral Ishan Kurmanov, of course, played the role of a spiritual leader. Based on scientific methods (analysis and synthesis, comparative studies, principles of historicism and verification of sources), materials from the central historical archives of Russia and Kazakhstan, periodicals and books of the XIX century were identified, systematized and studied. The discovery of correspondence between the border administration and M. Kurmanov reveals little-known aspects of border contacts. The article attempts to compare the tactics of steppe leaders, who often used diplomacy as a peaceful way to solve problematic issues. The materials of the pre-revolutionary press have been critically studied. The facts of migration, together with M. Kurmanov, of Kazakh families in the southern and south-eastern directions, as a result of the land crisis and a number of unresolved issues, have been revealed.

Keywords: history, Russian Empire, steppe, Kazakh-Russian relations, social protests, spiritual leaders, healers, migration.

1. Введение

История русско-казахских отношений первой половины XIX века была насыщена интересными событиями, в основе которых прослеживается выражавшееся в обоюдных письменных заверениях сторон общее стремление к миру и спокойствию. Как показывает анализ источников из архивов и сохранившихся нарративов, с обеих сторон проявлялись взаимное уважение и желание находить компромисс. Немаловажно, что достаточно активную деятельность в обозначенном плане проявляли представители мусульманского духовенства – ишаны и хазреты. Ишан – это титул, которым в Центральной Азии обозначали уважаемых и почитаемых духовных лиц, в частности лидеров суфийских общин. По мнению Наливкина, «суфиями называются все те, которые признали над собою руководство того или другого ишана, выразили готовность состоять под его духовным воздействием, чрез возложение своей руки в руку ишана» (Материалы..., 1989: 18). Однако к середине XIX века деятельность ишанов сводилась преимущественно к врачеванию и выдаче оберегов (каз. – *тумар*), а также к организации регулярных коллективных молитвенных сеансов (Ислам, 2001: 223). В среде оренбургских казахов так называемой восточной части (территориально это земли между

* Corresponding author

E-mail addresses: Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova), kopeev95@mail.ru (S. Zhumatay)

кочевьями казахов Младшего и Среднего жузов) в изучаемый период становится популярным целитель-ишан по имени Марал, сын Курмана. От отца Марал наследует навыки целительства. Пройдя обучение в бухарском медресе, Марал Курманов усовершенствовал знания восточного целительства. Объединив фундаментальные наработки Ибн-Сины (Авиценны), которые преподавались в среднеазиатских духовных учебных заведениях, с опытом народной медицины, он становится востребован и как проповедник. К нему тянутся сородичи из казахского рода Керей, казахи родов Аргын, Кыпчак, Шомекей, Адай. Безусловно, его деятельность была бы более полно известна, если бы исследователи располагали его личными записями, однако, к сожалению, при тех условиях кочевания они не могли сохраниться. Частично письма к ишану от управителей казахских родов хранятся у его потомков, ныне проживающих в Кызыл-ординской области Казахстана и г. Алматы. На данный момент, чтобы раскрыть для широкой общественности сокровища прадеда, важно прочесть их на чагатайском и старотатарском языках (Полевые..., 2001–2024). Важно оценить масштаб личности Марала Курманова. В ранге ишана он был практически единственным из казахских суфиев, поставивших свою подпись под официальным обращением к российским пограничным службам.

Религиозные взгляды Марала Курманова, по мнению специалистов, подлежат суфийскому направлению в исламе (Абилъ, 2012: 17). Духовный статус ишана позволял ему вести нравоучительные беседы, читать и организовывать коллективные молитвы, словом, направлять сознательную часть сообщества. Сохранились сведения, к примеру, что Марал ишан рекомендовал казахам переходить к оседлому образу жизни, осваивать ремесла (Жумадилдаев, Алпысбес, 2019: 31). То есть он не был религиозным фанатиком, напротив, трезво смотрел на действительность и мог повлиять на окружающих. Изучение биографии и деятельности Марала Курманова только расширит, на наш взгляд, имеющиеся в распоряжении востоковедов представления о характере русско-казахских отношений, социальных настроений периода ранней колонизации и, наконец, особенностей суфийских практик на территории Оренбуржья, Приишимья и Западной Сибири в первой половине XIX века.

Действительно, представления об ишанах у европейских и российских путешественников, востоковедов-этнографов могли оказаться поверхностными, ведь они складывались зачастую из устных пересказов местных жителей. Так, например, И. Гейер сообщал, что ишанами считались лица начитанные, «...получившие духовное образование в высших медресе Бухары и Самарканда или, после строгого испытания по богословию у знаменитых мусульманских теологов, получившие грамоты на звание ишана». Также о них складывалось впечатление, что «...ишан, ведя образ жизни праведника, в то же время не отказывается и от мирской жизни» (Гейер, 1891: 70). Это соответствовало действительности: географические условия и кочевой образ жизни казахов изучаемого региона диктовали ишанам-целителям оптимальный образ жизни. Ишаны также кочевали вместе с сородичами и разделяли с ними все тяготы и прелести степного кочевья. Когда же возникали достаточно сложные взаимоотношения казахов на границе их земель, они апеллировали к ишанам, казавшимся им воплощением справедливости и обладателями знаний свыше. Каким же образом эта безусловная вера казахов во всемогущество ишанов воздействовала на их самоидентичность, когда потребовалось вступить в переговоры с пограничными службами империи? Ответ на этот вопрос авторы статьи искали в архивах и источниках XIX столетия.

2. Материалы и методы

В ходе исследования были использованы архивные источники из фондов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация). К ним применены традиционные методы источниковедения: внутренняя и внешняя критика источников и исторического синтеза. В частности, изучены материалы Фонда №1291 «Земский Отдел Министерства внутренних дел». В данном фонде по описи 21 встречается дело №84 под названием «1821 г. О появлении в киргизских степях лжепророка киргиза Марала Курманова и сборе сведений о нем» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 21. Д. 84). Документы представляют собой оригиналы и копии писем Марала Курманова, сведения о нем и переписку имперских ведомств вокруг писем и действий ишана и его окружения. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан (Алматы, Казахстан) (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791) хранятся копии этих материалов, как и другие источники, позволившие выявить общие черты в дипломатии Марала ишана и Кенесары султана (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4683, 4757, 4784, 4798, 4804). Источники из фондов Государственного архива Оренбургской области (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1558 и др.) представляют собой письменные обращения одного из казахских султанов Младшего жуза к пограничному начальству. Сопоставление их контента с письмом от казахов Среднего жуза позволило выявить специфику позиции отдельных лиц. Были критически исследованы газетные публикации И. Казанцева, чиновника канцелярии Оренбургского генерал-губернатора, служившего примерно в то же десятилетие, когда популярность ишана Марала среди оренбургских казахов была максимальной (Казанцев, 1839). Статья Ильи Казанцева в двух номерах «Санкт-Петербургских ведомостей» сама по себе уникальна: он опубликовал заметки о казахах и их

обычаях в столичной прессе. В книге И. Казанцева «Описание Киргиз-Кайсак», также вышедшей в Санкт-Петербурге, но значительно позже, в 1867 году, автор объясняет столь большой временной промежуток между первыми публикациями и этой книгой в виде приложений к книге. В корпус книги практически без изменений вошла газетная публикация из «Санкт-Петербургских ведомостей» (Казанцев, 1867: 36-37), что свидетельствует о ее ценности для автора. Казанцев продолжал исследование истории и этнографии казахского народа и посчитал необходимым оставить материал о Марале ишане Курманове в издании 1867 года. Публикации И. Казанцева основаны на собранных им устных сведениях от оренбургских казахов. Вместе с тем он поступил на службу позднее, чем ишан Марал откочевал от Оренбурга со своими приближенными на юг, но, заинтересовавшись фигурой казахского лидера, Илья Казанцев все же стал наводить о нем справки. В этом случае достоверность опубликованных им сведений не абсолютна. Некоторая информация об ишане явно преувеличена и отдает мистикой. Отголоски противоречивых сведений об ишане попали и в труды исследователей Центральной Азии без должной критики.

Согласно проблемно-хронологическому и проблемно-географическому методам, изученные материалы систематизированы в хронологической последовательности с учетом их территориального происхождения. В первых печатных изданиях на казахском языке начала XX века (например, в журнале «Айкап», выходившем в Оренбурге с 1911 по 1915 гг.) есть сведения о казахских ишанах, практиковавших в пределах Сырдарьинского генерал-губернаторства, что подтверждает факт миграции мусульманских священнослужителей из-под Оренбурга на юг (Айкап. 1912. № 1). Автор заметки на тему «Әулие-ата хабарлары» («Известия из Аулие-ата») Мухамед-Салим Кошимов утверждал, что в городе Аулие-Ата проживает немало ишанов и их мюридов (Айкап. 1912. № 1). Заметки и фельетоны М. Кошимова в журнале указывают на факт пребывания ишанов в городах Троицк, Аулие-ата, а также на их приверженность ортодоксальному исламу. К тому же в начале XX века большинство ишанов выступало против открытия светских джадидских школ, против обучения казахских девочек в медресе. Стиль корреспонденций в журнале вызывал озабоченность у читателей. Письма в редакцию журнала с просьбой оградить ишанов от насмешек поступали из Уфы и других регионов (Айкап. Май 1912. №5). В форме фельетона опубликовал в этом же издании свое мнение об ишанах известный казахский просветитель, целитель Машгур Жусип Копеев (Айкап. Август-сентябрь 1912. № 8).

Описанные выше разряды источников подвергнуты критическому переосмыслению и сопоставлению на основе применения методов критического анализа, в частности при идентификации архивных документов, метода анализа и синтеза, индукции и дедукции, контент- и ивент-анализа, компаративного анализа и проч. В ходе исследования, которое изначально являлось по характеру историко-культурным, авторы придерживались общих принципов исторической науки: историзма и научной объективности, культурно-цивилизационного подхода в рассмотрении этапов истории на основе междисциплинарных исследований.

3. Обсуждение

Одним из первых о Марале ишане сообщил общественности Илья Михайлович Казанцев, регулярно публиковавший в центральной российской прессе информации о казахах Младшего и Среднего жузов. Так, весной 1839 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» вышла подобная статья (Казанцев, 1839: 354). Собранные эти и другие материалы по истории и этнографии казахов были изданы И. Казанцевым в вышедшей в Санкт-Петербурге авторской книге «Описание киргиз-кайсак» (Казанцев, 1867). История этого издания имела свои нюансы. Изначально автор обратился в Русское географическое общество в августе 1852 года, где указал, что прослужил более двадцати лет в канцелярии правителей Оренбургского края: Волконского, Эссена, Сухтелена и Перовского, а также лично знал казахских ханов Ширгазы и Джангира, султанов-правителей и собрал сведения «о башкирцах, киргиз-кайсаках и хивинцах». Его обращение было продиктовано желанием издать собранные материалы под патронатом Императорского Российского Географического Общества (Казанцев, 1867: 1). Вместе с тем ИРГО на тот момент лишь обещало рассмотреть такую возможность, о чем Казанцеву письменно сообщил К. Арсеньев (Казанцев, 1867: 6). Настойчивый автор обратился в Императорскую Академию наук, откуда в июне 1857 года пришел письменный отказ печатать труд «Описание киргиз-кайсак» от секретаря Академии наук К. Зилова. Действительно, собранные Казанцевым нарративы и другие сведения не всегда были изложены, строго выражаясь, «с научной целью», как того требовал Устав Академии (Казанцев, 1867: 7). Наконец, в 1867 году труд И.М. Казанцева увидел свет в Санкт-Петербурге. Издание на настоящий момент относится к числу раритетных. Приводимые в нем сведения интересны и отражают взгляд рядового чиновника оренбургской канцелярии на восточные народности. Вместе с тем в этой книге содержатся малоизвестные факты, нарративы, которые автор мог получить лишь путем расспросов у местного казахского населения.

Казахская интеллигенция также не осталась равнодушной к теме проповедников-целителей. Так, об ишанах писал еще в середине XIX века казахский ученый Шокан Валиханов. В своей статье «О мусульманстве в степи» он довольно критически отзывался об ишанах (Валиханов, 1904: 199).

Династийность в роду ишанов отметил Е. Абиль: «...сын Марала, Кулмухаммед (Калкай), родившийся в 1815 году, также стал ишаном» (1, 2012: 18). Интересно, что в личном архиве Калкай ишана после его кончины были найдены рукописи тюркских эпосов «Ер-Косай» и «Камбар-батыр». Рукопись эпоса «Ер Косай» о батыре XVI-XVII вв. в Центральную научную библиотеку (г. Алматы) в 1940 году сдал его земляк Асайып Хангелдин (Кұмар, 2011). Между тем имя и подвиги Ер Косая, сына батыра Ер Кокше, упоминаются в трудах востоковедов В.В. Бартольда и Г.Н. Потанина (Потанин, 1918: 102). Продвижение России в Центральной Азии накладывало отпечаток на историко-этнографические изыскания. В «Материалах к изучению бытовых черт мусульманского населения Туркестанского края» (1891 г.) описывается положение ишанов второй половины и конца XIX века, где автор И. Гейер характеризует религиозную практику ишанов присырдарьинского региона не совсем объективно. Ценно то, что И. Гейер приводит имена ряда казахских целителей и проповедников: ишан Ай-Ходжа, Кушум ишан, Мукум-Ата (Гейер, 1891: 70).

Ишаны должны были иметь своих последователей, именовавшихся муридами (или мюридами). Российские авторы, преимущественно офицеры, занимались сбором материалов о взаимоотношениях ишанов и мюридов. Так, опыт пребывания на Кавказе позволил А.И. Руновскому сравнивать институты мюридизма и газавата, причем в изложении известного имама Шамиля (Руновский, 1863). В смысле последователя, сподвижника ишана, обозначение «мюри́д» (араб. مرید – последователь, ученик) в суфизме также обозначало ученика, находившегося на первой (низшей) ступени посвящения и духовного самосовершенствования. Следует заметить, что термин «мурид»/«мюрид», в отличие от Кавказа, в исследуемый период в казахском обществе не имел широкого распространения. Под мюридами в степи могли пониматься и султаны, и казахские батыры, которые составляли близкий круг общения ишанов.

Основу источников о характере взаимоотношений степняков, в их числе ишанов, со среднеазиатскими владениями, как отмечалось выше, составляли преимущественно отчеты военных, казаков, участников специальных миссий. В начале XX века записи хорунжего Н.И. Потанина были изданы (Потанин, 1909: 191-258). Об ишанах оставили записи также путешествовавший по России венгерский ученый Арминий Вамбери (Вамбери, 1884), исследователь Н.Г. Маллицкий (Маллицкий, 1898). Незнание восточных языков и традиций некоторыми авторами не способствовало формированию объективных мнений о народах Центральной Азии и суфийских практиках. Вопросы социально-политической истории Казахстана и народного целительства в XX веке освещались с большими купюрами. Вышло несколько изданий, в которых присутствовал схожий контент. Так, о роли султанов-правителей в политической структуре Казахстана первой половины XIX века писал правовед С.З. Зиманов (Зиманов, 1960). Об аулие Сейтпенбете, жившем в конце XVIII – первой половине XIX вв., сообщал профессор С. Толыбеков (Толыбеков, 1992). Современная историография вокруг практики казахских ишанов формируется благодаря поискам краеведов, сотрудников Научного центра «Асыл мұра» (Полевые..., 2001–2024). Персоналии ишанов опубликованы в региональных сборниках (Сүгірбаев, 2010: 216). Часть публикаций на казахском языке основана на пересказе легенд и биографий потомков Марала ишана, на воспоминаниях очевидцев (Нұртайұлы, 2004), рукописях Каратая Бигожина (Жұмабаев, 2009). Легендарная личность не ускользнула из поля зрения мастеров художественного слова. Так, классик казахской советской литературы Сабит Муканов пишет о Марал ишане в своем романе «Промелькнувший метеор» (каз. «Аққан жұлдыз») (Муканов, 1970). Другая часть изданий по истории Западной Сибири и Казахстана имеет научный характер (Күзембайұлы, 2011; Kabuldinov et al., 2022). О роли ишанов есть любопытные сведения в российских энциклопедических справочниках: «...в Центральной Азии и Урало-Волжском регионе в суфизме стала выделяться особая ветвь – ишанизм, которая характеризуется ослаблением религиозно-мистической составляющей и усилением роли социальных и ритуальных аспектов взаимоотношений между учителем (муршид) и учеником (мюрид)» (Ислам..., 1999: 40).

Разумеется, фигура исламского духовного лица, смело адресовавшего письма российским властям, привлекла внимание исследователей в дальнейшем зарубежье (Becker, 2004).

Зарубежные исследователи обратились к теме колонизации Россией Казахстана и деятельности суфиев (Frank, Usmanov, 2004), взаимоотношений России, Цинской империи и центральноазиатских ханств Бухары и Хивы, которые играли определенную роль в истории Казахского ханства, особенно его юго-западных и южных областей. Так, S. Becker полагает, что «... подход России к региону эволюционировал от невмешательства, основной целью которого было предотвращение британской экспансии из Индии в регион, к усилению вмешательства по мере роста торговли» (Becker, 2004: 7), а также к заселению края крестьянами-переселенцами. Британский автор ранее обращался к истории казахских жузов в контексте эволюции политики царизма в Средней Азии (Becker, 1994: 21-38). История соперничества держав за влияние в Центральной Азии в XIX веке лежит в основе публикации другого британского ученого (Morgan, 1981). Тема эволюции царской политики в центральноазиатской части материка поднималась и в работе американского исследователя Brower, Daniel (Brower, 1997). Мусульманские служители, выходцы из казахских жузов, возвращались в Степь, получив образование и статус ишанов в среднеазиатских духовных центрах.

Однако в перечисленных изданиях дальнего зарубежья тема казахских ишанов и их участия в переписке с российскими пограничными службами не была раскрыта.

4. Результаты

Письменные обращения казаха Марала Курманова в оренбургскую администрацию, отражают в целом миролюбивый тон автора (РГИА Ф. 1291 Оп. 81 Д. 84. Л. 10-11). Ишан был потомственным лекарем, азы целительства ему привил родной отец, Курман. Более детально о происхождении Марала Курманова сообщается в докладной от 15 ноября 1821 года титулярного советника Климша, служившего в Сибирском отдельном корпусе (г. Омск), в адрес Азиатского департамента МИД: «...происходит от киргиз киреевской (керей) волости, кочевавших прежде при крепости Троицкой, которого отец занимался лечением киргизцов (казахов)...» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 84. Л. 7). Образование Марал Курманов получил в бухарском медресе, где он сдал соответствующий экзамен на ранг ишана, и вернулся в отчие края.

В письменном обращении казахского ишана фигурируют выражения «...благополучие, мир, тишина и спокойствие», которыми Марал Курманов, он же Иса хазрет, характеризовал обстановку на русско-казахской границе «...за несколько до сего лет» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 20). Остановившись на состоянии казахско-русских отношений, автор письма в итоге выразил категоричную просьбу: «я Вас, господин генерал (Эссен), покорнейше прошу дать мне позволение и путь ехать к Государю императору...». Из этого можно сделать вывод, что резиденция П.К. Эссена в Оренбурге для Марала ишана была лишь транзитным пунктом, посредством генерала он намеревался отправиться в столицу. Цели его предполагаемого визита к императору проистекают из содержания письма, где Марал ишан намерен защищать земли казахов и выяснить, каким образом казахи «вошли в землю русскую» (то есть стали подданными царя). Внимательное прочтение содержания писем оставляет впечатление, что Марал ишан адресовал свои письма не от себя лично, а мог быть посредником между Кокандским владением и Россией. Содержание письма заинтересовало российские ведомства. Так, в публикации И. Крафта за 1900 год утверждается, что «...в декабре 1821 года вице-канцлер граф К. Нессельроде просит сибирского генерал-губернатора М. Сперанского высказать свое мнение о Марале Курманове. Губернатор рекомендовал пригласить последнего «под благовидным предлогом» на пограничную линию» (Крафт, 1900: 89). Трактовка И. Крафтом событий первой четверти XIX века в русско-казахских отношениях и в целом политики России в Средней Азии наводит на суждение, что, поскольку регион оставался еще загадочным, то России выдерживалась тактика «мягкой разведки» намерений Коканда, Хивы и Бухары. Соответственно, имевшие влияние на массы личности, наподобие Марала Курманова, вызывали интерес. Через них внешнеполитическое ведомство имело реальные шансы отслеживать намерения среднеазиатских владений.

Обращения Марала ишана к пограничным властям были тщательно изучены в Азиатском департаменте. Далее по инстанции 9 мая 1822 года чиновники докладывали Оренбургскому военному губернатору, «Его Высокопревосходительству П.К. Эсену», что просьба Марала Курманова на проезд в Санкт-Петербург получила положительный отзыв: «...Его Величество Высочайше соизволил на удовлетворение желания означенного азиатца» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 34). Соответствующее указание «...вызвать азиатца Марала Курманова на линию, отправить его в Санкт-Петербург» было получено в Омске 13 февраля 1822 года (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 35). Такой исход просьбы «азиатца» (добиться аудиенции в имперской столице) интересен теоретически: как бы повлияла такая встреча с императором на русско-казахские отношения? Однако приграничной администрации не удалось к намеченной дате отыскать М. Курманова. Согласно противоречивым донесениям казачьего майора Набокова, опрошенных башкир, а также казахского волостного Зилгары Байтокина (РГИА. Ф. 1291. Оп. 21. Д. 84. Л. 17-170б.), Марал ишан либо отправился «на помощь бухарцам, ведущим войну против хивинцев», либо откочевал на реку Сырдарья (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 35).

Переписка вокруг личности Марала ишана имела продолжение и в следующем, 1823 году. Важность фигуры ишана для российской стороны заметна в факте включения в состав российской специальной миссии для передачи ответного письма Маралу Курманову переводчика Усова. Это выдает заинтересованность российской стороны в правильном изложении позиции ишана для выстраивания дальнейших контактов. Упомянутая миссия была направлена сразу к нескольким лицам из окружения ишана: к казахскому султану Жуме Кудаймендину, Байсалу Аتكельтирову, Мусе батыру и Маралу Курманову (РГИА. Ф. 1291. Оп. 21. Д. 84). Перечисленные лица составляли ближайший круг ишана и также имели авторитет среди казахов Сары-арки. О каждом из них сохранились сведения, которые характеризуют их в исследуемый период как элиту казахского сообщества. К примеру, Кудаймендин Жума был из числа потомков хана Младшего жуза Абулхайра. Согласно «Указу об оренбургских киргизах», 27 мая 1799 года была создана Оренбургская пограничная комиссия для управления территорией Западного Казахстана, подотчетная МИД Российской империи и оренбургскому военному губернатору. И лишь с 1844 года в жузах из числа чингизидов стали назначаться султаны-правители. Так, казахи Младшего жуза стали подчиняться последовательно Каратаю Нуралиеву, Темиру Ералиеву и Жуме Кудаймендиеву (Казахстан..., 2019: 368).

По другим данным, с 1831 года в Восточной части Младшего казахского жуза вместо прежней ханской власти была внедрена дистанционная система управления. Всего насчитывалось 28 дистанций. Были введены должности султанов-правителей. В Восточной части первыми султанами-правителями стали Жума Кудаймендин (годы правления: 1824–1830), Жанторе Жихангеров (1830–1835), султаны Шотай Бактыгереев (1835–1841), Ахмет Жанторин (1841–1851) и М. Жанторин (1851–1869). Ставка султанов-правителей размещалась в Усть-Уй. На 1843 год в подчинении султана-правителя Восточной части Младшего казахского жуза находилось порядка 18 тысяч человек, в их числе казахские роды алимулы, а также сезонно кочевавшие в районе Сырдарьи керей, кыпшаки, аргыны из Среднего жуза (*Казахстан...*, 2020: 729).

Что касается упоминавшегося в письмах оренбургской администрации Мусы батыра, сведения о нем фрагментарны. В статье Добросмыслова о нем сказано: «...Жума был орудием в руках Мусы Даутова, Джантюре (Каипов) – киргиза Маметека Жаугашарова. Эти главари носили звания аталыков» (*Добросмыслов, 1901: 271*). Эти детали позволяют выяснить реалии первой половины XIX века, когда батыры («главари») играли значимую роль в социальной структуре казахского сообщества и именовались аталыками. О казахском Мусе батыре Добросмыслов упоминает неоднократно (*Добросмыслов, 1901: 256*) как о сыне Даут батыра и внуке тархана Жаныбека (*Добросмыслов, 1901: 247*). Мы склоняемся к версии, что Муса батыр происходил из рода атыгай Среднего казахского жуза. О его происхождении известно, что он действительно являлся сыном известного казахского батыра, тархана Дауитбая Жанибекулы (годы жизни: 1712–1783). По линии отца Муса батыр приходится внуком знаменитого батыра Шакшак Жанибека (*Бекмаханов, 1957: 110*), (*Казахстан, 2019: 594*). Не без участия Мусы батыра был совершен ряд набегов и угонов конных гуртов у соседних казахских родов. В частности, в 1828 году были угнаны лошади у султана Чингиза Валиханова, которому пришлось обращаться в Оренбургскую пограничную комиссию (*ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4757. Л. 2-12*).

Третий адресат письма из Оренбурга – Байсал Аتكельтиров. Его личность установлена исследователем С. Нуртайулы. Происходил из рода керей Среднего казахского жуза и был старшиной Керейской волости. Эти сведения вошли в Энциклопедию истории Казахстана (*Казахстан...*, 2019: 824). Выявленные данные по идентификации окружения Марала ишана указывают на его миролюбивые взаимоотношения с представителями и Среднего, и Младшего казахских жузов. Он находил общий язык с единомышленниками родов алимулы, аргын, керей, кыпшак и не выделял особо ни одно подразделение. На равных он общался и с потомственными чингизидами, и с «черной костью» казахов. Так, Марал ишан входил в состав ханского совета при султানে Среднего казахского жуза Кенесары, и по велению султана спорные дела решались по мусульманскому праву, шариаату (*Казахстан...*, 2019: 824).

Классик казахской литературы, собиратель исторических фактов, знаток тюркской этнографии Сабит Муканов в своем романе «Аккан жұлдыз» («Промелькнувший метеор») неоднократно упоминает события начала тридцатых годов XIX века, происходившие близ местности Аманкарагай, где у озера Аулиеколь располагался Марал ишан, к которому затем присоединились отряды султана Кенесары. Писатель утверждал, опираясь на местных старожилов, что озеро получило название в честь духовного служителя ишана, обладавшего даром целительства (*Муканов, 1970: 33, 58*). Вспоминая свое детство, Сабит Муканов в другом романе пишет о своем отце, который чтит Марал ишана как родственника и однажды (приблизительно в 1916 году) отправился в местность Кармакшы на берегу Сырдарьи. Там его уважительно встретил внук ишана, Тобагабыл аулие, сын Калкай ишана (*Муканов, 2022: 19-20*). Эти сведения подтверждают тот факт, что и сын, и внук Марал ишана продолжили его путь суфия.

Контакты ишана с султаном Кенесары доказываются тем, что в мае 1841 года Марал Курманов был приглашен на ас (поминки) памяти отца султана, Касыма-торе. Кроме ишана, на поминки прибыли уважаемые в Степи султаны-чингизиды Сарман бий, Саукын бий, батыр Байкадам, батыр Мендыбай и султан Балагап из Коканда (*Казахстан, 2020: 824*). Любопытно, что история русско-казахских отношений в двадцатые годы XIX века содержит факты схожей переписки с генерал-лейтенантом, Оренбургским военным губернатором П.К. Эссенем, чингизида-султана Каратая Нуралиева из Младшего казахского жуза. Так, в письме от 25 декабря 1820 года султан Нуралиев почтительно пишет Эссену: «...расположился я кочевием своим при Сасыккуле и Каракуме, да к тому же намерен всегда кочевать при линии и повиноваться предписаниям пограничного начальства» (*ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1558. Л. 62*). Характерно, что в обращении к пограничным властям султан Каратай Нуралиев, как и Марал Курманов, ратует за то, что в крае необходимо «...восстановить тишину и спокойствие» (*ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1558. Л. 62об.*). Губернатор Эссен в своих встречных письмах апеллировал к султанам, настаивая на том, чтобы местные управители «... всегда сохраняли верность и долг к Высокомонаршему Российскому престолу» и обеспечивали безопасность караванов (Из письма Эссена султану Каратаю Нуралиеву от 24 мая 1819 года, *ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1558. Л. 66-67*).

После 1821 года о Марал ишане пограничные власти информацией располагали в меньшей степени. Причинами могли быть следующие факторы: его откочевка в южном направлении либо ранение и болезнь. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» в 1839 году в заметке И. Казанцева об

этом сообщается следующее: «...один из подобных предсказателей, по имени Морал, около 1820 года, вошел в такую славу, что решился выдавать себя за Пророка и был им признаваем от Киргизов, но излишняя самонадеянность погубила его. Он убедил киргизов сделать нападение на отряд, бывший в то время в степи, под начальством инженерного офицера, для топографических съемок, обещая, что находящуюся при отряде пушку обратит в глиняную, не способную к действию. Киргизы послушали колдуна, но нападение их было неудачно... С того времени о колдуне Морале не было никаких известий» (Казанцев, 1839).

По содержанию архивных источников (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 84. Л. 16) прослеживается связь между действиями Марала Курманова и султана Среднего казахского жуза Касыма, что также не было ранее освещено в историографии. Изучение архивных материалов показало, что в 30-40-е годы XIX века Степь в восточной части Младшего казахского жуза сотрясали нападения на торговые караваны, двигавшиеся в Оренбург и из него в среднеазиатские владения, а также имели место факты пленения казахов и взаимные набеги одних казахских родов на соседние. К примеру, кыпчакские роды нападали на джагалбайлинцев (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4784), аргынские казахи страдали от барымты (угона скота) со стороны алимулинцев (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Кн. 2. Д. 4757, 4758 и др.). К урегулированию споров между казахами Средней и Западной частей привлекались как чиновники пограничных комиссий, так и местные духовные служители (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4804). Эти и другие источники косвенно свидетельствуют о возросшем уровне нападений на купеческие караваны (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4798), о взаимных кражах скота и мелких уголовных деяниях. Последствия выразились в земельном кризисе, в ликвидации сильной ханской власти и в частичном сужении функций суда биев, при которых такие проступки строго наказывались.

Любопытно провести сравнение тех дипломатических мер, которые принимала казахская элита Младшего и Среднего жузов. Как следует из текстов архивных документов, осенью 1840 года султан направил на Сибирскую линию делегацию с письмом на имя Кириллова. В официальной переписке с Оренбургом генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков так и пишет: «...о присылке Кенесарю на Сибирскую линию посла» (ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д. 4683. Л. 4). Под послом Кириллов имел в виду бия казахской Козгановской волости Асата Атымбекова, прибывшего 1 октября 1840 года к Ишимской линии, которой командовал на тот момент майор Гайюс (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4683. Л. 4-40б.).

Исследователь Д. Аяшинов приводит отрывок из письма Кенесары, которое привез А. Атымбеков на Ишимскую линию. В нем сказано: «Отправив к услугам Вашим казака Лобанова и Асата Атымбекова послами, мы покорнейше просим: будьте благосклонны, милостивейше позволите отпустить захваченных неприятельски в военное время молодцов: Чубана и Чормана, султанов Кульджана, Кочека и Нурхана, жену киргиза Байтоса Айсару с детьми и всех содержащихся в диванах (приказах) людей, за освобождение коих каких бы услуг ни требовали, мы все исполним» (Аяшинов, 2013). Как выяснилось, глава посольства от Кенесары на Ишимскую линию, бий Асан Атымбеков, был лично заинтересован в том, чтобы российские власти вернули плененного акмолинским отрядом его сына Шормана и племянника Шабана. Таким образом, первая часть письма султана Кенесары об обмене пленными была инициирована бием Атымбековым. В казахском социуме бии имели авторитет и нередко входили в состав посольств, участвовали в переговорах с соседними государствами.

Если углубиться в намерения миссии Атымбекова 1840 года, одна из ее задач заключалась в реализации плана Кенесары по обмену пленными. Бий Атымбеков с собой на Ишимскую линию привез урядника 2-го Сибирского казачьего полка Лобанова, захваченного казахами в 1838 году (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4683. Л. 4). В переписке пограничных служб отмечается, что члены посольства, в том числе и Лобанов, были опрятно одеты. Это должно было показать, что условия содержания пленников в отрядах Кенесары сносные. Следующая задача миссии касалась территориальных спорных вопросов. Так, султан Касымов выдвинул требование о «... возвращении разновременно захваченных русскими отрядами, киргиз и уступки в их (казахов Среднего жуза) ведение рек: Ишима и Нуры, гор Улутуа и Кичитау и трех речен Кенгиров, с угрозой в противном случае удалиться в Хиву» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4683. Л. 40б.). Эти просьбы Горчаковым были отвергнуты как исходящие от мятежного султана, доставлявшего много беспокойств на линии. Губернатор, который отличался воинственным нравом и имел до назначения в Сибирь опыт военных действий на Кавказе и в Крыму, не был склонен к переговорам, и даже тот факт, что пленный казак Лобанов был доставлен в целостности и здравии, не смог смягчить гнев Горчакова (Аубакирова, 2020: 457).

Прошениям казахов Среднего жуза, выраженным в письмах Кенесары осенью 1840 года, не был дан ход. Шаткий мир, который был достигнут в 1840–1841 гг. на Ишимской линии, оказался недолгим. Кенесары сдержал обещание и двинул свои отряды на юг. Неслучайно им был использован в качестве аргумента маршрут в пределы Хивинского ханства. Султан был, по-видимому, осведомлен о неудаче Хивинского похода 1839–1840 гг., который был предпринят Россией на фоне обостряющегося соперничества с Англией в Средней Азии (Иванов, 1873: 119, 134). К нему потянулись сочувствовавшие замыслам султана бии, ишаны, батыры. Помимо этих категорий, казахи почитали «аулие» – лиц со способностями к костоправству и знахарству, обладавших знаниями о лекарственных растениях и проч. (Иванов, 1873: 7-8). Современником Марала ишана был Сейбембет (или Сейпенбет), также получивший духовное образование в медресе городов Хива и Бухара и

посетивший Каир, Багдад и Герат. Сейпенбет был потомственным служителем ислама, его отец был муллой в усыпальнице Ходжа Ахмета Яссауи в Туркестане. Изучив труды Ибн Сины (Авиценны) по медицине, он применял их на практике для лечения сородичей. Имена других казахских аулие и ишанов сохранились благодаря переписи 1899 года. Среди прочих в ней указаны Касым ходжа, Калкай ишан ([Қазақстан..., 2020: 192, 368](#)).

Казахские родословные, собранные краеведами, сохранили имена батыров и биев Среднего жуза, входивших в окружение султана Кенесары и Марала ишана. Это Шакшак би Кошекулы (1740–1837) из рода Кошебе Ашамайлы Керей ([Северо..., 2004: 586](#)) и Тленши би Токбайулы (1746–1844), окончивший медресе в Самарканде ([Северо..., 2004: 538](#)). В молодости они были причислены к рангу батыров как защитники казахских земель от набегов джунгар и калмыков. В зрелом возрасте они были признаны биями, придерживались, как и Марал ишан, основ суфизма ([Жұмабаев, 2009: 145-153](#)). Пограничным службам они были известны из рапортов казаков, устных сообщений казахских влиятельных лиц, склонных к сотрудничеству.

5. Заключение

Таким образом, вновь выявленные в архивных фондах источники позволяют более аргументированно характеризовать ситуацию вокруг взаимоотношений оренбургских казахов восточной части с пограничными службами. В двадцатые годы XIX века зафиксированы факты письменных обращений казахских султанов, батыров, биев Среднего жуза в адрес Оренбургского и Западно-Сибирского губернаторов. Между тем среди подписавших аналогичные письма от имени оренбургских казахов восточной части был мусульманский священнослужитель, ишан, что необычно само по себе. Вокруг письменной просьбы Марала ишана Курманова (начать переговоры между казахской и российской сторонами) развернулась оживленная дискуссия. Как выяснилось, личность ишана стала предметом переписки между министром иностранных дел К. Нессельроде и сибирским генерал-губернатором М. Сперанским, а не только П. Эссена и П. Капцевича, как считалось ранее. Обнаружение официальной переписки российских ведомств вокруг фигуры Марала ишана позволяет сопоставить данные современников. Любопытны рассуждения чиновника оренбургской канцелярии Ильи Казанцева. Последний в меньшей степени был знаком с официальными документами и составил портрет ишана из устных сообщений очевидцев. В отображении Казанцева преобладают домыслы и критическое отношение к личности ишана, тогда как официальная переписка МИД с пограничной администрацией содержит факты о том, что Марал Курманов лечил страждущих и тем самым обрел заслуженный авторитет.

Во взаимоотношениях с российской стороной казахские султаны, бии и духовные служители, как Марал ишан, использовали метод переговоров. Точнее, ими направлялись письменные обращения, ходатайства о возврате плененных сородичей, составлении договоренностей относительно территории кочевков и др. Этот значимый аспект двусторонних сношений несколько выпал из историографии XX века в угоду официальной идеологии. Марал Курманов (1780 – прилб. 1853 г.), ишан из рода керей, подрода ашамайлы-аксары, приобрел популярность своей целительской практикой, служением и подвижничеством. В некотором роде он стал посредником во взаимоотношениях оренбургских казахов восточной части с пограничными имперскими властями. И Кенесары Касымов, и Марал ишан принимали дипломатические меры, когда через уважаемых султанов, биев и батыров к границе отправлялись специальные посольские миссии. Российская сторона принимала посланников, письма внимательно изучались, а далее переводы писем либо перенаправлялись в Санкт-Петербург, либо поставленные в них вопросы решались на месте. Были и прецеденты, когда содержание письменных обращений от Кенесары игнорировалось, и хода им не давалось. Напротив, участников посольств направляли в те казахские волости, которые откочевали от пограничной межи, чтобы они своим авторитетом уговорили сородичей вернуться и помогли поймать К. Касымова.

Среди казахской элиты первой половины XIX века биография и служение Марала Курманова, который, выбрав путь суфия, остался верен данной миссии, представляет интерес. Невзирая на внутреннее и внешнее, порой недоброжелательное, отношение, он пропагандировал достаточно прогрессивные реформы в Степи. Обращаясь к соплеменникам, именно Марал ишан призывал их опираться на собственные силы и приобретать новые навыки в ремесле и земледелии. Дореволюционные «библиографы» из определенных побуждений рисовали образ «лжепророка» из его назиданий, тогда как советские историографы однозначно занесли его в ряды «мистиков» и сторонников вооруженного сопротивления, газавата.

Обнаруженные факты свидетельствуют в пользу миролюбивой практики взаимоотношений Марала Курманова с имперскими службами. Данный подход сыграл свою роль в нормализации двусторонних отношений на определенный период. Его активная политическая и дипломатическая деятельность в первой четверти XIX века приходилась на степные области. География маршрутов ишана охватывала районы казахских кочевий, граничивших с крепостями Оренбург, Петропавловск, Омск и др. Более поздний отрезок жизни Марал ишана пришелся на Кармакшинский район Сырдарьинской области.

Окружение Марала Курманова дублицировало его жизненные установки. Так, сын Калкай и внуки Марал ишана Тобагабыл, Абдрахман и Мамырбай также достигли ранга ишанов. В гносеологическом плане фиксируется факт формирования казахской династии суфиев, основателем которой был ишан Марал Курманов. Его влияние испытали сын Калкай и внуки. Калкай хранил рукописи исторических эпосов, в которых героями предстают батыры Ер Косай и Камбар. Вряд ли «мистики» и «лжепророки» могли бы интересоваться реальным прошлым народа и историей крупных сражений. То были личности, на наш взгляд, совмещавшие духовные практики с реалиями повседневности, владевшие методами целительства и оказавшие значительное влияние на самоидентификацию казахов оренбургского ведения в исследуемый период.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта ИРН: BR24993057.

Литература

- Абиль, 2012** – *Абиль Е.* Суфизм в национально-освободительном движении казахов второй четверти XIX века // *Materiály VIII mezinárodní vědecko - praktická konference «Dny vědy - 2012»*. Díl 55. Historie: Praha. Publishing House «Education and Science». 112 p. Pp. 16-20. [in Czech]
- Айкап, 1912** – *Айкап.* Январь – Май 1912 года.
- Аубакирова, 2020** – *Аубакирова Х.А.* Кенесары Касымов и Генерал-губернатор Западной Сибири Петр Горчаков // *Вестник КазНПУ им. Абая.* 2020. Том 4 № 67. С. 453-458.
- Аяшинов, 2012** – *Аяшинов Д.* Асат бий Атымбек улы (1775-1842). 17 апреля 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://yvision.kz/post/asat-biy-atymbek-uly-1775-1842-348172>
- Бекмаханов, 1957** – *Бекмаханов Е.* Присоединение Казахстана к России. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 337 с.
- Валиханов, 1904** – *Валиханов Ч.Ч.* О мусульманстве в степи. *Сочинения Ч. Ч. Валиханова.* Под ред. Н.И. Веселовского // *Записки Российского Географического общества. Отделение этнографии.* Т. XXIX. СПб., 1904. С. 194-201.
- Вамбери, 1884** – *Вамбери А.* Введение к соч. Вамбери «Первобытная культура тюрко-татарских народов. Омск, 1884. 49 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Гейер, 1891** – *Гейер И.И.* Ишаны. Материалы к изучению бытовых черт мусульманского населения Туркестанского края / *Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области.* Т. 1. Ташкент: Издание Сыр-Дарьинского Областного Статистического Комитета, С. И. Лахтин, 1891. 108 с. С. 62-82.
- Добросмыслов, 1901** – *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторические очерки // *Известия Оренбургского отдела Императорского русского географического общества.* Вып. № 16. Оренбург, 1901. С. 125-272.
- Жумадилдаев, Алпысбес, 2019** – *Жумадилдаев М.М., Алпысбес М.А.* Марал ишан туралы тарихи деректер // *Вестник ЕНУ имени Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение.* 2019. №2 (127). С. 27-33.24.
- Жұмабаев, 2009** – *Жұмабаев С.* Біржанның белгісіз ғұмыры. Нұралы шежіресі. Редакторы Қайролла Мұқанов, Қаратай Биғожин, Таңат Сүгірбаев. Петропавл, 2009. 212 с.
- Зиманов, 1960** – *Зиманов С.З.* Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX вв. Алма-Ата, 1960. 293 с.
- Иванов, 1873** – *Иванов Н.П.* Хивинская экспедиция 1839-40 гг.: Очерки и воспоминания очевидца. СПб., 1873. 212 с.
- Ислам..., 1999** – Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. М.: Восточная литература, 1999. 166 с.
- Ислам..., 2001** – Ислам на территории бывшей Российской империи. Вып. 3. Энциклопедический словарь. Ред. С. М. Прозоров. Москва: Восточная литература, 2001. 181 с.
- Казанцев, 1839** – *Казанцев И.* Об Оренбургских или Зауральских Киргизах Восточной части и о Киргизской Баранте // *Санкт-Петербургские ведомости.* 1839. Апреля 14. № 80. С. 352-354.
- Казанцев, 1867** – *Казанцев И.М.* Описание Киргиз-Кайсак. Санкт-Петербург, 1867. VIII, 231 с.
- Крафт, 1900** – *Крафт И.И.* Из киргизской старины. Оренбург, 1900. С. 88-90.
- Күзембайұлы, 2011** – *Күзембайұлы А.* Марал ишан Құрманұлы // *Ашамайлы-керей Танаиш баба шежіресі.* Қостанай: Центрум, 2011. С. 180-184.
- Қазақстан..., 2019** – Қазақстан тарихы. Энциклопедия. Том 2. Сост. С. Рустемов. Алматы: Литера – М, 2019. 861 с.
- Қазақстан..., 2020** – Қазақстан тарихы. Энциклопедия. 3 том. Алматы: Литера – М, 2020. 824 с.
- Құмар, 2011** – *Құмар Н.* Ер Қосай // *Ана тілі.* 15 июня 2011 г.
- Маллицкий, 1898** – *Маллицкий Н.* Ишаны и суфизм / *Материалы по Мусульманству.* Вып. III. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского Военного Округа, 1898. С. 2-9.

- Материалы..., 1898 – Материалы по мусульманству. Вып. I. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского Военного Округа, 1898. 96 с.
- Мұқанов, 1970 – Мұқанов С.М. Аққан жұлдыз. I кітап. Алма-Ата: Жазушы, 1970. 489 с.
- Муканов, 1974 – Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Наука, 1974. 200 с.
- Мұқанов, 2022 – Мұқанов С. Мәдiр махаббат. Астана: Фолиант, 2022, 576 с.
- Нұртайұлы, 2004 – Нұртайұлы С. Ислам және Марал баба. Алматы: Шарғарап, 2004. 112 с.
- Полевые..., 2001–2024 – Полевые материалы, собранные в ходе устных бесед с краеведами и потомками Марал ишана. Петропавловск – Алматы, 2001–2024.
- Потанин, 1918 – Потанин Г.Н. Казах-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // Живая старина. 1918. Выпуск II–III. С. 47–198.
- Потанин, 1909 – Потанин Н.И. Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия по описанию хорунжего Н. И. Потанина. Омск, 1909. 258 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Руновский, 1863 – Руновский А.И. Муризм и газават по объяснению Шамиля. Тифлис: тип. Глав. управ. наместника Кавказского, 1863. 70 с.
- Сартори, Шаблей, 2020 – Сартори П., Шаблей П.: Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. Москва: Новое литературное обозрение. 2020. 280 с.
- Северо..., 2004 – Северо-Казахстанская область. Энциклопедия. Алматы: Арыс, 2004. 672 с.
- Сүгірбаев, 2010 – Сүгірбаев Т.А. Қызылжар өңірінің зиялы қауымы. Ред. Қ. Мұқанов, С.Жұмабаев, др. Петропавл, 2010. 384 с.
- Толыбеков, 1992 – Толыбеков С. Қазақ шежіресі. Алма-Ата: Қазақстан, 1992. 144 с.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Becker, 1994 – Becker S. The Russian conquest of Central Asia and Kazakhstan: motives, methods, consequences. In: Hafeez Malik, ed. Central Asia: Its Strategic Importance and Future Prospects. New York, 1994. Pp. 21-38.
- Becker, 2004 – Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865-1924. Routledge; 2nd edition, 2004. 370 p.
- Brower, 1997 – Brower D. Islam and Ethnicity: Russia colonial policy in Turkestan, in: Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini (eds.) Russia Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917. Bloomington, 1997. Pp. 115-135.
- Frank, Usmanov, 2004 – Frank A., Usmanov M. An Islamic Biographical Dictionary Of The Eastern Kazakh Steppe 1770-1912 ((English and Arabic Edition). Brill Academic Pub, 2004. 179 p.
- Kabuldinov et al., 2022 – Kabuldinov Z.Ye., Abil Y.A., Kuzembayuly A. The Role of the Kazakhs in the History of the Siberian Khanate: Russian Pre-Revolutionary Historiography // Bylye Gody. 2022. 17(1): 57-66. DOI: 10.13187/bg.2022.1.57
- Morgan, 1981 – Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810-1895. London, 1981.
- Muminov, 2018 – Muminov A. Sufi groups in contemporary Kazakhstan: Competition and connections with Kazakh Islamic society. In: Sufism in Central Asia. New Perspectives on Sufi Traditions, 15th-21st centuries. Brill, 2018. Pp. 284-298.

References

- Abil', 2012 – Abil', E. (2012). Sufizm v natsional'no-osvoboditel'nom dvizhenii kazakhov vtoroi chetverti XIX veka [Sufism in the national liberation movement of the Kazakhs of the second quarter of the XIX century]. Materiály VIII mezinárodní vědecko - praktická konference «Dny vědy - 2012». Díl 55. Historie: Praha. 112 p. Pp. 16-20. [in Czech]
- Aikap, 1912 – Aikap. 1912. January – May, 1912. [in Kazakh]
- Ayashinov, 2013 – Ayashinov, D. (2013). Asat bii Atymbek uly (1775-1842) [Asad bey Altynbek uly (1775-1842)]. April 17, 2013. [Electronic resource]. URL: <https://yvision.kz/post/asat-biy-atymbek-uly-1775-1842-348172> [in Kazakh]
- Aubakirova, 2020 – Aubakirova, Kh.A. (2020). Kenesary Kasymov i General-gubernator Zapadnoi Sibiri Petr Gorchakov [Kenesary Kasymov and Governor-General of Western Siberia Pyotr Gorchakov]. Vestnik KazNPU im. Abaya. 4(67): 453-458. [in Russian]
- Becker, 1994 – Becker, S. (1994). The Russian conquest of Central Asia and Kazakhstan: motives, methods, consequences. In: Hafeez Malik, ed. Central Asia: Its Strategic Importance and Future Prospects. New York. Pp. 21-38.
- Becker, 2004 – Becker, S. (2004). Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865-1924. Routledge; 2nd edition, 370 p.
- Bekmakhanov, 1957 – Bekmakhanov, E. (1957). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii [The accession of Kazakhstan to Russia]. М., 337 p. [in Russian]
- Brower, 1997 – Brower, D. (1997). Islam and Ethnicity: Russia colonial policy in Turkestan, in: Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini (eds.) Russia Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917. Bloomington. Pp. 115-135.

- Dobrosyslov, 1901** – *Dobrosyslov, A.I.* (1901) Turgay region. Historical essays [Turgay region. Historical essays]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 16: 125-272. [in Russian]
- Frank, Usmanov, 2004** – *Frank, A, Usmanov, M.* (2004). An Islamic Biographical Dictionary Of The Eastern Kazakh Steppe 1770-1912. Brill Academic Pub, 2004. 179 p.
- GAOO** – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [The State Archive of the Orenburg region].
- Geyer, 1891** – *Geyer, I.I.* (1891). Ishany. Materials for the study of everyday features of the Muslim population of the Turkestan region [Ishan. Materials for the study of everyday features of the Muslim population of the Turkestan region]. *Sbornik materialov dlya statistiki Syr-Dar'inskoi oblasti*. T. 1. Tashkent: Izdanie Syr-Dar'inskogo Oblastnogo Statisticheskogo Komiteta, S. I. Lakhtin, 1891. 108 p. Pp. 62-82. [in Russian]
- Ivanov, 1873** – *Ivanov, N.P.* (1873). Khivinskaya ekspeditsiya 1839-1840 gg.: Ocherki i vospominaniya ochevidtza [The Khiva expedition of 1839-1840: Essays and memoirs of an eyewitness]. SPb., 207 p. [in Russian]
- Islam..., 1999** – Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii. Entsiklopedicheskii slovar' [Islam in the territory of the former Russian Empire. The Encyclopedic Dictionary]. Entsiklopedicheskii slovar'. Vyp. 2. M.: Vostochnaya literatura, 1999. 166 p. [in Russian]
- Islam..., 2001** – Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii. Entsiklopedicheskii slovar' [Islam in the territory of the former Russian Empire. The Encyclopedic Dictionary]. Vyp. 3. Entsiklopedicheskii slovar'. Red. S. M. Prozorov. Moskva: Vostochnaya literatura, 2001. 181 p. [in Russian]
- Kabul'dinov et al., 2022** – *Kabul'dinov, Z.Ye., Abil, Y.A., Kuzembayuly, A.* (2022). The Role of the Kazakhs in the History of the Siberian Khanate: Russian Pre-Revolutionary Historiography. *Bylye Gody*. 17(1): 57-66. DOI: 10.13187/bg.2022.1.57
- Kazakhstan..., 2019** – Kazakhstan tarikhyy. Entsiklopediya [History of Kazakhstan. Encyclopedia]. Vol. 2. Comp. S. Rustemov. Almaty, 2019. 861 p. [in Kazakh]
- Kazakhstan..., 2020** – Kazakhstan tarikhyy. Entsiklopediya [History of Kazakhstan. Encyclopedia]. Vol. 3. Comp. S. Rustemov. Almaty, 2020. 824 p. [in Kazakh]
- Kazantsev, 1839** – *Kazantsev, I.* (1839). Ob Orenburgskikh ili Zaural'skikh Kirgizakh Vostochnoi chasti i o Kirgizskoi Barante [About the Orenburg or Trans-Ural Kyrgyz of the Eastern part and about the Kyrgyz custom of stealing horses]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. April 14. 80: 352-354. [in Russian]
- Kazantsev, 1867** – *Kazantsev, I.M.* (1867). Opisanie Kirgiz-Kaisak [Description of Kirghiz-Kaysak]. Sankt-Peterburg, VIII, 231 p. [in Russian]
- Kyzembaiyly, 2011** – *Kyzembaiyly, A.* (2011) Maral ishan Kyrmanly. Ashamaily-kerei Tanash baba shezhiresi [Maral ishan Kurmanov. Ashamaily-Kerey Tanash Baba genealogy. Kostanay. Pp. 180-184. [in Kazakh]
- Kymar, 2011** – *Kymar, N.* (2011). Er Kosai [Batyr Kosai]. *Native language*. June 15, 2011. [in Kazakh]
- Kraft, 1900** – *Kraft, I.I.* (1900). Iz kirgizskoi stariny [From the Kyrgyz antiquity]. Orenburg. Pp. 88-90. [in Russian]
- Mallitskii, 1898** – *Mallitskii, N.* (1898). Ishany i sufizm [Ishans and Sufism]. *Materialy po Musul'manstvu*. Vypusk III. Tashkent: Tipografiya Shtaba Turkestanskogo Voennogo Okruga. Pp. 2-9. [in Russian]
- Materialy..., 1989** – Materialy po musul'manstvu [Materials on Islam]. Vyp I. Tashkent: Tipografiya Shtaba Turkestanskogo Voennogo Okruga, 1898. 96 p. [in Russian]
- Morgan, 1981** – *Morgan, G.* (1981). Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810-1895. London.
- Mykanov, 1970** – *Mykanov, S.M.* (1970). Akkan zhyl'dyz. Roman [Flowing star]. Novel. Book I. Alma-Ata, 489 p. [in Kazakh]
- Mukanov, 1974** – *Mukanov, M.S.* (1974). Etnicheskii sostav i rasselenie kazakhov Srednego zhuza [The ethnic composition and settlement of the Kazakhs of the Middle Zhuz]. Alma-Ata, 200 p. [in Russian]
- Mykanov, 2022** – *Mykanov, S.* (2022). Moldir makhabbat [Transparent love]. Astana, 576 p. [in Kazakh]
- Muminov, 2018** – *Muminov, A.* (2018). Sufi groups in contemporary Kazakhstan: Competition and connections with Kazakh Islamic society. In: Sufism in Central Asia. New Perspectives on Sufi Traditions, 15th-21st centuries. Brill. Pp. 284-298.
- Nyrtaiyly, 2004** – *Nyrtaiyly, S.* (2004). Islam zhəne Maral baba [Islam and Maral Baba]. Almaty, 112 p. [in Kazakh]
- Polevye..., 2001–2024** – Polevye materialy, sobrannyye v khode besed s kraevedami, potomkami Maral ishana [Field materials collected during conversations with the local historians and descendants of Maral Ishan]. Petropavlovsk – Almaty. 2001–2024. (in Kazakh)
- Potanin, 1918** – *Potanin, G.N.* (1918). Kazakh-kirgizskie i altaiskie predaniya, legendy i skazki [Kazakh-Kyrgyz and Altai legends, legends and fairy tales]. *Zhivaya starina*. II–III: 47-198. [in Russian]
- Potanin, 1909** – *Potanin, N.I.* (1909). Kirgizskie stepi i Kokandskoe khanstvo v nachale XIX stoletiya po opisaniyu khorunzhego N. I. Potanina [The Kyrgyz steppes and the Kokand Khanate at the beginning of the XIX century according to the description of the cornet N. I. Potanin]. Omsk. Pp. 191-258. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

- Runovskii, 1863** – *Runovskii, A.I.* (1863). Muridizm i gazavat po ob'yasneniyu Shamilya [Muridism and Ghazavat according to Shamil's explanation]. Tiflis, 70 p. [in Russian]
- Sartori, Shablei, 2020** – *Sartori, P., Shablei, P.* (2020). Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v Kazakhskoi stepi [Empire Experiments: Adat, Sharia and Knowledge Production in the Kazakh Steppe]. Moskva, 280 p. [in Russian]
- Severo..., 2004** – Severo-Kazakhstanskaya oblast'. Entsiklopediya [North Kazakhstan region. Encyclopedia]. Almaty, 2004. 672 p. (in Russian)
- Sygirbaev, 2010** – *Sygirbaev, T.A.* (2010). Kyzylzhar өңірінің зиялы қауымы [The intelligentsia of the Kyzylzhar region]. Editor: K. Mukanov, S. Zhumabayev. Petropavl, 384 p. [in Kazakh]
- Tolybekov, 1992** – *Tolybekov, S.* (1992). Kazak shezhiresi [Kazakh Chronicle]. Alma-Ata, 144 p. [in Kazakh]
- TGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Valikhanov, 1904** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1904). O musul'manstve v stepi. Sochineniya Ch.Ch. Valikhanova [On Islam in the Steppe. Works of Ch. Ch. Valikhanov. Ed. by N. I. Veselovsky]. Zapiski Rossiiskogo Geograficheskogo obshchestva. Otdelenie etnografii. T. XXIX. SPb. Pp. 194-201. [in Russian]
- Vamberi, 1884** – *Vamberi, A.* (1884). Vvedenie k sochineniyu Vamberi «Pervobytnaya kul'tura tyurko-tatarskikh narodov» [Introduction to Opus Vamberi "The primitive culture of the Turkic-Tatar peoples"]. Omsk, 49 p. [in Russian]
- Zhymabaev, 2009** – *Zhymabaev, S.* (2009). Birzhannyn belgisiz gymyry. Nyraly shezhiresi [The unknown life of Birzhan. The Chronicle of Nuraly]. Editor: Kairolla Mukanov, Karatai Bigozhin, Tanat Sugirbayev. Petropavl, 212 p. [in Kazakh]
- Zhumadildaev, Alpysbes, 2019** – *Zhumadildaev, M.M., Alpysbes, M.A.* (2019). Maral ishan turaly tarikhii derekter [Historical facts about Maral Ishan]. *Vestnik ENU imeni L. N. Gumileva. Seriya: Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie.* 2(127): 27-33. [in Russian]
- Zimanov, 1960** – *Zimanov, S.Z.* (1960). The political system of Kazakhstan at the end of the XVIII and the first half of the XIX centuries [The political system of Kazakhstan at the end of the XVIII and the first half of the XIX centuries]. Alma-Ata. 293 p. [in Russian]

Оренбургские казахи Восточной части и имперские службы: специфика казахско-русских контактов в первой половине XIX века

Гюльнар Кайроллиновна Муканова ^{a, *}, Самат Жуматай ^b, Куралай Куандыковна Сарсембина ^a, Сатай Максутович Сыздыков ^b

^a Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. История российско-казахских отношений первой половины XIX века слабо изучена. Так, «белыми пятнами» историографии темы остаются персоналии казахских общественных деятелей и их участие в переговорных процессах с приграничными имперскими службами. Не только ханы, султаны и батыры, но и представители духовенства, как оказалось, были вовлечены в политические процессы в приграничных регионах. В XX столетии данные категории кочевого социума были отнесены к «враждебному классу» и вовсе изъяты из научного оборота. С новых методологических позиций имеет смысл изучить суть социального протеста среди оренбургских казахов восточной части, в которых Марал ишан Курманов, безусловно, играл роль духовного лидера. На основе научных методов (анализа и синтеза, компаративистики, принципов историзма и верификации источников) выявлены, систематизированы и изучены материалы из центральных исторических архивов России и Казахстана, периодические издания и книги XIX века. Переписка между пограничной администрацией и М. Курмановым раскрывает малоизвестные аспекты пограничных контактов. В статье предпринята попытка сравнить тактику степных лидеров, которые нередко использовали дипломатию как мирный способ решения проблемных вопросов. Критически изучены материалы дореволюционной печати. Выявлены факты миграции вместе с М. Курмановым казахских родов в южном и юго-восточном направлениях как следствие земельного кризиса и ряда нерешенных вопросов.

Ключевые слова: история, Российская империя, степь, казахско-русские отношения, социальный протест, духовные лидеры, целители, миграция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Gulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова), kopeev95@mail.ru (С. Жуматай)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 103-109
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.103

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Tambov Men's Gymnasium (1825–1918): an Essay to the 200th Anniversary of Its Establishment

Irina Yu. Cherkasova ^{a, b, *}, Larisa A. Koroleva ^c, Valentina S. Nikitina ^d

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^d Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

This work, which is dedicated to the 200th anniversary of its foundation, explores some historical aspects of the gymnasium in Tambov. The materials were historical sources, in particular, Commemorative books of the Tambov province and historiography on the development of the education system in the region. The research methods were the historiographical method, the classification method and the synthesis method.

Tambov Men's Gymnasium is one of the most remarkable institutions in the history of the Tambov region (province). It existed from 1825 to 1918. The gymnasium, as well as the Noble Boarding School at it, usually accepted the children of nobles, officials, honorary citizens, merchants, as well as burghers who completed their course at the county school. The gymnasium was considered one of the best in the Russian Empire.

For a long time, the gymnasium remained the only one in the region, and the problem with the large student body was very urgent. She was also not without managerial shortcomings, as the publicist and writer S. eloquently wrote. Atava (S.N. Terpigorev). The gymnasium was closed in 1918 under the socialist government, which categorically rejected the division of education based on gender.

Russian Russian cosmology graduates were very famous people, in particular, composer and conductor N.D. Dmitriev, founder of Russian cosmism N.F. Fedorov, founder of the Russian indological school I.P. Minaev, physician, pharmacologist and balneologist V.S. Bogoslovsky, Minister of National Education N.K. Kulchitsky, philosopher A.I. Vvedensky, and others.

Keywords: gymnasium, Tambov Gymnasium, Tambov men's Gymnasium, 1825–1918, secondary education, education in the Russian Empire.

1. Введение

Проблемы изучения знаковых мест, учреждений и зданий всегда привлекали ученых-историков. Одним из таких в масштабах г. Тамбова является Тамбовская мужская гимназия, старейшая из числа светских образовательная организация региона, которая долгое время была единственным гимназическим учреждением для мальчиков в губернии.

Данная статья посвящена 200-летию юбилею с года основания гимназии.

Материалы и методы

Материалы данного исследования представляется целесообразным разделить на две группы:

- Источники по истории Тамбовской мужской гимназии;
- Историография, в которой освещается история гимназии.

* Corresponding author

E-mail addresses: Cherkasovairina42@gmail.com (I.Yu. Cherkasova)

Из материалов первой группы мы использовали «Памятную книжку для Тамбовской губернии на 1861 год» – дореволюционное государственное периодическое издание (выходило практически ежегодно). В нем опубликована вся статистика по губернии от государственных сфер и соответствующих учреждений до частных предприятий. Вместе с тем «...статистические данные в указанном источнике по системе образования весьма фрагментарны, что обуславливает значительные трудности при анализе» (Rajović et al., 2023a: 811).

В контексте нашей работы большую ценность представляют мемуары С.Н. Терпигорева (Терпигорев, 1899), более известного в литературных кругах XIX века как Сергей Атава. Терпигорев учился в Тамбовской гимназии и жил при ее Пансионе, поэтому в 6 томе своих «Воспоминаний», вышедших уже после его смерти, он весьма подробно и колоритно описывает процесс учебы, быта, коммуникаций учащихся, психологическую обстановку в заведении и многое другое.

И, наконец, третьим источником послужил статистический сборник «Тамбовская губерния: список населенных мест по сведениям 1862 года» (Тамбовская губерния..., 1866), собранный и обработанный старшим редактором А. Артемьевым и изданный в Санкт-Петербурге. В ней также содержатся полезные статистические данные, включая и гимназические учреждения в губернии.

Что касается второй группы материалов, а именно историографии по исследуемому нами вопросу, то в нашей работе мы опирались на труды таких авторов, как Н.А. Русский (Русский, 2006), Н.Н. Кузьмин (Кузьмин, 1971), М.К. Акользина (Акользина, 2018; Акользина, 2019), Г. Райович, С.Н. Братановский, А.Е. Епифанов, С.А. Бурьянов (Rajović et al., 2023a; Rajović et al., 2023b), Е.В. Баранова, В.В. Баранова (Баранова, Баранова, 2015), В.В. Канищев, Н.Н. Будюкина (Канищев, Будюкина, 2013), А.Н. Акиншин (Акиншин, 2019) и др. (Мужская гимназия, 2025).

Работа опирается на группу исторических методов, среди которых необходимо назвать историко-хронологический метод, историографический метод и метод классификации.

Историко-хронологический метод применялся для создания цельной картины истории учебного заведения. В свою очередь, историографический метод был применен для анализа содержания источников, посвященных гимназии. И, наконец, метод классификации был применен для распределения по группам материалов исследования.

3. Обсуждение

Целесообразным представляется классифицировать историографию на две группы: а) исследования, которые освещают историю гимназии; б) комплексные труды, исследующие другой предмет, но в которых фрагментарно затрагивается и история анализируемого нами учреждения.

1. Работы, посвященные непосредственно Тамбовской мужской гимназии.

Количество их весьма невелико. Прежде всего, отметим статью Н.А. Русского «Тамбовская гимназия в воспоминаниях Сергея Атавы», который на основе мемуаров Терпигорева анализирует деятельность Тамбовской гимназии (Русский, 2006).

В сети Интернет на сайте «Путеводитель по городу Тамбову и Тамбовской области» имеется статья, посвященная мужской гимназии (Мужская гимназия, 2025).

2. Что касается комплексных трудов, в которых так или иначе затронута мужская гимназия в Тамбове, отметим следующие.

Н.Н. Кузьмин в монографии «Низшее и средне-специальное образование в дореволюционной России» (Кузьмин, 1971) исследует систему образования Российской империи и приводит некоторые фрагментарные источниковые данные и о тамбовской гимназии, как об одной из лучших в России и долгое время – единственной в губернии. В монографии И.И. Дубасова «Очерки истории Тамбовского края» также кратко освещается история гимназии (Дубасов, 1993).

Анализ системы гимназического образования осуществляет также в своих статьях и М.К. Акользина. Работы этого автора посвящены влиянию местного купечества на развитие системы образования в Тамбовской губернии в XIX веке (Акользина, 2018).

Г. Rajović и другие рассматривали развитие системы народного образования в Тамбовской губернии периода Российской империи в целом (Rajović et al., 2023a; Rajović et al., 2023b). Среди прочих учебных заведений также упоминается и тамбовская гимназия.

Также интерес представляют работы Д.В. Стрекалова, Н.В. Стрекаловой, в которых на основе архивных материалов исследуются особенности развития образования в Тамбове в XVIII – начале XX вв. (Стрекалова, 2013), а также место г. Тамбов в культурно-образовательной жизни губернии (Стрекалов, Стрекалова, 2012).

Е.В. Баранова и В.В. Баранова на архивных материалах г. Тамбова 1872–1912 годов исследуют формирование профессиональной группы преподавательской среды (Баранова, Баранова, 2015).

Некоторые фрагментарные данные содержатся в посвященной истории государственного университета в Тамбове статье В.В. Канищева и Н.Н. Будюкиной «Трудный старт. К истории Тамбовского государственного университета 1918–1921 гг.» (Канищев, Будюкина, 2013).

Административно Тамбовская гимназия входила в состав Харьковского учебного округа. В последние годы система народного образования на территории округа в дореволюционный период активно изучалась. Так, например, Г. Rajović и S.N. Bratanovskii рассматривали систему народного

образования на территории Харьковской губернии (Rajović, Bratanovskii, 2023; Rajović, Bratanovskii, 2024). А.А. Cherkasov и другие обращались к аналогичным процессам на территории Воронежской губернии (Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a). А.У. Peretyatko, Т.Е. Zulfugarzade рассматривали высшее и среднее образование на территории Войска Донского (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017; Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a). Наконец, к истории народного образования на территории Пензенской губернии обращались А.М. Mamadaliev и другие (Mamadaliev et al., 2022; Mamadaliev et al., 2022a; Mamadaliev et al., 2022b).

Имеются и труды, посвященные известным выпускникам гимназии. Одним из таких трудов является биографическая статья А.Н. Акинъшина, посвященная жизни и творческой деятельности философа Н.Ф. Федорова (Акинъшин, 2019).

Указанный историографический список считаем достаточным для решения задач нашей работы, хотя он и не является исчерпывающим по истории Тамбовской гимназии.

4. Результаты

Тамбовская мужская гимназия (Рисунок 1) просуществовала с 1825 по 1918 годы, причем ее здание сохранилось до сегодняшнего дня (Рисунок 2).

Ее основание также имеет некоторую предысторию. Глава Тамбовского наместничества Г.Р. Державин в 1786 году решил основать в Тамбове новое народное училище, сеть каковых открылась в России в период правления Екатерины II Великой и к которым так благоволила императрица, старавшаяся всячески улучшить грамотность населения.

Образовательная администрация региона на основе тамбовского училища в 1825 году основывает новую гимназию, первую в регионе. В те времена гимназическое светское образование было лишь прерогативой лиц мужского пола. Считалось, что для женщин незнатного происхождения даже начальное образование было излишним (см., например, Кузьмин, 1971).

Первым директором Тамбовской губернской мужской гимназии стал Н.А. Церетелев, начальник училищ Тамбовской губернии. В гимназию, как и в Благородный пансион при ней, обычно принимались дети дворян, чиновников, почетных граждан, купцов, а также мещан, окончивших курс в уездном училище (Памятная книжка..., 1961: 9).

Рис. 1. Тамбовская мужская гимназия (1825–1918 гг.).

Вместе с тем аудиторного фонда бывшего училища для решения гимназических задач не хватало. У одного из чиновников были два близко стоящих капитальных дома, построенных около ста лет назад, в них и разместили вновь созданную гимназию. В дальнейшем, а именно в 1866 году, оба здания соединили новым корпусом. Одна из главных улиц Тамбова в то время была названа Гимназической. Гимназия считалась одной из лучших в Российской империи (Мужская гимназия, 2025).

Опираясь на материалы Государственного архива Тамбовской области (ГАТО), Н.В. Стрекалова указывает: «...в 1856 г. в Тамбовской гимназии числилось 196 учащихся: 98 детей потомственных дворян, 66 личных дворян, 13 купцов, 2 почетных гражданина, 10 мещан и 7 разночинцев»

(Стрекалова, 2013: 12). Так как гимназия долгое время оставалась единственной в регионе, то проблема с многочисленностью ученического контингента была весьма насущной. К началу XX века число учащихся достигло 540 человек (Стрекалова, 2013: 13), а некоторые авторы говорят и о 600 учащихся (см., например, Русский, 2006).

С другой стороны, как указывают современные исследователи, система образования Тамбовской губернии развивалась весьма неравномерно, а среднее образование, к каковому относятся и гимназические учреждения, за несколько десятков лет практически не претерпело изменений (см., напр., Rajović et al., 2023a: 806). Вплоть до революции 1917 года других мужских гимназий в Тамбове не появилось (Rajović et al., 2023b: 1449), что может говорить и об отсутствии спроса населения на соответствующий уровень образования. Гимназия не была лишена недостатков, особенно в управлении. С. Атава указывал на многочисленные случаи казнокрадства и взяточничества (см., напр., Русский, 2006: 322).

Гимназия закрылась в 1918 году уже при социалистической власти, которая категорически отвергала разделение образования по гендерному принципу.

По закрытию учреждения некоторые учителя гимназии, в частности А.И. Абиндер, Ф.В. Лунсгергаузен и др., стали преподавателями образованного в этом же году Тамбовского государственного университета (Канищев, Будюкина, 2013: 12).

Несколько слов скажем о выдающихся выпускниках Тамбовской гимназии. Многие из них, несмотря на отдельные административные недостатки, творившиеся в заведении, с теплотой вспоминают о гимназии.

В частности, Н.А. Русский, ссылаясь на слова С. Атавы, указывает: «Пансион помещался на углу двух главных улиц Тамбова: Дворянской (ныне Интернациональной) и Большой Астраханской (ныне Советской) в красивом особняке с колоннами, хорами, стеклянными галереями, большим залом и столовой. Этот просторный барский дом – подарок дворянству от тогдашнего губернского предводителя С.М. Лиона. Воспитывались здесь дети окрестных помещиков, среди которых были и очень богатые, и весьма бедные – всего около сорока человек. Вместе с воспитанниками жили приехавшие с ними из имений «дядьки» – лакеи, которых зачисляли в служители пансиона» (Русский, 2006: 322). Также Атава с благодарностью вспоминает годы учебы: «...несмотря на безобразия, совершавшиеся иногда в нем, по духу своему, по отсутствию «мертвечины» в преподавании и в отношениях начальства к воспитанникам, он стоял неизмеримо выше многих образованных заведений подобного рода» (Терпигорев, 1899: 429-430).

Также выпускниками гимназии были известный композитор и дирижер Н.Д. Дмитриев (1829–1893), уже упомянутый философ и религиозный мыслитель, родоначальник русского космизма Н.Ф. Федоров (1829–1903), вице-президент Московского физико-медицинского общества Ф.Е. Гаар (1836–1875), основатель русской индологической школы И.П. Минаев (1840–1890), директор Фармакологического института при Московском университете, видный врач, фармаколог и бальнеолог с мировым именем В.С. Богословский (1841–1904), министр народного просвещения Российской империи Н.К. Кульчицкий (1856–1925), философ А.И. Введенский (1856–1825), ихтиолог М.П. Сомов (1880–1950) и др.

5. Заключение

Тамбовская мужская гимназия – одно из достопримечательных заведений в истории Тамбовской области (губернии). Просуществовала с 1825 по 1918 годы. Первым директором Тамбовской губернской мужской гимназии стал Н.А. Церетелев, начальник училищ Тамбовской губернии. В гимназию, как и в Благодородный пансион при ней, обычно принимали детей дворян, чиновников, почетных граждан, купцов, а также мещан, окончивших курс в уездном училище. Гимназия считалась одной из лучших в Российской империи.

Гимназия долгое время оставалась единственной в регионе, и проблема с многочисленностью ученического контингента была весьма насущной. Не была лишена и управленческих недостатков, о чем весьма красноречиво писал публицист и литератор С. Атава (С.Н. Терпигорев). Гимназия закрылась в 1918 году уже при социалистической власти, которая категорически отвергала разделение образования по гендерному принципу.

Выпускниками гимназии были весьма известные в Российской империи и Советской России люди, в частности композитор и дирижер Н.Д. Дмитриев, родоначальник русского космизма Н.Ф. Федоров, основатель русской индологической школы И.П. Минаев, врач, фармаколог и бальнеолог В.С. Богословский, министр народного просвещения Н.К. Кульчицкий, философ А.И. Введенский и др.

Литература

Акинъшин, 2019 – Акинъшин А.Н. Философ Николай Федорович Федоров: Тамбов и Воронеж – вехи жизненного пути // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2019. № 3.

Акользина, 2018 – Акользина М.К. Вклад провинциального купечества в развитие системы образования в Тамбовской губернии в XIX веке // *Гаудеамус*. 2018. Т. 1.

- [Акользина, 2019](#) – Акользина М.К. Частные учебные заведения в Тамбовской губернии в XIX веке // *Гаудеамус*. 2019. Т. 1.
- [Баранова, Баранова, 2015](#) – Баранова Е.В., Баранова В.В. Формирование профессиональной группы преподавателей городских училищ (на материалах г. Тамбова в 1872-1912 гг.) // *Социально-экономические явления и процессы*. 2015. Т. 10. № 4. С. 94-101.
- [Дубасов, 1993](#) – Дубасов И.И. Очерки истории Тамбовского края. Тамбов, 1993.
- [Канищев, Будюкина, 2013](#) – Канищев В.В., Будюкина Н.Н. Трудный старт. К истории Тамбовского государственного университета 1918-1921 гг. // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 9-22.
- [Кузьмин, 1971](#) – Кузьмин Н.Н. Низшее и средне-специальное образование в дореволюционной России. Челябинск, 1971.
- [Мужская гимназия, 2025](#) – Мужская гимназия / Путеводитель по городу Тамбову и Тамбовский области. [Электронный ресурс]. URL: http://tambovia.ru/muzhskaya_gimnaziya.html (дата обращения: 30.01.2025).
- [Памятная книжка..., 1861](#) – Памятная книжка для Тамбовской губернии на 1861 год. Тамбов: Тамбовский губернский статистический комитет, 1861.
- [Русский, 2006](#) – Русский Н.А. Тамбовская гимназия в воспоминаниях Сергея Атавы // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 2 (42). С. 321-324.
- [Стрекалов, Стрекалова, 2012](#) – Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В. Тамбов – культурно-образовательный центр губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. / *Тамбов. Исторический портрет российского города. Мат-лы научно-практической конференции, посвященной Году российской истории*. Тамбов, 2012.
- [Стрекалова, 2013](#) – Стрекалова Н.В. К истории вопроса развития образования в Тамбове в XVIII – начале XX в. // *Молодежь и социум*. 2013. № 3 (15).
- [Тамбовская губерния..., 1866](#) – Тамбовская губерния: список населенных мест по сведениям 1862 года / Обработан старшим редактором А. Артемьевым. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1866.
- [Терпигорев, 1899](#) – Терпигорев С.Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. СПб., 1899.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 202-211.
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 428-436.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(1): 275-285.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(2): 632-644.
- [Mamadaliev et al., 2022b](#) – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3): 1021-1031.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(4): 817-829.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(2): 367-377.
- [Rajović et al., 2023a](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Buryanov S.A. The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 1 // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 798-811.
- [Rajović et al., 2023b](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Buryanov S.A. The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 2 // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1447-1454.
- [Rajović, Bratanovskii, 2023](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1 // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1643-1651.
- [Rajović, Bratanovskii, 2024](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 2 // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 325-331.

References

- [Akin'shin, 2019](#) – Akin'shin, A.N. (2019). *Filosof Nikolai Fedorovich Fedorov: Tambov i Voronezh – vekhi zhiznennogo puti* [Philosopher Nikolai Fedorovich Fedorov: Tambov and Voronezh – Milestones in

- Life]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya. Sotsiologiya*. 3. [in Russian]
- [Akol'zina, 2018](#) – Akol'zina, M.K. (2018). Vklad provintsial'nogo kupechestva v razvitie sistemy obrazovaniya v Tambovskoi gubernii v XIX veke [The Contribution of provincial merchants to the development of the education system in the Tambov province in the 19th century]. *Gaudeamus*. T. 1. [in Russian]
- [Akol'zina, 2019](#) – Akol'zina, M.K. (2019). Chastnye uchebnye zavedeniya v Tambovskoi gubernii v XIX veke [Private educational institutions in the Tambov province in the 19th century]. *Gaudeamus*. T. 1. [in Russian]
- [Baranova, Baranova, 2015](#) – Baranova, E.V., Baranova, V.V. (2015). Formirovanie professional'noi gruppy prepodavatelei gorodskikh uchilishch (na materialakh g. Tambova v 1872-1912 gg.) [The formation of a professional group of teachers of city schools (based on the materials of Tambov in 1872-1912)]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 10(4): 94-101. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 202-211.
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.
- [Dubasov, 1993](#) – Dubasov, I.I. (1993). Ocherki istorii Tambovskogo kraja [Essays on the history of the Tambov region]. Tambov. [in Russian]
- [Kanishchev, Budyukina, 2013](#) – Kanishchev, V.V., Budyukina, N.N. (2013). Trudnyi start. K istorii Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta 1918-1921 gg. [Difficult start. On the history of Tambov State University in 1918-1921]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 4(120): 9-22. [in Russian]
- [Kuz'min, 1971](#) – Kuz'min N.N. (1971). Nizshee i sredne-spetsial'noe obrazovanie v dorevolutsionnoi Rossii [Lower and secondary specialized education in pre-revolutionary Russia]. Chelyabinsk. [in Russian]
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 275-285.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(2): 632-644.
- [Mamadaliev et al., 2022b](#) – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 1021-1031.
- [Muzhskaya gimnaziya, 2025](#) – Muzhskaya gimnaziya [Male gymnasium]. Putevoditel' po gorodu Tambovu i Tambovskoi oblasti. [Electronic resource]. URL: http://tambovia.ru/muzhskaya_gimnaziya.html (date of access: 30.01.2025). [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka..., 1861](#) – Pamyatnaya knizhka dlya Tambovskoi gubernii na 1861 god [Commemorative book for the Tambov province for 1861]. Tambov: Tambovskii gubernskii statisticheskii komitet, 1861. [in Russian]
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2017). Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4): 817-829.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2017). Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2): 367-377.
- [Rajović et al., 2023a](#) – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Buryanov, S.A. (2023). The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 1. *Bylye Gody*. 18(2): 798-811.
- [Rajović et al., 2023b](#) – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Buryanov, S.A. (2023). The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 2. *Bylye Gody*. 18(3): 1447-1454.
- [Rajović, Bratanovskii, 2023](#) – Rajović, G., Bratanovskii, S.N. (2023). The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1. *Bylye Gody*. 18(4): 1643-1651.
- [Rajović, Bratanovskii, 2024](#) – Rajović, G., Bratanovskii, S.N. (2024). The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 2. *Bylye Gody*. 19(1): 325-331.
- [Russkii, 2006](#) – Russkii, N.A. (2006). Tambovskaya gimnaziya v vospominaniyakh Sergeya Atavy [Tambov gymnasium in the memories of Sergei Atava]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2(42): 321-324. [in Russian]
- [Strekalov, Strekalova, 2012](#) – Strekalov, D.V., Strekalova, N.V. (2012). Tambov – kul'turno-obrazovatel'nyi tsentr gubernii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vv. [Tambov – the cultural and

educational center of the province in the late 18th – first half of the 19th centuries]. *Tambov. Istoricheskii portret rossiiskogo goroda. Mat-ly nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchenoi Godu rossiiskoi istorii*. Tambov. [in Russian]

[Strekalova, 2013](#) – *Strekalova, N.V.* (2013). K istorii voprosa razvitiya obrazovaniya v Tambove v XVIII – nachale XX v. [To the history of the issue of education development in Tambov in the 18th – early 20th centuries]. *Molodezh' i sotsium*. 3(15). [in Russian]

[Tambovskaya guberniya..., 1866](#) – Tambovskaya guberniya: spisok naselennykh mest po svedeniyam 1862 goda [Tambov province: list of populated areas according to 1862 data]. Obrabotan starshim redaktorom A. Artem'evym. SPb.: Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del, 1866. [in Russian]

[Terpigorev, 1899](#) – *Terpigorev, S.N.* (1899). Sobranie sochinenii: v 6 t. [Collected works: in 6 volumes]. T. 6. SPb. [in Russian]

Тамбовская мужская гимназия (1825–1918 гг.): очерк к 200-летию со дня создания

Ирина Юрьевна Черкасова ^{a, b, *}, Лариса Александровна Королева ^c,
Валентина Сергеевна Никитина ^d

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^d Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В данной работе, которая посвящена 200-летию юбилею со дня основания, исследуются некоторые исторические аспекты гимназии в г. Тамбов. Материалами послужили исторические источники, в частности Памятные книжки Тамбовской губернии и историография по развитию системы образования в регионе. Методами исследования выступили историографический метод, метод классификации и метод синтеза.

Тамбовская мужская гимназия – одно из достопримечательных заведений в истории Тамбовской области (губернии). Просуществовала с 1825 по 1918 годы. В гимназию, как и в Благородный пансион при ней, обычно принимали детей дворян, чиновников, почетных граждан, купцов, а также мещан, окончивших курс в уездном училище. Гимназия считалась одной из лучших в Российской империи.

Гимназия долгое время оставалась единственной в регионе, и проблема с многочисленностью ученического контингента была весьма насущной. Не была лишена и управленческих недостатков, о чем весьма красноречиво писал публицист и литератор С. Атава (С.Н. Терпигорев). Гимназия закрылась в 1918 году при социалистической власти, которая категорически отвергала разделение образования по гендерному принципу.

Выпускниками гимназии были весьма известные люди, в частности композитор и дирижер Н.Д. Дмитриев, родоначальник русского космизма Н.Ф. Федоров, основатель русской индологической школы И.П. Минаев, врач, фармаколог и бальнеолог В.С. Богословский, министр народного просвещения Н.К. Кульчицкий, философ А.И. Введенский и др.

Ключевые слова: гимназия, Тамбовская гимназия, Тамбовская мужская гимназия, 1825–1918 гг., среднее образование, образование в Российской империи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Cherkasovairina42@gmail.com (И.Ю. Черкасова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 110-116
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.110

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

195 Years since the Birth of Alexander Ivanovich Georgievsky (1830–1911): To the Anniversary of the Russian Teacher

Andrey A. Baibarin ^{a, *}, Ilya V. Tyurin ^b, Svetlana A. Savostyanova ^c, Evgeny G. Khrushchev ^d

^a Moscow University of Finance and Industry "Synergy", Moscow, Russian Federation

^b Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Abstract

This article is dedicated to the 195th anniversary of the birth of the Russian teacher A.I. Georgievsky. The materials were the works of Georgievsky himself, as well as some biographical studies about him. The methodological basis consists of the historical-systemic method, the historical-genetic method, etc. The research is based on the principle of historicism, objectivity, reliance on the source base and historiographical materials.

Alexander Ivanovich Georgievsky became famous as an ideologist of the classical education system, a reformer of secondary and higher education, who adhered to conservative and sometimes openly reactionary views. He fought the revolutionary movement in every possible way, and also supported the rights of the Jewish ethnic group to education and the abolition of any restrictions on the specified nationality.

Soviet historiography, right up to perestroika and the end of the 1980s, consigned to oblivion the name of A.I. Georgievsky, as a consistent and pedantic fighter against the revolution and a supporter of conservative views on the education system that ran counter to Soviet ideology.

A.I. Georgievsky was awarded the highest awards of the Russian Empire, rose to the rank of a full privy councilor, was the founder of "Societies of Classical Philology and Pedagogy".

An exemplary family man, Georgievsky was distinguished in official matters by his principles, courage, discipline, ability to work and pedantry. In his organizational and pedagogical works, he relied on the extensive use of statistics, factology, and also very scrupulously justified his own position.

Keywords: Alexander Ivanovich Georgievsky, 1830–1911, Russian pedagogy, classical education system, Philological Society of the Russian Empire.

1. Введение

Александр Иванович Георгиевский (1830–1911 гг.) получил известность в Российской империи как выдающийся администратор системы образования, ее реформатор, придерживавшийся консервативных взглядов и всячески боровшийся с революционным движением, педагог, писатель, теоретик управления системой образованием, историк

Данная работа посвящена 195-летию со дня рождения Александра Ивановича.

2. Материалы и методы

Материалами данной рукописи являются как работы самого А.И. Георгиевского, в частности – «Галлы в эпоху Г. Юлия Цезаря» (Георгиевский, 1865), «О реальном образовании в Пруссии, Саксонии, Австрии, Баварии и Швейцарии» (Георгиевский, 1871), «О государственных экзаменах в

* Corresponding author

E-mail addresses: andrewbaybarin@gmail.com (A.A. Baibarin)

Германии и Австрии» (Георгиевский, 1878), «Доклад члена Комиссии тайного советника А.И. Георгиевского по вопросу о мерах относительно образования евреев» (Георгиевский, 1889), «Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков» (Георгиевский, 1890), «Предположенная реформа нашей средней школы» (Георгиевский, 1901), «К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения» (Георгиевский, 1902), а также некоторые биографические описания его личности, выполненные, прежде всего, Г.Г. Елизаветиной, К.В. Пигаревым (Елизаветина, Пигарев, 1989), Т.Г. Динесман, К.М. Азадовским, А.Л. Осповат, В.Н. Сажиной, М.И. Беляевым (Динесман и др., 1989) и энциклопедическими изданиями (Брокгауз, Ефрон, 1892; Федорченко, 2003).

Методологическую основу составляют системный подход (так называемый историко-системный метод) в исследовании биографических материалов о личности А.И. Георгиевского и его творческого наследия, генетический подход (так называемый историко-генетический метод), предусматривающий возникновение новых биографических страниц Георгиевского в неотрывной причинно-следственной связи от предыдущих.

Исследование построено с учетом принципа историзма, объективности, опоры на источниковую базу и историографические материалы.

3. Обсуждение

Работ, посвященных исследованию личности Александра Ивановича Георгиевского весьма немного.

Прежде всего, отметим 60-страничный труд Г.Г. Елизаветиной и К.В. Пигарева «Из воспоминаний А.И. Георгиевского», опубликованного в журнале «Литературное наследство» (Елизаветина, Пигарев, 1989). Авторы делают весьма глубокий анализ творческого наследия А.И. Георгиевского, его литературного и эпистолярного стиля, некоторых биографических страниц, а также приводят значительное количество архивных материалов, вводя в научный оборот новые источники.

Также нельзя не отметить работы, которые не касаются непосредственно биографии Георгиевского, но содержат значительное количество информации о его личности. Одним из таких является труд Т.Г. Динесман, К.В. Пигарева, К.М. Азадовского, А.Л. Осповат, В.Н. Сажина и М.И. Беляевой «Тютчев¹ в письмах и дневниках членов его семьи и других современников» (Динесман и др., 1989), в котором весьма много неопубликованных ранее эпистолярных источников, принадлежащих руке Георгиевского и Тютчева. Значительное количество информации о личности и характере Георгиевского содержится в монографии Е.М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы. 1848–1896» (Феоктистов, 1929).

И, наконец, отметим энциклопедические издания, в частности, соответствующую статью в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (Брокгауз, Ефрон, 1892), а также краткий биографический очерк в 2-томном биографическом справочнике «Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий» авторства В.И. Федорченко (Федорченко, 2003). В указанных изданиях биография Александра Ивановича изложена весьма кратко и освещает лишь особо значимые биографические страницы.

Советская историография (до конца 1980-х гг.) постаралась вычеркнуть из истории имя А.И. Георгиевского не только в силу его высокого административного положения и звания, но и прежде всего из-за его категорического неприятия революционного движения, а также консервативных взглядов на систему образования России, которые шли вразрез с советским социалистическим понимаем образовательной политики.

4. Результаты

Александр родился в семье незнатного дворянина И.В. Георгиевского, врача Московского коммерческого училища, 31 июля 1830 г.² и являлся младшим ребенком в семье.

Принадлежа к дворянскому сословию, он обучался в Московском дворянском институте, по окончании которого поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, где завершил обучение в 1850 г. По окончании университета преподавал в Московском сиротском доме и Александровском кадетском корпусе, а позднее руководил кафедрой всеобщей истории и статистики в «Ришельевском лицее в Одессе» (Брокгауз, Ефрон, 1892: 418).

В свободное время А.И. Георгиевский подрабатывал в одесских журналах «Одесский вестник» и «Рассвет». Женившись на М.А. Денисьевой, сестре последней возлюбленной Тютчева – Е.А. Денисьевой, весьма сблизился с Федором Ивановичем, который в меру возможности помогал ему в карьерных делах и отчасти разделял его педагогические и управленческие воззрения.

¹ А.И. Георгиевский приходился Ф.И. Тютчеву «неофициальным» свояком, будучи женат на сестре любовницы поэта Елене Денисьевой.

² Здесь и далее все даты – по старому стилю.

Рис. 1. Российский педагог, публицист, идеолог классической системы образования, сенатор, действительный тайный советник Александр Иванович Георгиевский (1830–1911 гг.)

В 1863 г. А.И. Георгиевский вышел в отставку и руководил отделом внешней политики «Московских ведомостей», а позднее был редактором официального издания Министерства народного просвещения – «Журнала Министерства народного просвещения» (Федорченко, 2003). В 1871 г., восстановившись на гражданской службе, он получил звание действительного статского советника (соответствовало воинскому званию генерал-майора в сухопутных войсках и контр-адмирала на флоте), был направлен в заграничную командировку для изучения зарубежного (прежде всего – германского) опыта среднего уровня образования.

А.И. Георгиевский был одним из авторов и идеологов уставов и положений о гимназиях (1871 г.), реальных училищах (1872 г.), начальных народных училищах (1874 г.), а также университетской реформы (1884 г.) (Брокгауз, Ефрон, 1892: 418). Был постоянным членом Совета министра народного просвещения (с июля 1871 г.) и председателем его Ученого комитета (1873 г.).

За заслуги перед Отечеством в 1891 г. А.И. Георгиевский награжден бриллиантовыми знаками (знаки особого отличия, которые даровались императором лично) к высшей награде Российской империи – ордену Св. Александра Невского, а в 1896 г. представлен к званию действительного тайного советника – 2-му по старшинству чину гражданского служащего, который соответствовал генералу рода войск¹ или адмиралу (так называемому «полному адмиралу») на флоте.

В 1874 г. А.И. Георгиевский создал «Общество классической филологии и педагогики», занимавшееся издательской и просветительской деятельностью. Помимо этого, он являлся педантичным и последовательным борцом за права евреев в Российской империи.

Александр Иванович имел также репутацию примерного семьянина, был женат на Марии Денисьевой, представительнице древнего дворянского рода. В браке у них родилось шестеро детей, средний из которых – Лев, пойдет по стопам отца, найдет свое призвание в педагогической и административной сфере, дослужившись до звания тайного советника и став сенатором и членом Государственного совета (Федорченко, 2003).

Умер А.И. Георгиевский в 1911 г. и, как высокопоставленный чиновник, похоронен на Казанском царскосельском кладбище в Санкт-Петербурге.

Вкратце проанализируем некоторую часть творческого наследия А.И. Георгиевского. Труды его отличались педантичностью, широким использованием статистики, апеллированием к нормативной базе, неизменным учетом фактических обстоятельств дела и скрупулезным обоснованием собственной позиции, а также «...обстоятельностью, стремлением иллюстрировать повествование документами, письмами, различного рода официальными справками» (Елизаветина, Пигарев, 1989: 105).

А.И. Георгиевского с молодых лет весьма занимала историческая наука (по образованию он также был историком), поэтому некоторые его произведения посвящены истории, прежде всего – ее античному периоду. Одной из таких работ является монография «Галлы в эпоху Г. Юлия Цезаря», опубликованная в Москве в 1865 г. (Георгиевский, 1865). Автор на основе антологии трудов античных писателей (включая самого Цезаря) и историков, проводит глубокий анализ галльского влияния на развитие Римской империи периода консульства и диктаторства Юлия Цезаря, а также рассматривает дипломатические отношения последнего с галльским этносом.

¹ Соответствует современному воинскому званию генерал-полковника.

В 70-х годах XIX в. в «Журнале Министерства народного просвещения» выходят несколько весьма объемных статей А.И. Георгиевского, посвященных зарубежной системе образования, а именно: «О реальном образовании в Пруссии, Саксонии, Австрии, Баварии и Швейцарии» (Георгиевский, 1871) и «О государственных экзаменах в Германии и Австрии» (Георгиевский, 1878). В данных работах Александр Иванович делает обзор аттестационной системы германской образовательной школы, выявляет ее преимущества и недостатки, а также роль и проблемы влияния на российскую систему образования.

В 1889 г. в Санкт-Петербурге выходит фундаментальное 300-страничное исследование «Доклад члена Комиссии тайного советника А. И. Георгиевского по вопросу о мерах относительно образования евреев» (Георгиевский, 1889), которое носило отчетный характер и было посвящено анализу «еврейского вопроса» в образовании в последней четверти XIX в.

Сплоченность и корпоративизм еврейского этноса, а также тяга к получению образования и высокой карьере, приводила к значительному проценту данного этноса среди студентов высших учебных заведений, а также профессорско-преподавательского состава. «Еврейский вопрос» стоял весьма остро на повестке дня у самого императора Александра III, который всячески боролся с революционным движением, движущей силой которого была интеллигенция, зачастую – еврейского происхождения. Учтем и тот факт, что убийцей императора Александра II, отца Александра III, был И.И. Гриневицкий, еврей по национальности. Учитывая принципиальность и непреклонность Александра III в некоторых вопросах, вполне допускаем и личный мотив неприязни. Поэтому ограничение доступа евреев к получению образования рассматривалось на самом высоком уровне.

А.И. Георгиевский в своем докладе разрушил миф о пагубном влиянии на действующий государственный строй и на развитие революционного движения еврейского этноса, указав, что на вышеперечисленные обстоятельства значительно больше влияют недостатки в дисциплине и организационных вопросах педагогического и административного состава высших учебных заведений, а не процентное соотношение евреев среди студенчества.

Со свойственной ему обстоятельностью, А.И. Георгиевский снабдил доклад обширной статистической сводкой по всем регионам Российской империи, на основе которой сделал глубокий анализ особенностей влияния всех национальностей в монархии на революционное движение и подверженности каждого этноса революционным идеям. Резюмируя, он отметил, что особого влияния какого-либо этноса на подверженность народнической идеологии не имеется, зато куда более вредным будет ограничение доступа к высшему образованию определенных этносов, которое породит недовольство и, в конечном счете, бунтарство.

В следующем году выходит и 300-страничная монография Георгиевского «Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков», также изданная в столице (Георгиевский, 1890). В ней произведена оценка ситуации в российских вузах применительно к развитию революционной идеологии и беспорядкам, исследованы причины таковых, а также выработан ряд конкретных методов, методик и способов минимизации и ликвидации антимонархического движения среди студенчества и профессуры. Труд включает в себя несколько глав, в частности, анализ характера студенческих беспорядков, вредные последствия от таковых, административные меры противодействия беспорядкам, Университетский устав 1863 г. и его пересмотр под влиянием народнических движений, настроение профессорско-преподавательского состава, анализ мер по устранению волнений в вузах и др.

Нелюбовь советских историков А.И. Георгиевский заслужил прямою своих высказываний и категорической неприязнью революционных идей. Например, он писал: «Беспорядки эти представляют собой весьма значительное зло: они прерывают ... правильный ход учения; приучают молодежь к неповиновению властям, буйству, к бесчинствам и даже насилию против должностных лиц» (Георгиевский, 1890: 1).

Также Георгиевский описывает ряд мер, необходимых для стабилизации ситуации в вузах, а именно: «1. Предоставить попечителям округов¹ ... все права начальника местного университета ...; 2. Предоставить министру народного просвещения избрание ректора университета...; 3. Упразднить университетский суд, сосредоточив подведомые ему дела в правлении университета; 4. Предоставить министру народного просвещения, попечителю учебного округа или ректору, как его помощнику (заместителю руководителя – *Авт.*) по делам университета назначать собственной властью профессоров и прочих должностных лиц...» и др. (Георгиевский, 1890: 98). Как видим, предложения А.И. Георгиевского полностью отражают реакционный характер политики контрреформизма Александра III.

В 1901 г. выходит 100-страничная монография «Предположенная реформа нашей средней школы» (Георгиевский, 1901), в которой Георгиевский предлагает реформирование образовательных учреждений Российской империи среднего уровня – гимназий и технических (реальных) училищ – по общеобразовательному и унифицированному образцу. А.И. Георгиевский указывает, что его

¹ В современной системе управления образованием – региональный министр или начальник управления образованием.

предложения должны «...положить в России конец образованию не только классическому, но и реальному, и обратить ныне существующие 191 гимназию, 45 прогимназий и 113 реальных училищ в единообразные школы 1852 г., столь же многопредметные и легковесные, столь же лишённые всякого педагогического сосредоточения, с таким раздвоением в высших четырех классах, причем закрыть в гимназиях VIII класс и подготовительный (подготовительный класс – *Авт.*) (а в реальных училищах только класс подготовительный), выбросить из гимназии греческий язык, а латинский, как и в школе 1852 г., сохранить только для желающих, по 4 урока в классе, начиная с IV-го, всего в количестве 16-ти уроков, и вдобавок еще, чего не было в 1852 г., приравнять курс низших училищ (уездных или городских по Положению 1872 г.) и посвятить всего 4 класса собственно среднему образованию» (Георгиевский, 1901: 2). Как видим, предложения Александра Ивановича сводятся к упрощению среднего образования, оптимизации расходов на него, а также унификации и удалению ненужных, изживших себя предметов. В монографии также анализируются проблемы оптимизации предметов в средней школе, делается упор на классицизм в содержании образования и его важности и пр.

В исторической монографии «К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения» (Георгиевский, 1902) Георгиевский рассматривает причины возникновения комитета, его роль в управлении училищами и реформировании Министерства народного просвещения, историю разработки комитетом правил 1865 г. для учебной литературы, прения относительно развития системы образования с Министерством внутренних дел на предмет сохранения монархического режима и минимизации революционного движения, биографическое описание личного состава особого отдела Ученого комитета и др.

Помимо указанных выше трудов, Александр Иванович собирался опубликовать свои мемуары, над которыми работал в начале 1900-х гг., однако закончить их не успел; часть этих мемуаров опубликовал его сын Лев в журнале «Русская старина» в 1915–1916 гг. (Елизаветина, Пигарев, 1989: 104). Особое место в этих воспоминаниях принадлежит последней любви поэта Федора Тютчева – Елене Денисьевой, причем материал этот является весьма ценным: «...там, где Георгиевский рассказывает об этой "незаконной" семье – его записки уникальны: немногие были вхожи в нее, никто не оставил о ней воспоминаний» (Елизаветина, Пигарев, 1989: 104).

Однокурсник по университету и коллега по административной работе в министерстве Е.М. Феоктистов в монографии «За кулисами политики и литературы. 1848-1896» отмечал, что Георгиевский не сыскал любви ни сокурсников, ни коллег: «...но вовсе не потому, чтобы обнаруживались в нем какие-нибудь дурные свойства; напротив, он был и честен, и трудолюбив, и умен, но ум его был чересчур тяжеловесный, а по натуре своей он уже с молодых лет представлял собой тип порядочного педанта ...Нельзя однако отрицать, что это был неутомимый и добросовестный работник, горячо преданный делу и честно служивший ему... К чести Георгиевского относится, что он отстаивал свои мнения с замечательной твердостью, отстраняя всякие соображения о том, может это повредить ему или нет; он знал себе цену и держал себя независимо» (Феоктистов, 1929: 174-175).

Личность и характер А.И. Георгиевского историк Г.Г. Елизаветина и К.В. Пигарев описывают следующим образом: «...ближайший сотрудник министра народного просвещения Д. А. Толстого, он активно содействовал проведению реформ среднего образования 1871 и 1874 гг., в которых упор делался на "классическое образование". Человек консервативных, даже реакционных убеждений, Георгиевский по-своему был принципиален и старался сохранять объективность, что благотворно сказалось на его воспоминаниях, лишённых запальчивости и дающих читателю большое число фактов, как правило, хорошо проверенных» (Елизаветина, Пигарев, 1989: 104).

5. Заключение

Александр Иванович Георгиевский прославился как идеолог классической системы образования, реформатор средней и высшей школы, придерживавшийся консервативных, а порой и откровенно реакционных взглядов. Всемерно боролся с революционным движением, а также поддерживал права еврейского этноса на образование и отмену любых ограничений в отношении указанной национальности.

Советская историография вплоть до перестройки и конца 1980-х гг. предала забвению имя А.И. Георгиевского как последовательного и педантичного борца с революцией и консервативных взглядов на систему образования, которые шли вразрез с советской идеологией.

Был награжден высшими наградами Российской империи, дослужившись до чина действительного тайного советника, является основателем «Общества классической филологии и педагогики».

Примерный семьянин, Георгиевский в служебных делах отличался принципиальностью, смелостью, дисциплинированностью, трудоспособностью и педантичностью. В своих организационно-педагогических трудах опирался на широкое использование статистики, фактологию, а также весьма скрупулезному обоснованию собственной позиции.

Литература

- Брокгауз, Ефрон, 1892** – Георгиевский, Александр Иванович / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. VIII (15). СПб., 1892.
- Георгиевский, 1865** – *Георгиевский А.И.* Галлы в эпоху Г. Юлия Цезаря. М., 1865.
- Георгиевский, 1871** – *Георгиевский А.И.* О реальном образовании в Пруссии, Саксонии, Австрии, Баварии и Швейцарии // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1871. № 12.
- Георгиевский, 1878** – *Георгиевский А.И.* О государственных экзаменах в Германии и Австрии // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1878. № 6.
- Георгиевский, 1889** – *Георгиевский А.И.* Доклад члена Комиссии тайного советника А.И. Георгиевского по вопросу о мерах относительно образования евреев. СПб., 1889.
- Георгиевский, 1890** – *Георгиевский А.И.* Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890.
- Георгиевский, 1901** – *Георгиевский А.И.* Предположенная реформа нашей средней школы. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1901.
- Георгиевский, 1902** – *Георгиевский А.И.* К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб.: Сенат. тип., 1902.
- Динесман и др., 1989** – *Динесман Т.Г., Пигарев К.В., Азадовский К.М., Осповат А.Л., Сажин В.Н., Беляева М.И.* Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников // *Литературное наследство.* 1989. Т. 97. № 2. С. 169-432.
- Елизаветина, Пигарев, 1989** – *Елизаветина Г.Г., Пигарев К.В.* Из воспоминаний А.И. Георгиевского // *Литературное наследство.* 1989. Т. 97. № 2. С. 104-163.
- Федорченко, 2003** – *Федорченко В.И.* Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. В 2 т. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
- Феоктистов, 1929** – *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. 1848-1896. Л., 1929.

References

- Brokgauz, Efron, 1892** – Georgievskij, Aleksandr Ivanovich [Georgievskiy, Alexander Ivanovich]. Enciklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). T. VIII (15). SPb. [in Russian]
- Dinesman i dr., 1989** – *Dinesman, T.G., Pigarev, K.V., Azadovskij, K.M., Ospovat, A.L., Sazhin, V.N., Belyaeva, M.I.* (1989). Tyutchev v pis'mah i dnevnikaх chlenov ego sem'i i drugih sovremennikov [Tyutchev in letters and diaries of his family members and other contemporaries]. *Literaturnoe nasledstvo.* 97(2): 169-432. [in Russian]
- Elizavetina, Pigarev, 1989** – *Elizavetina, G.G., Pigarev, K.V.* (1989). Iz vospominanij A.I. Georgievskogo [From the memoirs of A.I. Georgievskiy]. *Literaturnoe nasledstvo.* T. 97. No 2. Pp. 104-163. [in Russian]
- Fedorchenko, 2003** – *Fedorchenko, V.I.* (2003). Imperatorskiy Dom. Vydayushchiesya sanovniki: Enciklopediya biografij [Imperial House. Distinguished Dignitaries: Encyclopedia of Biographies]. V 2 t. T. 1. M.: OLMA-PRESS. [in Russian]
- Feoktistov, 1929** – *Feoktistov, E.M.* (1929). Za kulisami politiki i literatury. 1848-1896 [Behind the scenes of politics and literature. 1848-1896]. Leningrad. [in Russian]
- Georgievskij, 1865** – *Georgievskij, A.I.* (1865). Gally v epohu G. Yuliyi Cezarya [The Gauls in the era of G. Julius Caesar]. Moskva. [in Russian]
- Georgievskij, 1871** – *Georgievskij, A.I.* (1871). O real'nom obrazovanii v Prussii, Saksonii, Avstrii, Bavarii i Shevcarii [On Real Education in Prussia, Saxony, Austria, Bavaria and Switzerland]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.* No 12. [in Russian]
- Georgievskij, 1878** – *Georgievskij, A.I.* (1878). O gosudarstvennyh ekzamenah v Germanii i Avstrii [About state examinations in Germany and Austria]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.* No 6. [in Russian]
- Georgievskij, 1889** – *Georgievskij, A.I.* (1889). Doklad chlena Komissii tajnogo sovetnika A.I. Georgievskogo po voprosu o merah otnositel'no obrazovaniya evreev [Report of the member of the Commission, Privy Councilor A.I. Georgievsky, on the issue of measures regarding the education of Jews]. SPb. [in Russian]
- Georgievskij, 1890** – *Georgievskij, A.I.* (1890). Kratkij istoricheskij ocherk pravitel'stvennyh mer i prednachertanij protiv studencheskih besporyadkov [A Brief Historical Sketch of Government Measures and Plans Against Student Riots]. SPb: Tip. V.S. Balasheva. [in Russian]
- Georgievskij, 1901** – *Georgievskij, A.I.* (1901). Predpolozhennaya reforma nashej srednej shkoly [The proposed reform of our secondary school]. SPb: tip. Trenke i Fyusno. [in Russian]
- Georgievskij, 1902** – *Georgievskij, A.I.* (1902). K istorii Uchenogo komiteta Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [To the history of the Scientific Committee of the Ministry of Public Education]. SPb: Senat. tip. [in Russian]

195 лет со дня рождения Александра Ивановича Георгиевского (1830–1911 гг.): к юбилею российского педагога

Андрей Андреевич Байбарин ^{a, *}, Илья Владимирович Тюрин ^b,
Светлана Александровна Савостьянова ^c, Евгений Геннадьевич Хрущев ^d

^a Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^b Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, Москва, Российская Федерация

^c Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Юго-западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

Аннотация. Данная работа посвящена 195-летию со дня рождения российского педагога А.И. Георгиевского. Материалами послужили работы самого Георгиевского, а также некоторые биографические исследования о нем. Методологическую основу составляют историко-системный метод, историко-генетический метод и др. Исследование построено с учетом принципа историзма, объективности, опоры на источниковую базу и историографические материалы.

Александр Иванович Георгиевский прославился как идеолог классической системы образования, реформатор средней и высшей школы, придерживавшийся консервативных, а порой и откровенно реакционных взглядов. Всемерно боролся с революционным движением, а также поддерживал права еврейского этноса на образование и отмену любых ограничений в отношении указанной национальности.

Советская историография вплоть до перестройки и конца 1980-х годов предала забвению имя А.И. Георгиевского, как последовательного и педантичного борца с революцией и сторонника консервативных взглядов на систему образования, которые шли вразрез с советской идеологией.

А.И. Георгиевский был награжден высшими наградами Российской империи, дослужился до чина действительного тайного советника, являлся основателем «Общества классической филологии и педагогики».

Примерный семьянин, Георгиевский в служебных делах отличался принципиальностью, смелостью, дисциплинированностью, трудоспособностью и педантичностью. В своих организационно-педагогических трудах опирался на широкое использование статистики, фактологию, а также весьма скрупулезно обосновывал собственную позицию.

Ключевые слова: Александр Иванович Георгиевский, 1830–1911 гг., российская педагогика, классическая система образования, Филологическое общество Российской империи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrewbaybarin@gmail.com (А.А. Байбарин)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 117-128
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.117

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Reflection of the Russian Intelligentsia of the 19th Century in the Context of the Polish Question

Alexander G. Gryaznukhin ^{a,*}, Tatyana V. Gryaznukhina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the complex of ethnocultural and socio-political contradictions between Russia and Poland and its influence on the views of the Russian intelligentsia and the development of public thought in the 19th century. Based on the study of archival materials, memoirs, and journalistic sources, a correlation has been identified between historical processes of past centuries and the nature of Russian-Polish relations in the 19th century. The position of the intelligentsia as an expression of national self-awareness is examined in the context of its activity in addressing the Polish question, which was one of the most significant components of socio-political processes. The views of representatives of the intelligentsia belonging to different political movements and their positions regarding the authorities' policies on the Polish question are analyzed. The multifaceted impact of the Polish question on the destabilization of internal life in Russia and the loss of image on the foreign policy arena is revealed. Various solutions to the Polish question proposed by the intelligentsia are presented. The study establishes that the unifying factor for the intelligentsia was its negative attitude toward the territorial claims of the Poles. The alienation of historically Russian lands with their Orthodox population was unacceptable for the patriotically minded intelligentsia. The reasons for the interethnic conflict are substantiated, among which the peculiarities of the Polish national character, as confirmed by the opinions of a number of Polish researchers from the 19th to the 21st centuries, play a significant role. An examination of the historical experience of Russian-Polish interethnic and interstate relations may contribute to a deeper understanding of the causes of the conflict and thus aid in its resolution.

Keywords: Russia, Polish question, intelligentsia, reflection, Slavophiles, Westernizers, uprising.

1. Введение

Развитие русской общественной мысли XIX в. неразрывно связано с историей польского вопроса, в основе исследования которого лежали социально-политические и этнокультурные проблемы взаимоотношений между Россией и Польшей в пространственно-временном континууме. Анализ взглядов русской интеллигенции XIX в. на польский вопрос, проведенный в историко-культурном контексте, может помочь глубже понять суть исторически сложившихся противоречий между двумя народами и найти возможные варианты их решения. Уровень интереса к Польше со стороны русской интеллигенции XIX в. самым непосредственным образом зависел от общественно-политической обстановки. После восстаний 1830 г. и 1863 г. Польша становилась центром внимания публицистов, писателей, историков, чиновников, которые рассматривали отношения с Польшей в аспекте внутренних дел России. При этом, русской интеллигенцией польский вопрос рассматривался не только как дестабилизирующий фактор внутренней жизни России, но и как фактор, осложнявший ее внешнеполитические отношения. К началу XIX в. в российском обществе уже установились

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina)

стойкие стереотипы восприятия Польши, отношения которой с внешним миром во многом определялись менталитетом самих поляков.

Национальное самосознание, сформировавшееся у поляков к XVII–XVIII вв. и нашедшее свое выражение в особенностях их мировоззрения, образе жизни, закрепившееся в культуре, влияло на стереотипы восприятия ими себя и России как ближайшего соседа. К XVIII в. польское самосознание оформилось в систему воззрений, в основе которой лежала убежденность шляхты в своей исключительности, которая в свою очередь основывалась на вере в происхождение от древних воинственных племен сарматов и особенностях политического устройства, гарантировавшего шляхте свободу действий. «Москва, Италия, Литва отличны от Польского государства так же, как разнится неволя от свободы» (Лескинен, 2007: 107). Избранность шляхты обосновывалась ее свободой в выборе короля и тем, что она была носителем вольности.

По мнению Ю. Самарина, «всепримыряющая любовь» польской элиты «уживается на практике с самой суровой национальной и религиозной исключительностью, с самым дерзким, иногда доходящим до бессознательности, посягательством на чужую народность и веру. По свидетельству беспристрастнейших из польских историков и публицистов, две причины стубили их родину: польский гонор не мирился с мыслью о равноправности белорусов и малороссиян с поляками, а иезуитизм не мог допустить рядом с собой православной церкви» (Самарин, 2022: 226). Вследствие этой мировоззренческой позиции польской элиты в сознании русских слова «поляк» и «католик» рассматривались как синонимы, а образ поляка воспринимался как сугубо отрицательный.

Анализ взаимодействия двух государств, проведенный в историческом ракурсе, позволяет глубже понять характер отношений, сложившихся между ними к XIX в. При Алексее Михайловиче шла тяжелая война с Польшей за Малороссию, закончившаяся подписанием Вечного мира. Со второй половины XVII в. Польша была слабой державой, что делало ее ареной для борьбы разных государств, в результате которой она постепенно лишалась самостоятельности. Франция хотела посадить своего ставленника на польский престол, чему противодействовали Россия и Австрия. Три раздела Польши явились завершением существования самостоятельности государства, оказавшегося заложником своего геополитического положения. По условиям третьего раздела, Польша исчезла с политической карты, но мысль о независимости страны не покидала ее патриотов.

Современный польский политолог, занимающийся историей русско-польских отношений, профессор Анджей де Лазари считает, что у каждой культуры свое мироощущение, и что соседи Польши думают иначе, чем свойственно полякам. «И это "иначе" вовсе не должно означать "ошибочно". Поляки, вот, гордятся своим "гонором" (т.е. честью). А для русских "польский гонор" со времен Пушкина – это синоним тщеславной снеси и самонадеянности. Разве у русских нет оснований для такого мнения?» – спрашивает исследователь. Далее он утверждает, что «поляков больше всего раздражает в России государство и власть. В этом деле мы согласны со значительной частью российской интеллигенции» (Де Лазари, 2007: 133). Рефлексия русской интеллигенции по отношению к государственной власти и польскому вопросу в XIX в. была главной составляющей ее самоидентификации и оправданием существования как генератора общественного мнения.

2. Материалы и методы

Основой источникового базиса исследования являются архивные документы Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), Российского государственного исторического архива (Москва, Российская Федерация), а также воспоминания, мемуары, публицистические материалы. Записные книжки князя П. Вяземского позволяют составить представление об отношении ближайшего окружения и его лично к восстанию 1830 г. (Вяземский, 1963). В статье использованы заметки и статьи А. Герцена, написанные им для «Колокола» (Герцен, 1907), статьи редактора, писателя и публициста П. Щербальского (Щербальский, 2022). Славянофильская концепция польского вопроса изложена в статье Ю. Самарина (Самарин, 2022). Отношения между русскими и польскими студентами уделено место в воспоминаниях Л. Пантелеева (Пантелеев, 1958). Представление о нравах, обычаях местного населения и образе жизни русской интеллигенции в приграничных с Польшей районах, помогают составить воспоминания В. Короленко (Короленко, 1985). Особый интерес представляют научные труды, написанные профессиональными историками, являвшимися современниками исследуемой эпохи. История взаимоотношений между Россией и Польшей нашла свое отражение в трудах С. Соловьева (Соловьев, 1989). Свой взгляд на историю отношений между Россией и Польшей обосновывает Н. Данилевский в работе «Россия и Европа» (Данилевский, 2008).

Методология исследования включает в себя комплекс общенаучных и специально-исторических методов. Анализ, синтез и обобщение позволили всесторонне изучить объект исследования, углубить знания о нем и сделать резюмирующие выводы. Принципу историзма соответствует рассмотрение польского вопроса в контексте социально-экономических и политических процессов в Польше и имперском центре. Проблемно-хронологический метод позволил проследить последовательность и закономерность этнокультурных и социально-политических русско-польских взаимодействий. Историко-генетический метод дал возможность выявить глубинные корни

противоречий между странами. Историко-биографический метод использован для анализа роли личностей в общественно-политических процессах Польши и России XIX в.

3. Обсуждение

Труды историков дореволюционной школы существенным образом дополняют и интерпретируют исторические источники. Свой оригинальный подход при рассмотрении исторических событий, в частности польского восстания 1863 г., предлагает историк С. Платонов (Платонов, 1993). Выводы о причинах восстания и закономерности его поражения на основе богатого фактического материала обосновывает в своем «Курсе истории России XIX века» А. Корнилов (Корнилов, 2004). Концепцию противопоставления поляков и русских на основе религиозной принадлежности разработал историк А. Флоровский в курсе лекций о русско-польских отношениях XVIII-XIX вв. (Флоровский, 2022). Н. Раевский в своем исследовании проанализировал взгляды А. Пушкина и его окружения на события 1830 г. (Раевский, 1978). В сборнике научных статей «Поляки в России: история и современность» рассмотрены различные аспекты русско-польских отношений и взгляды русской интеллигенции на решение польского вопроса (ПВР, 2007). Вопросы становления польского менталитета, повлиявшего на взаимоотношения поляков и русских затронуты в сборнике статей «Польская культура в зеркале веков» (ПКВЗВ, 2007). Отношения между поляками и русскими на бытовом уровне нашли отражение в романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» (Достоевский, 1981).

Более полно представить характер отношений между Россией и Польшей дают публикации в научных журналах. Вопросы трактовки и времени возникновения польского вопроса освещены в статье Л. Аржаковой (Аржакова, 2014). Планы декабристов по решению польского вопроса рассмотрены в статье Ф. Некрашевича (Некрашевич, 2014). Отношение А. Пушкина к восстанию в Польше 1830 г. является предметом исследования в статье М. Широковой (Широкова, 2022). В. Орехов анализирует взгляды поэта на польский вопрос и их влияние на русское общество XIX в. (Орехов, 2019). А. Максимов на основе анализа дневников министра внутренних дел П. Валуева сделал выводы о способах решения польского вопроса на правительственном уровне (Максимов, 2014). Взгляды издателя и публициста И. Арсеньева на польский вопрос проанализированы в статье О. Завьяловой (Завьялова, 2019), взгляды Н. Тургенева на положение Польши в составе Российской империи – в работе А. Нарезного (Нарежный, 2019). Точка зрения Ф. Тютчева на истоки русофобии в Польше, предложения поэта и дипломата по решению польского вопроса рассмотрены в статье А. Мыриковой (Мырикова, 2009). А. Кружалина осветила проблемы осмысления польского вопроса представителями русской общественности (Кружалина, 2013). Сравнительный анализ взглядов представителей консервативной и либеральной публицистики на польский вопрос проведен в статье Д. Тимиряева (Тимиряев, 2016). Особый интерес для исследования поставленной проблемы представляет работа современного польского ученого А. де Лазари, рассматривающего русско-польские отношения в историческом ракурсе (Де Лазари, 2007). Ряд проблем взаимоотношений российской интеллигенции XIX в. с различными слоями населения, ее роль в формировании социокультурного пространства России, поиск путей саморазвития и обоснования лидерства в предложении планов развития страны освещены в статьях авторов данного исследования – А. Грязнухина и Т. Грязнухиной (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhin et al., 2020; Gryaznukhina et al., 2021a; Gryaznukhin et al., 2021b; Gryaznukhin et al., 2024).

4. Результаты

Польский вопрос являлся одной из самых острых проблем внутривосточного развития России XIX в. Он постоянно был в поле зрения русской интеллигенции, однако интерес к нему то затухал, то разгорался с новой силой в зависимости от состояния общественно-политической ситуации. Польское восстание 1830 г. привлекло к себе всеобщее внимание русской интеллигенции и она должна была определиться со своей позицией к происходившему. Неоднозначное отношение к мерам властей по решению польского вопроса в рядах дворянской интеллигенции, представлявшей собой элиту общества, привело к разногласиям в ее среде. Далеко не всегда интеллигенция поддерживала правительство в способах его решения. Первые сведения о восстании 1830 г. в Варшаве русская интеллигенция узнала из печати. Д. Фикельмон писала в письме своему другу П. Вяземскому, что эти события их потрясли: «...во всех умах полностью отсутствуют все иные мысли, кроме политических...» (Раевский, 1978: 164). И Фикельмон, и князь Вяземский имели много знакомых среди польской знати и выражали опасения за судьбу ее представителей из числа главных участников восстания. Личностный фактор не мог не сказаться на их отношении к событиям в Польше. Считая поляков нацией героической, которая ведет безнадежную борьбу за свою свободу, главную причину восстания они видели в политике великого князя Константина Павловича. Взгляды своих друзей не разделял А. Пушкин. Поддерживая политику правительства, он желал победы над поляками и взгляды свои выразил в стихах, отношение современников к которым было далеко не однозначным. П. Вяземский в записных книжках писал: «Польшу нельзя расстрелять, нельзя повесить ее, следовательно, силою ничего прочного, ничего окончательного сделать нельзя. При первой войне,

при первом движении в России, Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русского часового при каждом поляке» (Вяземский, 1963: 212). А. Тургенев также критически отнесся к стихам поэта. А вот П. Чаадаев принял их восторженно, считая, что Пушкин поступил как истинный национальный поэт. Пушкин признавал достижения польской культуры, его связывали дружеские отношения с А. Мицкевичем. Однако претензии поляков на исконно русские земли Украины и Белоруссии были для него неприемлемы. Создавая свои стихи, поэт оставался верен себе, и его политические убеждения, совпадавшие с официальной позицией правительства, не являлись результатом заблуждения или корыстолюбия, а сформировались на основе анализа исторических фактов. Продолжая традицию, заложенную в поэзии А. Пушкиным, М. Лермонтов опубликовал в 1835 г. стихотворение «Опять народные витии...», в котором поддержал позицию поэта по польскому вопросу (Орехов, 2019: 80). Политику правительства в отношении Польши приветствовал В. Жуковский. П. Вяземский по этому поводу писал: «Я уверен, что в стихах Жуковского нет царедворского побуждения, тут просто русское невежество» (Вяземский, 1963: 212).

Патриотические настроения поэтов разделяли декабристы. Н. Тургенев негативно относился к участию поляков в войне 1812 г. на стороне французов. Польшу он рассматривал как стену, отделяющую Россию от Европы, и считал ее «грязным источником, из которого текла бы в Россию безнравственность и подлость дворянства польского, и ненависть или презрение к конституционным государствам» (Нарежный, 2019: 72). Н. Тургенев одобрял дарованную Александром I Польше конституцию, не видя в ней унижения для России. Однако у других декабристов «была своего рода ревность к Польше: они думали, что Александр I больше любит и уважает поляков, чем русских», поэтому и даровал им конституцию (Герцен, 1907: 134). Такого мнения придерживались И. Якушкин, М. Орлов, М. Лунин. Причину восстания 1830 г. Н. Тургенев видел в том, что земли были присоединены к России насильственно в результате второго и третьего разделов Польши, а также в более высоком уровне развития этой страны, что определяло трудности ее взаимоотношений с имперским центром и препятствовало сближению России с Европой, и поэтому он высказывался за ее выход из состава империи. Но польские притязания на западные земли, где проживало русское население, для него были не приемлемы. В целом декабристы, поддерживая преобразования Александра I в Польше, надеялись на их распространение и на территорию России. Восстание 1830 г. многие расценивали как неблагодарность поляков за все льготы, предоставленные русским правительством. А. Бестужев писал о том, что его огорчают события 1830 г., а также считал, что поляки друзьями русских никогда не будут (Широкова, 2022: 16).

Исследования польского вопроса в контексте анализа пространственно-временных категорий проводили историки и философы XIX в., представлявшие собой научную интеллигенцию России. По мнению Н. Данилевского, сила каждой культуры проявляется в ее самобытности и оригинальности, которую может обеспечить только сильная государственная власть, способная защитить страну от внешних врагов. Трагедию Польши он видел в том, что она бездумно переняла «без борьбы западные религиозные начала» (Данилевский, 2008: 265). Мечты о восстановлении Польши в границах 1772 г. он считал «вредным обольщением» с ее стороны. В. Соловьев видел миссию Польши в объединении Запада и Востока. Считая православную церковь неспособной в силу своей косности пойти на акт самоотречения и внутреннего возрождения, он искренне полагал, что Польша может объединить Россию с католическим Западом и создать вселенскую теократию, где религиозная власть будет принадлежать папе (Амелина, 2014: 62). Любовь к польской культуре обусловила идеалистический взгляд философа на историю развития отношений России с Польшей. Однако при всей оторванности своих взглядов от реальной жизни, он не разделял стремление поляков восстановить страну в границах 1772 г., так как считал, что это приведет к порабощению русских крестьян. Он также был согласен с убеждением Данилевского о необходимости сильной государственной власти для самостоятельного развития любой культуры. Историк С. Соловьев рассматривал религию как фактор «резкой нравственной границы» между народами Запада и Россией, отмечая, что под знаменем православия «поднялась и собралась восточная Россия, чтоб не пустить на московский престол латынца, польского короля или сына его; под его знаменем отстаивала свою народную самостоятельность западная Россия в борьбе с Польшей» (Соловьев, 1989: 439). Историко-культурный анализ приводил его к выводу о враждебности польского народа к русскому в силу осознания поляками своей чуждости восточному соседу. Славянофил Ю. Самарин также рассматривал религию в контексте ее влияния на взаимоотношения между народами. Считая веру определяющей в формировании мировоззрения и поведения человека, он писал: «Глубокая несовместимость и непримиримость латинства со славянством доказана историческим опытом веков, хотя у нас многие не решаются еще признать ее» (Самарин, 2022: 228). Историк А. Флоровский также придерживался концепции противопоставления поляков и русских на основе религиозной принадлежности. «В общей форме можно охарактеризовать польско-русские отношения за все время их развития – т.е. за 1000 лет – как длительные неприятельские, враждебные, недоброжелательные» (Флоровский, 2022: 369). В своих исследованиях он подчеркивал, что основы культурной жизни Польши и России существенно различаются в силу определяющего влияния церкви на их формирование. В реальной жизни это не всегда было так. Например, в южных и юго-западных

районах, на Волыни и Подолье до восстания 1863 г. не было противостояния двух церквей. В православных церквях размещались изображения католических святых, православные священники хорошо знали польский язык. Ситуация изменилась после восстания 1863 г., когда правительство стало стремиться ограничить польское влияние в регионе. В учебных заведениях начали вводить ограничения на польскую литературу и язык, чиновники должны были иметь российское происхождение. К концу века католическая церковь, консолидировав польскую нацию на противостоянии российскому давлению, все активнее стала играть политическую роль, формируя негативное отношение у прихожан к русскому языку и культуре (Нестеренко, 2007: 33, 37).

По воспоминаниям В. Короленко, детство которого прошло на Волыни, ни православная, ни католическая веры не притеснялись. Мать писателя была католичкой, отец признавал ее право на выбор веры. На Волыни было сильно польское влияние. Читать мальчик учился по польской азбуке, посещал польский пансион, первая театральная пьеса, которую он увидел, тоже была польской. «Господствующим языком в пансионе был польский. Но ни малейшей национальной розни, между нами, собственно, в пансионе не было». О своей семье Короленко писал, что ее «нельзя назвать чисто русской» (Короленко, 1985: 104). В семье говорили как на польском, так и на русском языках. В городе по-русски говорили в основном военные и чиновники, а в деревнях звучал своеобразный говор, состоявший из смеси польского и русского языков. Неудивительно, что у будущего писателя возникла проблема с определением своей идентичности: «Я тогда не был ни русским, ни поляком, или, вернее, был и тем и другим...» (Короленко, 1985: 107). Свои коррективы в жизнь внесло польское восстание, которое вынудило семью определиться с принадлежностью к какой-либо культуре. Еще в 1860 г., придя со службы, отец сказал детям: «Вы – русские и с этого дня должны говорить по-русски» (Короленко, 1985: 103). В первые дни восстания горожане сочувствовали восставшим, настроение польского общества было приподнятое. Крестьяне же не поддерживали восстание и сами расправлялись с восставшими панями, ходили слухи, что мужики зарывали панов в землю живыми. После поражения восстания дамы в знак траура носили черные платья (Короленко, 1895: 112-114). Шляхта и романтически настроенная интеллигенция ради удовлетворения своих амбиций принесли в жертву национальные интересы, ухудшив как свое положение, так и народа, интересы которого им были глубоко безразличны.

Историк А. Корнилов, анализируя отношения с Польшей в первой половине XIX в., отмечал уверенность общества во враждебном отношении поляков к русским, так как «поляки тесно связывали свою судьбу с Наполеоном. Они дрались весьма храбро и энергично в рядах наполеоновских войск» (Корнилов, 2004: 197). Антипольские настроения в русском обществе в эпоху Александра не были редкостью, особенно враждебно к полякам относились в войсках. Конституция 1815 г. всю власть в Царстве Польском отдавала шляхте. Усилившиеся после восстания декабристов в польском обществе революционные настроения привели к восстанию 1830 г., основную причину которого Корнилов видел в утрате веры поляков в восстановление страны в границах 1772 г. (Корнилов, 2004: 197, 259).

В 1860-х гг. требование поляков о восстановлении страны в старых границах оставалось прежним. Это требование поддерживали и дворянская, и демократическая партии. Попыткой возродить Королевство Польское явилось восстание 1863 г. Истребление спящих русских солдат в казармах во время восстания возбудило русское общество против поляков. Даже те, кто раньше сочувствовал им, теперь изменили свою позицию. Печать пестрила негодующими статьями, представители разных политических убеждений были едины в своем негодовании. Так, Аксаков и Катков изменили к полякам свое лояльное отношение. Угрозы иностранного вмешательства вызвали взрыв патриотизма у русской общественности. По мнению Корнилова, события в Польше углубили раскол в рядах интеллигенции, взгляды которой сместились вправо. Перелом выразился в резком падении влияния «Колокола», тираж которого сильно упал (Корнилов, 2004: 478). Резко отрицательно относился к национально-освободительному движению поляков ведущий историк XIX в. С. Платонов. Обвиняя восставших в терроре и казнях тех, кто восстание не поддерживал, он писал: «В условленный день в разных местах Польши и Литвы банды "повстанцев" напали на русские войска и началась война» (Платонов, 1993: 710). Историк оправдывал жестокость М. Муравьева при подавлении мятежа в Литве, считая его патриотом, достойным уважения. Заявление правительств Англии, Франции, Австрии о необходимости дарования мира польскому народу, Платонов рассматривал как вмешательство во внутренние дела России. Его мнение совпадало с мнением правительства, выразителем которого в печати был М. Катков. Его «Московские ведомости» много сделали для подъема патриотических настроений среди общественности. «Державы могли убедиться в том, что в России народилось общественное мнение и что оно оказывает власти могучую нравственную помощь» (Платонов, 1993: 711).

Одним из факторов, объединявшим русскую интеллигенцию, являлось ее негативное отношение к территориальным притязаниям Польши. Ю. Самарин, занимаясь вопросами преобразований в Польше после подавления восстания, на требование Польши восстановить ее в исторических границах, задавал закономерный вопрос, какие «границы считать историческими?» (Самарин, 2022: 224). Он считал вопрос этот, в том виде как его предлагает Польша, неразрешимым.

«Польша пала жертвою внешнего вмешательства, вызванного ее внутренним разложением» (Самарин, 2022: 229). Славянофил К. Аксаков считал, что по этому вопросу с поляками не должно быть «никаких сделок, никаких компромиссов, ни тени каких-либо уступок» (Тимиряев, 2016: 101). М. Катков положительно оценивал внутреннюю политику правительства в Царстве Польском и считал необходимым проводить политику русификации нерусского населения, так как польское крестьянство было более лояльно настроено к русскому правительству, чем шляхта. Он убеждал своих читателей в том, что русские революционеры в своей подрывной деятельности связаны с польскими конспираторами. Ф. Тютчев также отмечал враждебность польской шляхты, которую поддерживали петербургские нигилисты, враждебные ко всему русскому, чувства которых инстинктивны, а в поведении нет никакой логики (Мырикова, 2009: 38). Поддерживая Д. Милютина и М. Каткова, Ф. Тютчев считал польскую шляхту опасным и сознательным врагом. Наиболее радикально настроенные круги интеллигенции отрицали саму возможность примирения с Польшей. Катков, напротив, считал примирение возможным через систему представительных учреждений, расширение сферы действия русского языка и лояльности к русскому государству со стороны поляков. Неоднозначной была позиция Аксакова по поводу дальнейшей судьбы польского государства. Он считал, что поляков необходимо предоставить их собственной участи, выведя с территории Польши войска, не отдавая при этом земель, на которых проживали православные русские. С этим его мнением был вполне согласен другой представитель славянофилов - А. Хомяков, который создал идеалистическую картину самоопределения народов, когда любая область могла приписаться к вновь создаваемой Польше, либо к другой державе, либо стать самостоятельной под чьим-либо покровительством, либо без него (Кружалина, 2013: 143).

Ко второй половине XIX в. самосознание российского общества вполне сформировалось. Это находило свое отражение, в частности, в том, что различные представители интеллигенции пытались реагировать на решение польского вопроса. Свои записки, проекты по урегулированию ситуации правительству представляли М. Погодин, Б. Чичерин, К. Кавелин, И. Аксаков, И. Арсеньев. Все активнее высказывались по поводу политических проблем журналисты. Историк, талантливый писатель, редактор «Варшавского дневника» – единственной в Варшаве русской газеты – П. Щебальский, был беспристрастным публицистом, статьи которого пользовались популярностью. Во многом разделяя взгляды Каткова, он считал необоснованными обвинения со стороны Европы и части русской интеллигенции в насильственном присоединении польских земель. По его мнению, еще в XVIII в. Европа, а вслед за ней и «образованная часть России» видели «в слиянии единой и долго разделенной национальности не что иное, как насильственное завоевание», хотя в отличие от Австрии и Пруссии, Россия не присоединила к себе исконно польских земель. Щебальский утверждал, что это было «присоединение Руси к Руси» (Щебальский, 2022: 117, 119). В 1861 г. был командирован в Варшаву журналист и издатель И. Арсеньев. Официальные власти ему покровительствовали. Он же ставил перед собой задачу объективно освещать материалы, так как местная администрация скрывала многие факты, и они доходили до Петербурга в искаженном виде. По утверждению журналиста, «все творившееся в Варшаве тщательно скрывается местной администрацией...» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 359. Л. 533). Министр внутренних дел П. Валуев соглашался с журналистом в том, что правительство действительно плохо информировано о реальных делах в Польше. По его мнению, правительство недостаточно решительно действовало в подавлении восстания 1863 г. Понимая, что силовое решение не решит проблемы, он считал, что нужна общая идея, которая расположила бы поляков к России (Максимов, 2014: 87-88). Информация, предлагаемая Арсеньевым читателю, не устраивала правительство, цензура ее не пропускала, что вынуждало журналиста публиковаться в зарубежной печати. Ухудшение ситуации в отношениях с Польшей он связывал с отсутствием четкой позиции у правительства в решении польского вопроса. Наблюдая жизнь поляков изнутри, Арсеньев пришел к выводу, что ненависть поляков к России была всегда, она только скрывалась под маской. Как выход из создавшейся ситуации он предлагал пойти по пути реформ, не вмешиваясь во внутренние дела управления, предоставить Польше административную автономию. Считая, что «по нравственному развитию своему, по своему образованию» поляки стоят выше русского народа, Арсеньев, вместе с тем утверждал, что признание этого факта не должно оскорблять (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 384. Л. 70б.). К польской аристократии Арсеньев относился отрицательно. По его мнению, управлять она не способна и занята только реализацией своих корыстных целей (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 384. Л. 10-120б.). Либеральные меры русского правительства принимались поляками за проявление слабости.

Об отношениях русских студентов с польскими представителями студенческой молодежи вспоминал в своих мемуарах Л. Пантелеев. В конце 1850-х гг., когда он учился в Петербургском университете, около трети от общего числа студентов составляли поляки. На юридическом факультете профессора-поляки читали им лекции на польском языке. Студенты-поляки составляли особую корпорацию, держась от русских студентов обособлено и не участвуя в студенческих сходках. С их стороны допускался только «при встречах на лекциях вежливый поклон». «Русские относились к полякам без всякой враждебности, но тоже не искали сближения». Некоторые русские профессора симпатизировали полякам, например, профессор Кавелин считал их положение ненормальным.

Польские студенты бывали у Чернышевского, Добролюбова, читали «Колокол», находя в нем материал, обличавший русское правительство (Пантелеев, 1958: 172). Л. Пантелеев повествует об интересном факте проявления солидарности со стороны русских студентов. В Петербурге была организована панихида по пятерым убитым в Варшаве при подавлении манифестации 13 февраля 1861 г. Естественно, что на нее пришли все поляки. Но пришли также и русские – профессора Костомаров, Утин и другие. Однако следствие по поводу панихиды было организовано только в отношении поляков. Русские студенты решили представить в следственную комиссию подписные листы с доказательством, что они тоже были на панихиде. Поляков это тронуло, они пошли на некоторое сближение с русскими (Пантелеев, 1958: 172-173). Но в целом это событие, не смогло изменить характер взаимоотношений между русскими и поляками, которые на генетическом уровне испытывали стойкую неприязнь к России и ее культуре. Чутко улавливавший общественные настроения и реагировавший на все процессы в обществе, Ф. Достоевский также не мог не коснуться в своем творчестве польского вопроса. В романе «Братья Карамазовы» он описал встречу на постоялом дворе Дмитрия с двумя польскими панями в «засаленной одежде», но «с высокомерным видом», приехавшими поправить свое материальное положение за счет женитьбы на Грушеньке. Чтобы как-то разрядить напряженную обстановку, Дмитрий предложил тост: «За Польшу, панове, пью за вашу Польшу, за польский край!». Шампанское было выпито, и Дмитрий провозгласил следующий тост: «Теперь за Россию, панове, и побратаемся!». За Россию выпили все присутствующие, кроме панов. На возглас Дмитрия «Как же вы, панове? Так вы так-то?» один из панов, замешкавшись, ответил: «За Россию в пределах до семьсот семьдесят второго года!» (Достоевский, 1981: 115). Враждебное отношение к России, носившее массовый характер, овладело сознанием поляков. Нищие поляки, не имевшие даже собственных часов, имели зато польский гонор, который, однако, не мешал им попытаться овладеть Грушенькиными деньгами. Как и в случае с панихидой, «побрататься» здесь явно не получилось. Открытости русской души были противопоставлены польский гонор и спесь.

Наиболее прогрессивно мыслящая часть русской интеллигенции объединилась вокруг редакции «Колокола». А. Герцен постоянно держал своих читателей в курсе польских дел. Национально-освободительное движение поляков он связывал с вопросом освобождения российских крестьян, а будущее Польши видел в ее федерализации и отделении от России. Он писал, что «всегда считал насильственное соединение России с Польшей огромнейшим несчастьем для обеих сторон» (Герцен, 1907: 42). Его обескураживало то, что «правительство на немецкий манер никогда не поймет, что для России сильная, независимая Польша, как союзница, гораздо выгоднее, чем Польша четвертованная, оскорбленная, ненавидящая» (Герцен, 1907: 78). По поводу разгрома восстания он опубликовал свое мнение в «Колоколе»: «Из польского дела мы себе почетного знамени не выкроим – полицейскому усмирению и казни целого народа ни восторги, ни лавры не идут» (Герцен, 1907: 162). Демократическая позиция Герцена была близка Н. Чернышевскому, Н. Добролюбову, Н. Серно-Соловьевичу. Их поддерживал историк, правовед и публицист Б. Чичерин, который также считал включение Польши в состав России величайшей ошибкой. Восстание 1863 г. он рассматривал как безумие, которое отдалило решение польского вопроса. Выход он видел в установлении равноправности польского языка наравне с русским. Многие его взгляды разделял философ Г. Трубецкой, считавший, что отношения с Польшей формируют позицию к России славянства в целом (Дианова, 2019: 112). Большое место Польше в освобождении славянских народов отводил М. Бакунин, веривший в братство русских и поляков. Однако претензии поляков на старые границы считал ошибкой с их стороны (Амелина, 2014: 72).

Отношения между русскими и поляками во многом осложнял национальный характер поляков, их гонор и неуступчивость. Этому существует немало свидетельств. Даже будучи арестованными после восстания 1863 г. поляки не хотели смиряться. На одном из этапов в Вятской губернии польские арестанты в ответ на приказ надеть наручники на подстрекателей беспорядка напали на конвоиров (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126. Л. 3-4). Поляки сами во многом способствовали формированию к себе негативного отношения со стороны русского населения, что часто было связано с пожарами. Подметные письма с угрозой поджогов вносили напряжение в общество. Министру внутренних дел П. Валуеву было доставлено такое письмо о предстоящих поджогах в Вятке, содержавшее угрозы для русских. Поджоги должны были осуществить арестанты-поляки, которые рассматривали эти действия как месть за свое поражение в восстании (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126. Л. 215).

Однако не все представители польской элиты были склонны во всех бедах своей страны обвинять Россию. Член Краковской академии искусств, профессор Ягеллонского университета, директор Краковского архива, видный общественный деятель М. Бобжинский в 1879 г. опубликовал «Очерк истории Польши», который сделал его имя популярным и поверг польское общество в состояние шока. Основное внимание в очерке уделялось причинам падения Речи Посполитой, заключавшихся по мнению автора не в кознях соседей, а во внутреннем разладе. Исследователь считал, что в Польше не было правительства, которое сплотило бы разрозненные общественные силы (Аржакова, 2007: 63). Надо было иметь определенное гражданское мужество, чтобы выступить с подобным заявлением, противоречившим сложившемуся общественному мнению. Град упреков посыпался на ученого, которого обвиняли в предательстве польских интересов. Польские историки

вступили с ним в полемику, не соглашаясь со сделанными выводами, но были вынуждены признать при этом значение его труда. Взгляды Бобжиньского разделял русский историк Н. Кареев, который также занимался вопросом падения Польши и много сделал для популяризации труда Бобжиньского в России, надеясь, что это будет способствовать взаимопониманию между двумя народами.

Литератор, философ и публицист польского происхождения М. Здзеховский, болезненно переживая сложившуюся ситуацию, прилагал все имевшиеся у него возможности, чтобы хоть как-то улучшить русско-польские отношения. Будучи хорошо образованным, он прекрасно разбирался в русской литературе, ему близки были взгляды Чаадаева, которому он посвятил один из очерков. Здзеховский не был сепаратистом, он выступал за автономию Польши, считая, что поляки должны иметь с русскими равный статус в Российской Империи. По его мнению, вопрос обострялся тем, что русское общество, за исключением отдельных его представителей, озабоченное своими проблемами, забыло о Польше. К таким представителям, помнящим о Польше, он относил В. Соловьева и Б. Чичерина, считая их защитниками польских интересов. Чичерин являлся для него непререкаемым авторитетом, именно его труды повлияли на то, что Здзеховский занялся проблемами польского вопроса. Он пригласил Чичерина посетить «Славянский клуб» Ягеллонского университета, председателем которого являлся. Исходя из личного опыта, Здзеховский пришел к осознанию бесполезности теоретических рассуждений по поводу польского вопроса. Практически же решить этот вопрос, как он полагал, могут только представители власти, Государственной Думы и Государственного Совета, ему же остается только молчание (Дианова, 2019: 114-115). Не все представители польского общества соглашались с амбициозными поведками своих соотечественников. И хотя число их было незначительно, определенное влияние на свое окружение они оказывали. Так, студент Хорошевский, имевший большой авторитет среди товарищей, выражал сомнение относительно прав Польши на Литву и Юго-Западный край. Пантелеев, зная желания поляков иметь Польшу в размерах до «разбора», был очень удивлен позицией Хорошевского (Пантелеев, 1958: 172).

Несмотря на то, что как со стороны русской, так и со стороны польской интеллигенции предпринимались отдельные попытки к сближению двух народов, существенной роли в установлении дружеских отношений они не сыграли. Пророчески-пессимистическую мысль высказал студент Маркевич в своем послании русским студентам: «Придет момент, – писал он, – когда, может быть, против всех доводов логики, сила чувств, сложившихся благодаря прошлому, бросит нас с оружием в руках против вас, так как нам нет возможности забыть, что вы принадлежите к народу, который нанес полякам самые тяжелые раны» (Пантелеев, 1958: 181).

5. Заключение

Польский вопрос являлся одним из самых актуальных в истории России XIX в. Связано это было, прежде всего с тем, что он включал в себя целый комплекс социально-политических и этнокультурных проблем русско-польских отношений, на которые влияла историческая память многих поколений. Особый интерес русской интеллигенции к Польше был обусловлен также тем, что из ближайшего соседа она стала частью территории Государства Российского. И поэтому все проблемы, связанные с историей взаимоотношений между Россией и Польшей, рассматривались русской интеллигенцией в контексте польского вопроса. На степень проявленного интереса к взаимоотношениям с Польшей влияли события общественно-политической жизни. Восстания 1830 и 1863 гг. способствовали увеличению этого интереса со стороны русской интеллигенции, которая должна была определиться со своей позицией по польскому вопросу. Позиция эта не была однозначной, часть интеллигенции поддерживала правительство, другой ее лагерь был не согласен с политикой властей. Это положение наблюдалось как в период первого польского восстания, когда Пушкин, Чаадаев, Жуковский, Вяземский, Фикельмон, будучи друзьями, оказались по разные стороны баррикад, так и в период второго восстания, когда интеллигенция предлагала свои варианты решения польского вопроса, далеко не всегда совпадающие с волей правительства. Через печать, научные труды, лекционную работу интеллигенция пыталась влиять на проводимую правительством политику, формируя общенациональную позицию. Единства по решению польского вопроса в рядах интеллигенции не наблюдалось, ею предлагались разные варианты решения проблемы: от предоставления Польше автономии до признания ее полной независимости. Причина конфликта усматривалась в неравноправном положении поляков, неправильной политике властей, религиозных различиях. Неоднозначным было мнение о возможности примирения с поляками. Если часть интеллигенции верила в возможность примирения с ними, то наиболее радикально настроенная умственная элита отрицала саму эту возможность. Несмотря на существовавшие в рядах интеллигенции разногласия по решению польского вопроса, всех ее представителей объединило неприятие территориальных претензий со стороны поляков. Представители разных политических направлений, забыв разногласия, объединились в едином патриотическом порыве, поддерживая правительство в его стремлении сохранить территориальную целостность государства.

Различие ментального восприятия действительности лежало в основе непонимания и недоверия между двумя народами. Тенденции русофобии, господствовавшие в польском обществе, препятствовали попыткам нормализовать отношения между двумя народами и культурами.

Литература

- Амелина, 2014** – Амелина Е.М. Место Польши в русской историографической мысли второй половины XIX века (Вл. Соловьев, Н. Данилевский, М. Бакунин) // *Соловьевские исследования*. 2014. 4(44). С. 58-75.
- Аржакова, 2007** – Аржакова Л.М. Николай Кареев и Михаил Бобжинский / Поляки в России: история и современность. Краснодар, 2007. С. 61-67.
- Аржакова, 2014** – Аржакова Л.М. Польский вопрос в России XIX в. (трактовка и время возникновения) // *Вестник ТвГУ. Серия «История»*. 2014. № 3. С. 4-17.
- Вяземский, 1963** – Вяземский П. А. Записные книжки. 1813–1848. М., 1963. 513 с.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Герцен, 1907** – Герцен А.И. Статьи о Польше (из «Колокола»). СПб., 1907. 189 с.
- Данилевский, 2008** – Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2008. 816 с.
- Де Лазари, 2007** – Де Лазари А. Musi to na Rusi... (о российской культурной запрограммированности и польской русофобии) // Поляки в России: история и современность. Краснодар, 2007. С. 133-138.
- Дианова, 2019** – Дианова В. М. Польский вопрос в трактовке российских интеллектуалов XIX – начала XX века // *Философский полилог*. 2019. 2 (6). С. 109-117.
- Достоевский, 1981** – Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Роман в 4 ч. Ч. III, IV, эпилог. М., 1981. 542 с.
- Завьялова, 2019** – Завьялова О.О. «Усмирить подвластный нам край»: взгляды И. А. Арсеньева на польский вопрос в начале 1860-х годов в контексте национальной политики Российской империи // *Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения*. 2019. Т. 19. Вып. 4. С. 417-423.
- Корнилов, 2004** – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004. 862 с.
- Короленко, 1985** – Короленко В. Г. История моего современника. Т. 1-2. М., 1985. 704 с.
- Кружалина, 2013** – Кружалина А. А. Польский вопрос в дискуссиях российской общественности // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2013. № 7. С. 142-146.
- Лескинен, 2007** – Лескинен М. Сарматский патриотизм в контексте формирования польской национальной мифологии в XVII веке / Польская культура в зеркале веков. М., 2007. С. 104-130.
- Максимов, 2014** – Максимов А. И. «Польский вопрос» в дневниках П. А. Валуева (1861-1864 гг.) // *Вестник Брянского государственного университета*. 2014. № 2. С. 84-89.
- Мырикова, 2009** – Мырикова А.В. Ф. И. Тютчев: истоки русофобии. «Польский вопрос» // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2009. № 3. С. 37-44.
- Нарежный, 2019** – Нарежный А.И. Н. И. Тургенев о польском вопросе // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2009. № 1. С. 70-76.
- Некрашевич, 2014** – Некрашевич Ф.А. Отдельный Литовский корпус в планах тайных обществ декабристов // *Российские и славянские исследования: науч. сб.* Вып. 9. Минск: БГУ, 2014. С. 123-128.
- Нестеренко, 2007** – Нестеренко В.А. Взаимоотношения между Римско-католической и Православной церквями Правосторонней Украины во второй половине XIX – начале XX в. / Поляки в России: история и современность. Краснодар, 2007. С. 29-40.
- Орехов, 2019** – Орехов В.В. «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2019. Т. 5(71). № 3. С. 69-88.
- Пантелеев, 1958** – Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. 848 с.
- ПВР, 2007** – Поляки в России: история и современность. Краснодар, 2007. 287 с.
- ПКВЗВ, 2007** – Польская культура в зеркале веков. М., 2007. 720 с.
- Платонов, 1993** – Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. 736 с.
- Раевский, 1978** – Раевский Н.А. Избранное. М., 1978. 492 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Самарин, 2022** – Самарин Ю.Ф. Современный объем польского вопроса / Забытые страницы польского вопроса. СПб., 2022. С. 220-240.
- Соловьев, 1989** – Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. 768 с.
- Тимирязев, 2016** – Тимирязев Д.О. Польский вопрос в отечественной консервативной и либеральной публицистике (1881-1887 гг.) // *Научные ведомости*. 2016. № 8 (229). С. 100-107.
- Флоровский, 2022** – Флоровский А.В. Русско-польские отношения в XVIII – XIX вв. / Забытые страницы польского вопроса. СПб., 2022. С. 368-374.

Широкова, 2022 – Широкова М.А. К вопросу о взглядах А. С. Пушкина на восстание в Польше 1830-1831 гг. // *Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология*. 2022. № 5 (127). С. 13-18.

Щебальский, 2022 – Щебальский П. К. Польско-русский вопрос / Забытые страницы польского вопроса. СПб., 2022. С. 113-124.

Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.

Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Belgorodskaya L.V., Malutina L.F. Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1132-1141.

Gryaznukhina et al., 2021a – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F. et al. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.

Gryaznukhin et al., 2021b – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Akhtamov E.A. Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1299-1307.

Gryaznukhin et al., 2024 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Zhulaeva A.S., Kozhevnikov S.V. The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century // *Bylye Gody*. 2024. 19(2). 716-725.

References

Amelina, 2014 – Amelina, E.M. (2014). Mesto Pol'shi v russkoi istoriograficheskoi mysli vtoroi poloviny XIX veka (Vl. Solov'ev, N. Danilevskii, M. Bakunin) [The place of Poland in Russian historiographical thought of the second half of the 19th century (V. Solovyov, N. Danilevsky, M. Bakunin)]. *Solov'evskie issledovaniya*. 4(44): 58-75. [in Russian]

Arzhakova, 2007 – Arzhakova, L.M. (2007). Nikolai Kareev i Mikhail Bobzhin'skii [Nikolai Kareev and Mikhail Bobzhinsky]. *Polyaki v Rossii: istoriya i sovremennost'*. Krasnodar. Pp. 61-67. [in Russian]

Arzhakova, 2014 – Arzhakova, L.M. (2014). Pol'skii vopros v Rossii XIX v. (traktovka i vremya vozniknoveniya) [The Polish Question in Russia in the 19th century (interpretation and time of origin)]. *Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya»*. 3: 4-17. [in Russian]

Danilevskii, 2008 – Danilevskii, N.Ya. (2008). Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu [Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic Romance]. Moskva. 816 p. [in Russian]

De Lazari, 2007 – De Lazarim A. (2007). Musi to na Rusi... (o rossiiskoi kul'turnoi zaprogrammirovannosti i pol'skoi rusofobii) [... (about Russian cultural programming" and Polish Russophobia)]. *Polyaki v Rossii: istoriya i sovremennost'*. Krasnodar. Pp. 133-138. [in Russian]

Dianova, 2019 – Dianova, V.M. (2019). Pol'skii vopros v traktovke rossiiskikh intellektualov XIX – nachala XX veka [The Polish question in the interpretation of Russian intellectuals of the 19th – early 20th centuries]. *Filosofskii polilog*. 2(6): 109-117. [in Russian]

Dostoevskii, 1981 – Dostoevskii, F.M. (1981). Brat'ya Karamazovy. Roman v 4 ch. Ch. III, IV, epilog [The brothers Karamazov. A novel at 4 p.m. III, IV, epilogue]. Moskva. 542 p. [in Russian]

Florovskii, 2022 – Florovskii, A.V. (2022). Russko-pol'skii otnosheniya v XVIII – XIX vv. [Russian-Polish relations in the XVIII – XIX centuries.]. *Zabytye stranitsy pol'skogo voprosa*. SPb. Pp. 368-374. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].

Gertsen, 1907 – Gertsen, A.I. (1907). Stat'i o Pol'she (iz «Kolokola») [Articles about Poland (from the “Kolokol”)]. SPb. 189 p. [in Russian]

Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V., Malutina, L.F. (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century. *Bylye Gody*. 57(3): 1132-1141.

Gryaznukhin et al., 2021b – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G., Akhtamov, E.A. (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 1299-1307.

Gryaznukhin et al., 2024 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Zhulaeva, A.S., Kozhevnikov, S.V. (2024). The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2). 716-725.

Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.

Gryaznukhina et al., 2021a – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F. et al. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.

Kornilov, 2004 – Kornilov, A.A. (2004). Kurs istorii Rossii XIX veka [The course of the history of Russia in the 19th century]. Moskva. 862 p. [in Russian]

- Korolenko, 1985** – *Korolenko, V.G.* (1985). Istoriya moego sovremennika. T. 1-2 [The story of my contemporary]. Moskva. 704 p. [in Russian]
- Kruzhalina, 2013** – *Kruzhalina, A.A.* (2013). Pol'skii vopros v diskussiyakh rossiiskoi obshchestvennosti [The Polish question in the discussions of the Russian public]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7: 142-146. [in Russian]
- Leskinen, 2007** – *Leskinen, M.* (2007). Sarmatskii patriotizm v kontekste formirovaniya pol'skoi natsional'noi mifologii v XVII veke [Sarmatian patriotism in the Context of the Formation of Polish National mythology in the 17th century]. *Pol'skaya kul'tura v zerkale vekov*. Moskva. Pp. 104-130. [in Russian]
- Maksimov, 2014** – *Maksimov, A.I.* (2014). «Pol'skii vopros» v dnevnikakh P. A. Valueva (1861-1864 gg.) [“The Polish question” in the diaries of P. A. Valuev (1861-1864)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 84-89. [in Russian]
- Myrikova, 2009** – *Myrikova, A.V.* (2009). F. I. Tyutchev: istoki rusofobii. «Pol'skii vopros» [F. I. Tyutchev: the origins of Russophobia. "The Polish question"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 3: 37-44. [in Russian]
- Narezhnyi, 2019** – *Narezhnyi, A.I.* (2019). N. I. Turgenev o pol'skom voprose [N. I. Turgenev on the Polish question]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 1: 70-76. [in Russian]
- Nekrashevich, 2014** – *Nekrashevich, F.A.* (2014). Otdel'nyi Litovskii korpus v planakh tainykh obshchestv dekabristov [A separate Lithuanian corps in the plans of the secret societies of the Decembrists]. *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya: nauch. sb.* Vyp. 9. Minsk. Pp. 123-128. [in Russian]
- Nesterenko, 2007** – *Nesterenko, V.A.* (2007). Vzaimootnosheniya mezhdru Rimsko-katolicheskoi i Pravoslavnoi tserkviami Pravostoronnei Ukrainy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The relationship between the Roman Catholic and Orthodox Churches of Right-sided Ukraine in the second half of the 19th – early 20th century]. *Polyaki v Rossii: istoriya i sovremennost'*. Krasnodar. Pp. 29-40. [in Russian]
- Orehov, 2019** – *Orehov, V.V.* (2019). «Klevetnikam Rossii»: avtorskaya pozitsiya i literaturnaya reputatsiya [“Slanders of Russia”: author's position and literary reputation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. T. 5(71). 3: 69-88.
- PKVZV, 2007** – *Pol'skaya kul'tura v zerkale vekov* [Polish culture in the mirror of centuries]. Moskva, 2007. 720 p. [in Russian]
- Platonov, 1993** – *Platonov, S.F.* (1993). Lektsii po russkoi istorii [Lectures on Russian history]. Moskva. 736 p. [in Russian]
- PVR, 2007** – *Polyaki v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Poles in Russia: History and Modernity]. Krasnodar, 2007. 287 p. [in Russian]
- Raevskii, 1978** – *Raevskii, N.A.* (1978). Izbrannoe [Favourites]. Moskva. 492 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Samarin, 2022** – *Samarin, Yu.F.* (2022). Sovremennyy ob'em pol'skogo voprosa [The current scope of the Polish question]. *Zabytye stranitsy pol'skogo voprosa*. SPb. Pp. 220-240. [in Russian]
- Shchebal'skii, 2022** – *Shchebal'skii, P.K.* (2022). Pol'sko-russkii vopros [The Polish-Russian question]. *Zabytye stranitsy pol'skogo voprosa*. SPb. Pp. 113-124. [in Russian]
- Shirokova, 2022** – *Shirokova, M.A.* (2022). K voprosu o vzglyadakh A. S. Pushkina na vosstanie v Pol'she 1830-1831 gg. [On the question of A. S. Pushkin's views on the Uprising in Poland of 1830-1831]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya*. 5(127): 13-18. [in Russian]
- Solov'ev, 1989** – *Solov'ev, S.M.* (1989). Chteniya i rasskazy po istorii Rossii [Readings and stories on the history of Russia]. Moskva. 768 p. [in Russian]
- Timiryayev, 2016** – *Timiryayev, D.O.* (2016). Pol'skii vopros v otechestvennoi konservativnoi i liberal'noi publitsistike (1881-1887 gg.) [The Polish Question in Russian conservative and liberal journalism (1881-1887)]. *Nauchnye vedomosti*. 8(229): 100-107. [in Russian]
- Vyazemskii, 1963** – *Vyazemskii, P.A.* (1963). Zapisnye knizhki. 1813–1848. [Notebooks. 1813–1848]. Moskva. 513 p. [in Russian]
- Zav'yalova, 2019** – *Zav'yalova, O.O.* (2019). «Usmirit' podvlastnyi nam kraj»: vzglyady I. A. Arsen'eva na pol'skii vopros v nachale 1860-kh godov v kontekste natsional'noi politiki Rossiiskoi imperii [“To pacify the region under our control”: I. A. Arsenyev's views on the Polish question in the early 1860s in the context of the national policy of the Russian Empire]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 19(4): 417-423. [in Russian]

Рефлексия российской интеллигенции XIX века в контексте польского вопроса

Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье проведен анализ комплекса этнокультурных и социально-политических противоречий между Россией и Польшей и его влияние на взгляды русской интеллигенции и развитие общественной мысли XIX в. На основании исследования архивных материалов, воспоминаний и публицистических материалов выявлена корреляция между историческими процессами прошлых веков и характером русско-польских отношений в XIX в. Рассмотрена позиция интеллигенции как выразительницы национального самосознания в контексте ее активности при решении польского вопроса, как наиболее значимой составляющей общественно-политических процессов. Проанализированы взгляды представителей интеллигенции, принадлежавших к разным политическим течениям и их позиции в отношении политики властей по решению польского вопроса. Выявлена многовекторность влияния польского вопроса на дестабилизацию внутренней жизни в России и имиджевые потери на внешнеполитической арене. Представлены различные варианты решения польского вопроса, разработанные интеллигенцией. В ходе исследования установлено, что объединяющим интеллигенцию фактором явилось ее негативное отношение к территориальным притязаниям поляков. Неприемлемым для патриотически настроенной интеллигенции было отчуждение исконно русских земель с проживающим на них православным населением. Дано обоснование причин межнационального конфликта, среди которых не последнее место занимают особенности польского национального характера, что подтверждается мнением ряда польских исследователей XIX-XXI вв. Обращение к историческому опыту русско-польских межэтнических и межгосударственных отношений может способствовать более глубокому пониманию причин конфликта и тем самым содействовать его разрешению.

Ключевые слова: Россия, польский вопрос, интеллигенция, рефлексия, славянофилы, западники, восстание.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 129-137
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.129

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Kazakh History in British Periodicals: Interpretations and Historical Accuracy

Ganizhamal Kushenova ^{a, *}, Alima Auanasova ^b, Albina Maxutova ^c, Ainur Kairullina ^d

^a L. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

^b “Institute of State History” of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^c Taraz University named after M.H. Dulati, Republic of Kazakhstan

^d Astana International University, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the 19th century, the expansion of the Russian Empire into the Inner territories of Asia faced a confrontation with British interests. British press closely monitored Russia’s actions from the perspective of global competition, known as the “Great Game”. The Kazakh steppe, located at the intersection of imperial interests, played a significant role in this process.

The British periodicals developed distinct views on Kazakh history, conveying the steppe's complex political, economic situation to a global audience. In this context, the study will undertake a comprehensive analysis of the content, interpretation, and historical accuracy of the data concerning Kazakh history presented in periodicals.

The following conclusions have been drawn: alongside political, economic topics, the extensive coverage of ethnographic information about the Kazakhs in British periodicals contributed to changing stereotypical views; the sources not only highlighted the importance of the Steppe in the system of international relations and the economic interests of the empires, but also emphasized its role as a transit corridor and a source of raw materials; the potential of using periodicals as sources for the study of 19th century Kazakh history was established; gaps in the coverage of issues related to the Kazakh Khanate, the Kazakh hordes were identified.

Keywords: Kazakh history, Kazakh Khanate, British periodicals, interpretation, historical accuracy.

1. Introduction

Due to changes in the current global geopolitical landscape, events from the 19th century may now be viewed in a completely different light. However, just as today, the Central Asian region back then also sparked significant interest from major powers, becoming a focal point for their geopolitical ambitions. Among these, the Kazakh steppe, situated at a strategic point in Central Asia, played a crucial role. It served as a corridor linking Russia and China and connected Great Britain with the countries of the Near East and India via the Caspian Sea, making it strategically important both militarily and economically.

In the first half of the 19th century, the competition between Russia and Great Britain for influence in Central Asia intensified, and Britain began to show interest in Russia’s border regions, including the Kazakh steppe. As part of Russia’s frontier, the Kazakh steppe had become an essential element of the “Great Game” between the major powers. British periodicals highlighted this in their publications.

In contemporary domestic historiography, it can be said that the events related to Kazakh history in British periodicals have not received sufficient attention. While Kazakh history has been well-studied within Russian academic circles, information from British newspapers and journals has often been overlooked. This

* Corresponding author

E-mail addresses: kushenovaganizhamal@gmail.com (G. Kushenova)

creates a gap in understanding how Kazakh history was perceived in the West, especially in the context of colonial struggles and international diplomacy. Therefore, the aim of this research is to identify and analyze the information published in British periodicals regarding Kazakh history, with a focus on interpretations related to the Kazakh Khanate.

The relevance of the research topic can be explained by several factors: 1) English publications provide an opportunity to study Kazakh history within a global context. By illustrating the strategic significance of the Kazakh steppe in the “Great Game”, this research enables a deeper understanding of Kazakhstan's role in world history; 2) It reveals the interpretations of Kazakh history within a Western audience. This may help to complement or reconsider some traditional narratives presented in domestic historiography; 3) The active presence of English periodicals suggests that the foundation for the field of “Kazakh Studies” has been established in the Great Britain.

Moreover, this research contributes the following innovations to the existing historiography: 1) it provides an opportunity to study Kazakh history through the lens of British press; 2) it aids in understanding Kazakh history, particularly the events during the colonial period, from an objective perspective. While the British press at that time was dependent on Russian information sources, it still offered its own evaluations of events in the region; 3) it highlights an angle of studying Kazakh history in relation to international politics, thereby enriching the current historiography regarding the international history of Central Asia.

2. Materials and Methodology

British periodicals that focus on analysing Kazakh history can be classified as scientifically significant sources. They place particular emphasis on the developments of events in the Kazakh steppe in relation to the competition between Great Britain and Russia. Therefore, the documentary foundation of this research is based on the collection of periodicals from “The British Newspaper Archive” located in the British Library.

Due to the extensive nature of the source collection, the chronological scope of the research is linked to the peak and climax of the “Great Game” between Great Britain and Russia, primarily focusing on materials from the 1830s to the 1860s. Among these, texts that encompass broader materials directly related to the topic have been selected, and issues concerning the Kazakh Khanate up to the 1830s have undergone critical analysis.

During the considered period, the Kazakhs were often referred to by the names “Kirghiz” or Kirghiz-Kaisak”, thus the research materials were searched using the key term “kirghiz”. However, this term can also be found as a few words within advertisements or in broader texts. Additionally, it is worth noting that the same text may appear in multiple publications, and there are often texts on mixed topics.

Thus, it is important to note that the following publications were comprehensively utilized in this research: “Cheltenham Journal and Gloucestershire Fashionable Weekly Gazette” 16 July 1827, “Morning Post” 05 December 1829, “Weekly Dispatch” 28 June 1840, “Dover Telegraph and Cinque Ports General Advertiser” 27 June 1840, “West Kent Guardian” 27 June 1840, “Leicester Herald” 27 June 1840, “The Birmingham Journal” 27 June 1840, “English Chronicle and Whitehall Evening Post” 30 December 1841, “Morning Herald (London)” 26 July 1842, “The Morning Herald” 01 January 1842, “English Chronicle and Whitehall Evening Post” 26 July 1842, “Northern Warder and General Advertiser for the Counties of Fife Perth and Forfar” 06 May 1854, “Church & State Gazette (London)” 04 August 1854, “Liverpool Standard and General Commercial Advertiser” 17 October 1854, “John Bull” 12 December 1857, “Daily News (London)” 17 December 1857, “Hereford Times” 16 January 1858, “The Morning Advertiser” 14 March 1859, “The Morning Post” 16 November 1863, “London and China Telegraph” 16 June 1865, “Friend of India and Statesman” 13 July 1865, “Evening Mail” 10 October 1866, “Newcastle Journal” 24 June 1869, “Home News for India, China and the Colonies” 24 September 1869 and “Lancaster Gazette” 26 September 1874.

Additionally, the documentary foundation of the research includes the periodical “Turkestanskije vedomosti” published in Tashkent in 1871, obtained from the National Electronic Library of the Russian Federation, as well as a collection of Diplomatic Documents of the Russian state (16th – 17th centuries) published in Almaty in 2005.

Overall, it can be stated that there is currently a substantial body of historiographical work concerning the policies of Great Britain and Russia in Central Asia, which is based on ethnographic essays and travel writings about the Kazakhs.

Among them, the research conducted by Russian scholars R.A. Arslanov and A.L. Klimashin is notable for its focus on analyzing the rivalry between Russia and Great Britain over Central Asia as reflected in Russian periodicals. The researcher S.N. Brezhneva, while studying Russian society of that time, reveals the perspectives present in Russian periodicals. However, these works focus more on Russian issues than on those related to the Kazakhs.

Within the scope of this research topic, it is essential to highlight the foundational scientific work of K.L. Esmagambetov, titled «What was written about us in the West», published in 1992, which is a significant contribution to the historiography of Kazakh history in foreign literature. The author notes that the Kazakh steppe served as a trade route for the English and references the first English merchant to write about the Kazakhs, A. Jenkinson, as well as other English researchers ([Esmagambetov, 1992: 21](#)). Additionally, one can mention the work «The First English Travellers in the Kazakh Steppe», published in

2006 as part of a state program. This work is entirely based on the travel writings of A. Jenkinson and T.W. Atkinson. Furthermore, within the framework of this research topic, A.B. Alzhanova's monograph «Western journalism on the Kazakhs during the period of Tsarism», published in 2011, should be noted. This work studies the writings of European travellers and journalists concerning the history and spiritual life of the Kazakh people. During the research, additional scholarly works were utilized that relate to the development of the topic beyond those mentioned above.

However, it is important to note that the works of the researchers are largely based on travel writings, essays, and diaries. In contrast, there are very few studies that have utilized the comprehensive array of British national, regional, and local periodicals as sources for Kazakh history. Therefore, this research will undoubtedly contribute a significant new set of data to the documentary foundation of Kazakh history.

The research was conducted based on an interdisciplinary scientific approach that utilized methods from history, political science, cultural studies, and sociology. Specifically: 1) the content analysis method was employed to analyze the topics and events presented in the publications, determine the frequency of term usage, and compare the aspects emphasized in historical data; 2) during the period under consideration, the international geopolitical situation was tense. Therefore, the historical discourse analysis method was used to interpret the information presented, identify the political and cultural perspectives and explain how the portrayal of the Kazakhs as “barbarians” in contrast to the “civilized” was a way to justify colonialism. This method encompasses the synthesis of history and political science as well as cultural studies; 3) the historical comparative method was used to compare the data in the publications with archival documents and scholarly research on Kazakh history. This involved investigating the accuracy of the interpretations of historical events and figures, as well as analyzing the reasons for any distortions or inaccuracies in the historical narrative. This method also integrates the interplay between history and sociology; 4) statistical or quantitative analysis methods were employed to examine the volume of publications related to Kazakh history, the distribution of topics, publication years, places of publication, and other relevant characteristics; 5) the historical genetic method was applied to predict the reasons for the emergence of information about Kazakh history in the publications, explore the factors that motivated research on the Kazakhs, and examine its political and cultural foundations; 6) the event analysis method was utilized to identify the impact of the “Great Game” on Kazakh history through British periodicals.

Thus, this combination of methods will aid in a deeper analysis of the interpretations of the Kazakhs found in British periodicals.

3. Discussion

The aim of British periodicals in the 19th century was to inform society, with their main content covering political, economic, social, and cultural issues. This included information on international events, British colonies, and relations with other great powers. Topics related to the Kazakh Khanate, the Kazakh steppe, the lifestyle of the Kazakhs, and their colonization, as well as national liberation movements against Russia, were raised. It is important to note that while there is limited direct information concerning the Kazakh Khanate, there are sufficient data related to the colonization period.

One of the first researchers of English sources on Kazakh history, domestic scholar K.L. Esmagambetov, noted that “the region has been unevenly studied in terms of time and space. Foreigners were mainly interested in border areas and routes of trade caravans and railways” (Esmagambetov, 1992: 135). Consequently, information about the Kazakhs and their history in British press began to appear in a fragmentary manner within the context of Russian policy from the 1820s onwards. For example, the “Cheltenham Journal and Gloucestershire Fashionable Weekly Gazette”, published on July 16, 1827, noted that information about the Kazakhs was not frequently encountered (Received..., 1827), and the “Morning Herald”, published on January 1, 1842, made a similar observation (Progress..., 1842).

In the 1840s, the widespread recognition of the Kazakhs in Britain can be particularly attributed to the works of the Russian author A.I. Levshin, who wrote about the Kazakh and Kazakh steppes and their regions (Progress..., 1842). However, it is evident that political interests took precedence for the British. In an article published on June 28, 1840, in the “Weekly Dispatch”, it was noted that “this is a translation from Russian, and the work is important to us as a specimen of Russian literature and because it relates to a country which terminates the extreme south of Russia dominions, and the extreme north of our East India connections” (Descriptions..., 1840). Thus, we can infer that the growing interest in researching the Kazakh steppe arose in relation to the “Great Game” between Great Britain and Russia. This highlights the significance of Kazakh land in global politics.

The decline of the khanate rule in the Kazakh steppes significantly influenced the balance of power between Great Britain and Russia in Asia. This also can be seen as one of the main factors that prompted Great Britain to deepen its understanding of the Kazakh steppes. This is supported by a statement published on December 30, 1841, in the London newspaper “English Chronicle and Whitehall Evening Post”, which noted: “The vast plain which extends from north to south between Siberia mountains of Cabul and Persia, and from east to west between chain of the Oural, the river of that name, the eastern side of the Caspian Sea, and the western frontier of China, comprehend several distinct provinces which we shall describe successively, and the most important of which, from its extend, is the country of the Kirghiz-Kazaks”

([Progress..., 1841](#)). Furthermore, an article published on January 1, 1842, in the “Morning Herald” stated: “England should carefully watch every movement of her rival on the plateaux of Upper Asia, for it cannot be denied that the latter is in a position to cause serious uneasiness with regard to her positions in the east. The danger perhaps may not be immediate, but it is a storm which should be averted” ([Progress..., 1842](#)). This suggests that by the mid-19th century, there was a noticeable intensification of the struggle for influence in Central Asia between the aforementioned states. Therefore, the examples provided above demonstrate that the Kazakh steppes played a significant role in shaping the global geopolitical landscape, and it is evident that British periodicals also turned their attention to this region.

However, there are researchers who present this from a different perspective. For instance, A.B. Alzhanova states: “although the countries of Western Europe and Kazakhstan are geographically distant and differ in cultural typologies, their mutual acquaintance was established through Russia's multifaceted mediation forms. In the 19th century, the progressive role of advanced Russia in the development of the Kazakh people became such a clear and significant phenomenon that it inevitably sparked interest in Kazakhstan among Western scholars and writers” ([Alzhanova, 2011: 42](#)).

Starting from the 1840s, British periodicals not only introduced the Kazakh steppes as part of Russia's Central Asian policy but also indicated that the competition between empires had turned into an information war. For example, in the “Liverpool Standard and General Commercial Advertiser”, published on October 17, 1854, it was stated: “Henceforth for a century to come the aggressive prowess of Russia has lost its prestige, and any attempt she may make to frighten the nations will be treated with the scorn and ridicule it must inevitably provoke” ([From our..., 1854](#)). Similarly, in the “Turkestanskije Vedomosti”, published on June 14, 1871, it was remarked that “the English race does not distinguish itself through gentle negotiation” ([Nashe polozenie..., 1871](#)).

Thus, British publications assessed Russia's policy in Central Asia as steps taken towards the conquest of Britain's “jewel”, India. In contrast, Russia disguised its colonial policy as efforts to liberate the local population from backwardness to fulfill a “civilizing mission”, strengthen its borders, and protect itself from Great Britain.

It is important to note that Russia categorized not only the nomadic Kazakhs but also the sedentary Central Asian khanates as “backward”. “In the Russian periodicals of the right orientation, there emerged a perception of the Central Asian peoples as beings less committed to civilization than the Russians. The fact is that in the 19th century, the dominance of leading world powers over Eastern countries was regarded by science as a natural phenomenon. The backwardness of Eastern nations was seen as perennial, with their progress deemed possible only under the influence of Western nations” ([Brezhneva, 2012: 27](#)).

Initially, British periodicals, lacking comprehensive data, described the Kazakhs as a dangerous people. For instance, the “The Birmingham Journal” on June 27, 1840, stated that the Kazakhs were a “a common Kirghiz is always on the watch to steal his neighbour's child, to sell it as a slave” and “they have the art of reducing their Russian prisoners, by a dexterous blow on the head...” ([Interior of Asia, 1840](#)). Similarly, the “Morning Herald (London)” reported in its July 26, 1842, issue that “On all these roads from the oasis of the Oxus and Jaxartes (or the Amoo and Sir-Daria) the trade is exposed to the rapacious attacks of the Kirghiz-Kazaks, especially those of the middle and smaller hordes” ([Russian Design..., 1842](#)). However, over time, a shift in this perspective began to emerge. For example, in the “Lancaster Gazette”, published on September 26, 1874, which falls outside the chronological scope of the study, we learn that the author of this entry did not want these people to change. The newspaper stated: “I should be sorry, indeed even to see these simple, happy people inoculated with our civilization and its attendant vices” and “I have always found them kind hospitable and honest” ([The Hospitable Kirghiz, 1874](#)).

As we can see, while Western authors maintained their stance as representatives of a colonizing nation on key issues, there were instances where they conveyed the truth once they had access to more information.

It is worth noting that the seven-year journey of the traveller T.W. Atkinson to “Siberia, Mongolia, the Kyrgyz Steppes, and Chinese Tartary” generated considerable interest in British publications at all levels. Previously, several English travellers had also visited the region in earlier centuries ([Pervye anglijskie..., 2006: 6-7](#)). However, the accounts and lectures delivered by T.W. Atkinson during his travels had a particularly profound impact, as evidenced by the excerpts from his extensive writings being published in various periodicals over several years. Undoubtedly, this contributed to changing British perceptions of the Kazakh people.

T.W. Atkinson studied the life, culture, and customs of the Kazakhs, leaving many positive remarks about their hospitality, friendliness, and nomadic culture in his works. In a piece published on December 17, 1857, in “Daily News (London)”, he stated: “the following vivid description of the yurt, or dwelling, and hordes of Mahomed, one of the wealthy chiefs of the Kirghiz, will give our readers a good idea of these pastoral nomads” ([Oriental..., 1857](#)), and he proceeded with an excerpt from his travelogue.

Thus, negative perceptions of the Kazakhs almost did not appear in British publications from the 1860s to 1869. On the contrary, in the Monday issue of the “Morning Post” published on November 16, 1863, it was stated that “only the Kirghiz of the steppe preserved the spirit of independence” ([Memorandum..., 1863](#)).

However, there are also significant errors in the interpretation of historical events in periodicals. Certainly, the likelihood of publications making mistakes in their explanations, alongside providing reliable

information, cannot be dismissed. For example, one source traces Russia's rule over the Kazakh steppes back to the 16th century (Progress..., 1842). Analyzing the historical accuracy of this information, it is indeed true that in the 16th century, the Moscow prioritized establishing close economic ties with the Kazakh Khanate. The Kazakh steppes served as a transit region for the Moscow, facilitating trade relations with other Asian countries and ensuring the safe delivery of goods to the markets of Inner Asia. Consequently, as stated in the periodical “at the request of the Stroganov's, the Tsar sent an envoy to establish relations with the Kirghiz Kazaks. However, the Khan of Siberia, who was defending his independence against the Muscovites, not only obstructed the embassy but also sought to draw them to his side” (Progress..., 1842). The “Morning Herald” also noted that “during this war, the Kazakh Khan Tauke's nephew fell into the hands of the Russians” (Progress..., 1842). This information refers to the capture of Oraz-Muhammed, the grandson of Khan Shyghay, by Commander D. Chulkov in 1588 (Abuseitova, 1985: 195), as is known in history.

In general, neither historical sources nor contemporary researchers deny the events mentioned above. On the contrary, they expand on these events by noting that Russian envoys Semyon Maltsev and Tretyak Chebukov arrived in 1569 and 1573, respectively. Furthermore, on May 30, 1574, Ivan the Terrible issued a charter allowing the Stroganov brothers to trade with the Kazakhs without paying taxes. In sending this embassy, he aimed not only to develop trade relations but also to encourage the Kazakhs to form a military alliance against the Khanate of Siberia (Atygaev, 2023: 53-55). The Khanate of Siberia was considered one of the dangerous neighbours to the Tsardom of Moscow at that time. Therefore, it can be inferred that the Russian rulers regarded the Kazakh Khanate as an equal partner.

The misunderstanding regarding the statement that “Russian authority was established in the Kazakh steppes in the 16th century” may be influenced by the following historical facts: Documents from the Russian State Archive of Ancient Acts, specifically from fund No. 122.1595, contain information about Russian-Kazakh relations in the records dated January 20-29, 1594 and No. 130 (Posol'skie materialy..., 2005: 191-194), March 28, 1595 and No. 135 (Posol'skie materialy..., 2005: 197).

Among these, the document from January 20-29, 1594, reveals from the text of the conversation between the envoy Kulmagambet and Oraz-Muhammed that Khan Tauke did not request asylum from the Russian tsar (Posol'skie materialy..., 2005: 191-194). The next document is a letter from Tsar Boris Godunov to Kazakh Khan Tauke. At the beginning of the letter, it mentions that Khan Tauke sent a letter to the Russian tsar through his envoy Kulmagambet, and it further discusses how the Khan of Siberia, Koshim, was expelled from his court due to treachery against them. Here, the tsar indicates that he would accept the Kazakhs under his authority. He also instructs to bring Koshim, the Khan of Siberia, who had betrayed the Russians like a subordinate, and to conquer the Khanate of Bukhara, leading them to the tsar's doorstep (Posol'skie materialy..., 2005: 197).

The text of this letter indicates that the Russian tsardom did not regard the Kazakhs as equal military allies; rather, it seems prepared to accept them as subjects. However, there is no evidence of Khan Tauke having taken an oath of allegiance.

A deeper analysis reveals that this error did not originate from the inherent interpretation of the British publication. According to researcher N. Atygaev, this confusion arose from the fact that “the Russian diplomatic service misinterpreted the Kazakh Khan's proposal as a form of “dependence” (Atygaev, 2023: 159). This viewpoint is also supported by researcher M. Kh. Abuseitova (Abuseitova, 1985: 82).

Additionally, there is a letter dated October 4, 1693, in which Khan Tauke wrote to Peter the Great of Russia to support friendly relations. This letter is preserved in the archive of the St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences. In this correspondence, the development of trade relations and the continuation of peaceful ties between the two states are discussed (Posol'skie materialy..., 2005: 401). Researcher T.I. Sultanov also notes that Khan Tauke sent diplomatic missions to Russia five times between 1686 and 1693 (Sultanov, 2006: 232). This indicates that he effectively capitalized on the favorable moment presented to Tsar Peter I. The British press also observes this development, stating: “The Zungars, driven out of the lands which they occupied in China, came to bring trouble and disorder into the Steppes. They got possession of Turkestan, and subjugated the great horde, which, notwithstanding its name, had been for some time less numerous and important than the two others. The rest of the nation have also suffered from the attacks of the same enemies, and from those of the Kalmouks of the Volga, and the Bachirs. In their distress the Kirghiz-Kazaks had recourse to Russia, who, thanks to the influence of the master genius of Peter the Great prepared herself for new and glorious destinies by the accomplishment of a great internal work” and it further states: “he comprehended what political and commercial advantages were attached to the possession of the Steppes, and he resolved to procure them some day for his country” (Progress..., 1842).

Therefore, it can be stated that after the 16th century, the relationship between the Russians and the Kazakhs developed into a partnership based on equality rather than dependency.

Another deficient text related to the Kazakh Khanate appears in the periodic publications regarding the origins of the Kazakh tribes. Concerning Tauke Khan, it was noted that “One of them, the Khan Tiavka, whose name reminds the inhabitants of the Steppes of the golden age of their history, knew how to make himself respected by all the hordes who composed the Khirghese nation, although it was difficult to comprehend his motive for dividing the people into three distinct hordes, under the title of the small, the middling, and the large” (Progress..., 1842).

This topic remains one of the complex issues that has not been definitively resolved even today. However, it is essential to clarify the source of the contradictions. For instance, in the works of the medieval Persian historian Rashid al-Din, he discusses the origins of the tribes that comprise the modern Kazakh “jüz” (horde), including the Qongyrat, Qangly, Kipchak, Zhalayir, and Naiman, as well as the roles of certain figures from these tribes within the empire (Rashid ad-Din, 2023: 80-125). Nevertheless, he has not mentioned their organization into “jüz”. Here, it is worth noting the statements of Soviet scholars V.V. Vostrov and M.S. Mukhanov, who argue that “if there had been a non-military division into “jüz” among the tribes at that time, it would not have escaped the attention of medieval historians and travellers” (Vostrov, Mukhanov, 1968: 9). Their argument is based on N.Ya. Bichurin's assertion that the term “jüz” does not appear in accessible sources concerning the history of Kazakhstan from the IX to the XVIII centuries. Therefore, the authors attribute the earliest reliable document indicating the division of the Kazakh people into three “jüz” to the year 1731. In their view, the first credible source is the statement made by the translator Tevkelev, who wrote to the emperor regarding the Little Jüz of the Kazakhs (Vostrov, Mukhanov, 1968: 10).

However, recent studies have revealed evidence of documents related to the Kazakh hordes that predate 1731. For example, Russian diplomatic documents from 1616 contain information about the Kazakh hordes. According to these documents, Russian envoys Tomil Petrov and Ivan Kunitsyn reported during their visit to the Kalmyks that the Great Horde of the Kazakhs was under the authority of Tole Batyr. This indicates that the mention of the Great Horde of the Kazakhs by the envoys suggests the existence of “hordes” within Kazakh society by the early 17th century. Therefore, we believe that the information from British publications stating that Tauke Khan divided the people into three groups likely arises from his efforts to strengthen the institution of khans through the management of the Kazakh hordes.

In conclusion, it can be asserted that the informational data provided by British periodicals, particularly regarding the 19th century, are highly reliable. Moreover, these sources undoubtedly contribute valuable insights into the history of Kazakhstan, especially concerning the processes of Russian colonization in the 19th century.

4. Results

Publications in British periodicals were primarily based on reports from their correspondents, international telegraphic services, and foreign intelligence messages received from places such as Germany, France, and St. Petersburg. For example, a report from Germany July 05, 1829 states: “such a good understanding has long prevailed between Russia and China, that the former Power took possession, a few years ago, of a country Central Asia, as extensive as France and Holland together. This is the country inhabited by the Kirghis Kaissacks and other Nomade tribes, who have been induced, by skilful negotiations, to submit to Russia” (German Paper, 1829). In the 1842 publication of the Morning Herald (London), a plan concerning Russia's intention in Asia was disclosed. The article notably included the detail that “the copy whence the translation was made was a literal copy from the original memoir now in the Imperial Archives of St. Peterburg (Russian Design..., 1842).

These details not only illustrate the channels through which information was obtained but also enhance the credibility of the published accounts. When analyzing the research issue by years, it becomes evident that the number of articles published in the 1830–1839 period was relatively low and covered a wide range of topics. This indicates that while the overall volume of reporting on the subject was limited during this decade, the information provided was diverse, reflecting different aspects of the events and developments being covered.

During the 1840–1849 period, there was a noticeable increase in the number of reports covering various topics. This rise can be attributed not only to political developments but also to the repetition of certain articles across multiple publications. For example, the piece titled “A Hint to Phrenologists” was published on June 27, 1840, in the “Dover Telegraph and Cinque Ports General Advertiser” (A Hint..., 1840), “West Kent Guardian” (A Hint..., 1840a), and “Leicester Herald” (A Hint..., 1840b). Similarly, the article “Russian Design on India/Memoir on the means at the disposal of Russia for an advance against the possession of Great Britain in India” appeared on July 26, 1842, in both the “Morning Herald (London)” (Russian Design, 1842) and the “English Chronicle and Whitehall Evening Post” (Russian Design, 1842). Perhaps these repetitions in various newspapers highlight the proliferation of important political commentary, especially regarding Russia's strategic intentions in Central Asia, which attracted widespread attention in the British media during this period.

Furthermore, compared to other periods, the content of publications during these years reflected both negative and positive attitudes towards the Kazakhs. For instance, in the June 27, 1840 edition of the “Birmingham Journal”, they were described using terms like “robbers” and “thieves” (Interior..., 1840), while the July 26, 1842 edition of the “Morning Herald (London)” (Russian Design, 1842) reported that the Kazakhs had abandoned robbery and transitioned to a peaceful way of life. This shows a shift in perspective over time, suggesting that the portrayal of Kazakhs in British publications was evolving and becoming more nuanced.

In the publications from 1850 to 1859, although a variety of topics were covered, the main issues can be categorized into political, economic, and anthropological themes. Among these, there were articles

criticizing Russia's colonial policies towards the Kazakhs. For example, the May 6, 1854 edition of the "Northern Warder and General Advertiser for the Counties of Fife, Perth and Forfar" ([Blackwood's Edinburgh..., 1854](#)), as well as the August 4, 1854 issue of the "Church & State Gazette (London)" ([The Serf..., 1854](#)), discussed how Orenburg Governor-General I. Nepluev had used tactics to incite conflict between the nomadic Bashkirs and Kazakhs, pitting them against each other. This indicates that British press outlets were paying attention to Russian colonial strategies and were critical of the ways in which the Russian Empire manipulated relations among local ethnic groups to maintain control in Kazakh Steppe.

Materials published in British newspapers clearly reflect a keen interest in the natural resources of the Kazakh steppe. Texts from 1850 to 1859 frequently discussed the region's mineral wealth and its strategic importance as a crossroads between East and West. For example, the John Bull newspaper from December 12, 1857, describes the Kazakh steppe not only as vast open land but also as a territory rich in minerals, gold, and copper deposits ([Oriental..., 1857](#)). In addition, records from 1850 mention the discovery of substantial lead deposits in the Kazakh steppes ([Oriental..., 1857a](#)). Some reports even noted that Chinese families had settled in the region near gold mines ([The Russian..., 1859](#)).

As researchers noted, "their primary focus was not on the expansion of territories or the assertion of Russia's military might, but rather on ensuring economic growth, including leveraging the potential of Central Asia, and implementing liberal reforms within the country" ([Arslanov, Klimashin, 2018: 163](#)).

The anthropological issues were further explored through the work of T.W. Atkinson, which was published in excerpts across several British periodicals over many years. For instance, in a piece published on January 16, 1858, in the "Hereford Times", T. Atkinson depicts the lifestyle of a Kazakh village. He notes that, similar to contemporary practices where Kazakhs sacrifice a sheep for honored guests, the host in his account also had a sheep slaughtered, showcasing the hospitality and warmth characteristic of Kazakh culture ([The Dwelling, 1858](#)).

Although the 1860s saw a focus on political themes, a variety of topics were frequently addressed during this period. For instance, in the June 16, 1865, edition of the London and China Telegraph, the religious propaganda conducted by Russia towards the Kazakh tribes is discussed. The article describes how the Russian Government proceeded to erect mosques, and appointed Tatar Mullahs, under which influence the Middle and Great Hordes of the Kazakhs over the years ([Russian Propagation..., 1865](#)). This issue is also mentioned in the Friend of India and Statesman, published in British India on July 13, 1865 ([A Russian..., 1865](#)).

Furthermore, in an article titled "Russians in Central Asia", published on October 10, 1866, in the Evening Mail, it is stated that "the Kazakh steppe is now part of Russian territory" ([The Russians, 1866](#)). This can be presumed to be linked to the incorporation of the Great Horde of Kazakhs into the Russian Empire.

Additionally, during this decade, the uprisings of the Kazakhs against Russia are featured in several publications. For example, the Newcastle Journal on June 24, 1869, discusses the Kazakh uprising ([The Kirghiz..., 1869](#)). In an article published on September 24, 1869, in the "Home News for India, China and the Colonies", it is noted that the Khiva Khanate was supporting the Kazakh uprising against Russia by promising silver and livestock ([Russia..., 1869](#)).

Thus, as noted above, in different periods, especially with regard to political and economic issues, the information provided was mainly provided as part of Russian news.

When researching British periodicals, one can encounter not only accurate information but also certain shortcomings. These shortcomings are particularly evident regarding the era of the Kazakh Khanate, the names of historical figures, and toponyms. It can be assumed that the errors in personal names and toponyms stem from phonetic peculiarities of the language. However, it is important to highlight the significant inaccuracies related to issues such as "the submission of the Kazakhs to Russian rule" and "the three jüz (hordes) in Kazakh society" during the era of the Kazakh Khanate.

Overall, historical events and figures published in British periodicals generally exhibit a reasonable correspondence to historical facts.

5. Conclusion

The content of periodicals during the research period reflects the intensification of Russia's colonial policy toward Central Asia in the 19th century. Initially, this was examined within the framework of events such as Russian-Kazakh relations and Russia's expeditions to the Central Asian khanates. However, it later became evident that there was an increase in information regarding the Kazakhs' resistance against Russia.

The economic significance of the Kazakh steppe was highlighted as a source of raw materials and a transit corridor for Russia, Great Britain, China, and the Central Asian khanates. The ownership of mineral resources in the Kazakh steppe by Russia and China, along with the British interest in natural resources, indicated the economic interests of these powers in the region.

The emergence of specific writings about the Kazakhs, particularly regarding ethnographic topics, in the second half of the 19th century demonstrated their relevance to British audiences. These studies contributed to a shift in Western society's perceptions of the Kazakhs to some extent.

In conclusion, first and foremost, the detailed coverage of the military actions of the Russian Empire towards the Kazakh steppe and the Central Asian khanates in British periodicals indicated that these events were part of a global struggle. Notably, the discussions surrounding the Kazakhs' resistance against

colonialism underscored that these movements were not only local but also part of a broader global anti-colonial movement. This highlighted the strategic significance of the Kazakh steppe.

Furthermore, the descriptions of the Kazakh people's culture, religion, and way of life in publications revealed that they were portrayed not only in a stereotypical manner but also with respect. This indicates a shift in the perspectives of the British audience.

6. Acknowledgements

The scientific research work was conducted within the framework of the program-targeted financing of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan. IRAN IK21882223 “The Kazakh Khanate in the second half of the XV - first half of the XVIII centuries Ethnopolitical History and Foreign Policy”.

References

- [A Hint..., 1840](#) – A Hint to Phrenologists. Dover Telegraph and Cinque Ports General Advertiser. Kent, Saturday 27 June 1840. Vol. VII. № 346. 8 p.
- [A Hint..., 1840a](#) – A Hint to Phrenologists. Leicester Herald. Leicestershire, Saturday 27 June 1840. Vol. XIV. 8 p.
- [A Hint..., 1840b](#) – A Hint to Phrenologists. West Kent Guardian. London, Saturday 27 June 1840. № 288. 8 p.
- [A Russian...](#) – A Russian Account on Central Asia. Friend of India and Statesman. West Bengal, India, Thursday 13 July 1865. Vol. XXXI. № 1593. 28 p.
- [Abuseitova, 1985](#) – Abuseitova, M.H. (1985). Kazahskoe hanstvo vo vtoroj polovine XVI veka [The Kazakh Khanate in the second half of the XVI century]. Almaty, 104 p. [in Russian]
- [Al'zhanova, 2011](#) – Al'zhanova, A.B. (2011). Zapadnaya publicistika o kazahah v period carizma [Western journalism about Kazakhs in the period of tsarism]. Almaty, 122 p. [in Russian]
- [Arslanov, Klimashin, 2018](#) – Arslanov, R.A., Klimashin, A.L. (2018). Otechestvennaya publicistika o Rossijsko-Britanskij protivorechijah v Srednej Azii v konce XIX veka [National journalism on the Russian-British contradictions in Central Asia at the end of the 19th century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. 5: 151-167. [in Russian]
- [Atygaev, 2023](#) – Atygaev, N. (2023). Kazahskoe hanstvo: ocherki vneshnepoliticheskoj istorii XV-XVII vekov [The Kazakh Khanate: essays on the foreign policy history of the XV-XVII centuries]. Almaty, 225 p. [in Russian]
- [Blackwood's Edinburgh..., 1854](#) – Blackwood's Edinburgh Magazine. Northern Warder and General Advertiser for the Counties of Fife, Perth and Forfar. Angus, Scotland, Saturday 06 May 1854. Vol. XIV. №692. 8 p.
- [Brezhneva, 2012](#) – Brezhneva, S.N. (2012). Russkaya Obshestvennost' o nastuplenii Rossojskoj Imperii (vtoraya plovina XIX veka) [Russian Society on the Russian Empire attacking Turkestan (the second half of XIX century)]. *Vestnik ChGPU im. I. Ya. Yakovleva*. 1(73): 26-31. [in Russian]
- [Descriptions..., 1840](#) – Descriptions des Hordes et des Steppes des Kirghiz-Kazaks. Paris. *Weekly Dispatch*. London, Sunday 28 June 1840. № 2019. 11 p.
- [Esmagambetov, 1992](#) – Esmagambetov, K.L. (1992). Chto pisali o nas na Zapade [What was written about us in the West]. Almaty. 152 p. [in Russian]
- [From our..., 1854](#) – From our London Corresponden. Liverpool Standard and General Commercial Advertiser. Lancashire, Tuesday 17 October 1854. № 1667. 17 p.
- [German Paper, 1829](#) – *German Paper*. Morning Post. London, Saturday 05 December 1829. № 18, 403. 4 p.
- [Interior of Asia, 1840](#) – Interior of Asia. Russian Ambition. *Birmingham Journal*. Warwickshire, Saturday 27 June 1840. № 786. 6 p.
- [Memorandum..., 1863](#) – Memorandum on The Encroachments of Russia in Asia and Eastern Europe. *Morning Post*. London, Monday 16 November 1863. № 28, 054. 8 p.
- [Nashe polozenie..., 1871](#) – Nashe polozenie v Srednej Azij [Our position in Central Asia]. *Turkestanskije vedomosti*. Tashkent, 14 June 1871. №20. Pp. 79-86. [in Russian]
- [Oriental..., 1857](#) – Oriental and Western Siberia: a Narrative of Seven Years Explorations and Adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghiz Steppes, Chinese Tartary, and Part of Central Asia. By Thomas Atkinson. *John Bull*. London, Saturday 12 December 1857. Vol. XXXVII. № 1, 931. 16 p.
- [Oriental..., 1857a](#) – Oriental and Western Siberia: a Narrative of Seven Years Explorations and Adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghiz Steppes, Chinese Tartary, and Part of Central Asia. By Thomas Atkinson. Second Notice. *Daily News (London)*. London, Thursday 17 December 1857. № 3,616. 8 p.
- [Pervye anglijskie..., 2006](#) – Pervye anglijskie puteshestvenniki v Kazahskoj stepi [The first English travellers in the Kazakh steppe]. Perevod s ang. D.M. Kostinoj. Sost. I.V. Erofeeva. Almaty, 2006. 312 p. [in Russian]
- [Posol'skie materialy..., 2005](#) – Posol'skie materialy Russkogo gosudarstva (XV-XVII vv.). (Embassy materials of the Russian State (XV-XVII centuries). T. I. Sostavlenie i transkripciya A. Isina. Almaty. 704 p. [in Russian]

- [Progress..., 1841](#) – Progress of Russia in Central Asia. English Chronicle and Whitehall Evening Post. – London, Thursday 30 December 1841. № 16, 452. 8 p.
- [Progress..., 1842](#) – Progress of Russia in Central Asia. Morning Herald (London). London, Saturday 01 January 1842. №18,513. 8 p.
- [Rashid ad-Din, 2023](#) – *Rashid ad-Din Fazlullah Hamadani* (2023). Zhamig at-tauarih (Tarihtar zhinagy) (Jami at-tawarikh (collection of histories)). Audaryp, tusinikteme zhazgandar: Orazbaj Z.Zh., Orazbaev M.Z. T. 1. Astana, 518 p. [in Kazakh]
- [Received..., 1827](#) – Received the Sicabian Mercury. *Cheltenham Journal and Gloucestershire Fashionable Weekly Gazette*. Gloucestershire, Monday 16 July 1827. Vol. III. № 141. 4 p.
- [Russia and Khiva, 1869](#) – Russia and Khiva. Home News for India, China and the Colonies. Friday 24 September 1869. Vol. XXIII. № 843. 32 p.
- [Russian Design..., 1842](#) – Russian Design on India. Memoir on the means at the Disposal of Russia for an advance against of the possession the Great Britain in India. Morning Herald (London). London, Tuesday 26 July 1842. № 18, 689. 8 p.
- [Russian Design..., 1842](#) – Russian Design on India. Memoir on the means at the Disposal of Russia for an advance against of the possession the Great Britain in India. English Chronicle and Whitehall Evening Post. London, Tuesday 26 July 1842. №16, 541. 8 p.
- [Russian Propagation..., 1865](#) – Russian Propagation of Mahometanism. London and China Telegraph. London, Friday 16 June 1865. Vol. VII. № 176. 18 p.
- [Sultanov, 2006](#) – *Sultanov, T.I.* (2006). Podnyaty na belo j koshme. Hany kazahskih stepej [Raised on a white cat. Khans of the Kazakh steppes]. Astana, 256 p. [in Russian]
- [The Dwelling..., 1858](#) – The Dwelling of a Chief of the Kirghiz Tartars. *Hereford Times*. Herefordshire, Saturday 16 January 1858. Vol. XXVII. № MCCCXLVI. 12 p.
- [The Hospitable Kirghiz, 1874](#) – The Hospitable Kirghiz. Lancaster Gazette. Lancashire, Saturday 26 September 1874. № 4560. 10 p.
- [The Kirghiz Rebellion, 1869](#) – The Kirghiz Rebellion. *Newcastle Journal*. Northumberland, Thursday 24 June 1869. Vol. XXXIX. № 4185. 4 p.
- [The Russian..., 1859](#) – The Russian in China and Central Asia. The Morning Advertiser. London, Monday 14 March 1859. № 21, 136. 8 p.
- [The Russians..., 1866](#) – The Russians in Central Asia. Evening Mail. London, Wednesday 10 October 1866. № 15, 108. 8 p.
- [The Serf..., 1854](#) – The Serf and The Cossack: A Sketh of the Condition of the Russian People. By Francis Marx. Trubner and Co. Church & State Gazette (London). London, Friday 04 August 1854. Vol. XIII. № 651. 16 p.
- [Vostrov, Mukanov, 1968](#) – *Vostrov, V.V., Mukanov, M.S.* (1968). Rodoplemennoj sostav i rasselenie kazahov (konets XIX – nachalo XX v.) [Tribal composition and settlement of Kazakhs (late XIX – early XX centuries)]. Almaty, 268 p. [in Russian]

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 138-150
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.138

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian Periodicals of the XIX century as a Polemical Environment of Caucasian Studies (Case of Discussion of the Publication of “Laws and Customs of the Kabardians”)

Yuzanna M. Azikova ^{a, *}, Petr A. Kuzminov ^a

^a Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

Abstract

The periodical press is regarded as an important infrastructural and institutional component of the scientific discourse of the 19th century. In the conditions of spontaneous development of Caucasian studies, the bulk of publications about the Caucasus were articles and essays in newspapers and magazines. The periodicals became a platform for discussions among Caucasologists. The paper examines a particular case of polemics surrounding the publication of “Laws and Customs of Kabardinians” by I.T. Radozhitsky. The circumstances, content and results of the discussion of Kabardin legal norms published in the press are clarified. The possibilities of providing such polemics by the periodical press and its results are summarized. The content and format of presentation in the press of materials that formed the discussion of the “Laws and customs of Kabardians” are analyzed. The nature of I.T. Radozhitsky's publication is reconsidered. It is revealed that it is not an author's essay, but a publication of the existing legal norms of Kabardians. Discussion authorship of “Remarks” to I.T. Radozhitsky's publication is confirmed. The study of the polemics concerning the publication of Kabardin legal norms has demonstrated its non-compliance with the standards of competent scientific evaluation and criticism. At the same time, it is shown that the critical capabilities of the periodical press in the 19th century were commensurate with the embryonic state of Russian Caucasian studies.

Keywords: periodicals, newspaper, caucasian studies, polemics, criticism, legal norms.

1. Введение

Страницы отечественной периодической печати XIX в. являлись пространством дискуссий по различным вопросам историко-культурного развития Кавказа. Поскольку дисциплинарное поле кавказоведения находилось в стадии становления, периодическая печать стала важной инфраструктурной и институциональной составляющей научного дискурса эпохи в условиях неразвитости системы академических площадок обсуждения и транслирования кавказоведческой проблематики.

Дореволюционное кавказоведение развивалось, по сути, без строго определенной программы и было в значительной мере стихийным (Косвен, 1962: 280). Основную массу публикаций о Кавказе составляли незначительные по объему статьи и очерки в газетах и журналах. Однако и в них оказывались крайне ценные и зачастую уникальные свидетельства для исследователей. Примечательно, что, пока на Кавказе шли военные действия, среди авторов, описывавших реалии Кавказа, было много военных. Вообще кавказская тематика была особенно актуальна для периодики именно в период Кавказской войны. И это касалось как художественно-публицистических, так и историко-этнографических очерков.

Периодическая печать не просто предоставляла площадку для авторских суждений, но и становилась платформой для «разговора» знатоков Кавказа, для полемики исследователей-кавказоведов, убеждающих публику в своей правоте. Для кавказоведов XIX в. историко-этнографические изыскания нередко являлись увлечением, помимо основной профессиональной

* Corresponding author

E-mail addresses: i.azikova@kbsu.ru (Yu.M. Azikova), petrakis_hist@bk.ru (P.A. Kuzminov)

деятельности. Авторы, не входившие в академическое сообщество, находились вне рамок практики научного рецензирования, сформировавшейся в отечественной критике лишь во второй половине XVIII – начале XIX вв. (Крылов, 2014). В процессе обсуждения изучаемых проблем существенное значение имело желание оппонентов довести до сведения широкой публики свое видение вопроса и дать отповедь ошибочным, с их точки зрения, суждениям. То есть посредством возможностей периодической печати выполнялся запрос на публичность и незамедлительность ответа или критического отзыва. Таким образом, изучение периодической печати обеспечивает уникальную возможность ретроспективного анализа живой дискуссии в формирующемся сообществе кавказоведов XIX в.

Интересный случай полемики, посвященной проблемам культурно-исторического развития традиционного кабардинского общества, представлен на страницах «Литературной газеты» (С.-Петербург) и газеты «Кавказ» (Тифлис) в 1846 г. Оппонентом И.Т. Радожицкого, составителя «Законов и обычаев кабардинцев» (Радожицкий, 1846а), выступил Гирей – автор «Замечаний на статью «Законы и обычаи Кабардинцев» (Гирей, 1846). Изучение данного обмена соображениями о правовых нормах традиционного кабардинского социума представляет интерес как для прояснения обстоятельств, содержания и результатов обсуждения отдельной темы кабардиноведения, так и для обобщенного понимания возможностей обеспечения периодической печатью подобной полемики. Исследование примечательно пересмотром характера публикации И.Т. Радожицкого, определением авторства «Замечаний» и актуализацией значения для кабардиноведения «Замечаний».

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют «Законы и обычаи кабардинцев», составленные И.Т. Радожицким (Радожицкий, 1846а), а также текст «Замечаний на статью Законы и обычаи Кабардинцев», представленный Гиреем (Гирей, 1846). Оба текста опубликованы на страницах периодической печати. В основе исследования лежит анализ содержания напечатанных в «Литературной газете» и газете «Кавказ» обоснований публикаций И.Т. Радожицкого (Радожицкий, 1846а: 5) и Гирея (Гирей, 1846: 57), а также краткий ответ Ильи Тимофеевича на критику Гирея (Радожицкий, 1846б: 162). Помимо этого, для прояснения нюансов творчества и полемики оппонентов привлекаются иные материалы периодической печати (Обзор..., 1849; Султан Адиль-Гирей, 1847; Ответ Люлье, 1847) и собрания правовых норм кабардинцев (Полное..., 1997; Постановление..., 1997).

Методология исследования основывается на последовательной реализации приема сомнения и на отказе от следования сложившейся традиции интерпретации задействованных в работе источников. В рамках данного подхода трактовка полемики не подчинена устоявшемуся в отечественной историографии характеру описания публикаций. Первичность обращения непосредственно к самим источникам побуждает ставить вопросы относительно фактического авторства, сути обращений оппонентов друг к другу, смыслового содержания текстов и ценности способа формулирования положений критики. Привлеченные материалы проанализированы с опорой на историко-критический метод анализа источников для обеспечения корректной внешней и внутренней критики источников, а также новой интерпретации протекания и содержания полемики по случаю публикации «Законов и обычаев кабардинцев». Помимо этого, ключевое значение для достижения цели работы имеет применение биографического метода, позволяющего зафиксировать в основных вехах биографий И.Т. Радожицкого и Гирея факты, иллюстрирующие особенности их творчества и характер участия в дискуссии. Ретроспективный метод задействован для понимания и прояснения возможностей периодической печати в обеспечении критической оценки и обсуждения допускаемых к печати историко-этнографических материалов. Комплекс использованных в работе подходов и методов позволил пересмотреть роль И.Т. Радожицкого в презентации законов и обычаев кабардинцев и дать новую интерпретацию содержания его публикации.

3. Обсуждение

В отечественной историографии репрезентация истории народов Кавказа на страницах периодической печати XIX в. разработана в той или иной мере в трудах М.О. Косвена (Косвен, 1955; Косвен, 1958; Косвен, 1962), Л.А. Чибирова (Периодическая..., 2006), Э.А. Шеуджен (Шеуджен, 2010), М.Е. Колесниковой (Колесникова, 2011), Р.А. Тлепчок (Тлепчок, 2010), Х.А. Касумова (Касумов, 2013), П.А. Кузьминова, И.С. Тахушевой (Кузьминов, 2009; Кузьминов, Тахушева, 2016; Кузьминов, Тахушева, 2018; Кузьминов, Тахушева, 2020; Тахушева, 2020; Тахушева, 2021) и др. Вместе с тем данная тема продолжает оставаться малоизученной. Проблема представления историко-культурного развития народов Кавказа в периодике требует дальнейшего осмысления в концептуальном плане, а также в широком диапазоне отдельных вопросов. Поставленный в настоящем исследовании вопрос является именно таким отдельным случаем, иллюстрирующим общую картину выстраивания кавказоведческого дискуссионного пространства в периодической печати первой половины XIX века. Тема ранее не становилась предметом специального исследования, несмотря на затрагивание вскользь «чернильных войн» знатоков Кавказа на страницах журналов и газет (Колосовская, 2021:

71-72). Газетные публикации, ставшие объектом анализа настоящей статьи, также отмечаются в обобщающих работах (Косвен, 1955; Хакушев, 1978; Хашхожева, 1980; Колосовская, 2021; Колосовская, Ткаченко, 2021).

4. Результаты

4.1. Пояснения целесообразности публикаций

В январе 1846 г. на страницах «Литературной газеты» был опубликован материал под названием «Законы и обычаи кабардинцев» (Раджицкий, 1846а). Его текст был подготовлен Ильей Тимофеевичем Раджицким, русским военным деятелем и писателем. Редактор газеты Николай Алексеевич Полевой предварял текст комментарием, поясняющим целесообразность публикации материала. Так, Н.А. Полевой писал: «В то время, когда новые, деятельные меры правительства принимаются для благоустройства Кавказских племен, полагаем особенно любопытным просвещенному и образованному читателю достоверные сведения о Кавказских горских народах. Сии сведения сообщены нам почтенным другом нашим, полковником И.Т. Раджицким, проводившим много лет на Кавказе, собиравшим их на местах, и имевшим все средства лично поверять сообщаемое другими. Не лишним считаем прибавить, что Кабарда, то есть, племена Кабардинские, подчиненные России, занимают отчасти равнины между Лабой и верхнею Кубанью, а Большою Кабардою называются племена, живущие между Верхнею Кубанью и Тереком. Впрочем, обычаи и законы их общины и другим племенам, так, что описание Кабардинских законов и обычаев вообще поясняет нравственные и общественные основания жизни Кавказских горцев» (Раджицкий, 1846а: 5).

После выхода в «Литературной газете» публикации Раджицкого на нее поступил отзыв, опубликованный в марте 1846 г. в газете «Кавказ». Автор критических замечаний был обозначен под псевдонимом «Гирей». «Замечания на статью «Законы и обычаи Кабардинцев» предварялись письмом в редакцию с пояснением автором причины подготовки отзыва.

«Мы получили письмо следующего содержания.

Милостивый Государь!

В молодости своей, я страстно любил читать сочинения, посвященные описанию Кавказа и его обитателей. Эти сочинения знакомили меня тогда с моею родиною, покинутою мною еще в детстве, но которую я всегда любил искренно. В зрелых летах возвратясь на Кавказ, я занялся перерывкою собранных мною из Русских книг сведений о Черкесии с теми, которые почерпнул из наблюдения самого предмета на месте. Результатом такого занятия, в продолжении трех с половиною лет постоянно меня занимавшего, было то, что я вовсе перестал читать описания Черкесских нравов, законов и проч. По этой причине и теперь не обратил бы внимания на статью: Законы и обычаи Кабардинцев, напечатанную в первых двух № Литературной газеты, на 1846 год, если бы Г. Полевой не отозвался об ней в следующих выражениях: «В то время, когда новые, деятельные меры Правительства принимаются для благоустройства Кавказских племен, полагаем особенно любопытными просвещенному и образованному читателю достоверные сведения о Кавказских горских народах. Сии сведения сообщены нам почтенным другом нашим Полковником И.Т. Раджицким, проводившим много лет, на Кавказе, собиравшим их на местах и имевшим все средства лично поверять сообщаемое другими» и проч. Столь лестный отзыв о статье, предметом которой служит описание быта горцев, действительно в высшей степени интересующих внимание публики, победили мое отвращение – я принялся читать Законы и обычаи Кабардинцев, но увы!... и в этот раз мне пришлось сожалеть от глубины души, что изменил принятому мною правилу.... Законы и обычаи некогда первенствовавшего в Черкесии народа, представлены просвещенному и образованному читателю в таком искаженном и превратном виде, что читая их мне стало невыразимо грустно!.. Но вместе с тем, во мне пробудилось чувство любви к родине и чувство глубокой признательности к Престолу за воспитание, которое, между прочим, дает мне теперь возможность обнажить ошибочные суждения и несправедливости, возводимые на родной мой край. Пора горцам и пером принести благодарные плоды образования, которым уже сотни из нас поставлены благодетельным Правительством в ряду образованных людей.

С этою целью я решился написать возражение против главных несообразностей, встречаемых в статье г. Раджицкого и имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, поместить эти замечания в листках, газеты Вами издаваемой, имеющей прямую обязанность знакомить свет с Кавказом в настоящем его виде и отстаивать его противу ошибочных и превратных о нем суждений. 4 Марта 1846 г. г. Тифлис» (Гирей, 1846: 57).

Содержание письма некоторым образом характеризует личность составителя. Это уроженец Кавказа, получивший образование благодаря попечениям российского правительства, некоторое время отсутствовавший и вернувшийся теперь на родину. Судя по тексту письма, автор интересовался историко-культурным развитием адыгского народа и имел уже основательные представления о данном предмете. Лестный отзыв Н. Полевого побудил его изучить материал, опубликованный И. Раджицким. Но чтение принесло ему только разочарование, поскольку, с его точки зрения,

информация о законах и обычаях кабардинцев была искажена и не отличалась достоверностью. И негодующий автор «Замечаний» задался целью опровергнуть «ошибочные суждения и несправедливости» текста И. Радожицкого. С этим он и обратился в редакцию «Кавказа» и требовал опубликовать свою отповедь и критический ответ.

И.Т. Радожицкий, ознакомившись с текстом «Замечаний на статью «Законы и обычаи Кабардинцев» Гирея, направил в редакцию газеты «Кавказ» свой краткий ответ. Письмо «В редакцию газеты «Кавказ» было опубликовано 12 октября 1846 г. В своем послании И.Т. Радожицкий писал: «Прочитав случайно в двух номерах занимательной газеты Кавказ замечания Г. Гирея на мою статью: нравы и обычаи Кабардинцев, помещенную в первых № Литературной Газеты нынешнего года, я благодарю Г. Гирея за дельные замечания, написанные благородно, без всякой желчи – не так, как в подобных случаях грызутся между собою наши столичные журналисты. Моя статья есть более копия с рукописей, которые мог я собрать во время моих поездок в Кабарду по делам службы, еще с 1823 по 1829 год, от чиновников Русской службы, и потому неудивительно, что сведения о нравах и обычаях Кабардинцев были не точны. Однако, лучше что нибудь знать о них, нежели ничего, и поделиться с публикою какими нибудь сведениями о главнейшем племени Черкесов. Ныне мы вправе ожидать от самых просвещенных Князей Черкесских вернейшего описания их собственного быта, потому, что попечительное Правительство наше изобильно жертвует всеми средствами для их образования и благоденствия. Г. Гирей есть первый пример тому: владея прекрасно русским языком и пером, он уже отчасти приносит дань своей признательности. Желательно, что бы являлось более таких примеров!» (Радожицкий, 1846b: 162).

В своем ответном письме Гирею И.Т. Радожицкий по существу вопроса отвечает, что он опубликовал не им самим написанный текст, а копию с рукописей, оказавшихся в его распоряжении. Он не отвечает на пункты критики Гирея, открыто заявив, что он всего лишь передал материал, о происхождении которого не имел представления. По большому счету, он признает, что некомпетентен, чтобы отвечать за содержание опубликованного текста.

Известный кабардинский филолог А.Х. Хакушев, также затронувший полемику Гирея и Радожицкого, совершенно не усмотрел никакого напряжения в их обращениях друг к другу. Напротив, он отмечал, что «замечания были настолько обоснованы, высказаны в такой вежливой и корректной форме, что И. Радожицкий не только не принял оскорбленной позы, но, наоборот, отозвался о молодом адыгском авторе с глубоким уважением и похвалой» (Хакушев, 1978: 237).

Нам эта ситуация видится в ином свете. Гирей в своем письме в редакцию высказывается негодующе, и даже обращение «господин» к Радожицкому обозначено в письме со строчной буквы. Далее в тексте самих «Замечаний» он позволяет себе откровенно саркастичные выпады в адрес Ильи Тимофеевича. Тон ответного письма Радожицкого в редакцию «Кавказа» нарочито вежливый, а обращение к оппоненту несколько ироничное. Обращение «Господин» к Гирею обозначено прописной буквой. На наш взгляд, реплика И. Радожицкого про благородного Гирея, писавшего «без всякой желчи», – очевидный пример колкой иронии. Завершает ответ Ильи Тимофеевича предложение, адресованное просвещенной Кавказской знати, самим представить точное описание быта и нравов своего народа.

4.2. Проблема авторства

Илья Тимофеевич Радожицкий (1788–1861) являлся участником Отечественной войны 1812 г., Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., служил на Кавказе. Первый период его службы на Кавказе приходился на 1823–1831 гг., второй – на первую половину 40-х годов XIX в. (Колосовская, Ткаченко, 2021: 218–223). И.Т. Радожицкий имел возможность непосредственно созерцать общественный строй местных народов и, обладая наблюдательностью и литературными способностями, отражал в своих сочинениях сюжеты из жизни автохтонов. К тому же он мог получать необходимую информацию (устную и текстовую) как от представителей местных народов, так и от представителей администрации.

Перу И.Т. Радожицкого принадлежат такие работы, как «Прогулка к Кавказским минеральным водам» («Отечественные записки», 1823, ч. 16), «Али-Кара-Мирза Черкесская повесть в стихах» (1832), «Амулат-Бек» («Древняя и Новая Россия», 1879, № 1), «Впечатления и воспоминания покойника» («Библиотека для чтения», 1848, тт. 86, 87), «Дорога от реки Дона до Георгиевска на пространстве 500 верст» («Отечественные записки», 1823, ч. 15, № 41), «Кыз-Брун: черкесская повесть» («Отечественные записки», 1827, ч. 32), «Походные записки артиллериста на Кавказе и за Кавказом с 1823 по 1831 гг.» (опубликовано частично под иными названиями) и др. М.О. Косвен относил его к ранним этнографам-кавказоведам и отмечал серьезное этнографическое значение «Законов и обычаев кабардинцев» (Косвен, 1955: 308–309). Вместе с тем авторство И.Т. Радожицкого можно подвергнуть сомнению, принимая во внимание приведенный ответ Гирею и содержание «Законов и обычаев кабардинцев».

Фактически до сего дня в современной отечественной историографии допускается ошибка идентификации автора «Замечаний», скрывающегося под псевдонимом «Гирей». Его отождествляют с просветителем Султаном Хан-Гиреем (Азикова, 2011: 37; Колосовская, 2021: 77; Колосовская,

Ткаченко, 2021: 222), что не соответствует действительности. В свое время даже патриарх советского кавказоведения М.О. Косвен допустил ту же ошибку. В первой части «Материалов по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» М.О. Косвен отмечал, что «очерк Радужицкого вызвал резкие критические замечания Хан-Гирея в газете “Кавказ”» (Косвен, 1955: 308). Впрочем, Марк Осипович вскоре поправил себя и во второй части той же работы уточнил, что «Замечания» «не принадлежат Хан-Гирею. ... В том году в “Кавказе” начали печататься (посмертно) очерки Хан-Гирея; все это ввело нас в заблуждение. Гирей, автор этих «Замечаний», возможно – Султан Адиль Гирей» (Косвен, 1958: 208, 210). Примечательно, что в первой и второй частях своего труда М.О. Косвен приводит 1846 г. и 1842 г. соответственно как год смерти Хан-Гирея. То есть и по вопросу о годе смерти он ошибается в первой части и вносит правку во второй части своего исследования.

Следует отметить, что филологи-литературоведы А.Х. Хакушев и Р.Х. Хашхожева не принимают идею авторства Хан-Гирея и указывают других персон. А.Х. Хакушев утверждает, что в критическом отзыве И. Радужицкому оппонировал Султан Адиль-Гирей (Хакушев, 1978: 237). Р.Х. Хашхожева, считает, что под псевдонимом «Гирей» может скрываться Султан Казы-Гирей (Хашхожева, 1980: 106-108). Ее аргументация построена на анализе и интерпретации содержания письма Гирея в редакцию «Кавказа». В первую очередь, Р.Х. Хашхожева ориентируется на возрастные указатели автора письма и делает вывод о том, что Адиль-Гирей не покидал так рано, «еще в детстве», свою родину и не в столь «зрелых летах» он возвратился на Кавказ. Исходя из этого, Р.Х. Хашхожева считает более вероятным авторство Казы-Гирея. Но интерпретация подобных возрастных маркеров из приведенного письма весьма условна. Следует учитывать относительность восприятия возраста в системе представлений людей разных исторических эпох. Здесь в пору вспомнить возрастные характеристики героев «Евгения Онегина» А.С. Пушкина и задуматься о несоответствии восприятия времени и возраста людьми первой половины XIX в. и второй половины XX в. (не говоря о первой четверти XXI в. и о разных культурно-исторических и пространственных контекстах).

Исследователями его жизни и творчества установлено, что Хан-Гирей скончался в 1842 г. (Кумыков, 2002: 51). Поэтому он не мог прочесть текст, опубликованный в январе 1846 г., и дать на него отзыв в марте 1846 г. Вместе с тем представители исторического сообщества вплоть до настоящего времени ошибочно приписывают ему авторство «Замечаний». В первую очередь, это является следствием публикации работ Хан-Гирея на страницах газеты «Кавказ» после его смерти в 1846 и 1847 годах. Этот факт запутывает ученых, не специализирующихся на изучении жизнедеятельности Хан-Гирея и не помнящих точно год его смерти, учитывая, что информация о датах жизни авторов-кавказоведов зачастую вызывает споры. С другой стороны, ошибка происходит вследствие тиражирования и использования в научной работе перепечатанного из газеты «Кавказ» текста «Замечаний», не сопровождающегося компетентной справочной информацией об источнике и спорном авторстве.

Проблема уточнения авторства актуализируется синхронно с изучением источника со страниц «Кавказа». Принципиальным моментом является именно концентрация внимания на датах публикаций. В этом случае невозможно проглядеть непричастность Хан-Гирея к отзыву.

Ответ на вопрос об авторстве «Замечаний» обнаруживается в материалах самой газеты «Кавказ». В «Обзоре статей, помещенных в газете «Кавказ», в продолжение 1846, 1847, 1848 и 1849 годов» (Обзор..., 1849: 190-191) рассматриваются наиболее примечательные статьи, очерки и заметки, публиковавшиеся в газете на протяжении четырех лет. К описываемым материалам даются ссылки с уточнением авторства. В ссылке к «Замечанию на статью «Законы и обычаи Кабардинцев» автором указан Султан Адиль-Гирей (Обзор..., 1849: 191). Правда, и здесь не обошлось без редакционной путаницы. В ссылках обнаруживаются техническая ошибка и сдвиг нумерации. Выше интересующего нас фрагмента по тексту выпала ссылка на правильный источник и установлена ссылка на совершенно другой источник, не связанный с текстом, к которому его привязали. То есть речь в тексте идет о Темрюке Идарове и об Иоанне Васильевиче Грозном. О них писали Шора Ногмов и Петр Хицунов. Но вместо них под данным фрагментом текста дается ссылка на Хан-Гирея, написавшего очерк «Бесльный Абат». Под «Бесльный Абатом», в свою очередь, неправильно установлен номер ссылки на следующий фрагмент текста и так далее. Таким образом, в этом месте происходит сбой нумерации ссылок на одну позицию. Однако по смыслу видно, какая ссылка к какому фрагменту текста относится. В «Обзоре» указаны только два Гирея – Хан-Гирей и Адиль-Гирей. Даже если не разбираться в этом сбое с нумерацией ссылок, известно, какие работы написал Хан-Гирей, а что из представленного следует отнести к трудам Адиль-Гирея. Описанный технический сбой является сам по себе любопытным историческим фактом, не лишенным изъянов редакционной работы в крупном региональном периодическом издании. Обращение к аутентичному источнику, непосредственно относящемуся к исследуемой проблеме и отвечающему на поставленный вопрос, подразумевает принятие во внимание и подобных курьезов.

Султан Адиль-Гирей (1819–1876) – военный, общественно-политический деятель и писатель. В русской армии служил с 1839 г. Военную карьеру начинал в чине рядового при Черноморской кордонной линии. Через год он был зачислен в состав Лейб-гвардии Кавказского Горского полубатальона. В Лейб-гвардии представители кавказской знати не только служили, но и получали

образование. В дальнейшем Адиль-Гирей служил на Кавказе, в Польше и Петербурге, дослужился до чина генерал-майора (Хакушев, 1978: 220-240; Хашхожева, 1980: 29-34; Казаков, 2006: 217-218).

Адиль-Гирей – автор статьи «Об отношениях крестьян к владельцам у черкесов» («Кавказ», 1846, №9), очерков «Сулейман Эфенди» («Кавказ», 1846, №51), «Жена черкеса» («Кавказ», 1847, №11), «Рассказ аварца (Из походного дневника)» (ж. «На Кавказе», 1909, т. 2, вып. 5), «Поход в 1845 г. в Дарго» (ж. «Военный сборник», СПб., 1859, №2), «Обзор последних событий на Кавказе» («Военный сборник»... 1859, №10), «Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии» («Военный сборник»... 1860, т. XI), критического отзыва «Замечания на статью «Законы и обычаи Кабардинцев» («Кавказ», 1846, №10, 11), рецензии на «Словарь Русско-Черкесский или Адигский, с краткою грамматикою сего последнего языка, составленный Леонтием Люлье» («Кавказ», 1847, №12) и др.

4.3. «Законы и обычаи кабардинцев» И.Т. Радожицкого

Текст «Законов» представлен в форме нарратива без обозначения глав, параграфов и пунктов. Но структурирование материала по смыслу позволяет четко выделять разделы, обладающие единством и относящиеся к определенным группам населения, к определенным категориям прав и обязанностей.

Текст «Законов» начинается с краткого знакомства читателя с преданием о происхождении кабардинских князей от Инала и информацией о разделении княжеского рода на фамилии. Затем приводится сословное деление кабардинского общества, начинающееся с «высокостепенных» дворян. В тексте последовательно перечисляются второстепенные дворяне, дворяне третьей степени – «пшекау» (княжеские), дворяне четвертой степени – «орк шалтукуса» (служат высокостепенным). После этого перечисляются неблагородные, крестьянские категории населения: чагары княжеские, чагары дворянские, холопы-рабы князей и дворян, отпущенники «по выкупу» или по воле их владельцев (Радожицкий, 1846а: 5).

Следующий по смыслу раздел «Законов» посвящен описанию княжеских прав, обязательств разных категорий дворян и крестьян по отношению к кабардинским князьям (Радожицкий, 1846а: 5, 6). Далее приведены повинности и обязанности крестьян по отношению к князьям и дворянам (Радожицкий, 1846а: 6, 7). Отдельной группой приводятся положения, отражающие правовой статус холопов-рабов (Радожицкий, 1846а: 7).

Текст «Законов» повествует далее о так называемом «народном условии», сделанном 10 июля 1807 г. после завершения чумы, значительно сократившей население Кабарды (Радожицкий, 1846а: 7, 8).

Завершающий раздел текста посвящен описанию характера подданства кабардинским князьям соседних горских народов – «Карабулаков, Назранцов, Ингушей, Осетинов, Абазинцов» (Радожицкий, 1846а: 8, 11).

Весь описанный материал дублирует содержание двух известных на сегодняшний день сводов правовых норм традиционного кабардинского общества – «Постановлений о сословиях в Кабарде» (1822 г.) (Постановления..., 1997: 45-63) и «Полного собрания кабардинских древних обрядов» (1844 г.) (Полное..., 1997: 79-106). Причем структурирование текста «Законов» в большей степени соответствует «Постановлению о сословиях в Кабарде». Вместе с тем довольно часто в «Законах» встречаются положения, отсутствующие в «Постановлении», но соответствующие формулировкам нормативов из «Полного собрания кабардинских древних обрядов». Более того, отдельные понятия и формулировки из «Законов» идентичны приводимым нормам и сводам. Таким образом, в основном тексте «Законов» фактически отсутствует авторский текст. Поскольку мы не располагаем рукописями, использованными И.Т. Радожицким, мы не можем утверждать, что он на свое усмотрение не подверг сокращениям отдельные фрагменты приводимого текста. С другой стороны, очевидно практически полное смысловое совпадение фрагментов текста «Законов» и нормативов из указанных сводов.

Исследователи правовых норм адыгов считают, что в основе «Полного собрания кабардинских древних обрядов» (1844) лежат установления «Постановлений о сословиях в Кабарде» (1822). Согласно процитированному объяснению И.Т. Радожицкого, опубликованный им материал был копией рукописей, собранных во время поездки в Кабарду с 1823 по 1829 год. В тексте «Законов» присутствуют положения из «Полного собрания кабардинских древних обрядов» (1844), отсутствующие в более ранних «Постановлениях о сословиях в Кабарде» (1822). Из этого следует, что даже при письменной фиксации в начале 20-х гг. XIX в. не все правовые нормы традиционного кабардинского общества были отражены в одном своде. Также это может значить существование нескольких различающихся по степени полноты записей законов и обычаев. Либо можно предположить получение И.Т. Радожицким части опубликованных материалов в первой половине 40-х годов – это второй период его службы на Кавказе, хотя последняя версия подразумевает игнорирование слов И.Т. Радожицкого о получении материалов в 20-е гг.

Согласно гипотезе, выдвинутой Ф.Х. Крымшюкаловой, «Постановления о сословиях в Кабарде» были приняты 1 апреля 1785 г. на общекабардинской хасе (Крымшюкалова, 2007: 109-114). Данный вывод основан на интерпретации сообщения П.Г. Буткова о съезде, на котором были урегулированы споры между князьями, утверждены правила содержания холопов, повинности низших сословий (Бутков, 1869: 163-165). Вместе с тем логика функционирования и развития системы обычного права не предполагала единовременного принятия некоего не существовавшего ранее свода норм.

С помощью периодических поправок и новых толкований корпус правовых норм трансформировался и дополнялся, формировались новые правовые кодексы, также обозначаемые словом «хабзэ» (обычай, закон, порядок) и вплетаемые в структуру хабзэ. Под предельно общим обозначением «хабзэ» скрываются и моральные, и этикетные установления, и обычаи, унаследованные от родоплеменной стадии развития общества, и нормы феодального права. Источниками права являлись разные по своей природе обычаи, судебный и административный прецедент, соглашения князей, решения князей, закреплявшие привилегии отдельных лиц и сословных групп. Безусловно, 1 апреля 1785 г. были утверждены либо подтверждены отдельные актуальные нормы, призванные регулировать правоотношения в традиционном кабардинском обществе. Вместе с тем формулировки П.Г. Буткова не предполагают однозначной трактовки произошедшего, из них не следует подписание и утверждение в этот день некоего монолитного правового документа. Оформление в качестве целостных сводов законов и обычаев «Постановлений о сословиях в Кабарде» (1822 г.) и «Полного собрания кабардинских древних обрядов» (1844 г.) связано с конкретным волеизъявлением российских командующих на Кавказе – А. П. Ермолова и П.Х. Граббе. Ссылаясь на фольклорный материал, Х.М. Думанов полагал, что кодификация законов в Кабарде имела место еще в XV–XVI столетиях (Думанов, Думанова-Крымшамалова, 2006: 112). Вместе с тем нам неизвестны свидетельства из исторических источников об организации кабардинскими князьями работ по сбору и составлению единого свода правовых норм. Вероятно, подобной необходимости не возникало в рамках политической и правовой культуры традиционного кабардинского общества. По справедливому замечанию Т.М. Катанчиева, «...в Кабарде на протяжении XV – XIX вв. не было и не могло быть полного единообразия правовых норм ни на всей ее территории, ни в ее различных княжествах...» (Катанчиев, 2003: 54).

К собственно авторским рассуждениям в структуре «Законов» могут быть отнесены всего лишь несколько абзацев текста. К тому же, если принимать во внимание признание И.Т. Радожицкого относительно происхождения опубликованных им материалов, мы не можем быть уверенными в том, что и данные абзацы являются авторскими. Но поскольку мы не располагаем источниками, которые свидетельствуют об обратном, можем допускать его авторство по этим абзацам текста. В первую очередь, речь идет о рассуждениях относительно чумы. В «Законах» указано, что чуму в Кабарду занесли муллы из Мекки, от нее погибло в Малой Кабарде «до 2000 семейств, так, что осталось только 300 живых». Указывается при этом, что, хотя «в Большой Кабарде смертность была не столь сильна», но край обезлюдел (Радожицкий, 1846а: 7). Во втором фрагменте текста авторства И.Т. Радожицкого приводятся рассуждения об изменении положения «данников», ставших свободными от притязаний кабардинских князей с 1822 года. Вместе с тем отмечается, что «*прежние постановления показывают силу и распространение власти Кабардинцев [князей], как пришельцев завоевателей, которые с своими товарищами, узденями, делились приобретениями; уздени сделались их вассалами, а они автократами с неограниченным самовластием. Такое феодальное управление, без просвещения науками и без гражданского благоустройства, не могло составить политической самобытности кабардинцев, не смотря на их личную воинскую храбрость, и от того Кабарда почти уничтожилась*» (Радожицкий, 1846а: 11). Таким образом, И.Т. Радожицкий приводит свою гипотезу становления феодальных отношений и последующего кризиса общественного строя в Кабарде.

К тексту «Законов» также прилагается материал о народонаселении Кабарды в 1825 г., вероятно, являющийся обобщением ведомости исчисления кабардинского народа на 1825 год, составленной Якубом Шардановым (Материалы..., 1986). Завершается текст «Законов» рассуждениями о малочисленности населения Кабарды и ослаблении кабардинцев в 1825 г. И.Т. Радожицкий развивает мысль о последовавшем росте благосостояния, порядка, процветания, о водворении просвещения, постепенном увеличении народонаселения в Кабарде «под попечительную державою России» (Радожицкий, 1846а: 12).

4.4. «Замечания на статью «Законы и обычаи Кабардинцев» Гирея

Все критические замечания Адиль-Гирея относятся к положениям «Законов», дублирующих нормы «Постановлений о сословиях в Кабарде», (1822 г.) и к «Полному собранию кабардинских древних обрядов» (1844 г.). То есть Адиль-Гирей разоблачает «*ошибочные суждения и несправедливости*» и «*несообразности*», которые утверждены на съездах кабардинских князей и дворян и которые сформулированы отнюдь не И.Т. Радожицким.

Адиль-Гирей начинает свой отзыв с порицания И.Т. Радожицкого за неправильное написание фамилий первостепенных дворян и некорректное употребление терминов «орк» и «узденъ» (оба слова переводятся как «дворянин» с адыгского и тюркского языков соответственно). Действительно, в публикации «Законов» некоторые фамилии даются с ошибками в написании. Тавтологичное же употребление слова «дворянин» на двух разных языках не является ошибкой составителя, а, скорее, позаимствовано из рукописи, использованной им. К примеру, в тексте «Законов» читаем: «...Уздени суть телохранители высокостепенных узденей. Они называются *орк шалтукуса*... За узденями *орк* следуют чагары княжеские...» (Радожицкий, 1846а: 5). В «Постановлениях о сословиях в Кабарде» (1822 г.) читаем: «Узденские узденя *орх шалтукуса*...»

(*Постановления...*, 1997: 45). В «*Полном собрании кабардинских древних обрядов*» (1844 г.) по указанному же поводу читаем: «Узденья третьей степени принадлежат к первостепенным узденям; название им: оркша отлехуса» (*Полное...*, 1997: 80). Таким образом, перед нами три варианта текста, в равной мере неудачно передающие мысль. Вместе с тем во всех трех случаях вполне ясно и недвусмысленно имеются в виду «дворяне с обозначением “орк шаотлугуса” на службе первостепенных дворян». Но в случае с «Законами» Адиль-Гирей иронизирует на эту тему, указывая, что «*в разделении узденей, показана новая, неизвестная Черкесам степень: Узденья-орк*» (*Гирей, 1846: 57*). Между тем у И.Т. Раджицкого в принципе не употреблено данное написание через дефис. И это был только пролог к «Замечаниям».

Прежде чем перейти к критике положений «Законов» по существу, Адиль-Гирей сообщает читателям, что не будет разбирать все законы и обычаи, описанные «*сочинителем в превратном виде*», а делает замечания «*только против тех из них*», что являются общими для всех адыгов. Подобная манера выборочной критики продемонстрирована Адиль-Гиреем и в рецензии на русско-черкесский словарь Л. Люлье, когда он писал, что его замечания «*ограничатся указанием на главные ошибки ... противу адигского языка*» (*Султан Адиль-Гирей, 1847: 48*). Здесь он тоже не скрывает своего недовольства по поводу бесполезного, с его точки зрения, труда Л. Люлье. Но в отношении Л. Люлье он высказывается лояльно и дает ему советы для исправления труда. Позже Л. Люлье также на страницах газеты отвечает Адиль-Гирею учтиво и с благодарностью (*Ответ Люлье, 1847*).

Адиль-Гирей критикует следующие пункты «Законов и обычаев кабардинцев»:

«Князь может ... вызвать к себе высокостепенного узденя для совета. Уздень, где бы он ни находился, должен явиться к Князю, и быть при нем столько времени, сколько Князь пожелает» (то же в «*Постановлениях*» на с. 46) (*Гирей, 1846: 57*).

«Если к Князю приедет другой Князь из-за Кубани, или из других мест, то квартира ему, со всеми приехавшими с ним, отводится у Княжеского узденя пшикау (пши-чеу?), и сколько приезжий ни прожил бы, уздень обязан кормить его, со всею прислугою. Подарки, полученные гостем от Князя, отдаются узденю, у которого он квартировал и довольствовался со всею прислугою» (то же в «*Полном собрании*» на с. 81) (*Гирей, 1846: 57-58*).

«Если Князь женится, он отдает жену свою для содержания верному узденю на год, а по прошествии года берет ее к себе в дом. Узденю дарят за то семью рабов, а если Князь не в состоянии того сделать, то обязан дать сто овец» (то же в «*Полном собрании*» на с. 83) (*Гирей, 1846: 58*).

«Если у Князя родится сын, он отдает его своему лучшему узденю на воспитание, до совершенного возраста. Когда воспитанный князь женится, он обязан своего воспитателя, или аталька, достойно наградить. Никакой молодой Князь с отцом жить не может, а всегда живет порознь» (то же в «*Полном собрании*» на с. 99) (*Гирей, 1846: 41*).

«Если Князь заметит у кого либо из своих подвластных хорошую охотничью собаку, имеет право взять ее, а кто воспротивится его воле, с того взыскивается пеня – пара быков. По получении собаки, Князь, вознаграждает за нее хозяина по своему благоусмотрению» (то же в «*Постановлениях*» на с. 47) (*Гирей, 1846: 41-42*).

«Если кто-нибудь будет уличен в прелюбодеянии с служанкою Князя, платить за то хорошую деву» (то же в «*Постановлениях*» на с. 49 и в «*Полном собрании*» на с. 102) (*Гирей, 1846: 42*).

Таким образом, очевидно, что Адиль-Гирею не за что критиковать И.Т. Раджицкого. И он приводит замечания не конструктивно, а, скорее, в эмоционально-негодующем тоне. К примеру, в замечании ко второму положению, выбранному из «Законов» о принятии княжеских гостей, Адиль-Гирей возмущенно восклицает: «Вот вам и подробности Черкесского гостеприимства! ...Да, я докажу что сказанное о гостеприимстве не имеет и тени истины, и пусть же этим только удовлетворится мнение Черкеса к автору статьи за то, что он так унизил один из прекраснейших обычаев Черкесии, выставив его не лучше обычая жидов в корчмах» (*Гирей, 1846: 58*). Его настолько задело искажение, что он не ограничивается возмущением и приведением доказательств неправоты составителя «Законов». Адиль-Гирей в конце текста «Замечаний» приводит отдельный рассказ, иллюстрирующий реализацию обычая гостеприимства.

Адиль-Гирей разносит каждое выбранное им для критики положение «Законов» и приводит свое объяснение действительной сути и характера бытования обычаев. В сущности Адиль-Гирей ведет себя с «обидчиком» подобно Дон Кихоту, борющемуся с ветряными мельницами. Он приписывает каждой из приведенных норм искажение действительности. Когда в «Законах» написано, «если у Князя родится сын, он отдает его своему лучшему узденю на воспитание», Адиль-Гирей, досадуя, отвечает: «худой тот Черкесский князь, который должен искать, кому бы отдать сына на воспитание». Между тем в «Законах» и не написано, что князь вынужден искать воспитателя для своего сына. Само собой разумеется, что к нему выстраивается очередь желающих стать атальком княжича. Текст нормы никак этому не противоречит. Или другой пример: когда в «Законах» написано, «если Князь женится, он отдает жену свою для содержания верному узденю на год», Адиль-Гирей снова в негодовании отвечает: «Коротко и ясно! странное свойство говорить о вещах, нисколько не думая взять на себя труд вникнуть в их начала и объяснить следствия. Князь женится, для прокормления, или, что одно и то же, для содержания отдает жену свою в чужой дом ..., всему конец и автор прав!

Да о чем тут долго толковать – простой обычай простого народа!» Между тем в «Законах» и в этом случае не прописано обвинение в жадности князя, который для своей выгоды куда-то отправляет жену на содержание.

Фактически в каждом случае критики нормы из «Законов» Адиль-Гирей додумывает, каким превратным образом может быть понято ее содержание, а затем с возмущением опровергает им же самим сформулированное превратное толкование. Подобная манера критики сродни схоластическому анализу в «Сумме теологии» Фомы Аквинского.

Как ни парадоксально, «Замечания на статью «Законы и обычаи Кабардинцев» Адиль-Гирея – примечательный и ценный труд. В завершение своего критического разбора он отметил, что «возражать на каждый пункт этой статьи, вообще более или менее, но подверженный неточности, – повело бы меня к бесконечному разбору и объяснению как что существует в действительности» (Гирей, 1846: 42). Реализация данного начинания в полном объеме сделала бы его труд бесценным.

Неосознаваемая Адиль-Гирем схоластическая методика анализа позволяла объяснить логику, параметры и нюансы воплощения правовых норм субъектами права традиционного кабардинского общества. К примеру, в случае с нормой, определявшей нахождение княжеской жены в течение года в доме у уорка, Адиль-Гирей поясняет истоки этого обычая. Он отмечает, что во избежание кровосмешения князь брал себе жен из соседних племен. Жена князя, блюстителя законов и обычаев общества, должна была быть ему под стать. А девушка из другого народа, естественно, не была априори готова ко всем обязанностям кабардинской княгини и не знала всех обычаев. Поэтому ее помещали в доме у приближенного вассала князя. И, находясь там, она училась всему необходимому и готовилась стать княгиней под стать кабардинскому князю. И, конечно, князь, в дом которого возвратили после этого жену, проявлял определенную щедрость по отношению к своему дворянину и одаривал его. А достаточно убыточные для дворянина обязательства по обеспечению подходящего пребывания у него княжеской супруги считались им же величайшей честью и возможностью установить с князем связь не менее важную, чем кровное родство.

Пояснение Адиль-Гиреем подобным образом каждого положения «Законов и обычаев кабардинцев», обнародованных И.Т. Раджицким, дало бы исследователям общественного строя традиционного кабардинского общества уникальную и неопределимую «Сумму реализации законов и обычаев кабардинцев». Отчасти он это сделал.

5. Заключение

Отечественная периодическая печать XIX в. не обеспечивала компетентную научную критику публиковавшихся на ее страницах историко-этнографических материалов. Академическая оценка статей, очерков и заметок не входила в функции газет и журналов, представлявших подобную информацию читателям. Редакционная политика изданий не подразумевала обязательного рецензирования работ, поступающих на рассмотрение. Вместе с тем критические возможности периодической печати в XIX в. были соразмерны зачаточному состоянию отечественного кавказоведения. По мере оформления кавказоведческого дисциплинарного поля возрастало качество исследований и научной критики. Но это был не одномоментный, а поступательный процесс. Поэтому в ситуации стихийного развития дореволюционного кавказоведения невозможно переоценить значение инструментария периодической печати для оценки и обсуждения печатавшихся художественно-публицистических и историко-этнографических очерков.

Всякий занимательный материал, знакомивший публику с тем или иным вопросом, мог стать предметом дискуссии и критики любых заинтересованных лиц, как обладавших, так и не обладавших специальной подготовкой для оценки материала, но имевших желание и возможность высказаться по теме. В случае с газетой «Кавказ», где был опубликован основной корпус материалов, на которых строилось исследование полемики, редакционная политика способствовала публикации. При этом редакция осуществляла первичную оценку занимательности, важности, литературного оформления принимаемых ею материалов. Очень многое в данном отборе зависело от уровня подготовки, эрудированности, сферы интересов и широты взглядов конкретных редакторов. Следовательно, многое в работе редакции зависело от индивидуальной стратегии и практики работы редактора.

Исследование полемики по поводу публикации законов и обычаев кабардинцев показало ее несоответствие стандартам компетентной научной оценки и критики. И.Т. Раджицкий и Адиль-Гирей не были учеными-исследователями, являясь, тем не менее, кавказоведами, описывавшими и объяснявшими историко-культурное развитие Кавказа. И.Т. Раджицкий, публикуя материал о законах и обычаях кабардинцев, руководствовался, как и его издатель Н.А. Полевой, стремлением поведать передовой российской общественности о крае и людях, его населяющих. Он не осуществил предварительный анализ этих данных, хотя в тексте сделал несколько кратких обобщений развития общественного строя кабардинцев. Адиль-Гирей вступал в полемику не с целью строгого научного анализа публикации И.Т. Раджицкого. Он включился в обсуждение, будучи знатоком предмета, не с позиции ученого-критика, а как оскорбленный сын Кавказа, обычаи которого представлены искаженно.

Последовательность «выступлений» оппонентов включает в себя отзыв о целесообразности публикации текста «Законов» Н.А. Полевого, текст «Законов», составленный И.Т. Раджицким,

письмо-отклик на эту публикацию от негодующего Адиль-Гирея, текст «Замечаний» Адиль-Гирея и ответное сообщение И.Т. Раджицкого по поводу выхода «Замечаний» к его публикации «Законов».

И.Т. Раджицкий не писал текст «Законов и обычаев кабардинцев», а являлся, скорее, оформителем текста, обнародовавшим материалы, оказавшиеся в его распоряжении. Адиль-Гирей, будучи знатоком традиций и обычаев, которыми руководствовался его народ, не обладал знаниями и подготовкой в сфере теории права. Он не осмысливал того, что зафиксированная письменно норма не отражает нюансов адаптивного воплощения ее положений в практике жизни. К тому же, вероятно, Адиль-Гирей не настолько внимательно отслеживал общественно-политическую жизнь и практику правотворчества в Кабарде на протяжении конца XVIII – первой половины XIX вв.

Однако сама полемика и материалы, в которых она оформилась, являются ценным вкладом в развитие кавказоведения. Материал, обнародованный И.Т. Раджицким, не был открытием для традиционного кабардинского общества и ее элиты. Но публикация знакомила российского читателя с неизвестными для нее сведениями, она побудила Адиль-Гирея подготовить ответ, включавший уникальное в своем роде объяснение воплощения отдельных обычаев адыгов.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ. Договор № 14 от 09.07.2024 г.

Литература

- Азикова, 2011** – Азикова Ю.М. Система власти в традиционном кабардинском обществе (XVI–XVIII вв.). Диссертация ... канд. ист. наук. Нальчик: [б.и.], 2011. 295 с.
- Бутков, 1869** – Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. Ч. 2. 602 с.
- Гирей, 1846** – Гирей. Замечания на статью Законы и обычаи Кабардинцев // *Кавказ*. 1846. № 10. С. 57-58; № 11. С. 41-43.
- Думанов, Думанова-Крымшамахалова, 2006** – Думанов Х.М., Думанова-Крымшамахалова Ф.Х. Право и судебные органы адыгов // *Исторический вестник*. Вып. IV. Нальчик: Эль-Фа, 2006. С. 111-142.
- Казаков, 2006** – Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XIX в. (Биографический справочник). Нальчик: Эль-Фа, 2006. С. 217-218.
- Касумов, 2013** – Касумов Х.А. Российская пресса и Кавказ в первой трети XIX века: информирование, просвещение, анализ // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2013. № 4. С. 82-84.
- Катанчиев, 2003** – Катанчиев Т.М. Кабардинское обычное право, его особенности. Нальчик: «Эль-Фа», 2003. 194 с.
- Колесникова, 2011** – Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 495 с.
- Колосовская, 2021** – Колосовская Т.А. Илья Тимофеевич Раджицкий и его кавказские материалы // *Кавказский сборник*: Т. 13 (45). Под ред. В.В. Дегоева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. С. 68-80.
- Колосовская, Ткаченко, 2021** – Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: библиографический словарь. Ставрополь: изд-во «Дизайн-студия Б», 2021. С. 218-223.
- Косвен, 1955** – Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Часть I // *Кавказский этнографический сборник*. М.: Издательство АН СССР, 1955. Выпуск I. С. 265-374.
- Косвен, 1958** – Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Часть II // *Кавказский этнографический сборник*. М.: Издательство Восточной литературы, 1958. Выпуск II. С. 139-274.
- Косвен, 1962** – Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Часть III // *Кавказский этнографический сборник*. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1962. Выпуск III. С. 158-288.
- Крылов, 2014** – Крылов В.Н. Становление института рецензирования в русской критике (2-я половина XVIII – начало XIX в.) // *Ученые записки Казанского университета*. 2014. Т. 156. Кн. 5. С. 262-280.
- Крымшокалова, 2007** – Крымшокалова Ф.Х. Источники обычного права кабардинцев в XVIII – первой половине XIX веков. Дисс. ... канд. юрид. наук. Нальчик: [б.и.], 2007. 170 с.
- Кузьминов, 2009** – Кузьминов П.А. Эпоха реформ 50–70-х годов века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик: КБГУ, 2009. 236 с.
- Кузьминов, Тахушева, 2016** – Кузьминов П.А., Тахушева И.С. Кавказ в редакционной политике журнала «Отечественные записки» (1818–1867 гг.) // *Научная мысль Кавказа*. 2016. № 4. С. 81-87.

Кузьминов, Тахушева, 2018 – Кузьминов П.А., Тахушева И.С. П.П. Свиныин и трансляция истории народов Северного Кавказа в «Отечественных записках» (1818–1838) // *Научная мысль Кавказа*. 2018. № 2. С. 41-47.

Кузьминов, Тахушева, 2020 – Кузьминов П.А., Тахушева И.С. Подходы к изучению материалов о Северном Кавказе в журнале «Отечественные записки»: метод Жака Кайзера // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2020. № 1. С. 12-41. [Электронный ресурс]. URL: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/kuzminov_ta-husheva_kavkazologija_2020_1.pdf

Кумыков, 2002 – Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002. 446 с.

Материалы..., 1986 – Материалы Я.Ш. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX в. Сост. Х.М. Думанов. Нальчик: Эльбрус, 1986. 320 с.

Обзор..., 1849 – Обзор статей помещенных в газете «Кавказ», в продолжение: 1846, 1847, 1848 и 1849 годов // *Кавказ*. 1849. № 48. С. 190-191.

Ответ Люлье..., 1847 – [Ответ Люлье на замечания Адиль-Гирей к Словарю русско-черкесскому] // *Кавказ*. 1847. № 26. С. 103-104.

Периодическая..., 2006 – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: науч.-попул. сб.: в 7 кн. Кн. 6 / Рос. акад. наук, Сев.-Осет. ин-т гуманитар. и соц. исслед. им. В. Абаева, Владикавказ. науч. центра и Правительства РСО-Алания; сост., предисл., прим. и коммент. Л.А. Чибиров. Владикавказ: Ирystон, 2006. 488 с.

Полное..., 1997 – Полное собрание кабардинских древних обрядов (1844 г.) / Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX вв. / Сост. Х.М. Думанов, Ф.Х. Думанова. Майкоп: Меоты, 1997. С. 79-106.

Постановления..., 1997 – Постановления о сословиях в Кабарде (1822 г.) // Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX вв. / Сост. Х.М. Думанов, Ф.Х. Думанова. Майкоп: Меоты, 1997. С. 45-63.

Радужицкий, 1846a – Радужицкий Илья. Законы и обычаи кабардинцев // *Литературная газета*. 1846. № 1. С. 5-8; № 2. С. 11-12.

Радужицкий, 1846b – Радужицкий Ил. В редакцию газеты Кавказ // *Кавказ*. 1846. № 41. С. 162.

Султан Адиль-Гирей, 1847 – Султан Адиль-Гирей. Словарь Русско-Черкесский или Адигский, с краткою грамматикою сего последнего языка, составленный Леонтием Люлье // *Кавказ*. 1847. № 12. С. 48.

Тахушева, 2020 – Тахушева И.С. Российские периодические издания XIX в. в историографическом пространстве Северного Кавказа (по материалам журнала «Современника») // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 2. С. 99–106.

Тахушева, 2021 – Тахушева И.С. Столичная периодическая печать XIX века как механизм формирования историко-культурного портрета народов Северного Кавказа: «Отечественные Записки» и «Голос» А.А. Краевского // *Научная мысль Кавказа*. 2021. № 4 (108). С. 88-94.

Тлепцок, 2010 – Тлепцок Р.А. Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.). М.: Социально-гуманитарные знания, 2010. 677 с.

Хакушев, 1978 – Хакушев А.Х. Адыгские просветители. Нальчик: Эльбрус, 1978. 260 с.

Хашхожева, 1980 – Хашхожева Р.Х. Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980. 302 с.

Шеуджен, 2010 – Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М.; Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. 280 с.

References

Azikova, 2011 – Azikova, Yu.M. (2011). Sistema vlasti v traditsionnom kabardinskom obshchestve (XVI–XVIII vv.) [The power system in traditional Kabardian society (16th–18th centuries)]. Diss. ... kand. ist. nauk. Nalchik, 295 p. [in Russian]

Butkov, 1869 – Butkov, P.G. (1869). Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god [Materials for a new history of the Caucasus, from 1722 to 1803]. SPb., part 2, 602 p. [in Russian]

Girei, 1846 – Girei (1846). Zamechaniya na stat'yu Zakony i obychai Kabardintsev [Comments on the article Laws and customs of Kabardins]. *Kavkaz*. 10: 57-58. 11: 41-43. [in Russian]

Dumanov, Dumanova-Krymshamakhalova, 2006 – Dumanov, Kh.M., Dumanova-Krymshamakhalova, F.Kh. (2006). Pravo i sudebnye organy adygov [Law and judicial authorities of the Adyghe]. *Istoricheskii vestnik*. IV: 111-142. [in Russian]

Kazakov, 2006 – Kazakov, A.V. (2006). Adygi (cherkesy) na rossiiskoi voennoi sluzhbe. Voevody i ofitsery. Seredina XVI – nachalo XIX v. (Biograficheskii spravochnik) [Adyghe (Circassians) in Russian Military Service. Voivodes and Officers. Mid-16th – Early 19th Century (Biographical Handbook)]. Nalchik, pp. 217-218. [in Russian]

Kasumov, 2013 – Kasumov, Kh.A. (2013). Rossiiskaya pressa i Kavkaz v pervoi treti XIX veka: informirovanie, prosveshchenie, analiz [The Russian press and the Caucasus in the first third of the 19th

- century: information, enlightenment, analysis]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk.* 4: 82-84. [in Russian]
- Katanchiev, 2003** – *Katanchiev, T.M.* (2003). Kabardinskoe obychnoe pravo, ego osobennosti [Kabardian customary law, its characteristics]. Nalchik, 194 p. [in Russian]
- Kolesnikova, 2011** – *Kolesnikova, M.E.* (2011). Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka [North Caucasian historiographic tradition: second half of the 18th – early 20th centuries]. Stavropol, 495 p. [in Russian]
- Kolosovskaya, 2021** – *Kolosovskaya, T.A.* (2021). Il'ya Timofeevich Radozhitskii i ego kavkazskie materialy [Ilya Timofeevich Radozhitsky and his Caucasian materials]. *Kavkazskii sbornik.* 13(45): 68-80. [in Russian]
- Kolosovskaya, Tkachenko, 2021** – *Kolosovskaya, T.A., Tkachenko, D.S.* (2021). Voennye kavkazovedy Rossiiskoi imperii: biobibliograficheskii slovar' [Military Caucasian Studies of the Russian Empire: Bio-Bibliographic Dictionary]. Stavropol. Pp. 218-223. [in Russian]
- Kosven, 1955** – *Kosven, M.O.* (1955). Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniya Kavkaza v russkoi nauke. Chast' I [Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science. Part I]. *Kavkazskii etnograficheskii sbornik.* I: 265-374. [in Russian]
- Kosven, 1958** – *Kosven, M.O.* (1958). Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniya Kavkaza v russkoi nauke. Chast' II [Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science. Part II]. *Kavkazskii etnograficheskii sbornik.* II: 139-274. [in Russian]
- Kosven, 1962** – *Kosven, M.O.* (1962). Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniya Kavkaza v russkoi nauke. Chast' III [Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science. Part III]. *Kavkazskii etnograficheskii sbornik.* III: 158-288. [in Russian]
- Krylov, 2014** – *Krylov, V.N.* (2014). Stanovlenie instituta retsenzirovaniya v russkoi kritike (2-ya polovina XVIII – nachalo XIX v.) [The formation of the institution of reviewing in Russian criticism (second half of the 18th – early 19th century)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta.* 156. Book 5: 262-280. [in Russian]
- Krymshokalova, 2007** – *Krymshokalova, F.Kh.* (2007). Istochniki obychnogo prava kabardintsev v XVIII – pervoi polovine XIX vekov [Sources of customary law of Kabardians in the 18th – first half of the 19th centuries]. Diss. ... kand. yurid. nauk. Nalchik, 170 p. [in Russian]
- Kuz'minov, 2009** – *Kuz'minov, P.A.* (2009). Epokha reform 50–70-kh godov veka u narodov Severnogo Kavkaza v dorevolutsionnom kavkazovedenii [The era of reforms of the 50s–70s of the century among the peoples of the North Caucasus in pre-revolutionary Caucasian studies]. Nal'chik, 236 p. [in Russian]
- Kuz'minov, Takhusheva, 2016** – *Kuz'minov, P.A., Takhusheva, I.S.* (2016). Kavkaz v redaktsionnoi politike zhurnala «Otechestvennye zapiski» (1818–1867 gg.) [The Caucasus in the editorial policy of the journal *Otechestvennye Zapiski* (1818–1867)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza.* 4: 81-87. [in Russian]
- Kuz'minov, Takhusheva, 2018** – *Kuz'minov, P.A., Takhusheva, I.S.* (2018). P.P. Svin'in i translyatsiya istorii narodov Severnogo Kavkaza v «Otechestvennykh zapiskakh» (1818–1838) [P.P. Svinin and the broadcast of the history of the peoples of the North Caucasus in *Otechestvennye Zapiski* (1818–1838)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza.* 2: 41-47. [in Russian]
- Kuz'minov, Takhusheva, 2020** – *Kuz'minov, P.A., Takhusheva, I.S.* (2020). Podkhody k izucheniyu materialov o Severnom Kavkaze v zhurnale «Otechestvennye zapiski»: metod Zhaka Kaizera [Approaches to the study of materials on the North Caucasus in the journal "Otechestvennye zapiski": the method of Jacques Kaiser]. *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya».* 1: 12-41. [Electronic resource]. URL: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/kuzminov_ta-husheva_kavkazologija_2020_1.pdf [in Russian]
- Kumykov, 2002** – *Kumykov, T.Kh.* (2002). Obshchestvennaya mysl' i prosveshchenie adygov i balkaro-karachaevtsev v XIX – nachale XX v. [Social thought and education of the Adyghe and Balkar-Karachay people in the 19th – early 20th centuries]. Nalchik, 446 p. [in Russian]
- Materialy..., 1986** – Materialy Ya.Sh. Shardanova po obychnomu pravu kabardintsev pervoi poloviny XIX v. Sost. Kh.M. Dumanov [Materials by Ya.Sh. Shardanov on the customary law of the Kabardians of the first half of the 19th century. Comp. by H.M. Dumanov]. Nalchik, 1986, 320 p. [in Russian]
- Obzor..., 1849** – Obzor statei pomeshchennykh v gazete «Kavkaz», v prodolzhenie: 1846, 1847, 1848 i 1849 godov [Review of articles published in the newspaper "Kavkaz", in continuation: 1846, 1847, 1848 and 1849]. *Kavkaz.* 1849, Nr 48, pp. 190-191. [in Russian]
- Otvét Lyul'e..., 1847** – Otvet Lyul'e na zamechaniya Adil'-Gireya k Slovaryu russko-cherkesskomu [Lulye's response to Adil-Girey's comments on the Russian-Circassian Dictionary]. *Kavkaz.* 1847. 26: 103-104. [in Russian]
- Periodicheskaya..., 2006** – Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh: nauch.-popul. sb.: v 7 kn. Kn. 6. Ros. akad. nauk, Sev.-Oset. in-t gumanitar. i sots. issled. im. V. Abaeva, Vladikavk. nauch. tsentra i Pravitel'stva RSO-Alaniya; sost., predisl., prim. i komment. L.A. Chibirov [Periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians: scientific-popular collection: in 7 books. Book 6. Comp., preface, notes and comments by L.A. Chibirov]. Vladikavkaz, 2006, 488 p. [in Russian]

[Polnoe..., 1997](#) – Polnoe sobranie kabardinskikh drevnikh obryadov (1844 g.) [Complete collection of Kabardian ancient rites (1844)]. *Pravovye normy adygov i balkaro-karachaevtsev v XV–XIX vv.* Comp. by Kh.M. Dumanov, F.Kh. Dumanova. Maikop, 1997, pp. 79–106. [in Russian]

[Postanovleniya..., 1997](#) – Postanovleniya o sosloviyakh v Kabarde (1822 g.) [Regulations on estates in Kabarda (1822)] *Pravovye normy adygov i balkaro-karachaevtsev v XV–XIX vv.* Comp. by Kh.M. Dumanov, F.Kh. Dumanova. Maikop, 1997, pp. 45–63. [in Russian]

[Radozhitskii, 1846a](#) – *Radozhitskii, I.* (1846). Zakony i obychai kabardintsev [Laws and customs of Kabardians]. *Literaturnaya gazeta*. 1: 5–8. 2: 11–12. [in Russian]

[Radozhitskii, 1846b](#) – *Radozhitskii, I.* (1846). V redaktsiyu gazety Kavkaz [To the editorial office of the newspaper Kavkaz]. *Kavkaz*. 41: 162. [in Russian]

[Sultan Adil'-Girei, 1847](#) – *Sultan Adil'-Girei* (1847). Slovar' Russko-Cherkesskii ili Adigskii, s kratkoyu grammatikoyu sego poslednego yazyka, sostavlennyi Leontiem Lyul'e [Dictionary of Russian-Circassian or Adig, with a brief grammar of the language, compiled by Leonty Lyulye]. *Kavkaz*. 12: 48. [in Russian]

[Takhusheva, 2020](#) – *Takhusheva, I.S.* (2020). Rossiiskie periodicheskie izdaniya XIX v. v istoriograficheskom prostranstve Severnogo Kavkaza (po materialam zhurnala «Sovremennika») [Russian periodicals of the 19th century in the historiographic space of the North Caucasus (based on materials from the Sovremennik magazine)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2: 99–106. [in Russian]

[Takhusheva, 2021](#) – *Takhusheva, I.S.* (2021). Stolichnaya periodicheskaya pechat' XIX veka kak mekhanizm formirovaniya istoriko-kul'turnogo portreta narodov Severnogo Kavkaza: «Otechestvennye Zapiski» i «Golos» A.A. Kraevskogo [The capital's periodical press of the 19th century as a mechanism for the formation of a historical and cultural portrait of the peoples of the North Caucasus: "Otechestvennye Zapiski" and "Golos" by A.A. Kraevsky]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 4(108): 88–94. [in Russian]

[Tleptsok, 2010](#) – *Tleptsok, R.A.* (2010). Protsess inkorporatsii Kavkaza v Rossiiskuyu imperiyu. Izvlecheniya iz «Vestnika Evropy» (1802–1918 gg.) [The Process of Incorporation of the Caucasus into the Russian Empire. Extracts from the "Bulletin of Europe" (1802–1918)]. Moscow, 677 p. [in Russian]

[Khakuashev, 1978](#) – *Khakuashev A.Kh.* (1978). Adygskie prosvetiteli [Adyghe enlighteners]. Nalchik, 260 p. [in Russian]

[Khashkhozheva, 1980](#) – *Khashkhozheva, R.Kh.* (1980). Izbrannye proizvedeniya adygsikh prosvetitelei [Selected works of the Adyghe enlighteners]. Nalchik, 302 p. [in Russian]

[Sheudzhen, 2010](#) – *Sheudzhen, E.A.* (2010). Adygi (cherkesy) v prostranstve istoricheskoi pamyati [Adyghe (Circassians) in the space of historical memory]. Moscow; Maikop, 280 p. [in Russian]

Российская периодическая печать XIX в. как полемическая среда кавказоведения (случай обсуждения публикации «Законов и обычаев кабардинцев»)

Юзанна Мартиновна Азикова^{a, *}, Петр Абрамович Кузьминов^a

^a Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация

Аннотация. Периодическая печать рассматривается как важная инфраструктурная и институциональная составляющая научного дискурса XIX в. В условиях стихийного развития кавказоведения основную массу публикаций о Кавказе составляли статьи и очерки в газетах и журналах. Периодическая печать стала площадкой дискуссий кавказоведов. В работе исследуется отдельный случай полемики вокруг публикации «Законов и обычаев кабардинцев» И.Т. Раджицкого. Проясняются обстоятельства, содержание и результаты обсуждения обнародованных в печати правовых норм кабардинцев. Обобщены возможности обеспечения периодической печатью подобной полемики. Проанализированы содержание и формат представления в печати материалов, оформивших обсуждение «Законов и обычаев кабардинцев». Пересмотрен характер публикации И.Т. Раджицкого. Выявлено, что это не авторский очерк, а публикация существовавших правовых норм кабардинцев. Подтверждено дискуссионное авторство «Замечаний» к публикации И.Т. Раджицкого. Исследование полемики по поводу публикации правовых норм кабардинцев продемонстрировало ее несоответствие стандартам компетентной научной оценки и критики. Вместе с тем показано, что критические возможности периодической печати в XIX в. были соразмерны зачаточному состоянию отечественного кавказоведения.

Ключевые слова: периодическая печать, газета, кавказоведение, полемика, критика, правовые нормы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: i.azikova@kbsu.ru (Ю.М. Азикова), petrakis_hist@bk.ru (П.А. Кузьминов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 151-158
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.151

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Paradigms of Development of National Universities in the second half of the XIX – early XX centuries

Andrii Lebid ^{a, b, *}, Valentyna Stupakova ^c

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Sumy State University, Sumy, Ukraine

^c H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Kharkiv, Ukraine

Abstract

The second half of the XIX – early XX centuries was the time of significant transformations in higher education in the Russian Empire. The study of the university paradigm and its formation in this period allows us to identify the main trends and features that influenced the development of educational and scientific institutions. The article considers changes in the tasks and functions of universities, their role in socio-economic and cultural processes, as well as their impact on social development. Special attention is paid to the interaction of universities with state structures, as well as reforms aimed at modernizing educational programs and methods. The analysis of various approaches to the organization of university education allows us to identify the key models that have become the basis for the formation of modern universities.

National universities became centers not only of academic thought, but also of political and social activity, playing an important role in the formation of national identities. During this period, they began to be actively involved in the processes of industrialization and modernization, as well as in educational reforms focused on training specialists for various sectors of the economy.

A notable feature of the era is the gradual transformation of university programs aimed at combining theoretical and practical knowledge. In most universities there was an expansion of scientific disciplines, which contributed to the strengthening of interdisciplinary research. It is also worth noting that in some cases, despite modernization efforts, universities faced resistance from conservative circles of society and government. This is due to fears of the loss of traditional values, as well as the desire to retain control over educational processes and scientific activities.

The study of the paradigms of university development in the second half of the 19th – early 20th centuries allows us to understand how new educational structures were created under the conditions of socio-economic and political changes, as well as how universities contributed to the formation of modern scientific and educational environment.

Keywords: higher education, university, paradigm, university idea, classical model of the university, education, education policy, education quality, education reform, sustainable development in education.

1. Введение

Вторая половина XIX ст. в истории университетского образования Российской империи ознаменовалась повсеместным укреплением системы высшего образования и необходимостью переосмысления его существующих моделей и парадигм. Университетский вопрос стал краеугольным для различных групп интеллектуалов, в интересах которых принципиальным был вопрос о миссии университета, его функциях и задачах.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A. Lebid)

Университетский вопрос нашел свое отражение в произведениях различного жанра и объединил представителей студенчества, научно-преподавательского состава университетов, попечителей учебных округов, общественность. Острота университетского вопроса во многом была предопределена актуальностью общественной роли университета, роли реформ высшего образования в социальных трансформациях страны. Те университетские трансформации, которые имели место во второй половине XIX в. принято именовать «университетской реформой». Во многом университетская реформа характеризует не столько состояние общественного сознания, но и отношения университета и государства. Последние можно охарактеризовать как смещение акцентов с конструктивной критики самодержавия к более сдержанной ее форме.

2. Материалы и методы

Данная рукопись подготовлена на основании различных материалов: текстов и выступлений представителей социальной и интеллектуальной элиты Российской империи (проектов университетских уставов и правительственных решений, публичных выступлений функционеров от правительства и академического сообщества, публицистические статьи и публикации профессоров и преподавателей университетов, чиновников и других лиц).

Эти материалы позволяют уяснить особенности трансфера и трансгресса европейской университетской идеи и ее последующее влияние на отечественную систему высшего образования в контексте функционирования национальных университетов. Проанализированные нами материалы относятся к периоду реформирования модели университета второй половины XIX – начала XX вв.

Проведенное нами исследование фундировано на принципах объективности и историзма, что делает возможной аналитику исторических явлений, событий и процессов в разрезе их конкретно-исторической обусловленности. Обозначенные принципы зиждутся на понимании динамичности объекта исторического исследования.

Для изучения феномена университетской парадигмы (идеи) были использованы общенаучные методы исследования: обобщение, анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция. Они выступили логической основой для специальных методов исторического познания, в том числе: историко-сравнительного (для компаративистики парадигм, проектов и моделей университетского образования в Российской империи); историко-топологического (для выявления общего в моделях, проектах и парадигмах университетского образования); историко-системного (для комплексного анализа становления и развития университетской парадигмы университетского образования в Российской империи).

3. Обсуждение

История становления и развития системы высшего образования в Российской империи представляет собой важнейший аспект социальной истории, истории идей, занимая достойное место в когорте специальных исторических исследований. По этой теме подготовлены многочисленные научные и научно-популярные работы, раскрывающие многофакторность и многоаспектность этой, без преувеличения, важнейшей научной проблемы.

Формирование современного образа и облика университета было бы невозможным без острых дискуссий, в ходе которых кристаллизировалась визия и миссия университета в его трансгрессе от классического к исследовательскому.

Вопросы и проблемы подобного толка стали исследовательским объектом и предметом многих историков, других специалистов в области социальных и гуманитарных наук. В их работах, в частности, рассматриваются предпосылки формирования и становления государственной системы образования, вопросы ее реформирования и последствий подобных преобразований (Войтеховская, 2012).

По мнению некоторых исследователей, система высших образовательных учреждений, формирование органов управления ею, сферы приложения и направления государственной образовательной политики, а также вопросы нормативного ее регулирования являются важнейшим фактором существования государства (Хаминев, 2022).

Предметом отдельных научных исследований по истории высшего образования в Российской империи являются проблемы организационно-правового характера. Комплексно анализируя социально-экономические и политико-правовые отношения в империи, в частности, были выявлены и определены основные организационно-правовые тенденции в развитии системы высшего образования в Российской империи XIX - начала XX вв. (Биюшкина, 2017).

В ряде научных исследований по данной проблеме отмечается, что особенностью образовательного процесса в XIX – начале XX вв. стал его амбивалентный характер, соединяя нормы и принципы академического и прикладного характера. Историки также акцентируют внимание на том факте, что в регулировании отношений в системе университетского образования произошел переход от некоторой хаотичности в управлении к более последовательной политике, проводимой органами государственной власти в области образования (Биюшкина, 2019).

Ряд научных работ посвящен изучению процессов реформирования системы образования, в результате которых были установлены социально-политические и культурно-нравственные

основания образовательных трансформаций в Российской империи в целом и на украинских землях в частности, имевшие место в XIX – начале XX вв. Их целостное рассмотрение и оценка позволили определить ряд повторяющихся и достаточно устойчивых закономерностей, определивших картину места и роли университетов в общественной жизни страны (Богуславский, 2009).

Важным аспектом, по мнению некоторых ученых, выступает комплексный характер проводимых на то время в Российской империи социальных трансформаций и процесса реформирования. В частности, отмечается взаимосвязь и влияние судебной реформы 1864 г. на развитие образования и образовательную политику в империи во второй половине XIX – начале XX вв. Выводы, к которым пришли исследователи данной проблемы, однозначно констатируют, что содержание и структура высшего образования, прежде всего – юридического, развивались в соответствии с проводимыми в стране судебными преобразованиями. Это стало очевидным в условиях формирования двух моделей юридического образования, исходя из того влияния, которое оказало принятие общеуниверситетских уставов: 1863 г. – когда была введена теоретическая модель образования, и практическая модель, введенная уставом 1884 г. (Ильина, 2014).

В определенной мере на формирование образа и модели университета в Российской империи повлияли общеуниверситетские уставы, например, 1863 г. Исследователи отмечают его компромиссный характер между либеральными и консервативными веяниями. Обосновываются конструктивные и деконструктивные тенденции решения «университетского вопроса» на уровне правительства и в академических кругах (Новиков, Перфилова, 2014; Жарова, 2020).

В нашей предыдущей статье (Lebid, Stepanov, 2024) рассмотрена история формирования университетской идеи в Российской империи. Идея университета рассматривается в контексте трех его моделей: предклассической, классической и постклассической. Формирование университетской идеи авторами проанализировано в контексте изменения государственной политики в отношении университета: от конструктивизма к реакционизму.

4. Результаты

Университетская история Российской империи второй половины XIX в. представляет значительный интерес в различных аспектах. Это период не только укрепления системы университетского образования, но и активизации обсуждения «университетского вопроса». Это время активного формирования и формулирования обновленной модели университетского образования и образа университета как средоточия общественно-политических и научно-педагогических инноваций.

Вторая половина XIX в. характеризуется активизацией дискуссии по университетскому вопросу. Первая такая состоялась в 1850–1860-х гг., начиная с дискуссионной статьи Н. Бунге «О современном направлении русских университетов и о потребностях высшего образования». В ней автор очертил образовательные проблемы с перспективой нахождения «лучшего устройства учебной части». Продолжение дискуссии в направлении решения обозначенных вопросов нашло свое отражение в другой статье Н. Бунге «Об устройстве учебной части в наших университетах» (Бунге, 1858).

Драйвером дискуссии по университетскому вопросу был Н. Пирогов. В своей статье «Чего мы желаем?» известный ученый актуализировал вопрос о «коренном и фундаментальном преобразовании университетов». Проанализировав состояние российских имперских университетов, он высказал прогрессивные идеи по их реформированию (Пирогов, 1953).

Определенный резонанс вызвала статья Н. Костомарова «Замечание о наших университетах», положившая начало дискуссии о студенческой корпорации. Обсуждение данного вопроса вызвало к жизни дискуссии и по поводу других проблем университетской жизни: совместимости задач воспитания и образования, статус корпорации профессоров и преподавателей, академических свобод и др.

Определенную роль в дискуссии по университетскому вопросу сыграла позиция Министерства народного просвещения. В частности, проект университетского устава 1863 г. по предписанию министра А. Головина был разослан губернаторам, предводителям дворянства, высшим духовным особам, а также в университеты для предварительного ознакомления и внесения предложений по его содержанию. Проект университетского устава также был переведен на иностранные языки для ознакомления зарубежным научно-педагогическим сообществом. Полученные Министерством народного просвещения отзывы впоследствии были опубликованы.

Во время обсуждения нового университетского устава активизировалась деятельность либерально настроенной интеллигенции, в особенности, прогрессивной части профессоров и преподавателей. По их мнению, трансформация университетского пространства, функции и роли университетов должны стать драйвером преобразований и в других сферах общественной жизни империи (Каченовский, 1862). Устав 1863 г., по факту принятия которого Министерство народного просвещения четко прояснило свою позицию, во многом был компромиссным, не предполагая введения механизмов преобразований университетской жизни.

Новая волна дискуссий по университетскому вопросу вспыхнула в середине 1870-х гг. Ее появление связано с неудовлетворительными результатами реформы образования и ее восприятием общественностью, проявлением чего, в частности, стали активизировавшиеся

студенческие протесты. Все чаще звучали призывы пересмотреть принципы и нормы общеуниверситетского устава 1863 г. Были предложены изменения обустройства императорских университетов по принципам организации немецких университетов. Среди прочих, поступили предложения и о пересмотре полномочий университетского совета, праве назначения профессоров министром просвещения (Любимов, 1873).

Следует отметить, что данные инициативы были расценены как «провокационные» и такие, что посягают на автономию университетов (Герье, 1876). Ответной реакцией на разгоревшуюся по данному поводу дискуссию стало принятие общеуниверситетского устава 1884 г., в котором был обозначен определенный крен в сторону «классического» университета, в дальнейшем, однако, подвергшийся критике.

В результате означенных дискуссий в итоге был сформирован целостный образ университетских преобразований, оценка которых все чаще приобретала политический окрас. В этом контексте реформы системы высшего образования рассматривались как модель не столько институциональных, сколько общественных трансформаций и решения общественно-политических проблем.

Либеральная интеллигенция этого периода сформировала господствующий образ университета и его миссии: университет является научно-учебным учреждением, где куются кадры будущих преобразований, университетская корпорация служит общественным, но никак не государственным интересам. При этом значительное внимание уделялось роли университетов как идейных центров. Таким образом, принцип свободы преподавания и исследования – фундаментальный принцип университета гумбольдтовского типа, многими признавался основополагающим.

Вместе с тем, существующая модель высшего образования критиковалась за чрезмерную канцелярщину, бюрократизм, формализм и проч. Все чаще звучат требования «открыть» университеты, допустить женщин к обучению, снять иные социальные ограничения и т. д. При всем многообразии вопросов, обсуждавшихся в рамках университетской проблемы, однозначно можно отметить, что они в большей мере касались академических свобод, трактованных не только в контексте учебно-воспитательных проблем, но и свободы в ее общественно-политическом смысле.

Образцы университетского обустройства в основном пытались найти в моделях западных университетов, прежде всего, немецких. При этом поиск университетских идеалов был в большинстве случаев поводом поиска общественных идеалов, приобретая широкий социальный контекст. Акцент на опыте западных стран был предопределен фактом появления университетов именно в западноевропейской традиции для ознакомления «с современным положением европейских университетов, которые послужили образцом для устройства наших» (Благосветлов, 1861).

В рамках имплементации «западного опыта» в университетское пространство империи снова актуальным стал вопрос о выборе наилучшей модели университетского образования. Большинство таковую видели в модели организации немецких университетов.

Поиск «идеального» университета представлял собой достаточно серьезную научную задачу, для решения которой за рубеж были откомандированы функционеры для изучения опыта европейских университетов. Симпатии большинства из них вновь оказались на стороне немецких университетов, преимуществом которых были «свобода науки, мысли, преподавания и учения».

Постепенно и эта тенденция утратила свое значение – все чаще звучал призыв вовсе прекратить копировать опыт европейских университетов и сосредоточиться на обосновании собственного опыта. В связи с этим в 80-х гг. XIX ст. на правительственном уровне была поставлена задача обосновать специфику отечественного типа университета.

Период конца XIX - начала XX вв. ознаменован усилением противостояния университетов и власти, что ознаменовало собой необходимость (пере)осмысления новых возможностей и вызовов по университетскому вопросу, в частности, в вопросе восстановления университетской автономии.

В 1901 г. министр просвещения П. Ванновский обратился к университетам касательно перемен в их жизни и функционировании. Большинство представителей профессорского сословия были уверены, что вернуть былую славу университетов возможно лишь возвысив авторитет корпорации профессоров и преподавателей (Вернадский, 1901; Петражицкий, 1907; Чирьев, 1901).

Постепенно наблюдается рост левых идей и настроений не только среди интеллигенции и профессуры, но и среди студенчества. Особенно в революционные 1905–1907 гг. В этот период университеты стали очагами оппозиции. Правительство вынуждено было реагировать на подобные явления, восстановив университетскую автономию на основании «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения». Автономия университетов многими понималась как фактическая независимость от государственной власти.

В начале XX в. палитра мнений по университетскому вопросу была достаточно пестрой. Единый образ и модель университетских реформ распадается: либералы все также отстаивают выдающуюся роль университетов в общественном прогрессе; консерваторы же отрицательно оценивали общественную роль университета. Последний представлялся как антиправительственная сила.

Канул в Лету и пиетет в отношении университетской науки, хотя и многие профессора настаивали на особой ее роли в жизни общества и университетов. Вместе с тем более четким стал тезис, что университеты не дают обществу реальных деятелей, а лишь «либералов на словах».

Университеты «чистой науки» стали трактоваться как оторванные от жизни, усилилось мнение о «бесполезности казенных лекций, которые замалчивают правду жизни». Такого же мнения придерживались и многие студенты, выражая свое недовольство «духом казенщины», характерной для системы университетского преподавания.

5. Заключение

Таким образом, дискуссии в рамках университетского вопроса носили явно политический характер. Образы и модели российских императорских университетов непосредственно были связаны с идейно-политическими убеждениями их авторов.

Следует также отметить различия в понимании миссии и роли университетов в общественной жизни государства либеральных и консервативных функционеров. Последние были склонны негативно оценивать состояние и роль университетов, соединяя воедино университет и самодержавие. Иными словами, университеты в их понимании являлись частью системы. Либералы же напротив противопоставляли университеты самодержавию в качестве автономной структуры.

Именно поэтому к началу XX в. факторами напряжения выступают проблемы университетского самоуправления, статуса профессорско-преподавательской и студенческой корпорации. Долгое время университеты будут функционировать, не имея под собой какие-либо концептуальной основы и четко определенного места в системе образования. К XX в. университет как социальный институт уже глубоко укоренился на просторах империи, сформировав устойчивую ризому университетского пространства и влияния на общественные процессы и трансформации.

Литература

Андреев, 2012 – Андреев А. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. М.: РОССПЭН, 2012. 671 с.

Биюшкина, 2017 – Биюшкина Н. Проблемы организационно-правовой регламентации системы высшего образования в Российском государстве: история и современность // *Право и политика*. 2017. № 5. С. 50-67.

Биюшкина, 2019 – Биюшкина Н. Особенности организации и законодательной регламентации сферы образования в Российской империи в XIX – начале XX вв. // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2019. № 4 (84). С. 10-17.

Благосветлов, 1861 – Благосветлов Г. О значении университетов в системе народного воспитания // *Русское слово*. 1861. № 12. Отд. I. С. 1-26.

Богуславский, 2009 – Богуславский М. Реформы российского образования XIX-XX вв. как глобальный проект // *Вопросы образования*. 2006. № 3. С. 5-21.

Бунге, 1858 – Бунге Н. Об устройстве учебной части в наших университетах // *Русский вестник*. 1858. Т. 7. № 19. Отд. 1. С. 441-488.

Вернадский, 1901 – Вернадский В. Об основаниях университетской реформы. М.: Университетская типография, 1901.

Войтеховская, 2012 – Войтеховская М. Зарождение государственной системы образования в Российской империи // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2012. № 2(117). С. 39-45.

Герье, 1876 – Герье В. Свет и тени университетского быта // *Вестник Европы*. 1876. Т. 1 (57). Книга 1-2.

Жарова, 2020 – Жарова Е. Профессорская корпорация и реформирование системы обучения в университетах на рубеже XIX-XX веков // *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*. 2020. Т.3. Вып. 4. С. 607-615

Зайцева, 2016 – Зайцева Л. Общий устав университетов 1863 г.: предыстория, характеристика, значение // *Lex Russica*. 2016. № 9 (118). С. 214-229.

Зайцева, 2017 – Зайцева Л. Общий устав императорских российских университетов 1863 г. как комплексный акт по управлению высшим образованием // *Lex Russica*. 2017. № 7 (128). С. 195-214.

Ивкина, 2009 – Ивкина Т. Система подготовки научно-педагогических кадров российских университетов по университетским уставам 1863 и 1884 гг. // *Научный Вестник Уральской Академии государственной службы*. 2009. Март. № 1(6). С. 106.

Ильина, 2014 – Ильина Т. Взаимосвязь судебной реформы 1864 года и преобразований в сфере образования в России во второй половине XIX века // *Историко-правовые проблемы: Новый ракурс*. 2014. № 9-2. С. 24-39.

Карманова, 2017 – Карманова Е. Университетский устав 1884 г. как исторический источник // *Молодой ученый*. 2017. № 16 (150). С. 375-377.

Каченовский, 1862 – Каченовский Д. Прежнее и нынешнее положение русских университетов // *Русская речь и Московский вестник*. 1862. 4 янв. (№1). С. 2-6.

Кэссоу, 1992 – Кэссоу С. Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения / Великие реформы в России 1856-1874 г. М., 1992. С. 317-334.

- Любимов, 1873** – Любимов Н. Мнение по поводу пересмотра университетского устава // *Русский вестник*. 1873. Вып. 2. Февраль. 40.
- Мельникова, 2009** – Мельникова Л. Предпосылки общеобразовательной реформы в России во второй половине XIX в. // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2009. № 53. С. 46-49.
- Новиков, 2014** – Новиков М. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы // *Ярославский педагогический вестник*. 2014. Т. 1. № 4. С. 27-40.
- Новиков, Перфилова, 2014** – Новиков М., Перфилова Т. «Университетский вопрос» в 1866-1884 гг. // *Ярославский педагогический вестник*. 2014. Т. 1. С. 22-33.
- Овчинников, 2010** – Овчинников А. Образовательное право и законодательство в дореволюционной России // *Образование и общество*. 2010. № 6 (65). С. 87-91.
- Петражицкий, 1907** – Петражицкий Л. Университет и наука. Опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования. С приложениями: о высших и специальных учебных заведениях и о среднем образовании. СПб., 1907. Т. 1-2.
- Пирогов, 1953** – Пирогов Н. Университетский вопрос / Избранные педагогические сочинения. Москва: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1953. С. 324-393
- Пищулина, 2016** – Пищулина А. Предпосылки и процесс утверждения общего устава императорских российских университетов от 18 июня 1863 г. // *Государство и право в XXI веке*. 2016. № 1. С. 11-15.
- Фальборк, 1900** – Фальборк Г. Народное образование в России. СПб.: Издание О. Н. Поповой: Типография Товарищества «Народная польза», 1900. 264 с.
- Хаминов, 2022** – Хаминов Д. Система общего и высшего образования в Российской империи: принципы и направления государственной политики, нормативное регулирование и органы управления (историко-правовой аспект) // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. №474. С. 285-299.
- Чирьев, 1901** – Чирьев С. Проект реформы высшего образования. Киев, 1901. 22 с.
- Lebid, Stepanov, 2024** – Lebid, A., Stepanov, V. The Paradigms of Development of the National University in the XVII – first half of the XIX centuries // *European Journal of Contemporary Education*. 2024. 13(3): 607-612.

References

- Andreev, 2012** – Andreev, A. (2012). Universitet v Rossijskoj imperii XVIII – pervoj poloviny XIX veka. [University in the Russian Empire of the 18th – first half of the 19th century]. Moskva: ROSSPEN, 671 p. [in Russian]
- Biyushkina, 2017** – Biyushkina, N (2017). Problemy organizacionno-pravovoj reglamentacii sistemy vysshego obrazovaniya v Rossijskom gosudarstve: istoriya i sovremennost' [Problems of organizational and legal regulation of the higher education system in the Russian state: history and modernity]. *Pravo i politika*. 5: 50-67. [in Russian]
- Biyushkina, 2019** – Biyushkina, N. (2019). Osobennosti organizacii i zakonodatel'noj reglamentacii sfery obrazovaniya v Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX vv [Features of the organization and legislative regulation of the education sector in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 4(84): 10-17. [in Russian]
- Blagosvetlov, 1861** – Blagosvetlov, G. (1861). O znachenii universitetov v sisteme narodnogo vospitanija [On the importance of universities in the system of public education]. *Russkoe slovo*. 12: 1-26. [in Russian]
- Boguslavsky, 2009** – Boguslavsky, M. (2009). Reformy rossijskogo obrazovaniya XIX-XX vv. kak global'nyj proekt [Reforms of Russian education in the 19th-20th centuries. as a global project]. *Voprosy obrazovaniia*. 3: 5-21. [in Russian]
- Bunge, 1858** – Bunge, N. (1858). Ob ustrojstve uchebnoj chasti v nashih universitetah [On the arrangement of the academic department in our universities]. *Russkij vestnik*. 7(19): 441-488. [in Russian]
- Chir'ev, 1901** – Chir'ev, S. (1901). Proekt reformy vysshego obrazovaniya [Higher Education Reform Project]. Kiev, 22 p. [in Russian]
- Falborck, 1900** – Falborck, G. (1900). Narodnoe obrazovanie v Rossii [Public education in Russia]. Sankt-Peterburg: Izdanie O. N. Popovoj: Tipografiya Tovarishchestva «Narodnaya pol'za», 264 p. [in Russian]
- Ger'e, 1876** – Ger'e, V. (1876). Svet i teni universitetskogo byta [The lights and shadows of university life]. *Vestnik Evropy*. 1(57). Kniga 1-2. [in Russian]
- Ilyina, 2014** – Ilyina, T. (2014). Vzaimosvyaz' sudebnoj reformy 1864 goda i preobrazovanij v sfere obrazovaniya v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka [The relationship between the judicial reform of 1864 and transformations in the field of education in Russia in the second half of the 19th century]. *Istoriko-pravovye problemy: Novyj rakurs*. 9(2): 24-39. [in Russian]
- Ivkina, 2009** – Ivkina, T. (2009). Sistema podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov rossijskikh universitetov po universitetskim ustavam 1863 i 1884 gg. [The system of training scientific and pedagogical

- personnel of Russian universities according to the university charters of 1863 and 1884]. *Nauchnyj Vestnik Ural'skoj Akademii gosudarstvennoj sluzhby*. 1(6): 106. [in Russian]
- Kachenovskij, 1862** – *Kachenovskij, D.* (1862). Prezhnee i nyneshnee polozhenie russkih universitetov [The former and present situation of Russian universities]. *Russkaja rech' i Moskovskij vestnik*. 4 janv. 1: 2-6. [in Russian]
- Karmanova, 2017** – *Karmanova, E.* (2017). Universitetskij ustav 1884 g. kak istoricheskij istochnik [The University Charter of 1884 as a historical source]. *Molodoj uchenyj*. 16(150): 375-377. [in Russian]
- Kassow, 1992** – *Kassow, S.* (1992). Universitetskij ustav 1863 g.: novaya tochka zreniya [University Charter of 1863: a new point of view]. *Velikie reformy v Rossii 1856-1874 g.* Moskva. Pp. 317-334. [in Russian]
- Khaminov, 2022** – *Khaminov, D.* (2022). Sistema obshchego i vysshego obrazovaniya v Rossijskoj imperii: principy i napravleniya gosudarstvennoj politiki, normativnoe regulirovanie i organy upravleniya (istoriko-pravovoj aspekt) [The system of general and higher education in the Russian Empire: principles and directions of state policy, regulatory framework and governing bodies (historical and legal aspect)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 474: 285-299. [in Russian]
- Lebid, Stepanov, 2024** – *Lebid, A., Stepanov, V.* (2024). The Paradigms of Development of the National University in the XVII – first half of the XIX centuries. *European Journal of Contemporary Education*. 2024. 13(3): 607-612.
- Ljubimov, 1873** – *Ljubimov, N.* (1873). Mnenie po povodu peresmotra universitetskogo ustava [Opinion on the revision of the university statutes]. *Russkij vestnik*. 2(40). [in Russian]
- Melnikova, 2009** – *Melnikova, L.* (2009). Predposylki obshcheobrazovatel'noj reformy v Rossii vo vtoroj polovine XIX v. [Prerequisites for general education reform in Russia in the second half of the 19th century]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 53: 46-49. [in Russian]
- Novikov, 2014** – *Novikov, M.* (2014). Universitetskij ustav 1884 g.: illyuziya akademicheskoy svobody [University Charter of 1884: the illusion of academic freedom]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 1(4): 27-40. [in Russian]
- Novikov, Perfilova, 2014** – *Novikov, M., Perfilova, T.* (2014). «Universitetskij vopros» v 1866-1884 gg. [“The University Question” in 1866-1884]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 1: 22-33. [in Russian]
- Ovchinnikov, 2010** – *Ovchinnikov, A.* (2010). Obrazovatel'noe pravo i zakonodatel'stvo v dorevolucionnoj Rossii [Educational law and legislation in pre-revolutionary Russia]. *Obrazovanie i obshchestvo*. 6(65): 87-91. [in Russian]
- Petrazhickij, 1907** – *Petrazhickij, L.* (1907). Universitet i nauka. Opyt teorii i tehniki universitetskogo dela i nauchnogo samoobrazovaniya. S prilozhenijami: o vysshih i special'nyh uchebnyh zavedenijah i o srednem obrazovanii [University and Science. Experience of theory and technique of university business and scientific self-education. With appendices: on higher and special educational institutions and on secondary education]. SPb., T. 1-2. [in Russian]
- Pirogov, 1953** – *Pirogov, N.* (1953). Universitetskij vopros [University question]. *Izbrannye pedagogicheskie sochinenija*. Moskva: Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR. Pp. 324-393. [in Russian]
- Pishchulina, 2016** – *Pishchulina, A.* (2016). Predposylki i process utverzhdeniya obshchego ustava imperatorskih rossijskih universitetov ot 18 iyunya 1863 g. [Prerequisites and process of approval of the general charter of the imperial Russian universities of June 18, 1863]. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke*. 1: 11-15. [in Russian]
- Vernadskij, 1901** – *Vernadskij, V.* (1901). Ob osnovanijah universitetskoj reform [On the foundations of university reform]. Moskva: Universitetskaja tipografija. [in Russian]
- Voitekhovskaya, 2012** – *Voitekhovskaya, M.* (2012). Zarozhdenie gosudarstvennoj sistemy obrazovaniya v Rossijskoj imperii [The emergence of the state education system in the Russian Empire]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (117): 39-45. [in Russian]
- Zaitseva, 2016** – *Zaitseva, L.* (2016). Obshchij ustav universitetov 1863 g: predystoriya, harakteristika, znachenie [General charter of universities of 1863: background, characteristics, and significance]. *Lex Russica*. 9(118): 214-229. [in Russian]
- Zaitseva, 2017** – *Zaitseva, L.* (2017). Obshchij ustav imperatorskih rossijskih universitetov 1884 g. kak kompleksnyj akt po upravleniyu vysshim obrazovaniem [General Charter of Imperial Russian Universities of 1884 as a Comprehensive Act on Higher Education Management]. *Lex Russica*. 7(128): 195-214. [in Russian]
- Zharova, 2020** – *Zharova, E.* (2020). Professorskaja korporacija i reformirovanie sistemy obuchenija v universitetah na rubezhe XIX-XX vekov [The professors' corporation and the reform of university education at the turn of the nineteenth and twentieth centuries]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Istorija i filologija»*. 3(4): 607-615. [in Russian]

Парадигмы развития национальных университетов во второй половине XIX – начале XX вв.

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Валентина Григорьевна Ступакова ^c

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^c Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, Харьков, Украина

Аннотация. Вторая половина XIX – начало XX вв. стали временем значительных преобразований в высшем образовании Российской империи. Исследование университетской парадигмы и ее формирование в этот период позволяет выявить основные тенденции и особенности, оказавшие влияние на развитие образовательных и научных учреждений. В статье рассматриваются изменения в задачах и функциях университетов, их роль в социально-экономических и культурных процессах, а также влияние на общественное развитие. Особое внимание уделяется взаимодействию университетов с государственными структурами, а также реформам, направленным на модернизацию образовательных программ и методов. Анализ различных подходов к организации университетского образования позволяет выявить ключевые модели, ставшие основой для формирования современных университетов.

Национальные университеты стали центрами не только академической мысли, но и политической, социальной активности, играя важную роль в формировании национальных идентичностей. В этот период они начали активно вовлекаться в процессы модернизации и индустриализации, а также в реформы образования, ориентированные на подготовку специалистов для различных отраслей экономики.

Примечательной особенностью эпохи является постепенная трансформация университетских программ, направленная на объединение теоретических и практических знаний. В большинстве университетов происходило расширение научных дисциплин, что способствовало усилению междисциплинарных исследований. Также стоит отметить, что в ряде случаев, несмотря на усилия по модернизации, университеты столкнулись с сопротивлением со стороны консервативных кругов общества и власти. Это вызвано опасениями утраты традиционных ценностей, а также стремлением сохранить контроль над образовательными процессами и научной деятельностью.

Исследование парадигм развития университетов во второй половине XIX – начале XX вв. позволяет понять, как в условиях социально-экономических и политических изменений создавались новые образовательные структуры, а также какой вклад внесли университеты в формирование современной научной и образовательной среды.

Ключевые слова: высшее образование, университет, парадигма, идея университета, классическая модель университета, образование, образовательная политика, качество образования, реформа образования, устойчивое развитие в образовании.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А.Е. Лебедь)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 159-168
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.159

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Representations of the Turkestan Region as the outskirts of the Russian Empire in the Discourse of Regional Periodicals in the late XIX – early XX centuries

Sadokat M. Matkarimova ^{a, *}, Sanzhar S. Davletov ^a, Kudrat Y. Masharipov ^a, Temur P. Abdullaev ^a

^aMamun University, Khiva, Republic of Uzbekistan

Abstract

The article reveals the content of representations of Turkestan as the outskirts of the Russian Empire in the discourse of regional periodicals in the late 19th - early 20th centuries. It is noted that the choice of the late nineteenth - twentieth centuries as the chronological boundaries of the study is explained by important shifts in the socio-political reception of the acquired territories in Central Asia and changes in the socio-political context of the implementation of Russian colonial policy in the Turkestan region in connection with the social upheavals that occurred in Russia at the turn of the century. In the course of the study, the “sites” of representation of Russian society’s ideas about the status of Turkestan as a territory incorporated into the general imperial field were identified, and the program of the official publications of the region – “Turkestan Vedomosti”, “Turkestan Diocesan Vedomosti” as a newspaper and journal, which actively defended and broadcast imperial principles of organization of socio-political and cultural space of the Turkestan region, was presented. It is established that despite the “departmental” difference and relative dissimilarity of the tasks solved in secular and church publications, in the discussion of the development of the Turkestan region as a “Russian cause”, the main newspaper (Turkestan Vedomosti) and the journal (Turkestan Diocesan Vedomosti), demonstrated the commonality of positions, which was expressed in the universality of the subject lines of publications. The publications were equally close to the topical issues of the resettlement movement, political engagement of the population under the influence of revolutionary and foreign policy processes of the early twentieth century, organization and promotion of education, construction of railroad lines. At the same time, the determining factor was the communicative consent of the regional press in the ideas about the special status in the Turkestan region of the imperial bureaucracy, positioned in numerous publications as a decisive argument for the transformation of the region into the Russian Empire.

Keywords: representations, periodical press, discourse, Turkestan Krai, Russian Empire, colony, periphery, Asian Russia.

1. Введение

Присоединение Туркестана к Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. стало важной вехой колониальной политики России в Центральной Азии, являвшейся предметом геополитических амбиций и экономических притязаний крупнейших европейских держав (Ходарковский, 2019). По замечанию С. Беккера, существовал целый комплекс причин, подталкивавших Россию, имевшую долгосрочные исторические связи с центрально-азиатскими оазисами, в направлении этого региона: «создание безопасной границы, страх оказаться вытесненными с этой территории Англией и соблазн обрести новые дипломатические рычаги, экономическую выгоду и военную славу» (Беккер, 2024: 35).

* Corresponding author

E-mail addresses: sadokatmatkarimova@yandex.ru (S.M. Matkarimova),
sdavletov7722@gmail.com (S.S. Davletov), qudrat_74@mail.ru (K.Y. Masharipov),
timurabdullaev4466@gmail.com (T.P. Abdullaev)

Следует отметить, что представления российских имперских элит о предназначении Туркестанского края, активно инкорпорируемого в сферу российской государственности с 1850-х гг., органично вписывались в транснациональный имперский дискурс, основанием которого выступали идеи цивилизационного превосходства колонизаторов и морального оправдания экспансионистских акций в отношении неевропейских народов. В. Тольц констатирует, что идея русской цивилизационной миссии на Востоке в середине XIX в. становится важным элементом идеологии русского национализма, в рамках которой конструируется представление о территориях Центральной Азии как «собственном Востоке» России (Тольц, 2013: 52). При этом Туркестанский край маркировался в качестве органичного продолжения имперского пространства, которое нуждается в административном обустройстве, а населяющие регион народы рассматриваются как объект культуртрегерских действий.

По мере продвижения России в Центральной Азии, с установлением российских административных порядков, распространением русской земледельческой оседлости, в дискурс Туркестана как окраины, входившей в ареал имперской экспансии, включались различные акторы, репрезентировавшие идею о правомочности политики «русского дела» в регионе. Одним из таких акторов являлась официальная периодическая печать Туркестанского края, ставшая активным проводником имперских представлений о перспективах российского присутствия в регионе с 1870-х гг.

В этой связи, цель данной статьи заключается в раскрытии содержания репрезентаций Туркестана как окраины Российской империи в конце XIX — начале XX вв. Авторский выбор рубежа XIX–XX вв. как хронологической рамки исследования объясняется определёнными сдвигами в общественно-политической рецепции приобретённых территорий в Центральной Азии и изменениями социально-политического контекста реализации российской колониальной политики в Туркестанском крае. Массовые переселения, вызванные аграрно-экологическим кризисом в Европейской России, социальные потрясения в годы Первой русской революции, неудачи Русско-японской войны, перемены в религиозной политике Российской империи существенно скорректировали русификаторский вектор колониальных практик на восточных окраинах, актуализировав при этом проблемы имперской безопасности, что оказалось зафиксировано в общественно-политическом дискурсе, в системе координат которого периодическая печать выполняла важные функции.

2. Материалы и методы

Достижение цели и решение задач статьи, направленных на определение «площадок» репрезентации общественного мнения и представлений социума об освоении Туркестанского края, обусловило привлечение к исследованию материалов официальной периодической печати, выполнявшей функцию не только транслятора информации о подходах и практиках имперских структур к административной организации региона под властью империи и колониальных практиках его хозяйственного освоения, но и принципах социокультурной инкорпорации территорий и населения азиатской периферии в общероссийское пространство. В многочисленных публикациях светской и церковной (епархиальной) периодической печати конца XIX — начала XX вв. («Туркестанские ведомости», «Туркестанские епархиальные ведомости») освещался и сопровождался оценочными характеристиками широкий круг проблем, связанных с распространением русского влияния в присоединяемом крае средствами аграрных переселений, административного управления, культурного влияния, что способствовало репрезентативности авторских выводов. Периодическая печать фиксировала представления имперской власти и консервативного сегмента общественного мнения об окраинах империи, в том числе Туркестане, как территориях имперского присутствия и доминирования, позиционируя власть как источник знания, а местный социум в качестве подчинённой группы — субалтернов империи.

В теоретико-методологическом отношении реализация задач исследования малопродуктивна без обращения к наработкам и практикам новой культурно-интеллектуальной истории. Языковая революция в социуме и историографии, зафиксировавшая идею о том, что язык является не только посредником между историком и прошлым, но и особой системой знаков, порождающих новую историческую реальность (Миньяр-Белоручева, 2015: 10; Фуко, 2011; Филлипс, Йоргенсен, 2008), предполагает внимательное вслушивание в дискурс историко-культурной ситуации и дискурс-анализ риторики текстов, фиксировавших представления о колониальной ситуации на восточных окраинах империи в конце XIX — начале XX вв. Корпус региональных журналистов Туркестанского края, озвучивая в статьях, заметках, сообщениях представления власти о регионе как естественной части Российской империи, являлся консолидированным локальным сообществом, объединённым общей профессиональной и социокультурной идентичностью, что придавало суждениям корреспондентов значительности и принималось в обществе не только как информация к размышлению, но и как программные положения в деятельности государства в Туркестанском крае.

3. Обсуждение

Исследовательские сюжеты, отражающие функционирование дискурса имперского освоения Туркестанского края и репрезентации представлений образованного сегмента российского общества в региональной периодической печати, можно рассматривать как составляющий сегмент современных историографических практик рефлексии конструирования образа Азиатской России в общественном мнении второй половины XIX — начала XX вв. В ситуации продолжающейся историографической революции и переопределения предметной области исторических исследований наблюдается смещение интереса историков от восстановления событийной канвы к рецепции состояний. Периодическая печать, долгое время позиционируемая как источник, фиксирующий реакцию сообщества журналистов на текущие политические и социокультурные явления, осмысливается историками конца XX — начала XXI в. в качестве «площадки» репрезентации представлений различных политических сил, «второй реальности», образующих в текстах дискурсивное поле, в системе координат которого регионы Российской империи предстают как воображаемые конструкторы (Родигина, 2006; Родигина, 2010; Ремнёв, 2013; Ремнёв, 2015; Чуркин, 2014; Чуркин, 2024).

Обращение к материалам региональной периодической печати Туркестана, репрезентирующей представления о регионе как колонии/окраине Российской империи, является довольно распространённым исследовательским приёмом в современной историографии (Кирильчик, 2022; Пшеничная, Лизунова, 2023) и открывает видимые перспективы деконструкции различных сегментов имперского дискурса освоения восточных окраин страны.

4. Результаты

Военное приобретение Туркестана в 1865 г. с последующей административно-управленческой инкорпорацией в состав Российской империи сопровождалось программными действиями в разработке и реализации политики населения, мерами, направленными на стирание культурных различий в менявшемся в результате колонизационных процессов социуме. Такой порядок действий во второй половине XIX — начале XX вв. во многом являлся продуктом представлений российских политических элит об азиатской периферии империи как «собственном Востоке России», который необходимо не только интегрировать в единое социокультурное пространство, но и сформировать в обществе устойчивое понимание о колонизируемых территориях как «русской земле» (Ремнёв, 2004: 223). Заметим, что политика «русского дела» в Туркестанском крае строилась в особом идейно-интеллектуальном и политическом формате, сложившемся под влиянием ориенталистских и европоцентристских концепций и была обусловлена распространением сепаратистских настроений на окраинах империи, отлившихся в восстание польской шляхты в 1863 г. и дело «об отделении Сибири от России» 1864–1865 гг.

В этой связи, концепт безопасности империи и инструментальная актуальность русификации азиатских окраин России становятся главным ориентиром в формировании общественного мнения, а корпус отечественной журналистики получает своеобразный государственный заказ выступить «площадкой» репрезентации представлений об имперском присутствии и доминировании в границах колонизируемых территорий, что выходило за традиционные просветительские и информационные рамки функций периодической печати.

Трансляции лозунга «Туркестан — не колония, а окраина Российской империи», «собственный Восток России» способствовал атмосферный фон, в котором реализовывалось русское культуртрегерство второй половины XIX — начала XX вв. Решение интеграционных задач, формулируемых имперской властью, предполагало привлечение в край специалистов в различных областях социально-экономической и культурной жизни — чиновников, инженеров, врачей, агрономов, землеустроителей, учителей, ветеринаров, что приводило к оформлению коммуникативного пространства деятельности региональной интеллигенции, включению сообществ в общественно-политический дискурс, осуществляемый в периодической печати, как в качестве читателей, так и в качестве авторов публикаций по злободневным вопросам освоения Туркестанского края.

На рубеже XIX–XX в., в изменившихся общественных обстоятельствах, значение периодической печати, особенно на восточных окраинах империи, существенно возросло. Аграрно-экологический кризис в европейской части страны и массовые переселения на окраины, установление конституционно-монархического режима и принятие именованного указа Императора Всероссийского Николая II о введении в Российской империи начал веротерпимости (1905 г.) рельефно ослабили авторитет России как империи. В данном аспекте местная русскоязычная периодическая печать Туркестанского края была призвана выполнять важную социокультурную миссию пропаганды имперских представлений о регионе и моделях его освоения в системе координат «русского дела», оперативно реагируя и в максимально выгодном для власти свете освещая широкую гамму сюжетов в системе координат имперского присутствия: административно-управленческие решения, организацию водворения и обустройства русских крестьян-переселенцев, образовательные практики, деятельность Русской православной церкви и миссионерства, коммуникацию с мусульманством и невоцерковлёнными группами населения края.

Среди периодических изданий, выходящих в свет в исследуемый период («Туркестанские ведомости», «Туркестанская туземная газета», «Окраина», «Туркестанские епархиальные ведомости», «Ташкентский листок объявлений и телеграмм»), солирующие функции выполняли «Туркестанские ведомости» (газета) — старейшее издание, организованное в 1870 г. по приказу первого генерал-губернатора края А. П. фон Кауфмана, и «Туркестанские епархиальные ведомости» (журнал) — официальное издание Туркестанской и Ташкентской епархии, выходявшее в период 1906–1918 г. в г. Верном. Обращение к названным изданиям объясняется их официальным происхождением, массовостью читательской аудитории и направленностью публикаций к освещению светской и церковной тематики в контексте распространения и индоктринации представлений о Туркестанском крае как неотъемлемой части и продолжении Российской империи.

Сеймур Беккер — крупнейший специалист в имперской истории, в том числе российского освоения Центральной Азии, писал, что по отношению к своим «колонизуемым» соседям Россия позиционировала себя так же, как Запад по отношению к своим заморским соседям, т. е. как государство, чьё технологическое и организационное превосходство не оставляло этим соседям шанса перед лицом его экспансионистского драйва (Беккер, 2024: 8; Новая имперская история, 2004: 43). Согласно этой логике, региональная периодическая печать, как «площадка» коммуникации «человека власти и культуры» и «колониальных субалтернов» (Эткинд и др., 2012), транслировала дискурс морального оправдания экспансионистских намерений и конкретных практик освоения собственных территорий, используя все средства и возможности, которыми она располагала: структурную композицию изданий, предполагающую выделение официального и неофициального информационных контентов, профессиональную принадлежность и политическую ангажированность корреспондентов газеты или журнала и т. д.

Наиболее акцентированно имперская составляющая публикаций в газетно-журнальном дискурсе освоения Туркестанского края была выражена в программных статьях и заметках главных редакторов изданий в первых и последних номерах годового цикла, в которых авторы, формулируя идейное направление издания или подводя итоги работы журналистского сообщества за прошедший период, фиксировали внимание читателя на имперско-государственной составляющей политики в регионе, особом статусе генерал-губернаторской власти, монархическом начале в управлении краем, религиозной политике как инструменте освоения окраинных территорий.

Имперская формула представлений о Туркестанском крае как «собственном Востоке» и органичном продолжении Российской империи на азиатской периферии репрезентировалась в региональной периодике по двум направлениям. В официальной части изданий публиковались приказы по иррегулярным войскам, военно-народному управлению, учебному и епархиальному ведомствам, циркулярные указы и правительственные распоряжения, сведения о ротации чиновников гражданского и церковного ведомств, призванные очертить рамки имперского присутствия в регионе, его статус в составе России, механизмы управления во всех сферах: экономике, политике, образовании, культуре, этноконфессиональных отношениях. Неофициальная часть вмещала статьи и корреспонденции журналистов изданий, иллюстрирующие состояние экономики и общественных отношений в регионе, исторический опыт России в колонизации окраин, естественно-географический и научный потенциал Туркестанского края в системе социокультурных и народнохозяйственных процессов.

Знаковым элементом неофициального раздела периодических изданий являлась колонка редактора, в которой в свободной форме определялся программный вектор журнала или газеты, при этом основной интенцией редакторского дискурса выступала уверенность в правоте и особой цивилизаторской миссии русского народа в покоренном регионе. Так, в новогодней заметке по поводу наступившего 1895 г. главный редактор «Туркестанских ведомостей», рассуждая о тайнах мироздания и движении планет, вышел на тему Божьей любви к ближнему, с которой «пришёл русский человек в обширный край и... застав здесь царство мрачного невежества, грубого деспотизма... стал насаждать твёрдый порядок и законность..., победил туземца, и теперь слава белого царя гремит по всей Азии» (От редакции, 1895: 1). Ответственный редактор «Туркестанских епархиальных ведомостей» священник М. Андреев, сокрушаясь по поводу социальных потрясений в России начала XX в., во вступительном слове к неофициальному разделу журнала сосредоточил внимание на особой роли Русской православной церкви как просветителя мусульманской и языческой массы и русского народа, решающего великие культуртрегерские задачи среди коренного населения Туркестанского края, подчеркнув, что «...русский гражданин должен не реформировать существующие условия политической жизни, а оказывать культурное воздействие на здешний инородческий элемент» (Андреев, 1906: 10).

Редакторские реплики о моральном превосходстве колонизаторов и оправдании русского цивилизаторства выполняли функцию идеологической рамки, внутри которой формировался корпус публикаций, репрезентировавших тезис о необходимости поддержания культурной дистанции между элитами и населением периферийных территорий, что рассматривалось в качестве обязательного условия сохранения империи и поддержания имперской безопасности. В публикациях периодических изданий, по сути, воспроизводилось универсальное содержание российского

имперского дискурса, в котором декларируемые задачи культурного «выравнивания» и создания «большой русской нации» парадоксальным образом уживались с идеей дифференциации «человека власти и культуры» и «колониального субалтерна». В региональной светской и, особенно, церковной (епархиальной) периодике пространство дихотомий «мы — они», «свои — чужие» осваивалось в таком противоречивом формате. Один из корреспондентов епархиального издания в заметке о христианском посте, «размазанной» по двум номерам журнала, высказал ряд соображений о преимуществах православного обряда воздержания над мусульманским, но в заключение с горечью констатировал: «...постятся католики, постятся протестанты и иудеи, постятся мусульмане..., только мы, православные, пренебрежительно относимся к заповеди о посте, и за то наказуемся...» (Колобов, 1908: 756). Симптоматично, что сюжет культурного дистанцирования в репрезентациях Туркестана как имперской окраины предполагал постоянное доконструирование образа «врага», препятствовавшего культурному слиянию народов Туркестанского края под эгидой империи. С эскалацией переселенческого движения в начале XX в., признанием ограниченности культуртрегерских возможностей русского крестьянина, коррекцией принципов религиозной политики в Российской империи в миграционный поток стали активно включаться религиозные диссиденты — сектанты, чьи хозяйственные успехи на окраинах, в том числе и в Туркестанском крае, стали общепризнанными. Именно в этот период в региональной периодической печати начинает дискутироваться тема организации православного миссионерства в Туркестане, а основным объектом их деятельности позиционируются сектанты и их антихристианская деятельность: «растут сектантские поселения и будут расти до тех пор, пока и мы, православные туркестанцы, не создадим особого миссионерского отряда, могущего отбить нападки хищного противника» (Колобов, 1908: 761). Таким образом, происходило смещение акцентов как в определении «чужого» (к традиционному врагу добавился новоявленный баптист, молоканин, хлыст и т. д.), так и в фиксации «своего» — «православного туркестанца», благодаря усилиям которого «наши туркестанские пустыни огласятся победными кликами за всё свято-русское» (Колобов, 1908: 766).

В порядке комментария, заметим, что модель репрезентации Туркестана как собственной имперской окраины в дискурсе периодической печати наглядно подтверждает предположения учёных-империологов о своеобразии России как империи и проявлении этой специфики в условиях реализации колониальных практик в Центральной Азии. Проблема заключается в том, что в условиях Туркестанского края Российская империя столкнулась с более выраженными проявлениями культурного несходства, которое заключалось не только в различиях хозяйственно-культурных типов аграрных мигрантов из Европейской России и многослойного оседло-кочевого населения региона, широкое распространении и влиятельности ислама на языческие сообщества Туркестана, но и в постоянном углублении этих различий. Корреспондент «Туркестанских ведомостей», обращаясь к читателям, в связи с наступившим новым 1894 г., писал: «...сделано очень много, но от конечной цели — окончательного слияния края с остальными частями нашего Отечества — мы почти так же далеки, как и 25 лет назад...» (От редакции, 1894: 2). Причины своего скепсиса журналист обнаруживал в обособленном существовании коренного населения, не поддававшемуся просвещению и малочисленности русских, представленных в крае чиновничеством, которое «по своему развитию стоит несоизмеримо выше туземцев и не может находиться с ними в тесных отношениях, необходимых для культурного сближения» (От редакции, 1894: 2). Предположение автора о том, что распространение в Туркестане русских поселений может кардинально изменить ситуацию, частично опровергалось им же в констатации дефицита пригодных участков для прочного внедрения пашенного земледелия (От редакции, 1894: 2). Народнохозяйственное освоение территорий Туркестанского края и распространение там аграрно-земледельческих практик настоятельно требовало привлечения особого человеческого материала, способного реализовать имперские экономические ожидания в условиях отдалённой окраины, что, с одной стороны, в условиях политики веротерпимости открывало возможности для мобилизации дееспособных культуртрегеров из неправославных или сектантских сообществ, с другой стороны, такие действия ещё больше усугубляли культурную дифференциацию и, как следствие, конфликтность социума, купирование которой могло быть осуществлено только при условии наличия сильной административной (Беккер, 2004: 67-80).

Делегирование обширных административных полномочий генерал-губернаторскому корпусу в Туркестанском крае и фактически неограниченных прав в дипломатической и военной сфере, определивших персоналистский характер управления в регионе (Переселенческое дело..., 1911: 157-158). Генерал-губернаторы и их бюрократический аппарат, выступавшие представителями империи на отдалённой окраине, нуждались в репрезентации собственной власти различными способами, среди которых периодическая печать была одним из действенных инструментов.

Светская и церковная периодика Туркестана, учитывая специфику своей издательской политики, принимала активное участие в формировании в общественном сознании позитивного образа региональной администрации, транслировавшей волю самодержавной власти в Центральной Азии. Так, «Туркестанские ведомости», наполняя официальный раздел циркулярами и приказами генерал-губернатора и его аппарата, аккуратно подчёркивали легитимность этих распоряжений

ссылками на законодательство или личное распоряжение государя-императора. Независимо от ведомства, в отношении которого публиковалось указание местных властей (образование, военное управление и т. д.), оно всегда сопровождалось отсылкой к высочайшему решению, принятому императором (Туркестанские ведомости. Официальный отдел. 1871–1895 гг.). «Туркестанские епархиальные ведомости», используя официальный блок журнала для реализации аналогичных задач, демонстрировали несколько иной подход, акцентируя внимание читателя на своем следовании решениям Святейшего правительствующего синода как соборном правительстве Русской православной церкви, учреждённого самодержавной властью. Большинство вводных распоряжений по Туркестанской епархии, опубликованных в издании, содержали ссылки на августейшую волю монарха по тем или иным поводам, после чего печатались прецедентные распоряжения по ротациям в причтах, рукоположениях в сан, награждениях и открытии новых приходов (Туркестанские епархиальные ведомости, 1906–1910 гг.).

Более тонкие приёмы репрезентации сильной административной власти как необходимого условия продуктивного освоения Туркестанского края корпус корреспондентов использовал при подготовке и публикации статей, заметок и сообщений неофициального характера. Миграции крестьянства из европейской части страны и образование переселенческих посёлков в Туркестане стимулировали включение в тематическую палитру публикаций переселенческого вопроса, который рассматривался как значимый элемент «русского дела», маркируя региональную администрацию в позиции главного устроителя края. Оценивая ход и результаты водворения переселенцев как представителей цивилизаторов Азии, корреспонденты особо подчёркивали участие в организации переселений губернской администрации. Признавая трудности, с которыми сталкивалась империя в Туркестане, автор одной из заметок писал, что «главный начальник края уже принял меры к устранению причин неудач...» (От редакции, 1895: 37-38). Особый статус имперской власти и её политическое кредо в Туркестанском крае светское издание формулировало весьма прозрачно: «Русская власть наряду с водворением в новом крае внутреннего спокойствия и обеспечения личной и имущественной безопасности туземца озаботилась создать обаяние своей силы, которая с первых же дней нашего владычества стала твёрдой и прочной, и вместе с тем снисходительной и доступной... Средства власти были сосредоточены в одних руках: войска, гражданская администрация и суд подчинялись губернаторам и генерал-губернаторам, которые вели их к одной цели — к устройению Туркестана и подготовлению его к прочному слиянию с коренной Русью...» (От редакции, 1896: 33).

В региональном издании РПЦ «Туркестанские епархиальные ведомости» мотив имперского присутствия как императива успешного освоения региона осваивался в нескольких форматах.

Во-первых, епархиальным журналистам важно было представить православную церковь как активно действующего актора обустройства региона, сумевшего объединить под своим влиянием все административные и общественные силы. В публикациях, посвящённых поездкам по Туркестану видных церковных иерархов (епископ Туркестанский и Ташкентский Дмитрий в 1907 г.), настоятельно проводилась мысль о соборном состоянии, как особой форме единения церкви, государства и общества, которое позволило утвердить православную веру на далёкой окраине, «несмотря на козни врагии...» (Шабашев, 1907: 631). Вместе с тем в журналистской репрезентации идея соборности выступает в несколько скорректированном варианте: иерархия участников встречи владыки построена таким образом, что главными действующими лицами оказываются «...войска, главное областное начальство: вице-губернатор, наказной атаман, председатель окружного суда, начальники отдельных частей и учреждений...», т. е. представители имперской власти в Туркестанском крае (Шабашев, 1907: 634).

Во-вторых, авторитет и значение административной власти прямо или опосредованно тиражировался в публикациях, посвящённых широкому кругу политических, культурных, социально-экономических событий. Так, факт назначения на должность генерал-губернатора Туркестанского края Н. И. Гродекова сопровождался комментарием о предоставлении новому администратору полной самостоятельности и свободы действий, что обусловлено необходимостью поднятия престижа власти высшего начальства (От редакции, 1907: 9). Верноподданическая риторика рельефно оказалась отражена в заметке о «радостном для духовенства» событии, связанном с назначением в 1910 г. на должность помощника Туркестанского генерал-губернатора В. И. Покотило, получившего «...возможность более широкого применения своих административных способностей, любви к порядку и искоренению тёмных сил, порождаемых народной темнотой и невежеством, ...безумием доморощенных и так называемых «интеллигентных» самозванных преобразователей государственного строя России» (В.А., 1910: 33).

В статьях о постановке переселенческого дела подчёркивалась особая организующая роль местных губернаторов, чиновников переселенческого ведомства, инженерно-технических работников, чьё значение в крае будет возрастать, учитывая активность крестьянских миграций из Европейской России (Колобов, 1908: 771-774). Переселенческий вопрос как продукт административных усилий рассматривался в публикациях как часть решения общеколониционных задач Российской империи. В статье члена Государственной Думы, священника А. Трегубова, особо подчёркивается значение центральной власти в завоевании и благоустройстве Туркестана:

«Под скипетром Державы Русской, край пользуется миром и особой попечительностью со стороны русского правительства. Проведены дорого стоящие казне Закаспийская и Ташкентско-Оренбургская железные дороги» (Трегубов, 1911: 162). В этой связи, автор обращается с прямой апелляцией к имперской власти о необходимости заселения края русскими людьми и важности противодействия мусульманству, окрепшему в регионе после Русско-японской войны 1904–1905 гг.» (Трегубов, 1911: 163-164).

5. Заключение

Таким образом, региональная периодическая печать Туркестанского края на рубеже XIX–XX вв., выполняя традиционную для прессы информационную функцию, одновременно была включена в дискурс имперской колонизации «собственного востока России», являясь площадкой репрезентации представлений государства и Русской православной церкви о путях, формах и средствах инкорпорации азиатской периферии в общеимперское пространство.

Определение рамок имперского присутствия и доминирования в регионе в официальных разделах изданий, в публикуемых постановлениях центральной и региональной администраций органично развивалось прессой в неофициальных блоках газет и журналов, где прямо или косвенно декларировался тезис о Туркестанском крае как территории освоения, а не колонизации. Знаковым инструментом трансляции имперской рецепции Туркестана как окраины страны выступали редакторские «подвалы», приуроченные к началу календарного года и задававшие общий вектор публицистической риторики, в которой мотивы цивилизационного превосходства и морального оправдания российского экспансионизма, были смыслообразующими.

Несмотря на «ведомственное» различие и относительное несходство решаемых в светских и церковных изданиях задач, в обсуждении освоения Туркестанского края как «русского дела», главные газета («Туркестанские ведомости») и журнал («Туркестанские епархиальные ведомости») демонстрировали общность позиций, что находило выражение и в сюжетной универсальности. Для изданий в равной степени были близки злободневные вопросы переселенческого движения, политической ангажированности населения под влиянием революционных и внешнеполитических процессов начала XX в., организации и продвижения образования, возведения железнодорожных путей. При этом, безусловно, определяющим характер публикаций являлось коммуникативное согласие региональной прессы в представлениях об особом статусе в Туркестанском крае имперской бюрократии, позиционируемой в многочисленных публикациях как решающий фактор превращения региона в Российскую империю.

Литература

- Андреев, 1906 – Андреев М. От редактора // *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 1. 1906. С. 9-11.
- Беккер, 2004 – Беккер С. Россия и концепт империи / Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. С. 76-77.
- Беккер, 2024 – Беккер С. Россия в Центральной Азии (1865–1924). М.: Центрполиграф, 2024. 351 с.
- В.А. – В.А. Новое назначение // *Туркестанские епархиальные ведомости*. 1910. № 3. С. 31-33.
- Кирильчик, 2021 – Кирильчик Д.В. Частный капитал в Туркестане: дискуссия на страницах периодических изданий. 1880–1910-е гг. // *Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История*. 2022. № 4. С. 51-64.
- Колобов, 1908 – Колобов М. К миссионерскому противомогадетанскому съезду в городе Казани // *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 24. 1908. С. 756-759.
- Колобов, 1908 – Колобов М. Нужны ли особые миссионеры? // *Туркестанские епархиальные ведомости*. 1908. № 24. С. 759-766.
- Миньяр-Белоручева, 2015 – Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // *Язык и текст langpsy.ru*. 2015. Т. 2. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Belouchева.shtml> (дата обращения: 18.10.2024).
- Новая имперская..., 2004 – Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. 652 с.
- От редакции – От редакции // *Туркестанские епархиальные ведомости*. 1907. № 1. С. 8-10.
- От редакции, 1894 – От редакции // *Туркестанские ведомости*. 1894. № 1. С. 2-4.
- От редакции, 1895 – От редакции // *Туркестанские ведомости*. 1895. № 1. С. 1-3.
- От редакции, 1895а – От редакции // *Туркестанские ведомости*. 1895. № 9. С. 36-40.
- От редакции, 1896 – От редакции // *Туркестанские ведомости*. 1896. № 4. С. 33.
- Переселенческое дело..., 1911 – Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская): Отчёт по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г.

чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершуни, 1911. 336 с.

Пшеничная, Лизунова, 2023 – Пшеничная Е.В., Лизунова И.В. Становление издательского дела в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX вв. // *Научные и технические библиотеки*. 2023. № 11. С. 15-35.

Ремнёв, 2004 – Ремнев А.В. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века / Новая имперская история постсоветского пространства. Казань: Идел-Пресс, 2004. С. 223-242.

Ремнев, 2013 – Ремнёв А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Сибирская заимка. 2013. Т. 2013. С. 1-5.

Ремнёв, 2015 – Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2015. 580 с.

Родигина, 2006 – Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2006. 343 с.

Родигина, 2010 – Родигина Н.Н. Кто конструировал образ Сибири?: авторский корпус публикаций о регионе в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. / *Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск, 17–19 ноября 2010 г.* Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2010. С. 173-178.

Тольц, 2013 – Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

Трегубов, 1911 – Трегубов А. Колонизация Туркестана // *Туркестанские епархиальные ведомости*. 1911. № 7. С. 161-164.

Филлипс, Йоргенсен, 2008 – Филлипс Н., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.

Фуко, 2011 – Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.

Ходарковский, 2019 – Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

Чуркин, 2014 – Чуркин М.К. Сибирь в "воображаемой географии": к вопросу о современном научно-исследовательском дискурсе // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2014. № 2 (2). С. 81-85.

Чуркин, 2024 – Чуркин М.К. Азиатская периферия как «собственный Восток России» в дискурсе епархиальной периодической печати Западной Сибири и Степного края (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2024. Т. 15, № 2. С. 36-53.

Шабашев, 1907 – Шабашев А. Воспоминания о преосвященнейшем Дмитрие, епископе Туркестанском и Ташкентском // *Туркестанские епархиальные ведомости*. 1907. № 24. С. 631-656.

Эткинд, 2016 – Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.

Эткинд и др., 2012 – Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением / Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 6-53.

References

Andreev, 1906 – Andreev, M. (1906). Ot redaktora [From the editor]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1: 9-11. [in Russian]

Bekker, 2004 – Bekker, S. (2004). Rossiya i kontsept imperii [Russia and the concept of empire]. *Novaya imperskaja istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statei*. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan': «Tsentr Issledovaniya Natsionalizma i Imperii». Pp. 76-77. [in Russian]

Bekker, 2024 – Bekker, S. (2024). Rossiya v Tsentral'noi Azii (1865–1924) [Russia in Central Asia (1865-1924)]. M.: Tsentrpoligraf, 351 p. [in Russian]

Churkin, 2014 – Churkin, M.K. (2014). Sibir' v "voobrazhaemoi geografii": k voprosu o sovremennom nauchno-issledovatel'skom diskurse [Siberia in "imaginary geography": to the question of modern research discourse]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 2(2): 81-85. [in Russian]

Churkin, 2024 – Churkin, M.K. (2024). Aziatskaya periferiya kak «sobstvennyi Vostok Rossii» v diskurse eparkhial'noi periodicheskoi pechati Zapadnoi Sibiri i Stepnogo kraja (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Asian periphery as "Russia's own east" in the discourse of diocesan periodicals of Western Siberia and the Steppe region (second half of XIX – early XX centuries)]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 15(2): 36-53. [in Russian]

- Etkind i dr., 2012** – *Etkind, A., Uffel'man, D., Kukulin, I.* (2012). Vnutrennyaya kolonizatsiya Rossii: mezhdru praktikoï i voobrazheniem [Russia's internal colonization: between practice and imagination]. Tam vnutri. Praktiki vnutrennei kolonizatsii v kul'turnoi istorii Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 6-53. [in Russian]
- Etkind, 2016** – *Etkind, A.* (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Russian]
- Fillips, Iorgensen, 2008** – *Fillips, N., Iorgensen, M.* (2008). Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method]. Khar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr». 352 p. [in Russian]
- Fuko, 2011** – *Fuko, M.* (2011). Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [Security, territory, population. Course of lectures delivered at the Collège de France in 1977–1988 academic year]. SPb.: Nauka, 544 p. [in Russian]
- Khodarkovskii, 2019** – *Khodarkovskii, M.* (2019). Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500-1800 [Steppe frontiers of Russia. How the colonial empire was created. 1500-1800]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 352 p. [in Russian]
- Kiril'chik, 2021** – *Kiril'chik, D.V.* (2021). Chastnyi kapital v Turkestane: diskussiya na stranitsakh periodicheskikh izdaniï. 1880–1910-e gg. [Private capital in Turkestan: discussion on the pages of periodicals. 1880–1910-ies]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 8. Istorija.* 4: 51-64. [in Russian]
- Kolobov, 1908** – *Kolobov, M.* (1908). K missionerskomu protivomagometanskomu s"ezdu v gorode Kazani [To the missionary anti-Mahometan congress in the city of Kazan]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti.* 24: 756-759. [in Russian]
- Kolobov, 1908** – *Kolobov, M.* (1908). Nuzhny li osobyje missionery? [Is it necessary to have special missionaries?]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti.* 24: 759-766. [in Russian]
- Min'yar-Beloručeva, 2015** – *Min'yar-Beloručeva, A.P.* (2015). Tipologiya istoričeskogo diskursa [Typology of historical discourse] *Yazyk i tekst langpsy.ru.* 2(2). [Electronic resource]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloručeva.shtml> (date of access: 18.10.2024). [in Russian]
- Novaya imperskaya..., 2004** – Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statei [New Imperial History of the Post-Soviet Space: Collection of Articles]. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan': «Tsentr Issledovaniya Natsionalizma i Imperii», 2004. 652 p. [in Russian]
- Ot redaktsii** – Ot redaktsii [From the editorial board]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti.* 1907. 1: 8-10. [in Russian]
- Ot redaktsii, 1894** – Ot redaktsii [From the editorial board]. *Turkestanskije vedomosti.* 1894. 1: 2-4. [in Russian]
- Ot redaktsii, 1895** – Ot redaktsii [From the editorial board]. *Turkestanskije vedomosti.* 1895. 1: 1-3. [in Russian]
- Ot redaktsii, 1895a** – Ot redaktsii [From the editorial board]. *Turkestanskije vedomosti.* 1895. 9: 36-40. [in Russian]
- Ot redaktsii, 1896** – Ot redaktsii [From the editorial board]. *Turkestanskije vedomosti.* 1896. 4: 33. [in Russian]
- Pereselencheskoe delo..., 1911** – Pereselencheskoe delo v Turkestanskom krae (oblasti Syr-Dar'inskaya, Samarkandskaya, Ferganskaya): Otchet po sluzhebnoi poezdke v Turkestan osen'yu 1910 g. chinovnika osobykh poruchenii pri Pereselencheskom upravlenii N. Gavrilova [Resettlement Affairs in the Turkestan Region (Syr-Darya, Samarkand, Fergana provinces): Report on the official trip to Turkestan in the fall of 1910 by N. Gavrilov, an official of special assignments at the Resettlement Administration]. SPb.: Tip. F. Vaisberga i P. Gershuni, 1911. 336 p. [in Russian]
- Pshenichnaya, Lizunova, 2023** – *Pshenichnaya, E.V., Lizunova, I.V.* (2023). Stanovlenie izdatel'skogo dela v Turkestanskom krae na rubezhe XIX–XX vv. [The establishment of publishing in the Turkestan region at the turn of the XIX-XX centuries]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki.* 11: 15-35. [in Russian]
- Remnev, 2004** – *Remnev, A.V.* (2004). Vdvinut' Rossiyu v Sibir'. Imperiya i russkaya kolonizatsiya vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka [Push Russia into Siberia. Empire and Russian colonization of the second half of the XIX - early XX century]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva. Kazan': Idel-Press. Pp. 223-242. [in Russian]
- Remnev, 2013** – *Remnev, A.V.* (2013). Koloniya ili okraina? Sibir' v imperskom diskurse XIX veka [Colony or periphery? Siberia in the imperial discourse of the XIX century]. *Sibirskaya zaimka.* 2013: 1-5. [in Russian]
- Remnev, 2015** – *Remnev, A.V.* (2015). Sibir' v imperskoi geografii vlasti XIX – nachala XX vekov [Siberia in imperial geography of power of XIX - early XX centuries]. Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet im. F.M. Dostoevskogo, 580 p. [in Russian]
- Rodigina, 2006** – *Rodigina, N.N.* (2006). «Drugaya Rossiya»: obraz Sibiri v russkoi zhurnal'noi presse vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv. [“Another Russia”: the image of Siberia in the Russian journal press of the second half of the XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 343 p. [in Russian]

Rodigina, 2010 – Rodigina, N.N. (2010). Kto konstruiroval obraz Sibiri?: avtorskii korpus publikatsii o regione v russkoi zhurnal'noi presse vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [Who constructed the image of Siberia?: author's corpus of publications about the region in the Russian journal press in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Obrazy Rossii, ee regionov v istoricheskom i obrazovatel'nom prostranstve: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 75-letiyu Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Novosibirsk, 17–19 noyabrya 2010 g.* Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Pp. 173-178. [in Russian]

Shabashev, 1907 – Shabashev, A. (1907). Vospominaniya o preosvyashchennem Dmitrii, episkope Turkestanskom i Tashkentskom [Memories of His Eminence Dmitriy, Bishop of Turkestan and Tashkent]. *Turkestanskii eparkhial'nye vedomosti*. 24: 631-656. [in Russian]

Tol'ts, 2013 – Tol'ts, V. (2013). «Sobstvennyi Vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperijskii period [“Russia's Own East”: identity politics and orientalism in the late imperial period]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 336 p. [in Russian]

Tregubov, 1911 – Tregubov, A. (1911). Kolonizatsiya Turkestana [Colonisation of Turkestan]. *Turkestanskii eparkhial'nye vedomosti*. 7: 161-164. [in Russian]

V.A. – V.A. Novoe naznachenie [New appointment]. *Turkestanskii eparkhial'nye vedomosti*. 1910. 3: 31-33. [in Russian]

Репрезентации Туркестанского края как окраины Российской империи в дискурсе региональной периодической печати в конце XIX — начале XX вв.

Садокат Максудовна Маткаримова^{a, *}, Санжар Ражапбаевич Давлетов^a,
Кудрат Юлдашевич Машарипов^a, Темур Пулатович Абдуллаев^a

^a Университет Мамуна, Хива, Республика Узбекистан

Аннотация. В статье раскрывается содержание репрезентаций Туркестана как окраины Российской империи в дискурсе региональных периодических изданий в конце XIX – начале XX вв. Отмечается, что выбор периода конца XIX–XX вв. в качестве хронологических границ исследования объясняется важными сдвигами в общественно-политической рецепции приобретённых территорий в Центральной Азии и изменениями социально-политического контекста реализации российской колониальной политики в Туркестанском крае в связи с социальными потрясениями, случившимися в России на рубеже столетий. В процессе исследования были выявлены «площадки» репрезентации представлений российского общества о статусе Туркестана как территории, инкорпорируемой в общеимперское поле, представлена программа официальных изданий региона — «Туркестанских ведомостей», «Туркестанских епархиальных ведомостей» как газеты и журнала, активно отстаивавших и транслировавших имперские принципы организации социально-политического и культурного пространства Туркестанского края.

Установлено, что, несмотря на «ведомственное» различие и относительное несходство решаемых в светских и церковных изданиях задач, в обсуждении освоения Туркестанского края как «русского дела», главные газета («Туркестанские ведомости») и журнал («Туркестанские епархиальные ведомости»), демонстрировали общность позиций, что находило выражение и в универсальности сюжетных линий публикаций. Для изданий в равной степени были близки злободневные вопросы переселенческого движения, политической ангажированности населения под влиянием революционных и внешнеполитических процессов начала XX в., организации и продвижения образования, возведения железнодорожных путей. При этом определяющим фактором являлось коммуникативное согласие региональной прессы в представлениях об особом статусе в Туркестанском крае имперской бюрократии, позиционируемой в многочисленных публикациях как решающий аргумент превращения региона в Российскую империю.

Ключевые слова: репрезентации, периодическая печать, дискурс, Туркестанский край, Российская империя, колония, окраина, Азиатская Россия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sadokatmatkarimova@yandex.ru (С.М. Маткаримова), sdavletov7722@gmail.com (С.П. Давлетов), qudrat_74@mail.ru (К.Ю. Машарипов), timurabdullaev4466@gmail.com (Т.П. Абдуллаев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 169-174
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.169

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the 175th Anniversary of the Birth of Teacher Maximilian Brown (1850–1930): A Biographical Sketch

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Alexander Y. Epifanov ^d, Ivan N. Kuksin ^e

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russian Federation

^e Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

This work is dedicated to the 175th anniversary of the birth of the German zoologist (helminthologist and parasitologist) Maximilian Brown. The materials of our research are some of Brown's writings, as well as selected biographical works about his personality. The methodological basis of the work consists of the historiographical method (or the method of content analysis), the biographical method and the synthesis method.

Professor Maximilian Brown became famous for studying parasites living inside the body of mammals, including humans. He established the path of infection of some species of them in animals and humans, including through his own experience, personally consuming contaminated food. He studied various types of helminths.

Distinguished by a very broad outlook, he also studied reptiles, crustaceans, higher animals, etc., as well as anthropogenic effects on fauna and living conditions of living organisms.

Maximilian Brown was the author of textbooks on helminthology and parasitology for medical staff and students. The scientist published his works in German, but a significant part of them (mainly textbooks on parasitology) was translated into English, Russian and French. He was actively engaged in teaching.

Keywords: teacher, Maximilian Brown, 1850–1930, zoology, parasitology, helminthology.

1. Введение

Германский ученый Максимилиан Кристиан Густав Карл Браун (1850–1930 гг.) прославился как один из крупнейших исследователей гельминтов – паразитарных червей у людей и животных и связанных с ними болезней. Является автором нескольких монографий и статей по паразитологии и гельминтологии. Данная работа посвящена 175-летию юбилею со дня рождения ученого.

2. Материалы и методы

Материалами нашего исследования стали труды самого Макса Брауна, а также некоторые биографические статьи о его личности в печатных изданиях и сети Интернет.

К первой группе отнесем такие работы, как «О гистологических процессах линьки *Astacus fluviatilis*» (ориг. «Ueber die Histologischen Vorgänge bei der Häutung von *Astacus fluviatilis*») (Braun, 1875), «Мочеполовая система местных рептилий» (ориг. «Das Urogenital-System der einheimischen Reptilien») (Braun, 1877), «Животные-паразиты человека» (ориг. «Die thierischen Parasiten des Menschen») (Braun, 1883a), «К истории развития широкого ленточного червя» (ориг. «Zur Entwicklungsgeschichte des breiten Bandwurmes») (Braun, 1883b), «Физические и биологические исследования в западной части Финского залива» (ориг. «Braun M. Physikalische und biologische

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

Untersuchungen im westlichen Theile des finnischen Meerbusens») (Braun, 1884), «Зоология, сравнительная анатомия и соответствующие коллекции в университетах Бютцова и Росток, начиная с 1775 г.» (ориг. «Zoologie, vergleichende anatomie und die entsprechenden sammlungen bei den universitäten Bützow und Rostock seit 1775») (Braun, 1891), «Изменение формы конечностей у высших животных» (ориг. «Die Umformung der Gliedmaßen bei den höheren Thieren») (Braun, 1896), «Животные паразиты человека; пособие для студентов и медиков» (англ. «The animal parasites of man; a handbook for students and medical men») (Braun, 1908), «Справочник по практической паразитологии» (англ. «A handbook of practical parasitology») (Braun, 1910), «О наилучших условиях для животных» (ориг. «Die Geschichte vom Tierparadies») (Braun, 1924) и др.

Ко второй группе отнесем работы Н.Н. Аделунга (Аделунг, 1890), Ф. Кокса (Cox, 2002) и др., а также печатные энциклопедические издания (см., напр., БМЭ, 1975; Deutsche Biographische Enzyklopaedie, 2005), современные Интернет-издания в немецком и французском сегментах (Deutsche Nationalbibliothek..., 2012; Bibliothèque nationale..., 2011; Universität Rostock, 2024; и др.).

Методический комплекс исследования составляют историографический метод (или метод контент-анализа, предусматривающий историографический анализ материалов о личности Брауна), биографический метод (на основе материалов составление биографического портрета Брауна), метод синтеза (формирование результатов и выводов исследования).

3. Обсуждение

Сразу отметим, что серьезных работ о личности Максимилиана Брауна весьма немного. Предполагаем, что это связано с отсутствием архивного материала по его личности. Обобщая историографию, можно сказать, что одни и те же, причем весьма ограниченные, данные фигурируют в разных источниках в англоязычном, немецкоязычном, русскоязычном и др. историографических ресурсах.

Одним из первых биографию Брауна осветил Н.Н. Аделунг в известном дореволюционном справочном издании «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» (Аделунг, 1890). Уточненные данные приводит «Большая медицинская энциклопедия» (БМЭ, 1975).

Из зарубежных исследований отметим «Немецкую биографическую энциклопедию», в которой также содержится статья о Максимилиане Брауне (Deutsche Biographische Enzyklopaedie, 2005), статью Ф. Кокса «История паразитологии человека», в которой упоминается и научный вклад в разработку проблемы Брауна (Cox, 2002), и др.

Отметим небольшие работы в интернет-сегменте, в частности во франкоязычном (Bibliothèque nationale..., 2011), немецкоязычном сегменте (Deutsche Nationalbibliothek..., 2012; Universität Rostock, 2024 и др.) и др.

Помимо сугубо биографических работ, мы хотели бы уделить внимание и трудам по развитию германской педагогической системы в период XV – начала XX вв. Нужно понимать, что именно эта система оказывала воздействие на становление Максимилиана Брауна как личности. Этой теме уделили внимание А.М. Mamadaliev, N.V. Svechnikova и другие (Mamadaliev et al., 2019; Mamadaliev et al., 2019a; Mamadaliev et al., 2019b). Помимо этого, А.М. Mamadaliev, V.S. Nikitina и другие позднее рассматривали педагогическую печать Рижского учебного округа (Mamadaliev et al., 2023), в который административно входил Дерптский университет, в нем и работал Максимилиан Браун.

Среди общероссийских работ по истории дореволюционного образования можно назвать следующие труды: публикацию А.А. Cherkasov о дореволюционной системе образования в период царствования императора Николая II (Cherkasov, 2011), а также две его поздние работы об учебных округах Российской империи и педагогических потенциалах (Cherkasov, 2023), а также работу о развитии высшего образования в Российской империи в имперский период (Cherkasov, 2023a).

4. Результаты

Макс Браун (Рисунок 1) родился в Верхней Силезии в г. Мысловице в Пруссии. С детства проявлял широкий кругозор. В 1870 году окончил гимназию, ушел добровольцем на фронт и участвовал во франко-прусской войне, где служил медиком. В 1871 году поступил в университет в г. Грайфсвальд, где получил докторскую степень по медицине. В 1873 году перевелся в Вюрцбургский университет, получив степень по биологии (Universität Rostock, 2024).

В 1880 году переезжает в Россию, где устраивается в Дерптский университет. Получает должность прозектора, а впоследствии – и профессора зоологии (Deutsche Biographische Enzyklopaedie, 2005: 19).

В Российской империи исследования Макса Брауна оказались востребованы. Он публикуется и даже весьма активно делает служебную карьеру. В частности, портал «Ростокский университет: традиции и инновации» указывает, что зоолог дослужился до гражданского чина тайного советника (Universität Rostock, 2024), что соответствует военному званию генерал-лейтенанта в сухопутных войсках и вице-адмиралу на флоте. Данная информация вызывает у нас сомнения, так как в столь короткий срок и в столь раннем возрасте получить такое высокое звание в России в те времена было

практически невозможно. Такой чести (применительно к воинским званиям) удостоивались лишь члены императорской фамилии.

Рис. 1. Педагог-зоолог, профессор, тайный советник Российской империи Максимилиан Кристиан Густав Карл Браун (1850–1930).

В 1886 году уезжает в Росток, где трудится на кафедре зоологии и сравнительной анатомии, а через четыре года, в 1890 г., приезжает в Кенигсберг (совр. Калининград), где будет трудиться до самой смерти в Кенигсбергском университете.

Вкратце осветим научное наследие Брауна. Публиковался ученый на немецком языке, однако многие его работы были переведены на английский, русский и французский языки.

Одной из первых известных работ стало исследование процесса линьки (а именно сброса старого хитинового панциря) у широкопалых речных раков (Braun, 1875). Данный вопрос он изучил на основании собственных многочисленных наблюдений. Участь в Вюрцбурге, Браун исследовал особенности физиологии и биологии мочеполовых систем некоторых рептилий, обитающих на реке Майн (Braun, 1877).

Однако в начале 1880 годов в связи переездом в Дерпт научные интересы зоолога меняются. Он начинает исследовать паразитов, обитающих в организме человека, – паразитарных червей, так называемых гельминтов. Этому вопросу посвящены работы «Животные-паразиты человека» (ориг. «Die thierischen Parasiten des Menschen») (Braun, 1883a), «К истории развития широкого ленточного червя» (ориг. «Zur Entwicklungsgeschichte des breiten Bandwurmes») (Braun, 1883b).

Однако вскоре Браун вновь обращается к изучению ракообразных и других рептилий, на этот раз – в акватории Финского залива (Braun, 1884). С переездом в Ростокский университет выходит его работа «Зоология, сравнительная анатомия и соответствующие коллекции в университетах Бютцова и Росток, начиная с 1775 г.» (ориг. «Zoologie, vergleichende anatomie und die entsprechenden sammlungen bei den universitäten Bützow und Rostock seit 1775») (Braun, 1891). В ней анализируются и сравниваются экспонаты указанных университетов, собранных в период с 1775 по 1890 гг.

В 1896 году выходит работа «Изменение формы конечностей у высших животных» (ориг. «Die Umformung der Gliedmaßen bei den höheren Thieren») (Braun, 1896), посвященная дегенеративным и патологическим изменениям конечностей у высших животных.

В конце 1900 годов Браун вновь возвращается к изучению паразитов, на этот раз в форме учебного пособия для медиков и студентов. Выходят книги «Животные паразиты человека; пособие для студентов и медиков» (англ. «The animal parasites of man; a handbook for students and medical men») (Braun, 1908) и «Справочник по практической паразитологии» (англ. «A handbook of practical parasitology») (Braun, 1910). Данные работы были переведены на английский и русский языки.

Одной из последних работ Максимилиана Брауна стала книга «О наилучших условиях для животных», в буквальном переводе – «История рая для животных» (ориг. «Die Geschichte vom Tierparadies») (Braun, 1924). В ней зоолог исследует вред антропогенного воздействия на фауну, а также обосновывает наилучшие условия обитания для высших животных.

В научной работе М. Браун стал первооткрывателем путей заражения паразитами, а именно широким лентецом животных и человека. Ученого отличала незаурядная смелость, так как свою теорию о заражении человека он подтвердил на самом себе и студентах-добровольцах (Cox, 2002: 608).

5. Заключение

Профессор Максимилиан Браун прославился изучением паразитов, обитающих внутри организма млекопитающих, включая человека. Он установил путь заражения некоторыми видами из них у животных и человека, в том числе и на собственном опыте, лично потребляя зараженную пищу. Исследовал различные виды гельминтов.

Отличаясь весьма широким кругозором, он изучал также рептилий, ракообразных, высших животных и пр., а также антропогенное воздействие на фауну и условия обитания живых организмов.

Максимилиан Браун являлся автором учебных пособий по гельминтологии и паразитологии для сотрудников медицинских служб и студентов. Свои работы ученый публиковал на немецком языке, однако значительная часть их (в основном учебные пособия по паразитологии) была переведена на английский, русский и французский языки. Активно занимался преподавательской деятельностью.

Литература

- Аделунг, 1890 – Аделунг Н.Н. Браун, Макс / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
- БМЭ, 1975 – Браун, Макс / Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. / Глав. ред. Б.В. Петровский. 3-е изд. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1974.
- Bibliothèque nationale..., 2011 – Bibliothèque nationale de France Max Braun / Autorités BnF (фр.): платформа открытых данных. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb16238714h> (дата обращения: 07.12.2024).
- Braun, 1875 – Braun M. Ueber die Histologischen Vorgänge bei der Häutung von *Astacus fluviatilis*. Würzburg, 1875.
- Braun, 1877 – Braun M. Das Urogenital-System der einheimischen Reptilien. Würzburg, 1877.
- Braun, 1883a – Braun M. Die thierischen Parasiten des Menschen. Norderstedt: Hansebooks GmbH, 2016 (Nachdruck der Ausgabe von 1883), 1883.
- Braun, 1883b – Braun M. Zur Entwicklungsgeschichte des breiten Bandwurmes. Dorpat, 1883.
- Braun, 1884 – Braun M. Physikalische und biologische Untersuchungen im westlichen Theile des finnischen Meerbusens. Dorpat, 1884.
- Braun, 1891 – Braun M. Zoologie, vergleichende anatomie und die entsprechenden sammlungen bei den universitäten Bützow und Rostock seit 1775. Rostock, 1891.
- Braun, 1896 – Braun M. Die Umformung der Gliedmaßen bei den höheren Thieren. Königsberg, 1896.
- Braun, 1908 – Braun M. The animal parasites of man; a handbook for students and medical men. L., 1908.
- Braun, 1910 – Braun M. A handbook of practical parasitology. L., 1910.
- Braun, 1924 – Braun M. Die Geschichte vom Tierparadies. Leipzig: Staatl. Akademie für graph. Künste u. Buchgewerbe), 1924.
- Cherkasov, 2011 – Cherkasov A.A. All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution and History*. 2011. 10(2): 138-149.
- Cherkasov, 2023 – Cherkasov A.A. Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1683-1694.
- Cherkasov, 2023a – Cherkasov A.A. Revisiting the Evolution of the System of Higher Education in the Russian Empire in 1830–1916 // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(4): 1502-1507.
- Cox, 2002 – Cox F.E.G. History of human parasitology // *Clinical Microbiology Reviews*. 2002. Vol. 15. № 4. Pp. 595-612.
- Deutsche Biographische Enzyklopaedie, 2005 – Braun, Maximilian / Deutsche Biographische Enzyklopaedie / Ed. by Rudolf Vierhaus. München, 2005. S. 19.
- Deutsche Nationalbibliothek..., 2012 – Deutsche Nationalbibliothek Record #116421991 / Gemeinsame Normdatei (нем.) 2012–2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.dnb.de/opac.htm?method=simpleSearch&cqlMode=true&query=nid%3D116421991> (дата обращения: 07.12.2024).
- Mamadaliyev et al., 2019 – Mamadaliyev A.M., Svechnikova N.V., Miku N.V., Médico A. The German System of Public Education in the Period between the 15th and Early 20th Centuries. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 445-453.
- Mamadaliyev et al., 2019a – Mamadaliyev A.M., Svechnikova N.V., Miku N.V., Médico A. (2019). The German System of Public Education in the Period between the 15th and Early 20th Centuries. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 646-654.
- Mamadaliyev et al., 2019b – Mamadaliyev A.M., Svechnikova N.V., Ermachkov I.A., Médico A. (2019). The German System of Public Education in the Period between the 15th and Early 20th Centuries. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 646-654.

[Mamadaliyev et al., 2023](#) – Mamadaliyev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The Pedagogical Periodical Press in the Riga Educational District (1832–1915) // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(2): 699–704.

[Universität Rostock, 2024](#) – Braun, Maximilian / Universität Rostock. [Электронный ресурс]. URL: https://cpr.uni-rostock.de/resolve/id/cpr_person_00002499 (дата обращения: 05.12.2024).

References

[Adelung, 1890](#) – Adelung, N.N. (1890–1907). Braun, Maks [Braun, Max]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb. [in Russian]

[Bibliothèque nationale..., 2011](#) – Bibliothèque nationale de France Max Braun / Autorités BnF (fr.): plateforme ouverte de données. 2011. [Electronic resource]. URL: <https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb16238714h> (date of access: 07.12.2024).

[BME, 1975](#) – Braun, Maks [Braun, Max]. Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya: v 30 t. Glav. red. B.V. Petrovskii. 3-e izd. T. 3. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1974. [in Russian]

[Braun, 1875](#) – Braun, M. (1875). Ueber die Histologischen Vorgänge bei der Häutung von *Astacus fluviatilis*. Würzburg.

[Braun, 1877](#) – Braun, M. (1877). Das Urogenital-System der einheimischen Reptilien. Würzburg.

[Braun, 1883a](#) – Braun, M. (1883). Die thierischen Parasiten des Menschen. Norderstedt: Hansebooks GmbH, 2016 (Nachdruck der Ausgabe von 1883).

[Braun, 1883b](#) – Braun, M. (1883). Zur Entwicklungsgeschichte des breiten Bandwurmes. Dorpat.

[Braun, 1884](#) – Braun, M. (1884). Physikalische und biologische Untersuchungen im westlichen Theile des finnischen Meerbusens. Dorpat.

[Braun, 1891](#) – Braun, M. (1891). Zoologie, vergleichende anatomie und die entsprechenden sammlungen bei den universitäten Bützow und Rostock seit 1775. Rostock.

[Braun, 1896](#) – Braun, M. (1896). Die Umformung der Gliedmaßen bei den höheren Thieren. Königsberg.

[Braun, 1908](#) – Braun M. The animal parasites of man; a handbook for students and medical men. L., 1908.

[Braun, 1910](#) – Braun, M. (1910). A handbook of practical parasitology. L.

[Braun, 1924](#) – Braun, M. (1924). Die Geschichte vom Tierparadies. Leipzig: Staatl. Akademie für graph. Künste u. Buchgewerbe.

[Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov, A.A. (2011). All-Russian primary education (1894–1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. 10(2): 138–149.

[Cherkasov, 2023](#) – Cherkasov, A.A. (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683–1694.

[Cherkasov, 2023a](#) – Cherkasov, A.A. (2023). Revisiting the Evolution of the System of Higher Education in the Russian Empire in 1830–1916. *European Journal of Contemporary Education*. 12(4): 1502–1507.

[Cox, 2002](#) – Cox, F.E.G. (2002). History of human parasitology. *Clinical Microbiology Reviews*. 15(4): 595–612.

[Deutsche Biographische Enzyklopaedie, 2005](#) – Braun, Maximilian // Deutsche Biographische Enzyklopaedie. Ed. by Rudolf Vierhaus. München, 2005. P. 19.

[Deutsche Nationalbibliothek..., 2012](#) – Deutsche Nationalbibliothek Record #116421991 / Gemeinsame Normdatei (нем.) 2012–2016. [Electronic resource]. URL: <https://portal.dnb.de/opac.htm?method=simpleSearch&cqlMode=true&query=nid%3D116421991> (date of access: 07.12.2024).

[Mamadaliyev et al., 2019](#) – Mamadaliyev, A.M., Svechnikova, N.V., Miku, N.V., Médico, A. (2019). The German System of Public Education in the Period between the 15th and Early 20th Centuries. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 445–453.

[Mamadaliyev et al., 2019a](#) – Mamadaliyev, A.M., Svechnikova, N.V., Miku, N.V., Médico, A. (2019). The German System of Public Education in the Period between the 15th and Early 20th Centuries. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 646–654.

[Mamadaliyev et al., 2019b](#) – Mamadaliyev, A.M., Svechnikova, N.V., Ermachkov, I.A., Médico, A. (2019). The German System of Public Education in the Period between the 15th and Early 20th Centuries. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 646–654.

[Mamadaliyev et al., 2023](#) – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). The Pedagogical Periodical Press in the Riga Educational District (1832–1915). *European Journal of Contemporary Education*. 12(2): 699–704.

[Universität Rostock, 2024](#) – Braun, Maximilian. Universität Rostock. [Electronic resource]. URL: https://cpr.uni-rostock.de/resolve/id/cpr_person_00002499 (date of access: 05.12.2024).

**К 175-летию со дня рождения педагога Максимилиана Брауна (1850–1930 гг.):
биографический очерк**

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c, Александр Егорович Елифанов ^d,
Иван Николаевич Куксин ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^e Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная работа посвящается 175-летию со дня рождения немецкого педагога-зоолога (гельминтолога и паразитолога) Максимилиана Брауна. Материалами нашего исследования стали некоторые труды Брауна, а также избранные биографические работы о его личности. Методологическую основу работы составляют историографический метод (или метод контент-анализа), биографический метод и метод синтеза.

Профессор Максимилиан Браун прославился изучением паразитов, обитающих внутри организма млекопитающих, включая человека. Он установил путь заражения некоторыми видами из них у животных и человека, в том числе и на собственном опыте, лично потребляя зараженную пищу. Исследовал различные виды гельминтов.

Отличаясь весьма широким кругозором, он изучал также рептилий, ракообразных, высших животных и пр., а также антропогенное воздействие на фауну и условия обитания живых организмов.

Максимилиан Браун являлся автором учебных пособий по гельминтологии и паразитологии для сотрудников медицинских служб и студентов. Свои работы ученый публиковал на немецком языке, однако значительная часть их (в основном учебные пособия по паразитологии) была переведена на английский, русский и французский языки. Активно занимался преподавательской деятельностью.

Ключевые слова: педагог, Максимилиан Браун, 1850–1930 гг., зоология, паразитология, гельминтология.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 175-187
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.175

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Activities of Iosif Osmolovsky in the Context of the Russian Military Movements Against the Khokand Khanate (1852–1862)

Seilkhan Tokbolat ^{a,*}, Shyngys Rakhmetulla ^b

^a Sherkhan Murtaza International Taraz University, Taraz, Republic of Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the role of Iosif Osmolovsky in the context of Russian military campaigns against the Khokand Khanate between 1852 and 1862. Although Osmolovsky is a lesser-known figure in the history of the Russian Empire, he played a key role in gathering intelligence on the political, military, and geographical situation in the Central Asian khanates. His efforts, in collaboration with Kazakh informants, were instrumental in shaping Russia's strategic approach during military expeditions. The paper explores how Osmolovsky utilized local knowledge, which allowed the Russian military to overcome logistical challenges and navigate the vast, harsh landscapes of Central Asia. By focusing on Osmolovsky's role in organizing and analyzing intelligence, the research highlights the significance of local collaboration in ensuring the success of Russian campaigns, especially in light of the challenges presented by the Khokand Khanate's internal conflicts and its military defenses. The findings reveal that Osmolovsky's work in intelligence gathering was crucial for refining Russian military strategies, optimizing troop movements, and enhancing the overall efficiency of the expeditions. The study demonstrates how the use of local informants became an essential tool for the Russian Empire in expanding its influence in Central Asia.

Keywords: Osmolovsky, Russian Empire, Central Asia, Russian military expeditions, Khokand Khanate, intelligence gathering, Kazakhs, Kazakh informants, Central Asian khanates, steppe.

1. Введение

Военные походы Российской империи в Среднюю Азию в середине XIX века отражали сочетание стратегической необходимости и адаптации к сложным природным и политическим условиям региона. Огромное пространство казахской степи, разделявшее Россию и Среднюю Азию, представляло собой серьезное препятствие из-за географических и климатических особенностей, которые значительно усложняли проведение военных походов. Эти трудности напрямую влияли на успех или провал экспедиций. Для преодоления таких проблем Санкт-Петербург разрабатывал решения, направленные на упрощение логистики, включая привлечение казахов для участия в транспортных и вспомогательных задачах. Однако подобные меры не всегда оказывались успешными. Особенно ярким примером является неудачный поход оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского на Хиву в 1839 году, завершившийся провалом. Несмотря на мобилизацию транспортных животных у казахов, суровые условия степи стали серьезным испытанием для русских войск. Экспедиция понесла значительные потери в людях и животных, так и не достигнув поставленной цели (Morrison, 2014).

После этого для российской администрации стало особенно важно не только использовать казахов для обеспечения транспортных нужд, но и привлекать их знания о местности и противнике. С военной экспедиции 1853 года против кокандской крепости Акмечеть началась систематизация

* Corresponding author

E-mail addresses: seiltokbolat@gmail.com (S. Tokbolat)

сбора сведений о Кокандском ханстве, включая его политическую обстановку, военный потенциал и географические особенности, с активным привлечением казахов. Эта деятельность позволяла выявлять текущую политическую обстановку в ханствах, внутренние конфликты, состояние оборонительных сооружений, уязвимость в системе обороны противника, а также детали логистических маршрутов. На основе полученных данных выстраивались стратегии, которые обеспечивали более точное планирование военных походов.

В условиях ограниченных ресурсов для непосредственного контроля и оперативного сбора информации казахские лазутчики (информаторы) стали важнейшим элементом системы обеспечения сведениями. Как отмечает Б.Т. Жанаев, без помощи казахов вряд ли было возможно не только дальнейшее продвижение России в южном направлении, но и поддержание степных укреплений. Казахи снабжали русские войска продовольствием, участвовали в строительстве укреплений, служили проводниками и информаторами, предоставляли вспомогательные военные отряды, возчиков и верблюдов для транспортировки грузов русских экспедиционных отрядов (Жанаев, 2016: 3-4).

Но зачастую собранные сведения носили характер слухов, и для администрации Оренбурга в процессе дальнейшего продвижения возникала необходимость тщательного анализа материалов и разделения фактов и вымысла. Для выполнения этой задачи требовалось назначить ответственного чиновника, который мог бы предоставлять точную и актуальную информацию о ситуации в степи, отсеивать недостоверные слухи и своевременно передавать наиболее надежные данные, полученные от казахских лазутчиков. В этом контексте одной из ключевых фигур, сыгравших значительную роль в сборе сведений, является востоковед и титулярный советник Иосиф Яковлевич Осмоловский (1820–1862 гг.), чье имя редко упоминается в военной истории Российской империи.

Статья, раскрывая деятельность И.Я. Осмоловского по сбору информации о среднеазиатских ханствах, стремится показать, каким образом российская администрация привлекала казахов к сотрудничеству, а также каким образом собранные сведения влияли на военные экспедиции Российской империи в 50–60-х годах XIX века. Результаты исследования демонстрируют, что руководство Российской империи в процессе планирования военных экспедиций значительно зависело от данных, предоставленных местным населением. Их сведения о противнике позволяли оптимизировать тактические подходы и временные рамки проведения военных экспедиций. Таким образом, военные экспедиции Российской империи в Средней Азии следует рассматривать не только в контексте боевых действий, но и как результат взаимодействия с местными казахами и использования информации, что стало важным инструментом среднеазиатской политики и завоевания Кокандского ханства.

2. Методы и материалы

Источниковой базой исследования являются материалы, хранящиеся в Государственном архиве Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), Российском государственном военно-историческом архиве (Москва, Российская Федерация), а также в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан). Среди них – многочисленные официальные переписки, личные письма и официальные доклады, содержащие подробную информацию о деятельности Осмоловского, о его взаимодействиях с местными казахскими элитами, а также о военных действиях в Средней Азии.

Кроме того, значительный вклад в исследование внесли вторичные источники, среди которых работы имперских чиновников того времени, освещающие роль Осмоловского в контексте внешней политики Российской империи. Особое внимание уделено воспоминаниям современников и историческим очеркам. Таким образом, исследование основывается на комплексном анализе различных типов источников, что позволяет восстановить точную картину деятельности И.Я. Осмоловского и оценить его вклад в развитие системы сбора информации Российской империи в Средней Азии, а также оценить влияние собранных данных на военные экспедиции и действия. Этот подход позволяет глубже понять, каким образом сведения, собранные Осмоловским и казахскими лазутчиками, способствовали принятию стратегических решений в ходе военных походов.

Статья опирается на историко-аналитический метод, сочетающий несколько ключевых исследовательских подходов. Центральным элементом исследования стал детальный анализ архивных материалов, что позволило обратиться к первоисточникам. В качестве базовых источников были использованы официальные документы, донесения и отчеты чиновников, предоставляющие ценные сведения для реконструкции исторических событий, а также для глубокого понимания их политического и социального контекста.

Особое внимание в работе уделено биографическому подходу, который фокусируется на исследовании жизни и профессиональной деятельности Иосифа Осмоловского. Этот подход позволил не только рассмотреть вклад Осмоловского в российскую политику в Средней Азии, но и дать оценку его роли в стратегическом планировании и реализации имперской политики в регионе. Благодаря сочетанию анализа источников и персонализированного подхода удалось получить многогранное представление о взаимодействии локальных и государственных факторов в ходе российских завоеваний.

3. Обсуждение

Иосиф Яковлевич Осмоловский – фигура, привлекающая внимание лишь немногих исследователей. Большинство из них фокусируется преимущественно на его работе по кодификации казахского права в контексте адаптации региональной правовой системы к нормам Российской империи. Однако его деятельность, связанная со сбором разведывательной информации о Средней Азии, остается практически не изученной. В данном разделе рассмотрим ключевые исследования, посвященные личности Осмоловского и его вкладу в расширение российского влияния в Средней Азии.

Первоначальные упоминания об Осмоловском можно найти в трудах его современников, таких как А.И. Макшеев (Макшеев, 1896), М.В. Дандевиль (Дандевиль, 1908) и И.Ф. Бларамберг (Бларамберг, 1978). Эти авторы кратко освещают его участие в процессе установления российского контроля на Сырдарье, делая акцент преимущественно на его административной деятельности. Тем не менее аналитический аспект работы Осмоловского, связанный с изучением и сбором сведений о регионе, либо не рассматривается вовсе, либо упоминается лишь поверхностно. Указанные труды, написанные в основном в жанре мемуаров, представляют значительный интерес, но требуют тщательного критического анализа для более точной реконструкции роли Осмоловского в обеспечении российских военных экспедиций.

В советской и постсоветской историографии личность Осмоловского начала получать больше внимания благодаря трудам В.З. Галиева. Галиев акцентирует внимание на роли Осмоловского в кодификации казахских обычаев в рамках российского законодательства. Исследование подчеркивает его значимость в адаптации адата к имперским нормам, однако вопросы, связанные с его деятельностью по сбору информации, остаются в тени (Galiev, 1996).

Наиболее полная биография Осмоловского представлена в работах П. Сартори и П. Шаблея. Авторы детально анализируют его взаимодействие с казахским обществом, включая вопросы казахского обычного права и совмещения адата с нормами шариата. Однако аспекты, связанные с деятельностью сбора данных о Средней Азии, остаются второстепенными в их трудах (Сартори, Шаблей, 2015; Сартори, Шаблей, 2019).

В Польской энциклопедии под редакцией А. Кучиньского Осмоловскому посвящена отдельная статья, в которой акцентируется внимание на его лингвистических и культурологических компетенциях (Kuczyński, 2014). В тексте подчеркивается его глубокое знание казахской культуры, что значительно облегчало взаимодействие с местной знатью и способствовало укреплению доверия.

Работа Г.С. Султангалиевой посвящена изучению механизмов кооптации казахской элиты для интеграции местных лидеров в имперскую административную систему. Автор подчеркивает роль личных качеств Осмоловского: знание обычаев и умение находить общий язык с представителями казахской знати (Sultangalieva, 2018). Особенно ценным для анализа является статья Султангалиевой и Суйновой. В этой работе исследуется процесс формирования колониальных знаний о казахской степи. Авторы выделяют три категории источников информации. Во-первых, это военные и гражданские чиновники, систематически собирающие сведения о географических, экономических и политических аспектах региона. Во-вторых, – татарские муллы и писцы, служившие как посредники между имперскими чиновниками и казахской элитой. В-третьих, – обычные казахи, а именно караванщики и проводники, чьи знания передавались спонтанно, но оказывали существенное влияние на формирование представлений о регионе (Султангалиева, Суйнова, 2022).

Сборник документов под редакцией Б.Т. Жанаева «О слухах и событиях в Средней Азии» раскрывает деятельность Осмоловского по сбору информации через рапорты и донесения о политической и военной обстановке в ханствах Средней Азии (Жанаев, 2016). Несмотря на ценность этих сведений, сборник не претендует на глубокий анализ действий Осмоловского. В начале сборника содержится вводная статья, посвященная его деятельности, в которой отмечается его роль в сборе информации о Средней Азии. Однако эта статья представляет собой лишь краткое ознакомление с деятельностью Осмоловского и не затрагивает более глубокий анализ его работы, оставаясь вводной для читателей сборника.

На данный момент в научной среде отсутствует комплексный анализ роли Осмоловского в процессе российского продвижения в Среднюю Азию. Его участие в получении стратегически важных данных остается малоизученным. Это представляет собой значительный пробел, так как его деятельность по сбору информации играла важную роль в планировании военных кампаний и укреплении контроля над Средней Азией. Актуальной задачей является детальное исследование методов, мотивов и последствий его работы по сбору данных.

4. Результаты

Иосиф Яковлевич Осмоловский родился 9 сентября 1820 г. в дворянской семье Осмоловских, в Сужарском уезде Витебской губернии. После переезда семейства Осмоловских в Астрахань Иосиф в 1836-м году поступает в Астраханскую мужскую гимназию, далее по ее окончании в 1839 году продолжал учебу на юридическом факультете Казанского университета. В сентябре 1840 г. Осмоловский поступает на восточный разряд Казанского университета по персидско-арабской словесности. В особенности Осмоловский преуспевал в знаниях латинского и персидского языков

(Сартори, Шаблей, 2019: 58-59). Научная деятельность и знания нескольких языков способствовали тому, что на него обратил внимание Азиатский департамент Министерства иностранных дел, который искал подготовленного выпускника для замещения должности переводчика с татарского языка. Таким образом, оказавшись в Санкт-Петербурге, в марте 1848 года Осмоловский был командирован в Оренбургскую пограничную комиссию, где был призван решить кадровые проблемы российской администрации и реализовать реформы по управлению казахов Оренбургского ведомства (Сартори, Шаблей, 2019: 62).

Прежде чем Осмоловский начал принимать активное участие в военных экспедициях под начальством генерал-адъютанта Василия Алексеевича Перовского, первое свое сношение с представителями казахской общины он начал со сбора казахского обычного права. Планы по кодификации адата у казахов предполагали необходимость изучения казахского языка и чагатайской письменности. Таким образом, Осмоловский имел тесные взаимоотношения с влиятельными казахскими биями, старшинами и султанами (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 152об.).

В начале 1852 года в Кокандском ханстве вспыхнула гражданская война между кипчакскими элитами. Информация о происходящем поступала в Оренбургскую администрацию через казахские источники в основном в виде слухов (РГВИА. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-2). Генерал-губернатор В.А. Перовский воспринял эти данные как подходящий момент для активизации военных действий, направленных на захват кокандских крепостей на Сырдарье. Это решение гармонировало с планом, предложенным годом ранее генерал-адъютантом Николаем Николаевичем Анненковым. Анненков предлагал расширение российских позиций через объединение Оренбургской и Сибирской линий с укреплением левого фланга на реках Или и Чу, а правого – на Сырдарье (Терентьев, 1906: 203).

В условиях внутривосточного кризиса в ханстве Перовский в 1852 году отправил топографа Генерального штаба И.Ф. Бларамберга с поручением провести рекогносцировку от Аральского укрепления до Акмечети и попытаться уничтожить кокандские крепости (РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 30. Л. 17-18). Участие Осмоловского в этих событиях началось в качестве драгомана в составе отряда Бларамберга. В экспедиции также принимали участие управляющий казахами рода Шекты Бекмурза Алдеев, который за свои заслуги впоследствии был произведен в чин «хорунжего» (РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 30. Л. 101). Во время экспедиции Осмоловский и группа казахов получили задание обследовать окрестности другой кокандской крепости, Чим-Курган, чтобы установить наличие гарнизона. В случае, если крепость оставалась под контролем кокандцев, они должны были блокировать ее, предотвращая любое передвижение (Бларамберг, 1978: 310). Штурм Акмечети, предпринятый в июле 1852 года, завершился неудачей из-за отсутствия осадного оборудования (Терентьев, 1906: 216). После этого возникла необходимость в переговорах с кокандским комендантом. В ходе этих переговоров Осмоловский, исполняя обязанности драгомана, составил письмо, заверенное личной печатью Бларамберга (Бларамберг, 1978: 322). Позже действия Осмоловского получили высокую оценку Перовского, который отмечал, что без помощи «этого выдающегося чиновника» полковник Бларамберг столкнулся бы с серьезными трудностями при взаимодействии с кокандской стороной (Сартори, Шаблей, 2019: 65).

Тем временем в Оренбург продолжала поступать информация о внутривосточных конфликтах в Кокандском ханстве. Хотя сведения, получаемые от казахов, зачастую представляли собой слухи с противоречивыми деталями, Перовский осознавал исключительную важность точных данных о ситуации в ханстве, особенно в преддверии новой военной экспедиции против Акмечети. Очевидной становилась необходимость радикального пересмотра подхода к сбору сведений. Требовался ответственный человек, способный находиться среди казахов, отсеивать неподтвержденные слухи и передавать достоверные сведения. В поисках подходящей кандидатуры Перовский обратился в Оренбургскую пограничную комиссию. Выбор пал на Осмоловского, который ранее имел опыт взаимодействия с казахами и хорошо знал их обычаи. В докладе, направленном Перовскому 31 марта 1853 года, Ладыженский высоко оценил Осмоловского, отметив, что он «отлично владеет азиатскими языками, хорошо знаком с нравами и обычаями киргизов и на протяжении пяти лет жил в их кочевьях» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6798. Л. 4).

До прибытия Осмоловского в степь основным источником информации для оренбургской администрации служили донесения султана Илекея Касымова, управлявшего казахами чумекеевского рода. Его ставка располагалась неподалеку от Уральского укрепления. В условиях надвигающегося штурма кокандское правительство пыталось склонить чумекеевских казахов на свою сторону, отправив к ним бия жаппасского рода Джанкакабыла Тюлегенова. По словам Илекея, этот бий распространял «возмутительные письма с приглашением переселиться в кокандские владения». Одно из таких писем, перехваченное султаном, он предоставил в распоряжение оренбургской администрации: «Я честь имею представить их...» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 108).

Аналогичные попытки агитации среди присырдарьинских казахов предпринимались и хивинскими властями. В январе 1853 года, согласно донесению Илекея, хивинский военачальник Ходжа Нияз отправил четыре письма влиятельным представителям чумекеевского рода. В них содержались предложения переселиться ближе к укреплению Ходжа-Нияз на Куване: «...закрывающие в себе приглашение прикочевать ближе к укреплению...» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1.

Д. 3628. Л. 123-125об.).

В том же месяце лазутчик, направленный Илекеем в кокандскую крепость Акмечеть, сообщил о наличии там вооруженных сил численностью 1 500 человек. В это же время в хивинской крепости Ходжа-Нияз находились 200 бойцов, а по распоряжению хивинского хана туда прибыло дополнительно 500 вооруженных солдат (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 21-210б.).

Сотрудничество Илекея с оренбургскими властями проявлялось в его регулярных подробных отчетах о ситуации в степи, а также об обстановке в Кокандском ханстве. После первого контакта с М.В. Ладыженским Илекей продолжал делиться ценной информацией. Так, 8 января 1853 года он отправил Ладыженскому обстоятельное письмо, в котором описывал последние события в крепости Акмечеть. Предвидя возможность нападения со стороны кокандцев, Илекей организовал охрану поселения, разместив там отряд из 400 человек под командованием султана Базара Саукумова. Этот шаг позволял оперативно передавать сведения майору Федору Федоровичу Энгману, начальнику Аральского укрепления, о потенциальных атаках кокандских сил. Такой подход обеспечивал своевременную подготовку к оборонительным действиям (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 55-56).

Необходимость системного подхода к сбору сведений стала очевидной для Перовского на основе негативного опыта Хивинской экспедиции 1839 года, инициатором которой он был. Одной из основных причин провала этой кампании стало отсутствие организованной системы сбора данных. Участник экспедиции М.И. Иванин отмечал: «Мы тогда еще плохо знали Среднюю Азию и те условия, которые могли бы способствовать или помешать успеху этого похода» (Иванин, 1874: 2).

Только в 1847 году, с основанием Раимского укрепления близ Аральского моря, Оренбургская пограничная комиссия начала уделять больше внимания созданию сети сборщиков информации из числа местных кочевых казахов. Эти информаторы работали по установленным порядкам и получали годовое жалованье. Так, 16 мая 1847 года Оренбургский военный губернатор Владимир Афанасьевич Обручев предписал майору Базанину «обращать внимание на приобретение хороших сборщиков сведений из преданных нам киргизов... и получать данные о происходящем в степи». На это было выделено 400 рублей ежегодно для оплаты труда информаторов и организации связи с укреплениями (РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 87. Л. 1-210б.).

Впоследствии Раимское укрепление, переименованное в Аральское, стало играть ключевую роль в деятельности по сбору информации, а информаторы из числа казахов часто получали поощрения за предоставленные сведения. Сведения о набегах и перемещениях противника собирались различными способами: через допросы проезжающих торговцев и кочевников, а также посредством активной вербовки казахов для сбора данных. Если информаторы были грамотными, они составляли письменные отчеты на чагатайском языке, в противном случае их показания записывались устно. Обязанности сборщиков данных варьировались от передачи слухов и сведений в степи до участия в глубоких миссиях на территории ханств, что нередко сопрягалось с высоким риском для их жизни. К 1851 году стандартное жалованье таких сборщиков составляло от 8 до 12 рублей серебром в месяц. Помимо денежных выплат, они получали продовольственный паек, включавший один фунт мяса и два фунта зерна. За выдающиеся заслуги предусматривались специальные награды, что стимулировало их активное участие в сборе сведений (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2614. Л. 7 об.).

Осмоловский отправился в свою миссию из Оренбурга 22 марта 1853 года, а 27 марта выехал из Орска. Перед его отъездом генерал-губернатор Перовский приказом от 20 марта официально представил Осмоловского султану Илекею Касымову. В данном распоряжении Перовский подчеркнул необходимость установления полного доверия и честного взаимодействия между Илекеем и Осмоловским, акцентируя внимание на том, что указания последнего будут соответствовать интересам российского правительства и способствовать благу как казахов, так и самого султана. Кроме того, Осмоловскому предписывалось временно не обращать внимания на возможные обманные действия хивинцев с целью поддержания мирных отношений и устранения их опасений относительно предполагаемых наступательных действий русской армии (Материалы..., 1913: 543).

Для осуществления миссии Осмоловскому было предоставлено существенное финансирование, которое включало 200 рублей для покрытия дорожных расходов на маршруте от Орской крепости до Аральского укрепления с учетом посещения казахских аулов, а также 400 рублей для оплаты подвозки. Кроме того, 700 рублей серебром было выделено на непредвиденные расходы, включая организацию приемов для местных ордынцев, приобретение подарков, оплату деятельности лазутчиков и иные чрезвычайные траты. Логистическое обеспечение миссии предусматривало предоставление фуража для лошадей, организуемого командирами укреплений, расположенных на пути следования Осмоловского. Для обеспечения безопасности миссии его сопровождали один урядник, четыре казака и казахский старшина. При необходимости посещения казахских аулов Осмоловскому было разрешено формировать временные конвои, а также отправлять срочные донесения о движении противника в ближайшие укрепления (Материалы..., 1913: 543).

Главной целью миссии Осмоловского являлся сбор детальной информации о политической, социальной и военной ситуации в районе реки Сырдарья и на территории Кокандского ханства. Для систематизации усилий в этом направлении Оренбургская администрация разработала

специальную программу, включавшую тринадцать вопросов, которые передавались казахским султанам и родоправителям для дальнейшего исполнения через их представителей (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6798. Л. 14-17). Эти вопросы были направлены на получение исчерпывающих сведений о военной мощи и численности войск в Акмечети, о состоянии укреплений, а также о наличии внутренних конфликтов в Кокандском ханстве. Помимо этого, программа предусматривала сбор данных о возможных угрозах со стороны соседних государств (Хива и Бухара), что позволило бы сформировать более полное представление о политической стабильности региона и его отношениях с местным населением.

Поначалу его деятельность была сосредоточена в районе Уральского укрепления, которое он считал более подходящей базой для сбора данных, чем Аральское укрепление. Близость к влиятельным местным фигурам, включая султана Илекея, сделала это место идеальным для проведения операций. В письме к Перовскому Осмоловский описал свое прибытие в Уральское укрепление 13 апреля и объяснил свое решение остаться там, отмечая преимущества, которые это место предоставляло для сбора сведений. Он сообщил о собранной информации, подчеркнув стратегическую значимость местоположения и удобство сбора данных в этом районе (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 287-288). Правда, характер отношений между Осмоловским и султаном Илекеем имел неприязненный характер, по воспоминаниям переводчика Оренбургской Пограничной Комиссии Искандера Батыршина, который писал о том, что Илекей не любил совместничества, и «доказательством этому служит то, что он не любит г. Осмоловского, который, находясь с ним вместе в прошлую весну, останавливал его от некоторых поступков, и за то не понравился ему и нелюбим им». Но, несмотря на это, никакого вреда делу это не принесло. Подчеркивая ум и влияние султана Илекея, Батыршин отмечал его значимую пользу как в сборе сведений, так и в предоставлении людей (История Казахстана..., 2012: 354).

Прибыв в степь, Осмоловский сразу приступил к сбору информации, используя, в частности, сведения, предоставляемые лазутчиками султана Илекея. В этот период начали поступать слухи о возможном союзе между кокандцами и хивинцами против русской экспедиции с предполагаемым нападением на Аральское укрепление. Однако в своем отчете, направленном в Оренбург, Осмоловский подчеркнул, что, несмотря на циркулирующие слухи, не было подтвержденных данных о совместных планах нападения хивинцев и кокандцев на русские степные укрепления. Вместе с тем он отметил, что кокандцы, обеспокоенные возможным русским вторжением вдоль Сырдарьи, активизировали укрепление своей обороны и искали союзников, включая хивинцев (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 345-349).

Генерал-губернатор Перовский, осознавая потенциальную угрозу союза Хивы и Коканда, понимал его возможные серьезные последствия для российской военной экспедиции. В связи с этим он довел свои опасения до военного министра, представив различные сценарии развития событий и меры противодействия. Среди предложений Перовского на случай нападения хивинцев был план переправы через Сырдарью с целью захвата хивинского укрепления Ходжа-Нияз, после чего войска должны были продвинуться к Акмечети. Император, поддержав предложенные меры, рекомендовал создать «летучий отряд» для наблюдения за хивинскими действиями с той стороны, откуда могло ожидать их появление, отметив, что это станет наиболее эффективным способом обеспечения успешного выполнения экспедиционных задач (РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 46. Л. 7).

Несмотря на первоначальный скептицизм Перовского относительно информации, поступавшей от казахских лазутчиков, большинство предоставленных ими сведений оказалось точным. 25 мая 1853 года Осмоловский передал Перовскому данные, полученные от казахского лазутчика, отправленного Илекеем в Акмечеть. Лазутчик сообщил, что гарнизон состоял примерно из 300 человек и был оснащен двумя пушками (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 2-20б.). Эти сведения оказались полностью совпадающими с тем, что было обнаружено после взятия Акмечети русскими, где действительно находились две пушки, фальконет и несколько сотен винтовок разных типов (Материалы..., 1913: 556).

С начала мая 1853 года, после выезда Перовского из Оренбурга для проведения операции по взятию Акмечети, он регулярно получал отчеты от Осмоловского о политической ситуации в Кокандском ханстве, где происходила интенсивная борьба между Кокандом и Ташкентом (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 288). Сведения, поступавшие от лазутчиков, рисовали картину дезорганизованности в ханстве. Подтверждалось, что внутренние распри и конфликты сильно ослабили руководство Коканда, которое было неспособно организовать сопротивление российскому наступлению. Постоянный поток такой информации укреплял уверенность Перовского в успешном исходе кампании, поскольку вероятность активного сопротивления со стороны Коканда становилась крайне низкой.

К июлю 1853 года русские войска, состоявшие из 2 252 пехотинцев, 97 офицеров и 200 казахов, под командованием султана Илекея достигли стен Акмечети (Макшеев, 1896: 218). На тот момент Перовский был полностью осведомлен о внутренних проблемах, дестабилизировавших Кокандское ханство, что позволило ему выработать тщательно продуманный и сдержанный подход к осаде. В результате крепость Акмечеть была взята 28 июля в 4 часа утра, а спустя месяц, 26 августа, по указу Императора она была переименована в форт «Перовский» (РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 33. Л. 27-270б.).

После взятия Акмечети Осмоловский в августе 1853 года, согласно предписанию Перовского, получил должность «заведующего всеми казахами, кочующими по побережьям Сыра на пространстве от крепости Акмечеть и выше до укрепления Аральского включительно» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6738. Л. 1). На этой позиции Осмоловскому было позволено вести частные переписки с комендантами кокандских и хивинских крепостей. Однако проведение самостоятельных переговоров с властями среднеазиатских ханств строго запрещалось. Он был обязан сообщать о всех поступивших донесениях непосредственно генерал-губернатору, минуя руководство укреплений Сырдарьинской линии.

Вместе с тем султан Илекей за усердное содействие в военной экспедиции в сентябре 1853 года награжден был золотой медалью, а в ноябре по повелению императора произведен в звание войскового старшины (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2724. Л. 92). В дополнение к этому в июле 1854 года Илекею было назначено жалование в размере 200 рублей в год (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 7. Л. 1). Подобная процедура проводилась исключительно в целях укрепления взаимоотношений казахских старшин с представителями русской власти с акцентом на то, что после завоеваний Акмечети ситуация в степи лишь накалилась, и подача достоверной и своевременной информации требовала больших усилий со стороны казахов. Так, Осмоловский уже в должности заведующего писал Перовскому о том, что казахи просили записать их имена и прозвания, «чтобы при всякой надобности мог бы я употребить их на службу и для исполнения различных поручений» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6837. Л. 4).

После взятия Акмечети по распоряжению Осмоловского в Туркестан и Ташкент были отправлены казахские лазутчики. Согласно их докладам начальники местных гарнизонов стали подвозить значительные объемы продовольствия и укреплять свои города, приводя их в состояние готовности к обороне (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 87-870б.). Кокандцы были намерены отвоевать его, для чего в Ташкенте началось формирование войска, которое должно было выступить в направлении Туркестана во главе с самим Кокандским ханом Худояром (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 127-1270б.). Насколько верны были эти слухи, варьировалось также от допросов разных торговцев. Для подтверждения этих донесений из Туркестана по вызову Осмоловского прибыли бухарские купцы, которые уверяли, что во время пребывания их в Туркестане не было слышно ни о наборе войск, ни о приготовлении к войне (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 109-110). Позже возвратившиеся из Туркестана лазутчики подтвердили, что крупные подвозы продовольствия имели лишь торговые цели, а слухи о намерении Худояра приехать в Туркестан являлись ложными (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 119-120).

Как бы то ни было, Осмоловский прекрасно осознавал решимость кокандцев пойти войском на Акмечеть. Так, слухи о формировании войск в Ташкенте были подтверждены казахскими лазутчиками ездившие в Бухару по торговой части. По полученным от 24 ноября 1853 года сведениям, часть сформированного в Ташкенте войска под командованием Якуп-бека уже направилась в сторону Туркестана, поэтому Осмоловский уведомил исполняющего обязанности генерал-губернатора Оренбурга, Николая Васильевича Балкашина о том, что «хотя это известие нельзя считать за совершенное справедливое, но на случай внезапных нападений на наших аулов распорядился везде усилить вооруженным казахам караулы» (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 149-150). Также по распоряжению Осмоловского в окрестностях Джулека был сформирован разведывательный пикет из 150-ти конных казахов (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 119-120).

Вечером 1 декабря 1853 года от лазутчиков было получено известие о том, что кокандское войско в числе 12 тысяч вышло из Туркестана и достигло крепости Джулек (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 151). Достоверность сведений о столь значительном количестве войск вызывала сомнения. Перед Осмоловским стоял ряд противоречащих вопросов, поскольку никаких сведений из разведывательного пикета, расположенного при укреплениях Джулека, об этой ситуации в форт не поступало. Тем не менее эти сведения достигли Перовского, который незамедлительно проинформировал об этом военного министра Василия Андреевича Долгорукова. В рапорте, адресованном на имя военного министра, Перовский выразил мнение о том, что, несмотря на многочисленность кокандцев, попытки овладеть фортом окончатся рассеянием их скопищ, для чего приказал подполковнику Огареву сформировать отряд (РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 33. Л. 137-141).

Развеять слухи о многочисленности кокандских войск Осмоловский мог лишь исходя из донесения тех же казахских торговцев, ездивших в Бухару. По полученным им сведениям от 1 декабря, хан Кокандский не в состоянии был вывести войска из-за не прекращающихся внутренних беспорядков. Он отправил посланников в Бухару с целью вовлечь их в войну с русскими, однако, по уверениям лазутчиков, бухарский Эмир не обращал внимания на эти посольства (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 149-150). В действительности же число кокандских войск не превышало двух тысяч. Навстречу им вышел отряд под командованием подполковника Огарева из 80 казаков, 45 башкирцев и 200 казахов. При одном легком орудии они оказались в силах отразить это наступление (РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 33. Л. 143-1450б.).

Успех исходил не столько от способности Осмоловского анализировать слухи, сколько от его крепкого взаимодействия с казахским обществом, значимость которого он прекрасно осознавал. Для поощрения благонамеренной их службы Осмоловский от 15 марта 1855 года предоставил рапорт на

имя Перовского с представлением к награждению казахов старшин и биев, отмечая, что их заслуги «нельзя сравнивать с заслугами прочих киргизов Оренбургского ведомства». Осмоловский тем самым выразил надежду на то, что награждение этих казахов станет «сильным поощрением к дальнейшей ревностной службе как этих представляемых ордынцев, так и прочих киргизов» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7077. Л. 1-3).

Смирившись с потерей крепостей в Сырдарье и не имея достаточных сил и средств для противостояния русским, кокандский хан Худояр начал готовиться к защите своих городов. Попытки Худояра вовлечь в войну хивинцев и бухарцев не увенчались успехом. Согласно донесению Осмоловского, Хивинский хан был болен и до своего выздоровления не мог принять никаких решений. А бухарский эмир, стремясь не испортить торговые отношения с русскими, от которых зависела экономика страны, также не желал вмешиваться в дела Коканда. Убедившись в неблагоприятном политическом положении кокандского ханства, Осмоловский в своем докладе от 1 июля 1854 года сообщил в Оренбургскую пограничную комиссию о том, что на тот момент численность гарнизона в Туркестане не превышала 80 человек, а в самом Ташкенте насчитывалось всего 400. Выдвигая инициативу овладения Туркестаном, Осмоловский подчеркивал необходимость этого шага, утверждая, что кокандцы, не шадя своих сил, будут неоднократно беспокоить форт Перовский. Нападение на него, по слухам, ожидалось уже в августе того года (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 1. Л. 650б.).

Причины, по которым Российская империя не могла воспользоваться положением в Коканде, были связаны с тем, что все силы правительства были скованы в боевых действиях на Балканах, на Крымской войне (1853–1856 гг.). С момента вступления России в крымскую войну внимание военного министерства было обращено на запад. Все дела в средней Азии курировал Осмоловский. На протяжении трех лет он с отличным успехом по прежнему порядку продолжал докладывать напрямую генерал-губернатору. Большой объем информации, полученной в период Крымской войны, поступал из Бухары и Хивы, где наблюдалась активная деятельность иностранных агентов (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 219. Л. 274).

Вскоре по окончании Крымской войны, по утверждению императора Александра II, 14 августа 1856 года Осмоловский удостоился официального должностного повышения, впредь представляясь как «старший чиновник Министерства иностранных дел» (РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 66. Л. 12). Однако с приходом нового Оренбургского и самарского генерал-губернатора Александра Андреевича Катенина Осмоловский был переведен в подчинение командующему Сырдарьинской линией Александру Логиновичу Данзасу. Переход этот был обусловлен тем, что большой объем информации, отправляемой Осмоловским, должен был быть реформирован самим Данзасом «для сокращения переписки» (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 84. Л. 93).

Так, направляя сведения Данзасу о положении дел в Коканде, Осмоловский доносил о попытках Худояра завладеть бухарским городом Ура-Тюбе. Данный город находился в приграничной территории, но был полностью разбит войском Эмира. Более того, казахи конрадского рода в числе 500 кибиток, спасаясь от насилий кокандцев, уезжали в Бухару (ЦГА РК. Ф. 382. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 164-1640б.). Приехавший из Ташкента для закупки баранов сын начальника Джанкабыла Тюлегенова докладывал о том, что кокандцы «прервали всякие сношения с бухарцами после поражения своего при Уратюбе» (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 87. Л. 8-80б.). Осмоловский отметил, что беки Туркестана и Ташкента живут независимо от Худояра, тем самым подчеркнув о подрыве его ханского положения. Многие значительные лица хотели отправить послов для заключения мира с русскими (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 84. Л. 90-900б.).

В конце концов, Кокандское ханство во главе с Худояром было уже не в силах сопоставить значительных сил. В ноябре 1858 года Осмоловский представил сведения Данзасу о начавшейся очередной гражданской войне в Коканде. Старший брат Худояра, Малла бек, несколько раз и прежде покушавшийся свергнуть его, окончательно взял власть в свои руки, разбив войско Худояра и обратив его бегство. Осмоловский, обращаясь к Данзасу, выразил мнение: «в настоящее время теряем... влияния на кокандцев, которое приобрели невольным вмешательством в их смуты» и чтобы не потерять это влияния полностью, счел необходимым «принять решительные меры к прочному занятию края...» (РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 122. Л. 58-670б.). Сведения, собранные Осмоловским от 29 ноября 1858 года, были представлены Данзасом генерал-губернатору Катенину.

Катенин, опираясь на информацию, полученную от Данзаса, предложил Санкт-Петербургу решить давнюю проблему на сырдарьинском фронтире, объединяя Сырдарьинскую линию с Западно-Сибирской путем продвижения на юг через Джулек, Яны-Курган и Аулие-Ату к Ташкенту. В письме от 6 декабря 1858 г. Катенин предложил конкретную программу по продвижению на юг Средней Азии, настаивая на завоевания укрепления Джулек, о котором еще в январе того же года Осмоловский докладывал Данзасу. Он говорил «о необходимости занять Джулек» для возведения форта, который, по соображениям Катенина, служил бы опорным пунктом для подготовки к выходу в Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата с последующим движением к Ташкенту (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 87. Л. 46-460б.). Его поддержал Густав Христианович Гасфорт, губернатор Западной Сибири, который в январе 1859 года сообщил в Санкт-Петербург о необходимости дальнейшего продвижения на сибирском направлении для захвата

кокандских крепостей Токмак, Пишпек, Аулие-Ата, Сузак и верховий реки Чу «с целью объединения южной передовой линии Западной Сибири с Оренбургской на Сырдарье... и получения твердой государственной границы» (РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 51. Т. 2. Л. 4-50б.). Таким образом, уже в 1859 году звучали призывы к аннексии Ташкента, хотя все еще велись ожесточенные споры о том, насколько это необходимо или целесообразно.

В 1859 году Осмоловский подготовил обширную записку о положении России в Средней Азии, где обсуждал конкуренцию между британскими и российскими товарами на бухарском рынке. Тем не менее он пришел к выводу о том, что как бы полезны ни были некоторые среднеазиатские продукты, «независимо от всех успехов в этом направлении, низкая численность населения среднеазиатских ханств всегда будет причиной, по которой наша торговля с ними не сможет развиваться в крупных масштабах». Вместо этого он считал торговлю с Китайским Туркестаном гораздо более перспективной. Однако для проникновения на этот рынок было необходимо дальнейшее продвижение к Ташкенту: «Для укрепления нашей торговли с Китайским Туркестаном необходимо утвердить наше господство не в степи среди кочующих, а в оседлых районах, прилегающих к Ташкенту, которые мы могли бы быстро развить как перевалочный пункт и центр нашей среднеазиатской торговли» (РГВИА. Ф. 1433. Оп. 1. Д. 7. Л. 12-15; РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 96. Л. 147-150об.).

Для полноценного продвижения на юг необходимо было занять крепость Джулек. Эта инициатива была выдвинута Осмоловским, с его мнением согласился командующий сырдарьинской линией А.Л. Данзас. Но в рапорте от 29 января 1858 года, адресованном Катенину, Данзас писал следующее: «я совершенно разделяю мнение г. Осмоловского о необходимости занять Джулек, но в настоящих обстоятельствах это совершенно невозможно», так как все средства должны быть употреблены на приведение в оборонительное состояние форта Перовский (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 87. Л. 46-46об.). Так, Катенин в мае 1858 года лично отправился в казахскую степь для осмотра состояния укреплений Сырдарьинской линии. В августе того же года по прибытии в форт Перовский Катенин писал в Военное министерство: «Генерал-Адъютант Катенин, по слабости военных средств на Сырдарьинской линии не имея возможности исполнить просьбу казахов, разрешил им самим преследовать коканские шайки... обещая поддержать их отрядами, высылаемыми из форта Перовский» (РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 1. Л. 73об.). Когда занятия Джулека оставались лишь вопросом времени, Осмоловский как заведующий присырдарьинскими казахами выставил отряд для караулов в Яныдарье под начальством войскового старшины султана Илекея. Позже, 26 февраля 1859 года, Осмоловский докладывал, что отряд Илекея Касымова, ограбив аулы коканского ведомства, произвел на них большой страх, на что новый хан Коканда Малла бек тотчас же приказал прекратить все неприязненные отношения с русскими (ЦГА РК. Ф. 382. Оп. 1. Д. 5. Т. 2. Л. 353-354).

Подготовка к самой экспедиции для возведения укрепления Джулек началась в ноябре 1860–го года, когда в форт Перовский из Оренбурга прибыло 200 человек пехоты (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 116. Л. 4). В марте 1861 года отряд в числе более 1 500 человек во главе генерал-лейтенанта Александра Осиповича Дебу вышел в направлении Джулека. Для разведывательного пикета и разъездов было выделено 100 казахских конниц под начальством султана Илекея (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 116. Л. 83-86об.). Тем временем Осмоловский, находясь в форте Перовском, принимал у себя лазутчиков, возвратившихся из Туркестана и Ташкента и отправленных для наблюдения за движением коканского военачальника Канаата. Стало известно от прибывших в начале марта из Туркестана казахам, а также о том, что в город подвозится большое количество провианта и что на казахов, кочующих в окрестностях Туркестана, была возложена обязанность собрать до 2 тыс. верблюдов. А из Ташкента дошли слухи, что Канаат, сформировав до 4 тысяч войск, намерен выступить в поход под Джулек и со всем ополчением обещал прибыть в Туркестан (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 113. Л. 87). Другие лазутчики, прибывшие в начале апреля, докладывали Осмоловскому, что туркестанский бек Чады-бек предписал яныкурганскому Ходжа-беку выставить караулы по направлению к Джулеку в 30-ти километрах от Яны-Кургана «для наблюдения за русским отрядом, должествующим выступить к Джулеку, и вообще наблюдать, чтобы не было сообщений между коканскими крепостями и фортом Перовский» (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 113. Л. 89-89об.).

Крепость Джулек была взята 14 апреля 1861 года, о чем было доложено военному министру, а 18 числа того же месяца на работу для возведения укрепления в ней было выслано 700 человек. В окрестностях занятой крепости генерал Дебу распорядился выставить наблюдательный пост (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 116. Л. 143). Наблюдательный пост, состоящий из казахов, донес сведения о том, что в Яныкурган прибыло 200 конных и 100 пеших коканцев (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 116. Л. 145-146). Казахи кипчакского рода, прибывшие из Туркестана, доложили, что коканцы во главе с Нармухаммедом занимаются сбором войск на оборону Яны-Кургана. Здесь Осмоловский отметил, что крепость Яны-Курган по своему устройству «служит оплотом Туркестану, который по своей обширности долго продержаться не может». Осмоловский выразил мнение, что, если коканцы потеряют Яны-Курган, то не будут в состоянии удержать казахов, кочующих по окраинам Каратауских гор (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 113. Л. 115-115об.).

О намерениях овладеть Яны-Курганом Дебу говорил еще в начале года рапортом от 19 февраля 1861 года на имя Оренбургского и Самарского генерал-губернатора Александра Павловича Безака. Он писал следующее: «близость крепости Яны-Курган вселяет опасение, что беспокойный сосед, собирая там партии, будет высылать их безнаказанно на баранту... Разрушение Яны-Кургана обезопасило бы табун и хозяйственные работы Джулека» (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 118. Л. 1-50б.). В конце сентября отряд под командованием генерала Дебу вышел из Джулека в направлении крепости Яны-Курган. При отряде также были задействованы 250 казахов, султаны Тайчик и Ахмед Кенесарины, Адиль Саукумов, Джанибек Искандеров и Нияз Мухаммедов под руководством самого Осмоловского (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 118. Л. 15-150б.). В своей докладной записке Осмоловский писал Дебу, что во время следования к Яны-Кургану к его отряду присоединились казахи из разных мест, и численность их составила до 400 вооруженных людей (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 113. Л. 129-130). Со взятием крепости Яны-Курган Дебу рапортом от 12 октября 1861 года писал Безаку, что служба «киргизов, бывших при отряде, заслуживает поощрения», при этом оценив в преданности этих казахов заслугу Осмоловского: «Такое настроение бывших при отряде киргизов нельзя не относить к умению коллежского советника Осмоловского руководить ими» (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 118. Л. 500б.-51).

В ноябре того же года с целью награждения казахов сырдарьинской линии Осмоловский составил список из 225 лиц, «удостаиваемых награды». Так, управляющий чумекеевским родом, подполковник султан Илекей Касымов за оказанное усердие был удостоен ордена святого Станислава 2-й степени, а султаны Ахмет и Тайчик были произведены в чин зауряд-хорунжего (ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7738. Л. 1-6; Кенесарин, 2022: 38-40). 17 апреля следующего года генерал-губернаторское ведомство писало: «Государь Император высочайше соизволил объявить монаршее его величества благоволение участвовавшему во взятии крепости Яны-Курган, чиновнику министерство иностранных дел для занятий по управлению киргизами и по части пограничной при сырдарьинской линий, коллежскому советнику Осмоловскому». Императорское благоволение являлось особой формой милости. Таким образом, Осмоловский получил высшую форму награждения с признанием его заслуги самим императором Александром II (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 118. Л. 142).

Завоевание кокандских крепостей Джулек и Яны-Курган стало важным этапом в расширении влияния Российской империи в регионе и первым шагом к дальнейшему продвижению ее войск вглубь Кокандского ханства. Эти экспедиции позволили значительно укрепить позиции Российской империи на южных рубежах, установить контроль над ключевыми торговыми маршрутами и обеспечить более безопасную и эффективную логистику военных операций. С присоединением Джулека и Яны-Кургана был окончательно утвержден штат управления Сырдарьинской линии (Мейер, 1865: 266). Эти укрепления также сыграли важную роль в процессе продвижения степного фронта в состав Российской империи, что способствовало дальнейшему продвижению российских войск в направлении Аулие-ата, Чимкента, Туркестана и Ташкента. Эти события стали важным этапом в захвате кокандских крепостей в 1864–1865 годах, а также в планировании военных экспедиций.

Осмоловский до конца жизни оставался на службе, собирая сведения, параллельно занимаясь судебным и гражданским делом, вверенным ему еще при Перовском. Осмоловский умер 30 апреля 1862 г. от апоплексического удара в форте Кармакчи. По смерти его, кроме домашних вещей, не оказалось никакого состояния. Коллекция восточных книг и рукописи были переданы генералу Дебу, который переслал все это брату Осмоловского. Брат Осмоловского, Статский советник Игнатий Яковлев Осмоловский, рапортом на имя Оренбургского и Самарского генерал-губернатора А.П. Безака от 8 ноября 1862 года писал следующее: «мой брат, заведывая судебную часть... по день смерти своей умел приобрести любовь и уважение местных жителей и не мало содействовал к увеличению в них приверженности к России». Он также отметил, чтобы начальство Оренбурга приняло во внимание то, что польза, которую приносил Осмоловский своей службой, выходила из ряда обыкновенной полезной деятельности чиновника (ГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 45. Л. 23-250б.). Известный военный писатель А.И. Макшеев, близко знавший Осмоловского, писал в своих воспоминаниях, что он принадлежал «к числу самых просвещенных и симпатичных деятелей в Оренбургской киргизской степи». Отмечая его способности в ведении судебных дел, А.И. Макшеев подчеркнул беспристрастную справедливость Осмоловского при решении различных споров казахов, что прославило его как «нового Соломона» (Макшеев, 1896: 246-249).

Таким образом, деятельность И.Я. Осмоловского по сбору сведений стала неотъемлемой частью успеха российской политики в Средней Азии. Его умение организовать эффективное взаимодействие с казахскими влиятельными лицами и использование знаний о местной политической, социальной и географической ситуации позволили Российской империи компенсировать значительные логистические трудности и повысить эффективность военных экспедиций. Это свидетельствует о том, что военные экспедиции Российской империи в Средней Азии были не только результатом превосходства в вооружении и тактике, но и глубокого понимания особенностей региона, основанного на тщательном анализе и учете местных условий и политической ситуации.

5. Заключение

Военные экспедиции Российской империи в Среднюю Азию в 50-60-х годах XIX века ярко продемонстрировали тактическое и военное превосходство русской армии над силами среднеазиатских ханств. Однако, несмотря на слабую организацию и техническое оснащение среднеазиатских войск, империя сталкивалась с серьезными логистическими вызовами, связанными с преодолением обширных степей и удаленных территорий. Эффективность российских походов основывалась не только на военной мощи, но и на способности адаптироваться к уникальным условиям региона. Важную роль в этом процессе играло систематическое использование сведений о среднеазиатских ханствах. В данном контексте И.Я. Осмоловский стал одной из центральных фигур, которая обеспечивала организацию информационно-аналитической работы. Благодаря его усилиям были выстроены эффективные каналы взаимодействия с казахскими влиятельными лицами, что позволило предоставить российской администрации важные сведения о политической, географической и социальной обстановке в Средней Азии. Его деятельность ярко демонстрирует, как успешное использование знаний местной специфики, включая особенности политической ситуации и территориальных реалий, способствовало достижению военных задач империи. Деятельность Осмоловского наглядно подчеркивает важность взаимодействия с местными элитами. Это ключевой элемент в укреплении позиций Российской империи в Средней Азии.

Таким образом, деятельность Осмоловского в области сбора сведений и разведывательной информации демонстрирует, как российская администрация эффективно использовала полученные данные для планирования военных экспедиций. Особое внимание уделялось анализу политической ситуации в среднеазиатских ханствах, что активно применялось при разработке тактических решений. В результате собранные Осмоловским данные стали важным инструментом, обеспечившим успешное продвижение русских войск в Среднюю Азию в 1850-1860-х годах.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему «Логистика военных походов Российской империи в казахскую степь и Туркестанский край: влияние и последствия для казахского общества» (ИРН №АР19676769).

Литература

- Бларамберг, 1978** – *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания. Пер. с нем. О.И. Жигалиной и Э.Ф. Шмидта. Вступ. статья Н.А. Халфина. Москва: Наука, 1978. 357 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Дандевиль, 1908** – *Дандевиль М.В.* А.Н. Плещеев в форте Перовском (по его неизданным письмам) // *Минувшие годы. Журнал, посвященный истории и литературе.* СПб., 1908. №10. С. 103-141.
- Жанаев, 2016** – *Жанаев Б.Т.* (сост.). О слухах и событиях в Средней Азии. Алматы: AmalBooks, 2016. Т. 1. С. 798.
- Иванин, 1874** – *Иванин М.И.* Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. СПб.: Общественная польза, 1874. 268 с.
- История Казахстана..., 2012** – История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. 438 с.
- Кенесарин, 2022** – *Кенесарин А.* Кенесары хан и султан Сыдык. Алматы: AmalBooks, 2022. 188 с.
- Макшеев, 1896** – *Макшеев А.И.* Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб.: Воен. тип., 1896. 257 с.
- Материалы..., 1913** – Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 11. Хронологический перечень событий, относящихся к истории Оренбургского казачьего войска / Сост. Н.Г. Лобов. Оренбург: Типо-литография Б.А. Бреслина, 1913. 656 с.
- Мейер, 1865** – *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.: Генеральный штаб, 1865. 386 с.
- Потто, 1873** – *Потто В.А.* О степных походах: Публ. лекции, чит. при Оренбург. юнкер. уч-ще в 1872 г. Санкт-Петербург: тип. Деп. уделов, 1873. 127 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Сартори, Шаблей, 2015** – *Сартори П., Шаблей П.* Судьба имперских кодификационных проектов: адат и шариат в Казахской степи. // *Ab Imperio.* 2015. Т. 2015. №2. С. 63-105. DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2015.0060>
- Сартори, Шаблей, 2019** – *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2019. 280 с.
- Султангалиева, Суйнова, 2022** – *Султангалиева Г., Суйнова А.* «О киргиз-кайсацких и других заграничных обстоятельствах видел и слышал»: информаторы Российской империи в Казахской степи (вторая половина XVIII–60-е годы XIX вв.). // *Ab Imperio.* 2022. Т. 2022. №3. С. 69-102. DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2022.0061>

- Терентьев, 1906 – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906. 510 с.
- Труды..., 1906 – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVI. Оренбург: Типо-литография Ф.Г. Каримова, 1906. 296 с.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Galiew, 1996 – Galiew W.Z. Polacy w Kazachstanie. Historia i wspolczesnosc, Wroclaw, 1996. 196 p.
- Kuczyński, 2014 – Kuczyński A. Polacy w Kazachstanie: zesłania-dziedzictwo-nadzieje-powroty. Wroclaw: Wydawnictwo Kubajak, 2014. Pp. 469-473.
- Morrison, 2014 – Morrison A. Camels and Colonial Armies: The Logistics of Warfare in Central Asia in the Early 19th Century. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2014. Vol. 57. No. 4. Pp. 443-485. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685209-12341355>
- Sultangalieva, 2018 – Sultangalieva G.S. Kazakh Officials and the Russian Authorities: Features of Interaction in the 19th Century. // *Вестник КазНУ. Серия историческая*. 2018. Т. 89. №2. С. 13-19.

References

- Blaramberg, 1978 – Blaramberg, I.F. (1978). Vospominaniya [Memoirs]. Per. s nem. O.I. Zhigalinoi i E.F. Shmidta. Vstup. stat'ya N.A. Khal'fina. Moskva: Nauka. 357 p. [in Russian]
- Dandevil', 1908 – Dandevil', M.V. (1908). A.N. Pleshcheev v forte Perovskom (po ego neizdannym pis'mam) [A.N. Pleshcheev in Fort Perovskii (based on his unpublished letters)]. *Minuvshie gody. Zhurnal, posvyashchennyi istorii i literature*. SPb. 10: 103-141. [in Russian]
- Galiew, 1996 – Galiew, W.Z. (1996). Polacy w Kazachstanie [Poles in Kazakhstan]. Historia i wspolczesnosc, Wroclaw. 196 p. [in Polish]
- GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region].
- Istoriya Kazakhstana..., 2012 – Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh. (2012). [History of Kazakhstan in Documents and Materials: Almanac]. Vol. 2. Astana: TOO «Obshchestvo invalidov – Chernobylets». 438 p. [in Russian]
- Ivanin, 1874 – Ivanin, M.I. (1874). Opisanie zimnego pokhoda v Khivu 1839–1840 gg. [Description of the Winter Campaign to Khiva 1839–1840]. SPb.: Obshchestvennaya pol'za. 268 p. [in Russian]
- Kenesarin, 2022 – Kenesarin, A. (2022). Kenesary khan i sultan Sydyk [Kenesary Khan and Sultan Sydyk]. Almaty: AmalBooks. 188 p. [in Russian]
- Kuczyński, 2014 – Kuczyński, A. (2014). Polacy w Kazachstanie: zesłania-dziedzictwo-nadzieje-powroty [Poles in Kazakhstan: Exile-Heritage-Hopes>Returns]. Wroclaw: Wydawnictwo Kubajak. Pp. 469-473. [in Polish]
- Maksheev, 1896 – Maksheev, A.I. (1896). Puteshestvie po kirgizskim stepyam i Turkestanskomu krayu [Journey through the Kyrgyz Steppes and the Turkestan Region]. SPb.: Voen. tip. 257 p. [in Russian]
- Materialy..., 1913 – Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniyu Orenburgskogo kazach'ego voiska [Materials for the Historical and Statistical Description of the Orenburg Cossack Army]. 1913. Vyp. 11. Khronologicheskii perechen' sobytii, otnosyashchikhsya k istorii Orenburgskogo kazach'ego voiska. Sost. N.G. Lobov. Orenburg: Tipo-litografiya B.A. Breslina. 656 p. [in Russian]
- Meier, 1865 – Meier, L. (1865). Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva [Kirgiz Steppe of the Orenburg Department]. SPb.: General'nyi shtab. 386 p. [in Russian]
- Morrison, 2014 – Morrison, A. (2014). Camels and Colonial Armies: The Logistics of Warfare in Central Asia in the Early 19th Century. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 57(4): 443-485. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685209-12341355>
- Potto, 1873 – Potto, V.A. (1873). O stepnykh pokhodyakh: Publ. leksii, chit. pri Orenburg. yunker. uch-shche v 1872 g. [On Steppe Campaigns: Public Lectures, Delivered at the Orenburg Military School in 1872]. SPb.: tip. Dep. udelov. 127 p. [in Russian]
- RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military-Historical Archive].
- Sartori, Shablei, 2015 – Sartori, P., Shablei, P. (2015). Sud'ba imperskikh kodifikatsionnykh proektov: adat i shariat v Kazakhskoi stepi. [The Fate of Imperial Codification Projects: Adat and Shariat in the Kazakh Steppe]. *Ab Imperio*. 2015(2): 63-105. DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2015.0060> [in Russian]
- Sartori, Shablei, 2019 – Sartori, P., Shablei, P. (2019). Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v Kazakhskoi stepi. [Empire's Experiments: Adat, Shariat, and Knowledge Production in the Kazakh Steppe]. Moskva: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 280 p. [in Russian]
- Sultangalieva, 2018 – Sultangalieva, G.S. (2018). Kazakh Officials and the Russian Authorities: Features of Interaction in the 19th Century. *Vestnik KazNU. Historical Series*. 89(2): 13-19.
- Sultangalieva, Suinova, 2022 – Sultangalieva, G., Suinova, A. (2022). «O kirgiz-kaisatskikh i drugikh zagranichnykh obstoyatel'stvakh videl i slyshal»: informatory Rossiiskoi imperii v Kazakhskoi stepi (vtoraya polovina XVIII–60-e gody XIX vv.). [“On Kyrgyz-Kaisak and Other Foreign Affairs Seen and Heard”: Informants of the Russian Empire in the Kazakh Steppe (Second half of the 18th – 60s of the 19th century)]. *Ab Imperio*. 3: 69-102. DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2022.0061> [in Russian]

Terent'ev, 1906 – *Terent'ev, M.A.* (1906). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii [History of the Conquest of Central Asia]. T. 1. SPb.: Tipo-litografiya V.V. Komarova. 510 p. [in Russian]

Trudy..., 1906 – Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii (1906). [Works of the Orenburg Scholarly Archive Commission]. Vyp. XVI. Orenburg: Tipo-litografiya F.G. Karimova. 296 p. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Zhanaev, 2016 – *Zhanaev, B.T.* (2016). (sost.) O slukhakh i sobyt'yakh v Srednei Azii [On Rumors and Events in Central Asia]. Almaty: AmalBooks. T. 1. 798 p. [in Russian]

О деятельности Иосифа Осмоловского в контексте наступательных движений русских войск в Кокандское ханство (1852–1862 гг.)

Сейилхан Токболат ^{a, *}, Шынгыс Рахметулла ^b

^aМеждународный Таразский университет им. Шерхана Муртазы, Тараз, Республика Казахстан

^bЕвразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье анализируется роль Иосифа Осмоловского в рамках российских военных экспедиций против Кокандского ханства в 1852–1862 гг. Осмоловский, хотя и является малоизвестной фигурой в истории Российской империи, сыграл ключевую роль в сборе разведывательной информации о политической, военной и географической обстановке в Среднеазиатских ханствах. Его деятельность в сотрудничестве с казахскими информаторами оказала существенное влияние на стратегический подход России в ходе военных походов. Статья исследует, как Осмоловский использовал местные знания, что позволило российским войскам преодолеть логистические трудности и эффективно действовать на обширных территориях Средней Азии. Особое внимание уделяется роли Осмоловского в организации и анализе разведывательной информации, что было важным фактором в успехе русских экспедиций, особенно в условиях внутренних конфликтов Кокандского ханства. Результаты исследования показывают, что деятельность Осмоловского по сбору разведывательных данных была необходимым элементом оптимизации военной стратегии. Исследование подчеркивает, как использование местных информаторов стало важным инструментом для расширения влияния Российской империи в Средней Азии.

Ключевые слова: Осмоловский, Российская империя, Средняя Азия, российские военные экспедиции, Кокандское ханство, сбор разведывательной информации, казахи, казахские информаторы, среднеазиатские ханства, степь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: seiltokbolat@gmail.com (С. Токболат)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 188-195
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.188

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University: Its Collections Dating to between the second half of the 19th and the early 20th centuries

Anastasiya A. Cherkasova ^{a, *}

^aCherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

This work details the collections of the Museum of the History of the American Knights Templar dating to between the second half of the 19th and the early 20th centuries.

The materials for the study included several emerging collections at Cherkas Global University's Museum of the History of the American Knights Templar. Currently, the museum features four major collections – the sword collection, the uniform collection, the badge collection, and the photo collection.

The study's findings revealed that as at December 31, 2024, the four collections at Cherkas Global University's Museum of the History of the American Knights Templar contained a combined 215 artifacts. The largest number of artifacts are in the uniform collection (80 items), followed by the badge collection (68), the sword collection (55), and, lastly, the photo collection (12). Most items in the museum collections date to between the second half of the 19th and the early 20th centuries, although there are also some that date to an earlier time. Some of the museum's items, like, for instance, those in the uniform collection, have already been exhibited. Overall, Cherkas Global University organized seven different exhibits in 2024. The museum's 8th exhibit was launched on January 13, 2025.

Keywords: museum, Cherkas Global University, American Knights Templar, Masonic order, period between the second half of the 19th and the early 20th centuries.

1. Introduction

The scattered Masonic Knights Templar organizations created in the United States in the late 18th century united into one – the General Grand Encampment – in 1816. At that time, the organization had barely 300 members ([Chicago Illustrated..., 1880: 58](#)). In 1856, the General Grand Encampment now had nearly 5,000 members ([Proceedings..., 1859: 331-332](#)), and the figure surpassed 114,000 in 1898 ([Proceedings..., 1898: 98](#)). The organization's dynamic development led to the accumulation of a substantial layer of artifacts, with many of these destined to become an item in a public or private collection. The present work examines the collections of the Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University dating to between the second half of the 19th and the early 20th centuries.

2. Materials and methods

The materials for the study included several emerging collections at Cherkas Global University's Museum of the History of the American Knights Templar. Currently, the museum features four major collections – the sword collection, the uniform collection, the badge collection, and the photo collection.

In terms of methodology, the study relied on the historical-chronological and systems methods. The use of the historical-chronological method helped zero in on the subject matter of the museum's exhibits and determine the date of emergence of the items featured there. The use of the systems method helped

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasova.la@gmail.com (A.A. Cherkasova)

systematize the items in groups and gain insight into patterns in the evolution of those items (e.g., that of the Knights Templar swords).

3. Discussion

The historiography of the subject under consideration can be divided into two major themes: 1) works addressing the subject of the Knights Templar through the lens of the museum collections of Cherkas Global University; 2) works examining various aspects of Cherkas Global University's activity. Let us take a closer look at these.

The museum collections of Cherkas Global University devoted to the Masonic order of Knights Templar have been drawn upon as a source in research more than once. Of particular note is the research by Alexander Cherkas, who has reconstructed the biographical portraits of the Knights Templar represented in the museum collections of Cherkas Global University, including Frederick S. Rogers (1847–1908) (Cherkas, 2024), Albert A. Marden (1824–1919) (Cherkas, 2024a), George S. Blackie (1834–1881) (Cherkas, 2024b), and Albert E. Worthington (1849–1915) (Cherkas, 2024c). Most of that research was produced in commemoration of one's birth anniversary.

Among the works devoted to Cherkas Global University, of particular note are the one by V.V. Tarakanov and M.A. Ponomareva, which discusses the results of the work of the International Network Center for Fundamental and Applied Research (INCFAR) over the first 5 years of operation (2014–2019) (Tarakanov, Ponomareva, 2019), the ones by G. Rajović and A.A. Cherkasova, which look at the organization's first print medium (Rajović, 2021; Cherkasova, 2022), the ones by A.A. Cherkasova and I.Yu. Cherkasova, which explore various aspects of Cherkas Global University's activity (Cherkasova, 2022a; Cherkasova, 2022b; Cherkasova, 2023; Cherkasova, 2023a; Cherkasova, 2023b), and, lastly, the one by A.Yu. Peretyatko, which focuses on the organization's publication activity (Peretyatko, 2024).

4. Results

The Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University is currently in a stage of active formation. The decree for the establishment of the museum was signed on August 1, 2024, and as early as by December 31, 2024, the following collections were launched at it:

- 1) The sword collection, comprised of 55 items, with 50 of these belonging to the Masonic order of Knights Templar.
- 2) The uniform collection, comprised of 80 items (coats, aprons, belts, and sashes).
- 3) The badge collection, comprised of 68 items (badges, badge pins, ribbons, and jewels).
- 4) The photo collection, comprised of 12 items (portrait and group photos of members of the Knights Templar and promotional materials produced by Knights Templar commanderies in the United States (souvenir postcards)).

Concurrently with the development of its museum collections, Cherkas Global University has also been building a special collection of documents related to the Masonic order of Knights Templar in the United States (Holding 3), which today already contains a number of fairly unique sources. For example, there is *Register of De Molay Commandery No. 26 (1901–1955)*, which includes over 500 names and which was employed in a study exploring the biographical portrait of Sir Albert A. Marden (1824–1919), who served De Molay Commandery No. 26 as Recorder all the way until his passing (Cherkas, 2024a).

As already mentioned earlier, as at December 31, 2024, the museum's sword collection contained 55 items, with 50 of the swords belonging to the Masonic order of Knights Templar, four swords belonging to other orders (Order of Knights of Malta and Knights of the Golden Eagle), and one sword being a European item manufactured in the 1650s.

The swords of the Masonic order of Knights Templar have some very peculiar characteristics that distinguish them from those of other orders. More specifically, most Knights Templar swords have a helmet-shaped pommel (Figure 1), have a scabbard with a crown with a cross in it (Figure 2), and are monogrammed 'KT' (i.e., 'Knights Templar') (Figure 3).

Fig. 1. Sword's helmet-shaped pommel

Fig. 2. Crown with a cross in it on a sword

Fig. 3. KT monogram on a sword

All Knights Templar swords are inscribed with the owner's name. One's name appears typically on one of the sides of the blade (Figure 4), and sometimes on the scabbard.

Fig. 4. Owner's name inscribed on the blade of a sword

Two of the 50 Knights Templar swords are presentation swords, and one of these two used to belong to Casper Ruedy, a northerner who took part in the American Civil War (Figure 5).

Fig. 5. Presentation sword of Casper Ruedy, Past Eminent Commander, given to him by Bethany Commandery No. 28, KT

Little is known of the owner of that sword. Casper Ruedy was born in 1835. In 1877, he was Generalissimo (second-in-command) of Bethany Commandery No. 28 ([The Past and Present...](#), 1877: 323). Accordingly, he must have been Eminent Commander in 1878, and he must have received that sword as Past Eminent Commander in 1879.

The uniform collection is comprised of elements of Knights Templar clothing such as coats, aprons, belts, and sashes. The Knights Templar uniform has two variations – the white uniform and the black one. Also, the uniform of an Officer is different from that of a Knight. On January 13, 2025, the Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University unveiled the main stand for its 8th exhibit ([Figure 6](#)).

Fig. 6. Main stand for the 8th exhibit at Cherkas Global University's Museum of the History of the American Knights Templar

The main stand features six members of the order of Knights Templar (four Eminent Commanders and two Sir Knights) and a 1900 Knights Templar flag. Shown in [Figure 6](#) from left to right are: Eminent Commander of Bethany Commandery No. 28 (Mendota, Illinois), Eminent Commander of Temple Commandery No. 2 (Albany, New York), Eminent Commander of Columbian Commandery No. 1 (New York, New York), Eminent Commander of New Haven Commandery No. 2 (New Haven, Connecticut), Sir Knight of Genesee Valley Commandery No. 15 (Flint, Michigan), and Sir Knight of De Witt Clinton Commandery No. 2 (Portsmouth, New Hampshire). The white feathers in the hats and the white sashes are in keeping with the white uniform, and the black ones correspond with the black one. The exhibit features five members in the white uniform and one in the black one.

On the whole, the uniform has been reproduced fairly accurately, with the exception of a few details – specifically, the fact that Exhibits 3 and 4 need aprons and the fact that Exhibits 2 and 3 are supposed to have yellow buckles.

The badge collection contains 41 exhibits and includes ribbons, badge pins, and jewels ([Figures 7, 8, 9 and 10](#)).

Fig. 7. Central City Commandery No. 25 badge **Fig. 8.** Guard Officer's jewel

Fig. 9. Monroe Commandery No. 12 ribbon **Fig. 10.** Damascus Commandery No. 58 Drill Corps badge pin

Lastly, the photo collection consists of personal (Figure 10) and group (Figure 11) photos of members of the Knights Templar and souvenir postcards produced by Knights Templar commanderies in the United States (Figure 12).

Fig. 10. Knight of the De Witt Clinton Commandery

Fig. 11. Officers of New Haven Commandery No. 2

Fig. 12. Colorado Commandery No. 1 postcard

5. Conclusion

As at December 31, 2024, the four collections at Cherkas Global University's Museum of the History of the American Knights Templar contained a combined 215 artifacts. The largest number of artifacts are in the uniform collection (80 items), followed by the badge collection (68), the sword collection (55), and, lastly, the photo collection (12). Most items in the museum collections date to between the second half of the 19th and the early 20th centuries, although there are also some that date to an earlier time. Some of the museum's items, like, for instance, those in the uniform collection, have already been exhibited. Overall, Cherkas Global University organized seven different exhibits in 2024. The museum's 8th exhibit was launched on January 13, 2025.

References

- [Cherkas, 2024](#) – Cherkas, A. (2024). Sir Frederick S. Rogers (1847–1908) in the Museum Collection of Cherkas Global University. *Bylye Gody*. 19(4): 1674-1682.
- [Cherkas, 2024a](#) – Cherkas, A. (2024). A Few Fresh Strokes to the Biographical Portrait of Sir Albert A. Marden (1824–1919): Commemorating the 200th Anniversary of His Birth. *History and Historians in the Context of the Time*. 33(1): 3-9.
- [Cherkas, 2024b](#) – Cherkas, A. (2024). Sir George Stodart Blackie (1834–1881) in the Museum Collection of Cherkas Global University: Commemorating the 190th Anniversary of His Birth. *European Researcher. Series A*. 15(2): 32-37.
- [Cherkas, 2024c](#) – Cherkas, A. (2024). Sir Albert E. Worthington (1849–1915) in the Museum Collection of Cherkas Global University: Commemorating the 175th Anniversary of His Birth. *European Journal of Contemporary Education*. 13(4): 742-746.
- [Cherkasova, 2022](#) – Cherkasova, A.A. (2022). A History of Cherkas Global University Press: The Vestnik Leib-Gvardii Newspaper (1992–1997). *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1394-1402.
- [Cherkasova, 2022a](#) – Cherkasova, I.Yu. (2022). Cherkas Global University (1992–2022): Yesterday, Today, and Tomorrow. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 1039-1047.
- [Cherkasova, 2022b](#) – Cherkasova, A.A. (2022). From the History of Rifle Association in the Cherkas Global University (1992–2022). *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 1048-1061.
- [Cherkasova, 2023](#) – Cherkasova, A.A. (2023). Cherkas Global University Hiking Club (1996–2022). *European Journal of Contemporary Education*. 12(1): 309-318.
- [Cherkasova, 2023a](#) – Cherkasova, I.Yu. (2023). A History of the P.A. Cherkasov Fundamental Electronic Library (1992–2023). *European Journal of Contemporary Education*. 12(2): 745-751.

- [Cherkasova, 2023b](#) – Cherkasova, I.Yu. (2023). International Activity of Cherkas Global University (1992–2023). *European Journal of Contemporary Education*. 12(1): 319-326.
- [Chicago Illustrated..., 1880](#) – Chicago Illustrated, 1820 to 1880. Chicago, 1880.
- [Peretyatko, 2024](#) – Peretyatko, A.Yu. (2024). Some Features of Cherkas Global University's Publication Activity: A Response to the Challenges of the “Soviet Division of Scientific Labour”. *European Journal of Contemporary Education*. 13(1): 374-383.
- [Proceedings..., 1859](#) – Proceedings of the Grand Encampment of Knights Templar Masons of the United States of America. 1816-1856. Reprint of Proceedings with General Index. 1859.
- [Proceedings..., 1898](#) – Proceedings of the Grand Encampment of Knights Templar Masons of the United States of America for 1898. Pittsburgh, PA, 1898.
- [Rajović, 2021](#) – Rajović, G. (2021). The Newspaper “Vestnik Leib-Gvardii” (1992–1997) as a Historical Source. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(2): 93-98.
- [Tarakanov, Ponomareva, 2019](#) – Tarakanov, V.V., Ponomareva, M.A. (2019). INCFAR: Characteristics and Challenges (A Fifth Anniversary Tribute). *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 984-992.
- [The Past and Present..., 1877](#) – The Past and Present of La Salle County, Illinois... Chicago, 1877.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 195-206
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.195

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Drinking Collection of the Reign of Catherine II (1862–1796)

Natalia Ye. Goryushkina ^{a,*}

^aSouth-Western State University, Russian Federation

Abstract

The article presents the changes in the state's exploitation of wine regalia, which were made during the reign of Catherine II. The main sources for the research were legislative acts of state power regulating the receipts from drinking; some of them are being introduced into scientific circulation for the first time. It is shown that the state interest in obtaining "fast" money stimulated drinking transformations. The treasury began to rent out a well-known area to private individuals and determine the number of places where drinks are sold, the order of vacation, the amount of the purchase amount to be paid to the treasury. The treasury carried out the harvesting of wine independently at state-owned and private factories. Under Catherine II, distilling became a noble monopoly. The nobles produced wine both for the treasury and for their own needs. The amount of wine produced "for oneself" was determined by rank. The exclusive right to smoke wine brought super profits to the nobility. The author draws attention to the fact that drinking legislation was improved throughout Catherine's reign. The first wine charter was issued, which brought the wine regalia into strict order. The drinking collection grew. But the government was concerned about the drinking, which could not be eliminated, despite the brutal persecution of those who carried out the secret production and sale of drinks. By the end of the reign of Catherine II, the tax system had become stronger. The farmers received the right to purchase wine independently. It is concluded that the drinking collection was a typical product of the Catherine era; such features as the proactive role of the state in the transformative process, stimulation of budget revenues in conditions of limited internal resources, and support for the nobility are visible in its organization.

Keywords: Catherine II, drinking collection, tax system, tax collector, distillery, wine trade, hospitality.

1. Введение

Питейный сбор в России на протяжении второй половины XVIII в. выступал одним из основных источников наполнения государственной казны. По этой причине он пользовался исключительным вниманием верховной власти и тщательно регулировался. Основы организации питейного сбора в течение столетия менялись. Особо масштабные перемены в сборе с питей были произведены в период царствования Екатерины II.

Данная статья представляет собой попытку освещения питейного сбора в екатерининский период.

Тема эта имеет несомненную актуальность. С академической точки зрения организация питейного сбора, выступая продуктом своей эпохи, способна в новом ракурсе показать главенствующую роль государства в преобразовательном процессе, приемы стимуляции поступлений в бюджет в условиях ограниченности внутренних ресурсов, взаимоотношения, складывавшиеся между властью, дворянством и буржуазией в рассматриваемый временной период. С практической точки зрения исследование питейного сбора в период царствования Екатерины II представляется

* Corresponding author

E-mail addresses: goro46@yandex.ru (N.Ye. Goryushkina)

важным для нахождения точек сопряжения нормативно-правовых актов XVIII в. с современным алкогольным законодательством, выработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию алкогольной политики России.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковой базой исследования стали документы об организации питейного сбора в екатерининское время, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Ведомственная и межведомственная переписка из фонда Департамента разных податей и сборов Министерства финансов (Ф. 571) позволила судить о соотношении формальных и неформальных приемов управления питейным сбором, о мотивах введения откупной системы, а «черновые» и «беловые» ведомости – о финансовых результатах питейной политики Екатерины II.

Ценный материал для исследования дало обнаруженное в фонде Департамента неокладных сборов Министерства финансов (Ф. 574) «Представление министров – внутренних дел, государственных имуществ и финансов в Государственный Совет» с экскурсом в историю питейного сбора. В документе перечислены проблемы в организации винокурения и виноторговли, которые предстояло решить Екатерине II, меры борьбы со «слабым приходом», «неодолимым корчемством», «превеликими подлогами и утайками», а также дана емкая оценка работе Комиссии под главенством графа В.В. Фермона.

В фонде великого князя Константина Николаевича (Ф. 722) Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) отложились многочисленные прошения, предложения, отзывы и проекты организации сборов с крепких напитков, которые должны были доказать порочность откупной системы (великий князь был ярким сторонником отмены откупов). Отдельные авторы были весьма лаконичными, другие – расписывали откупные пороки с особой тщательностью, начиная со времен Екатерины II. Привлечение этого источника было важно для понимания сложности питейной проблемы.

Наряду с неопубликованными источниками использованы разнообразные опубликованные материалы. В первую очередь, были подробно изучены законодательные акты, приведенные в Полном собрании законов Российской империи и отражающие сложную эволюцию питейного сбора в период долгого царствования Екатерины II. Немалая их часть используется в научных целях впервые.

Для исследования потребовались статистические источники. Особую ценность среди них имели «Сведения о питейных сборах в России», выпущенные Государственной канцелярией по Отделению государственной экономии в 5-ти томах (СПС, 1860–1861). Этот капитальный труд с данными о питеях, в том числе в екатерининское время, которые правительственные учреждения использовали на протяжении многих лет с целью принятия важных управленческих решений.

Не были оставлены без внимания и источники личного происхождения. В их числе – дневники, мемуары, путевые записки современников описываемых событий (А.Т. Болотова, П.И. Черкасова). Оценочные суждения, звучавшие в отношении питейного дела, важны для понимания эмоционального фона проведенных Екатериной II реформ.

Отдельные сюжеты о питейном сборе почерпнуты из сборников Императорского Русского исторического общества, а также журналов «Исторический вестник», «Русский вестник».

2.2. Статья базируется на принципах историзма, научной объективности и системности. Первый – предоставил возможность рассмотреть питейный сбор, исходя не из абстрактных представлений о его значимости или второстепенности, а из конкретных условий екатерининского времени. Второй и третий принципы направили рассмотрение правительственных решений в отношении сбора с питей во взаимосвязи и во взаимообусловленности, учитывая, что откуп как форма питейного сбора не был детерминирован какой-то одной группой факторов (государственными потребностями, идеологическими установками «верхов», запросами дворянского сословия), а стал результатом сложного взаимодействия их всех.

Дополнили методологический инструментарий специальные методы исторического познания: историко-хронологический, историко-системный историко-типологический. Они помогли рассмотреть питейный сбор как продукт екатерининской эпохи, раскрыть его составные части и механизмы его функционирования, выявить сходства и различия в управлении питейным сбором в различные исторические отрезки.

3. Обсуждение

В историографии накоплен немалый опыт осмысления питейного сбора во времена правления Екатерины II.

Первым вектор перемен в организации сбора с питей обозначил историк и этнограф И.Г. Прыжов. Автор поставил в заслугу императрице личное участие в определении стратегии питейных преобразований, перечислил введенные новшества, но без анализа и обобщений (Прыжов, 1868).

Ценные замечания о питейной системе екатерининской эпохи оставил историк и государственный деятель Д.А. Толстой. Несмотря на «возраст», его труд не утратил своей актуальности. «Приготовление вина и продажа его – две операции, при которых казна, пользуясь винною регалией, проявляет свою действительность», – так рассуждал автор о способностях государства управлять регалией, отмечая бесспорное улучшение организации питейного сбора при Екатерине II (Толстой, 1848: 152).

Суть установившейся при Екатерине II питейной системы была тщательно исследована литературным критиком Н.Г. Чернышевским. В статье «Откупная система» (1858 г.) именно он сумел объяснить «предпочтительность» откупов среди других питейных систем. «На откуп отдавались, – писал Чернышевский, – <...> только доходы, точную величину которых нельзя вперед определить с достоверностью, – цифры, подверженные риску; и чем более этот риск, тем скорее подпадал источник дохода откупу» (Чернышевский, 1986: 243-244). Но надо признать, что выдающаяся с точки зрения публицистики статья научного анализа организации питейного сбора не содержала.

Развитие российского законодательства в отношении питей осветил в небольшой брошюре историк Н.Н. Фирсов. Он использовал особую исследовательскую оптику, позволившую убедительно доказать высокую фискальную зависимость государства от размеров поступлений с питей и неспособность действовавших в екатерининскую эпоху органов финансового контроля справиться с корчемством (Фирсов, 1892).

Объяснить выбор откупа в качестве основной питейной системы при Екатерине II взялся историк Н.Д. Чечулин. По его мнению, откупная система при видимом своем несовершенстве несла казне «быстрые» деньги, которые замещали другие «тягостнейшие налоги» и содействовали «довольствованию народному» (Чечулин, 1906: 153-154).

В советский период питейная тема «выпала» из поля зрения ученых. Только в 1947 г. была опубликована статья Е.С. Козловского «Винные откупа и их место в первоначальном накоплении капитала в России». В ней представлены интересные сюжеты, связанные с откупным строем, но детального разбора организации питейного сбора во времена Екатерины II не было произведено (Козловский, 1947).

Интерес к теме вернулся в отечественную историографию в 1990-е гг. Однако новых объяснительных концепций родилось до сих пор не много. Бесспорного внимания заслуживают работы таких авторов, как М.Л. Гавлин – о совершенствовании законодательства об откупах (Гавлин, 2007), Ю.П. Голицын – о состоянии дворянского винокурения (Голицын, 2018). В большинстве случаев исследователи описывали процесс возникновения и развития откупной системы, стремились оценить место Екатерины II в реформировании сбора с питей.

Очевидно, что питейный сбор в екатерининское время имеет свою историографию, но отдельные его грани все еще требуют частной реконструкции. Этому и посвящена данная работа.

4. Результаты

Финансовое положение России в первые годы царствования Екатерины II было неблестящим. Питейные сборы, как и другие налоги, находились в весьма расстроенном состоянии. В одних местностях продажу питей¹ осуществляли откупщики, в других – она находилась в управлении городских магистратов и ратуш, в третьих – пития продавались от имени казны. В государственный бюджет доходили далеко не все деньги, что платило население за пития, корчемство² приняло угрожающие масштабы.

Екатерина II приложила все силы, чтобы исправить ситуацию. В действиях своих императрица выступала как заботливая «мать» народа, не желавшая мириться с обстоятельствами. Указом 23 марта 1764 г. была учреждена особая Комиссия «под дирекциею» авторитетного администратора, графа В.В. Фермора. В состав Комиссии, помимо Фермора, вошли действительные статские советники Д.В. Волков, И.П. Елагин, И. И. Козлов (РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 94. Л. 96). В специальной инструкции, данной членам комиссии, Екатерина II указала на главные проблемы в отношении питей – действующий порядок сбора «тягостен народу», а ответственные за дело лица производят «бесчисленные похищения, обманы, как в мере и весе, так в доброте вина <...> грабительства, привязки и многие другие злодейства» (ПСЗРИ-1, №12105). Доходы с питей было велено сохранить, а, если «буде можно, без отягощения подданных», умножить и «в такую подлинность привести, какую требует непрерывное Государственных расходов течение», чтобы «великие затруднения, кои донныне при собрании сего дохода встречаются <...> отвратить и предупредить», и корчемство, «которое источником было многих нестроений», истребить не жестокостью наказаний, а учреждениями, «чтоб к преступлениям и повода не было» (ПСЗРИ-1, №12444).

Члены комиссии подошли к работе ответственно, но столкнулись с серьезными препятствиями. Во-первых, отсутствовали надёжные статистические данные о питейном сборе: имевшиеся материалы

¹ Пития – напитки, содержащие алкоголь, а именно: хлебное вино, водка, наливки, настойки, морсы и проч.

² Корчемство – тайное изготовление, провоз и продажа алкогольных напитков.

были неточными, отрывочными, сотни папок в финансовых учреждениях лежали неразобранными много лет. Во-вторых, нельзя было принимать поспешных решений и нарушить интересы разных сословий и сановных лиц, занятых в винокурении и виноторговле. В-третьих, требовалось создать механизм получения «быстрых» и «больших» денег в условиях постоянного бюджетного дефицита.

Действуя в жестких рамках объективных ограничений, Комиссия, насколько могла, следовала логике компромисса, стремилась не нарушить баланс интересов между властью, дворянством и буржуазией. Итогом работы Комиссии стал доклад о состоянии питейного дела в России, представленный на суд Екатерины II. Из доклада следовало, что питейное дело находится в неудовлетворительном состоянии, поскольку при продаже на вере и отдаче продажи в заведование магистратов и ратуш «произошли превеликие подлоги и утайки». Эти способы сбора с питей было предложено ликвидировать, винокурение передать в руки дворян, единственным способом обеспечения достойного и быстрого государственного дохода от государственной эксплуатации винной регалии считать откуп питейной продажи частными лицами. Доклад заверили все члены Комиссии, кроме Елагина, который остался «при своем мнении», считая нужным законодательно уравнивать возможность получения прибыли от винокурения всеми дворянами, установить между претендентами «круговую очередь» на винные поставки, предоставить преимущественное право при заключении контрактов местным подрядчикам (Голицин, 2017: 75).

Выполнившая свою миссию, Комиссия Фермора была упразднена 20 июня 1768 г. «Мы, – говорилось в указе, – будучи трудами ея довольны, повелеваем оную распустить» (ПСЗРИ-1, №13137). На основе представленных Комиссией материалов были подготовлены два законопроекта, которые определяли будущность питейно-откупного дела в стране, – Манифест об отдаче питейной продажи на откуп и Устав о винокурении (ПСЗРИ-1, №12444).

Законодательные акты были ожидаемы обществом, потому как откликались на насущные потребности момента.

1 августа 1765 г. высочайшее утверждение получил Манифест, введивший с 1 января 1767 г. повсеместно откупную систему сборов с питей. Первоначально сибирские губернии были изъяты из общего порядка питейных сборов. Но Законом 28 октября 1765 г. в Сибири, как и в великороссийских губерниях, была введена откупная система (ПСЗРИ-1, №12500).

В откуп винной регалии могли вступать дворяне, дети боярские, гости, гостиная и суконная сотни, торговые и посадские люди всех городов. Казна брала на себя обязанность по заготовке вина, а откупщики – заботу о его продаже. Территория великороссийских губерний и Сибири была поделена на откупные округа. Сначала на откуп выставлялись целые уезды и губернии, но с 1778 г. выставляемые на торги местности стали дробиться, была допущена сдача питейных заведений на откуп поодиночке. Эта мера должна была сократить недоимки в уплате откупных сумм (Порядок..., 1780: 2, 23-24).

Откупщиком становился всякий «охочий человек, наддавший денег более других особ» на торгах. Торги на суммы до 10 тыс. руб. было велено проводить казенным палатам под надзором вице-губернаторов, сделки на суммы выше 10 тыс. руб. требовали разрешения Сената. Вызов на торги организовывался за 15 – 18 месяцев до истечения прежнего откупного срока, который продолжался, как правило, четыре года. Откупные суммы уплачивались вперед помесечно. Откуп и подкуп были неразрывны, свидетельства тому множились с каждым годом (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 464. Л. 269об.). На время контракта откупщики почитались «коронными поверенными служителями», получали ценное по тому времени право носить шпаги, освобождались от обязанности исполнять выборные должности, дома их освобождались от постоя. Откупщикам бесплатно отдавались кружечные и отдаточные дворы, кабаки, магазины и т. п. (Киттары, 1862: 22 стб.)

Контракт с откупщиками заключался на четыре года. Условия его подлежали оглашению: «Контракт, постановленный в Правительствующем Сенате, о содержании, по силе Именного Ея Императорского Величества Высочайшего указа в Санкт-Петербурге и в Москве с подчиненными местами питейных и прочих нижеписанных сборов в компании надворному советнику Семену Федорову сыну Роговинову, коллежским асессорам Филипу Фадееву сыну Угрюмову и Дмитрию Иванову сыну Папанелопулу, да к тому в прибавок, кто впредь от них в товарищество представлены будут, с будущего 1767 года, впредь четыре года, то есть, по 1771 год» (ПСЗРИ-1, №12794).

Почти в одно время с Манифестом – 9 августа 1765 г. – вышел «Устав о винокурении». Первая его глава открывалась категорическим заявлением: «Вино курить дозволяется всем дворянам и их фамилиям: а прочим никому» (ПСЗРИ-1, №12448). Это право было не новым, оно уже упомянуто в елизаветинском указе от 19 июля 1754 г., но в том случае присутствовали исключения (винокурение разрешалось купцам отдельных местностей, чтобы не допустить нехватки питей) (ПСЗРИ-1, №10261).

Дворяне становились единственным сословием, кому предоставлялось право производства вина «для домашнего расхода» и для поставки в казну.

Количество вина «для домашнего обихода» определялось чином винокура, размер этот колебался от 1 тыс. ведер вина в год, что было дозволено производить чином 1-го класса, до 30 ведер, которые могли выкурить чины 14 класса (ПСЗРИ-1, №10466).

Вместе с устройством усадеб и парков, театров и оркестров, верховой ездой и псовой охотой, дворянство во времена Екатерины II активно занялось винокурением. «Повсюду началось копанье и запруживание прудов, повсюду рубка и воздвигание огромных винных заводов, повсюду кование медных и железных котлов с приборами; и медники едва успевали наделять столько труб и казанов, сколько требовалось их во все места», – свидетельствовал мемуарист А.Т. Болотов (Болотов, 1891: 21, 30).

Вино «для себя» дворяне производили так, будто совершали волшебство. На потерю 95–98 % материалов и другие «мелочи» внимания никто не обращал. Барда, оставшаяся от перегонки бражки, без сожаления, сливалась в пруды и реки (Горюшкина, 2020: 216). Вино для нужд казны готовили без особого старания. Заводчики заключали с казной договор (подряд) о поставках винокурных материалов или готового продукта, в обеспечение которого готовили «поручные записи». Качество вина для казны было низким, для крепости в напиток добавлялись белена, бузина, керосин, купорос, полынь, табак, дурман. Доказательство тому мы встречаем в записках путешествовавшего по России «доктора врачебной науки» С.Г. Гмелина: «На возвратном пути случилось мне видеть на заставе великое множество собранных семян с дурману. Любопытство побудило меня спросить о употреблении их, на что без всякого закрытия ответствовано было, что они их кладут в пиво, дабы тем скорее упоить людей. Ужасное употребление, если принять в рассуждение могущий от того воспоследовать вред» (Гмелин, 1771: 66-67).

Казенные поставки вина, разрешенные только высшему сословию, открыли дворянству возможность получения сверхдоходов. К примеру, винокурный завод Калужской губернии имел следующего размера расходы на производство одного ведра хлебного вина (Таблица 1).

Таблица 1. Расходы на производство хлебного вина, коп.

Расходы	Цена, коп.
Рожь	58
Дрова	2,5
Заработная плата рабочим	3
30 ведерная бочка для слива	5
Доставка (в среднем 40-140 верст)	5
Прочие непредвиденные расходы	6,5
Всего	80

Как видим, расходы на изготовление одного ведра хлебного вина обходились винокуру в 80 коп. Он мог заключить контракт с казной, которая предлагала закупочную цену в 1 руб. 12 коп., и получить прибыль в 32 коп. с одного ведра. Оставалось посчитать всю сумму прибыли, умножив на объем поставляемого продукта (Яковцевский, 1953: 156-157). На поверку сумма прибыли была еще больше – помещики использовали собственные винокурные материалы, дрова из собственного леса и даровой труд крепостных крестьян. Пытаясь объяснить, что за богатство получили в свои руки дворяне-винокуры, современники использовали весьма емкие эпитеты. «Да разве вы не знаете, что такое откуп? – морализировал литератор Я.П. Милуков, – Ведь это золотое руно, неистощимое золотое руно: в Колхиде не было таких сокровищ, какие дают наши кабаки» (Милуков, 1881: 395). «Винокурение – это Ост-Индия нашего дворянства», – компетентно утверждал пензенский вице-губернатор И.М. Долгоруков (Долгоруков, 1916: 395).

В числе винных поставщиков значились представители «первейших фамилий» России. Граф П.С. Салтыков поставлял 35194 ведер хлебного вина в 8 городов, граф Н.Г. Вяземский отметился поставками 58773 ведер в 11 городов, граф Р.И. Воронцов отправлял ежегодно 43057 ведер в 5 городов, граф П.Г. Чернышев заключил с казной контракт на поставку 70215 ведер вина в 14 городов, князь И.И. Одоевский имел контракт на поставку 32548 ведер в 7 городов, старший советник Сената А.И. Ермолаев поставлял 33358 ведер в 5 городов. Но более других отличились генерал-прокурор А.И. Глебов, поставлявший 179421 ведер хлебного вина в 30 городов, граф И.И. Воронцов, который отправлял 24200 ведер в 3 города, и граф А.И. Шувалов, ставший поставщиком 257824 ведер в 32 города. Помимо указанных лиц, в перечне поставщиков были названы: 21 надворный советник, 2 коллежских советника, 8 статских советников, 32 подпоручика, 12 секунд-майоров, 8 полковников и проч. (Яковцевский, 1953: 156)

Таким образом, частные поставщики обеспечивали ¾ необходимого для продажи продукта, ¼ часть вина выпускали заводы, которые располагались в казенных имениях. Хлеб и другие винокурные материалы поставляли на казенные заводы государственные крестьяне. Так, в 1767 г. казенными заводами было выпущено 400 тыс. ведер алкоголя, тогда как 174 частные винокурни поставили 1853 тыс. ведер. В 1775 г. на казенных заводах произведено 840 тыс. ведер, на частных – около 2100 тыс. ведер вина (Прыжов, 1868: 262).

В конце 1780-х гг. Екатерина II велела увеличить объемы производства на казенных заводах, чтобы казна сама закрывала не менее половины годовой потребности в вине (ПСЗРИ-1, №16742).

Сложился определенный порядок, в соответствии с которым произведенная для казны продукция свозилась в специальные казенные склады, откуда ее разбирали откупщики для последующей продажи.

Одним из крупнейших откупщиков екатерининского времени считался С.Я. Яковлев. Он откупил питейную продажу в Санкт-Петербурге, Москве, а также Екатеринбурге, Верхотурье, Тюмени, Туринске, на заводах Урала. Приобретая вино по 67, 5 коп. за ведро, продавал по откупному договору по 2 руб. 23 ½ коп. за ведро в оптовой продаже и 2 руб. 33 коп. в розницу. В Москве он реализовывал 520 тыс. ведер, в Санкт-Петербурге – 410 тыс. ведер. Продав 930 тыс. ведер по 2 руб. 23 коп. (в среднем), он получал доход в 2074 тыс. руб. Израсходовав на хранение и продажу питей 700 тыс. руб. и уплатив в казну 746,7 тыс. руб., Яковлев получал прибыль, равную 350 тыс. руб. (Яковцевский, 1953: 157-158). «Огромные прибыли отуманивали голову; обогащению не предвидели границ, и вследствие того являлась безумная расточительность», – характеризовал откупное время предприниматель П.И. Черкасов (Черкасов, 1885: 299).

Права откупщиков в екатерининское время ширились. Они пользовались разрешением продавать вино как из мест постоянной, так и временной торговли. Местами постоянной торговли были питейные дома, временной – выставки, устраиваемые в местах скопления народа (ярмарках, торжках, переправах и т. д.). Государство передало откупщикам под питейные дома уже существовавшие казенные постройки, которые надлежало держать в порядке и передать по описи в исправном виде с окончанием откупного срока. На возведение новых питейных домов откупщики получали по 700 руб. в столицах и по 200 руб. в уездах. Число необходимых для постройки питейных домов указывалось в контракте. К примеру, откупщики Петербурга и Москвы с губерниями, где собиралась 1/3 казенного дохода с питей, имели право на строительство 10 питейных домов в год. Название «кабак» пытались истребить, «понеже от происшедших злоупотреблений название кабака сделалось весьма подло и бесчестно» (ПСЗРИ-1, №12444).

Наружную принадлежность питейного дома (в народе его продолжали называть «кабаком») составляли государственный герб и елка. «Герб служил вывеской казенного дома; в столицах и городах эти дома были большею частью каменные, весьма небольшой величины, а в уездных – деревянные, в виде простой избы, стоящей особняком или на площади, или где-нибудь на окраине <...> можно было видеть рядом с гербовою вывеской на видном месте кабака прибитую елку, как прямое указание что тут продается вино; вывеску иногда можно просмотреть путнику не знакомому с местностью; елка же видна издали для проезжего и прохожего», – вспоминал П. Черкасов (Черкасов, 1885: 355).

В продаже присутствовали обыкновенное вино, водки разного сорта, настойки, наливки, пиво и мед. Обыкновенное вино считалось предметом откупа, а остальными видами напитков откупщики могли торговать по собственному усмотрению. Если они желали выставить на прилавок заграничные алкогольные напитки, то уплачивали за них еще и таможенную пошлину. Пиво, к примеру, было обложено еще и явочной пошлиной. По «Уставу о вине» оно сделалось беспошлинным, а в конце 1787 г. появилась прибавка в 7 коп. на ведро пива «в прибыль казне». Выгода казны от продажи всех напитков, кроме вина, состояла лишь в том, что алкоголь, необходимый для их производства, откупщики приобретали у казны, причем по цене большей, чем казна заплатила заводчикам (ПСЗРИ-1, №16598).

Цена, по которой казна закупала вино у производителей, была непостоянной и зависела от цен на хлеб и другие припасы, от местности, куда вино отправлялось, от соотношения спроса и предложения и т. д. В тех местах, где сельское хозяйство было развито и число винокурных заводов было значительным, цена алкоголя была ниже; в тех же местах, куда вино приходилось везти из других губерний, цена была более высокой. Известно, что в Санкт-Петербургской губернии с 1756 г. по 1783 г. закупочная цена на вино колебалась от 67 коп. до 1 руб. 3 коп. за ведро; в Московской – от 52 коп. до 90 коп. за ведро (Чечулин, 1906: 166).

Во время нахождения вина в казенных магазинах ответственность за него несло государство, с поступлением в питейный дом ответственность переходила откупщику. Если из-за беспечности коронного поверенного питейный дом своевременно не снабжался алкоголем, и продажа алкоголя прекращалась, откупщик за первые три случая перерыва наказывался штрафом, а при повторении мог быть отстранен от откупа. В том случае, если продажа прекращалась, потому что вино не было доставлено из склада, несмотря на требование откупщика, то за каждый простойный день откупщик удерживал в свою пользу сумму средней ежедневной выручки конкретного питейного дома.

Государство, как видим, взяло на себя распределительные функции и осуществляло учет поступающего в продажу алкоголя. Это было важно как для оценки размеров оборота, так и для установления цен на следующее откупное четырехлетие (цена откупа повышалась, если расход вина рос) (Толстой, 1848: 157).

Продажная цена вина в начале царствования Екатерины II равнялась 2 руб. 23 ½ коп. за ведро. В 1765 г. вино продавалось уже по цене от 2 руб. 54 коп. до 2 руб. 64 коп. «с ведра». В виду увеличения государственных расходов на русско-турецкую кампанию, цена на вино, начиная с 1 января 1770 г.,

выросла до 3 руб. за ведро. С 1 января 1794 г. питейные заведения торговали вином по цене в 4 руб. за ведро (Фирсов, 1892: 14).

Государственный бюджет получал от питейной торговли внушительный доход (Таблица 2).

Таблица 2. Динамика питейного сбора в 1763-1796 гг. (тыс. руб.)

1763	1766	1769	1772	1775	1778	1781	1784	1787	1791	1793	1796
4376	4339	5081	6641	6920	9419	9419	6228	9613	8608	8713	15000

Таблица демонстрирует, что питейный сбор за время царствования Екатерины II поднялся с 4376 тыс. руб. до 15000 тыс. руб., почти в 3,5 раза. Особенно заметный рост питейного сбора имел место в 1772 г., в 1778 г., в 1796 г. (СПС, 1861: 3). Народ же, надо признать, платил за пития еще больше денег, чем поступало в казну. Значительную часть средств откупщики присваивали себе через обшеты, обмеры, разбавление вина водой и т.п. В начале 1790-х гг. доход с питей снизился. Серьезный недобор отмечался в Тульской, Казанской, Пензенской, Тамбовской губерниях. Сенат предположил, что «столь знатное уменьшение <...> питейного дохода произошло, или от послабления Казенных Палат, или от худого присмотра за корчемством тех, коим за оным смотреть велено» (ПСЗРИ-1, №15864). После долгого обсуждения было сделано заключение, что прямая причина понижения питейного сбора состоит в отсутствии надлежащего «речения» и усердия в искоренении корчемства и «худобы» в питиях (ПСЗРИ-1, №16016).

Производство вина сверх назначенной нормы, торговля неучтенным алкоголем из официально открытых заведений, открытие тайных мест для винокурения и виноторговли, провоз алкоголя через откупные границы – эти действия имели место и противоречили казенному интересу. Правительство энергично боролось с корчемниками, но обилие угроз в выпускаемых указах – на корчемников предписывалось доносить, доносчику обещалась часть денег, вырученных от продажи конфискованного алкоголя – является лишним доказательством тщетности предпринимавшихся усилий (Фирсов, 1892: 15).

Доход корчемников был так велик, что им удавалось без ущерба для себя «купить» надзорные органы. В 1766 г. открылось, что администрация Белгородской губернии поголовно, начиная от губернатора и заканчивая прокурором, потворствовала корчемникам и пользовалась их взятками. В ходе следствия, устроенного по этому делу, было выявлено, что бывший губернатор П.М. Салтыков принял от корчемников взятку в 4600 руб., а действующий губернатор Г.И. Шаховский – 1313 руб. За попустительство незаконному обороту алкоголя воевода Яблонова А. Баранцов получил 1595 руб. и 23 ведра вина; воевода Рыльского Ф. Стромиллов – 1000 руб., воевода Нового Оскола Б. Рогозин – 95 руб., воевода Курска Н. Шатилов – 50 руб. Не препятствовали корчемству и представители губернской прокуратуры, поскольку прокурор А. Зыбин за бездействие получил 440 руб. и более 30 ведер вина, а прокурор А. Янков – 250 руб. (ПСЗРИ-1, №12781).

Наказания за корчемство были строгими. Корчемникам, бывшими дворянами и находившимися на службе, за первый случай грозило лишение чинов и прав на винокурение, за второй – отнятие имущества и ссылка на поселение в Оренбург. Купцы за первый случай корчемства лишались купечества и имевшихся у них особых прав, за второй – ссылались на работу на горные заводы. Крестьяне, виновные в корчемстве, выплачивали 5, 10, 20 руб. за первый, второй и третий случаи, а со всех душ той деревни, где открывалось корчемство, собиралось по 25 коп., 50 коп. и по 1 руб. с каждой души, «ибо невозможно, чтобы в том селе или деревне, где корчемство производилось, о нем известно не было». Управляющие дворянских имений за корчемство отправлялись в солдаты (ПСЗРИ-1, №12448).

Потратив на борьбу с корчемством «немало изобретательности, сил, денег и батоков», государство признало, что корчемство продолжило «царить» (Дитятин, 1898: 492).

17 сентября 1781 г. был издан «Устав о вине». Он содержал руководства, как заготавливать вино, как его реализовывать, куда расходовать прибыль, подтверждал значимость откупной системы и позволял, если в какой-либо местности охотников на откуп не находилось, в виде исключения, устроить продажу на вере (ПСЗРИ-1, №15231).

Откупная система во времена правления Екатерины II окрепла. В 1795 г. утверждение получили новые правила, которые сформулировал купец Н.Ф. Кандалинцев. Они избавили откупщиков от обязательства брать вино непременно из казенных складов, кроме выручки от продажи питей откупщики получили право на выручку от продажи в питейных домах «харчевных припасов» (Прыжов, 1868: 264).

Еще более существенные изменения в организации питейного сбора последовали при заключении контрактов на откупа с 1795 г. по 1799 г. Правительство уступило требованиям откупщиков, отказалось почти от всех действовавших прежде прав по надзору над питейной продажей, довольствуясь обещанием откупщиков, которые обязывались продавать пития клейменными мерами и по указным ценам, не примешивать в вино воду или что-то другое (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 269. Л. 107).

Как видим, весь долгий срок царствования Екатерины II питейная система совершенствовалась. Инициативу в преобразовательном процессе в отношении питей взяло на себя государство. Именно в это время окончательно оформился откупной порядок питейного сбора. Откупа с небольшими изменениями просуществовали вплоть до введения в 1863 г. акцизной системы, за исключением 8 лет – с 1819 г. по 1827 г., когда винная продажа была взята в государственное управление.

5. Заключение

Питейный сбор в царствование Екатерины II являлся важным источником пополнения государственной казны. Преимущество среди других питейных систем получил откуп, в результате чего казна передавала право питейной продажи в известной местности частным лицам, определяя число мест продажи питей, порядок отпуска, размер откупной суммы, подлежащей взносу в казну. Заготовку вина она вела самостоятельно на казенных и частных заводах. Винокурение стало дворянской монополией. Вино дворяне изготавливали как для казны, так и для собственных нужд. Количество производимого вина определялось чином. Исключительное право на курение вина приносило дворянскому сословию сверхприбыль. В течение всего екатерининского времени питейное законодательство совершенствовалось. Свет обрел первый винный устав, который привел винную регалию в строгий порядок. Питейный сбор рос. Но правительство беспокоило корчемство, которое не удавалось ликвидировать, несмотря на жестокое преследование лиц, осуществлявших тайное производство и продажу питей. К концу правления Екатерины II откупная система окрепла, откуп получил право на самостоятельную закупку вина. Питейный сбор как продукт екатерининской эпохи отразил в своей организации инициативную роль государства, правительственный интерес в росте питейных поступлений в бюджет, поддержку дворянского сословия. Он обладал значительными адаптивными возможностями – расширялись и сужались компетенции «коронных представителей казны», укрупнялись и дробились откупные территории, менялись поставщики алкоголя.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках Государственного задания Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1

Литература

- Болотов, 1891** – Болотов А.Т. Современник или записки для потомства. СПб.: ред. журн. «Библиограф», 1891. 32 с.
- Гавлин, 2007** – Гавлин М.Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи. XVIII-XIX вв. // *Труды исторического факультета МГУ. Экономическая история. Обзорение*. М.: Изд-во МГУ, 2007. Вып. 13. С. 127-139.
- Гмелин, 1771** – Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб.: При Императорской Академии наук, 1771. Ч. 1. 272 с.
- Голицын, 2018** – Голицын Ю.П. Для пользы одного дворянства: правительство и дворянское винокурение во второй половине XVIII в. М.: Филинь, 2018. 271 с.
- Голицын, 2017** – Голицын Ю.П. Противостояние дворянства и купечества в вопросе о производстве «хлебного» вина в XVIII в. // *Экономическая история: ежегодник*. М.: 2017. С. 67-86.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации
- Горюшкина, 2020** – Горюшкина Н.Е. «Хлебное вино на радость дано»: о домашнем дворянском винокурении в конце XVIII – начале XIX века // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2020. Т. 10. № 6. С. 212-221.
- Дятятин, 1898** – Дятятин И.И. Царский кабак Московского государства // *Статьи по истории русского права*. СПб.: Паровая скоропечатня А. Пороховщикова, 1898. 632 с.
- Долгоруков, 1916** – Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. СПб.: Тип. Сириус, 1916. 454 с.
- Киттары, 1862** – Киттары М.Я. Публичный курс винокурения, читанный по приглашению министерства финансов профессором Киттары. СПб.: ред. журнала «Промышленность», 1862. Вып. 1. 192 стб.
- Козловский, 1947** – Козловский Е.С. Винные откупа и их место в первоначальном накоплении капитала в России // *Труды Ленинградского финансово-экономического института*. Л.: 1947. Вып. 3. С. 280-292.
- Милюков, 1881** – Милюков А.П. Яков Петрович Бутков (Отрывок из воспоминаний) // *Исторический вестник. Историко-литературный журнал*. 1881. Г. 2. Т. 4. С. 391-400.
- Порядок..., 1780** – Порядок управления питейных сборов. СПб.: Печ. при Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе, у Х.Ф. Клезна, 1780. 66 с.
- Прыжов, 1868** – Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб., М.: Издание М.О. Вольфа, 1868. 320 с.

- ПСЗРИ-1, №10261** – О допущении к подрядам на поставку вина одним помещиком, и о возбранении курить вино другого звания людям // *ПСЗРИ. Собр.* I. Т. 14. № 10261.
- ПСЗРИ-1, №10466** – Об отдаче на откуп поставки вина в кабаки помещикам на 11 лет // *ПСЗРИ. Собр.* I. Т. 14. №10466.
- ПСЗРИ-1, №12105** – Об учреждении Комиссии для рассмотрения о Государственных соляных и винных сборах // *ПСЗРИ. Собр.* I. Т. 16. №12105.
- ПСЗРИ-1, №12444** – Об отдаче питейной продажи с 1767 года на откуп во всем Государстве, кроме Сибирской Губернии // *ПСЗРИ. Собр.* I. Т. 17. №12444.
- ПСЗРИ-1, №12448** – Устав о винокурении // *ПСЗРИ. Собр.* I. Т. 17. №12448.
- ПСЗРИ-1, №12500** – О сравнении Сибирских Губерний по откупу и подряду вина с прочими Губерниями; о составлении для сего купеческой компании, и о цене вина // *ПСЗРИ. Собр.* I. Т. 17. №12500.
- ПСЗРИ-1, №12781** – О опубликовании во всем Государстве об учиненных наказаниях за взятки и за лихоимство // *ПСЗРИ. Собр.* I. Т. 17. №12781.
- ПСЗРИ-1, №12794** – Об отдаче питейных сборов в С. Петербурге и Москве на откуп Обер-Директору Семену Роговику с товарищи с 1767 года // *ПСЗРИ. Собр.* I. Т. 17. №12794.
- ПСЗРИ-1, №13137** – Об упразднении Комиссии о соляных и винных сборах // *ПСЗРИ. Собр.* I. Т. 18. №13137.
- ПСЗРИ-1, №15231** – Устав о вине // *ПСЗРИ. Собр.* I. Т. 21. №15231.
- ПСЗРИ-1, №15864** – Об отвращении казенных убытков по винной части, и о наблюдении Наместническим Правлениям за искоренением корчемства // *ПСЗРИ. Собр.* I. Т. 21. №15864.
- ПСЗРИ-1, №16016** – О составлении напиточного капитала для расходов по питейной продаже, где оные остаются на вере // *ПСЗРИ. Собр.* I. Т. 22. №16016.
- ПСЗРИ-1, №16598** – О прибавке на полпиво сверх получаемое ныне цены, еще по семи копеек на ведро // *ПСЗРИ. Собр.* I. Т. 22. №16598.
- ПСЗРИ-1, №16742** – О приведении в действие всех казенных винокуренных заводов // *ПСЗРИ. Собр.* I. Т. 23. №16742.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- СПС, 1860** – Сведения о питейных сборах в России. СПб.: В Типографии II-го Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1860-1861. Ч. 1. 201 с., Ч. 3. 351 с.
- Толстой, 1848** – *Толстой Д.А.* История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб.: В тип. К. Жернакова, 1848. 258 с.
- Фирсов, 1892** – *Фирсов Н.Н.* Русское законодательство о хлебном вине в XVIII ст. Казань: тип. Имп. ун-та, 1892. 23 с.
- Черкасов, 1885** – *Черкасов П.И.* Из моих воспоминаний и наблюдений по откупному делу // *Русский вестник.* Т. 176. 1885. С. 299-362.
- Чернышевский, 1986** – *Чернышевский Н.Г.* Откупная система // *Письма без адреса.* М.: Советская Россия, 1986. С. 240-254.
- Чечулин, 1906** – *Чечулин Н.Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб.: Сенатская тип., 1906. 380 с.
- Яковцевский, 1953** – *Яковцевский В.Н.* Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 203 с.

References

- Bolotov, 1891** – *Bolotov, A.T.* (1891). *Sovremennik ili zapiski dlya potomstva* [A contemporary or notes for posterit]. SPb.: red. zhurn. «Bibliograf». 32 p. [in Russian]
- Chechulin, 1906** – *Chechulin, N.D.* (1906). *Ocherki po istorii russkikh finansov v tsarstvovanie Ekateriny II* [Essays on the history of Russian finance in the reign of Catherine II]. SPb.: Senatskaya tip. 380 p. [in Russian]
- Cherkasov, 1885** – *Cherkasov, P.I.* (1885). *Iz moikh vospominanii i nablyudenii po otkupnomu delu* [From my memories and observations on the buyout case]. *Russkii vestnik.* 176: 299-362. [in Russian]
- Chernyshevskii, 1986** – *Chernyshevskii, N.G.* (1986). *Otkupnaya sistema* [The pay-off system]. *Pis'ma bez adresa.* M.: Sovetskaya Rossiya. Pp. 240-254. [in Russian]
- Dityatin, 1898** – *Dityatin I.I.* (1898). *Tsarskii kabak Moskovskogo gosudarstva* [The Tsar's tavern of the Moscow State]. *Stat'i po istorii russkogo prava.* SPb.: Parovaya skoropechatnya A. Porokhovshchikova. 632 p. [in Russian]
- Dolgorukov, 1916** – *Dolgorukov, I.M.* (1916). *Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsei zhizni, pisannaya mnoi samim i nachataya v Moskve 1788-go goda v avguste mesyatse, na 25-om godu ot rozhdeniya moego* [The story of my birth, origin and whole life, written by myself and begun in Moscow in 1788 in the month of August, in the 25th year of my birth]. SPb.: Tip. Sirius. 454 p. [in Russian]
- Firsov, 1892** – *Firsov, N.N.* (1892). *Russkoe zakonodatel'stvo o khlebnom vine v XVIII st.* [Russian legislation on grain wine in the XVIII century]. Kazan': tip. Imp. un-ta, 23 p. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].

Gavlin, 2007 – *Gavlin, M.L.* (2007). Vopros o vinnykh otkupakh v istorii zakonodatel'stva Rossiiskoi imperii. XVIII-XIX vv. [The issue of wine purchases in the history of the legislation of the Russian Empire. XVIII-XIX centuries]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. M.: Izd-vo MGU. Vyp. 13. Pp. 127-139. [in Russian]

Gmelin, 1771 – *Gmelin, S.G.* (1771). Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya trekh tsarstv estestva [Travel to Russia to explore the three kingdoms of nature]. SPb.: Pri Imperatorskoi Akademii nauk. Ch. 1. 272 p. [in Russian]

Golitsyn, 2017 – *Golitsyn, Yu.P.* (2017). Protivostoyanie dvoryanstva i kupechestva v voprose o proizvodstve «khlebnogo» vina v XVIII v. [The confrontation of the nobility and merchants on the issue of the production of "bread" wine in the XVIII century]. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. M. Pp. 67-86. [in Russian]

Golitsyn, 2018 – *Golitsyn, Yu.P.* (2018). Dlya pol'zy odnogo dvoryanstva: pravitel'stvo i dvoryanskoe vinokurenje vo vtoroi polovine XVIII veka [For the benefit of one nobility: the government and the noble distillery in the second half of the XVIII century]. M.: Filin. 271 p. [in Russian]

Goryushkina, 2020 – *Goryushkina, N.E.* (2020). «Khleбноe vino na radost' dano»: o domashnem dvoryanskom vinokurenii v kontse XVIII – nachale XIX veka ["Bread wine is given for joy": about the domestic noble distillery in the late XVIII – early XIX century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. 10(6): 212-221. [in Russian]

Kittary, 1862 – *Kittary, M.Ya.* (1862). Publichnyi kurs vinokurenija, chitanni po priglaseniyu ministerstva finansov professorom Kittary [A public distilling course, given at the invitation of the Ministry of Finance by Professor Kittara]. SPb.: red. zhurnala «Promyshlennost'». Vyp. 1. 192 stb. [in Russian]

Kozlovskii, 1947 – *Kozlovskii, E.S.* (1947). Vinnye otkupa i ikh mesto v pervonachal'nom nakoplenii kapitala v Rossii [Wine purchases and their place in the initial accumulation of capital in Russia]. *Trudy Leningradskogo finansovo-ekonomicheskogo instituta*. L. 3: 280-292. [in Russian]

Milyukov, 1881 – *Milyukov, A.P.* (1881). Yakov Petrovich Butkov (Otryvok iz vospominanii) [Yakov Petrovich Butkov (Excerpt from memoirs)]. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal*. G. 2. 4: 391-400. [in Russian]

Poryadok..., 1780 – Poryadok upravleniya piteinykh zborov [The procedure for managing drinking fees]. SPb.: Pech. pri Artilleriiskom i inzhenernom shlyakhetskom kadetskom korpuse, u Kh.F. Kleena, 1780. 66 p. [in Russian]

Pryzhov, 1868 – *Pryzhov, I.G.* (1868). Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriei russkogo naroda [The history of pubs in Russia in connection with the history of the Russian people]. SPb., M.: Izdanie M.O. Vol'fa, 320 p. [in Russian]

PSZRI-1, №10261 – O dopushchenii k podryadam na postavku vina odnikh pomeschchikov, i o vozbranenii kurit' vino drugogo zvaniya lyudyam [On the admission of some landlords to contracts for the supply of wine, and on the prohibition of people from smoking wine of another rank]. *PSZRI. Sobr. I. T. 14. № 10261*. [in Russian]

PSZRI-1, №10466 – Ob otdache na otkup postavki vina v kabaki pomeschchikam na 11 let [On giving up the supply of wine to landlords in pubs for 11 years]. *PSZRI. Sobr. I. T. 14. №10466*. [in Russian]

PSZRI-1, №12105 – Ob uchrezhdenii Komissii dlya rassmotreniya o Gosudarstvennykh solyanykh i vinnykh sborakh [On the establishment of a Commission to consider the State salt and wine fees]. *PSZRI. Sobr. I. T. 16. №12105*. [in Russian]

PSZRI-1, №12444 – Ob otdache piteinoi prodazhi s 1767 goda na otkup vo vsem Gosudarstve, krome Sibirskoi Gubernii [On the return of the drinking sale since 1767 to the public in the whole State, except for the Siberian Province]. *PSZRI. Sobr. I. T. 17. №12444*. [in Russian]

PSZRI-1, №12448 – Ustav o vinokurenii [The Statute of distillery]. *PSZRI. Sobr. I. T. 17. №12448*. [in Russian]

PSZRI-1, №12500 – O sravnenii Sibirskikh Gubernii po otkupu i podryadu vina s prochimi Guberniyami; o sostavlenii dlya sego kupecheskoi kompanii, i o tsene vina [On the comparison of the Siberian Provinces for the purchase and contracting of wine with other Provinces; on the compilation of a merchant company for this, and on the price of wine]. *PSZRI. Sobr. I. T. 17. №12500*. [in Russian]

PSZRI-1, №12781 – O raspublikovanii vo vsem Gosudarstve ob uchinennykh nakazaniyakh za vzyatki i za likhoimstvo [About the unpublication throughout the State about the punishments inflicted for bribes and for extortion]. *PSZRI. Sobr. I. T. 17. №12781*. [in Russian]

PSZRI-1, №12794 – Ob otdache piteinykh sborov v S. Peterburge i Moskve na otkup Ober-Direktoru Semenu Rogovikovu s tovarishchi s 1767 goda [On the return of drinking dues in St. Petersburg and Moscow at the mercy of the Chief Director Semyon Rogovikov and his comrades since 1767]. *PSZRI. Sobr. I. T. 17. №12794*. [in Russian]

PSZRI-1, №13137 – Ob uprazhnenii Komissii o solyanykh i vinnykh sborakh [On the abolition of the Commission on Salt and Wine Fees]. *PSZRI. Sobr. I. T. 18. №13137*. [in Russian]

PSZRI-1, №15231 – Ustav o vine [The Statute of Wine]. *PSZRI. Sobr. I. T. 21. №15231*. [in Russian]

PSZRI-1, №15864 – Ob otrashchenii kazennykh ubytkov po vinnoi chasti, i o nablyudenii Namestnicheskimi Pravlennyami za iskorenieniem korchemstva [On the aversion of state losses on the wine

part, and on the supervision of the Viceroy's Board for the eradication of drunkenness]. *PSZRI. Sobr. I. T. 21. №15864*. [in Russian]

PSZRI-1, №16016 – O sostavlenii napitochnogo kapitala dlya raskhodov po piteinoi prodazhe, gde onye ostayutsya na vere [On the preparation of a drinking capital for the expenses of a drinking sale, where they remain on faith]. *PSZRI. Sobr. I. T. 22. №16016*. [in Russian]

PSZRI-1, №16598 – O pribavke na polpivo sverkh poluchaemoe nyne tseny, eshche po semi kopeek na vedro [About an increase of half a drink in excess of the price currently received, another seven kopecks per bucket]. *PSZRI. Sobr. I. T. 22. №16598*. [in Russian]

PSZRI-1, №16742 – O privedenii v deistvie vseh kazennykh vinokurennykh zavodov [On the activation of all state-owned distilleries]. *PSZRI. Sobr. I. T. 23. №16742*. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].

SPS, 1860 – Svedeniya o piteinykh sborakh v Rossii [Information about drinking fees in Russia]. SPb.: V Tipografii II-go Otdeleniya sobstvennoi E.I.V. kantselyarii, 1861. Ch. 3. 351 p. [in Russian]

Tolstoi, 1848 – *Tolstoi, D.A.* (1848). Istoriya finansovykh uchrezhdenii Rossii so vremeni osnovaniya gosudarstva do konchiny imperatritsy Ekateriny II [The history of financial institutions in Russia from the time of the founding of the state to the death of Empress Catherine II]. SPb.: V tip. K. Zhernakova. 258 p. [in Russian]

Yakovtsevskii, 1953 – *Yakovtsevskii, V.N.* (1953). Kupecheskii kapital v feodal'no-krepostnicheskoj Rossii [Merchant capital in feudal-serfdom Russia]. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 203 p. [in Russian]

Питейный сбор в царствование Екатерины II (1862–1796 гг.)

Наталья Евгеньевна Горюшкина ^{a, *}

^a Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены перемены в эксплуатации государством винной регалии, которые были произведены во времена царствования Екатерины II. Основными источниками для проведения исследования послужили законодательные акты государственной власти, регулировавшие поступления с питей, некоторые из них впервые вводятся в научный оборот. Показано, что государственный интерес к получению «быстрых» денег стимулировал питейные преобразования. Казна стала сдавать на откуп частным лицам известную местность и определять число мест продажи питей, порядок отпуска, размер откупной суммы, подлежащей взносу в казну. Заготовку вина казна осуществляла самостоятельно на казенных и частных заводах. При Екатерине II винокурение сделалось дворянской монополией. Вино дворяне изготавливали как для казны, так и для собственных нужд. Количество вина, производимого «для себя», определялось чином. Исключительное право на курение вина несло дворянскому сословию сверхприбыль. Автор обращает внимание на то, что питейное законодательство совершенствовалось в течение всего екатерининского царствования. Был выпущен первый винный устав, который привел винную регалию в строгий порядок. Питейный сбор рос. Но правительство беспокоило корчемство, которое не удавалось ликвидировать, несмотря на жестокое преследование лиц, осуществлявших тайное производство и продажу питей. К концу правления Екатерины II откупная система окрепла. Откупщики получили право на самостоятельную закупку вина. Сделан вывод, что питейный сбор являлся продуктом екатерининской эпохи, в его организации просматриваются такие черты, как инициативная роль государства в преобразовательном процессе, стимуляция поступлений в бюджет в условиях ограниченности внутренних ресурсов, поддержка дворянского сословия.

Ключевые слова: Екатерина II, питейный сбор, откупная система, откупщик, винокурение, виноторговля, корчемство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: goro46@yandex.ru (Н.Е. Горюшкина)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 207-217
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.207

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The First Russian Archaeological Dictionary: Characteristics and History of Creation

Yulia G. Kokorina ^{a, *}, Machach M. Vagabov ^a

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the history of science and vocabulary in Russia in the 19th and early 20th centuries. The maturity of any science is determined, along with the availability of scientific and educational literature within its framework, by the existence of a terminological dictionary. Modern archaeology, which has become recognized not as the science of ancient things, but as the science of man, is not sufficiently provided with truly scientific dictionaries even in the conditions of the current vocabulary boom. Therefore, consideration of the experience of compiling a special dictionary, an experience that has been undeservedly forgotten, seems relevant. The sources for this work were both rarely used publications and archival materials, which determines the novelty of this study. During the vocabulary work, Russian archaeologists solved the question of the essence of their science as a comprehensive description of the way of life of the ancient peoples who inhabited the Russian Empire. The authors of the dictionary showed high not only archaeological, but also linguistic competence. Dictionary entries contain information about the etymology of terms, quotations from historical sources and the latest scientific literature for that time, often in the original language. Russian archaeologists are turning to new quantitative methods and creating real scientific research in their dictionary entries. They use an original tabulation technique when forming a dictionary, which reflects their understanding of the non-discreteness of archaeological categories, which the theory of archaeology will only come to these days. Work on the dictionary continued in the early post-revolutionary years, but it was never completed. Nowadays, Russian archaeologists are returning to compiling special dictionaries after almost a century of interruption, and taking into account the experience of archaeologists of the past may be useful in their terminological activities.

Keywords: history of the Russian Empire, history of archeology, archaeological terminology, archaeological dictionary, Imperial Moscow Archaeological Society, A.S. Uvarov, I.E. Zabelin.

1. Введение

Издание словарей, в том числе и специальных, несет в себе значительный гуманистический посыл. Ведь любой словарь, как отметил В. Маторе, «не гербарий, не музей, не картинная галерея для скучающей публики. В сознании народа, как сказал Гюго, словарь разом и живой организм, домашний божок» (Дубичинский, 2009: 29). Это относится и к археологии. Современная археология перестала быть «наукой о древностях» и стала признанной наукой о человеке (Щапова, 2011: 8). Она позволяет реконструировать картину мира людей далеких эпох, когда письменности еще не было или сообщения письменных источников не достаточны. Археологи XXI в. используют для своих реконструкций достижения кибернетики, семиотики, математики, теории искусства; археология превратилась в подлинно мультидисциплинарную науку (Щапова, Гринченко, 2017).

Однако, как отмечал Л.С. Клейн, археологи «давно тоскуют по единому языку и нормативному толковому словарю» (Клейн, 1978: 116). В наши дни предпринимаются попытки восполнить недостаточное количество подлинно научных археологических словарей (Алексеева, Саввониди, 1993;

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina), 9162803@mail.ru (M.M. Vagabov)

Брей, Грамп, 1990; Васильев и др., 2007; Кокорина, 2017; Саввониди, 1995; Шапова и др., 2019), но в условиях «словарного бума» большинство бумажных и электронных археологических словарей рассчитаны преимущественно на школьников, в лучшем случае – на студентов младших курсов (Матюшин, 1996). Тогда как в истории российской археологии имеется ценный опыт словарной работы, опыт, который остается не заслуженно забытым. Целью нашего исследования является реконструкция истории создания археологического словаря Императорским Московским Археологическим Обществом (далее – МАО). Опыт создания словаря по археологии в условиях дефицита научных археологических словарей полезен для современных ученых, в чем видится актуальность данной работы. Новизна исследования заключается в обращении не только к опубликованным материалам, которые редко используют современные ученые, но и вводом в научный оборот архивных данных, хранящихся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) (Москва, Российская Федерация). Ввод в научный оборот архивных материалов и использование изданий Императорского Московского Археологического Общества обусловило частое цитирование источников.

2. Материалы и методы

«Материалы к словарю российских древностей» были опубликованы в периодическом издании Московского Археологического Общества, выходявших ежегодно под названием «Древности» с 1864 по 1874 г. Мы проанализировали все названные выпуски. Они предоставляют информацию о специфике понимания археологии учеными того времени и уровне лексикографической подготовки российских археологов.

Нами использованы протоколы заседания Общества, публиковавшиеся в «Древностях», в которых, в частности, сменившая графа А.С. Уварова (1825–1885 гг.) на посту председателя Общества, графиня П.С. Уварова (1840–1924 гг.) упоминает «разработку Археологического словаря, в котором до сих пор ощущается потребность» (Уварова, 1911: 121). После 1874 г. «Материалы» не публиковались.

О продолжении работы над словарем свидетельствуют документы, хранящиеся в архиве И.М. Тарабрина (1876–1942 гг.) – российского лингвиста и историка, выпускника Историко-филологического факультета Московского университета, после 1917 г. – сотрудника ГИМ (ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50). Архив ученого содержит протоколы заседаний МАО и его комиссий, посвященные созданию словаря, подготовительные материалы, которые демонстрируют оригинальную авторскую методику словарной работы. Архив включает также информацию о продолжении работы над словарем в первые послереволюционные годы.

Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить работы различных авторов словаря и словарь в целом – с аналогичными изданиями того времени. Классификационный метод (выделение классов явлений) помог нам реконструировать способы словарной работы российских археологов, составивших оригинальный вариант терминологической «базы данных». Дескриптивный метод (описание событий) мы использовали для характеристики концепций российских археологов, нашедших в нем отражение.

3. Обсуждение

Мы кратко характеризовали «Материалы к словарю российских древностей» (далее по тексту – «Материалы») ранее (Кокорина, 2011: 261–266). Л.С. Клейном высказано мнение о том, что в издании МАО «Древности» «преобладают заурядные, ныне устаревшие работы по древнерусскому искусству и быту» (Клейн, 2018: 309). Не дискутируя с известным теоретиком науки, рассмотрим эпоху создания словаря подробнее. Этот период истории археологии называют по-разному: «дворянски-дилетантским» (Формозов, 1986: 110), «уваровским» (Лебедев, 1992: 56), эпохой «кристаллизации археологии в эпоху Великих реформ» (Клейн, 2014: 48). О высоком уровне не только исторической, но и лингвистической компетенции одного из авторов «Материалов» – председателя Московского Археологического Общества графа А.С. Уварова, – мы уже писали (Kokorina et al., 2022).

Поднимая тему истории терминологической работы в России XIX-начала XX вв., мы надеялись на отклик археологического и лингвистического сообществ на эту тему. Однако, несмотря на возросший в последние годы интерес к истории археологической науки, словарная работа российских археологов ускользает из сферы внимания отечественных ученых.

4. Результаты

Первый том периодического издания МАО – «Древностей», – открывается речью председателя общества – графа А.С. Уварова, – обращающегося к собравшимся с призывом организовать работу по исследованию не только классических, но и русских древностей, «уничтожить равнодушие к отечественным древностям и научить нас дорожить родными памятниками» (Уваров, 1965: 4). Как указывается в протоколе заседания Общества №6 1864 г., декабря 1 дня: «Председатель предложил на обсуждение господ членов вопрос о необходимости составления терминологического словаря. По совещании господ члены признали необходимым составить особую комиссию, которой поручили подготовку словаря. В комиссию избраны большинством голосов: граф Уваров, Афанасьев,

Иловайский, Филимонов и Забелин» (Доклад..., 1865: 14). Завершается том докладом комиссии о составлении археологического словаря (Доклад..., 1865). Подписали доклад А.С. Уваров, Д. Иловайский, И. Забелин (Доклад..., 1865: 4). В документе сказано, что принимается название – «Словарь русских древностей», а предметом словаря будет «Русская археология, т.е. все древности, существующие в России, с самых древнейших времен до XVIII в.» (Доклад..., 1865: 15). Опираясь при составлении словарных статей рекомендовалось не только на российские, но и византийские, и западные источники, насколько они объясняют русские древности (Доклад..., 1865: 15), что говорит о широте и подлинной научности подхода российских ученых

Для современного понимания археологии тематический охват словаря представляется слишком обширным. В состав его «отделов» должны были входить: мифология, нумизматика, гербы и печати, художественное и ремесленное производство, иконография, символика, палеография (тайнопись, фабричные клейма, бумажные знаки), общественный и домашний быт, одежды и домашняя утварь, судоходство и мореходство, промыслы, государственный быт, юридический быт, церковные древности и обряды, биографические известия о художниках и писцах, библиография печатных и рукописных сочинений, археологические собрания общественные и частные, географические названия и археологическая топография (курган, сопка, могилы, мары, городище, земляной вал, приспа, переспа, займище, кулиг, зажиле, ржавец, каменная баба, камень, пещера, тайник), имена животных и растений, встречаемых в памятниках, медицина (ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50. Л. 2; Кокорина, 2011: 262). Каждому члену Общества предлагалось представить по крайней мере одно слово к каждому заседанию (Доклад..., 1865: 16), которые будут публиковаться в журнале Общества, то есть предполагалась в последующем активная работа над словарем.

Гуманистическая направленность словаря проявляется в тематике и тоне статей, посвященных русским мастерам. И.Е. Забелин, посвятив три страницы статье об Аристотеле Фиораванти, с любовью пишет о «каменных дел подмастерьях», также на трех страницах приводя подробный список их работ и самих мастеров, отметив, что они «исполняют постройки, даже весьма значительные, прочные и красивые, самостоятельно и независимо от наблюдений и указаний какого-либо иноземного мастера» (Забелин, 1865b: 18).

Посвящая свои статьи такому разделу, как мифология, авторы словаря рассматривают персонажи и реалии эпоса русского и других народов, населявших Российскую империю. Например, словарная статья «Алцис», занимающая целую страницу, содержит информацию об этом герое литовского эпоса, анализ его изображений на гербе г. Вильно и других памятниках сфрагистики и геральдики, высказывается предположение о его трансформации в христианского Христофора и приводятся подтверждения этому мнению из письменных источников (Евлентьев, 1873).

Ученые, создававшие словарь, были широко образованными людьми: например, в статье, посвященной термину «антифон», автор приводит параллели в древнегреческом и церковнославянском языках (Уваров, 1873a). Граф А.С. Уваров в статье «Било» приводит этимологию слова на древнегреческом языке, ссылки на древнерусские летописи с цитатами из них, сведения из описаний современных автору статьи путешественников (сейчас бы мы назвали их этнографическими) (Уваров, 1865–1867).

Большинство словарных статей составлено грамотно с точки зрения современной лексикографии. Рассмотрим для примера статью «Бралья» И.Е. Забелина, которую приведем полностью: «Бралья – от брать, выбирать или выдергивать нити из полотна для составления желаемого сетчатого узора, который укреплялся в изделиях уже посредством шитья. Женщина, изготовлявшая подобный узор, обыкновенно в убрусах (полотенцах), называлась бральею. В каждом хамовном деле каждая бралья была обложена годовым делом-уроком, "а на дело бральи тонких т и двойных убрусов берут 8 ш убрусов (полотенец); бральи двойных и скатерных столбцов на дело брали 2 столбца, на каждое дело им жалования 2 3 алт. 2 деньги за дело убрусов и 46 алт. 4 д. за дело скатертей". При бральях находились пряльи и беляницы (см. эти слова), готовившие для них пряжу» (Забелин, 1865: 34). В приведенной статье наряду с этимологией дано его толкование и расшифровка слова «убрус», процитирован источник по истории Древней Руси, имеется отсылка на словарные статьи, в которых толкуются новые для читателя термины «прялья» и «беляница».

Авторы словаря активно используют словарь В. Даля, только выходящий в то время, и ссылаются на него: «Веко – в толковом словаре у Даля (стр. 154) - веко, вько или вёко означает небольшую круглую лубочную коробку, а также чашку для валяния хлебов» (Игнатъев, 1865: 4).

Словарные статьи построены по-разному, и такое явление можно признать закономерным: ведь издается не окончанный словарь, а материалы к нему, которые в случае итогового издания подверглись бы правке. В тексте не редки обращения авторов словаря к читателю: так, автор статьи «Вор» вопрошает «Не происходит ли слово вор от бор?», приглашая читателя поразмышлять вместе с ним, и тем же открывая возможность для дальнейших исследований. Так же завершает и свою словарную статью «Терем великий» А.С. Уваров: «Не назван ли тут пазухою один из двух обширных сводов, которые простирались в святой Софии над восточной и над западной частью храма?». И здесь же, ссылаясь на работу на немецком языке, продолжает рассуждение: «4 кад золота или 16 ¼ пудов золота должны были покрывать обширные пространства» (Уваров, 1873a: 45). Ученый размышляет

над количественными данными, что было, несомненно, передовым для тогдашней археологии. О попытках применения количественных методов в археологии, к чему придут российские археологи в конце XX в. (Федоров-Давыдов, 1987), свидетельствует словарная статья А.С. Уварова, в которой анализируется процентный состав курганов с серпами в Суздальской земле (Уваров, 1870: 46).

Авторы «Материалов» стремятся использовать современные им достижения картографии, что является обязательным требованием нынешних археологических трудов, а тогда только входило в научный оборот. Так, статья о городище Речки сопровождается описанием местности, выполненным профессиональным картографом, полковником Генерального Штаба А.К. Коревым, с приложением изготовленного в цвете по всем правилам тогдашней картографии «Планом укрепленной местности близ местечка Речек».

Московские археологи ставили своей задачей собирать сведения о различных местностях России, и часто это носило характер библиографических списков, тщательно упорядоченных по годам. Например, А.С. Уваров приводит библиографический список статей и книг по истории Архангельской губернии, расположив его по годам, с 1848 по 1868 г. О тщательности подбора литературы говорят отметки: «В 1840, 1841 и 1842 годах не было» (Уваров, 1873: 10). Так же три страницы занимает составленная Председателем Общества библиография по древней истории Пермской губернии (Уваров, 1873а), К.Г. Евлентьевым – Пскова (Евлентьев, 1873), а В. Лествицын составил не только библиографию изданий о древнем Ярославле, но привел подробный список курганов Ярославской губернии (Лествицын, 1873).

Авторы словаря размышляют об этимологии археологических терминов, понимая, что происхождение слова говорит о развитии человеческой мысли. В частности, И.Е. Забелин в статье «Гудок или Гудки» пишет: «Назван так, быть может, по сходству в фигуре со старым музыкальным инструментом – гудком» (Забелин 1865а: 36). А в статье «Гусенок – то же, что гусек», наряду с вариантом термина указывает: «Верхняя часть обводов карниза, названа так по сходству с линией выгнутой гусяной шеи» (Забелин, 1871: 4).

Авторы словаря находят соответствия в материальных памятниках терминам, известным по письменным данным, и так мы можем присутствовать при процессе терминотворчества: «Дыня – род базы или подставки на столбах или колоннах шарообразной или грушеобразной формы». И здесь же приводится цитата из документа 1635 г.: «К тому делу подобе на поясы, и на дверные оклады, и на дыни тысячу камени трехпядных» (Забелин, 1871а: 4). В данной статье автор, определяя термин древнерусской архитектуры «дыня», ссылается на аналогию в архитектуре современной, употребляя термин «база».

Первые российские археологи, составлявшие словарь, были людьми широких познаний. Они использовали: 1) лингвистические словари, 2) летописи Древней Руси, 3) труды русских историков, 4) произведения зарубежных авторов, 5) научные периодические издания. И, кроме этого – цитаты из народных песен и сказок. О лексикографической подготовке авторов словаря говорит применение системы отсылок: «Алексей Лешковский - см. Лешковский» (Забелин, 1865b: 18).

Гуманистические устремления первых русских археологов прослеживаются на страницах словаря. Так, статья «Колоды или колодки» завершается цитатой из письма графа Кочубея, министра внутренних дел, царю Александру I: «Колоды, стулья, рогатки и все подобные орудия хотя и уменьшаются о сю пору сами собой, по мере распространения просвещения, но да истребятся, по словам закона, из всех мест, где еще найтаться могут» (Игнатъев, 1883: 206). В статье «Рогатка» дается ссылка на «гуманиста квакера Вальтера Веннинга», который сообщал правительству о «злоупотреблениях» в Петербургских тюрьмах, где он видел «бедных женщин в железных рогатках» (Игнатъев, 1883а: 209).

Однако составление любого словаря является непростым делом. Об этом говорят слова из «Отчета» МАО: «К сожалению, Редакционный комитет находится в затруднении относительно безостановочного продолжения материалов для Археологического словаря. В настоящее время, за изданием всех имевшихся материалов этого рода, в распоряжении редакции находятся только три статьи, поступившие в этом году от Д.И. Прозоровского и барона Тизенгаузена, а именно, объясненных слов «лях», «дно» и «куст». Этот вопрос был предметом особого обсуждения на двух последних заседаниях и в числе мер и по обеспечению этого важного отдела трудов общества было постановлено обратиться с циркулярным предложением ко всем членам о принятии участия в этом деле с сообщением материалов для археологического словаря» (Отчет..., 1885: 9). Это письмо было отпечатано, предварено предисловием П.С. Уваровой и содержало текст «Доклада Комиссии по составлению Археологического словаря», напечатанного в первом томе «Древностей», с приложением списка из 683 терминов, объясненных к тому времени (Программа..., 1887). И, как указывается в Отчете о деятельности Общества за 1887–1887 гг., «результат этого издания не смог не сказаться в том количестве названных материалов, поступивших в настоящее время в Общество» (Отчет..., 1889–1890: 209). В документах Общества указываются благодарности авторам за присылку словарных статей с обязательным завершением – «передать в Редакционный комитет» (Отчет..., 1886–1887: 195). В 1874 г. среди изданий МАО указываются «Материалы для археологического словаря, составляющего в настоящее время самую насущную потребность для всех,

занимающихся русской археологией». В составлении этих материалов принимали участие члены Общества и посторонние лица ([Протоколы..., 1874](#)). Действительно, в протоколах заседаний за последующие годы Общество выражало благодарность его членам за присылку статей. «Словарь Брокгауза и Ефрона» за 1890 г. указывает на то, что «особую ценность имеет археологический словарь, в составлении, или, лучше сказать, в собирании материалов для которого среди многих ученых более других приняли участие: граф Уваров, Забелин, Котляревский, Шеппинг и другие» ([Энциклопедический словарь..., 1890: 238](#)).

После смерти графа А.С. Уварова работа по созданию словаря была продолжена. Всем членам Московского Археологического общества и Императорского русского археологического общества в Петербурге было разослано письмо, экземпляр которого обнаружен нами в ОПИ ГИМ: «Императорское Московское Археологическое общество, желая подвинуть дело археологического словаря, имеет честь обратиться к Вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою не отказать обществу в Вашем просвещенном содействии по этому вопросу.

Прилагаю при сем программу словаря, выработанную особою Комиссией, и список слов, объяснение которых уже напечатано в "Древностях", издаваемых Московским Археологическим Обществом, Общество выражает надежду, что Вы не замедлите откликнуться на его предложение и благоволите выслать имеющиеся у Вас материалы на имя Московск(ого) Археол(огического) Общества в Москву, на Берсеневку, в собственный дом.

Председатель Графиня Уварова

Секретарь Орешников» ([ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50. Л. 1](#)).

Замыслы создателей словаря были очень широки и они демонстрируют современному читателю смысл, который вкладывали российские археологи XIX в. в понятие «археология». Графиня П.С. Уварова ставит задачу предварительно составить общий свод уже напечатанных материалов к археологическому словарю:

«Например:

Строев: Ключ к истории Карамзина

Царские выходы

Савва: описание патриаршней ризницы

Вельтман: описание Оружейной Палаты

Сахаров: Записки для обозрения русских древностей

Забелин: Быт русских царей

Металлическое производство

Финифтяное производство

Ровинский: Русское иконописание

Даль: Толковый словарь

Областной словарь

Успенский: Древности

Указатель: к актам периодическим и историческим

К актам Археологических экспедиций

К Государственным грамотам и договорам

При объяснении каждого слова необходимо указать на памятники письменные и вещественные и на печатные сочинения, в которых было о нем упомянуто» ([ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50. Л. 2](#)). То есть в термин «археология» вкладывалось содержание, близкое к приведенному в речи А.С. Уварова при постановке задачи создания «Материалов». Письмо П.С. Уваровой говорит о высокой лексикографической грамотности составителей словаря, что видно из требования формирования библиографического аппарата издания.

Машинописный вариант письма не датирован, но, судя по упоминаемым в нем работам, которые предполагалось использовать для создания словаря, оно датируется 1890–1900 гг.

В ОПИ ГИМ хранится «Протокол 102 заседания Славянской комиссии Императорского Московского Археологического общества (бывшего 4 февраля 1909 г. в помещении общества)», с сообщением о выступлении Председателя славянской комиссии академика О.Е. Корша, который предложил участие в работе над словарем членов комиссии, подчеркнув, что при занятии старинными памятками и грамотами (например, духовными), часто встречаются некогда понятные, но теперь далеко не ясные названия многих предметов: часто эти слова становятся ясными благодаря подбору параллельных текстов. Члены комиссии, обладая необходимыми знаниями, могли бы собирать материал такого рода из тех или других памятников; благодаря такому коллективному труду составление археологического словаря сильно продвинулось бы вперед ([ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50. Л. 3](#)). Таким образом, авторы словаря создавали свои статьи, опираясь на древние исторические документы, что говорит о высоком научном уровне словарной работы.

Российские археологи в своей работе над словарем приходили к пониманию задач своей науки, приближающееся к современному. На заседании МАО в 1904 г. было принято мнение В.О. Ключевского, который предпочел при составлении словаря положить в основу археологическую терминологию, вошедшую в русский язык как древний, так и современный; затем при окончательном

выборе слов для словаря вносить в него те слова, как русские, так и иностранные по происхождению, которым в русской действительности соответствуют вещественные памятники; при этом в словарь должны войти также и объяснения некоторых юридических понятий и т.п., поскольку они неотделимы от вещественных памятников (ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50. Л. 4).

Члены Московского Археологического Общества исходили из высокого гуманистического посыла археологии, решая вопрос, что понимать под российскими древностями – древности, созданные русским народом, или древности всех народов Российской империи, и решали вопрос о сущностном содержании своей науки. Профессор М.И. Соколов отмечал, что «как вообще археология, так и в частности русская, может быть рассматриваема как в обширном смысле, так и в тесном. В обширном смысле <...> понималась русская археология, когда приступлено было Московским Археологическим обществом к собиранию и печатанию в "Древностях" материалов для археологического словаря". <...>. За такую цель и характер словаря некоторые члены МАО высказываются и теперь. Другие же, по-видимому, большинство, пределы словаря желают ограничить более тесными рамками, именно – пределами материальной археологии.

Полагая, что под материальной археологией следует разуметь такие предметы древности, которые были приготовлены руками человека для его надобностей и доступные чувством зрения и осязания. Иначе сказать: сюда относят древние сооружения и вещи во всем их разнообразии» (ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50. Л. 4).

В ОПИ ГИМ хранятся подготовительные материалы к словарю, которые, к сожалению, не датированы, но позволяют раскрыть методiku словарной работы. Эта методика позволяет предположить замысел своеобразной «базы данных» в некомпьютерном варианте. Так, первая тетрадь содержит таблицу, по вертикали в которой приведены 702 термина, которые предполагалось включить в словарь, а по горизонтали – столбцы, озаглавленные наименованиями цветов – «коричневый, розовый, белый, серый, желтый, электр, зеленый, кирпичный». Против приведенного в столбце слова «азбука» – прочерк в столбцах «коричневый» и «серый», слова «алебарда» – прочерк в столбце «электр», слова «амвон» – прочерк в столбце «розовый» и т.п. (ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50. Л. 59-78). Логика раскрывается при обращении к сводной таблице, занимающей специальную тетрадь. Например, в ее начале в столбцах, соответствующих названным цветам, указаны термины: коричневый – азбука, башмак, розовый – амвон, аналой, антими́с, арка, било, белый – амфора, баклага, банка, блюдечко, серый – азбука, альбом, аршин, афиша, бабка, балалайка, бандура, барка, безмен, бирка, желтый» – баул, электр – алебарда, бастерец, бердыш, зеленый – арка, балясина, барельеф, башня, кирпичный – амулет, атлас, балахон, бахрома, башмаки, безрукавка (ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50. Л. 96). Каждый столбец обозначал совокупность вещей одинакового назначения, как определил в 1927 г. В.А. Городцов археологическую категорию (Городцов, 1927: 10), а в самих столбцах располагались термины, обозначающие конкретные классы вещей. Попадание одних и тех же терминов в разные столбцы свидетельствует о том, что российские археологи понимали, что классы вещей недискретны, и они могут относиться к разным археологическим категориям. То есть составителям словаря свойственен дар научного предвидения: мысли о недискретном характере археологической классификации и типологии будут высказаны только в конце XX в. (Клейн, 1991: 439).

Для удобства анализа пересечения классов и были введены столбцы, обозначенные названиями цветов.

Наряду с табличной формой фиксации терминов использовалась и карточная, что было довольно новым в то время (Залог успеха..., б.и.). ОПИ ГИМ хранит инструкцию по сбору материала для словаря. В ней указывается на необходимость создания качественного библиографического аппарата (ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50. Л. 113). Грамотная словарная работа проводилась в несколько этапов: «Когда подберется не менее 5000 карточек с номенклатурой (дробною еще) начать приводить в алфавитный порядок. Затем можно было бы попытаться сделать и сводку их и использование одноименного и однородного материала – в подходящие группы со ссылками на алфавитную номенклатуру с помощью вспомогательных относящих карточек» (ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50. Л. 113). Создатели словаря понимали необходимость предварительной классификации терминов – разбивать материал на большие группы по главным отделам базовой культуры, как то: жилища, труд, орудия, пути сообщения, и т. д. (ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50. Л. 113). Инструкция не датирована, но можно предположить, что она создана уже после 1917 г., так как в ней рекомендуется писать и на обороте карточек (пока встречаться будет недостаток в бумаге) (ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50. Л. 113).

Продолжается работа над словарем и после революции 1917 г. Так, 25 мая 1919 г. в Обществе друзей исторического музея был прочитан доклад И.М. Тарабрыным и Н.И. Борисовой о ходе работ по составлению словаря. Были указаны специальные задачи предпринятой Музеем работы, с одной стороны, далеко выходящей за пределы работы археологических обществ (изучение предметов быта не только древних, но и современных), а с другой, являющейся по сравнению с ними гораздо более узкой (изучение одних предметов быта, а не древностей во всем объеме) (ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50. Л. 46). При этом словарь планировалось создать на высоком научном уровне. Он должен был содержать определение времени, к которому относится первое упоминание о предмете а также

конечной даты в том случае, если предмет вышел из живого употребления; данные о географическом и этнографическом распространении; этимология слова в связи с происхождением предмета, указание описания, изображения и местонахождения предмета и литературы о нем (ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 50. Л. 46). В докладе упоминается, что было найдено 200 слов на букву «А», но дальнейшая судьба словаря не известна.

«Материалы» были опубликованы за сорок лет до словаря Жозефа Дешелетта (*Déchelette, 1908–1934*), который признан первым крупным обобщающим трудом в европейской археологии. На основании вышеизложенного отметим, что члены Московского Археологического общества находились в русле развития мировой археологической науки и даже опережали его.

5. Заключение

Опыт терминологической работы, накопленный российскими археологами прошлого, ценен для наших дней. Они осваивали *Arg Lexosographica* – искусство составления словарей, – решая фундаментальные задачи своей науки. Они рассуждали о смысле понятия «археология» и приходили к его современной трактовке. Они понимали археологию иначе, чем это принято в современной науке, но в этом – особая ценность их усилий. Значительный интерес представляет методика словарной работы, в которой для составления словника применен был вариант таблицы, позволяющей реконструировать не только принципы его составления, но и понимание задолго до археологов XXI в. недискретности таксонов археологической классификации.

Члены Императорского Московского Археологического Общества были людьми не только исторически или археологически, но и лексикографически грамотными. Они исследуют этимологию приводимых ими терминов, стремятся опираться на новейшие для того времени работы, цитируют в словарных статьях исторические источники на языке оригинала. Авторы словаря обладают даром научного предвидения: они пытаются применить математические методы в своих исследованиях и формализовать подготовительную работу к составлению словаря, насколько это было возможно в то время.

Попытки продолжения терминологической работы имели место, как показывают архивные материалы, в первые, непростые послереволюционные годы. Потом наступает почти столетний перерыв в составлении археологических словарей на русском языке. На первом археологическом съезде в современной России (2006 г.) профессор Ю.Л. Щапова поставила вопрос о необходимости терминологической работы в археологии, выдвигая эту задачу как одну из приоритетных в археологической науке. Хочется надеяться, что опыт составления первого российского археологического словаря окажется полезным в этой работе.

Литература

- Алексеева, Саввониди, 1993 – Алексеева О.Е., Саввониди Н.Ф. Англо-русский – русско-английский историко-археологический словарь. СПб., [Б. и.], 1993. 111 с.
- Брей, Трамп, 1990 – Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
- Васильев и др., 2007 – Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 264 с.
- Городцов, 1927 – Городцов В.А. Типологический метод в археологии. Рязань: [Б. и.], 1927. 12 с.
- Доклад..., 1865 – Доклад комиссии о составлении археологического словаря // *Древности*. М.: Синодальная типография, 1865. Т. 1. С. 14-16.
- Дубичинский, 2009 – Дубичинский В.В. Лексикография русского языка. М., Флинта: Наука, 2009. 427 с.
- Евлентьев, 1873 – Евлентьев К.Г. Псков // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 37-39.
- Забелин, 1865 – Забелин И.Е. Браля // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1865. Т. 1. С. 34.
- Забелин, 1865a – Забелин И.Е. Гудок или гудки // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1865. Т. 1. С. 36.
- Забелин, 1871 – Забелин И.Е. Гусенок // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1871. Т. 4. Часть 3. С. 4.
- Забелин, 1871a – Забелин И.Е. Дыня // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1871. Т. 4. Часть 3. С. 4.
- Забелин, 1865b – Забелин И.Е. Каменных дел подмастерья // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1865. Т. 1. С. 18.
- Залог успеха..., Б.и. – Залог успеха – карточная система. Товарищество Ж. Блок. Б.и. 20 с.
- Игнатъев, 1865 – Игнатъев Р. Веко // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1865. Т. 1. С. 3-4.
- Игнатъев, 1883 – Игнатъев Р. Колоды или колодки // *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1883. Т. 9. Вып. 1-3. С. 206.

- Игнатъев, 1883а** – *Игнатъев Р.* Рогатка // *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1883. Т. 9. Вып. 1-3. С. 209.
- Клейн, 2018** – *Клейн Л.С.* История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2018. 704 с.
- Клейн, 1991** – *Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л.: Ленинградский филиал Центра научно-технической деятельности, исследований и социальных инициатив, Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение, 1991. 447 с.
- Клейн, 1978** – *Клейн Л.С.* Археологические источники. Л.: Издательство Ленинградского Государственного университета, 1978. 119 с.
- Кокорина, 2011** – *Кокорина Ю.Г.* Терминосистема концептуальной области «Археология». М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2011. 352 с.
- Кокорина, 2017** – *Кокорина Ю.Г.* Словарь археологического вещеведения. М.: Новый хронограф, 2017. 543 с.
- Лебедев, 1992** – *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии (1700–1917 гг.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1992. 463 с.
- Лествицын, 1873** – *Лествицын В.* Ярославская губерния // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 47-50.
- Матюшин, 1996** – *Матюшин Г.Н.* Археологический словарь. М.: Просвещение: АО «Учебная литература», 1996. 303 с.
- ОПИ ГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- Отчет..., 1883** – Отчет о деятельности Московского Археологического Общества // *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1883. Т. 9. Вып. 1-3. С. 211.
- Отчет..., 1885** – Отчет о состоянии и деятельности Императорского Московского археологического общества с 17 марта 1883 года по 1 марта 1884 года // *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1885. Т. 10. С. 9.
- Отчет..., 1886–1887** – Отчет о деятельности Общества за 1886-1887 годы // *Древности*. М.: Типография Грачева и К., 1886–1887. Т. 11. Вып. 103. С. 94-95.
- Отчет..., 1889–1890** – Отчет о состоянии и деятельности Императорского Московского археологического общества с 17 февраля 1887 года по 17 февраля 1888 года // *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1889–1890. Т. 13. Вып. 1-2.
- Программа..., 1887** – Программа по составлению Археологического словаря. М. [Б.и.], 1887. 6 с.
- Протоколы..., 1874** – Протоколы заседаний Московского Археологического Общества // *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1874. Т. 4. С. 209.
- Протоколы..., 1888** – Протоколы заседаний Московского Археологического Общества // *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1888. Т. 12. С. 195.
- Саввониди, 1995** – *Саввониди Н.Ф.* Картинный археологический словарь (англо-русский). СПб.: Петербургкомстат, 1995. 64 с.
- Уваров, 1873** – *Уваров А.С.* Архангельская губерния // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 10.
- Уваров, 1865–1867** – *Уваров А.С.* Било, или клепало // *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1865–1867. Т. 1. С. 30-31.
- Уваров, 1865** – *Уваров А.С.* О деятельности, предстоящей Московскому Археологическому обществу // *Древности*. М., 1865. Т. 1. С. 4.
- Уваров, 1870** – *Уваров А.С.* Серп. Материалы к словарю российских древностей // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1870. Т. 2. С. 46.
- Уваров, 1873** – *Уваров А.С.* Пермская губерния // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 31-34.
- Уваров, 1873а** – *Уваров А.С.* Терем великий // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 45.
- Уварова, 1911** – *Уварова П.С.* Заключительное слово // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1911. Т. 23. Вып. 1. С. 121.
- Федоров-Давыдов, 1987** – *Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа, 1987. 215 с.
- Формозов, 1986** – *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.
- Щапова и др., 2019** – *Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н., Кокорина Ю.Г.* Информатико-кибернетическое и математическое моделирование археологической эпохи: логико-понятийный аппарат. М.: Издательство Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, 2019. 135 с.
- Щапова, 2011** – *Щапова Ю.Л.* Материальное производство в археологическую эпоху. СПб.: Алетей, 2011. 235 с.
- Щапова, Гринченко, 2017** – *Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н.* Введение в теорию археологической эпохи. Числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат.

М.: Исторический факультет Московского университета, федеральный исследовательский Центр «Информатика и управление» РАН, 2017. 236 с.

[Энциклопедический словарь..., 1890](#) – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890. Т. 2. 264 с.

[Déchelette, 1908–1934](#) – *Déchelette J.* Manuel d'Archéologie Préhistorique, Celtique et Gallo-romaine. Paris: Picard, 1908–1934. Т. 1–6.

[Kokorina et al., 2022](#) – *Kokorina Y.G., Vagabov M.M., Rogozhkin V.A., Ozturk M.* Count A.S. Uvarov and the first Russian Archaeological Dictionary // *Bylye Gody.* 2022. 17(3): 1197-1206.

References

[Alekseeva, Savvonidi, 1993](#) – *Alekseeva, O.E., Savvonidi, N.F.* (1993). Anglo-russkii – russko-angliiskii istoriko-arkheologicheskii slovar' [English-Russian – Russian-English historical and Archaeological Dictionary]. SPb., [B. i.], 111 p. [in Russian]

[Brei, Tramp, 1990](#) – *Brei, U., Tramp, D.* (1990). Arkheologicheskii slovar' [Archaeological Dictionary]. М.: Progress, 368 p. [in Russian]

[Déchelette, 1908–1934](#) – *Déchelette, J.* (1908–1934). Manuel d'Archéologie Préhistorique, Celtique et Gallo-romaine. Paris: Picard. Т. 1–6.

[Doklad..., 1865](#) – Doklad komissii o sostavlenii arkheologicheskogo slovarya [Report of the commission on the compilation of the archaeological dictionary]. *Drevnosti.* М.: Sinodal'naya tipografiya, 1865. Т. 1. Pp. 14-16. [in Russian]

[Dubichinskii, 2009](#) – *Dubichinskii, V.V.* (2009). Leksikografiya russkogo yazyka [Lexicography of the Russian language]. М., Flinta: Nauka, 427 p. [in Russian]

[Entsiklopedicheskii slovar'..., 1890](#) – Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. SPb., 1890. Т. 2. 264 p. [in Russian]

[Evlent'ev, 1873](#) – *Evlent'ev, K.G.* (1873). Pskov [Pskov]. *Drevnosti.* М.: V Sinodal'noi tipografii. Т. 3. Pp. 37-39. [in Russian]

[Fedorov-Davydov, 1987](#) – *Fedorov-Davydov, G.A.* (1987). Statisticheskie metody v arkheologii [Statistical methods in archeology]. М.: Vysshaya shkola, 215 p. [in Russian]

[Formozov, 1986](#) – *Formozov, A.A.* (1986). Stranitsy istorii russkoi arkheologii [Pages of the history of Russian archeology]. М.: Nauka, 240 p. [in Russian]

[Gorodtsov, 1927](#) – *Gorodtsov, V.A.* (1927). Tipologicheskii metod v arkheologii [Typological method in archeology]. Ryazan': [B. i.], 12 p. [in Russian]

[Ignat'ev, 1865](#) – *Ignat'ev, R.* (1865). Veko [Eyelid]. *Drevnosti.* М.: V Sinodal'noi tipografii. Т. 1. Pp. 3-4. [in Russian]

[Ignat'ev, 1883](#) – *Ignat'ev, R.* (1883). Kolody ili kolodki [Decks or pads]. *Drevnosti.* М.: Tipografiya Gracheva i K. Т. 9. Vyp. 1-3. P. 206. [in Russian]

[Ignat'ev, 1883a](#) – *Ignat'ev, R.* (1883). Rogatka [Slingshot]. *Drevnosti.* М.: Tipografiya Gracheva i K. Т. 9. Vyp. 1-3. P. 209. [in Russian]

[Klein, 1978](#) – *Klein, L.S.* (1978). Arkheologicheskie istochniki [Archaeological sources]. Л.: Izdatel'stvo Leningradskogo Gosudarstvennogo universiteta. 119 p. [in Russian]

[Klein, 1991](#) – *Klein, L.S.* (1991). Arkheologicheskaya tipologiya [Archaeological typology]. Л.: Leningradskii filial Tsentra nauchno-tekhnicheskoi deyatel'nosti, issledovaniy i sotsial'nykh initsiativ, Leningradskoe nauchno-issledovatel'skoe arkheologicheskoe ob"edinenie, 447 p. [in Russian]

[Klein, 2018](#) – *Klein, L.S.* (2018). Istoriya Rossiiskoi arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti [History of Russian archeology: teachings, schools and personalities. Vol. 1. General overview and pre-revolutionary time]. Т. 1. Obshchii obzor i dorevolutsionnoe vremya. SPb.: EVRAZIYA. 704 p. [in Russian]

[Kokorina et al, 2022](#) – *Kokorina, Y.G., Vagabov, M.M., Rogozhkin, V.A., Ozturk, M.* (2022). Count A.S. Uvarov and the first Russian Archaeological Dictionary. *Bylye Gody.* 17(3): 1197-1206.

[Kokorina, 2011](#) – *Kokorina, Yu.G.* (2011). Terminosistema kontseptual'noi oblasti «Arkheologiya» [Terminological system of the conceptual field "Archeology"]. М.: Knizhnyi dom LIBROKOM, 352 p. [in Russian]

[Kokorina, 2017](#) – *Kokorina, Yu.G.* (2017). Slovar' arkheologicheskogo veshchevedeniya [Dictionary of archaeological material science]. М.: Novyi khronograf, 543 p. [in Russian]

[Lebedev, 1992](#) – *Lebedev, G.S.* (1992). Istoriya otechestvennoi arkheologii (1700–1917 gg.) [The History of Russian Archeology (1700-1917)]. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. 463 p. [in Russian]

[Lestvitsyn, 1873](#) – *Lestvitsyn, V.* (1873). Yaroslavskaia guberniya [Yaroslavl province]. *Drevnosti.* М.: V Sinodal'noi tipografii. Т. 3. Pp. 47-50. [in Russian]

[Matyushin, 1996](#) – *Matyushin, G.N.* (1996). Arkheologicheskii slovar' [Archaeological dictionary]. М.: Prosveshchenie: AO «Uchebnaya literatura», 303 p. [in Russian]

[OPI GIM](#) – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Department of Written Sources of the State Historical Museum].

- Otchet..., 1886–1887** – Otchet o deyatel'nosti Obshchestva za 1886-1887 gody [Report on the activities of the Society for 1886-1887]. *Drevnosti*. M.: Tipografiya Gracheva i K., 1886–1887. T. 11. Vyp. 103. Pp. 94-95. [in Russian]
- Otchet..., 1889–1890** – Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva s 17 fevralya 1887 goda po 17 fevralya 1888 goda [Report on the status and activities of the Imperial Moscow Archaeological Society from February 17, 1887 to February 17, 1888]. *Drevnosti*. M.: Tipografiya Gracheva i K., 1889–1890. T. 13. Vyp. 1-2. [in Russian]
- Otchet..., 1883** – Otchet o deyatel'nosti Moskovskogo Arkheologicheskogo Obshchestva [Report on the activities of the Moscow Archaeological Society]. *Drevnosti*. M.: Tipografiya Gracheva i K., 1883. T. 9. Vyp. 1-3. P. 211. [in Russian]
- Otchet..., 1885** – Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva s 17 marta 1883 goda po 1 marta 1884 goda [Report on the status and activities of the Imperial Moscow Archaeological Society from March 17, 1883 to March 1, 1884]. *Drevnosti*. M.: Tipografiya Gracheva i K., 1885. T. 10. P. 9. [in Russian]
- Programma..., 1887** – Programma po sostavleniyu Arkheologicheskogo slovarya [A program for compiling an Archaeological dictionary]. M. [B.i.], 1887. 6 p. [in Russian]
- Protokoly..., 1874** – Protokoly zasedanii Moskovskogo Arkheologicheskogo Obshchestva [Minutes of meetings of the Moscow Archaeological Society]. *Drevnosti*. M.: Tipografiya Gracheva i K., 1874. T. 4. P. 209. [in Russian]
- Protokoly..., 1888** – Protokoly zasedanii Moskovskogo Arkheologicheskogo Obshchestva [Minutes of meetings of the Moscow Archaeological Society]. *Drevnosti*. M.: Tipografiya Gracheva i K., 1888. T. 12. P. 195. [in Russian]
- Savvonidi, 1995** – *Savvonidi, N.F.* (1995). Kartinnyi arkheologicheskii slovar' (anglo-russkii) [Pictorial archaeological dictionary (English-Russian)]. SPb.: Peterburgkomstat, 64 p. [in Russian]
- Shchapova i dr., 2019** – *Shchapova, Yu.L., Grinchenko, S.N., Kokorina, Yu.G.* (2019). Informatiko-kiberneticheskoe i matematicheskoe modelirovanie arkheologicheskoi epokhi: logiko-ponyatiinyi apparat [Computer science, cybernetic and mathematical modeling of the archaeological epoch: a logical and conceptual framework]. M.: Izdatel'stvo Federal'nogo issledovatel'skogo tsentra «Informatika i upravlenie» RAN, 135 p. [in Russian]
- Shchapova, 2011** – *Shchapova, Yu.L.* (2011). Material'noe proizvodstvo v arkheologicheskuyu epokhu [Material production in the archaeological era]. SPb.: Aleteiya, 235 p. [in Russian]
- Shchapova, Grinchenko, 2017** – *Shchapova, Yu.L., Grinchenko, S.N.* (2017). Vvedenie v teoriyu arkheologicheskoi epokhi. Chislovoe modelirovanie i logarifmicheskie shkaly prostranstvenno-vremennykh koordinat [Introduction to the theory of the archaeological epoch. Numerical modeling and logarithmic scales of space-time coordinates]. M.: Istoricheskii fakul'tet Moskovskogo universiteta, federal'nyi issledovatel'skii Tsentr «Informatika i upravlenie» RAN, 236 p. [in Russian]
- Uvarov, 1865** – *Uvarov, A.S.* (1865). O deyatel'nosti, predstoyashchei Moskovskomu Arkheologicheskomu obshchestvu [About the upcoming activities of the Moscow Archaeological Society]. *Drevnosti*. M., 1865. T. 1. P. 4. [in Russian]
- Uvarov, 1865–1867** – *Uvarov, A.S.* (1865–1867). Bilo, ili klepalo [Beat, or riveted]. *Drevnosti*. M.: Tipografiya Gracheva i K. T. 1. Pp. 30-31. [in Russian]
- Uvarov, 1870** – *Uvarov, A.S.* (1870). Serp [Sickle]. Materialy k slovaryu rossiiskikh drevnostei. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 2. P. 46. [in Russian]
- Uvarov, 1873** – *Uvarov, A.S.* (1873). Arkhangel'skaya guberniya [Arkhangelsk province]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 10. [in Russian]
- Uvarov, 1873** – *Uvarov, A.S.* (1873). Permskaya guberniya [Perm province]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii, 1873. T. 3. Pp. 31-34. [in Russian]
- Uvarov, 1873a** – *Uvarov, A.S.* (1873). Terem velikii [Terem the great]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 45. [in Russian]
- Uvarova, 1911** – *Uvarova, P.S.* (1911). Zaklyuchitel'noe slovo [Closing remarks]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 23. Vyp. 1. P. 121. [in Russian]
- Vasil'ev i dr., 2007** – *Vasil'ev, S.A., Bozinski, G., Bredli, B.A.* (2007). Chetyrekh'yazychnyi (russko-anglo-franko-nemetskii) slovar'-spravochnik po arkheologii paleolita [A four-lingual (Russian-English-French-German) dictionary of paleolithic archaeology]. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 264 p. [in Russian]
- Zabelin, 1865** – *Zabelin, I.E.* (1865). Bral'ya [Bralya]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 1. P. 34. [in Russian]
- Zabelin, 1865a** – *Zabelin, I.E.* (1865). Gudok ili gudki [Beep or beeps]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 1. P. 36. [in Russian]
- Zabelin, 1865b** – *Zabelin, I.E.* (1865). Kamennykh del podmaster'ya [A stone interior item]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 1. P. 18. [in Russian]
- Zabelin, 1871** – *Zabelin, I.E.* (1871). Gusenok [Gosling]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 4. Chast' 3. P. 4. [in Russian]

Zabelin, 1871a – Zabelin, I.E. (1871). Dynya [Melon]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 4. Chast' 3. P. 4. [in Russian]

Zalog uspekha..., B.i. – Zalog uspekha – kartochnaya sistema [The pledge of success – the card system]. *Tovarishchestvo Zh. Blok*. B.i. 20 p. [in Russian]

Первый российский археологический словарь: характеристика и история создания

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}, Махач Мустафаевич Вагабов ^a

^aМосковский политехнический университет, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена истории науки и словарной работы в России XIX – начала XX вв. Зрелость любой науки определяется, наряду с наличием в ее рамках научной и учебной литературы, существованием терминологического словаря. Современная археология, которая признанно стала не наукой о древних вещах, а наукой о человеке, не достаточно обеспечена подлинно научными словарями даже в условиях нынешнего словарного бума. Поэтому рассмотрение опыта составления специального словаря, опыта, оказавшегося незаслуженно забытым, представляется актуальным. Источниками для данной работы послужили как редко используемые публикации, так и архивные материалы, что определяет новизну данного исследования. В ходе словарной работы российские археологи решали вопрос о сущности своей науки как всестороннего описания быта древних народов, населявших Российскую империю. Авторы словаря проявляли высокую не только археологическую, но и лингвистическую компетентность. Словарные статьи содержат сведения об этимологии терминов, цитаты из исторических источников и новейшей для того времени научной литературы часто на языке оригинала. Российские археологи обращаются к новым количественным методам и создают в своих словарных статьях настоящие научные исследования. Они применяют оригинальную методику составления таблиц при формировании словника, которая отражает их понимание недискретности археологических категорий, к чему придет теория археологии только в наши дни. Работа над словарем продолжалась и в первые послереволюционные годы, но так и не была завершена. Российские археологи возвращаются в наши дни к составлению специальных словарей почти после столетнего перерыва, и в их терминологической деятельности учет опыта археологов прошлого может оказаться полезным.

Ключевые слова: история Российской империи, история археологии, археологическая терминология, археологический словарь, Императорское Московское Археологическое общество, А.С. Уваров, И.Е. Забелин.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина), 9162803@mail.ru (М.М. Вагабов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 218-227
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.218

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Reception of the Resettlement Business in the Turkestan Region in the Assessments of Imperial Experts of the second half of the XIXth – early XXth centuries

Serikbay D. Mamraimov ^{a, b}, Aigul M. Zharken ^b, Sabira N. Apasheva ^c, Bakyt S. Tokmurzayev ^{d, *}

^a Zhanibekov university, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^c Zhumabek Akhmetuly Tashenev University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^d Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the article, on the materials of resettlement officials' records and scientific-publicistic works of the second half of the 19th – early 20th centuries, the perceptions of imperial experts about the organization of resettlement in Turkestan Krai in the dynamics of agrarian and colonization activities in the region are revealed. In the course of the study it is established that expert assessments of the range of problems accompanying peasant resettlements to Turkestan were of critical and prescriptive nature, and the opinions expressed by imperial experts on the circumstances of formation and content of resettlement policy, as well as resettlement practices in different chronological periods of colonization of the Turkestan region, were demanded by the authorities and, with some adjustments, were implemented. The main problem spheres of the resettlement business, the reception of which is made in the texts of imperial experts, have been revealed. Firstly, according to the experts' opinion, the resettlement business initially had an element of managerial disorganization, which was expressed in the prerogative given to the higher provincial administration to make independent decisions in the process of settling and settling settlers. Secondly, according to the conclusions of experts, the governor-general corps of the region was mobilized mainly from the administrators who had experience of administration in the western periphery of the Russian Empire. In the conditions of the eastern periphery, regional administrators sought to protect and promote the interests of the “Russian cause” often without taking into account local ethno-confessional specifics, which a priori created situations of conflict and confrontation. Thirdly, imperial experts believed that the geographical remoteness of Turkestan from the center of the empire, the specificity of natural and climatic conditions, significantly limited the potential of agrarian colonization, which was reflected in the low quality of resettlement material, mostly selected during the development of Western Siberia and the Steppe region. According to experts, resettlement in the Turkestan region acquired a dynamic format only in the early twentieth century, which was due to the escalation of the agrarian and agricultural crisis in the European part of Russia and the subsequent reforms in the agrarian sphere. Imperial experts saw the way out of the crisis situation, which united Turkestan and Russia in a common colonization field, not in measures aimed at restricting or completely banning resettlement in the Turkestan region, but in the gradual sectoral reorientation from grain farming to cotton growing, which significantly expanded the scope of the colonization fund and contributed to the rational organization of the resettlement business.

Keywords: Turkestan Krai, Russian Empire, colonization, resettlement, imperial experts, integration of indigenous peoples, Asian Russia, imperial colonization, discourse, reception.

* Corresponding author

E-mail addresses: s_dauletuly@mail.ru (S.D. Mamraimov), b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev)

1. Введение

Русская колонизация Туркестана, своеобразным прологом к которой стало взятие Ташкента русской армией под начальством генерал-майора М.Г. Черняева в 1865 г. и образование в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства, неизбежно предполагала выстраивание такой политики населения, которая, по утверждению М. Ходарковского, должна была позволить реализовать основополагающий имперский принцип – принести туземным народам цивилизацию и христианство (Ходарковский, 2019: 269). В этой системе координат особое место занимали проекты и практики переселений в Туркестанский край крестьянства европейских губерний России с последующей организацией в регионе русских поселков как инструмента трансляции российского культурного влияния в инородческой среде. В представлениях имперских властей «освоение» Туркестана, приобретенного военным путем, а также административное оцентровывание края и культурная инкорпорация коренного населения должны были осуществляться мирными средствами. В данном отношении русское влияние первоначально предполагалось реализовывать в рамках политики веротерпимости и постепенного распространения аграрно-земледельческих практик в тех территориальных анклавах, где было достаточное количество подходящих для аграрного производства земель. Именно в районах Самаркандской, Ферганской, Сыр-Дарьинской областей возникли первые очаги русского крестьянского земледелия, и именно в этих районах наблюдалась максимальная концентрация кочевого населения, которое рассматривалось и как объект российского культуртрегерства.

Оценивая долгосрочный исследовательский опыт рефлексии аграрной колонизации Туркестанского края, мы видим несоответствие амбициозных планов Российской империи реальной постановке переселенческого дела в отдаленном и мозаичном в этническом и конфессиональном отношении регионе, что требует уточнения и обоснования факторов и обстоятельств, лимитировавших эффективность переселенческого движения в Туркестан. В этой связи обращение к дискурсу имперских экспертов (переселенческие чиновники, публицисты, деятели науки) как непосредственных участников переселенческого дела открывает перспективы более широкого взгляда на организацию переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX вв.

2. Материалы и методы

Достижение поставленной цели, связанной с рецепцией имперскими экспертами переселенческого дела в Туркестане, предполагает обращение к исследовательским подходам «новой культурно-интеллектуальной истории», так как понимание имперскими экспертами состояния переселенческого дела воспроизводится через совокупность текстов, образующих единое концептуальное пространство – дискурс (Миньяр-Белоручева, 2015: 10), в котором были отражены интеллектуальные, идейные и культурные представления российской власти и общества в период пика колониальной активности Российской империи.

Не менее важным представляется и встраивание в канву статьи исследовательских приемов «новой имперской истории» (Герасимов и др., 2004; Беккер, 2004), что открыло перспективы «дрейфа» от описания событий к осмыслению структурной композиции взаимодействия акторов переселенческого дела: центральной и региональной власти, переселенческих чиновников, местных элит. В данной статье предпринимается попытка охарактеризовать пространство интеллектуальной коммуникации имперских экспертов, оценить их включенность в сложную канву отношений с профессиональными сообществами Туркестанского края.

Достижение поставленной цели может быть достигнуто с опорой на широкий круг источников делопроизводственного характера, к числу которых принадлежат разновременные отчеты, докладные записки имперских экспертов – чиновников, побывавших в Туркестане на рубеже XIX – XX вв. в служебных командировках с целью ознакомления с постановкой переселенческого дела; отчеты и доклады военных губернаторов, адресованные высшему краевому начальству, извлеченные из архивных фондов Центрального государственного архива Республики Узбекистан; свидетельства непосредственных участников колонизации региона, обреченные в форму научно-публицистических текстов и воспоминаний о службе в Туркестане и о контактах с представителями генерал-губернаторского корпуса (А.П. фон Кауфман, М.Г. Черняев и др.).

Привлеченные источники определили и спектр исследовательских методов как аналитических процедур (контент-анализ, дискурс-анализ), дающих возможность выявить представления имперских экспертов о состоянии переселенческого дела в ретроспективе. Также данные источники позволили выявить трудности, с которыми сталкивались региональные власти в процессе решения текущих задач хозяйственно-экономической и социокультурной инкорпорации Туркестанского края во второй половине XIX – начале XX вв.

3. Обсуждение

Вопросы организации переселенческого дела и реакции сообщества экспертов на деятельность имперской бюрократии в регулировании миграционных процессов в Туркестанский край являются частью отечественной и зарубежной историографической традиции. Исследовательская рефлексия

переселений как инструмента «русского дела» в Туркестане с детальной характеристикой обстоятельств водворения и обустройства переселенцев, форм и методов переселенческой политики достаточно полно и широко представлена в исторической науке (Фомченко, 1983; Гинзбург, 1991; Брежнева, 2018; Кирильчик, 2021; Цыряпкина, 2022).

Для настоящей работы продуктивным представляется обращение к исследовательскому опыту ученых, фокусирующих внимание на дискурсивных аспектах переселенческого дела в связи с генезисом и функционированием переселенческой бюрократии (Чуркин, 2021). Также ученые описывают колонизационный процесс в Туркестанском крае в контексте диалога текстов имперских экспертов (Абашин, 2016), что является основанием для переноса акцента в изучении переселенческого движения в регион с характеристики событийной составляющей к анализу представлений непосредственных участников переселенческого дела.

4. Результаты

Переселенческое движение в Туркестанский край и сопровождавший этот процесс опыт аграрно-земледельческого освоения новых территорий во многом являлся частью глобального колонизационного проекта Российской империи, разрабатываемого и реализуемого в границах азиатской периферии в пореформенный период. Вместе с тем в отечественной историографии переселений отмечается ряд специфических обстоятельств, позволяющих говорить о значительном своеобразии Туркестанского края как принимающего региона, а также о специфике организации там переселенческого дела, которому не вполне соответствовали выработанные в районах традиционного зауральского земледелия лекала. Суммарно можно выделить следующие факторы, характеризующие фон переселенческого процесса в Туркестанский край во второй половине XIX столетия.

Во-первых, переселенческое движение на восточные окраины империи в пореформенный период (1860–1870 гг.) носило стихийный и по преимуществу самовольный характер, что было связано с отсутствием или недоработанностью переселенческого законодательства и объективными препятствиями (выкупные платежи и затрудненность выхода из общины).

Во-вторых, основными районами водворения и обустройства переселенцев (легитимных и самовольных) являлись районы Западной Сибири и Степного края. Они были подготовлены к принятию мигрантов, а основным способом расселения выступали приписка к старожильческим селениям или образовании отдельных переселенческих поселков. Самовольное переселенческое движение, представители которого ориентировались на сведения уже мигрировавших родственников и односельчан, шло в том же направлении.

В-третьих, в отличие от регионов Центральной Азии, губернии Западной Сибири находились в поле российской юрисдикции с конца XVI – начала XVII вв. К середине XIX в. в районах традиционного аграрного производства (Тобольская, Томская губернии), географически и административно приближенных к Европейской России, сложился консолидированный слой русского населения, численно преобладавшего над инородческим, что освобождало имперские власти от острой необходимости учета и селекции этнического и конфессионального состава переселенческого движения.

В-четвертых, участники аграрных переселений в губернии и области Западной Сибири и Степного края изначально были ориентированы на организацию в регионе зернового хозяйства, в то время как подобный тип производства в Туркестанском крае был ограничен ареалами Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской областей.

Следует также отметить, что при организации переселенческого дела в Туркестане имперские власти регулярно сталкивались с необходимостью урегулирования противоречивых ситуаций, требующих принятия вариативных и пластичных решений. В отличие от губерний и областей Западной Сибири и Степного края, Туркестан для России являлся объектом «большой геополитической игры», с большим количеством конкурировавших акторов, а основными противостоящими политическими игроками выступали Россия и Великобритания. Не менее существенным обстоятельством, определявшим логику колонизационных действий Российской империи в Центральной Азии, являлось представление об окраинных территориях как о «своих» землях, требовавших не только административной, но и культурной инкорпорации, что ставило власти перед необходимостью конструирования гибкой политики населения с учетом реальных этнических и конфессиональных данностей: многочисленного киргизского населения, в массе ведущего кочевой образ жизни, и обширного корпуса оседлых тюркоязычных народов, исповедующих ислам.

Симптоматично, что имперское дело организации переселений в Туркестанский край так или иначе подчинялось общей идейной доктрине «Туркестан для русских» (Абашин, 2016: 330), фундаментальные основания которой были обозначены еще в середине XIX в. в трудах раннего российского востоковедения. Чиновник особых поручений Министерства внутренних дел В.В. Григорьев, артикулируя в 1840 г. отношение России к Востоку, предрекал великое будущее стране, призвание которой заключается в том, чтобы «сохранить, устроить и просветить племена Азии» (Григорьев, 1840: 7). Мотив цивилизаторской миссии и морального превосходства колонизаторов над колонизируемыми отделились в формулу: «...воспитать или перевоспитать, возродить

или переродить большую часть народов этой стороны света..., возвысить их до себя, уподобить себе и слить в одно великое, святое семейство» (Григорьев, 1840: 7-8).

В дискурсе российских чиновников, публицистов, исследователей Центральной Азии риторика переселений в Туркестан русского крестьянства была окрашена в оптимистически-романтические тона, а культурное влияние мигрантов из Европейской России позиционировалось как не вызывающий сомнений факт. Первый Туркестанский генерал-губернатор А.П. фон Кауфман в 1870-х гг. с надеждой говорил: «Независимо от успехов русской колонизации, которая при лучшем устройстве казачьих и крестьянских отношений к кочевникам окажет со временем прямое воспитательное влияние на массу туземного населения, уже возникает в крае и русская народная школа, откуда могут выйти наиболее положительные орудия в борьбе с невежеством туземного населения, и для укрепления нравственных связей туземного общества с новым порядком и новым отечеством» (Иванов, 1890: 229). И. Гейер, путешествовавший по русским селениям Сыр-Дарьинской области в 1893 г., констатировал: «Не успели еще устроиться вновь основанные селения, как уже обычные впечатления путника, проезжающего чимкентским трактом, изменили свой однообразный туземный колорит, и глаз наблюдателя всюду чувствует недалекое присутствие русского элемента» (Гейер, 1893: 1). Спустя 20 лет В.П. Вошинин в путевых записках восклицал: «Там на высоких предгорьях, только теперь орошаемых, начинает селиться русский народ, ...а вместе с ним в толщу туземных предрассудков и верований начинает проникать культура русская. Так, по рассказам и слухам, незримо растет и крепнет Туркестан «новый»» (Вошинин, 1914: 11-12).

Общая направленность суждений имперских экспертов, представлявших организацию переселенческих поселков в Туркестанском крае как эффективную практику реализации задач «русского дела», была характерна для процесса аграрно-земледельческой колонизации региона в продолжительной хронологической перспективе. Вместе с тем нельзя не отметить, что оптимистически-романтическая «оптика» в оценке хода и результатов переселенческого дела в Туркестане, используемая высшей губернской администрацией и публицистикой, сосуществовала с серьезными исследованиями в переселенческой сфере, репрезентируемыми в отчетах чиновников переселенческого ведомства, а также в делопроизводственной переписке центральной и региональной бюрократии, предназначенной для служебного пользования.

В стартовый период колонизации Туркестанского края (конец 1860 – середина 1880-х гг.), начавшейся с военного взятия Ташкента русской армией под начальством генерал-майора М.Г. Черняева в 1865 г. и образования в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства, переселенческое дело носило неорганизованный, хаотичный и во многом личный характер. По свидетельству А.И. Иванова, составителя исторического очерка, посвященного колонизации Туркестанского края, первое крестьянское прошение о водворении в Сыр-Дарьинской области относилось еще к 1868 г. Однако оно не могло быть удовлетворено, поскольку «вопрос об устройстве крестьян-переселенцев был нов и представлял трудности к своему разъяснению ввиду совершенного незнакомства администрации с хозяйственными условиями области» (Иванов, 1890: 231). Н. Гаврилов, чиновник по особым поручениям при Переселенческом управлении, в преамбуле к своему отчету отмечал, что в Туркестанском крае до 1886 г., несмотря на образование в период 1874–1886 гг. небольшой сети русских поселений (6 поселков), отсутствовал единообразный порядок водворения переселенцев, законодательных определений их обустройства, а также изданных правил и регламентаций (Переселенческое дело..., 1911: 1-2). К.К. Пален в материалах ревизии Туркестанского края, предваряя оценку переселенческого дела кратким историко-ретроспективным вступлением, констатировал, что занятие плодородных оазисов Сыр-Дарьинской и Закаспийской областей с целью создания там сети переселенческих поселков до конца 1880-х гг. было затруднено упорным сопротивлением бывших властителей – ханов Хивинских и Кокандских. По замечанию К.К. Палена, только ценой кровопролитной борьбы Россия приобрела несколько областей общей площадью 116 млн. кв. км, населенных кочевыми племенами (Переселенческое дело..., 1910: 168).

Подавляющее большинство имперских экспертов в освещении переселенческого дела в 1860-х – первой половине 1880-х гг. указывало на отсутствие государственных проектов и программ, регламентировавших распространение и закрепление в Туркестане русской земледельческой оседлости. Персоналистская модель формулировки и принятия решения в полной мере вписывалась в алгоритм начальных этапов колонизационной политики Российской империи в границах периферийных территорий, когда вся полнота власти, равно и ответственности, делегировалась генерал-губернаторам. Биограф первого Туркестанского генерал-губернатора Н.П. Остроумов, комментируя сюжет с назначением А.П. фон Кауфмана на должность главного администратора Туркестана, отмечал предоставление генерал-губернатору широких полномочий по устройению края с правом вести войны и заключать мирные договоры (Кауфманский сборник, 1910: IX). По заключению Н.П. Остроумова, полнота власти высшей администрации в лице Кауфмана отливалась в решение «самостоятельно поставленной цели – усиление русского элемента в крае (Переселенческое дело..., 1911: 157-158).

В оценке деятельности генерал-губернаторского корпуса Туркестанского края в сфере организации переселенческого дела в стартовый период колонизации региона имперскими экспертами содержался ряд принципиальных критических замечаний. Исследователи

продемонстрировали согласие в вопросе о крайне незначительных количественных результатах переселений в Туркестан как инструмента имперской политики «русского дела». По расчетам, произведенным А.И. Ивановым, к 1879 г. в местах, пригодных для пашенного хозяйства, насчитывалось только 3 крестьянских поселка с числом колонистов в 2 тыс. душ. Несмотря на численный прирост населения в последующее 10-летие до 25 тыс. душ (Иванов, 1890: 234), согласно размышлениям автора, аграрная колонизация края не дала положительного эффекта, поскольку русское население, проживая в условиях близкого контакта с автохтонами, не столько ассимилировало местное население, сколько усваивало его привычки, образ жизни и стереотипы хозяйственной деятельности. В соответствии с выводами А. Иванова, К. Палена, Н. Гаврилова, А. Кауфмана, предметно исследовавших начальный период аграрной колонизации Туркестана, увеличение численности русских крестьянских поселков не сопровождалось улучшением качественного состава переселенческого элемента. Непосредственные очевидцы переселенческого дела в Туркестанском крае констатировали: «Состав самовольных переселенцев в Кугарт – всевозможный сброд из разных областей и губерний: из Семиреченской области, из Войска Донского, Акмолинской, Томской, из Киевской губерний. Вместе с переселенцами-хлебопашцами понабрело много разных неудачников, как то: выгнанные из полицейской службы, бывшие лесные объездчики, запасные нижние чины, совершенно отвыкшие от земледельческого труда» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 811. Л. 56); «...поселенцы, живя по несколько лет, весьма мало переняли от туземцев их умения пользоваться благами природы...Все они смотрят какими-то сиротами (Иванов, 1890: 237).

Кроме того, в отчетах переселенческих чиновников, в докладных записках, аналитических работах о русском заселении Туркестана ход и результаты переселенческого дела рефлексировались с учетом общего фона колонизационной политики Российской империи, основным транслятором которой в регионе выступала генерал-губернаторская власть. В большинстве текстов эксперты писали о том, что вслед за военным завоеванием Туркестанского края высшая региональная администрация взяла твердый курс на умиротворение коренного населения и демонстрацию веротерпимости по отношению к оседлым группам местных мусульман, что являлось общим трендом конфессиональной политики Российской империи. Вместе с тем в реальности политика веротерпимости в Туркестанском крае, по мнению современников, часто оборачивалась индифферентным отношением власти к мусульманству и поддерживалась запретами миссионерских практик как для сторонников ислама, так и для православного священства (Круз, 2020: 260). В системе координат политики игнорирования ислама, практики которой опирались на убеждение туркестанских администраторов, что под влиянием русской культуры мусульманство, «неспособное к пробуждению и дальнейшему прогрессу» (Кауфманский сборник, 1910: 140), окончательно потеряет свою силу, определялись основы переселенческого дела в регионе. С точки зрения краевой администрации, русские поселки необходимо было организовывать в непосредственной близости к киргизским кочевьям, что позволяло решать несколько стратегических задач: включение инородцев-язычников в сферу влияния православной цивилизации и предотвращение пагубного воздействия на автохтонов казанских татар и их духовных лидеров – ишанов. В ситуации преобладания самовольных переселений в 1870-х – первой половине 1880-х гг. и незначительного числа переселенцев подобный способ образования поселков обеспечивался договорными отношениями с кочевниками, которые получали денежную компенсацию за передачу земли в пользу крестьян-хлебопашцев. По заключению Н. Гаврилова, установившийся порядок носил прецедентный, а не законный характер, поскольку занятые кочевьями земли объявлялись государственными. В связи с эскалацией переселенческих потоков и возникновением естественных затруднений при водворении переселенцев в Туркестане имперские власти все активней требовали от номадов отказываться от части земли в пользу крестьянства (Переселенческое дело..., 1911: 6-7), что становилось поводом для конфликтности в будущем.

Очередной этап организации переселенческого дела, рефлекслируемый имперскими экспертами, охватывал продолжительный временной отрезок, маркировка которого выстраивается в связи с государственным опытом нормативно-правового регулирования переселений в Туркестан, – от разработки и внедрения Положения об управлении Туркестанского края 12 июля 1886 г., определившего порядок поземельного устройства отставных и запасных нижних чинов, и до 1906–1912 гг., когда переселенческая политика стала частью аграрно-колонизационного курса Российской империи, а Туркестан начал рассматриваться властью как регион интенсивного развития хлопководческой отрасли.

Туркестанское Положение, принятое в 1886 г., но не растиражированное для всеобщего пользования, в представлениях современников и участников переселенческого дела имело ряд существенных изъянов.

Русификаторский курс политики стирания культурных различий, проводимый по умолчанию высшей региональной администрацией с 1870-х гг., обрел легитимные контуры в формуле о допуске к переселению в Туркестан исключительно русских подданных христианского вероисповедания. Имперские эксперты в этой связи отмечали, что реализация плана насыщения Туркестанского края русскими поселками предполагала принятие простых решений, а именно опоры на местные ресурсы, что означало возможность для военных чинов, уволенных в запас или в отставку, вместо возвращения

на родину на льготных условиях в сельской местности Туркестана ([Переселенческое дело..., 1910: 174](#)). Однако, по мнению специалистов, такой метод русского заселения края в скором времени показал свою низкую продуктивность. А.И. Иванов, оценивая ход переселенческого дела, констатировал: «Подгородные колонисты из солдат, обыкновенно землей сами не занимаются, а нанимают работников, или отдают в аренду, а сами покурявают папиросы, сидя у крыльца своих домов, распивают чай, пиво, водку, а жены и дочери их торгуют в городе молоком и маслом, и сами собою...» ([Иванов, 1890: 238](#)). По заключению А.А. Кауфмана, причина неудовлетворительного состояния многих русских крестьянских поселков коренится не в природно-климатических условиях Туркестана, а в качестве переселенческого материала: «Главная масса населения поселков в Голодной степи – бывшие рабочие при постройке канала императора Николая I, а эти рабочие комплектовались из самых нехозяйственных и склонных к бродяжничеству элементов пришлого русского населения» ([К вопросу..., 1903: 7](#)). Эксперты (А.И. Иванов и А.А. Кауфман), оценивая контингент переселенцев, сходились во мнении, что наибольших успехов достигали только те мигранты, которые были представлены в переселенческом потоке профессиональными российскими землепашцами, а идеальным типом крестьянина-переселенца в Туркестанском крае можно было признать религиозных диссидентов – меннонитов и раскольников как людей «предприимчивых, зажиточных, знающих страну», «одушевленных религией, развитых, трудолюбивых, трезвых», «которые куда ни придут, везде найдут себе Америку» ([Иванов, 1890: 239](#)). Общий вывод экспертов сводился к мнению, что в массе своей «русские переселенцы не снискали себе уважения среди туземцев и беспорядочным укладом жизни нередко отвращают коренное население от принятия русских обычаев и русской культуры, чем раздражают туземцев и закладывают семена национальной розни и религиозной вражды» ([Переселенческое дело..., 1910: 418](#)).

Согласно выводам переселенческих чиновников, дело организации крестьянских поселков в земледельческих областях Туркестана было по-прежнему прерогативой региональной бюрократии и выполнялось имевшимися в ее распоряжении силами и средствами. По свидетельству Н. Гаврилова, центральное правительство, не сочувствуя переселениям крестьян из Европейской России, не принимало мер содействия к устройству новоселов, в том числе и в плане создания особых учреждений для заведывания делом образования русских поселков ([Переселенческое дело..., 1911: 3](#)). Аналогичное мнение встречаем у К.К. Палена, указывавшего, что водворение крестьян после принятия Положения 1886 г. велось только по инициативе и в пределах понимания местных администраций ([Переселенческое дело..., 1910: 176](#)). Практически все специалисты согласованно отмечали отсутствие порядка в проведении землеотводных работ, что во многом являлось следствием управленческой дезорганизации. В результате ревизии переселенческих поселков Туркестанского края комиссия К.К. Палена зафиксировала организационный хаос в наделении крестьян земельными участками на примере поселка Никольский Сыр-Дарьинской области, в котором земли сначала раздавались комиссией по устройству переселенцев, затем – командированным землемером и, наконец, старостой, не имевшим полного списка переселенцев ([Переселенческое дело..., 1910: 176-177](#)). В этой связи К.К. Пален, критически оценивая модель организации и функционирования переселенческого дела, писал: «...всякий рубль, затраченный из средств казны на поддержание современных форм переселения, идет не на пользу государственную, а на подготовку в близком будущем аграрного кризиса на этой окраине и притом в самой острой его форме, так как он не замедлит осложнить здесь межнациональную рознь между неустроенным в земельном отношении коренным инородческим населением и неосмотрительно заброшенным в край русским сельским обывателем» ([Переселенческое дело..., 1910: 62](#)).

Паллиативность решений и личностный фактор в организации переселенческого дела во второй половине 1880-х гг. в значительной мере уравновешивались низкими темпами переселенческого движения, что предоставляло имперской бюрократии возможность контроля над процессом водворения и обустройства аграрных мигрантов. Число образованных русских крестьянских поселков в наиболее востребованных (с точки зрения организации земледельческого производства) районах Сыр-Дарьинской области, по заключению ревизии К.К. Палена, являлось ничтожным. В период с 1886 по 1890 гг. здесь было основано 13 населенных пунктов с водворенными в них 1 300 душами ([Переселенческое дело..., 1910: 177](#)). Однако неурожай и голод 1891–1892 гг., стимулировавшие переселенческую активность крестьянства Европейской России, привели к увеличению количества русских поселков в Сыр-Дарьинской области по экспоненте, что выразилось в создании еще 17-ти населенных пунктов, а число обитателей сельской местности выросло до 2,5–3 тыс. душ ([Переселенческое дело..., 1910: 178](#); [Переселенческое дело..., 1911: 4](#)).

В рецепции имперскими экспертами вопросов организации переселенческого дела в Туркестанском крае в 1890-х гг. можно выделить несколько ключевых сюжетов. Во-первых, это обоснование реакции имперской власти на возросшую переселенческую активность крестьянства Европейской России в аспекте упорядочивания и систематизации водворения и обустройства мигрантов. В данном отношении эксперты переселенческого дела отмечали факт панического восприятия региональной бюрократией роста переселений в Туркестан и непоследовательность практик регулирования вопросов, связанных с переселениями в условиях флуктуаций

переселенческого движения. Н. Гаврилов и К. Пален единообразно описывают стремление краевых администраций действовать по прецеденту, ограничивая или пытаясь запретить водворение крестьян в Туркестанском крае. По констатации Н. Гаврилова, туркестанская администрация, напуганная наплывом переселенцев в 1891–1892 гг., несмотря на спад переселенческого движения в 1894–1895 гг., пыталась приостановить прилив в регион аграрных мигрантов, а указ генерал-губернатора барона А.Б. Вревского от 1897 г. запрещал водворение крестьян в Туркестане вплоть до утверждения общего плана колонизации (Гаврилов: 4). В отчетах Н. Гаврилова и К. Палена сообщается, что, несмотря на категоричность решения генерал-губернатора о запрете переселений вплоть до ограничения доступа в Туркестан через Астрахань и порты Каспийского моря, уже в 1898 г. преемник А.Б. Вревского на посту генерал-губернатора С.М. Духовский распорядился о подготовке участков для переселенцев и об образовании комиссии для выработки правил колонизации края (Переселенческое дело..., 1911: 4-5; Переселенческое дело..., 1910: 179-180). Во-вторых, в дискурсе экспертов отчетливо прослеживался мотив осознания центральной властью необходимости реформативного отношения к организации и регулированию переселенческого дела как в общегосударственном масштабе, так и непосредственно в Туркестанском крае. В качестве ключевых решений имперские эксперты согласованно отмечали создание специального учреждения, ответственного за составление программ и реализацию практик переселенческого дела (Переселенческого управления МВД в 1896 г.), а также за экспедиционную деятельность переселенческих чиновников, за выяснение хозяйственно-ресурсного потенциала Туркестана. Все это позволило в период столыпинских переселений (1906–1914 гг.) сместить экономические акценты от зернового производства к культивированию хлопководства как наиболее соответствовавшего местным природно-климатическим условиям.

Нельзя не отметить, что в рецепции состояния переселенческого дела в Туркестане его непосредственными организаторами и участниками был предельно точно зафиксирован качественный поворот в государственной политике, который сводился к решению главной задачи – совмещение переселенческого движения с общим проектом колонизации Туркестанского края как доходной статьи бюджета Российской империи. В дискурсе российской специализированной периодической печати одним из наиболее активно обсуждаемых стал вопрос о состоянии переселений в Туркестанский край в связи с развитием хлопководческого производства (Драницын, 1913: 133-180; Скрыплев, 1913: 203-225; Записка Главноуправляющего..., 1913: 297-365). Главноуправляющий земледелием и землеустройством А.В. Кривошеин в преамбуле к записке о поездке в Туркестанский край в 1912 г. рельефно обозначил новый вектор имперской колонизационной политики, выделив ее важнейшие составляющие: «Если на одной из граней... стоит надпись «хлопок», то на другой начертано «орошение», на третьей, пока еще затененной, но важнейшей – русское заселение» (Записка главноуправляющего..., 1913: 298).

5. Заключение

Таким образом, организация переселенческого дела в Туркестанском крае, в продолжительной перспективе являясь сферой компетенции имперской власти, корректировалась вследствие участия в колонизационном процессе широкого круга акторов. К их числу принадлежали имперские эксперты – представители переселенческой бюрократии, репрезентировавшие представления различных сообществ: чиновничества, ученых, публицистов, общественных деятелей. В текстах имперских экспертов детально обсуждался обширный круг вопросов, связанных со спецификой переселенческого движения, а выводы, содержащиеся в отчетах, научных статьях, докладах, отражали не только нюансы переселенческого движения в Туркестанский край, но и возможные сценарии реализации имперских колонизационных проектов в контексте аграрных миграций второй половины XIX – начала XX вв. В целом содержание экспертных оценок переселенческого дела в Туркестанском крае представляло собой жесткую и последовательную критику личностного подхода власти к решению переселенческих вопросов, что приводило к дезорганизации в деятельности по созданию русских поселков и лимитировало экономическую продуктивность крестьянских хозяйств в природных и общественных обстоятельствах принимающего края. В основном негативно имперские эксперты оценивали и политику «русского дела» в регионе, считая ее неизбежным фактором эскалации конфликтов между переселенцами и коренными обитателями Туркестана. Переселенческое дело в Туркестанском крае приобрело динамичный формат только в начале XX в., что было обусловлено эскалацией аграрно-земледельческого кризиса в европейской части России и последовавшими реформами в аграрной сфере. Вместе с тем, по мнению сообщества имперских экспертов, мощный толчок развитию переселений в Туркестанский край был дан в результате экономической переориентации региона от малопродуктивного зернового хозяйства к выращиванию хлопка, что привело к увеличению колонизационной емкости Туркестана и потенциальных возможностей приема мигрантов из Европейской России.

Литература

Абашин, 2016 – Абашин С.Н. Туркестан в имперской политике России: монография в документах. М. Кучково поле, 2016. 880 с.

Беккер, 2004 – Беккер С. Россия и концепт империи / Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. С. 76-77.

Брежнева, 2018 – Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XI–XX вв. // *Вестник РУДН. Сер.: История России*. 2018. Т. 17. № 3. С. 608-638.

Воцинин, 1914 – Воцинин В.П. Очерки нового Туркестана. СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1914. 86 с.

Гейер, 1893 – Гейер И. По русским селениям Сыр-Дарьинской области. Письма с дороги. Ташкент: Типо-литография бр. Каменских, 1893. 174 с.

Гинзбург, 1991 – Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане (конец XIX – начале XX вв.) М.: Ин-т этнологии и антропологии АН СССР, 1991. 144 с.

Григорьев, 1840 – Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесённая исправляющим должность профессором В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.

Драницын, 1913 – Драницын Д. Заметки о колонизации русской Туркмении // *Вопросы колонизации*. 1913. № 12. С. 133-180.

Записка главноуправляющего..., 1913 – Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. // *Вопросы колонизации*. 1913. № 12. С. 297-365.

Иванов, 1890 – Иванов А.И. Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб.: Тип. Т-ва "Общественная польза", 1890. С. 226-244.

К вопросу..., 1911 – К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: Отчёт члена учёного комитета Министерства земледелия и государственных имуществ А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1903. 205 с.

Кауфманский сборник..., 1910 – Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерёва, 1910. 247 с.

Кирильчик, 2021 – Кирильчик Д.В. Цивилизаторская политика России в Туркестане и место в ней русских крестьян-переселенцев (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Новое прошлое*. 2021. № 2. С.84-95.

Круз, 2020 – Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.

Миньяр-Белоручева, 2015 – Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // *Язык и текст langpsy.ru*. 2015. Т. 2. №2. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Belouchcheva.shtml> (дата обращения: 18.10.2024).

Новая имперская..., 2004 – Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. 652 с.

Переселенческое дело..., 1910 – Переселенческое дело в Туркестане: Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой графом К.К. Паленом. СПб.: Сенатская тип., 1910. 429 с.

Переселенческое дело..., 1911 – Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская): Отчёт по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершуни, 1911. 336 с.

Скрыплев, 1913 – Скрыплев П. Хлопководство и русские переселенцы // *Вопросы колонизации*. 1913. № 12. С. 203-225.

Фомченко, 1983 – Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент: издательство «ФАН» Узбекской ССР, 1983. 128 с.

Ходарковский, 2019 – Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Цыряпкина, 2022 – Цыряпкина Ю.Н. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1625-1641.

Чуркин, 2021 – Чуркин М.К. «Найти своих и успокоиться»: коммуникативное пространство российских переселенческих чиновников как фактор профессиональной адаптации (конец XIX – начало XX вв.) // *Вестник НГУ: Серия «История»*. 2021. Т. 20. № 8. С. 61-73.

References

Abashin, 2016 – Abashin, S.N. (2016). Turkestan v imperskoj politike Rossii: monografiya v dokumentakh [Turkestan in the imperial policy of Russia: a monograph in documents]. M. Kuchkovo pole, 880 p. [in Russian]

Bekker, 2004 – Bekker, S. (2004). Rossiya i kontsept imperii [Russia and the concept of empire]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statei. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan': «Tsentr Issledovaniya Natsionalizma i Imperii». Pp. 76-77. [in Russian]

Brezhneva, 2018 – *Brezhneva, S.N.* (2018). Otrazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoi politike Rossiiskoi imperii v Turkestane na rubezhe XI–XX vv. [Reflection of the idea of acculturation in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the XI-XX centuries]. *Vestnik RUDN. Ser.: Istoriya Rossii*. 17(3): 608-638. [in Russian]

Churkin, 2021 – *Churkin, M.K.* (2021). «Naiti svoikh i uspokoit'sya»: kommunikativnoe prostranstvo rossiiskikh pereselencheskikh chinovnikov kak faktor professional'noi adaptatsii (konets XIX – nachalo XX vv.) [“Find your own and settle down”: communicative space of Russian resettlement officials as a factor of professional adaptation (late XIX – early XX centuries.)]. *Vestnik NGU: Seriya «Istoriya»*. 20(8): 61-73. [in Russian]

Dranitsyn, 1913 – *Dranitsyn, D.* (1913). Zametki o kolonizatsii russkoi Turkmenii [Notes on the colonization of Russian Turkmenia]. *Voprosy kolonizatsii*. 12: 133-180. [in Russian]

Fomchenko, 1983 – *Fomchenko, A.P.* (1983). Russkie poseleniya v Turkestanskom krae v kontse XIX – nachale XX v. (sotsial'no-ekonomicheskii aspekt) [Russian settlements in Turkestan Krai in the late XIX – early XX century (socio-economic aspect)]. Tashkent: izdatel'stvo «FAN» Uzbekskoi SSR, 128 p. [in Russian]

Geier, 1893 – *Geier, I.* (1893). Po russkim seleniyam Syr-Dar'inskoi oblasti. Pis'ma s dorogi [On Russian villages of the Syr-Darya region. Letters from the road]. Tashkent: Tipo-litografiya br. Kamenskikh, 174 p. [in Russian]

Ginzburg, 1991 – *Ginzburg, A.I.* (1991). Russkoe naselenie v Turkestane (konets XIX– nachale XX vv.) [Russian population in Turkestan (late XIX – early XX centuries.)]. M.: In-t etnologii i antropologii AN SSSR, 144 p. [in Russian]

Grigor'ev, 1840 – *Grigor'ev, V.V.* (1840). Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznesennaya ispravlyayushchim dolzhnost' professorom V. Grigor'evym [On the attitude of Russia to the East: Speech made by Professor V. Grigoriev]. Odessa, 18 p. [in Russian]

Ivanov, 1890 – *Ivanov, A.I.* (1890). Russkaya kolonizatsiya v Turkestanskom krae [Russian colonization in the Turkestan region]. SPb.: Tip. T-va "Obshchestvennaya pol'za". Pp. 226-244. [in Russian]

K voprosu..., 1911 – K voprosu o russkoi kolonizatsii Turkestanskogo kraja: Otchet chlena uchenogo komiteta Ministerstva zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv A.A. Kaufmana po komandirovke letom 1903 g. [To the question of Russian colonization of the Turkestan region: Report of A.A. Kaufman, a member of the Scientific Committee of the Ministry of Agriculture and State Property, on a business trip in the summer of 1903]. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 1903. 205 p. [in Russian]

Kaufmanskii sbornik..., 1910 – Kaufmanskii sbornik, izdannyi v pamyat' 25 let, istekshikh so dnya smerti pokoritelya i ustroitel'ya Turkestanskogo kraja general-ad'yutanta K.P. fon-Kaufmana [Kaufman's Collection, published in memory of 25 years since the death of Adjutant General K.P. von Kaufman, the conqueror and organizer of the Turkestan region]. M.: Tipo-litografiya I.N. Kushnereva, 1910. 247 p. [in Russian]

Khodarskovskii, 2019 – *Khodarkovskii, M.* (2019). Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500-1800 [Steppe frontiers of Russia. How the colonial empire was created. 1500-1800]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 352 p. [in Russian]

Kiril'chik, 2021 – *Kiril'chik, D.V.* (2021). Tsivilizatorskaya politika politika Rossii v Turkestane i mesto v nei russkikh krest'yan-pereselentsev (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Civilization policy of Russia in Turkestan and the place of Russian peasant settlers in it (the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries)]. *Novoe proshloe*. 2: 84-95. [in Russian]

Kruz, 2020 – *Kruz, R.* (2020). Za proroka i tsarya. Islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii [For the Prophet and the Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 408 p. [in Russian]

Min'yar-Beloruicheva, 2015 – *Min'yar-Beloruicheva, A.P.* (2015). Tipologiya istoricheskogo diskursa [Typology of historical discourse]. *Yazyk i tekst langpsy.ru*. T. 2. №2. [Electronic resource]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloruicheva.shtml> (date of access: 18.10.2024). [in Russian]

Novaya imperskaya..., 2004 – Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statei [New Imperial History of the Post-Soviet Space: Collection of Articles]. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan': «Tsentr Issledovaniya Natsionalizma i Imperii», 2004. 652 p. [in Russian]

Pereselencheskoe delo..., 1910 – Pereselencheskoe delo v Turkestane: Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoi grafom K.K. Palenom [Resettlement Affairs in Turkestan: Report on the Revision of the Turkestan Territory by Count K.K. Palen]. SPb.: Senatskaya tip., 1910. 429 p. [in Russian]

Pereselencheskoe delo..., 1911 – Pereselencheskoe delo v Turkestanskom krae (oblasti Syr-Dar'inskaya, Samarkandskaya, Ferganskaya): Otchet po sluzhebnoi poezdke v Turkestan osen'yu 1910 g. chinovnika osobykh poruchenii pri Pereselencheskom upravlenii N. Gavrilova [Resettlement Affairs in the Turkestan Region (Syr-Darya, Samarkand, Fergana provinces): Report on the official trip to Turkestan in the fall of 1910 by N. Gavrilov, an official of special assignments at the Resettlement Administration]. SPb.: Tip. F. Vaisberga i P. Gershuni, 1911. 336 p. [in Russian]

Skryplev, 1913 – *Skryplev, P.* (1913). Khlopkovodstvo i russkie pereselentsy [Russian settlements in Turkestan Krai in the late XIX – early XX century (socio-economic aspect)]. *Voprosy kolonizatsii*. 12: 203-225. [in Russian]

TsGA RUz – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan].

Tsyryapkina, 2022 – Tsyryapkina, Yu.N. (2022). «Bor'ba za russkoe delo»: imperskaya kolonizatsiya Turkestana [“Struggle for the Russian cause”: imperial colonization of Turkestan]. *Quaestio Rossica*. 10(5): 1625-1641. [in Russian]

Voshchinin, 1914 – Voshchinin, V.P. (1914). Ocherki novogo Turkestana [Sketches of new Turkestan]. SPb.: Tip. t-va «Nash vek», 86 p. [in Russian]

Zapiska glavnoupravlyayushchego..., 1913 – Zapiska glavnoupravlyayushchego zemleustroistvom i zemledeliem o poezdke v Turkestanskii krai v 1912 g. [Note of the Chief Administrator of Land Management and Agriculture on a trip to the Turkestan region in 1912]. *Voprosy kolonizatsii*. 1913. № 12. Pp. 297-365. [in Russian]

Рецепция переселенческого дела в Туркестанском крае в оценках имперских экспертов второй половины XIX – начала XX вв.

Серикбай Даулатұлы Мамраймов ^{a, b, *}, Айгуль Маликовна Жаркен ^b,
Сабира Нурбаевна Апашева ^c, Бакыт Салманович Токмурзаев ^d

^a Zhanibekov university, Шымкент, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^c Университет имени Жумабека Ахметулы Ташенева, Шымкент, Республика Казахстан

^d Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье на материалах делопроизводства переселенческих чиновников, а также на материалах научно-публицистических трудов второй половины XIX – начала XX вв. раскрываются представления имперских экспертов об организации переселенческого дела в Туркестанском крае в динамике аграрно-колониционных мероприятий в регионе. В процессе исследования установлено, что экспертные оценки спектра проблем, сопутствовавших крестьянским переселениям в Туркестан, носили критически-рецептурный характер, а мнения, высказанные имперскими экспертами об обстоятельствах формирования и содержания переселенческой политики, были востребованы властью и с известными коррективами проводились в жизнь. Выявлены основные проблемные сферы переселенческого дела, рецепция которых производится в текстах имперских экспертов. Во-первых, по мнению специалистов, в переселенческом деле изначально присутствовал и сохранялся в дальнейшем элемент управленческой дезорганизации, что выражалось в предоставленной высшей губернской администрации прерогативе принятия самостоятельных решений в процессе водворения и обустройства переселенцев. Во-вторых, согласно выводам экспертов, генерал-губернаторский корпус края мобилизовывался преимущественно из администраторов, имевших опыт управления на западных окраинах Российской империи. В условиях восточной периферии региональные администраторы стремились к защите и продвижению интересов «русского дела» часто без учета местной этноконфессиональной специфики, что априори создавало ситуации конфликтности и конфронтации. В-третьих, имперские эксперты полагали, что географическая отдаленность Туркестана от центра империи существенно ограничивала потенциал аграрной колонизации, что выразилось в низком качестве переселенческого материала, по большей части выбранного в ходе освоения Западной Сибири и Степного края. В представлениях экспертов, переселенческое дело в Туркестанском крае приобрело динамичный формат только в начале XX в., что было обусловлено эскалацией аграрно-земледельческого кризиса в европейской части России и последовавшими реформами в аграрной сфере. Выход из кризисной ситуации, объединившей Туркестан и Россию в общее колониционное поле, имперские эксперты видели не в мероприятиях, направленных на ограничение или полный запрет переселений в Туркестанский край, а в постепенной отраслевой переориентации от зернового хозяйства к хлопководству, что значительно раздвинуло рамки колониционного фонда и способствовало рациональной организации переселенческого дела.

Ключевые слова: Туркестанский край, Российская империя, колонизация, переселенческое дело, имперские эксперты, интеграция коренных народов, Азиатская Россия, имперская колонизация, дискурс, рецепция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s_dauletuly@mail.ru (С.Д. Мамраймов),
b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 228-237
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.228

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Educational Function of the Customary Law of the Peoples of Siberia in the XIX century

Valentina V. Naumkina ^{a,*}, Tatyana V. Vorotilina ^b, Svetlana A. Grimalskaya ^c, Ruslan M. Zhirov ^d

^a Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russian Federation

Abstract

The article examines the educational function of customary law on the example of Siberian foreigners. Education is considered in a broad and narrow sense. In a broad sense, education is aimed at the formation of traditional values and the worldview of the whole society. In a narrow sense, the educational function is understood as the upbringing of children and the care of orphans. The study was conducted on the basis of archival materials of the XIX century on the territory of the Yenisei province. The materials of the ancestral organs and official data were used.

The formation of moral ideals and moral values was of great importance for understanding and accepting collective interests. Survival in harsh conditions was possible with the unity of society and the presence of collective efforts. The decisions of the tribal organs were conciliatory in nature, to exclude blood feuds and enmity. Customary law was aimed at the formation of collectivism, since the survival of an individual outside the collective was impossible. The educational function covered all members of society and was aimed at forming unity, which made it possible to survive. The specific conditions of farming have caused high self-regulation of society.

Taking care of the children was a priority, as the family was interested in increasing its size. There were no institutions for orphans, the children lived in families. Customs regulated the issues of custody of orphans and their property, while the ancestral organs retained control functions. The children were treated as household helpers and put their work into the general household of the guardian. Customary law was aimed at education, which was the main function.

Keywords: customary law, custom, functions of customary law, educational function, foreigners, Eastern Siberia, worldview formation, guardianship, child care.

1. Введение

Воспитание является неотъемлемой задачей любого общества. Посредством воспитания проходит социализация личности, формируются морально-нравственные принципы и нормы поведения. Вопросы воспитания являются основой общественного развития. Основы социализации личности закладывает семья, которая является системообразующим элементом в социальной сфере и основой любого современного общества. Первичные жизненные навыки, стереотипы поведения, принципы взаимодействия в обществе закладывает семья.

Обычное право являлось не только регулятором общественных отношений, но и выступало в качестве системного феномена, который охватывал все сферы жизнедеятельности. По своей природе

* Corresponding author

E-mail addresses: naumkinav@mail.ru (V.V. Naumkina), vorotilina@mail.ru (T.V. Vorotilina), sgrimaskaya@fa.ru (S.A. Grimalskaya), dzhir-ruslan@mail.ru (R.M. Zhirov)

обычное право является социально-культурным феноменом. Как социально-культурное явление обычное право носит двойственный характер. С одной стороны, обычное право имеет мощный потенциал по формированию морально-нравственных устоев и ориентиров общества. С другой стороны, действие обычного права направлено на формирование мировоззрения, ценностных ориентиров, которые, в свою очередь, создают условия сохранения и использования норм обычного права.

У кочевых народов Сибири вплоть до советского периода сохранились обычное право и традиционная (родовая) организация управления. Консерватизм был связан с политикой государства, направленной на раздельное проживание переселенцев и коренных народов, с одной стороны. Сохранение традиционного ведения хозяйства и кочевой образ жизни обеспечивали стойкость и востребованность существующей системы управления и обычного права, с другой стороны.

Обычай в сфере семейных отношений сохранились и являются основой воспитания личности в настоящее время. Традиционные семейные ценности стали востребованной тематикой и рассматриваются не только с позиции обычного права, но и как базис для формирования личностных качеств. Традиционные семейные ценности есть не что иное, как мировоззренческие представления и ориентиры, исторически выработанные на основе социального опыта народа под воздействием норм обычного права.

2. Материалы и методы

Основным источником при проведении исследования стали архивные материалы: приговоры Степных Дум, материалы работы государственной комиссии по кодификации обычного права степных народов Восточной Сибири, жалобы инородцев, долговые книги и др. Работа по кодификации обычного права инородцев была направлена на подготовку Свода степных законов, который так и не был принят. Но за период работы комиссии были собраны обширные материалы по обычному праву XIX века (Нольде, 1911). Исследование проводилось по материалам Енисейской Губернии. Были использованы материалы Национального архива Республики Хакасия (Абакан, Российская Федерация), Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация), Государственного архива Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация).

Важнейшими источниками для исследования являются сборники материалов по обычному праву, составленные современниками. Они основаны на материалах экспедиций Русского географического общества. В сферу научных интересов Русского Географического общества входило обычное право. Во второй половине XIX в. в его составе было создано специальное «Отделение по обычному праву», которое занималось сбором эмпирического материала по различным народам Сибири. В работе Д.Е. Лаппо «Преступления и наказания по степному праву сибирских кочевых инородцев (Минусинские татары)» (Лаппо, 1906) описаны результаты проведенной экспедиции по южным районам Енисейской губернии. Д.Е. Лаппо собрал и систематизировал материалы решений органов словесной расправы. В работе Н. Кострова «Этнографические заметки о киргизских татарах» (Костров, 1865) содержатся материалы о быте и культуре сибирских народов. В работе А.А. Ярилова «Былое и настоящее сибирских инородцев» (Ярилов, 1899) опубликованы архивные материалы.

Методологическую основу исследования составляет комплекс различных методов познания, выработанных не только юриспруденцией, но и другими социальными и гуманитарными науками. Системный метод позволяет рассмотреть обычаи и обычное право как социально-культурный феномен с учетом уровня развития и особенностей хозяйственно-экономической деятельности кочевых народов. Системный метод позволил выделить воспитательное начало в решениях органов словесной расправы и установить значение воспитательного воздействия на инородцев. Историко-правовой метод позволил рассмотреть предмет исследования исходя из общих тенденций развития обычного права коренных народов Сибири, что позволило выявить влияние исторических реалий на консервацию общественных отношений и сохранение обычного права в качестве основного регулятора общественных отношений у кочевых народов. Функции обычного права как регулятивной системы являются производной от совокупности условий проживания.

3. Обсуждение

Систематическое изучение обычаев и обычного права сибирских народов началось во второй половине XIX в. Исследователи начали собирать обычаи различных народов. Этот интерес был вызван проводимой на территории Сибири реформой М.М. Сперанского и идеей кодификации обычного права инородцев. Использование экономического потенциала Сибири требовало изменения системы управления и систематизации правовых актов, изучения существующего уклада жизни инородцев. В этот период стали появляться и первые труды, посвященные обычаям сибирских народов, например, Н.Я. Кострова (Костров, 1865), Д.Е. Лаппо (Лаппо, 1906), С. Шашкова (Шашков, 1867), И.Я. Фойницкого (Фойницкий, 1878) и других авторов.

Особый вклад в изучение и собирание национальных обычаев был внесен Русским географическим обществом. В XIX веке издавались как научные работы, так и сборники эмпирических данных для сохранения материалов. В 1876 году А.Э. Самоквасов издал «Сборник

обычного права сибирских инородцев» (Самоквасов, 1876). А.А. Ярилов издал архивные материалы Степных Дум (Ярилов, 1899).

В работах XIX – начала XX вв. содержится богатый эмпирический материал. Особую ценность представляют материалы экспедиций, поскольку в них представлены наблюдения исследователей. В официальных данных (например, материалы комиссии по кодификации обычного права Восточной Сибири) представлены неполные данные, поскольку они собирались со слов почетных инородцев в виде ответов на вопросы, составленные представителями комиссии (Обозрение письменных..., 1841). Перепроверить данные было невозможно из-за кочевого образа жизни инородцев, больших неосвоенных расстояний между кочевьями, а также из-за незнания русского языка. Инородцы предоставляли данные не в полном объеме из-за боязни реакции государства на существующие нормы.

В настоящее время проводятся исследования как по общетеоретическим вопросам обычного права, так и по обычному праву различных народов страны. На современном этапе фундаментальные исследования по обычному праву народов России проведены С.А. Алексеевой (Алексеева, 2008), О.А. Плоцкой (Плоцкая, 2013), Л.Г. Свечниковой (Свечникова, 2006), А.Т. Тумуровой (Тумурова, 2009), Л.Б. Гандаровой (Гандарова, 2009), А.М. Учайкиной (Учайкина, 2013), В.М. Дамдынчап (Дамдынчап, 2012) и другими учеными. Обычное право формировалось под воздействием разных факторов (религии, хозяйственных особенностей и др.). Современные исследования охватывают разные по социально-культурным характеристикам народы, что позволяет выделить общие тенденции развития обычного права.

Среди современных работ особое место занимает коллективная монография «Обычное право России: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты». Исследования по различным народам России использовались для проведения сравнительного анализа и выделения общих характеристик и тенденций развития обычного права.

Как правило, обычное право рассматривается как правовое явление с позиции содержания норм, механизмов реализации, санкционирования государством. Функциям обычного права уделяется недостаточное внимание. Систематизация и классификация функций были даны в работе О.А. Плоцкой «Функции обычного этнического права пермских народов» (Плоцкая, 2015). Воспитательная функция остается малоизученной в научной литературе, хотя ее наличие признается исследователями (Обычное право..., 2019).

4. Результаты

Общество всегда заинтересовано в воспитании своих членов, поскольку через воспитание происходит освоение культуры поведения, жизненного опыта и социализация членов общества. Социализация личности проходит на протяжении всей жизни. Воспитание является элементом социализации и в большей степени характерно для детского возраста. Социализация включает различные элементы: воспитание, сохранение и передачу информации, механизмы ограничения и воздействия на личность и т. д.

Свободное воспитание стало модной тематикой, но, как правило, оно ведет к тому, что представитель общества чаще всего остается невоспитанным (Норова, 2017: 70).

На территории Сибири действие обычного права было санкционировано государством, обычаи выступали основным регулятором среди коренного населения вплоть до советского периода. Законодательство Российской империи распространялось только на сферу экономических интересов государства (например, налогообложение, запрет фальшивомонетничества и т. д.) и на переселенцев, которые проживали в отдельных населенных пунктах. При кочевом образе жизни и отсутствии населенных пунктов, характерных для центральной части страны, обеспечить управление кочевым населением могли только традиционные органы посредством норм обычного права.

Обычное право принято относить к архаичным пережиткам, хотя такие выводы являются поспешными. Обычное право на уровне государства уступило ведущие позиции писаному праву. На уровне мини-коллективов традиционные регуляторы сохраняют ведущие позиции у многих народов России. Традиционные воспитание и традиционные ценности могут стать фундаментальной основой для формирования правомерного поведения, активной гражданской позиции, патриотизма и т. д. Традиционные ценности являются неким базисом для формирования мировоззрения. Эти ценности отражены в различных социальных регуляторах (религиозных заповедях, нормах морали, обычаях, писаном праве и т. д.). Именно они должны быть основой воспитания молодого поколения. Критика обычаев за жесткость и субъективность не всегда оправдана. Содержание нормы определяется уровнем социально-культурного развития общества и условиями жизни. Оценка обычаев, исходя из современного представления о праве и гуманизме, несопоставима с реальными условиями жизни того периода.

Обычное право, как правило, рассматривают с позиции регулятивного воздействия (Плоцкая, 2013с) и как историко-культурный феномен (Ходжалиев, 2023; Обычное право..., 2019).

Существует ряд условий действия и сохранения обычного права. Нормы обычного права «принимаются» обществом, если общество понимает и воспринимает его значение. Регулятивные свойства обычного права взаимосвязаны с воспитательным воздействием на общество, которое,

в свою очередь, является обязательным условием общественного признания обычаев. Публичность и использование ритуалов усиливает такое воздействие.

Воспитание является одной из важнейших функций обычного права (Плоцкая, 2013с). Обычное право имеет ярко выраженную социальную направленность, поскольку главная цель и назначение обычного права – это не только регулирование общественных отношений и разрешение конфликтных ситуаций, но и создание идейно-нравственного единства общества для выживания и дальнейшего развития. Под воздействием норм обычного права формируются требования к каждому члену общества с учетом различных вызовов внешней среды.

Обычное право направлено на формирование моральных идеалов, нравственных ценностей, которые отражались в сознании человека и являлись основными жизненными целями (Плоцкая, 2013а; Плоцкая, Иванова, 2013b; Плоцкая, 2013с: 159; Plotskaya, Ruchkina, 2022: 1065; Plotskaya et al., 2023; Plotskaya et al., 2023; Plotskaya et al., 2022a; Plotskaya et al., 2022b; Plotskaya et al., 2021).

В отличие от обычного права, приоритетной функцией писаного права является регулирование общественных отношений, поэтому на более поздних этапах развития воспитанием стало заниматься государство.

Воспитательная функция обычного права распространялась на всех членов общества. Систематическое воспитательное воздействие позволяло формировать социальное единство, общность мировоззрения, общественное мнение.

Обычное право различных народов имеет схожие характеристики и нормы, это связано единой направленностью обычаев. При этом на обычное право накладываются отпечаток условий проживания (климатические, географические, геополитические и т. д.), особенности ведения хозяйства (экономическая основа общества и наличие источников дохода), взаимодействие (или его отсутствие) с представителями иной культуры, религиозные воззрения и уровень социально-экономического развития общества (Шашков, 1867; Материалы..., 1929).

Кочевой образ ведения хозяйства, суровые климатические условия и труднопреодолимые для того времени расстояния стали определяющими факторами формирования функций обычного права сибирских народов (Дамдынчап, 2012). На территории Сибири вплоть до советского периода существовало два уклада жизни – коренного населения, основанного на родовых отношениях и традиционном управлении, и переселенцев.

Социальная направленность и воспитательная функция обычного права обеспечивали не только функционирование обычного права как регулятивной системы, но и выступали в качестве объединяющего начала. Главной целью общества было выживание, а основным условием выживания – коллективный труд. Индивид не мог выжить без коллектива, поэтому он должен был принять существующие правила. Коллектив нуждался в сохранении и увеличении численности индивидов.

Воспитательную функцию обычного права можно рассматривать в широком и узком смысле, в зависимости от субъектов воспитательного воздействия и результатов (последствий) для общества. Во-первых, это формирование мировоззрения и стереотипов поведения. В данном случае нормы обычного права направлены на воспитание всего коллектива и на сохранение правил поведения. Во-вторых, это забота о детях (включая сирот). В данном случае нормы обычного права направлены на обеспечение условий жизни детей.

Формирование мировоззрения в условиях действия обычного права можно сравнить с идеологической функцией государства. Патриотическое воспитание в обычном праве было основополагающей идеей. При кочевом образе жизни часто возникали конфликтные ситуации между племенами за более удобные угодья и источники дохода. Соседство с Монголией и Китаем постоянно представляло угрозу. Набеги с соседних территорий сопровождалась потерей скота, который был экономической основой хозяйственной деятельности кочевников. Кочевой образ жизни предполагал минимальное количество имущества, весь доход вкладывался в увеличение поголовья скота. Поэтому потеря стада означала утрату источника существования. Обычаи были направлены на формирование положительного отношения к своей земле.

Формирование и признание правил поведения обеспечивало управляемость обществом. Воспитательное воздействие с целью формирования мировоззрения и стереотипов поведения было направлено на все слои населения, независимо от возраста и социального статуса.

Воспитательная функция обычного права очень ярко прослеживается в решениях органов словесной расправы кочевых народов Сибири. Воспитательная направленность формировала восприятие происходящего. Например, нанесение побоев (в том числе со смертельным исходом) инородцам, сменившим вероисповедание, не рассматривалось как правонарушение. Словесная расправа отказывала в рассмотрении таких дел (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Кар. 2041. Д. 212. Л. 11-12), поскольку изменение веры негативно воспринималось обществом.

Наиболее распространенными были наказания в виде денежной компенсации (или штрафа) либо при экономической несостоятельности применялось телесное наказание (Фойницкий, 1878). Иные виды наказания использовались редко (Учайкина, 2013: 174).

Меры воздействия, которые применяли органы словесной расправы, были направлены на воспитание и примирение (а не наказание). У сибирских народов обычаи кровной мести не были

распространены. Кроме того, суровые условия жизни предполагали наличие коллектива. Разногласия могли привести к «расколу» рода, что, в свою очередь, могло его ослабить и сделать более уязвимым. Индивид вне коллектива выжить не мог, поэтому примирение обеспечивало дальнейшее взаимодействие всех членов общества. В качестве «исключительной меры» использовалось изгнание из рода в отношении лиц, неоднократно совершавших правонарушения, которые общество воспринимало как особо опасные. Изгнание из рода было направлено на то, «чтобы он не мог починить побега, наделать другого преступления» (НА РХ. Ф. ИИ-2. Оп. 1. Д. 10. Л. 36).

Денежная компенсация должна была возместить причиненный ущерб, примирить стороны и оказать воспитательное воздействие на ответчика и его семью. Семья выступала в данном случае в качестве субъекта ответственности.

Штраф использовался не только для того, чтобы удовлетворить пострадавшую сторону. Встречаются приговоры, согласно которым предусматривался штраф «в пользу общества» (НА РХ. Ф. ИИ-2. Оп. 1. Д. 124. Л. 9). Такие штрафы имели воспитательное значение. Полученные средства использовались на общие цели рода (Ярилов, 1899: 62).

В воспитательных целях размер штрафа был выше реального ущерба и определялся с учетом «коэффициента». Обычай предусматривали «систему штрафов» в зависимости от рецидива (Костров, 1865: 114). Увеличение санкции должно было удерживать инородца от противоправных деяний.

Телесное наказание при его непопулярности среди коренных народов было публичным мероприятием, которое проводилось «в пример прочим» (НА РХ. Ф. ИИ-2. Оп. 1. Д. 872. Л. 3). Визуализация должна была произвести моральное воздействие на всех членов общества.

Телесные наказания использовались реже по ряду причин. Во-первых, это могло привести к утрате работоспособности на определенный период. Потеря работника могла отразиться на всем роде не только экономически, но и с позиции обеспечения безопасности рода. Поэтому данный вид наказания не был популярным. Во-вторых, наказание в виде возмещения деньгами или скотом было более действенным, поскольку затрагивало интересы всей семьи, а не одного человека. У кочевых народов использовался принцип коллективной ответственности. Утрата репутации отражалась на всей семье. Репутационные издержки учитывались при заключении брачного договора, при выдвижении на должность в родовом управлении, а также при учете мнения семьи при разбирательствах в органах словесной расправы (ценность свидетельских показаний, поручительства и т. д.). Если «общественное мнение признает заведомо лихим человеком» (Лаппо, 1906: 67), это было основанием для обвинения человека в противоправном деянии и формирования отношения ко всей семье.

Использование коллективной ответственности привело к высокому уровню саморегуляции на уровне семьи. Именно в традиционной семье стали появляться «рамки поведения». Компенсация должна была удовлетворить истца, возместить ущерб и все расходы, связанные с расследованием правонарушения (ездовые, обеспечение участия свидетелей и др.).

В качестве альтернативной меры виновный отрабатывал ущерб или долг у истца на хозяйстве. Такой способ и удовлетворял истца, и не калечил ответчика. Отработка долга использовалась при финансовой несостоятельности семьи возместить ущерб (ГА КК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 88. Л. 24).

Долговые обязательства вынуждали инородцев наниматься в рекруты вместо крестьян, хотя они не подлежали рекрутской повинности. При найме крестьянин оплачивал все долги инородца (НА РХ. Ф. ИИ-2. Оп. 1. Д. 764. Л. 13-21).

Воспитательное воздействие норм обычного права прослеживается в приговорах органов словесной расправы. При вынесении приговора ответчика всегда предупреждали, что при повторном правонарушении взыскание будет более строгим. Так, в 1838 году при рассмотрении дела о краже скота в решение Степной Думы, кроме меры взыскания, было включено предупреждение о более строгом наказании при повторном правонарушении: «чтобы он на будущее время от подобных поступков всемерно воздерживался, в противном же случае поступленно будет с ним по всей строгости» (НА РХ. Ф. ИИ-2. Оп. 1. Д. 268. Л. 2).

Суровые условия проживания и специфические условия ведения хозяйства при кочевом образе жизни стали причиной высокой саморегуляции общества (семьи и рода), поскольку от единства зависело выживание. Способность к саморегуляции была ответной реакцией на жесткие условия проживания. Под воздействием хозяйственно-бытовой деятельности и внешних факторов род был вынужден вырабатывать правила взаимодействия членов общества и сохранять стабильность. Способность регулировать общественные отношения позволяла при необходимости мобилизовать потенциал для преодоления возникающих проблем.

Существование обычного права возможно только при высоком уровне коллективизма. Индивидуальные потребности и интересы личности были вторичны. Поэтому коллектив (род, семья) рассматривался как единый (коллективный) субъект во внешних отношениях с другими семьями. Признание коллективных интересов и решений было необходимым условием действия обычного права.

Индивидуальные права и обязанности личности стали «выделяться» на более поздних этапах развития, в период отмирания обычного права. При этом в течение длительного периода времени на уровне подсознания репутация семьи являлась основным показателем отношения общества к личности. На уровне бытовых отношений репутация личности часто воспринималась как

производное репутации семьи. Особенно ярко это проявлялось в нормах обычного права. Например, при избрании на выборные должности репутация семьи была основанием для принятия решения сородичами (НА РХ. Ф. ИИ-2. Оп. 1. Д. 14. Л. 7; НА РХ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 359. Л. 12).

Традиционная семья полностью обеспечивала уход и заботу о детях. Нормы обычного права регулировали вопросы, связанные с сиротами и детьми, которых отдавали на воспитание в другие семьи. Кочевой образ хозяйствования коренных народов Сибири накладывал отпечаток не только на особенности ведения хозяйства, но и на систему управления. В силу специфики проживания и образа жизни у коренных сибирских народов вплоть до советского периода не было учреждений для сирот. Родовые органы управления занимались всеми хозяйственными и социальными вопросами. Род был заинтересован в каждом своем представителе. Чем крупнее род, тем стабильнее было его экономическое положение. Дети с раннего возраста рассматривались как рабочая сила. Уход за скотом не требовал особых навыков. За девочек можно было получить калым, мальчики в перспективе становились защитниками.

Органы родового управления возлагали обязанности по воспитанию и содержанию детей на ближайших родственников. При их отсутствии ребенка могла взять любая семья с хорошей репутацией. Традиционные органы управления (родовые органы) контролировали жизненные условия сирот и сохранность наследства, если таковое имелось. Опека включала: 1) заботу и содержание ребенка; 2) сохранение имущества сироты с последующей передачей ему во взрослом возрасте. Задачей опекуна было не только воспитание и содержание ребенка, но и сохранение имущества.

Вплоть до середины XX века в Сибири сохраняются большие семьи, состоящие из нескольких поколений кровных родственников. Взрослые сыновья со своими семьями вели совместное хозяйство с родителями до тех пор, пока не появлялась экономическая возможность выделить семью сына из большой семьи. Как правило, сына с его семьей выделяли при наличии взрослых детей, поскольку иначе молодая семья становилась хозяйственно несостоятельной. Если семья умерших родителей не была выделена из хозяйства родителей, то вопрос об опеке не вставал. Дети продолжали проживать в большой семье и рассматривались как ее часть.

Опека над сиротами не воспринималась как бремя, поэтому в архивных делах часто встречаются материалы по разбирательству о спорах между потенциальными опекунами. Родовые органы могли передать всех детей после смерти родителей какой-либо семье или поделить сирот между несколькими наследниками. Поскольку семьи были большими, то, как правило, сироты попадали в разные семьи. Если детям назначались разные опекуны, то имущество детей подлежало разделу. Опекуны обязаны были сохранить имущество подопечных. Прибыль, полученная от имущества (приплод домашних животных, молоко и т. д.), становилась собственностью опекуна и рассматривалась как средство на содержание ребенка и оплату труда опекуна.

Например, в 1877 году после смерти родителей осталось трое малолетних детей (4 года, 9 и 13 лет), их взяли два опекуна. Между опекунами возник спор о разделе имущества. Был составлен перечень имущества, в который вошли «38 голов рогатого скота, 20 овец, 10 лошадей и еще 37 пунктов различной домашней утвари и одежды» (НА РХ. Ф. ИИ-2. Оп. 1. Д. 1182. Л. 5-6).

По решению Степной Думы, опекуну, взявшему ребенка 4-х лет, передали на сохранение имущество «5 голов рогатых скотин». Остальное наследство получил другой опекун, который взял на воспитание двух детей (13-ти и 9-ти лет) (НА РХ. Ф. ИИ-2. Оп. 1. Д. 1182. Л. 6).

Размер долей наследства Степная Дума обосновала «хозяйственной» характеристикой опекунов (деловые качества). Хозяйственная репутация опекуна имела большее значение, чем интересы ребенка. Степная Дума не учитывала возраст детей. Хотя для воспитания младшего опекун должен был потратить больше времени. Дети старшего возраста могли выполнять работы по хозяйству и приносить «прибыль» опекуну.

Детей из бедных семей столь же охотно брали на воспитание. Опекун получал помощника по хозяйству, а в перспективе – возможность получить калым. В таких случаях калым рассматривался как компенсация опекуну за воспитание ребенка. Независимо от наличия или отсутствия наследства, род контролировал опекуна и мог передать ребенка на воспитание другому лицу.

Проживание детей вне семьи было распространено у северных народов. На воспитание отдавали не только сирот, но и внебрачных детей, детей от предыдущего брака. В таком случае ребенок рассматривался как работник (Тумурова, 2009). При должном усердии и трудолюбии он мог получить долю в общем имуществе семьи в виде скота (Алексеева, 2008).

Родовые органы сохраняли контрольные функции. Могли изъять ребенка и передать в другую семью при жестоком обращении или расточительном отношении к имуществу ребенка.

5. Заключение

Таким образом, воспитание можно рассматривать в широком смысле (воздействие на сознание с целью формирования мировоззренческих установок, стереотипов поведения, ограничений) и в узком смысле (регулирование статуса детей). В обычном праве сибирских кочевых народов именно воспитательная функция была направлена на формирование единства общества, что обеспечивало его выживание в сложных условиях.

Коллективное начало отразилось на содержании норм обычного права. В обычном праве кочевых народов вплоть до первой четверти XX века семья выступала субъектом правоотношений и ответственности. Ответственность распределялась на всех членов семьи и была стимулятором для воспитательного воздействия. Коллективизм являлся необходимым условием действия обычного права.

Реализация воспитательной функции обеспечивала признание, сохранение и действие обычного права сибирских кочевников, поэтому определяющей функцией обычного права было воспитание, а не регулирование общественных отношений.

Литература

Александров, 2014 – Александров Ю. В. Обычное право удмуртов (XIX - начало XX вв.). Ижевск: Книжное издательство «Удмуртия», 2014. 272 с.

Алексеева, 2008 – Алексеева С. А. Традиционная семья у эвенов Якутии: (конец XIX-начало XX в.): историко-этнографический аспект. Новосибирск. 2008. 110 с.

Гандарова, 2009 – Гандарова Л.Б. Исследование обычного права ингушей. Назрань: ООО «Пилигрим», 2009. 137 с.

Дамдынчап, 2012 – Дамдынчап В.М. Обычно-правовая система традиционного общества (на примере тувинцев) / *Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы: материалы III Международной научно-практической конференции*, Красноярск, 01–04 июня 2012 года. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2012. С. 38-41.

Костров, 1865 - Костров Н. Этнографические заметки о киргизских татарах // *Записки Сибирского отдела Императорского русского географического Общества*. Кн. 8 Ч. 1. Иркутск, 1865. С. 114.

Лапшо, 1906 – Лапшо Д.Е. Преступления и наказания по степному праву сибирских кочевых инородцев (Минусинские татары) // *Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского императорского Русского Географического Общества*. Красноярск: Енисейская губернская типография. 1906. С.17-73.

Материалы..., 1929 – Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов // Труды комиссии по изучению Якутской Автономной Советской Социалистической республики / Д.М. Павлинов, Н.А. Виташевский, Л.Г. Левенталь и др. Т.4. Ленинград, 1929. 461 с.

Нольде, 1911 – Нольде А. К истории составления проекта «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» / С.Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. Сб. статей, посвященных С.Ф. Платонову. СПб., 1911. С.502-521.

Норова, 2017 – Норова Р.Ф. Общее понятие о психологии воспитания // *Достижения науки и образования*. 2017. № 5(18). С. 70-72.

Обозрение письменных..., 1841 – Обозрение письменных показаний о судебных обычаях кочевых племен Восточной Сибири и Монголо-Китайских племен. СПб., 1841. 7с.

Обычное право..., 2019 – Обычное право России: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты / Р.Л. Хачатуров, Р.О. Авакян, Т.М. Айтберов [и др.]. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2019. 472 с.

Плоцкая, 2013а – Плоцкая О.А. Регулирование обычно-правовыми нормами правового статуса женщин в браке у коми (зырян) в XIX – начале XX вв. // *Семейное и жилищное право*. 2013. № 4. С. 7-11.

Плоцкая, 2013с – Плоцкая О. А. Роль правового обычая и обычно-правовых норм в правовом воспитании у Коми (зырян) (XIX – начало XX вв.) // *Право и образование*. 2013. № 10. С. 154-161.

Плоцкая, 2015 – Плоцкая О.А. Функции обычного этнического права пермских народов // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 1-2(51). С. 136-139.

Плоцкая, Иванова, 2013b – Плоцкая О.А., Иванова Ж.Б. Матримониальные обычно-правовые нормы у коми и других северных промысловых народов России в XIX – начале XX вв. // *Семейное и жилищное право*. 2013. № 2. С. 39-42.

Самоковасов, 1876 - Самоковасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876. 282с.

Свечникова, 2006 – Свечникова Л.Г. Обычай в праве // *Обычное право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы развития*. Ростов н/д: изд-во СКАГС, 2006. С.74-120.

Тумурова, 2009 – Тумурова А. Т. Институт усыновления (удочерения) в обычном праве бурят // *Закон и право*. 2009. № 6. С. 118-120.

Учайкина, 2013 – Учайкина А. М. Зайсанский суд алтайцев по полевым материалам конца XX и начала XXI века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 6-2(32). С. 171-175.

Фойницкий, 1878 – Фойницкий И.Я. Народные обычаи по уголовному праву (доклад, представленный комиссии о народных юридических обычаях заседание 10 октября 1877 года.) // *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии*. 1878. Т. 8. Отд. 3. С.3-10.

- Ходжалиев, 2023** – Ходжалиев С. А. Обычное право в истории российского права // *Аграрное и земельное право*. 2023. № 10 (226). С. 35-37.
- Шашков, 1867** – Шашков С. Сибирские инородцы в XIX столетии // *Дело*. 1867. №10. С. 1-27.
- Ярилов, 1899** – Ярилов А.А. Былое и настоящее сибирских инородцев. Юрьев, 1899. 366с.
- Plotskaya et al., 2021** – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.
- Plotskaya, Ruchkina, 2022** – Plotskaya O.A., Ruchkina G.F. Marriage and Family Relations among the Peoples of the European North-East of Russia and the Trans-Urals in the XVII – XIX centuries in Customary and Positive Law // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1064-1072. DOI: 10.13187/bg.2022.3.1064
- Plotskaya et al., 2022a** – Plotskaya O.A., Kurilyuk Y.E, Ospanova D.A. Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1575-1584.
- Plotskaya et al., 2022b** – Plotskaya O.A., Ruchkina G.F., Alekseeva D.G., Naumkina V.V. The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 49-56.
- Plotskaya et al., 2023** – Plotskaya O.A, Osmonalieva N.J., Lotorev E.N., Shiryova I.V. Usually-Legal Status of a Peasant Widow among the Zyryans and Votyaks in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1612-1620.

References

- Aleksandrov, 2014** – Aleksandrov, Yu.V. (2014). Obychnoe pravo udmurtov (XIX – nachalo XX vv.) [Udmurt Customary Law (XIX – early XX centuries)]. Izhevsk: Knizhnoe izdatel'stvo «Udmurtiya». 272 p. [in Russian]
- Alekseeva, 2008** – Alekseeva, S.A. (2008). Tradtsionnaya sem'ya u evenov Yakutii: (konets XIX – nachalo XX v.): istoriko-etnograficheskij aspekt [The traditional family of the Even of Yakutia: (late XIX – early XX centuries): historical and ethnographic aspect]. Novosibirsk. 110 p. [in Russian]
- Damdynchap, 2012** – Damdynchap, V.M. (2012) Obychno-pravovaya sistema tradicionnogo obshchestva (na primere tuvincev) [The usual legal system of a traditional society (using the example of Tuvinians)]. *Kochevye civilizacii narodov Central'noj i Severnoj Azii: istoriya, sostoyanie, problemy: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnoyarsk, 01–04 iyunya 2012 goda*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. V.P. Astaf'eva. Pp. 38-41. [in Russian]
- Fojnickij, 1878** – Fojnickij, I.Ya. (1878). Narodnye obychai po ugovnomu pravu (doklad predstavlenyj komissii o narodnyh yuridicheskikh obyčajah zasedanie 10 oktyabrya 1877 goda) [Folk customs in criminal law (report submitted to the Commission on folk legal customs meeting on October 10, 1877)]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii*. T. 8. Otd. 3. Pp. 3-10. [in Russian]
- Gandarova, 2009** – Gandarova, L.B. (2009) Issledovanie obychnogo prava ingushej [A study of Ingush customary law]. Nazran': OOO «Piligrim». 137 p. [in Russian]
- Hodzhaliev, 2023** – Hodzhaliev, S.A. (2023). Obychnoe pravo v istorii rossijskogo prava [Customary law in the history of Russian law]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 10(226): 35-37. [in Russian]
- Kostrov, 1865** – Kostrov, N. (1865). Etnograficheskie zametki o kirgizskih tatarah [Ethnographic notes on the Kyrgyz Tatars]. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo Obshchestva*. Kn. 8. Ch. 1. Irkutsk. P. 114. [in Russian]
- Lappo, 1906** – Lappo, D.E. (1906). Prestupleniya i nakazaniya po stepnomu pravu sibirskih kochevyh inorodcev (Minusinskie tatory) [Crimes and punishments under the steppe law of Siberian nomadic foreigners (Minusinsk Tatars)]. *Izvestiya Krasnoyarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. Krasnoyarsk'*: Enisejskaya gubernskaya tipografiya. Pp. 17-73. [in Russian]
- Materialy..., 1929** – Materialy po obychnomu pravu i po obshchestvennomu bytu yakutov (1929) [Materials on customary law and public life of the Yakuts]. Trudy komissii po izucheniyu Yakutskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoj respubliki. D.M. Pavlinov, N.A. Vitashevskij, L.G. Levental' i dr. T. 4. Leningrad. 461 p. [in Russian]
- Nol'de, 1911** – Nol'de, A. (1911). K istorii sostavleniya proekta «Svoda stepnyh zakonov kochevyh inorodcev Vostochnoj Sibiri» [On the history of drafting the "Code of Steppe Laws of nomadic foreigners of Eastern Siberia"]. *S.F. Platonovu ucheniki, druž'ya i pochitateli. Sb. statej, posvyashchennyh S.F. Platonovu*. SPb. Pp. 502-521. [in Russian]
- Norova, 2017** – Norova, R.F. (2017) Obshchee ponyatie o psihologii vospitaniya [The general concept of parenting psychology]. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya*. 5(18): 70-72. [in Russian]
- Obozrenie pis'mennyh..., 1841** – Obozrenie pis'mennyh pokazanij o sudebnyh obyčajah kochevyh plemen Vostochnoj Sibiri i Mongolo-Kitajskih plemen [Review of written testimony on the judicial customs of the nomadic tribes of Eastern Siberia and the Mongol-Chinese tribes] (1841). SPb., 7 p. [in Russian]

[Obychnoe pravo..., 2019](#) – Obychnoe pravo Rossii: teoretiko-pravovoj i istoriko-pravovoj aspekty (2019) [Customary Law of Russia: theoretical and legal and historical aspects]. R.L. Hachaturov, R.O. Avakyan, T.M. Ajtberov [i dr.]. Moskva: Izdatel'stvo «Yurlitinform». 472 p. [in Russian]

[Plotskaya, 2013a](#) – [Plotskaya, O.A.](#) (2013). Regulirovanie obychno-pravovymi normami pravovogo statusa zhenshchin v brake u komi (zyryan) v XIX – nachale XX vv. [Regulation by customary legal norms of the legal status of women in marriage in Komi (Zyryan) in the XIX – early XX centuries]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*. 4: 7-11. [in Russian]

[Plotskaya, Ivanova 2013b](#) – [Plotskaya, O.A.](#), [Ivanova, Zh.B.](#) (2013). Matrimonial'nye obychno-pravovye normy u komi i drugikh severnykh promyslovykh narodov Rossii v XIX – nachale XX vv. [Matrimonial customary legal norms among the Komi and other northern fishing peoples of Russia in the XIX – early XX centuries]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*. 2: 39-42. [in Russian]

[Plotskaya, 2013c](#) – [Plotskaya, O.A.](#) (2013). Rol' pravovogo obyachaya i obychno-pravovykh norm v pravovom vospitanii u Komi (zyryan) (XIX – nachalo XX vv.) [The role of legal custom and customary legal norms in legal education in Komi (Zyryan) (XIX – early XX centuries)]. *Pravo i obrazovanie*. 10: 154-161. [in Russian]

[Plotskaya, 2015](#) – [Plotskaya, O.A.](#) (2015). Funkcii obychnogo etnicheskogo prava permskih narodov [The functions of the customary ethnic law of the Permian peoples]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 1-2(51): 136-139. [in Russian]

[Plotskaya, Ruchkina, 2022](#) – [Plotskaya, O.A.](#), [Ruchkina, G.F.](#) (2022). Marriage and Family Relations among the Peoples of the European North-East of Russia and the Trans-Urals in the XVII – XIX centuries in Customary and Positive Law. *Bylye Gody*. 17(3): 1064-1072. DOI: 10.13187/bg.2022.3.1064

[Plotskaya et al., 2021](#) – [Plotskaya, O.A.](#), [Sokolskaya, L.V.](#), [Kaliakperova, E.N.](#), [Alekseeva, D.G.](#) (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.

[Plotskaya et al., 2022a](#) – [Plotskaya, O.A.](#), [Kurilyuk, Y.E.](#), [Ospanova, D.A.](#) (2022). Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1575-1584.

[Plotskaya et al., 2022b](#) – [Plotskaya, O.A.](#), [Ruchkina, G.F.](#), [Alekseeva, D.G.](#), [Naumkina, V.V.](#) (2022). The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 49-56.

[Plotskaya et al., 2023](#) – [Plotskaya, O.A.](#), [Osmonalieva, N.J.](#), [Lotorev, E.N.](#), [Shiryova, I.V.](#) (2023). Usually-Legal Status of a Peasant Widow among the Zyryans and Votyaks in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 18(4): 1612-1620.

[Samokvasov, 1876](#) – [Samokvasov, D.Ya.](#) (1876). Sbornik obychnogo prava sibirskih inorodcev [Collection of the customary law of Siberian foreigners]. Varshava. 282 p. [in Russian]

[Shashkov, 1867](#) – [Shashkov, S.](#) (1867). Sibirskie inorodcy v XIX stoletii [Siberian aliens in the XIX century]. *Delo*. 10: 1-27. [in Russian]

[Svechnikova, 2006](#) – [Svechnikova, L.G.](#) (2006). Obychaj v prave [Custom in law]. *Obychnoe pravo narodov Severnogo Kavkaza: itogi i perspektivy razvitiya*. Rostov n/d: izd-vo SKAGS. Pp. 74-120. [in Russian]

[Tumurova, 2009](#) – [Tumurova, A.T.](#) (2009). Institut usynovleniya (udochereniya) v obychnom prave buryat [The institution of adoption in the ordinary law of the Buryats]. *Zakon i pravo*. 6: 118-120. [in Russian]

[Uchajkina, 2013](#) – [Uchajkina, A.M.](#) (2013). Zajsanskij sud altajcev po polevym materialam konca XX i nachala XXI veka [Zaisan Altai Court on field materials of the late XX and early XXI century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 6-2(32): 171-175. [in Russian]

[Yarilov, 1899](#) – [Yarilov, A.A.](#) (1899). Byloe i nastoyashchee sibirskih inorodcev [The past and present of Siberian aliens]. Yur'ev, 366 p. [in Russian]

Воспитательная функция обычного права народов Сибири в XIX веке

Валентина Владимировна Наумкина ^{a, *}, Татьяна Викторовна Воротилина ^b,
Светлана Александровна Гримальская ^c, Руслан Михайлович Жиров ^d

^a Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: naumkinav@mail.ru (В.В. Наумкина), vorotilina@mail.ru (Т.В. Воротилина), sgrimalskaya@fa.ru (С.А. Гримальская), dzhir-ruslan@mail.ru (Р.М. Жиров)

^d Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская республика, Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается воспитательная функция обычного права на примере сибирских инородцев. Воспитание рассматривается в широком и узком смысле. В широком смысле воспитание направлено на формирование традиционных ценностей и мировоззрения всего общества. В узком смысле под воспитательной функцией понимается воспитание детей и забота о сиротах. Исследование проведено на основе архивных материалов Енисейской губернии XIX века. Были использованы материалы родовых органов и официальные данные.

Формирование моральных идеалов и нравственных ценностей имело большое значение для понимания и принятия коллективных интересов. Выживание в суровых условиях было возможно при наличии единства общества. Решения родовых органов носили примирительный характер, для исключения кровной мести и вражды. Обычное право было направлено на формирование коллективизма, поскольку выживание индивида вне коллектива было невозможным. Воспитательная функция охватывала всех членов общества и была направлена на формирование единства, что позволяло выживать. Специфические условия ведения хозяйства стали причиной высокой саморегуляции общества.

Забота о детях была приоритетной задачей, поскольку род был заинтересован в своем увеличении. Учреждений для детей-сирот не существовало, дети проживали в семьях. Обычай регулировали вопросы опеки над сиротами и их имуществом, при этом родовые органы сохраняли контрольные функции. Дети рассматривались как помощники по хозяйству. Обычное право было направлено на воспитание, которое являлось основной функцией.

Ключевые слова: обычное право, обычай, функции обычного права, воспитательная функция, инородцы, Восточная Сибирь, формирование мировоззрения, опека, забота о детях.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 238-246
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.238

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Imperial Novorossiysk University: A Historical Essay to the 160th Anniversary of Its Foundation

Nugzar Ter-Oganov ^{a, b, c, *}

^a Tel Aviv University, Israel

^b Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article highlights some aspects of the history of the Imperial Novorossiysk University from the year of its foundation to 1917. The research was tamed for the 160th anniversary of the university. The materials of our work were historical works on the history of the university, and the methods used were the method of content analysis, the method of classification and synthesis.

Founded during the bourgeois reforms of Alexander II, the Imperial Novorossiysk University has been a model of the quality of education and science throughout its history.

The initiator of the creation was the founder of the Russian military surgery, Professor N.I. Pirogov and the Governor-General of Novorossiya A.G. Stroganov. The university was established on the basis of the Lyceum named after Armand-Emmanuel de Richelieu in 1865. The organizational and legal basis of the university was the General Charter of the Imperial Universities of 1863.

Initially, the university had three faculties: history and Philology, Physics and Mathematics, and Law. In 1900, the medical faculty was opened. The Faculty of Physics and Mathematics, which included 12 departments, should be considered the most advanced. Since its foundation, the staffing table has also provided for the organization of three museums. Ivan Dmitrievich Sokolov became the first rector.

A very high-quality educational base, as well as a good geographical location, predetermined the worthy teaching staff of the Imperial Novorossiysk University and the popularity of the university among world-renowned scientists such as I.I. Mechnikov, I.M. Sechenov, V.P. Filatov, etc. In 1920, the university was closed.

Keywords: Imperial Novorossiysk University, 1865–1920, Russian science, universities of the Russian Empire.

1. Введение

Императорский Новороссийский университет (1865–1920 гг.) был основан как классический университет, который не только поддерживал бы научную жизнь в Малороссии на высоком уровне, но и мог бы обеспечить высококвалифицированными кадрами учебные заведения Одесского учебного округа и всего северного Причерноморья.

Данная статья посвящена 160-летию юбилею с момента основания вуза.

2. Материалы и методы

В качестве материалов данного исследования выступают работы по истории Императорского Новороссийского университета таких авторов, как Л.А. Ануфриев, С.И. Аппатов, Ю.А. Амброз (Ануфриев и др., 1991), О.Б. Демин, В.М. Хмарский (Дьомін, Хмарський, 2010), В.А. Сминтин (Історія

* Corresponding author

E-mail addresses: nugza19473@gmail.com (N. Ter-Oganov)

Одесского..., 2000), А.И. Маркевич (Маркевич, 1890), Е.П. Ларченков, О.П. Кравчук, А.О. Кравчук (Ларченков и др., 2010), В.В. Левченко, Г.С. Левченко (Левченко, 2012; Левченко, 2021; Левченко, Левченко, 2012; Левченко, Левченко, 2021; Левченко, Левченко, 2017; Левченко, 2009), С.С. Дложевский (Дложевский, 1927), И.М. Соловьев (Соловьев, 1913), М.К. Ковтуненко (Ковтуненко, 2014), В.И. Тригуб, Н.А. Пепельницкая (Тригуб, Пепельницкая, 2014), Д.П. Урсу, Т.С. Винцовский (Урсу, Винцовский, 2011), Р.Г. Эймонтова (Эймонтова, 1985), Ф.О. Самойлов (Самойлов, 2005), Желясков С.А. (Желясков и др., 2014), И.С. Канзафарова (Канзафарова, 2011), И.В. Немченко (Немченко, 2005), С.Э. Березин, Т.О. Избаш (Березин, Избаш, 2005), А.Ю. Баженова (Bazhenova, 2019), Т. Прищепа (Прищепа, 2015), А.И. Аврус (Аврус, 2001) и др. (см., в частности, *Історія Одеського..., 1968; Российские университеты..., 1998; Брокгауз, Ефрон, 1890; Революционное гнездо..., 1909*).

Также использовались и архивные источники, в частности «Список студентов и посторонних слушателей Императорского Новороссийского университета за 1865–1866 год» (Список студентов..., 1867).

Методология исследования представлена такими методами, как историографический анализ, подразумевающий анализ содержания материалов по Императорскому Новороссийскому университету (или контент-анализ); метод классификации – применен для классифицирования по группам материалов исследования по анализируемому нами вузу; метод синтеза – предусматривает квинтэссенцию содержания материалов, выраженных в результатах и выводах данной работы.

3. Обсуждение

Задачи данной работы предполагают классификацию историографии по нескольким группам:

- Работы по истории Имперского Новороссийского университета, включая и работы, выполненные к юбилею вуза;
- Комплексные исследования о высших учебных заведениях России периода империи, в которых освещается и история Имперского Новороссийского университета;
- Биографические исследования о профессорах России, которые работали в Имперском Новороссийском университете;
- Энциклопедические труды, в которых освещается деятельность исследуемого нами вуза.

1. Из исследований первой группы отметим коллективный фундаментальный труд Л.А. Ануфриева, С.И. Аппатова, Ю.А. Амброз «Одесский университет (1865–1990 гг.)» (Ануфриев и др., 1991), в котором делается глубокий анализ учебного заведения с широким использованием архивных источников. Некоторые из них были опубликованы впервые.

Из других фундаментальных трудов выделим также монографию О.Б. Демина и В.М. Хмарского «Одесскому национальному университету имени И.И. Мечникова – 145. Либретто накануне славного юбилея» (ориг. «Одеському національному університету імені І.І. Мечникова – 145. Лібретто напередодні славетного ювілею») (Дьомін, Хмарський, 2010). Она посвящена 145-летию юбилею вуза и освещает его историю.

Также нельзя не упомянуть такие коллективные фундаментальные труды, как «История Одесского университета (1865–2000 гг.)», выполненный под главной редакцией проф. В.А. Сминтина (Історія Одеського..., 2000), и «История Одесского университета за 100 лет (1865–2000)» (редактор О.И. Юрженко), выпущенный еще в Советской России (Історія Одеського..., 1968).

Среди научных статей об истории вуза отметим работы А.И. Маркевича, посвященные 25-летию юбилею Новороссийского университета (Маркевич, 1890), Е.П. Ларченкова, О.П. Кравчука и А.О. Кравчук – о 145-летнем юбилее (Ларченков и др., 2010), В.В. Левченко – о научной и преподавательской деятельности на кафедре истории церкви Императорского Новороссийского университета (Левченко, 2012), о становлении и развитии славяноведения в вузе (Левченко, 2021) и др.

Несколько работ посвящено музею Имперского Новороссийского университета. Авторы – С.С. Дложевский (Дложевский, 1927), В.В. Левченко, Г.С. Левченко (Левченко, Левченко, 2012; Левченко, Левченко, 2021) и др.

2. Из комплексных трудов по истории о высших учебных заведениях России, в которых упоминался и Имперский Новороссийский университет, отметим фундаментальный труд «Российские университеты в XVII–XX веках» (Российские университеты..., 1998), статьи о революционном движении в Императорском Новороссийском университете в начале XX в. (Революционное гнездо..., 1909), о движении в нем правого академизма (Ковтуненко, 2014), об уставах русских университетов, в том числе и Императорского Новороссийского (Соловьев, 1913), о почвенно-географических исследованиях (Тригуб, Попельницкая, 2014), об известных его выпускниках-представителях крымско-татарского этноса (Урсу, Винцовский, 2011).

Отметим также монографию Р.Г. Эймонтовой «Русские университеты на грани двух эпох» о непростой ситуации, в которой оказалась высшая школа в переходный период от капитализма имперской эпохи до социализма Советской России (Эймонтова, 1985), и труд «Российские университеты в эпоху буржуазных реформ» А.И. Авруса, в котором делается краткий анализ каждого крупного классического университета России (Аврус, 2001). В работе I.Yu. Cherkasova и других о

педагогической периодической печати на территории Одесского учебного округа уделено внимание и аналогичным изданиям Императорского Новороссийского университета (Cherkasova et al., 2023).

Можно также назвать работу А.А. Cherkasov об учебных округах Российской империи, в который мы находим упоминания и Новороссийского университета (Cherkasov, 2023), и посвященную высшим учебным заведениям Российской империи публикацию «Revisiting the Evolution of the System of Higher Education in the Russian Empire in 1830-1916» (Cherkasov, 2023a).

В последние годы авторы активно изучают систему народного образования и на территории других украинских губерний. Так, например, S.I. Degtyarev, L.G. Polyakova рассматривали систему народного образования на территории Харьковского учебного округа (Degtyarev, Polyakova, 2020; Degtyarev et al., 2020). G. Rajović, S.N. Bratanovskii обращались к аналогичному процессу на территории Харьковской губернии (Rajović, Bratanovskii, 2023; Rajović, Bratanovskii, 2024). А.А. Cherkasov и другие рассматривали народное образование на территории Волынской губернии (Cherkasov et al., 2021; Cherkasov et al., 2021a; Cherkasov et al., 2022).

3. Третья группа представлена статьями о профессорах А.А. Павловском (Самойлов, 2005; Левченко, 2009), Н.П. Кондакове (Желясков и др., 2014), Е.В. Васьковском (Канзафарова, 2011), Н.А. Рожкове (Левченко, Левченко, 2017), Б.В. Варнеке (Немченко, 2005), Ф.А. Струве (Березин, Избаш, 2005) и др.

Также отметим статью А.Ю. Баженовой о научной работе польских ученых-гуманитариев в Киевском, Харьковском и Новороссийском императорских университетах (Bazhenova, 2019) и об известных воспитанниках Императорского Новороссийского университета в министерстве правосудия Болгарии в 1879–1915 годах (Прищеп, 2015).

4. И, наконец, энциклопедические труды, в которых освещается деятельность исследуемого нами вуза. Это такие издания, как «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» (Брогкауз, Ефрон, 1890), «Большая советская энциклопедия» и др.

Указанный историографический перечень не является полным, однако для решения задач данной статьи мы считаем его вполне достаточным.

4. Результаты

Необходимость создания классического высшего учебного заведения в Одесском учебном округе возникла еще в первой половине XIX века. А.И. Аврус указывает, что сразу же по окончании Крымской войны (в период которой было далеко не до системы образования) попечитель округа и прославленный российский хирург Н.И. Пирогов обратился к генерал-губернатору Новороссии А.Г. Строганову с предложением открыть в Одессе классический вуз на базе лицея имени Армана-Эммануэля де Ришелье¹ (так называемый «ришельевский лицей») (Аврус, 2001: 119). Строганов согласился с Пироговым, однако тяжелая послевоенная ситуация вынуждала их обратиться к императору, который лично принимал решения об открытии императорских университетов.

Граф П.А. Валуев, министр внутренних дел в 1861–1868 годах, настаивал на открытии университета в Николаеве, а на базе «ришельевского лицея» предлагал основать технический вуз.

Строганову и Пирогову помог случай. В 1861 году Александр II ехал проездом через Одессу, и чиновники смогли напрямую обратиться к императору с просьбой и доказать лично целесообразность открытия классического университета. Александр II одобрил их просьбу, но внимание его в тот момент всецело занимали буржуазные реформы, поэтому разрешение было дано только спустя год, летом 1862 года. Подготовительные работы шли также весьма неторопливо, и только 1 мая 1865 года² новый попечитель округа А.А. Арцимович торжественно открыл еще один российский вуз – Императорский Новороссийский университет (Історія Одеського..., 1968, 1968: 4-6).

Организационно-правовую основу вуза составлял Общий Устав Императорских университетов от 1863 года. Первоначально университет насчитывал три факультета: историко-филологический, физико-математический и юридический. В 1900 году был открыт медицинский факультет (Брогкауз, Ефрон, 1890). Наиболее продвинутым следует считать физико-математический факультет, включавший 12 кафедр, а именно кафедру чистой математики, механики, астрономии и геодезии, ботаники, зоологии, химии, агрономической химии, технической химии, физики и физической географии, геогнозии и палеонтологии (Ларченков и др., 2010: 57).

¹ Арман-Эммануэль де Виньеро дю Плесси, герцог де Ришелье, в России именовался как Эммануил Осипович (де) Ришелье (1766–1822) – дальний родственник кардинала Ришелье, французский дворянин на русской службе и один из основателей г. Одесса в 1795-м году, ее градоначальник (1803–1814) и генерал губернатор Новороссии и Бессарабии (1804–1815); за собственный счет основал одесский лицей, названный впоследствии его именем.

² Здесь и далее все даты – по старому стилю.

Рис. 1. Парадный вход Императорского Новороссийского университета (1865–1920 гг.)

С момента основания штатным расписанием предусматривалась и организация трех музеев, а именно Музея физиологической анатомии, Музея патологической анатомии и Музея изящных искусств и древностей (Левченко, Левченко, 2021: 270). Ректором был назначен Иван Дмитриевич Соколов (1812–1873 гг.; ректор в 1865–1869 гг.) (см. Рисунок 2).

Рис. 2. Первый ректор Императорского Новороссийского университета, доктор философии, заслуженный профессор, действительный статский советник Иван Дмитриевич Соколов (1812–1873 гг.)

В первый же год обучения было набрано 174 студента и 58 вольных слушателей (Список студентов..., 1867), причем ряд студентов (которые перевелись из других вузов) сразу же были зачислены на второй курс (Исторія Одеського..., 2000: 18).

Весьма качественная образовательная база в виде передового лицея, а также удачное расположение среди российских земель предопределили достойный преподавательский состав Императорского Новороссийского университета. Многие авторитетны зарубежные профессора, в частности поляки Витольд Клиндер, Лев Шепелевич и Антон Станиславский ([Bazhenova, 2019: 71](#)), преподавали в данном вузе.

К концу XIX века университет стал одним из лучших в России. Качеству обучения способствовала основанная Пироговым библиотека (одна студенческая и одна преподавательская) в 15 тысяч томов ([Брогкауз, Ефрон, 1890](#)), а также множество вспомогательных учреждений. Это музеи, собственные астрономическая и метеорологическая обсерватории, ботанический сад, гидробиологическая станция, на основе которой впоследствии будет создана кафедра общей и морской геологии ([Ларченков и др., 2010](#)), кабинет физической географии, кабинет механики, химлаборатория, минералогический, геологический, палеонтологический, биологический, физиологический, зоологический кабинеты и другие учебно-вспомогательные образования. Музей изящных искусств и древностей (равно как и другие музеи) именовался милицейским кабинетом ([Маркевич, 1890: 613](#)).

При вузе создавались и научные сообщества, в частности Новороссийское общество естествоиспытателей (с 1870 года), юридическое общество (1879–1884), историко-филологическое общество (с 1889 года), одесское библиографическое общество и др. ([Брогкауз, Ефрон, 1890](#)). В самом университете преподавали выдающиеся ученые с мировым именем: И.И. Мечников, И.М. Сеченов, В.П. Филатов, Ф.Н. Шведов, А.М. Ляпунов, Ф.И. Успенский и др. ([Дьомін, Хмарський, 2010](#)).

К сожалению, революционные народнические идеи, поражающие в первую очередь высшие учебные заведения, не оставили в стороне и Императорский Новороссийский университет. Практически сразу после революции 1905–1907 годов появляются исследования о разоблачении революционных дел в стенах вуза, в частности ректора И.М. Занчевского и одного из проректоров (см., например, [Революционное гнездо..., 1909](#)).

Вуз стал одним из оплотов академического движения, которое оформилось после создания «Всероссийского Академического Союза» и особенно активно действовало в годы Первой русской революции ([Ковтуненко, 2014: 20](#)).

Отметим, что Императорский Новороссийский университет был свободен от каких-либо националистических идей. В нем учились и весьма комфортно себя чувствовали все национальности России, в частности болгары ([Прищепца, 2015](#)), крымские татары ([Урсу, Винцовский, 2011](#)), поляки ([Bazhenova, 2019](#)), о чем и указывают современные исследователи.

Последним ректором стал А.П. Доброклонский (1856–1937), на долю которого пришлось руководство университетом в годы революции 1917 года. Социалисты требовали его отставки, которая в итоге была удовлетворена. В 1920 году вуз был расформирован.

5. Заключение

Императорский Новороссийский университет, основанный в период буржуазных реформ Александра II, на протяжении всей своей истории являлся образцом качества образования и науки.

Инициатором создания выступили основатель российской военной хирургии, профессор Н.И. Пирогов и генерал-губернатор Новороссии А.Г. Строганов. Вуз был создан на базе лицея имени Армана-Эммануэля де Ришелье в 1865 году. Организационно-правовую основу вуза составлял Общий Устав Императорских университетов от 1863 года.

Первоначально университет насчитывал три факультета: историко-филологический, физико-математический и юридический. В 1900 году был открыт медицинский факультет. Наиболее продвинутым следует считать физико-математический факультет, включавший 12 кафедр. С момента основания штатным расписанием предусматривалась и организация трех музеев. Первым ректором стал Иван Дмитриевич Соколов.

Весьма качественная образовательная база, а также удачное географическое расположение предопределили достойный преподавательский состав Императорского Новороссийского университета и популярность вуза среди ученых с мировым именем, таких как И.И. Мечников, И.М. Сеченов, В.П. Филатов и др.

В 1920 году университет был закрыт.

Литература

[Аврус, 2001](#) – Аврус А.И. Российские университеты в эпоху буржуазных реформ / История Российских университетов. М., 2001.

[Ануфриев и др., 1991](#) – Ануфриев Л.А., Аппатов С.И., Амброз Ю.А. и др. Одесский университет (1865-1990). Киев, 1991.

[Березін, Ізбаш, 2005](#) – Березін С.Є., Ізбаш Т.О. Струве Федір Аристович. Професори Одеського (Новоросійського) університету: у 4 т. Т. 4. Одеса: Астропринт, 2005. С. 185-187.

[Брогкауз, Ефрон, 1890](#) – Новороссийский университет / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907.

- Дложевський, 1927** – Дложевський С.С. Одеський державний історико-археологічний музей. Одеса, 1927. С. 8-10.
- Дьомін, Хмарський, 2010** – Дьомін О.Б., Хмарський В.М. Одеському національному університету імені І.І. Мечникова – 145. Лібрето напередодні славного ювілею. Одеса: Астропринт, 2010.
- Желясков и др., 2014** – Желясков С.А., Левченко В.В., Левченко Г.С. Н.П. Кондаков – заведуючий музеєм изящних искусств Императорского Новороссийского университета (по материалам государственного архива Одесской области) // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 79-88.
- Історія Одеського..., 2000** – Історія Одеського університету (1865-2000) / Гол. ред. В.А. Сминтина. Одеса, 2000.
- Історія..., 1968** – Історія Одеського університету за 100 років (1865 – 1965) / Под ред. О.И. Юрженко. Київ, 1968.
- Канзафарова, 2011** – Канзафарова И.С. Ординарный профессор Императорского Новороссийского университета Е. В. Васильковский (к 145-летию со дня рождения) // Вісник Одеського національного університету. Правознавство. 2011. Т. 16. № 9. С. 9-14.
- Ковтуненко, 2014** – Ковтуненко М.К. Движение правого академизма в Императорском Новороссийском университете в начале XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 1. С. 20.
- Ларченков и др., 2010** – Ларченков Е.П., Кравчук О.П., Кравчук А.О. Кафедра общей и морской геологии: 145 лет развития геологии в Одесском (Императорском Новороссийском) университете и взгляд в будущее // Вісник Одеського національного університету. Географічні та геологічні науки. 2010. Т. 15. № 5. С. 56-71.
- Левченко, 2009** – Левченко Г.С. Павловський Олексій Андрійович // Одеські історики. Т. 1 (початок XIX – середина XX ст.). Одеса, 2009. С. 283.
- Левченко, 2012** – Левченко В.В. Научно-преподавательская деятельность на кафедре истории церкви Императорского Новороссийского университета // Голос минувшего. 2012. № 3-4. С. 37-40.
- Левченко, 2021** – Левченко В.В. Становление и развитие славяноведения в Императорском Новороссийском университете / Славянские этносы, языки и культуры в современном мире. Материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Леонида Михайловича Васильева. Уфа, 2021. С. 17-26.
- Левченко, Левченко, 2012** – Левченко В.В., Левченко Г.С. Музей изящных искусств Императорского Новороссийского университета: фонды, персоналии, судьба // Вопросы музеологии. 2012. № 2 (6). С. 105-113.
- Левченко, Левченко, 2017** – Левченко В.В., Левченко Г.С. Историк Николай Александрович Рожков и профессорская корпорация гуманитариев Императорского Новороссийского университета: между заочным знакомством и конфликтом среди одесских коллег // Проблемы славяноведения. Сборник статей и материалов / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2017.
- Левченко, Левченко, 2021** – Левченко В.В., Левченко Г.С. Музеи Императорского Новороссийского университета: первые годы истории // Вопросы музеологии. 2021. Т. 12. № 2.
- Маркевич, 1890** – Маркевич А.И. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1890.
- Немченко, 2005** – Немченко І.В. Варнеке Борис Васильович / Професори Одеського (Новоросійського) університету. У 4-х т. Одеса, 2005. Т. 2.
- Прищепа, 2015** – Прищепа Т. Воспитанники Императорского Новороссийского университета в министерстве правосудия Болгарии (1879-1915 гг.) // Bulgarian Historical Review. 2015. Т. 43. № 1-2.
- Революционное гнездо..., 1909** – Революционное гнездо: из истории Новороссийского Университета: Дело ректора Занчевского и проректора Васильковского. СПб.: Акад. Союз студентов СПб-го Политехн. Ин-та, 1909.
- Российские университеты..., 1998** – Российские университеты в XVII – XX веках. Воронеж, 1998. Вып. 3.
- Самойлов, 2005** – Самойлов Ф.О. Павловський Олексій Андрійович / Професори Одеського (Новоросійського) університету. У 4-х т. Одеса, 2005. Т. 3. С. 436.
- Соловьев, 1913** – Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. СПб.: Книгоиздательство типолитографии «Энергия», 1913.
- Список студентов..., 1867** – Список студентов Список студентов и посторонних слушателей Императорского Новороссийского университета за 1865-1866 год. Одесса: Изд-во попечителя Одесского уч. округа, 1867.
- Тригуб, Попельницкая, 2014** – Тригуб В.И., Попельницкая Н.А. Почвенно-географические исследования в Императорском Новороссийском университете // Вісник Одеського національного університету. Географічні та геологічні науки. 2014. Т. 19. № 2 (21).
- Урсу, Винцовский, 2011** – Урсу Д.П., Винцовский Т.С. Крымские татары – выпускники Новороссийского (Одесского) университета и их судьба // Краєзнавство. 2011. № 4-4.
- Эймонтова, 1985** – Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985.

Bazhenova, 2019 – Bazhenova A.Yu. Scholarly activity of polish researchers in humanities in Kiev, Kharkov and Novorossiia Imperial Universities // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2019. T. 64. № 1. С. 70-91.

Cherkasova et al., 2023 – Cherkasova I.Yu., Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V. Revisiting the Pedagogical Periodical Press in the Odessa Educational District (1864–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(4): 1508-1513.

Cherkasov, 2023 – Cherkasov A.A. Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1683-1694.

Cherkasov, 2023a – Cherkasov A.A. Revisiting the Evolution of the System of Higher Education in the Russian Empire in 1830–1916 // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(4): 1502-1507.

Degtyarev, Polyakova, 2020 – Degtyarev S.I., Polyakova L.G. The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 451-458.

Degtyarev et al., 2020 – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Stepanova D.I. The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 666-678.

Rajović, Bratanovskii, 2023 – Rajović G., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1 // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1643-1651.

Rajović, Bratanovskii, 2024 – Rajović G., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 2 // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 325-331.

Cherkasov et al., 2021 – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G., Koroleva L.A. The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(3): 790-798.

Cherkasov et al., 2021a – Cherkasov A.A., Bratanovsky S.N., Zimovets L.G., Koroleva L.A. The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(4): 1048-1056.

Cherkasov et al., 2022 – Cherkasov A.A., Bratanovsky S.N., Zimovets L.G., Koroleva L.A. The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(1): 307-313.

References

Anufriev i dr., 1991 – Anufriev, L.A., Appatov, S.I., Ambroz, Yu.A. i dr. (1991). Odesskii universitet (1865-1990) [Odessa University (1865-1990)]. Kiev. [in Russian]

Avrus, 2001 – Avrus, A.I. (2001). Rossiiskie universitety v epokhu burzhuaznykh reform [Odessa University (1865-1990)]. Istoriya Rossiiskikh universitetov. M. [in Russian]

Bazhenova, 2019 – Bazhenova, A.Yu. (2019). Scholarly activity of polish researchers in humanities in Kiev, Kharkov and Novorossiia Imperial Universities. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 64(1): 70-91.

Berezin, Izbash, 2005 – Berezin, S.G., Izbash, T.O. (2005). Struve Fedir Aristovich. Profesori Odes'kogo (Novorossiiskogo) universitetu: u 4 t. [Struve Fedir Aristovich. Professors of Odessa (Novorossiysk) University: in 4 volumes]. T. 4. Odesa: Astroprint. Pp. 185-187. [in Ukrainian]

Brokgauz, Efron, 1890 – Novorossiiskii universitet [Novorossiysk university]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890-1907. [in Russian]

Cherkasov et al., 2021 – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 790-798.

Cherkasov et al., 2021a – Cherkasov, A.A., Bratanovsky, S.N., Zimovets, L.G., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(4): 1048-1056.

Cherkasov et al., 2022 – Cherkasov, A.A., Bratanovsky, S.N., Zimovets, L.G., Koroleva, L.A. (2022). The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 307-313.

Cherkasov, 2023 – Cherkasov, A.A. (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683-1694.

Cherkasov, 2023a – Cherkasov, A.A. (2023). Revisiting the Evolution of the System of Higher Education in the Russian Empire in 1830–1916. *European Journal of Contemporary Education*. 12(4): 1502-1507.

Cherkasova et al., 2023 – Cherkasova, I.Yu., Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V. (2023). Revisiting the Pedagogical Periodical Press in the Odessa Educational District (1864–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 12(4): 1508-1513.

Degtyarev et al., 2020 – Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Stepanova, D.I. (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the

19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 666-678.

Degtyarev, Polyakova, 2020 – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G.* (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 451-458.

Dlozhevs'kii, 1927 – *Dlozhevs'kii, S.S.* (1927). Odes'kii derzhavnii istoriko-arkheologichnii muzei [Odessa State Historical and Archaeological Museum]. Odesa. Pp. 8-10. [in Ukrainian]

D'omin, Khmars'kii, 2010 – *D'omin, O.B., Khmars'kii, V.M.* (2010). Odes'komu natsional'nomu universitetu imeni I.I. Mechnikova – 145 [Odessa National University named after I.I. Mechnikov – 145]. Libroto naperedodni slavetnogo yuvileyu. Odesa: Astroprint. [in Ukrainian]

Eimontova, 1985 – *Eimontova, R.G.* (1985). Russkie universitety na grani dvukh epoch [Russian universities on the verge of two epochs]. M. [in Russian]

Kanzafarova, 2011 – *Kanzafarova, I.S.* (2011). Ordinarnyi professor Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta E. V. Vas'kovskii (k 145-letiyu so dnya rozhdeniya) [Ordinary professor of the Imperial Novorossiysk university E.V. Vaskovsky (to the 145th anniversary of his birth)]. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Pravoznaustvo*. 16(9): 9-14. [in Russian]

Kovtunenکو, 2014 – *Kovtunenکو, M.K.* (2014). Dvizhenie pravogo akademizma v Imperatorskom Novorossiiskom universitete v nachale XX v. [The movement of right-wing academicism at the Imperial Novorossiysk University at the beginning of the XXth century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 1: 20. [in Russian]

Larchenkov i dr., 2010 – *Larchenkov, E.P., Kravchuk, O.P., Kravchuk, A.O.* (2010). Kafedra obshechi i morskoi geologii: 145 let razvitiya geologii v Odesskom (Imperatorskom Novorossiiskom) universitete i vzglyad v budushchee [Department of general and marine geology: 145 years of geology development at Odessa (Imperial Novorossiysk) university and a look into the future]. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Geografichni ta geologichni nauki*. 15(5): 56-71. [in Russian]

Levchenko, 2009 – *Levchenko, G.S.* (2009). Pavlovs'kii Oleksii Andriiovich [Pavlovsky Oleksiy Andriyovych]. Odes'ki istoriki. T. 1 (pochatok XIX – seredina XX st.). Odesa. P. 283. [in Russian]

Levchenko, 2012 – *Levchenko, V.V.* (2012). Nauchno-prepodavatel'skaya deyatel'nost' na kafedre istorii tserkvi Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta [Research and teaching activities at the department of Church history of the Imperial Novorossiysk university]. *Golos minushhego*. 3-4: 37-40. [in Russian]

Levchenko, 2021 – *Levchenko, V.V.* (2021). Stanovlenie i razvitie slavyanovedeniya v Imperatorskom Novorossiiskom universitete [Formation and development of Slavic studies at the Imperial Novorossiysk University]. *Slavyanskije etnosy, yazyki i kul'tury v sovremennom mire. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskikh nauk, professora Leonida Mikhailovicha Vasil'eva*. Ufa. Pp. 17-26. [in Russian]

Levchenko, Levchenko, 2012 – *Levchenko, V.V., Levchenko, G.S.* (2012). Muzei izyashchnykh iskusstv Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta: fondy, personalii, sud'ba [Museum of fine arts of the Imperial Novorossiysk university: collections, personalities, fate]. *Voprosy muzeologii*. 2(6): 105-113. [in Russian]

Levchenko, Levchenko, 2017 – *Levchenko, V.V., Levchenko, G.S.* (2017). Istorik Nikolai Aleksandrovich Rozhkov i professorskaya korporatsiya gumanitariyev Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta: mezhdu zaochnym znakomstvom i konfliktom sredi odesskikh kolleg [Historian Nikolai Aleksandrovich Rozhkov and the professorial corporation of humanities of the Imperial Novorossiysk university: between correspondence acquaintance and conflict among Odessa colleagues]. *Problemy slavyanovedeniya. Sbornik statei i materialov*. Otv. red. S.I. Mikhal'chenko. Bryansk. [in Russian]

Levchenko, Levchenko, 2021 – *Levchenko, V.V., Levchenko, G.S.* (2021). Muzei Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta: pervye gody istorii [Museums of the Imperial Novorossiysk University: The First Years of History]. *Voprosy muzeologii*. T. 12. 2. [in Russian]

Markevich, 1890 – *Markevich, A.I.* (1890). Dvadtsatipyatiletie Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta [Twenty-fifth anniversary of the Imperial Novorossiysk University]. Odesa. [in Russian]

Nemchenko, 2005 – *Nemchenko, I.V.* (2005). Varneke Boris Vasil'ovich [Warneke Boris Vasilyovich]. Profesori Odes'kogo (Novorosii'skogo) universitetu. U 4-kh t. Odesa, 2005. T. 2. [in Ukrainian]

Prishchepa, 2015 – *Prishchepa, T.* (2015). Vospitanniki Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta v ministerstve pravosudiya Bolgarii (1879-1915 gg.) [Graduates of the Imperial Novorossiysk university in the Ministry of justice of Bulgaria (1879-1915)]. *Bulgarian Historical Review*. T. 43. 1-2. [in Russian]

Rajović, Bratanovskii, 2023 – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N.* (2023). The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1. *Bylye Gody*. 18(4): 1643-1651.

Rajović, Bratanovskii, 2024 – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N.* (2024). The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 2. *Bylye Gody*. 19(1): 325-331.

Revolutsionnoe gnezdo..., 1909 – *Revolutsionnoe gnezdo: iz istorii Novorossiiskogo Universiteta: Delo rektora Zanchevskogo i prorektora Vas'kovskogo* [Revolutionary Nest: from the history of Novorossiysk University: The case of Rector Zanchevsky and Vice-Rector Vaskovsky]. SPb.: Akad. Soyuz studentov SPb-go Politekh. In-ta, 1909. [in Russian]

- Rossiiskie universitety..., 1998 – Rossiiskie universitety v XVII – XX vekakh [Russian Universities in the 17th – 20th Centuries]. Voronezh, 1998. Vyp. 3. [in Russian]
- Samoilov, 2005 – *Samoilov, F.O.* (2005). Pavlovs'kii Oleksii Andriiovich [Pavlovsky Oleksiy Andriyovich]. *Profesori Odes'kogo (Novorossiiskogo) universitetu*. U 4-kh t. Odesa. T. 3. P. 436. [in Ukrainian]
- Solov'ev, 1913 – *Solov'ev, I.M.* (1913). Russkie universitety v ikh ustavakh i vospominaniyakh sovremennikov [Russian universities in their statutes and memories of contemporaries]. SPb.: Knigoizdatel'stvo tipolitografii «Energiya». [in Russian]
- Spisok studentov..., 1867 – Spisok studentov Spisok studentov i postoronnikh slushatelei Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta za 1865-1866 god [List of students List of students and outside listeners of the Imperial Novorossiysk University for 1865-1866.]. Odessa: Izd-vo popechitelya Odesskogo uch. okruga, 1867. [in Russian]
- Trigub, Popel'nitskaya, 2014 – *Trigub, V.I., Popel'nitskaya, N.A.* (2014). Pochvenno-geograficheskie issledovaniya v Imperatorskom Novorossiiskom universitete [Soil-geographical research at the Imperial Novorossiysk University]. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Geografichni ta geologichni nauki*. T. 19. 2(21). [in Russian]
- Ursu, Vintskovskii, 2011 – *Ursu, D.P., Vintskovskii, T.S.* (2011). Krymskie tatory – vypuskniki Novorossiiskogo (Odesskogo) universiteta i ikh sud'ba [Crimean tatars – graduates of Novorossiysk (Odessa) university and their fate]. *Kraeznavstvo*. 4-4. [in Russian]
- Zhelyaskov i dr., 2014 – *Zhelyaskov, S.A., Levchenko, V.V., Levchenko, G.S.* (2014). N.P. Kondakov – zaveduyushchii muzeem izyashchnykh iskusstv Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta (po materialam gosudarstvennogo arkhiva Odesskoi oblasti) [N.P. Kondakov – Head of the Museum of Fine Arts of the Imperial Novorossiysk University (based on materials from the state archive of the Odessa region)]. *Voprosy muzeologii*. 2(10): 79-88. [in Russian]
- Istoriya Odes'kogo..., 1968 – Istoriya Odes'kogo universitetu za 100 rokov (1865 – 1965) [History of Odessa University for 100 years (1865 – 1965)]. Pod red. O.I. Yurzhenko. Kiiv, 1968. [in Ukrainian]
- Istoriya Odes'kogo..., 2000 – Istoriya Odes'kogo universitetu (1865-2000) [History of Odessa University (1865-2000)]. Gol. red. V.A. Smintina. Odesa, 2000. [in Ukrainian]

Императорский Новороссийский университет: исторический очерк к 160-летию с года основания

Нугзар Тер-Оганов ^{a, b, c, *}

^a Тель-Авивский университет, Израиль

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В работе освещаются некоторые аспекты истории Императорского Новороссийского университета с года основания до 1917 года. Исследование приурочено к 160-летию юбилею вуза. Материалами нашей работы выступили исторические труды по истории вуза, а в качестве методов применены метод контент-анализа, метод классификации и синтеза.

Императорский Новороссийский университет, основанный в период буржуазных реформ Александра II, на протяжении всей своей истории являлся образцом качества образования и науки.

Инициатором создания выступили основатель российской военной хирургии, профессор Н.И. Пирогов и генерал-губернатор Новороссии А.Г. Строганов. Вуз был создан на базе лицея имени Армана-Эммануэля де Ришелье в 1865 году. Организационно-правовую основу вуза составлял Общий Устав Императорских университетов от 1863 года.

Первоначально университет насчитывал три факультета: историко-филологический, физико-математический и юридический. В 1900 году был открыт медицинский факультет. Наиболее продвинутым следует считать физико-математический факультет, включавший 12 кафедр. С момента основания штатным расписанием предусматривалась и организация трех музеев. Первым ректором стал Иван Дмитриевич Соколов.

Весьма качественная образовательная база, а также удачное географическое расположение предопределили достойный преподавательский состав Императорского Новороссийского университета и популярность вуза среди ученых с мировым именем, таких как И.И. Мечников, И.М. Сеченов, В.П. Филатов и др. В 1920 г. университет был закрыт.

Ключевые слова: Императорский Новороссийский университет, 1865–1920 гг., российская наука, университеты Российской империи.

* Corresponding author

E-mail addresses: nugza19473@gmail.com (N. Ter-Oganov)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 247-254
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.247

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Emergence of Innovations in Agriculture of the Russian Empire (based on Official Documents and Journalistic Materials for 1867)

Yulia B. Nadtochiy ^{a, *}, Valentina A. Ivashova ^b

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^b Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

It is known that the driving force of any development is various innovations and innovations. During the period under study in Russia (a small number of years have passed since the reform of 1861), there is an awareness of the need to pay attention to the development of agriculture, especially issues related to overcoming the crisis in which it was. A certain modernization of Russian agriculture was required, which could partly be facilitated by numerous innovations. The study attempts to determine which innovations could contribute to overcoming the agrarian crisis, as well as to identify the possibility of their implementation in the studied period of time in the agriculture of the Russian Empire. Examples of innovations from different branches of agriculture are selected in the work: forestry, beekeeping, horticulture, cattle breeding, as well as examples of innovations (inventions used in practice) in the field of agricultural machinery and implements are given. Innovations are understood as innovations proposed for the first time for use (approbation), and implemented everywhere (including mandatory ones). As the results showed, many innovations in Russian agriculture have a local nature of implementation: only in certain farms, for example, in the farm of the inventor himself (used only by the developer/inventor himself and some people who have information about such an invention (including through publications in a newspaper) or decide to test it). The identification of innovations that appeared in Russian agriculture in 1867 took place on the basis of a study of published official documents and journalistic materials of that time period.

Keywords: innovations, the Russian Empire, agriculture, economic sector, directions of agricultural development.

1. Введение

Сельское хозяйство всегда имело большое значение для экономики любой страны, в связи с этим постоянно уделяется внимание его развитию.

Стоит отметить, что конец XIX века, особенно после реформы 1861 года (ПСЗРИ, 1863: 128- 134; *Общее положение...*, 1899), рассматривается как сложный период для развития сельского хозяйства в России, а также характеризуется отставанием от других стран. Однако и в такой сложный период предпринимаются попытки по улучшению этой отрасли и ее выводу из кризисного состояния, в том числе и посредством появления и внедрения различных нововведений.

Насчет поиска путей выхода из аграрного кризиса после упомянутой реформы мнения разделились: «одни видели спасение в выписных машинах и найме иностранных рабочих, другие – в травосеянии и интенсивной культуре и т.п.; наконец, третьи – в организации возможно большего числа сельскохозяйственных обществ» (Пономарев, 1888).

Данный послереформенный период характеризуется двояко. С одной стороны, он характеризуется развитием сельскохозяйственной науки и соответствующего образования, а также

* Corresponding author

E-mail addresses: Yflnjxbq-7e@yandex.ru (Yu.B. Nadtochiy)

практическим применением полученных знаний, а с другой – постоянно говорится о своеобразном застое в развитии сельского хозяйства, несмотря на все предпринимаемые попытки, связанные с его улучшением. Часть авторов открыто заявляет на страницах «Земледельческой газеты» за 1867 год о том, что все нововведения не улучшают того положения сельского хозяйства, в котором оно пребывало и во времена крепостного права ([Земледельческая газета, 1867](#)).

Это положение подтверждается следующими высказываниями: «в распространении сельскохозяйственного образования как науки, а не как искусства, следует ожидать истинного прогресса в хлебопашестве. Лишь посредством такого образования возможно улучшить и упрочить благосостояние страны, а потому только такое образование может быть желательно» ([Труды Императорского..., 1867. Т. 1, вып. 3: 195](#)); «наша хозяйственная система, с ее тремя клинами в поле, оказывается все более и более несостоятельной; теперь ясно, что она не многим переживет своего старого товарища – крепостной труд <...> жалобы на невозможность или трудность хозяйничать свидетельствуют это самым очевидным образом» ([Земледельческая газета. 1867. 33: 516](#)).

Сделанные выводы доказывают и данные о сельском хозяйстве, опубликованные гораздо позже, в 1904 году, в «Большой энциклопедии»: «современному сельскому хозяину приходится бороться со значительными трудностями, чем его предшественникам, поэтому ему нужно уметь производить как можно больше с наименьшими затратами. Русское сельское хозяйство уже давно вступило в ту стадию развития, которую западно-европейское переживало в эпоху Тэера, но неблагоприятные социальные и экономические условия задержали его развитие ...» ([Большая энциклопедия..., 1904: 237](#)).

В связи с тем, что нововведения рассматриваются как неотъемлемый компонент процесса развития любой отрасли, в работе для поиска примеров были изучены нововведения только за один год, а именно за 1867.

Таким образом, целью проводимого исследования стало выявление разнообразных нововведений, используемых для развития российской сельскохозяйственной отрасли в течение года и результатов их внедрения и последствий их применения.

В связи с тем, что «сельское хозяйство имеет большое число отраслей: полеводство, луговоеводство, огородничество, садоводство, скотоводство, птицеводство, пчеловодство, шелководство, и др.» ([Стебут, 1906: 12](#)), изучены и показаны в представленном материале примеры нововведений из некоторых перечисленных отраслей.

2. Материалы и методы

Основными источниками проведенного исследования стали «Труды Императорского Вольного экономического общества» и «Земледельческая газета» за определенный период времени (за 1867 год). В них постоянно публиковались не только официальные правительственные указы, постановления, распоряжения, объявления, но и различные новости, отчеты, отзывы экспертов, письма жителей и разнообразные статьи, в частности, посвященные сельскохозяйственным вопросам ([Труды Императорского..., 1867; Земледельческая газета, 1867](#)).

Также использовались некоторые материалы о проведенных выставках, в которых принимали участие помещики из разных уездов со своими достижениями в области сельского хозяйства ([Памятная книжка..., 1868](#)).

Анализ изученных материалов позволяет судить о наличии всевозможных нововведений (в течение изучаемого периода времени – года), применяемых с целью модернизации и дальнейшего развития сельского хозяйства в России.

В исследовании для реализации поставленной цели применялись такие методы, как метод анализа данных о существующих в тот период времени нововведениях и предпосылках их появления; метод синтеза, при помощи которого получены обобщающие данные по результатам принятых нововведений в сельском хозяйстве Российской империи; индуктивно-дедуктивный метод, позволивший определить сущность некоторых исторических событий, влияющих на появление и дальнейшее распространение предложенных нововведений; нарративный метод для изучения исторических фактов и событий с позиции авторского повествования свидетелей нововведений того времени; хронологический метод для восстановления хронологической последовательности появления сельскохозяйственных нововведений.

3. Обсуждение

Вопросам разработки, внедрения и распространения разнообразных новшеств с целью развития сельскохозяйственной отрасли в России посвящены многочисленные публикации дореволюционного периода времени. Это и официальные документы, утверждающие или обязывающие принять конкретное нововведение, это и публицистические материалы, описывающие и рекламирующие само нововведение и его пользу, и научные статьи, дающие полное представление о появившемся и внедряющемся изобретении/новшестве ([Труды Императорского..., 1867; Земледельческая газета, 1867](#)).

Также стоит отметить и наличие большого количества газетных публикаций, посвященных отзывам экспертов на основе полученных результатов проведенных испытаний появляющихся новшеств, письмам читателей о преимуществах и недостатках их использования на практике ([Земледельческая газета, 1867](#)).

В изданиях более позднего времени приводятся различные статистические данные о развитии сельского хозяйства в России в период с 1851 по 1871 гг. ([Де-Ливрон, 1874: 48-79](#)).

Опубликовано много разных материалов (брошюры, научные очерки, сочинения и др.), в которых рассматриваются вопросы улучшения состояния российского сельского хозяйства, в том числе и с учетом достижений научной мысли, анализируются всевозможные причины существующего положения ([Стебут, 1870а; Стебут, 1870б; Энгельгардт, 1878; Энгельгардт, 1999; Стрик, 1911](#) и др.): «хозяин должен знать, что нужно для успешного развития животных и растений» ([Энгельгардт, 1878: 9](#)); «чрезвычайно чувствительно для русского земледельца то, что он лишен столь необходимого для него тесного касательства с сельскохозяйственной техникой» ([Стрик, 1911: 39](#)).

В настоящее время в опубликованных работах изучаются исторические вопросы совершенствования сельскохозяйственной отрасли России во времена царского правления. Публикуется большое количество трудов как научного, так и публицистического содержания российских и зарубежных авторов, рассматривающих разные аспекты, способствовавшие улучшению сельского хозяйства ([Плаксин, 2004; Коваленко, 2014](#) и др.).

Однако в существующих работах не уделяется внимания выявлению разнообразных сельскохозяйственных нововведений в течение конкретного ограниченного периода времени (например, года).

4. Результаты

В изученных материалах дано множество советов и рекомендаций по ведению сельского хозяйства, по развитию его отдельных отраслей. Российским хозяевам предлагается перенимать заграничный опыт удачного ведения сельского хозяйства и адаптировать его при необходимости под российские условия. А вот нововведений, имеющих российские корни, за 1867 год выявлено не так уж и много. Здесь под нововведениями в сельском хозяйстве будем понимать внедряемые, используемые и распространяемые новшества (предложенные изобретения, разработанные/составленные правила ведения хозяйства, внедряемые технологии и пр. – все, что раньше не использовалось в российском сельском хозяйстве) в разных отраслях сельского хозяйства в целях его улучшения/модернизации.

В Толковом словаре Владимира Ивановича Даля дается следующее определение нововведению: «нововводимый, – введенный – вводимый и введенный вновь». И есть своеобразное пояснение (предупреждение): «не всякое нововведение полезно» ([Толковый словарь..., 1865: 1133](#)). В издании 1867 года Словаря церковно-славянского и русского языка дается определение таких слов, как «нововведение», «нововводимый» и «нововводить»: «нововведение – что-либо вновь введенное <...> нововводимый – вновь принимаемый в употребление <...> нововводить – вводить, чего не было в употреблении» ([Словарь церковнославянского..., 1867: 969](#)).

Большая часть материалов (особенно касающихся изобретений, выставок), опубликованных в «Трудах Императорского Вольного экономического общества», повторяется в «Земледельческой газете». Однако в Трудах даются более подробные описания ведения хозяйства в разных губерниях (в отчетах, очерках), описываются конкретные действия Общества и приводятся полученные результаты.

В качестве нововведений часто предлагается использовать заграничные сельскохозяйственные машины и орудия, рассматриваются преимущества их применения в сельском хозяйстве, размещаются рисунки с изображением этих орудий, в том числе, и в действии, даются рекомендации экспертов по их использованию в российских условиях (косилка Самуэльсона, переносная паровая машина М. Вебера, плуг для посева г. Фильда и др.) ([Земледельческая газета. 1867. 8: 122; 1867. 11: 167; 1867. 19: 298](#)).

Однако в газете публикуются и такие мнения: «у нас до сих пор находится не мало людей, упорно утверждающих, что в нашем хозяйстве применение усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий, в особенности таких сложных, как например жатвенные машины, невыгодно, потому что и проценты на денежные капиталы очень высоки, и рабочие наши не искусны в обращении с машинами, и некому чинить машины» ([Земледельческая газета. 1867. 41: 644](#)).

Описываются нововводимые государственные меры, принятые для поощрения виноделия и садоводства в Крыму. В частности, Министерством государственного имущества выделяется ссуда на создание комитета и закупку необходимых средств для борьбы с болезнью, появившейся на диком и садовом винограде. Также даются рекомендации по выдержке вина в погребах и о назначении специального садовода для виноградных садов ([Земледельческая газета. 1867. 12: 177-178](#)).

В продолжение реформирования поземельного устройства императором подписывается закон «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36-ти губерниях» (1866 год) и Указ от 16 мая 1867 года «О поземельном устройстве государственных крестьян в девяти западных губерниях» ([ПСЗРИ, 1871b: 754-756](#)), который устанавливает новые правила для поземельного устройства

государственных крестьян в западных губерниях (Великороссийских, Малороссийских, Новороссийских).

Изучается и перенимается полезный опыт ведения сельского хозяйства в Англии, Америке, Франции, Германии, Китае (от самых незначительных улучшений до масштабных мероприятий). Например, описывается даже американский способ упаковки яиц, назначаемых для вывоза: «в обыкновенный ящик вкладываются ряды папок, из которых каждый назначается для принятия известного числа яиц. Для того, чтобы отдельные слои яиц могли быть вложены один в другой так, чтобы острый конец верхнего яйца пришелся как раз в углубление, образованное четырьмя находящимися под ним друг подле друга яйцами, папки снабжены соответствующими углублениями» ([Земледельческая газета. 1867. 9: 144](#)).

Приводится пример открытия станций для испытания сельскохозяйственных орудий и машин в Германии в противовес общеупотребительному способу «испытания машин на сельскохозяйственных выставках или конкурсах», который «признан всеми недостаточным» ([Земледельческая газета. 1867. 52: 925-929](#)). В отчете о действиях Императорского Вольного экономического общества за 1866 год (опубликован в 1867 году) упоминается о «предложении члена Н.В. Черняева, которое было одобрено II Отделением и Советом, это именно – об устройстве в С.-Петербурге, за счет Общества, станции для испытания земледельческих орудий и машин» ([Труды Императорского..., 1867. Т. 1, вып. 6: 540](#)).

Одна из заграничных новостей рассказывает об использовании за границей упряжных слонов для вспахивания земли: «английские машинисты изготовляют для слонов особые большие плуги <...> двое работников управляют ручками плуга, и – до заката солнца марширует слон, взрывая за собою горы: он делает борозду в 4 ½ фута ширины и в 3 ф. глубины» ([Земледельческая газета. 1867. 19: 303](#)).

Приводятся доводы в пользу такого нововведения, как осушка угодий (отвод воды, осушка болот) с помощью дренажной системы: «если хорошенько рассчитать, во что обойдется дренаж и каких от него можно ожидать в последствии выгод, то окажется, что он принадлежит в числу предприятий, существенно необходимых для улучшения русского земледелия» ([Земледельческая газета. 1867. 21: 321](#)).

В статье «Способы разведения всякой огородины» на основе опыта крестьян ростовского уезда подробно описывается, в какую землю и каким способом лучше сажать разные семена овощей. Процесс правильной посадки (так называемую технологию посадки семян) для получения лучшего урожая тоже можно считать определенным видом нововведения ([Земледельческая газета. 1867. 21: 324](#)).

С целью поиска и применения нововведений в огородном хозяйстве объявлен конкурс и учреждена премия за написание статьи об искусственном удобрении в применении к огородничеству. В правилах написано, что статья «должна иметь характер руководящего наставления о выборе и употреблении удобрения» и желательно, чтобы «сведения, приводимые автором, были основаны на собственных наблюдениях и опытах» или «извлечены из опытов других практиков» с указанием на источники ([Земледельческая газета. 1867. 9: 141](#)).

В Объявлении от главного управления государственного коннозаводства поддерживается «мысль о частном учреждении <...> особых специалистов коневоспитателей, подобно известным во Франции под названием *éleveurs*, которые могли бы скупать полугодовалых жеребят и выдерживать их до известного возраста» ([Земледельческая газета. 1867. 15: 225](#)).

В качестве официальных документов можно также рассматривать объявления от департамента земледелия и сельской промышленности о выдаче привилегий на разных изобретения, используемые в российском сельском хозяйстве. Так, «департамент земледелия и сельской промышленности, на основании си. 137 Уст. пром. фабр. зав. Т XI Св. Зак. изд. 1857 г., объявляет, что в оный, 18 сего марта, поступило прошение итальянского подданного Иосифа Буколини о выдаче ему пятилетней привилегии на изобретенный им способ добывания пуха из растения ивы» ([Земледельческая газета. 1867. 13: 193](#)).

Разрабатываются и вводятся новые правила в качестве действенных мер, необходимых для охранения частных лесов, например, назначение лесного сторожа ([ПСЗРИ, 1871а: 750-753; Земледельческая газета. 1867. 25: 385](#)).

На страницах «Трудов Императорского Вольного экономического общества» описывается изобретенная А.Ф. Зубаревым зерносушилка: ее отличия, способ работы, а также прилагаются различные чертежи. Однако при этом подчеркивается, что пока это изобретение еще не испытано: «ко всему изложенному здесь долгом считаем прибавить, что эта система, заслужившая внимание некоторых из просвещенных членов Императорского Вольного Экономического Общества, еще нигде не была применена к действию и потому весьма желательно, чтобы те лица, которые признают ее применимость и произведут по ней опыты зерносушения, сообщили изобретателю в Общество сведения о результатах своих наблюдений» ([Труды Императорского..., 1867. Т. 3, вып. 4: 507-512](#)). Здесь больше можно говорить о предполагаемом нововведении в случае удачного испытания изобретения. Все представленные на рассмотрение новшества (изобретения) рассматривались тщательно, о чем свидетельствует следующий комментарий: «комиссия, рассматривавшая

зерносушилку А.Ф. Зубарева, заметила, что рисунки подобных зерносушилок встречаются в известном сочинении Пекле «*Traité de la chaleur*» (3-me edit..Т.II р. 331, 332), но она полагает, что г. Зубарев пришел по собственной мысли к устройству своей сушилки» (*Труды Императорского...*, 1867. Т. 3, вып. 4: 512). Это также позволяет сделать вывод о том, что в Обществе принимают тот факт, что изобретения могут быть сделаны одновременно/параллельно.

Следующее изобретение можно определить как техническое и технологическое нововведение. Предлагается необходимое дополнение к существующей зерносушилке, которое направлено на то, чтобы дать движение хлебу во время сушки: «движущиеся цилиндры с насыпанным около окружности их хлебом, слоем в 5 верш.». Здесь же дается подробное описание не только этого изобретения с расчетами, но и его чертежей (*Земледельческая газета*. 1867. 25: 389-394).

Технологическим нововведением можно считать предложенный способ извлечения масла из семян с помощью растворяющих средств, таких, как «так называемый канадоль», в отличие от старого способа, когда «семена, по предварительному раздроблению их, подвергают сильному давлению в прессах <...> вместе с маслом из семян выходит множество других веществ, которые впоследствии обуславливают его порчу (прогорклость) или сообщают ему неприятный вкус» (*Земледельческая газета*, 1867. 26: 406-407).

Если рассматривать дальнейшую судьбу некоторых изобретений и их применение, то в газете есть и некоторые суждения по вопросам признания российских изобретений. Хороший пример здесь – изобретение способа крестьянином З. Бобровым «приготовления сгущенного и даже сухого молока <...> крестьянин Бобров еще прежде швейцарцев, или по крайней мере одновременно с ними, изобрел способ приготовления сгущенного и даже сухого молока, но на этот способ не обратили внимание, вероятно потому, что он доморощенный, а не заграничный» (*Земледельческая газета*. 1867. 27: 439).

В более позднем выпуске также описываются испытания жатвенных машин Северина и Иванова, и в конце статьи говорится о том, что «русская изобретательность по части сельского хозяйства видимо развивается; нам все чаще и чаще представляется случай сообщить читателю о новых и новых русских изобретениях», однако сведений в газете за рассматриваемый период времени об их использовании этих изобретений в сельском хозяйстве не приводится (*Земледельческая газета*. 1867. 36: 561-562).

Как пример нововведений в отрасли пчеловодства можно привести описание и изображение улучшенных простых ульев г. Згоржельского, где обосновывается необходимость их использования («введения»), а также внедрения его способов/методов пчеловодства, основанных на тридцатилетнем наблюдении борьбы с болезнью пчел (*Земледельческая газета*. 1867. 48: 860-863).

Что касается луговодства, то в очень подробной статье И.А. Стебута, где даются рекомендации по уходу за луговой травой (удобрение, увлажнение, очистка, борьба с сорными травами и пр.), можно почерпнуть разные действенные и новые способы правильного ухода за лугом (*Земледельческая газета*. 1867. 52: 925).

В материале «Несколько слов о вновь вводимых видах шелкопряда и шелка, от них получаемого» рассказывается о разведении разных видов шелкопряда, вводимых в разных странах Европы, описываются результаты опытов разведения таких гусениц и делается следующий вывод: «все это приводит нас к тому заключению, что нашим любителям шелководства не следовало бы оставлять без внимания вопрос о возможности или невозможности введения новых пород шелкопряда в России. А заняться у нас разведением шелкопрядов, питающихся листьями дуба, вероятно, оказалось бы возможным и даже выгодным <...> А доказать на деле, что если невыгодно заниматься разведением одного вида шелкопряда по причине болезни, то есть возможность хотя и отчасти заменить его другими породами, не значит ли поддержать шелководство и заботиться о его распространении?» (*Труды Императорского...*, 1867. Т. 3, вып. 4: 309-318). Таким образом, предлагается и такое нововведение, как разведение разных видов шелкопряда, которые могут прижиться в российских условиях, для изготовления более прочного шелка.

1867 год также отмечается как год начала опытов, предпринятых «по мысли и с участием Императорского Вольного Экономического Общества. Цель этих опытов состоит в определении влияния обработки и удобрений для урожая хлебных растений, а также в исследовании влияния почвы и местных условий на производство питательных веществ» (*Труды Императорского...*, 1867. Т. 4, вып. 3, 1867: 175-182). Также подчеркивается, что эти опыты помогут собрать данные об особенностях разных местностей России и разработать меры по усилению урожая и доходности (*Труды Императорского...*, 1867. Т. 4, вып. 3: 175-182). Данные опыты описываются в отчете Д.И. Менделеева, который призывает к тому, что «сельскому хозяину нужно заботиться не о том, чтобы оставить в виде недейтельного материала богатое наследство потомкам; его задача состоит в выгодном пользовании землею <...> для получения правильного и большего дохода с земли, ради собственно выгоды, а не ради судьбы потомства <...> употреблять удобрительные вещества, дающие скорый, пропорциональный затрате доход» (*Труды Императорского...*, 1867. Т. 4, вып. 3: 180).

Как управленческое нововведение для развития садоводства можно рассмотреть нововведение департамента сельского хозяйства, которым «сделано распоряжение об увеличении миндальных плантаций в Императорском Никитском саду» (*Земледельческая газета*. 1867. 6: 92).

В отношении нововведений, касающихся развития скотоводства в России, показателен пример принятого решения о создании своего племенного стада тонкошерстных овец (*Земледельческая газета*, 1867. 7: 99-103; *Земледельческая газета*. 1867. 8: 117-122; *Ульянов*, 1867: 117-138).

В «Памятной книжке Тверской губернии» есть сведения о проведении сельскохозяйственной выставки в 1867 году. В предметах сельского хозяйства на выставке были представлены 125 образцов хлебов, 20 экземпляров образцов почвы и образцы мяты (в отделе земледелия), разные овощи и фрукты (в отделе огородничества) и коллекции уникальных растений (в отделе садоводства), а также много других интересных экспонатов (трава для лечения водобоязни, тополиный пух и пр.) (*Памятная книжка...*, 1868: 443-449). Представление и изучение на выставке многочисленных сельскохозяйственных экспонатов (а также и присвоение им мест победителей) подтверждает процесс развития российского сельского хозяйства (в том числе, и посредством применения нововведений).

5. Заключение

Как показывает проведенное исследование, фундаментальных российских нововведений в течение 1867 года не так уж и много. По высказываниям, опубликованным на страницах газеты, они в основном ограничиваются разработками и изобретениями сельскохозяйственных орудий и машин (т.е. являются больше техническими и технологическими нововведениями). Внимание больше уделяется зарубежным разработкам в области сельского хозяйства и возможностям их использования в наших условиях. Также на основе изучения материалов можно говорить о возможности проследить мысль о неиспользовании или недостаточном использовании потенциала российских земель и изобретательских возможностей.

Однако по многочисленным публикациям стоит отметить, что неподдельный интерес к сельскому хозяйству с каждым годом растет. Также государство уделяет внимание вопросам поиска и применения нововведений с целью улучшения сельскохозяйственной отрасли.

Литература

Большая энциклопедия..., 1904 – Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С. Н. Южакова [и др.]. Т. 17. Санкт-Петербург: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1904. 933 с.

Земледельческая газета, 1867 – *Земледельческая газета*. Санкт-Петербург, 1867. 932 с.

Коваленко, 2014 – *Коваленко Н.П.* Вклад профессора А.Н. Энгельгардта в развитие севооборотов в мировом земледелии второй половины XIX века // *Вестник Академии знаний*. 2014. № 1. С. 13-18.

Общее положение..., 1899 – Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости / Сост. Н. Макшеев. 4-е изд., доп. всеми узаконениями по 1-е июля 1899 г. Неофиц. изд. Москва: типо-лит. Кушнерева, 1899. 317 с.

Памятная книжка..., 1868 – *Памятная книжка Тверской губернии на 1868 год*: (с видом Нило-Столобенской пустыни). Тверь: Тверской губернский стат. ком., 1868. 178 с.

Плаксин, 2004 – *Плаксин В.Н.* Роль и значение общественной инициативы в истории сельского хозяйства России конца XIX – начала XX вв. // *Известия Оренбургского государственного аграрного университета*. 2004. № 1 (1). С. 49-51.

Пономарев, 1888 – *Пономарев Н.В.* Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России от начала государства до настоящего времени / [Соч.] Н.В. Пономарева, канд. сел. хоз-ва лесоводства, д. чл. Вольн. экон. о-ва. Санкт-Петербург: тип. В. Киришбаума, 1888. 402 с.

ПСЗРИ, 1863 – О всемилоостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей: Манифест от 19 февраля 1861 / Полное собрание законов Российской империи, собрание второе. 1861. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. XXXVI, отделение первое, 1863. № 36650. С. 128-134.

ПСЗРИ, 1871а – О мерах к охранению частных лесов / Полное собрание законов Российской империи, собрание второе. 1867. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. XLII, отделение первое, 1871. № 44587. С. 750-753.

ПСЗРИ, 1871б – О поземельном устройстве государственных крестьян в девяти западных губерниях / Полное собрание законов Российской империи, собрание второе. 1867. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. XLII, отделение первое, 1871. № 44590. С. 754-756.

Словарь церковнославянского..., 1867 – *Словарь церковнославянского и русского языка*, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Т. 2. 2-е изд. Санкт-Петербург: издание Н. Л. Тиблена, 1867. 988 с.

Стебут, 1870а – *Стебут И.А.* Сельскохозяйственное знание и сельскохозяйственное образование / [Соч.] И.А. Стебута, проф. Петр. земледельч. и лесн. акад. Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1870. 81 с.

Стебут, 1870б – *Стебут И.А.* О посевах вообще и рядовых в особенности. Москва: Унив. тип., ценз. 1870. 74 с.

Стебут, 1906 – *Стебут И.А.* Несколько мыслей и соображений по поводу аграрного вопроса. Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума, 1906. 69 с.

Стрик, 1911 – *Стрик Г.В.* Русское сельское хозяйство и промышленный протекционизм / Секр. Лифлянд. общеполезн. экон. о-ва Г.В. фон Стрик. Санкт-Петербург: типо-лит. Н.Г. Уль, 1911. 49 с.

Толковый словарь..., 1865 – Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Ч. 2: И-О. Москва: Издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете, 1865. 1351 с.

Труды Императорского..., 1867 – Труды Императорского Вольного экономического общества. Санкт-Петербург, 1867.

Ульянов, 1867 – *Ульянов И.* Об улучшении нашего тонкошерстного овцеводства // *Сельское хозяйство и лесоводство*. № 2. Санкт-Петербург: Мин. гос. имуществ, 1867. С. 117-138.

Энгельгардт, 1878 – *Энгельгардт А.Н.* Химические основы земледелия / [Соч.] А.Н. Энгельгардта. Смоленск: тип. насл. Переpletчикова, 1878. 150 с.

Энгельгардт, 1999 – *Энгельгардт А.Н.* Из деревни 12 писем: 1872-1887 г. СПб.: Наука, 1999. 714 с.

References

Bol'shaya entsiklopediya..., 1904 – Bol'shaya entsiklopediya [The Big Encyclopedia]: slovar' obshchedostupnyh svedenij po vsem otraslyam znaniya. Pod red. S. N. YUzhakova [i dr.]. T. 17. Sankt-Peterburg: Knigoizdatel'skoe t-vo "Prosveshchenie", 1904. 933 p. [in Russian]

Engel'gardt, 1878 – *Engel'gardt, A.N.* (1878). Khimicheskie osnovy zemledeliya [Chemical fundamentals of agriculture]. [Soch.] A.N. Engel'gardta. Smolensk: tip. nasl. Perepletchikova. 150 p. [in Russian]

Engel'gardt, 1999 – *Engel'gardt, A.N.* (1999). Iz derevni 12 pisem: 1872-1887 g. [12 letters from the village: 1872-1887]. SPb.: Nauka. 714 p. [in Russian]

Kovalenko, 2014 – *Kovalenko, N.P.* (2014). Vklad professora A.N. Engel'gardta v razvitie sevooborotov v mirovom zemledelii vtoroj poloviny XIX veka [The contribution of Professor A.N. Engelhardt to the development of crop rotations in world agriculture in the second half of the XIX century]. *Vestnik Akademii znaniy*. Nr 1. pp. 13-18 [in Russian]

Obshchee polozhenie..., 1899 – *Obshchee polozhenie o krest'yanah, vyshedshih iz krepostnoj zavisimosti* [The general situation of peasants who have emerged from serfdom]. Sost. N. Maksheev. 4-e izd., dop. vsemi uzakonenyami po 1-e iyulya 1899 g. Neofic. izd. Moskva: tipo-lit. Kushnereva, 1899. 317 p. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka..., 1868 – Pamyatnaya knizhka Tverskoj gubernii na 1868 god [Commemorative book of the Tver province for 1868]: (s vidom Nilo-Stolobenskoj pustyni). Tver': Tverskoj gubernskij stat. kom., 1868. 178 p. [in Russian]

Plaksin, 2004 – *Plaksin, V.N.* (2004). Rol' i znachenie obshchestvennoj iniciativy v istorii sel'skogo hozyajstva Rossii konca XIX – nachala XX vv. [The role and importance of public initiative in the history of agriculture in Russia in the late XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 1(1): 49-51. [in Russian]

Ponomarev, 1888 – *Ponomarev, N.V.* (1888). Istoricheskij obzor pravitel'stvennyh meropriyatij k razvitiyu sel'skogo hozyajstva v Rossii ot nachala gosudarstva do nastoyashchego vremeni [A historical overview of government measures for the development of agriculture in Russia from the beginning of the state to the present]. [Soch.] N.V. Ponomareva, kand. sel. hoz-va lesovodstva, d. chl. Vol'n. ekon. o-va. Sankt-Peterburg: tip. V. Kirshbauma. 402 p. [in Russian]

PSZRI, 1863 – O vsemlostivejšem darovanii krepostnym lyudyam prav sostoyaniya svobodnyh sel'skih obyvatelej: Manifest ot 19 fevralya 1861 [On the most gracious granting to serfs of the rights of the condition of free rural inhabitants: Manifesto of February 19, 1861]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, sobranie vtoroe. 1861. SPb.: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii. T. XXXVI, otdelenie pervoe, 1863. № 36650. Pp. 128-134 [in Russian]

PSZRI, 1871a – O merah k ohraneniyu chastnyh lesov [On measures to protect private forests]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, sobranie vtoroe. 1867. SPb.: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii. T. XLII, otdelenie pervoe, 1871. № 44587. Pp. 750-753. [in Russian]

PSZRI, 1871b – O pozemel'nom ustrojstve gosudarstvennyh krest'yan v devyati zapadnyh guberniyah [On the land structure of state peasants in nine western provinces]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, sobranie vtoroe. 1867. SPb.: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. T. XLII, otdelenie pervoe, 1871. № 44587. Pp. 754-756. [in Russian]

Slovar' tserkovnoslavjanskogo..., 1867 – Slovar' tserkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyj Vtorym otdeleniem Imperatorskoj akademii nauk [Dictionary of Church Slavonic and Russian,

compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Т. 2. 2-е изд. Санкт-Петербург: издание Н. Л. Тиблена, 1867. 988 p. [in Russian]

[Stebut, 1870b](#) – *Stebut, I.A.* (1870). О посеве вообшче и рядовом в особености [About sowing in general and the ordinary in particular]. Москва: Univ. tip., tsenz. 74 p. [in Russian]

[Stebut, 1870a](#) – *Stebut, I.A.* (1870). Sel'skohozyajstvennoe znanie i sel'skohozyajstvennoe obrazovanie [Agricultural knowledge and agricultural education]. [Soch.] I.A. Stebuta, prof. Petr. zemledel'ch. i lesn. akad. Москва: Univ. tip. (Katkov i K°). 81 p. [in Russian]

[Stebut, 1906](#) – *Stebut, I.A.* (1906). Neskol'ko myslej i soobrazhenij po povodu agrarnogo voprosa [A few thoughts and considerations on the agrarian issue]. Санкт-Петербург: tip. V.F. Kirshbauma. 69 p. [in Russian]

[Strik, 1911](#) – *Strik, G.V.* (1911). Russkoe sel'skoe hozyajstvo i promyshlennyj protekcionizm [Russian agriculture and industrial protectionism]. Sekr. Lifyand. obshchepolezn. ekon. o-va G.V. fon Strik. Санкт-Петербург: типо-лит. N.G. Ul'. 49 p. [in Russian]

[Tolkovyj slovar'..., 1865](#) – Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka V.I. Dalja [Explanatory Dictionary of the living Great Russian language by Vladimir Dal]. Ch. 2: I-O. Москва: Izdanie Obshchestva lyubitelej rossijskoj slovesnosti, uchrezhdenного pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1865. 1351 p. [in Russian]

[Trudy Imperatorskogo..., 1867](#) – Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva [Proceedings of the Imperial Free Economic Society]. Санкт-Петербург, 1867. [in Russian]

[Ul'yanov, 1867](#) – *Ul'yanov, I.* (1867). Ob uluchshenii nashego tonkosherstnogo ovcevodstva [About the improvement of our fine-haired sheep breeding]. *Sel'skoe khozyaistvo i lesovodstvo*. 2. Санкт-Петербург: Min. gos. Imushchestv. Pp. 117-138. [in Russian]

[Zemledel'cheskaya gazeta, 1867](#) – *Zemledel'cheskaya gazeta*. Санкт-Петербург, 1867. 932 p. [in Russian]

Появление нововведений в сельском хозяйстве Российской империи (на основе официальных документов и публицистических материалов за 1867 год)

Юлия Борисовна Надточий ^{a, *}, Валентина Анатольевна Ивашова ^b

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^b Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. Известно, что движущей силой любого развития являются различные новшества и нововведения. В изучаемый период времени в России (прошло небольшое количество лет после реформы 1861 года) происходит осознание необходимости уделять внимание развитию сельского хозяйства, особенно вопросам, связанным с выходом из того кризисного состояния, в котором оно находилось. Требовалась определенная модернизация российского сельского хозяйства, которой отчасти и могли поспособствовать многочисленные нововведения. В проведенном исследовании предпринята попытка определить, какие именно нововведения могли способствовать выходу из аграрного кризиса, а также выявить возможность их внедрения в изучаемый период времени в сельское хозяйство Российской империи. В работе подобраны примеры нововведений из разных отраслей сельского хозяйства: лесоводство, пчеловодство, огородничество, скотоводство, а также приводятся примеры нововведений (применяемых на практике изобретений) в области сельскохозяйственной техники. Под нововведениями понимаются как новшества, предлагаемые впервые к использованию (апробации), так и внедряемые повсеместно (в том числе, и обязательные к применению). Как показали полученные результаты. Многие нововведения в российском сельском хозяйстве имеют локальный характер внедрения – только в определенных хозяйствах, например, в хозяйстве самого изобретателя (пользуется только сам разработчик/изобретатель и некоторые люди, которые владеют информацией о таком изобретении). Выявление нововведений, появившихся в российском сельском хозяйстве за 1867 год, происходило на основе изучения опубликованных официальных документов и публицистических материалов того периода времени.

Ключевые слова: нововведения, Российская империя, сельское хозяйство, отрасль экономики, направления сельскохозяйственного развития.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Yflnjxbq-7e@yandex.ru (Ю.Б. Надточий)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 255-263
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.255

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Institutionalization of Russian-Turkmen Relations during the Pacification of the Akhal-Teke Oasis

Ilya I. Aminov ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the historical events that led to the formation in May 1881 of the lands of the Akhal-Teke oasis and the Transcaspian military department of the Caucasian Military District of the Russian Empire, the Transcaspian region with its center in the city of Askhabad, where administrative, governmental and commercial-industrial institutions of Transcaspia later concentrated. The author argues that the formation of the Transcaspian region has created institutional prerequisites for accelerating the processes of uniting numerous Turkmen clans and tribes into a single ethnic group on the basis of developed Russian institutions of state power, the judicial and legal system, and the adaptation of this system to local traditions and customs. The interaction of traditional institutions of the local population with Russian state institutions, the rapidly changing socio-economic situation, the change in the economic and lifestyle, the link to market relations, led not only to the transformation of the usual way of life, but also to a change in the traditional legal consciousness of the Turkmen. Under the rule of the Transcaspian administration, industry developed, cities began to be built, educational and medical institutions aimed at European standards appeared; the foundation of the future national, and taking into account the localization of religious norms, secular Turkmen statehood, which was further developed in Soviet and post-Soviet times, was laid. The provisions and conclusions formulated in the article on the example of the historical past of the Transcaspian region, which currently geographically forms a large part of modern Neutral Turkmenistan, to a certain extent expand the understanding of the process of formation and development of Russian-Turkmen relations, influence promising areas of cooperation for Russia and Turkmenistan, and specify the functions of state bodies in strengthening these relations.

Keywords: Akhal-Teke oasis, Gek-Tepe, Tekin people, Transcaspian region, Russian-Turkmen relations, institutionalization, Transcaspian administration.

1. Введение

Экскурс в историю присоединения Средней (Центральной) Азии к Российской империи свидетельствует о том, что после установления российского протектората над Бухарским эмиратом (1868 г.) и Хивинским ханством (1873 г.), а также после создания в Красноводске (центре Закаспийского военного отдела Закавказского военного округа) прочной военной базы (1874 г.) русская армия стала готовиться к дальнейшему продвижению вглубь Туркменистана. На очереди стояло покорение Ахалтекинского оазиса (Ахала)¹, входившего в колонизаторские планы Британской империи, стремящейся к установлению своего влияния на Каспии (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6935. Л. 82). Наличие этих обстоятельств актуализирует вопросы, была ли у России в таких условиях альтернатива вооруженному вторжению в Ахалтекинский оазис, как повлияло его покорение дальнейшему

* Corresponding author

E-mail addresses: aminovii@mail.ru (I.I. Aminov)

¹ Ахалтекинский оазис (Ахал) расположен на юге Арало-Каспийской низины современного Туркменистана.

развитию российско-туркменских отношений, перспективам сотрудничества, конкретизации деятельности российских государственных органов в укреплении этих отношений.

Сложность и поэтапность продвижения военного контингента вглубь Ахалтекинского края, немирный характер приобщения коренного населения к российскому правопорядку были вызваны независимостью проживавших здесь туркмен текинского племени, их господствующим положением над другими племенами, воинственностью, склонностью к нападению на соседей, несхожестью отношения к возможному подчинению Российской империи.

В самом начале присоединение этого оазиса к России большинством коренного населения мыслилось не как полное подчинение имперской власти, а как мирный переход в вассальную зависимость с сохранением национальных прав и обычаев. Немалую роль в ослаблении сторонников такой позиции среди текинцев-туркмен сыграла деятельность английских агентов, утверждавших, что Великобритания как истинная защитница ислама (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6810. Л. 6), окажет скорейшую военную помощь тем туркменам, кто будет препятствовать продвижению русских войск (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6935. Л. 62).

Неблагоприятное для России окончание первой Ахалтекинской экспедиции 1879 г. под командованием генерала Ломакина, одновременно совпавшее с крупным успехом британских войск в Афганистане, привело к опасению, что Великобритания, устремленная расширить свои индийские колонии, начнет крупномасштабное наступление через туркменские земли вглубь Средней (Центральной) Азии для того, чтобы стать полноправной хозяйкой этого региона.

Решительные и бескомпромиссные действия М.Д. Скобелева, начальника начатой в 1880 г. второй Ахалтекинской экспедиции, принявшего во внимание печальный опыт первого похода в Ахал-Теке под командованием генерала Ломакина (1879), способствовали успешному продвижению военного отряда через населенные пункты Кизыл-Арват, Ходжа-Кала, Бами, Борме к Геок-Тепе – главному укрепленному пункту антирусского сопротивления и административному центру Ахалтекинского оазиса.

Взятие штурмом 12 января 1881 г. геок-тепинской крепости, в которой сосредоточилось на тот момент практически все население оазиса, хотя и привело к безжалостному погрому ее защитников, но в то же время положило начало приобщению текинцев к российской государственности, а на этом фоне – к разрешению межплеменных и межродовых разногласий. Доказательством служит тот факт, что после 12 января конвой, сопровождавший все виды транспорта, передвигался по оазису в полной безопасности, начались бесперебойные работы военных топографов по установлению границ с Персией (Присоединение Туркмении..., 1960, док. 264).

Продвижение же военного отряда далее вглубь Закаспия было временно остановлено. Желая избежать возможных конфликтов с Англией и Персией, российское правительство запретило Скобелеву движение войска на восток за пределы оазиса, предписывая к тому же не нарушать неприкосновенности персидских границ.

18 января отрядом под командованием полковника А.Н. Куропаткина без боя были заняты аулы Асхабад (Ашхабад)¹, Аннау, Гяурс и все населенные пункты к северу от крепости Геок-Тепе. Таким образом, к Российской империи была присоединена новая обширная территория, равная 28 тыс. квадратных верст с населением в 200 тыс. душ. Так разрешился вопрос о занятии Ахалтекинского оазиса (Россия и Туркмения..., 1946, док. 65). Сокрушительный удар, нанесенный текинцам ахала, и дальнейший снос геок-тепинской крепости произвели неизгладимое впечатление на все остальные туркменские племена. Эти события подготовили мирное присоединение других оазисов, а затем и всего края, окончательно оформив контуры территории Закаспийской области в составе Российской империи (Россия и Туркмения..., 1946, док. 64).

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили следующие документы.

1. Документы РГВИА – Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация) (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6810, 6935).

2. Опубликованные сборники архивных документов (Россия и Туркмения..., 1946, док. 61-83; Присоединение Туркмении..., 1960, док. 261-330), в составлении которых принимали участие научные сотрудники Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР, Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР.

3. Материалы личного характера: деловая переписка, отчеты государственных служащих (Давлетшин, 1901; Пален, 1909), воспоминания участников Закаспийских походов, лично знавших и воевавших под командованием прославленного генерала М.Д. Скобелева (Маслов, 1882; Гродеков, 1883).

4. Материалы дореволюционной периодической печати, главным образом, Обзоров Закаспийской области (1882–1890) (Обзор Закаспийской области..., 1897), а также содержащиеся в них политические, этнографические карты, статистические сведения о развитии Закаспийского края.

¹ В настоящее время Ашхабад – столица Туркменистана.

При выработке общей концепции исследования автор руководствовался фундаментальными положениями философии, отечественной истории, истории международных отношений. В вопросах изучения российско-туркменских отношений использовались разные подходы: формационный (сменяемость общественно-экономических формаций), цивилизационный (учет экономических, политических, социальных, духовных элементов восточного или западного общества). При этом приоритетным началом стало соблюдение принципа соотношения и взаимосвязи общего, особенного и единичного, национального, международного и геополитического, исторического, логического, абстрактного и конкретного, что также позволило восполнить определенные пробелы в институционализации российско-туркменских отношений.

3. Обсуждение

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса об институционализации российско-туркменских отношений после овладения Ахалтекинским оазисом, вкратце изложим результаты изучения источников, свидетельствующих о том, что российско-туркменские отношения XIX – начала XX вв. не были предметом комплексного, системного и целостного исторического исследования. Только отдельные сведения нашли отражение в опубликованных ранее научных трудах, аналитических отчетах, записках, журналах, воспоминаниях отечественных ученых, политиков, писателей, чиновников, дипломатов, офицеров и других участников военных, научных, дипломатических, торговых экспедиций. Среди существенных социально-политических и организационно-правовых сведений, почерпнутых нами из отечественной историографии, выявлены:

- специфика установления и развития торгово-экономических и военно-морских связей России с прикаспийскими туркменами, их устремленность добиться российского покровительства, заинтересованность стать подданными империи (Муравьев-Кареский, Карелин, Бларамберг, Галкин-Врасский) (*Материалы по истории..., 1938–1939; Россия и Туркмения..., 1946*);

- попытки систематизации и анализа норм обычного права туркмен, обоснования введения на территории Закаспийской области «военно-народного» управления, сочетавшего военную власть и представительство от коренного населения, адаптации к местным обычаям некоторых правовых норм и создания доступной судебной системы (*Ломакин, 1897; Давлетшин, 1906; Пален, 1909; Хайтлиев, 1986*);

- критика отдельных проявлений военно-колониальной политики Российской империи, включая систему управления, податей и повинностей, судоустройства (*Штейнберг, 1934; Каррыев, Росляков, 1956; Тихомиров, 1960; Аннанепесов, 1982*);

- концепции характера вхождения туркменских племен в состав Российской империи (силового покорения – *Яншин, 2014: 89-92*; добровольного вступления – *Гапуров и др., 1983*; принудительно-мирного включения – *Кадыров, 2001*), что во многом подтверждается спецификой умиротворения Ахалтекинского, Тедженского, Мервского и других оазисов Туркменистана;

- отдельные стороны государственного, административно-территориального и правового строительства при решительном и заинтересованном влиянии Военного министерства Российской империи, других ведомств в среднеазиатском регионе в целом (*Марков, 2010; Котюкова, 2016*).

Немногие из европейских авторов (*Lansdel, 1885; Pierce, 1960*) считали систему имперского правления в Средней (Центральной) Азии эффективной, способствовавшей социально-экономическому развитию региона, отмечали лояльное отношение российских военных к местному населению, конструктивный характер их отношений. Другие исследователи обычно высказывались о сходстве имперской и советской национальной политики в регионе (*Central Asia..., 1967*), доказывали наличие неприятия, противостояния и даже «извечной вражды» между народами России (*Tillett, 1960; Kazemzadeh, 2004*), невозможности формирования демократических институтов в многонациональной стране, разделенной территориально по этническому признаку (*Клайн, 1993; Бенхабиб, 2003*). На фоне осуждения «исконной агрессивности» Российской империи, ее экспансионистских замыслов центрально-азиатские государства были представлены в образе «шахматных фигур» в игре России с Западом за мировое господство (*Hopkirk, 1994; Meyer, Sh. Bysac, 1999; Tucker, 2005*).

Однако проведение собственного исследования проблемы российско-туркменских отношений позволило сделать предварительный вывод о неполном соответствии некоторых из вышеперечисленных отечественных, зарубежных и постсоветских подходов (*Национальные истории..., 1999*) к историческим фактам институциональной реальности. Согласно выявленным сведениям, Средняя (Центральная) Азия преимущественно содержалась за счет имперской казны, коренные жители уравнивались в правах с представителями титульной нации, большинство народных обычаев не нарушалось, царила веротерпимость, большинство молодых мужчин не подлежало воинской повинности; были уничтожены рабство и работорговля, в том числе женщинами и детьми, устранены беззаконие и произвол, творившиеся местными ханами, беками и баями. Под влиянием законодательства Российской империи и организационно-правовых мер, принимаемых администрацией Закаспийской области, был дан импульс прогрессивному развитию самоуправления, судебной и налоговой систем, сформирована новая национальная элита, лояльная к России (*Глушенко, 2010; Белоглазов, 2011*), и т. д.

4. Результаты

После присоединения Ахалтекинского оазиса к Российской империи началось внедрение здесь нового административно-территориального устройства. Первоначально оазис находился в непосредственном ведении командующего экспедиционными войсками в качестве отдельной административно-территориальной единицы. Данная мера была вызвана тем, что утверждение «спокойствия» на этой только что присоединенной территории трудно было обеспечить начальнику Закаспийского военного отдела, находившемуся в Красноводске¹.

В целях укрепления российской власти «Великим сардаром Белого Царя» генералом М.Д. Скобелевым был выдвинут основополагающий принцип не порабощения, а *завоевания доверия у покоренного народа*. По замыслу генерала, многовековые привилегии туркменской верхушки, поддерживаемые в прошлые времена национальными обычаями и богатством, должны были быть вытеснены законами, обязательными для всех.

По мере внесения имперским правлением в оазис элементов стабильности и законности все больше и больше его жителей делали свой выбор в пользу сотрудничества с имперской властью. Этому также способствовало предписание российского командования гуманно обращаться с населением, ничего не брать даром, что подкреплялось удовлетворением русской администрацией жалоб жителей, а также судебной практикой – суровыми приговорами военно-полевых судов в отношении русских военнопленных, нарушивших воинскую дисциплину (*Россия и Туркмения..., 1946: 168-169*).

Для установления мира и спокойствия в регионе было организовано следующее: амнистия всем, кто сражался против России; охрана жен и детей защитников геок-тепинской крепости от возможных провокаций и произвола; попечительский совет для бесперебойного снабжения текинских семей продовольствием и предметами первой необходимости; работа специальной секции Российского общества Красного Креста и т. д.

Помощь Красного Креста была настолько значительной, что его главный уполномоченный, князь Шаховской, считал возможным открыть после штурма в крепости Геок-Тепе отделение при госпитале для раненых женщин и детей. По сведениям А. Маслова, остальных женщин и детей перевели в особый лагерь между Охотничьей башней и минным обвалом, куда им доставляли кибитки, выдавали провизию, домашнюю утварь. Этот контингент вплоть до 2 февраля 1881 г. также находился под защитой Красного Креста. Однако после воззвания Скобелева о возвращении к мирной жизни в крепость стали возвращаться из песков ее бывшие защитники и забирать своих жен, детей и прочих родственников (*Маслов, 1882: 203*).

С целью выражения покорности измученные противостоянием текинцы отправляли к русскому командованию на переговоры почетных людей. Результатом таких действий стало получение свидетельства на жительство и скорое возвращение к мирной жизни. Лояльное отношение, возвращение кибиток, около 150 тысяч пудов зерна, хранившегося в ямах и саманниках крепости, позволили текинцам уже ранней весной перейти к посевным работам. Кроме того, в Персии для исправления мельниц оперативно закупались жернова, кругляки для водосточных труб, там же нанимались рабочие для ремонта водопроводов. Жителям предоставлялась помощь из экстраординарных сумм. Послание с прокламацией почетных лиц в Теджен, Мерв, Персию и Хиву способствовали дальнейшему возвращению жителей и поселению их на прежних местах (*Присоединение Туркмении..., 1960, док. 258*).

О наступлении мирного времени свидетельствовала сдача победителям оружия. И хотя по прошествии двух месяцев после падения крепости эта процедура практически прекратилась, такой образ действий объяснялся не тайным намерением возобновить войну, а народным обычаем беречь личное оружие для защиты семьи и собственного достоинства. Часть выданного победителям оружия и другие свидетельства мужественной обороны крепости стали в дальнейшем экспонатами музея на железнодорожной станции Геок-Тепе.

Известие о победе русских в Ахалтекинском оазисе мгновенно облетело другие непокоренные районы проживания туркменских племен. В военный лагерь под Геок-Тепе прибыл мулла Ишан-Караул-беги от племени солор и саррык с письмом, в котором изъявлялись покорность и желание принять подданство и покровительство Белого Царя. К письму прилагалось более сорока печатей ханов и старшин (*Присоединение Туркмении..., 1960: 219-221*).

После завершения второй Ахалтекинской экспедиции у побежденной стороны осталось много вдов и сирот, их положение было самое незавидное. Те, кто имел близких родственников, еще как-то пристраивались, но те, кто остался без хозяина или мужа, страшно бедствовали, терпели нужду и голод. Целыми днями они осаждали кибитки военных комендантов, назначенных в селениях. Несмотря на то, что им выдавалась одежда и провизия, всего этого было недостаточно. Однако у текинских женщин, в отличие от других женщин Центральной Азии, были врожденные преимущества. Благодаря

¹ Закаспийский край в это время управлялся на основании Временного положения об управлении Закаспийским краем и Временного положения о военном управлении в Закаспийском отделе приложенных при приказе по военному ведомству от 15-го марта 1874 года за № 95. (См.: *Россия и Туркмения..., 1946, док. 65*).

работоспособности и храбрости текинки могли выживать в самых сложных условиях. Более того, несмотря на несколько приниженное социальное положение, свойственное любой мусульманке Востока, текинки пользовались некоторыми правами, освященными туркменскими обычаями. Так, в случае семейного конфликта или потери кормильца текинка могла явиться на совет мужчин и потребовать себе то, что ей положено по адагу (обычному праву туркмен) (Маслов, 1882: 195).

Начало институционализации российско-туркменских отношений сопровождалось составлением списков старшин, мирабов¹, казиев² для последующей легализации и утверждения их статуса русской администрацией. Предлагалось вознаграждать деятельность старшин соразмерно количеству кибиток в селении; мирабам – давать вознаграждение от поселян в зависимости от величины сбора хлеба (Присоединение Туркмении..., 1960, док 259). Всем коренным жителям объявлялось о порядке разбора имущественных споров, как и раньше у казиев, но по наиболее важным и сложным делам требовалось обращение к заведующему поселением оазиса. Такой порядок в дальнейшем привел к тому, что участились случаи обращения туркмен к администрации области с просьбой о внесении изменений в тот или иной обычай для его адаптации к новым условиям (например, о сдерживании размера калыма – платы за невесту).

Покоренные ханы Ахала временно отстранялись от прежней роли «правителей», поскольку требовалось время для выяснения степени их лояльности к новым порядкам (Присоединение Туркмении..., 1960, док 258). Однако уже в марте 1881 г. к Скобелеву явились с изъявлением покорности некоторые влиятельные представители племенной верхушки, среди которых были руководители обороны Геок-Тепе: Махтумкули-хан – сын Нур-Верды-хана – наиболее авторитетного среди туркмен правителя, Овез Мурад Тыкма-сердар, бежавший после падения геок-тепинской крепости в Теджен с частью туркменской конницы (Россия и Туркмения..., 1946, док. 83). Несколько позже туркменские ханы Ахала и других оазисов займут промежуточную административную ступень между уездными начальниками и аульными старшинами. Таким образом, новой властью наряду с аулами было сохранено деление туркменского общества на родоплеменные группы, предводителями которых до присоединения края были ханы.

В архивных документах сохранилось немало сведений о мирном приобщении правящей туркменской элиты к русской культуре и традиционным российским ценностям. Так, в апреле 1881 г. Тыкма-сердар получил приглашение в Петербург вместе с несколькими своими родственниками. В документах эта небольшая группа текинцев именовалась «депутация» («делегация») от Ахалтекинского оазиса (Россия и Туркмения..., 1946, док. 68, 69). Депутация посмотрела столицу Белого царя, ее окрестности, для чего был составлен подробный список как гражданских, так и военных объектов для посещения (Россия и Туркмения..., 1946, док. 70). Участники депутации получили награды и подарки, а Тыкма-сердару был присвоен чин майора милиции, преподнесены в дар почетная шашка и золотые часы (Россия и Туркмения..., 1946, док. 74, 75). Для укрепления власти и преданности русскому престолу среди текинцев подобного рода политика сыграла не меньшую роль, чем русские батальоны. Об окончательном превращении Тыкма-сердара из противника в союзника России свидетельствует его письмо полковнику Н.Ф. Мешетичу от 5 сентября 1881 г., где бывший глава антирусского сопротивления выразил готовность всегда служить верой и правдой русскому правительству и беспрекословно выполнять приказы начальства (Россия и Туркмения..., 1946, док. 79).

Возвращение ханов, лояльных к новой власти, и восстановление «ханской системы управления» в условиях русского Закаспия проявили наибольшую жизнеспособность. Будучи осторожной в вопросе введения российских институтов власти, администрация области, возглавляемая генерал-лейтенантом П.Ф. Рербергом, смогла в короткие сроки продемонстрировать всей Империи механизмы политико-правовой стабильности, включая жесткость в укреплении вертикали власти, то есть подчинение всех ведомств края распоряжениям ее начальника; допуск в состав уездных управлений не только русскоязычных, но и коренных жителей края; органический синтез административного опыта российских властей Оренбуржья, Кавказа, Туркестана и коренного населения всего региона.

Следует особо подчеркнуть, что большое значение для институционализации российско-туркменских отношений имел тот факт, что прежде самостоятельное подчинение мелким племенным ханам и родовым старейшинам уступило место централизованному управлению. Область, ранее страдавшая от непрерывных межплеменных и межродовых конфликтов, кровавых распри из-за пастбищ, родников, колодцев, пользования посевной площадью, в короткие сроки смогла перейти к мирному земледельческому и скотоводческому труду. С этой целью в Ахалтекинском оазисе новой властью собирались сведения о числе кибиток, размере имущества, о стадах, пахотной земле, лугах. Текинцам было обещано, что со дня водворения на прежние места проживания они будут пользоваться правами наравне с русскими. Кроме того, коренному населению разъяснялось, что в случае необходимости из молодых текинцев могут быть сформированы подразделения для участия в битвах с внешними врагами России. Перспектива такой службы их

¹ Распределители поливной воды.

² Шариатский судья.

особенно радовала, поскольку текинца, подобно «орлу», даже после полного покорения было невозможно «обратить в курицу», как и «разбойника – в мирного пастушка» (Маслов, 1882: 203).

В рапорте заведующего населением оазиса майора Сполатбога командующему войсками Закаспийского края от 15 апреля 1881 г. также предлагалось предоставить текинцам возможность служить, поскольку многие из них могли бы стать преданными и полезными российскому престолу в качестве урядников, разведчиков и джигитов. А введение в среду текинцев воинской повинности помогло бы сформировать боеспособную легкую кавалерию (Россия и Туркмения ..., 1946, док. 81). Командование таким подразделением предлагалось поручить офицеру, знающему туркменский язык и местные обычаи (Присоединение Туркмении..., 1960, док. 259). Данный вопрос поднимался не только закаспийской администрацией, но и включался в повестку центрального правительства. Так, согласно архивным материалам, управляющим военного министерства в июле 1881 г. был отдан приказ спланировать подготовку двух кавалерийских полков из текинских джигитов для службы на западной границе империи (Россия и Туркмения..., 1946, док. 82).

О необходимости приобщения текинцев к военной службе многократно писали военные, историки, публицисты. Неслучайно, когда при переписи уцелевших защитников геок-тепинской крепости, на вопрос, каким ремеслом они занимались, были получены схожие ответы: «Оружейник, в свободное время занимался аламаном»; «шью сапоги, а также аламаню»; «кроме аламана ничем не занимался» (Маслов, 1882: 202). При этом в оценках многих русских офицеров, участников закаспийских походов, текинцы характеризовались как народ неиспорченный, во многих отношениях вызывающий симпатию, прямодушный, обязательный, верный своему слову. Если текинцы и выказывали недовольство в отношениях с русскими, то это объяснялось, главным образом, отсутствием личного опыта общения, нелюбовью к гяурам¹, вызванной антирусскими настроениями и религиозным фанатизмом в среде других азиатских народов.

Поскольку текинцы всегда уважали свободолюбие и храбрость, то и на совете старейшин (маслахате) ими всегда в качестве вождей (ханов) выбирались те, кто в наибольшей степени соответствовал этим качествам. В русских же завоевателях этот народ больше всего ценил справедливость и сохранение его вековых обычаев (адатов).

В этом смысле заведующий населением Ахалтекинского оазиса майор Сполатбог и его подчиненные становились связующим звеном между народом и новой властью. Однако адаты (обычаи) текинцев, как и других туркменских племен, предстояло очистить от всего жестокого, нецивилизованного (участие в аламанах, пленение соседних народов, работоторговля, «кровавая мечь», самосуд, насильственный захват имущества виновного в преступлении и другие). Так, все находившиеся у текинцев пленные персы и представители иных народов в течение нескольких месяцев после падения крепости в Геок-Тепе были освобождены и отправлены на родину. Делалось это ради сохранения мира, правопорядка среди самого коренного населения оазиса. Такая политика привела в дальнейшем к минимизации содержания в крае русского военного контингента (штыков) (Россия и Туркмения..., 1946, док. 67), что стало одним из главных показателей успешной деятельности русской администрации. А небольшой, но хорошо организованный контингент регулярного войска вызывал у коренного населения больше уважения, нежели страха. Так, полковник И.-Ф.-Г. А. Аминов, исправляющий должность начальника областного штаба, докладывая в Петербург о состоянии коренных жителей Закаспия, писал: «отношение населения с войсками замечательно хорошее...» (Присоединение Туркмении..., 1960, док. 259: 494; 261: 497). Подтверждением этих слов может быть и то, что население оазиса охотно снабжало войска верблюдами с погонщиками для перевозки казенных грузов, причем по достойной для того времени цене (Присоединение Туркмении..., 1960, док. 264: 530). Сборы и повинности, не утвержденные правительством, строго запрещались.

Через несколько месяцев на безлюдную линию от Баши до Геок-Тепе вернулось более восьми тысяч текинских семей (Россия и Туркмения ..., 1946, док. 63). Так занимались новые земли Средней (Центральной) Азии.

5. Заключение

Умиротворение Ахалтекинского оазиса положило начало институционализации российско-туркменских отношений, сделав их в дальнейшем жизнеспособными и исторически устойчивыми. Сыграв в жизни коренного населения позитивную роль, институционализация повлияла на формирование у текинского и других туркменских племен потребности в организации новых видов социально-экономической деятельности и духовной жизни. Так, на сходах народных представителей (маслахат) жители последующих после Ахалтекинского оазиса территорий принимали решения о добровольном присоединении и подчинении России, что нашло выражение, например, в «Клятвенном обещании» представителей Мервского оазиса. После присоединения Мерва к Российской империи последовало продвижение русских войск вверх по Мургабу на юг в Иолотанский и Пендинский оазисы, заселенные туркменами сарыкского племени, ментально, кровнородственно и экономически связанного с мервцами.

¹ Презрительное название немусульман.

В целом присоединение Ахалтекинского оазиса создало предпосылки для ускорения процесса консолидации туркмен в единый этнос, а развитые российские государственные структуры и институты оказали влияние на формирование исполнительных органов, судебной и налоговой систем. При этом сосредоточение административных и судебных полномочий в лице начальника Закаспийской области не противоречило менталитету туркмен, ускоряло процесс их адаптации к новой обстановке и условиям жизни.

Институционализация российско-туркменских отношений после умиротворения Ахалтекинского оазиса стала мощным толчком в уничтожении рабства и работорговли, в том числе женщинами и детьми. Под влиянием законодательства Российской империи был задан импульс формированию местных элит и развитию самоуправления. Не вторгаясь в целом во внутреннюю жизнь местного населения, сохраняя его традиции, обычаи, органы военно-народного управления унифицировали правила судопроизводства у разных племен, изучили правовые нормы разных сфер народной жизни, обеспечили справедливое решение родоплеменных, водоземельных и иных споров.

Благодаря умелому руководству со стороны Военного и иных министерств российские власти осуществили цивилизационное объединение этого края с остальными частями Российской империи.

Литература

- [Аннанепесов, 1982](#) – Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. / Ответ. ред. А.А. Росляков. Ашхабад, 1982. 268 с.
- [Белоглазов, 2011](#) – Белоглазов А.В. Формирование политики России в Центральной Азии. Казань, 2011. 356 с.
- [Бенхабиб, 2003](#) – Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. 289 с.
- [Гапуров и др., 1983](#) – Гапуров М.Г., Росляков А.А., Аннанепесов М. Братство навеки (к 100-летию добровольного вхождения Туркменистана в Россию). Ашхабад. 1983.
- [Глуценко, 2010](#) – Глуценко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. Серия: «Россия забытая и неизвестная». М., 2010. 337 с.
- [Гродеков, 1883](#) – Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб., 1883. Т. 2. 312 с.
- [Давлетшин, 1901](#) – Давлетшин А.Г.А. Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб. 1901. 106 с.
- [Кадыров, 2001](#) – Кадыров Ш. Русско-туркменский исторический словарь. Берген, 2001. Т. 1.
- [Каррыев, Росляков, 1956](#) – Каррыев А., Росляков А. Краткий очерк истории Туркменистана (от присоединения к России до Великой Октябрьской соц. революции. 1868–1917 гг.). Ашхабад, 1956. 152 с.
- [Клайн, 1992](#) – Клайн Э. Самоопределение наций: созидание или опасная забава? // *Общественные науки и современность*. 1993. № 2. С. 156-164.
- [Котюкова, 2016](#) – Котюкова Т.В. Окраина на особом положении. Туркестан в преддверии драмы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2016. 390 с.
- [Ломакин, 1897](#) – Ломакин А. Обычно право туркмен (адат). Асхабад, 1897. 174 с.
- [Марков, 2010](#) – Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. Изд. 2-е, испр. М., 2010. 316 с.
- [Маслов, 1882](#) – Маслов А.Н. Завоевание Ахал-Теке. Очерки последней экспедиции Скобелева (1880–1881). СПб., 1882. 327 с.
- [Материалы по истории..., 1938–1939](#) – Материалы по истории туркмен и Туркмении в 2-х томах. М.-Л., 1938–1939. Т. 1, 2.
- [Национальные истории..., 1999](#) – Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М., 1999. 445 с.
- [Обзор Закаспийской области..., 1897](#) – Обзор Закаспийской области с 1882 по 1892 год. Издание второе. Асхабад, 1897. 332 с.
- [Пален, 1909](#) – Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. [Т. 4.] Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909. 311 с.
- [Присоединение Туркмении..., 1960](#) – Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов) / Под ред. А. Ильясова. Ашхабад: Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1960. 823 с.
- [РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.
- [Россия и Туркмения..., 1946](#) – Россия и Туркмения в XIX веке: к вхождению Туркмении в состав России: Сборник документов / Сост.: проф. А.Г. Соловьев, А.А. Сенников; Под ред. Г.И. Карпова, А.Г. Соловьева, Д.Ф. Масловец; Туркмен. филиал Акад. наук СССР. Ин-т истории, языка и литературы. Ашхабад, 1946.
- [Тихомиров, 1960](#) – Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960. 239 с.
- [Хайтлиев, 1986](#) – Хайтлиев А. Уголовное обычное право туркмен / Под ред. П.Ф. Повелицыной. Ашхабад, 1986.

- Штейнберг, 1934 – Штейнберг Е.Л. Очерки истории Туркмении. М.–Л.: «Государственное социально-экономическое издательство», 1934. 169 с.
- Яншин, 2014 – Яншин В.П. Проблема присоединения Центральной Азии к России в XIX веке (историко-графический аспект) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета (КРСУ). 2014. Том 14. № 3. С. 89–92.
- Central Asia, 1967 – Central Asia. A Century of Russian Rule. N.Y. London. 1967.
- Hopkirk, 1994 – Hopkirk P. The Great game. The Struggle in Central Asia. New York, 1994.
- Kazemzadeh, 2004 – Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia. 1864-1914. M., 2004. 711 p.
- Lansdell, 1885 – Lansdell H.D. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. London, 1885. Vol. 1–2.
- Pierce, 1960 – Pierce R. Russian Central Asia 1867–1913. A Study in Colonial Rule. Berkeley and Los Angeles. 1960. 91 p.
- Tillett, 1969 – Tillett L.R. The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill. 1969.
- Tucker, 2005 – Tucker N. Into Russian Turkistan 1872–1917: English travel literature and the creation of the Russian Orient. London, 2005.

References

- Annanepesov, 1982 – Annanepesov, M. (1982). Ukreplenie russko-turkmenskikh vzaimootnoshenij v XVIII–XIX vv. [Strengthening of Russian-Turkmen relations in the XVIII–XIX centuries]. *Otvet. red.* A.A. Roslyakov. Ashkhabad, 268 p. [in Russian]
- Beloglazov, 2011 – Beloglazov, A.V. (2011). Formirovanie politiki Rossii v Central'noj Azii [Shaping Russia's policy in Central Asia]. Kazan', 356 p. [in Russian]
- Benhabib, 2003 – Benhabib, S. (2003). Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyu eru [Cultural claims. Equality and diversity in the global era]. M., 289 p. [in Russian]
- Gapurov i dr., 1983 – Gapurov, M.G., Roslyakov, A.A., Annanepesov, M. (1983). Bratstvo naveki (k 100-letiyu dobrovol'nogo vhozhdeniya Turkmenistana v Rossiyu) [Brotherhood Forever (to mark the 100th anniversary of Turkmenistan's voluntary entry into Russia)]. Ashkhabad. [in Russian]
- Glushchenko, 2010 – Glushchenko, E.A. (2010). Rossiya v Srednej Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya [Russia in Central Asia. Conquests and transformations]. Seriya: «Rossiya zabytaya i neizvestnaya». M., 337 p. [in Russian]
- Grodekov, 1883 – Grodekov, N.I. (1883). Vojna v Turkmenii. Pohod Skobeleva v 1880–1881 gg. [The war in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880-1881]. SPb. T. 2. 312 p. [in Russian]
- Davletshin, 1901 – Davletshin, A.G.A. (1901). Otchet kapitana Davletshina po komandirovke v Turkestanskij kraj i stepnye oblasti dlya oznakomleniya s deyatelnost'yu narodnykh sudov [Report of Captain Davletshin on a business trip to the Turkestan territory and steppe regions to familiarize himself with the activities of the people's courts]. SPb. 1901. 106 p. [in Russian]
- Kadyrov, 2001 – Kadyrov, Sh. (2001). Russko-turkmenskij istoricheskij slovar' [Russian-Turkmen Historical Dictionary]. Bergen. T. 1. [in Russian]
- Karryev, Roslyakov, 1956 – Karryev, A., Roslyakov, A. (1956). Kratkij ocherk istorii Turkmenistana (ot prisoedineniya k Rossii do Velikoj Oktyabr'skoj soc. revolyucii. 1868–1917 gg.) [A brief outline of the history of Turkmenistan (from joining Russia to the Great October Socialist Revolution. 1868-1917)]. Ashkhabad, 152 p. [in Russian]
- Klajn, 1992 – Klajn, E. (1992). Samoopredelenie nacij: sozidanie ili opasnaya zabava? [Self-determination of nations: creation or dangerous fun?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2: 156-164. [in Russian]
- Kotyukova, 2016 – Kotyukova, T.V. (2016). Okraina na osobom polozhenii. Turkestan v preddverii dramy [The outskirts are in a special position. Turkestan on the eve of the drama]. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 390 p. [in Russian]
- Lomakin, 1897 – Lomakin, A. (1897). Obychno pravo turkmen (adat) [Usually Turkmen law (adat)]. Ashkhabad, 174 p. [in Russian]
- Markov, 2010 – Markov, G.E. (2010). Kochevniki Azii. Struktura hozyajstva i obshchestvennoj organizacii [The nomads of Asia. The structure of the economy and public organization]. Izd. 2-e, ispr. M., 316 p. [in Russian]
- Maslov, 1882 – Maslov, A.N. (1882). Zavoevanie Ahal-Teke. Ocherki poslednej ekspedicii Skobeleva (1880-1881) [The conquest of Akhal-Teke. Sketches of Skobelev's last expedition (1880-1881)]. SPb., 327 p. [in Russian]
- Materialy po istorii..., 1938–1939 – Materialy po istorii turkmen i Turkmenii v 2-h tomah [Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan in 2 volumes]. M.-L., 1938–1939. T. 1, 2. [in Russian]
- Nacional'nye istorii..., 1999 – Nacional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh [National histories in the Soviet and post-Soviet states]. Pod red. K. Ajmermahera, F. Bomsdorfa i G. Bordyugova. M., 1999. 445 p. [in Russian]
- Obzor Zakaspijskoj oblasti..., 1897 – Obzor Zakaspijskoj oblasti s 1882 po 1892 god [An overview of the Transcaspiian region from 1882 to 1892]. Izdanie vtoroje. Ashkhabad, 1897. 332 p. [in Russian]

- Palen, 1909** – *Palen, K.K.* (1909). Otchet po revizii Turkestanskogo kraja [Report on the audit of the Turkestan region]. [T. 4.] Narodnye sudy Turkestanskogo kraja. SPb., 311 p. [in Russian]
- Prisoedinenie Turkmenii..., 1960** – Prisoedinenie Turkmenii k Rossii [Turkmenistan's accession to Russia] (Sbornik arhivnyh dokumentov). Pod red. A. Il'yasova. Ashkhabad: Izd-vo Akademii nauk Turkmenskoj SSR, 1960. 823 p. [in Russian]
- RGVIA** – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Rossiya i Turkmeniya..., 1946** – Rossiya i Turkmeniya v XIX veke [Russia and Turkmenistan in the 19th century]: K vhozhdeniyu Turkmenii v sostav Rossii: Sbornik dokumentov. Sost.: prof. A.G. Solov'ev, A.A. Sennikov; Pod red. G.I. Karpova, A.G. Solov'eva, D.F. Maslovec; Turkmen. filial Akad. nauk SSSR. In-t istorii, yazyka i literatury. Ashkhabad, 1946. [in Russian]
- Tihomirov, 1960** – *Tihomirov, M.N.* (1960). Prisoedinenie Merva k Rossii [Joining of Merv to Russia]. M., 239 p. [in Russian]
- Hajtliev, 1986** – *Hajtliev, A.* (1986). Ugolovnoe obychnoe pravo turkmen [Turkmen customary criminal law]. Pod red. P.F. Povelicynoj. Ashkhabad. [in Russian]
- Shtejnberg, 1934** – *Shtejnberg, E.L.* (1934). Ocherki istorii Turkmenii [Essays on the history of Turkmenistan]. M.–L.: «Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo». 169 p. [in Russian]
- Yanshin, 2014** – *Yanshin, V.P.* (2014). Problema prisoedineniya Central'noj Azii k Rossii v XIX veke (istoriko-graficheskij aspekt) [The problem of the annexation of Central Asia to Russia in the XIX century] *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo Slavyanskogo universiteta (KRSU)*. 14(3): 89-92. [in Russian]
- Central Asia, 1967** – *Central Asia. A Century of Russian Rule.* N.Y. London. 1967.
- Hopkirk, 1994** – *Hopkirk, P.* (1994). The Great game. The Struggle in Central Asia. New York.
- Kazemzadeh, 2004** – *Kazemzadeh, F.* (2004). Russia and Britain in Persia. 1864-1914. M., 711 p.
- Lansdell, 1885** – *Lansdell, H.D.* (1885). Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. London. Vol. 1–2.
- Pierce, 1960** – *Pierce, R.* (1960). Russian Central Asia 1867–1913. A Study in Colonial Rule. Berkeley and Los Angeles. 91 p.
- Tillett, 1969** – *Tillett, L.R.* (1969). The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill.
- Tucker, 2005** – *Tucker, N.* (2005). Into Russian Turkistan 1872–1917: English travel literature and the creation of the Russian Orient. London.

Институционализация российско-туркменских отношений в период умиротворения Ахалтекинского оазиса

Илья Исакович Аминов ^{a, *}

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются исторические события, повлекшие за собой образование в мае 1881 г. из земель Ахалтекинского оазиса и Закаспийского военного отдела Кавказского военного округа Российской империи Закаспийской области с центром в г. Асхабаде, где в дальнейшем сосредоточились административные, правительственные и торгово-промышленные учреждения Закаспия. Автором утверждается, что образование Закаспийской области создало институциональные предпосылки для ускорения процессов объединения многочисленных туркменских родов и племен в единый этнос на основе развитых российских институтов государственной власти, судебной системы, адаптации этой системы к местным традициям и обычаям. Взаимодействие традиционных институтов местного населения с российскими государственными институтами привело не только к трансформации привычного образа жизни, но и к изменению традиционного правосознания туркмен. Под властью закаспийской администрации получила развитие промышленность, стали строиться города, появились образовательные и медицинские учреждения, устремленные к европейским стандартам. Было заложено основание будущей светской туркменской государственности, получившей дальнейшее развитие в советское и постсоветское время. Сформулированные в статье положения и выводы на примере исторического прошлого Закаспийской области в известной степени расширяют представления о процессе становления и развития российско-туркменских отношений, а также конкретизируют функции государственных органов в укреплении этих отношений.

Ключевые слова: Ахалтекинский оазис, Гек-Тепе, текинцы, Закаспийская область, российско-туркменские отношения, институционализация, закаспийская администрация.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: aminovii@mail.ru (И.И. Аминов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 264-288
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.264

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

A History of Bethany Commandery No. 28, K.T. (1868–1918)

Alexander Cherkas ^{a,*}

^aCherkas Global University, Washington DC, USA

Abstract

This work examines the activity of Bethany Commandery No. 28, an organization within the Masonic order of Knights Templar, over the first 50 years of its existence – from 1868 to 1918. The paper gives consideration to the composition and size of the commandery's membership.

The materials for the study included the reports of 50 annual conclaves of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois from the library of the George Washington Masonic National Memorial (Washington DC, USA).

The study's findings revealed that in the period from 1868 to 1918 Bethany Commandery No. 28 had a total of 274 members go through it, with 52 of those passing away while a member of the commandery. By 1918, membership in Bethany Commandery No. 28 reached an all-time high of 106. In the first 50 years of its existence, membership in the commandery included 10 Civil War and four World War I participants. In terms of profession, its membership included intellectuals (physicians and engineers) and farmers. The average length of service with Bethany Commandery No. 28 was approximately 11.8 years. In the first 50 years of its existence, Bethany Commandery No. 28 had 21 different commanders, with some of those holding the post for several years.

Keywords: Bethany Commandery No. 28, Masonic Order, Knights Templar, 1868–1918, history.

1. Introduction

In the period between the late 18th and the early 19th centuries, the United States witnessed the rapid development of the Masonic order of Knights Templar. As early as 1826, the organization's scattered Encampments, including those in the North, united into the General Grand Encampment. As the order developed through the 1850s and 1860s, it had its organizations created throughout the United States, including in the state of Illinois. On October 27, 1868, the town of Mendota in that state became home to a 28th commandery – Bethany Commandery No. 28. The present work is focused on detailing the activity of that commandery over the first 50 years of its existence.

2. Materials and methods

The materials for the study included the reports of 50 annual conclaves of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois from the library of the George Washington Masonic National Memorial (Washington DC, USA). Those reports contain information about the membership of Bethany Commandery No. 28 in the first 50 years of its existence, i.e. from 1868 to 1918.

With the study essentially being a historical-statistical one, it relied on the historical-chronological and statistical methods. The use of the historical-chronological helped present the history of Bethany Commandery No. 28 in chronological sequence, and the use of the statistical method helped analyze and interpret large amounts of statistical information and draw appropriate conclusions.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A. Cherkas)

3. Discussion

The history of Bethany Commandery No. 28 remains little researched. In fact, to date there has been no dedicated research on that subject. However, Bethany Commandery No. 28 is mentioned in a couple of works. For instance, Bethany Commandery No. 28 and its membership are mentioned in 'The Past & Present of La Salle County, Illinois', the town of Mendota being part of that county ([The Past & Present..., 1877](#)). The commandery is also mentioned in a later work – 'Biographical and Genealogical Record of La Salle County, Illinois' ([Biographical and Genealogical Record, 1900](#)).

4. Results

Mendota, Illinois, was incorporated as a town in 1859. A significant role in the development of that town was played by a railroad running through it. In 1865, Mendota had a population of around 2,000 ([The Past & Present..., 1877](#)).

Bethany Commandery No. 28 was chartered on October 27, 1868 ([Proceedings..., 1868: 434](#)), at Mendota, La Salle County ([Proceedings..., 1868: 404](#)), on the initiative of 10 members of the local community ([Proceedings..., 1868: 396](#)).

On a side note, at that time any commandery's members were referred to as 'knights', with the word 'swords' also used. Commanderies were typically established in the following way. As a common practice at the time, a commandery would be formed from among members of an area's local community, with the initial step being a visit to the area by a group of officers from the Grand Commandery of the state it was in. There was an election-based system. The highest officer positions would be occupied by the charter members, with the lower ranks filled by members of the local community. Officer elections would be held on an annual basis. All paperwork would be handled by an officer known as the Recorder, whose job was to capture any changes to the commandery's membership in a special book known as the Register and who was responsible for all correspondence in and out of the commandery. Each commandery had a flag and badge of its own.

In 1868, Bethany Commandery No. 28 consisted of the following officers:

Frank Allen Hardin	Commander
George Emerson	Generalissimo
David Alpheus Cook	Captain General
Wilbur Fisk Bromfield	Prelate
George Frank Stannard	Senior Warden
Preston I. Davis	Junior Warden
John Hamilton Harris	Treasurer
Anthony Bennett Gould	Recorder
John Clark Corbus	Standard Bearer
James Alfred Church	Sword Bearer
Jason Martin Liscom	Warden
Jason Reed Liscom	Captain of the Guards (Proceedings..., 1868: 434).

The commandery had the following members from among the local community: George M. Black, John Clark Corbus, James Alfred Church, James B. Dawson, Alpheus Dean, Joseph W. Edwards, Robert L. Gilmore, William S. Harrington, Frederick H. Haskill, and Jason R. Liscom ([Proceedings..., 1868: 434](#)).

In 1869, membership in Bethany Commandery No. 28 grew to 23 (its local members only) ([Proceedings..., 1870: 453](#)).

Officers:

Frank Allen Hardin	Commander
George Emerson	Generalissimo
David Alpheus Cook	Captain General
Wilbur Fisk Bromfield	Prelate
John Clark Corbus	Senior Warden
Robert L. Gilmore	Junior Warden
James Brown Dawson	Treasurer
Frederick Henry Haskill	Recorder
Joseph William Edwards	Standard Bearer
Preston Irving Davis	Sword Bearer
Anthony Bennett Gould	Warden
Jason Reed Liscom	Captain of the Guards (Proceedings..., 1870: 530).

The commandery had the following members from among the local community: William Atkinson, W.F. Bromfield, G.M. Black, John C. Corbus, E.P. Cook, D.A. Cook, J.A. Church, Alpheus Dean, J.B. Dawson, P.I. Davis, J.W. Edwards, George Emerson, R.L. Gilmore, A.B. Gould, F.A. Hardin, W.S. Harrington, F.H. Haskill, J.R. Liscom, J.M. Liscom, Samuel Morrison, T.F.A. Newport, M.H. Pantan, and William Truman ([Proceedings..., 1870: 531](#)).

In 1870, membership remained at 23 ([Fourteenth annual conclave..., 1870: 81](#)). In that year, the commandery appointed its first Representative – in the person of George Emerson, who was also appointed Eminent Commander that same year ([Fourteenth annual conclave..., 1870: 86](#)).

George Emerson	Commander
Joseph William Edwards	Generalissimo
David Alpheus Cook	Captain General
William Shaw Harrington	Prelate
Preston Irving Davis	Senior Warden
Robert L. Gilmore	Junior Warden
James Brown Dawson	Treasurer
Frederick Henry Haskill	Recorder
Samuel Morrison	Standard Bearer
William Truman	Sword Bearer
Anthony Bennett Gould	Warden
Jason Reed Liscom	Captain of the Guards (Fourteenth annual conclave..., 1870: 118).

In 1871, membership reached 30, with 11 individuals joining as created members and four members demitting ([Fifteenth annual conclave..., 1871: 19](#)). George Emerson remained the commandery's Representative ([Fifteenth annual conclave..., 1871: 27](#)). The practice of combining the positions of Representative and Commander would persist from then on.

George Emerson	Commander
Joseph William Edwards	Generalissimo
David Alfred Cook	Captain General
William Truman	Prelate
Preston Irving Davis	Senior Warden
Robert L. Gilmore	Junior Warden
James Brown Dawson	Treasurer
Frederick Henry Haskill	Recorder
Daniel Meisenbach	Standard Bearer
Thomas Fawcett Aaron Newport.....	Sword Bearer
Jason Martin Liscom	Warden
Jason Reed Liscom	Captain of the Guards (Fifteenth annual conclave..., 1871: 134).

There was one Past Commander – Franklin Allen Hardin ([Fifteenth annual conclave..., 1871: 134](#)). The commandery had the following members: William Atkinson, Hiram Anderson, Wilbur F. Bromfield, John C. Corbus, David A. Cook, Edgar P. Cook, James B. Dawson, Preston I. Davis, Alfred Dean, Joseph W. Edwards, George Emerson, Anthony B. Gould, R.L. Gilmore, Samuel A. Gardner, Franklin A. Hardin, Frederick H. Haskell, William Hays, Elezer J. Hills, James Hastings, William H. Hale, Jason M. Liscom, Jason R. Liscom, Daniel Meisenbach, Samuel Morrison, James I. Metler, Thomas F.A. Newport, George F. Standard, William Truman, James L. Taylor, and Joseph Van Law ([Fifteenth annual conclave..., 1871: 134](#)).

Demitted: James A. Church, Mathew H. Panton, George M. Black, and William S. Harrington ([Fifteenth annual conclave..., 1871: 134](#)).

In 1872, the position of Representative went to Robert L. Gilmore ([Sixteenth annual conclave..., 1872: 16](#)). Membership reached 31, with two individuals joining as created members and one member passing away ([Sixteenth annual conclave..., 1872: 19](#)).

Joseph William Edwards	Commander
Robert L. Gilmore	Generalissimo
David Alfred Cook	Captain General
William Truman	Prelate
Preston Irving Davis	Senior Warden
Thomas Fawcett Aaron Newport	Junior Warden
James Brown Dawson	Treasurer
Frederick Henry Haskill	Recorder
Daniel Meisenbach	Standard Bearer
James Lewis Taylor	Sword Bearer
James Iliff Metler	Warden
Jason Reed Liscom	Captain of the Guards (Sixteenth annual conclave..., 1872: 107)

Past Commanders: Frank A. Hardin and George Emerson. Created: George R. Barse and Henry H. Dean. Dead: Wilbur F. Bromfield ([Sixteenth annual conclave..., 1872: 107](#)).

In 1873, membership reached 35, with five individuals joining as created members and one member demitting ([Seventeenth annual conclave..., 1873: 32](#)).

Joseph William Edwards Commander
 Robert L. Gilmore Generalissimo
 Henry Hobert Dean Captain General
 William Truman Prelate
 Thomas Fawcett Aaron Newport Senior Warden
 Preston Irving Davis Junior Warden
 James Brown Dawson Treasurer
 Frederick Henry Haskill Recorder
 Daniel Meisenbach Standard Bearer
 James Iliff Metler Sword Bearer
 Charles Albert Hawley Warden
 Benjamin Napoleon Moss Captain of the Guards ([Seventeenth annual conclave..., 1873: 128](#)).

Past Commanders: Frank A. Hardin and George Emerson. Created: Benjamin Napoleon Moss, Charles Albert Hawley, Martin D. Paxson, Ruggles B. Van Law, and John J. Short. Demitted: George R. Barse ([Seventeenth annual conclave..., 1873: 128](#)).

In 1874, membership reached 40, with six individuals joining as created members and one member demitting ([Eighteenth annual conclave..., 1874: 29](#)).

Robert L. Gilmore Commander
 Frederick Henry Haskill Recorder ([Eighteenth annual conclave..., 1874: 107](#)).

Past Commanders: Frank A. Hardin, George Emerson, and Joseph William Edwards ([Eighteenth annual conclave..., 1874: 107](#)). Created: James W. Cornelius, Henry Dodge, Luke Goodwin, Oscar Lindstrom, Thomas D. Palmer, and Freedom M. Rice ([Eighteenth annual conclave..., 1874: 109](#)). Demitted: William Hays ([Eighteenth annual conclave..., 1874: 111](#)).

In 1875, membership reached 42, with three individuals joining as created members, one joining as an admitted member, one member demitting, and one passing away ([Nineteenth annual conclave..., 1875: 22](#)).

Joseph William Edwards Commander
 Frederick Henry Haskill Recorder ([Nineteenth annual conclave..., 1875: 47](#)).

Created: Stephen N. Fish, James E.J. Lytle, and George C. Schurtz ([Nineteenth annual conclave..., 1875: 49](#)). Admitted: Casper Ruedy ([Nineteenth annual conclave..., 1875: 50](#)). Demitted: Charles A. Hawley ([Nineteenth annual conclave..., 1875: 51](#)). Dead: Joseph Van Law (Mar. 21, 1875) ([Nineteenth annual conclave..., 1875: 56](#)).

In 1876, membership remained the same, with four individuals joining as created members, two members demitting, and two being suspended ([Twentieth annual conclave..., 1876: 27](#)).

Joseph William Edwards Commander
 Casper Ruedy Generalissimo
 William Henry Hale Captain General
 Robert L. Gilmore Prelate
 James E.J. Lytle Senior Warden
 William Truman Junior Warden
 James Brown Dawson Treasurer
 Frederick Henry Haskill Recorder
 Daniel Meisenbach Standard Bearer
 George Cornat Schurtz Sword Bearer
 Thomas Fawcett Aaron Newport Warden
 Benjamin Napoleon Moss Captain of the Guards ([Twentieth annual conclave..., 1876: 81](#)).

Past Commanders: Frank A. Hardin, George Emerson, Joseph William Edwards, and R.L. Gilmore ([Twentieth annual conclave..., 1876: 81](#)). Created: George W. Tewksberry, Will C. Andress, Edgar W. Rice, and John Simminger. Suspended: Hiram Anderson and Henry H. Dean. Demitted: Samuel A. Gardner and Samuel Morrison ([Twentieth annual conclave..., 1876: 81](#)).

In 1877, membership increased by four, with one individual joining as a created member, three members demitting, two being suspended, one being reinstated, and one passing away ([Twenty-first annual conclave..., 1877: 36](#)).

Joseph William Edwards Commander
 Frederick Henry Haskill Recorder ([Twenty-first annual conclave..., 1877: 68](#)).

Past Commanders: Frank A. Hardin, George Emerson, Joseph William Edwards, and R.L. Gilmore. Created: William Jenkins ([Twenty-first annual conclave..., 1877: 72](#)). Reinstated: Henry H. Dean ([Twenty-first annual conclave..., 1877: 76](#)). Demitted: David A. Cook, Henry H. Dean, and Jason M. Liscom ([Twenty-first annual conclave..., 1877: 78](#)). Suspended: F.A. Hardin and J.I. Metler ([Twenty-first annual conclave..., 1877: 80](#)). Dead: Stephen N. Fish (Sept. 13, 1877) ([Twenty-first annual conclave..., 1877: 85](#)).

In 1878, membership increased by four to 42, with four individuals joining as created members, one joining as an admitted member, one member being reinstated, and two demitting ([Twenty-second annual conclave..., 1878: 65](#)).

Casper Ruedy Commander
 Frederick Henry Haskill Recorder ([Twenty-second annual conclave..., 1878: 84](#)).

Past Commanders: Frank A. Hardin, George Emerson, Joseph William Edwards, and R.L. Gilmore. Created: Martin Olsen, George F. Watson, David V. Plaisted, and James Clark. Admitted: Arthur Cox McIntire. Reinstated: James I. Metler. Demitted: George Emersen and George F. Stannard ([Twenty-second annual conclave..., 1878: 90](#)).

In 1879, membership decreased by two to 40, with two members demitting ([Twenty-third annual conclave..., 1879: 59](#)). Despite the appointment of another person as Eminent Commander, Casper Ruedy stayed at Bethany Commandery No. 28, serving as its Representative ([Twenty-third annual conclave..., 1879: 69](#)).

William H. Hale Commander
 T.F.A. Newport Recorder ([Twenty-third annual conclave..., 1879: 78](#)).
 Demitted: Will C. Andress and James W. Cornelius ([Twenty-third annual conclave..., 1879: 84](#)).

In 1880, America's Knights Templar forces were divided between 20 divisions. The 1st, 2nd, and 3rd Divisions were wholly composed of commanderies from the state of Illinois, with Bethany Commandery No. 28 being in the 2nd Division ([Twenty-fourth annual conclave..., 1880: 40](#)). The 1st Division had 2,010 members, the 2nd Division had 1,259 members, and the 3rd Division had 925 members ([Twenty-fourth annual conclave..., 1880: 53](#)). Thus, in size, the divisions varied from battalion- to regiment-size.

In that same year, membership reached 48, with 14 individuals joining as created members, three members demitting, two being suspended, and one passing away ([Twenty-fourth annual conclave..., 1880: 63](#)). Casper Ruedy continued in the position of Representative ([Twenty-fourth annual conclave..., 1880: 74](#)).

William Henry Hale Commander
 Luke Goodwin Generalissimo
 Thomas Fawcett Aaron Newport Captain General
 J.W. Edwards Prelate
 James E.J. Lytle Senior Warden
 Casper Ruedy Junior Warden
 D.V. Plaistead Treasurer
 James Ferguson Recorder
 A.C. McIntire Standard Bearer
 J.B. Simminger Sword Bearer
 William Jenkins Warden
 Benjamin Napoleon Moss Captain of the Guards ([Twenty-fourth annual conclave..., 1880: 113](#)).

The commandery had the following Past Commanders: William H. Hale, J.W. Edwards, and Casper Ruedy. It had the following members: William Atkinson, John C. Corbus, James Clark, E.P. Cook, E.S. Childs, W.F. Conkey, E.G. Cass, F.J. Burdett, J.B. Dawson, P.I. Davis, A. Dean, Henry Dodge, R.M. Dewey, S.B. Dix, J.W. Edwards, Henry F. Eckenbrecht, James Ferguson, Robert L. Gilmore, Luke Goodwin, William H. Hale, F.H. Haskell, William Jenkins, J.E.J. Lytle, Oscar Lindstrom, Daniel Miscenbach, J.R. McGregor, J.I. Mettler, B.N. Moss, A.C. McIntire, F.A. Mathews, T.F.A. Newport, Martin Olsen, T.D. Palmer, M.D. Paxson, D.V. Plaistead, Casper Ruedy, F.M. Rice, J.B. Simminger, George C. Scheurtz, John J. Short, James L. Shaw, F.P. Snyder, William Truman, James L. Taylor, G.W. Tewksbury, Lewis Taylor, Ruggles B. Van Law, and William Wylie ([Twenty-fourth annual conclave..., 1880: 113](#)). October 18, 1879, saw the passing of J.R. Liscom ([Twenty-fourth annual conclave..., 1880: 140](#)).

In 1881, the commandery had 49 members, with three individuals joining as created members, one member demitting, and one being suspended ([Twenty-fifth annual conclave..., 1881: 51](#)).

T.F.A. Newport Commander
 James Ferguson Recorder ([Twenty-fifth annual conclave..., 1881: 68](#)).
 Created: Frederick Edwin Cavell, James G. Ruff, and Charles William Van Vliet. Demitted: Martin Oleson. Suspended: James I. Mettler ([Twenty-fifth annual conclave..., 1881: 74](#)).

In 1882, membership sharply increased to 72, with 24 individuals joining as created members, one joining as an admitted member, one member being suspended, and one passing away ([Twenty sixth annual conclave..., 1882: 69](#)).

T.F.A. Newport Commander
 F.E. Cavell Recorder ([Twenty sixth annual conclave..., 1882: 98](#)).

Created: George E. Wills, Bernard Kirk, Isaac N. Norman, Edward B. Carpenter, Samuel M. Heslett, James Clarkson, William H. Irwin, Haren C. Doan, Joseph James Pool, George Kelly, George W. Lindsay, Charles E. Rossette, Samuel Hastings, William Wilson, Berkley Gillett Barrett, John W. Blee, David A. Towne, Samuel C. Wiley, John Ezekiel Tibbetts, Philip Sine Pierce, John Henry Crance, Julius Hanson, Arthur E. Carpenter, and Edward Albert Reed ([Twenty sixth annual conclave..., 1882: 105](#)). Admitted: Peleg M. James. Suspended: John Baptiss Simmenger. Dead: John J. Scott (Dec. 4, 1881) ([Twenty sixth annual conclave..., 1882: 105, 116](#)).

In 1883, the commandery now had 77 members, with nine individuals joining as created members and four members demitting ([Twenty-seventh annual conclave..., 1883: 36](#)).

Thomas Fawcett Aaron Newport Commander
 Frank P. Snyder Generalissimo
 Thomas D. Palmer Captain General
 William Henry Hale Prelate
 Luke Goodwin Senior Warden
 Casper Ruedy Junior Warden
 D.V. Plaistead Treasurer
 William H. Irwin Recorder
 George Edward Wills Standard Bearer
 James Clark Sword Bearer
 Samuel Dix Warden
 Benjamin Napoleon Moss Captain of the Guards ([Twenty-seventh annual conclave..., 1883: 121](#)).

Past Commanders: Joseph William Edwards, Robert L. Gilmore, Casper Ruedy, William H. Hale, and Thomas F.A. Newport. Created: Oliver Wetherbee, Frederick C. Chadwick, Lorenzo Wells Calson, Walter Herbert Packard, James R. Hoffman, Lafayette Carnahan, William W. Gilmore, James Buckingham, and Charles H. Ingalls. Demitted: Frederick J. Burdett, Edmund S. Childs, Daniel Meisenback, and Freedom M. Rice ([Twenty-seventh annual conclave..., 1883: 122](#)).

In 1884, membership was up by one to 78, with four individuals joining as created members, one member being reinstated, two demitting, one being suspended, and one passing away ([Twenty-eighth annual conclave..., 1884: 39](#)).

Frank P. Snyder Commander
 William H. Irwin Recorder ([Twenty-eighth annual conclave..., 1884: 76](#)).

Created: William B. Nolan, August Swanson, William Liscom, and Axel Gulbransen. Reinstated: John B. Siminger. Demitted: Arthur E. Carpenter and James Ferguson. Suspended: Edward Albert Reed. Dead: Oliver Wetherbee ([Twenty-eighth annual conclave..., 1884: 84](#)).

In 1885, membership increased by five to 83 ([Twenty-ninth annual conclave..., 1885: 36](#)).

Frank P. Snyder Commander
 William H. Irwin Recorder ([Twenty-ninth annual conclave..., 1885: 72](#)).

Created: William Clarence Holdren, Charles R. Cross, Charles D. Jones, Charles L. Dodge, and David M. Vosburg ([Twenty-ninth annual conclave..., 1885: 81](#)).

In 1886, membership decreased by two to 81, with five individuals joining as created members, five members demitting, and two being suspended ([Thirtieth annual conclave..., 1886: 26](#)).

Thomas D. Palmer Commander
 Julius Hanson Generalissimo
 Samuel Dix Captain General
 William Jenkins Prelate
 George Edward Wills Senior Warden
 William Truman Junior Warden
 David V. Plaistead Treasurer
 William H. Irwin Recorder
 James Clark Standard Bearer
 Frederick E. Covell Sword Bearer
 Charles L. Dodge Warden

Benjamin Napoleon Moss Captain of the Guards ([Thirtieth annual conclave..., 1886: 99](#)).

Past Commanders: Joseph William Edwards, Robert L. Gilmore, Casper Ruedy, William H. Hale, Thomas F.A. Newport, and F.P. Snyder ([Thirtieth annual conclave..., 1886: 99](#)). Created: William McMahan, William Moffatt, Louis P. Cassic, William H. Edwards, and Levi W. Wheeler. Demitted: Charles W. Van Vleit, George W. Lindsey, P.M. James, Marion D. Paxon, and Charles D. Jones. Suspended: James L. Shaw and William Wilson ([Thirtieth annual conclave..., 1886: 100](#)).

In 1887, membership was down by six to 75, with three individuals joining as created members, one member being reinstated, five demitting, three being suspended, and two passing away ([Thirty-first annual conclave..., 1887: 35](#)).

Julius Hanson Commander

William H. Irwin Recorder ([Thirty-first annual conclave..., 1887: 68](#)).

Created: Milton H. Everett, Samuel P. Prescott, and Matthew Buhler. Reinstated: James L. Shaw. Demitted: James L. Shaw, Walter H. Packard, John E. Tibbetts, Thomas D. Palmer, and Lafayette Cornahan. Suspended: James E.J. Lytle, James R. McGregor, and William B. Nolan. Dead: Fred A. Mathews (Nov. 18, 1886) and Henry Dodge (June 6, 1887) ([Thirty-first annual conclave..., 1887: 77, 88](#)).

In 1888, membership was down by four to 71, with two members demitting and two passing away ([Thirty-second annual conclave..., 1888: 41](#)).

S.B. Dix Commander

E.B. Carpenter Recorder ([Thirty-second annual conclave..., 1888: 106](#)).

Demitted: Oscar Lindstrum and Milton H. Everett. Dead: James G. Ruff (Nov. 7, 1887) and William Atkinson (Jan. 31, 1888) ([Thirty-second annual conclave..., 1888: 115, 126](#)).

In 1889, membership increased by three to 74, with eight individuals joining as created members, two members demitting, and three passing away ([Thirty-third annual conclave..., 1889: 39](#)).

William Jenkins Commander

William H. Irwin Generalissimo

Julius Hanson Captain General

Thomas F.A. Irwin Prelate

George Edward Wills Senior Warden

James Clark Junior Warden

David V. Plaistead Treasurer

E.B. Carpenter Recorder

F.H. Haskell Standard Bearer

William P. Wixom Sword Bearer

Samuel P. Prescott Warden

Benjamin Napoleon Moss Captain of the Guards ([Thirty-third annual conclave..., 1889: 123](#)).

Past Commanders: Joseph W. Edwards, Robert L. Gilmore, Casper Ruedy, William H. Hale, Thomas F.A. Newport, Frank P. Snyder, Thomas D. Palmer, Julius Hanson, and Samuel B. Dix ([Thirty-third annual conclave..., 1889: 123](#)). Created: H.J. Cheesman, George Hensel, Abel W. McFarland, C.W. Wilson, Zimri Smith, Charles C. Strong, Thomas H. Stetler, and James W. Turner. Demitted: Isaac N. Norman and George W. Tewksbury. Dead: Luke Goodwin (Dec. 16, 1888), James R. Hoffman (Feb. 17, 1889), and Ezra G. Cass (Aug. 2, 1889) ([Thirty-third annual conclave..., 1889: 124, 173](#)).

In 1890, the state of Illinois saw its commanderies divided between two districts. Bethany Commandery No. 28 was assigned to District No. 1 ([Thirty-fourth annual conclave..., 1890: 35](#)). Its membership decreased by two to 72, with three individuals joining as created members, three members demitting, and two being suspended ([Thirty-fourth annual conclave..., 1890: 76](#)).

William Jenkins Commander

Casper Ruedy Recorder ([Thirty-fourth annual conclave..., 1890: 116](#)).

Created: John Eckert, D.E. Hapeman, and R.A. McBride. Demitted: A. Dean, R.M. Dewey, and L.P. Cassie. Suspended: B.G. Barrett and John H. Crance ([Thirty-fourth annual conclave..., 1890: 125](#)).

In 1891, membership remained the same at 72, with two individuals joining as created members, one member demitting, and one passing away ([Thirty-fifth annual conclave..., 1891: 58](#)).

William H. Irwin Commander

Casper Ruedy Recorder ([Thirty-fifth annual conclave..., 1891: 110](#)).

Created: Herbert H. Clark and Rev. George A. Pollock. Demitted: William H. Liscom. Dead: Robert L. Gilmore (May 31, 1891) ([Thirty-fifth annual conclave...](#), 1891: 119).

In 1892, membership was up by one to 73, with six individuals joining as created members, three members demitting, and two passing away ([Thirty-sixth annual conclave...](#), 1892: 73).

William H. Irwin	Commander
George Edward Wills	Generalissimo
David V. Plaisted	Captain General
T.F.A. Newport	Prelate
F.E. Cavell	Senior Warden
Samuel P. Prescott	Junior Warden
Samuel Hastings	Treasurer
Casper Ruedy	Recorder
John Eckart	Standard Bearer
George W. Andrew	Sword Bearer
James Clark	Warden
Benjamin Napoleon Moss	Captain of the Guards (Thirty-sixth annual conclave... , 1892: 168).

Past Commanders: Joseph W. Edwards, William H. Hale, Julius Hanson, T.F.A. Newport, William Jenkins, Casper Ruedy, and Frank P. Snyder ([Thirty-sixth annual conclave...](#), 1892: 168). Created: Dermenas L. Harris, William E. Hess, Edward L. McCredie, George W. Andrew, Edward S. Morahn, and Abe A. Swearingen. Demitted: Samuel B. Dix, Charles L. Dodge, and George A. Pollock. Dead: E.B. Carpenter (Sept. 3, 1891) and David A. Town (Dec. 27, 1891) ([Thirty-sixth annual conclave...](#), 1892: 169).

In 1893, membership was down by one to 72, with four individuals joining as created members, five members demitting, and one passing away ([Thirty-seventh annual conclave...](#), 1893: 40).

T.F.A. Newport	Commander
Casper Ruedy	Recorder (Thirty-seventh annual conclave... , 1893: 86).

Created: Harry S. Cooper, Robert N. Crawford, and Harry J. Lee. Demitted: Charles W. Wilson, W.H. Edwards, H.J. Cheesman, E.S. Morahn, and Julius Hanson. Dead: Lewis Taylor (June 10, 1893) ([Thirty-seventh annual conclave...](#), 1893: 95, 115).

In 1894, membership totaled 68, with two individuals joining as created members, one member being reinstated, three demitting, one being suspended, and two passing away ([Thirty-eighth annual conclave...](#), 1894: 72).

T.F.A. Newport	Commander
Casper Ruedy	Recorder (Thirty-eighth annual conclave... , 1894: 118).

Created: Shannon T. Burke and Richard H. Cooper. Reinstated: Berkley G. Barrett. Demitted: H.H. Clark, Axel Galbranson, and John B. Siminger. Suspended: August Swanson. Dead: William McMahon (Feb. 4, 1894) and James Clarkson (Mar. 30, 1894) ([Thirty-eighth annual conclave...](#), 1894: 128, 149).

In 1895, membership was up by six to 74, with six individuals joining as created members ([Thirty-ninth annual conclave...](#), 1895: 79).

T.F.A. Newport	Commander
George Edward Wills	Generalissimo
David V. Plaisted	Captain General
Samuel P. Prescott	Prelate
R.N. Crawford	Senior Warden
F.E. Cavell	Junior Warden
Samuel Hastings	Treasurer
Casper Ruedy	Recorder
John Eckart	Standard Bearer
William Colson	Sword Bearer
A.A. Swearingen	Warden
Benjamin Napoleon Moss	Captain of the Guards (Thirty-ninth annual conclave... , 1895: 175).

Past Commanders: Joseph W. Edwards, William H. Hale, William Jenkins, Thomas F.A. Newport, Casper Ruedy, Frank P. Snyder, and William H. Irwin. Created: Frank Frederick Fritz, Williston Franklin Colson, Emil John Kreis, Andrew Compton, Jonas Alfred Youngren, and Frederick Ralph Bailey ([Thirty-ninth annual conclave...](#), 1895: 176).

In 1896, membership remained the same at 74, with four individuals joining as created members, two members demitting, and two passing away ([Fortieth annual conclave..., 1896: 70](#)).

One of the deceased members was Casper Ruedy. Here is what is said in his regard in the proceedings of the 40th Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Illinois: “Bethany Commandery No. 28, K.T., Mendota, Ill., on last Easter Day committed to the tomb the mortal remains of one of its most faithful members, and a past Commander of that Commandery, Sir Casper Ruedy, who was called to his eternal home. His earthly pilgrimage ended on the 3rd of April. At the time of his death he filled the post of Recorder of his Commandery. For a long time he had been a devoted member of the Order, and a highly esteemed citizen of Mendota.” ([Fortieth annual conclave..., 1896: 88](#)).

T.F.A. Newport Commander

John Eckart Recorder ([Fortieth annual conclave..., 1896: 126](#)).

Created: Adelbert D. Gillett, Edward L. Watte, Howard B. Hall, and William N. Mitchell. Demitted: Hazon C. Doane and Berkley G. Barrett. Dead: James Clark (Sept. 27, 1895) and Casper Ruedy (Apr. 3, 1896) ([Figure 1](#)) ([Fortieth annual conclave..., 1896: 137, 158](#)).

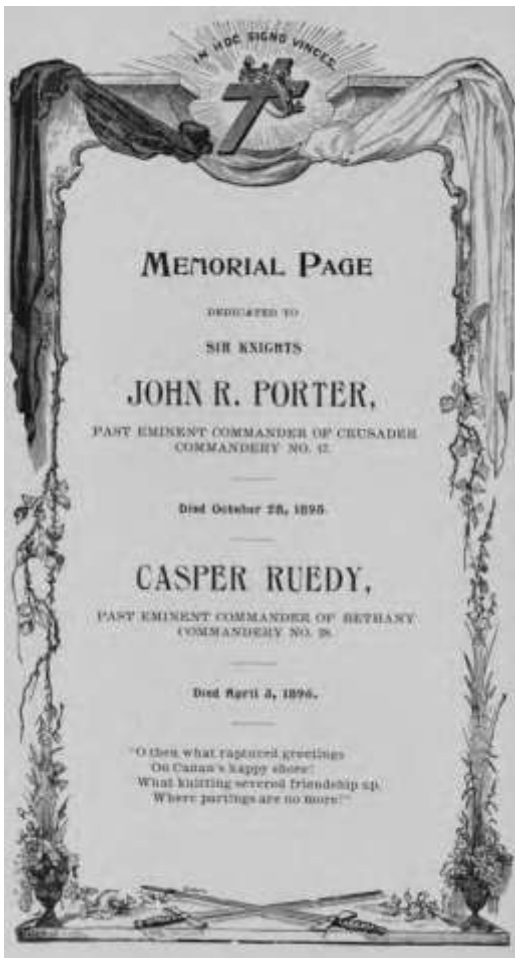

Fig. 1. Memorial page for Past Eminent Commander Casper Ruedy ([Fortieth annual conclave..., 1896: 154](#))

The holdings of the Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University include a couple of rare items that once belonged to Casper Ruedy – a full uniform and a presentation sword ([Figure 2](#)). He received that sword from Bethany Commandery No. 28 as its Past Eminent Commander.

Fig. 2. Uniform of Past Eminent Commander Casper Ruedy

C. Ruedy's personal effects which are in the museum's collection include his regulation trousers, coat, hat (Figure 3), commandery badge (Figure 4), belt, and sword.

Fig. 3. Uniform's coat and hat

Fig. 4. Commandery badge

Fig. 5. C. Ruedy's gold sword

The inscription on the sword's blade reads 'Presented to C. Ruedy, P.E.C., by Bethany Commandery No, 28, K.T.' (Figure 6).

Fig. 6. Inscription on the blade of C. Ruedy's sword

In 1897, the Grand Commandery of Illinois was split into eight districts, with Bethany Commandery No. 28 being assigned to District No. 3.

In that same year, membership sharply dropped to 63, with two members demitting, eight being suspended, and one passing away (Forty-first annual conclave..., 1897: 76).

George E. Wills Commander

John Eckart Recorder (Forty-first annual conclave..., 1897: 116).

Demitted: John W. Blee and Charles C. Strong. Suspended: John C. Corbus, Frederick C. Chadwick, James B. Dawson, William H. Hale, Charles H. Ingles, George Kelly, James L. Taylor, and J.W. Turner. Dead: D.V. Plaisted (June 29, 1897) (Forty-first annual conclave..., 1897: 197, 218).

In 1898, membership was down by one to 62, with two individuals joining as created members, one member demitting, one being suspended, and one passing away (Forty-second annual conclave..., 1898: 61).

George E. Wills Commander

R.N. Crawford Generalissimo

William F. Colson Captain General

Samuel P. Prescott Prelate

P.L. Harris Senior Warden

T.F.A. Newport Junior Warden

Samuel Hastings Treasurer

John Eckart Recorder

A.D. Gillett Standard Bearer

F.F. Fritz Sword Bearer

F.R. Bailey Warden

- Captain of the Guards (Forty-second annual conclave..., 1898: 114).

June 4, 1898, saw the passing of Benjamin N. Moss, the commandery's longtime Captain of the Guards (Forty-second annual conclave..., 1898: 58).

Past Commanders: Joseph W. Edwards, William Jenkins, Thomas F.A. Newport, Frank P. Snyder, and William H. Irwin. Created: Warren Charles Griggs and Edward Freeman Hempstead. Demitted: Preston I. Davis. Suspended: James Buckingham. Dead: Benjamin N. Moss (Forty-second annual conclave..., 1898: 59).

In 1899, membership remained the same (62), with two individuals joining as created members, one member being admitted, one demitting, and two passing away (Forty-third annual conclave..., 1899: 59).

Robert N. Crawford Commander

Frank F. Fritz Recorder (Forty-third annual conclave..., 1899: 98).

Created: Charles W. Hazard and Charles McFarlain. Admitted: G.W. Crowden. Demitted: Howard B. Hall ([Forty-third annual conclave..., 1899: 13](#)). Dead: William Jenkins (Aug. 29, 1898) and Samuel M. Haslet (Nov. 21, 1898) ([Forty-third annual conclave..., 1899: 116](#)).

In 1900, membership was up by five to 67, with nine individuals joining as created members, one member being reinstated, two demitting, and three passing away ([Forty-fourth annual conclave..., 1900: 53](#)).

Robert N. Crawford Commander
 Frank F. Fritz Recorder ([Forty-fourth annual conclave..., 1900: 92](#)).

Created: Edward R. Isaac, Henry W.F. Henning, John C. Corbus, Jr., Robert J. Hoteling, James B. Keeler, Xaviere F. Gehaut, Harry L. Fordham, Fred T. Davis, and William H. Davis. Reinstated: Charles H. Ingalls. Demitted: Harry S. Cooper and Frank P. Snyder. Dead: William Truman (July 10, 1899), Samuel C. Wiley (Feb. 13, 1900), and William W. Gilmore (May 12, 1900) ([Forty-fourth annual conclave..., 1900: 105, 132](#)).

In 1901, membership increased by two to 69, with five individuals joining as created members, one member demitting, one being suspended, and one passing away ([Forty-fifth annual conclave..., 1901: 65](#)).

Robert Nelson Crawford Commander
 John Clark Corbus, Jr. Generalissimo
 Adelbert Dennis Gillett Captain General
 Samuel P. Prescott Prelate
 Permanious L. Harris Senior Warden
 Frederick E. Covell Junior Warden
 Emil J. Kreig Treasurer
 Frank Frederick Fritz Recorder
 James Bradley Keeler Standard Bearer
 Henry William Ferdinand Henning Sword Bearer
 Daniel Charles Tower Warden
 Thomas F.A. Newport Captain of the Guards ([Forty-fifth annual conclave..., 1901: 58](#)).

Past Commanders: William H. Irwin, George E. Wills, Thomas F.A. Newport, William Franklin Colson, and Robert N. Crawford. Created: Harry B. Brittain, Arthur G. Harris, Daniel C. Tower, William G. Cove, and Ulyses N. Thornton. Demitted: Alfred J. Youngren. Suspended: George W. Andrew ([Forty-fifth annual conclave..., 1901: 58-59](#)). Dead: Levi William Wheeler (Nov. 15, 1900) ([Forty-fifth annual conclave..., 1901: 139](#)).

In 1902, membership was down by one to 68, with two individuals joining as created members, one member demitting, one being suspended, and one passing away ([Forty-sixth annual conclave..., 1902: 59](#)).

John C. Corbus, Jr. Commander
 Frank F. Fritz Recorder ([Forty-sixth annual conclave..., 1902: 116](#)).

Created: Orbed W. Briggs and Oscar P. Harris. Demitted: Arthur G. Harris. Suspended: Charles McFarlain. Dead: Charles R. Cross (Sept., 1901) ([Forty-sixth annual conclave..., 1902: 136, 164](#)).

In 1903, membership remained the same (68), with three individuals joining as created members, one member demitting, and two passing away ([Forty-seventh annual conclave..., 1903: 76](#)).

Robert N. Crawford Commander
 Oscar P. Harris Recorder ([Forty-seventh annual conclave..., 1903: 130](#)).

Created: John C. Crowell, James B. Daugherty, and Herbert M. Rodgers. Demitted: Charles H. Ingles. Dead: Edgar P. Cook (Oct. 31, 1902) and Albert W. McFarland (Jan. 22, 1903) ([Forty-seventh annual conclave..., 1903: 153, 178](#)).

In 1904, membership decreased by one to 67, with one individual joining as a created member and two members passing away ([Forty-eighth annual conclave..., 1904: 77](#)).

Robert Nelson Crawford Commander
 Adelbert Dennis Gillett Generalissimo
 Frederick E. Covell Captain General
 Edward Freeman Hempstead Prelate
 Parmenas Leonard Harris Senior Warden
 Frederick Ralph Bailey Junior Warden
 John Clark Corbus, Jr. Treasurer
 Oscar Porter Harris Recorder
 James Bradley Keeler Standard Bearer
 Albert Allison Swearingen Sword Bearer
 Henry William Ferdinand Henning Warden

Thomas F.A. Newport Captain of the Guards ([Forty-eighth annual conclave...](#), 1904: 65, 124).

Past Commanders: Joseph William Edwards, George Edward Wills, Thomas F.A. Newport, John Clark Corbus, Jr., and Robert Nelson Crawford. Created: Edward James Staten ([Forty-eighth annual conclave...](#), 1904: 65). Dead: Arthur Cox McIntire (Mar. 2, 1904) and Joseph J. Pool (June 7, 1904) ([Forty-eighth annual conclave...](#), 1904: 151).

In 1905, membership remained the same (67), with three individuals joining as created members, one member demitting, and two passing away ([Forty-ninth annual conclave...](#), 1905: 62).

Robert N. Crawford Commander

Oscar P. Harris Recorder ([Forty-ninth annual conclave...](#), 1905: 112).

Created: Andrew C. Harris, William H. Carnahan, and Nels Bean. Demitted: Richard H. Cooper. Dead: David M. Vosburg (Mar. 5, 1905) and George Hensel (June 15, 1905) ([Forty-ninth annual conclave...](#), 1905: 129, 159).

In 1906, membership was up by four to 71, with seven individuals joining as created members, one member demitting, one being suspended, and one passing away ([Fiftieth annual conclave...](#), 1906: 47).

Robert N. Crawford Commander

Henry W.F. Henning Recorder ([Fiftieth annual conclave...](#), 1906: 118).

Created: John M. Harris, Stephen M. Perkins, Rudolph W. Witte, William H. Kidd, Leroy P. McMillan, George D. Tower, and Lorrin I. Graves. Demitted: William Wylie. Suspended: William C. Holden. Dead: Bernard Kirk (Apr. 5, 1906) ([Fiftieth annual conclave...](#), 1906: 136, 165).

In 1907, membership increased to 79, with eight individuals joining as created members, one member being reinstated, and one passing away ([Fifty-first annual conclave...](#), 1907: 77).

Robert Nelson Crawford Commander

Adelbert Dennis Gillett Generalissimo

Frederick E. Covell Captain General

Edward Freeman Hempstead Prelate

Parmenas Leonard Harris Senior Warden

Frederick Ralph Bailey Junior Warden

Rudolph William Witte, Jr. Treasurer

Henry William Ferdinand Henning Recorder

James Bradley Keeler Standard Bearer

Albert Allison Swearingen Sword Bearer

Oscar Porter Harris Warden

Thomas Faucett Aaron Newport Sentinel (Captain of the Guards) ([Fifty-first annual conclave...](#), 1907: 72).

Past Commanders: John Clark Corbus, Jr., Robert Nelson Crawford, Joseph William Edwards, William Harry Irwin, Thomas F.A. Newport, and George Edward Wills ([Fifty-first annual conclave...](#), 1907: 72). Created: Benjamin Horace Smith Angear, Walter Edwin Annable, Alman Andrew Clapsaddle, William R. Foster, Ira S. Geft, John Henry Hoffman, Benjamin Dean Mosher, and John J. Thomassen. Reinstated: William Charles Holdren ([Fifty-first annual conclave...](#), 1907: 73). Dead: Nels Bean (Aug. 23, 1906) ([Fifty-first annual conclave...](#), 1907: 154).

In 1908, membership increased to 81, with five individuals joining as created members, one member being reinstated, two demitting, one being suspended, and one passing away ([Fifty-second annual conclave...](#), 1908: 41).

Adelbert D. Gillett Commander

John H. Hoffman Recorder ([Fifty-second annual conclave...](#), 1908: 102).

Created: John Malcolm Aitken, Frank Edward Blakeslee, Alfred James Foot, Theodore Ward, and George Samuel Wiley. Suspended: Philip Sine Pierce. Demitted: William George Cove and Xavier Francis Gehart. Reinstated: Philip Sine Pierce ([Fifty-second annual conclave...](#), 1908: 150). Dead: William Fitch Conkey (Sept. 27, 1907) ([Fifty-second annual conclave...](#), 1908: 129).

In 1909, membership decreased to 79, with two individuals joining as created members, one member demitting, and three passing away ([Fifty-third annual conclave...](#), 1909: 118).

Robert N. Crawford Commander

- Generalissimo

John Clark Corbus, Jr. Captain General

John H. Hoffman Recorder ([Fifty-third annual conclave...](#), 1909: 120).

Created: Ezra Grant Hoffman and Fred Blair Keeler. Demitted: Robert J. Hotaling ([Fifty-third annual conclave..., 1909: 146](#)).

Dead: Frederick Henry Haskell (July 21, 1908), William Harry Irwin (Mar. 23, 1909), and Edward Lilly Watts (Oct. 14, 1908) ([Fifty-third annual conclave..., 1909: 111](#)).

In 1910, membership grew to 86, with 14 individuals joining as created members, five members being suspended, and two passing away ([Fifty-fourth annual conclave..., 1910: 140](#)).

Robert N. Crawford Commander
 Frederick Edwin Cavell Generalissimo
 John Clark Corbus, Jr. Captain General
 Frederick Ralph Bailey Senior Warden
 John J. Thomassen Junior Warden
 Edward Freeman Hempstead Prelate
 George Daniel Tower Treasurer
 John H. Hoffman Recorder
 William H. Kidd Standard Bearer
 Albert Allison Swearingen Sword Bearer
 Theodore Ward Warden
 Thomas Faucett Aaron Newport Sentinel ([Fifty-fourth annual conclave..., 1910: 75](#)).

Past Commanders: Robert Nelson Crawford, John Clark Corbus, Jr., Joseph William Edwards, Thomas Faucett Aaron Newport, George Edward Wills, and Adelbert Dennis Gillett ([Fifty-fourth annual conclave..., 1910: 75](#)). Created: Willard Signor Alyea, George Eslie Blanchard, James Jay Dunbar, Robert Ingersoll Fischer, Benjamin Jacob Feik, Frank Wellett Graves, Harrison Lee Graves, Stephen Arthur Hopps, Clifford Crossman Hopps, Harace Oscar Kelly, Charles Christian Kohl, Louis Frank Knauer, Charles Frederick Lathrop, and Louis Dewitt Smith. Suspended: Orbed W. Briggs, Andrew Compton, Charles D. Hazard, Samuel Hastings, and Edward R. Isaac ([Fifty-fourth annual conclave..., 1910: 76](#)). Dead: William Moffatt (Sept. 9, 1909) and George C. Schuetz (Dec. 19, 1909) ([Fifty-fourth annual conclave..., 1910: 135](#)).

In 1911, membership decreased to 85, with two individuals joining as created members, two members demitting, and one passing away ([Fifty-fifth annual conclave..., 1911: 116](#)).

Robert N. Crawford Commander
 John H. Hoffman Recorder ([Fifty-fifth annual conclave..., 1911: 118](#)).

Created: John D. McRea and William S. Matteson. Demitted: Ulysses N. Thornton and LeRoy P. McMillan. Dead: Willard Signor Alyea (Oct. 28, 1910) ([Fifty-fifth annual conclave..., 1911: 130, 159](#)).

In 1912, membership decreased to 84, with four individuals joining as created members, one joining as an admitted member, one member being reinstated, four demitting, two being suspended, and one passing away ([Fifty-sixth annual conclave..., 1912: 116](#)).

Robert N. Crawford Commander
 John H. Hoffman Recorder ([Fifty-sixth annual conclave..., 1912: 118](#)).

Created: John O. Andrews, David L. Barnett, Charles D. Laraber, and Edward A. Miller. Admitted: George H. Yule. Reinstated: Edward A. Reed. Demitted: Zinni Smith, Edward A. Reed, Harry J. Lee, and George W. Crowden. Suspended: Lorin I. Graves and William C. Holdren. Dead: Philip S. Pierce (Feb. 15, 1912) ([Fifty-sixth annual conclave..., 1912: 130, 159](#)).

In 1913, membership increased to 88, with four individuals joining as created members, one joining as an admitted member, and one member demitting ([Fifty-seventh annual conclave..., 1913: 170](#)).

Robert Nelson Crawford Commander
 Frederick R. Bailey Generalissimo
 John Clark Corbus, Jr. Captain General
 Stephen M. Perkins Senior Warden
 George E. Blanchard Junior Warden
 George H. Yule Prelate
 George Daniel Tower Treasurer
 John Henry Hoffman Recorder
 William H. Kidd Standard Bearer
 Rudolph William Witte Sword Bearer
 Williston F. Colson Warden
 Edward A. Miller Sentinel ([Fifty-seventh annual conclave..., 1913: 262](#)).

Past Commanders: R.N. Crawford, J.C. Corbus, Jr., W.F. Colson, J.W. Edwards, T.F.A. Newport, George A. Wills, and A.D. Gillette. Created: Charles F. Bowers, Robert C. Finley, Forrest Lee Tower, and Arthur C. McIntire. Admitted: Edward B. Tabor. Demitted: John J. Thomassen ([Fifty-seventh annual conclave..., 1913: 263](#)).

In 1914, membership grew to 92, with four individuals joining as created members, one joining as an admitted member, and one member demitting ([Fifty-eighth annual conclave...](#), 1914: 184).

Edwin F. Hempstead Commander
 John H. Hoffman Recorder ([Fifty-eighth annual conclave...](#), 1914: 186).

Created: James H. Browning, Albert William McIntire, George James Their, and Charles Whitney McCray. Admitted: John Hepburn Walker. Demitted: William P. Wixom ([Fifty-eighth annual conclave...](#), 1914: 207).

In 1915, membership increased to 94, with five individuals joining as created members, one member demitting, and two passing away ([Fifty-ninth annual conclave...](#), 1915: 232).

Frederick R. Bailey Commander
 John H. Hoffman Recorder ([Fifty-ninth annual conclave...](#), 1915: 234).

Created: Warren Atwood Prescott, Robert Hallenberg, Washington Wallace Dunbar, Charles Clark Case, and Harry Dunrith Conkey. Demitted: Charles Christian Kohl. Dead: Thomas F.A. Newport (Aug. 1, 1914) and George Wills ([Fifty-ninth annual conclave...](#), 1915: 197, 255).

In 1916, membership remained the same (94), with six individuals joining as created members, two members demitting, three being suspended, and one passing away ([Sixtieth annual conclave...](#), 1916: 2).

Frederick Ralph Bailey Commander
 Stephen Manson Perkins Generalissimo
 George Eslie Blanchard Captain General
 Rudolph William Witte Senior Warden
 Charles Whitney McCray Junior Warden
 Robert Hallenberg Prelate
 George Daniel Tower Treasurer
 John Henry Hoffman Recorder
 William H. Kidd Standard Bearer
 Louis Frank Knauer Sword Bearer
 Eddie Tower Moore Warden

Corbus Plumer Gardner Sentinel ([Sixtieth annual conclave...](#), 1916: 80).

Created: Henry Tower, Eddie Tower Moore, Oscar T. Wills, Christian W. Von Ohlen, Albert Dow Van Ormun, and William James Swisher. Demitted: John Orville Andrews and James Bertis Daugherty. Suspended: Frank W. Graves, Charles W. Griggs, and Herbert Monford Rogers ([Sixtieth annual conclave...](#), 1916: 81). Dead: John Eckart (Oct. 6, 1915) ([Sixtieth annual conclave...](#), 1916: 164).

In 1917, membership increased to 102, with nine individuals joining as created members, one joining as an admitted member, one member demitting, and one passing away ([Sixty-first annual conclave...](#), 1917: 218).

Stephen Manson Perkins Commander
 John Henry Hoffman Recorder ([Sixty-first annual conclave...](#), 1917: 220).

Created: Clarence Willard Hubbard, George Lewis Swartsley, Gustav Fritz, William Samuel Andrews, Clyde Arthur Moorhead, Aden Adair Danilson, Glen Dee Grogan, Lester John Morrison, and John Stoldorf. Admitted: Henry A. Buel. Demitted: H.F. Eckenbrecht. Dead: S.T. Burke (Jan. 29, 1917) ([Sixty-first annual conclave...](#), 1917: 241).

The following members of the commandery served in the American army during World War I: Louis Dewitt Smith, William James Swisher, Roy Philip Hoffman, and Newton Franklin Shipper ([Sixty-second annual conclave...](#), 1918: 229).

In 1918, membership grew to 106, with eight individuals joining as created members, two members demitting, and two passing away ([Sixty-second annual conclave...](#), 1918: 250).

George E. Blanchard Commander
 John Henry Hoffman Recorder ([Sixty-second annual conclave...](#), 1918: 252).

Created: Roy Phillip Hoffman, Harry Elmer Martin, Jesse Edgar Wixom, Walter Scott Aitken, William W. Wylie, Ralph Abraham Hess, Newton Franklin Shipper, and Raymond W. Jones. Demitted: R.A. McBride and James H. Browning. Dead: Samuel Plumer Prescott (Feb. 28, 1918) and George Daniel Tower (Apr. 24, 1918) ([Sixty-second annual conclave...](#), 1918: 271).

Table 1. List of members of Bethany Commandery No. 28 (1868–1918)

No.	Name	Year joined/status changed
1	Aitken, John Malcolm	(1908–)
2	Aitken, Walter Scott	(1918–)

No.	Name	Year joined/status changed
3	Alyea, Willard Signor (Sept. 13, 1883–Oct. 28, 1910)	(1910–1910 dead)
4	Anderson, Hiram	(1871–1876 suspended)
5	Andress, Will C.	(1876–1879 demitted)
6	Andrew, George W.	(1892–1901 suspended)
7	Andrews, John Orville	(1912–1916 demitted)
8	Andrews, William Samuel	(1917–)
9	Angear, Benjamin Horace Smith	(1907–)
10	Annable, Walter Edwin	(1907–)
11	Atkinson, William (Dec. 4, 1806–Jan. 31, 1888)	(1869–1888 dead)
12	Bailey, Frederick Ralph	(1895–)
13	Barnett, David L.	(1912–)
14	Barrett, Berkley (Burkley) Gillett	(1882–1890 suspended, 1894 reinstated, 1896 demitted)
15	Barse, George R.	(1872–1873 demitted)
16	Bean, Nels (1849–Aug. 23, 1906)	(1905–1906 dead)
17	Black, George M.	(1868–1871 demitted)
18	Blakeslee, Frank Edward	(1908–)
19	Blanchard, George Eslie	(1910–)
20	Blee, John W.	(1882–1897 demitted)
21	Bowers, Charles F.	(1913–)
22	Briggs, Orbed W.	(1902–1910 suspended)
23	Brittian, Harry B.	(1901–)
24	Bromfield, Wilbur F. (abt. 1815–1872)	(1869–1872 dead)
25	Browning, James H.	(1914–1918 demitted)
26	Buckingham, James	(1883–1898 suspended)
27	Buel, Henry A.	(1917–)
28	Buhler, Matthew	(1887–)
29	Burdett, Frederick. J.	(1880–1883 demitted)
30	Burke, Shannon T. (Mar., 1854–Jan. 29, 1917)	(1894–1917 dead)
31	Calson, Lorenzo Wells	(1883–)
32	Carnahan (Cornahan), Lafayette	(1883–1887 demitted)
33	Carnahan, William H.	(1905–)
34	Carpenter, Arthur Eugene (Jan. 20, 1861–Aug. 14, 1942)	(1882–1884 demitted)
35	Carpenter, Edwin Burnham (June 13, 1819–Sept. 2, 1891)	(1882–1891 dead)
36	Case, Charles Clark	(1915–)
37	Cass, Ezra G. (Oct. 14, 1858–Aug. 2, 1889)	(1880–1889 dead)
38	Cassic (Cassie), Louis P.	(1886–1890 demitted)
39	Cavell (Covell), Frederick Edwin (Oct. 3, 1850–Apr. 21, 1927)	(1881–)
40	Chadwick, Frederick C.	(1883–1897 suspended)
41	Cheesman, H.J.	(1889–1893 demitted)
42	Childs, Edmund S.	(1880–1883 demitted)
43	Church, James Alfred	(1868–1871 demitted)
44	Clapsaddle, Alman Andrew	(1907–)
45	Clark, Herbert H.	(1891–1894 demitted)
46	Clark, James (1840–Sept. 27, 1895)	(1878–1895 dead)
47	Clarkson, James (Dec. 29, 1829–Mar. 30, 1894)	(1882–1894 dead)
48	Colson, Williston (William) Franklin	(1895–)
49	Compton, Andrew	(1895–1910 suspended)
50	Conkey, Harry Dunrith	(1915–)
51	Conkey, William Fitch (May 3, 1833–Sept. 27, 1907)	(1880–1907 dead) Captain, Civil War
52	Cook, David Alfred	(1869–1877 demitted)
53	Cook, Edgar Pumphrey (May 2, 1833–Oct.	(1869–1902 dead)

No.	Name	Year joined/status changed
	31, 1902)	
54	Cooper, Harry S.	(1893–1900 demitted)
55	Cooper, Richard H.	(1894–1905 demitted)
56	Corbus, John Clark (Sept. 30, 1833–Mar. 17, 1909)	(1868–1897 suspended)
57	Corbus, John Clark, Jr. (Aug. 3, 1862–Sept. 16, 1933)	(1900–)
58	Cornelius, James W.	(1874–1879 demitted)
59	Cove, William George	(1901–1908 demitted)
60	Crance, John Henry	(1882–1890 suspended)
61	Crawford, Robert Nelson	(1893–)
62	Cross, Charles R. (1855–Sept. 1, 1901)	(1885–1901 dead)
63	Crowden, George W.	(1899–1912 demitted)
64	Crowell, John C.	(1903–)
65	Danilson, Aden Adair	(1917–)
66	Daugherty, James Bertis	(1903–1916 demitted)
67	Davis, Fred T.	(1900–)
68	Davis, Preston Irving	(1869–1898 demitted)
69	Davis, William H.	(1900–)
70	Dawson, James B.	(1868–1897 suspended)
71	Dean, Henry Hobert	(1872–1876 suspended, 1877 reinstated and demitted)
72	Dean, Alpheus (Alfred)	(1868–1890 demitted)
73	Dewey, R.M.	(1880–1890 demitted)
74	Dix, Samuel B.	(1880–1892 demitted)
75	Doan (Doane), Haren (Hazon) C.	(1882–1896 demitted)
76	Dodge, Charles L.	(1885–1892 demitted)
77	Dodge, Henry H. (Aug. 11, 1823–June 6, 1887)	(1874–1887 dead) Maybe Civil War
78	Dunbar, James Jay	(1910–)
79	Dunbar, Washington Wallace	(1915–)
80	Eckenbrecht, Henry F.	(1880–1917 demitted)
81	Eckert (Eckart), John (1860–Oct. 6, 1915)	(1890–1915 dead)
82	Edwards, Joseph William	(1868–)
83	Edwards, William H.	(1886–1893 demitted)
84	Emerson, George	(1869–1878 demitted)
85	Everett, Milton H.	(1887–1888 demitted)
86	Feik, Benjamin Jacob	(1910–)
87	Ferguson, James	(1880–1884 demitted)
88	Finley, Robert C.	(1913–)
89	Fischer, Robert Ingersoll	(1910–)
90	Fish, Stephen N. (Sept. 20, 1835–Sept. 13, 1877)	(1875–1877 dead)
91	Foot, Alfred James	(1908–)
92	Fordham, Harry L.	(1900–)
93	Foster, William R.	(1907–)
94	Fritz, Frank Frederick	(1895–)
95	Fritz, Gustav	(1917–)
96	Gardner, Samuel A.	(1871–1876 demitted)
97	Geft, Ira S.	(1907–)
98	Gehaut (Gehart), Xaviere (Xavier) Francis	(1900–1908 demitted)
99	Gillett (Gillette), Adelbert (Albert) Dennis	(1896–)
100	Gilmore, Robert L. (1844–May 31, 1891)	(1868–1891 dead)
101	Gilmore, William W. (1836–May 12, 1900)	(1883–1900 dead)
102	Goodwin, Luke (May 4, 1826–Dec. 16, 1888)	(1874–1888 dead)
103	Gould, Anthony Bennett	(1868–1880 suspended)
104	Graves, Frank Wellett	(1910–1916 suspended)
105	Graves, Harrison Lee	(1910–)
106	Graves, Lorrin I.	(1906–1912 suspended)

No.	Name	Year joined/status changed
107	Griggs, Warren Charles	(1898–1916 suspended)
108	Grogan, Glen Dee	(1917–)
109	Gulbransen (Galbranson), Axel	(1884–1894 demitted)
110	Hale, William Henry	(1871–1897 suspended)
111	Hall, Howard B.	(1896–1899 demitted)
112	Hallenberg, Robert	(1915–)
113	Hanson, Julius	(1882–1893 demitted)
114	Hapeman, D.E.	(1890–)
115	Hardin, Franklin (Frank) A.	(1868–1878 suspended)
116	Harrington, William Shaw	(1868–1871 demitted)
117	Harris, Andrew C.	(1905–)
118	Harris, Arthur G.	(1901–1902 demitted)
119	Harris, Parmenas (Permanious; Dermenas) Leonard	(1892–)
120	Harris, John M. (1866–1955)	(1906–)
121	Harris, Oscar Porter (Nov. 15, 1870–Oct. 29, 1933)	(1902–)
122	Haskell (Haskill), Frederick Henry (Dec. 11, 1832–July 21, 1908)	(1868–1908 dead) Maybe Civil War
123	Hastings, James	(1871–1880 demitted)
124	Hastings, Samuel	(1882–1910 suspended)
125	Hawley, Charles Albert	(1873–1875 demitted)
126	Hays, William	(1871–1874 demitted)
127	Hazard, Charles W. (D.)	(1899–1910 suspended)
128	Hempstead, Edward (Edwin) Freeman	(1898–)
129	Henning, Henry William Ferdinand	(1900–)
130	Hensel, George (July 20, 1833–June 15, 1905)	(1889–1905 dead)
131	Heslett (Haslet), Samuel M. (July 29, 1826–Nov. 21, 1898)	(1882–1898 dead) Captain, Civil War
132	Hess, Ralph Abraham	(1918–)
133	Hess, William E.	(1892–)
134	Hills, Elezer J.	(1871–1880 demitted)
135	Hoffman, Ezra Grant	(1909–)
136	Hoffman, James R. (1843–Feb. 17, 1889)	(1883–1889 dead)
137	Hoffman, John Henry	(1907–)
138	Hoffman, Roy Phillip	(1918–) WWI
139	Holdren (Holden), William Clarence (Charles)	(1885–1906 suspended, 1907 reinstated, 1912 suspended)
140	Hopps, Clifford Crossman	(1910–)
141	Hopps, Stephen Arthur	(1910–)
142	Hoteling (Hotaling), Robert J.	(1900–1909 demitted)
143	Hubbard, Clarence Willard	(1917–)
144	Ingalls (Ingles), Charles H.	(1883–1897 suspended, 1900 reinstated, 1903 demitted)
145	Irwin, William Harry (–Mar. 23, 1909)	(1882–1909 dead)
146	Isaac, Edward R.	(1900–1910 suspended)
147	James, Peleg M. (July 14, 1850–Jul, 23, 1932)	(1882–1886 demitted)
148	Jenkins, William (1846–Aug. 29, 1898)	(1877–1898 dead)
149	Jones, Charles D.	(1885–1886 demitted)
150	Jones, Raymond W.	(1918–)
151	Keeler, Fred Blair	(1909–)
152	Keeler, James Bradley	(1900–)
153	Kelly, George	(1882–1897 suspended)
154	Kelly, Harace Oscar	(1910–)
155	Kidd, William H.	(1906–)
156	Kirk, Bernard (Dec., 1833–Apr. 5, 1906)	(1882–1906 dead) Civil War
157	Knauer, Louis Frank	(1910–)
158	Kohl, Charles Christian	(1910–1915 demitted)

No.	Name	Year joined/status changed
159	Kreis (Kreig), Emil John	(1895-)
160	Laraber, Charles D.	(1912-)
161	Lathrop, Charles Frederick	(1910-)
162	Lee, Harry J.	(1893-1912 demitted)
163	Lindsay, George W.	(1882-1886 demitted)
164	Lindstrom (Lindstrum; Lindstrome), Oscar	(1874-1888 demitted)
165	Liscom, Jason Martin	(1869-1877 demitted)
166	Liscom, Jason Reed (Feb. 11, 1808-Oct. 18, 1879)	(1868-1879 dead)
167	Liscom, William H.	(1884-1891 demitted)
168	Lytle, James E.J.	(1875-1887 suspended)
169	Martin, Harry Elmer	(1918-)
170	Mathews, Fred A. (1851-Nov. 18, 1886)	(1880-1886 dead)
171	Matteson, William S.	(1911-)
172	McBride, R.A.	(1890-1918 demitted)
173	McCray, Charles Whitney	(1914-)
174	McCredie, Edward L.	(1892-)
175	McFarlain, Charles	(1899-1902 suspended)
176	McFarland, Abel (Albert) W. (Aug. 21, 1834-Jan. 22, 1903)	(1889-1903 dead) Civil War
177	McGregor, James R.	(1880-1887 suspended)
178	McIntire, Albert William	(1914-)
179	McIntire, Arthur C.	(1913-)
180	McIntire, Arthur Cox (June 19, 1836-Mar. 2, 1904)	(1878-1904 dead) Colonel, Civil War
181	McMahon, William (Jan. 17, 1829-Feb. 4, 1894)	(1886-1894 dead)
182	McMillan, Leroy (LeRoy) P.	(1906-1911 demitted)
183	McRea, John D.	(1911-)
184	Meisenbach (Miscenbach, Meisenback), Daniel	(1871-1883 demitted)
185	Metler (Mettler), James Iliff	(1871-1877 suspended, 1878 reinstated, 1881 suspended)
186	Miller, Edward A.	(1912-)
187	Mitchell, William N.	(1896-)
188	Moffatt, William (1837-Sept. 9, 1909)	(1886-1909 dead)
189	Moore, Eddie Tower	(1916-)
190	Moorhead, Clyde Arthur	(1917-)
191	Morahn, Edward S.	(1892-1893 demitted)
192	Morrison, Lester John	(1917-)
193	Morrison, Samuel	(1869-1876 demitted)
194	Mosher, Benjamin Dean	(1907-)
195	Moss, Benjamin Napoleon (1835-June 4, 1898)	(1873-1898 dead) Civil War
196	Newport, Thomas Faucett Aaron (Dec. 1829-Aug. 1, 1914)	(1869-1914 dead) Civil War
197	Nolan, William B.	(1884-1887 suspended)
198	Norman, Isaac N.	(1882-1889 demitted)
199	Olsen (Oleson), Martin	(1878-1881 demitted)
200	Plaisted (Plaistead), David V. (1832-June 29, 1897)	(1878-1897 dead) Civil War
201	Packard, Walter Herbert	(1883-1887 demitted)
202	Palmer, Thomas D.	(1874-1887 demitted)
203	Panton, Mathew H.	(1869-1871 demitted)
204	Paxson (Paxon), Martin (Marion) D.	(1873-1886 demitted)
205	Perkins, Stephen Manson	(1906-)
206	Pierce, Philip S. (1848-Feb. 15, 1912)	(1882-1908 suspended and reinstated, 1912 dead)
207	Pollock, Rev. George A.	(1891-1892 demitted)
208	Pool, Joseph James (Nov. 16, 1839-June 7,	(1882-1904 dead)

No.	Name	Year joined/status changed
	1904)	
209	Prescott, Samuel Plumer (Oct. 14, 1844–Feb. 28, 1918)	(1887–1918 dead)
210	Prescott, Warren Atwood	(1915–)
211	Reed, Edward Albert	(1882–1884 suspended, 1912 reinstated and demitted)
212	Rice, Edgar W.	(1876–1880 suspended)
213	Rice, Freedom M.	(1874–1883 demitted)
214	Rodgers, Herbert Monford	(1903–1916 suspended)
215	Rossette, Charles E.	(1882–)
216	Ruedy, Casper (1835–Apr. 3, 1896)	(1875–1896 dead) Civil War
217	Ruff, James G. (Sept. 2, 1846–Nov. 7, 1887)	(1881–1887 dead) Civil War
218	Schurtz (Scheurtz; Schuetz), George Cornat (abt. 1830–Dec. 19, 1909)	(1875–1909 dead) Civil War
219	Shaw, James L. (1848–)	(1880–1886 suspended, 1887 reinstated and demitted)
220	Shipper, Newton Franklin	(1918–) WWI
221	Short, John James (Apr. 15, 1840–Dec. 4, 1881)	(1873–1881 dead) Civil War
222	Simminger (Simmenger; Siminger), John Baptiss	(1876–1882 suspended, 1884 reinstated, 1894 demitted)
223	Smith, Louis Dewitt	(1910–) WWI
224	Smith, Zimri (Zinni)	(1889–1912 demitted)
225	Snyder, Frank P.	(1880–1900 demitted)
226	Stannard, George Frank	(1871–1878 demitted)
227	Staten, Edward James	(1904–)
228	Stetler, Thomas H.	(1889–)
229	Stoldorf, John	(1917–)
230	Strong, Charles C.	(1889–1897 demitted)
231	Swanson, August	(1884–1894 suspended)
232	Swartsley, George Lewis	(1917–)
233	Swearingen, Albert (Abe) Allison	(1892–)
234	Swisher, William James	(1916–) WWI
235	Tabor, Edward B.	(1913–)
236	Taylor, James Lewis	(1871–1897 suspended)
237	Taylor, Lewis (Oct. 2, 1834–June 10, 1893)	(1880–1893 dead)
238	Tewksberry (Tewksbury), George W.	(1876–1889 demitted)
239	Their, George James	(1914–)
240	Thomassen, John J.	(1907–1913 demitted)
241	Thornton, Ulysses (Ulyses) N.	(1901–1911 demitted)
242	Tibbetts, John Ezekiel	(1882–1887 demitted)
243	Tower, Daniel C.	(1901–)
244	Tower, Forrest Lee	(1913–)
245	Tower, George Daniel (Oct. 31, 1853–Apr. 24, 1918)	(1906–1918 dead)
246	Tower, Henry	(1916–)
247	Town (Towne), David A. (July 12, 1827–Dec. 27, 1891)	(1882–1891 dead) Civil War
248	Truman, William (Apr. 16, 1833–July 10, 1899)	(1869–1899 dead)
249	Turner, James W.	(1889–1897 suspended)
250	Van Law, Joseph (1822–Mar. 21, 1875)	(1871–1875 dead)
251	Van Law, Ruggles B.	(1873–)
252	Van Ormun, Albert Dow	(1916–)
253	Van Vliet (Vleit), Charles William	(1881–1886 demitted)
254	Von Ohlen, Christian W.	(1916–)
255	Vosburg, David M. (1827–Mar. 5, 1905)	(1885–1905 dead)
256	Walker, John Hepburn	(1914–)
257	Ward, Theodore	(1908–)

No.	Name	Year joined/status changed
258	Watson, George F.	(1878–1880 demitted)
259	Watts (Watte), Edward Lilly (May, 1866–Oct. 14, 1908)	(1896–1908 dead)
260	Wetherbee, Oliver (1817–Oct., 1883)	(1883–1883 dead)
261	Wheeler, Levi William (June 16, 1837–Nov. 15, 1900)	(1886–1900 dead)
262	Wiley, George Samuel (Mar. 15, 1879–June 27, 1950)	(1908–)
263	Wiley, Samuel C. (Nov. 11, 1833–Feb. 13, 1900)	(1882–1900 dead)
264	Wills, George Edward (Mar. 22, 1834–Sept. 14, 1914)	(1882–1914 dead)
265	Wills, Oscar T.	(1916–)
266	Wilson, Charles W.	(1889–1893 demitted)
267	Wilson, William	(1882–1886 suspended)
268	Witte, Rudolph William (Jr.)	(1906–)
269	Wixom, Jesse Edgar	(1918–)
270	Wixom, William P.	(1889–1914 demitted)
271	Wylie, William	(1880–1906 demitted)
272	Wylie, William W.	(1918–)
273	Youngren, Jonas (Alfred) Alfred (Jonas)	(1895–1901 demitted)
274	Yule, George H.	(1912–)

As evidenced in [Table 1](#), Bethany Commandery No. 28 had whole families serve it during the period 1868–1918. Specifically, there were the four Hoffmans, the two Gilmore brothers, the three Liscoms, and the four Towers. The commandery’s membership included at least 12 American Civil War participants (another two believed to have served too) and four World War I participants. Of all those, the highest in rank was Colonel Arthur Cox McIntire (1836–1904).

[Table 2](#) summarizes the changes in membership in Bethany Commandery No. 28 in the period under review.

Table 2. Bethany Commandery No. 28 membership statistics, 1868 to 1918

Years	Members	Created	Admitted	Reinstated	Demitted	Suspended	Deceased
1868	10	10	-	-	-	-	-
1869	23	13	-	-	-	-	-
1870	23	-	-	-	-	-	-
1871	30	11	-	-	4	-	-
1872	31	2	-	-	-	-	1
1873	35	5	-	-	1	-	-
1874	40	6	-	-	1	-	-
1875	42	3	1	-	1	-	1
1876	42	4	-	-	2	2	-
1877	38	1	-	1	3	2	1
1878	42	4	1	1	2	-	-
1879	40	-	-	-	2	-	-
1880	48	14	-	-	3	2	1
1881	49	3	-	-	1	1	-
1882	72	24	1	-	-	1	1
1883	77	9	-	-	4	-	-
1884	78	4	-	1	2	1	1
1885	83	5	-	-	-	-	-
1886	81	5	-	-	5	2	-
1887	75	3	-	1	5	3	2
1888	71	-	-	-	2	-	2
1889	74	8	-	-	2	-	3
1890	72	3	-	-	3	2	-
1891	72	2	-	-	1	-	1
1892	73	6	-	-	3	-	2
1893	72	4	-	-	5	-	1

Years	Members	Created	Admitted	Reinstated	Demitted	Suspended	Deceased
1894	68	2	-	1	3	1	2
1895	74	6	-	-	-	-	-
1896	74	4	-	-	2	-	2
1897	63	-	-	-	2	8	1
1898	62	2	-	-	1	1	1
1899	62	2	1	-	1	-	2
1900	67	9	-	1	2	-	3
1901	69	5	-	-	1	1	1
1902	68	2	-	-	1	1	1
1903	68	3	-	-	1	-	2
1904	67	1	-	-	-	-	2
1905	67	3	-	-	1	-	2
1906	71	7	-	-	1	1	1
1907	79	8	-	1	-	-	1
1908	81	5	-	1	2	1	1
1909	79	2	-	-	1	-	3
1910	86	14	-	-	-	5	2
1911	85	2	-	-	2	-	1
1912	84	4	1	1	4	2	1
1913	88	4	1	-	1	-	-
1914	92	4	1	-	1	-	-
1915	94	5	-	-	1	-	2
1916	94	6	-	-	2	3	1
1917	102	9	1	-	1	-	1
1918	106	8	-	-	2	-	2
Total		266	8	9	85	40	52

As evidenced in Table 2, in the 50-year period from 1868 to 1918 Bethany Commandery No. 28 had a total of 274 individuals go through it (266 created and eight admitted members). It is worth noting that its admitted members included members of the local community who had performed acts of special merit in society – like, for instance, having fought in the Civil War (e.g., Casper Ruedy). Over that 50-year period, 84 members of the commandery demitted for varying reasons and 40 were suspended, with nine of the latter being reinstated afterwards. Fifty-two of the knights passed away while a member of the commandery. The commandery’s 137 deceased and demitted members combined had a total of 1,627 years of service between them, i.e. an average of 11.8 years per person. Of its deceased members, the knight with the longest record of service was Thomas F.A. Newport – 45 years, and the one with the shortest was Willard Signor Alyea (died in an accident) – 1 year. Of the commandery’s demitted members, the knight with the longest record of service was Henry F. Eckenbrecht – 37 years, and the one with the shortest was Edward S. Morahn – just 2 years. The commandery’s deceased members, on average, served much longer than their demitted counterparts.

Figure 7 illustrates the changes in Bethany Commandery No. 28 membership size in the period under review.

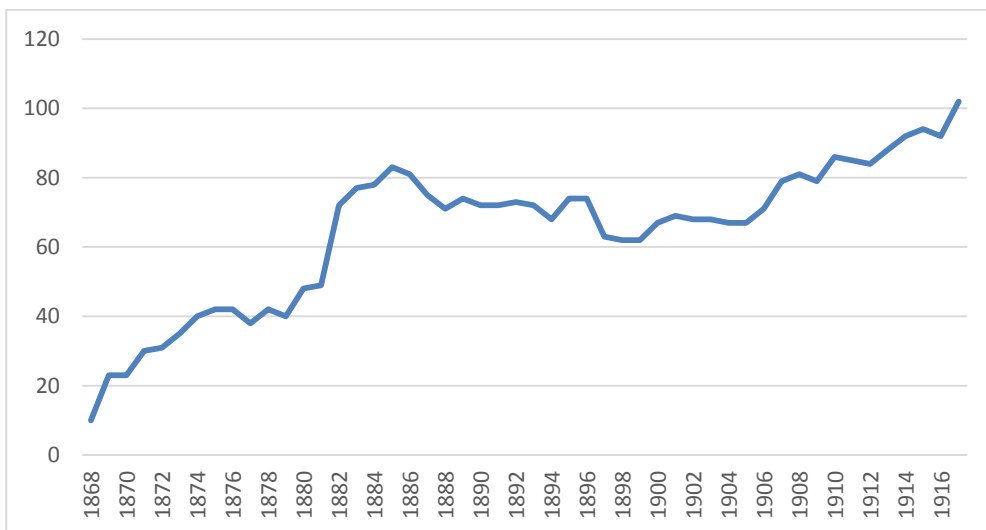

Fig. 7. Changes in Bethany Commandery No. 28 membership size in 1868–1918

As evidenced in [Figure 7](#), membership in Bethany Commandery No. 28 increased briskly on three occasions – in 1876–1877, 10 years later in 1886–1887, and in 1917–1918, when it exceeded 100.

In the period 1868–1918, Bethany Commandery No. 28 had 21 different Eminent Commanders. Here they are in chronological order: Frank Allen Hardin (1868–1869), George Emerson (1870–1871), Joseph William Edwards (1872–1873; 1875–1877), Robert L. Gilmore (1874), Casper Ruedy (1878), William H. Hale (1879–1880), Thomas F.A. Newport (1881–1883; 1893–1896), Frank P. Snyder (1884–1885), Thomas D. Palmer (1886), Julius Hanson (1887), S.B. Dix (1888), William Jenkins (1889–1890), William H. Irwin (1891–1892), George E. Wills (1897–1898), Robert N. Crawford (1899–1901; 1903–1907; 1909–1913), John C. Corbus, Jr. (1902), Adelbert D. Gillett (1908), Edwin F. Hempstead (1914), Frederick R. Bailey (1915–1916), Stephen Manson Perkins (1917), and George E. Blanchard (1918).

At that time, major commanderies typically appointed their Eminent Commander for a term of 1 year. By contrast, Bethany Commandery No. 28, which must have experienced talent shortages, often let one person occupy this position for 2 years and more, with the record belonging to Robert N. Crawford at 10 cumulative years.

5. Conclusion

Bethany Commandery No. 28 provides a case in point for how to establish a commandery in a thinly populated area – it was set up in Mendota, a tiny town in the state of Illinois. By the start of the 1870s, the town had a population of just around 2,000, with this proving to be a key factor behind the organization’s relatively low membership numbers.

In the period from 1868 to 1918, Bethany Commandery No. 28 had a total of 274 members go through it, with 52 of those passing away while a member of the commandery. By 1918, membership in Bethany Commandery No. 28 reached an all-time high of 106. In the first 50 years of its existence, membership in the commandery included 10 Civil War and four World War I participants. In terms of profession, its membership included intellectuals (physicians and engineers) and farmers. The average length of service with Bethany Commandery No. 28 was approximately 11.8 years. In the first 50 years of its existence, Bethany Commandery No. 28 had 21 different commanders, with some of those holding the post for several years.

6. Acknowledgments

The author wishes to extend gratitude to the management of the George Washington Masonic National Memorial for kindly providing access to the resources needed to conduct this research.

References

- [Biographical and Genealogical Record, 1900](#) – Biographical and Genealogical Record of La Salle County, Illinois. Vol. 1. Chicago: The Lewis Publishing Company, 1900.
- [Eighteenth annual conclave..., 1874](#) – Eighteenth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Knight and Leonard, printers, 1874.
- [Fifteenth annual conclave..., 1871](#) – Fifteenth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Horton and Leonard, printers, 1871.
- [Fiftieth annual conclave..., 1906](#) – Fiftieth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1906.
- [Fifty-eighth annual conclave..., 1914](#) – Fifty-eighth annual conclave the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Illinois: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1914.
- [Fifty-fifth annual conclave..., 1911](#) – Fifty-fifth annual conclave the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1911.
- [Fifty-first annual conclave..., 1907](#) – Fifty-first annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1907.
- [Fifty-fourth annual conclave..., 1910](#) – Fifty-fourth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1910.
- [Fifty-ninth annual conclave..., 1915](#) – Fifty-ninth annual conclave the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Illinois: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1915.
- [Fifty-second annual conclave..., 1908](#) – Fifty-second annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1908.
- [Fifty-seventh annual conclave..., 1913](#) – Fifty-seventh annual conclave the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Illinois: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1913.
- [Fifty-sixth annual conclave..., 1912](#) – Fifty-sixth annual conclave the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Illinois: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1912.
- [Fifty-third annual conclave..., 1909](#) – Fifty-third annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1909.
- [Fortieth annual conclave..., 1896](#) – Fortieth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1896.

- [Forty-eighth annual conclave..., 1904](#) – Forty-eighth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1904.
- [Forty-fifth annual conclave..., 1901](#) – Forty-fifth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1901.
- [Forty-first annual conclave..., 1897](#) – Forty-first annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1897.
- [Forty-fourth annual conclave..., 1900](#) – Forty-fourth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1900.
- [Forty-ninth annual conclave..., 1905](#) – Forty-ninth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1905.
- [Forty-second annual conclave..., 1898](#) – Forty-second annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1898.
- [Forty-seventh annual conclave..., 1903](#) – Forty-seventh annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1903.
- [Forty-sixth annual conclave..., 1902](#) – Forty-sixth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1902.
- [Forty-third annual conclave..., 1899](#) – Forty-third annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1899.
- [Fourteenth annual conclave..., 1870](#) – Fourteenth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Horton and Leonard, letter-press printers, 1870.
- [Nineteenth annual conclave..., 1875](#) – Nineteenth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Knight and Leonard, printers, 1875.
- [Proceedings..., 1868](#) – Proceedings of the Twelfth annual conclave, of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Horton and Leonard, steam book and job printers, 1868.
- [Proceedings..., 1870](#) – Proceedings of the Thirteenth annual conclave, of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Horton and Leonard, steam book and job printers, 1870.
- [Seventeenth annual conclave..., 1873](#) – Seventeenth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Knight and Leonard, printers, 1873.
- [Sixteenth annual conclave..., 1872](#) – Sixteenth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Knight and Leonard, printers, 1872.
- [Sixtieth annual conclave..., 1916](#) – Sixtieth annual conclave the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Illinois: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1916.
- [Sixty-first annual conclave..., 1917](#) – Sixty-first annual conclave the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Illinois: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1917.
- [Sixty-second annual conclave..., 1918](#) – Sixty-second annual conclave the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Illinois: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1918.
- [The Past & Present..., 1877](#) – The Past & Present of La Salle County, Illinois... Chicago, 1877.
- [Thirtieth annual conclave..., 1886](#) – Thirtieth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington: Pantagraph Stationery Company, Printers, 1886.
- [Thirty-eighth annual conclave..., 1894](#) – Thirty-eighth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1894.
- [Thirty-fifth annual conclave..., 1891](#) – Thirty-fifth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Co, 1891.
- [Thirty-first annual conclave..., 1887](#) – Thirty-first annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Geo. K. Hazlitt and Co., Printers, 1887.
- [Thirty-fourth annual conclave..., 1890](#) – Thirty-fourth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Co, 1890.
- [Thirty-ninth annual conclave..., 1895](#) – Thirty-ninth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1895.
- [Thirty-second annual conclave..., 1888](#) – Thirty-second annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Geo. K. Hazlitt and Co., Printers, 1888.
- [Thirty-seventh annual conclave..., 1893](#) – Thirty-seventh annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1893.
- [Thirty-sixth annual conclave..., 1892](#) – Thirty-sixth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Co, 1892.
- [Thirty-third annual conclave..., 1889](#) – Thirty-third annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: H.S. Tiffany and Co., Printers, 1889.
- [Twentieth annual conclave..., 1876](#) – Twentieth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Knight and Leonard, printers, 1876.
- [Twenty sixth annual conclave..., 1882](#) – Twenty sixth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Geo. K. Hazlitt and Co., printers, 1882.
- [Twenty-eighth annual conclave..., 1884](#) – Twenty-eighth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Geo. K. Hazlitt and Co., printers, 1884.

[Twenty-fifth annual conclave..., 1881](#) – Twenty-fifth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Geo. K. Hazlitt and Co., printers, 1881.

[Twenty-first annual conclave..., 1877](#) – Twenty-first annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Hazlitt and Reed, printers, 1877.

[Twenty-fourth annual conclave..., 1880](#) – Twenty-fourth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Hazlitt and Reed, printers, 1880.

[Twenty-ninth annual conclave..., 1885](#) – Twenty-ninth annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Geo. K. Hazlitt and Co., Printers, 1885.

[Twenty-second annual conclave..., 1878](#) – Twenty-second annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Hazlitt and Reed, printers, 1878.

[Twenty-seventh annual conclave..., 1883](#) – Twenty-seventh annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Geo. K. Hazlitt and Co., printers, 1883.

[Twenty-third annual conclave..., 1879](#) – Twenty-third annual conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Chicago: Hazlitt and Reed, printers, 1879.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 289-299
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.289

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Emergence and Development of New Religious Movements in Kazakhstan in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Turgay and Ural Regions)

Zhanar D. Mustafina ^a, Assylbek T. Maden ^{a,*}

^a K. Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines history of emergence and development of new religious movements in Ural and Turgay regions in late 19th – early 20th centuries. New religious groups and communities formed in these regions went through several stages, influenced by policies of Orenburg administration, activities of Orthodox Church, and changes in imperial legislation.

Study was conducted primarily on archival documents and personal sources. Archival materials include correspondence between local and central authorities, reports on new religious groups, their composition, and statistical records. Personal sources consist of memoirs from leaders and preachers of Baptist communities. Particular attention was given to analyzing collected data, as well as time and place of formation of new religious groups, their activities, leaders, preachers, influence on local population, and relationships with authorities and Orthodox Church.

Studied topic is divided into specific issues: emergence of new religious movements, formation of groups and communities, attitude of local authorities and Orthodox Church, changes in legislation, departure of representatives of other religions from Orthodoxy, development of new religious groups, and their activities. Detailed conclusions were drawn for each aspect, allowing deeper understanding of spread of new religious movements in studied regions. This analysis provides a more comprehensive view of religious changes in the area.

Keywords: new religious movements, «intolerant» religions, Molokans, Stundists, Baptists, Evangelical Christians, religious community, preacher, evangelization, Orthodox Church.

1. Введение

Уральская и Тургайская области были созданы в результате административных реформ, проведённых Российской империей в национальных окраинах в 1868 г. Территория этих областей включала большую часть современного Западного Казахстана. Во второй половине XIX – начале XX вв. основное население этих областей составляли казахи-мусульмане. Однако с конца XIX в., когда переселенческое движение стало организованным, численность православных возросла, а также начали массово переселяться представители других религиозных течений: лютеране, молокане, штундисты, баптисты, адвентисты и др. Особенно это усилилось во время столыпинской аграрной реформы.

Согласно переписи 1897 г., 81,4 % населения обеих областей составляли мусульмане, 13,2 % – православные и единоверцы, 0,03 % – римские католики, 0,03 % – лютеране. Кроме того, в Уральской области проживали небольшие группы реформатов (5 человек), меннонитов (4 человека), англикан (4 человека) и представителей других христианских конфессий (2 человека) (ПВПН, 1904а: 36-37; ПВПН, 1904б: 46-47). Однако данные о новых религиозных группах, таких как молокане и баптисты, не были учтены, так как они относились к «сектантству» и подвергались преследованиям со стороны Русской православной церкви, которая рассматривала их как еретиков. В Российской империи

* Corresponding author

E-mail addresses: maden.assylbek80@gmail.com (A.T. Maden)

религии делились на «терпимые» и «нетерпимые». К первым относились католицизм, протестантизм, ислам, буддизм, иудаизм, а ко вторым – старообрядчество и протестантское сектантство (Дударёнок, Сердюк, 2014: 12).

Переселение в Казахстан было связано не только с земельными проблемами, но и с религиозным давлением со стороны Русской православной церкви. Среди новых религиозных течений, распространившихся в этих областях, выделяются лютеранство, меннонитство, молоканство, духоборчество, штундизм, баптизм и др. Лютеранство и меннонитство относились к «терпимым» религиям, поэтому получили свободу, в отличие от молоканства и других течений, которые подвергались гонениям.

Среди новых течений молоканство и духоборчество сыграли ключевую роль в формировании таких движений, как штундизм и баптизм. Штундисты, подвергавшиеся гонениям, в конце XIX в. начали переходить в баптизм, при этом влияние немецких протестантских колонистов, меннонитства и пиетизма было заметным в развитии этих движений в России.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования состоит из нескольких типов источников. Первая группа источников включает документы, полученные из Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан) и Архива Президента Республики Казахстан (Алматы, Казахстан). Были исследованы документы фондов ЦГА РК №25 (Тургайское областное правление, г. Оренбург) и №44 (Семиреченское областное правление Военного министерства, г. Верный), которые использовались при написании статьи. В этих фондах содержатся материалы о распространении новых религиозных движений на территории Тургайской области, о создании их групп и общин, об отношениях с православной церковью и местными властями, о регистрации общин, о переходах представителей религиозных движений из одной веры в другую, а также сведения о рождении, смерти и браках членов общин. В Архиве Президента РК были исследованы документы фонда №141 (Казахский краевой комитет ВК(б)П). Из этого фонда был выявлен материал о создании Джаныбекской общины в Уральской области.

Вторую группу источников составляют материалы журнала «Баптист», издававшегося Союзом баптистов России с 1907 г. В процессе написания статьи использовались данные о баптистских общинах, их лидерах, а также воспоминания баптистских проповедников, опубликованные на страницах этого журнала.

Третью группу источников составляют инструктивные брошюры, подготовленные Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи. Брошюры назывались «Очерки сектоведения. Выпуск II. Адвентизм 7-го дня» (Очерки..., 1911) и «Современное состояние русского баптизма: Записка» (Современное состояние..., 1911). Оба документа были составлены С.Д. Бондарем, который работал в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи. Эти брошюры предназначались для того, чтобы предоставлять местным исполнительным властям информацию о новых религиозных движениях.

Четвертую группу источников составляют материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Итоги переписи 1897 г. позволили оценить религиозный состав населения Уральской и Тургайской областей.

При написании работы, наряду с общенаучными методами, такими как анализ, синтез и обобщение, были использованы специальные исторические методы, включая сравнительно-исторический анализ, проблемно-хронологический и историко-генетический методы. Общенаучные методы позволили проанализировать источники, определить структуру проблемы и основные объекты исследования. Сравнительно-исторический анализ помог выявить сходства и различия в процессе формирования новых религиозных групп и общин в Тургайской и Уральской областях. Проблемно-хронологический метод был применен для изучения формирования протестантских религиозных групп и общин, а также этапов их развития. Историко-генетический метод позволил проанализировать причины и последствия появления и распространения новых религиозных движений.

3. Обсуждение

Что касается степени изученности проблемы, то специальных исследований, посвященных возникновению и развитию новых религиозных движений в рассматриваемых нами регионах, не проводилось. Однако традиции изучения данной темы восходят к советскому периоду. Одним из первых исследователей этой темы был А.И. Клибанов. Его труд посвящен истории религиозного сектантства в России в рассматриваемый нами хронологический период. В своей работе автор изучает возникновение и развитие различных сектантских религиозных движений на территории Российской империи, а также приводит статистические данные о численности членов этих общин (Клибанов, 1965). Другим советским исследователем данной темы был Л.Н. Митрохин. Его работа посвящена одному из направлений протестантизма – баптизму. В своем исследовании он рассматривает происхождение баптизма, его распространение в России, а также особенности развития в дореволюционный и советский периоды. Автор приводит количественные данные о численности

баптистских общин и их социальном составе (Митрохин, 1974). В целом труды этих авторов заложили теоретическую основу для нашего исследования.

Исследование истории новых религиозных групп и общин продолжилось и в современной России. Среди таких работ заслуживает внимания исследование В.В. Амелина, Д.Н. Денисова и К.А. Моргунова. Их труд посвящен истории и современному состоянию конфессий и религиозных объединений Оренбургского края. В первом томе трехтомного исследования рассматривается история молокан, относящихся к духовному христианству (Амелин и др., 2016a). Во втором томе авторы подробно описывают историю различных направлений протестантизма, таких как лютеранство, баптизм, меннонитство, адвентизм седьмого дня и пятидесятничество. В работе приводятся интересные сведения о баптистских проповедниках, сосланных в Оренбург (Амелин и др., 2016b).

Вторую группу историографической литературы составляют труды немецких исследователей, которые ранее проживали в советском Казахстане, являлись членами евангельско-христианской церкви, а позже эмигрировали в Германию. В их числе особенно выделяются исследования В. Дика и И. Шнайдера. Труд В. Дика посвящен возникновению и развитию евангельско-христианских и баптистских общин на территории Казахстана. Хотя хронологические рамки исследования охватывают первую половину XX в., в нем также рассматриваются события конца XIX в. В частности, автор описывает процесс формирования баптистских общин в населенных пунктах, ранее входивших в состав Уральской и Тургайской областей, таких как Костанай, Николаев, Актобе, Джурун, Джаныбек и др. (Дик, 2003). Работа И. Шнайдера посвящена истории евангельских общин в Актюбинском регионе. В ней исследуется развитие баптистских, а позже евангельско-христианско-баптистских и меннонитских общин с конца XIX в. до XX в. Автор подробно рассматривает историю каждой религиозной общины в разрезе отдельных городов, районов и населенных пунктов (Шнайдер, 2006). Оба труда основаны на уникальных источниках – исследователи опирались преимущественно на источники личного происхождения. Тем не менее в их работах отсутствует использование архивных материалов.

Следующую группу историографической литературы составляют исследования казахстанских авторов. Среди них можно выделить труды В.А. Иванова, Я.Ф. Трофимова и А. Андреева. В.А. Иванов и Я.Ф. Трофимов были одними из первых исследователей, изучавших религии в Казахстане, и составили справочник, в котором представлены также новые религиозные общины протестантского направления, рассматриваемые в данном исследовании (Иванов, Трофимов, 2003). Значимыми являются и труды А. Андреева. В одной из своих работ он исследует историю возникновения лютеранских и баптистских церквей в Казахстане в период с XIX в. до 1917 г. Автор приводит сведения о нескольких баптистских общинах, существовавших в уездах Костанай и Актобе Тургайской области, а также данные о численности их членов (Андреев, 2003a). Другое его исследование посвящено некоторым проблемам истории немецких меннонитов в Казахстане, Средней Азии и Западной Сибири в 1880–1917 гг. Вместе с тем в указанном труде автор не приводит сведений о распространении данной общины в Уральской и Тургайской областях (Андреев, 2003b).

Таким образом, по рассматриваемому вопросу существует значительное количество косвенных историографических трудов. Однако в рамках нашего исследования мы ставим целью рассматривать проблему на основе архивных документов и других источников.

4. Результаты

Анализ исторических данных показывает, что в 80–90-х гг. XIX в. на территории Тургайского и Уральского областей возникли новые религиозные течения, такие как молоканство, штундизм и баптизм. Возникновению и распространению новых религиозных течений, наряду с переселенческой политикой царского правительства, способствовала пропагандистская работа видных представителей этих движений, сосланных на соседние российские территории.

В результате репрессий, начавшихся в Закавказье, в апреле 1887 г. видные деятели баптизма В.Г. Павлов и Н.И. Воронин, а также армяно-лютеранский проповедник А. Амирханянц вместе с семьями были сосланы на четыре года в Оренбург под надзор полиции. После четырехлетней ссылки В.Г. Павлов и Н. И. Воронин возвратились в Тифлис. Но в 1891 г. В.Г. Павлов был снова арестован и отправлен в Оренбург. Находясь в Оренбурге В.Г. Павлов крестил несколько новообращенных, уверовавших во время его первой ссылки (История..., 1989: 107-110).

Во второй половине 1880-х гг. в результате евангельского пробуждения баптисты появились среди молокан Поволжья. Почва для принятия благой вести была подготовлена книгоношей О. Форхгаммером, который трудился в этих краях в конце 60-х – начале 70-х гг. Первая община в Поволжье возникла в Новом Узене, куда в 1883–1885 гг. приезжал В.Г. Павлов. Он преподавал крещение шестнадцати новообращенным. В конце 1880-х гг. возникла Саратовская община. К 1893 г. появились первые группы верующих в среде молокан Александра Гая и Орлова Гая. В последнем селении открыто проводились собрания, несли служение пресвитер и диаконы. Кроме того, устраивались публичные евангельские беседы; на них допускались все желающие, включая православных (История..., 1989: 111-112). Все эти населенные пункты граничат с казахской степью, точнее, с Уральской областью.

Благодаря деятельности этих религиозных общин в 1885 г. на территории соседней Уральской области возникла Джаныбекская община баптистов. Изначально в ней состоял 21 человек. Позднее ее численность увеличилась: до 16 человек в 1886–1898 гг., 1 человека в 1898–1900 гг., 28 человек в 1902–1914 гг. и 59 человек в 1916–1925 гг. (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2251. Л. 36).

Среди нетрадиционных для региона религий в Уральской области распространилось лютеранство. По переписи 1897 г., на территории области эту религию исповедовали 166 человек, а 129 из них проживали в городах (ПВПН, 1904b: 50-51). Большая их часть, конечно, была сосредоточена в областном центре – городе Уральске. Однако мы не можем сказать, что эта цифра является реальной, ведь ряд лютеран, состоящих на государственной службе, зарегистрировали свою принадлежность к православному вероисповеданию. В целом позиции лютеранства в Оренбургском крае были сильны с давних времен. Первые лютеране появились в степях Южного Урала одновременно с началом широкомасштабного освоения региона, еще в составе Оренбургской экспедиции 1734–1737 гг. Это были офицеры и гражданские чиновники, среди которых в Российской империи традиционно была высока доля немецких дворян. Некоторые из них даже стояли во главе Оренбургского края и взаимоотношений с приграничным казахским населением.

В отдаленных гарнизонах Российской империи офицеры лютеранского вероисповедания не имели возможности совершать религиозные обряды в отсутствие собственного духовенства и церквей. В связи с этим, по просьбе высокопоставленных лиц, представлявших эту конфессию, в 1767 г. в Оренбурге были введены штатные должности полевых пасторов. Год спустя, в 1768 г., в Оренбурге открылась лютеранская церковь. А в 1810 г. ещё одна лютеранская церковь открыла свои двери для прихожан в Златоусте.

В середине XIX в. в Оренбургский лютеранский церковный округ входило 15 городов. Одним из них был город Уральск. По мере продвижения России на юг, в Центральную Азию, границы Оренбургского церковного округа существенно расширились: в 1845 г. к нему был отнесен Западный, а в 1853 г. – Юго-Западный Казахстан, где в отдаленных гарнизонах и основанных правительством новых городах несли службу офицеры и чиновники из числа лютеран. Впоследствии эти территории составили Уральскую, Тургайскую, Закаспийскую области и Сыр-Дарьинскую линию (Амелин и др., 2016b: 152-173).

Новые религиозные группы и общины распространились по всем уездам Уральской области. В начале XX в. на территории области возникло несколько немецких поселений поволжских и причерноморских немцев, таких как Акшатское, Бегалинское, Кудуксай, Михайловка и некоторые др., жители которых по вероисповеданию были лютеранами или баптистами. Аналогично в поселениях Джурун и Ащисай также появились евангельские группы и общины (Шнайдер, 2006: 25-27). В целом при определении мест возникновения новых религиозных общин возникали трудности из-за совпадения названий таких поселений, как Ащисай, Михайловка, Кудуксай, Ильинское и других, расположенных в пограничных районах Уральской и Тургайской областей. Согласно источникам, населённый пункт, расположенный на участке №12, назывался Ильинское.

Исследователь И. Шнайдер приводит следующие даты основания евангельских групп и общин Уральской области: Ильинка – 1909 г., Ащисай – 1909 г., Михайловка – 1909 г., Кудуксай – 1911 г., Джурун – 1914 г. (Шнайдер, 2006: 25).

В поселке Джурун образовалась одна из крупнейших общин баптистов. Поселок был расположен вдоль железной дороги Оренбург-Ташкент. С 1907 г. Джурун начал заселяться преимущественно молочанами, и только лишь в 1911 г. туда приехало трое баптистов (Дик, 2003: 199). Представитель баптистов А.И. Скинния в 1914 г. приводит следующие сведения о составе населения этого поселка: «...сообщаю вам, что благословение Господне изливается и в этой заброшенной стране Уральской, Тургайской области и Оренбургской губернии так, что за один месяц более 100 душ присоединилось к церкви. По воле Господней, я второй раз в Джуруне, Уральской области, где население состоит из православных, магометан, молочан, штундистов и 4 душ баптистов» (Скинния, 1914: 22). В 1914 г. число баптистов в Джуруне достигло 20 человек. В последующие годы община постепенно пополнялась, преимущественно из рядов молочан, и в начале 1926 г. в ней насчитывалось уже 120 членов с хором в 25 человек. В поселке было около 150 дворов, и жители его делились почти на три равные части по своим религиозным убеждениям: православные, баптисты и мусульмане (Дик, 2003: 201).

Джурунскую баптистскую общину возглавлял Р.А. Иванов. Он происходил из молочан и был принят в общину в 1892 г. в городе Моздоке. До переезда в Джурун он жил в Тверской области. С 1914 г., с момента основания общины, он стал её руководителем. Из-за своей деятельности он подвергался преследованиям со стороны представителей православной церкви и властей, в 1918 г. был арестован и предстал перед судом. Но уже в 1920 г. Революционный военный трибунал оправдал его (Тимошенко, 1926: 12).

В конце XIX в. и на территории Тургайской области стали распространяться новые религиозные общины и группы протестантского направления. Однако православная церковь и местные органы исполнительной власти пытались создать им различные препятствия. 25 июля 1891 г. Оренбургский и Уральский епископ в служебной записке военному губернатору Тургайской области

А.А. Ломачевскому сообщает, что среди казахских аулов создаются около 50 переселенческих поселков, жители которых являются штундистами и баптистами, прибывшими из внутренних губерний. Епископ также просит военного губернатора издать указ, запрещающий предоставление земельных участков таким сектантам и раскольникам (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2761. Л. 4). Помимо этого, начальник Костанайского уезда в служебном письме военному губернатору области от 20 сентября 1900 г. сообщает, что в его ведомстве в поселке Александрово проживает 35 молокан, в поселке Жуково – 8, а в поселке Давиденково – 2 представителя этой конфессии. Он отмечает опасность их дальнейшего проживания среди местного населения, поскольку в настоящее время появляются новые последователи этой секты (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2761. Л. 4-5). Православный миссионер, священник Ф. Соколов в служебном письме Тургайскому областному управлению от 25 июля 1903 г. сообщает, что в переселенческих поселках Костанайского уезда селятся штундисты. В частности, он указывает, что поселок Николаев полностью состоит из штундистов, а в поселке Викторовском разместилось 17 семей. Все они открыто заявляют о своей вере (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2761. Л. 20).

В начале XX в. на территорию Костанайского уезда Тургайской области начали переселяться также немцы, исповедовавшие штундизм. Так, в служебной записке епископа Оренбургского и Уральского от 5 ноября 1903 г. в адрес руководства Тургайской области указывается, что немцам были выделены переселенческие участки в таких населенных пунктах, как Тиминский, Надеждинский, Озерный и Семеновский. В связи с этим епископ обратился к военному губернатору с просьбой издать указ о запрете переселения немцев на территорию области как распространителей штундизма (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2761. Л. 33). Таким образом, представленные архивные данные свидетельствуют о распространении в Тургайской области различных новых религиозных движений, не являвшихся традиционными для этого региона. Следует отметить, что на основе этих групп в указанных поселениях впоследствии сформировались общины молокан, русских и немецких баптистов.

Одной из крупных баптистских общин в Костанайском уезде Тургайской области была Николаевская баптистская община. Как отмечалось ранее, она была основана в 1903 г. Руководил общиной Д.И. Воронкин (Дик, 2003: 109). Начальник Костанайского уезда в рапорте от 13 февраля 1904 г. администрации Тургайской области писал: «...имею честь донести Областному Правлению, что весь поселок Николаевский заселен пришлыми переселенцами из Европейской России летом 1903 г. и как они сами объясняют принадлежат все к секте баптистов». Тем временем староста Николаевского посёлка в служебном письме, направленном в управление Асинкритовской волости 16 января 1904 г., отмечает, что в его посёлке 135 дворов и все жители принадлежат к секте баптистов (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 747. Л. 1-2). Численность членов новых религиозных групп и общин ежегодно увеличивалась. После принятия закона о веротерпимости в 1905 г., они начали стремиться к легализации своей веры. В связи с этим соответствующие правительственные органы начали учитывать их и требовать прохождения государственной регистрации.

Первой религиозной общиной в Тургайской области, прошедшей государственную регистрацию, стала баптистская община в поселке Смирновский Пешковской волости Костанайского уезда. Их община была зарегистрирована в государственном реестре под названием «Смирновская община русских христиан-баптистов Евангельского исповедания» 13 октября 1908 г. Община была основана осенью 1906 г. и на тот момент насчитывала 62 человека. Второй общиной, прошедшей государственную регистрацию, была община евангельских христиан-баптистов в посёлке Николаевский, зарегистрированная 18 марта 1911 г. На момент регистрации община насчитывала 116 человек (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 796. Л. 6-10, 73-79).

В Тургайской области на территории Костанайского и Акмолинского уездов, помимо упомянутых выше религиозных групп, существовали и другие новые религиозные объединения. В рапорте начальника Костанайского уезда военному губернатору области от 30 декабря 1909 г. содержится информация о старообрядцах и сектантских общинах. Согласно данным рапорта, в уезде было зафиксировано 12 нетрадиционных религиозных групп и общин, из которых 11 представляли собой молоканские и баптистские общины. Оставшаяся община была старообрядческой, принадлежащей к австрийскому белокриницкому согласию. Эта община была основана в Симоновском поселке Антоновской волости и насчитывала 470 человек. В уезде общая численность членов молоканских и баптистских общин составила 2183 человека, из которых 1 тыс. принадлежали Николаевской баптистской общине, имеющей свой молитвенный дом. Еще одно место концентрации последователей новых религиозных течений находилось в Львовском поселке Коломенской волости, где проживало 490 молокан и баптистов, однако здесь не было организовано отдельной религиозной общины (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 777. Л. 56-57).

По данным на 1 января 1912 г., в Костанайском уезде Тургайской области было учтено 3295 представителей новых религиозных групп и общин. Из них 3187 – баптисты, 95 – молокане-воскресники, 13 – молокане-субботники. Указанные группы и общины распространились в 24 населённых пунктах уезда, включая город Костанай (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 777. Л. 176). Сравнив эти данные с числовыми показателями конца 1909 г., можно увидеть, что количество молокан и

баптистов за два года увеличилось на 1112 человек или на 33,7 %. Этот рост в основном произошёл за счёт новых переселенцев.

В Актюбинском уезде Тургайской области новые религиозные группы и общины начали формироваться в начале XX в. Одной из первых была основана баптистская церковь в городе Актобе. Первые верующие появились в небольшом уездном городе в 1904 г. Это были переселенцы, прибывшие из Оренбургской, Самарской, Пензенской и других губерний России. Среди них были семьи Шишкиных, Дорошиных, Анниковых, Варенниковых, Хорлиных, Ратушных и др. 1906 г. – считается годом зарождения этой церкви, так как с того времени стали проводиться постоянные собрания. Община начала постепенно возрастать и где-то в 1909 г. был избран пресвитером Ф.Л. Варенников. После него общиной руководил М.И. Алимов, регентом был Я.К. Сарана и Ф. Тимофеев (Шнайдер, 2006: 31-33; Дик, 2003: 196-197).

Евангельские группы и общины также возникли в поселках Мартук и Магаджан в Актюбинском уезде. Оба населенных пункта расположены недалеко от города Актобе. Историк Шнайдер сообщает, что баптистская община в Магаджане была основана в 1909 г., а ее руководителем был Е.Ф. Дорошин. Баптистская община в Мартуке также была организована в тот же период. Пресвитером этой общины стал С.К. Скородумов (Шнайдер, 2006: 25). С.К. Скородумов был выходцем из молокан. В 1887 г. в Сырдарьинской области он прошел обряд крещения и принял баптизм. До переезда в Мартук он работал пресвитером в общинах Верхне-Волынской, Александрово-Гайской, Высоцкой и Чимкентской (Тимошенко, 1926: 12). Однако вышеуказанные общины не были учтены в отчете областного правления о старообрядцах и сектантах на территории области. В отчете 1909 г. информация была предоставлена только по Костанайскому и Актюбинскому уездам. В Иргызском и Торгайском уездах старообрядцев и сектантов не было. В отчете по Актюбинскому уезду упоминаются две незарегистрированные общины молокан-воскресников и молокан-субботников в поселке Акбулак Акбулакской волости. Первая насчитывала 583 человека, а вторая – 147 членов (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 777. Л. 59).

Архивные документы свидетельствуют, что в Актюбинском уезде новые религиозные движения распространились в населенных пунктах Дамбарский, Камсактинский Дамбарской волости, Верхне-Киимбаевский, Богоявленский Верхне-Киимбаевской волости, Тимирейский Павловской волости, Анастасьевский и Бородинский Ащелисайской волости. Все они были баптистскими. Начальник уезда в своем рапорте от 9 мая 1915 г. сообщает о противозаконных действиях сектантов-баптистов Дамбарского прихода. Он также отмечает, что собрания баптистов в Дамбарском приходе часто проводятся в Камсактинском, Дамбарском, Верхне-Киимбаевском, а особенно в Анастасьевском поселке (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 822. Л. 117). В Тимирейском поселке Павловской волости действовала незарегистрированная баптистская община (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 914. Л. 6). Военный губернатор Тургайской области в своей служебной записке Департаменту духовных дел от 20 апреля 1916 г. сообщает о деятельности вышеуказанных баптистских групп и общин следующее: «...Верхнекиимбаевская волость – с соседними Ащелисайской и Дамбарской – относится к району, где баптизм наиболее распространен. Руководителями и проповедниками в этом районе являются проживающие в Орском уезде Оренбургской губернии, на хуторе Крамаровском – Григорий Климов Довгалоук и Александр Литовченко и местные: по Верхнекиимбайской волости – крестьянин Лукьян Гарагуль, по Ащелисайской – Яков Порфирьев и по Дамбарской – Семен Молочко, Макрида Рудницкая и др.» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 822. Л. 114). Из этого можно сделать вывод, что баптистские группы и общины на территории Тургайской области имели тесные связи как между собой, так и с общинами, расположенными в соседних районах Оренбургской губернии.

После принятия в 1905 году закона «Об укреплении начал веротерпимости» связи новых религиозных групп и общин Уральской и Тургайской областей с соседними регионами России усилились. С этого момента протестантские религиозные общины активизировали свою миссионерскую работу. В 1908–1909 гг. в Тургайской области представители Сибирского миссионерского отдела Союза баптистов Г.И. Мазаев (председатель отдела), А.Л. Евстратенко и Ф.И. Самошин проводили проповедническую работу. По их инициативе и предварительному соглашению в поселке Николаевске Костанайского уезда 1 января 1909 г. был организован первый районный съезд. На съезде было принято решение о создании самостоятельного Николаевского евангельского района. Также избраны 14 проповедников, которые должны были посещать общины и группы верующих (Шнайдер, 2006: 28). Миссионеры пробыли в поселке Николаевске 6 суток, за это время они провели 8 религиозных собраний для взрослых и одно для детей. На собраниях также присутствовали жители близлежащих сел. Миссионеры, кроме Николаевска, провели религиозные собрания в поселках Малороссийский, Смирновский и на участке Жоховский, продолжив свою проповедническую работу (Мазаев, 1909: 16-17).

В это время Николаевская баптистская община также активизировала свою миссионерскую деятельность. Например, в 1909 г. проповедники общины С.Д. Петренко и А.К. Грауер основали небольшую общину в селе Варваринка. На тот момент в ней было более 60 членов (Дик, 2003: 114). В 1910 г. община отправила девять проповедников в разные населенные пункты области с целью распространения баптизма. Среди них были Бондаренко, Грауер, Манжаренко, И. Шифер и др.

(Шнайдер, 2006: 29). Николаевская баптистская община также принимала участие в образовании евангельской христианской общины в городе Костанай. В 1914 г. число членов общины возросло до 50 человек. В это время обряды крещения проводили приезжие проповедники – такие как С.Д. Петренко, А.К. Грауер из Николаевской общины, А.Л. Евстратенко и другие из сибирского баптистского отделения (Дик, 2003: 116).

Протестантские группы и общины, расположенные в западной части Тургайской области и на территории Уральской области, поддерживали связи с общинами соседних Самарской и Оренбургской губерний. Проповедники регулярно приезжали в указанный регион из Москвы, Самары и Оренбурга, а также из Союза баптистов. В эти годы в данном регионе проводили проповедническую деятельность Г.А. Манжаренко, М.Д. Тимошенко, И.И. Бондаренко, Г.Ф. Гавриленко, А.П. Зуккау, В.И. Петров и др. (Шнайдер, 2006: 27).

Как было отмечено выше, баптистские, евангельские и меннонитские общины, расположенные на соседних территориях России и Казахстана, образовали районные объединения с целью координации своих взаимоотношений. Районные съезды представителей поместных общин были проведены в 1907 г. Новом Узене, а в 1909 г. – в Самаре. В марте 1916 г. в Саратове состоялся Первый районный съезд, объединивший Джаныбекский и Новоузенский районы. Второй съезд этого объединения состоялся в Джаныбеке Уральской области в феврале 1918 г. (Дик, 2003: 210).

В 1911 г. в город Актобе прибыли пресвитер баптистской общины из Самары В.И. Петров и проповедник меннонитов А.П. Зуккау. В городе они провели три собрания для последователей. Однако из-за строгого контроля со стороны полицейских органов им пришлось покинуть город. Тем не менее, общины региона, такие как Джурун, Ильинка и город Актобе, на этапе своего становления занимались евангелизационной деятельностью. Представители этих общин, объединившись, посетили множество селений и хуторов Актюбинского края, проводя миссионерскую работу. Так, к примеру, с 13 по 20 мая 1914 г. состоялась евангелизационная поездка, маршрут которой начинался в Актобе (Шнайдер, 2006: 27).

Согласно воспоминаниям вышеупомянутого представителя баптизма А.И. Скинни, 14 мая в поселке Джурун прошла евангелизация. В ней приняли участие представители из города Актобе, участка №12 Уральской области (Ильинка), хутора Устиновка Оренбургской губернии, хутора Высокий Тургайской области и других населенных пунктов. Среди них упоминаются С.К. Скородумов, Г.А. Манжаренко, Н.И. Ратушный, К.Я. Сарана. Были организованы евангелизационные, детские и молодежные собрания. Результатом этой работы являлось крещение 11 душ, которое состоялось 16 мая. После Джуруна группа проповедников отправилась на участок №12, расположенный на удалении в 53 км, где присоединились к общине и крестились 20 душ. Затем группа прибыла в Актобе, где 19 мая были приняты в общину и крещены еще 5 человек. 20 мая представители группы отправились в другие населенные пункты, чтобы продолжить проповедь (Скинни, 1914: 22-23).

В начале XX в. в Казахстане начало распространяться религиозное движение адвентистов 7-го дня. Это религиозное движение пришло в Казахстан через Россию. С 1 января 1908 г. Россия была выделена в самостоятельный уния. С 1 января 1911 г. Российская уния разделена на два самостоятельных уния — собственно, «Российский уния» и «Сибирское униянное поле». Сибирское униянное поле состояло из 5 полей, одно из которых было Западно-Сибирское поле. К нему относились Степной край, губернии Томская и Тобольская, области Уральская и Тургайская. В то время в Западно-Сибирском поле действовало 14 общин и групп общей численностью 265 человек (Очерки..., 1911: 31, 33). По утверждению историка-религиоведа А.И. Клибанова, к 1912 г. в России насчитывалось 5500 адвентистов, из которых 64 % были бывшими православными, а 36 % – выходцами из баптизма и лютеранства (Клибанов, 1965: 298).

Таким образом, приведённые выше данные показывают, что в начале XX в. баптистские общины и группы добились значительных успехов в распространении своей веры. По статистике Фетлера, на 11 тысяч русских баптистов к концу 1909 г. приходилось пресвитеров и проповедников общин – 240. Цифра эта ниже действительной. По заявлению В. Павлова на европейском конгрессе баптистов в Берлине в 1908 г., союз русских баптистов к 1907 г. уже имел 400 проповедников. Некоторые из проповедников-баптистов получили специальное образование в баптистских учебных заведениях за границей (Современное состояние..., 1911: 59). Конечно, у православной церкви, которая выступала против распространения таких новых религиозных течений, подобных возможностей не было.

Закон 1905 г. также предоставил населению империи возможность переходить из одной религии в другую. При этом, документы Центрального государственного архива РК показывают, что в тех регионах, где были широко распространены протестантские течения, произошёл массовый переход из православия в баптизм. Из архивных материалов можно заметить, что некоторые из этих людей отошли от православной веры ещё до подачи официальных заявлений. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, они стремились узаконить свои религиозные убеждения и официально зарегистрировать свой переход в другие религиозные общины.

Переход из одной религии в другую контролировался и регистрировался Оренбургской духовной консисторией и местными исполнительными органами власти. Например, в отчётном документе, представленном Оренбургской духовной консисторией в Тургайское областное правление, указывается,

что в 1909 г. на территории Тургайской области был зафиксирован один случай выхода из православия. Мужчина из Родниковского прихода перешёл в штундо-баптизм (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 798. Л. 30). Информация из следующего документа противоречит этой, поскольку в ней утверждается, что до 1905 г. 1242 человека в Костанайском уезде перешли в другие религиозные течения, а в период с 1905 по 1911 г. ещё 2053 человека, включая 29 человек в 1909 г., отошли от православия. Документ называется «Статистические сведения о сектантах, отпавших от православия по Кустанайскому уезду Тургайской области к 1 января 1912 г.» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 777. Л. 176-177).

Итак, архивные документы свидетельствуют о том, что в последние годы на территории области увеличилось число людей, стремившихся выйти из православия и официально оформить свою религиозную принадлежность. Например, в служебной записке Оренбургской духовной консистории от 31 июля 1913 г. Тургайскому областному правлению сообщается, что, несмотря на разъяснительную работу православной церкви, 42 человека в области перешли из православия в евангельское христианство. В приложении приведён список с данными о них. Из обозначенного списка видно, что некоторые из них родились в этом исповедании, а другие перешли в него в период с 1881 по 1911 г. Для большинства из них указанными церквями, в которых они были крещены, являются церкви в Херсонской, Екатеринославской, Киевской и Полтавской губерниях (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 798. Л. 198, 201-208). Эти данные ещё раз подтверждают, что упомянутые граждане являются переселенцами с юга Украины, где распространился русский баптизм.

Православная церковь и Министерство внутренних дел не одобряли такую ситуацию. Церковь проводила разъяснительную работу с теми, кто изъявлял желание выйти из этой веры, и прилагала все усилия, чтобы удержать их в лоне традиционной религии. Однако в большинстве случаев эти меры не приносили результата. Архивные документы свидетельствуют, что лишь немногие из них вернулись в православие и остались в этой религии.

Самым интересным в вопросе перехода от православия к другим исповеданиям было именно то, что некоторые православные священники переходили в нетрадиционные религиозные общины. В архивных документах мы нашли два таких случая. Первый – это случай священника Викторовского прихода Костанайского уезда, противосектантского миссионера Александра Волгина, который перешел в баптизм. Второй – заштатный священник, служивший в Актобе, Викторин Дмитриевич Александровский, который перешел в старообрядчество белокриницкого толка (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 798. Л. 167, 171).

Конечно, переход не мирян, а священников в другие вероисповедания, стал серьёзным ударом для православного духовенства. В отношении этих религиозных деятелей были проведены проверки высокого уровня, их действия были подвергнуты жесткой критике. Руководство Оренбургской епархии по результатам проверки лишило их духовного сана и звания священников (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 4192. Л. 2). Преследование А. Волгина не прекратилось и после этого. Духовенство и начальник Костанайского уезда обратились к военному губернатору с просьбой выслать его как опасного элемента с территории Тургайской области (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 374. Л. 4, 12-18).

В последующие годы на состояние новых религиозных объединений оказывало влияние международное положение России. Ситуация изменилась в период с 1914 по 1916 г. В годы Первой мировой войны, в условиях роста шовинистических настроений и усиления политического произвола в стране, подверглись разгрому многие баптистские и евангельско-христианские общины. В ряде регионов и городов империи баптистские общины были полностью или частично закрыты. В том числе была запрещена деятельность баптистской общины в городе Актобе. Более двадцати видных деятелей и проповедников баптизма были высланы. Жертвами судебно-полицейского произвола оказались многие рядовые баптисты и евангельские христиане (Клибанов, 1965: 239). Как мы видим, в условиях войны с Германией особенно сильным было «давление» на баптизм. Во всех местностях Оренбургской и Тургайской областей молоканство и штундизм трансформировались именно в баптизм.

В связи с этой ситуацией евангельские христиане требовали, чтобы их не путали с баптистами и чтобы в документах точно указывалась их религиозная принадлежность. В одном архивном документе группа крестьян, исповедующих евангельское христианство в поселке Станционный Костанайского уезда, направила заявление военному губернатору Тургайской области с просьбой не путать их с баптистами. «Они исповедуют немецкий баптизм, поэтому мы не хотим, чтобы нас называли немцами. Поскольку немцы являются опасными врагами русского народа, с которыми не заключат мир до тех пор, пока не победят их окончательно, в согласии с союзниками», – добавили они. В конце заявления они попросили указать в документах на проживание, что они принадлежат к евангельским христианам (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 860. Л. 267). Следует отметить, что эти два религиозных течения были в соперничестве до объединения в 1944 г.

Численность членов новых религиозных групп и общин в Уральской и Тургайской областях продолжала увеличиваться и после 1912 г. Исследователи А.И. Клибанов и Л.Н. Митрохин придерживаются мнения, что численность баптистов и евангельских христиан в России к 1917 г. составляла около 200 тыс. человек (Клибанов, 1965: 239, Митрохин, 1974: 65). После революции 1917 г. преследование новых религиозных групп и общин, в том числе баптистов, прекратилось. В дальнейшем политика советского правительства уравнивала все религии. Благодаря этому

протестанты, в том числе баптисты, усилили свою миссионерскую деятельность и их численность вновь стала увеличиваться.

5. Заключение

Рассматривая историю возникновения и развития новых религиозных движений в Тургайской и Уральской областях во второй половине XIX в. и начале XX в., можно сделать следующие выводы. Во-первых, процесс распространения новых религиозных течений в Уральской и Тургайской областях был аналогичен процессам, происходившим в других регионах России. Согласно закону 1894 г., все «нетерпимые» религии были признаны «оппозиционными православной церкви» и «сектантскими» религиозными движениями. Во-вторых, нетрадиционные новые религиозные движения были привнесены в исследуемые регионы переселенцами. Одной из важных целей переселения было достижение религиозной свободы. В-третьих, на рост и развитие новых религиозных общин и групп оказывали влияние общины, расположенные в соседних Самарской, Оренбургской губерниях и в Омском регионе. В этом направлении важную роль сыграли видные деятели баптизма, сосланные в эти регионы. В-четвёртых, новые религиозные общины и группы, появившиеся в Тургайской и Уральской областях, находились под строгим контролем православной церкви и местных властей. Их деятельность, особенно проповедь среди православных верующих, была строго запрещена. Лишь с принятием закона 1905 г. они получили свободу вероисповедания. Многие представители новых религиозных движений, скрывавшие свои религиозные убеждения и придерживавшиеся православия, попытались использовать этот закон для легализации своего религиозного статуса. Таким образом, для новых религиозных групп и общин период с 1905 по 1913 г. стал временем «религиозной свободы». В обозначенный период новые религиозные общины и группы прошли этап становления, а число их членов значительно увеличилось.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках грантового финансирования исследований молодых ученых по проекту «Жас ғалым» (ИРН АР19175872).

Литература

АП РК – Архив Президента Республики Казахстан.

Амелин и др., 2016а – Амелин В.В., Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Религия Оренбургского края: систематическое описание в 3-х томах. Т. 1. Восточное христианство. Оренбург: «Университет», 2016. 418 с.

Амелин и др., 2016б – Амелин В.В., Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Религия Оренбургского края: систематическое описание в 3-х томах. Т. 2. Западное христианство. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. 530 с.

Андрецов, 2003а – Андрецов А. История возникновения евангелически – лютеранской и баптистской церквей в Казахстане XIX в. – 1917 г. // *Высшая школа Казахстана*. 2003. №3. С. 185-191.

Андрецов, 2003б – Андрецов А. Некоторые проблемы истории немцев-меннонитов в Казахстане, Средней Азии и Западной Сибири в 1880-1917 гг. // *Отан тарихы*. 2003. №2-3. С. 155-169.

Дударёнок, Сердюк, 2014 – Дударёнок С.М., Сердюк М.Б. История протестантских церквей Приморского края (XIX-XX вв.). Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2014. 593 с.

Дик, 2003 – Дик В. Свет Евангелия в Казахстане. История возвещения Евангелия и распространения общин баптистов и меннонитов в Казахстане (первая половина XX в.). Штайнхаген: «Samenkor», 2003. 384 с.

Иванов, Трофимов, 2003 – Иванов В.А., Трофимов Я.Ф. Религия в Казахстане: Справочник. 2-е изд. Алматы: Аркаим, 2003. 238 с.

История..., 1989 – История Евангельских христиан-баптистов в СССР. М.: Издание ВСЕХБ, 1989. 624 с.

Клибанов, 1965 – Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1965. 348 с.

Митрохин, 1974 – Митрохин Л.Н. Баптизм. Изд. 2. М.: Политиздат, 1974. 263 с.

Мазаев, 1909 – Мазаев Г. Письма. Из Сибири // *Баптист*. 1909. №5. С. 16-17.

Очерки..., 1911 – Очерки сектоведения. Вып. II. Адвентизма 7-го дня / Сост. С.Д. Бондарь. СПб.: Типография МВД, 1911. 102 с.

ПВПН, 1904а – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Тургайская область. СПб., 1904. 103 с.

ПВПН, 1904б – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Уральская область. СПб., 1904. 125 с.

Современное состояние..., 1911 – Современное состояние русского баптизма: Записка / Сост. С.Д. Бондарь. СПб.: Типография МВД, 1911. 66 с.

Скинняя, 1914 – *Скинняя А.И.* Сообщение о поездке // *Бантист.* 1914. №13-14. С. 22-23.

Тимошенко, 1926 – *Тимошенко М.* Наши работники // *Бантист.* 1926. №9-10. С. 12-13.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Шнайдер, 2006 – *Шнайдер И.* Евангельские общины в Актюбинской степи. К столетию первой общины баптистов в Актюбинске. Штайнхаген: «Samenkorn», 2006. 320 с.

References

AP RK – Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

Amelin i dr., 2016a – *Amelin, V.V., Denisov, D.N., Morgunov K.A.* (2016). *Religiya Orenburgskogo kraya: sistematischeskoe opisanie v 3-kh tomakh. T. 1. Vostochnoe khristianstvo.* [Religion of the Orenburg Region: a systematic description in 3 volumes. Vol. 1. Eastern Christianity]. Orenburg. «Universitet». 418 p. [in Russian]

Amelin i dr., 2016b – *Amelin, V.V., Denisov, D.N., Morgunov, K.A.* (2016). *Religiya Orenburgskogo kraya: sistematischeskoe opisanie v 3-kh tomakh. T. 2. Zapadnoe khristianstvo.* [Religion of the Orenburg Region: a systematic description in 3 volumes. Vol. 2. Western Christianity]. Orenburg: «Universitet». 530 p. [in Russian]

Andretsov, 2003a – *Andretsov, A* (2003). *Istoriya vozniknoveniya evangelicheskikh i lyuteranskhikh tserkvei v Kazakhstane KhIKh v. – 1917 g.* [The history of the Evangelical Lutheran and Baptist churches in Kazakhstan in the 19th century – 1917]. *Vysshaya shkola Kazakhstana.* 3: 185-191. [in Russian]

Andretsov, 2003b – *Andretsov, A* (2003). *Nekotorye problemy istorii nemtsev-mennonitov v Kazakhstane, Srednei Azii i Zapadnoi Sibiri v 1880-1917 gg.* [Some problems of the history of the Mennonite Germans in Kazakhstan, Central Asia and Western Siberia in 1880-1917]. *Otan tarikhy.* 2-3: 155-169. [in Russian]

Dudarenok, Serdyuk, 2014 – *Dudarenok, S.M., Serdyuk, M.B.* (2014). *Istoriya protestantskikh tserkvei Primorskogo kraia (XIX-XX vv.).* [The history of Protestant churches in Primorsky Krai (XIX-XX centuries)]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta. 593 p. [in Russian]

Dik, 2003 – *Dik, V.* (2003). *Svet Evangeliya v Kazakhstane. Istoriya vozvshcheniya Evangeliya i rasprostraneniya obshchin baptistov i mennonitov v Kazakhstane (pervaya polovina XX v.).* [The Light of the Gospel in Kazakhstan. The history of the proclamation of the Gospel and the spread of Baptist and Mennonite communities in Kazakhstan (the first half of the XX century)]. Shtainkhagen: «Samenkorn». 384 p. [in Russian]

Ivanov, Trofimov, 2003 – *Ivanov, V.A., Trofimov, Ya.F.* (2003). *Religiya v Kazakhstane: Spravochnik.* 2-e izd. [Religion in Kazakhstan: A Reference book. 2nd ed]. Almaty: Arkaim. 238 p. [in Russian]

Istoriya..., 1989 – *Istoriya Evangel'skikh khristian-baptistov v SSSR.* [The history of Evangelical Baptist Christians in the USSR]. Moskva: Izdanie VSEKhB. 1989. 624 p. [in Russian]

Klibanov, 1965 – *Klibanov, A.I.* (1965). *Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii (60-e gody XIX v. – 1917 g.).* [The history of religious sectarianism in Russia (the 60s of the nineteenth century – 1917)]. Moskva: Nauka. 348 p. [in Russian]

Mitrokhin, 1974 – *Mitrokhin, L.N.* (1974). *Baptizm. Izd. 2.* [Baptism. Ed. 2]. Moskva: Politizdat. 263 p. [in Russian]

Mazaev, 1909 – *Mazaev, G.* (1909). *Pis'ma. Iz Sibiri* [Letters. From Siberia]. *Baptist.* 5: 16-17. [in Russian]

Ocherki..., 1911 – *Ocherki sektovedeniya. Vyp. II. Adventizma 7-go dnya* [Essays on Sectarian Studies. Issue II. of 7th-day Adventism]. Sost. S.D. Bondar'. Sankt-Peterburg: Tipografiya MVD. 1911. 102 p. [in Russian]

PVPN, 1904a – *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Turgaiskaya oblast'* [The first General population census of the Russian Empire in 1897, Turgai region]. Sankt-Peterburg. 1904. 103 p. [in Russian]

PVPN, 1904b – *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Ural'skaya oblast'* [The first General Population Census of the Russian Empire in 1897 The Ural region]. Sankt-Peterburg. 1904. 125 p. [in Russian]

Sovremennoe sostoyanie..., 1911 – *Sovremennoe sostoyanie russkogo baptizma: Zapiska* [The Current State of Russian Baptism: A Note]. Sost. S.D. Bondar'. Sankt-Peterburg: Tipografiya MVD. 1911. 66 p. [in Russian]

Skinnya, 1914 – *Skinnya, A.I.* (1914). *Soobshchenie o poezdke* [Message about the trip]. *Baptist.* 13-14: 22-23. [in Russian]

Timoshenko, 1926 – *Timoshenko, M.* (1926). *Nashi rabotniki* [Our employees]. *Baptist.* 9-10: 12-13. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

Shnaider, 2006 – *Shnaider, I.* (2006). *Evangel'skie obshchiny v Aktyubinskoj stepi. K stoletiyu pervoi obshchiny baptistov v Aktyubinske* [Evangelical communities in the Aktobe steppe. On the centenary of the first Baptist community in Aktobe]. Shtainkhagen: «Samenkorn». 320 p. [in Russian]

Возникновение и развитие новых религиозных движений в Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Тургайской и Уральской областей)

Жанар Дуйсембековна Мустафина ^а, Асылбек Тореханулы Маден ^{а, *}

^а Региональный университет имени К. Жубанова, Актобе, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье рассматривается история возникновения и развития новых религиозных движений в Уральской и Тургайской областях во второй половине XIX – начале XX вв. Новые религиозные группы и общины, сформировавшиеся в этих регионах, прошли несколько этапов развития, на которые повлияли политика руководства Оренбургского края, деятельность православной церкви и изменения в имперском законодательстве.

Исследование проводилось преимущественно на основе архивных документов и источников личного происхождения. Архивные документы включают переписку между местными и центральными органами власти, докладные записки о новых религиозных группах и общинах, их составе, а также статистические отчёты. К источникам личного происхождения относятся воспоминания руководителей и проповедников баптистских общин. Особое внимание было уделено анализу использованных данных, а также сведениям о времени и месте создания новых религиозных групп и общин, их деятельности, руководителях и проповедниках, а также их влиянии на местное население и взаимоотношения с властями и православной церковью.

Изучаемая тема разделена на узкие проблемы, такие как возникновение новых религиозных движений, формирование групп и общин, отношение к ним местных властей и православной церкви, изменения в законодательстве относительно новых религиозных течений, выход представителей других исповеданий из православия, развитие новых религиозных групп и общин, их деятельность. В каждом из этих аспектов были сделаны подробные выводы, что позволило глубже понять процесс распространения новых религиозных движений в исследуемых регионах.

Ключевые слова: новые религиозные движения, «нетерпимые» религии, молокане, штундисты, баптисты, евангельские христиане, религиозная община, проповедник, евангелизация, православная церковь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: maden.assylbek80@gmail.com (А.Т. Маден)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 300-310
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.300

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The State of Forestry of the Large Landowners of Russia in the late XIX – early XX centuries

Ruslan M. Zhitin ^{a,*}, Alexey G. Topilsky ^a, Maxim A. Oblitsov ^a

^a Derzhavin Tambov State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the development of forestry of large landowners of the Tambov province in the late XIX – early XX century. It is shown that the forestry of landlords' economies was in the process of formation and the search for its own ways of development. On the one hand, the high provision of private estates with forest plantations formed the consumer attitude of landlords to available land and stimulated mass felling of trees, on the other hand, it was the large owners who became pioneers in the field of rationalization of pre-revolutionary forestry. Large farmers were not only monopolistic forest owners, but also the largest timber producers specializing in forest entrepreneurship. It has been established that forests have become only a source of quick income for a significant part of landowners. Legislative measures were supposed to streamline the felling of tree cottages, but in practice this did not happen. Some of the owners brazenly sabotaged the logging plans and continued the predatory destruction of plantations in the same volumes. More cautious landowners learned to circumvent the prohibitions by selling part of their estates, as a result of which all fixed logging plans ceased to operate. It is recorded that predatory destruction of forests was typical for all types of estates in the Tambov province. At the same time, there has been an increase in the rationalization of landowner forestry, which included cutting down dead wood, reforestation, and choosing the right planting material. It was determined that the factor of rationalization of forest management of Tambov estates was the creation of an adjacent greenhouse, greenhouse and garden fund. It is noted that at the end of the XIX – beginning of the XX century, elements of rational forestry began to penetrate into the economic nature management of Russian landowners. The owners actively introduced the correct cutting speeds, experimented with artificial afforestation. And although innovations penetrated only into large and productive complexes, the environmental effects of these measures significantly increased the economic efficiency of private estates and made forestry part of the owners' long-term profitable strategy.

Keywords: Russian Empire, Tambov province, forestry, large land ownership, landowners.

1. Введение

В конце XIX – начале XX вв. лесное хозяйство помещичьих экономий находилось в процессе становления и поиска своих путей развития. С одной стороны, высокая обеспеченность частных поместий лесными насаждениями формировала потребительское отношение помещиков к наличным угодьям и стимулировала массовую вырубку деревьев, с другой – именно крупные владельцы стали пионерами в области рационализации дореволюционного лесоводства. Изучение данных противоречий позволяет более полно проанализировать факторы модернизации всего помещичьего комплекса, а также рассмотреть причины перехода к природоохране и сохранению древесных насаждений. Кроме того, исследование данных вопросов на микроуровне отдельных имений России позволяет проследить частные мотивы минимального оптимального или максимального использования природных ресурсов в хозяйствах помещиков.

* Corresponding author

E-mail addresses: istoriko8@mail.ru (R.M. Zhitin), a-topil@yandex.ru (A.G. Topilsky), Mr.MaximOblitsov@mail.ru (M.A. Oblitsov)

2. Материалы и методы

В работе активно использовались материалы Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), касающиеся отдельных лесоводческих имений, а также и источники Государственного архива Тамбовской области (Тамбов, Российская Федерация), раскрывающие региональный потенциал рационализации лесного хозяйства латифундистов. Данный комплекс материалов дополнялся опубликованными сведениями об отдельных образцовых поместьях дореволюционной России (Воронков, 1911).

Основным методологическим подходом исследования стал принцип историзма, позволяющий проанализировать вопросы помещичьего лесоводства во взаимосвязи с социально-экономической динамикой аграрного строя России пореформенного времени. Применение в работе сравнительно-исторического и ретроспективного методов позволило дать компаративную характеристику методикам рационализации частного лесного хозяйства.

3. Обсуждение

Наиболее комплексно организация частного лесоводства в дореволюционной России разрабатывалась во второй половине XIX – начале XX вв. Исследование Н. Анненкова «Лесоводство» раскрывает особенности хозяйственной рубки деревьев, методы работы с древостоем, содержит советы по правильному ведению лесных дач (Анненков, 1851). Фактически данная монография стала первым обстоятельным опытом изучения рационализации лесоводческой отрасли России.

Большое значение для изучения русского лесного законодательства в XVIII – первой половине XIX вв. имеют работы Н.В. Шелгунова (Шелгунов, 1857). Он проанализировал особенности законодательной природоохраны в стране. Одновременно Н.В. Шелгунов обосновал оригинальные методики порубок леса, которые позволяли сохранить подрост и подлесок.

Ценны исследования выдающегося российского лесовода первой половины XIX в. А.Е. Теплоухова. В изданном им сочинении «Устройство лесов в помещичьих имениях» он фактически первым в стране обосновал необходимость смены пород и соблюдение правильных оборотов рубки (Теплоухов, 1848). Данный труд активно применялся многими рационализаторами в стране.

В пореформенное время основные исследования в области лесоводства России велись благодаря работе Лесного общества (образовалось в Санкт-Петербурге в 1871 году) (Добровлянский, 1896). Организация способствовала распространению рационализаторских исследований, проводила Всероссийские съезды своих членов. В частности, большое значение имели труды профессора А.Ф. Рудзкого (Рудзкий, 1872). Он обосновал практики защиты насаждений, описал правильные обороты рубки, был теоретиком биологии отдельных лиственных и хвойных пород. Именно под его руководством вышла многотомная Полная энциклопедия русского лесного хозяйства (Энциклопедия..., 1903–1908).

Значительную роль в постановке правильного лесоводства имел труд Ф.К. Арнольда «Русский лес» (Русский..., 1897). Автор дает представление о методиках выращивания отдельных деревьев, основных практиках таксономии, обосновывает идеи о смене пород и типах древесных насаждений. В работах другого известного рационализатора России начала XX века Г.Ф. Морозова раскрывались методы возобновления сосновых насаждений. Также ученый рассматривал проблемы лесной собственности и политики (Морозов, 1913).

Советские исследователи лесного хозяйства дореволюционной России основной упор делали на изучение лесной промышленности помещиков. При этом специалистами отмечалась нерациональность владельческого лесоводства. В частности, в работе А.М. Анфимова «Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX вв.)» эта отрасль названа варварской, так как основной фактор ее развития – доходность древесных вырубок (Анфимов, 1958). Аналогичной позиции придерживалась и Л.П. Минарик (Минарик, 1971: 80–81).

Отдельно стоит выделить работу И.Г. Бейлина «Очерки по работе лесных обществ дореволюционной России» (Бейлин, 1962). Автор стремился показать на «конкретных примерах, как лучшие представители лесного дела в дореволюционной России боролись за сбережение лесных богатств страны, стремились задержать процесс расхищения и уничтожения ценнейших лесных массивов» (Бейлин, 1962: 1). Несмотря на общую критику частного лесоводства в советской исторической науке, к числу видных рационализаторов отрасли ученый причисляет и крупных помещиков России (И.Т. Голенищева-Кутузова, П.И. Жудра и др.).

В современной историографии проблемы развития помещичьих хозяйств рассматриваются через призму региональной истории. Отдельные аспекты лесоводства Алатырского удельного округа во второй половине XIX – начале XX вв. исследованы В.П. Юткиным. В числе прочего автор рассмотрел проблему становления удельного лесного фонда в Присурье и политику удела в области лесного хозяйства (Юткин, 2007).

Проблема рационализации лесного хозяйства Тамбовской губернии нашла отражение в работах Р.М. Житина и А.Г. Топильского (Житин, Топильский 2021). Этой же теме были посвящены работы О.П. Пеньковой (Пенькова, 1999).

Богатый материал по истории рационализации помещичьих имений обобщила Е.В. Хмель (Хмель, 2004). Автор выявила основные параметры улучшенного лесопользования («план хозяйства, выбор системы рубки, выбор периодичности рубки»), проанализировала главные лесоводческие имения края. По ее наблюдениям, к началу XX века некоторые тамбовские владельцы серьезно продвинулись в области рационализации, однако это не изменило общего вектора развития тамбовских имений.

Таким образом, к настоящему моменту накоплен богатый материал по истории лесного хозяйства помещиков. Однако по-прежнему не до конца разработаны региональные вопросы лесоводческой деятельности владельцев.

4. Результаты

Одним из самых ценных ресурсов в составе землевладения крупнейших помещиков был лес. По подсчетам Л.П. Минарик, в группе крупнейших латифундистов России (102 семьи и 16,2 млн. дес. земли) лесные площади занимали почти 11,9 млн. десятин или две трети от наличного фонда помещиков (Минарик, 1971: 80-81). Такая высокая концентрация лесов объяснялась наличием в структуре латифундиального хозяйства уральских горнозаводских дач (8,1 млн. дес. из 16,2 млн. дес.). В результате огромные дровяные заготовки использовались как топливо для работы местных металлургических и железоделательных заводов. Если же исключить из их подсчетов уральские леса, то доля древесных массивов в группе владений коренных районов России составляла бы всего 35,6 % (5,8 млн. дес.).

В числе крупнейших лесовладельцев России были представители рода Нечаевых-Мальцевых. Основа их лесного богатства закладывалась еще в 1740-е годы, когда И.А. Мальцевым были куплены богатые имения в Рязанской, Смоленской и Владимирской областях. В 1788 году лесной фонд семьи дополнили обширные массивы в районе Людиновского завода на границе Орловской и Калужской губерний. Образованная здесь экономия Дьяково стало центральным помещьем обширного хозяйства рода. В 1840 году, когда дьяковским хозяйством владел уже С.И. Мальцев, его площадь исчислялась несколькими сотнями десятин (Мальцевский..., 1896). Богатые лесные ресурсы Нечаевых-Мальцевых позволили организовать собственные стекольные производства.

Богатые лесные дачи (иногда колоссальных размеров) входили в состав крупных сельскохозяйственных имений центральных районов России. Так, в конце XIX века в структуре юсуповских полеводческих поместий (совокупно 247 тыс. дес.) находилось 67 тыс. дес. Леса. Лесные угодья экономий Мекленбург-Стрелицких занимали как минимум 67 из 125-ти тыс. десятин. Древесные насаждения П.П. Дурново располагались на площади 62 тыс. десятин. У великих князей Романовых под лесом числилось 135 тыс. дес. (Минарик, 1971: 81).

Крупные аграрии были не только монопольными лесовладельцами, но и крупнейшими лесопромышленниками, исключительно специализирующимися на лесном предпринимательстве. Так, например, в начале XX века В.А. Ратьков-Рожнов оставил сельскохозяйственное полеводство и полностью перешел на лесную отрасль. Все 125 тыс. дес. его поместья находились под лесом. Одновременно он специально скупал лесные дачи и занимался самой откровенной хищнической распродажей деревянных посадок. За несколько лет такой «деятельности» им были сведены колоссальные массивы в Пермской, Олонецкой и Новгородской губерниях. При этом не избегал помещик и уральских, и сибирских горнозаводских дач, которые сразу же ликвидировались для торговли кругляком. В 1898 г. это варварство привлекло внимание Комитета министров, который сообщал: «с покупкой Ревдинских и Бисертского заводов В. А. Ратьков-Рожнов сразу же упразднил действие последних с целью превратить... Ревдинский горнозаводский округ в лесное имение, и, остановив завод, открыть торговлю лесом из заводских лесных дач, и эту торговлю лесом... владелец уже начал в... обширных размерах» (Анфимов, 1958: 250).

Активная деятельность Ратьков-Рожнова – не исключение. На протяжении всего пореформенного времени продажа леса являлась главной заботой всех помещиков. Особенно активно частные леса вырубались в годы мирового сельскохозяйственного кризиса 1870–1880-х гг., когда ведение полеводства было затруднено низкими доходами от продажи зерновых. «Не будь леса у бережливых хозяев, едва ли хоть одно имение уцелело бы от залога – комментировал ситуацию корреспондент Русского вестника» (Русский..., 1896: 293). Быстро оценив прибыльность занятия, российские помещики стали вырубать и продавать любые леса. Характеризуя проблему, Н.А. Демерт отмечал: «А аферисты-лесопромышленники, воспользовавшись удобным случаем, покупали огромные владельческие леса на сруб за бесценок. Они покупали тысячи десятин леса, рубили его сплошь в одно лето, строили в лесу поташные заводы, и жгли не только дрова, но и бревна и шадрик. Оставались пепелища, словно промчалась злая татарва» (Демерт, 1870: 151). Хищническое истребление лесов было настолько вызывающим, что потребовалось вмешательство правительства. «Есть ли достаточные основания к тому, чтобы признать необходимость ограничения права свободного пользования лесами и установления обязанности лесоразведения для землевладельцев тех местностей России, которые наиболее бедны лесами», – отмечал Г.А. Волосатов, приват-доцент Петровской академии (Лесоохранительный..., 2018).

В 1888 году был принят первый в стране лесной кодекс, ограничивающий хищническое разграбление лесов. Согласно этому законодательному акту, часть лесов объявлялись защитными, а российских помещиков заставляли делать упрощенные планы лесозаготовок (Иващенко и др., 1997). Такие меры должны были упорядочить вырубку древесных дач, однако на практике этого не произошло. Часть владельцев нагло саботировали планы рубки и продолжали хищническое истребление насаждений в прежних объемах. Более осторожные помещики научились обходить запреты путем продажи части своих имений, в результате чего все зафиксированные планы рубки переставали действовать. На Всероссийском съезде лесовладельцев, состоявшемся в 1911 году, А.П. Мещерский с горечью констатировал: «охранять леса от собственников невозможно». По его мнению, закон ничуть не мешает «истреблению леса, ибо этот закон всегда можно обойти» (Всероссийский..., 1911: 11, 151).

Особенно сильно страдали лесные участки центральных губерний России. Среди местных владельцев были такие, которые бросали сельское хозяйство и полностью полагались на прибыль от продажи леса. Так, в 1899 году, спустя 10 лет после принятия лесоохранительного закона, в Саратовской губернии на упрощенные планы удалось поставить только 45,2 % площади помещичьего лесоводства (286,4 из 617,1 тыс. дес.) (Материалы..., 1908: 331). В этой связи саратовский инспектор отмечал: «Вообще то, что дает нам изучение распределения лесной площади по породам и по возрасту древесных насаждений, свидетельствует о господстве бессистемного хозяйничанья, в результате которого постепенно вырубались более ценные породы» (Материалы..., 1908: 331-332). Системную и незаконную вырубку леса специалисты объясняли возможностями получения значительной прибыли без вложения большого капитала.

Нормализация экономической конъюнктуры в аграрном секторе России не прекратила хищнического истребления лесов. Активные лесозаготовки в имениях стимулировали заграничные заказчики, скупавшие русский лес на корню. Если в 1901 году из нашей страны удалось вывезти 225,4 млн. пудов леса, то в 1913 г. российский лесной экспорт составлял уже 463,8 млн. пудов (рост 206 %). При этом сильно росла стоимость экспортного сырья. Так, в 1901 г. каждый пуд дерева оценивался в 2,71 руб., в 1913 году биржевые цены на пуд кругляка из России доходили до 3,52 руб. (Сельское..., 1923: 300). «Лес еще дает средства к жизни в относительно густонаселенных местностях, так как цены на него в последние годы быстро возвышаются», – именно так последствия лесной лихорадки описывал корреспондент «Русского вестника» (Русский..., 1896).

На уровне отдельных имений вырубка могла принимать просто чудовищные размеры. Так, по лесозаготовительному плану в Корсунском имении Юсуповых (Ярославская губерния), принятому в 1900 году, в разработку попадало 93 дес. хвойных пород. Однако вместо этого владельцы безнаказанно вырубали 197 дес. хвойника (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 5261. Л. 10б.). Одновременно доходы от неконтролируемой продажи леса росли и на уровне обширного владения семьи Строгоновых. Если в 1903 г. на лесоразработках помещики заработали 77,2 тыс. руб., то в 1904 г. их доходы возросли до 160,7 тыс., а в 1906 г. – до 296,8 тыс. руб. (РГАДА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 17. Л. 70об.). Даже чрезвычайно выгодные сахарное и винокуренное производства не давали русским помещикам таких баснословных барышей.

Посчитав доход от покупки и продажи леса, Строгоновы в 1907 году вовсе отказываются от всякой экономической деятельности в своих обширных имениях. В это время были полностью ликвидированы Кыновский, Очерский и Павловский заводы на Урале, а основной бюджетной единицей обширного помещичьего хозяйства семьи становится экспорт кругляка. В 1910 г. чистая прибыль Строгоновых по данной статье превысила 600 тыс. руб. (РГАДА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 6899. Л. 12).

Петровская экономия Гагариных в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии шла по тому же пути. В начале XX века лесоразведение превратилось в основную статью доходов местного имения. В 1898 г. прибыль от продажи кругляка составила 4 650 рублей, в 1899 г. она увеличилась до 17 780 руб. При этом ориентация на лесопродажи обусловила ликвидацию большей части владельческой запашки (10 тыс. дес.) и дальнейшее увеличение доходов от реализации древесины (РГАДА. Ф. 1262. Оп. 1. Д. 3960. С. 6-11). В 1913 г. чистый барыш помещика от лесопродажи достиг 37 тыс. руб. (РГАДА. 1262. Оп. 1. Д. 944. Л. 1-2).

Значительную прибыль от реализации леса получал и С.Д. Шереметьев. За двадцать лет своего хозяйствования в Баландинской даче ему удалось увеличить свой доход в 4 раза. Согласно отчетам вотчинной конторы, в 1888 г. продажи баландинского леса приносили экономии 5 тыс. руб., в 1909 году оборот продажи превысил 20 тыс. руб. Аналогичные процессы происходили в других экономиях семьи Шереметьевых. Например, в Ивановском хозяйстве в период 1888–1909 гг. доход от реализации кругляка возрос с 18 тыс. руб. до 112 тыс. руб., по Михайловской даче доходы увеличились с 4 тыс. руб. до 19 тыс. руб.

Высокая прибыльность лесного бизнеса позволила Шереметьевым полностью трансформировать отраслевую специализацию своих хозяйств. Если в 1888 году основной статьей бюджета большинства поместий являлась сдача земли крестьянству, то в 1909 году основной доход помещикам приносила лесопродажа (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 2. Д. 4).

Хищническое истребление лесов было характерно для всех типов имений Тамбовской губернии. В моршанской экономике Поповых в конце XIX века даже и не слышали о правильном обороте рубки. Согласно описанию поместья, здесь ежегодно истреблялось до 10-ти десятин дровяного леса при практически полном естественном лесоразведении (Описания..., 1898: 223). По наблюдениям земских специалистов Кирсановского уезда, «при второстепенном, побочном или даже в большинстве владений совершенно ничтожном значении лесных площадей, какое-нибудь организованное лесное хозяйство почти в уезде и не встречается». Эксплуатация лесов здесь носила «случайный характер, обороты рубки устанавливались и соблюдались в весьма редких случаях». Так, в Инжавинской волости – центре пойменных лесов реки Вороны – земским обследованием 1890 г. не было зафиксировано «ни одного значительного лесного хозяйства». Лесные участки «к моменту земского обследования были уже вырублены», а все площади (свыше 1 500 дес.) наиболее крупного поместья в волости были сданы в 12-летнюю аренду за 22 тыс. руб. Наконец, часть местных помещиков, опасаясь расхищения своих насаждений, также вырубали и продавали все деревья на корню (Сборник..., 1891: 243).

Значительная вырубка леса вела к серьезным экологическим последствиям. В документе о рубке леса в Шацком уезде в 1903 г. записано: «Лесопромышленники купили липовый лес в Шацком уезде в с. Золотая Поляна для производства мочал. Осень сдирали лубки и мочили их в реке Извези, причем с каждым годом делали это все больше и больше». В 1903 г. лесопромышленниками «было намочено мочал в расстояние версты». В результате вода в реке почернела и стала непригодна к употреблению. Загрязнение реки вызвало массовое возмущение окрестного крестьянства, однако тамбовские власти так и не смогли найти состава преступления (ГАТО. Ф. 30. Оп. 78. Д. 16. Л. 153).

Массовое истребление лесов вызывало дефицит древесных насаждений в отдельных местах и целых регионах страны. В статистических обследованиях частного землевладения Тамбовского края эксперты указывали на случаи сокращения кустарных промыслов «по причине истребления больших лесов». «Цены на материал, – отмечалось в описаниях, – сильно повысились из-за дефицита древесины в Тамбовском уезде» (Кустарные..., 1900: 1). Корреспонденты из Козловского уезда также писали: «В ближайших частных дачах лесной материал совсем исчез». В ряде имений необходимый материал продавался, но «с другими лесными, ненужными для дела породами». В результате у тамбовских кустарей, ранее закупавших сырье в частных поместьях, возник дефицит дерева «для мебели, просорушек, шерстобитных машин, деревянной посуды, лопат, граблей, деревянных подушек и др.». Эти обстоятельства заставляли их отправляться за материалом «за 40-60 верст». Переезд кустарей к запасам сырья активно наблюдался даже в богатом лесными дачами Шацком уезде (Кустарные..., 1900: 10).

Лес использовался в качестве топлива на фабриках и заводах. В прошении фабричному инспектору 1915 г., составленном директором Сотницкого сахарного завода в Шацком уезде, содержалась запись: «Заводу нужно было 340 вагонов на погрузку дров. Для производства сахароварения необходимо было 1300-1400 кубических сажень дров. К этому виду топлива были приспособлены котлы. На момент прошения на предприятии было 600 кубических сажень, т. е. объем не обеспечивал даже половину производства».

Крупные потребности в дровяном топливе также испытывала на Вознесенском заводе семья Шиповых (Темниковский уезд). Основной лесной актив предприятия – древесные насаждения площадью 22 612,3 дес. – полностью покрывал потребности владельца в дровах. Разработка леса проводилась на 1,5-аршинные поленья и силами местных крестьян отправлялась на предприятие. За год заводской комплекс потреблял 35 000 кубических сажень дров, и еще 15 тыс. кубических сажень отправлялась на выжиг угля (Калачева, 1997).

Во второй половине XIX в. масштабы искусственного восстановления леса были крайне незначительны (Чолокаев, 1857). В одном из имений Ирской волости Тамбовской губернии строевой лес рубился только для нужд местного хозяйства. В первую очередь здесь выбирались и ликвидировались сухостойные деревья. При этом весь участок был окопан канавами, а за охрану насаждений сторож получал 80 рублей в год (Сборник..., 1891: 241).

В начале 1890-х гг. в Сосновском имении Бенкендорфа (Моршанский уезд) было обновлено 33 дес. леса, причем 17,9 десятин было засажено сосной и 15,1 дес. – дубом (Сборник..., 1890: 252). В 1900 году площадь искусственных посадок Земетчинского поместья Долгоруких в Моршанского уезда была доведена до 500 дес., в 1911 г. – до 800 дес. (Деятельность..., 1903: 320). При этом под облесение здесь попадали все пригодные для этого части владения, включая истощенные полевые участки.

Активное восстановительное лесоводство велось и в Юрасовском имении Пашкова Моршанского уезда, в котором ежегодно засаживалось от 50-ти до 100 дес. новых деревьев (Сборник..., 1890: 153). Одновременно с этим лесные работы велись в Трубетчевской экономике Васильчиковых Лебедянского уезда, где в 1890-х годах высадили до 6 600 дес. березы, сосны и ели (Краткие..., 1900: 213).

Важной частью рационализации помещичьего лесоводства является выбор правильного посадочного материала. Так как использование качественных саженцев повышало продуктивность лесоводства, наиболее рациональные помещики стремились приобрести саженцы от известных

производителей или в казенных лесничествах. В начале XX в. в Сосновском имении Бенкендорфа был заложен питомник и начались работы по культивации ели, сосны, дуба, березы и других пород (Краткие..., 1900: 219). Широкий набор посадочного материала (ель, лиственница, кедр, можжевельник, липа и боярышник) тамбовским помещикам предлагался в Юрасовских имениях Пашкова (Воронков, 1911). При этом стоимость местных саженцев была уравнена по ценам тамбовских казенных лесничеств. Большое значение имел также питомник в экономии Сотыковы Буты (Спасский уезд) помещиков Гагариных, где разводились сосна, ель и дуб (Краткие..., 1900: 225).

Смягчению сельскохозяйственного кризиса в начале 1890-х гг. способствовал и выход в свет новой литературы по теории и практике садоводства. Знаковым событием в области рационализации стало основание в 1858 году Русского Общества Садоводства. Его создание обошлось «не без крупных препятствий», однако постепенно начинание приобрело такой размах, что потребовалась организация филиалов и отделений общества во многих губерниях России (Принева, 2006: 25). Первым президентом Общества стал Николай Иванович Железнов – известный ботаник и агроном, крупный теоретик отечественного лесоразведения. Его опыты по выращиванию растений на мелиорированных черноземах дали блестящие результаты и обогатили отечественную науку на годы вперед (Железнов, 1897). В 1894–1914 годах его сменил Сергей Иванович Сперанский, под руководством которого было организовано 80 выставок цветов и создано 50 питомников (Альманах..., 1897: 1067).

Главной целью Общество Садоводства являлась «организация должного уровня паркового искусства России», поддержка начинающих российских рационализаторов, выпуск соответствующей литературы. При посредничестве организации была создана специализированная сельскохозяйственная библиотека, стал издаваться свой периодический печатный орган («Вестник Российского Общества Садоводства в С.-Петербурге»; с 1870 года – «Вестник Императорского Российского Общества Садоводства»). Под патронажем сотрудников общества удалось организовать огромную выставочную работу, было инициировано проведение масштабных народных праздников древонасаждения. Такая работа активизировала развитие садоводства в разных регионах Российской империи, способствовала подготовке новых кадров (Принева, 2006: 40).

Важным фактором рационализации лесопользования тамбовских имений являлось создание смежного оранжерейного, тепличного и садового фонда. Его активное развитие в помещичьих имениях региона способствовало появлению на Тамбовщине новых растений, повышению агротехнического уровня частных угодий. При этом фактором, способствующим распространению подобных нововведений, безусловно, был уровень благосостояния помещиков. Чрезвычайно затратными являлись мероприятия по строительству теплиц и оранжерей, покупка посадочного материала. Так, стоимость саженцев яблони в прейскуранте известного питомника А.А. Быхановой в 1896 году могла достигать 4 руб. за деревце, цена экземпляра груши доходила до 1,5 руб. (Прейскурант..., 1896: 4, 6).

Особенно трудоемким для помещика являлось строительство тепличной и оранжерейной инфраструктуры. В отличие от тепличных комплексов, которым для нормальной работы было достаточно 5°C, тепловым минимумом в оранжерейных зданиях считалась температура до 10°C и высокие требования к свету. Согласно материалам популярного справочника «Наши сельскохозяйственные постройки», «наилучшее условие достигалось тогда, когда эти строения устанавливались с двумя застекленными скатами на запад и на восток» (Галунов, 1911: 58-59). При таком положении «растения были освещены со всех сторон равномерно и правильно». Полностью соответствовало этим правилам тепличное и оранжерейное хозяйство Кариан-Знаменского имения Строгоновых. В 1900 году в местных теплицах росли «пальмовидные растения, лимонные, померанцевые и лавровые деревья», в оранжерее помещик культивировал персики, абрикосы и виноград. (Самодуров, 1896: 16). Другим типично оранжерейным помещьем Тамбовщины являлось имение Черкино семьи Челокаевых, где в больших грунтовых сараях росли теплолюбивые сорта груш и вишен. Для выращивания персиков, абрикосов и винограда владелец построил 20 оранжерей (Описания..., 1898: 14).

Сады в помещичьих имениях служили для удовлетворения личных потребностей владельцев и имели важное экономическое значение. Так, в крупном садоводческом имении Сосновка А.К. Бенкендорфа Моршанского уезда плодовые урожаи активно реализовывались на тамбовском рынке, а в матчеровской экономии потреблялись исключительно владельцами. При этом только промышленное значение садоводства гарантировало общий прогресс отрасли. В Белозерской экономии Белосельских на продажу шли яблони пяти сортов («Добрый крестьянин», «Черное дерево», «Скрыжапель», «Боровинка», «Антоновка») (Справочные..., 1916: 118). В Ново-Никольском поместье Л.Н. Ульрих с успехом продавали бергамотный сорт груши и лотовую вишню (Краткие..., 1900: 230).

Часто готовые садовые хозяйства сдавались помещиками в арендное содержание более предприимчивым владельцам. Так поступили в Александровском имении Моршанского уезда, где из 7-ми дес. садовых насаждений в аренду было передано 2,5 дес. При этом стоимость пользования садом зависела от ежегодной урожайности и могла оцениваться от 400 до 1 200 руб. (Краткие..., 1900: 216).

Отдельная отрасль садоводства в Тамбовском крае – опытные сады, созданные помещиками в научных и познавательных целях. В 1875 году И.В. Мичурин для своих садоводческих опытов взял в аренду городскую усадьбу в окрестностях города Козлова. Вскоре оказалось, что площадь усадьбы была настолько мала, а количество растений, которые он планировал здесь высадить, так велико, что потребовалась срочная покупка новой земли. В 1885 году под Козловом И.В. Мичурин организовал первый в истории русского плодоводства селекционный питомник, в котором собрал более 800 видов растений. Здесь произрастали гибридные саженцы яблонь, груш, слив, черешневые и вишневые деревья, росли акклиматизированные сорта абрикосов, персиков, винограда, маслин. Закончив свои опыты в 1899 году, И.В. Мичурин продал свое имение ([Мичурин, 1949: 10-28](#)). В дальнейшем его участок стал основным отделением Центральной генетической лаборатории.

5. Заключение

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. в экономическое природопользование российских помещиков начинают проникать элементы рационального лесного хозяйства. Владельцы активно вводили правильные обороты рубки, экспериментировали с искусственным лесоразведением. И хотя новации проникали только в крупные и производительные комплексы, экологические эффекты данных мероприятий существенно повышали экономическую эффективность частных имений, делали лесоводство частью долговременной доходной стратегии владельцев. Кроме того, правильно организованные лесозаготовки позволяли избежать экологических и природных проблем и, соответственно, сокращали возможные финансовые издержки предпринимателей.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 24-28-01520).

Литература

- [Анфимов, 1958](#) – *Анфимов А.М.* Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX – начале XX в. // *Исторические записки.* 1958. Т. 63. С. 244-258.
- [Альманах..., 1897](#) – Альманах современных русских государственных деятелей / Тип. Исидора Гольдберга. Санкт-Петербург, 1897. 1250 с.
- [Анненков, 1851](#) – *Анненков Н.И.* Лесоводство / Тип. А. Семена. Москва, 1851. 216 с.
- [Бейлин, 1962](#) – *Бейлин И.Г.* Очерки по истории лесных обществ дореволюционной России / Проф. И. Г. Бейлин, Гослесбумиздат. Москва, 1962. 158 с.
- [Воронков, 1911](#) – *Воронков А.И.* Краткое описание Земетчинского Вотчинного имения ее сиятельства княгини О.П. Долгорукой. Моршанск, 1911. 28 с.
- [Всероссийский..., 1911](#) – Всероссийский съезд лесовладельцев и лесохозяев, внеочередной. Протоколы внеочередного Всероссийского съезда лесовладельцев и лесохозяев в СПб., 23-27 января 1911 г. / Тип. С.-Петербур. градонач. Санкт-Петербург, 1911. 192 с.
- [Галунов, 1911](#) – *Галунов М.В.* Наши сельскохозяйственные постройки : Жилые дома, дома для рабочих, ледники, бани, прачечные, отхожие места, мусор. ямы, навозохранилища и компостные ямы, конюшни, с детал. устройством, скот. дворы, овчарни, свинарни, птичники, молоч. сарай, навесы, силосы, овины, молотил. сарай, амбары, погреба, парники, теплицы, оранжереи. / П.П. Сойкин. Санкт-Петербург, 1911. 64 с.
- [ГАТО](#) – Государственный архив Тамбовской области.
- [Демерт, 1870](#) – *Демерт Н.А.* Почему у нас в лесистых местностях в дровах нуждаются // *Отечественные записки.* 1870. № 10. С. 151-152.
- [Деятельность..., 1903](#) – Деятельность земских складов // *Сборник календарь Тамбовской губернии на 1903 год.* Тамбов, 1903. С. 318-325.
- [Добровлянский, 1896](#) – *Добровлянский В.Я.* Лесные общества и лесные съезды / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIII (Лопари-Малолетние преступники) / Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона). Санкт-Петербург, 1896. С. 157-158.
- [Железнов, 1897](#) – *Железнов Н.И.* Русский биографический словарь: в 25 томах. Т. 7: Жабокритский – Зяловский. Санкт-Петербург, 1897. С. 23-24.
- [Житин, Топильский 2021](#) – *Житин Р.М., Топильский А.Г.* Лесоводство помещиков Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* Тамбов, 2021. Т. 26. № 195. С. 287-295.
- [Иващенко и др., 1997](#) – *Иващенко Н.И., Тривус М.Л., Яновский А.Е.* Лес, в юридическом и статистическом отношении / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIII (Словник: Лопари – Малолетние преступники) № 22. / Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона). Санкт-Петербург, 1997. С. 185-190.
- [Калачева, 1997](#) – *Калачева В.* Из истории баташевских заводов // *Наша жизнь (Вознесенское).* 1997. № 22. С. 3.
- [Краткие..., 1900](#) – Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 1 / Тип. В. Киршбаума. Санкт-Петербург, 1900. 476 с.

- Кустарные..., 1900** – Кустарные промыслы Тамбовской губернии Издание Тамбовского губернского земства / Тип. губернского земства. Тамбов, 1900. 616 с.
- Лесоохранный..., 2018** – Лесоохранный закон 1888г. К 130-летию со дня принятия // Российский музей леса. [Электронный ресурс]. URL: <http://roslesmuseum.ru/event/lesoohranitelnyj-zakon-1888g-k-130-letiyu-so-dnya-prinyatiya/>
- Мальцевский..., 1896** – Мальцевский заводской округ / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIIIа (Малолетство — Мейшагола) / Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона). Санкт Петербург, 1896. С. 508-509
- Материалы..., 1908** – Материалы для оценки земель Саратовской губернии. Основания оценки и нормы доходности земельных угодий / Оценоч.-стат. отд-ние Саратов. губ. земства. Саратов, 1908. 914 с. С. 331-332.
- Минарик, 1971** – *Минарик Л.П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в.: землевладение, землепользование, система хозяйства. / Издательство «Советская Россия». Москва, 1971. 145 с.
- Мичурин, 1949** – *Мичурин И.В.* Итоги шестидесятилетних работ. / Государственное издательство сельскохозяйственной литературы. Москва, 1949. 672 с.
- Морозов, 1913** – *Морозов Г.Ф.* Исследование лесов Воронежской губернии / Тип. Спб. Градоначальства. Санкт-Петербург, 1913. 19 с.
- Описания..., 1898** – Описания отдельных русских хозяйств [Текст]. Вып. VI. Тамбовская губерния. Санкт-Петербург, 1898. 15 с
- Пенькова, 1999** – *Пенькова О.П.* Тамбовские имения графа И.И. Воронцова-Дашкова. Конец XIX – начало XX вв. / Воронцовы – два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 4. Петушки, 1999. С. 84-97.
- Прейс-курант..., 1896** – Прейс-курант фруктовым и лесным деревьям питомников А.А. Быхановой с сыновьями: заведение существует с 1851 года: осень 1896 г. / Типография А.Н. Булгаковской на Воронежской улице, дом Е.П. Богдановой. Липецк, 1896. 19 с.
- Принева, 2006** – *Принева Л.А.* История садоводства России: сады цвели века: автореферат дис. ... доктора сельскохозяйственных наук: 06.01.07 / Всерос. селекционно-технол. ин-т садоводства и питомниководства. Москва, 2006. 50 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Рудзкий, 1872** – *Рудзкий А.Ф.* Несколько материалов к статике лесных посевов, посадок и прореживаний: (Описание исслед., произвед. в Порец. даче гор. Уварова). Санкт-Петербург, 1872. 12 с.
- Русский..., 1896** – *Русский вестник*. Т. 243, кн. IV. 1896. С. 293-294.
- Русский..., 1897** – Русский лес / Составил Ф. К. Арнольд: в 3 т. Т. 3 / Издание А.Ф. Маркса. 1897. 392 с.
- Самодуров, 1896** – *Самодуров И.* Краткое описание имения графа Павла Сергеевича Строганова Тамбовской губернии и уезда, при селе Знаменском-Кариане: С прил. 4 табл. за 30 лет. Москва, 1896. 19 с.
- Сборник..., 1894** – Сборник статистических данных по Тамбовской губернии [Текст]. В 24 т. Т. 19. Частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов, 1894. 196, 370 с.
- Сборник..., 1891** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии [Текст]. В 24 т. Т. 16. Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов, 1891. 673 с.
- Сборник..., 1890** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии [Текст]. В 24 т. Т. 15. Частное землевладение Моршанского уезда. Тамбов, 1890. 504 с.
- Сельское..., 1923** – Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901-1922 гг. / Сост. под ближайшей ред. и руководством проф. Н.П. Огановского. Москва, 1923. 340 с.
- Справочные..., 1916** – Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Губернии – центральные земледельческие, средневожские и новороссийские / МЗ. Деп. земледелия. Петроград: тип. В.Ф. Киршбаума, 1916. 375 с.
- Теплоухов, 1848** – *Теплоухов А.Е.* Устройство лесов в помещичьих имениях: Руководство для управителей, лесничих и землемеров, сост. чл.-кор. Вольн. экон. о-ва Александром Теплоуховым. Санкт-Петербург, 1848. 256 с.
- Хмель, 2004** – *Хмель Е.В.* Формирование рационального природопользования в хозяйствах крупных землевладельцев Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2004. 22 с.
- Чолокаев, 1857** – *Чолокаев Н.Н.* Мнение тамбовского губернского предводителя дворянства князя Чолокаева [о мерах к удовлетворению нужд сельскохозяйственной промышленности]. Санкт-Петербург, 1902. 8 с.
- Шелгунов, 1857** – *Шелгунов Н.В.* История русского лесного законодательства / тип. М-ва гос. имуществ. Санкт-Петербург, 1857. 378 с.
- Энциклопедия..., 1903–1908** – Энциклопедия русского лесного хозяйства: свод лесохозяйственных знаний в алфавитном порядке: в 2 т. Санкт-Петербург: А. Ф. Девриен, 1903–1908.

Юткин, 2007 – Юткин В.П. Лесное хозяйство алатырского удельного округа во второй половине XIX – начале XX в.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. [Место защиты: Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского]. Пенза, 2007. 23 с.

References

- Al'manakh..., 1897** – Al'manakh sovremennyh russkikh gosudarstvennyh deyatelej (1897) [Almanac of modern Russian statesmen]. Sankt-Peterburg, 1250 p. [in Russian]
- Anfimov, 1958** – *Anfimov, A.M.* (1958). Chastnovladelcheskoe lesnoe hozyajstvo v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Private forestry in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Istoricheskie zapiski*. 63: 244-258. [in Russian]
- Annenkov, 1851** – *Annenkov, N.I.* (1851). Lesovodstvo [Forestry]. Moskva, 216 p. [in Russian]
- Bejlin, 1962** – *Bejlin, I.G.* (1962). Oчерki po istorii lesnyh obhvestv dorevolutsionnoj Rossii [Essays on the history of forest societies in pre-revolutionary Russia]. Moskva, 158 p. [in Russian]
- Cholkaev, 1902** – *Cholkaev, N.N.* (1902). Mnenie tambovskogo gubernskogo predvoditelya dvoryanstva knyazyа Cholkaeva [o merah k udovletvoreniu nyjd selskohozyajstvennoj promyshlennosti] [Opinion of the Tambov provincial leader of the nobility, Prince Cholokaev [on measures to meet the needs of the agricultural industry]]. St. Petersburg, 8 p. [in Russian]
- Demert, 1870** – *Demert, N.A.* (1870). Pochemy y nas v lesistyh mestnostyah v drovah nyjdaiytsya [Why do we need firewood in our wooded areas]. *Otechestvennyye zapiski*. 10: 151-152. [in Russian]
- Deyatnost'..., 1903** – Deyatnost' zemskih skladov [Activities of zemstvo warehouses]. *Sbornik kalendar' Tambovskoi gubernii na 1903 god*. Tambov, 1903. Pp. 318-325. [in Russian]
- Dobrovjavleniskij, 1896** – *Dobrovlyanskij, V.Y.* (1896). Lesnye obzhestva i lesnye s'ezdy [Forest societies and forest congresses]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. T. XVIII (Lopari-Maloletnie prestupniki). Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona). Sankt-Peterburg. Pp. 157-158. [in Russian]
- Entsiklopediya..., 1903–1908** – Entsiklopediya russkogo lesnogo hozyajstva: svod lesohozyajstvennyh znaniy v alfavitnom poryadke (1903–1908) [Encyclopedia of Russian Forestry: a set of forestry knowledge in alphabetical order]. St. Petersburg, 1344 p., 1418 p. [in Russian]
- Galunov, 1911** – *Galunov, M.V.* (1911). Nashi sel'skohozyajstvennye postrojki: Zhilye doma, doma dlya rabochih, ledniki, bani, prachechnye, othozhie mesta, musor. yamy, navozohranilishcha i kompostnye yamy, konyushni, s detal. ustrojstvom, skot. dvory, ovcharni, svinnari, ptichniki, moloch. sarai, navesy, silosy, oviny, molotil. sarai, ambari, pogreba, parniki, teplicy, oranzherei [Our agricultural buildings: Residential buildings, houses for workers, glaciers, baths, laundries, latrines, garbage. pits, manure storage and compost pits, stables, with details. the device, the cattle. yards, sheepfields, piggeries, poultry houses, dairy. sheds, sheds, silos, sheep sheds, threshing floors. sheds, barns, cellars, greenhouses, greenhouses, greenhouses]. Sankt-Peterburg, 64 p. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti [State Archive of the Tambov region].
- Ivazhenko i dr, 1997** – *Ivazhenko, N.I., Trivys, M.L., Yanovskij, A.E.* (1997). Les, v yuridicheskom i statisticheskom otnoshenii [Forest, in legal and statistical terms]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. T. XVIII (Slovník: Lopari – Maloletnie prestupniki) № 22. Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona). Sankt-Peterburg. Pp. 185-190. [in Russian]
- Kalacheva, 1997** – *Kalacheva, V.* (1997). Iz istorii batashevskih zavodov [From the history of Batashevsky factories]. *Nasha zhiz'n'*. 22: 3. [in Russian]
- Khmel, 2004** – *Khmel, E.V.* (2004). Formirovanie racional'nogo prirodopol'zovaniya v hozyajstvah krupnyh zemlevladel'cev Tambovskoi gubernii v konce XIX – nachale XX vv. [Formation of rational nature management in the farms of large landowners of the Tambov province in the late XIX – early XX centuries]. Tambov, 22 p. [in Russian]
- Kratkie..., 1900** – Kratkie spravochnye svedeniya o nekotoryh russkikh hozyajstvah (1900) [Brief background information about some Russian farms]. Vyp. 1. Tip. V. Kirshbauma. Sankt-Peterburg, 1900. 476 p. [in Russian]
- Kystarnye..., 1900** – Kystarnye promysly Tambovskoi gybernii [Handicrafts of Tambov province]. Tambov, 1900. 616 p. [in Russian]
- Lesoohranitelnyj..., 2018** – Lesoohranitelnyj zakon 1888 g. K 130-letiiy so dnya prinyatiya [Forest Protection Act of 1888. On the 130th anniversary of its adoption]. Russian Forest Museum. 2018. [Electronic resource]. URL: <http://roslesmuseum.ru/event/lesoohranitelnyj-zakon-1888g-k-130-letiyu-so-dnya-prinyatiya/> [in Russian]
- Mal'tsevskii..., 1896** – Mal'tsevskii zavodskoi okrug [Maltsevsky's factory district]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. T. XVIIIa (Maloletstvo – Meishagola). Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona). Sankt Peterburg, 1896. Pp. 508-509. [in Russian]
- Materialy..., 1908** – Materialy dlya ocenki zemel Saratovskoi gubernii. Osnovaniya ocenki I normy dohodnosti zemelnyh ugodij [Materials for the assessment of lands of the Saratov province. Grounds for assessment and profitability rates of land holdings]. Saratov, 1908. 914 p. [in Russian]
- Michurin, 1949** – *Michurin, I.V.* (1949). Itogi shestidesyateletnih rabot [Results of sixty years of work]. Moskva, 672 p. [in Russian]

- Minarik, 1971** – *Minarik, L.P.* (1971). Economicheskaya harakteristika kryptnejshih zemelnyh sobstvennikov Rossii konca XIX – nachala XX v.: zemlevladienie, zemlepolzovaniye, sistema hozyajstva [Economic characteristics of the largest landowners in Russia in the late 19th – early 20th centuries: land ownership, land use, economic system]. Moskva, 145 p. [in Russian]
- Morozov, 1913** – *Morozov, G.F.* (1913). Issledovanie lesov Voronejskoj gubernii [Exploration of forests of Voronezh province]. Sankt-Peterburg, 19 p. [in Russian]
- Opisaniya..., 1898** – Opisaniya otdel'nyh russkikh hozyajstv. Vyp. VI. Tambovskaya guberniya. [Descriptions of individual Russian farms. Issue VI. Tambov province]. St. Petersburg, 1898. 15 p. [in Russian]
- Pen'kova, 1999** – *Pen'kova, O.P.* (1999). Tambovskie imeniya grafa I.I. Voroncoba – Dashkova. Konec XIX – nachalo XX vv. [Tambov estates of Count I.I. Vorontsov-Dashkov. Late 19th – early 20th centuries]. Vorontsovy – dva veka v istorii Rossii. Trudy Vorontsovskogo obshchestva. Vyp. 4. Petushki. Pp. 84-97. [in Russian]
- Prejs-kurant..., 1896** – Prejs-kurant fruktovym i lesnym derev'yam oitomnikov A.A. Byhanovoj s synov'yami [tekst]: zavedeniye syzhestvyet s 1851 goda: osen' 1896 g. (1896) [Price list of fruit and forest trees of the nurseries of A.A. Bykhanova and sons: the establishment has existed since 1851: autumn 1896]. Lipetsk, 19 p. [in Russian]
- Prineva, 2006** – *Prineva, L.A.* (2006). Istorija sadovodstva Rossii: sady cveli veka: aftoreferat [History of gardening in Russia: gardens bloomed for centuries: dissertation abstract]. Moskva, 50 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Russkij les, 1897** – Russkij les [Russian forest]. 1897. In 3 t. T. 1. St. Petersburg, 392 p. [in Russian]
- Russkij vestnik, 1896** – *Russkij vestnik*. 1896. vol. 243, is. IV, pp. 293-294. [in Russian]
- Rydzkij, 1872** – *Rydzkij, A.F.* (1872). Neskol'ko materialov k statistike lesnyh posevov, posadok i prorejivaniy (Opisaniye issled., proizved. v Porec. Dache gor. Uvarova) [Several materials on the statics of forest crops, plantings and thinning: (Description of the research, into the Porets. cottage of the Uvarovo)]. Sankt-Peterburg, 12 p. [in Russian]
- Samodurov, 1896** – *Samodurov, I.* (1896). Kratkoe opisaniye imeniya grafa Pavla Sergeevicha Stroganova Tambovskoj gubernii i uezda, pri sele Znamenskom-Kariane: S pril. 4 tabl. za 30 let [A brief description of the estate of Count Pavel Sergeevich Stroganov of the Tambov province and district, near the village of Znamenskoye-Karian: With adj. 4 tables for 30 years]. Moskva, 19 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1890** – Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii [Tekst]. Tom 15: chastnoe zemlevladienie Morshanskogo uezda [Collection of statistical information on the Tambov province. Volume 15: private land ownership of the Morshansky district]. Tambov, 1890. 504 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1891** – Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: v 24 t. Izdaniye Tambovskogo gubernskogo zemstva. T. 16. Chastnoe zemlevladienie Kirsanovskogo uezda. Tambov, 1891. 673 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1894** – Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: v 24 t. T. 19. Chastnoe zemlevladienie Tambovskogo uezda [Collection of statistical information on the Tambov province: in 24 vols. t. 19. Private land ownership of the Tambov district]. Tambov, 1894. 370 p. [in Russian]
- Sel'skoe..., 1923** – Sel'skoe hozyajstvo Rossii v XX veke: Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedenij za 1901-1922 gg. (1923) [Agriculture of Russia in the 20th century: Collection of statistical and economic data for 1901-1922]. Moscow, 340 p. [in Russian]
- Shelgunov, 1857** – *Shelgunov, N.V.* (1857). Istoriya russkogo lesnogo zakonodatel'stva [History of Russian forest legislation]. Tip. M-va gos. imushchestv. Sankt-Peterburg, 378 p. [in Russian]
- Spravochnye..., 1916** – Spravochnye svedeniya o nekotoryh rysskikh hozyajstvakh gubernii – centralnye zemledel'cheskiye, srednevolzhskie i novorossiyskiye [Reference information on some Russian farms. Provinces – central agricultural, middle Volga and Novorossiysk]. Petrograd, 1916. 375 p. [in Russian]
- Teplouhov, 1848** – *Teplouhov, A.E.* (1848). Ustrojstvo lesov v pomeszich'ih imeniyah: rukovodstvo dlya upravitelej, lesnichih i zemlemerov [The arrangement of forests on landlords' estates: A guide for managers, foresters and surveyors]. Sankt-Peterburg, 256 p. [in Russian]
- Voronkov, 1911** – *Voronkov, A.I.* (1911). Kratkoe opisaniye Zemetchinskogo Votchinnogo imeniya ee siyatel'stva knyagini O.P. Dolgorukoj. [A brief description of the Zemetchinsky Patrimonial estate of Her Excellency Princess O.P. Dolgoruky]. Morshansk, 28 p. [in Russian]
- Vserossijskij..., 1911** – Vserossijskij sjezd lesovladel'cev i lesohozyaev vneocherednoj. Protokoly vneocherednogo Vserossijskogo sjezda lesovladel'cev i lesohozyaev v Spb., 23-27 janvarja 1911 [All-Russian Congress of Forest Owners and Forest Managers, extraordinary. Minutes of the extraordinary All-Russian Congress of Forest Owners and Forest Managers in St. Petersburg, January 23-27, 1911]. Tip. S.-Peterb. gradonach. Sankt-Peterburg, 1911. 192 p. [in Russian]
- Yutkin, 2007** – *Yutkin, V.P.* (2007). Lesnoye hozyajstvo alatyrskogo udel'nogo okruga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: avtoreferat [Forestry of the Alatyrsky specific district in the second half of the XIX – early XX centuries: dissertation abstract]. Penza, 23 p. [in Russian]
- Zheleznov, 1897** – *Zheleznov, N.Y.* (1897). Russkii biograficheskii slovar': v 25 tomakh [Russian Biographical Dictionary: in 25 volumes]. T. 7: Zhabokritskii – Zyalovskii. Sankt-Peterburg. Pp. 23-24. [in Russian]

Zhitin, Topilskij 2021 – Zhitin, R.M., Topilskij, A.G. (2021). Lesovodstvo pomezhnikov Tambovskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka [Forestry of landowners of Tambov province in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 26(195): 287-295. [in Russian]

Состояние лесного хозяйства крупных помещиков России в конце XIX – начале XX вв.

Руслан Магомедович Житин ^{а, *}, Алексей Геннадьевич Топильский ^а, Максим Анатольевич Облицов ^а

^а Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается развитие лесного хозяйства крупных помещиков Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв. Показано, что лесное хозяйство помещичьих экономий находилось в процессе становления и поиска своих путей развития. С одной стороны, высокая обеспеченность частных поместий лесными насаждениями формировала потребительское отношение помещиков к наличным угодьям и стимулировала массовую вырубку деревьев, с другой – именно крупные владельцы стали пионерами в области рационализации дореволюционного лесоводства. Крупные аграрии были не только монопольными лесовладельцами, но и крупнейшими лесопромышленниками, специализирующимися на лесном предпринимательстве. Установлено, что для значительной части помещиков леса стали лишь источником быстрого дохода. Законодательные меры должны были упорядочить рубку древесных дач, однако на практике этого не произошло. Часть владельцев нагло саботировали планы рубки и продолжали хищническое истребление насаждений в прежних объемах. Более осторожные помещики научились обходить запреты путем продажи части своих имений, в результате чего все зафиксированные планы рубки переставали действовать. Зафиксировано, что хищническое истребление лесов было характерно для всех типов имений Тамбовской губернии. В то же время установлен рост рационализации помещичьего лесоводства, который включал рубку сухостоя, лесовосстановительные работы, выбор правильного посадочного материала. Определено, что фактором рационализации лесопользования тамбовских имений являлось создание смежного оранжерейного, тепличного и садового фонда. Отмечено, что в конце XIX – начале XX вв. в экономическое природопользование российских помещиков начинают проникать элементы рационального лесного хозяйства. Владельцы активно вводили правильные обороты рубки, экспериментировали с искусственным лесоразведением. И хотя новации проникали только в крупные и производительные комплексы, экологические эффекты данных мероприятий существенно повышали экономическую эффективность частных имений, делали лесоводство частью долговременной доходной стратегии владельцев.

Ключевые слова: Российская империя, Тамбовская губерния, лесоводство, крупное землевладение, помещики.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: istoriko8@mail.ru (Р.М. Житин), a-topil@yandex.ru (А.Г. Топильский), Mr.MaximOblitsov@mail.ru (М.А. Облицов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 311-320
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.311

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Pre-Soviet Historiography of Vocational Education Development in Kherson Gubernia (19th – early 20th centuries)

Oleksandr P. Trygub ^a, Sergey I. Degtyarev ^{b, *}

^a Petro Mohyla Black Sea National University, Mykolaiv, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

A general analysis of the pre-Soviet (imperial) historiography on the issue of vocational education development in Kherson gubernia through the prism of historical and pedagogical science is provided in the research paper. Special attention is paid to highly specialized works with serious information potential for studying the history of various educational institutions in the region under study.

Summarizing the literature review, several main groups can be distinguished in the entire body of literature (the division is general and does not claim to be universal): works of local nature, where the author focuses on a specific educational institution or narrowly limited geography (for example, educational institutions of a particular city); works of all-Russian nature, where the primary attention of the author is focused either on the general state of vocational education or on a particular field of vocational education – maritime, agricultural, crafts, or railroad; works of pedagogical direction designed to improve the content characteristics of vocational education and training; studies in the sphere of pedagogy conducted to improve the substantive characteristics of the educational process.

It should be noted that specific issues are reflected in pre-revolutionary historiography but no generalizing studies are conducted. Most works that uncover the history of local educational institutions are of a factual nature and represent more of a worthwhile source than a historiographic achievement.

All-Russia studies are limited to the difficulties in training workers, mainly for the industrial central regions of the Russian Empire. Kherson gubernia is rarely mentioned in all these works (except a few regional studies), although the vocational educational institutions of the region had already accumulated a certain amount of experience by that time.

That is why an objective and comprehensive scientific study of the issue is required, the basis of which should be made up of both the developments of pre-Soviet historiography and the latest scientific research results in modern historical and pedagogical sciences, archival materials, modern methodological developments in the field of vocational education and other materials.

Keywords: vocational education, Kherson gubernia, historiography, Russian Empire, history of science.

1. Introduction

Despite the relevance of the stated issue, no comprehensive work would have considered the historical and pedagogical processes of vocational education development not only at the regional level (within Kherson gubernia) but also in the realm of the whole Ukraine or the Russian Empire. A study that would contain a scientific analysis and characterization of the features and substantive characteristics of the educational institutions of vocational education activities in the region still needs to be conducted.

* Corresponding author

E-mail addresses: s.degtyarev@yur.sumdu.edu.ua (S.I. Degtyarev)

However, it should be noted that there is a large number of studies of the pre-Soviet era of a general and subject-specific nature. The aforementioned historiography concerns only individual aspects of the issue being studied and is formed in a relatively limited theoretical and methodological plane and, as a rule, mainly relies on published statistical or reporting materials or even personal observations. In such works, the analytics is only partially present. The works of a general nature provide information on the history and content of education in vocational institutions of the given period, but, as a rule, the factual material and the conclusions that are drawn on its basis do not touch upon the region being studied.

At the same time, the imperial historiography left to the modern researcher a large number of important, focused on details works that uncover the history of development and content characteristics of certain vocational educational institutions. Such works are valuable for their factual content, especially in the conditions of partial preservation of the documents of Ukrainian archives, which were significantly damaged during World War II.

Proceeding from the above, the *authors aim to analyze* the available works on the history of vocational education both at the general imperial and regional levels, from their origin to the fall of the Russian Empire. The primary attention is paid to the issue of highlighting the history of vocational educational institutions of Kherson gubernia, as well as the content characteristics of their activities.

2. Materials and methods

The historiography of the development of vocational education in the Russian Empire is extensive and well-studied. However, its development in some areas of that state received less attention. When studying the degree of study of vocational education in Kherson gubernia of the 19th – early 20th centuries, a relatively large array of scientific and journalistic works in the framework of the specified issue has been analyzed. Predominantly, these are studies relating to the late 19th – early 20th centuries. Among the proceeded sources, there are also individual issues of the ‘Technical Review’ journal, on the pages of which some of the mentioned works are published.

It should be noted that some of the author’s works analyzed by us are archaeographic rather than research works. Such works contain few analytical conclusions of the authors but provide much factual material taken from official sources of that time. In fact, such works in our time have acquired the character of a historical source. The memoir sources ([Afanas'yev-Chuzhbinskiy, 1859](#); [Afanas'yev-Chuzhbinskiy, 1861](#)) are also used in the study process.

In our work, the principles of historical research, in particular historicism and objectivism, are applied. The usage of systemic and chronological methods allows the authors to focus on the array of studies conducted by historians and educators of the pre-Soviet period. The comparative method allows for determining the works’ specifics (thematic areas).

3. Discussion

The study of the development of vocational education in the Russian Empire in recent decades has again gained relevance. Several works have emerged, attempting to fill the gaps in the history of vocational educational institutions from new positions and with the involvement of new sources, showing their importance for the educational system, drawing positive lessons in the system of training of workers and employees, and taking into account the negative aspects of the imperial education system. In such works, we also find small historiographical reviews that analyze pre-revolutionary studies.

The dissertations, where a separate paragraph is devoted to the historiography of the problem, are of particular interest. For example, Kherson researcher Ya. Nahrybelnyy ([Nahrybelnyy, 2012: 12-17](#)) summarizes the existence of works reflecting certain aspects of the development of vocational education in the present Kherson oblast. As a result, he concludes that “although pre-revolutionary scholars did not create fundamental generalizing works on the past of vocational education in Kherson region, in synthetic studies, they left a noticeable trace in reflecting the issues of establishment, formation, and development of this educational field in the region” ([Nahrybelnyy, 2012: 16](#)). The well-known researcher of the history of maritime education, O. Chorny, also focuses on the historiographical aspect of the problem. He has deeply analyzed the available literature, allowing him to analyze the pre-Soviet historiography in detail ([Chorny, 2007: 10-24](#)). Later, this analysis becomes the basis for a research paper studying the historiography of maritime educational institutions in Southern Ukraine in the late 18th – early 20th century ([Chorny, 2009](#)). General works of the imperial era in the context of the development of maritime education are analyzed in the dissertation by A. Lyashkevych ([Lyashkevych, 2019: 81-86](#)). Modern Ukrainian researchers O. Trygub, S. Degtyarev, V. Parkhomenko, and others give a general historiographical review of the issue in their research paper ([Trygub, 2023](#); [Trygub et al., 2023a](#); [Trygub et al., 2023b](#); [Trygub, Degtyarev, 2023](#); [Trygub, Chalavan, 2024](#); [Trygub, Honchar, 2024](#); [Trygub, Stepanchuk, 2024](#)).

4. Results

The importance and relevance of this issue have determined modern scholars’ great interest in studying the history of vocational education. As modern researcher S.S. Baldin has successfully noted, this is an interdisciplinary field, so it is the research subject for historical, pedagogical, and economic sciences.

In this regard, the historiography of the educational field under study cannot be limited to the analysis of purely historical works, and it is necessary to study the results of pedagogues, economists, demographers, and other experts in social sciences research (Baldin, 2006: 125-126).

The authors of works on the history of vocational education in the imperial era and its pedagogical content are local historians and public figures, educators, and state officials: A. Skalkovskij, Odessa historian and state official; V. Akimov, Inspector of Alekseevka Crafts School; E. Andreev, founder of the Russian Technical Society; I. Anopov, statesman in the field of education; I. Vyshnegradskij, scientist-mechanic and Minister of Finance of the Russian Empire; S. Vladimirsij, engineer-mechanic and educator; A. Nebolsin, state official and Head of the Permanent Commission for Technical Education at the Russian Technical Society, and many others. Most pre-revolutionary researchers were direct participants in developing vocational education in the Russian Empire and, accordingly, in Southern Ukraine.

One of the first to address the history of educational institutions of the region under study is A. Weinberg (Weynberg, 1857), who, in his research paper, uncovers the history of Kherson School of Merchant Shipping in the 1830s – 1850s. In his study, the author characterizes the institution's formation and development process. The work allows us to orient ourselves to the difficulties experienced by the School at the initial stage of its existence and to reveal the factors complicating its functioning. The researcher critically examines the curricula and the methods and principles of the educational process in the training of seamen for the commercial fleet. Among the reasons hindering the quality of knowledge acquisition by the students, A. Weinberg singles out insufficient funding, curricula redundancy, and lack of qualified teachers. Of no doubt, this is one of the most valuable historical and pedagogical works, uncovering the history of maritime educational institutions of Kherson gubernia.

Similarly to A. Weinberg's paper, there is also a mention of the School in the memoir-historical work by A. Afanas'yev-Chuzhbinskiy 'Trip to Southern Russia' (Afanas'yev-Chuzhbinskiy, 1859: 334-341; Afanas'yev-Chuzhbinskiy, 1861: 335-341), where the author pays much attention to the educational institution. Having highlighted the history of the establishment and development of Kherson School of Merchant Shipping, he also describes the educational aspects of the pedagogical process – theoretical and practical subjects studied in the educational institution, the rights of graduates, and special conditions of study and employment. The writer also shows the shortcomings – insufficient funding, insecure conditions of material facilities of the School, and lack of 'commercial sciences' in the educational process.

In the context of the history of maritime education, it is also necessary to mention the work of S. Ogorodnikov, devoted to the first Black Sea vocational schools in the Northern Black Sea region (Ogorodnikov, 1900). The author mentions that it is the first truly scientific study based on authentic documents, with a scientific apparatus with references. In his work, the author is the first to study the history of the establishment of one of the first vocational institutions in the region – the School of Naval Architecture. Most of the work materials are devoted to training military navigators and officers.

Historical reviews from various vocational educational institutions of Kherson gubernia, mainly published for anniversary dates, are of great importance for our study. Such reviews become very popular in the late 19th – early 20th centuries and are published as separate brochures and articles in periodicals. The following should be singled out among such publications: 'Historical Review on 25 Years of Activity of Kherson Zemstvo Agricultural School. 1874-1899' (Istoricheskiy ocherk..., 1900), 'On the 25th Anniversary of Odessa School of Gardening and Horticulture' (Shesterikov, 1912), 'Review on the Activity of Elisavetgrad Society for the Dissemination of Commercial Education during the First Five-Year Period' (Ocherk deyatel'nosti..., 1914), 'Historical Review on the Fiftieth Anniversary of Odessa Commercial School' (Istoricheskiy ocherk..., 1912a; Istoricheskiy ocherk..., 1912b), 'The Past Decade of Odessa Milling Technical School and Its Tasks in the Future. 1902-1912' (Reysikh, 1912), and others. Brochures dedicated to the anniversary dates of Odessa 'Trud' (Labor) Society and Odessa Crafts School are published twice. In 1890, a brochure dedicated to the 20th anniversary of Odessa 'Trud' Society (Izvlcheniye..., 1890) is published describing the reasons and process of developing the Society and establishing a crafts school at it. An addition to that brochure is published in 1910, and this allows us to trace almost the entire history of this crafts school (Svedeniya..., 1910). In the mentioned works, contemporary researchers attempt to show the history of the educational institution, reveal the difficulties of its development, the content of the educational process, the material and technical facilities, and give a brief characteristic of the teaching staff. Such works are of great importance for a modern researcher, acting simultaneously as a synthetic work of a researcher and a source base for a modern scholar.

During the period of the late 19th – early 20th centuries, the first generalizing works dedicated to the current and future anniversaries of the former Novorossiia region cities – Odessa, Nikolaev, Elisavetgrad, and Kherson, are published (Bernshteyn, 1881; Fedorov, 1894; Odessa, 1895; Ge, 1890; Gorlovskiy, 1896; Murzakevich, 1879; Pashutin, 1897). In the above-mentioned works, we find information about establishing various vocational educational institutions, the number of students, the founding fathers, the construction of buildings, and other matters. It is especially necessary to note the thorough publication of a group of authors dedicated to the centenary of Odessa 'Odessa. 1794-1894' (1895), where a separate chapter is devoted to education development (pp. 569-704). This detailed work gives information on establishing a commercial school, a technical railway school, a school of foremasters, crafts schools, a horticulture school, music classes,

and others. The book contains some photographs of vocational educational institutions – Odessa Crafts School and Odessa School of Gardening and Horticulture. The supplement ‘Vedomost’ (record on the number of students in educational institutions of Odessa) to the book gives an overview not only of the quantitative characteristics of the students but also of their religion, social background, and citizenship (Russia or foreign).

The most thorough is the generalizing work, which describes all vocational and technical educational institutions of Odessa, allowing us to reconstruct the whole picture of the state of vocational education in the city in the early 20th century (*Tekhnicheskoye...*, 1895). The descriptions of educational institutions in the book are presented according to a uniform scheme and uncover the conditions for establishing an educational institution, its material, technical, and financial state, the composition of the teaching staff, and the content and conditions of training. Also interesting and quite valuable from the factual side is the work dedicated to developing Odessa Private Secondary Electrotechnical School of V.P. Gadzyaczkiy (*Odesskoye...*, 1911).

The role of public organizations and their active members in the establishing of vocational educational institutions in Elisavetgrad is vividly described in the work by P. Ryabkov ‘A Brief Historical Review on Elisavetgrad Society for the Dissemination of Literacy and Crafts: 1873-1898’ (1898) (*Ryabkov, 1898*). The author not only shows the path and difficulties of the organization’s development but also uncovers its role in the development of Elisavetgrad Crafts and Literacy School and briefly describes training in it.

At the turn of the century, the issue of forming a network of educational institutions for training craftsmen begins to sound increasingly louder in the Russian Empire. The first generalizing studies on the issue of vocational training of workers appear in the late 19th – early 20th centuries. The works of those years mainly touch on the issues of training personnel for a particular sector of the economy. By then, publications summarizing the experience accumulated by vocational educational institutions have already been published. The problems of professional training of workers and experts are periodically discussed in the pages of the journals ‘Technical Education’ and ‘Technical and Commercial Education.’ Schematic reviews of materials on the history of vocational and technical education can be found in the works of V. Akimov (*Akimov, 1916*), E. Andreyev (*Andreyev, 1872; Andreyev, 1892*), I. Anopov (*Anopov, 1889; Anopov, 1895*), S. Vladimirskiy (*Vladimirskiy, 1896*), N. Korolkov (*Korolkov, 1897; Korolkov, 1912*), I. Maksin (*Maksin, 1909*), A. Nebolsin (*Nebolsin, 1883; Nebolsin, 1903; Nebolsin, 1912*), and other public figures, educators, and researchers (*Goshkevich, 1908; Yershov, 1904; Zavadskiy, 1908; Lavrinovich, 1898; Lavrinovich, 1902; Lyskovskiy, 1897; Lyskovskiy, 1906; Chuprov, 1899*). These works develop the idea of the superiority of stationary training of workers, the need to expand the network of vocational educational institutions in the Empire, define the features and main trends of the educational process organizing, and characterize the regulatory and legal support for vocational education. The value of these works is also in a large amount of factual and statistical material – however, the works of I. Anopov and E. Nebolsin provide data relating to the second half of the 19th century, while a significant increase in the number of vocational schools in the Russian Empire occurs in the late 19th – early 20th centuries.

One of the eminent experts in the field of vocational education in the Russian Empire is Ivan Alekseevich Anopov, the famous educator, public figure, and organizer of vocational education. In one of the first works, ‘Experience of Systematic Review of Materials for the Study of the Current State of Secondary and Lower Technical and Crafts Education in Russia,’ I. Anopov systematizes the information about the network of vocational educational institutions of the Russian Empire and gives an analysis of vocational and technical education. Using the example of Lodz Crafts School, he substantiates the need for general secondary education as a vocational basis, summarizing the experience of that educational institution, which provided both general secondary and vocational secondary education. Unfortunately, this thorough work is of mainly theoretical importance to us since it is devoted mainly to crafts and technical schools in Russia. Among the educational institutions of Kherson gubernia, the work mentions Elisavetgrad Crafts and Literacy School (*Anopov, 1889: 395-400*).

In his other theoretical work, ‘On the Issue of General Secondary School with Its Application to the Demands and Needs of Modern Life in Some Areas of Russia’ (*Anopov, 1900*), he proposes a new type of secondary educational institution that, based on the convergence of general education and vocational training, would prepare for further education and practical activities.

Vladimir Evgrafovich Akimov, Inspector of Alekseevka Crafts School, named after A.A. Samoylenko, devotes several works to the methods of teaching specific subjects. He prepares the textbook ‘Systematic Course of Elementary Technical Drawing’, intended for independent practical acquisition of technical drawing skills and work with drawing tools by beginners and is compiled according to the curricula of industrial and crafts schools (*Akimov, 1906*); textbooks for lower technical, crafts, and city vocational schools, courses for workers and self-study in theoretical and practical geometry (*Akimov, 1907*); and the ability to work with wood (*Akimov, 1911*).

Sergey Alekseevich Vladimirskiy, mechanical engineer and the Director of the Metalworking and Crafts School of the Society for the Dissemination of Technical Knowledge (Moscow), also focuses on the issues of teaching methods in vocational and technical educational institutions, having worked out a course in applied mechanics and methods of teaching metalworking, published as separate works (*Vladimirskiy,*

1887; Vladimirskiy, 1895). The researcher presents similar reports at the Congress of Russian Figures on Technical and Vocational Education in Russia in 1890 (Vladimirskiy, 1890a; Vladimirskiy, 1890b).

The works of Vasilij Vasilevich Vinogradov, the Head of the General Directorate of Merchant Shipping and Ports, on the issues of maritime educational institutions should be mentioned separately (Vinogradov, 1908; Vinogradov, 1912). His books contain rich factual and statistical material on maritime education before 1912. V.V. Vinogradov gives historical reviews of the activities of maritime schools in the 18th – early 20th centuries, using materials from the archives of the Ministry of Finance and the Ministry of Trade and Industry. The researcher also does not miss the Southern Ukraine region, providing generalized information on the financial and material condition of all vocational schools in the Black Sea basin and paying special attention to Odessa School of Merchant Shipping. At the same time, the author notes that the School in Odessa ranks first in the Russian Empire among similar educational institutions in terms of expenditures for the teaching staff and the upkeep of students (as of 1910) (Vinogradov, 1912: 92-94).

The important role of the Russian Technical Society and the Permanent Commission for Technical Education operating under it in the last quarter of the 19th century is illustrated in the works of Nikolay Maksimovich Korolkov (Korolkov, 1897; Korolkov, 1912). The analytical review by Ivan Moiseevich Maksin shows the place of the Ministry of Public Education in developing vocational and technical education in the Russian Empire (Maksin, 1909).

In the 1890s, the Russian Technical Society commissions an economic assessment of public education and, above all, of the relationship between the level of education and labor productivity and, accordingly, its salaries. The work results in the publication of two issues of the collection ‘Economic Assessment of Public Education’ (Yanzhul et al., 1896; Yanzhul et al., 1899). In this collection, the study of L. Gavrishev, ‘Training of the Craftsmen of Nikolaev Admiralty and Its Impact on the Productivity of Their Work’ (Gavrishev, 1899), is of the most significant interest to our research. Having processed a considerable array of statistical information, the author comes to the conclusion that Nikolaev Port Crafts School, in his opinion, is an ordinary general education institution that “provides only an extremely meager course of ‘explaining materials’ and thereby limits its specialty... It teaches crafts mainly in the Admiralty”, which does not provide its students with any advantages over ordinary students at the Admiralty workshops (Gavrishev, 1899: 122-123). In general, the author notes that it is necessary to raise the general level of training of craftsmen at enterprises since this has no less an effect on labor productivity than the worker’s physical strength. Other authors of the aforementioned collection adhere to the same point of view.

Also interesting is the report of the aforementioned author about the establishment of evening and Sunday classes in technical drawing and painting for adult craftsmen in Nikolaev (Gavrishev, 1896).

A unique approach to secondary vocational education is characteristic of the famous Russian researchers and educators K.D. Ushinskiy (Ushinskiy, 1974), D.I. Mendeleev (Mendeleev, 1901), and P.F. Kapterev (Kapterev, 1914). They oppose substituting general secondary education for vocational education, emphasizing that the latter must necessarily be based on general secondary education. In addition, they advocate the fastest and widest possible development of a network of vocational schools due to the need to avoid the dependence of the Russian economy on foreign experts.

Since the last quarter of the 19th century, there has been an interest in the formation and development of agricultural education in the Russian Empire. Among the abundant works, it is necessary to highlight the works of N. Moskalskiy (Moskalskiy, 1881), A. Nebolsin (Nebolsin, 1884), I. Stebut (Stebut, 1889), F. Geyduk (Geyduk, 1891), I. Miklashevskiy (Miklashevskiy, 1893), and S. Bogushevskiy (Bogushevskiy, 1898).

All the mentioned authors provide a general idea of the formation of systemic agricultural education in the Russian Empire, primarily analyzing its European part. The work of F. Geyduk, who analyzes data on the activities of fifty lower agricultural educational institutions, is quite thorough, expressing his vision of their effectiveness, indicating not only the positive aspects of the formation of agricultural education but also its shortcomings. Since the book is written on materials from before 1889, the lower educational institutions of Kherson gubernia are not included in the book because they do not exist yet. I. Miklashevskiy distinguishes three stages in forming and developing agricultural education: pre-reform, reform period, and post-reform. Also, the author insists on the superiority of theoretical education over the formation of practical skills.

Often, such studies are incomplete in factual material, not all educational institutions are mentioned (which is probably due to the problem of obtaining information about them because of their different subordination – the Ministry of State Property, local zemstvos, private individuals), or the mention is passing and uninformative (for example, A. Nebolsin tells about Kherson Agricultural School in 4 lines, erroneously stating that it was established (correctly – transformed into a vocational school) in 1882, and specifies the number of students in the 1882/1883 academic year) (Nebolsin, 1884: 190).

The issues of zemstvo participation in the development of agricultural education can be found in the works of famous ‘historians of zemstvos’ I. Belokonskiy (Belokonskiy, 1894) and B. Veselovskiy (Veselovskiy, 1909). I. Belokonskiy studies the zemstvos’ activities in the field of agricultural education, using the example of several gubernias, including Kherson, showing in detail the state of the agricultural school in Kherson. The famous historian of zemstvos, B. Veselovskiy, gives a general overview of zemstvo activities in the sphere of agricultural education, noting the key role of zemstvos in funding educational institutions, selecting teaching and management personnel, and resolving organizational issues.

5. Conclusion

Summarizing the literature review, we can say that several main groups can be distinguished in the entire body of literature (the division is general and does not claim to be universal): works of a local nature, where the author focuses on a specific educational institution or the ones narrowly limited geography (for example, educational institutions of a particular city); works of an all-Russia nature, where the author's primary attention is focused either on the general state of vocational and technical education, or on a particular field of vocational education – maritime, agricultural, crafts, or railway; studies in the sphere of pedagogy, conducted to improve the substantive characteristics of the educational process.

It should be noted that specific issues are reflected in pre-revolutionary historiography, but no generalizing studies have been conducted. Most works that uncover the history of local educational institutions are of a factual nature and represent more of a worthwhile source than a historiographic achievement.

All-Russia studies are limited to the difficulties in training workers, mainly for the industrial central regions of the Russian Empire. Kherson gubernia is rarely mentioned in all these works (except a few regional studies), although the vocational educational institutions of the region have already accumulated a certain amount of experience.

That is why an objective and comprehensive scientific study of the issue is required, the basis of which should be made up of both the developments of pre-Soviet historiography and the latest scientific research results in modern historical and pedagogical sciences, archival materials, modern methodological developments in the field of vocational education, and other materials.

References

Afanas'yev-Chuzhbinskiy, 1859 – *Afanas'yev-Chuzhbinskiy, A.* (1859). Poyezdka po nizov'yam Dnepra [Trip along the lower reaches of the Dnieper]. *Morskoy sbornik*. № 8 (chast' neofitsial'naya). Pp. 293-347. [in Russian]

Afanas'yev-Chuzhbinskiy, 1861 – *Afanas'yev-Chuzhbinskiy, A.* (1861). Poyezdka v Yuzhnyu Rossiyu [Trip to Southern Russia]. Sankt-Peterburg: V tipografii Morskogo ministerstva. Pp. 335-341. [in Russian]

Akimov, 1906 – *Akimov, V.Ye.* (1906). Sistemicheskiy kurs elementarnogo chercheniya, prisposoblennyy dlya samoobucheniya [Systematic Course of Elementary Drawing, Adapted for Self-study]. Sost. po programmam promyshlennykh i real'nykh uchilishch. Atlas. Sankt-Peterburg: G.V. Gol'syen. [in Russian]

Akimov, 1907 – *Akimov, V.Ye.* (1907). Teoreticheskaya i prakticheskaya geometriya s primeneniymi k chercheniyu i remeslam. S 550 zadachami. Dlya nizshikh tekhnicheskikh, remeslennykh i gor. uchilishch, kursov dlya rabochikh i samoobucheniya [Theoretical and Practical Geometry with Applications to Drawing and Crafts. With 550 Problems. For Lower Technical, Trade and City Schools, Courses for Workers and Self-study]. Ch. 1-2. Sankt-Peterburg: G.V. Gol'sten. [in Russian]

Akimov, 1911 – *Akimov, V.Ye.* (1911). Tekhnologiya dereva s stolyarnym, tokarnym, plotnich'im, model'nym i liteynym proizvodstvami. S 520 chert. Dlya tekhnich., remeslennykh uchilishch, shkol remeslennykh uchenikov i kursov dlya rabochikh [Wood Technology with Joinery, Turning, Carpentry, Modeling and Foundry Production. With 520 Drawings. For technical, vocational schools, schools for vocational apprentices and courses for workers]. Moskva: T-vo I.D. Sytina. [in Russian]

Akimov, 1916 – *Akimov, V.Ye.* (1916). K voprosu o reforme remeslennykh i tekhnicheskikh shkol [On the Question of the Reform of Craft and Technical Schools]. *Tekhnicheskoye i kommercheskoye obrazovaniye*. 4: 18-23. [in Russian]

Andreyev, 1872 – *Andreyev, Ye.N.* (1872). Obzor deyatelnosti Russkogo tekhnicheskogo obshchestva po tekhnicheskomu obrazovaniyu, predstavlennoy obshchemu sobraniyu Obshchestva 25 marta 1872 g. [Review of the Activities of the Russian Technical Society in Technical Education, Presented to the General Meeting of the Society on March 25, 1872]. Sankt-Peterburg: Tip. K. Zamyslovskogo. [in Russian]

Andreyev, 1892 – *Andreyev, Ye.N.* (1892). O real'nykh uchilishchakh i professional'nykh shkolakh [On Real Schools and Vocational Schools]. Sankt-Peterburg: Tipo-lit. P.I. Shmidta. 8 p. Ottisk iz «Tekhnicheskogo obrazovaniya». № 1. [in Russian]

Anopov, 1889 – *Anopov, I.A.* (1889). Opyt sistemicheskogo obozreniya materialov k izucheniyu sovremennogo sostoyaniya srednego i nizshego tekhnicheskogo i remeslennogo obrazovaniya v Rossii [Experience of a systematic review of materials for the study of the current state of secondary and lower technical and vocational education in Russia]. Sankt-Peterburg: Tip. Ministerstva putey soobshcheniya (A. Benke). [in Russian]

Anopov, 1895 – *Anopov, I.A.* (1895). Sovremennoye sostoyaniye tekhnicheskogo i professional'nogo obrazovaniya v Rossii [The current state of technical and vocational education in Russia]. Rech', proiznesennaya upravlyayushchim Otd. prom. uchilishch Ministerstva narodnogo prosveshcheniya I.A. Anopovym 28 dekabrya 1895 g., v den' torzhestvennogo otkrytiya v Moskve Vtorogo s'yezda russkikh deyatley o tekhnicheskomu i professional'nomu obrazovaniyu. Sankt-Peterburg: Tip. V.S. Balasheva i Ko. [in Russian]

- Anopov, 1900** – *Anopov, I.A.* (1900). Po voprosu o sredney obshcheobrazovatel'noy shkole, s primeneniym yeye k zaprosam i nuzhdam sovremennoy zhizni nekotorykh mestnostey Rossii (Otchet o komandirovke Upravlyayushchego Otd. prom. uchilishch Min. nar. prosv. t.s. Anopova) [On the issue of secondary comprehensive schools, with their application to the demands and needs of modern life in some areas of Russia (Report on the mission of the Manager of the Department of Industrial Schools of the Ministry of People's Education, Comrade Anopov)]. Sankt-Peterburg: Tipo-litografiya Shredera. [in Russian]
- Baldin, 2006** – *Baldin, S.S.* (2006). Professional'no-tekhnicheskoye obrazovaniye v Rossii: istoriografiya problemy [Vocational and Technical Education in Russia: Historiography of the Problem]. *Rossiya i ATR*. 1: 125-140. [in Russian]
- Belokonskiy, 1894** – *Belokonskiy, I.P.* (1894). Zemstvo i sel'skokhozyaystvennyye shkoly [Zemstvo and Agricultural Schools]. Chernigov: red. «Zem. sbornika Chernigov. gub.». [in Russian]
- Bernshhteyn, 1881** – *Bernshhteyn, S.* (1881). Odessa. Istoricheskiy i torgovo-ekonomicheskii ocherk Odessy v svyazi s Novorossiyskim krayem [Odessa. Historical, Trade and Economic Essay on Odessa in Connection with the Novorossiysk Territory]. Odessa: Tipografiya L. Nitche. [in Russian]
- Bogushevskiy, 1898** – *Bogushevskiy, S.K.* (1898). Neskol'ko mysley o sisteme sel'skokhozyaystvennogo obrazovaniya v Rossii [Several Thoughts on the System of Agricultural Education in Russia]. Yur'yev: tip. K. Mattisena. [in Russian]
- Chornyy, 2007** – *Chornyy, O.V.* (2007). Pidhotovka spetsialistiv dlya mors'koho flotu v Ukrayini v ostanniy chverti XVIII – na pochatku XX st. [Training of specialists for the naval fleet in Ukraine in the last quarter of the 18th – early 20th centuries]: dys.... k.i.n.: 07.00.01 – istoriya Ukrayiny. Kyiv. [in Ukrainian]
- Chornyy, 2009** – *Chornyy, O.* (2009). Diyal'nist' navchal'nykh zakladiv mors'koho profilyu na Pivdni Ukrayiny v ostanniy chverti 18 – na pochatku 20 st.: istoriografiya problemy [Activities of maritime educational institutions in the South of Ukraine in the last quarter of the 18th – early 20th centuries: historiography of the problem]. *Naukovi zapysky. Seriya: istorychni nauky*. 12: 250-262. [in Ukrainian]
- Chuprov, 1899** – *Chuprov, A.I.* (1899). Ob ekonomicheskoy znachenii obrazovatel'nykh i vospitatel'nykh uchrezhdeniy dlya rabocheho klassa [On the economic significance of educational and training institutions for the working class]. *Ekonomicheskaya otsenka narodnogo obrazovaniya*. Sankt-Peterburg: Tipografiya A. Benke. Pp. 68-74. [in Russian]
- Fedorov, 1894** – *Fedorov, I.* (1894). Stoletiyе Odessy [The century of Odessa]. Odessa: Tipografiya L. Nitche. [in Russian]
- Gavrishev, 1896** – *Gavrishev, L.* (1896). Uchrezhdeniye v g. Nikolaeve vechernikh i voskresnykh klassov tekhnicheskogo chereniya i risovaniya dlya vzroslykh remeslennikov [Establishment in the city of Nikolaev of evening and Sunday classes of technical drawing and painting for adult artisans]. *Tekhnicheskoye obrazovaniye*. 2: 110-112. [in Russian]
- Gavrishev, 1899** – *Gavrishev, L.L.* (1899). Obrazovaniye masterovykh Nikolaevskogo Admiralteystva i yego vliyaniye na proizvoditel'nost' ikh raboty [Education of craftsmen of the Nikolaev Admiralty and its influence on the productivity of their work]. *Ekonomicheskaya otsenka narodnogo obrazovaniya*. Sankt-Peterburg: Tipografiya A. Benke. Pp. 119-135. [in Russian]
- Ge, 1890** – *Ge, G.N.* (1890). Istoricheskiy ocherk g. Nikolaeva pri ust'ye Ingula (1790-1890) [Historical essay on the city of Nikolaev at the mouth of the Ingul (1790-1890)]. Nikolaev: Russkaya tip. [in Russian]
- Geyduk, 1891** – *Geyduk, F.I.* (1891). Nashi nizshiye sel'skokhozyaystvennyye shkoly [Our lower agricultural schools]. Odessa: tip. «Odes. novostey». [in Russian]
- Gorlovskiy, 1896** – *Gorlovskiy, D.N.* (1896). Itogi dvadtsatipyatiletiya Khersonskogo samoupravleniya. Kratkiy istoriko-ekonomicheskii ocherk goroda Khersona [Results of the twenty-five years of Kherson self-government. Brief historical and economic essay on the city of Kherson]. Kherson: Tip. O.D. Khodushinoy. [in Russian]
- Goshkevich, 1908** – *Goshkevich, N.* (1908). Tekhnicheskiye i remeslennyye zavedeniya, sostoyashchiye v vedenii Ministerstva torgovli i promyshlennosti [Technical and craft institutions under the jurisdiction of the Ministry of Trade and Industry]. *Tekhnicheskoye i kommercheskoye obrazovaniye*. 1: 1-12. [in Russian]
- Istoricheskiy ocherk..., 1900** – Istoricheskiy ocherk 25-letney deyatelnosti Khersonskogo zemskogo sel'skokhozyaystvennogo uchilishcha, 1874-1899 gg. [Historical essay on 25 years of activity of the Kherson Zemstvo Agricultural School, 1874-1899]. Izd. Khersonskoy Gubernskoy Zemskoy Upravy. Kherson: Parovaya tipolitografiya O.D. Khodushinoy, 1900. 144 p. [in Russian]
- Istoricheskiy ocherk..., 1912a** – Istoricheskiy ocherk pyatidesyatiletiya Odesskogo kommercheskogo uchilishcha: pervoye XXV-letiyе (1862-1887) [Historical essay on the fiftieth anniversary of the Odessa Commercial School: the first 25th anniversary (1862-1887)]. Odessa, 1912. [in Russian]
- Istoricheskiy ocherk..., 1912b** – Istoricheskiy ocherk pyatidesyatiletiya Odesskogo kommercheskogo uchilishcha: vtoroye XXV-letiyе (1887-1912) [Historical essay on the fiftieth anniversary of the Odessa Commercial School: the second 25th anniversary (1887-1912)]. Odessa, 1912. [in Russian]
- Iz vlecheniye..., 1890** – Iz vlecheniye iz istoricheskoy zapiski o 25-letney deyatelnosti obshchestva «Trud» [Extract from a historical note on 25 years of activity of the society 'Labor']. Odessa: Tipografiya A. Shul'tse, 1890. 52 p. [in Russian]

[Kapterev, 1914](#) – *Kapterev, P.F.* (1914). Novaya russkaya pedagogiya, yeye glavneyshiye idei, napravleniya i deyateli [New Russian Pedagogy, Its Main Ideas, Directions, and Figures]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

[Korolkov, 1897](#) – *Korolkov, N.M.* (1897). Kratkiy obzor deyatel'nosti Postoyannoy komissii po tekhnicheskomu obrazovaniyu za posledniye 25 let. Po povodu XXV-letiya deyatel'nosti A.G. Nebolsina, kak chlena komissii i X-letiya – kak yeye predsedatelya. 18 maya 1897 g. [Brief Review of the activities of the standing commission on technical education over the past 25 years. On the occasion of the 25th anniversary of A.G. Nebolsin's activities as a member of the commission and the 10th anniversary – as its chairman. May 18, 1897]. Sankt-Peterburg: Tip. I.N. Skorokhodova. [in Russian]

[Korolkov, 1912](#) – *Korolkov, N.M.* (1912). Kratkiy obzor deyatel'nosti Postoyannoy komissii po tekhnicheskomu obrazovaniyu (IX Otdela Imperatorskogo Russkogo tekhnicheskogo obshchestva). Po povodu XXV-letiya deyatel'nosti A.G. Nebolsina, kak yeye predsedatelya, sovpadayushchego s XL-letiyem, kak chlena O-va, i L-letiyem yego gos. sluzhby. 20 maya 1912 g. [Brief review of the activities of the standing commission on technical education (IX department of the imperial Russian technical society). On the Occasion of the 25th Anniversary of A.G. Nebolsin's Activities as its Chairman, Coinciding with the 15th Anniversary of his Membership in the Society and the 5th Anniversary of his State services. May 20, 1912]. Sankt-Peterburg: Tip. M.A. Aleksandrova. 94 p. [in Russian]

[Lavrinovich, 1898](#) – *Lavrinovich, Yu.N.* (1898). S'yezd nachal'nikov promyshlennykh uchilishch [Congress of Heads of Industrial Schools]. [Chit. v obshch. sobranii O-va sodeystviya rus. prom. i trgovle 22 aprelya 1898 g.]. Sankt-Peterburg: Tip. I.N. Skorokhodova. [in Russian]

[Lavrinovich, 1902](#) – *Lavrinovich, Yu.N.* (1902). Obrazovaniye rabochikh v Rossii [Education of Workers in Russia]. Doklad, chit. v «Sobranii ekonomistov» 26 okt. 1901 g. Sankt-Peterburg: Red. zhurn. «Tekhnicheskoye obrazovaniye». [in Russian]

[Lyskovskiy, 1897](#) – *Lyskovskiy, M.V.* (1897). Nizsheye tekhnicheskoye i professional'noye obrazovaniye i podgotovka k nemu v nashikh obshcheobrazovatel'nykh shkolakh [Lower Technical and Vocational Education and Preparation for It in Our Comprehensive Schools]. *Tekhnicheskoye obrazovaniye*. 5: 1-24. [in Russian]

[Lyskovskiy, 1906](#) – *Lyskovskiy, M.V.* (1906). O postanovke obyazatel'noy dvukhletney praktiki okanchivayushchikh kurs tekhnicheskikh zheleznodorozhnykh uchilishch na nashikh zheleznykh dorogakh [On the establishment of a mandatory two-year practice for graduates of technical railway schools on our railways]. Sankt-Peterburg: Tip. M-va put. soobshch. (T-va I.N. Kushnerev i Ko). [in Russian]

[Lyashkevych, 2019](#) – *Lyashkevych, A.I.* (2019). Teoriya i praktyka mors'koyi osvity Pivdnyia Ukrayiny (30-ti roky XIX – pochatok XXI stolittya) [Theory and practice of maritime education in Southern Ukraine (1930s – early 21st century)]: dys... d.ped.n.: 13.00.01 – zahal'na pedahohika ta istoriya pedahohiky. Kherson-Ternopil. [in Ukrainian]

[Maksin, 1909](#) – *Maksin, I.M.* (1909). Ocherk razvitiya promyshlennogo obrazovaniya v Rossii. 1888-1908 [Essay on the Development of Industrial Education in Russia. 1888-1908]. Sankt-Peterburg: Tip. SPb odinochnoy tyur'my. [4], 175 p. [in Russian]

[Mendelev, 1901](#) – *Mendelev, D.I.* (1901). Zametki o narodnom prosveshchenii v Rossii [Notes on public education in Russia]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

[Miklashevskiy, 1893](#) – *Miklashevskiy, I.N.* (1893). Ocherki iz istorii sel'skokhozyaystvennogo obrazovaniya v Rossii [Essays on the history of agricultural education in Russia]. Sankt-Peterburg: tip. I.N. Skorokhodova. [in Russian]

[Moskalskiy, 1881](#) – *Moskalskiy, N.P.* (1881). Sel'skokhozyaystvennyye uchebnyye zavedeniya vedomstva Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv. Vyp. 1. Sredniye sel'skokhozyaystvennyye uchebnyye zavedeniya [Agricultural educational institutions of the department of the Ministry of State Property. Issue 1. Secondary agricultural educational institutions]. Sankt-Peterburg: tip. V.F. Kirshbauma. [in Russian]

[Murzakevich, 1879](#) – *Murzakevich, N.* (1879). Materialy dlya istorii gubernskogo goroda Khersona [Materials for the history of the provincial city of Kherson]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. XI: 324-388. [in Russian]

[Nahrybelnyy, 2012](#) – *Nahrybelnyy, Ya.A.* (2012). Rozvytok profesiyanoi osvity na Khersonshchyni u druhiy polovyni XIX stolittya – na pochatku 1920-kh rr. [The development of vocational education in the Kherson region in the second half of the 19th century – in the early 1920s]: k.i.n.: 07.00.01 – istoriya Ukrayiny. Mykolayiv. [in Ukrainian]

[Nebolsin, 1883](#) – *Nebolsin, A.G.* (1883). Istoriko-statisticheskyy ocherk obshchego i spetsial'nogo obrazovaniya v Rossii [Historical and statistical essay on general and specialized education in Russia]. Sostavlenn po porucheniyu Komissii po ustroystvu Vseros. prom.-khudozh. vystavok v Moskve, 1882. Sankt-Peterburg: Tip. V. Kirshbauma. [in Russian]

[Nebolsin, 1884](#) – *Nebolsin, A.G.* (1884). Istoriko-statisticheskyy ocherk obshchego i spetsial'nogo obrazovaniya v Rossii [Historical and statistical essay on general and specialized education in Russia]. Sankt-Peterburg: tip. V.F. Kirshbauma. [in Russian]

- Nebolsin, 1903** – *Nebolsin, A.G.* (1903). Kratkoye soderzhaniye doklada taynogo sovetnika A.G. Nebolsina po voprosu ob ispytanii na zvaniye podmaster'ya i mastera uchenikov, okonchivshikh kurs v remeslennykh i drugikh professional'nykh zavedeniyakh [Brief summary of the report of Privy Councilor A.G. Nebolsin on the issue of testing students who have completed courses in craft and other professional institutions for the title of journeyman and master]. Sankt-Peterburg: Tipografya Shredera. [in Russian]
- Nebolsin, 1912** – *Nebolsin, A.G.* (1912). O s'yezdakh po tekhnicheskomu i professional'nomu obrazovaniyu [On congresses on technical and vocational education]. *Tekhnicheskoye i kommercheskoye obrazovaniye*. 2: 1-8. [in Russian]
- Ogorodnikov, 1900** – *Ogorodnikov S.* (1900). Iz proshlogo (Chernomorskiye morskoye uchilishcha) [From the past (Black Sea naval schools)]. *Morskoy sbornik*. № 12. Otdel neofitsial'nyy: 85-105. [in Russian]
- Odessa, 1895** – Odessa. 1794-1894 [Odessa. 1794-1894]. Odessa: Tipografiya A. Shul'tse, 1895. [in Russian]
- Odesskoye..., 1911** – Odesskoye chastnoye sredneye elektrotekhnicheskoye uchilishche privat-dotsenta Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta V.P. Gadzyatskago [Odessa private secondary electrical engineering school of assistant professor of the Imperial Novorossiysk University V.P. Gadzyatskiy]. Odessa: Tipografiya Torgovogo doma G.M. Levinson, 1911. [in Russian]
- Ocherk deyatel'nosti..., 1914** – Ocherk deyatel'nosti Yelisavetgradskogo obshchestva rasprostraneniya kommercheskogo obrazovaniya za pervoye pyatiletiye [Essay on the activities of the Elisavetgrad Society for the Dissemination of Commercial Education during the first five years]. Yelisavetgrad, 1914. 338 p. [in Russian]
- Pashutin, 1897** – *Pashutin, A.N.* (1897). Istoricheskiy ocherk g. Yelisavetgrada [Historical essay on the city of Elisavetgrad]. Yelisavetgrad: Tipografya Br. Shpolyanskikh. [in Russian]
- Reysikh, 1912** – *Reysikh, V.G.* (1912). Isteksheye desyatletiyе Odesskogo mel'nichno-tekhnicheskogo uchilishcha i yego zadachi v budushchem, 1902-1912: doklad Sovetu po delam S'yezdov mukomolov direktora uchilishcha inzhener-tekhnologa V.G. Reysikha [The past decade of the Odessa mill-technical school and its tasks in the future, 1902-1912: report to the Council for Affairs of the Congresses of Millers by the director of the school, engineer-technologist V.G. Reysikh]. Odessa: Tip. Ye.I. Fesenko. 31 p. [in Russian]
- Ryabkov, 1898** – *Ryabkov, P.Z.* (1898). Kratkiy istoricheskiy ocherk Yelisavetgradskogo Obshchestva rasprostraneniya gramotnosti i remesel: 1873-1898 gg. [Brief historical essay on the Elisavetgrad Society for the Dissemination of Literacy and Crafts: 1873-1898]. Yelisavetgrad: Tip. Gol'denberga. [in Russian]
- Svedeniya..., 1910** – Svedeniya o remeslennom uchilishche obshchestva «Trud» [Information about the vocational school of the 'Trud' society]. Odessa: tip. A. Shul'tse, 1910. 35 p. [in Russian]
- Stebut, 1889** – *Stebut, I.A.* (1889). Sel'skokhozyaystvennoye znaniye i sel'skokhozyaystvennoye obrazovaniye [Agricultural knowledge and agricultural education]. Moskva: tip. I.I. Rodzevicha. [in Russian]
- Shesterikov, 1912** – *Shesterikov, P.S.* (1912). K 25-letiyu Odesskoy shkoly sadovodstva i ogorodnichestva: ocherk [On the 25th anniversary of the Odessa school of horticulture and vegetable gardening: essay]. Odessa: Slavyanskaya tip. Ye. Khrisogelos. 12 p. [in Russian]
- Trygub, Chalavan, 2024** – *Trygub, O., Chalavan, V.* (2024). Agricultural Educational Institutions of Kharkiv Gubernia in the Second Half of the 19th – early 20th century. *Eminak*. 3(47): 9-35. DOI: 10.33782/eminak2024.3(47).725
- Trygub, Degtyarev, 2023** – *Trygub, O., Degtyarev, S.* (2023). Teaching Staff of Maritime Educational Institutions of the Kherson Province (1834-1917). *Bylye Gody*, 18(4): 1748-1765. DOI: 10.13187/bg.2023.4.1748
- Trygub, Honchar, 2024** – *Trygub, O., Honchar, M.* (2024). Agricultural Educational Institutions of Steppe Tavriya of the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries. *Skhidnoievropeyskiy Istorychniy Visnyk [East European Historical Bulletin]*. 30: 34-49, DOI: 10.24919/2519-058X.30.299913
- Trygub, Stepanchuk, 2024** – *Trygub, O., Stepanchuk, Y.* (2024). Agricultural education in Podillia at early 20 century (on the example of a school in the village of Humenne). *Acta de Historia & Politica: Saeculum XXI*. 7: 7-24. DOI: 10.26693/ahpsxxi2024.07.007
- Trygub, 2023** – *Trygub, O.* (2023). Agricultural Training in Agricultural Educational Institutions of Kherson Hubernia in the Second Half of the 19th – early 20th century. *Eminak*. 3(43): 67-95. DOI: 10.33782/eminak2023.3(43).659
- Trygub et al., 2023a** – *Trygub, O., Degtyarev, S., Parkhomenko, V.* (2023). The Development of Vocational-Technical Education in the Ukrainian Governorates of the Russian Empire in the Late 18th and Early 20th Centuries. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 12(2): 678-691. DOI: 10.13187/ejced.2023.2.678
- Trygub et al., 2023b** – *Trygub, O., Degtyarev, S., Parkhomenko, V.* (2023). The Development of Vocational-Technical Education in the Ukrainian Governorates of the Russian Empire in the Late 18th and Early 20th Centuries. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 12(3): 1071-1081. DOI: 10.13187/ejced.2023.3.1071
- Ushinskiy, 1974** – *Ushinskiy, K.D.* (1974). Neobkhdimost' remeslennykh shkol v stolitsakh [The need for vocational schools in the capitals]. *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya*. T. 2. Moskva. Pp. 214-219. [in Russian]

- Veselovskiy, 1909** – *Veselovskiy B.B.* (1909). Istoriya zemstva za sorok let [History of the Zemstvo for Forty Years]. T. 2. Sankt-Peterburg: Izd-vo O.N. Popovoy. [in Russian]
- Vinogradov, 1908** – *Vinogradov, V.V.* (1908). Sovremennoye polozheniye morekhodnogo obrazovaniya v Imperii [Current Status of Maritime Education in the Empire]. Sankt-Peterburg: Tip. M.A. Aleksandrova. [in Russian]
- Vinogradov, 1912** – *Vinogradov, V.V.* (1912). Torgovo-morekhodnoye obrazovaniye v Rossii [Merchant and Maritime Education in Russia]. Sankt-Peterburg: Tip. V. Kirshbauma. [in Russian]
- Vladimirskiy, 1887** – *Vladimirskiy, S.A.* (1887). O sposobakh prepodavaniya slesarnogo remesla v nashikh tekhnicheskikh shkolakh (Soobshcheniye inzh.-mekh. S.A. Vladimirskego v zasedanii Politekhn. o-va 25 fevr. 1887 g.) [On Methods of Teaching Metalworking in Our Technical Schools (Message from Eng.-Mech. S.A. Vladimirskego at the Meeting of the Polytechnic Society on February 25, 1887)]. Moskva: Mosk. gor. tip. [in Russian]
- Vladimirskiy, 1890a** – *Vladimirskiy, S.A.* (1890). Ob obrazovatel'nom znachenii prakticheskikh zanyatiy v masterskikh tekhnicheskikh shkol [On the educational value of practical classes in the workshops of technical schools]. *Trudy s'yezda russkikh deyateley po tekhnicheskomu i professional'nomu obrazovaniyu v Rossii*. II-ye otdeleniye: sredniye i nizshiye tekhnicheskiye i remeslennyye uchebnyye zavedeniya. Sankt-Peterburg: Tipografiya Yu.N. Erlikh. Pp. 193-210. [in Russian]
- Vladimirskiy, 1890b** – *Vladimirskiy, S.A.* (1890). Metod obucheniya slesarnomu remeslu na tipichnykh detalyakh mashin [Method of teaching metalworking using typical machine parts]. *Trudy s'yezda russkikh deyateley po tekhnicheskomu i professional'nomu obrazovaniyu v Rossii*. II-ye otdeleniye: sredniye i nizshiye tekhnicheskiye i remeslennyye uchebnyye zavedeniya. Sankt-Peterburg: Tipografiya Yu.N. Erlikh. Pp. 210-218. [in Russian]
- Vladimirskiy, 1895** – *Vladimirskiy, S.A.* (1895). O parovykh kotlakh i parovykh mashinakh. Kurs prikladnoy mekhaniki 5-go klassa Slesarno-remeslennogo uchilishcha Obsch. R.T.Z. [On steam boilers and steam engines. Applied mechanics course for the 5th grade of the Metalworking and vocational school of the General R.T.Z.]. Sost. po zapiskam dir. uchilishcha inzh.-mekh. S.A. Vladimirskego. Moskva: T-vo skoropechatni A.A. Levenson. Ch. 2. [in Russian]
- Vladimirskiy, 1896** – *Vladimirskiy, S.A.* (1896). Zametki o sovremennom sostoyanii nizshikh professional'nykh shkol v Rossii [Notes on the current state of lower vocational schools in Russia]. B.m. [in Russian]
- Weynberg, 1857** – *Veynberg, A.* (1857). Neskol'ko slov o Khersonskom uchilishche torgovogo moreplavaniya [Few Words about the Kherson School of Merchant Shipping]. *Morskoy sbornik*. 6: 296-304. [in Russian]
- Yanzhul et al., 1896** – *Yanzhul, I.I., Chuprov, A.I., Yanzhul, Ye.N. i dr.* (1896). Ekonomicheskaya otsenka narodnogo obrazovaniya. Ocherki [Economic assessment of public education. Essays]. Sankt-Peterburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova. [in Russian]
- Yanzhul et al., 1899** – *Yanzhul, I.I., Chuprov, A.I., Yanzhul, Ye.N., Vakhterov, V.P. i dr.* (1899). Ekonomicheskaya otsenka narodnogo obrazovaniya. Ocherki [Economic assessment of public education. Essays]. Sankt-Peterburg: Tipografiya A. Benke. [in Russian]
- Yershov, 1904** – *Yershov, M.P.* (1904). Sovremennoye sostoyaniye remeslennykh uchebnykh zavedeniy po dannym III s'yezda (dekabr' 1903 – yanvar' 1904). Doklad tov. pred. III Sektsii M.P. Yershova [Current state of vocational schools according to the data of the III Congress (December 1903 – January 1904). Report of Comrade Chairman of the III Section M.P. Ershov]. Sankt-Peterburg: Tip. I.N. Skorokhodova. [in Russian]
- Zavadskiy, 1908** – *Zavadskiy, N.B.* (1908). K voprosu o reforme remeslennogo obrazovaniya [On the reform of vocational education]. *Tekhnicheskoye i kommercheskoye obrazovaniye*. 3: 36-49. [in Russian]
- Tekhnicheskoye..., 1895** – Tekhnicheskoye i professional'nyye uchebnyye zavedeniya g. Odessy [Technical and vocational educational institutions of the city of Odessa]. Odessa: Tipografiya A. Shul'tse, 1895. [in Russian]

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 321-332
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.321

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“The Sublime Porte was not Guided by any Specific Rules or Laws of Civilized War”: F.F. Martens on the Russian-Turkish War of 1877–1878 and Humanitarian Law

Nikolay Yu. Nikolaev ^{a,*}, Daria S. Iurchenko ^b

^aVolzhsky Politechnical Institute (branch) of Volgograd State Technical University, Russian Federation

^bVolgograd State Technical University, Russian Federation

Abstract

The article reveals the views of the famous Russian legal scholar and diplomat F.F. Martens on the war between Russia and Turkey in 1877–1878 and the observance by the belligerents of humanitarian law. Martens outlined his position primarily in the fundamental work «The Eastern War and the Brussels Conference. 1874–1878». In this work, he sought to analyze the political and legal aspects of the Russian-Turkish war of 1877–1878, as well as to substantiate the importance of observing the norms of humanitarian law. In addition, Martens sought to refute accusations against Russia of violating the laws and customs of war, which were codified at the Brussels Conference convened on her initiative in 1874.

Martens devoted a significant place in his work to the consideration of the nature of war. He considered conflicts between individuals and nations inevitable, but their forms and consequences should gradually change under the influence of social progress. Martens considered international law to be an effective means of resolving and preventing interstate clashes. In assessing the compliance of the belligerents with the laws and customs of war, Martens took the position of a harsh and categorical critic of Turkey, which constantly and purposefully violated the norms of humanitarian law, despite its participation in the Brussels Conference of 1874. The scientist explained this by the general low level of right-wing culture of both ordinary Turks and the Turkish elite. In turn, the Russian army and its government strictly followed the norms of humanitarian law during the war with Turkey, despite the actual refusal to comply with them on the part of the enemy.

Keywords: F.F. Martens, war, peace, pacificism, the Brussels Conference of 1874, the Russian-Turkish War of 1877–1878, international humanitarian law.

1. Введение

Федор Федорович (Фридрих Фромгольд) Мартенс (1845–1909) – выдающийся российский ученый последней трети XIX – начала XX вв., одна из самых значимых фигур в истории отечественного международного права. В некрологе на смерть Мартенса его младший современник, также видный юрист-международник Б.Э. Нольде, писал: «Он (Мартенс – Н.Н., Д.Ю.) сумел перенести к нам и передать сотням и тысячам молодых юристов все то, что ко времени расцвета его научной деятельности было сделано в этом отношении на Западе, и занял редкое, к сожалению, для русских ученых, место в передовых рядах европейской науки» (Нольде, 1909: 1450). Перу Мартенса принадлежал также ряд серьезных исторических исследований, посвященных преимущественно анализу российской внешней политики XVI–XIX вв. (Мартенс, 1896; Мартенс, 1891а; Мартенс, 1891б; Мартенс, 1882а).

Немалую известность Мартенс приобрел и на дипломатическом поприще, участвуя в организации и проведении ряда конференций, посвященных кодификации международного права

* Corresponding author

E-mail addresses: nikcam@mail.ru (N.Yu. Nikolaev), dariayurch01@mail.ru (D.S. Iurchenko)

(Демьяненко, Иваненко, 2020: 76-80). Так, важным профессиональным достижением он считал собственный вклад в создание Конвенции о законах и обычаях (сухопутной) войны. Данная Конвенция была разработана на Брюссельской конференции 1874 г. (во времена Мартенса для определения гуманитарного права использовалось понятие «законы и обычаи войны»). К сожалению, итоговый проект Конвенции так и не был принят, но ее положения стали важным этапом в развитии международного гуманитарного права, а позднее легли в основу ряда конвенций и деклараций Гаагской мирной конференции 1899 г.

На протяжении всей своей жизни ученый пристально следил за соблюдением в международных отношениях норм гуманитарного права и, прежде всего, в тех военных конфликтах, в которых участвовала Россия. Целью данного исследования является выявление отношения Мартенса к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и его оценок соблюдения воюющими сторонами норм гуманитарного права. Кроме того, важным сюжетом выступает раскрытие взглядов Мартенса на феномен войны и возможность достижения общего мира.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили научные работы Мартенса и, прежде всего, его фундаментальное исследование «Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.» (Мартенс, 1879).

К числу наиболее важных методов и приемов, которые использовались при написании данной статьи, относится историко-сравнительный (компаративный) метод. С его помощью авторы произвели сравнительный анализ воззрений Мартенса на соблюдение Россией и Турцией норм гуманитарного права в период войны 1877–1878 гг. Историко-системный метод был необходим для понимания целостности взглядов Мартенса на проблемы войны и мира.

3. Обсуждение

Значительные заслуги ученого в области кодификации международного права признавали еще его современники (Грибовский, 1896; Ельяшевич, 1911). Советская историография при свойственном ей критическом отношении к достижениям дореволюционных правоведов в то же время отмечала существенный вклад Мартенса в развитие науки международного права (Лесмент, 1975; Стародубцев, 1988). Общественный и научный интерес к его наследию стал особенно заметен в постсоветский период, когда были опубликованы многочисленные работы, посвященные различным аспектам жизни и деятельности Мартенса – его полемологическим воззрениям, вкладу в кодификацию международного права, дипломатической деятельности (Заботкин, 2008; Николаев, 2014; Пустогаров, 1999). Однако, несмотря на значительный исследовательский задел, отдельные сюжеты о научных интересах и практической деятельности талантливого ученого и видного государственного деятеля продолжают оставаться малоизученными. К примеру, до сих пор отсутствует комплексное исследование взглядов Мартенса на Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. в контексте соблюдения воюющими сторонами законов и обычаев войны.

4. Результаты

Участие в работе Брюссельской конференции 1874 г. стало первым серьезным вызовом для Мартенса и в качестве молодого ученого, и как начинающего дипломата. Причиной созыва конференции стали «кровавые ужасы» Франко-прусской войны 1870–1871 гг., которые убедительно показали необходимость гуманизации военных действий. Сам Мартенс писал, что эта война «самым наглядным образом доказала, до какой свирепости и жестокости могут доходить даже во второй половине XIX века народы, в разгар возбужденных войной страстей» (Мартенс, 1874: 183). Главной целью Брюссельской конференции стала регламентация прав воюющих сторон в отношении друг друга и частных (пассивных) лиц (Мартенс, 1879: 89). Мартенс был убежден, что посредством «кодификации международных военных законов и обычаев можно ограничить излишнее насилие в период войны, а также сохранить жизнь и имущество мирного населения, напрямую не вовлеченного в конфликт» (Мартенс, 1874: 188). На обсуждение участников конференции был вынесен разработанный им проект Конвенции, в котором были сформулированы основные нормы гуманитарного права (Мартенс, 1879: 1-18). В нем подробно регламентировались права и обязанности военнопленных; налагались определенные ограничения на нанесение вреда неприятелю (как по отношению к личности и собственности граждан, так и по отношению к памятникам истории, культуры и науки); тщательно оговаривались правила деятельности военных властей на завоеванной территории. Законы войны предполагалось распространить не только на армию, но и на ополчение и добровольческие отряды («некомбатантов»). Предложенный проект вызвал на заседаниях конференции самые горячие дискуссии (Мартенс, 1879: 125-128, 132-135, 137-139). В итоге, несмотря на все усилия российских представителей, Конвенция так и не была подписана (Мартенс, 1879: 19-34). На заключительном заседании конференции делегаты ограничились принятием формального протокола о важности проделанной работы и необходимости ее продолжения (Мартенс, 1879: 34-36). По «горячим следам» Мартенс оценивал итоги Брюссельской конференции достаточно высоко,

призывая европейские правительства ознакомить свои армии и вообще всех подданных с разработанными правилами ведения войны. Лишь при таком условии, по его мнению, вооруженное насилие будет поставлено «в известные пределы», а чинимые войной тяготы и бедствия «не будут превышать меру необходимого и неизбежного» (Мартенс, 1874: 230). Однако по прошествии времени результаты Брюссельской конференции Мартенс называл уже «полной неудачей» (Мартенс, 1900: 16). Отметим, что столь резкие оценки он высказывал, описывая итоги Гаагской мирной конференции 1899 г., работа которой была значительно результативнее в деле кодификации гуманитарного права.

Очевидно, что призывы Мартенса к практическому применению положений Конвенции о законах и обычаях войны не находили требуемого отклика в правительственных кругах. С целью донести до общественных деятелей и политиков важность имплементации норм гуманитарного права в ход вооруженных конфликтов во второй половине 1870-х гг. Мартенс написал ряд сочинений, самым значимым из которых стал труд «Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.». Эта работа интересна не только подробным изложением перипетий Брюссельской конференции, но и глубоким анализом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. с позиции соблюдения воюющими сторонами норм гуманитарного права. В данном труде были развиты многие предшествующие мысли и размышления ученого о природе войны, о международном праве, о характере кодификации гуманитарного права и пр. Современники по достоинству оценили это исследование, отдавая должное новизне темы и эрудированности автора. Вместе с тем отмечалось некритическое отношение Мартенса («сильная апология») к действиям правительства Российской империи и ее военачальников при резко отрицательных оценках политиков и армии Турции (Даневский, 1880: 10).

Сам Мартенс главную задачу своего сочинения определял как изложение «внутренней истории» Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он стремился выявить степень исполнения армиями двух стран ограничений бедствий войны, оценить прилагаемые ими усилия по сохранению жизней мирных жителей (Мартенс, 1879: 1, 142–143). Такая постановка проблемы позволяла автору глубже раскрыть феномен войны, а также объяснить необходимость повсеместного внедрения норм гуманитарного права. Кроме того, исследование имело вполне прикладную задачу (и здесь Мартенс проявлялся как дальновидный политик) – опровергнуть обвинения России в нарушении тех самых законов и обычаев войны, которые ее представители стремились конвенционализировать в 1874 г. Обвинения в нарушении норм гуманитарного права «посыпались» на русскую армию, как только она перешла турецкую границу. Помимо Порты, рассылавшей дипломатические ноты и телеграммы, которые выставляли Россию злостной нарушительницей законов и обычаев войны, ее обвиняло в этом английское правительство и европейская туркофильская печать (Мартенс, 1879: 305–306).

Первые страницы своего сочинения Мартенс посвятил подробному анализу природы межгосударственных столкновений. В этих рассуждениях в полной мере проявилась идейная антиномичность, характерная для умеренных противников войны. С одной стороны, Мартенс последовательно отстаивал идею пагубности войны для социально-экономического развития государств, ее архаичность как инструмента решения политических противоречий; с другой стороны, война для него – средство приобретения народами «условий физического существования..., их национальной чести и славы» (Мартенс, 1879: 1–2). В изложении ученого война представляла то «международной резней», которую следовало осуждать, то выступала источником творческой энергии, воплощением народного духа и поводом для национальной гордости (Мартенс, 1879: 2–3). «Всегда война разрушала то, что создано было миром, – писал он, – всегда война устраивала основы будущего мира, всегда в войне обнаруживалась жизненная сила народов, и определялось их положение на поприще мировых событий» (Мартенс, 1879: 4).

Вместе с тем критическое отношение к международным столкновениям и неприятие военного насилия не делали ученого сторонником «вечного мира». Более того, его установление он называл недоступной для человечества задачей, а категоричные заявления противников войны (И.Г. Гердера, Э. Жирардена) вызывали у Мартенса такое же отторжение, как и выступления ее апологетов (Ж. де Местр, П.-Ж. Прудон, фон Трейчке) (Мартенс, 1879: 6–19).

Залогом постепенного избавления человечества от войн в том виде, в каком они существовали прежде, ученый видел в науке международного права (Мартенс, 1871: 265–267). По его мнению, международное право, «наука будущности», должна была изменить характер войны, превратить его в политико-правовой акт, подчиненный определенным законам и процессуальным нормам. Он рассматривал войну по аналогии с гражданским правом как «тяжбу между народами» и развитие международного права оценивал как составную часть процесса ее правовой легитимизации (Мартенс, 1879: 24–31). Война неизбежна в мировой политике, признавал Мартенс, и вызвана объективными противоречиями между народами и государствами. Но непреложный закон провиденциальности военных конфликтов мог бы измениться вместе с перестройкой международных отношений. Развитие сотрудничества и рост взаимосвязей между государствами естественным образом уменьшали количество коллизий, вызывавших войны. Однако такой период пока не наступил и наступит нескоро, поэтому насущной задачей международного права, по мнению ученого, являлось

не устранение войн из человеческого общежития, но их гуманизация и упорядочивание посредством узаконивания (Мартенс, 1879: 31-43).

Думается, что взгляды Мартенса на войну можно определить как близкие к пацифизму (или умеренному пацифизму). Иными словами, при общем критическом отношении к войне он вполне допускал справедливые оборонительные, продиктованные национально-государственными интересами войны (Морданова, 2004). Мартенс признавал, что война является «крайним и опасным средством» разрешения межгосударственных противоречий. В то же время он утверждал, что военные действия вполне допустимы, если имели целью восстановление права или защиту мира. По его мнению, «всякая война только тогда будет правильна и согласна с условиями развития международной жизни, когда она удовлетворяет требованиям международного права» (Мартенс, 1869: 94-95).

Вину за начало Русско-турецкой войны Мартенс возлагал исключительно на Стамбул. Лишь нежелание Порты удовлетворить «справедливые желания восставших христиан» привело не только к расширению вооруженного выступления балканских славян, но и способствовало общему обострению восточного вопроса (Мартенс, 1879: 150). Свою роль сыграла и формально-безразличная реакция великих держав на турецкие бесчинства. Дипломатические меры, принимаемые европейскими политиками, были либо неэффективными, либо запоздалыми (Мартенс, 1879: 165-195). В этих условиях Россия была обязана взять на себя роль защитника балканских народов. Таким образом, Мартенс последовательно отстаивал идеи индуцированности войны для России, которая была вынуждена вмешаться, чтобы предотвратить зверства турецкой стороны и гибель невинных христиан (Мартенс, 1879: 201).

Общественный порядок, политическое устройство, а также общее культурное развитие народа прямо влияли на характер и методы ведения военных действий. К примеру, армия, воевавшая ради «высокой гуманной миссии», то есть ради освобождения «своих братьев от нестерпимого ига», априори не могла запятнать себя «зверствами и варварствами» (Мартенс, 1879: 43-44). Прозрачный намек Мартенса не оставлял сомнений: русские войска должны быть свободны от всяких обвинений и даже подозрений в нарушении норм гуманитарного права хотя бы в силу тех нравственных и культурных задач, которые ставила перед собой Россия, начиная войну с Турцией. Бинарный подход требовал не просто разделения противников, но и их цивилизационного противопоставления. В подобной оптике война со стороны России рассматривалась как оправданная, необходимая и, что важнее, законная. Уже в преамбуле своего сочинения Мартенс подчеркивал справедливость войны с варварской Турцией, чей политический порядок был основан «на диком произволе и неограниченных никакими законами насилиях» (Мартенс, 1879: II).

«Каждая война, – утверждал Мартенс, – есть выражение нравственного и умственного развития воюющих народов» (Мартенс, 1879: 43). Ориенталистское высокомерие автора оставляло Турцию вне нормативного поля гуманитарного права. Даже «высокообразованные» Франция и Пруссия в войне 1870-1871 гг. проявили «возмутительную жестокость». «Стоило ли, – риторически вопрошал ученый, – в таком случае ждать от турок, курдов и башибузуков соблюдения законов и обычаев войны?» Во время конфликта Турции и России имело место множество «самых возмутительных нарушений» норм гуманитарного права. Однако ответственность за несоблюдение правил ведения войны Мартенс возлагал исключительно на турецкую армию и ее командующих (Мартенс, 1879: 64).

Основной причиной игнорирования Турцией норм гуманитарного права, по мнению Мартенса, было даже не правовое невежество (которое, безусловно, наличествовало), а религиозно-культурные противоречия между воюющими сторонами. «Никогда турки, – утверждал он, – стоящие уже 400 лет военным лагерем в Европе, не сознавали своих обязанностей в отношении христианских народов, никогда их не связывали с христианским и цивилизованным миром ни общность, правосознания, ни одинаковое мировоззрение, ни общие культурные стремления» (Мартенс, 1879: 67). Более того, упрекая турок в несоблюдении законов войны, ученый одновременно сомневался в целесообразности привлечения их к процессу кодификации международного права. По мнению Мартенса, гуманизация войны должна проводиться лишь «образованными» народами, а не «хивинцами или китайцами» (Мартенс, 1879: 67-68). В то же время он признавал, что, несмотря на культурные несоответствия, Турция формально являлась «членом союза европейских цивилизованных государств». Кроме того, она подписала ряд международных соглашений, признанных гуманизировать вооруженные конфликты (например, Женевскую конвенцию о больных и раненых на войне 1864 г.). Следовательно, оценивать действия турецкой армии во время войны с Россией нужно было, исходя из действовавших для развитых стран правовых норм и правил (Мартенс, 1879: 67-68).

По мнению Мартенса, Порты, участвуя в процессе кодификации гуманитарного права (к примеру, представители Турции поддержали российский проект на Брюссельской конференции), совершенно ничего не делала для имплементации соответствующих норм в жизнь собственной армии. «Турецкие войска, – утверждал Мартенс, – не только не имели понятия о каких бы то ни было обычаях и законах войны, но они даже не знали, что существует какая-то конвенция, запрещающая стрелять по лазаретам и обеспечивающая неприкосновенность жизни раненых и больных воинов» (Мартенс, 1879: 234). Ученый высмеивал попытку Турции сформулировать свои собственные

исламские правила ведения войны. По его мнению, эти «святые законы» мало чем отличались от условного «международного права ирокезов», поедавших своих военнопленных. Однако подобный правовой водораздел являлся неизбежным и был связан с цивилизационными различиями Турции и христианских государств (Мартенс, 1879: 238). Отметим, что имагологические рассуждения Мартенса вполне вписывались в общий мейнстрим описаний турецкого общества и правительства, бытовавший в то время в отечественной литературе. Негативные зарисовки турецких порядков в формате «свой/чужой» преобладали даже в либеральной журналистике, а с весны 1877 г. отечественные публицисты четко и последовательно проводили линию на «максимальное очернение противника, окончательное «вымывание» из его образа человечности и моральных устоев» (Николаев, 2016: 112).

Уничижительные оценки Мартенсом уровня правовой культуры Турции, конечно, не являлись частным моментом, связанным лишь с Русско-турецкой войной. Ученый вообще скептически относился к идее распространения «пространства международного права» на т.н. нецивилизованные страны (в том числе и на Турцию). Он критиковал позицию известного швейцарского юриста И.К. Блончли, по мнению которого, область применения международного права – «весь мир, что оно совпадает с правом всего человечества» (Мартенс, 1882b: 179-182). Отметим также и антиисламские выпады Мартенса, для которого религиозный фанатизм турок выступал важным фактором, препятствовавшим гуманитарной политике (Мартенс, 1879: 346-352).

В то же время действия России в период войны описывались Мартенсом исключительно комплиментарно. По его мнению, русская армия соответствовала трем важнейшим условиям, гарантировавшим неизменное соблюдение законов войны – общее осознание пользы от следования нормам гуманитарного права, высокая степень образованности и культуры солдат и офицеров, строгое соблюдение воинской дисциплины (Мартенс, 1879: 299-300). Формальным подтверждением гуманного поведения русской армии стало появление ряда распоряжений и деклараций. Важнейшим из них являлся сенатский указ 12(24) мая 1877 г., который подробно разъяснял войскам «их права и обязанности», став первым актом подобного рода в новейшей европейской истории. Сходство этого документа с постановлениями Института международного права ученый считал не пустым заимствованием, а важным доказательством приверженности России международно-правовым принципам и ценностям (Мартенс, 1879: 241-242). Особое значение, по мнению Мартенса, имела 12-я статья сенатского указа, в которой говорилось о необходимости вести военные действия сообразно законам и обычаям войны, утвержденным на Брюссельской конференции 1874 г. (Мартенс, 1879: 268-275). В числе других важнейших документов, принятых российским правительством с целью гуманизации войны и ее последствий, Мартенс называл временное положение о военнопленных, разработанное специальной комиссией. По его мнению, итоговый проект положения вполне соответствовал «требованиям современной практики в этом вопросе» и получил закономерное одобрение Института международного права (Мартенс, 1879: 276-282).

В отличие от турецких военачальников, своими призывами разжигавших религиозный фанатизм, руководство российской армии неоднократно издавало приказы, в которых говорилось о том, что «русский солдат должен относиться с уважением к мирным обывателям неприятельской земли, к их вере и религиозны обрядам» (Мартенс, 1879: 282). Важной частью данных распоряжений Мартенс считал отсутствие в них какой-либо религиозной предвзятости и/или несправедливости (Мартенс, 1879: 286). Более того, ссылаясь на английских дипломатов и английские газеты (очевидно, намеренно), ученый утверждал, что действия русских войск по отношению к мирным жителям были столь гуманны и безупречны, что «подданные султана вздохнули свободно только под властью врага их отечества» (Мартенс, 1879: 288).

В своей работе Мартенс подробно разбирал исполнение воюющими сторонами отдельных норм гуманитарного права. К примеру, он подробно рассмотрел компетенцию и характер деятельности русской оккупационной власти – военной и гражданской (Мартенс, 1879: 312-317). Говоря о полномочиях гражданской администрации, которую возглавил В.А. Черкасский, Мартенс подчеркивал их полное соответствие постановлениям Брюссельской конференции (Мартенс, 1879: 326). Он критиковал лишь отдельные действия русской администрации, несправедливые не с точки зрения «буквы», но с позиции «духа» гуманитарного права. Так, по его мнению, следовало передать бежавшим от турецких зверств болгарам имущество местных турок (Мартенс, 1879: 326-329). Недостатки в деятельности русской гражданской администрации Мартенс связывал не с внутренними ее изъянами, а внешним фактором – вековым османским владычеством, укоренившейся неэффективной системой управления, перестройка которой являлась сложной и долговременной задачей (Мартенс, 1879: 335-336).

Апеллируя к 38-й и 39-й статьям брюссельской Конвенции, Мартенс доказывал необходимость сохранения жизни, чести, достоинства и имущества населения завоеванных территорий. И если поведение русской администрации ученый находил достойным и гуманным, то действия турецких войск по отношению к собственному населению вызывали у него неподдельное возмущение. В этом он видел юридическую коллизию Русско-турецкой войны, так как нормы гуманитарного права регулировали международные отношения, и, соответственно, действия армии на своей территории рассматривались как внутреннее дело (Мартенс, 1879: 345). Непостижимо чудовищно выглядели для

него действия турецких войск, которые совершали жестокие преступления против своих же соотечественников, рассматривая христианских жителей Болгарии как «заклятого врага». В результате местное население видело в русской армии не захватчиков, а спасителей, что, разумеется, не освобождало последних от соблюдения законов и обычаев войны.

В отличие от турецких войск и иррегулярных соединений, творивших страшные злодеяния против христианского населения в собственной стране, российская армия отличалась неукоснительным соблюдением норм гуманитарного права. Мартенс с негодованием отвергал «бесстыдные выдумывания» турецких политиков, обвинявших русское командование в целенаправленном истреблении местных мусульман. Своей задачей он считал необходимость доказать, что «гнусные поступки», приписываемые русским военным, были не только следствием «возбужденной войной фантазии», но и в еще большей степени – результатом «систематически и сознательно распространяемой лжи» (Мартенс, 1879: 356-360). Конечно, он допускал отдельные правовые эксцессы, вызванные невозможностью отследить действия всей массы военных. Однако подобные нарушения относились, прежде всего, к болгарам, которые «действительно неоднократно позволяли себе бесчинствовать в отношении турок» (Мартенс, 1879: 360-361).

Диалектический характер изложения требовал не только расчеловечить противника, но и параллельно всячески идеализировать собственную армию. Русские войска описывались Мартенсом «безупречными войнами», храбрыми и дисциплинированными, но при этом гуманными и сострадательными к побежденному противнику. Ссылаясь на иностранных корреспондентов (вновь преимущественно английских), он рисовал идеальную картину добросердечного отношения к мирному мусульманскому населению. В ней русский солдат не только делился хлебом с голодающими женщинами и детьми, но и охранял имущество беглецов-мусульман от желавших поживиться им болгар (Мартенс, 1879: 376-379). Местные жители, страдавшие от плохого управления и «хищнических грабежей», лишь под защитой русской армии находили «мир и процветание» (Мартенс, 1879: 381-382).

Отдельно Мартенс рассмотрел правомочность действий воюющих сторон на «поле сражения», использование ими конвенциональных боевых средств. Признавая необходимость нанесения неприятелю наибольшего ущерба, ученый одновременно призывал к необходимости его ограничения из-за гуманных соображений. Влияние культуры, военной дисциплины и христианской религии способствовало смягчению военных действий, а также признавало противозаконными использование отдельных средств и способов ведения войны (Мартенс, 1879: 401-405). В этом вопросе Мартенс вновь притивопоставлял русскую армию, неукоснительно следовавшую по пути гуманизации войны, турецким войскам, в которых жестокие преступления творились как регулярными частями, так и в еще большей степени иррегулярными соединениями (черкесами, курдами, башибузуками). Последние, по его мнению, представляли собой дикие, варварские племена, которые должны быть запрещены при ведении военных действий в Европе. При этом сравнение условных башибузуков с казаками Мартенс начисто отметал, так как казачьи соединения беспрекословно подчинялись вышестоящему командованию и строго следовали воинской дисциплине (Мартенс, 1879: 406-409).

Касаясь недопустимых средств ведения войны, ученый обвинял турецкую армию в использовании запрещенного Брюссельской декларацией ядовитого и/или отравленного оружия. Речь шла об отравлении колодцев с водой, которыми пользовались российские солдаты и местные жители (Мартенс, 1879: 411). Показательно, что эти сведения Мартенс почерпнул из донесения австро-венгерского консула, которому безоговорочно поверил. Однако содержащуюся там же информацию о расстреле ста турок по приговору военного суда он считал не заслуживающей доверия (Мартенс, 1879: 411-412).

Резкие слова ученый нашел и для действий турецкой стороны по отношению к положившим оружие и сдавшимся русским военным. Он приводил пример (ссылаясь на английского корреспондента) о расстреле большого количества добровольно сдавшихся русских солдат и казаков. Этот расстрел безнаказанно совершил отряд курдов (Мартенс, 1879: 415). Творимые турками зверства могли бы вызвать со стороны русской армии ответные действия, однако права турецких военнопленных, безусловно, соблюдались. В то же время, считал Мартенс, требовать педантичного исполнения законов войны, когда противная сторона их полностью игнорирует, было невозможно (Мартенс, 1879: 415).

Кроме того, Мартенс приводил свидетельства нарушений турецкими военными решений Санкт-Петербургской конференции 1868 г. (в которой Турция также участвовала) о запрете разрывных и зажигательных пуль массой меньше 400 граммов. В дальнейшем это положение было развито в Брюссельской Конвенции, запретившей использование оружия, снарядов и веществ, причинявших «напрасные физические страдания». Однако ученый сомневался в полной достоверности таких сведений, так как Турция зависела от экспорта пуль и винтовок, а основные ее оружейные импортеры (Англия и США) не смогли бы скрыть подобные поставки. Кроме того, личные расспросы Мартенса российских военных врачей показали отсутствие случаев использования разрывных пуль, оставлявших очень тяжелые ранения (Мартенс, 1879: 415). Тем не менее, в рассуждениях ученого, отвергавшего подобные обвинения, подспудно присутствовала мысль, что турецкая армия не

применяла запрещенные виды вооружений не из-за гуманизма, а потому, что не имела возможности их использовать. Разумеется, обвинения турецкой стороны в применении русскими моряками воспламеняющих веществ и торпед против турецких судов он считал надуманными, так как использование данного оружия не было запрещено (Мартенс, 1879: 416-420).

Законы и обычаи войны, по мнению Мартенса, должны были распространяться только на комбатантов, то есть на прямых участников военных действий в составе официальных вооруженных сил. Следовательно, на мирное население, которое взяло оружие и вело партизанские действия, нормы гуманитарного права не распространялись (Мартенс, 1879: 420-422). Во время войны с Турцией этот вопрос приобрел особую актуальность, так как русские войска встретили яростное сопротивление со стороны гражданского (мусульманского) населения, которое регулярно устраивало «вероломные нападения». В таких случаях военные поступали в полном соответствии с законами и обычаями войны, жестоко подавляя всякое сопротивление, что Мартенс полностью поддерживал (Мартенс, 1879: 437-438). В то же время, несмотря на законное право поступать в отношении иррегулярных турецких частей жестко и решительно, русская армия проявляла к ним человеколюбие, распространяя на них права комбатантов. В результате зейбеки (турецкие партизанские и милицейские отряды), башибузуки, черкесы и курды, совершавшие массовые преступления против мирного населения, попав в плен, пользовались «правами военнопленных, вместо того чтобы быть судимыми, как разбойники и преступники» (Мартенс, 1879: 440).

К совершенно законным и оправданным средствам ведения войны Мартенс относил осаду и бомбардировку вражеских укреплений. Согласно Брюссельской Конвенции, незащищенные поселения атаке и бомбардировке подвергаться не должны. Кроме того, об атаке даже укрепленный город необходимо было предупреждать заранее, следовало по возможности щадить расположенные в нем культурные, религиозные, научные, медицинские здания и ценности, а также не отдавать захваченный город на разграбление войскам (Мартенс, 1879: 447-450). В этом аспекте гуманитарного права Мартенс вновь видел исключительно турецкие нарушения. Он упоминал умышленные и неоднократные бомбардировки турецкой армией «беззащитных» российских городов – Сухуми-Кале, Поты, Феодосию, Анапу, Евпаторию. Наличие вооружений для их защиты, по мнению Мартенса, весьма незначительных, не служило оправданием антигуманных действий турок (Мартенс, 1879: 453). В свою очередь, в случае бомбардировок русской армией турецких укреплений ее командование делало все от него зависевшее для защиты мирных обывателей (Мартенс, 1879: 455-458). Отдельно ученый подчеркивал отсутствие каких-либо сведений о разграблении взятых турецких поселений. В качестве комичного исключения он приводил пример быстро пресеченных «безобразий» казаков, мазавших сапоги трофейным розовым маслом при взятии города Казанлык (Мартенс, 1879: 458-459).

Тема военного шпионажа также не осталась без внимания Мартенса. Предшествовавшая военно-юридическая практика предполагала для пойманных лазутчиков однозначный смертный приговор по причине «громкого вреда», который приносила их деятельность на войне. В то же время Брюссельская Конвенция (21-я ст.) обязывала шпиона, пойманного на месте преступления, предавать суду и наказывать на «основании военных законов, действующих в государстве, взявшем его в плен» (Мартенс, 1879: 462). Турецкие военачальники, считал ученый, и в этом случае руководствовались не правилами «цивилизованной войны», а своими «азиатскими понятиями», обвиняя в шпионаже и подвергая смертной казни тех, кто по всем признакам шпионом не являлся (например, доставлял письма в русские воинские части). При этом никаких судебных процедур турки не проводили, что было прямым нарушением соответствующей статьи Брюссельской Конвенции. В каждом местном христианине турецкие солдаты видели потенциального лазутчика и соглядатая, жестоко расправляясь с невинными жертвами необоснованных подозрений (Мартенс, 1879: 464). В свою очередь, с пойманными турецкими шпионами российские военные поступали согласно нормам гуманитарного права, то есть судили их «русскими военно-уголовными законами» (Мартенс, 1879: 465).

Еще более предосудительными казались Мартенсу действия турецкой армии в отношении парламентарского флага, статус которого определялся и защищался 43-й, 44-й и 45-й статьями Брюссельской Конвенции (Мартенс, 1879: 467). Со стороны русской армии он называл лишь одно незначительное нарушение статуса турецкого парламентаря (при осаде Карса). В то же время случаи нарушения турецкой стороной прав русских парламентаров были не в пример более жестокими и циничными. При этом ученый отвергал идею перекладывания вины за военные преступления с регулярной турецкой армии на ее иррегулярные части (башибузуков, курдов и черкесов). По его мнению, многие нарушения турецкой армией прав и обычаев войны происходили при попустительстве или даже прямом участии ее строевых командиров (Мартенс, 1879: 468-476).

Подводя итог анализу использованных в войне различных средств, Мартенс был демонстративно категоричен: «если русская армия всегда старалась в своих действиях сообразоваться с требованиями современных обычаев войны, то, наоборот, турецкие войска постоянно выказывали полнейшее презрение ко всем законам войны и к требованиям человеколюбия» (Мартенс, 1879: 479). В связи с этим он поднимал вопрос о репрессалиях как инструменте принуждения к выполнению норм гуманитарного права и наказания за их несоблюдение. По мнению ученого, действия турецкой стороны давали русским властям множество поводов для применения репрессалий. Часть российской

общественности, возмущенная злодеяниями Турции, требовала применения этого принудительного средства в отношении турецких военнопленных. Однако подобные действия, считал Мартенс, унизили бы «нравственное достоинство русских войск» и, кроме того, были бы совершенно бесполезны, учитывая уровень культуры и правосознания турецкой армии и ее иррегулярных частей (Мартенс, 1879: 481-490).

Отдельно Мартенс рассматривал отношение к раненым, больным и военнопленным во время Русско-турецкой войны и его соответствие нормам Женевской Конвенции 1864 г. На момент начала конфликта данная Конвенция являлась «единственно обязательным международным законом для определения судьбы раненых и больных воинов во время международных войн» (Мартенс, 1879: 497). Ученый призывал дополнить содержание Женевской Конвенции, распространив ее положения на морские сражения, но главное – обеспечить тщательное и добросовестное ее исполнение (Мартенс, 1879: 501). Очевидно, что народом, не способным «понять высокогуманной цели Женевской Конвенции», по мнению Мартенса, были мусульманские подданные Османской империи. Он упрекал не только войска, но и турецких политиков в незнании на них обязанностей по защите раненых и больных. В результате власти Турции относились к исполнению норм подписанной ими же Женевской Конвенции с «неслыханным легкомыслием и невероятной небрежностью», а ее регулярные и иррегулярные войска совершали «зверские истязания» над русскими ранеными и больными (Мартенс, 1879: 503). Описанные Мартенсом примеры жестоких расправ над ранеными русскими военными заставляли читателя смотреть на Турцию не просто как на нарушителя законов и обычаев войны, а как на «антицивилизацию», где чудовищные преступления совершались повсеместно и всеми – от рядовых солдат до высших офицеров (Мартенс, 1879: 520-525).

На фоне неприглядных действий Порты Россия и ее армия выглядели образцом для подражания, наглядным примером нравственного и правомерного поведения военных. Русское правительство с начала конфликта твердо и решительно объявило о своем намерении неукоснительно исполнять правила Женевской Конвенции. Турецкая сторона в качестве отличительного санитарного знака приняла Красный полумесяц, о чем незамедлительно было сообщено войскам (Мартенс, 1879: 507-508). Любые обвинения России в ненадлежащем исполнении Женевской Конвенции Мартенс отвергал как ложные (Мартенс, 1879: 511-518). «Везде, на поле сражения и в качестве госпитального служителя, – писал Мартенс, – русский солдат обнаруживал столько нравственной доблести, возвышенности характера и невероятной доброты, что, воистину, нельзя смотреть на него иначе, как с чувством глубочайшего уважения и справедливой гордости» (Мартенс, 1879: 527).

Правовой статус военнопленных регулировали одиннадцать статей Брюссельской Конвенции (с 23-й по 34-ю) (Мартенс, 1879: 534). По подсчетам Мартенса, в турецком плену в общей сложности побывало около 600 человек, включая сочувствующих России абхазов, армян и персов (Мартенс, 1879: 542). Однако обращение даже с таким небольшим количеством военнопленных происходило с постоянным нарушением норм гуманитарного права. Турки смотрели на захваченных в плен как на простых уголовников и обращались с ними соответствующим образом. «Следовательно, – констатировал ученый, – и в вопросе о военнопленных Турция показала себя азиатской державой, которая не в состоянии понять обычаи и законы войны, принятые цивилизованными и христианскими народами» (Мартенс, 1879: 543).

Совершенно иным было отношение к пленным туркам, которые пользовались большой свободой и содержались в хороших условиях (Мартенс, 1879: 547-549). Общая численность взятых в плен и прошедших через общие сборные пункты турецких военнопленных, по оценкам ученого, составляла 70 654 человека. Кроме того, часть пленных была передана румынской армии, часть – отпущена по домам. Также «громадное число пленных» погибло от холода и болезней, не перейдя русскую границу (Мартенс, 1879: 549-550). Показательно, что, отмечая массовую гибель турецких военнопленных, Мартенс данный факт никак не комментировал. Вместо этого он гневно отвергал нападки европейских политиков и общественных деятелей на якобы жестокое обращение русских властей с пленными турками (Мартенс, 1879: 551-553). По мнению ученого, турецкие военные не просто были довольны условиями своего содержания в плену, но по возвращении на родину в многочисленных письмах благодарили российские власти за доброту и радушие. «Возвратившиеся в Турцию военнопленные, – писал он, – до такой степени были очарованы гостеприимством и гуманностью обращения с ними в России, что не могли нахвалиться на родине о русском народе» (Мартенс, 1879: 556).

Помимо труда «Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.», проблему соблюдения норм международного права в период восточного кризиса и Русско-турецкой войны Мартенс анализировал и в других своих работах. Так, в известном учебнике по международному праву (впоследствии неоднократно переизданном и переведенном на основные европейские языки) он отмечал различные меры, которые принимались российским правительством с целью гуманизации военных действий. Справедливости ради отметим, что большинство ссылок при этом ученый делал на свой труд «Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.» (Мартенс, 1883: 470-472, 482, 488).

5. Заключение

В качестве выводов отметим, что оценки Мартенсом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. необходимо рассматривать в контексте его взглядов на феномен войны и общую роль международного права. Саму войну ученый рассматривал как неизбежное зло, а международное право – сдерживающим его элементом, который в перспективе мог стать эффективным средством постепенного вытеснения межгосударственных конфликтов из человеческого общежития. Важнейшим механизмом смягчения негативных последствий войны Мартенс считал активное применение в ее ходе норм гуманитарного права. Однако к началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. общепринятого и обязательного свода правил, регулировавших различные аспекты военных действий, не существовало. Несколько конференций по кодификации гуманитарного права (Женевская 1864 г., Санкт-Петербургская 1868 г.) закончились подписанием полезных, но явно недостаточных деклараций по гуманизации войны. На Брюссельской конференции 1874 г. была разработана Конвенция законов и обычаев войны, положения которой при всей их важности носили лишь рекомендательный характер. Тем не менее именно анализ соблюдения воевавшими сторонами норм и правил брюссельской Конвенции стал основной исследовательской задачей монументального труда Мартенса «Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.».

В этой работе он подробно рассмотрел применение важнейших норм гуманитарного права накануне и в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Выводы Мартенса были категоричны: в прошедшем конфликте единственной стороной, соблюдавшей нормы, законы и обычаи войны, была Россия. Отдельные эксцессы, происходившие в русской армии, ученый списывал либо на несовершенство законодательства, либо объяснял их ожесточением местных христиан, наконец-то получивших возможность свести счеты с вековым угнетателем. Вместе с тем правительство и войска Турции он рисовал самыми «черными красками», отказывая им не только в недостаточном соблюдении норм гуманитарного права, но и в минимальном его применении.

Композиционно система доказательств и утверждений Мартенса строилась по следующей схеме: история вопроса (с примерами, как правило, из войн XIX в.), перечисление нарушений/преступлений турецкой стороны, на негативном фоне которых шло выигрышное описание законных и справедливых действий русской армии. В то же время укажем, что очевидно огульные и неправдоподобные обвинения в адрес Турции Мартенс отвергал или называл недостаточно доказуемыми (к примеру, использование турецкой армией разрывных пуль). Однако даже в данном случае соблюдение Турцией гуманистических начал было вынужденным, а не вызванным искренним желанием им следовать. Аргументация Мартенса в значительной степени опиралась на сведения представителей нейтральных стран (журналистов, дипломатов, военных), среди которых преобладали представители Великобритании. Мнения сторонних наблюдателей при этом оценивались с точки зрения их соответствия позиции автора, в случае расхождения с ней они сразу объявлялись предвзятыми и туркофильскими.

Несмотря на очевидные достоинства труда «Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.», нельзя не отметить пристрастность автора, на которую обращали внимание еще его современники. Черно-белое изображение действий русских и турецких войск расчеловечивало последних, превращало их описание в редуцированный и тенденциозный рассказ о безжалостной и изуверской Орде. В подобной оптике и сама Турция, и ее институты виделись не случайными, а злонамеренными нарушителями законов и обычаев войны. Дикость и варварство турок требовали вывести их за пределы «культурных наций». Под пером Мартенса Турция выглядела государством не просто глубоко архаичным и не способным усвоить западные ценности, а последовательно и целенаправленно враждебным европейской, а в широком смысле и христианской, цивилизации.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01272, <https://rscf.ru/project/23-28-01272/>

Литература

- Грибовский, 1896** – Грибовский В.М. Юбилей профессора Ф.Ф. Мартенса // *Журнал Юридического общества при императорском Санкт-Петербургском университете*. 1896. Кн. 2. С. 41-45.
- Даневский, 1880** – Даневский В.Ф. Мартенс. Восточная война и Брюссельская конференция. СПб., 1879 // *Критическое обозрение*. 1880. № 1. С. 10-27.
- Демьяненко, Иваненко, 2020** – Демьяненко И.В., Иваненко В.С. Вехи истории жизни и заслуг Ф.Ф. Мартенса – выдающегося дипломата и юриста-международника // *Международная жизнь*. 2020. № 2. С. 70-87.
- Ельяшевич, 1911** – Ельяшевич Ф.О. [Из иностранных журналов] // *Журнал Министерства Юстиции*. 1911. № 2. С. 330-332.

- Заботкин, 2008** – Заботкин А.С. Вклад Ф.Ф. Мартенса в выработку текста Брюссельской декларации 1874 г. / *Актуальные проблемы современного международного права. Материалы межвузовской научно-практической конференции*. Москва, 20-21 апреля 2007 г. Москва, 2008. С. 118-122.
- Лесмент, 1975** – Лесмент Л.Я. Новые сведения из жизни Ф.Ф. Мартенса // *Советское право: Юридический бюллетень*. Таллин, 1975. № 5. С. 358-360.
- Мартенс, 1869** – Мартенс Ф.Ф. О праве частной собственности во время войны. Санкт-Петербург, 1869. 455 с.
- Мартенс, 1871** – Мартенс Ф.Ф. О задачах современного международного права // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1871. № 6. С. 251-268.
- Мартенс, 1874** – Мартенс Ф.Ф. Брюссельская международная конференция 1874 г. // *Сборник государственных знаний*. Санкт-Петербург, 1874. Т. 1. С. 181-232.
- Мартенс, 1879** – Мартенс Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. 1874-1878 гг. Санкт-Петербург, 1879. VIII, 596, 46 с.
- Мартенс, 1882a** – Мартенс Ф.Ф. Россия и Пруссия при Екатерине II. Из истории наших международных отношений // *Вестник Европы*. 1882. № 5. С. 226-268.
- Мартенс, 1882b** – Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Санкт-Петербург, Т. 1. 1882. 418 с.
- Мартенс, 1883** – Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Санкт-Петербург, 1883. Т. 2. 586 с.
- Мартенс, 1891a** – Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в продолжение XVI и XVII веков // *Русская мысль*. 1891. № 1. С. 38-54.
- Мартенс, 1891b** – Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в продолжение XVI и XVII веков // *Русская мысль*. 1891. № 2. С. 1-36.
- Мартенс, 1896** – Мартенс Ф.Ф. Император Николай I и королева Виктория. Исторический очерк // *Вестник Европы*. 1896. № 11. С. 74-130.
- Мартенс, 1900** – Мартенс Ф.Ф. Гагская конференция мира. Культурно-исторический очерк // *Вестник Европы*. 1900. № 3. С. 5-28.
- Морданова, 2004** – Морданова А.Р. Теоретическое осмысление пацифизма и пацифицизма / *Социологические институты: ретроспекции и реальность: Материалы VII межвузовской региональной межвузовской конференции (Омск, 15 ноября 2003 г.)*. Омск, 2004. С. 36-42.
- Николаев, 2014** – Николаев Н.Ю. Ф.Ф. Мартенс о войне и мире // *История государства и права*. 2014. № 7. С. 9-12.
- Николаев, 2016** – Николаев Н.Ю. «Заклятые враги европейской культуры и человеческой равноправности» – образ Османской империи в период Восточного кризиса и русско-турецкой войны (1875-1878 гг.) на страницах журнала «Вестник Европы» / *Региональный нарратив имперской провинции: современные методологические подходы и исследовательские практики: сборник научных статей*. Ставрополь, 2016. С. 109-113.
- Нольде, 1909** – Нольде Б.Э. Ф.Ф. Мартенс (Некролог) // *Право. Еженедельная юридическая газета*. 1909. № 24 (14 июня). Стб. 1449-1452.
- Пустогаров, 1999** – Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат. Москва, 1999. 286 с.
- Стародубцев, 1988** – Стародубцев Г.С. Вклад Ф.Ф. Мартенса в кодификацию международных правил, применяемых в вооруженных конфликтах // *Советское государство и право*. Москва, 1988. № 7. С. 107-110.

References

- Danevskii, 1880** – Danevskii, V.F. (1880). Martens. Vostochnaya voina i Bryussel'skaya konferentsiya. SPb., 1879 [Martens. The Eastern War and the Brussels Conference. St. Petersburg, 1879]. *Kriticheskoe obozrenie*. 1: 10-27. [in Russian]
- Dem'yanenko, Ivanenko, 2020** – Dem'yanenko, I.V., Ivanenko, V.C. (2020). Vekhi istorii zhizni i zaslug F.F. Martensa – vydayushchegosya diplomata i yurista-mezhdunarodnika [Milestones in the history of the life and merits of F.F. Martens, an outstanding diplomat and international lawyer]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2: 70-87. [in Russian]
- El'yashevich, 1911** – El'yashevich, F.O. (1911). [Iz inostrannykh zhurnalov] [From foreign magazines]. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*. 2: 330-332. [in Russian]
- Gribovskii, 1896** – Gribovskii, V.M. (1896). Yubilei professora F.F. Martensa [Anniversary of Professor F.F. Martens]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*. Kn. 2. Pp. 41-45. [in Russian]
- Lesment, 1975** – Lesment, L.Ya. (1975). Novye svedeniya iz zhizni F.F. Martensa [New information from the life of F.F. Martens]. *Sovetskoe pravo: Yuridicheskii byulleten'*. Tallin. 5: 358-360. [in Russian]
- Martens, 1869** – Martens, F.F. (1869). O prave chastnoi sobstvennosti vo vremya voyny [On the right of private property during the war]. Sankt-Peterburg, 455 p. [in Russian]

Martens, 1871 – *Martens, F.F.* (1871). O zadachakh sovremennogo mezhdunarodnogo prava [On the tasks of modern international law]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6: 251-268. [in Russian]

Martens, 1874 – *Martens, F.F.* (1874). Bryussel'skaya mezhdunarodnaya konferentsiya 1874 g. [The Brussels International Conference of 1874]. *Sbornik gosudarstvennykh znaniy*. Sankt-Peterburg, 1874. T. 1. Pp. 181-232. [in Russian]

Martens, 1879 – *Martens, F.F.* (1879). Vostochnaya voyna i Bryussel'skaya konferentsiya. 1874-1878 gg. [The Eastern War and the Brussels Conference. 1874-1878]. Sankt-Peterburg. VIII, 596, 46 p. [in Russian]

Martens, 1882a – *Martens, F.F.* (1882). Rossiya i Prussiya pri Ekaterine II. Iz istorii nashikh mezhdunarodnykh otnoshenii [Russia and Prussia under Catherine II. From the history of our international relations]. *Vestnik Evropy*. 5: 226-268. [in Russian]

Martens, 1882b – *Martens, F.F.* (1882). Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov [Modern international law of civilized peoples]. Sankt-Peterburg, 1882. T. 1. 418 p. [in Russian]

Martens, 1883 – *Martens, F.F.* (1883). Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov [Modern international law of civilized peoples]. Sankt-Peterburg. T. 2. 586 p. [in Russian]

Martens, 1891a – *Martens, F.F.* (1891). Rossiya i Angliya v prodolzhenie XVI i XVII vekov [Russia and England during the XVI and XVII centuries]. *Russkaya mysl'*. 1: 38-54. [in Russian]

Martens, 1891b – *Martens, F.F.* (1891). Rossiya i Angliya v prodolzhenie XVI i XVII vekov [Russia and England during the XVI and XVII centuries] *Russkaya mysl'*. 1891. № 2. S. 1-36. [in Russian]

Martens, 1896 – *Martens, F.F.* (1896). Imperator Nikolai I i koroleva Viktoriya. Istoricheskii ocherk [Emperor Nicholas I and Queen Victoria. Historical essay]. *Vestnik Evropy*. 11: 74-130. [in Russian]

Martens, 1900 – *Martens, F.F.* (1900). Gaagskaya konferentsiya mira. Kul'turno-istoricheskii ocherk [The Hague Peace Conference. Cultural and historical essay]. *Vestnik Evropy*. 3: 5-28. [in Russian]

Mordanova, 2004 – *Mordanova, A.R.* (2004). Teoreticheskoe osmyslenie patsifizma i patsifitsizma [Theoretical understanding of pacifism and pacificism]. *Sotsiologicheskie instituty: retrospektiv i real'nost': Materialy VII mezhdunarodnoi regional'noi mezhdunarodnoi konferentsii (Omsk, 15 noyabrya 2003 g.)*. Omsk. Pp. 36-42. [in Russian]

Nikolaev, 2014 – *Nikolaev, N.Yu.* (2014). F.F. Martens o voine i mire [F.F. Martens on war and peace]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 7: 9-12. [in Russian]

Nikolaev, 2016 – *Nikolaev, N.Yu.* (2016). «Zaklyatye vragi evropeiskoi kul'tury i chelovecheskoi ravnopravnosti» – obraz Osmanskoi imperii v period Vostochnogo krizisa i russko-turetskoi voyny (1875-1878 gg.) na stranitsakh zhurnala «Vestnik Evropy» [«Sworn enemies of European culture and human equality» – the image of the Ottoman Empire during the Eastern crisis and the Russian-Turkish War (1875-1878) on the pages of the journal «Bulletin of Europe»]. *Regional'nyi narrativ imperskoi provintsii: sovremennye metodologicheskie podkhody i issledovatel'skie praktiki: sbornik nauchnykh statei*. Stavropol'. Pp. 109-113. [in Russian]

Nol'de, 1909 – *Nol'de, B.E.* (1909). F.F. Martens (Nekrolog) [Martens (Obituary)]. *Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta*. 24 (14 iyunya). Stb. 1449-1452. [in Russian]

Pustogarov, 1999 – *Pustogarov, V.V.* (1999). F.F. Martens – yurist, diplomat [F.F. Martens – lawyer, diplomat]. Moskva, 286 p. [in Russian]

Starodubtsev, 1988 – *Starodubtsev, G.S.* (1988). Vklad F.F. Martensa v kodifikatsiyu mezhdunarodnykh pravil, primenyaemykh v vooruzhennykh konfliktakh [F.F. Martens' contribution to the codification of international rules applied in armed conflicts]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. Moskva. 7: 107-110. [in Russian]

Zabotkin, 2008 – *Zabotkin, A.S.* (2008). Vklad F.F. Martensa v vyrabotku teksta Bryussel'skoi deklaratsii 1874 g. [F.F. Martens' contribution to the elaboration of the text of the Brussels Declaration of 1874]. *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moskva, 20-21 aprelya 2007 g. Moskva. Pp. 118-122. [in Russian]

«Порта никакими определенными правилами или законами цивилизованной войны не руководствовалась»: Ф.Ф. Мартенс о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и гуманитарном праве

Николай Юрьевич Николаев ^{a, *}, Дарья Степановна Юрченко ^b

^a Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный технический университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nikcam@mail.ru (Н.Ю. Николаев), dariayurch01@mail.ru (Д.С. Юрченко)

Аннотация. В статье выявлены взгляды известного российского ученого-правоведа и дипломата Ф.Ф. Мартенса на Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и соблюдение воюющими сторонами норм гуманитарного права. Свою позицию Мартенс изложил в фундаментальном труде «Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.». В данной работе он стремился проанализировать политико-правовые аспекты Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а также обосновать важность соблюдения норм гуманитарного права. Кроме того, Мартенс стремился опровергнуть обвинения в адрес России в нарушении законов и обычаев войны, которые были кодифицированы на созванной по ее инициативе Брюссельской конференции 1874 г.

Значительное место в своем труде Мартенс уделил рассмотрению природы войны. Конфликты между отдельными людьми и народами он считал неизбежными, но их формы и последствия должны постепенно изменяться под влиянием социального прогресса. Эффективным средством разрешения и предупреждения межгосударственных столкновений Мартенс считал международное право. В оценке соблюдения воюющими сторонами законов и обычаев войны Мартенс занимал позицию жесткого и категоричного критика Турции, которая постоянно и целенаправленно нарушала нормы гуманитарного права, несмотря на свое участие в Брюссельской конференции 1874 г. Ученый объяснял это общим низким уровнем правовой культуры как простых турок, так и турецкой элиты. В свою очередь, армия России в период войны с Турцией строго следовала нормам гуманитарного права, несмотря на фактический отказ со стороны противника соблюдать их.

Ключевые слова: Ф.Ф. Мартенс, война, мир, пацифизм, Брюссельская конференция 1874 г., Русско-турецкая война 1877–1878 гг., международное гуманитарное право.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 333-345
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.333

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Features of the Development and Productive Indicators of Animal Husbandry of Large Landed Estates of the Tambov Province in the late XIX – early XX centuries

Ruslan M. Zhitin ^{a, *}, Alexey G. Topilsky ^a, Maxim A. Oblitsov ^a

^a Derzhavin Tambov State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the development of animal husbandry on the territory of large landlords of Tambov province in the late XIX – early XX century. In addition to the obvious economic changes associated with the growth of livestock and an increase in the productivity of owner-owned livestock, the rationalization of this industry contributed to the general rise of rural production, increased its stability during the years of the global agrarian crisis. Specific aspects of the development of large livestock estates in pre-revolutionary Russia have not yet been the subject of study, however, consideration of this topic allows us to supplement the historiographical characteristics of latifundial economies, to more fully analyze the problem of rationalization of private estates in the late XIX – early XX centuries. The first attempts at a comprehensive study of the parameters of animal husbandry of large estates date back to the second half of the XIX century. At the same time, a significant amount of source data, general statistical notes on animal husbandry of a number of estates were contained in zemstvo collections, which have not lost their significance so far. Many Tambov owners started extensive pedigreed herds of Russian and foreign cattle. By 1914, there were 119 sheep and 169 pig breeding farms in Russia, 483 estates bred productive cattle, 293 specialized in the production and sale of valuable horses. Thus, in the post-reform period, Tambov landlords significantly increased the qualitative and quantitative indicators of the development of the livestock industry in the region. Sheep breeding, pig breeding, horse breeding, and cattle breeding developed significantly. At the same time, landowners have made improvements in the field of their breeding, maintenance and feeding. Industrial processing of livestock products became a separate direction, which was most fully expressed in the creation of separate milk processing. The increased indicators of cattle breeding increased the overall progress of the owners' agriculture, contributed to the growth of their income from the sale of meat and dairy products and live cattle.

Keywords: Russian Empire, Tambov province, animal husbandry, large land ownership, landowners.

1. Введение

Модернизация хозяйственной деятельности крупных имений России пореформенного времени затронула все отрасли помещичьей экономики. Не стало исключением и животноводство. Помимо очевидных экономических перемен, связанных с ростом поголовья и увеличением продуктивности владельческого скота, рационализация данной отрасли способствовала общему подъему сельского производства, повышала его устойчивость в годы мирового аграрного кризиса. Речь идет о росте обеспеченности имений тягловой силой, о повышении запасов навозного удобрения в сфере полеводства, о создании отдельных отраслей переработки молочной и мясной продукции. Конкретные аспекты развития крупных животноводческих поместий дореволюционной России еще не стали предметом изучения, тем не менее рассмотрение данной темы позволяет дополнить

* Corresponding author

E-mail addresses: istoriko8@mail.ru (R.M. Zhitin), a-topil@yandex.ru (A.G. Topilsky), Mr.MaximOblitsov@mail.ru (M.A. Oblitsov)

историографические характеристики латифундиальных экономий, полнее проанализировать проблему рационализации частных имений в конце XIX – начале XX вв.

2. Материалы и методы

В качестве основных источников в работе были использованы материалы земского статистического обследования сельского хозяйства Тамбовской губернии, выполненные в 1880-х гг. (*Сборник..., 1880–1900*). Сборники дают обширный материал о методах рационализации скотоводческих экономий (*Воронков, 1911*). Одновременно авторами изучались отдельные описания рациональных поместий края, а также обобщающие сведения по образцовым владениям Тамбовской губернии. Ценные архивные материалы содержат фонды Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация) и Государственного архива Тамбовской области (Тамбов, Российская Федерация).

В качестве методов исследования выступили принципы объективности и историзма. Принцип объективности позволил непредвзято оценить динамику помещичьего животноводства, показать как отрицательные, так и положительные моменты ее развития. Принцип историзма дал возможность проанализировать отрасль в динамике исторического процесса и общего развития дореволюционных имений России. Кроме того, с помощью сравнительного и проблемно-хронологического методов удалось осуществить сравнение показателей крупнейших животноводческих имений страны.

3. Обсуждение

Первые попытки комплексного изучения параметров животноводства крупных имений относятся ко второй половине XIX века. Главным центром исследований стало Ветеринарное отделение Медицинского департамента МВД, которое было создано в 1868 г. (в 1897 г. было преобразовано в Ветеринарное управление) (*Пономарев, 1888: 326*). Организация подсчитывала имеющееся поголовье, анализировала хозяйственный опыт помещиков. Ее наработки в дальнейшем активно использовались в ряде специальных профильных аграрных организаций, в том числе в Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России (комиссия работала с 21 ноября 1872 г. до 28 апреля 1873) (*Россия..., 1873: 2*).

Важную роль в изучении отечественного животноводства сыграло обследование овцеводческих хозяйств отдельных губерний Европейской России, организованное рабочей группой под руководством С. Ермолова. В 1882–1886 гг. материалы этого обследования были опубликованы в семи томах. (*Исследование..., 1885: 11*). К этому же времени относится специальное изучение крупного рогатого скота, контролируемого Департаментом земледелия. По итогам работы было выпущено 4 тома, давших исчерпывающее представление о количестве и породах владельческих коров (в том числе и в Тамбовской губернии) (*Исследование..., 1884*).

Работы по изучению отдельных отраслей животноводства в начале 1880-х гг. проводило Московское общество улучшения скотоводства в России, однако все его наработки по данной теме утеряны (*Верещагин, 1870: 62*). Тогда же возникла идея сбора сведений о скотоводстве через добровольных корреспондентов. И хотя качество этих данных оставляло желать лучшего, добровольцы смогли обобщить огромный фактический материал (*1882 год..., 1883*). Полученные анкеты позволили правительству опубликовать ряд важных статистических изданий (*Вильсон, 1869; Военно-статистический..., 1871; Историко-статистический..., 1883*).

Важный материал по изучению крестьянского и помещичьего животноводства обобщило российское земство. В конце XIX – начале XX вв. земские органы большинства губерний в той или иной мере занимались обследованием скотоводства своих регионов. Данные наработки были опубликованы в сборниках статистических сведений регионов (*Григорьев, 1926*), подворных переписях (*Свавицкий, 1961*), крестьянских бюджетах (*Чаянов, 1929*). Комплексную работу по данному направлению проводило и тамбовское земство, в конце XIX века обобщившее материал по помещичьему животноводству 12-ти уездов края (*Сборник..., 1880–1900*).

В начале XX века обследование российских животноводческих имений продолжилось. Часть материалов была опубликована в «Кратких сведениях о некоторых русских хозяйствах» (*Краткие..., 1903*), часть – в специальных изданиях Департамента земледелия (*Краткие..., 1910*). Кроме того, сведения о скотоводческих имениях печатались по итогам работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (*Ашешов, 1903*).

Революция 1917 года внесла перемены в тематику аграрной истории. Несмотря на выход в 1920–1930 гг. ряда крупных трудов по истории русской деревни, изучение частновладельческого скотоводства фактически остановилось. Только в 1954 году вышла первая комплексная работа животноводческой и зоотехнической тематики (*Лобашев, 1954*). Отдельные аспекты данной проблематики поднимали Н.Л. Рубинштейн (*Рубинштейн, 1957*), С.М. Дубровский (*Дубровский, 1975*), А.М. Анфимов (*Анфимов, 1980*). При этом качественно-количественные характеристики поголовья и продуктивности помещичьего скота часто занижались.

В современных работах характеристика помещичьего животноводства продолжилась на региональном уровне (Шуваев, 2015). При этом трендом исследований стало рассмотрение отдельных скотоводческих отраслей через призму рационального природопользования (Хмель, 2004). Это позволило проанализировать проблемы развития поголовья сквозь призму всех компонентов помещичьего хозяйства (влияние животноводства на полеводство, луговое хозяйство, лесоводство).

Обобщающее значение в области исследования скотоводческих комплексов дореволюционной России имеет труд Островского А.В. «Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX в.» (Островский, 2014). Автор рассматривает территориальную концентрацию поголовья, товарность, доходность скота, динамику его качественно-количественного состава. Как показывает исследование, и в советской, и в дореволюционной историографии его производительность «существенно занижалась, а значит, занижалась роль животноводства и всего сельского хозяйства в экономике дореволюционной России» (Островский, 2014: 1).

В целом анализ историографии показывает существенное качество работ по истории животноводства в России. Вместе с тем виден исследовательский уклон в изучение общих вопросов развития данной отрасли, тогда как региональные аспекты скотоводства исследованы недостаточно.

4. Результаты

Важнейшей отраслью помещичьего хозяйства пореформенного времени явилось товарное животноводство. Этому способствовал постоянный рост стоимости мяса и живого скота, позволявший помещику не только содержать свою скотину, но и зарабатывать на ней. Изучая ситуацию на аграрном рынке в 1910 г., журнал «Сельский хозяин» писал: «повсеместное вздорожание мяса создает возможность действительного перехода русского скотоводства от навозного к продуктивному». (Сельский хозяин, 1910: 1890). Если в 1896 году пуд свиного мяса на рынках Москвы стоил 3,24 руб., то в 1912 году он оценивался уже в 7,31 руб. Цены на продажу коров за этот же период возросли с 84,17 до 133,40 руб. за единицу (Свод..., 1913: 2-3).

Что касается ресурсов для развития животноводства, то значительные земельные ресурсы латифундистов не просто позволяли им полностью обеспечивать товарный и рабочий скот пастбищами, но и имели продуктивные сенокосы для его кормления. По материалам сельскохозяйственной переписи 1917 года, помещики контролировали 39,4 % всех сенокосов и 29,6 % всех выгонов (Анфимов, 1969: 33). Кроме того, чем крупнее было имение, тем больше наличествовало скотоводческих угодий в его составе. Так, латифундии Кирсановского уезда Тамбовской губернии объединяли 85 % общих выгонов (3 067 дес. из 3 582 дес.) и 86% местных сенокосов (3 405 дес. из 24 101 дес.) (Сборник..., 1891: 1-130).

Значительные выгоды от товарного животноводства задавали тон помещичьему хозяйству. Так, общая стоимость скота в приволжских имениях Орловых-Давыдовых в 1900–1911 гг. выросла с 46 до 176 тыс. руб. (РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 592. Л. 109-121). Схожая картина наблюдалась и тамбовских поместьях Шереметьевых, где ценность наличных коров за период 1907–1911 гг. увеличилась с 43 до 153 тыс. руб. (РГАДА. Ф. 1088. Оп. 11. Д. 359. Л. 1). При этом как и в первом, так и во втором случае положительная ценовая динамика объяснялась за счет покупок животных улучшенных пород.

Многие тамбовские владельцы заводили обширные породистые стада российского и зарубежного скота. К 1914 году в России имелось 119 овцеводческих и 169 свиноводческих племенных хозяйств, 483 имения разводили продуктивный крупнорогатый скот, 293 специализировались на производстве и продаже ценных лошадей (Сельскохозяйственный..., 1914: 88-113). Внимание помещиков к разведению породистых экземпляров обуславливалось быстрым ростом цен на сельскохозяйственные корма и оборудование, при котором было невыгодно содержание малопродуктивных животных. Одновременно при таком подходе вырастала стоимость продуктов скотоводства (мясо, масло, сыр) и повышалась товарность отрасли.

Одной из наиболее популярных отраслей животноводства в имениях крупных помещиков начала XX века являлось коневодство. Внимание к этой отрасли объяснялось как значительными выгодами от продажи скота, так и потребностью в тягловой силе. В 1903 году управляющий Карловским поместьем Мекленбург-Стрелецких отмечал: «Ввиду того, что за ремонтных коней платят теперь хорошо, нужно на эту отрасль обратить особое внимание» (Журнал..., 1903: 86-87). Согласно данным Центрального статистического комитета за 1900 год, помещики контролировали до 15 % от общероссийского поголовья лошадей (более 3 млн. единиц) (Сведения..., 1901: 5). При этом центры размещения коневодческой отрасли совпадали с местами концентрации крупного землевладения. В 1903 г. в Тамбовской губернии насчитывалось 273 конных завода, 266 из которых находилось в пределах уездов с максимальным процентом крупного землевладения. В Тамбовском уезде насчитывалось 86 коннозаводских предприятий, в Кирсановском – 49, в Козловском – 29. Одновременно в этих же уездах находилось 56 % всего поголовья тамбовских лошадей (Статистический..., 1903: 29).

В начале XX века многие помещичьи хозяйства достигли значительной концентрации рабочих лошадей. Интересным является рассмотрение коневодства в одном из самых крупных имений Тамбовской губернии – Новопокровском имении Орловых-Давыдовых в Тамбовской губернии

(Таблица 1). За 1901–1912 гг. общее поголовье местных лошадей увеличилось более чем вдвое (с 221 до 507 голов). При этом владелец грамотно обновлял имеющееся стадо, выводя из него неэффективных или больных животных. За 12 лет была продана 141 лошадь общей стоимостью 3 717 руб. Одновременно в экономию было закуплено 577 единиц скота, на которые было потрачено 64,4 тыс. руб. (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 102. Л. 1-30). Таким образом, очевидны попытки Орловых-Давыдовых полностью обеспечить свой производственный комплекс тягловой силой, включить в структуру помещичьего хозяйства наиболее продуктивных лошадей.

Таблица 1. Динамика коневодства в Новопокровском имении Орловых-Давыдовых (1901–1912)

Годы	Лошадей						
	Ед.	Куплено			Продано		
		Ед.	Средняя цена	Итого	Ед	Средняя цена	Итого
1901	221	24	74,31	1783,44	1	15	15
1902	221	8	54,12	432,96			0
1903	216	24	75,1	1802,4	4	13	52
1904	232	34	67,1	2281,4	3	9	27
1905	235	27	78,03	2106,81	1	17	17
1906	240	11	51,18	562,98	18	10,22	183,96
1907	214	44	84,39	3713,16	11	19,73	217,03
1908	303	106	107,41	11385,5	3	47,17	141,51
1909	369	57	105,4	6007,8	26	33	858
1910	335	20	238,77	4775,4	11	24,14	265,54
1911	334	220	133,52	29374,4	40	28,31	1132,4
1912	507	2	88,5	177	23	35,13	807,99

Повышению продуктивности частного коневодства служила метизация скота. Особенно ценились зарубежные породы (рысистая, битюг, английская рысистая, брабансоны, першероны, арденны), однако тамбовские владельцы интересовались и орловскими рысистыми лошадьми, и битюгами (ломовая порода). Так, в Кариан-Знаменском имении Строгоновых каждые шесть лет помещичий скот (69 голов) смешивался с арденами, что увеличивало показатели его тягловости (Самодуров, 1896: 14). В экономии Безобразовых местные стада улучшались першероном из Тамбовской конюшни, а в поместье В.А. Трофимова и К.В. Шиловского метизацию обеспечивали шайрская и суффолкская породы лошадей (Сборник..., 1890: 261). В целом, по оценке В.Н. Дьякова, основным объектом улучшения помещичьего поголовья являлись рысистые и упряжные животные, так как именно они имели наибольшую ценность на аграрном рынке (Статистический..., 1903: 28). Стоимость одного рысака, купленного на Хреновском заводе, в начале XX века могла достигать до 500 руб. (Дубенский, 1903: 324).

Часто помещики не ограничивались разведением одной породы лошадей и покупали разных отечественных и зарубежных производителей. В результате в частных экономиках одновременно могли жить брабансоны-арденны и битюги, английские чистокровные лошади и орловские рысаки. Так, в Гавриловском имении Сыгиных разводились русские рысистые и клейдесдалы (Краткие..., 1900: 209). В Никольском поместье Любоцинских содержались арденны и рысаки с Хреновского завода (Краткие..., 1900: 211). Большое разнообразие и постоянные улучшения позволяли получать хорошие экземпляры. Так, в Ржаксинском имении Афанасьевых был выращен самый резвый рысак Европы – конь Крепыш. С 1907-го по 1912-й гг. на ипподромах Москвы и Санкт-Петербурга он установил 13 рекордов (Крепыш..., 2004: 100).

Важным направлением рационализации коневодства в Тамбовской губернии являлось создание собственных племенных конезаводов. В начале XX века на территории Моршанского уезда был организован Матчерский племенной завод В.А. Пашкова (Краткие..., 1900: 221). Здесь разводили лошадей-тяжелозовов (першероны, арденны, клейдесдалы и битюги), причем многие животные были премированы. В 1903 году при посредничестве главного управления государственного коннозаводства Матчерское поголовье пополнил редкий экземпляр тяжелозова породы шайр

(*Культурный уголок, 1900: 3*). Выращиваемый в экономии скот шел как для ремонта собственных стад имения, так и продавался для улучшения коневодства других поместий.

Кормление породистых лошадей отличалось наивысшим качеством. Особое внимание уделялось питанию жеребят. В Моршанском имении Романовичей каждое животное в первый год жизни получало до 5-ти фунтов овсянки в день (*Сборник..., 1890: 261*). Затем жеребят ежедневно выдавали до 3 гарнца овса и 5 фунтов овсяной муки. Интенсивными кормами также характеризовались знаменская экономия Кожиных (Липецкий уезд), Земетчинское хозяйство Долгоруких (Моршанский уезд), Никольское поместье Атрыганьевых (Моршанский уезд) (*Краткие..., 1900: 214, 218, 222*).

Другой значимой отраслью животноводства частных имений Тамбовской губернии начала XX века являлось разведение крупного рогатого скота мясного и молочного направления. Если в средних поместьях края (общая площадь до 500 дес.) на каждые 100 дес. пашни приходилось не менее 7-ми быков, то в крупных хозяйствах (от 500 дес.) этот показатель составлял не менее 30 голов (*Сборник..., 1891: 1-130*). Широкие финансовые и ресурсные возможности латифундистов в целом симулировали количественные показатели тамбовского животноводства.

Средствами рационализации крупного тамбовского животноводства являлись отбор наиболее продуктивных пород и метизация скота. Так, костяк стада Ивановской экономии Лихтенбергских сформировался благодаря массовой закупке животных у помещиков Плотицыных. Приобретенные животные были метизированы через приобретение производителей у Н.П. Фон-Дервиз, Вольского, Новицкого и других помещиков Тамбовщины. В Моршанской экономии Давыдовых отдельные экземпляры покупались на Московской сельскохозяйственной выставке 1891 года, а также выписывались из Петровской академии. В Кирсановское поместье Вальгардт породистые коровы поставлялись из Новопавловской экономии И.Н. Ларина (*Сведения..., 1912: 92-120*).

С целью повышения производительности скота владельцы выбирали наиболее ценные породы животных. Хорошие отзывы имела симментальская порода, отлично сочетавшая в себе качества молочного и мясного направления. В начале XX века симментальские коровы имелись на скотных дворах большинства тамбовских помещиков-скотоводов. Именно на этих животных остановили свой выбор в Тростянском имении Волконских (Шацкий уезд), в ивановском хозяйстве князя Лихтенбергского (Тамбовский уезд), тараксинском владении Чертковых (Моршанский уезд). В Земетчинскую экономию Долгоруких чистокровное симментальское стадо (15 коров и два производителя) специально покупали за границей. Одновременно помещики ценили швицкий молочный скот, дававший значительные удои молока. Такие коровы были в Лотаревском хозяйстве Вяземских (Усманский уезд), Кариан-Знаменском поместье Строгоновых, где местное стадо достигало 80 голов (*Краткие..., 1900: 213-234*). Как симментальские, так и швицкие породы были рекомендованы к тамбовскому разведению профессором Кулешовым.

Наряду с симментальской и швицкой коровами в начале XX века в центрально-черноземных губерниях (Тамбовской, Рязанской, Тульской, Орловской) набирал популярность рубашевский скот (*Лисаневич, 1892: 10*). Эта порода изначально была выведена помещиком Рубашевым в Бобровском уезде Воронежской губернии. В ее основе лежали характеристики симментальских животных. По словам специалистов, рубашевки пользовались «большой популярностью, соединяя в себе значительную молочность (до 150 ведер в год), хорошую мясистость и значительный вес». Основным покупателем данной породы были средние и мелкие владельцы (*Животноводство..., 1903: 300*).

Значительных успехов тамбовские помещики достигли в скрещивании местных и тирольских коров. Так, известно, что управляющий имением Похвистнева (Козловский уезд) С.С. Киселев «более 30 лет подбирал стадо в 60 голов с преобладанием тирольской крови». Основным направлением его работ являлись повышение удоев молока и интенсификация производства собственного масла. Благодаря упорной селекции управляющий смог поднять «среднюю годовую производительностью для каждой коровы до 4-х пудов масла» (*Животноводство..., 1903: 301*).

Переход помещиков к сепаратной обработке молока и приготовлению собственного масла стало основным трендом животноводства конца XIX века. Анализируя данное явление, профессор В.Н. Дьяков отмечал: «обеспеченность сбыта масла по хорошей цене взамен продажи молока на сыроварни по 35 коп. за ведро побуждает хозяев заводить приборы и применять приемы маслоделия» (*Животноводство..., 1903: 301*). Так, в Сосновском молочном стаде Бенкендорфов годовые удои одной коровы в начале XX века могли достигать 300-400 ведер (*ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 274. Л. 73*). Молочное направление утвердилось и в имении Черкино Челобаевых (*Описания..., 1898: 15*). Все надои здесь проходили сепаратную обработку, и готовый продукт реализовывался на местном и московском рынках («летом производилось топленое молоко, зимой – парижское»). Само стадо достигало 80 симментальских коров при трех чистокровных производителях (*Краткие..., 1903: 225*).

Рыночную ориентацию имело Кочетовское хозяйство Батуриных (Шацкий уезд) (*Краткие..., 1903: 227*). Местное молочное стадо состояло из 50-ти голов редкой для Тамбовской губернии голландской породы. Все полученное молоко перерабатывалось в масло, при этом для полной загрузки использовалось еще и покупное сырье. В год имение производило 150 пудов готового продукта, а основным рынком его сбыта являлась Москва.

Важным индикатором уровня рационализации тамбовского животноводства являлось появление в регионе отдельных племенных хозяйств. В начале XX века как минимум в 19-ти крупных частновладельческих имениях края профессионально занимались разведением породистых животных (Хозяйства..., 1903: 308-312). Одно из них – матчеровская экономия Пашковых, где развивалось «чистокровное и выписное» симментальское скотоводство. Источником племенного стада явились массовые закупки скота на заводах Вольского, Попова, Эймана, Корзинкиной (Краткие..., 1900: 221). В Сосновской экономии графов Бенкендорфов племенное стадо появилось благодаря покупкам животных в Тульской губернии (в Опельской экономии) (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 274. Л. 73). Крупные продажи ценных голштинских коров производило Кочетовское хозяйство Батуриных. Ежегодно оно реализовывало до 30-ти голов. При этом стоимость молодых телят могла составлять 15 рублей (Краткие..., 1900: 227).

Значительным этапом рационализации помещичьего скотоводства Тамбовской губернии стало повышение расходов на питание скота. В начале XX века в имениях местных помещиков происходил отказ от густых кормов в сторону сложного кормления. Так, в экономии Г.А. Чертковых скот получал смесь яровой соломы и ржаной мякни. В экономии Н.А. Адлерберга и В.К. Вольского коровам полагался усиленный паек из сена. В Новотомниковском хозяйстве Воронцовых-Дашковых практиковали подкормку из сырого и вареного картофеля, в Земетчинской экономии Долгоруких – из свекловичного жома (3 пуда на голову) (Сборник..., 1890: 265-266).

Интересная система кормления сформировалась в Отормской экономии Атрыганьевых. Здесь нормы выдачи завесили от количества получаемого молока. Коровам с удоем до четверти ведра в рацион включались озимая мякина, солома и барда. Те коровы, которые за один раз давали 0,7 ведра, могли получать еще и морковь. Наконец, скот, который приносил владельцу больше ведра за дойку, питался овсяной мукой. При этом распорядок кормежки и ее нормировка составлялись согласно «таблицам Калушина» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 203. Л. 24-24об.).

Большое значение в структуре тамбовского животноводства занимало разведение овец. За счет увеличения поголовья тонкорунных пород в конце XIX – начале XX вв. данная отрасль получила особенно сильное развитие в регионе. В овчарнях владельцев разводились бухарская, линкольны, каракулевая, соусадаунская, волошская, рамбулье, котцвольдская, оксфордширдаунская породы скота. «Сельские хозяева, – комментировали ситуацию земские корреспонденты, – заводя тонкорунное овцеводство, имели основной целью выгоднейшую утилизацию существующих у них кормов, а также поддержание плодородия своих земель для зерновых хлебов». Свидетельство этому – сохранение тамбовских овцеводческих поместий даже после тяжелой бескормицы 1889 и 1891 годов, когда все животноводство региона находилось в кризисе (Сборник..., 1894: 181).

Устойчивость тамбовского тонкорунного овцеводства была обусловлена выгодностью содержания меринского скота и высокой степенью его акклиматизации. По свидетельству специалистов, «тонкорунная овца дает лучшую оплату кормов». Кроме того, меринсы «удовлетворительно выносят местные климатические условия и дают хороший продукт при грубых кормах». Эти факторы способствовали массовому утверждению овцеводческих хозяйств «в значительном числе экономий без перемен в составе угодий и возделываемых растениях» (Сборник..., 1894: 181).

Формирование меринского стада, по всей видимости, вызвало трансформацию всей животноводческой сферы губернии. Специалисты отмечали высокую корреляцию пород с размером имений. Согласно данным земского обследования Тамбовского уезда, более 70 тыс. меринсов содержались только в 29 крупных экономиях (Сборник..., 1894: 181). При этом во всех обследованных овцеводческих поместьях отсутствовали другие виды животноводства. Таким образом, меринсов могли позволить себе только наиболее крупные владельцы, полностью сосредоточившиеся на развитии этого направления скотоводства.

В конце XIX – начале XX вв. на территории Тамбовской губернии стали формироваться развитые меринские овцеводческие хозяйства. Одно из самых крупных поголовий овец содержалось в Ново-Покровском имении А.В. Орлова-Давыдова. В 1889 году эта отара достигла 12 442 животных (Сборник..., 1894: 182). Основой ново-покровского овцеводства являлось стадо прежнего владельца имения П.Д. Волконского (7 тыс. голов смеси негретти и электоральной овцы). Для улучшения местного скота Орловы-Давыдовы выписывали отдельные экземпляры производителей из Балашовского имения Сатиных. Приобрели в Саксонии (хозяйство Кейзера) двух чистокровных баранов рамбулье. Улучшения позволили получать с ново-покровских овец штофную шерсть.

В начале XX века ряд экономий Тамбовщины приобрели яркую овцеводческую направленность. В Александровской экономии Петрово-Соловово стадо меринсов оценивалось в 13 270 голов (1889 г.). Эти овцы улучшались покупкой племенных пород в Саксонии. В Степановской экономии А.А. Сатина содержалось более 3 тыс. экземпляров рамбулье, улучшаемых производителями из Франции (хозяйство Лефевра и Роже) (Сборник..., 1894: 182). В поместье В.А. Пашкова Матчерка (Моршанского уезда) содержались редкие для Тамбовской губернии 50 румынских овец цыгайской породы (куплены в 1897 г.) (Краткие..., 1900: 221).

Гораздо меньшее распространение в экономиях крупных тамбовских помещиков получили породы русской овцы. В этом отношении можно отметить только тамбовское поместье А.Н. Янькова, который в 1889 году имел стадо из 1 000 голов (*Сборник..., 1894: 184*). При этом основу местного овцеводства составляли возрастные животные (769 экземпляров), в числе которых земские корреспонденты насчитали 27 баранов, 463 матки и 279 валухов. К молодому приплоду можно было отнести только 284 головы. Основным источником пополнения местных отар стала выписка поголовья из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии (район с. Уварово) и из Бобровского уезда Воронежской губернии (с. Щучье). Ввиду скудного выхода шерсти местное стадо имело мясное направление.

Новым явлением в овцеводстве тамбовских владельцев являлась покупка скота на откорм. Для этих целей владельцы поместий заводили «довольно большие стада простых овец» и содержали их на «свободных летних пастбищах». Осенью все поголовье резалось, а мясо солилось для продажи. При этом для приобретения больших отар тамбовчане часто ездили в Область войска Донского, где их интересовали волошские, бухарские, каракульские и курдючные животные. Небольшие партии овец могли покупаться у соседнего крестьянства. Так, при земском статистическом описании Тамбовского уезда 1889 года волошанки были зарегистрированы в семи имениях, каракули – в двух, курдючный скот только в одном (*Сборник..., 1894: 184*). Аналогичные животноводческие хозяйства встречались в Кирсановском (*Сборник..., 1891: 154-171*), Липецком (*Сборник..., 1893: 136-138*) и других уездах Тамбовщины.

В отличие от овцеводства, товарное разведение свиней в Тамбовской губернии не имело существенного значения. Согласно земским обследованиям конца XIX века, свиноводческие комплексы региона «располагали в большинстве незначительным числом свиней, представляющих обыкновенно помесь русской местной породы с белой или черной английской» (*Сборник..., 1894: 184*). В результате эта отрасль не имела рыночной направленности и развивалась исключительно для личных потребностей владельцев имений.

В конце XIX – начале XX вв. ситуация несколько улучшилась. По данным 1903 г., только в ряде тамбовских имений получило развитие племенное разведение свиней. Среди наиболее выдающихся свиноводческих хозяйств региона следует отметить Степановское поместье А.А. Сатиной, которое культивировало стадо из 109-ти голов (3 хряка, 20 маток, 33 поросенка, 53 животных на откорме). Это поголовье было улучшено благодаря беркширскому и йоркширскому производителям (*Сборник..., 1894: 184*). В Гавриловском поместье А.Н. Кензарь (Сатиной) земское обследование обнаружило 303 животных йоркширской породы (2 хряка, 68 свиней, 156 поросят и 77 боровов) (*Сборник..., 1891: 272*). Александровская экономия Петровых-Соловьевых содержала 257 голов альпийской белой овцы (3 хряка, 64 матки, 54 борова, 134 поросенка), в Ново-Покровской экономии А.В. Орлова-Давыдова культивировалось 662 головы (8 хряков, 114 маток, 219 боровов, 221 поросенок) (*Сборник..., 1894: 184*).

В Моршанском уезде были известны свиноводческие имения семей Вяземских, В.К. Вольского и П.А. Атрыганьева, где содержались йоркширы. В начале XX века Кариан-Знаменское хозяйство Строгоновых ввело улучшение местного поголовья через закупки производителей из Англии (завод Лорда Эльмера). Одновременно эксперименты по увеличению продуктивности скота проходили в поместьях М.А. Мингрельской и И.И. Марковой, где поросята русских пород скрещивались с заграничными (преимущественно с белыми альпийскими свиньями) (*Сборник..., 1890: 269-270*).

В конце XIX – начале XX вв. среди тамбовских свиноводов в моду вошла ежегодная покупка животных для откорма. Этот бизнес заключался в приобретении недорогих молодых свинок, их транспортировке в помещичьи вольеры и усиленной кормежке. В большинстве таких хозяйств поросята получали «гречишную, просяную, льняную мякину, муку, картофель, свеклу или овес». Некоторые тамбовские владельцы кормили поголовье гречишной лузгой или свекловичной бардой. Отдельные местные помещики практиковали выдачи животным смеси льняной мякины и ржаной муки, а также каши из муки и овса (*Сборник..., 1891: 185*).

Отдельный аспект развития рационализации помещичьего животноводства – создание инфраструктуры для содержания животных. Данные нововведения были свойственны только крупным и обсеченным хозяйствам. В то время как большинство мелких помещиков Тамбовской губернии заявляли «о сравнительно дешевом и грубом содержании поголовья» (*Сборник..., 1894: 177-178*), тамбовские латифундисты для своих животных возводили современные и дорогостоящие постройки.

Центральное место в инфраструктуре имений уделялось загонам для лошадей и крупнорогатого скота. В популярном дореволюционном справочнике «Наши сельскохозяйственные постройки» обустройству таких помещений уделялось особое внимание (*Галунов, 1911*). «Те экономические условия, которые должны удовлетворять жилищам людей, необходимо было выполнять и при строительстве помещений для животных», – указывалось в издании. Загоны должны были удовлетворять требованиям «гигиены, быть светлыми, сухими и хорошо вентилируемыми» (*Галунов, 1911: 23*). В соответствии с этим каменные постройки с продуманными кормовыми системами существовали в имениях Адлерберга, Чолокаева, Пейкер, Долгорукой, Орловых-Давыдовых и других тамбовских помещиков. В Кариан-Знаменском поместье Строгоновых лошади помещались в теплых каменных корпусах с огромными денниками и металлическими стойлами (*Самодуров, 1896*).

Большое внимание уделялось также строительству овчарен. Такие строения делались из длинных деревянных сараев, окруженных бревенчатыми заборами. При этом в непростом климате черноземной полосы России данные сооружения, как правило, были теплостойкими, закрытыми, с ориентацией продольных сторон фасадов на север и юг (Галунов, 1911: 38). Кроме того, в силу неустойчивости овец к различным заболеваниям животноводы пользовались специальными правилами содержания скота в загонах.

Образцовым, с точки зрения содержания овец, считалось Ново-Покровское имение Орловых-Давыдовых. Здесь овчарни располагались на нескольких хуторах, а общая стоимость инфраструктуры для животных составляла 32 000 руб. При этом нормы содержания скота в вольерах, расписание кормежек, время пастбищного выгона тщательно регламентировались специальными правилами. Каждое животное проходило радикальный ветеринарный осмотр и прививалось. За этим следили не менее 20-ти постоянных рабочих во главе с ветеринаром (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 210. Л. 57). Все правила скотоводческой деятельности контролировались управляющим имением и не подлежали пересмотру.

5. Заключение

Таким образом, в пореформенное время тамбовские помещичьи хозяйства существенно увеличили качественно-количественные показатели развития животноводческой отрасли региона. Существенно развивались овцеводство, свиноводство, коневодство, крупнорогатое скотоводство. Одновременно помещики добились улучшений в сфере их разведения, содержания и кормления. Отдельным направлением стала промышленная переработка продукции животноводства, полнее всего выражавшаяся в создании сепаратной переработки молока. Возросшие показатели скотоводства увеличивали общий прогресс сельского хозяйства, способствовали росту доходов от продажи мясной и молочной продукции.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 23-28-01782).

Литература

- 1882 год..., 1883 – 1882 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев / Департамент земледелия и сельской промышленности: в 3 вып. Вып.3: Сведения за осенний период и общий обзор года. Санкт-Петербург, 1883. 415 с.
- Анфимов, 1969 – Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство европейской России. (Конец XIX – начало XX в.). Москва, 1969. 394 с.
- Анфимов, 1980 – Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1980. 293 с.
- Апешов, 1903 – Апешов Н.П. Сведения о положении скотоводства и торговле его продуктами в России. Составлено на основании донесений управляющих конторами и отделениями Государственного банка. СПб, 1903. 122 с.
- Верещагин, 1870 – Верещагин Н.В. Сведения о состоянии скотоводства в России, собираемые Статистическим отделом Общества. Волынская губерния // Записки Московского общества улучшения скотоводства в России. Вып. I. СПб., 1870. С. 57-62.
- Вильсон, 1869 – Вильсон И. Объяснение к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. 4-е изд. СПб, 1869. 523 с.
- Военно-статистический..., 1871 – Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия. СПб, 1871. 922 с.
- Воронков, 1911 – Воронков А.И. Краткое описание Заметчинского Вотчинного имения ее сиятельства княгини О.П. Долгорукой. Моршанск, 1911. 28 с.
- Галунов, 1911 – Галунов М.В. Наши сельскохозяйственные постройки : Жилые дома, дома для рабочих, ледники, бани, прачечные, отхожие места, мусор. ямы, навозохранилища и компостные ямы, конюшни, с детал. устройством, скот. дворы, овчарни, свинарни, птичники, молоч. сарай, навесы, силосы, овины, молотил. сараи, амбары, погреба, парники, теплицы, оранжереи. Санкт-Петербург, 1911. 64 с.
- ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.
- Григорьев, 1926 – Григорьев Н.В. Предметный указатель материалов в земских статистических трудах с 1860-х гг. по 1917 г.: в 2 вып. Вып. 1. Москва, 1926. 100 с.
- Дубенский, 1903 – Дубенский Д.Н. Коневые средства Европейской России: (Обследование соврем. состояния коннозаводства и коневодства губерний Европ. России с ист. очерком) / Сост. подполк. Дубенский; Под ред. Ген. штаба ген.-м. Маркова. Санкт-Петербург, 1903. 420 с.
- Дубровский, 1975 – Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. Москва, 1975. 397 с. С. 238-259.
- Животноводство..., 1903 – Животноводство Тамбовской губернии // Сборник календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Издание Тамбовского губернского статистического комитета. Тамбов, 1903. С. 282-308.

- Журнал...**, 1903 – Журнал заседаний собрания служащих Карловского имения. Полтава, 1903. 106 с.
- Исследование...**, 1884 – Исследование современного состояния скотоводства в России. Вып. 1. Рогатый скот / М-во гос. имуществ, Департамент земледелия и сельской промышленности. Москва, 1884. 168 с.
- Исследование...**, 1885 – Исследование современного состояния овцеводства в России: в 5 вып. Вып. 1: тонкорунное овцеводство в юговосточных губерниях. Санкт-Петербург, 1885. 167 с.
- Историко-статистический...**, 1883 – Историко-статистический обзор промышленности России / Под ред. Д.А. Тимирязева. Т. 1. Сельскохозяйственные произведения, огородничество, садоводство и домашние животные, горная и соляная промышленность. Отд. XI. СПб, 1883. 541 с.
- Краткие...**, 1900 – Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1900. 476 с.
- Краткие...**, 1903 – Краткие сведения о скотоводстве некоторых русских хозяйств / Сост. П.А. Пахомов. СПб, 1903. 411 с.
- Краткие...**, 1910 – Краткие сведения о животноводстве некоторых русских хозяйств, по данным, полученным от хозяев / Сост. Е.Ф. Лискун . СПб., 1910. 712 с.
- Крепыш...**, 2004 – Крепыш – лошадь столетия: сборник / Сост. А. М. Ползунова. Москва, 2004. 160 с.
- Культурный уголок, 1900** – Культурный уголок // *Тамбовские губернские ведомости*. 1900 г. № 29: 11 марта с. 3-4.
- Лисаневич, 1892** – *Лисаневич И.А.* Скотоводство Тимофея Ивановича Рубашевского: Характеристика и история происхождения рубашев. скота. Воронеж, 1892. 30 с.
- Лобашев, 1954** – *Лобашев М.Е.* Очерки по истории русского животноводства. Ленинград, 1954. 343 с.
- Описания...**, 1898 – Описания отдельных русских хозяйств [Текст]. Вып. VI. Тамбовская губерния. Санкт-Петербург, 1898. 15 с.
- Островский, 2014** – *Островский А.В.* Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX в. Санкт-Петербург, 2014. 442 с
- Пономарев, 1888** – *Пономарев Н.В.* Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России от начала государства до настоящего времени, Санкт-Петербург, 1888. 402 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Россия...**, 1873 – Россия. Комис. для исследования сельского хозяйства и сельской производительности. Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России: Журналы Комиссии. Санкт-Петербург, 1873. 55 с.
- Рубинштейн, 1957** – *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. Историко-экономический очерк. Москва, 1957. 495 с.
- Самодуров, 1896** – *Самодуров И.* Краткое описание имения графа Павла Сергеевича Строганова Тамбовской губернии и уезда, при селе Знаменском-Кариане : С прил. 4 табл. за 30 лет. Москва, 1896. 19 с.
- Сборник...**, 1880–1900 – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Вып. 1–24. Тамбов, 1880–1900.
- Сборник...**, 1890 – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Т. 15. Частное землевладение Моршанского уезда. – Тамбов, 1890. 504 с.
- Сборник...**, 1891 – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Т. 16. Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов, 1891. 673 с.
- Сборник...**, 1893 – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии / Издание Тамбовского Губ. земства: частное землевладение Липецкого уезда. Тамбов, 1893. 149 с.
- Сборник...**, 1894 – Сборник статистических данных по Тамбовской губернии. В 24 т. Т. 19. Частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов, 1894. 196, 370 с.
- Свавицкий, 1961** – *Свавицкий Н.А.* Земские подворные переписи: (Обзор методологии). Москва, 1961. 355 с.
- Сведения...**, 1901 – Сведения о количестве скота в 1900 г. // *Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел*. Вып. 50. СПб., 1901. 100 с.
- Сведения...**, 1912 – Сведения о некоторых хозяйствах и технических предприятиях Тамбовской и других губерний. Тамбов, 1912. 124 с.
- Свод...**, 1913 – Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках за: с приложением таблицы фрахтов и страховых премий на хлебные грузы / М-во торговли и пром-сти. Санкт-Петербург, 1913. 120 с.
- Сельский хозяин, 1910** – *Сельский хозяин*. 1910. № 7. С. 1890-1892.
- Сельскохозяйственный...**, 1914 – Сельскохозяйственный календарь проф. П. Р. Слезкина: в 3 т. Т. II, ч. 2. Киев, 1914 .213 с.

Статистический..., 1903 – Статистический обзор Тамбовской губернии // *Сборник календарь Тамбовской губернии на 1903 год, Издание Тамбовского губернского статистического комитета.* Тамбов, 1903. 122 с.

Хмель, 2004 – Хмель Е.В. Формирование рационального природопользования в хозяйствах крупных землевладельцев Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2004. 22 с.

Хозяйства..., 1903 – Хозяйства, разводящие племенной рогатый скот, овец и свиней // *Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год.* Тамбов, 1903. С. 308-312.

Чаянов, 1929 – Чаянов А.В. Бюджетные исследования. История и методы. Москва, 1929. 331 с.

Шуваев, 2015 – Шуваев Д.А. Рационализация природопользования в Спасском поместье тамбовских дворян Давыдовых в конце XVIII – начале XX в. // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2015. Выпуск 2(142). С. 132-137.

References

1882..., 1883 – 1882 god v sel'skohozyajstvennom otnoshenii po otvetam, poluchennym ot hozyaev [1882 in agricultural terms according to the answers received from the owners]. Departament zemledeliya i sel'skoi promyshlennosti: v 3 vyp. Vyp.3: Svedeniya za osennii period i obshchii obzor goda. Sankt-Peterburg, 1883. 415 p. [in Russian]

Anfimov, 1969 – *Anfimov, A.M.* (1969). *Krupnoe pomeshchich'e hozyajstvo evropejskoj Rossii. (Konec XIX – nachalo XX v.)* [Large landlord economy of European Russia. (Late XIX – early XX centuries)]. Moskva, 394 p. [in Russian]

Anfimov, 1980 – *Anfimov, A.M.* (1980). *Krest'yanskoe hozyajstvo Evropejskoj Rossii. 1881–1904 gg.* [The peasant economy of European Russia. 1881-1904]. Moskva, 293 p. [in Russian]

Asheshov, 1903 – *Asheshov, N.P.* (1903). *Svedeniya o polozenii skotovodstva i torgovle ego produktami v Rossii. Sostavleno na osnovanii donesenij upravlyayushchih kontorami i otdeleniyami Gosudarstvennogo banka* [Information on the situation of cattle breeding and trade in its products in Russia. Compiled on the basis of reports from managers of offices and branches of the State Bank]. Sankt-Peterburg, 122 p. [in Russian]

Chayanov, 1929 – *Chayanov, A.V.* (1929). *Byudzhetnye issledovaniya. Istoriya i metody* [Budgetary research. History and methods]. Moskva, 331 p. [in Russian]

Dubensky, 1903 – *Dubensky, D.N.* (1903). *Konevye sredstva Evropejskoj Rossii: (Obsledovanie sovrem. sostoyaniya konnozavodstva i konevodstva gubernij Evrop. Rossii s ist. ocherkom)* [Equine means of European Russia: (Survey of modern the state of horse breeding and horse breeding in the provinces of Europe. Russia from the East. an essay)]. Sost. podpolk. Dubenskii; Pod red. Gen. shtaba gen.-m. Markova. Sankt-Peterburg, 420 p. [in Russian]

Dubrovsky, 1975 – *Dubrovsky, S.M.* (1975). *Sel'skoe hozyajstvo i krest'yanstvo Rossii v period imperializma* [Agriculture and the peasantry of Russia in the period of imperialism]. Moskva. Pp. 238-259. [in Russian]

Galunov, 1911 – *Galunov, M.V.* (1911). *Nashi sel'skohozyajstvennye postrojki : Zhilye doma, doma dlya rabochih, ledniki, bani, prachechnye, othozhie mesta, musor. yamy, navozohranilishcha i kompostnye yamy, konyushni, s detal. ustrojstvom, skot. dvory, ovcharni, svinarni, ptichniki, moloch. sarai, navesy, silosy, oviny, molotil. sarai, ambary, pogreba, parniki, teplicy, oranzherei* [Our agricultural buildings: Residential buildings, houses for workers, glaciers, baths, laundries, latrines, garbage. pits, manure storage and compost pits, stables, with details. the device, the cattle. yards, sheepfields, piggeries, poultry houses, dairy. sheds, sheds, silos, sheep sheds, threshing floors. sheds, barns, cellars, greenhouses, greenhouses, greenhouses]. Sankt-Peterburg, 64 p. [in Russian]

GATO – Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti [State Archive of the Tambov region].

Grigoriev, 1926 – *Grigoriev, N.V.* (1926). *Predmetnyj ukazatel' materialov v zemskih statisticheskikh trudah s 1860-h gg. po 1917 g.* [A subject index of materials in zemstvo statistical works from the 1860s to 1917]. In 2 vyp. Vyp. 1. Moskva, 100 p. [in Russian]

Hozyajstva..., 1903 – Hozyajstva, razvodyashchie plemennoj rogotyj skot, ovec i svinej [Farms breeding breeding cattle, sheep and pigs. Sbornik-kalendar' Tambovskoi gubernii na 1903 god. Tambov, 1903. Pp. 308-312. [in Russian]

Issledovanie..., 1884 – Issledovanie sovremennogo sostoyaniya skotovodstva v Rossii. Vyp. 1. Rogatyj skot [A study of the current state of cattle breeding in Russia. Issue 1. Cattle]. Moskva, 1884. 168 p. [in Russian]

Issledovanie..., 1885 – Issledovanie sovremennogo sostoyaniya ovcevodstva v Rosii: v 5 vyp. Vyp. 1: tonkorunnoe ovcevodstvo v yugovostochnyh guberniyah [A study of the current state of sheep breeding in Russia: in 5 vols. Issue 1: fine-wool sheep breeding in the southeastern provinces]. Sankt-Peterburg, 167 p. [in Russian]

Istoriko-statisticheskij..., 1883 – Istoriko-statisticheskij obzor promyshlennosti Rossii. Pod red. D.A. Timiryazeva. T. 1. Sel'skohozyajstvennye proizvedeniya, ogorodnichestvo, sadovodstvo i domashnie zhivotnye, gornaya i solyanaya promyshlennost' [Historical and statistical review of the industry of Russia.

- Edited by D.A. Timiryazev. Vol. 1. Agricultural products, horticulture, gardening and domestic animals, mining and salt industry]. Sankt-Peterburg, 1883. 541 p. [in Russian]
- Khmel, 2004** – *Khmel, E.V.* (2004). Formirovanie racional'nogo prirodopol'zovaniya v hozyajstvakh krupnykh zemlevladel'cev Tambovskoj gubernii v konce XIX – nachale XX vv. [Formation of rational nature management in the farms of large landowners of the Tambov province in the late XIX – early XX centuries]. Tambov, 22 p. [in Russian]
- Kratkie..., 1900** – *Kratkie spravochnye svedeniya o nekotoryh russkikh hozyajstvakh* [Brief background information about some Russian farms]. Vyp. 1. Sankt-Peterburg: V. Kirshbaum type, 1900. 476 p. [in Russian]
- Kratkie..., 1903** – *Kratkie svedeniya o skotovodstve nekotoryh russkikh hozyajstv* [Brief information about cattle breeding of some Russian farms]. Sost. P.A. Pakhomov. St. Petersburg, 411 p. [in Russian].
- Kratkie..., 1910** – *Kratkie svedeniya o zhivotnovodstve nekotoryh russkikh hozyajstv, po dannym, poluchennym ot hozyaev* [Brief information about animal husbandry of some Russian farms, according to data received from the owners]. Sost. E.F. Liskun. SPb., 1910. 712 p. [in Russian]
- Krepysh..., 2004** – *Krepysh – loshad' stoletiya: sbornik* [Krepysh is the horse of the century: collection]. Sost. A.M. Polzunov. Moskva, 2004. 160 p. [in Russian]
- Kul'turnyj ugolok, 1900** – *Kul'turnyj ugolok* [Cultural corner]. *Tambov gubernskie vedomosti*. 1900. 29: 3-4. [in Russian]
- Lisanevich, 1892** – *Lisanevich, I.A.* (1892). Skotovodstvo Timofeya Ivanovicha Rubashevskogo : Harakteristika i istoriya proiskhozhdeniya rubashev. skota [Cattle breeding of Timofey Ivanovich Rubashevsky: Characteristics and history of the origin of Rubashev. Cattle]. Voronezh, 30 p. [in Russian]
- Lobashev, 1954** – *Lobashev, M.E.* (1954). Ocherki po istorii russkogo zhivotnovodstva [Essays on the history of Russian animal husbandry]. Leningrad, 343 p. [in Russian]
- Opisaniya..., 1898** – *Opisaniya ot del'nykh russkikh hozyajstv*. Vyp. VI. Tambovskaya guberniya [Descriptions of individual Russian farms. Issue VI. Tambov province]. Sankt-Peterburg, 1898. 15 p. [in Russian]
- Ostrovsky, 2014** – *Ostrovsky, A.V.* (2014). Zhivotnovodstvo Evropejskoj Rossii v konce XI – nachale XX v. [Animal husbandry of European Russia in the late XI – early XX centuries]. Sankt-Peterburg, 442 p. [in Russian]
- Ponomarev, 1888** – *Ponomarev, N.V.* (1888). Istoricheskij obzor pravitel'stvennykh meropriyatij k razvitiyu sel'skogo hozyajstva v Rossii ot nachala gosudarstva do nastoyashchego vremeni [Historical review of government measures for the development of agriculture in Russia from the beginning of the state to the present]. Sankt-Peterburg, 402 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Rossiya..., 1873** – *Rossiya. Komis. dlya issledovaniya sel'skogo hozyajstva i sel'skoj proizvoditel'nosti. Doklad vysochajshe uchrezhdennoj Komissii dlya issledovaniya nyneshnego polozheniya sel'skogo hozyajstva i sel'skoj proizvoditel'nosti v Rossii : Zhurnaly Komissii* [Russia. Comis. for research on agriculture and rural productivity. Report of the highly established Commission for the Study of the current situation of agriculture and rural productivity in Russia: Journals of the Commission]. Sankt-Peterburg, 1873. 55 p. [in Russian]
- Rubinstein, 1957** – *Rubinstein, N.L.* (1957). Sel'skoe hozyajstvo Rossii vo vtoroj polovine XVIII v. Istoriko-ekonomicheskij ocherk [Agriculture of Russia in the second half of the XVIII century. Historical and economic essay]. Moskva, 495 p. [in Russian]
- Samodurov, 1896** – *Samodurov, I.* (1896). Kratkoe opisanie imeniya grafa Pavla Sergeevicha Stroganova Tambovskoj gubernii i uezda, pri sele Znamenskom-Kariane : S pril. 4 tabl. za 30 let [A brief description of the estate of Count Pavel Sergeevich Stroganov of the Tambov province and district, near the village of Znamenskoye-Karian : With adj. 4 tables for 30 years]. Moskva, 19 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1880–1900** – *Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii* [Collection of statistical information on the Tambov province]. Vyp. 1-24. Tambov, 1880–1900. [in Russian].
- Sbornik..., 1890** – *Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii*. Tom 15: chastnoe zemlevladienie Morshanskogo uezda [Collection of statistical information on the Tambov province. Volume 15: private land ownership of the Morshansky district]. Tambov, 1890. 504 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1891** – *Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: v 24 t.* Izdanie Tambovskogo gubernskogo zemstva. T. 16. Chastnoe zemlevladienie Kirsanovskogo uezda [Collection of statistical information on the Tambov province: in 24 volumes. Edition of the Tambov provincial zemstvo. Vol. 16. Private land ownership of the Kirsanovsky district]. Tambov, 1891. 673 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1893** – *Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii/ izdanie Tambovskogo Gub. zemstva: chastnoe zemlevladienie Lipeckogo uezda* [Collection of statistical information on the Tambov province. Edition of the Tambov Gubernatorial Zemstvo: private land ownership of the Lipetsk district]. Tambov, 1893. 149 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1894** – *Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: v 24 t.* T. 19. Chastnoe zemlevladienie Tambovskogo uezda [Collection of statistical information on the Tambov province: in 24 vols. t. 19. Private land ownership of the Tambov district]. Tambov, 1894. 370 p. [in Russian]

[Sel'skij hozyain, 1910](#) – *Sel'skij hozyain*. 1910. 7: 1890-1892.

[Sel'skohozyajstvennyj..., 1914](#) – Sel'skohozyajstvennyj kalendar' prof. P. R. Slezkina [Agricultural calendar of Prof. P. R. Slezkin]. 1914. In 3 vols. Vol. II, part 2. Kiev, 213 p. [in Russian]

[Shuvaev, 2015](#) – *Shuvaev, D.A.* (2015). Ratsionalizaciya prirodopol'zovaniya v Spasskom pomest'e tambovskih dvoryan Davydovyh v konce XVIII – nachale XX v. [Rationalization of environmental management in the Spassky estate of Tambov nobles Davydov at the end of the XVIII – early XX centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2(142): 132-137. [in Russian]

[Statisticheskij..., 1903](#) – Statisticheskij obzor Tambovskoj gubernii [Statistical review of the Tambov province]. Sbornik kalendar' Tambovskoi gubernii na 1903 god, Izdanie Tambovskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. Tambov, 1903. 122 p. [in Russian]

[Svavitsky, 1961](#) – *Svavitsky, N.A.* (1961). Zemskie podvornye perepisi: (Obzor metodologii) [Zemstvo household censuses: Review of methodology]. Moskva, 355 p. [in Russian]

[Svedeniya..., 1901](#) – Svedeniya o kolichestve skota v 1900 [Information on the number of cattle in 1900]. *Vremennik Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del*. Vyp. 50. SPb., 1901. 100 p. [in Russian]

[Svedeniya..., 1912](#) – Svedeniya o nekotoryh hozyajstvakh i tekhnicheskikh predpriyatiyah Tambovskoj i drugih gubernij [Information about some farms and technical enterprises of Tambov and other provinces]. Tambov, 1912. 124 p. [in Russian]

[Svod..., 1913](#) – Svod tovarnyh cen na glavnyh russkikh i inostrannyh rynkah za: s prilozheniem tablicy frahtov i strahovyh premij na hlebnye gruzy [Code of commodity prices on the main Russian and foreign markets for: with the appendix of the table of freight and insurance premiums for grain cargoes]. Sankt-Peterburg, 120 p. [in Russian]

[Vereshchagin, 1870](#) – *Vereshchagin, N.V.* (1870). Svedeniya o sostoyanii skotovodstva v Rossii, sobiraemye Statisticheskim otdelom Obshchestva. Volynskaya guberniya [Information on the state of cattle breeding in Russia, collected by the Statistical Department of the Society. Volyn province]. *Zapiski Moskovskogo obshchestva uluchsheniya skotovodstva v Rossii*. Vyp. I. SPb. Pp. 57-62. [in Russian]

[Voенно-statisticheskij..., 1871](#) – Voенно-statisticheskij sbornik [Military statistical collection]. Vyp. IV. Russia. SPb, 922 p. [in Russian]

[Voronkov, 1911](#) – *Voronkov, A.I.* (1911). Kratkoe opisanie Zemetchinskogo Votchinnogo imeniya ee siyatel'stva knyagini O.P. Dolgorukoj [A brief description of the Zemetchinsky Patrimonial estate of Her Excellency Princess O.P. Dolgoruky]. Morshansk, 28 p. [in Russian]

[Wilson, 1869](#) – *Wilson, I.* (1869). Ob"yasnenie k hozyajstvenno-statisticheskomu atlasu Evropejskoj Rossii [Explanation to the economic and statistical atlas of European Russia]. 4-e izd. SPb, 1869. 523 p. [in Russian]

[Zhivotnovodstvo..., 1903](#) – Zhivotnovodstvo Tambovskoj gubernii. Sbornik kalendar' Tambovskoj gubernii na 1903 god: izdanie Tambovskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta [Animal husbandry of the Tambov province. Collection calendar of the Tambov province for 1903: edition of the Tambov Provincial Statistical Committee]. Tambov, 1903. Pp. 282-308. [in Russian]

[Zhurnal..., 1903](#) – Zhurnal zasedanij sobraniya sluzhashchih Karlovskogo imeniya (1903) [Journal of meetings of the meeting of employees of the Charles estate]. Poltava, 1903. 106 p. [in Russian]

Особенности развития и продуктивные показатели животноводства крупных помещичьих имений Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Руслан Магомедович Житин^{а, *}, Алексей Геннадьевич Топильский^а, Максим Анатольевич Облицов^а

^а Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается развитие животноводства на территории крупных помещичьих хозяйств Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв. Помимо очевидных экономических перемен, связанных с ростом поголовья и увеличением продуктивности владельческого скота, рационализация данной отрасли способствовала общему подъему сельского производства, повышала его устойчивость в годы мирового аграрного кризиса. Конкретные аспекты развития крупных животноводческих поместий дореволюционной России еще не стали предметом изучения, тем не менее, рассмотрение данной темы позволяет дополнить историографические характеристики латифундальных экономий, полнее проанализировать проблему рационализации частных имений в конце XIX – начале XX вв. Первые попытки комплексного изучения параметров животноводства крупных имений относятся ко второй половине XIX века. Общие статистические

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: istoriko8@mail.ru (Р.М. Житин), a-topil@yandex.ru (А.Г. Топильский), Mr.MaximOblitsov@mail.ru (М.А. Облицов)

заметки о животноводстве ряда имений содержатся в земских сборниках, не потерявших своего значения до сих пор. Многие тамбовские владельцы заводили обширные породистые стада российского и зарубежного скота. К 1914-му году в России имелось 119 овцеводческих и 169 свиноводческих племенных хозяйств, 483 имения разводили продуктивный крупный рогатый скот, 293 специализировались на производстве и продаже ценных лошадей. Таким образом, в пореформенное время тамбовские помещичьи хозяйства существенно увеличили качественно-количественные показатели развития животноводческой отрасли региона. Существенно развивались овцеводство, свиноводство, коневодство, крупнорогатое скотоводство. Одновременно помещики добились улучшений в сфере разведения, содержания и кормления животных. Отдельным направлением стала промышленная переработка продукции животноводства, полнее всего выразившаяся в создании сепаратной переработки молока. Возросшие показатели скотоводства увеличивали общий прогресс сельского хозяйства, способствовали росту их доходов от продажи мясной и молочной продукции.

Ключевые слова: Российская империя, Тамбовская губерния, животноводство, крупное землевладение, помещики.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 346-358
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.346

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Socio-Economic Development of Akmola Region based on materials from Russian Official Sources at the end of the 19th century (1881–1900) (Historical-Political Aspect)

Gani M. Karasayev ^a, Altyn S. Ualtayeva ^{b, c, *}, Konstantin V. Cherepanov ^b, Aida S. Margulan ^{b, d}

^a Institute of State History of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^b Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^c Gylm Ordasy of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^d Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the socio-economic transformations in the Akmola region in terms of the colonization penetration of the Russian Empire into the steppes of Kazakhstan of the last quarter of the 19th century. Based on official sources of information (Reviews of the Akmola region and other similar sources of information), the types and methods of implementing the colonization and modernizing intentions of the tsarist administration are investigated and analyzed, the degree of their success and fundamentality is assessed. Valuable information deposited in the reviews of the Akmola region makes it possible to study the development of the city of Akmola and the adjacent territory in different aspects and the attitude of the authorities both to the development of the region and to the needs of its residents. At the same time, without a certain management experience developed over the long existence of the empire and its colonization practices, it would not have been possible to carry out further major socio-economic transformations in Kazakhstan in the first decades of the 20th century.

Keywords: Kazakh steppe, Akmola, trade, Russian Empire, land development, industry, social sphere, fairs, Review of the Akmola region.

1. Введение

Процесс вхождения земель, издавна населенных казахами, в состав российского государства носил длительный и нелинейный характер, растянувшийся на более чем столетний период. При этом продвижение царской империи на юг, в сторону киргизских (казахских) степей, являлось стратегическим и важнейшим направлением российской колониальной экспансии. Вследствие этого с начала XIX в. увеличилось количество экспедиций, целью которых было исследование новых территорий, жизни и быта коренных жителей. Результаты работы таких экспедиций скрупулёзно собирались и публиковались в виде правительственных отчетов и докладов, подготовленных по специальным заданиям, сообщений отдельных чиновников, инженеров и других специалистов, а также краеведов и путешественников. Каждый из них в разной степени и в силу своих способностей способствовал изучению присоединяемых и колонизируемых земель описанием производственных, хозяйственных и других особенностей различных регионов обширной казахской земли. Привлечены были и ученые, целью деятельности которых было научное исследование и сбор достоверных материалов.

Исследования проводились, прежде всего, в территориальных границах Акмолинской области, которая в 1867 г. была включена в пределы Западно-Сибирского генерал-губернаторства с центром в Омске. С 1882 до 1897 гг. Акмолинская вместе с Семипалатинской областью относились к Степному

* Corresponding author

E-mail addresses: ualtayeva_altyn@mail.ru (A.S. Ualtayeva)

генерал-губернаторству. Однако в них продолжали функционировать западносибирские управленческие структуры. В остальной период область входила в Туркестанский край.

Целью своей исследовательской деятельности, явившейся результатом научного анализа использованных документальных свидетельств активного российского проникновения в казахские земли, колонизаторской и модернизаторской практик, авторы публикации считают определение характера воздействия российского государства на степень и уровень развития колонизируемых в последние два десятилетия XIX в. (1881–1900 гг.) территорий, входивших в состав Акмолинской области Степного края. Для достижения поставленной цели решались задачи: 1) выяснения степени развития различных видов хозяйственной деятельности и социальной сферы на территории Акмолинской области в интересах царской администрации и местного населения, используя количественный подсчет и математический анализ, и на этой основе 2) выявление степени успешности применения колонизационных и модернизационных практик на осваиваемых территориях.

2. Материалы и методы

Был проанализирован и использован масштабный источниковый материал общероссийских документов. К ним относятся материалы переписей, справочно-статистические и географические издания: важную информацию раскрывают «Обзоры Акмолинской области» по годам. В них осящен широкий спектр вопросов, связанных с такими аспектами, как «Население и уровень жизни», «Наука и образование», «Здравоохранение», «Религия», «Промышленность», «Сельское хозяйство» и многое другое.

В ходе исследования также были использованы законодательные акты, отчеты губернаторов и другие документы.

Законодательные акты имеют безусловный приоритет в исследовании, так как они позволяют изучить экономическую структуру Акмолинской области конца XIX в. и инструменты воздействия на экономику области со стороны государства.

Отчеты губернаторов для МВД, отложившиеся в материалах архива, с 1870-х гг. стали публиковаться в качестве Обзоров Акмолинской области (ОАО). Все оригиналы Обзоров отложились в редком фонде Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина.

Многие историки относят данные отчеты к делопроизводственным видам источников. Их главное отличие состоит в том, что они создавались с целью фиксации результатов и контроля над реализацией конкретных управленческих решений, а поэтому дают не только объективную картину действительности, но и раскрывают динамику ее развития.

Статистические сборники, создававшиеся с целью изучения состояния социально-экономического положения населения казахской степи и выработки окончательных решений по управлению Акмолинской областью.

В исследовании применялась совокупность исторических и статистических методов. В основе методологии исследования применены общенаучные принципы, в первую очередь, принцип историзма.

Вместе с этим в исследовании использовались конкретно-исторические методы – как ретроспективный, проблемно-хронологический, хронологический-описательный, сравнительно-исторический, междисциплинарные методы, так и статистический, актуализации и обобщения рассматриваемого материала.

Совокупность этих методов позволила рассмотреть спектр и динамику историко-политического, социально-этнического развития региона на протяжении исследуемого периода.

В качестве важного дополнительного инструментария использовался структурно-диахронный анализ, требующий поэтапного изучения динамики развития в ограниченном комплексе условий конкретного времени.

3. Обсуждение

Научная новизна данной работы обусловлена недостаточной изученностью социально-экономического развития различных областей Казахстана, особенно в последние десятилетия существования царской империи. Неоспоримым фактом является скудность отечественных историографических материалов периода Нового времени. Казахская степь XIX в., как подчеркивали представители самих правящих кругов Российской империи, представляла собой плохо изученную территорию, продвижение вглубь которой и сохранение постоянного и прочного контроля над колонизируемым краем требовали тщательного и серьезного исследования.

Региональными историками в свое время были подготовлены не просто ведомственные статистические справочники, а публикации, содержавшие в себе результаты серьезного научного анализа. Справочно-статистические публикации И.Н. Юшкова, В. Михайлова, Н. Коньшина, А. Смирнова, В.П. Иванова, В. Маевского являют собой пример научного анализа функционирования ярмарок и ярмарочных систем Акмолинской области (Михайлов, 1895; Маевский, 1899; Коньшин, 1896; Иванов, 1895; Смирнов, 1927).

Отмечая в конце XIX в. окончательную переориентацию кочевых хозяйств на нужды российской промышленности, расширение сибирско-азиатской торговли, о связях с российской

ярмарочной сетью писал А.Н. Тетеревников (Тетеревников, 1867). Возрождение интереса к сюжетам социально-экономического развития Акмолинской области последних десятилетий XIX в. происходит почти через три четверти века, в связи с превращением Акмолинской области в регион массового возделывания зерновых, а самого города, переименованного в Целиноград, в административный и хозяйственный центр Целинного края.

Интерес к вопросу развития товарного производства и межрегиональной торговли через восточную часть Российской империи с Азией появляется в работах Н.Г. Апполовой и М.К. Рожковой (Апполова, 1960; Апполова, 1976; Рожкова, 1963). Формированию оптового рынка в конце XIX в. путем слияния мелких ярмарок в области и существованию стационарной торговли в Акмолинске посвящено исследование С.А. Сундетова (Сундетов, 1970). К выводу о функционировании более десятка ярмарок в Акмолинской области после 1875 г. и их связи со скотопромышленниками Тобольской губернии приходит О.Н. Сидорчук (Сидорчук, 1996).

Влияние демографических процессов на торговлю в Казахстане в XIX в. в настоящей работе рассмотрено с использованием наработок Н.В. Алексеенко и А.Н. Алексеенко, касающихся народонаселения восточного и северного Казахстана (А.Н. Алексеенко, Н.В. Алексеенко, 1999). Исследователь Ж.К. Касымбаев в своих трудах исследовал динамику роста городского населения и формы торговли в северном и восточном Казахстане (Касымбаев, 1990). Вопросам торгово-экономического освоения Казахстана в XVIII – первой половине XIX в. посвящена публикация И.Н. Ерофеевой (Ерофеева, 1987).

Влияние этнокультурных традиций на особенности производственной системы казахов выявили ученые Н.Е. Масанов и С.Е. Толыбеков (Масанов, 1994; Толыбеков, 1971). В своем труде Ж.О. Артыкбаев акцентировал внимание на связи между разъездной периодической торговлей и кочевым скотоводством (Артыкбаев, 2006).

В рамках данной публикации, используя наработки ученых и результаты предыдущих исследований, авторы работы объединили документальные исчисляемые данные по социально-экономическому развитию Акмолинской области периода 1881–1900 гг. и пришли к определенным научным выводам.

4. Результаты

Важные и информативные документальные свидетельства содержатся в официальном обзоре по Акмолинской области за 1881 г. (Раздорский, 2011: 73), опубликованном в Омске в 1882 г. В нем приводятся данные о развитии сельского хозяйства указанного региона за 1881 г., в том числе о состоянии животноводства, о развитии горнодобывающей промышленности и о торговых операциях.

Из документа выявляются сведения о бытовых условиях жизни местных жителей, об обеспеченности их скотом в Семипалатинской области, который являлся для них мерилom зажиточности и успешности. У оседлого населения всего было 116 648 единиц скота, на одного оседлого жителя – 2,1, у кочевников – 3,603,411 голов, на одного кочевника – 7,5 голов; в Акмолинской области у оседлого населения – 179 944 единиц скота, на одного оседлого жителя – 1,5. Количество скота у кочевников составило 2 346 001 единиц, на одного скотовода – 6,9 голов. По Тургайской области сведения по оседлому населению отсутствуют (видимо, в силу его малочисленности), у кочевников – 3 662 737, то есть на одного кочевника – 11,5 голов. Это самый высокий показатель обеспеченности скотом у кочевого населения той или иной области на территории современного Казахстана (ОАО, 1881: 4).

В Уральской области у оседлого населения всего выявлено 989 465 единиц скота, на одного оседлого жителя – 9,0, у кочевников – 2 304 828, на одного кочевника – 5,5 голов соответственно (ОАО, 1881: 4). Обратная пропорция в пользу оседлого населения в Уральской области объясняется успешным сочетанием земледелия и скотоводства у представителей уральского казачества, славившегося своими боевыми и предпринимательскими качествами. Вызывает удивление и большое абсолютное количество скота в собственности у оседлого населения, количество которого всего лишь в 2,3 раза меньше, чем у кочевников, в то время как в других областях этот разрыв исчислялся в десятки раз!

Различие в количестве скота, находившегося в собственности оседлого и кочевого населения области, объяснялось тем, что животноводство имело разное экономическое значение для этих двух групп населения: для первых оно было дополнительным промыслом, для вторых – единственным показателем материального благосостояния: казах получал от своих стад пищу (мясо и молоко), одежду (кожу, выделанную кожу, различные виды кожаной одежды), жилище (юрта из войлока) и средства передвижения, а также обеспечивал себя необходимыми предметами путем продажи излишков скота, его сырья и производимых на месте продуктов питания.

Кроме животноводства, с начала XIX в. в Акмолинской области стала зарождаться горнодобывающая промышленность, и уже к концу того же века она достигла достаточного уровня, чтобы стать одной из приоритетных отраслей хозяйства этого региона Казахстана.

Как отмечается в Обзоре Акмолинской области за 1892 г.: «После земледелия и животноводства особого внимания заслуживает горнодобывающий промысел. По объему своего производства среди других отраслей обрабатывающей промышленности...» (ОАО, 1883: 4).

Горнодобывающая промышленность в основном была сосредоточена в двух уездах Акмолинской области, а именно в Акмолинском и Кокчетавском, и состояла из добычи каменного угля, медной руды и золота.

Из 36 зафиксированных в документе поданных заявок 7 – на добычу угля, 19 – на добычу меди и 10 – на добычу золота (ОАО, 1881: 9). На всех месторождениях в 1881 г. было добыто 1 051 115 пудов угля (на 180 888 пудов меньше по сравнению с 1880 г.); медной руды – 212 972 пуда (на 42 225 пудов больше по сравнению с 1880 г.); золота – 17 фунтов, 17 золотников (на 39 фунтов, 75 золотников, 16 долей меньше по сравнению с 1880 г.) (ОАО, 1881: 10).

На угольных разработках было задействовано 256 рабочих, на медных рудниках – 258, на золотых приисках – 25, всего – 539 рабочих (ОАО, 1881: 10).

Большое внимание во время путешествий исследователями уделялось изучению торговых отношений в крае, так как это было выгодно для развития торговли всей Российской империи. В Акмолинской области торговые отношения имели постоянную основу, и в развитии этой необходимой для жизни отрасли были заинтересованы все местные жители и, по мере возможности, в ней же и участвовали.

Анализ этих источников позволяет увидеть, что количество и ассортимент товаров, поступающих в торговлю, и объем торговых оборотов определялись достаточно точными цифрами. Отмечается, что в области с 1881 г. активизировались и чаще проводились ярмарки. Сами ярмарки делились на две группы по объемам торгового оборота и районам влияния (ОАО, 1882: 18).

Первая группа была распространена в казачьих поселениях. Здесь продавались и обменивались казахские товары на русские. Большинство ярмарок проходило осенью, в период, когда казахи-кочевники возвращались на зимние стоянки, которые располагались вблизи казачьих поселений. Основным товаром обмена был скот, который казахи меняли на различную продукцию, продукты питания, одежду, домашнюю утварь и другие необходимые товары. Только в 1881 г. было проведено в области 23 таких ярмарки. В 1879–1880 гг. таких ярмарок было на четыре меньше, из-за недостатка скота у местного населения (ОАО, 1882: 18).

Ко второй группе ярмарок относились Акмолинская (с двадцать первого мая до десятого августа) и ярмарка в поселении Тайыншаколь (100 верст от города Петропавловска – с первого июля по двадцатое августа). Сюда съезжались торговцы из Сибири, иногда Центральных районов России и всего Туркестанского края. Ярмарки специально проводились летом, так как основным товаром был скот, и именно в летний период удобнее всего было пригонять многочисленные стада из любых отдаленных мест летних пастбищ (ОАО, 1882: 18).

Несмотря на разные дни и места проведения, ярмарки обеих групп были связаны между собой. В основном скот собирался с ярмарок первой группы и большими стадами отправлялся на большую ярмарку, в основном в Тайыншаколь. Отсюда производилась большая отправка товара в промышленные и торговые центры Западной Сибири и России (ОАО, 1882: 18).

Только в 1881 г. денежный оборот на всех ярмарках составил 5 235 264 руб., из которых товара было продано на 2 966 450 руб. (ОАО, 1882: 18). На Тайыншинской ярмарке было продано 13 656 голов крупного рогатого скота, 1 645 лошадей, 147 671 овец и др. (ОАО, 1882: 19).

В другом обзоре (Раздорский, 2011: 75), опубликованном в 1883 г. в городе Омске, содержится анализ уровня хозяйственного развития уездов Акмолинской области за текущий период.

Эти данные формируют представления о земледелии, доле и количестве казахского населения, занятого земледелием и животноводством, а также о количестве скота у казахов, горнодобывающей промышленности и уровне развития других отраслей хозяйства.

В этом документе сообщаются следующие сведения: «В Акмолинской области среди отраслей производственной промышленности развито земледелие, которым занимаются в основном казаки на принадлежащих им землях, вместе с ними мещане и разночинцы на арендованных землях, а также крестьяне в разрешенных для поселения участках и в очень малом количестве киргизы на государственных землях (ОАО, 1883: 3-4).

Осенью 1881 г. и весной 1882 г. в Акмолинской области было посеяно различных видов зерновых 61 660 центнера. Из них казаки посеяли 51 855 центнеров или 84,1 %, мещане и разночинцы – 4 852 или 7,9 %, крестьяне – 2 610 или 4,2 %, киргизы – 2 343 или 3,8 %.

Что касается казахов, то земледелие среди них находится на самой низкой ступени развития из-за низкого плодородия почвы и неблагоприятных климатических условий (недостаток пригодной земли и в некоторых случаях полное отсутствие такой земли и орошения), а также кочевого образа жизни, основанного на ведении особо развитого животноводства в степных регионах, совершенно неблагоприятных для земледелия» (ОАО, 1883: 4).

В 1882 г. у жителей Акмолинской области насчитывалось различного скота 1 895 040 голов, в том числе у оседлого населения – 173 431 и у кочевого населения – 1 721 609 голов, и в среднем на каждые 100 оседлых жителей приходится 137 голов, а на 100 кочевых жителей – 504 головы.

Эти различия в количестве скота на душу оседлого и кочевого населения, как уже пояснялось, доказывали только то, что для первых обладание им было важным, но второстепенным в хозяйстве, а для вторых – единственным источником дохода, определявшим их материальное положение (ОАО, 1883: 9). Рассматривая этот показатель хозяйственного обзора, следует отметить, что количество скота у казахов фактически превышало количество данных в официальной статистике. Местные жители не хотели показывать реальное наличие скота, так как боялись очередного джута, увеличения подымного налога и других обязательств, вытекавших из этого (ОАО, 1883: 9).

Кроме животноводства и земледелия, развивалась и промышленность. Среди других промышленных отраслей можно отметить горнодобывающую промышленность. Она начала приобретать особое значение в экономике края, что видно из объема своего производства, наличия точных количественных показателей по сравнению с рыболовством, охотой, грузоперевозками.

Горнодобывающее дело в основном было сосредоточено в двух уездах Акмолинской области – Акмолинском и Кокчетавском, и представлялось добычей угля, меди и золота (ОАО, 1883: 16). В 1882 г. действовало одно угледобывающее предприятие (Карагандинское в Акмолинском уезде), в Успенском и Акмолинском уездах – один медный рудник, в Кокчетавском уезде – 10 золотоискательных приисков. Поступали дополнительные заявки на разработку и добычу в Актюбинском уезде 10 медных месторождений, 11 месторождений золота в Кокчетавском уезде (Апысбаева, 2020: 240).

В 1882 г. на всех действующих месторождениях по сравнению с 1881 г. было добыто: каменного угля – 734 131 пуд, что на 316 984 пуда меньше, чем в 1881 г., медной руды – 155 000 пудов, на 57 972 пуда меньше, золота – 2 пуда, 24 фунта, 90 долей (ОАО, 1883: 16).

Число рабочих на угольных месторождениях составило 242 человека, на медных рудниках – 189 человек, на золотых приисках – 431, всего – 862 человека (ОАО, 1883: 17).

Развитие обрабатывающей промышленности Акмолинской области в этот период характеризовалось следующими показателями: всего работало 151 завод, и их производственные показатели с 1 600 рабочими составили более 1 506 607 рублей (ОАО, 1883: 18).

В том числе заводы, в количестве 40, занимавшиеся обработкой минерального сырья, произвели продукции на 160 206 рублей; растительной – 12 заводов произвели продукции на 204 038 рублей; животноводческой – 99 заводов – продукции на 142 368 рублей (ОАО, 1883: 18).

Торговля в области сосредоточилась в постоянных местах – торговых лавках, продолжали действовать как большие, так и локальные ярмарки для обмена земледельческого товара на скот с кочевниками. Места и группы ярмарок оставались прежними, но в 1882 г. усилилась их активность, и было проведено уже 25 крупных ярмарок. Объем привезенных товаров составил 4 427 767 рублей, продано же товаров было на 2 204 095 рубля. Из Ботовской и Константиновской ярмарки скот собирался и отправлялся на крупную Тайыншакольскую ярмарку и оттуда отправлялся в дальние регионы России (Мырзаханов, 2008).

В следующем, 1884 г., в городе Омске был опубликован обзор за предыдущий год (ОАО, 1884), где были представлены справочные показатели основного хозяйственного развития области за 1883 г. В нём также имеются сведения о развитии земледелия. В Акмолинской области осенью 1882 г. и весной 1883 г. было засеяно различными зерновыми культурами 60 618 десятин земли, из них: казаками – 51 221 или 84,5 %, мещанами и разночинцами – 4 833 или 8,0%, крестьянами – 3 152 или 5,2 %, казаками – 1 411 или 2,3%. В сравнении с 1882 г. площадь засеянных полей уменьшилась на 1 042 десятин земли (ОАО, 1884: 6).

По состоянию животноводства по области насчитывалось 1 999 642 голов разного вида скота, из них у оседлого населения – 157 608 голов (Абуев, Мырзаханов, 2017: 66-71) и у кочевого населения – 1 842 034 голов, что в расчете на 100 человек составляло у оседлого населения 121 голов, а у кочевого населения – 544 головы скота (ОАО, 1884: 10).

Имелись и сведения по развитию горного дела. По опубликованным в обзоре данным, в Акмолинской области действовали 1 угольная шахта (Карагандинское месторождение в Акмолинском уезде), 2 медных рудника (Успенский и Спасский в Акмолинском уезде) и 12 золотоискательных приисков (все в Кокчетавском уезде), кроме того, в том году было подано 37 заявок на открытие золотых приисков, из которых 5 не были удовлетворены (ОАО, 1884: 13). В 1883 г. было добыто минералов и металлов:

Каменный уголь – 960 762 пудов, по сравнению с 1882 г., больше на 226 631 и более;

Медная руда – 161 628 пудов, по сравнению с 1882 г., больше на 6 628 пудов;

Золото – 5 пудов, 31 фунт, 62 доли, по сравнению с 1882 г., больше на 3 пуда, 6 фунтов, 93 золотника, 68 долей (ОАО, 1884: 13).

Наблюдался рост численности рабочих, занятых в горной промышленности: на угольных разработках – 282 человека, на Успенском медном руднике – 136 человек и на золотых приисках – 994, всего – 1412 человек (ОАО, 1884: 13).

В обрабатывающей отрасли работали 129 заводов с 1 286 рабочими, было произведено продукции на 1 505 541 рубль. По сравнению с 1882 г. общее число заводов уменьшилось на 22, однако количество произведенного товара практически не изменилось (ОАО, 1884: 14).

В 1883 г. было выдано 2 359 торговых свидетельств, что на 163 больше, чем в 1882 г., из них – 406 гильдейских и 1 953 промысловых (ОАО, 1884: 15).

Действовало всего 24 ярмарки, из которых 22 имели только местное значение для обмена скота кочевников на промышленные товары и продукты местных жителей (ОАО, 1884: 15). С июля по конец августа продолжали действовать две крупные ярмарки – Акмолинская и Тайыншакольская (Алпыспаева, 2020: 243), которые вели торговые отношения не только с Сибирской губернией, но и с Европейской Россией, и с Туркестаном.

В этом же году на ярмарках первой и второй категории сумма привоза и продажи различных товаров составила около двух миллионов рублей, из которых было привезено скота на 1 3726 797 руб., при проданном на 1 190 803 руб. Продуктов животноводства привезено на 708 193 руб., продано на 671 511 руб. 25 коп. (ОАО, 1884: 15).

В памятной книжке Акмолинской области за 1887 г. и в адрес-календаре, составленных секретарём статистического комитета Козловым Н. А. на основе географическо-статистических сведений (Памятная книжка..., 1887: 5), приводятся основные показатели хозяйственного развития Акмолинской области за прошедший год.

В области животноводства на 1 января 1886 г. у населения Акмолинской области насчитывалось 2 104 157 голов разного скота, в том числе у оседлого населения – 157 868 голов, а у кочевого населения – 1 946 289 голов, что в среднем составляло 1,2 головы на одного оседлого жителя и 5,8 голов на одного кочевого жителя (Памятная книжка..., 1887: 28).

Горнодобывающая промышленность в основном по-прежнему располагалась в двух уездах Акмолинской области, в Акмолинском и Кокчетавском, где добывались каменный уголь, медная руда и золото.

В 1885 г. действовали одна угольная шахта (Карагандинская в Акмолинском уезде), два медных рудника (Успенский и Ильинский в Акмолинском уезде) и 29 золотоискательных приисков (Кокчетавский уезд). Кроме того, в указанном году поступило 86 заявок на золотоискательные прииски, из которых 31 была удовлетворена. На угольных разработках работало 268 рабочих, на медных рудниках – 77 человек и на золотых приисках – 2 086, всего – 2 431 человек (Памятная книжка..., 1887: 34).

Частная золотодобыча в Акмолинской области велась с 1836 г., в 1854 г. она была временно приостановлена, однако в 1871 г. возобновилась и с этого времени развивалась в увеличивавшихся объемах (Таблица 1; Памятная книжка..., 1887: 37).

Таблица 1. Золотодобыча в Акмолинской области с 1882 по 1885 гг.

Год	Заявки на открытие приисков	Действующие прииски	Добыто золота на действующих приисках	Число рабочих на приисках
1882	11	10	2 пуда 24 фунта 2 золотника 90 долей	431
1883	37	12	5 пудов 31 фунт 0 золотников 62 доли	994
1884	102	23	7 пудов 35 фунтов 35 золотников 80 долей	1537
1885	86	29	7 пудов 39 фунтов 51 золотник 33 доли	2086

Как видно из Таблицы 1, с 1882 г. золотодобыча демонстрировала довольно успешные результаты, всего было добыто золота с 1874 по 1885 гг. – 32 пуда 10 фунтов 53 золотника 86 долей (Памятная книжка..., 1887: 37).

В 1885 г. в области действовали 113 заводов, и произведенная на них продукция 1 524 рабочими составила 1 281 462 рубля 50 копеек (Памятная книжка..., 1887: 38).

Продолжала развиваться торговля. Общее число ярмарок в Акмолинской области превысило 30, однако действовали из них 27, крупнейшие: Константиновская в городе Акмолинске Акмолинского уезда, Петровская в станице Атбасар Атбасарского уезда, Александро-Невская в станице Арыкбалык Кокчетавского уезда, Афанасьевская в станице Пресновской Петропавловского уезда, там же Никольская, по Омскому уезду – Михайловская в городе Омске, Симеоновская в станице Николаевской (Памятная книжка..., 1887: 40-42).

В 1885 г. на все ярмарки, кроме официально не открытых Бикчентайской и Филиппинской, было привезено различных товаров на 4 815 307 рублей 77 копеек, из которых было продано на 3 045 365 рублей 94 копейки, в итоге весь оборот ярмарочной торговли достиг 7 860 673 рублей 71 копейки (Памятная книжка..., 1887: 42). Указанная сумма по видам товаров распределяется на определенные группы, привезено скота на 1 505 603 рублей 25 копеек, из них продано на сумму 1 444 708 рублей 25 копеек. Кроме того, привезено скота и степной продукции на сумму 1 131 678 руб. 27 копеек, продано на 1 125 866 рублей 27 копеек. Также привезено азиатских товаров на сумму 195 963 рублей, продано на 70 515 рублей, и европейских товаров на сумму 1 982 063 рублей 25 копеек, продано же на 404 276 рублей 42 копеек (Памятная книжка..., 1887: 42).

То есть скот и продукты животноводства составляли более 2/3 всего торгового оборота, а европейские товары – 1/3 часть (Памятная книжка..., 1887: 42).

В опубликованном обзоре за 1894 г. (Раздорский, 2011: 77) даны показатели хозяйственного развития Акмолинской области 90-х гг. XIX в. По вопросам развития животноводства приводилась общая вводная справка, в которой сообщалось, что обширные пастбищные пространства степных областей по своим почвенным и климатическим условиям создают благоприятные условия преимущественно для ведения животноводства, являясь естественным пастбищем для многочисленного казахского (киргизского) скота.

Указывалось на то, что в соответствии с природными особенностями Центрально-Азиатской степи казахское (киргизское) животноводство не только обеспечивало материальное положение киргизов, составлявших большую часть населения области, но и определяло бытовые и духовные особенности кочевников: степь, юрта и скот – это то, что киргиз видел от рождения до смерти, и условия быта, связанные непосредственно со скотом, известные только им.

С начала появления здесь русских, делали вывод авторы вводной справки, степь стала известна богатством полезных ископаемых, были обнаружены богатые месторождения меди, свинца и серебра, золотоносные пески, магнитное железо, графит, каменный уголь, соль и различные цветные камни.

К 1894 г. в Акмолинском и Кокчетавском уездах число заявленных и разрабатываемых площадей достигло 99, в том числе 4 каменноугольных, 4 серебряно-медных, 9 серебряно-свинцовых и 82 золотодобывающих участка (ОАО, 1896: 42).

В 1894 г. горный инженер Краснопольский, как начальник горной партии Западно-Сибирской железной дороги, занимался преимущественно поиском месторождений каменного угля в Семипалатинской и Акмолинской степных областях (ОАО, 1896: 42).

В 1894 г. из 76 приисков разведочные работы велись только на 14 (в 1893 г. – 29), на них работало 429 рабочих, преимущественно старателей, промыто 3 624 450 пудов песка, добыто 1 пуд 38 фунтов 87 золотников 54 доли шлихового золота (ОАО, 1896: 48).

Продолжали усложняться торговые отношения. В области активно велась постоянная торговля, сосредоточенная в нескольких городах и поселках в постоянно действовавших лавках и торговых рядах. Разъездная и развозная меновая торговля между кочевыми казахами и оседлым населением сочеталась с работой ставших крупными, масштабными центрами постоянной торговли в городах Акмолинске, Петропавловске и Омске (Мырзаханов, 2008: 200; Абуов, Мырзаханов, 2017: 66-71). Они служили местами сосредоточения европейских, мануфактурных, бакалейных, галантерейных, кожевенных, металлических и других товаров, а также азиатских товаров, потребляемых местным оседлым и кочевым населением.

Меновая торговля, будучи основой первых торговых отношений с центральноазиатской степью, широко развивалась до последнего времени и сохранялась в отдаленных районах области. Посредниками в такой торговле всегда были сибирские татары, так как русские купцы не знали языка и быта киргизов и опасались частых, в те времена, грабежей.

С открытием Сибирской и Горьковской казачьих линий казаки начали глубже проникать в степь и устанавливать меновые торговые отношения с местным населением, особенно кочевниками, которые низко оценивали стоимость своего домашнего скота и его продукции в целом, а за русские товары (хлопчатобумажные ткани, древесину, фарфоровые и чугунные изделия) в прежние времена платили втрое. Таким образом, меновая торговля быстро обогащала казаков и всех русских предпринимателей.

О том, насколько выгодной была меновая торговля для степных купцов, можно судить по следующим меновым расчетам, а именно: 6-7 аршин ситца или бязи обменивались на ягненка, который через год-два стоил от 3 рублей 50 копеек до 4 рублей (ОАО, 1896: 52).

Однако постепенно такой вид торговли становился не таким выгодным для казачества, как раньше. Местное население быстро приобрело опыт в сфере обмена, увеличился спрос на степные товары, соответственно, выросли цены на них, а в противоположность этому, из-за ежегодного прибытия в степь торговцев из разных российских районов, увеличивалось предложение товаров. Это приводило к прямым контактам торговцев с кочевниками и, как следствие, к снижению цен на русские товары.

Увеличение числа «перекупщиков» среди местного населения (покупателей, перепродававших товар), которые обменивали мануфактурные и другие товары среди своих соплеменников на сырье, а также покупали его и перепродавали русским купцам, получая определенный процент, также привело к уменьшению объемов меновой торговли (ОАО, 1896: 52).

Известный краевед, секретарь Омской областной контрольной палаты Н. Э. Коншин, свои исследования по истории Западной Сибири и, в частности, восточного региона Казахстана и Алтайского края с конца XIX до начала XX в. изложил и опубликовал в 1896 г. в городе Омске в работе «Краткий статистический очерк промышленности и торговли в Акмолинской области за 1880–1890 годы» (Раздорский, 2011: 79).

В этом сборнике материалов, составленном на основе конкретных данных, присутствовал анализ промышленного развития и торговых отношений в Акмолинской области. Наряду с этим,

в сборнике были предоставлены сведения об общественном развитии Акмолинской области с начала XIX в., о российской колонизации края, о влиянии имперских реформ по управлению Западной Сибирью на протяжении XIX в., об отношении местных казахов к этим реформам.

В этом труде, переведенном с казахского на русский язык, сообщалось: Киргизская степь, особенно её центральная и южная части, издавна была известна своим богатством различных минералов. Еще в начале этого века (1816 г.) военная экспедиция, направленная в степь с целью устранения последствий грабежей киргизов, обнаружила здесь признаки богатых медных и серебряно-свинцовых руд. После введения «Положения о сибирских киргизах (22 июня 1822 г.)» (ПСЗРИ, 1830) и начала создания внешних округов с 1835 г. русские получили возможность заниматься горным делом на определенных основаниях, кроме чиновников и их жен.

В 1861 г. товариществу купца Рязанова было дано разрешение на строительство медеплавильного завода на установленной территории, используемой киргизами в нынешней Акмолинской области, с обязательством осуществлять плавку металла только на местном каменном угле. Открытие этого завода (Спасского, в 30 верстах от обширных Карагандинских угольных месторождений) послужило мощным толчком к основанию добычи медной руды и каменного угля в Акмолинском уезде.

До отмены «Положения о сибирских киргизах» (1868 г.) киргизская степь была отделена от других частей Сибири таможенной системой, граничащей с казачьими линиями. Правительство с самого начала сибирской истории постоянно принимало меры по установлению торговых отношений с кочевниками. Для содействия привлечению кочевников, в том числе азиатов, к системе в 1764 г. были выделены значительные средства из сибирских доходов на их содержание, а в 1883 г. была осуществлена постройка мечети на пути их торговых караванов.

Основным местом связи со степью в то время (мы говорим только о торговом месте на территории нынешней Акмолинской области) был город Петропавловск, также в Омске действовал особый таможенный центр. Учитывая опасность степной торговли, с 1803 г. для защиты торговых караванов, направляемых из Петропавловска в степь, в их состав включались вооруженные казаки при условии обеспечения купцами двойной оплаты.

Наряду с этим, для развития торговли некоторые товары освобождались от налогов. Например, в 1831 г. начали осуществлять беспошлинный ввоз кожи, животного жира из киргизских округов, а в 1835 г. – беспошлинный ввоз зерновых товаров и орудий земледелия в эти округа. По сохранившимся данным 1830 г., торговый оборот одного только Петропавловска достиг 7 млн рублей. Однако этот торговый оборот в 1840-е гг., вследствие восстания Кенесары, уменьшился более чем в три раза.

Как упоминалось выше, в 1868 г. Оренбургская и Сибирская таможенные системы были полностью упразднены. Общее число ярмарок в области достигло 42 (1893 г.), из них крупнейшими являлись: Константиновская в городе Акмолинске, Петровская в станице Атбасар и Тайыншакольская в Петропавловске (Краткий статистический очерк, 1895).

В обзоре Акмолинской области за следующий 1895 г. также приведены сведения по развитию региона. Промышленное производство характеризовалось активным развитием добывающих отраслей, добычи соли, горного дела. Из земледельческих промыслов развивалось овощеводство, бахчеводство, лесное хозяйство, охота, птицеводство, рыболовство, производство технических культур: конопли, табака, льна и др. (Раздорский, 2011: 80).

Следующий обзор был опубликован в 1900 г. за 1898 г., в нем содержалась расширенная информация по развитию золотодобычи. Работало 11 приисков в области из 72, в них было задействовано 667 старателей, промыто 1 195 250 пудов золотоносного песка, из которого получен 21 фунт 70 золотников 94 доли шлихового драгоценного металла. В сравнении с 1897 г. это было на 10 фунтов 53 золотника 65 долей меньше (ОАО, 1900: 41). За период 1880–1890 гг. добыча золота постепенно снижалась, самый высокий показатель 8 пудов был только в 1885 г. Основными причинами снижения темпов в этой отрасли были:

1. Низкое содержание золота в местах добычи. Активные работы по добыче быстро истощали без того малочисленные залежи драгоценного металла.
2. Отсутствие на должном уровне исследовательских работ по поиску новых месторождений (ОАО, 1900: 42).

Что касается заводов, то их количество также постепенно снижалось, действовали 572 предприятия, что в сравнении с 1889 г. было меньше на 37. Работали 2 257 рабочих разных специальностей, выпустивших продукции на 1 316 679 рублей (ОАО, 1900: 42).

Активнее всего развивалась ярмарочная торговля. Количество ярмарок превышало 60 в год. Товарооборот их также превышал 16 млн рублей. Привозилось на продажу товаров на более 8 млн рублей, было продано на сумму свыше 7 млн рублей, что на 85 425 рублей превышало показатели прошлого года (ОАО, 1900: 48). Если проследить по типам проданных товаров, то наибольшим спросом пользовался, как всегда, скот – более 70 процентов, по сравнению с 1889 г. Количество привезенного разного вида скота было 91 893 голов, в том числе 4 100 голов крупного рогатого и 87 793 мелкого скота. В цене были и европейские товары, составившие более 20 процентов от продаж (ОАО, 1900: 48).

Наряду с хозяйственными показателями, в обзорах имеются сведения о состоянии образования в Акмолинской области.

В 1882 г. в Акмолинской области было 134 учебных заведений, а именно: 1 учительская семинария, 125 начальных школ, 3 средних школы, 5 специальных (медицинских и технических) (ОАО, 1883: 26). В этих школах обучались исключительно оседлые жители области, и число учащихся составляло 5 725 человек, в том числе 4 190 лиц мужского пола и 1 533 лиц женского пола. В среднем на 1 учащегося приходилось всего 22 оседлых жителя, из них на 15,6 мужчин и на 38 женщин (ОАО, 1883: 27).

Что касается кочевого казахского населения, то процесс образования среди них было мало организован и ограничивался лишь несколькими временными частными школами с несложными программами для обучения татарской грамоте и письму, занятия в них вели частные учителя.

Более высокие требования при обучении казахов существовали в интернатах для русских и казахских мальчиков при приходских школах в городе Омске и в уездном училище. При каждом уездном управлении было открыто по два интерната не только для ознакомления детей кочевавших казахов с русской грамотой, но и с целью приучения воспитанников к условиям оседлого образа жизни, привития практики обучения сельскому хозяйству, ремеслу, а девочек-воспитанниц обучали основам домашнего хозяйства и освоению домашних инструментов.

Казахских мальчиков по квоте до 10 человек обучали в открытых в городе Омске фельдшерских и ветеринарных школах (ОАО, 1883: 26-27).

Из данных обзора за 1882 г. следовало, что в Акмолинской области имелись 1 областной врач, 8 гражданских, 25 военных, фельдшеров: гражданских – 11, военных – 47, ветеринарных – 16, оспенных учеников – 20, повивальных бабок – 11 (ОАО, 1882: 24). Состав медицинских работников четко указывал на преобладание специалистов военной категории и ветеринаров, объяснявшееся интересами военно-хозяйственной колонизации.

Медиками Акмолинской области было пользовано 15 970 человек, из них 657 умерло (ОАО, 1882: 24).

Количество учебных заведений по области в 1883 г. осталось прежним. Наблюдалось уменьшение количества учеников до 5 296 человек, в том числе 3 857 мужского пола, 1 439 женского пола. В сравнении с 1882 г. общее число учащихся уменьшилось на 429 человек, в том числе на 335 мужского пола, 94 женского пола (ОАО, 1884: 23).

По материалам обзоров в оседлых районах в 1894 г. функционировало уже 151 учебное заведение по разным формам обучения, количество контингента обучавшихся составляло 7 977 человек, из них 5 714 мальчиков и 2 263 девочек. По сравнению с 1893 г. количество школ увеличилось на 10, в них количество мальчиков – на 744, девочек – на 170 соответственно (ОАО, 1896: 85).

Старейшим учебным заведением, в котором обучалось наибольшее количество учащихся, был основанный в 1813 г. Сибирский кадетский корпус с военно-подготовительным пансионом. Кроме корпуса были еще мужская и женская гимназии, женская прогимназия, основанное в 1857 г. уездное училище. Более расширенное образование получали в учительской семинарии, в десяти начальных училищах, финансировавшихся из бюджета города, в двух специальных медицинских и одном техническом училище (ОАО, 1896: 85).

Функционировали городские училища, подведомственные Министерству народного образования Российской империи, в городах Петропавловске, Кокчетаве, Акмолинске и Атбасаре. Это же министерство курировало станичные и поселковые школы в казачьих поселениях, финансируемые Сибирским казачьим войском для детей уездных жителей. Новой тенденцией становилось открытие сельских церковно-приходских школ в крестьянских поселениях (ОАО, 1894: 85).

По данным обзора за 1896 г., в Акмолинской области имелось уже: 2 городских больницы в городах Омске и Петропавловске, 3 уездных: в Петропавловском, Кокчетавском, Атбасарском уездах, 2 тюремные больницы в г. Омске и г. Петропавловске, 1 больница для душевнобольных. Врачебный персонал военного ведомства состоит из 2-х старших врачей, 3 участковых. В распоряжении каждого врача имелся старший, младший фельдшеры и повивальная бабка (ОАО, 1896: 77). Аптек в области насчитывалось 5. В течение отчетного периода за медицинской помощью обратилось уже 44 223 человека, из них умерло 634 человека. Основной причиной смерти были инфекционные заболевания (ОАО, 1896: 77).

Бросается в глаза не только количественное и качественное улучшение состояния с медицинской помощью, но и почти трехкратное увеличение количества людей, обратившихся за помощью при сохранении прежнего уровня смертности у пациентов. Конечно, все эти успехи были заметны на фоне крайне низкого стартового уровня, а сами медицинские услуги были недоступны для абсолютного большинства населения области.

5. Заключение

К концу XIX в. стала очевидной четкая планомерность действий Российской империи в направлении подчинения как Акмолинской области, так и всей казахской степи. Новое колониальное руководство уделяло особое внимание предотвращению повторения движения Кенесары 30–40-х гг.

XIX в., выступившего против российских административных реформ, направленных на законодательное осуществление полной колонизации казахских земель.

Как видно из проанализированных выше российских письменных источников, со второй половины XIX в. основное внимание царской империи было направлено на полное промышленное и хозяйственное освоение присоединенных казахских земель, в том числе Акмолинской области. Заселение края русскими крестьянами, наделение их и казачьих отрядов землей приводило к переформатированию этой территории в российскую окраину.

Политика Российской империи была такой же, как и любой другой колониальной державы. На фоне проведения разведки природных ископаемых строились рудники и прииски – развитие добывающей промышленности стало важнейшей задачей колониальной администрации в Казахстане. Сырье в большинстве случаев, как и положено, в условиях колонии, вывозилось на обрабатывающие заводы за пределы края.

Была организована торговая сеть в виде ярмарочной системы и товарообмена. В сфере животноводства на государственном уровне осуществлялась скупка основных средств существования казахов – скота и его продукции. Часть переселенцев стала заниматься рыболовством, охотой, наладила систему грузоперевозок. Однако в отношении кочевого населения были установлены определенные ограничения на переселение в промышленные города. Кочевое животноводство, как чуждое царской России, не поддерживалось, в результате чего в начале XX в. начался джунт, тысячами уносивший скот, и другие природные бедствия.

Наряду с этим усиливалась военная колонизация указанного региона. Численность русских казаков в крае многократно увеличилась по сравнению с предыдущими периодами. Продолжалось создание для них особых условий. С этой целью местное коренное население – казахи – принудительно вытеснялось со своих исконных земель под предлогом развития промышленности и земледелия. На этих землях начало планомерно осуществляться строительство крестьянских поселений. Кочевки коренного населения постепенно сокращались, прежде всего, там, где массово строились поселения, жители которых занимались земледелием. Посевные площади со временем стали увеличиваться, добавлялось разнообразие посевных культур.

В результате к концу XIX в. в Акмолинской области, где исторически основным населением были казахи, русское казачество и крестьяне стали превосходить их по численности, достигнув общего количества свыше 1 млн человек. Численность же казахов в принадлежавших им местах проживания стала быстро уменьшаться. А с учетом переселившихся сюда, помимо русских, еще и украинцев, белорусов и немцев, доля казахов катастрофически сокращалась.

На основании данных приведенного выше обзора социально-экономического развития коренных жителей выясняется, что система среднего и специального профессионального образования для местных казахов находилась на крайне низком уровне развития. Хотя они и составляли тогда значительную часть населения области по численности, возможности получения образования для всех возрастных групп школьного возраста были очень ограничены.

Казахские дети в аулах не могли продолжить образование после мусульманских школ. Не были созданы условия для получения ими специального технического и других видов образования. Число местных обучавшихся в городских школах было ничтожным. Имперские цели новых властей определяли и методы, и способы их колониальной политики. Не уделяя серьезного внимания ни развитию здравоохранения, ни развитию образования в многочисленных казахских аулах, представители царской администрации мотивировали это тем, что это не входило в обязанности органов управления. Первая Акмолинская библиотека была открыта лишь в 1898 г., а открытие первых училищ было зафиксировано в 1896 г. в городах Петропавловске, Кокчетаве, Акмолинске и Атбасаре.

Таким образом, государственное управление казахским краем со стороны Российской империи имело как минусы, так и плюсы. С годами увеличивались основные показатели промышленного производства. Была заложена организационная основа системы торговли, внедрялись методы по управлению животноводством на новом уровне, проводились реформы по интегрированию сельского хозяйства в экономику края. Создавались зачатки будущих систем образования и здравоохранения. Постепенно формировалась инфраструктура городов. Коренное казахское население невольно втягивалось в процесс социально-экономического развития.

Именно в этот период закладывался фундамент дальнейших социально-экономических преобразований, произошедших в 20–30-е гг. XX в., и пришедшее к власти в бывшей Российской империи в результате революции 1917 г. новое большевистское руководство осуществляло свои масштабные преобразования в социально-экономической и общественно-политической областях (НЭП, индустриализация, коллективизация, седентаризация, ликвидация безграмотности) не на пустом месте, а с учетом достигнутого ранее уровня развития экономики и, в меньшей степени, социально-культурной сферы, действуя при этом куда более радикально и решительно.

6. Благодарности

Статья выполнена с целью реализации научного проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему: «Города Казахстана в 20–30-х гг. XX века как

социокультурный феномен: этно-демографическое и социально-культурное развитие» (ИРН АР19678056).

Литература

- Абуев, Мырзаханов, 2017** – *Абуев К.К., Мырзаханов Е.Н.* Предпринимательство в торгово-промышленной и сельскохозяйственной сферах Казахстана в конце XIX – начале XX века (по материалам Акмолинской области) // *Проблемы Востоковедения*. 2017. № 2. С. 66-71.
- Алексеевко, Алексеевко, 1999** – *Алексеевко Н.В., Алексеевко А.Н.* Население Казахстана за 100 лет (1897–1997). Усть-Каменогорск, 1999. 100 с.
- Алпыспаева, 2020** – *Алпыспаева Г.А.* Ярмарочная торговля в Акмолинской области степного края во второй половине XIX – начале XX века // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. Т. 25. С. 239-248.
- Апполова, 1960** – *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX века. М., 1960. 456 с.
- Апполова, 1976** – *Апполова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976. 372 с.
- Артыкбаев, 2006** – *Артыкбаев Ж.О.* История Казахстана. Алматы: Казак университеті, 2006. 312 с.
- ПСЗРИ, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. Высочайше утвержденный Устав о Сибирских киргизах (22 июня 1822 г.) / Собр. 1. Т. 38. СПб., 1830. С. 417.
- Ерофеева, 1987** – *Ерофеева И.В.* Значение верхнеиртышских городов в торгово-экономическом освоении Казахстана и юго-западной Сибири в XVIII – середине XIX в. / *Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX вв.* Новосибирск, 1987. С. 225-236.
- Иванов, 1895** – *Иванов В.П.* Очерк зимней Никольской ярмарки в Ишиме. Тобольск, 1895. 37 с.
- Касымбаев, 1990** – *Касымбаев Ж.К.* Организация и формы торговли в северном Казахстане (XIX век) / *Обменные операции городов Сибири периода феодализма*. Новосибирск, 1990. С. 132-142.
- Касымбаев, 1990** – *Касымбаев Ж.К.* Города Восточного Казахстана в 1816–1917 г.: (социально-экономический аспект). Алма-Ата: Гылым, 1990. 184 с.
- Коньшин, 1896** – *Коньшин Н.* Краткий статистический очерк промышленности и торговли Акмолинской области на 1880–1894 г. Омск, 1896. 37 с.
- Маевский, 1994** – *Маевский В.* Ботовская ярмарка. Из памятных книжек на 1897–1899 гг. Семипалатинск, 1899. С. 18.
- Масанов, 1994** – *Масанов Н.Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата, 1994. 176 с.
- Михайлов, 1895** – *Михайлов В.* Обзор ярмарок Акмолинской области. Омск, 1895. С. 80.
- Мырзаханов, 2008** – *Мырзаханов Е.Н.* Влияние торговых отношений на развитие городов Акмолинской области во второй половине XIX в. Актуальные проблемы становления гражданского общества / *Материалы международной научно-практической конференции*. Вып. 3. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 220 с.
- ОАО, 1882** – Обзор Акмолинской области за 1881 год (приложение ко всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора). Омск, 1882. С. 4-10.
- ОАО, 1883** – Обзор Акмолинской области за 1882 год (приложение ко всеподданнейшему отчету и. д. Акмолинского губернатора). Омск, 1883. С. 3-18, 26-27.
- ОАО, 1884** – Обзор Акмолинской области за 1883 год (приложение ко всеподданнейшему отчету и. д. Акмолинского губернатора). Омск, 1884. С. 6-15.
- ОАО, 1896** – Обзор Акмолинской области за 1894. Омск, 1896. С. 24–52, 85.
- ОАО, 1897** – Обзор Акмолинской области за 1895 г. Омск, 1897. С. 15.
- ОАО, 1900** – Обзор Акмолинской области за 1898 год. Омск, 1900. С. 41-53.
- Памятная книжка..., 1887** – *Памятная книжка Акмолинской области на 1886 г.* Омск, 216 с.
- Раздорский, 2011** – *Раздорский А. И.* Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи: (приложения к всеподданнейшим отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников), 1870–1916: сводный каталог. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2011. 913 с. С. 73-80.
- Рожкова, 1963** – *Рожкова М.К.* Экономические связи России со Средней Азией в 40–60-е годы XIX в. М. 1963. 236 с.
- Сидорчук, 1996** – *Сидорчук О.Н.* Ярмарки Акмолинской области во второй половине XIX – начале XX веков / *Вопросы историографии, истории и археологии*. Омск, 1996. С. 59.
- Смирнов, 1920** – *Смирнов А.* Куяндинская ярмарка. Ее возникновение, история, развитие и обороты. Семипалатинск, 1927. С. 20.
- Сундетов, 1970** – *Сундетов С.А.* О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана на материалах северо-восточных областей. Алма-Ата, 1970. 139 с.
- Тетеревников, 1867** – *Тетеревников А.Н.* Очерк внутренней торговли Киргизской степи. СПб. 1867. 72 с.

Толыбеков, 1971 – Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XIX веков. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971. 636 с.

References

- Abuev, Myrzakhanov, 2017 – Abuev, K.K., Myrzakhanov, E.N. (2017). Predprinimatel'stvo v torgovo-promyshlennoi i sel'skokhozyaistvennoi sferakh Kazakhstana v kontse XIX – nachale XX veka (po materialam Akmolinskoi oblasti) [Entrepreneurship in the commercial, industrial and agricultural spheres of Kazakhstan in the late 19th – early 20th century (based on the materials of the Akmola region)]. *Problemy Vostokovedeniya*. 2: 66-71. [in Russian]
- Alekseenko, Alekseenko, 1999 – Alekseenko, N.V., Alekseenko, A.N. (1999). Naselenie Kazakhstana za 100 let (1897–1997) [The population of Kazakhstan over 100 years (1897-1997)]. Ust'-Kamenogorsk, 100 p. [in Russian]
- Alpyspaeva, 2020 – Alpyspaeva, G.A. (2020). Yarmarochnaya trgovlya v Akmolinskoi oblasti stepnogo kraya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Fair trade in the Akmola region of the steppe region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 25: 239-248. [in Russian]
- Appolova, 1960 – Appolova, N.G. (1960). Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiei v XVIII – nachale XIX veka [Economic and political relations of Kazakhstan with Russia in the XVIII – early XIX centuries]. M., 456 p. [in Russian]
- Appolova, 1976 – Appolova, N.G. (1976). Khozyaistvennoe osvoenie Priirtysh'ya v kontse XVI – pervoi polovine XIX v. [Economic development of the Irtysh region at the end of the XVI – first half of the XIX centuries]. M., 372 p. [in Russian]
- Artykbaev, 2006 – Artykbaev, Zh.O. (2006). Istoriya Kazakhstana [History of Kazakhstan]. Almaty: Kazak universiteti, 312 p. [in Russian]
- PSZRI, 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Vysochaishe utverzhdenyi Ustav o Sibirskikh kirgizakh (22 iyunya 1822 g.) [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (1830). The highly approved Charter on the Siberian Kirghiz (June 22, 1822)]. Sobr. 1. T. 38. SPb., 1830. P. 417. [in Russian]
- Erofeeva, 1987 – Erofeeva, I.V. (1987). Znachenie verkhneirtyshskikh gorodov v torgovo-ekonomicheskom osvoenii Kazakhstana i yugo-zapadnoi Sibiri v XVIII – seredine XIX v. [The importance of the Venkhneirtysh cities in the trade and economic development of Kazakhstan and Southwestern Siberia in the XVIII- mid-XIX century]. *Torgovlya gorodov Sibiri kontsa XVI – nachala XX vv. Novosibirsk*. Pp. 225-236. [in Russian]
- Ivanov, 1895 – Ivanov, V.P. (1895). Ocherk zimnei Nikol'skoi yarmarki v Ishime [An essay on the winter Nikolskaya fair in Ishim]. Tobol'sk, 37 p. [in Russian]
- Kasymbaev, 1990 – Kasymbaev, Zh.K. (1990). Organizatsiya i formy trgovli v severnom Kazakhstane (XIX vek) [Organization and forms of trade in northern Kazakhstan (XIX century)]. *Obmennye operatsii gorodov Sibiri perioda feodalizma. Novosibirsk*. Pp. 132-142. [in Russian]
- Kasymbaev, 1990 – Kasymbaev, Zh.K. (1990). Goroda Vostochnogo Kazakhstana v 1816–1917 g.: (sotsial'no-ekonomicheskii aspekt) [Cities of East Kazakhstan in 1816-1917: (socio-economic aspect)]. Alma-Ata: Gylm. 184 p. [in Russian]
- Kon'shin, 1896 – Kon'shin, N. (1896). Kratkii statisticheskii ocherk promyshlennosti i trgovli Akmolinskoi oblasti na 1880–1894 g. [A brief statistical sketch of industry and trade in the Akmola region for 1880–1894]. Omsk, 37 p. [in Russian]
- Maevskii, 1994 – Maevskii, V. (1994). Botovskaya yarmarka. Iz pamyatnykh knizhek na 1897–1899 gg. [Botovskaya fair. From the commemorative books for 1897–1899]. Semipalatinsk. P. 18. [in Russian]
- Masanov, 1994 – Masanov, N.E. (1994). Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Kazakhstana na rubezhe XVIII-XIX vekov [Problems of socio-economic history of Kazakhstan at the turn of the XVIII-XIX centuries]. Alma-Ata. 176 p. [in Russian]
- Mikhailov, 1895 – Mikhailov, V. (1895). Obzor yarmarok Akmolinskoi oblasti [Overview of fairs in the Akmola region]. Omsk. P. 80. [in Russian]
- Myrzakhanov, 2008 – Myrzakhanov, E.N. (2008). Vliyanie torgovykh otnoshenii na razvitie gorodov Akmolinskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX v. Aktual'nye problemy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva [The influence of trade relations on the development of cities in the Akmola region in the second half of the 19th century. Actual problems of civil society formation]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Vyp. 3. Ufa: RITs BashGU. 220 p. [in Russian]
- ОАО, 1882 – Обзор Акмолинской области за 1881 год (приложение ко всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора). Омск, 1882. С. 4-10. [in Russian]
- ОАО, 1883 – Обзор Акмолинской области за 1882 год (приложение ко всеподданнейшему отчету и. д. Акмолинского губернатора) [Review of the Akmola region in 1882 (appendix to the most comprehensive report of the Governor of Akmola)]. Омск, 1883. Pp. 3-18, 26-27. [in Russian]

- ОАО, 1884** – Обзор Акмолинской области за 1883 год (приложение ко всеподданнейшему отчету и. д. Акмолинского губернатора) [Review of the Akmola region in 1883 (Appendix to the most comprehensive report of I.D. Akmola Governor)]. Omsk, 1884. Pp. 6-15. [in Russian]
- ОАО, 1896** – Обзор Акмолинской области за 1894 [Review of the Akmola region in 1894]. Omsk, 1896. Pp. 24-52, 85. [in Russian]
- ОАО, 1897** – Обзор Акмолинской области за 1895 г. [Review of the Akmola region in 1895]. Omsk, 1897. P. 15. [in Russian]
- ОАО, 1900** – Обзор Акмолинской области за 1898 год [Review of the Akmola region in 1898]. Omsk, 1900. Pp. 41-53. [in Russian]
- Памятная книжка..., 1887** – Памятная книжка Акмолинской области на 1886 г. [Commemorative book of the Akmola region for 1886]. Omsk, 216 p. [in Russian]
- Razdorskii, 2011** – *Razdorskii, A.I.* (2011). *Обзоры губернии, областей и градоначальств Российской империи: (приложение к всеподданнейшему отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников), 1870–1916: сводный каталог* [Surveys of provinces, regions and city governments of the Russian Empire: (appendices to the most comprehensive reports of governors, heads of regions and mayors), 1870-1916: consolidated catalog]. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin. 913 p. Pp. 73-80. [in Russian]
- Rozhkova, 1963** – *Rozhkova, M.K.* (1963). *Экономические связи России со Средней Азией в 40–60-е годы XIX в.* [Economic relations of Russia with Central Asia in the 40-60s of the XIX century]. M. 236 p. [in Russian]
- Sidorchuk, 1996** – *Sidorchuk, O.N.* (1996). *Ярмарки Акмолинской области во второй половине XIX – начале XX веков* [Fairs of the Akmola region in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Вопросы историографии, истории и археологии*. Omsk. P. 59. [in Russian]
- Smirnov, 1920** – *Smirnov, A.* (1920). *Куйандинская ярмарка. Ее возникновение, история, развитие и обороты* [Kuyandinskaya fair. Its origin, history, development and turnover]. *Semipalatinsk*. P. 20. [in Russian]
- Sundetov, 1970** – *Sundetov, S.A.* (1970). *О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана на материалах северо-восточных областей* [On the genesis of capitalism in agriculture in Kazakhstan based on the materials of the north-eastern regions]. *Alma-Ata*, 139 p. [in Russian]
- Teterevnikov, 1867** – *Teterevnikov, A.N.* (1867). *Очерк внутренней торговли Киргизской степи* [An essay on the internal trade of the Kirghiz steppe]. SPb. 72 p. [in Russian]
- Tolybekov, 1971** – *Tolybekov, S.E.* (1971). *Кошевое общество казахов в XVII – начале XIX веков. Политико-экономический анализ* [The nomadic society of the Kazakhs in the XVII – early XIX centuries. Political and economic analysis]. *Alma-Ata*, 636 p. [in Russian]

Социально-экономическое развитие Акмолинской области по материалам российских официальных источников конца XIX в. (1881–1900 гг.) (политико-исторический аспект)

Гани Мукашевич Карасаев ^a, Алтын Слямкайдаровна Уалтаева ^{b, c, *},
Константин Владимирович Черепанов ^b, Аида Сериковна Маргулан ^{b, d}

^a Институт истории государства, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Республика Казахстан

^c Гылым ордасы, Республика Казахстан, Республика Казахстан

^d Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономические преобразования в Акмолинской области в аспекте колониационного проникновения Российской империи в степи Казахстана последней четверти XIX в. На основе официальных источников информации (Обзоров Акмолинской области и иных схожих источников информации) исследуются и анализируются виды и методы реализации колониационных и модернизаторских намерений царской администрации, оценивается степень их успешности и фундаментальности. Ценная информация, отложившаяся в Обзорах Акмолинской области, дает возможность изучить развитие города Акмола и прилегающей территории в разных аспектах и отношение властей как к развитию региона, так и к нуждам его жителей. В то же время без определенного опыта управления, выработанного на протяжении долгого времени существования империи и ее колониационных практик, не удалось бы осуществить дальнейшие крупные социально-экономические преобразования в Казахстане первых десятилетий XX в.

Ключевые слова: Казахская степь, Акмола, торговля, Российская империя, освоение земель, промышленность, социальная сфера, ярмарки, Обзор Акмолинской области.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: uالتayeva_alтын@mail.ru (А.С. Уалтаева)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 359-370
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.359

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Far Eastern Vector of the Grand Strategy of the General Staff of the Russian Army in the late 19th and Early 20th centuries and the Failures of the Russian Empire in the First World War

Gregory Popov ^{a,*}, Stanislav Davydov ^a, Andrew Kukareka ^a, Elena Babaeva ^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

^b MIREA – Russian technological University, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to a poorly studied subject of an influence of resource allocation in the Russian Empire on its military potential before the First World War on an example of the Russian Far East. Authors consider three aspects: the distribution of artillery, railway equipment and the financing of defense programs. In addition, the authors turn to the military-political factors that influenced the decisions on military modernization of the Far East and a choice of methods and ways to implement this. Authors prove that Military Ministry was not confident in Japan's readiness to follow the 1905 Portsmouth Peace Treaty, this provoked the Russian Empire to build up ground forces in the Far East and Transbaikalia, as well as to modernize the Vladivostok fortress. Authors also note that the Russian high military command considered an alliance between Japan and China against Russia as possible. Authors provide statistical data on the construction of railways in the Far East in the early XX century and an equipping of the Chinese military railway with steam locomotives and wagons, they prove that this road took a lot of resources from the railways of the European part of Russia at the beginning of the First World War. Russia has also made many budget investments in railway construction in the Far East, which financially exceeded the cost of programs to modernize the Armed Forces of the Russian Empire. Authors conclude that the military modernization of the Far East had a negative impact on Russia's preparations for the First World War.

Keywords: military modernization of Russia, Amur Military District, Irkutsk Military District, Ministry of War of the Russian Empire, Russo-Japanese War, World War I.

1. Введение

В настоящей работе рассматривается на примере дальневосточной политики официального Санкт-Петербурга связь между распределением ресурсов в пространстве Российской империи с подготовкой последней к Первой мировой войне. Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной проработанностью указанной выше проблемы в исторической науке, а также потребностью в дальнейшем исследовании темы "Сибирского проклятья" (Безруков, 2011; Замятин, 2005) в контексте изучения долгосрочного развития России. Данная тема носит в значительной степени геоэкономический характер, и одним из авторов настоящей статьи было проведено подобное исследование, но в рамках изучения экономических проблем Советской России в период Гражданской войны (Попов, Раздина, 2024).

Суть концепции "Сибирского проклятья" сводится к тому, что освоение и дальнейшая модернизация регионов, находящихся в географических зонах со сложными климатическими и ландшафтными условиями, оттягивала значительные ресурсы России от ее европейских регионов, включая находившиеся там центры экономического роста (Замятин, 2005).

* Corresponding author

E-mail addresses: GGPopov2009@mail.ru (G. Popov)

Ответ на вопрос, почему исход Первой мировой войны для России оказался таким, каким мы его знаем, до сих пор не нашел однозначного ответа в историографии, и это придает нашему исследованию также актуальность. Геоэкономические проблемы поздней Российской империи и их связь с военными событиями начала XX в. недостаточно рассмотрены в исторической науке. В историографии продолжает доминировать еще советский подход к определению причин неудач Вооруженных сил (ВС) Российской империи в годы Первой мировой войны (современники ее называли еще Великой войной), который сводится, в целом, к тому, что Россия имела недостаточно развитую для вооруженной борьбы с кайзеровской Германией и ее союзниками экономическую базу (Сидоров, 1973). Последнее время относительно стал политологический подход к оценке причин военно-экономического кризиса Российской империи в годы Первой мировой войны (Поткина, 2022). Однако, повторимся, геоэкономический фактор, в частности, оттягивание ресурсов перед Великой войной на решение вопросов оборонного значения в восточных регионах России, включая в первую очередь Дальний Восток и тяготеющее к нему в хозяйственном смысле Забайкалье, находится за пределами анализа проблемы причин неудач ВС Российской империи в Великой войне. Но изучение именно вопроса распределения перед Великой войной и в ее начале ресурсов между регионами Российской империи дает нам отчасти возможность понять, почему Россия, входившая в начале XX в. в разряд ведущих государств мира, пережила военную катастрофу в 1917 — начале 1918 гг., сопровождавшуюся двумя революциями и перешедшую в национальную трагедию Гражданской войны.

2. Материалы и методы

Для решения поставленных в работе задач мы обращаемся к материалам разных видов и происхождения. В первую очередь, нас интересуют документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация): фонд 846 — военный архив, в котором можно найти много сведений о развитии большой стратегии Российской империи; Ф. 400 — Главный штаб; Ф. 447 — коллекция документов Военного министерства Российской империи по Китаю; Ф. 2000 — главное управление Генерального штаба. Данный архив находится в Москве, являясь главным местом хранения источников по истории Русской императорской армии.

Вторым по значению для нашего исследования является Государственный архив Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), находящийся в Москве и являющийся одним из центральных архивов Российской Федерации, в его рамках мы обратились к фондам: Фонд 543 "Коллекция рукописей Царскосельского дворца", здесь нас более всего интересует переписка и доклады высших чиновников по стратегическим вопросам, включая развитие Дальнего Востока; Фонд 601 посвящен деятельности последнего императора России Николая II, этот фонд, помимо многого другого, также содержит документы, затрагивающие обсуждения вопросов, связанных с развитием Дальнего Востока, а также письма и доклады императору высших чиновников по данному предмету.

Среди других источников особое значение для нас имеют сборники документов, опубликованные в поздней Российской империи. Среди них хотим особо отметить Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1912 г., в котором относительно полно представлены структура оборонных расходов Российской империи, а также их характеристики.

Особую важность для нашего историко-экономического анализа имеет составленный в 1923 г. обзор состояния и развития Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) в рамках посвященного этой железной дороге статистического ежегодника, где достаточно полно показана структура подвижного состава в этой части Дальнего Востока в начале Первой мировой войны. Эта информация потребовалась нам для определения (примерно) масштабов отвлечения железнодорожной техники на Дальний Восток от европейской части России в начале Великой войны.

Важное значение для нашего исследования имеет работа крупного теоретика развития ВС России М.И. Венюкова (Венюков, 1873), который много внимания уделял в конце XIX в. дальневосточному вектору большой стратегии.

Важные статистические данные мы получили из документа "Расписание сухопутных войск в 1914 году", опубликованного в С-Петербурге в 1916 г., а также из вышедшего в 1916 г. под редакцией Управления железных дорог труда "Краткий очерк деятельности русских железных дорог". Оба эти источника являются ведомственными опубликованными документами.

Настоящая работа основана на историко-проблемном и системном методах. Мы отслеживаем в хронологическом порядке такую проблему, как изменение военного потенциала российского Дальнего Востока на примере в основном Приамурского военного округа на фоне развития большой стратегии России и отношения ряда авторов этой стратегии к значению дальневосточных рубежей в системе обороны Российской империи, используя историко-проблемный метод. И здесь мы акцентируем внимание на вопросах распределения артиллерии и железнодорожной техники, так как именно недостатки по данным направлениям привели Русскую армию к неудачам на фронтах Первой мировой войны (правда, мы не стали бы утверждать, что начало Великой войны было для России абсолютно неудачным). Системный метод дал нам в ходе исследования возможность рассмотреть

процессы, связанные с усилением обороны Дальнего Востока России, в контексте всей стратегии развития Вооруженных сил Российской империи в интересующий нас период.

3. Обсуждение

Тема влияния затрат Российской империи на свои дальневосточные территории как фактор, повлиявший на общую готовность ее вооруженных сил к Первой мировой войне, почти не изучена в историографии. В отдельных статьях затрагивается эта проблема, но в ракурсе освещения отдельных сюжетов, связанных с модернизацией вооруженных сил России после Русско-японской войны (1904–1905). Например, известный военный историк Р. С. Авилов (Авилов, 2016а) рассмотрел вопрос конфликта интересов министра финансов В. Н. Коковцева и военного министра В. А. Сухомлинова по вопросу развития обороны Дальнего Востока после поездки первого в этот регион в 1909 г. Р. С. Авилов сконцентрировал внимание на конфликте двух министров, и из этого повествования непонятно, насколько расходы правительства на оборону Дальнего Востока позитивно или негативно отразились на модернизации Вооруженных сил Российской империи в целом. В другой своей работе Р. С. Авилов концентрирует внимание на Владивостокской крепости (Авилов, 2016б), которая была далеко не единственным объектом оборонных расходов на Дальнем Востоке, и, например, затраты бюджета на КВЖД были заметно больше. Им был более широко показан межведомственный конфликт, но данный конфликт протекал на фоне трансформации большой стратегии Российской империи, которая в общих чертах была сформулирована еще в период Великих реформ.

Столь же узкий подход, как и у Р. С. Авилова, к анализу развития обороны Дальнего Востока в начале XX в. предлагается в научной статье М. В. Зайцева (Зайцев, 2017), который концентрирует также внимание на противоречиях Военного министерства и Министерства финансов, но при этом проблема японо-китайской угрозы или только японской угрозы перед Первой мировой войной им не затрагивается как фактор решений официального С-Петербурга по поводу развития системы обороны Дальнего Востока. В работе Д. Г. Янченко и Е. О. Старовойтовой (Янченко, Старовойтова, 2018) это также не отражено, их статья посвящена финансированию строительства КВЖД и связанных с этим решений центральной власти, но при этом из выводов авторов непонятно, было ли строительство КВЖД крупной стратегической ошибкой или верным решением, позитивно повлиявшим на военную модернизацию Российской империи в канун Великой войны.

М. В. Ходяков рассматривает проблему российской стратегии на Дальнем Востоке в формате своей статьи про КВЖД (Ходяков, 2018), но при этом он доказывает, что экономическая составляющая этой стратегии была доминирующей в начале XX в. Здесь с ним нельзя согласиться, так как русская колонизация и связанные с нею экономические мероприятия рассматривались официальным С-Петербургом в качестве инструментов для решения чисто военных задач в регионе.

4. Результаты

Формирование и основные направления Дальневосточной стратегии

В 1885 году Россия установила границу с исламскими государствами по линии Каспий – Герат, к этому времени нашел временное урегулирование вопрос с границей с Китаем. Между 1885 и 1910 гг. произошли качественные изменения в российской внешней и военной политиках: включение в состав империи Средней Азии потребовало укрепления военных позиций государства в этом регионе, а также развития отношений с Афганистаном на фоне ужесточения угрозы вмешательства Великобритании во внутренние дела России в данном регионе и на Кавказе. На востоке Средней Азии Россия предприняла пересмотр отношений с Китаем из-за Кашгара и Урумчи, на Дальнем Востоке, по настоянию Генерального штаба, происходит экспансия в Маньчжурии с целью сокращения границы, это в итоге создает напряженность отношений как с самим Китаем, так и с Японией, с последней Россия вступает в войну в 1904 г.

Одним из итогов Русско-японской войны стал пересмотр Правительством Российской империи всей геополитической стратегии в пользу усиления военных позиций в Восточной Азии, в связи с чем создаются новые военные соединения в центральных и восточных губерниях и развиваются военно-морские силы империи на Дальнем Востоке. Поворотным моментом в этом процессе можно считать изложенный в 1910 г. Куропаткиным план, где отражены задачи России на Востоке.

Франко-прусская война 1870–1871 гг. спровоцировала формирование антигерманской генеральской "партии" во главе с Н. Н. Обручевым, которая главенствовала на специальном совете по поводу перехода к призывной армии в 1873 г., на этом совете были расставлены приоритеты в пользу укрепления обороны западных губерний, особенно польских. Практически до конца 1905 г. эти приоритеты оставались незыблемыми в российской военной политике, отражаясь, разумеется, и на внешней политике. Однако Русско-японская война привела к их пересмотру. Таким образом, существует череда событий-вех в истории развития военной стратегии России, что непосредственно оказывало влияние как на распределение военных расходов, так и на военную модернизацию. В 1873 г. было решено перестроить русскую армию так, чтобы она могла вести войну против Германии и Австро-Венгрии одновременно, имея с ними паритет в силах. Это решение было

продиктовано дисбалансом в распределении сил в Европе, вызванном Франко-Прусской войной (Fuller, 1992: 297-298).

Гипотеза об угрозе со стороны Германии и Австро-Венгрии для России подтвердилась полученными по каналам разведки сведениями о том, что оба первых государства заключили альянс в 1879 г. исключительно против России. Но при этом дополнения к договору о военном альянсе между Германией и Австро-Венгрией остались для российской стороны неизвестными, но именно в них говорилось, что этот альянс носил исключительно оборонительный характер (Fuller, 1992: 198).

В 1885 г. Н.Н. Обручев (на то время начальник Генерального штаба) изложил основные принципы стратегии Российской империи в трактате, посвященном исторической миссии России. Идеи этого генерала и стратега стали руководящими в российской военной политике почти до Русско-японской войны 1904–1905 гг. (Айрапетов, 1998: 246-252). В рамках концепции Н. Н. Обручева территории империи от Кавказа до Тихого океана представляли собой дополнения к недостаточно развитому европейскому ядру, и эти восточные территории были больше центрами затрат, с военно-экономической точки зрения, нежели доходов государства. В этой связи Н. Н. Обручев рекомендовал Александру III укрепить позиции России в Европе, под чем понималась не только оборонительная политика, но и наступательная: Босфор (проливы) и Карпатская Русь (населенные преимущественно украинцами и русинами австро-венгерские провинции) должны были быть силой присоединены, по Н.Н. Обручеву, к России (Золотарев, 1998: 252-254). Польский вопрос обозначен Н.Н. Обручевым как один из центральных. В этой связи указаны им и основные потенциальные военные противники России: Австро-Венгрия, Османская империя и Германия, последняя должна была защищать Двуетидную монархию.

Идеи Н.Н. Обручева появились среди российской военной элиты не в середине 1880-х гг., но гораздо ранее. Н.Н. Обручев их более ясно сформулировал. После 1880 г. российский индекс развертывания был привязан к цели: не дать Германии и Австро-Венгрии превзойти Россию по численности войск на случай войны, которую в С-Петербурге видели как оборонительную против Германии и наступательную по отношению к империи Габсбургов. Наступательные действия в Азии рассматривались с тех пор как метод улучшения оборонительной позиции в Европе, но в связи с угрозой не от Германии, а от Великобритании, особенно это ясно проявилось во время внешнеполитического кризиса 1885 г.

Несмотря на то, что Н.Н. Обручев считал Германию потенциально главным противником России, представленный им императору Александру III в апреле 1885 г. подробный план "О мобилизации войск на случай войны с Англией" (Алпеев, 2020) (император его подписал) все-таки был продиктован сформировавшимися у российской военной элиты еще во время Крымской войны представлениями о внешней политике империи. Эти представления повлияли на концепцию Н.Н. Обручева о создании дополнительных резервов в европейских губерниях для усиления обороны Кавказа против Персии и Турции как вероятных союзников Великобритании. На Дальнем Востоке также предполагалось развертывание дополнительных сил. Главной зоной военного столкновения с войсками Великобритании должна была стать российско-афганская граница, это приведет к усилению российских соединений в Туркестане и Закаспийском крае, в последнем будет построена специальная военная железная дорога.

Китай и Япония долгое время не рассматривались в качестве серьезных противников России. Главным апологетом идеи потенциально возможной войны с Китаем был сибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев-Амурский, начавший свою карьеру на Кавказе.

В результате дипломатических договоров 1858 и 1864 гг. Китай уступил России права на территории общей площадью 665 000 кв. км. Это создало сразу же определенные сложности с обеспечением обороны такой огромной территории. В Уссурийском крае опорой России стали казачьи поселения, которые, как выяснилось в ходе столкновений русских колонистов с хунхузами в 1860-е гг., не представляли серьезной силы в случае нападения на дальневосточные владения России китайских регулярных войск. Главная сложность заключалась в снабжении казачьих поселений продовольствием, так как российский Дальний Восток обладает неблагоприятным для ведения сельского хозяйства климатом. По сути, отработанный за много лет на Кавказе метод укрепления позиций России за счет казаков не дал ожидавшихся результатов на Дальнем Востоке. Необходимыми оказались модернизационные решения.

Как отмечал М.И. Венюков – крупный военный теоретик второй половины XIX в. – русские войска на Дальнем Востоке не обладали в 1860–1870-е гг. ни достаточными силами, ни подготовкой, ни фортификацией для отражения возможной китайской агрессии. Кроме того, армии империи Цин достаточно было перерезать ударом с Малого Хингана коммуникации под Хабаровском, чтобы лишить российскую группировку войск в регионе снабжения. В этой связи М. И. Венюков рекомендовал в 1873 г. создать на р. Амур военную флотилию винтовых судов, а также построить вдоль этой реки депо снабжения, центральным из которых должно было стать укрепленное депо в г. Хабаровске (Венюков, 1873: 137-139).

М.И. Венюков получил поддержку в правящих кругах, но в то же время многие военные высшие чины не разделяли его взглядов на реальность китайской военной угрозы для русских

поселений в Амурском крае и даже для Владивостока. Однако кризис в долине Или (1871–1881 гг.), которая находилась в Северо-Восточном Туркестане, в котором активную роль сыграл генерал Кауфман, более убеждал официальный С-Петербург в росте вероятности большого военного столкновения с Китаем.

В 1884 г. Россия создала Приамурский военный округ, которым управлял генерал-губернатор Корф. Здесь снова видна модель освоения новых территорий по кавказскому сценарию, когда власть в крае передавалась на долгое время военным и приоритеты отдавались укреплению обороны. Между 1892 и 1903 гг., во многом усилиями генерал-губернатора, была создана группировка войск в составе 89 батальонов, 35 эскадронов и 25 батарей (Hauner, 1990: 82). Однако, в понимании Корфа и высшей власти в С-Петербурге, главным противником России в Забайкалье и на Дальнем Востоке оставался Китай. В 1885 г. российские военные власти построили современную, по меркам того времени, крепость Владивосток, имея в виду вероятность английского десанта, в силу наступившего тогда внешнеполитического кризиса. Но фортификация на Дальнем Востоке продолжилась и после 1885 г.

Кризис в долине Или, вызванный стремлением и России, и Китая усилить свои позиции в восточной части Туркестана, показал, что для России война в Восточной Азии обещает быть сложной из-за логистики. 20 октября 1880 г. глава Азиатского отдела Генерального штаба Л. Н. Соболев в рамках своего доклада по поводу вероятной войны с Китаем за восточные районы Туркестана пришел к выводу, что победа дастся России с очень большими потерями без шансов на то, что Пекин пойдет на мирные переговоры и сделает территориальные уступки своих западных владений. При этом Л.Н. Соболев признал, что прямой удар по направлению Пекина с моря, как это сделали в ходе последней Опиумной войны англичане и французы, для России будет слишком дорогостоящим (РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 21. Л. 1-44). Однако у Л.Н. Соболева появился оппонент в лице знаменитого исследователя Азии Н. М. Пржевальского, последний настаивал на отторжении от Китая части Монголии с целью создания там плацдарма для возможного удара вглубь империи Цинь (Пржевальский, 1883).

Концепция Н.М. Пржевальского не встретила большого понимания у официального С-Петербурга, но возврат к идее отторжения от Китая Внешней Монголии произойдет незадолго до Первой мировой войны. Сам Восточный Туркестан интересовал официальный С-Петербург с точки зрения возможного проникновения туда английского влияния. Во время кризиса в Или, правда, появились мнения, что Китай вовсе не несет никакой угрозы для среднеазиатских владений России. Кроме того, Японо-китайская война 1894–1895 гг. окончательно убедила многих российских военных в неспособности Империи Цинь вести современную войну.

Боксерское восстание в Китае заставило Генеральный штаб пересмотреть свою стратегию, Россия в 1900 г. оказалась не готова к проведению военных акций в северных провинциях Китая (Редигер, 1999: 316). Это признание сложной ситуации русских войск в Восточной Сибири возникло незадолго до начала Русско-японской войны.

Японская угроза не привлекала долгое время внимание Генерального штаба (Schimmelpenninck, 1996: 25). Тревогу подняло Морское министерство после 1895 г. в связи с обширной японской программой военно-морского строительства. Тройственная интервенция 1895 г. также заставила Генеральный штаб пересмотреть свое отношение к Японии.

Первые наброски плана мобилизации на случай войны с Японией, сделанные в 1895 г. офицерами Генерального штаба, включали в себя в основном мероприятия по развертыванию и доукомплектованию резервистами войск непосредственно на Дальнем Востоке и в Забайкалье, а также переброску войск из европейских губерний. Кроме того, настоятельно рекомендовалось усилить укрепления Владивостока (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1820. Л. 15-31). Стратегические соображения носили исключительно оборонительный характер. Однако при этом Китай продолжал оставаться существенным объектом внимания Генерального штаба в связи с активным перевооружением армии Империи Цинь (РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 69. Л. 11).

В С-Петербурге после Первой Японо-китайской войны (1894–1895 гг.) некоторые чины предложили радикальное решение улучшения военных позиций России на Дальнем Востоке — оккупация Северной Маньчжурии. Это должно было сократить протяженность российской границы в регионе с 3185 до 1600 верст. Н. Н. Обручев, признав верность такого решения, указал при этом на вероятность большой войны с Японией, в связи с чем он предостерег от подобных политических шагов относительно маньчжурского вопроса (РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 69. Л. 11). Однако в правящих кругах взяла верх точка зрения министра финансов С. Ю. Витте, который после 1895 г. настаивал на скорейшей аннексии территорий в Маньчжурии. С. Ю. Витте был поддержан военным министром Г. М. Ванновским.

Н.Н. Обручев был убежден, что России сложно наращивать достаточные силы для борьбы с Японией перед лицом угроз в Европе, имелась в виду, в первую очередь, Германия. Однако оппозиция Н.Н. Обручеву имела аргументы от российской разведки, которая докладывала после 1898 г., что между Китаем и Японией быстро развивается военно-техническое сотрудничество (Peter, 1999: 41). Наравне с усилением присутствия японской агентуры в Маньчжурии это стало сигналом для Генерального штаба сосредоточить внимание на Дальнем Востоке.

Реакция Военного министерства и Правительства Российской империи на усугубление внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке оказалась запоздалой. В канун Русско-японской войны были выделены на строительство укреплений и модернизацию старых крепостей в регионе 130 млн руб., из которых военные успели потратить к моменту атаки Японии на Порт-Артур только 9 млн (Глушков, Шаравин, 2000: 55).

Российская разведка также опоздала. Только накануне атаки на Порт-Артур (26 января 1904 г. по старому стилю) Генеральным штабом, на основе агентурных сведений, был составлен доклад, в котором указывалось, что японский флот намерен нанести главный удар именно по Порт-Артуру для получения господства на море, далее говорилось о подготовке вторжения в Маньчжурию (Алексеев, 1998: 165). Однако меры принимать уже было поздно.

Плохая подготовка России к войне с Японией вытекала в основном из плана Генерального штаба от 1903 г., согласно которому русской армии предписывалось в случае начала этой войны сконцентрировать силы в южной части Маньчжурии для нанесения контрудара по противнику на континенте с переходом затем к десантной операции непосредственно против Японского архипелага.

К середине 1910 г. Военное министерство определенно вернулось к сценарию вероятной войны между Россией и японо-китайской коалицией. В. А. Сухомлинов начал, исходя из этого сценария, создавать новые планы мобилизации к востоку от Урала (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1054. Л. 15-23). Всего было запланировано сформировать три забайкальские армии. Только одна третья забайкальская армия должна была иметь в своем составе: 136 батальонов, 68 эскадронов, 540 орудий и 29 рот инженеров (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1054. Л. 46).

Планы В. А. Сухомлинова отчасти явились продолжением идей Военного совета в 1905-1906 гг. Но эти идеи до 1910 г. воплощались в основном в форме проектов по улучшению инфраструктуры на Дальнем Востоке. В частности, была построена Амурская железная дорога. Реализация этого проекта во многом стала возможной благодаря П. А. Столыпину, который добился от Государственной Думы крупных ассигнований на строительство Амурской магистрали. В итоге государству этот проект обошелся в 400 млн. руб. при завершении работ в 1916 г. (Wolff, 1999: 158). Военная угроза со стороны Японии и, тем более, Китая оказалась преувеличенной. Но при этом Россия затратила огромные средства на развитие своих военных сил и привязанной к ним инфраструктуры к 1914 г. Посмотрим в подразделе ниже, какие ресурсы Российской империи были отвлечены от будущего Европейского театра военных действий Первой мировой войны для укрепления Дальнего Востока.

Затраты ресурсов

Неудачи России первого полугодия Великой войны были вызваны в основном нехваткой личного состава на наиболее важных направлениях удара, а также артиллерийских орудий. Были также патронный и снарядный голод, что во многом явилось следствием недостаточно хорошо отлаженной работы железных дорог в европейских губерниях в сочетании с элементарной нехваткой подвижного состава. К октябрю 1914 г. большая часть войск из губерний к востоку от Урала была задействована на фронтах Великой войны, на Дальнем Востоке и в Забайкалье оставались в основном охранные части, включая несколько облегченных казачьих полков и дружин ополчения, а также запасные части, где велось обучение новобранцев.

После реформы В. А. Сухомлинова в 1910 г. в Приамурском военном округе были развернуты три сибирских корпуса № 1, 4, 5 вместо двух, которые находились там ранее (№ 1, 2). К 1 января 1912 г. их общая численность достигла 126 271 нижних чина и 3038 офицеров против 100 321 и 3044 годом ранее, соответственно (Авилев, 2018: 179). Отметим значительный прирост (буквально за год) численности нижних чинов. Переброска сибирских корпусов в европейские губернии в условиях войны с Германией и Австро-Венгрией не была очень затратной для России, но такое стремительное наращивание численности войск в отдаленном и плохо освоенном регионе означало рост расходов на оборонную инфраструктуру, которые в условиях Российской империи были немалыми, включая содержание зданий и сооружений. Например, подведение каменных фундаментов с перестилкой полов в зданиях (надо понимать, в казармах) обошлось Военному министерству к концу 1912 г. в сумму 210 324 руб. (Всепопданнейший отчет..., 1916: 86; Всепопданнейший отчет..., 1916: 84). На ремонтные работы разного уровня по всей Российской империи военные инженеры затратили в 1912 г. крупную для того времени сумму — 31 191 255 руб. (Всепопданнейший отчет..., 1916: 86) против почти 4,3 млн. руб. затрат в этом году на строительные работы (Всепопданнейший отчет..., 1916: 86).

С сибирскими корпусами на Дальнем Востоке связан также важный факт: они имели много артиллерийских систем в канун Первой мировой войны, в общей сложности 426 орудий (Галлямова, 2015: 8) (без учета Владивостокской крепости). Это составляло примерно 10 % всего артиллерийского парка русской армии к концу лета 1914 г. Да, осенью 1914 г. почти вся артиллерия Приамурского военного округа была отправлена вместе с сибирскими дивизиями на фронт, но, как говорится, "ложечка хороша к обеду", именно нехватка орудий стала одной из весомых причин поражения русской армии во время наступления в Восточной Пруссии (17 августа — 15 сентября 1914 г. по новому стилю).

Скажем также немного об Иркутском военном округе, который был восстановлен в ответ на поражение в Русско-японской войне и нес вспомогательные функции по отношению к Приамурскому

военному округу. В начале 1909 г. в Иркутском военном округе проходили службу 83 338 чинов (Кузнецов, 2022: 87). 1 мая 1914 г. в этом округе числилось 278 орудий (Расписание сухопутных войск, 1914: 396).

В трех казачьих войсках, которые относились к Дальнему Востоку и Забайкалью, служили 35 921 рядовых казаков, а также 3 402 урядников и унтер-офицеров, помимо, разумеется, офицеров (Всепопданнейший отчет..., 1916: 142). Казачье войско, в отличие от обычного кавалерийского корпуса, представляло собой отдельное хозяйство со своими промышленными производствами (например, в Забайкальском казачьем войске имелись даже собственные мыловаренные заводы; (Всепопданнейший отчет..., 1916: 123), обрабатывавшимися земельными угодьями и даже торговыми структурами. Кроме мужчин, проходивших службы, в казачьих станицах проживали, разумеется, их семьи. То есть казачье войско было сложной социально-экономической системой.

После Русско-японской войны, когда Российский императорский флот в сражениях на Дальнем Востоке понес очень большие потери, значительно актуализировался вопрос обороны береговой линии в Приамурском военном округе, а также бассейна р. Амур. Это затрагивало уже частично Иркутский военный округ. Акцент здесь был сделан на развитии малых надводных сил и развертывании подводных лодок. Однако возникли сложности с финансированием. К тому же в правивших кругах Российской империи возникли сомнения на предмет целесообразности таких мероприятий, в частности, соответствующие сомнения высказал в конце 1909 г. министр финансов В. Н. Коковцов в докладе Николаю II по итогам своей поездки на Дальний Восток. В. Н. Коковцов не соглашался с проектом затрат на усиление обороны устья Амура общим объемом 45 млн. руб. (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 303. Л. 37). Морское министерство в этой связи сосредоточило внимание на строительстве Амурской военной флотилии как системы подвижной обороны на Дальнем Востоке. К маю 1911 г. на Амуре имелись 18 канонерских лодок и 9 разведочных катеров (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 474. Л. 21-22).

Постройка канонерских лодок, даже в таком немалом количестве, как для Амурской военной флотилии, была не столь дорогой для бюджета Российской империи, но каждая из 8 имевшихся там особо мощных канонерских лодок имела 6 орудий (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 474. Л. 21), которые можно классифицировать как тяжелые. В начале Первой мировой войны модернизация крепостей береговой обороны в европейской части России еще не была завершена, и там были остро необходимы орудия больших калибров.

В связи с японской угрозой после 1905 г. стала ускоренно развиваться модернизация Владивостокской крепости. По проекту 1910 г. в этой крепости планировалось установить 1290 орудий на сухопутном фронте и 316 орудий – на береговом фронте (Авилов, 2018а: 25). Это было огромное количество артиллерийских систем, по меркам того времени. К 1914 г. и позднее военная промышленность империи не смогла освоить этот проект.

Модернизация Владивостокской крепости (точные расходы на которую не известны до сих пор) развивалась в сочетании с развитием всей оборонительной инфраструктуры Приамурского военного округа (Караман, 2021: 97). В этой связи расходы на Приамурское генерал-губернаторство возросли до 105 млн. руб. в год (в эту сумму вошли издержки на строительство и модернизацию железных дорог в регионе) к началу Первой мировой войны (Караман, 2021: 97). Это сопоставимо примерно с четвертью военного бюджета Российской империи, если принять во внимание чрезвычайные расходы. При этом доходы от Приамурского генерал-губернаторства составляли перед Великой войной 15 млн. руб. в год (Караман, 2021: 97).

Главной сложностью для российской экономики перед и во время Первой мировой войны, связанной с Дальним Востоком, были расходы на: сооружение железной дороги, укреплений и усиление военно-морских сил в регионе. Эти расходы надо сравнивать с тем, что Россия тратила в целом на программы развития своих Вооруженных сил перед Великой войной и в ее начале.

На знаменитую КВЖД Российская империя затратила около 447 млн. руб. к 1 января 1917 г. (Китайская восточная..., 1923: 5), основные расходы были сделаны до Первой мировой войны. Амурская железная дорога обошлась в примерно 400 млн. руб. Эксплуатация КВЖД с учетом региональных особенностей была сравнительно дорогостоящей: около 176 млн. руб. за период с июня 1903 по 1914 г. включительно (Китайская восточная..., 1923: 6). Скажем для сравнения, что бюджет принятой в июле 1913 г. Государственной Думой программы перевооружения и улучшения снабжения артиллерии составил 122,5 млн. руб. (Шацилло, 1991). На развитие Военно-морского флота Россия потратила в период 1910–1914 гг. свыше 700 млн. руб. (Шацилло, 1991). То есть на создание железных дорог в отдаленных восточных регионах с отдаленной экономической перспективой крупного экономического эффекта Россия тратила больше, чем на модернизацию своих Вооруженных сил.

КВЖД отвлекала в Первую мировую войну большое количество паровозов: в 1914 г. в наличии у этой дороги имелось паровозов в количестве 493 шт., в 1915 г. — 491 шт. (Китайская восточная..., 1923: 8). Такое количество паровозов только в рамках КВЖД было очень большим для России. Принимая во внимание, что во втором полугодии 1914 г. для нужд фронта были выделены 725 паровозов (Сенин, 2009: 252), в первые же дни Великой войны стала ощущаться нехватка этой техники в основном в европейской части Российской империи. Поэтому МПС сделало в 1914 г. заказ на дополнительное количество паровозов в количестве 390 шт., в 1915 МПС дало заявки на строительство еще 282 шт.

(Сенин, 2009: 252) (это были сверхплановые заказы, но надо учесть, что из приблизительно 16 тыс. имевшихся паровозов большой процент на внутренних дорогах европейской части страны являлись физически и морально устаревшими). Однако выполнить эти заказы российские заводы своевременно не всегда могли (Сенин, 2009: 252). По другим данным, в распоряжении МПС России имелось на 1 января 1914 г. 19800 паровозов и 485 000 вагонов, при этом количество первых возросло к 1 января 1915 г. до 20 000 шт. (Краткий очерк..., 1916: 8), когда вагонов в то же время — до 510 тыс. шт., из них у КВЖД только вагонов товарных имелось в 1914 г. 7 473 шт., в 1915 г. — 6 450 шт. (Китайская восточная..., 1923: 23).

В начале 1906 г. российским экспертам стало понятно, что все сибирские (туда относились и дальневосточные) железные дороги недостаточно обеспечены паровозами. Это были в основном сильно изношенные машины, отправленные туда из европейских губерний (Борзунов, 1972: 403). К 1910 г. (начиная с 1906 г.) российские заводы поставили в Сибирь и на Дальний Восток 1639 паровозов, в 1910 г. только Коломенский завод построил для железных дорог этих регионов 362 паровоза (Борзунов, 1972: 404), и все это были в основном новейшие на то время и особо мощные модели.

5. Заключение

Нами определено, что существовала системная связь между военной модернизацией Дальнего Востока, большой стратегией и подготовкой России к Первой мировой войне. Все эти процессы проходили в комплексе на фоне развития внешней политики России с начала 1870-х гг.

В 1890-е гг. на Дальнем Востоке появляется новый сильный политический игрок — Япония, и там же возникает малый аналог "большой игры", которую Россия вела в Средней Азии, Иране и Афганистане, соперничая с Англией. Длительное время дальневосточный вектор российской большой военной стратегии был привязан именно к противоборству с Великобританией, в связи с началом противостояния с Японией этот вектор становится более независимым от российско-английских отношений.

Дальний Восток оттягивал большие ресурсы от европейской части Российской империи, при этом экономический эффект от этого был более, чем сомнительным. На подготовку России к Первой мировой войне военная модернизация Дальнего Востока подействовала отрицательно. Иркутский и Приамурский военные округа забирали у российских сил в европейских губерниях около 15 % всей полевой артиллерии, не считая крепости Владивосток. Расходы на строительство железных дорог на Дальнем Востоке превосходили затраты на военно-морские программы и намного опережали бюджет модернизации артиллерийского парка русской армии. Во многом это стало одной из весомых причин неудач России в Первой мировой войне.

Литература

Авилов, 2016a — Авилов Р.С. По Транссибу на Восток. Визит министра финансов В. Н. Коковцова в Приамурский военный округ в 1909 г. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 405. С. 38-49.

Авилов, 2016b — Авилов Р.С. «Кредитов до сих пор мы не имеем...»: проблемы взаимоотношения военного и финансового ведомств Российской империи (на материалах истории Владивостокской крепости (1909–1911 гг.)) // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России*. 2016. № 3. С. 9-15.

Авилов, 2018a — Авилов Р.С. Владивостокская крепость — форпост Российской империи на Дальнем Востоке (1860–1923 гг.) // *Военно-исторический журнал*. 2018. № 1. С. 20-27.

Авилов, 2018b — Авилов Р.С. Приамурский военный округ: военно-административные преобразования накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.) // *Россия и АТР*. 2018. № 1 (99). С. 173-186.

Алексеев, 1998 — Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. В 2-х томах. Т. 1. М.: Русская разведка, Евразия+, 1998. 432 с.

Айрапетов, 1998 — Айрапетов О.Р. Забытая карьера "русского Мольтке". Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетейя, 1998. 314 с.

Айрапетов, 2014 — Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1914 год. Начало. М.: Кучково поле, 2014. 413 с.

Алпеев, 2020 — Алпеев О.Е. Планирование русским Генеральным штабом войны с Великобританией в контексте англо-русских отношений (1885–1914 гг.) // *Исторические исследования*. 2020. № 15. С. 153-166.

Безруков, 2011 — Безруков Л.А. Сибирский холод и экономика России // *Journal of Institutional Studies*. Т. 3. № 1. 2011. С. 104-116.

Бокарев, 2009 — Бокарев Ю.П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы Первой мировой войны. Опыт компаративного исследования / *Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г.* / Под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. С. 9-22.

- Борзунов, 1972** – *Борзунов В.Ф.* История создания Транссибирской железнодорожной магистрали XIX – начала XX вв.: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.00 [Место защиты: Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева]. Томск, 1972. 644 с.
- Венюков, 1873** – *Венюков М.И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1873. 584 с.
- Всепопданнейший отчёт..., 1916** – Всепопданнейший отчёт Военного министерства за 1912 г. СПб.: Военная типография, 1916. 1083 с.
- Галлямова, 2015** – *Галлямова Л.И.* (ред.). Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН. 2015. 292 с.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Глушков, Шаравин, 2000** – *Глушков В.В., Шаравин А.А.* На карте Генерального штаба – Маньчжурия. М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2000. 396 с.
- Зайцев, 2017** – *Зайцев М.В.* "Путешествие из Петербурга во Владивосток": к вопросу о противоречиях в правительстве России по поводу финансирования вооруженных сил накануне Первой мировой войны // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения.* 2017. Т. 17. № 4. С. 445-451.
- Замятин, 2005** – *Замятин Д.Н.* Сибирское проклятье // *Вестник исторической географии.* Вып. 3. 2005. С. 324-332.
- Золотарев, 1998** – *Золотарев В.А.* Военная безопасность Отечества (Ист.-правовое исслед.). 2-е изд., испр. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 461 с.
- Караман, 2021** – *Караман В.Н.* Владивостокская крепость в контексте российской военно-оборонительной политики на Дальнем Востоке (1879–1923 гг.) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2021. № 3 (58). С. 90-101.
- Китайская Восточная..., 1923** – Китайская Восточная железная дорога. Статистический ежегодник. 1923. Составлен экономическим бюро К.В.Ж.Д. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1923. 325 с.
- Краткий очерк..., 1916** – Краткий очерк деятельности русских железных дорог во Вторую Отечественную войну / Упр. железных дорог. Петроград. Ч. 1: Типография Н. И. Евстифьева, 1916.
- Кузнецов, 2022** – *Кузнецов М.Ю.* Иркутский артиллерийский склад в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914–1920 гг.) // *Известия лаборатории древних технологий.* 2022. Т. 18. № 2 (43). С. 86-98.
- Назаренко, 2017** – *Назаренко К.Б.* Ответы на десять вопросов по истории Февральской революции // *Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии.* 2017. Т. 5. С. 60-66.
- Павлов, 2017** – *Павлов А.Ю.* (ред.). Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны. СПб.: Издательство РХГА, 2017. 532 с.
- Поликарпов, 2015** – *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2015. 381 с.
- Попов, Раздина, 2024** – *Попов Г.Г., Раздина Н.В.* Прозрачность и геоэкономика Советской России // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2024. № 87. С. 66-76.
- Поткина, 2022** – *Поткина И.В.* В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914–1917 годах. СПб.: Нестор-История, 2022. 379 с.
- Пржевальский, 1883** – *Пржевальский Н.М.* О возможной войне с Китаем; его же: Разбор приграничных районов: Притяньшанского, Ургинского и Амурского / *Сборник географических, статистических и топографических материалов по Азии.* СПб.: Военно-ученый ком. Главного штаба. 1883. Вып. I. 24 с.
- Расписание сухопутных войск, 1914** – Расписание сухопутных войск. Исправленное по сведениям к 1-му мая 1914 г. СПб.: Военная типография, 1914. 435 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Редигер, 1999** – *Редигер А.Ф.* История моей жизни: Воспоминания военного министра: В 2-х томах. Т. 1. М.: КАНОН-пресс-Ц, 1999. 574 с.
- Сенин, 2009** – *Сенин А.С.* Железнодорожное хозяйство России в годы Первой мировой войны: к вопросу о «Расстройстве транспорта» // *Труды по россиеведению.* 2009. № 1. С. 237-269.
- Сидоров, 1973** – *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 656 с.
- Ходяков, 2018** – *Ходяков М.В.* Китайско-Восточная железная дорога и планы усиления русского экономического влияния на Дальнем Востоке в преддверии Первой мировой войны // *Петербургский исторический журнал.* 2018. № 3. С. 52-65.
- Шапкин, 2023** – *Шапкин И.Н.* Опыт перестройки российского народного хозяйства и управления в годы Первой мировой войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 7-24.
- Шацилло, 1991** – *Шацилло К.Ф.* Последние военные программы Российской империи // *Вопросы истории.* 1991. № 7–8. С. 224-233.

[Янченко, Старовойтова, 2018](#) – Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 3. С. 583-597.

[Fuller, 1992](#) – Fuller W.C. Strategy and power in Russia, 1600-1914. New York etc.: Free press. 1992. 557 p.

[Hauner, 1990](#) – Hauner M. What is Asia to us?: Russia's Asian heartland yesterday and today. Boston: Unmin Hyman, 1990. 264 p.

[Peter, 1959](#) – Peter S. H. Tang, Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911-1931. Durham, NC: Duke University Press. 1959. 494 p.

[Schimmelpenninck, 1996](#) – Schimmelpenninck Van Der Oye D. Russian Military Intelligence on the Manchurian Front, 1904-05 // *Intelligence and National Security*. 1996. XI. No 1. Pp. 22-31.

[Wolff, 1999](#) – Wolff D. To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria. Stanford: Stanford University press, 1999. 257 p.

References

[Airapetov, 1998](#) – Airapetov, O.R. (1998). Zabytaya kar'era "russkogo Mol'tke". Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904) [The forgotten career of the “Russian Moltke”. Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904)]. SPb.: Aleteiya, 314 p. [in Russian]

[Airapetov, 2014](#) – Airapetov, O.R. (2014). Uchastie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917). 1914 god. Nachalo [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917). 1914. Beginning]. M.: Kuchkovo pole, 413 p. [in Russian]

[Alekseev, 1998](#) – Alekseev, M. (1998). Voennaya razvedka Rossii ot Ryurika do Nikolaya II [Military intelligence of Russia from Rurik to Nicholas II]. V 2-kh tomakh. T. 1. M.: Russkaya razvedka, Evraziya+, 432 p. [in Russian]

[Alpeev, 2020](#) – Alpeev, O.E. (2020). Planirovanie russkim General'nym shtabom voyny s Velikobritaniie v kontekste anglo-russkikh otnoshenii (1885–1914 gg.) [The Russian General Staff's planning of the war with Great Britain in the context of Anglo-Russian relations (1885–1914)]. *Istoricheskie issledovaniya*. 15: 153-166. [in Russian]

[Avilov, 2016a](#) – Avilov, R.S. (2016). Po Transsibu na Vostok. Vizit ministra finansov V. N. Kokovtsova v Priamurskii voennyi okrug v 1909 g. [On the Trans-Siberian Railway to the East. The visit of Finance Minister V. N. Kokovtsov to the Amur Military District in 1909]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 405: 38-49. [in Russian]

[Avilov, 2016b](#) – Avilov, R.S. (2016). «Kreditov do sikh por my ne imeem...»: problemy vzaimootnosheniya voennogo i finansovogo vedomstv Rossiiskoi imperii (na materialakh istorii Vladivostokskoi kreposti (1909–1911 gg.)) [“We still do not have loans...”: problems of the relationship between the military and financial departments of the Russian Empire (based on the materials of the history of the Vladivostok Fortress (1909-1911))]. *Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Istoriya Rossii*. 3: 9-15. [in Russian]

[Avilov, 2018a](#) – Avilov, R.S. (2018). Vladivostokskaya krepost' – forpost Rossiiskoi imperii na Dal'nem Vostoke (1860–1923 gg.) [The Vladivostok fortress– an outpost of the Russian Empire in the Far East (1860-1923)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 1: 20-27. [in Russian]

[Avilov, 2018b](#) – Avilov, R.S. (2018). Priamurskii voennyi okrug: voенно-administrativnye preobrazovaniya nakanune Pervoi mirovoi voyny (1906–1914 gg.) [The Amur military district: military and administrative transformations on the eve of the First World War (1906–1914)]. *Rossiia i ATR*. 1(99): 173-186. [in Russian]

[Bezrukov, 2011](#) – Bezrukov, L.A. (2011). Sibirskii kholod i ekonomika Rossii [Siberian cold and the Russian economy]. *Journal of Institutional Studies*. 3(1): 104-116. [in Russian]

[Bokarev, 2009](#) – Bokarev, Yu.P. (2009). Mobilizatsionnaya ekonomika v Rossii i Germanii v gody Pervoi mirovoi voyny. Opyt komparativnogo issledovaniya [The mobilization economy in Russia and Germany during the First World War. Comparative research experience]. Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskii opyt Rossii XX veka: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Chelyabinsk, 28–29 noyabrya 2009 g. Pod red. G.A. Goncharova, S.A. Bakanova. Chelyabinsk: OOO «Entsiklopediya». Pp. 9-22. [in Russian]

[Borzunov, 1972](#) – Borzunov, V.F. (1972). Istoriya sozdaniya Transsibirskoi zheleznodorozhnoi magistrali XIX – nachala XX vv. [The history of the creation of the Trans-Siberian railway of the XIX – early XX centuries]: diss. ... dokt. istor. nauk: 07.00.00 [Mesto zashchity: Tom. gos. un-t im. V. V. Kuibysheva]. Tomsk, 644 p. [in Russian]

[Fuller, 1992](#) – Fuller, W.C. (1992). Strategy and power in Russia, 1600-1914. New York etc.: Free press. 557 p.

[Gallyamova, 2015](#) – Gallyamova, L.I. (2015). (red.). Vglyadyvayas' v proshloe: Mirovye voyny XX veka v istorii Dal'nego Vostoka Rossii [Looking into the past: The World Wars of the XXth century in the history of the Russian Far East]. Vladivostok: DVO RAN. 292 p. [in Russian]

[GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].

- Glushkov, Sharavin, 2000** – *Glushkov, V.V., Sharavin, A.A.* (2000). Na karte General'nogo shtaba – Man'chzhuriya [On the map of the General Staff – Manchuria]. M.: In-t polit. i voen. analiza, 396 p. [in Russian]
- Hauner, 1990** – *Hauner, M.* (1990). What is Asia to us?: Russia's Asian heartland yesterday and today. Boston: Unmin Hyman, 264 p.
- Karaman, 2021** – *Karaman, V.N.* (2021). Vladivostokskaya krepost' v kontekste rossiiskoi voenno-oboronitel'noi politiki na Dal'nem Vostoke (1879–1923 gg.) [The Vladivostok fortress in the context of Russian military defense policy in the Far East (1879–1923)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya.* 3(58): 90-101. [in Russian]
- Khodyakov, 2018** – *Khodyakov, M.V.* (2018). Kitaisko-Vostochnaya zheleznaya doroga i plany usileniya russkogo ekonomicheskogo vliyaniya na Dal'nem Vostoke v preddverii Pervoi mirovoi voiny [Chinese Eastern railway and plans to strengthen Russian economic influence in the Far East on the eve of the First World War]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal.* 3: 52-65. [in Russian]
- Kitaiskaya Vostochnaya..., 1923** – *Kitaiskaya Vostochnaya zheleznaya doroga.* Statisticheskii ezhegodnik. 1923 [Chinese Eastern Railway. Statistical yearbook. 1923]. Sostavlenn ekonomicheskim byuro K.V.Zh.D. Kharbin: Tipografiya Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi, 1923. 325 p. [in Russian]
- Kratkii ocherk..., 1916** – *Kratkii ocherk deyatel'nosti russkikh zheleznykh dorog vo Vtoruyu Otechestvennuyu voinu* [A brief outline of an activities of Russian railways in the Second World War]. Upr. zheleznykh dorog. Petrograd. Ch. 1: Tipografiya N. I. Evstif'eva, 1916. [in Russian]
- Kuznetsov, 2022** – *Kuznetsov, M.Yu.* (2022). Irkutskii artilleriiskii sklad v gody Pervoi mirovoi i Grazhdanskoi voyn (1914–1920 gg.) [Irkutsk artillery depot during the First World War and the Civil War (1914–1920)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii.* T. 18. 2(43): 86-98. [in Russian]
- Nazarenko, 2017** – *Nazarenko, K.B.* (2017). Otvet na desyat' voprosov po istorii Fevral'skoi revolyutsii [The answer to ten questions on the history of the February Revolution]. *Rossiya v epokhu revolyutsii i reform. Problemy istorii i istoriografii.* 5: 60-66. [in Russian]
- Pavlov, 2017** – *Pavlov, A.Yu.* (2017). (red.). Porokh, zoloto i stal'. Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo v gody Pervoi mirovoi voiny [Gunpowder, gold and steel. Military-technical cooperation during the First World War]. SPb.: Izdatel'stvo RKhGA, 532 p. [in Russian]
- Peter, 1959** – *Peter, S.* (1959). H. Tang, Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911-1931. Durham, NC: Duke University Press. 494 p.
- Polikarpov, 2015** – *Polikarpov, V.V.* (2015). Russkaya voenno-promyshlennaya politika. 1914–1917. Gosudarstvennye zadachi i chastnye interesy Russian military-industrial policy. 1914–1917. State tasks and private interests]. M.: ZAO «Tsentrpoligraf», 381p. [in Russian]
- Popov, Razdina, 2024** – *Popov, G.G., Razdina, N.V.* (2024). Prodravverstka i geoeconomika Sovetskoj Rossii [Prodravverstka and geo-economics of the Soviet Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija.* 87: 66-76. [in Russian]
- Potkina, 2022** – *Potkina, I.V.* (2022). V preddverii katastrofy. Gosudarstvo i ekonomika Rossii v 1914–1917 godakh [In the run-up to the disaster. The State and the economy of Russia in 1914–1917]. SPb.: Nestor-Istorija, 379 p. [in Russian]
- Przheval'skii, 1883** – *Przheval'skii, N.M.* (1883). O vozmozhnoi voine s Kitaem; ego zhe: Razbor prigranichnykh raionov: Prityan'shanskogo, Urginskogo i Amurskogo [About a possible war with China; his own: Analysis of the border areas of Prityanshan, Urginsky and Amur]. *Sbornik geograficheskikh, statisticheskikh i topograficheskikh materialov po Azii.* SPb.: Voенно-uchenyi kom. Glavnogo shtaba. Vyp. I. 24 p. [in Russian]
- Raspisanie sukhoputnykh voisk, 1914** – *Raspisanie sukhoputnykh voisk.* Ispravlennoe po svedeniyam k 1-mu maya 1914 g. [Timetable of the Land Forces. Corrected according to information by May 1, 1914]. SPb.: Voennaya tipografiya, 1914. 435 p. [in Russian]
- Rediger, 1999** – *Rediger, A.F.* (1999). Istorija moei zhizni: Vospominaniya voennogo ministra: V 2-kh tomakh [The story of my life: Memoirs of the Minister of War]. T. 1. M.: KANON-press-Ts, 574 p. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voенно-istoricheskii arkhiv [State Military Historical Archive].
- Scbimmelpenninck, 1996** – *Scbimmelpenninck, Van Der Oye D.* (1996). Russian Military Intelligence on the Manchurian Front, 1904-05. *Intelligence and National Security.* 1XI. No 1. Pp. 22-31.
- Senin, 2009** – *Senin, A.S.* (2009). Zheleznodorozhnoe khozyaistvo Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny: k voprosu o «Rasstroistve transporta» [The railway industry of Russia during The First World War: on the issue of “Disruption of transport”]. *Trudy po rossievedeniyu.* 1: 237-269. [in Russian]
- Shapkin, 2023** – *Shapkin, I.N.* (2023). Opyt perestroiki rossiiskogo narodnogo khozyaistva i upravleniya v gody Pervoi mirovoi voiny [The experience of restructuring the Russian national economy and management during the First World War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija.* 68(1): 7-24. [in Russian]
- Shatsillo, 1991** – *Shatsillo, K.F.* (1991). Poslednie voенnye programmy Rossiiskoi imperii [The latest military programs of the Russian Empire]. *Voprosy istorii.* 7–8: 224-233. [in Russian]

- Sidorov, 1973** – *Sidorov, A.L.* (1973). Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [The economic situation of Russia during the First World War]. M.: Nauka. 656 p. [in Russian]
- Venyukov, 1873** – *Venyukov, M.I.* (1873). Opyt voennogo obozreniya russkikh granits v Azii [Experience of military review of the Russian borders in Asia]. SPb.: Tipografiya V. Bezobrazova i komp., 584 p. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet..., 1916** – Vsepoddanneishii otchet Voennogo ministerstva za 1912 g. [The most comprehensive report of the Ministry of War for 1912]. SPb.: Voennaya tipografiya, 1916. 1083 p. [in Russian]
- Wolff, 1999** – *Wolff, D.* (1999). To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria. Stanford: Stanford University press, 257 p.
- Yanchenko, Starovoitova, 2018** – *Yanchenko, D.G., Starovoitova, E.O.* (2018). Perspektivy ekonomicheskogo razvitiya Kitaisko-Vostochnoi zheleznoi dorogi posle Russko-yaponskoi voyny: regional'nyi aspekt i peterburgskaya politika [Prospects for the economic development of the Chinese Eastern Railway after the Russo-Japanese War: the regional dimension and the St. Petersburg policy. Modern History of Russia]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 8(3): 583-597. [in Russian]
- Zamyatin, 2005** – *Zamyatin, D.N.* (2005). Sibirskoe proklyat'e [The Siberian curse]. *Vestnik istoricheskoy geografii*. 3: 324-332. [in Russian]
- Zaytsev, 2017** – *Zaytsev, M.V.* (2017). "Puteshestvie iz Peterburga vo Vladivostok": k voprosu o protivorechiyah v pravitel'stve Rossii po povodu finansirovaniya vooruzhennykh sil nakanune Pervoy mirovoj vojny ["The Journey from St. Petersburg to Vladivostok": on the Contradictions in the Russian Government Concerning the Army Provisions before the First World War]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 17(4): 445-451. [in Russian]
- Zolotarev, 1998** – *Zolotarev, V.A.* (1998). Voennaya bezopasnost' Otechestva (Ist.-pravovoe issled.) [Military security of the Fatherland (Historical and legal research)]. 2-e izd., ispr. Moscow: KANON-press, Kuchkovo pole. 461 p. [in Russian]

Дальневосточный вектор большой стратегии Главного штаба Русской армии в конце XIX — начале XX вв. и неудачи в Первой мировой войне Российской империи

Григорий Германович Попов ^{a, *}, Станислав Геннадьевич Давыдов ^a, Андрей Николаевич Кукарека ^a, Елена Владимировна Бабаева ^b

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

^b Российский технологический университет Московский институт радиотехники, электроники и автоматики (РТУ МИРЭА), Москва, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья посвящена мало изученной в науке теме влияния распределения ресурсов в пространстве Российской империи на состояние ее военного потенциала перед Первой мировой войной на примере Дальнего Востока России. Авторы рассматривают три аспекта данной проблемы: распределение артиллерии, железнодорожной техники и финансирования оборонных программ. Помимо этого, авторы обращаются к военно-политическим факторам, повлиявшим на решения высшего руководства на предмет военной модернизации Дальнего Востока и выбора методов и путей ее осуществления. Авторы доказывают, что Военное министерство Российской империи не было уверено в готовности Японии соблюдать Портсмутский мирный договор 1905 г., это толкало высшее руководство Российской империи к наращиванию сухопутных сил на Дальнем Востоке и в Забайкалье, а также к модернизации крепости Владивосток. Авторы также отмечают, что российское высшее военное командование считало вполне вероятным в будущем направленность против России альянс Японии и Китая. Авторы приводят статистические данные по строительству железных дорог на Дальнем Востоке в начале XX в. и оснащению Китайской военной железной дороги паровозами и вагонами. Они доказывают, что эта магистраль забирала у железных дорог европейской части России немало ресурсов в начале Первой мировой войны. Россия также сделала много бюджетных вложений в железнодорожное строительство на Дальнем Востоке, которые по финансовым суммам превосходили расходы на программы по модернизации Вооруженных сил Российской империи. Авторы приходят к выводу, что военная модернизация Дальнего Востока негативно отразилась на подготовке России к Первой мировой войне.

Ключевые слова: военная модернизация России, Приамурский военный округ, Иркутский военный округ, Военное министерство Российской империи, Русско-японская война, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: GGPopov2009@mail.ru (Г.Г. Попов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 371-384
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.371

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Terms for the Electricity Supply in the Russian Empire at the turn of the 20th century

Oleg A. Gorodov ^a, Kristina S. Semenovich ^{a,*}, Diana A. Zhmulina ^a, Rudolf E. Bauer ^a

^aSt. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes a public proposal from 1886 on the organization of electricity supply to consumers: state, public and other institutions, as well as private individuals. The electricity supply organization and the applicant would enter into legal relations on energy supply on the basis of joining the proposal in question. The considerable attention is devoted to the legal qualification of electricity as the subject of the concluded agreement and the agreement itself, which was stipulating the supply of electricity, as well as to the analysis of the rights and obligations assumed by the parties to the energy supply agreement. The article emphasizes the lack of separation of the electricity supply activities and their performance by the same organization. In this regard, the article identifies the rights and obligations that were granted to electricity supply organizations for the technological arrangement of power grid equipment and generation facilities. The main sources for the present study are legal acts that regulated electricity supply relations in pre-revolutionary Russia, domestic legal doctrine of that period, judicial practice of the late 19th century and early 20th century, as well as archival documents illustrating the procedure for organizing electricity supply. The authors note the integrity of terms for the power supply formulated by the electricity supply organization with the lack of a sufficient legislative framework at that time.

Keywords: electricity, metering device, electricity supply organization, energy supply agreement, consumer.

1. Введение

В законодательстве Российской империи на рубеже XIX–XX вв. отсутствовала надлежащая правовая регламентация процесса электроснабжения, а равно прав и обязанностей сторон договора энергоснабжения, как важнейшего юридического средства, упорядочивающего этот процесс не было. Электроснабжающим компаниям, учреждаемым на территории государства, во многом предоставлялся простор усмотрения в формулировании договорных условий. Такая возможность была связана, во-первых, с отсутствием достаточной компетенции у государственного аппарата в «новорожденной» экономической сфере, а во-вторых, с перспективой наибольшей технологической эффективности хозяйственной деятельности компаний частного капитала, заинтересованных в расширении зон влияния и приращении капитала. Сформированные электроснабжающими компаниями условия организации электроснабжения в XIX в. стали базисом как советского, так и отечественного электроэнергетического законодательства, заложенная ими технологическая основа отрасли частично функционирует и поныне в составе оборудования энергоснабжающих организаций. Проведенный анализ публичного предложения по организации электроснабжения потребителей на «входе» электроэнергии в общественную жизнь свидетельствует о сохранении ключевых аспектов правоотношений по электроснабжению и в условиях современного развития науки и техники.

* Corresponding author

E-mail addresses: gorodovoleg@gmail.com (O.A. Gorodov), kristinakt@yandex.ru (K.S. Semenovich), d.zhmulina@yandex.ru (D.A. Zhmulina), rudolf.bauer1999@gmail.com (R.E. Bauer)

2. Материалы и методы

В связи с отсутствием в законодательстве дореволюционной России норм, прямо регулирующих отношения по энергоснабжению, для проведения наиболее полного анализа складывавшихся правоотношений между потребителями электрической энергии и электроснабжающими компаниями, в исследовании нами было задействовано четыре группы источников. К первой группе источников относятся архивные документы электроснабжающих компаний, устанавливающие порядок организации взаимоотношений с потребителями электрической энергии, отдельные нормативные акты и официальные документы рекомендательного характера, которые содержат в себе вытекающие из заключаемых договоров энергоснабжения права и обязанности сторон, а также основные технологические требования к размещаемому электросетевому оборудованию. Вторую группу источников составили сборники опубликованных документов: нормативно-правовые акты гражданского законодательства, обзоры и комментарии отечественной и зарубежной правоприменительной практики, а также обширные материалы юридической доктрины рассматриваемого периода, содержащей в себе различные взгляды на правовую квалификацию электроэнергетики и договора, которым оформлялись правоотношения по электроснабжению. Дополнительно необходимо упомянуть техническую литературу конца XIX в. - начала XX вв., которая содержит в себе описание имеющихся технических решений в электроснабжении, в частности в преимуществах постоянного тока перед переменным, видах разработанных приборов учета для регистрации количества потребленной электроэнергии, положенных в основу расчетов по договорам энергоснабжения. Третья группа источников состоит из материалов личного происхождения: воспоминаний очевидцев развития системы электроснабжения в Российской империи, выраженных в письмах, интервью. Четвертая группа источников, к которой относятся материалы дореволюционной периодической печати, представлена выпусками газеты «Новое время». Указанные группы источников, вместе с использованными современными трудами по истории развития электроснабжения в России, сформировали значительную эмпирическую базу, которая позволила провести современный правовой анализ правоотношений по электроснабжению в дореволюционной России.

Ведущие значения методологической основы данного исследования имеют историко-правовой метод и системный подход, с помощью которых становление правовой организации процесса электроснабжения было раскрыто исходя из исторических событий, связанных введением электроэнергии в гражданское обращение. Изучение нормативной базы, правоприменительной практики и существовавших в рассмотренный период доктринальных позиций, продиктовало необходимость широкого использования юридико-теоретического и герменевтического методов, с помощью которых были разъяснены особенности дореволюционного законодательства и прослежено стремительное изменение подходов к квалификации правовой природы как самого договора энергоснабжения, так и объекта, по поводу которого эти договоры заключались. Общенаучные, частные и специальные методы познания позволили объективно оценить систему взаимодействия государства и электроснабжающих компаний, сформировать целостное представление об исторических процессах формирования нормативной регламентации правоотношений по энергоснабжению.

3. Обсуждение

Правовое регулирование электроэнергетики в России в дореволюционный период современными авторами изучено весьма подробно. К основным трудам по данной теме относятся работы А.И. Грищенко, П.С. Зиноватного по энергетическому праву периода 1885–1918 гг. (Грищенко, Зиноватный, 2008), труды Н.С. Симонова по предыстории советской электрификации (Симонов, 2016), по анализу статистических данных (Симонов, 2017). В свете таких масштабных исследований добавить что-то без дублирования по теме законодательной регламентации представляется практически невозможным. Поэтому в настоящей работе избрана менее исследованная тематика договорного регулирования правоотношений потребителя (заявителя, абонента) и электроснабжающей организации, с целью формирования целостного представления о взаимодействии сторон договора энергоснабжения, порядке заключения, исполнения, расторжения такого договора, предпочтениях, правах и основных обязанностях по нему. Для достижения поставленных целей и задач настоящего исследования нами использованы материалы правовой доктрины известных ученых-цивилистов (Бернгейт, Колер, 1910; Мейер, 2003; Победоносцев, 1880; Томсинов, 2019) и специалистов уголовного права (Познышев, 1914; Розин, 1899), в том числе комментарии правоприменительной практики (Верещагин, 2022; Гессен, 1910; Гуляев, 1913; Колычев, 1912; Тютрюмов, 1923b, 1923a).

Немаловажную роль для понимания системы взаимоотношений по электроснабжению в описываемый период играют научные исследования в области электротехники конца XIX в. (Hertz, 1894; Ricks, 1896), а также современные труды по истории теплоэнергетики (Петрущенко, 2022a; 2022b).

Результаты анализа исследованных в настоящей статье материалов существенно дополняют историческую и юридическую науку в части ретроспективного исследования правового регулирования договора энергоснабжения, правового положения сторон названного договора и

формирования культуры разумного потребления электрической энергии уже на первых этапах ее использования в общественной жизни.

4. Результаты

В столице Российской империи электричество «вышло в свет» 30 сентября по старому стилю (по новому стилю – 13 октября) 1879 г. – в день открытия моста Александра II (ныне – Литейный мост) через Неву, для освещения которого впервые в мире были использованы электрические фонари со «свечами» П.Н. Яблочкова. Уже в 1883 г. в Санкт-Петербурге построены две паровые центральные электрические станции постоянного тока для освещения главной улицы столицы – Невского проспекта (Петрущенков, 2022а: 50).

К началу 1890-х гг. в Санкт-Петербурге действовало четыре производившие электричество станции, а к концу девятнадцатого столетия семь маленьких электростанций заменила Центральная электростанция, вырабатывавшая более половины электроэнергии, потреблявшейся в столице. В газете «Новое время» от 7 (19) ноября 1898 г. сообщали: «Вчера кабель, доведенный до сети Гостиного двора, пустил со станции на Обводном канале энергию и осветил магазины, т.е. вместо станции, стоящей на Казанской площади, Гостиный двор стал освещаться с Центральной электростанции» (Газета, 1898).

Общественная реакция на организацию электроснабжения была неоднозначной. Очевидица тех событий Ханна Моисеевна Шкловская так описывала свои впечатления: «Помню, как появилась первая лампочка: нам сказали, что теперь будет электричество, и эта лампочка будет гореть. Смешно было смотреть на нее... и вдруг она загорелась. Но мы все равно не оставляли керосиновые лампы. Не верили мы в электричество» (Каково это..., 2007: 55).

С развитием производственных мощностей и расширением сетевого оборудования в Российской империи, электроэнергия стала доступной относительно широкому кругу лиц и вошла в товарно-денежный оборот. В правовом регулировании дореволюционной России и за рубежом отсутствовала четкая регламентация, к какому виду объектов следует относить электричество (Розин, 1899: 89). До настоящего времени также не существует единого правового подхода по отнесению электроэнергии к тому или иному виду объектов гражданских прав, правильно ли считать электроэнергию вещью, состоянием вещи, иным имуществом или «особым экономическим благом».

Так, немецкий ученый Ф. Беккер отмечал невозможность представления вещи или тела без присущей силы, энергии и движения, как нельзя представить движение без подвижности (Розин, 1899: 92). По его суждению, все, что наблюдается в природе – тяжесть, объем, цвет, твердость, упругость и т. д. – все это особые формы проявления живущих в материи сил. Пользуясь вещами, люди дают толчок таким силам, направляя их по своему желанию. Все тела, одушевленные и неодушевленные, полны особого характера мельчайшими атомами, каковые являются не *causa movens*, а средством, средой, где распространяется электрическая энергия (Розин, 1899: 92). Следовательно, по мнению ученого, раз основой электроэнергии являются мельчайшие частицы – то можно и говорить о ее природе как «особой» вещи. Немецкие правоведы Ф. Бернгефт и Й. Колер отстаивали другую точку зрения и утверждали, что электричество – это не материальная вещь, оно не составляет право собственности, электричество, как само собою разумеющееся, не является чем-то только мыслимым, оно существует в уме человека не только как творение его духа, подобно изобретению или авторскому творчеству, оно является силой, которая приходит в движение и имеет свойство продолжаться (Бернгефт, Колер, 1910: 155). Вместе с тем, несмотря на бестелесность и абстрактность, движения электричества, по мнению ученых, должны были подвергаться правовому регулированию со стороны государства.

Российский ученый Н.Н. Розин практически беспелляционно утверждал о том, что в гражданском обороте электроэнергия уже давно приняла характер движимой вещи, стала предметом договора, и только в лабораториях и кабинетах ученых идут споры о субстанции данного явления (Розин, 1899: 95).

В правоприменительной практике первые довольно интересные судебные позиции о правовой природе электроэнергии были выработаны в Германии. В решении 4-й гражданской палаты Имперского суда Германии от 10 марта 1887 г. утверждалось, что электрическая энергия является объектом гражданского правоотношения и договора, так как немецкое законодательство не ограничивало понятие «вещи» только материальными предметами (Розин, 1899: 90). В 1895 г. вопрос о правовой природе электроэнергии рассматривался Областным судом города Мюнхен, который сослался на решение Имперского суда Германии и вновь признал электроэнергию вещью (Розин, 1899: 92). При пересмотре этого дела в уголовном отделении Имперского суда Германии решение областного суда было отменено, а высший суд отказался считать электроэнергию вещью, чем кардинально изменил свой первоначальный подход к определению правовой природы данного физического явления (Розин, 1899: 93).

В качестве иллюстрации противоречивых судебных разбирательств в Российской империи в современной литературе (Верещагин, 2022: 195-196) используют уголовное расследование в отношении некоего крестьянина, самовольно подключившегося к кабелю электрической сети для

освещения своей квартиры, в рамках которого Мировой съезд не нашел состава преступления, так как электроэнергия, по мнению судебного органа, под понятие вещи не подходит и не может быть предметом преступления о краже (тайном хищении чужого имущества). Впоследствии решение съезда было отменено Уголовным кассационным департаментом Сената 7 мая 1902 г., для целей уголовного закона электричество было признано тождественным имуществу или объекту материального мира. В решении указывалось следующее: «Электричество существует несомненно и вполне реально <...> оно обладает всеми признаками имущества в смысле закона <...> Электричество надлежит признавать имуществом движимым, так как оно может быть перемещаемо с одного места на другое, путем провода. Его, или часть его, можно отвести или для немедленного употребления, напр. для освещения, для движения машины, или даже собрать в аккумулятор и переносить по усмотрению, даже распределять его между многими лицами путем передачи, и не только безмездной, но даже возмездной, так как электричество вошло уже в экономический оборот общезжития и стало меновой ценностью» (*Решения...*, 1903: 37-38).

Критика принятого судебного акта была высказана, например, С.В. Познышевым, который отмечал, что кража, как похищение, предполагает, что имущество было чужим для похитителя и было им изъято из чужого владения, а пользование чужим электричеством не имеет в своей основе лишения владения, так как владеть электроэнергией невозможно (*Познышев, 1914: 474*). Как было указано выше, таким же подходом руководствуется и современный законодатель, исходя из одномоментности процессов производства и потребления электроэнергии.

Мы же рассматриваем электроэнергию в качестве товара особо рода (*sui generis*) и считаем необходимым распространять на нее вещно-правовой режим. То есть, на наш взгляд, выраженная Уголовным кассационным департаментом Сената позиция представляется правильной и в XXI в. Однако оставим спор о правовой природе электрической энергии юридической доктрине и, подводя итог, отметим, что электричество, как и любой товар, в Российской империи было предметом гражданско-правовых сделок.

В 1886 г. в Санкт-Петербурге было учреждено акционерное «Общество электрического освещения» (в 1903 г. оно переименовано в «Общество электрического освещения 1886 года») (далее по тексту – Общество), основанное Карлом Федоровичем Сименсом (Карл Генрих фон Сименс). Именно с моментом учреждения Общества принято связывать дату начала широкого использования электроэнергии в России. Согласно уставу Общества, цель учреждения общества заключалась в освещении электричеством улиц, фабрик, заводов, магазинов и всякого рода других мест и помещений. «Здесь обращало на себя внимание одно обстоятельство, имевшее стратегический характер: отсутствовала ссылка на территориальные границы деятельности, а также на возможность приобретения предприятий, производивших электротехническую продукцию. В этом явно проявлялось желание избежать детализации, а значит – дополнительных ограничений в формальной стороне дела» (*Барышников, 2009: 122*). Для достижения обозначенной уставной цели деятельности, обществу разрешалось принимать на себя как устройство, так и эксплуатацию электрического освещения, изготавливать электрооборудование и осуществлять строительство электростанций. Фактически Общество получило права на производство, передачу и сбыт электроэнергии на всей территории Российской империи.

Помимо акционерного «Общества электрического освещения», в стране осуществляли свою деятельность и иные электроснабжающие компании. Так, в 1897 г. было зарегистрировано акционерное общество «Бельгийское анонимное общество электрического освещения Санкт-Петербурга», которое в 1898 г. ввело в работу центральную электростанцию на набережной реки Фонтанка, дом 104, впоследствии получившей наименование «Государственная электростанция № 3» (ГЭС-3). (*Петрущенков, 2022b: 9*). Указанная электростанция функционирует практически в неизменном виде и в настоящее время в качестве насосно-подкачивающей станции. Жители Санкт-Петербурга за четыре трубы, расположенные по периметру квадрата, именуют ее «спящим слоном», «спящей короной» или «перевернутой табуреткой». В 1897 г. также было учреждено акционерное общество «Гелиос» (далее по тексту – общество «Гелиос»), преобразованное в 1900 г. в акционерное «Санкт-Петербургское общество электрических освещений». В Санкт-Петербурге обществом «Гелиос» к 27 апреля 1897 г. на Новгородской улице была построена центральная электростанция, ныне именуемая Центральной ТЭЦ ЭС-2 (электростанция кельнского общества «Гелиос»). Общество «Гелиос» также осуществляло свою деятельность не только в столице. Например, по договору 1899 г. между Таганрогским общественным управлением с обществом «Гелиос» на устройство в Таганроге электрического освещения, водоснабжения, канализации и трамвая, компания получила исключительное право прокладывать по улицам, переулкам и площадям провода для доставления электрической энергии с целью освещения, передачи силы и других функций. Русский писатель А.П. Чехов о заключении этого договора в личной переписке отмечал: «Итак, в Таганроге, кроме водолечебницы Гордона, будет и еще водопровод, трамвай и электрическое освещение. Боюсь все-таки, что электричество не затмит Гордона и он долго еще будет лучшим показателем таганрогской культуры» (*Чехов, 1980: 303*).

Упомянутые электроснабжающие компании объединяли в себе и генерацию, и продажу, и передачу электроэнергии потребителям, которыми могли выступать казенные, общественные и другие учреждения, в том числе производственные предприятия, и частные лица. В отсутствие единых законодательно закрепленных правил электроснабжения, такие компании могли самостоятельно формулировать условия электроснабжения.

Например, утвержденные Городской Управой за № 3770 в 1896 г. «Общие условия пользования электрической энергией от центральных станций Московского отделения Общества электрического освещения 1886 г. в Москве» ([Общие условия..., 1901](#)) (далее по тексту – Условия пользования электроэнергией от 1896 г.), представляли собой публичное предложение, содержали в себе все существенные условия договора энергоснабжения, заключение которого производилось путем присоединения к нему на основании поданного потребителем заявления.

На рубеже XIX–XX вв. помимо начала споров относительно правовой природы электроэнергии, в доктрине существовал второй взаимосвязанный вопрос о правовой природе соглашения, заключаемого между потребителем и электроснабжающей компанией – договора энергоснабжения. Одни понимали его как разновидность договора подряда, другие как разновидность договора купли-продажи (поставки).

До опубликования проекта Гражданского уложения Российской империи в 1905 г., существовала большая теоретическая неясность в разграничении договоров подряда и поставки, ввиду смешения их определений в ст. 1737 Законов гражданских, что позволяло дореволюционным ученым относить договор энергоснабжения к подрядным договорам. Российский правовед И.М. Тютрюмов разделял точку зрения немецких ученых Ф. Бернгейта и Й. Колера, которые относили договор энергоснабжения к подрядным договорам, и в своем комментарии к ст. 1737 Законов гражданских указал, что к договору подряда принадлежит также сделка, в силу которой электрическое заведение обязуется доставлять кому-либо электричество в известном количестве, она подлежит его началам. Договор энергоснабжения не договор купли-продажи, так как было бы противно всем началам права допускать куплю-продажу состояния, силы: продавать можно только предметы (хотя бы не телесные), предметность служит той разграничительной чертой, которая отделяет куплю-продажу от других договоров ([Тютрюмов, 1923а: 1689](#)). После внесения проекта Гражданского уложения Российской империи в 1913 г. в Государственную Думу, предмет договоров купли-продажи (поставки) и подряда был разграничен, и договор энергоснабжения был отнесен к договорам купли-продажи. Предмет договора энергоснабжения был четко обозначен законодателем и выражался в предоставлении электроэнергии в собственность потребителя. В дальнейшем, в Основах гражданского законодательства СССР и республик, а также в современном Гражданском Кодексе РФ обозначенного смешения более не возникало.

Необходимо отметить, что разделение купли-продажи и поставки было связано исключительно с характеристиками передаваемого по договору имущества. Профессор А.М. Гуляев указывал: «Поставка характеризуется теми же юридическими признаками, что и купля-продажа; в обоих договорах речь идет о возмездном предоставлении имущества, но при поставке – только имущества движимого, и притом определяемого родовыми признаками. Отсутствие в законе правил о договоре купли-продаже движимости не восполняется и правилами о запроезде, предполагающей предоставление в будущем объекта, определенного признаками индивидуальными. Для договора о предоставлении генерическими (*прим.* – родовыми) признаками определенных вещей за денежный эквивалент пришлось создать особые правила, которые и составляют содержание статей о поставке» ([Гуляев, 1913: 422](#)). Таким образом, поставка есть та же купля-продажа, только передаваемое в собственность покупателя имущество является движимым и определяется родовыми признаками, а поставщик на момент заключения договора может еще продаваемым имуществом не обладать, но обязуется его изготовить (в случае энергоснабжения – произвести) для целей передачи покупателю.

Гражданское законодательство Российской империи предусматривало несколько форм договоров: крепостную, явочную, нотариальную и домашнюю, в которой различались письменные и словесные договоры ([Томсинов, 2019: 16](#)). Форма договора имела существенное значение для признания действительности совершенной сделки. К.П. Победоносцев, указывал: «Вопрос о неформальном заключении договора может иметь двоякое значение. Или: вообще без формального договора не допускается никакое требование, на договоре основанное, — это было бы решительно несправедливо, как скоро самое существование договора не подлежит сомнению. Или: не допускается доказательство таких принадлежностей договора, которые требуют положительного определения, напр. относительно размера платы, размера процентов и т.п. Едва ли это правило возможно принять в безусловном смысле. Если существование договорного отношения несомненно и есть положительные и точные удостоверения о принадлежностях его, напр. письменное определение установленной платы, то несправедливо было бы отрицать возможность обсуждения подобных доказательств. Все зависит от того, в какой мере эти доказательства удостоверяют судью. Разумеется, где закон безусловно и исключительно требует формального договора, там это правило обязательно, но такое правило будет уже специальным» ([Победоносцев, 1880: 61-62](#)).

Применительно к форме договора энергоснабжения в свете отнесения его к договорам поставки, А.М. Гуляев отмечал: «Проводимое различие между поставкой и продажей движимости имеет не один теоретический интерес, но и важное практическое значение: купля-продажа движимости, как известно, может быть заключаема и в устной форме, и следовательно может быть доказываема всякими способами, в том числе и показаниями свидетелей: между тем договор поставки должен быть облечен в письменную форму, и хотя предписанной формы для этого договора не установлено, но соглашение должно оставить по себе письменный след, а потому показаниями свидетелей этот договор и последующие его изменения доказываемы быть не могут» (Гуляев, 1913: 423).

Договор энергоснабжения заключался между потребителем и электроснабжающей компанией в письменной форме. По Условиям пользования электроэнергией от 1896 г., лица или учреждения, желающие пользоваться электрической энергией от станций Отделения Общества, т.е. сделаться его абонентами на вышеприведенных общих условиях, подают о том Управлению Отделения Общества особое за своей подписью заявление в установленной форме (п. 11). Фактически договор заключался путем присоединения к условиям публичного предложения.

Российский ученый-цивилист Д.И. Мейер отмечал, что купля-продажа представляется договором, по которому одна сторона, покупатель или покупатель, приобретает право требовать, чтобы другая сторона, продавец, передала ей в собственность определенную вещь, и обязывается уплатить за то известную сумму денег, называемую ценой (Мейер, 2003: 415). Названное, как отмечалось ранее, применимо и к договору энергоснабжения (буквально – поставки электроэнергии). Возмездность договора энергоснабжения является его конституирующим признаком.

В начале коммерческого использования электроэнергии расчеты производились в зависимости от количества ламп или двигателей, установленных в здании. Так, «в 1887 г. за условный лампо/час москвичи и петербуржцы ежедневно платили 2,5 коп. за лампочку мощностью 10 свечей, 3,5 коп. — за 16 свечей и 5 коп. — за 25 свечей (100 Вт = 100 свечей)» (Симонов, 2016: 178). Подобная форма расчетов была невыгодна поставщикам электроэнергии, так как предусматривала оплату за предполагаемое потребление, которое в разы, в большую сторону, могло отличаться от фактического. Для определения потребленного количества электроэнергии стало необходимым применять специальное оборудование – прибор учета.

В Российской империи 16 июня 1842 г. в составе Министерства финансов было основано первое метрологическое учреждение России – Депо образцовых мер и весов (ныне – Всероссийский научно-исследовательский институт метрологии им. Д.И. Менделеева). В 1893 г. Депо образцовых мер и весов было преобразовано в Главную палату мер и весов, на которую законодательством были возложены обязанности, в том числе по «производству испытаний и выверки по соответствию основным измерениям веса, длины и времени, на основании особых правил, издаваемых Министерством Финансов, специальных измерительных приборов, служащих для определения: <...> расхода электрической энергии <...>, а также счетчиков <...> применяемых в торговле» (ст. 729 Торгового устава изд. 1903 г.) (Гессен, 1910: 441). То есть для расчетов по договорам энергоснабжения могли применяться только электрические счетчики, прошедшие успешные испытания и поверку в данном учреждении.

В конце XIX в. выделялось несколько видов электрических счетчиков, которые разделялись в зависимости от движения тока – постоянного или переменного (Hertz, 1894: 59-68) и принципа работы устройства. Так, выделялись (Ricks, 1896: 61):

– *Электролитические счетчики*, наиболее распространенным из которых является счетчик, разработанный Томасом Эдисоном, представлявший кулоновский измеритель, предназначенный для использования с постоянными токами. Постоянный ток невозможно передавать на большие расстояния, электроснабжение, основанное на постоянном токе, неэффективно, ограничивается территория передачи электроэнергии, в связи с чем требуется строительство большого количества локальных генерирующих мощностей. В Российской империи с 1890-х гг. начался переход на использование переменного тока. Уже к 28 ноября 1887 г. в Москве на Раушской набережной акционерным «Обществом электрического освещения» была построена и введена в эксплуатацию первая крупная электростанция, вырабатывающая переменный трехфазный ток. Раушская электростанция (сейчас – ГЭС-1 им. П.Г. Смидовича) функционирует и поныне в составе генерирующих мощностей ПАО «Мосэнерго». Электрические счетчики на постоянном токе, измерявшие только ампер-часы, были непригодны при колебаниях напряжения и постепенно вышли из обращения.

– *Моторные счетчики*, которые также предназначались для постоянного тока.

– *Маятниковые счетчики*, которые можно было использовать для измерения как постоянного тока, так и переменного тока. Воплощенные в таких счетчиках технические решения не получили широкого распространения, вероятно, из-за особенностей конструкции, требующей завода часов раз в месяц или в шесть недель, потому что если размещенные на нем часы останавливались, не только счетчик переставал точно регистрировать, но и все предыдущие записи о потребляемой энергии уничтожались, а счетчик мог показать даже подачу электроэнергии в сеть самим потребителем.

– *Индукционные счетчики*, составлявшие самый большой класс используемых счетчиков, так как предназначались для переменного тока. Одним из самых успешных счетчиков переменного тока считался счетчик Оливера Блэбурна Шелленбергера, сконструированный в 1888 г.

Использование электросчетчиков начало формировать и культуру разумного потребления электроэнергии. Небезынтересно отметить брошюру 1912 г. «Что нужно знать, чтобы меньше тратить на электричество. Необходимые сведения для абонентов и лиц, думающих переходить на электричество (освещение, передачу и проч.)» за авторством инженера В.А. Александрова (Александров, 1912). В ней отмечалось: «Умение пользоваться электричеством, главным образом заключается в том, чтобы расход на него оказался возможно меньшим, так как особого умения в обращении не требуется. Для возможного уменьшения расхода надо знать, во-первых, какими лампами выгоднее всего пользоваться, а, главное твердо помнить, что электричество должно включать ровно на то время, когда оно нужно и где нужно» (Александров, 1912: 42).

В Условиях пользования электрической энергией от 1896 г. была предусмотрена форма расчетов с использованием прибора учета: «За пользование электрической энергией: а) для освещения как лампами накаливания, так и дуговыми лампами, без различия силы света тех и других, уплачивается Обществу не свыше 5 коп. за каждые 100 уатт-часов энергии, отсчитанной счетчиком, при чем в эту цену не входит замена перегоревших ламп накаливания и углей в дуговых лампах; б) для технических и других надобностей, кроме освещения, уплачивается Обществу не свыше 3 ½ коп. за каждые 100 уатт-часов, отсчитанных счетчиком» (п. 3). То есть для измерения количества потребляемой электроэнергии стали использоваться специальные устройства – электрические счетчики, применение которых было законодательно регламентировано уже с 1899 г. (Положение..., 1902).

Счетчики устанавливались электроснабжающей организацией за счет абонента или за особую прокатную плату из расчета не более 12 руб. в год за каждый счетчик, которая могла быть по согласованию сторон рассрочена по одному рублю в месяц. В тех случаях, когда электроснабжение осуществлялось не только для целей освещения, но и для иных технических целей, необходимо было устанавливать два отдельных счетчика. Потребитель по своей инициативе мог установить второй контрольный счетчик, который проверке не подлежал и для целей расчетов не использовался (п.п. 6 – 7 Условий пользования электрической энергией от 1896 г.).

Показания счетчиков записывались контролерами в особые книжки, одна из которых выдавалась абоненту, а другая находилась в конторе компании, владеющей Центральной электрической станцией. На основании этих записей абонентам выписывались счета (Симонов, 2016: 178). Счета выписывались за каждый истекший месяц и должны были оплачиваться в течение десяти дней с момента получения счета. При неисполнении обязанности по оплате счета на срок более месяца, электроснабжение могло быть прекращено, а задолженность подлежала взысканию в судебном порядке (п. 8 Условий пользования электрической энергией от 1896 г.).

В случае возникновения споров в правильности действия счетчика или записей в контрольных книжках, потребитель мог сообщить о неисправности в течение 7 дней с момента получения счета. Указанный срок являлся пресекательным – после его истечения претензии потребителя не принимались. В случае подтверждения неисправности счетчика, счета за месяц, в котором заявлена претензия, и текущий месяц подлежали исправлению. Предшествующие счета исправлению не подлежали и переплата не учитывалась, и не возвращалась. При возникновении спора между электроснабжающей компанией и потребителем, стороны были вправе обратиться в Городскую управу за проверкой. Если устанавливалась неисправность счетчика, поставщик оплачивал расходы по проверке в размере 25 руб., в противном случае расходы Городской управы оплачивал потребитель.

Так как счетчики в основном были иностранного производства, нередко возникал дефицит товара на рынке, и потребители не могли обеспечить установку измерительного прибора. В таком случае, в целях обеспечения электроснабжения, местные власти императивно меняли порядок расчетов за потребленную электроэнергию. Так, постановлением Благовещенской Городской Думы от 10 февраля 1915 г. предусматривался оптовый тариф: «Ввиду отсутствия у города достаточного числа счетчиков ввести оптовый тариф, установив следующие цены и правила: при оснащении лампочками накаливания с металлической нитью а) для квартир и жилых помещений с правом пользования освещением по мере действительной надобности с каждой свечи в год 45 к.; б) для магазинов и торговых помещений, закрывающихся в 6 час. вечера с правом пользования освещением до 7 час. вечера с каждой свечи в год 65 к. и т. д.» (Гордиенко, 2021: 9). Очевидно, что такие исключения не способствовали экономии потребления электрической энергии.

По Условиям пользования электрической энергией от 1896 г., электроснабжающая компания обязывалась поставлять потребителям непрерывно электрическую энергию при напряжении от 122 до 124 вольт у вводного ящика. При этом не допускалось мигание ламп накаливания. Все неисправности, связанные с ненадлежащей поставкой электроэнергии, должна была устранять электроснабжающая компания.

Помимо обязанностей по передаче электроэнергии, электроснабжающая компания должна была обеспечить возможность ее получения абонентом, то есть подвести до электроснабжаемого помещения сети и обеспечить его подключение к общей системе. Устройство электросетевого оборудования регулировалось первым правовым актом, принятым в дореволюционной России в данной сфере – «Временными правилами канализации электрического тока большой силы и устройства проводов и прочих приспособлений для электрического освещения» от 12 августа 1885 г. ([Временные правила..., 1904](#)) (далее – Временные правила 1885 г.). Данный документ в целом был направлен на нормативное закрепление требований к безопасной эксплуатации электрического оборудования. Например, предусматривалось, обязательное поднятие неизолированных проводов над крышами на высоту не менее 2,134 м. (одной сажени), а для проводов, располагаемых на столбах или на стенах зданий, должно было предусматриваться их размещение на такой высоте и в таком расстоянии от дверей и окон, чтобы не могло быть случайного прикосновения к ним людей (п. 8 Временных правил 1885 г.). «Несмотря на техническое предназначение Временных правил 1885 г., данный документ представлял собой предписание с наличием соответствующих юридических атрибутов нормативного акта: они распространялись на неограниченное количество субъектов и были предназначены для неоднократного применения» ([Вишнякова, 2010: 163](#)). В 1891 г. в развитие положений Временных правил 1885 г. Отделом Императорского Русского Технического Общества были разработаны и утверждены «Временные правила относительно мер предосторожности при устройстве и пользовании электрическим освещением» (Временные правила, 1899). Указанный документ не являлся нормативным актом, носил рекомендательный характер, но фактически содержал в себе обязательные к исполнению требования по устройству электросетевого оборудования и взаимодействию поставщиков с потребителями. Так, например, пунктом 4 этого документа предусматривалась обязанность предпринимателей выдавать потребителям печатные правила относительно безопасности обращения с проводами, приборами и лампами, в их помещениях находящимися.

Применительно к существовавшим техническим правилам по устройству сетей отметим вердикт Правительствующего Сената от 7 ноября 1912 г. «Об отмене решения Санкт-Петербургской судебной Палаты по иску города Санкт-Петербурга к товариществу для эксплуатации электричества "М.М. Подобедов и К°" и военно-медицинской академии о снятии электрических проводов», и возврате дела на новое рассмотрение ([Колычев, 1912: 427-429](#)). Хозяйственный комитет военно-медицинской академии, эксплуатирующий собственную электрическую станцию, пересек городские улицы воздушными проводами электрической энергии высокого напряжения, вследствие чего городское управление предъявило иск об устранении с улиц этих проводов. При первоначальном рассмотрении иска, в удовлетворении требований городской управы было отказано, по тем основаниям, что по праву общего пользования каждый может пользоваться городскими улицами и воздушным, и иным пространством над ними, насколько этим не стесняется общее пользование и не нарушается право собственности города. Правительствующий Сенат опроверг данные доводы, указал, что по праву общего пользования каждый может пользоваться улицами только в пределах законом назначенных, для прохода и проезда, а не для каких-либо иных потребностей, и вне этих пределов всякого рода воздействие стороннего лица является нарушением права собственности города. Следовательно, то обстоятельство, что прокладка проводов, соответствующая требованиям техники, ни в чем не стесняет ни общего пользования, ни возможности осуществления со стороны города остальных принадлежащих ему прав собственника, насколько не оправдывает ответчика, ибо власть собственника исключает власть стороннего лица, совместное воздействие собственника и лица стороннего, хотя бы оно не стесняло первого из них, и противоречит самому понятию права собственности. Поэтому собственник вправе требовать устранения такого воздействия, независимо от того, препятствует ли оно осуществлению власти над вещью или нет. Прокладка же электрических проводов, как указал Сенат, согласно условиям образцового договора, может иметь место не иначе как с разрешения городской думы. И необходимость в таком разрешении не может быть устранена возможностью со стороны города назначения какой-либо платы за прокладку проводов. Рассмотренный пример свидетельствует о необходимости взаимосвязанного регулирования и толкования законодательства в сфере электроснабжения с иным нормативным материалом Российской империи.

Условия пользования электрической энергией от 1896 г. также содержали в себе обязательства при введении Обществом электрического освещения 1886 г. новых генерирующих объектов по устройству проводов по каждой улице города, в которой в среднем на каждую сажень (213,36 см.) протяженности улицы будут заявлены требования на постоянную доставку электрической энергии в размере не менее необходимой для питания четырех ламп накаливания, в шестнадцать нормальных свечей каждая, при том условии, если данная улица в любой ее части стоит от ближайшего из существующих в то время колодцев или точек кабельной сети на расстоянии не более ста пятидесяти сажень (320,4 м.). Требование такой нормы относилось как к частному потреблению для освещения, так и городскому уличному освещению, и к электрической энергии, используемой для технических целей. В то же время отмечалось, что необходимость электроснабжения временных мероприятий – отдельных торжеств, срочных выставок и т. д., не вменялась в обязанности Общества по расширению кабельной сети.

Абоненты Общества электрического освещения 1886 г., пользовавшиеся электрическим освещением и оплачивающие электроэнергию по счетчику, имели право на скидки от цены потребленной электроэнергии в зависимости от годового относительного расхода электрической энергии каждой установленной 56-ти уаттной лампы. Скидки начислялись на цену потребленной электроэнергии по истечении года осуществления в пользу абонента электроснабжения, после которого электроснабжающая компания производила расчет скидок и возвращала абоненту причитающуюся сумму или, по решению абонента, кредитовала его на сумму скидки в следующем учетном году. Скидки не предоставлялись абонентам, заключившим договоры энергоснабжения до утверждения Условий пользования электрической энергией от 1896 г., а также абонентам, отказавшимся от электроснабжения до истечения учетного года.

Кроме скидок Условия пользования электрической энергией от 1896 г. предусматривали право абонентов на участие в распределении прибыли электроснабжающей организации в случае достижения определенных значений сумм дивидендов, подлежащих выплате акционерам Общества электрического освещения 1886 г. Суммы, превышающие установленный предел, распределялись между абонентами по итогам учетного года электроснабжения в виде скидок, пропорциональных суммам оплаченных абонентами счетов. Денежные средства, начисленные абонентам в таком случае, могли выплачиваться абонентам или по их решению учитывались при оплате электроэнергии, потребленной в следующем учетном году.

Одностороннее изменение Условий пользования электроэнергией от 1896 г. электроснабжающей компанией не допускалось. Изменения в общие условия электроснабжения могли быть внесены только при утверждении их Городской управой.

Изменения исполняемых договоров допускались по согласованию сторон. Так, абонент должен был подать заявление в электроснабжающую компанию для согласования изменения количества установленных у абонента электропринимающих устройств – ламп и аппаратов, а также при изменении целей потребления электрической энергии (для освещения или технических целей). Также абонент был обязан в трехдневный срок уведомить о переходе прав на помещение, в отношении которого осуществлялось электроснабжение.

Стороны договора энергоснабжения, в связи с допущенными другой стороной нарушениями, наделялись разным объемом прав. Электроснабжающая компания могла прекратить подачу электроэнергии в случае нарушения абонентом условий электроснабжения. Например, при неисполнении обязанности по оплате счета на срок более месяца, электроснабжение могло быть прекращено, а задолженность подлежала взысканию с абонента в судебном порядке. В случае самовольного изменения абонентом количества электроснабжаемых ламп или использования электроэнергии не для обусловленных договором целей, электроснабжающая организация имела право расторгнуть договор и обратиться в суд за взысканием причиненных убытков.

«Основанием для наступления ответственности должника в российском праве, как и в праве римском, являлась его вина. Исходной точкой для возложения ответственности по российскому законодательству было выяснение того, произошло ли неисполнение обязательства по вине должника или случайно. При этом, как и в римском праве, российское законодательство различало степень виновности должника, хотя четкого понятия вины и ее форм, как и в праве римском, выработано не было» (Петровская, 2004: 118). Согласно статье 684 тома X части 1 Свода законов Российской империи, «всякий обязан вознаградить за вред и убытки, причиненные кому-либо его деянием или упущением, хотя сие деяние или упущение и не составляли ни преступления, ни проступка, если только будет доказано, что он не был принужден к тому требованиями закона, или правительства, или необходимо личной обороной, или же стечением таких обстоятельств, которых он не мог предотвратить» (Тютрюмов 1923b: 735). При этом размер убытков электроснабжающей компании условиями договора энергоснабжения не ограничивался, сумма, подлежащая взысканию, определялась судом.

Ответственность электроснабжающей компании, напротив, ограничивалась. Так, отключение электроэнергии по вине электроснабжающей компании давало абоненту право требовать уплаты неустойки из расчета 10 коп. за каждые 100 уатт-часов энергии, потребляемой абонентом в момент прекращения доставки. Однако, как отмечалось ранее, вина электроснабжающей компании в таком случае являлась определяющим основанием для взыскания и в судебном разбирательстве подлежала доказыванию абонентом.

Расторжение договора энергоснабжения, по общему правилу, было возможным по соглашению сторон. В одностороннем порядке абонент имел право расторгнуть договор энергоснабжения в любое время при предварительном письменном уведомлении электроснабжающей компании в трехдневный срок. Электроснабжающая организация аналогичным правом не обладала.

5. Заключение

В заключение настоящего исследования следует отметить, что история правового регулирования отношений в сфере электроэнергетики является сложным феноменом, в котором составляющие ее предметную сферу институты, включая договор энергоснабжения, проходят ряд

своеобразных этапов, характеризующихся применяемыми для целей регулирования определенными позитивистскими формами. Электрическая энергия, как естественно-научное понятие, представляет способность электромагнитного поля совершать работу под действием приложенного напряжения в технологическом процессе её производства, передачи, распределения и потребления. Такое понимание электроэнергии неприменимо для целей правового регулирования. В отличие от законов природы, которым подчиняется электроэнергия, законы юридические, определяющие ее применение, проявляют себя через деятельность участников общественных отношений, осуществляемую в различные по времени периоды, отражающие черты закономерного естественно-исторического процесса. Поэтому в исторической ретроспективе с самого начала ее обращения на товарном рынке явно прослеживается отсутствие согласованного отнесения электрической энергии к тому или иному виду объектов гражданских прав. Выбор правовой квалификации электроэнергии как товара, обязательства или особого блага имеет не столько теоретический интерес, сколько практическое значение, так как находится в прямой зависимости от применяемых к правоотношениям субъектов правовых норм. До настоящего времени, несмотря на отнесение электроэнергии специальным законодательством к категории «особого товара», в иных отраслях права, например, в вопросах квалификации преступлений, связанных с незаконным потреблением электрической энергии, преобладает иной подход, при котором предметом правонарушения является не имущество, а имущественная выгода, которую не получил потерпевший. Условно, электроэнергия исключается из-под действия триады прав собственника, что не только обедняет правовое регулирование, но и не соответствует достижениям научно-технического прогресса.

Сложившийся с 1886 г. порядок электроснабжения потребителя – абонента, в отсутствие законодательной конкретизации оформленный непосредственными субъектами электроснабжения – электроснабжающими компаниями, в целом представлял собой качественную договорную базу, положенную впоследствии в основу Советского гражданского законодательства. Электроснабжающим организациям частного капитала в дореволюционной России на основе соглашений с органами государственной власти были предоставлены полномочия (права и обязанности) по развитию новой экономической отрасли Российской империи. Организованный ими технологический процесс электроснабжения позволил достичь советской власти утопических для начала XX в. результатов в развитии электроэнергетики.

Рассмотренные в настоящей статье сюжеты, касающиеся теории и практики развития электроснабжения в России, в этом смысле можно расценивать в виде относительно самостоятельных характеристик исторической действительности, которые помогут пониманию и решению ряда принципиальных для настоящего времени прикладных проблем юридического характера. Дальнейшее развитие правового регулирования отношений в электроэнергетическом секторе национальной экономики может вестись плодотворно лишь при условии учета прошлого исторического опыта.

Литература

- [Александров, 1912](#) – Александров В.А. Что нужно знать, чтобы меньше тратить на электричество: Необходимые сведения для абонентов и лиц, думающих переходить на электричество (освещение, передачу и проч.). М.: типография В. Зеликова и К^о, 1912. 96 с.
- [Барышников, 2009](#) – Барышников М.Н. Siemens в России: «Общество электрического освещения 1886 г.» // *Российский журнал менеджмента*. 2009. Т. 7. № 2. С. 119-138.
- [Бернгейт, Колер, 1910](#) – Бернгейт Ф., Колер Й. Гражданское право Германии. СПб.: Сенатская типография, 1910. 410 с.
- [Верещагин, 2022](#) – Верещагин А.Н. «Кассационные преступления»: Правительствующий Сенат и применение уголовного права по аналогии // *Закон*. 2022. № 5. С. 188-197.
- [Вишнякова, 2010](#) – Вишнякова А.С. Становление и развитие государственного регулирования электроэнергетики в России // *Актуальные проблемы российского права*. 2010. № 2. С. 161-170.
- [Временные правила..., 1899](#) – Временные правила относительно мер предосторожности при устройстве и пользовании электрическим освещением. Утверждены 2 января 1891 г. СПб., 1899. 8 с.
- [Временные правила..., 1904](#) – Временные правила канализации электрического тока большой силы и устройства проводов и прочих приспособлений для электрического освещения // *Наставление для лиц, наблюдающих за устройством, содержанием и проверкой электротехнических сооружений, действующих токами низкого напряжения*. СПб., 1904. 65 с.
- [Газета, 1898](#) – Газета. Новое время. 1898. № 8153. 7 (19) ноября // НГМ КП 25998/1207. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 96.
- [Гессен, 1910](#) – Гессен Я.М. Устав торговый (т.Х1 ч.1, изд. 1903 г. по продолжениям 1906 и 1908 г.). С разъяснениями по решениям бывшего 4-го, Судебного, Гражданского кассационного департаментов и общих собраний Правительствующего сената и с прил. Гамбургских общих правил морского страхования и др. СПб.: Издание юридического книжного склада «ПРАВО», 1910. 776 с.

Гордиенко, 2021 – *Гордиенко О.* Абонент начала XX века: сколько стоил «кило-ватт» в прошлом столетии и как платили за свет благовещенские купцы и горожане // *Амурская правда*. 2021. № 22 (28964). 10 июня. С. 9.

Грищенко, Зиноватный, 2008 – *Грищенко А.И., Зиноватный П.С.* Энергетическое право России (Правовое регулирование электроэнергетики в 1885-1918 гг.). М.: Юрист, 2008. 279 с.

Гуляев, 1913 – *Гуляев А.М.* Русское гражданское право: обзор действующего законодательства, кассационной практики Правительствующего сената и Проекта гражданского уложения: пособие к лекциям. 4-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1913. 638 с.

Каково это..., 2007 – Каково это – дожить до ста лет: истории шести россиянок, успевших пожить при царе, Сталине и Путине // *Правила жизни*. 2007. № 28. С. 53-56.

Колычев, 1912 – *Колычев А.А.* Кассационная практика Правительствующего сената по городским и земским делам: Сборник решений Гражданского и Уголовного Кассационных Департаментов, и Общего их Собрания, а также Общего Собрания Первого и Кассационных департаментов Сената за 45 лет (1866-1911). СПб.: Типография Родник, 1912. 672 с.

Мейер, 2003 – *Мейер Д.И.* Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М.: Статут, 2003. 831 с.

Общие условия..., 1901 – Общие условия пользования электрической энергией от центральных станций Московского отделения Общества электрического освещения 1886 г. в Москве. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1901. 3 с.

Петровская, 2004 – *Петровская О.В.* Вина должников в римском праве и ее интерпретация в законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX века // *Зборник радова Правног факултета у Новом Саду*. 1. Т. I (2004). С. 107-119.

Петрущенко, 2022a – *Петрущенко В.А.* Очерки по истории теплоэнергетики. Часть 5. Первые центральные электростанции Санкт-Петербурга для освещения Невского проспекта. СПб.: Страта, 2022. 92 с.

Петрущенко, 2022b – *Петрущенко В.А.* Очерки по истории теплоэнергетики. Часть 4. История создания первой ТЭЦ в России. СПб.: Страта, 2022. 122 с.

Победоносцев, 1880 – *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права: в 3 ч. Часть третья: Договоры и обязательства. СПб.: Типография А. А. Краевского, 1880. 629 с.

Познышев, 1914 – *Познышев С.В.* Правотворческая деятельность новых судов в сфере уголовного права и процесса // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. II. Пг.: Сенатская типография, 1914. 831 с.

Положение..., 1902 – Положение о мерах и весах: Утверждено 4 июня 1899 г.: (Свод законов т. XI, ч. 2). Неофициальное издание. СПб.: Я.А. Канторович, 1902. 48 с.

Решения..., 1903 – Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. СПб.: Сенатская типография, 1903. 93 с.

Розин, 1899 – *Розин Н.Н.* О похищении электрической энергии // *Вестник права: журнал Юридического Общества при Императорском С.-Петербургском университете*. СПб., 1899. № 10 (Декабрь). С. 89-104.

Симонов, 2016 – *Симонов Н.С.* Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 302 с.

Симонов, 2017 – *Симонов Н.С.* Энергетическая статистика дореволюционной России // *Статистика и Экономика*. 2017. № 4. С. 22-32.

Томсинов, 2019 – *Томсинов В.А.* Условия действительности договора в проекте Гражданского уложения Российской империи конца XIX – начала XX в. // *Вестник Московского Университета. Серия 11. Право*. 2019. №1. С. 10–40.

Тютрюмов, 1923b – *Тютрюмов И.М.* Законы гражданские: (Свод законов т. X. Ч. 1, изд. 1914 г.): С разъяснениями Правительствующего сената и комментариями русских юристов, извлеченными из науч. и практических трудов по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 мая 1923 года): В 2 т. 6-е изд., исправленное и значительно дополненное. Неофициальное издание. Рига: Д. Гликсман, 1923. Т. 2. 1923. 2293 с.

Тютрюмов, 1923a – *Тютрюмов И.М.* Законы гражданские: (Свод законов т. X. Ч. 1, изд. 1914 г.): С разъяснениями Правительствующего сената и комментариями русских юристов, извлеченными из науч. и практических трудов по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 мая 1923 года): В 2 т. 6-е изд., исправленное и значительно дополненное. Неофициальное издание. Рига: Д. Гликсман, 1923. Т. 1. 1923. 1413 с.

Чехов, 1980 – *Чехов А.П.* Письмо Чехову Г. М., 14 ноября 1899 г. Ялта / Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8. Письма, 1899. М.: Наука, 1980. 711 с.

Hertz, 1894 – *Hertz H.* Untersuchungen über die Ausbreitung der elektrischen Kraft. J.A. Barth, 1894. 295 s.

Ricks, 1896 – *Ricks G.W.D.* Electricity supply meters // *Journal of the Institution of Electrical Engineers*. 1896. 25 (120). Pp. 57-77.

References

- Aleksandrov, 1912** – *Aleksandrov, V.A.* (1912). Chto nuzhno znat', chtoby men'she tratit' na elektrichestvo: Neobkhodimye svedeniya dlya abonentov i lits, dumayushchikh perekhodit' na elektrichestvo (osveshchenie, peredachu i proch.) [What you need to know to spend less on electricity: Necessary information for subscribers and persons thinking of switching to electricity (lighting, transmission, etc.)]. M.: Tipografiya V. Zelikova i K^o, 96 p. [in Russian]
- Baryshnikov, 2009** – *Baryshnikov, M.N.* (2009). Siemens v Rossii: «Obshchestvo elektricheskogo osveshcheniya 1886 g.» [Siemens in Russia: "Electric Lighting Society of 1886"]. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta*. 7(2): 119-138. [in Russian]
- Berneft, Koler, 1910** – *Berneft, F., Koler, I.* (1910). Grazhdanskoe pravo Germanii [German civil law]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya, 410 p. [in Russian]
- Chekhov, 1980** – *Chekhov, A.P.* (1980). Pis'mo Chekhovu G.M., 14 noyabrya 1899 g. Yalta [Letter to G.M. Chekhov, November 14, 1899 Yalta]. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. T. 8. Pis'ma, 1899*. Moscow: Nauka, 1980. 711 p. [in Russian]
- Gazeta, 1898** – *Gazeta. Novoe vremya*. 1898. № 8153. 7 (19) noyabrya. NGM KP 25998/1207. F. 27. Op. 1. Ed. khr. 96. [in Russian]
- Gessen, 1910** – *Gessen, Ya.M.* (1910). Ustav torgovyi (t.X1 ch.1, izd. 1903 g. po prodolzheniyam 1906 i 1908 g.). S raz'yasneniyami po resheniyam byvshego 4-go, Sudebnogo, Grazhdanskogo kassatsionnogo departamentov i obshchikh sobranii Pravitel'stvuyushchego senata i s pril. Gamburgskikh obshchikh pravil morskogo strakhovaniya i dr. [The Commercial Charter (vol.X1, part 1, ed. 1903, continued in 1906 and 1908). With explanations on the decisions of the former 4th, Judicial, Civil Cassation Departments and general meetings of the Governing Senate and with adj. Hamburg General Rules of Marine Insurance, etc.]. St. Petersburg: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo sklada «PRAVO», 776 p. [in Russian]
- Gordienko, 2021** – *Gordienko, O.* (2021). Abonent nachala XX veka: skol'ko stoil «kilo-uatt» v proshlom stoletii i kak platili za svet blagoveshchenskie kuptsy i gorozhane [A subscriber of the early 20th century: how much did kilo-watt cost in the last century and how did Blagoveshchensk merchants and townspeople pay for light]. *Amurskaya Pravda*. 22(28964), June 10. P. 9. [in Russian]
- Grishchenko, Zinovatnyi, 2008** – *Grishchenko, A.I., Zinovatnyi, P.S.* (2008). Energeticheskoe pravo Rossii (Pravovoe regulirovanie elektroenergetiki v 1885-1918 gg.) [Russian Energy Law (Legal regulation of the electric power industry in 1885-1918)]. Moscow: Yurist, 279 p. [in Russian]
- Gulyaev, 1913** – *Gulyaev, A.M.* (1913). Russkoe grazhdanskoe pravo: obzor deistvuyushchego zakonodatel'stva, kassatsionnoi praktiki Pravitel'stvuyushchego senata i Proekta grazhdanskogo ulozheniya: posobie k lektsiyam. 4-e izd., peresmotr. i dop. [Russian civil law: an overview of current legislation, the cassation practice of the Governing Senate and the Draft Civil Code: a lecture guide. 4th ed., revision and supplement.]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 638 p. [in Russian]
- Hertz, 1894** – *Hertz, H.* (1894). Untersuchungen über die Ausbreitung der elektrischen Kraft. J.A. Barth, 295 p.
- Kakovo eto..., 2007** – *Kakovo eto – dozhit' do sta let: istorii shesti rossiyanok, uspevshikh pozhit' pri tsare, Staline i Putine* [What it's like to live to be a hundred years old: the stories of six Russians who managed to live under the tsar, Stalin and Putin]. *Pravila zhizni*. 2007. 28: 53-56. [in Russian]
- Kolychev, 1912** – *Kolychev, A.A.* (1912). Kassatsionnaya praktika Pravitel'stvuyushchego senata po gorodskim i zemskim delam: Sbornik reshenii Grazhdanskogo i Ugolovnogo Kassatsionnykh Departamentov, i Obshchego ikh Sobraniya, a takzhe Obshchego Sobraniya Pervogo i Kassatsionnykh departamentov Senata za 45 let (1866-1911) [Cassation practice of the Governing Senate on Urban and Zemstvo affairs: A collection of decisions of the Civil and Criminal Cassation Departments, and their General Meeting, as well as the General Meeting of the First and Cassation Departments of the Senate for 45 years (1866-1911)]. St. Petersburg: Tipografiya Rodnik, 672 p. [in Russian]
- Meier, 2003** – *Meier, D.I.* (2003). Russkoe grazhdanskoe pravo (v 2 ch.). Po ispravlennomu i dopolnennomu 8-mu izd., 1902 [Russian Civil Law (in 2 parts). According to the amended and supplemented 8th ed., 1902]. Izd. 3-e, ispr. Moscow: Statut, 831 p. [in Russian]
- Obshchie usloviya..., 1901** – *Obshchie usloviya pol'zovaniya elektricheskoi energiei ot tsentral'nykh stantsii Moskovskogo otdeleniya Obshchestva elektricheskogo osveshcheniya 1886 g. v Moskve* [General conditions for the use of electric energy from the central stations of the Moscow branch of the Electric Lighting Society in 1886 in Moscow]. M.: T-vo skoropech. A. A. Levenson, 1901. 3 p. [in Russian]
- Petrovskaya, 2004** – *Petrovskaya, O.V.* (2004). Vina dolzhnikov v rimskom prave i ee interpretatsiya v zakonodatel'stve Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Debtors' guilt in Roman Law and its interpretation in the legislation of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Zbornik radova Pravnog fakulteta u Novom Sadu*. 1. T. I: 107-119. [in Russian]
- Petrushchenkov, 2022a** – *Petrushchenkov, V.A.* (2022). Ocherki po istorii teploenergetiki. Chast' 5. Pervye tsentral'nye elektrostantsii Sankt-Peterburga dlya osveshcheniya Nevskogo prospekta. [Essays on the history of thermal power engineering. Part 5. The first central power plants of St. Petersburg for lighting Nevsky Prospekt]. St. Petersburg: Strata, 92 p. [in Russian]

[Petrushchenkov, 2022b](#) – *Petrushchenkov, V.A.* (2022). Ocherki po istorii teploenergetiki. Chast' 4. Istoriya sozdaniya pervoi TETs v Rossii [Essays on the history of thermal power engineering. Part 4. The history of the creation of the first thermal power plant in Russia]. St. Petersburg: Strata, 122 p. [in Russian]

[Pobedonostsev, 1880](#) – *Pobedonostsev, K.P.* (1880). Kurs grazhdanskogo prava: v 3 ch. Chast' tret'ya: Dogovory i obyazatel'stva [Civil Law Course: in three parts. Part Three: Contracts and obligations]. Sankt-Petersburg: Tipografiya A. A. Kraevskogo, 629 p. [in Russian]

[Polozhenie..., 1902](#) – Polozhenie o merakh i vesakh: Utverzhdeno 4 iyunya 1899 g.: (Svod zakonov t. XI, ch. 2). Neofitsial'noe izdanie. [Regulations on weights and Measures: Approved on June 4, 1899: (Code of Laws vol. XI, part 2). Unofficial edition]. St. Petersburg: Ya.A. Kantorovich, 1902. 48 p. [in Russian]

[Poznyshev, 1914](#) – *Poznyshev, S.V.* (1914). Pravotvorcheskaya deyatelnost' novykh sudov v sfere ugolovnogo prava i protsessa [Law-making activities of the new courts in the field of criminal law and procedure]. *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 g. za pyat'desyat let. T. II.* Petrograd: Senatskaya tipografiya, 831 p. [in Russian]

[Resheniya..., 1903](#) – Resheniya Ugolovnogo kassatsionnogo departamenta Pravitel'stvuyushchego senata [Decisions of the criminal cassation department of the Governing senate]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1903. 93 p. [in Russian]

[Ricks, 1896](#) – *Ricks, G.W.D.* (1896). Electricity supply meters. *Journal of the Institution of Electrical Engineers.* 25(120): 57-77.

[Rozin, 1899](#) – *Rozin, N.N.* (1899). O pokhishchenii elektricheskoi energii [About the theft of electrical energy]. *Vestnik prava: zhurnal Yuridicheskogo Obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete.* St. Petersburg. Nr 10 (December). Pp. 89-104. [in Russian]

[Simonov, 2016](#) – *Simonov, N.S.* (2016). Razvitie elektroenergetiki Rossiiskoi imperii: predystoriya GOELRO [Development of the electric power industry of the Russian Empire: the prehistory of GOELRO]. M.: Un-t Dmitriya Pozharskogo, 302 p. [In Russian]

[Simonov, 2017](#) – *Simonov, N.S.* (2017). Energeticheskaya statistika dorevolyutsionnoi Rossii [Energy statistics of pre-revolutionary Russia]. *Statistika i Ekonomika.* 4: 22-32. [in Russian]

[Tomsinov, 2019](#) – *Tomsinov, V.A.* (2019). Usloviya deistvitel'nosti dogovora v proekte Grazhdanskogo ulozheniya Rossiiskoi imperii kontsa XIX – nachala XX v. [The conditions of validity of the contract in the draft Civil Code of the Russian Empire of the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11. Pravo.* 1: 10-40. [in Russian]

[Tyutryumov, 1923a](#) – *Tyutryumov, I.M.* (1923). Zakony grazhdanskie: (Svod zakonov t. Kh. Ch. 1, izd. 1914 g.): S raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego senata i kommentariyami russkikh yuristov, izvlechennymi iz nauch. i prakticheskikh trudov po grazhdanskomu pravu i sudoproizvodstvu (po 1 maya 1923 goda): V 2 t. 6-e izd., ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe. Neofitsial'noe izdanie. [Civil Laws: (Code of Laws vol. X. Part 1, ed. 1914): With explanations from the Governing Senate and comments from Russian lawyers extracted from scientific and practical works on civil law and judicial proceedings (until May 1, 1923): In 2 vol. 6th ed., corrected and significantly expanded. Unofficial edition.]. Riga: D. Gliksman. Vol. 1. 1413 p. [in Russian]

[Tyutryumov, 1923a](#) – *Tyutryumov, I.M.* (1923). Zakony grazhdanskie: (Svod zakonov t. Kh. Ch. 1, izd. 1914 g.): S raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego senata i kommentariyami russkikh yuristov, izvlechennymi iz nauch. i prakticheskikh trudov po grazhdanskomu pravu i sudoproizvodstvu (po 1 maya 1923 goda): V 2 t. 6-e izd., ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe. Neofitsial'noe izdanie [Civil Laws: (Code of Laws vol. X. Part 1, ed. 1914): With explanations from the Governing Senate and comments from Russian lawyers extracted from scientific and practical works on civil law and judicial proceedings (until May 1, 1923): In 2 vol. 6th ed., corrected and significantly expanded. Unofficial edition.]. Riga: D. Gliksman. Vol. 2. 2293 p. [in Russian]

[Vereshchagin, 2022](#) – *Vereshchagin, A.N.* (2022). «Kassatsionnye prestupleniya»: Pravitel'stvuyushchii Senat i primenenie ugolovnogo prava po analogii [“Cassation crimes”: The Governing Senate and the application of criminal law by analogy]. *Zakon.* 5: 188-197. [in Russian]

[Vishnyakova, 2010](#) – *Vishnyakova, A.S.* (2010). Stanovlenie i razvitie gosudarstvennogo regulirovaniya elektroenergetiki v Rossii [Formation and development of state regulation of the electric power industry in Russia]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava.* 2: 161-170. [In Russian]

[Vremennye pravila..., 1899](#) – Vremennye pravila otnositel'no mer predostorozhnosti pri ustroistve i pol'zovanii elektricheskimi osveshcheniem. Utverzhdeny 2 yanvarya. 1891 g. [Temporary rules regarding precautions for the installation and use of electric lighting. Approved on January 2. 1891]. St. Petersburg, 1899. 8 p. [in Russian]

[Vremennye pravila..., 1904](#) – Vremennye pravila kanalizatsii elektricheskogo toka bol'shoi sily i ustroistva provodov i prochikh prisposoblenii dlya elektricheskogo osveshcheniya [Temporary rules for the sewerage of high-power electric current and the installation of wires and other devices for electric lighting]. Nastavlenie dlya lits, nablyudayushchikh za ustroistvom, sodержaniem i proverkoj elektrotekhnicheskikh sooruzhenii, deistvuyushchikh tokami nizkogo napryazheniya. St. Petersburg, 1904. 65 p. [in Russian]

Условия электроснабжения в Российской империи на рубеже XIX – XX вв.

Олег Александрович Городов^а, Кристина Сергеевна Семенович^{а, *},
Диана Александровна Жмулина^а, Рудольф Эдуардович Бауэр^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется публичное предложение от 1886 г. по организации электроснабжения потребителей – казенных, общественных и других учреждений, а также частных лиц, на основе присоединения к которому электроснабжающая организация и заявитель вступали в правоотношения по энергоснабжению. Значительное внимание уделяется как правовой квалификации предмета заключаемого соглашения – электроэнергии, так и самого соглашения, обуславливающего электроснабжение, и анализу прав и обязанностей, которые принимали на себя стороны договора энергоснабжения. В статье отмечается отсутствие разделения видов деятельности по электроснабжению, их объединение в ведении одной организации, в связи с чем указывается на права и обязанности, которыми наделялись электроснабжающие организации по технологическому обустройству сетевого оборудования, объектов генерации. Основными источниками для исследования являются нормативно-правовые акты, регулировавшие отношения по электроснабжению в дореволюционной России, отечественная и юридическая доктрина того периода, судебная практика конца XIX в. – начала XX в., а также архивные документы, иллюстрирующие порядок организации электроснабжения. Авторами отмечается целостность сформулированных электроснабжающей организацией условий электроснабжения в отсутствие достаточной законодательной базы того периода.

Ключевые слова: электроэнергия, прибор учета, электроснабжающие организации, договор энергоснабжения, абонент.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gorodovoleg@gmail.com (О.А. Городов),
kristinakt@yandex.ru (К.С. Семенович), d.zhmulina@yandex.ru (Д.А. Жмулина),
rudolf.bauer1999@gmail.com (Р.Э. Бауэр)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 385-392
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.385

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Personnel Management of Local Government Institutions in Eastern Siberia in the late 19th and early 20th centuries (Historical Aspect)

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Galina M. Lushchayeva ^a, Natalia V. Barsukova ^a, Ella V. Savina ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article tested the historical facts about the conducting general and personnel records management in government bodies in Eastern Siberia (the part of the Russian Empire). The personnel documents of 1887–1917 reviewed in the article indicate the use of letterheads printed in local typographs and handwritten in the Irkutsk and Yenisei provincial boards, Irkutsk and Yenisei state chambers, Yakutsk and Zabaikalsky regional boards, district and county institutions. At the same time, the establishment of unification and the use of generally accepted standards in the preparation of documents is indicated by the mandatory availability and registration of banking details. Some feature of the pre-revolutionary practice in the personnel records management of local government institutions in Siberia was the lack of mention of the initials of the drafters and/or authors of documents, probably due to the prominence of higher ranks or the insignificance of the role of lower officials. In personnel documents, the printed text was often combined with the handwritten one, which indicates the limited availability of printing machines, as well as registration numbers, notes and corrections were made manually. There were documents written in free form and illegible, but based on samples. Often, the used paper was reused to decorate the case covers, reflecting savings. The quality of the paper was often poor, which worsened the preservation of documents. Stamp stamps were affixed to the petitions of officials to higher authorities, sometimes stamp paper was used. In the Yakutsk region, some documents could be sent without stamp duty, which differed from the practice of the Irkutsk and Yenisei provinces. Documents sent to the capital or other regions via Irkutsk could have deadlines of up to a year. The loss of documents was considered a serious crime punishable by court. The institutions kept formal lists of employees, submitting them every five years to the provincial governments. Lists of officials for promotion and awards were prepared annually, and sent to the Chapter of Orders and the Department of Heraldry for publication in online calendars.

Keywords: personnel documentation, officials, civil service, local authorities, Irkutsk province, Yenisei Province, Yakutsk region, Trans-Baikal Region, Siberia, Russian Empire.

1. Введение

В дореволюционных учреждениях государственной власти работа с документами представляла собой основное занятие для чиновников согласно инструкциям по их должности. Традиции работы с документами были заложены еще в «допетровской» Руси, затем в XVIII в. единые нормы делопроизводства и архивного дела были определены уже в правовом поле. В дальнейшем XIX в. оказал существенное влияние на принципы и сроки работы с документами, их формы, а рубеж XIX–XX вв. вывел делопроизводство на новый уровень за счет широкого доступа к использованию полиграфического оборудования, телефона, телеграфа, а сроки исполнения и доставки многих дел стали более быстрыми за счет повсеместного использования железнодорожного транспорта.

* Corresponding author

E-mail addresses: me@karchaeva.ru (T.G. Karchaeva)

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает документы официального делопроизводства губернских, окружных (уездных) учреждений, сохранившиеся в фондах городских, региональных и центральных архивов: Государственный архив Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация) — фонд № 32 «Иркутское губернское управление»; Государственный архив Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация) — № 160 «Енисейская казенная палата, № 595 «Енисейское общее губернское управление»; Национальный архив Республики Саха (Якутия) (Якутск, Российская Федерация) — фонд № 12 «Якутское областное управление»; Национальный архив Забайкальского края (Чита, Российская Федерация) — фонд № 1 (п) «Забайкальское областное управление (политическое отделение)».

Как предмет исследования рассмотрена кадровая документация Иркутского и Енисейского губернских правлений, канцелярий Иркутского и Енисейского губернских управлений, Иркутской и Енисейской казенных палат, Якутского и Забайкальского областных управлений. В видовой состав документов вошли послужные (формулярные) списки, анкеты чиновников, аттестаты об этапах прохождения службы, учетные списки служащих для получения наград, чинов и добавочного жалования за выслугу лет в Сибири, приказы о зачислении, переводе, отпуске и увольнении, заявления и прошения чиновников, касаемых прохождения службы, а также служебная переписка по личному составу внутри учреждения.

Методология данной работы базируется на общенаучных (анализ, обобщение) и специальных исторических методах исследования (сравнительно-исторический, историко-системный), которые в совокупности позволили выявить характерные черты и особенности работы с кадровыми документами местных органов власти Восточной Сибири на губернском/областном, окружном/уездном уровнях.

3. Обсуждение

Вопросы эволюции документационного обеспечения системы управления Российской империи были предметом исследования советских историков, среди которых особенно выделяются труды К.Г. Митяева, Л.Е. Шепелева и Б.Г. Литвака ([Литвак, 1984](#); [Митяев, 1956](#); [Шепелев, 1976: 248-271](#)). История делопроизводства — также неотъемлемый компонент научных публикаций в рамках учебных дисциплин, связанных с документоведением. В этом направлении рассматриваются общие и правовые вопросы работы с документами в разные исторические эпохи ([Абрамов, 2022](#); [Глотова, 2020](#); [Илюшенко, 1993](#); [Марченко, 2020](#); [Орлов, 2022](#); [Суровцева, 2022](#)). В современный период историографии официальное делопроизводство местных правительственных учреждений входит как смежная тема в объект исследования многих научных публикаций российских историков, занимающихся государственной службой дореволюционной России ([Карчаева, 2024](#); [Архипова, 2019](#); [Архипова, 2024](#); [Karchaeva et al., 2024](#); [Nesterenko et al., 2024](#)). При этом история работы с документами в местных учреждениях государственной и общественной власти — тема, которая фактически не изучена. Редкими примерами ее освещения можно назвать научные статьи Т.В. Виноградовой, Ю.Н. Красиковой, М.В. Угрюмовой ([Виноградова, 2014](#); [Красикова, 2022](#); [Угрюмова, 2019](#)).

Таким образом, выбранная тема статьи по рассмотрению порядка работы с кадровыми документами в местных правительственных учреждениях дореволюционной России — на примере Восточной Сибири в 1887–1917 гг. — весьма актуальна в научном и практическом отношении. Через практику работы с документами на разных этапах становления системы государственного управления возможно лучше понять историю России и ее настоящее.

4. Результаты

4.1. Общие вопросы кадрового делопроизводства в местных органах власти Российской империи

Исторически сложилось, что первичной единицей систематизации кадровых документов являлось «дело», воспринимавшееся как совокупность бумаг, относящихся к служащим учреждения. Сам же процесс оформления и разрешения вопросов посредством составления подобных документов именовался кадровым делопроизводством.

В поздний период Российской империи в органах государственной власти Иркутского генерал-губернаторства, как и по всей стране, ведение кадрового делопроизводства осуществлялось по общим правилам, заданным еще Манифестом об общем учреждении министерств 1811 г. Важными его пунктами было использование бланков, обязательных и переменных реквизитов, гербовой бумаги, позднее — гербовых (фискальных) марок ([Марченко, 2020: 18](#)).

В конце XIX — начале XX в. общие и ориентированные на Сибирь положения, ведомственные инструкции, циркуляры, определявшие порядок работы губернаторов и их канцелярий, губернских и областных правлений, после 1895 г. — губернских управлений, казенных палат, окружных (после 1898 г. — уездных) правлений, были очень многочисленны. Касаемо документов по личному составу, их состав определялся Уставами о службе гражданской по определению от правительства

(по состоянию 1857 и 1896 г.). Они делились на две группы: во-первых, принадлежащие непосредственно лицу, находящемуся или находившемуся на должности, среди которых в дореволюционный период — формулярный список, патент на чин, свидетельство об уровне образования и пр.; во-вторых, внутренние документы учреждения о зачислении, переводе, увольнении служащих, а также списки со сведениями о чиновниках для учета, систематизации и отчетности (именно они являются в данной статье предметом исследования). В работе с документами по личному составу структурный, хронологический, алфавитный, номинальный, предметно-тематический признаки являлись основными, так как позволяли наилучшим образом проводить систематизацию (Марченко, 2020: 19).

Разумеется, государственные учреждения на территории Восточной Сибири имели богатейший опыт в вопросах работы с документами. Он определялся не только нормативными актами, но и постоянной перепиской между органами местной и центральной властью. С середины 1880-х гг. актуальные вопросы делопроизводства освещались в специализированных журналах, например, «Вестник контор и канцелярий», «Бюллетень конторщика», «Машинопись», «Стенограф», доступных чиновникам для пользования (Угрюмова, 2019: 148). Определенная унификация в служебной переписке между чиновниками достигалась благодаря использования писемников, в которых указывались образцы написания и оформления наиболее распространенных документов.

4.2. Об организации работы с документами по личному составу и примеры кадровой документации правительственных учреждений Восточной Сибири

Анализ архивных документов выявил повсеместное использование в правительственных учреждениях Иркутской и Енисейской губерний, Якутской и Забайкальской областей в период 1887–1917 гг. бланков, отпечатанных в местных типолитографиях.

Примерами дореволюционных документов на бланках служат многочисленные чистовые экземпляры и копии организационных и распорядительных официальных «бумаг», а также справочные и информационные материалы по личному составу местных органов власти Енисейской и Иркутской губерний, Якутской области. Среди них можно назвать «Статистические сведения для составления отчета Енисейского Губернатора за 1893 г.» (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 162. Т. 1. Л. 7-6); «Записка от Иркутского губернского управления Приставу 4-ой части гор. Иркутска по делу об определении на службу сына чиновника Кишкина, от 29 апреля 1916 г.» (ГАИО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 531. Л. 10); «Сообщение от Канцелярии Иркутского Генерал-Губернатора Иркутскому Губернатору о приказании Министра Внутренних Дел и распоряджений Департамента Общих Дел открыть кредит на усиление канцелярских средств в текущем году, от 17 сентября 1916 г.» (ГАИО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 531. Л. 11); «Заявления разных лиц о принятии на службу. Послужные и формулярные списки. 1904 г.» (НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 929. Л. 1-67); «Документы (приказы, аттестат, удостоверение, свидетельство, формулярный список) о службе канцелярского служителя Якутского Областного управления Н. И. Порядина» (НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 7. Д. 436. Л. 1-200б.).

Названные документы имеют основные и переменные реквизиты в угловом расположении, а ниже основного текста — фамилии и/или подписи должностных лиц. В левом углу документов размещены наименование учреждения и/или должностного лица, вид документа, место составления, исходящий и/или входящий номер в реестре учреждения. Примечательно, что инициалы составителей, делопроизводителей или секретарей почти всегда отсутствовали, что, вероятно, объяснялось либо широкой известностью высших чинов (губернаторов, председателей, начальников учреждений), либо незначительностью роли низших чиновников в глазах адресатов.

Заметим, в документах местных правительственных органов власти печатный (машинный) текст часто совмещался с рукописным, что позволяет предположить о наличии печатных машин не в каждом кабинете и не у каждого чиновника. Всегда «от руки» вписывались регистрационные номера входящих и исходящих документов, делались пометки об этапах рассмотрения обращений, заявлений, прошений, исправлялись опечатки, неточности, дописывался текст (ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5315. Л. 2-3; Оп. 8. Д. 531. Л. 5-8; Д. 342. Л. 13-14; ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 1066. Л. 1 об.-3; Ф. 160. Оп. 1. Д. 1181. Л. 37; Д. 1340. Л. 1 об.-8; Ф. 141. Оп. 1. Д. 177. Л. 1-3; Д. 157. Л. 1-11; НАРС(Я). Ф. 12и. Оп. 7. Д. 436. Л. 5-5 об., 8-9об.).

В единицах хранения (делах) местных правительственных учреждений Якутской и Забайкальской областей, Енисейской и Иркутской губерний повсеместно встречаются документы, оформленные в свободной форме. Многочисленными примерами могут служить запросы, уведомления о принятых решениях, обращения по вопросам финансового обеспечения и служебная переписка в целом. Почти в каждой единице хранения с документами по личному составу Енисейского губернского правления, Енисейской казенной палаты, Иркутского губернского правления, Иркутской казенной палаты, Якутского областного правления, Забайкальского областного правления встречаются документы, кажется, подготовленные наспех, написанные неразборчивым почерком, без использования реквизитов (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 1558. Л. 1-2; Д. 2043. Л. 1-8; Оп. 2. Д. 1563. Л. 1-2; НАРС(Я). Ф. 12и. Оп. 7. Д. 436. Л. 6-7). Однако сравнение их содержания позволяет заметить, что текст большинства подобных документов создавался, опираясь на образцы, уже утвердившиеся в делопроизводственной практике.

Заметим, в дореволюционный период, например, использованная бумага применялась повторно, в основном для оформления титульных листов (обложек) единиц хранения в архивах учреждений, например, в оформлении личных дел чиновников Енисейского губернского управления (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 75. Л. 1; Д. 91. Л. 1). Данный факт в делопроизводстве отражал, скорее всего, не практичный подход к ведению документации, а простую экономию. Например, документы в архивном деле «Сведения о чиновниках, служивших в Забайкальской области по ведомству МВД и пользовавшихся привилегиями по службе, 1909 г.» имеют плохую сохранность в связи с низким качеством бумаги и повторным ее использованием (ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4761. Л. 1-9).

Работа чиновников с документами оплачивалась из казны и по «доходной статье» о гербовом сборе. В конце XIX — начале XX в. на прошения и заявления от частных лиц, направленные в местные правительственные учреждения, наклеивались гербовые фискальные марки различной номинальной стоимости — от 5 коп. до 1 руб., также использовалась гербовая бумага.

Гербовый сбор устанавливался по нормам. Судить о его размере позволяют конкретные документы местных учреждений. Так, «Прошение фельдшерского сына Н. П. Порядина о поступлении на государственную службу в Якутское областное управление, от 8 февраля 1912 г.» было составлено на гербовой бумаге с оттисками марок 60 коп. и 75 коп. (НАРС(Я). Ф. 12и. Оп. 7. Д. 436. Л. 5-5об.). А вот «Прошение отставного Губернского Секретаря В. Ф. Соловьева от 24 сентября 1911 г. в адрес Иркутского Губернатора о выдаче Иркутским губерnskим управлением аттестата о службе» оплачивалось сбором в сумме, равной 1 руб. 50 коп. (ГАИО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 67. Л. 1). А вот за «Прошение канцелярского служителя М.М. Родионова в адрес Императора о распоряжении и дальнейшем повелении перевести его на должность контролера Иркутской Врачебной Управы, от 13 июня 1881 г.» гербовый сбор составлял 60 коп. (ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 7. Л. 69). После рассмотрения указанных прошений и заявлений гербовые марки «гасились» (перечеркивались, ставился оттиск печати учреждения или должностного лица) во избежание их повторного использования.

Встречается использование гербовых марок и на заполненных должностными лицами бланках документов по личному составу, адресованных в вышестоящие инстанции. Примером может служить «Доклад Иркутского врачебного инспектора Его Превосходительству Иркутскому Губернатору о приеме на службу машинистки-переписчицы Е. Никольской, от 27 мая 1916 г.», — сумма гербового сбора в данном случае составляла 1 руб. (ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5315. Л. 1). В свою очередь, например, в делах Якутского областного управления присутствуют прошения и заявления в названные учреждения от частных лиц, подготовленные на обычной писчей бумаге, направленные без гербовых марок (НАРС(Я). Ф. 12и. Оп. 7. Д. 436. Л. 9-11). Тем самым можно предположить, что в Якутской области было позволено не оплачивать посредством гербового сбора те документы, направленные в государственные учреждения, которые обязательно оплачивались в Енисейской и Иркутской губерниях. Заметим, к сожалению, плохая сохранность архивных документов Забайкальского областного правления не позволила установить факты обязательного наличия или возможного отсутствия гербового сбора среди разного вида кадровой документации.

Все документы из губерний и областей Восточной Сибири, отправляемые в столицу или в другие губернии и области и требовавшие резолюции на уровне генерал-губернатора, оформлялись и «шли» через г. Иркутск, они могли иметь более долгие сроки исполнения (более одного года для принятия решения). При этом потеря документов считалась серьезным преступлением, за которое местные чиновники подвергались наказанию со внесением в формулярный список на основании решения суда.

Так, ведомость 1893 г. «О числе и роде преступлений по округам Енисейской губернии» свидетельствует всего лишь о восьми раскрытых случаях нарушения закона в Красноярском округе, среди которых четыре факта растраты казенных средств, один случай оскорбления и три эпизода утраты служебных документов (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 162. Т. 1. Л. 30об.-31).

Каждое правительственное учреждение дореволюционной России должно было вести «с надлежащей полнотой и исправностью» по общеустановленным формам формулярные списки всех лиц, служащих в управлении. Экземпляры послужных списков управляющий (председатель) каждого учреждения представлял каждые пять лет в канцелярию Губернского или Областного правления (после 1895 г. — управления), а дополнительные к ним листы доставлялись ежегодно. Формулярные списки составлялись на каждого чиновника и содержали выверенные и точные сведения о службе, аттестации, биографии (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 152. Л. 20б.-38; ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5315. Л. 1-5; Д. 5593. Л. 30-34).

Ежегодно по установленным формам местные правительственные учреждения готовили краткие списки чиновников, представляемых за выслугу лет в следующий классный чин, а также предлагаемых к орденам и прочим наградам, которые доставлялись в Санкт-Петербург в Капитул Орденов (Брокгауз, Ефрон, 1898: 648). Кроме этого, два раза в год составлялись списки чиновников на должностях IV – VIII рангов, которые направлялись в Департамент Герольдии Правительствующего Сената для внесения их в публикуемые адрес-календари местных учреждений Российской империи (Список..., 1904: 589-593; Список..., 1905: 191-196).

5. Заключение

Проведенный анализ, обобщение и сравнение кадровых документов правительственных учреждений губерний и областей на территории Восточной Сибири (в рамках Иркутского генерал-губернаторства) позволили судить о происходивших в конце XIX — начале XX в. унификации и стандартизации в работе с документами по личному составу. Так, бланки, преимущественно написанные полностью или частично от руки, имели повсеместное обращение во всех учреждениях независимо от уровня власти (губернский/областной или окружной/уездный). При этом в 1900–1910-е гг. более широко стали применяться бланки, напечатанные типографским способом. В Иркутской и Енисейской губерниях, Якутской и Забайкальской областях использование гербовой бумаги в местных органах власти, однако, оставалось редкостью, в сравнении с учреждениями в Центральной России. Также выявлены факты неиспользования гербовых марок чиновниками Якутского областного правления для оплаты их прошений, обращений в вышестоящие инстанции. Несмотря на развитие регламентированных форм в системе кадровой документации, в казенных палатах, канцеляриях губернских управлений, учреждениях при губернских управлениях (после 1895 г.), окружных/уездных управлениях, служебная переписка внутри данных учреждений и между чиновниками чаще осуществлялась в свободной форме, но по установленным образцам документов. Повторное применение для письма чиновниками уже ранее использованной бумаги свидетельствует о некоторой экономии в кадровом делопроизводстве.

Таким образом, можно утверждать об еще происходившем на территории Восточной Сибири в 1887–1917 гг. становлении унификации системы кадровой документации в местных правительственных органах власти. При этом выраженного отставания от учреждений Центральной России не выявлено, что позволяет говорить об инкорпорации отдаленных частей Сибири в пространство Российской империи.

Литература

- Абрамов, 2022** – Абрамов Р.Н. История страны и история отечественной науки управления. К выходу в свет седьмого тома избранных статей С. Д. Резника // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2022. № 2. С. 99-102.
- Архипова, 2019** – Архипова А.И. Губернаторский корпус Якутской области как отражение принципов кадровой политики российского правительства (середина XIX — начало XX в.) // *Genesis: исторические исследования*. 2019. № 12. С. 55-66.
- Архипова, 2024** – Архипова А.И. Коммуникации власти и общества на примере ревизий генерал-губернаторами Якутской области (середина XIX — начало XX в.) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2024. Т. 47. С. 22-32.
- Брокгауз, Ефрон, 1898** – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. В 86 т. Т. 29 А (48): Семь озер – Симфония. СПб., 1898. 502 с.
- Виноградова, 2014** – Виноградова Т.В. Состояние губернского делопроизводства в Российской империи и попытки его реформирования в первой половине XIX в. // *Вестник РГГУ. Серия: Документалистика. Документоведение. Архивоведение*. 2014. № 2 (124). С. 59-69.
- Гергилев, 2018** – Гергилев Д.Н. Исторические особенности административного управления восточной Сибирью (с 1822 г. до середины XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2018. № 2 (100). С. 41-45.
- Глотова, 2020** – Глотова С.А. Складывание системы кадровой документации в России в дореволюционный период // *Документальное наследие и историческая наука. Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете*. 2020. С. 339-346.
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области.
- ГАЗК** – Государственный архив Забайкальского края.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Илюшенко, 1993** – Илюшенко М. П. История делопроизводства в дореволюционной России. М., 1993. 79 с.
- Карчаева, 2024** – Карчаева Т.Г. Кадровая документация по личному составу местных государственных учреждений Восточной Сибири в поздний дореволюционный и ранний советский периоды // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2024. Т. 50. С. 33-40.
- Красикова, 2022** – Красикова Ю.Н. Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 4. С. 451-469.
- Литвак, 1984** – Литвак Б.Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII–XIX веках (К постановке вопроса) / *Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин*. М., 1984. С. 27-32.
- Марченко, 2020** – Марченко О.В. Унификация документов в дореволюционной России: историко-правовой аспект // *Правоприменение*. 2020. № 4 (4). С. 12-22.

- [Митяев, 1956](#) – Митяев К.Г. История и организация делопроизводства в дореволюционной России. М., 1956. 268 с.
- [НАРС\(Я\)](#) – Национальный архив Республики Саха (Якутия).
- [Орлов, 2022](#) – Орлов С.В. Формирование и хранение документального фонда Московской Городской думы. 1993–2009 гг. // *Вестник архивиста*. 2022. № 2. С. 435-449.
- [Список..., 1904](#) – Список личного состава Министерства финансов на 1904/5 год. Составлен общей канцелярией Министерства финансов. СПб.: Изд. ред. «Вестник финансов», 1904. Стб. 589-593.
- [Список..., 1905](#) – Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел 1905 года. Ч. 2. СПб., 1905. С. 191-196.
- [Суровцева, 2022](#) – Суровцева Н.Г. Междисциплинарный подход в документоведении // *История и архивы*. 2022. № 4. С. 96-105.
- [Угрюмова, 2019](#) – Угрюмова М.В. Делопроизводственная культура государственных учреждений дореволюционной России и особенности документирования деятельности земского самоуправления // *Известия Саратовского университета. История. Международные отношения*. 2019. № 2 (19). С. 147-151.
- [Шепелев, 1975](#) – Шепелев Л.Е. Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов государственных учреждений XIX – начала XX в. // *Источниковедение отечественной истории: сборник статей*. 1975. М., 1976. С. 248-271.
- [Nesterenko et al., 2024](#) – Nesterenko D.N., Gergilev D.N., Izluchenko T.V., Khait N.L. Governor's Reports to the Supreme Name of the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries: Source Criticism Capability // *Bylye Gody*. 2024. 19 (2): 613-622.
- [Karchaeva et al., 2024](#) – Karchaeva T.G., Luschaeva G.M., Novosel'tsev N.R., Severyanov M.D. "Zealous Servants" of the State: About Officials and Their Awards in the XIX – early XX centuries (based on the Materials of the Yenisei Province) // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1407-1415.

References

- [Abramov, 2022](#) – Abramov, R.N. (2022). Istoriya strany i istoriya otechestvennoj nauki upravleniya. K vykhodu v svet sed'mogo toma izbrannykh statej S.D. Reznika [History of the country and history of domestic management science. On the publication of the seventh volume of selected articles by S.D. Reznik]. *Alma Mater (Vestnik vysshej shkoly)*. 2: 99-102. [in Russian]
- [Arhipova, 2019](#) – Arhipova, A.I. (2019). Gubernatorskij korpus Yakutskoj oblasti kak otrazhenie principov kadrovoj politiki rossijskogo pravitel'stva (seredina XIX – nachalo XX v.) [Governor's Corps of the Yakutsk Region as a reflection of the principles of personnel policy of the Russian government (mid-19th – early 20th centuries)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 12: 55-66. [in Russian]
- [Arhipova, 2024](#) – Arhipova, A.I. (2024). Kommunikacii vlasti i obshchestva na primere revizij general-gubernatorami Yakutskoj oblasti (seredina XIX – nachalo XX v.) [Communications of power and society on the example of audits by the governors-general of the Yakutsk region (mid-19th – early 20th centuries)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 47: 22-32. [in Russian]
- [Brokgauz, Efron, 1898](#) – Brokgauz, F.A., Efron, I.A. (1898). Ehnciklopedicheskij slovar' [Encyclopedic Dictionary]. 29 A (48). Sem' ozer – Simfoniya. SPb., 502 p. [in Russian]
- [GAIO](#) – Gosudarstvennyj arkhiv Irkutskoj oblasti [State Archives of the Irkutsk Region].
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyj arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archives of the Krasnoyarsk Krai].
- [GAZK](#) – Gosudarstvennyj arkhiv Zabajkal'skogo kraja [State Archives of the Trans-Baikal Territory].
- [Gergilev, 2018](#) – Gergilev, D.N. (2018). Istoricheskie osobennosti administrativnogo upravleniya vostochnoj Sibiri (s 1822 g. do serediny XIX v.) [Historical features of the administrative administration of eastern Siberia (from 1822 to the middle of the XIX century)]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(100): 41-45. [in Russian]
- [Glotova, 2020](#) – Glotova, S.A. (2020). Skladyvanie sistemy kadrovoj dokumentacii v Rossii v dorevolucionnyj period [Formation of the personnel documentation system in Russia in the pre-revolutionary period]. *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaya nauka. Materialy Ural'skogo istoriko-arkhivnogo foruma, posvyashchennogo 50-letiyu istoriko-arkhivnoj special'nosti v Ural'skom universitet*. Pp. 339-346. [in Russian]
- [Ilyushenko, 1993](#) – Ilyushenko, M.P. (1993). Istoriya deloproizvodstva v dorevolucionnoj Rossii [History of office work in pre-revolutionary Russia]. М., 79 p. [in Russian]
- [Karchaeva et al., 2024](#) – Karchaeva, T.G., Luschaeva, G.M., Novosel'tsev, N.R., Severyanov, M.D. (2024). "Zealous Servants" of the State: About Officials and Their Awards in the XIX – early XX centuries (based on the Materials of the Yenisei Province). *Bylye Gody*. 19(3): 1407-1415.
- [Karchaeva, 2024](#) – Karchaeva, T.G. (2024). Kadrovaya dokumentaciya po lichnomu sostavu mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdenij Vostochnoj Sibiri v pozdnij dorevolucionnyj i rannij sovetskij periody [Personnel documentation on the personnel of local government agencies in Eastern Siberia in the late pre-revolutionary and early Soviet periods]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 50: 33-40. [in Russian]

Krasikova, 2022 – *Krasnikova, Yu.N.* (2022). Ehvolyuciya deloproizvodstva v gosudarstvennykh uchrezhdeniyakh Rossijskoj imperii v pervoj polovine XIX veka (na primere Departamenta udelov) [Evolution of office work in government agencies of the Russian Empire in the first half of the 19th century (on the example of the Department of Appanages)]. *Nauchnyj dialog*. 4(11): 451-469. [in Russian]

Litvak, 1984 – *Litvak, B.G.* (1984). O zakonomernostyakh ehvolyucii deloproizvodstvennoj dokumentacii v XVIII – XIX vekakh (K postanovke voprosa) [On the patterns of evolution of office documentation in the 18th – 19th centuries (Towards the formulation of the question)]. *Problemy istochnikovedeniya istorii SSSR i special'nykh istoricheskikh discipline*. M.: 27-32. [in Russian]

Marchenko, 2020 – *Marchenko, O.V.* (2020). Unifikaciya dokumentov v dorevolyucionnoj Rossii: istoriko-pravovoj aspekt [Unification of documents in pre-revolutionary Russia: historical and legal aspect]. *Pravoprimenenie [Law enforcement]*. 4(4): 12-22. [in Russian]

Mityaev, 1956 – *Mityaev, K.G.* (1956). Istoriya i organizaciya deloproizvodstva v dorevolyucionnoj Rossii [History and organization of office work in pre-revolutionary Russia]. M.: 268 p. [in Russian]

NARS(YA) – Natsional'nyj arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) [National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia)].

Nesterenko et al., 2024 – *Nesterenko, D.N., Gergilev, D.N., Izluhenko, T.V., Khait, N.L.* (2024). Governor's Reports to the Supreme Name of the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries: Source Criticism Capability. *Bylye Gody*. 19(2): 613-622.

Orlov, 2022 – *Orlov, S.V.* (2022). Formirovanie i khranenie dokumental'nogo fonda Moskovskoj Gorodskoj dumy. 1993-2009 gg. [Formation and storage of the documentary fund of the Moscow City Duma. 1993-2009]. *Vestnik arkhivista*. 2: 435-449. [in Russian]

Shepelev, 1975 – *Shepelev, L.E.* (1975). Problemy istochnikovedcheskogo izucheniya deloproizvodstvennykh dokumentov gosudarstvennykh uchrezhdenij XIX – nachala XX v. [Source study of national history: collection of articles]. *Istochnikovedenie otechestvennoj istorii: sbornik statej*. M. Pp. 248-271. [in Russian]

Spisok..., 1904 – Spisok lichnogo sostava ministerstva finansov na 1904/5 god. Sostavljen obschcheyu kancelyariyu Ministerstva finansov [List of personnel of the Ministry of Finance for 1904/5. Compiled by the general chancery of the Ministry of Finance]. SPb. Pp. 589-593. [in Russian]

Spisok..., 1905 – Spisok lits, sluzhashchikh po vedomstvu ministerstva vnutrennikh del 1905 goda [List of persons serving in the department of the Ministry of Internal Affairs in 1905]. 2: 191-196. [in Russian]

Surovcva, 2022 – *Surovcva, N.G.* (2022). Mezhdisciplinarnyj podkhod v dokumentovedenii [Interdisciplinary approach to document management]. *Istoriya i arkhivy*. 4: 96-105. [in Russian]

Ugryumova, 2019 – *Ugryumova, M.V.* (2019). Deloproizvodstvennaya kul'tura gosudarstvennykh uchrezhdenij dorevolyucionnoj Rossii i osobennosti dokumentirovaniya deyatel'nosti zemskogo samoupravleniya [Records management culture of state institutions of pre-revolutionary Russia and features of documenting the activities of zemstvo self-government]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2(19): 147-151. [in Russian]

Vinogradova, 2014 – *Vinogradova, T.V.* (2014). Sostoyanie gubernskogo deloproizvodstva v Rossijskoj imperii i popytki ego reformirovaniya v pervoj polovine XIX v. [The state of provincial office work in the Russian Empire and attempts to reform it in the first half of the 19th century]. *Vestnik RGGU. Seriya: Dokumentalistika. Dokumentovedenie. Arkhivovedenie*. 2(124): 59-69. [in Russian]

Кадровое делопроизводство местных государственных учреждений Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. (исторический аспект)

Татьяна Геннадьевна Карчаева ^{a, *}, Галина Михайловна Луцаева ^a,
Наталья Владимировна Барсукова ^a, Элла Владимировна Савина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Основой для ведения общего и кадрового делопроизводства в органах власти на территории Восточной Сибири, как части Российской империи, служили нормативные акты, определявшие деятельность местных учреждений и их служащих. Рассмотренные в статье кадровые документы по личному составу 1887–1917 гг. свидетельствуют об использовании в Иркутском и Енисейском губернских правлениях, Иркутской и Енисейской казенных палатах, Якутском и Забайкальском областных правлениях, окружных и уездных учреждениях бланков, отпечатанных в местных типолитографиях и написанных от руки. При этом о становлении унификации и использовании общепринятых норм в оформлении документов говорит обязательное наличие и оформление реквизитов. Некоторой особенностью дореволюционной практики в кадровом

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: me@karchaeva.ru (Т.Г. Карчаева)

делопроизводстве местных правительственных учреждений в Сибири было отсутствие упоминания инициалов составителей и/или авторов документов, вероятно, из-за известности высших чинов или незначительности роли низших чиновников. В документах по личному составу часто печатный текст совмещался с рукописным, что указывает на ограниченное наличие печатных машин, также регистрационные номера, пометки и исправления вносились вручную. Встречались документы, написанные в свободной форме и неразборчиво, но с опорой на образцы. Зачастую использованная бумага применялась повторно для оформления обложек дел, что отражало экономию. Качество бумаги часто было низким, это ухудшало сохранность документов. На прошения чиновников в вышестоящие инстанции наклеивались гербовые марки, иногда использовалась гербовая бумага. В Якутской области некоторые документы могли направляться без гербового сбора, что отличалось от практики Иркутской и Енисейской губерний. Документы, отправляемые в столицу или другие регионы через Иркутск, могли иметь сроки исполнения до года. Утрата документов считалась серьезным преступлением, наказываемым судом. Учреждения вели формулярные списки служащих, представляя их каждые пять лет в губернские правления. Ежегодно готовились списки чиновников для повышения в чинах и наград, направляемые в Капитул Орденов и Департамент Герольдии для публикации в адрес-календарях.

Ключевые слова: кадровая документация, чиновники, гражданская служба, местные органы власти, Иркутская губерния, Енисейская губерния, Якутская область, Забайкальская область, Сибирь, Российская империя.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 393-405
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.393

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Mentally Ill as a Subject of Civil Rights in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries

Nadezhda V. Prisyazhnaya ^{a,*}, Olga N. Bobrovskaya ^a, Evgeny G. Kaletskiy ^a, Daria A. Leychinskaya ^a

^a First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russian Federation

Abstract

The appeal to the topic of the legal status of the mentally ill at the turn of the XIX–XX centuries in the Russian Empire is determined by several important factors. First of all, through the fixation of mental illness, the establishment of which had ambiguous approaches in domestic psychiatry, acting as conditions for possible manipulations, and in the procedure of examination, and in actions with the mentally ill. And also through the institution of care for the person and property of the mentally ill, which created irreconcilable disputes between close relatives over inherited property, often leading to the loss of the property itself and the death of the mentally ill.

Documentary sources of legislative acts and testimonies of direct participants of the treatment process allow us to consider the most outstanding examples of psychiatric science's advance over the regulation of the procedure of recognizing a person as insane or insane, revealing its ambiguity and instability. And at the same time to highlight the most common features of the organization of the procedure, when the decision of the medical commission is absorbed by the administrative function.

The management of the property of a mentally ill person, in the regulation of civil legislation at the turn of the XIX–XX centuries, touches upon such important aspects as: the need to preserve it from unlawful encroachments by third parties; the urgency of actions of heirs to challenge the guardianship powers related to the management of the property of a mentally ill person. In a nuanced historical-legal vision, examples of case law reflect the most vivid moments illustrating the details of emerging family disputes.

The study of documentary sources makes it possible to understand the distinctive features inherent in transactions made by mentally ill persons or with their property, and the materials of court practice in historical retrospect – to reveal the content component of their legal perception.

Keywords: testament, estate administration, joint guardianship, certification, challenging the transactions of the mentally ill

1. Введение

Надлежащее законодательное регулирование психиатрической помощи неразрывно связано с соблюдением гражданских прав такой уязвимой категории населения, как душевнобольные. Поэтому анализ правовых последствий утраты правоспособности душевнобольным, установления над ним опеки, а также семейных споров, связанных с владением и управлением его имуществом, в Российской империи на рубеже XIX–XX веков представляется актуальным. Без полноценного изучения историко-правового опыта регулирования статуса лиц, страдающих психическими расстройствами, трудно представить комплексную картину отечественного права в переломный период войн и революций, когда проблема психической адекватности населения стояла особенно остро (Русско-японская война 1904–1905 гг., Первая русская революция 1905–1907 гг., Первая мировая война 1914–1918 гг., Февральская и Октябрьская революции 1917 г.). Проработка не только

* Corresponding author

E-mail addresses: prisyazhnaya_n_v@staff.sechenov.ru (N.V. Prisyazhnaya)

законодательства, но и правоприменительных актов, решений суда и комментариев ученых-юристов и ученых-психиатров демонстрирует отсутствие единообразных подходов к проблеме определения статуса душевнобольного лица, его гражданских прав. В этой связи полученные результаты исследований могут с поправкой на условия XXI в. учитываться и при совершенствовании актуального гражданско-правового законодательства.

2. Материалы и методы

1. Источниковой базой исследования является законодательство Российской империи, в частности содержащееся в Полном собрании законов Российской империи и Своде законов Российской империи (СЗ РИ, Т. X. Ч. 1, СЗ РИ, Т. X. Ч. 1. ст.365; СЗ РИ, Т. X. Ч. 1. ст.366 и др.); правоприменительные акты судов, документы делопроизводства и статистические данные, в той или иной степени затрагивающие статус душевнобольных (Исаченко; Судебные уставы..., 1867; Сборник практики..., 1902 и др.).

2. Работа основывается на методологии исторической науки, принципах научной объективности и историзма. Источниковедческий анализ позволил выявить конкретные принципы признания человека душевнобольным в гражданском праве поздней Российской империи. Сравнительный анализ помог сопоставить состояние законодательства о душевнобольных на рубеже XIX-XX вв. и соотнести его с развитием психиатрической науки, зафиксировав опережающее развитие последней.

3. Обсуждение

Историография вопроса может быть систематизирована по хронологическому принципу – работы, написанные в Российской империи, в СССР и в постсоветской России. Каждый из периодов имеет свою историографическую специфику, отражает господствующую тогда научную парадигму.

Работы, создание которых приходится на вторую половину XIX в., носили прикладной характер и зачастую имели форму комментариев к законодательным актам. Дореволюционные русские психиатры и праведы старались синтезировать последние достижения правовой и психиатрической наук и приложить полученные результаты к специфике пореформенной Российской империи. Большинство данных работ публиковались в специализированной прессе и были посвящены отдельным аспектам правового статуса душевнобольных (Бринкман, 1909, 1911; Георгиевский, 1903; Голубцов, 1907; Слонимский, 1873; Мокшанцев, 1985 и др.). Лишь в относительно редких случаях авторы задавались созданием монографических историко-юридических и медико-юридических исследований. Среди них необходимо выделить труд Я.А. Боткина о криминализирующей компоненте понятия «невменяемость» (Боткин, 1893); работу О. Виславского о судебно-медицинской экспертизе в уголовном судопроизводстве (Виславский, 1872); труд Л.З. Слонимского о значении умственного расстройства в уголовном и гражданском праве (Слонимский, 1879). Большим научным значением обладает исследование Я.А. Канторовичем российского законодательства о безумных и сумасшедших. В частности, в предисловии к работе автором было сделано важное замечание о том, что «недостатки и несовершенства существующей у нас системы учреждения опеки над безумными и сумасшедшими лишают судебную практику твердой опоры и вызывают разнообразное толкование и применение закона об опеке» (Канторович, 1899: 6). Нельзя не упомянуть и доклад Н.А. Вырубова на I съезде Русского союза психиатров и невропатологов в Москве 4-11 сентября 1911 г. (Вырубов, 1911). В нем была недвусмысленно поставлена задача «улучшения судебно-психиатрической подготовки юристов» (Вырубов, 1911: 14), что косвенно может считаться признанием неудовлетворительности такой подготовки на момент оглашения доклада. Таким образом, дореволюционная литература имела отчетливую практико-ориентированную направленность, а ее авторы стремились модернизировать позднеимперские институты (как в области суда, так и общественного призрения) в направлении их модернизации и повышения эффективности.

Научные круги СССР не питали интереса к юридической теории и практике эпохи «царизма», поэтому тема исследования дореволюционного гражданского права применительно к душевнобольным не пользовалась популярностью. Советские ученые были заняты созданием оригинальных социалистических теорий как в области гражданского права, так и в сфере психиатрии. Связь их наработок с результатами исследований дореволюционных специалистов была минимальна или вообще отсутствовала. Таким образом, работы, созданные в советский период, при их несомненной научной значимости носили на себе отпечаток марксистско-ленинской идеологии. Наиболее масштабным трудом, который касался также и правового статуса душевнобольных, стал труд Т.И. Юдина об истории отечественной психиатрии (Юдин, 1951). В ней автор рассматривал проблему ухода за психически нездоровыми элементами в поздней Российской империи как проявление интереса помещиков и капиталистов к работоспособности «эксплуатируемых масс». Значительное место Юдин уделял полемике либеральных юристов и психиатров с евгенической теорией итальянского криминолога Ч. Ломброзо, которая трактовалась им как «глубоко реакционная». Важным наблюдением Юдина стало признание общности задач судебной психиатрии в России и Европе: «...как на Западе, так и у нас в России, в области судебной психиатрии два вопроса

возбуждали дискуссии: 1) понимание критерия вменения и 2) как и где надо содержать признанных невменяемыми психически больных, подлежащих принудительному лечению» (Юдин, 1951: 353).

Наконец, на современном этапе ученые получили возможность беспрепятственно обращаться к дореволюционным авторам любых школ и идейных предпочтений. Это благотворно сказалось на росте интереса к ранее игнорируемой проблеме. Однако до сих пор преобладает статейный формат, освещающий отдельные аспекты (Погорелов, 2017; Карандышев, 2021). Из монографий необходимо отметить вклад В.Э. Шунк, сделавшей обзор российского законодательства о душевнобольных XVIII–XIX вв. (Шунк, 2009).

4. Результаты

1. Правовое положение душевнобольного после прохождения процедуры освидетельствования и в период пребывания в психиатрической клинике.

Комплексное законодательство об опеке над душевнобольными было сформировано в Российской империи во второй половине XIX века.

Правовое положение душевнобольных определялось Сводом законов гражданских, ч. 1 Т. X Свода законов Российской империи (СЗ РИ, Т. X. Ч. 1), который имел несколько редакций (1832, 1842, 1857 годов), оставаясь при этом достаточно стабильным институтом на протяжении 40 лет.

Страдающий душевной болезнью признавался безумным, если не имел здравого рассудка с рождения (СЗ РИ, Т. X. Ч. 1. ст.365) или сумасшедшим, если его безумие развилось в течение жизни от случайных причин, а болезнь имела признаки, свидетельствующие о возможности причинения вреда самому себе или окружающим (СЗ РИ, Т. X. Ч. 1. ст. 366). Лица с установленным психиатрическим диагнозом, по безумию или сумасшествию не способные отвечать за совершаемые действия, проходили процедуру освидетельствования с целью ограничения гражданских прав. В их отношении учреждалась опека (по правилам ч.2 ст. 212 СЗ РИ).

Выступая на Первом съезде отечественных психиатров, состоявшемся в Москве в 1887 году, психиатр И.П. Мержеевский заявил, что развитие душевных болезней является следствием ненормальных общественных условий, среди которых, помимо наследственности, влияние окружающей среды и злоупотребление спиртными напитками занимают первостепенное место (Мержеевский, 1887: 20).

Так, с конца 1880-х гг. психиатрические клиники в историях болезней пациентов ввели обязательные разделы о наследственности, а составление анамнеза включало подробное описание родственного и социального происхождения пациентов и событий, предшествовавших развитию болезни (Погорелов, 2017: 38).

Среди проходивших процедуру освидетельствования на сумасшествие встречались лица с выраженной алкогольной зависимостью. При этом злоупотребление алкоголем приводило не только к развитию психозов, но и создавало угрозу растраты или распродажи имущества семьи, имевшее значение в наследственном преемстве (Карандышев, 2021: 16). Психиатрическая больница имени св. Николая Чудотворца в отчетных документах заявляла алкоголизм одной из причин душевного расстройства у 51,7 % мужчин и 20,8 % женщин (Алкоголизм..., 1909: 51-52).

Представляется, что душевнобольные, не проходившие освидетельствования и не лишённые законом дееспособности, при участии в сделках создавали отсроченные проблемы признания их недействительными для других участников. Сумасшедшие, заканчивавшие жизнь самоубийством, признавались лицами, неспособными к духовному завещанию (согласно ст. 1472 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (Таганцев, 1886: 515-516).

Вместе с тем процедура освидетельствования применялась только по ходатайству родственников, опекунов, попечителей или наследников душевнобольного, которые помещали его в частную клинику для наблюдения и лечения при условии, что он сам не обвинялся в совершении преступления. Таким образом, формальная процедура освидетельствования душевнобольного при помещении его в частную клинику могла не проводиться. Однако с целью недопущения злоупотреблений со стороны заинтересованных лиц клиника передавала сведения о размещенном больном местному медицинскому начальству, а последнее, в свою очередь, уведомляло губернатора.

Процедура освидетельствования душевнобольных проводилась во врачебном отделении губернского правления. Исключением из общего правила считалось лишь освидетельствование лиц, проходивших лечение в московской Преображенской больнице, поскольку проводилось в стенах клиники лечащим врачом, наблюдавшим пациента, который впоследствии вызывался на заседание комиссии для разъяснений и уточнений (Тарасова, 2012: 165-167). Документы, подтверждавшие факт расстройства душевного здоровья у освидетельствованного представлялись в Правительствующий Сенат, который выносил окончательное решение.

Поэтому, разрешая споры о признании каких-либо действий лица не порождающими правовых последствий, суды не имели права подменять собой решения Правительствующего Сената, приглашая на процессы свидетелей, указывающих на неадекватное поведение одной из сторон. Правительствующий Сенат утверждал, что лицо, не признанное правительственной властью безумным или сумасшедшим, не может быть ограничено в праве распоряжения своим имуществом.

При этом закон признает недействительной продажу, совершенную лицом, состоящим под ограничением в правах в силу безумия или сумасшествия, установленного надлежащим порядком освидетельствования (*Полный свод решений, 1869*).

Вместе с тем проводимая процедура освидетельствования подвергалась критике как со стороны врачей психиатров, так и юристов, представляющих интересы сторон в суде. Так, выступая на III съезде психиатров, профессор психиатрии О.А. Чечотт (*Чечотт, 1890: 248*) заявлял, что применяемый порядок освидетельствования душевнобольных следует признать несостоятельным, поскольку не включает в свой состав практикующих юристов. Он выступал за комиссионное освидетельствование, при котором решающее значение должно иметь мнение врачей, а не членов Правительствующего Сената. Доктор психиатрии Н.К. Иванов (*Иванов, 1890: 257*), имевший практику в Самаре, приводил пример освидетельствования больного в особом присутствии при трех врачах психиатрах и четырех врачах соматического профиля, подтвердивших диагноз больницы. Однако больной, удовлетворительно ответив на трафаретные вопросы председателя присутствия, произвел на последнего глубокое впечатление. В этой связи, заявив, что Сенат строго блюдет интересы личности и имущества, председатель присутствия отказывается признать справедливым коллегиальное мнение врачей, заручается поддержкой всех членов присутствия, и больного признают здоровым. Поскольку освидетельствование проводилось родственниками в борьбе за наследство, неожиданно выздоровевшего душевнобольного женили, перетянув родственный капитал. Больной потерял возможность наблюдения и лечения и сам по себе стал разменной монетой в чужой игре.

Кроме того, и сама процедура освидетельствования нуждалась в установлении унифицированных правил ее проведения, поскольку по нескольким случаям губернские прокуроры приносили протест в Правительствующий Сенат. Так, губернское Правление не подавало принятое решение о последствиях свидетельства в утверждение Сенату, если лицо не владело никаким имуществом (*ПСЗ РИ. № 14932*). В этой связи 15 октября 1841 года Законом «О единообразном исполнении существующих узаконений об умалишенных» были введены правила о перечне устных вопросов, задаваемых на освидетельствовании, а также об обязательности передачи на утверждение Правительствующим Сенатом решения губернского Правления.

В соответствии со ст. 375 СЗ РИ, если душевнобольной был освидетельствован Сенатом и признан надлежащим порядком сумасшедшим, то его родственники обязаны обеспечить за ним присмотр. Помещение больного в частную лечебницу рассматривалось законом как доказательство достаточной заботы о нем.

При отсутствии родственников или их отказе от присмотра за душевнобольным после освидетельствования попечение о нем возлагалось на правительство с помещением в дом умалишенных. Обязанность покровительствовать и помогать тем, кто в силу душевного расстройства или слабоумия не способен к самостоятельной жизни, проводилась государственным институтом общественного призрения (*Курбанов, 2004: 1*).

По свидетельству юристов, работавших во второй половине XIX века, установление опеки над душевнобольным означало фактическую правовую смерть (*Бринкман, 1908: 125-126*). Результатом освидетельствования становилось не только фактическое ограничение прав освидетельствованного, но и юридическое ограничение его свободы, имущественных и наследственных прав (*Кони, 1910: 148*).

В этой связи опекунское решение об учреждении опеки над конкретным лицом подлежало, согласно ст. 374 СЗ РИ, обязательной публикации в Сенатских объявлениях с указанием причины и даты начала ее течения.

Опека в отношении душевнобольного устанавливалась только к лицам мужского пола, а сами опекуны состояли в родственных связях по прямой восходящей, нисходящей и боковым линиям: отец-сын; брат-брат. По отношению к женщинам опекунские полномочия исполнял ее супруг, который выступал и попечителем над имуществом (*Федосова, 2011: 496*). При этом опекунские полномочия могли быть возложены и на лиц женского пола, особенно в случаях совладения общим имуществом с душевнобольным, о чем свидетельствует судебная практика.

Опекунское учреждение могло назначить нескольких опекунов и установить пределы их ведения в отношении опекаемого. Назначение нескольких опекунов не ограничивало прав и обязанностей каждого из них. Материалы судебной практики кассационных инстанций свидетельствуют о том, что опекуны могли быть разведены по сферам влияния: один назначался над личностью, другой – над имуществом опекаемого душевнобольного (*Исаченко*). В таком случае опекун над имуществом душевнобольного наделялся правом независимых действий, направленных на защиту имущества. Иногда несколько опекунов самостоятельно вызывались в опеку над личностью душевнобольного в разные периоды времени или вступали в совместную опеку, полагая, что наилучшим образом представят интересы опекаемого. При этом всякое несогласие между опекунами разрешалось не судом, а опекунским учреждением.

При назначении нескольких опекунов над личностью душевнобольного без разграничения их обязанностей они могли действовать только совместно, иницируя подачу жалоб в защиту его интересов или неся совместную ответственность за подопечного в суде. При этом каждый из совместных опекунов был вправе оспаривать признание, сделанное на суде другим опекуном, во вред

опекаемому душевнобольному. Кроме того, при установлении совместной опеки опекуну запрещалось злоупотреблять своими правами, удерживая из доходов опекаемого имения часть вознаграждения, полагающегося к выплате другому опекуну, по основанию его безответственного отношения к своим обязанностям.

Поскольку опекуны, назначенные над имуществом душевнобольного, выступали представителями интересов опекаемого, то они наделялись правом совершения сделки по продаже имения душевнобольного, которая должна была быть реализована к его пользу. При этом для совершения сделки по управлению имением душевнобольного разрешение не требовалось даже при условии обеспечения сделки неустойкой.

В литературе описаны случаи, когда к назначенному ранее опекуну подключали соопекуна из числа близких родственников, который, действуя по своей инициативе и независимо, создавал ситуацию, не способствующую нормализации здоровья душевнобольного пациента, а мотивы поведения второго опекуна были далеки от милосердия и заботы о больном.

В качестве иллюстрации приведем один из случаев, наблюдаемых доктором психиатрии Ю.А. Левенштейном в отношении пациента, помещенного в его частную клинику родственниками (Левенштейн, 1887: 502-505).

Больной А.Л., страдавший алкогольной зависимостью, будучи холостым дворянином, помещен в частную психиатрическую клинику по совету врачей-психиатров родным братом, господином Л. Физическое состояние пациента улучшилось, однако развился бред величия. Через некоторое время по просьбе сестры больного, госпожи К., он был освидетельствован губернским присутствием и признан сумасшедшим. Брат как единственный наследник был назначен опекуном над больным и его имуществом.

Сестра больного, госпожа К., часто навещавшая его в клинике, высказала пожелание забрать брата домой на личное попечение, считая, что его состояние значительно улучшилось. Однако частная клиника указала, что забрать пациента во всякое время может только его родной брат, назначенный опекуном. Тогда госпожа К. оформляет совместную опеку в отношении душевнобольного. Получив данный статус, она обращается в дворянскую опеку с намерением забрать брата из клиники. Дворянская опека приглашает брата опекуна в присутствие, передает пожелание сестры и предлагает ему как опекуну и наследнику, имеющему преимущество перед сестрой, забрать больного из клиники на свое личное попечение. Однако господин Л. представил ряд возражений, основанных на консультациях с врачами психиатрами, которые настоятельно рекомендовали соблюдение строгого психиатрического режима, поскольку при употреблении алкоголя, к которому больной имеет пристрастие, болезнь может обостриться. Он отказался забрать больного из клиники. Тогда дворянская опека разрешила забрать больного из клиники его сестре, составив об этом распоряжение. Господин Л., являясь основным опекуном больного, подает жалобу в окружной суд с ходатайством об отмене распоряжения о передаче душевнобольного больного брата его сестре. Одновременно Л. обращается к директору клиники с ходатайством об отказе передать больного второму опекуну до вступления в силу решения суда по делу. Однако дворянская опека самостоятельно направляет в клинику документ о передаче больного на попечение второго опекуна. Соответственно предписанию директор клиники передает больного сестре.

Госпожа К., получив возможность личного попечения над душевнобольным, совершает ряд действий, которые впоследствии разъясняют основной замысел и ее чрезвычайную настойчивость. Она отправляется с больным в губернский город и подает прошение об освидетельствовании брата на основании ст. 373 (СЗ РИ. Т. X. Ч. 1)¹, считая его психически здоровым и прилагая свидетельство домашнего врача. Губернское присутствие удовлетворяет ее ходатайство и признает брата психически здоровым, что и утверждается решением Сената. В этой связи отпадает опека, установленная в отношении душевнобольного.

Больной, признанный здоровым, возвращается в свое имение и начинает вести тот же образ жизни, который и послужил началом развития его болезни, и уже через год скорострительно умирает.

Через некоторое время выясняется, что в период признания его здоровым он составил духовное завещание в пользу своей сестры, а то имущество, что не вошло в наследственную часть, было распродано. Соответственно оспорить духовное завещание не представлялось возможным, равно как и признать сестру душевнобольного лицом, злоупотребившим своими правами.

Таким образом, процедура освидетельствования в отношении душевнобольного существенно влияла на его правовой статус, а выбор опекуна, представляющего интересы душевнобольного, становился главной заботой государства или родственников.

2. Имущество душевнобольного как спорный объект управления и правопреемства (по материалам судебной практики).

¹«Освидетельствование заключается в строгом рассмотрении ответов на предлагаемые вопросы до обыкновенных обстоятельств и домашней жизни относящиеся. Как вопросы, так и ответы на них записываются, и составляется по сему случаю акт».

Управление имуществом душевнобольного, за редким исключением, вызывало множество вопросов и претензий со стороны заинтересованных лиц из числа родственного состава. В основном спорные вопросы касались наследственных прав и сохранения имущества, которое после смерти опекаемого могло стать наследуемым владением. Такие случаи возникали при несовпадении наследников и опекунов или когда одними наследниками оспаривалось право совладения спорным имением другими наследниками, назначенными опекунами. Многолетняя тяжба за обладание имением, принятым в управление, приводила к ухудшению его фактического состояния, а иногда и к полной утрате.

Обратимся к интересному случаю, рассмотренному судом в отношении имения, находящегося в родственном совладении, когда один из совладельцев признается умалишенным, а второй назначается его опекуном, постоянно проживая в имении и управляя им. Спорная ситуация возникает вследствие кончины умалишенного и притязания на имущество умершего нескольких наследников ([Полный свод решений...](#), 1876. Пример 91).

По просьбе помещика К. Собанского мировой судья 2-го участка Ольгопольского округа распорядился о принятии охранительных мер в виде описи имущества в отношении имения «Ключ Балановецкий», оставшегося после смерти князя Сапеги. На это распоряжение в Мировой Съезд была подана частная жалоба от поверенного сестры умершего князя Сапеги, графини Потоцкой, Шульца. Приняв дело к рассмотрению, Мировой Съезд определил следующие обстоятельства. Открытие наследства само по себе не сопровождается составлением его описи, и такие охранные действия в соответствии со ст. 1226 и 1239 СЗ РИ, Т. X ч.1 совершаются только тогда, когда имущество не поступило в фактическое владение другого лица (решение гражданского кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1870 год № 1892). Право на открывшееся наследство принадлежит наследникам в силу события смерти предыдущего владельца и не нуждается в обязательном утверждении суда.

Мировой Съезд установил, что Балановецкое имение состояло, как удостоверяет Ольгопольская дворянская опека, в общем нераздельном владении князя Сапеги и графини Потоцкой, перешедшем к ним от их матери, урожденной Собанской. Мать совладельцев имения получила его от своего отца И. Собанского по дарственной записи, совершенной в 1815 году.

Опека в отношении имения установлена по случаю умопомешательства князя Сапеги, а обязанности опекуна и управляющего имением исполняла графиня Потоцкая на основании ст. 876 СЗ РИ, Т. X ч.1 как сестра умалишенного и совладелица его имущества. Нахождение этого имения во владении графини Потоцкой, обусловленное совместным пользованием с князем Сапегой, помещиком Собанским не оспаривалось. Однако его поверенный Пржевлотский в своем объяснении на частную жалобу Шульца, поверенного графини Потоцкой, выражал опасение, что без установления охранных мер графиня Потоцкая может безосновательно растратить доходы с принадлежащего его брату имения и оказаться несостоятельной к возмещению понесенных иными законными наследниками убытков, в случае если суд признает за ними права наследования. Вместе с тем в кассационных определениях за 1866–1913 годы последовательно проводится общее правило надлежащего управления имением, состоящем в общем владении и в опеке по неспособности одного из владельцев. Такое имение не может быть продано без разрешения опекунского учреждения за долги правоспособных совладельцев ([Исаченко](#)).

Рассмотрев полученные сведения, Мировой Съезд не признал принадлежащую умершему князю Сапеге часть Балановецкого имения открывшимся наследством, требующим охранения в бесспорном порядке (по фактическому совладению с графиней Потоцкой), и отменил определение мирового судьи 2-го участка относительно охранения Балановецкого имения.

Поверенный К. Собанского, Пржевлотский, просил отменить определение Съезда по нарушению им ст. 1401–1403 и ст. 1408 Устава Гражданского Судопроизводства ([Устав гражданского судопроизводства, 1867](#)) ист. 1226 и 1239 СЗ РИ, Т. X ч.1, а равно Высочайше утвержденного 14 апреля 1866 года мнения Государственного Совета. Он пояснил, что имение Ключ Балановецкий не могло перейти во владение Сапеге и Потоцкой от их матери, как утверждает Мировой Съезд. Совершив дарственную запись на имя первобрачной дочери, И. Собанский оставил за собой владение имением до своей смерти, последовавшей в 1845 году, а его дочь умерла в 1838 году, не получив имение в свое владение. В этой связи по смерти Собанского возник спор между детьми от разных браков И. Собанского, разрешенный в 1863 году.

Таким образом, по мнению поверенного Пржевлотского, Мировой Съезд дал несоответствующее настоящему делу заключение, ибо имение умершего бездетного князя Сапеги могло состоять лишь в опекунском управлении, как это видно из представленного им Съезду рапорта дворянской опеки. При этом опекунское управление наследственным имением не может служить препятствием к охранению его в пользу потенциальных наследников. Таким образом, Съезд построил свое определение на отрицании наследственных прав Собанских и на предположении в деле таких обстоятельств, которые в нем отсутствуют.

Вместе с тем поверенный графини Потоцкой, Шульц, объясняя, что доверительница уже утверждена гражданской палатой в правах наследства после умершего брата, а по ходатайству

Собанских в правах наследования было отказано, просил заявление поверенного Собанского признать неподлежащим рассмотрению.

Правительствующий Сенат пояснил, что при учреждении опеки над имением вследствие душевной болезни владельца (совладельца) оно передается в управление опекунам не иначе как по описи (СЗ РИ, Т. X, Ч. 1, Ст. 266, ст. 377). Таким образом, суд установил, что опись имущества уже осуществлялась при установлении опеки, и иных оснований для ее проведения не имеется.

Мировой Съезд не выносил определения о признании чьих-либо наследственных прав на оставшееся после смерти князя Сапеги имение, а лишь указал в своих соображениях, каким путем имение перешло в собственность умершего князя и его сестры, заслушав доводы участвующих в деле лиц. Иные вопросы, касающиеся прав владения спорным имением, могут быть рассмотрены судом в отдельном иске и не являлись предметом рассмотрения по данному делу. Таким образом, заявление Собанского было отклонено, а решение по делу осталось неизменным.

Второй пример судебного рассмотрения касается признания недействительным духовного завещания лица, совершившего акт самоубийства, однако не по причине намеренного ухода из жизни, а в силу душевной болезни, явившейся причиной такого акта (Полный свод решений..., 1876. Пример 92).

9 января 1870 года надворный советник Костров совершил нотариальным порядком духовное завещание, оставляя своим решением все движимое и недвижимое имущество купчихе Быстровой. 13 августа 1870 года Костров застрелился, уголовное дело по факту самоубийства было прекращено после решения медицинской экспертизы о состоянии психического здоровья умершего, признавшей его страдавшим душевным расстройством.

Однако при вводе Быстровой во владение имуществом по духовному завещанию Кострова, утвержденного судом к исполнению 30 сентября 1870 года, против действительности данного завещания выступил брат умершего, Е. Костров, подавший иск в Окружной Суд 3 декабря 1870 года. Он настаивал на том, что завещание самоубийцы должно быть признано недействительным на основании статьи 1017 СЗ РИ, Т. X, ч. 1 («посему недействительны завещания: 1) безумныхъ, сумасшедшихъ и умалишенныхъ, когда они составлены ими во время помѣшательства; 2) самоубійць»).

Окружной суд отказал ему в иске, и через поверенного Свешникова Е. Костров подал апелляционную жалобу в Московскую Судебную Палату. Рассматривая дело, суд приходит к мнению, что завещатель Костров лишил себя жизни в состоянии душевного расстройства, и этот факт сам по себе не приводит к признанию завещания недействительным. Вместе с тем в момент составления и удостоверения завещания нотариусом Костров не проявлял признаков душевной болезни. Об этом свидетельствовали как сам нотариус, присутствовавший в момент удостоверения завещания, так и врач, проводивший экспертизу состояния психики лица, совершившего акт самоубийства. Поверенный Свешников счел, что Судебная Палата неправильно толковала нормы материального права, сопоставляя ст. 1472 Уложения о наказаниях и 1017 СЗ РИ, Т. X, ч. 1. Так, ст. 1472 Уложения преследует духовное завещание самоубийцы как лица, совершившего преступное деяние, тогда как ст. 1017 СЗ РИ преследует такое завещание как акт безумной воли завещателя. Суд приходит к выводу, что при естественной смерти закон признает завещание недействительным только при установленном факте недееспособности завещателя, при неестественной смерти закон рассматривает все аспекты составления завещания и может признать его недействительным даже в том случае, когда душевная болезнь завещателя осталась неустановленной.

Однако поскольку определить момент начала развития душевного расстройства завещателя не представляется возможным, Московская Судебная Палата не находит оснований для отмены решения Окружного Суда и отклоняет иск Е. Кострова.

Таким образом, материал судебной практики позволил выявить проблемные аспекты управления имуществом душевнобольного, особенно в случае общего совладения, когда наследники оспаривают и факт управления спорным имуществом, и действия самого опекуна. Но также и рассмотреть аспекты, касающиеся признания духовного завещания душевнобольного недействительным, когда факт душевной болезни не имеет прямой связи с оставленным завещанием в силу недоказуемости момента развития болезни.

3. Сделки с имуществом душевнобольного (включая уплату по векселям, выдачу содержания и права распоряжения).

По общему правилу гражданское законодательство XIX века признавало сделки, совершенные душевнобольными лицами, не создававшими правовых последствий.

Очевидно, что слабоумные не могли заключать договоры, вступать в гражданско-правовые сделки, самостоятельно приобретать имущество, принимать наследство, составлять завещание или выступать свидетелем его составления (Исаченко, 1883: 280).

Высочайше утвержденным мнением государственного Совета от 30 октября 1834 года «Об освидетельствовании помешанных в уме и получающих впоследствии выздоровление» (ПСЗ РИ, № 7507) было заявлено, что, когда признанный по свидетельству в помешательстве ума получил выздоровление, то по получении о том извещения от врачебной комиссии Правительствующий Сенат

обязан был провести новое его освидетельствование, а до того момента дать выздоровевшему полную свободу, за исключением опеки над имением. Таким образом, даже после признания душевнобольного здоровым, он оставался ограниченным в правах и не мог совершать сделок со своим имением как имущественным комплексом, состоящим из домов, земель и движимого имущества. Данное положение отразилось и в Законе от 23 апреля 1845 года «О силе и действии земской давности», по которому признание лица душевнобольным означает утрату его правоспособности ([Высочайше утвержденное..., 1845](#)).

В этой связи можно заключить, что продажа части имущественного комплекса душевнобольного, освидетельствованного по выздоровлении, могло состояться только при непосредственном участии опекуна, при этом сделки опекуна, совершенные к выгоде или в интересах опекаемого, пересмотру не подлежали.

Правительствующий Сенат в кассационных решениях обращал внимание на то, что все сделки признанного душевнобольным и освидетельствованного лица признаются недействительными. Вместе с тем в решениях, принимаемых судами по сделкам с участием лиц с установленным психиатрическим диагнозом, но не прошедших процедуру освидетельствования, встречались и полярные позиции. С одной стороны, судами признавалась возможность оспаривания действительности таких сделок (решения № 1091 за 1872 год, № 433 за 1878 год, № 209 за 1877 год) ([Анненков, 1910: 218](#)). И в тоже время встречались примеры, когда наличие душевной болезни у стороны сделки, выявленной после ее совершения, само по себе не порождало факта признания ее недействительной, особенно в случае, когда правовые последствия для другой стороны сделки уже наступили.

В практике наблюдались случаи, когда выявленный факт душевной болезни лица, совершившего сделку, не влечет отмены ее последствий, если ранее суд удовлетворяет требование по иску взыскателя, а заинтересованное лицо не успевает использовать право на оспаривание такого решения в установленные законом сроки. Рассмотрим такой случай ([Полный свод решений..., 1870](#)).

В Мировой суд 2-го участка Роменского округа 17 июля 1870 года подан иск казака Ярошенко к дворянину А. Савичу с требованием присуждения выплаты по двум векселям по 400 рублей и процентов за издержки. Иск был удовлетворен, решение вступило в законную силу, и на приведение его к исполнению истцу Ярошенко 4 ноября 1870 года был выдан исполнительный лист.

Спустя три года, 22 ноября 1873 года, опекун над имением бывшего ответчика А. Савича, К. Савич, подал Роменскому Мировому Съезду апелляционную жалобу на решение Мирового суда на основании 750 статьи Устава Гражданского Судопроизводства с ходатайством о пересмотре дела вследствие открывшегося факта душевной болезни А. Савича во время выдачи векселей. Просил изъятия и уничтожения выданных векселей и взыскания убытков за срочную продажу имения опекаемого.

Свою жалобу податель обосновал отсутствием правоспособности и дееспособности у А. Савича к осуществлению каких-либо сделок. В своем ходатайстве он пояснил, что узнал о существовании такого обязательства опекаемого им душевнобольного родственника вследствие уведомления мирового судьи 2-го участка 23 июля и 17 ноября 1873 года получением копий разных документов по делу.

Рассмотрев ходатайство, Мировой Съезд признал его не подлежащим удовлетворению по основанию пропуска месячного срока для подачи апелляционной жалобы в соответствии со ст.191 Устава Гражданского Судопроизводства ([Судебные уставы..., 1867](#))¹, поскольку жалоба являлась прошением об отмене решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам. Данная жалоба должна быть подана в месячный срок с момента, когда лицо узнало о таких обстоятельствах. При этом суд обратил внимание подателя жалобы на то, что положения ст. 750 Устава Гражданского Судопроизводства о четырехмесячном сроке исчисления со дня открытия нового обстоятельства применяются к решениям окружных судов, тогда как дело рассматривал мировой суд.

Несмотря на длительный период развития гражданского законодательства в области сделкоспособности, многие специалисты отмечали готовность судебных инстанций восполнять законодательные пробелы и принимать решения, способные в своем содержании удовлетворить имевший место запрос о конечной форме признания или непризнания сделки недействительной, если одной из ее сторон является душевнобольной, в обстоятельствах невозможности обращения к судебному прецеденту как источнику права ([Гречишкина, 2015: 67](#)).

Рассуждая о последствиях совершенных сделок умалишенными, профессор Г.Ф. Шершеневич отмечал, что, вопреки положению закона, ограничение дееспособности наступает со времени признания лица сумасшедшим врачебной комиссией, и именно с этого момента отпадает необходимость в каких-либо иных доказательствах измененного состояния психики в момент совершения сделки для ее опровержения ([Шершеневич, 1912: 97](#)).

Второй пример касается процесса по делу о выделении средств на содержание супруги работника РЖД, который был освидетельствован по сумасшествию после произошедшего несчастного случая. Вопрос состоял не в сумме выделяемого содержания, а в самом принципе обращения за компенсацией к работодателю супруга, утратившего трудоспособность, связанного обязанностью содержания супруги по закону ([Сборник практики, 1902](#)).

¹Срок на подачу жалобы об отмене решения мирового суда назначается месячным.

Перейдем к сути изложения по делу. Почтовый чиновник Страдецкий, находясь при исполнении служебных обязанностей и следуя в почтовом вагоне поезда из Киева к месту назначения, в июле 1897 года получил нервное потрясение при столкновении поездов. Потеряв работу и доход, семья Страдецкого оказалась без средств к существованию.

В январе 1899 года супруга почтового чиновника Страдецкая обратилась в Киевский окружной суд с иском о присуждении ей пяти тысяч рублей с казенного управления Юго-западных железных дорог. Свое требование она обосновала тем, что годовой доход супруга составлял около тысячи рублей, что, потеряв трудоспособность, супруг более не может доставлять содержание семье, а она сама не имеет иных средств к существованию. Окружной суд и судебная палата в требовании истицы отказали.

Ссылаясь на ст. 683 Законов Гражданских, Окружной суд и судебная палата последовательно утверждали, что, даже находясь под опекой, супруг заявительницы, оставшись живым, может самостоятельно реализовать свои права на компенсацию утраченного заработка к работодателю. При этом железная дорога не несет ответственности перед третьими лицами, с которыми она не состоит в отношениях.

Кассационная инстанция, рассмотрев жалобу в 1902 году и отвечая на вопрос о праве супруги пострадавшего работника требовать компенсации по ч.1 ст. 683 Свода законов гражданских, опиралась на ст. 92 Устава Российских Железных дорог. Согласно данной статье железная дорога «обязана вознаградить каждого потерпевшего за вред или убыток, вследствие смерти или повреждения здоровья, причиненных эксплуатацией железной дороги». Исходя из общего смысла статей 657-662 и 675 СЗ РИ, виновный в причинении смерти или повреждении здоровья человека обязан обеспечить не только потерпевшего, но и всех тех, кто находится на его иждивении. Так, в соответствии со ст.106 СЗ РИ муж обязан доставлять жене пропитание и содержание. Поэтому, если железная дорога лишила мужа этой возможности, жена вправе предъявить свои требования к железной дороге (по аналогии с решением 1900 года № 107). Это право возникает со времени утраты ею дохода, получаемого от супруга. Правительственный Сенат определяет решение Киевской судебной палаты отменить.

Таким образом, в приведенных примерах мы показали значительные расхождения в решениях судов по гражданским делам, связанных не только с особенностями процессуальных порядков, но и с фактическим обоснованием признания или непризнания прав как самого умалишенного, так и членов его семьи при совершении сделок или установлении прав на его имущество. В ситуациях, когда из имущества, передаваемого в управление, приходилось погашать обязательства, принятые на себя душевнобольным до развития болезни и установления опеки, когда такие обязательства не удавалось опротестовать, для погашения долга управляющему приходилось продавать имение после смерти душевнобольного.

5. Заключение

Обращаясь к теме определения правового статуса душевнобольного как субъекта гражданских прав мы стремились провести одновременно две основные линии: о последствиях утраты правоспособности душевнобольным и об установлении опеки по неспособности к самостоятельной жизни, действиям и сделкам, а также о вытекающих из установления опеки семейных спорах, связанных с управлением имуществом душевнобольного. Представляется, что законодательные пробелы в регулировании указанных вопросов способствовали инициативному подъему интереса к этой проблематике в профессиональной среде юристов и психиатров.

Развитие психиатрической мысли далеко опережало законодательство и научные исследования в области права, а сами вопросы законодательного регулирования и организации психиатрического освидетельствования привлекали к себе внимание ведущих психиатров (О.А. Чечотта, С.С. Корсакова, Ю.А. Левенштейна). Однако администрирование процедуры освидетельствования сводилось к установлению зримого преимущества в решениях Правительствующего Сената по отношению к заключению врачебной комиссии. Этот факт порождал известные случаи признания Сенатом душевнобольного здоровым, вопреки свидетельству комиссии психиатров.

Иллюстративный материал судебной практики, с одной стороны, позволил явственно установить проблемные аспекты управления имуществом душевнобольного, особенно в случае общего совладения, когда наследники оспаривают и факт управления спорным имуществом, и действия самого опекуна, но также выявить общие закономерности таких споров, затрагивающих интересы семьи. Представляется, что в действиях некоторых опекунов угадывается не только требуемая заботливость, проявляемая к личности опекаемого, но и корыстный интерес завладения имуществом.

На основе приведенных материалов судебной практики мы стремились показать неоднородность принятых решений, длящееся разночтение в характере принятых юридических оценок действий, совершаемых самими душевнобольными в случае непрохождения процедуры освидетельствования.

Вместе с тем институт опеки и попечительства над личностью и имуществом душевнобольного, оставаясь неизменным на протяжении 40 лет и запаздывающим в эффективных способах правовой

регуляции, позволял судебным инстанциям самостоятельно восполнять некоторые законодательные пробелы, несмотря на неприменимость судебного прецедента в последующих решениях судов. Этот факт следует признать ценным вкладом в развитие правовой науки и юридической техники.

Литература

- Алкоголизм..., 1909** – Алкоголизм и борьба с ним / Под. ред. Нижегородцева М.Н. СПб., 1909. С. 51-52.
- Анненков, 1910** – Анненков К. Система русского гражданского права. 1910. Т. I. 218 с.
- Боткин, 1893** – Боткин Я.А. Преступный аффект как условие невменяемости. Москва: Издание А.А. Карцева, 1893. 21 с.
- Бринкман, 1908** – Бринкман А.А. Ограничение правоспособности по безумию и сумасшествию // *Журнал Министерства Юстиции*. 1908. № 6. С. 125-126.
- Бринкман, 1909** – Бринкман А.А. Имущественная ответственность сумасшедших за убытки // *Журнал министерства юстиции*. 1909. Кн. 6. С. 189.
- Бринкман, 1911** – Бринкман А.А. Законодательство и практика по ограничению дееспособности безумных и сумасшедших // *Право*. 1911. № 10. С. 501.
- Виславский, 1872** – Виславский О. О достоинстве судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве. Варшава: Типография Иосифа Унгра, 1972. 175 с.
- Вырубов, 1911** – Вырубов Н.А. Законодательство о душевнобольных преступниках. М.: Типография штаба Московского военного округа, 1911. 58 с.
- Высочайше утвержденное..., 1845** – Высочайше утвержденное 23 апреля 1845 г. мнение Государственного Совета «О силе и действии земской давности» / Полный свод законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение первое. № 18952.
- Георгиевский, 1903** – Георгиевский А.И. Признание гражданской неправопоспособности по причине безумия, сумасшествия, глухонемоты и немоты // *Журнал министерства юстиции*. 1903. С. 243-259.
- Голубцов, 1907** – Голубцов А. Освидетельствование обвиняемых в состоянии умственных способностей по делам мировой юстиции // *Журнал министерства юстиции*. 1907. Кн. 10. С. 146.
- Гречишкина, 2015** – Гречишкина Н.А. Проблема недействительности сделки вследствие психического расстройства ее субъекта в Решениях Правительствующего Сената Российской империи (вторая половина XIXв.). Часть I // *Российский психиатрический журнал*. 2015. № 6. С. 63-67.
- Исаченко, 1883** – Исаченко В.Л. Лица в договоре. Душевнобольные // *Юридический вестник*. 1883. № 6. С. 280.
- Исаченко** – Исаченко В.Л. Своды кассационных положений за 1866–1913 гг. Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.blob.core.windows.net/publiccontainer/Isachenko_Svodmaterialnogoprava.pdf
- Карандышев, 2021** – Карандышев Г.В. Социокультурные особенности женского отклоняющегося поведения в России в конце XIX – начале XX веков: преступность и алкоголизация // *Вестник Тверского государственного университета*. 2021. № 1(57). С. 5-18.
- Канторович, 1899** – Канторович Я.А. Законы о безумных и сумасшедших, с разъяснениями по решениям Сената. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 128 с.
- Кони, 1910** – Кони А.Ф. Психиатрическая экспертиза и действующие законы // *Вестник Европы*. 1910. 148 с.
- Курбанов** – Курбанов М.А. Гражданско-правовые отношения в сфере психического здоровья: исторический аспект. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.npar.ru/journal/2004/1/legislation.htm>
- Левенштейн, 1887** – Левенштейн Ю.А. По поводу некоторых статей русского законодательства о душевнобольных / *Материалы первого съезда отечественных психиатров*. Москва, 1887. С.-Петербург, 1887. С. 488-508.
- Мержеевский, 1887** – Мержеевский И.П. Об условиях, благоприятствующих развитию душевных и нервных болезней в России и о мерах, направленных к их уменьшению / *Материалы первого съезда отечественных психиатров*. Москва, 1887. СПб., 1887. С.15–18.
- Мокшанцев, 1895** – Мокшанцев А.Е. К вопросу о положении душевнобольных в России и об учреждении над ними опека // *Наблюдатель*. 1895. Кн. 4. С. 137–161.
- Оруджев, Поплавская, 2014** – Оруджев Н.Я., Поплавская О.В. Развитие института недееспособности: исторический аспект // *Вестник ВолГМУ*. 2014. № 3(51). С. 9-12.
- Погорелов, 2017** – Погорелов М.А. Психиатрия, наследственность и душевная болезнь: практики маргинализации «опасных» индивидов в Москве на рубеже XIX–XX веков // *Вестник Пермского университета*. 2017. № 2(37). С. 34-42.
- ПСЗ РИ** – Полное собрание законов Российской империи. [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/eres/law_r/search.php
- Полный свод решений..., 1869** – Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. 19 пример.

Полный свод решений..., 1870 – Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. 866 пример. Екатеринбург: Типография Книгоиздательства Л.М. Ротенберга, 1903.

Полный свод решений..., 1876 – Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1876 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru/senat>

Сборник практики..., 1902 – Сборник практики Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1902 год. № 48.

СЗ РИ – Свод законов Российской Империи. Свод законов гражданских. Т. X. Ч. 1, ст. 1017.

Слонимский, 1873 – *Слонимский Л.З.* Гражданское право и психиатрия // *Судебный журнал*. 1873. Кн. 5. С. 1-56.

Слонимский, 1879 – *Слонимский Л.З.* Умственное расстройство, его значение в праве гражданском и уголовном. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1879. 160 с.

Судебные уставы..., 1867 – Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Ч. 1. Устав гражданского судопроизводства. 1867. 763 с.

Таганцев, 1886 – *Таганцев Н.С.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 5-е изд., доп. СПб., 1886. 714 с.

Тарасова, 2012 – *Тарасова Е.Н.* Становление и развитие российского законодательства дореволюционного периода, регулирующего правовые вопросы относительно лиц, страдающих психическими заболеваниями // *Современное право*. 2012. № 10. С. 165-167.

Тутрюмов – *Тутрюмов И.М.* Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Т. 1. Глава II. Об опеке над безумными, сумасшедшими, глухонемыми и немymi. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru/senat>

Федосова, 2011 – *Федосова Е.В.* Развитие правового регулирования статуса лиц, страдающих психическими расстройствами (к вопросу о правопреемственности) // *Юридическая техника*. 2011. № 4. С. 495-499.

Шершеневич, 1912 – *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. 1912. 97 с.

Шунк, 2009 – *Шунк В.Э.* Российское законодательство XVIII-XIX веков о душевнобольных. Ижевск: Ижевский филиал ГОУ ВПО «Нижегородская академия МВД Российской Федерации», 2009. 142 с.

Юдин, 1951 – *Юдин Т.И.* Очерки истории отечественной психиатрии / Под ред. Б.Д. Петрова. М.: Медгиз, 1951. 480 с.

References

Alkogolizm..., 1909 – *Alkogolizm i bor'ba s nim* [Alcoholism and the fight against it]. Pod. red. Nizhegorodtseva M.N. SPb., 1909. Pp. 51-52. [in Russian]

Annenkov, 1910 – *Annenkov, K.* (1910). Sistema russkogo grazhdanskogo prava [The system of the Russian civil government]. I: 18. [in Russian]

Brinkman, 1908 – *Brinkman, A.A.* (1908) Ogranichenie pravospobnosti po bezumiyu i sumasshestviyu [Limitation of legal capacity for insanity and insanity]. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*. 6: 125-126. [in Russian]

Brinkman, 1909 – *Brinkman, A.A.* (1909). Imushchestvennaya otvetstvennost' sumasshedshih za ubytki [Property liability of insane persons for losses]. *Zhurnal ministerstva yusticii*. 6: 189. [in Russian]

Brinkman, 1911 – *Brinkman, A.A.* (1911). Zakonodatel'stvo i praktika po ogranicheniyu deesposobnosti bezumnyh i sumasshedshih [Legislation and practice on limiting the legal capacity of the insane and mad]. *Pravo*. 10: 501. [in Russian]

Fedosova, 2011 – *Fedosova, E.V.* (2011). Razvitie pravovogo regulirovaniya statusa lits, stradayushchikh psikhicheskimi rasstroistvami [Development of legal regulation of the status of persons suffering from mental disorders (on the issue of succession)]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 4: 495-499. [in Russian]

Georgievskij, 1903 – *Georgievskij, A.I.* (1903). Priznanie grazhdanskoj nepravospobnosti po prichine bezumiya, sumasshestviya, gluhonemoty i nemoty [Recognition of civil incapacity due to insanity, madness, deaf-muteness and dumbness]. *Zhurnal ministerstva yusticii*. Pp. 243-259. [in Russian]

Golubcov, 1907 – *Golubcov, A.* (1907). Osvidetel'stvovanie obvinyaemyh v sostoyanii umstvennyh sposobnostej po delam mirovoj yusticii [Examination of defendants in the state of mental capacity in cases of justice of the peace]. *Zhurnal ministerstva yusticii*. 10: 146. [in Russian]

Grechishkina, 2015 – *Grechishkina, N.A.* (2015). Problema nedeistvitel'nosti sdelki vsledstvie psikhicheskogo rasstroistva ee sub"ekta v Resheniyakh Pravitel'stvuyushchego Senata Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX v.) [The problem of invalidity of a transaction due to a mental disorder of its subject in the Decisions of the Governing Senate of the Russian Empire (in the second half of the XIX century)]. Ch. I. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal*. 6: 63-67. [in Russian]

Isachenko – *Isachenko, V.L.* Svod ykassatsionnykh polozheniia 1866–1913 gg. [Codes of cassation provisions for 1866-1913]. 1. [Electronic resource]. URL: https://zakon.blob.core.windows.net/publiccontainer/Isachenko_Svodmaterialnogoprava.pdf [in Russian]

Isachenko, 1883 – *Isachenko, V.L.* (1883). Litsa v dogovore. Dushevnobol'nye [Persons in the contract. The mentally ill]. *Yuridicheskii vestnik*. 6: 280. [in Russian]

Kantorovich, 1899 – *Kantorovich, Ya.A.* (1899). Zakony o bezumnyh i sumasshedshih, s raz'yasneniyami po resheniyam Senata [Laws on the insane and lunatic, with explanations of the decisions of the Senate]. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 128 p. [in Russian]

Karandyshev, 2021 – *Karandyshev, G.V.* (2021). Sotsiokul'turnye osobennosti zhenskogo otklonyayushchegosya povedeniya v Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov: prestupnost' i alkogolizatsiya [Sociocultural features of female deviant behavior in Russia at the end of the XIX – early XX centuries: alcoholism and crime]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(57): 5-18. [in Russian]

Kony, 1910 – *Kony, A.F.* (1910). Psikhiatricheskaya ekspertiza i deistvuyushchie zakony [Psychiatric examination and current laws]. *Vestnik Evropy*. P. 148. [in Russian]

Kurbanov – *Kurbanov, M.A.* Grazhdansko-pravovye otnosheniya v sfere psikhicheskogo zdorov'ya: istoricheskii aspekt [Civil law relations in the field of mental health: a historical aspect]. [Electronic resource]. URL: <http://www.npar.ru/journal/2004/1/legislation.htm> (date of access: 19.04.2024). [in Russian]

Levenstein, 1887 – *Levenstein, Yu.A.* (1887). Po povodunekotorykhstatei russkogo zakonodatel'stva o dushevnobol'nykh [Regarding some articles of the Russian legislation on the mentally ill]. *Materialy pervogo s'ezda otechestvennykh psikhiatrov*. Moskva, S.-Peterburg. Pp. 488-508. [in Russian]

Merzheevsky, 1887 – *Merzheevsky, I.P.* (1887). Ob usloviyakh, blagopriyatstvuyushchikh razvitiyu u dushevnykhinervnykh boleznei v Rossii o merakh, napravlenykh k ikhumen'sheniyu [On conditions conducive to the development of mental and nervous diseases in Russia and on measures aimed at reducing them]. *Materialy pervogo s'ezda otechestvennykh psikhiatrov*. M., S.-Peterburg. Pp. 15-18. [in Russian]

Mokshancev, 1895 – *Mokshancev, A.E.* (1895). K voprosu o polozhenii dushevnobol'nykh v Rossii i ob uchrezhdenii nad nimi opek [On the status of the mentally ill in Russia and the establishment of guardianship over them]. *Nablyudatel'*. 4: 137-161. [in Russian]

Orujev, Poplavskaya, 2014 – *Orujev, N.Ya., Poplavskaya, O.V.* (2014). Razvitie institute nedeesposobnosti: istoricheskii aspekt [The development of the institution of incapacity: a historical aspect]. *Vestnik Volgogradskogo meditsinskogo universiteta*. 3(51): 9-12. [in Russian]

Pogorelov, 2017 – *Pogorelov, M.A.* (2017). Psikhiatriya, nasledstvennost' i dushevnyaya bolezni': praktiki marginalizatsii «opasnykh» individov v Moskve na rubezhe XIX–XX vekov [Psychology, modernity and spiritual activity: practices of marginalizing "dangerous" publications in Moscow at the turn of the XIX–XX centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2(37): 34-42. [in Russian]

Polnyi svod reshenii..., 1869 – Polnyi svod reshenii Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta Pravitel'stvuyushchego Senataza 1869 god [The complete set of decisions of the Civil Cassation Department of the Governing Senate for 1869]. 19 primer. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.ru/senat> [in Russian]

Polnyi svod reshenii..., 1870 – Polnyi svod reshenii Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta Pravitel'stvuyushchego Senataza 1870 god [The complete set of decisions of the Civil Cassation Department of the Governing Senate for 1870]. 866 primer. Ekaterinoslav: Tipografiya Knigoizdatel'stva L.M. Rotenberga, 1903. [in Russian]

Polnyi svod reshenii..., 1876 – Polnyisvodreshenii Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta Pravitel'stvuyushchego Senataza 1876 god [The complete set of decisions of the Civil Cassation Department of the Governing Senate for 1876]. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.ru/senat> [in Russian]

PSZ RI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. [Electronic resource]. URL: https://nlr.ru/eres/law_r/search.php [in Russian]

Sbornik praktiki..., 1902 – Sbornik praktiki Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta Pravitel'stvuyushchego Senata [Collection of practice of the Civil cassation department of the Governing Senate]. 1902. № 48. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.ru/senat> [in Russian]

Shershenevich, 1912 – *Shershenevich, G.F.* (1912). Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian civil law]. 97 p. [in Russian]

Shunk, 2009 – *Shunk, V.E.* (2009). Rossijskoe zakonodatel'stvo XVIII-XIX vekov o dushevnobol'nykh [Russian legislation of the 18th-19th centuries on the mentally ill]. Izhevsk: Izhevskij filial GOU VPO «Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossijskoj Federacii», 142 p. [in Russian]

Slonimskij, 1873 – *Slonimskij, L.Z.* (1873). Grazhdanskoe pravo i psihiatriya [Civil law and psychiatry]. *Sudebnyj zhurnal*. 5: 1-56. [in Russian]

Slonimskij, 1879 – *Slonimskij, L.Z.* (1879). Umstvennoe rasstrojstvo, ego znachenie v prave grazhdanskom i ugolovnom [Mental disorder, its significance in civil and criminal law.]. SPb.: Tip. Tovarishchestva «Obshestvennaya pol'za», 160 p. [in Russian]

Sudebnye ustavy..., 1867 – Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda [Judicial Statutes of November 20, 1864]. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva. Ch. 1. 1867. 763 p. [in Russian]

SZ RI – Svod zakonov Rossiiskoi Imperii [The code of laws of the Russian Empire]. Svod zakonov grazhdanskikh. Vol. X. Part 1. Article 1017. [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire> [in Russian]

Tagantsev, 1886 – *Tagantsev, N.S.* (1886). Ulozhenie o nakazaniyakhugolovnykh I ispravitel'nykh 1885 goda [The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885]. 5-e izd., dop. SPb., 714 p. [in Russian]

Tarasova, 2012 – *Tarasova, E.N.* (2012). Stanovlenie i razvitie rossiiskogo zakonodatel'stva dorevolyutsionnogo perioda, reguliruyushchego pravovye voprosy otnositel'no lits, stradayushchikh psikhicheskimi zabolevaniyami [Formation and development of the Russian legislation of the pre-revolutionary period regulating legal issues concerning persons suffering from mental illness]. *Sovremennoe parvo*. 10: 165-167. [in Russian]

Tutryumov – *Tutryumov, I.M.* Secret keepers of information of the Government [Zakony grazhdanskie s raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego Senata I kommentariya mirusskikh yuristov]. T. 1. Glava II. Ob opeke nad bezumnymi, sumasshedshimi, glukhonemymi i nemymi. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.ru/senat> [in Russian]

Vislavskij, 1872 – *Vislavskij, O.* (1872). O dostoinstve sudebno-medicinskoj ekspertizy v ugolovnom sudoproizvodstve [On the merits of forensic medical examination in criminal proceedings]. Varshava: Tipografiya Iosifa Ungra, 175 p. [in Russian]

Vyubov, 1911 – *Vyubov, N.A.* (1911). Zakonodatel'stvo o dushevnobol'nyh prestupnikah [Legislation concerning criminally insane persons]. M.: Tipografiya shtaba Moskovskogo voennogo okruga, 58 p. [in Russian]

Vysochaishe utverzhdennoe..., 1845 – Vysochaishe utverzhdennoe 23 aprelya 1845 g. mnenie Gosudarstvennogo Soveta «O sile i deistviizemskoi davnosti» [The most highly approved opinion of the State Council "On the force and effect of the Zemstvo prescription" on April 23, 1845]. Polnyi svod zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. XX. Otdelenie pervoe. № 18952. [in Russian]

Yudin, 1951 – *Yudin, T.I.* (1951). Ocherki istorii otechestvennoi psikhiiatrii [Essays on the history of domestic psychiatry]. Pod red. B.D. Petrova. M.: Medgiz, 480 p. [in Russian]

Душевнобольной как субъект гражданских прав в Российской империи на рубеже XIX–XX веков

Надежда Владимировна Присяжная ^{a, *}, Ольга Николаевна Бобровская ^a, Евгений Геннадьевич Калецкий ^a, Дарья Алексеевна Лейчинская ^a

^a ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), Российская Федерация

Аннотация. Обращение к теме правового положения душевнобольных на рубеже XIX–XX веков в Российской империи определяется несколькими важными факторами. Прежде всего, через фиксацию психического заболевания, установление которого имело неоднозначные подходы в отечественной психиатрии, а также через учреждение попечения в отношении личности и имущества душевнобольного, создававшее непримиримые тяжбы между близкими родственниками по поводу наследуемого имущества.

Документальные источники законодательных актов и свидетельства непосредственных участников лечебного процесса позволяют осветить наиболее общие черты организации проведения процедуры, когда решение врачебной комиссии поглощается административным функционалом.

Управление имуществом душевнобольного в регуляции гражданского законодательства на рубеже XIX–XX веков затрагивает такие важные аспекты, как необходимость его защиты от неправомерных посягательств со стороны третьих лиц; неотложность действий наследников по оспариванию опекунских полномочий, связанных с управлением имуществом душевнобольного. В нюансах историко-правового видения примеры судебной практики отражают наиболее яркие моменты, иллюстрирующие детали возникающих семейных споров.

Изучение документальных источников позволяет уяснить отличительные признаки, присущие сделкам, совершаемым душевнобольными, и раскрыть содержательный компонент их правового восприятия.

Ключевые слова: духовное завещание, управление имением, совместная опека, освидетельствование, оспаривание сделок душевнобольных.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: prisyazhnaya_n_v@staff.sechenov.ru (Н.В. Присяжная)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 406-416
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.406

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Migration Movement to Siberia at the end of XIX – beginning of XX centuries (based on Reports of Governors Yenisei Province)

Tatiana V. Izluchenko ^{a, b, *}, Denis N. Gergilev ^{a, b}, Evgeniy A. Akhtamov ^a, Daria N. Nesterenko ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Federal Research Center Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The study of migration as a historical phenomenon contributes to the preservation of historical continuity and the use of accumulated experience to ensure State security. The aim of the study is to determine the attitude of state authorities to migration in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries, which at that time was called resettlement, using the example of the Yenisei province. The research is based on archival materials, historical documents and published statistical data. The methodological basis includes the theory of agrarian colonization (D.N. Belyanin), it takes into account the identified causes of the migration movement of peasants of European Russia to Siberia. Chronological stages of migration policy in relation to the Yenisei province were identified by the problem-chronological method: administrative up to 1889; legislative up to 1892; regional up to 1917. Migration flows in the Yenisei province, their interrelation with socio-political and economic-industrial factors, as well as the role of local authorities in the resettlement process were considered within the framework of a historical and systematic approach. The reasons for the administrative and organizational lack of collection and analysis of information about immigrants until the mid-1890s were the following factors. The first is the relatively small number of immigrants to the Yenisei province and the vast expanses of land suitable for economic activity. The second is the lack of relevant regulatory requirements before 1893. Only at the beginning of XX century the governors began to indicate in their annual All-submitted reports generalized data on the population. Even unauthorized migrants were provided with land plots and received support from local authorities. The province was interested in increasing the peasant population, which, as a result, was supposed to contribute to the economic development of the region. However, the increasing flow of migrants provoked a number of difficulties: the uneven distribution of peasants, which was accompanied by oppression in the most fertile districts and the abandonment of traditional land use for old-timers. The emergence of settlements that are remote from logistics routes actualizes the issues of providing schools, hospitals, shops and churches. The adoption of various measures by the local authorities was aimed at reducing return migration and helping to acquire a strong household.

Keywords: migration, resettlement to Siberia, settlement, resettlement work, reports of governors, Yenisei province.

1. Введение

В настоящее время проблема миграции обретает значение для научного исследования в области социально-гуманитарного знания. Подходы истории, социологии и исследований

* Corresponding author

E-mail addresses: izluchenko@mail.ru (T.V. Izluchenko), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), d.n.matveeva@mail.ru (D.N. Nesterenko)

безопасности актуализируют миграционные процессы в качестве неотъемлемого элемента человеческого культурного поведения и общественного явления. Исследования межрегиональной миграции встречаются редко и часто концентрируются на заселении территорий (Piezonka et al., 2020), в частности Сибири. Сибирь, являясь крупнейшим макрорегионом России, обладает спецификой экономико-территориального положения, которая обозначилась еще в XIX в. На обширной территории располагаются огромные сырьевые ресурсы, которые позволяют организовать промышленное производство на месте. Трудности представляют отдаленность от логистических путей и рынков сбыта продукции, а также малонаселенность и миграция в пределах основной зоны расселения (южные территории).

Ключевым этапом освоения Сибири стали миграционные потоки в конце XIX – начале XX вв., которые проходили сначала самовольно, а после получили законодательное и институциональное регулирование. Согласно уточнениям закона от 13.07.1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» с 1892 г. земли Енисейской губернии вошли в зону его действия. Данная территория при относительной малочисленности (около 500 тыс. чел.) населения обладала обширными таежными и лесостепными полосами, в том числе пригодными для различного рода хозяйственной деятельности (2,4 млн. км²). Иностранческое население составляло не более 10 %, проживало на севере региона и занималось преимущественно оленеводством, собирательством и рыбным промыслом. Переселенцы из Центральной России получали возможность заниматься сельским хозяйством в достаточно приемлемых климатических, природных и социальных условиях. Строительство Сибирской железной дороги и деятельность профильного Комитета способствовали увеличению миграционного потока и, как следствие, экономическому и промышленному развитию территории.

Значимым историографическим источником, позволяющим реконструировать миграционные потоки, их происхождение и территории, с которых прибывали переселенцы, являются ежегодные Всеподданнейшие отчеты губернаторов. Они представляют собой систему статистических данных, аналитических и обзорных материалов, а также мнений и предложений управленческого аппарата за подписью губернатора на имя императора. Енисейские губернаторы направляли свои отчеты Иркутскому военному генерал-губернатору. К отчетам прилагался Статистический обзор, содержащий распределенную по разделам информацию. Так, Статистический обзор Енисейской губернии за 1897 г. содержит следующие главы: естественные и производительные силы губернии и экономическая деятельность населения; подати и повинности; общественное устройство и благочиние; народное здравие и общественное призрение; народное образование, а также движение переселения и образование переселенческих участков, образование из казенных земель переселенческих и запасных участков. Отдельной ведомостью приведены сведения о движении населения (Статистический обзор..., 1898).

2. Материалы и методы

2.1. Эмпирической основой исследования являлись архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация), Государственном архиве Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация) и Центральном государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация). В их число входят протоколы заседаний Енисейского переселенческого районного управления, циркуляры Енисейского губернатора, заведующего переселением и землеустройством Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 262), посемейные списки, сведения о семейном и имущественном положении переселенцев, строительстве церквей, школ, врачебных пунктов в переселенческих поселках (ГАКК. Ф. 476), а также переписка заведующих переселением и землеустройством в Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 217). Ключевыми источниками стали Отчеты губернаторов Енисейской губернии и Статистические обзоры Енисейской губернии, распознанные и опубликованные на платформе краудсорсинговой транскрипции исторических документов «From The Page». Реконструкция правового поля миграции и связанных с ней административно-хозяйственных процессов опиралась на опубликованные нормативные и законодательные акты Полного собрания законов Российской империи, а также на информационные бюллетени для переселенцев и отчеты по переселению и землеустройству.

2.2. Миграционная политика государства в конце XIX – начале XX вв. рассматривалась теорией аграрной колонизации Д.Н. Белянина. Согласно ей переселение провоцировалось обезземеливанием крестьянства, кризисом экстенсивной трехпольной системы, передельно-уравнительными внутриобщинными механизмами (Белянин, 2014). Проблемно-хронологический метод позволил выявить ключевые вопросы переселения по мере их появления и обозначить этапы переселенческой политики на территории Енисейской губернии: административный – до 1889 г.; законодательный – до 1892 г.; региональный – до 1917 г. Историко-системным подходом исследовались миграционные потоки в Енисейскую губернию во взаимосвязи с социально-политическими и экономико-промышленными факторами, выявлялись социокультурные предпосылки, мотивирующие переселенческий выбор, и характеризовалась специфика регулирования местной властью,

Енисейским переселенческим районным управлением. Историко-генетическим подходом выявлялись истоки и закономерности развития переселенческого движения в Енисейскую губернию в конце XIX – начале XX вв. Определение влияния характера переселенческого движения на государственную политику и действия местных органов осуществлялось идиографическим методом.

Помимо специально-исторических методов, применялись общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, позволившие проанализировать противоречивость и многоаспектность межрегиональной миграции, сформировать промежуточные и итоговые выводы.

3. Обсуждение

Миграция (в пер. с лат. – «переселение») – это перемещение людей или социальных групп по территории внутри страны (внутренняя) и между различными государствами (внешняя), обусловленное факторами выталкивания (негативными) места проживания и притяжения (конструктивными) места назначения. Изучение миграции как сложного социального явления, на которое влияют экономические, политические, историко-культурные и географические факторы, представлено в современных исследованиях безопасности (Emmers, 2019). Миграционной политикой секьюритизация миграции определяется совокупностью механизмов и действий, в основе которых лежит понимание того, что мигранты представляют собой угрозу безопасности (Balzacq, 2008). Способность социальных, экономических, политических и административных институтов интегрировать большое количество мигрантов влияет на стабильность общества и, следовательно, на способность правительств принимающих регионов управлять территорией (Heisler, Layton-Henry, 1993). Отдельно специалистами отмечаются взаимосвязь миграции и продовольственной безопасности (Demont, 2022). М.А. Троянская объясняет сопутствующие миграции проблемы, связанные с нагрузкой на социальную и инфраструктурную сферы, демографическими изменениями в принимающем регионе. Она обозначает и конструктивную сторону, заключающуюся в импорте трудовых ресурсов, который обеспечивает решение проблемы освоения и дефицита кадров (Троянская, 2021). Э. Фусселл подчеркивает методологические трудности исследования детерминантов миграции по причинам нахождения ее между добровольным и вынужденным переселением, противоречивостью источников данных (регистры и переписи населения, опросы и обследования) (Fussell et al., 2014).

Тема крестьянских переселений как самовольных, так и в рамках проведения государственной аграрной политики рассмотрена достаточно подробно. В дореволюционной историографии переселение крестьян в Сибирь рассматривалось преимущественно в контексте экономических девиаций, обусловленных проблемами в земледелии. А.А. Кауфман, подчеркивая относительность трактовки малоземелья применительно к различным территориям империи, указывал, что именно сравнительное или относительное малоземелье толкает к переселению (Кауфман, 1905: 179-193). В. Клумберг отмечал, что кризис провоцировался не столько недостатком земли, сколько низким агротехническим уровнем крестьянских хозяйств, подтверждением чего, по его мнению, явился большой отток из Сибири переселенцев в 1909 г., которые не смогли изменить свой уклад землепользования (Klumberg, 1914). После затишья в XX в. проблематика миграционных процессов внутри империи конца XIX – начала XX вв. актуализировалась в постсоветский период (Чуркин, 2014).

В отличие от имперского периода, в котором термин «колонизация» использовался в информационных и публицистических материалах как синоним «заселения» и «хозяйственного освоения» (Колонизация Сибири..., 1900), в постсоветском научном дискурсе термин подчеркивает процессы экономического и политического присоединения Сибири (Суслов, 2008) в качестве ресурсной базы империи (Эткинд, 2013). Н.А. Баранцева рассматривает основные этапы земледельческой колонизации Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. в контексте формирования полиэтничности населения региона (Баранцева, 2009). М.В. Шиловский предлагает исследовать переселение в Сибирь в контексте реализации имперского проекта ликвидации полиэтничной специфики региона, который включал административно-территориальные управленческие решения, ассимиляцию инородцев и консолидацию сибирского социума (Шиловский, 2024). В концепции А.В. Ремнева Сибирь представлена как развивающееся пространство, которое правительство осваивает, усложняя административную систему управления, повышая результативность работы государственных органов, предлагая новые идеи для улучшения государственных и общественных институтов (Ремнев, 2015). О.М. Бобылева доказывает, что освоение Сибири осуществлялось в рамках государственной политики поддержки переселенцев. Государством была обследована 1/5 территории и проведено 98 почвенных экспедиций за 1908–1914 гг. с целью ввода новых сельскохозяйственных земель (Бобылева, 2023). А.И. Бакшеев, опираясь на теорию фронта, указывает на значение крестьянских переселений конца XIX – начала XX вв. для укрепления военно-политического присутствия России в регионе и продвижения единой государственности в противовес идеям сибирского областничества (Бакшеев, 2020: 134).

Процесс крестьянского переселения в повседневном аспекте демонстрировался К.А. Анкушевой. По материалам журнала «Сибирские вопросы» ею проанализирована неоднородность состава по этническому признаку и сословной принадлежности переселенцев,

проживающих в одном населенном пункте. Положительный образ Сибири, сформированный на основе рассказов ходоков, писем ранее отбывших родственников, мотивировал к переселению. Прибытие переселенцев в старожильческие общины Сибири иногда сопровождалось бытовыми противоречиями, трудностями интеграции и различием в ведении хозяйственной деятельности (Анкушева, 2022: 367). Разногласия между традиционным укладом старожилов и порядками переселенцев отмечает и А.К. Кириллов. Он указывает, что возникавшие до Столыпинской аграрной реформы конфликты имели конструктивный характер и являлись производительными, приводящими к обоюдовыгодному сотрудничеству (Кириллов, 2019).

В связи с широким использованием в научном дискурсе синонимичных понятий «миграция» и «переселение» отметим авторскую позицию применительно к социально-экономическому контексту конца XIX – начала XX вв. «Миграцией» подчеркивается передвижение различных социальных групп населения при наличии миграционных сетей и административно-организационных условий (принудительное переселение государственных крестьян, ссылка, служебная деятельность).

Политический аспект: миграционная политика. «Переселение» крестьян рассматривается применительно к движению крестьянских хозяйств на территорию Енисейской губернии с целью продолжения сельскохозяйственной деятельности и получения земельного надела. Оно представляется вариантом миграции, обладающей добровольно-принудительной спецификой и провоцирующей включение имперского аппарата: нормативно-правовое регулирование миграционных потоков, организацию экономической и иной помощи. Социально-экономический аспект: поиски лучших условий для хозяйственной деятельности, введение в эксплуатацию новых земель.

Одним из источников систематизированных данных являются Всеподданнейшие отчеты губернаторов. Роль Всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов, создаваемых на основе отчетов губернаторов, исследовалась в системе имперского управления, устанавливалось их значение для изучения экономического развития России, а также определялись политические аспекты бытования данных документов. Историками подробно проанализированы законодательные основы годовой отчетности губернатора, рассмотрена процедура работы с отчетами в правительстве и отдельных ведомствах (Минаков, 2016). Авторы данной статьи также приняли участие в процессе введения в научный оборот отчетов губернаторов Енисейской губернии (Nesterenko et al., 2020). Е.Л. Пономарева предприняла попытку реконструировать процессуальную сторону составления отчета генерал-губернатора Восточной Сибири (Пономарева, 2008). Н.П. Матханова и Н.Н. Родигина обратили внимание на репрезентативность отчетов, в которых представлен многокомпонентный образ региона: география и природа; экономическое, административное и культурное развитие; состав населения и его хозяйственная деятельность; вероисповедание; социальное поведение; специфика менталитета (Матханова, Родигина, 2019: 50). Т.А. Кискидосова, отмечая главным недостатком губернаторских отчетов неточность некоторых статистических данных, указала, что они (отчеты) содержат значительный информационный потенциал для изучения Восточной Сибири (Кискидосова, 2016: 51-52).

Исследователями часто используются губернаторские отчеты, однако их потенциал в качестве источника информации не до конца раскрыт. Значительно реже упоминаются Статистические обзоры по губернии, которые содержат предметные данные и являются естественным приложением к ним. Интерес представляют отчеты о переселенческом населении. Их изучение позволит более глубоко и подробно исследовать различные аспекты миграционной политики конца XIX – начала XX вв. Именно миграция выступила в указанный период стимулом усложнения не только хозяйственной деятельности, но и социально-политической и культурной обстановки. Наибольшие изменения относятся к территории Сибири, а частности к Енисейской губернии, которая получила человеческие ресурсы, необходимые для экономического и промышленного развития.

4. Результаты

В исторической науке, особенно советского периода, оформились концепции о целенаправленной колонизации (Огородников, 1924), включающей поощрение и/или принудительный характер переселения имперской властью (Смирнов, 1928: 5), а также присоединение и завоевание Сибири (Зуев, 1999). В качестве обоснования приводятся данные по реализации немногочисленных государственных программ (ссылка крестьян и помещиков, организация охраны государственной границы, военной колонизации и использование данной территории в качестве ссылки на жительство до 1900 г.). Согласно нормативно-правовым документам и информационным материалам, относящимся к деятельности государственных органов, даже в конце XIX – начале XX вв. государство не поощряло и не стимулировало переселение крестьян в Сибирь. Однако игнорировать масштабное народное движение за Урал различных категорий населения, преимущественно крестьянского, оно не могло. Государство было вынуждено повышать эффективность заселения Сибири и минимизировать негативные последствия данного процесса.

Так, до 1890-х гг. действовали запреты на распространение официальных сведений правительства о переселении. Только после создания Переселенческого управления в 1896 г. появились тематические рекомендации, в которых нередко содержалась недостоверная информация

о земельных наделах, дорожных трудностях и которые по причине низкой грамотности были недоступны многим крестьянам (Анкушева, 2022: 362). В информационном материале, распространяемом среди переселенцев за Урал и содержащем инструкции от Переселенческого Управления по переселению в Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, сказано, что при помощи новых законов Землеустроительная комиссия дает много способов желающим улучшить свое благосостояние на местах. Только тем, кто по каким-то причинам не может ими воспользоваться, указывается на возможность переселения. Отмечается, что это самое трудное и даже рискованное средство. Также обозначается позиция государственной власти, вынужденной принимать меры по данному вопросу: «Правительство никого не приглашает переселяться, а только заботится о том, чтобы оказать возможную помощь решившимся на это трудное дело» (Переселение за Урал..., 1908: 8-9). В отчетах по переселению и землеустройству приводились исторические справки о переселенческом движении. В них подчеркивалось хронологическое первенство вольной колонизации перед правительственной, говорилось о том, что покорение Сибири открыло доступ к свободным и привольным землям и положило начало народного движения за Урал. В свою очередь, имперская власть приступила к организации переселенческого движения в административном порядке только в 1885 г., а в законодательном – в 1889 г., а в Енисейской губернии – фактически с 1893 г.

Значимая роль отводилась Комитету Сибирской железной дороги, который занимался подготовкой переселенческого движения, а именно административными вопросами, разработкой временных правил для образования переселенческих участков, подготовкой смет и т. д. (ГАКК. Ф. 476. Оп. 2. Д. 1. Л. 53-67; Переселение и землеустройство за Уралом..., 1911).

В отчетах губернатора Енисейской губернии В.И. Копылова от 1841 г. впервые появляется пункт о новых поселениях казенных или помещичьих крестьян, согласно которому новые поселения за отчетный период не создавались. Однако данные по уже имеющимся поселениям также отсутствуют. Зато приведены подробные сведения об успехах поселений ссыльных (ЦГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 112. Л. 3). Важно уточнить, что губернаторами использовался термин «водворенные», подчеркивающий юридический статус сосланных, который отличался от сосланных на житье, поселение и каторжные работы. Поселенцы, прибывшие добровольно с целью ведения хозяйственной деятельности, именовались «переселенцами». В отчете губернатора Енисейской губернии П.Н. Замятина от 1866 г. указывалась численность «переселенцев из западного края» в количестве 502 чел. Уточнений относительно мест прибытия, а также относительно сословного, имущественного и хозяйственного характера не приводилось. Можно предположить, что губернатором П.Н. Замятиным были посчитаны именно переселенцы из Европейской России (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 70. Л. 6). В 1894 г. в «Ведомостях о движении населения» «водворенными» стали именоваться зачисленные переселенцы, в отличие от проходящих через губернию (ГАКК. Ф. 476. Оп. 2. Д. 2).

При достаточно подробном перечислении сведений относительно демографической ситуации и хозяйственной деятельности сосланных вольные переселенцы не представляли особого интереса до середины 1890-х гг. В качестве причин можно обозначить следующие факторы. Первое – относительная немногочисленность переселенцев. Енисейский губернатор Л.К. Теляковский в отчете за 1891 г. отметил, что прирост населения губернии осуществлен помимо преобладания рождений над смертью и ссылки за счет добровольного переселения – «пришлых из Европейской России». В контексте строительства Сибирской железной дороги губернатор выразил надежду в увеличении потока переселенцев из Европейской России, которые способствовали бы развитию сельского хозяйства. Также он выразил озабоченность проведением соответствующих подготовительных работ, например, по межеванию земли: «Пока переселение в губернии незначительно ... можно предполагать, что ... будет недостаток в заранее обмежованных для поселения участков земли и в знании годности их для этой цели, настолько чтобы не поселить ошибочно на неудобных землях; последнее обстоятельство может окончательно подорвать благосостояние переселенца, если таковое было, и его энергию» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3956. Л. 9-10). Второе – отсутствие до 1892 г. административных структур и соответствующего правового и организационного регулирования. В 1892 г. иркутский генерал-губернатор распорядился открыть временный Переселенческий комитет в Енисейской губернии, в котором заметную роль играла красноярская общественность. Членами комитета осуществлялись регистрация переселенцев и организация приемных пунктов. Работа проводилась в рамках благотворительности. Уже в следующем году заработали временные четыре должности чиновников особых поручений на средства вспомогательного фонда Комитета Сибирской железной дороги, начали функционировать межевые партии для нарезания земельных наделов, стали формироваться переселенческие и запасные участки (Список переселенческих..., 1912). Первоначально делами переселенцев занимались волостные правления (ГАКК. Ф. 476. Оп. 2. Д. 2. Л. 1-6). Системный документооборот (предписания, донесения и прошения крестьян) чиновников особых поручений при иркутском генерал-губернаторе стал вестись с августа 1895 г. (ГАКК. Ф. 476. Оп. 2. Д. 4. Л. 3).

В отчете 1894 г. губернатором Л.К. Теляковским уже подробно представлена информация об организации переселения, включающая сведения о деятельности двух восточно-сибирских партий межевых чинов по образованию из казенных земель переселенческих и запасных участков вдоль

линии Сибирской железной дороги на основании утвержденного иркутским генерал-губернатором плана. На выделенных 89 участках предполагалось поселение до 20 тыс. чел. Около 1 500 семей, 5-9 тыс. чел., водворились на территорию Енисейской губернии, получив земельные наделы, или были направлены в старожильческие поселения. Около 200 семей получили ссуду на обустройство хозяйства в общем размере до 30 тыс. руб. В 1895 г. действовали уже четыре переселенческих врачебно-питательных пункта, обладающие амбулаториями и кухнями-столовыми. Их силами осуществлялась регистрация переселенцев (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5448. Л. 20-21). В отчете за 1896 г. подчеркивалось, что переселение обуславливает быстрый искусственный прирост населения, возросшего особенно после открытия губернии для свободного переселения. Заселение многоземельной Енисейской губернии напрямую зависит от переселенческого движения (ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 108. Л. 2).

Однако, несмотря на рост переселенческого движения, государственная власть продолжала учитывать именно ссыльных всех категорий, а также пришедших со ссыльными по воле, а крестьян-переселенцев указывать как сельское сословие. В ведомостях Статистических обзоров данные по водворенным приводятся с 1896 г. В Статистическом обзоре Енисейской губернии за 1896 г. включена глава, посвященная переселенческому движению и его организации с указанием сведений, касающихся материального положения переселенцев. Данные по численности приводились в ведомостях о движении переселенцев по округам (Статистический обзор..., 1897: 50-53). Только в отчете за 1897 г., составленном в 1902 г., губернатор М.А. Плещ отдельно указал численность переселенцев, поселившихся в Енисейской губернии в течение отчетного периода (4045 чел. обоего пола), а также привел данные по самовольным переселенцам до 1898 г. (около 6 940 семей, примерно 40 792 чел. обоего пола) (ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 201. Л. 2. Л. 8). Подробные данные, из каких губерний прибывали переселенцы и в каких волостях губернии селились, были представлены в Статистическом обзоре за 1897 г. (Статистический отчет ... 1897, 1898: 49-52).

Подробные сведения о переселенцах в Енисейской губернии собирались местными чиновниками. Так, согласно циркулярам заведующего переселением и землеустройством в Енисейской губернии, в 1913 г. ежемесячно запрашивались данные по подрайонам, волостям и участкам. Эти данные относились к земельным наделам, характеру прибытия (по проходным свидетельствам, паспортам или самовольно), численности переселенцев и губерний прибытия, водворению в старожильческие селения, количеству выхода из Енисейской губернии, а также количеству и размеру ссуд и безвозвратных пособий из кредитов Переселенческого Управления. Отдельно заведующими переселением и землеустройством в губернии собирались сведения по переселенцам, членам их семей, об их имущественном положении и хлебопашестве (ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 1).

Увеличивающийся поток переселенцев из Европейской России приводил к возникновению ряда проблем, решением которых занималась местная губернская власть, функционирующая как отдел водворения и устройства переселенцев и сталкивающаяся со следующими трудностями. Первая трудность – повышение плотности населения и его неравномерное распределение по округам губернии. Несмотря на обширные территории, вводимые в эксплуатацию, приток переселенцев спровоцировал «утеснение», которое усугубили традиционно сложившиеся нерациональное пользование земельными ресурсами и отсутствие широкого внедрения сельскохозяйственной техники. Земельные участки отводили с запасом. Так, на 1898 г. запланированы участки на 14 966 мужчин, а водворившихся было 9 248 мужчин, до 1899 г. – 11 315 мужчин (Статистический обзор..., 1890: 48-53). Однако переселенцы предпочитали селиться на более благоустроенных территориях, близких к логистическим сетям, отказываясь от таежных пространств (ГАКК. Ф. 476. Оп. 1. Д. 9. Л. 63). К 1909 г. пространства южнее р. Ангара были все обследованы научными почвенно-ботаническими экспедициями. При этом в результате уточнения оказалось, что по Чуно-Ангарскому таежному округу следует считать до 90 тыс. десятин земель «очень трудными» и только 7 тыс. десятин – «средней трудности». Недостаток земли, удобной и пригодной для земледелия, стимулировал организацию экспедиций на северо-запад губернии (ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 21. Л. 7). В свою очередь, густота населения и наступающее «утеснение» в таких местностях (Красноярский уезд) провоцировали введение большее тщательного земледелия (Статистический обзор..., 1898: 2). Вторая трудность – обеспечение инфраструктурой. Возникла необходимость строительства школ, церквей и больниц (ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 555. Л. 7). В отчете за 1906 г. губернатор А.Н. Гирс, указывая на возникшее по причине Русско-японской войны сокращение финансирования землеустройства и кредитования переселенческого движения, наибольшую озабоченность выразил в отношении неудовлетворенности духовных потребностей переселенцев, обусловленной невозможностью посещать церкви и исполнять христианские потребности. Такая ситуация провоцирует у переселенцев ощущение чуждости территории при общении с инородцами, способствует их нравственному разложению (ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 404. Л. 1). Только в 1907 г. началась систематическая работа по строительству переселенческих дорог. С 1908 г. проводились гидротехнические обследования и учреждались в отдаленных местностях торговые фактории. Открытие новых районов заселения предполагало организацию медицинской и агрономической

помощи, а также создание культурной обстановки, без которой «едва ли дело заселения и хозяйственного развития заселяемых местностей может совершаться со сколько-нибудь удовлетворительным успехом» (ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 38. Л. 3-4). Третья трудность – снижение обратного переселения и закрепление уже прибывших в губернии. Губернатор М.А. Плец в отчете за 1900 г. указал на недостаток материальных средств. Большинству переселенцев недостаточно 100-рублевого пособия, выдаваемого правительством для подспорья в хозяйстве в течение двух-трех лет. Данное подспорье преимущественно тратилось на продовольствие, в результате чего при истечении льготного периода по платежам переселенцы все еще оставались неустроенными. Губернатор предлагал либо увеличить размер пособия, либо не допускать к переселению из Европейской России тех, кто не обеспечен материально (ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 555. Л. 6-7). Успешность решения этой проблемы во многом зависела от работы местных чиновников и от организации всего переселенческого процесса на местах. Зарплата чиновника по особым поручениям Переселенческого управления, заведующего пойменским подрайоном Н.И. Педашенко в 1913 г. была поднята после удовлетворения его прошений с 1 600 руб. до 2 187 руб. 50 коп. в год (ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 6. Л. 12. Л. 19). Отчетные сведения обобщенного характера о ходе зачисления и водворения переселенцев предоставлялись в виде ответов на следующие вопросы: какие меры принимались для облегчения переселенцам, каковы причины оставления ими участков и ухода на родину; как устроились отказавшиеся от водворения на зачисленных участках переселенцы; насколько от такого зачисления можно ожидать прочного оседания, насколько доступна врачебная помощь; насколько удовлетворяются религиозно-нравственные потребности и др. (ГАКК. Ф. 476. Оп. 1. Д. 9. Л. 62-67).

5. Заключение

В исследованиях безопасности миграция представляется угрозой, способной нарушить культурную и социальную идентичности местного населения из-за ее периферийной, дестабилизирующей среды. Во второй половине XIX в. актуализируются проблемы малоземелья крестьянства и неэффективного использования земельных наделов в густонаселенной Европейской России. Это провоцирует рост социального напряжения и обнищание крестьянских хозяйств. Перераспределение человеческого капитала выступило одной из мер решения данной проблемы. На первоначальном этапе эта мера не поощрялась имперской властью, но получила поддержку со стороны местных сибирских властей. Так, при наличии рекомендации к обратной отправке самовольно прибывших переселенцев власти Енисейской губернии обеспечивали их земельным наделом. Несмотря на возникающие трудности размещения, межрегиональная миграция воспринималась ресурсом для конструктивного экономического развития. Особенно ярко выражалась данная позиция в сравнении со ссыльными, зачастую провоцирующими социально-политическое напряжение и падение морального облика местного населения.

Литература

- Анкушева, 2022 – Анкушева К.А. Крестьянское переселение в Сибирь в начале XX века: по материалам журнала «Сибирские вопросы» // *Научный диалог*. 2022. № 4, т. 11. С. 357-377. С. 367. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-357-377
- Бакшеев, 2020 – Бакшеев А. И. Теория фронта и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX – XX веков // *Известия лаборатории древних технологий*. 2020. № 2(35), т. 16. С. 130-140. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-130-140>
- Баранцева, 2009 – Баранцева Н.А. Переселение в Енисейскую губернию во второй половине XIX – начале XX века: этносоциальные и демографические аспекты // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 38 (176). С. 33-40.
- Белянин, 2014 – Белянин Д.Н. Факторы крестьянских переселений в Сибирь на рубеже во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 378. С. 100-107.
- Бобылева, 2023 – Бобылева О.М. Сельскохозяйственное освоение Сибири и «Дикого Запада»: сравнительный анализ // *Известия лаборатории древних технологий*. 2023. № 1 (46). Т. 19. С. 129-136. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-129-136>
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Зуев, 1999 – Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*. Вып.1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 124-136.
- Кауфман, 1905 – Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общая польза». 1905. 349 с.
- Кириллов, 2019 – Кириллов А.К. Столкновение переселенцев и старожилов в Сибири накануне и в ходе Столыпинского переселения: функции социального конфликта // *Историко-экономические исследования*. 2019. Т. 20. № 4. С. 625-639. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).625-639

- Кискидосова, 2016** – Кискидосова Т.А. Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири в 1850–1880-е гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 412. С. 50-53. DOI: 10.17223/15617793/412/8
- Колонизация Сибири..., 1900** – Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Всемир. выст. 1900 г. в Париже. Ком. Сиб. ж. д. СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1900. 375 с.
- Матханова, Родигина, 2019** – Матханова Н.П., Родигина Н.Н. Всеподданнейшие отчеты как источник представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия о регионе // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2019. Т. 26. № 1. С. 45-51. DOI: 10.15372/HSS20190108
- Минаков, 2016** – Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2016. № 2(38). С. 5-24. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-1
- Огородников, 1924** – Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Иркутск: тип. Штаба военного округа, 1924. Ч. 2. Завоевание русскими Сибири. 108 с.
- Переселение и землеустройство..., 1911** – Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910. Спб.: Тип. М. П. Фроловой, 1911–1916, 1911. 501 с.
- Переселение за Урал ..., 1908** – Переселение за Урал в 1908 году: справочная книжка с картой заселяемых переселенцами местностей и железных дорог Азиатской России. Тюмень. Вып. 41. 1908. 159 с.
- Пономарева, 2008** – Пономарева Л.П. Всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов как источник по истории Восточной Сибири (50-80-е гг. XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4-1. С. 112-115.
- Ремнев, 2015** – Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского. 2015. 580 с.
- Смирнов, 1928** – Смирнов В.А. Исторический очерк Приенисейского края. Ч. 2. Учреждение Енисейской губернии. Население и колонизация в XIX веке, хозяйственная эволюция Приенисейского края в XIX веке. Красноярск, 1928. 47 с.
- Список переселенческих..., 1912** – Список переселенческих и запасных участков, образованных в Енисейской губернии с 1893 по 1911 год включительно. К карте Енисейской губернии, составленной чинами Енисейской землеотводной партии. Красноярск: Типо-литография М. Я. Кохановской. 1912. 49 с.
- Статистический обзор..., 1890** – Статистический обзор Енисейской губернии за 1889 год. Красноярск: Енис. губ. электро-тип., 1890.
- Статистический обзор..., 1897** – Статистический обзор Енисейской губернии за 1896 год. Красноярск: Енис. губ. электро-тип., 1897.
- Статистический обзор..., 1898** – Статистический обзор Енисейской губернии за 1897 год. Красноярск: Енис. губ. электро-тип., 1898.
- Суслов, 2008** – Суслов В.И. Сибирь – Российская колония // *Вестник НГУЭУ*. 2008. № 1. С. 172-190.
- Троянская, 2021** – Троянская М.А. Миграция населения: понятия, виды и значения для территорий // *Азимут научных исследований. Экономика и управление*. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 356-360. DOI: 10.26140/anie-2021-1002-0077
- ЦГИА** – Центральный государственный исторический архив.
- Чуркин, 2014** – Чуркин М. К. «Неудобный класс»: крестьянство в переселенческом движении в Сибирь (вторая половина XIX – начало XX века) // *Историческая психология и социология истории*. 2014. Т.7. № 2. С. 109-116.
- Шиловский, Шиловский, 2024** – Шиловский М.В., Шиловский Д.М. Роль переселений в нивелировке окраинного статуса Сибири в XVIII – начале XX в. // Гришаевские чтения: мат. VI Международной научной конференции. Красноярск, 2024. С. 111-114.
- Эткинд, 2013** – Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
- Balzacq, 2008** – Balzacq T. The policy tools of securitization: Information exchange, EU foreign and interior policies // *Journal of Common Market Studies*. 2008. № 46. Pp. 75-100.
- Demont, 2022** – Demont T. Coping with shocks: How Self-Help Groups impact food security and seasonal migration // *World Development*. 2022. Vol. 155, July 2022, 105892. DOI: 10.1016/j.worlddev.2022.105892
- Emmers, 2019** – Emmers R. Securitization // *Contemporary Security Studies*. Ed. A. Collins. Oxford University Press, 2019. Pp. 173-187.
- Fussell et al., 2014** – Fussell E., Hunter L., Gray C. Measuring the environmental dimensions of human migration: The demographer's toolkit // *Global Environmental Change*. 2014. Vol. 28. Pp. 182-191. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2014.07.001
- Heisler, Layton-Henry, 1993** – Heisler M. O., Layton-Henry Z. Migration and the links between social and societal security // *Identity, migration and the new security agenda in Europe*. 1993. Pp. 148-166.
- Klumberg, 1914** – Klumberg W. Die Kolonisation Rußlands in Sibirien. Zürich: Gebr. Leemann, 1914. 124 p.

Nesterenko et al., 2020 – Nesterenko D.N., Gergilev D.N., Izluchenko T. V., Khait N. L. Governor's reports to the supreme name of the Yenisei province in the XIX – early XX centuries: source criticism capability // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 613-622. DOI: 10.13187/bg.2024.2.613

Piezonka et al., 2020 – Piezonka H., Poshekhonova O., Adaev V., Rud A. Migration and its effects on life ways and subsistence strategies of boreal hunter-fishers: Ethnoarchaeological research among the Selkup, Siberia // *Quaternary International*. 2020. Vol. 541. Pp. 189-203. DOI: 10.1016/j.quaint.2019.07.005

References

Ankusheva, 2022 – Ankusheva, K.A. (2022). Krest'yanskoe pereselenie v Sibir' v nachale XX veka: po materialam zhurnala «Sibirskie voprosy» [Peasant Resettlement in Siberia at Beginning of 20th Century (Materials of Siberian Questions Journal)]. *Nauchnyi dialog*. 11(4): 357-377. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-357-377 [in Russian]

Baksheev, 2020 – Baksheev, A.I. (2020). Teoriya frontira i pereselenie krest'yan v Sibir': nauchnaya traktovka gosudarstvennoj politiki XIX – XX vekov [Theory of the Frontier and the resettlement of peasants to Siberia: a scientific interpretation of the state policy of the XIX-XX centuries]. *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologij*. T. 16. 2(35): 130-140. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-130-140> [in Russian]

Balzacq, 2008 – Balzacq, T. (2008). The policy tools of securitization: Information exchange, EU foreign and interior policies. *Journal of Common Market Studies*. 46: 75-100.

Baranceva, 2009 – Baranceva, N.A. (2009). Pereselenie v Enisejskuyu guberniyu vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: etnosocial'nye i demograficheskie aspekty [Resettlement to the Yenisei province in the second half of the XIX-beginning of the XX century: ethnosocial and demographic aspects]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 38(176): 33-40. [in Russian]

Belyanin, 2014 – Belyanin, D.N. (2014). Faktory krest'yanskih pereselenij v Sibir' na rubezhe vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Factors of peasant migrations to Siberia at the turn of the second half of the XIX-early XX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 378: 100-107. [in Russian]

Bobyleva, 2023 – Bobyleva, O.M. (2023). Sel'skohozyajstvennoe osvoenie Sibiri i «Dikogo Zapada»: sravnitel'nyj analiz [Agricultural development of Siberia and the “Wild West”: a comparative analysis]. *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologij*. T. 19. 1(46): 129-136. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-129-136> [in Russian]

TsGIA – Tsentral'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Central State Historical Archive].

Churkin, 2014 – Churkin, M.K. (2014). «Neudobnyj klass»: krest'yanstvo v pereselencheskom dvizhenii v Sibir' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [“Inconvenient class”: the peasantry in the migration movement to Siberia (the second half of the XIX-beginning of the XX century)]. *Istoricheskaya psikhologiya i sociologiya istorii*. T. 7. 2: 109-116. [in Russian]

Demont, 2022 – Demont, T. (2022). Coping with shocks: How Self-Help Groups impact food security and seasonal migration. *World Development*. 155, July, 105892. DOI: 10.1016/j.worlddev.2022.105892

Emmers, 2019 – Emmers, R. (2019). Securitization. *Contemporary Security Studies*. Ed. A. Collins. Oxford University Press, pp. 173-187.

Etkind, 2013 – Etkind, A. (2013). Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. Per. s angl. V. Makarova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Russian]

Fussell et al., 2014 – Fussell, E., Hunter, L., Gray, C. (2014). Measuring the environmental dimensions of human migration: The demographer's toolkit. *Global Environmental Change*. 28: 182-191. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2014.07.001

GAIO – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [State Archive of the Irkutsk region].

GAKK – Gosudarstvennyi arhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].

Heisler, Layton-Henry, 1993 – Heisler, M.O., Layton-Henry, Z. (1993). Migration and the links between social and societal security. Identity, migration and the new security agenda in Europe, pp. 148-166.

Kaufman, 1905 – Kaufman, A.A. (1905). Pereselenie i kolonizaciya [Resettlement and colonization]. SPb.: Tip. t-va «Obshchaya pol'za», 349 p. [in Russian]

Kirillov, 2019 – Kirillov, A.K. (2019). Stolknovenie pereselencev i starozhilov v Sibiri nakanune i v hode Stolypinskogo pereseleniya: funkcii social'nogo konflikta [Clash of migrants and old-timers in Siberia on the eve and during the Stolypin resettlement: functions of social conflict]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. T. 20. 4: 625-639. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).625-639 [in Russian]

Kiskidosova, 2016 – Kiskidosova, T.A. (2016). Gubernatorskie godovye otchety kak istochnik po izucheniyu gorodskogo naseleniya Vostochnoj Sibiri v 1850–1880-e gg. [Gubernatorial Annual Reports as a source for studying the urban population of Eastern Siberia in the 1850–1880-ies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 412: 50-53. DOI: 10.17223/15617793/412/8 [in Russian]

Klumberg, 1914 – Klumberg, W. (1914). Die Kolonisation Rußlands in Sibirien. Zürich: Gebr. Leemann, 24 p.

- [Kolonizatsiya Sibiri..., 1900](#) – Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshchim pereselencheskim voprosom, 1900 [Colonization of Siberia in connection with the general migration]. *Vsemir. vyst.* 1900 g. v Parizhe. Kom. Sib. zh. d. SPb.: Kancelyariya Kom. ministrov, 375 p. [in Russian]
- [Mathanova, Rodigina, 2019](#) – *Mathanova, N.P., Rodigina, N.N.* (2019). Vsepoddannejshie otchety kak istochnik predstavlenij sibirskih general-gubernatorov vtoroj poloviny XIX stoletiya o regione [Humbly reports as a source of representations Siberian General-governors second half of the nineteenth century, the region]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. T. 26. 1: 45-51. DOI: 10.15372/HSS20190108 [in Russian]
- [Minakov, 2016](#) – *Minakov, A.S.* (2016). Vsepoddannejshie otchety gubernatorov Rossijskoj imperii: sovremennye problemy istoriografii [The most recent reports of the governors of the Russian Empire: modern problems of historiography]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. 2(38): 5-24. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-1 [in Russian]
- [Nesterenko et al., 2020](#) – *Nesterenko, D.N., Gergilev, D.N., Izluchenko, T.V., Khait, N.L.* (2024). Governor's reports to the supreme name of the Yenisei province in the XIX – early XX centuries: source criticism capability. *Bylye Gody*. 19(2): 613-622. DOI: 10.13187/bg.2024.2.613 [in Russian]
- [Ogorodnikov, 1924](#) – *Ogorodnikov, V.I.* (1924). Oчерk istorii Sibiri do nachala XIX stoletiya [Essay on the history of Siberia until the beginning of the XIX century]. Irkutsk: tip. Shtaba voennogo okruga. Ch. 2. Zavoevanie russkimi Sibiri, 108 p. [in Russian]
- [Piezonka et al., 2020](#) – *Piezonka, H., Poshekhonova, O., Adaev, V., Rud, A.* (2020). Migration and its effects on life ways and subsistence strategies of boreal hunter-fishers: Ethnoarchaeological research among the Selkup, Siberia. *Quaternary International*. 54: 189-203. DOI: 10.1016/j.quaint.2019.07.005
- [Pereselenie i zemleustrojstvo..., 1911](#) – Pereselenie i zemleustrojstvo za Uralom v 1906–1910 gg. Otchet po pereseleniyu i zemleustrojstvu za 1910 [Resettlement and land management beyond the Urals in 1906-1910. Report on Resettlement and land management for 1910]. SPb.: Tip. M. P. Frolovoj, 1911–1916, 1911, 501 p. [in Russian]
- [Pereselenie za Ural..., 1908](#) – Pereselenie za Ural v 1908 godu: spravochnaya knizhka s kartoj zaselyaemyh pereselencami mestnostej i zheleznyh dorog Aziatskoj Rossii. Tyumen'. Vyp. 41. [Resettling beyond the Urals in 1908: a reference book with a map of the areas and railways of Asian Russia inhabited by settlers] 1908. 159 p. [in Russian]
- [Ponomareva, 2008](#) – *Ponomareva, L.P.* (2008). Vsepoddannejshie otchety general-gubernatorov kak istochnik po istorii Vostochnoj Sibiri (50–80-e gg. XIX v.) [The most recent reports of the Governors-General as a source on the history of Eastern Siberia (50s-80s. 19th century)]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-1: 112-115. [in Russian]
- [Remnev, 2015](#) – *Remnev, A.V.* (2015). Sibir' v imperskoj geografii vlasti XIX – nachala XX vekov. [Siberia in the Imperial geography of power of the XIX – early XX centuries]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta im. F.M. Dostoevskogo, 580 p. [in Russian]
- [Shilovskij, Shilovskij, 2024](#) – *Shilovskij, M.V., Shilovskij, D.M.* (2024). Rol' pereselenij v nivelirovke okrainnogo statusa Sibiri v XVIII – nachale XX v. [The role of migration in leveling the marginal status of Siberia in the XVIII-early XX centuries]. *Grishaevskie chteniya: mat. VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Krasnoyarsk, pp. 111-114. [in Russian]
- [Smirnov, 1928](#) – *Smirnov, V.A.* (1928). Istoricheskij oчерk Prienisejskogo kraja. Ch. 2. Uchrezhdenie Enisejskoj gubernii. Naselenie i kolonizaciya v XIX veke, hozyajstvennaya evolyuciya Prienisejskogo kraja v XIX veke [Historical sketch of the Yenisei region. H. 2. Establishment of the Yenisei province. Population and colonization in the XIX century, economic evolution of the Yenisei region in the XIX century]. Krasnoyarsk, 47 p. [in Russian]
- [Spisok pereselencheskih..., 1912](#) – Spisok pereselencheskih i zapasnyh uchastkov, obrazovannyh v Enisejskoj gubernii s 1893 po 1911 god vkluchitel'no. K karte Enisejskoj gubernii, sostavlennoj chinami Enisejskoj zemleotvodnoj partii [List of resettled and spare land plots formed in the Yenisei province from 1893 to 1911 inclusive. To the map of the Yenisei province compiled by the ranks of the Yenisei Land Acquisition Party]. Krasnoyarsk: Tipo-litografiya M. Ya. Kohanovskoj, 1912. 49 p. [in Russian]
- [Statisticheskij obzor..., 1890](#) – Statisticheskij obzor Enisejskoj gubernii. za 1889 god [Statistical review of the Yenisei Province. for 1889]. Krasnoyarsk : Enis. gub. elektro-tip. 1890. [in Russian]
- [Statisticheskij obzor..., 1897](#) – Statisticheskij obzor Enisejskoj gubernii. za 1896 god [Statistical review of the Yenisei Province. for 1896]. Krasnoyarsk: Enis. gub. elektro-tip. 1897. [in Russian]
- [Statisticheskij obzor..., 1898](#) – Statisticheskij obzor Enisejskoj gubernii. za 1897 god [Statistical review of the Yenisei Province. for 1897]. Krasnoyarsk: Enis. gub. elektro-tip. 1898. [in Russian]
- [Suslov, 2008](#) – *Suslov, V.I.* (2008). Sibir' – Rossijskaya koloniya [Siberia-Russian colony]. *Vestnik NGUEU*. 1: 172-190. [in Russian]
- [Troyanskaya, 2021](#) – *Troyanskaya, M.A.* (2021). Migratsiya naseleniya: ponyatiya, vidy i znacheniya dlya territorij [Migration of the population: concepts, types and values for territories]. *Azimut nauchnyh issledovanij. Ekonomika i upravlenie*. T. 10. 2(35): 356-360. DOI: 10.26140/anie-2021-1002-0077
- [Zuev, 1999](#) – *Zuev, A.S.* (1999). Harakter prisoedineniya Sibiri v novejshej otechestvennoj istoriografii [The nature of the annexation of Siberia in the newest national historiography]. *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnih civilizacij*. Vyp. 1. Kul'turnyj kosmos Evrazii. Novosibirsk, pp. 124-136. [in Russian]

**Переселенческое движение в Сибирь в конце XIX – начале XX вв.
(по материалам отчетов губернаторов Енисейской губернии)**

Татьяна Владимировна Излученко ^{a, b, *}, Денис Николаевич Гергилев ^{a, b},
Евгений Александрович Ахтамов ^a, Дарья Николаевна Нестеренко ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Российская Федерация

Аннотация. Изучение миграции как исторического феномена способствует сохранению исторической преемственности и использованию накопленного опыта для обеспечения государственной безопасности. Цель исследования – определить отношение государственной власти на имперском и губернском уровнях к миграции (переселению) в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. на примере Енисейской губернии. Исследование опирается на архивные материалы, исторические документы и опубликованные статистические данные. Методологическая основа включает теорию аграрной колонизации (Д.Н. Белянин), учитывает обозначенные ею причины переселенческого движения крестьян Европейской России в Сибирь. Хронологические этапы миграционной политики применительно к Енисейской губернии были обозначены проблемно-хронологическим методом: административный – до 1889 г.; законодательный – до 1892 г.; региональный – до 1917 г. Миграционные потоки в Енисейской губернии рассматривались в рамках историко-системного подхода. Причинами административно-организационного отсутствия сбора и анализа сведений о переселенцах до середины 1890-х гг. являлись следующие факторы. Первое – относительная немногочисленность переселенцев в Енисейскую губернию. Второе – отсутствие соответствующих нормативно-правовых требований до 1893 г. Только в начале XX в. губернаторы стали указывать в своих ежегодных Всеподданнейших отчетах обобщенные данные по численности переселенцев. Даже самовольные переселенцы обеспечивались земельными наделами и получали поддержку от местных властей. Губерния была заинтересована в увеличении крестьянского населения, что, как следствие, должно было способствовать экономическому развитию. Однако увеличивающийся поток переселенцев провоцировал ряд трудностей: неравномерное распределение крестьян, которое сопровождалось утеснением в наиболее плодородных округах и отказом от традиционного для старожилов землепользования. Возникновение отдаленных от логистических путей поселений актуализировало вопросы обеспечения школами, больницами, магазинами и церквями. Принятие различных мер местной властью было направлено на снижение обратного переселения и на помощь в обзаведении крепким хозяйством.

Ключевые слова: миграция, переселение в Сибирь, водворение, переселенческое дело, отчеты губернаторов, Енисейская губерния.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: izluchenko@mail.ru (Т.В. Излученко), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), d.n.matveeva@mail.ru (Д.Н. Нестеренко)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 417-425
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.417

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Economic Modernization of Russia in the late 19th century: Strategic Guidelines and Internal Contradictions

Viktor V. Titov ^{a, *}, Konstantin N. Babichev ^b

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^b Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract

The presented research is devoted to the study of strategic guidelines for economic modernization of Russia in the late 19th century in the context of choosing the directions of reforms and internal contradictions in their implementation. The methodology of the work is built by combining elements of synchronous, diachronic and structural analysis. The source base of the work includes a set of personal sources and previously unpublished office materials of the central institutions of the Ministry of Finance of the Russian Empire in the field of trade and industry. The author comes to the conclusion that at the end of the 19th century, the strategy of economic modernization of Russia was built in accordance with the goal of forming a system for regulating the economic activities of commercial structures based on the principle of expanded public-private partnership. The authorities, on the one hand, formed the institutional environment and infrastructural foundations for the development of private business initiatives, and on the other hand, took direct part in the implementation of flagship projects, including in the order of attracting foreign investment. The main results of the implementation of the strategic guidelines for the modernization of the economy include the formation of a system of national commercial banks, expanded access of manufacturers to long-term loans, partial optimization of the tax system, stabilization of the national currency by introducing the gold ruble, the creation of a tariff system to protect producers from foreign competitors, the formation of favorable conditions for the creation of monopolistic structures and the beginning of capital exports to neighboring states. All this contributed to the implementation of plans for the accelerated industrialization of the Russian economy. However, the internal contradictions of the reform strategy contributed to an increase in the scale of stock exchange speculation (including Gründer projects), a significant increase in the volume of Russia's external debt, a significant increase in consumer prices for industrial products, the displacement of small and medium-sized companies from the market by large businesses, which created new obstacles to the completion of Russia's economic modernization.

Keywords: economic modernization, strategic guidelines, industry, trade, taxes, tariffs, capital.

1. Введение

На сегодняшний день тема экономической модернизации России в конце XIX в. является одной из наиболее активно обсуждаемых в сообществе профессиональных историков. Причины этого заключаются, в первую очередь, в высокой степени влияния общественно-политической конъюнктуры и социального заказа на процесс изучения соответствующей проблематики.

Вопрос об эффективности политики экономической модернизации Российской империи в обозначенный период еще в начале XX в. начал активно использоваться политиками и публицистами с целью легитимации существующей политической системы и ее обструкции. Впоследствии тренд на преимущественно негативные оценки экономической политики периода правления Александра III и

* Corresponding author

E-mail addresses: titov-msu@mail.ru (V.V. Titov), babichevk@list.ru (K.N. Babichev)

Николая II был закреплён в официальной идеологии советского государства. В постсоветский период закономерно возник запрос на делегитимацию уже советской системы, в силу чего широкое распространение получили чисто ревизионистские нарративы, оказывавшие влияние, в том числе, на некоторых профессиональных российских историков.

Порожденная этими процессами дискуссия не только затруднила синтез различных историографических концепций, но и сместила фокус интереса исследователей в сторону обсуждения отдельных, сугубо локальных, аспектов рассматриваемой темы (например, проблематики развития конкретных отраслей промышленности). Как следствие, должного внимания со стороны исследователей был лишен принципиально значимый вопрос о стратегии реализации экономической модернизации, выбранной российским политическим руководством конце XIX в.

Целью представленного исследования является выявление стратегических направлений экономической модернизации России в рамках обозначенного периода, а также противоречий, определявших их динамику.

2. Материалы и методы

Источниковая база работы была сформирована посредством привлечения материалов двух категорий. Во-первых, использовались делопроизводственные документы, отложившиеся в фонде центральных учреждений Министерства финансов по части торговли и промышленности Российской империи (данный фонд хранится в Российском государственном историческом архиве, Санкт-Петербург, Российская Федерация). Во-вторых, при подготовке работы авторы обратились к источникам личного происхождения, включая мемуары А.В. Бельгарда, С.Ю. Витте, Ф.А. Головина, В.И. Гурко, А.И. Гучкова, А.А. Кизеветтера и В.Н. Коковцова (Бельгард, 2009; Богданович, 1990; Витте, 1960; Головин, 2006; Гурко, 2000; Гучков, 1993; Кизеветтер, 2001; Коковцов, 1992). После завершения процедуры источниковедческой эвристики содержание упомянутых материалов было подвергнуто критическому анализу с точки зрения обстоятельств их происхождения, полноты, достоверности и объективности информации, что гарантирует должную степень репрезентативности используемых сведений.

Методология исследования предполагает сочетание синхронного, диахронного и структурного анализа. Метод синхронного анализа позволил сопоставить параллельные, имевшие место на одном и том же темпоральном отрезке, социально-исторические процессы, а также комплексно, с точки зрения сопряженности и взаимной обусловленности, оценить различные явления социально-экономической жизни российского общества, фиксируемые в рамках анализируемого хронологического отрезка. Использование метода диахронного анализа позволило выявить специфику эволюции отдельных рассматриваемых трендов в течение длительного времени и оценить их общую динамику, одновременно отслеживая кратко-, средне- и долгосрочные результаты принятия тех или иных политико-управленческих решений в экономической сфере.

Акцент на осуществление структурного анализа позволил выделить наиболее важные направления в содержании государственной политики экономического развития России, обозначить приоритеты и факторы ее трансформации в конце XIX века. Помимо того, при подготовке работы авторами были использованы классические методы внутренней и внешней критики привлеченных источников.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии тема экономической модернизации освещалась преимущественно либо в контексте изучения отдельных аспектов данного процесса (что обуславливалось отсутствием самой концепции модернизации), либо в рамках изучения более широких по объёму процессов, предметов и явлений (Витте, 1914; Головин, 1899; Гольдштейн, 1908; Гурко, 1902; Денисов, 1912; Ельчанинов, 1913; Мышцин, 1906; Пасхалов, 1911; Пешехонов, 1906; Тихомиров, 1912; Шванебах, 1901). При этом для многих исследований, опубликованных до 1917 г., характерно позиционирование событий конца XIX в. преимущественно в качестве контекста политических и экономических преобразований второй половины царствования Николая II. В то же время источниковую базу дореволюционных исследований характеризовала относительная узость, поскольку основная часть делопроизводственных материалов по теме экономической модернизации России на тот момент представляла собой объект либо коммерческой, либо государственной тайны.

Работы, опубликованные в советский период, отличаются высоким уровнем концептуальности и широта источниковой базы (Зайончковский, 1970; Лаврычев, 1967; Спиринов, 1977; Шепелев, 1987). Именно их авторы решили основную часть задач, связанных с проблематикой источниковедческой эвристики по теме экономической модернизации дореволюционной России. Однако в то же время исследователи были вынуждены адаптировать результаты своих изысканий как к официальной идеологии в целом, так и к оценкам, данным процессу экономической модернизации лидерами партии большевиков – современниками соответствующих событий.

Для исследований постсоветского периода характерны расширение источниковой базы и применение новых методов изысканий (Ананьич, Ганелин, 2000; Боханов, 2006; Грегори, 2003; Корелин, Степанов, 1998; Миронов, 2018). Но также их зачастую отличают повышенное внимание

авторов к фигурам конкретных политических деятелей и наличие следов влияния политизированных дискуссий вокруг вопроса о направлениях и содержании ревизии советской историографии.

Исследования, формирующие зарубежную историографию темы, ценны, в первую очередь, тем, что их авторы активно используют вывезенные из России в период гражданской войны документы, а также неопубликованные в РФ источники личного происхождения, созданные эмигрировавшими после 1917 г. политиками, учеными-экономистами, коммерсантами и представителями бюрократического аппарата. Однако также многие зарубежные исследования несут на себе следы влияния национальных политизированных историографий, для которых в целом характерна демонизация (Christian, 1997; Gatrell, 1994; Geyer, 1987; Harcave, 2004; Mosse, 1996; Owen, 2005; Owen, 2002; Shanin, 1985; Weislo, 2005).

Соответственно, степень изученности темы характеризует наличие структурной диспропорции в плане репрезентации конкретных аспектов исследуемого предмета.

4. Результаты

Начиная с периода великих реформ Александра II, ключевую роль в процессах выработки и реализации планов экономической модернизации России играло Министерство финансов. При этом сама модель экономической модернизации формировалась достаточно долго, что было связано с неоднократными попытками заимствования и апробации опыта зарубежных государств. Относительную устойчивость данная модель приобрела лишь к концу царствования Александра III во многом благодаря личным усилиям монарха по стабилизации курса экономической политики. Также большую роль в данном процессе сыграла деятельность министра финансов Н.Х. Бунге. В отличие от своего предшественника М.Х. Рейтерном, он придерживался мнения, что сфера регулирования экономики государством не ограничивается выстраиванием кредитно-денежной и бюджетно-налоговой политики, но также охватывает социально-экономические отношения. Последнее предполагало, с одной стороны, необходимость разработки фабрично-заводского и страхового законодательства, а с другой – перехода к стратегическому планированию развития экономики, т.е. использования инструментария долгосрочных программ. Естественным следствием этого стал отказ от «экспериментальной» модели экономической модернизации страны (Витте, 1960: 67; Головин, 1899: 21). Впоследствии стабилизацию внешнеполитического курса также активно поддерживал С.Ю. Витте. Согласно его мнению, в отличие от таких «океанических» государств, как Великобритания или Франция, Россия не может оперативно менять структуру своей внешней торговли и системы транспортных коммуникаций, в первую очередь, в силу большей стоимости и большей протяженности срока окупаемости программ формирования экономической инфраструктуры на континенте. Исходя из этого, министр настаивал на необходимости реализации устойчивого внешнеэкономического курса в долгосрочной перспективе, одновременно уточняя, что в процессе его разработки недопустимо ориентироваться на приобретение краткосрочных коммерческих выгод (Витте, 1914: 53-55).

Во-первых, в рамках этой модели государство отошло от традиционных подходов к выстраиванию инвестиционной политики с точки зрения кредитования предпринимательских проектов: после длительных дебатов внутри Министерства финансов власти решились делегировать эту функцию частным банкам, развитие сети которых стало одним из стратегических приоритетов государства в долгосрочной перспективе. Участие системы публичной власти в кредитовании бизнес-проектов было ограничено преимущественно сферой внешних займов: при получении российскими компаниями кредитов за рубежом государственное казначейство выступало в качестве института, обеспечивающего исполнение их обязательств (Ельчанинов, 1913: 19; Гольдштейн, 1908). Последнее, с одной стороны, заметно облегчало доступ к займам на европейском рынке кредитования, а с другой – способствовало быстрому увеличению внешней задолженности России (что рассматривалось в качестве допустимого ущерба). Также необходимо отметить, что потенциал привлечения инвестиций за счет выпуска ценных бумаг частных российских компаний был весьма ограничен: их акции чаще всего не торговались на европейских биржах (Гурко, 1902: 43; РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 1437. Л. 72, 74; Ф. 22. Оп. 2. Д. 1439. Л. 49).

В данном случае необходимо пояснить, что на протяжении большей части исследуемого периода в силу дефицита капиталов на российском рынке государство было вынуждено ограничиваться выдачей коммерсантам преимущественно краткосрочных кредитов на период не более 6-ти месяцев. Отсутствие доступных долгосрочных кредитов ощущалось особенно остро по причине того, что большинство даже крупных предприятий не имели достаточного для функционирования в комфортных условиях объема оборотных средств. Несколько нормализовать ситуацию удалось лишь после назначения на пост министра финансов С.Ю. Витте. Последний сумел убедить высшее политическое руководство переместить финансовые средства правительственных департаментов на счета Госбанка, принудить казначейство более чем в 2 раза увеличить размер выплаты по задолженности центральному эмиссионному банку и пролоббировал введение государственной монополии на крепкие алкогольные напитки. Аккумулированный за счет этого объем средств позволил государству перейти к выдаче промышленникам займов на период до трех

лет. Однако и после этого потребность в заимствованиях, в том числе внешних, оставалась достаточно высокой. Именно эти обстоятельства и мотивировали государство максимально содействовать развитию сети частных банков (Шванебах, 1901: 56; Пасхалов, 1911: 41; Пешехонов, 1906: 23).

Политика правительства способствовала интенсивному росту частного сегмента банковского сектора в 1890-х гг. В течение последнего десятилетия XIX в. размер капиталов акционерных банков вырос более чем в 2 раза. При этом их бурный рост наблюдался на фоне общего экономического подъема и интенсификации промышленного развития, что мотивировало банки к увеличению вложений в индустриальные проекты и, как следствие, запускало процесс интеграции банковского и промышленного капитала в рамках единых групп интересов бизнеса (Денисов, 1912: 87; Мышцин, 1906: 54). Так, к концу 1890-х гг. Петербургский учетный и ссудный банк фактически объединял конгломерат из 30-ти промышленных предприятий, зависимых от него в силу существенной задолженности по кредитам. Впрочем, в данном случае необходимо отметить, что процессы слияния банковского и промышленного капитала наблюдались преимущественно в случае отраслей тяжелой промышленности. Важно отметить, что ключевой отраслью российской промышленности являлась текстильная. Так, валовая прибыль текстильных предприятий московского региона более чем в 10 раз превышала аналогичный показатель всех угольных предприятий, действовавших на территории Донбасса (Зайончковский, 1970: 38; Лаверычев, 1967: 56). Благодаря этому текстильные фабриканты могли позволить себе расширять или модернизировать производство за счет собственных средств.

Во-вторых, государство последовательно реализовывало стратегию расширения доступных форм финансовых инструментов. В том числе было масштабировано применение инструментов, активно использовавшихся при выкупе бывших крепостных, а именно банкнот и выкупных свидетельств (своеобразного аналога облигаций государственного займа, выдаваемых бывшим владельцам крепостных под гарантию получения 5 % годовых). Последнее было обусловлено тем, что выкупные свидетельства как ценные бумаги обладали долгосрочным характером (период их действия составлял 49 лет), благодаря чему они обладали высокой привлекательностью на фондовом рынке (Бельгард, 2009: 35; Гольдштейн, 1908: 91).

В то же время необходимо отметить, что аккумулированные в процессе выкупа средства перенаправлялись за счет ценных бумаг в распоряжение акционерных банков, разнообразных сберегательных учреждений и обществ взаимного кредита. Данные средства зачастую не конвертировались в производительный капитал. Последнее во многом стало возможным благодаря созданию множества новых компаний в связи с расширением сети железных дорог. Некоторые из этих компаний использовали спекулятивные схемы, чтобы обогатиться за счет роста интереса делового сообщества к железнодорожному строительству, искусственно создавая ажиотаж на бирже с целью продажи ценных бумаг по завышенной цене (Гурко, 1902: 58).

Отчасти купировать проблему спекулятивного использования финансовых инструментов позволили реформы, предпринятые в период правления Александра III. Воссоздание Дворянского и Крестьянского банков, а также меры по стимулированию кооперации и расширению доступности мелкого кредита отчасти снизили остроту нехватки производственных капиталов в экономике (Гольдштейн, 1908: 101).

В-третьих, с целью увеличения ресурсной базы модернизации власти расширяли масштабы использования акцизного обложения товаров массового спроса, а также решились на такой непопулярный шаг, как использование непропорциональной замены натуральных повинностей денежным налогом (Шванебах, 1901: 61).

В то же время, несмотря на периодически возникавшие в Министерстве финансов дискуссии, власти так и не решились на осуществление налоговой реформы. Ее сущность, согласно консенсусному мнению большинства представителей ведомства, заключалась в крупномасштабном сокращении числа косвенных налогов, сочетающемся с переходом к прямому и подоходному налогообложению подданных и промышленных предприятий. Эта идея традиционно наталкивалась на сопротивление со стороны ближнего окружения как Александра III, так и Николая II, что обуславливалось, в первую очередь, опасениями относительно возможности резкого сокращения доходов казны в среднесрочной перспективе и, как следствие, срыва сроков программ перевооружения армии и флота. Однако сторонникам налоговой реформы удалось добиться реализации отдельных инициатив, таких как отмена соляного акциза, создание механизма переложения части налогового бремени с «недоимочных» крестьян на более зажиточных членов общины. Также в 1898 г. обрел силу закон о промысловом налоге. Благодаря этому в качестве объекта налогообложения стал выступать не сам фабрикант, а его предприятие. В результате выросла степень пропорциональности распределения налогового бремени, а размер доходов казны значительно увеличился (Богданович, 1990: 72; Головин, 2006: 44; Гурко, 2000: 107; Спирин, 1977: 29).

В-четвертых, уже в 1870-х гг. перед властями встала в острой форме проблема торговой экспансии зарубежных компаний. Реализация политики открытого рынка с момента начала великих реформ Александра II способствовала возникновению серьезных проблем со сбытом продукции отечественного производства. Последнее во многом обуславливалось тем, что иностранные компании зачастую использовали возможность свободного доступа на российский рынок продукции по сниженным ценам

(Головин, 1899: 64). В совокупности все это послужило стимулом к переходу от модели внешнеторговой политики к внешнеэкономической, что выражалось, в первую очередь, в системе мер по стимулированию и защите российских компаний на внутреннем и внешнем рынке. Государство прибегло к практике введения договорных и автономных (односторонних) таможенных тарифов. В качестве условного экстремума этой политики можно обозначить введение в 1891 г. наиболее жесткого в Европе таможенного тарифа по инициативе министра финансов И.А. Вышнеградского. В 1893 г. министр финансов был наделен правом при согласовании с главой внешнеполитического ведомства и при одобрении императора повышать размер таможенных ставок, установленных тарифом 1891 г., для товаров, поступающих из стран, отказывающихся предоставлять России наибольшее благоприятствование в торговле (Гучков, 1993: 58; РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 2228. Л. 34, 35).

Пятым стратегическим направлением экономической модернизации России стала трансформация политики ввоза/вывоза капиталов. В целом в рамках исследуемого периода ввоз капиталов преобладал над вывозом. Однако ближе к концу 1880-х – началу 1890-х гг. существенно увеличилась интенсивность вывоза капиталов в Китай, Корею, Персию, Афганистан и Грецию. Впрочем, чаще всего проникновение на внешние рынки осуществлялось совместно с европейскими партнерами. Так, Русско-Китайский банк был создан преимущественно на средства французских соинвесторов, а в организации Русско-Персидского банка большую роль сыграли британские компании (Шепелев, 1987: 46).

Наращивание экспорта капиталов потребовало создания адекватной инфраструктуры, что стимулировало реализацию логистических и транспортных проектов в Закавказье, строительство Транссибирской магистрали и др. Следует подчеркнуть, что решение обозначенных задач стало возможным исключительно благодаря широкому участию государства в проектах крупного бизнеса, реализуемых за рубежом (Витте, 1914: 79).

Шестым стратегическим направлением модернизации российской экономики стало формирование системы поддерживаемых государственным казначейством (через систему долевого участия) государственно-монополистических схем, реализуемых объединениями крупного бизнеса. Создание данных схем было призвано обеспечить высокие темпы оборота средств и сокращение периода окупаемости крупных проектов, в реализации которых было заинтересовано государство. В целом на данном направлении властям удалось добиться ряда серьезных успехов. Однако в то же время государство периодически было вынуждено сталкиваться с негативными социально-экономическими последствиями роста и укрепления монополистических групп. В первую очередь, в этом случае речь идет о негативном влиянии на процесс ценообразования, а также о сокращении доступного покупателям ассортимента продукции российского производства и о вытеснении с рынка кустарей, кооперативных объединений и прочих экономических агентов, не обладающих потенциалом, сопоставимым с ресурсами монополий (Кизеветтер, 2001: 112; Коковцов, 1992: 75).

Седьмым стратегическим направлением модернизации российской экономики стала форсированная индустриализация экономики. Ее суть сводилась к обеспечению преимущественного развития обрабатывающих отраслей с целью удовлетворения внутреннего спроса на соответствующую продукцию и обеспечения торговой экспансии российских компаний, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью, на внешние рынки. Форсированная индустриализация сочеталась с ускоренным ростом концентрации производства. К началу 1890-х гг. крупные предприятия, выпускавшие за год продукцию стоимостью более 100 тыс. рублей, занимали доминирующее положение в восьми отраслях экономики, обеспечивавших выпуск более чем 40 % промышленной продукции в России. В особенности сверхконцентрация была характерна для легкой промышленности – основного сегмента системы индустриального производства в империи (Корелин, Степанов, 1998: 75; Миронов, 2018: 117).

Восьмым направлением экономической модернизации стала стабилизация финансовой системы посредством внедрения золотого рубля. Эта мера позволила избежать дефляционных рисков (проявившихся вследствие роста спроса крупного бизнеса на свободные деньги) и ликвидировать предпосылки для возможного развития инфляции. Одновременно выросла заинтересованность во вложении в российские проекты иностранных инвесторов, получивших возможность вывозить прибыль из России в выгодной для себя форме (даже бумажный рубль можно было обменять в заграничных отделениях Государственного банка и торговых представительствах империи на 0,77 граммов золота) (Витте, 1914: 49, 50).

Реализация обозначенных стратегических направлений модернизации экономики, несмотря на издержки, в целом крайне благоприятно отразилась на состоянии национальной хозяйственной системы. В 1890-х гг. протяженность железнодорожной сети выросла более чем на 22 тыс. километров, что привело к существенному увеличению как внутреннего рынка, так и платежеспособного спроса на промышленную продукцию российского производства. Объем выпуска промышленных изделий в течение последнего десятилетия XIX в. увеличился на 100 %. Начала меняться и структура промышленного производства за счет развития отраслей тяжелой промышленности. Особо показательно то, что к концу исследуемого периода внутреннее

производство металлов покрывало 86 % внутренних потребностей в соответствующей продукции, в то время как в начале 1880-х гг. данный показатель не достигал и 40 % (Корелин, Степанов, 1998: 38).

5. Заключение

В целом можно отметить, что стратегические ориентиры экономической модернизации России в исследуемый период выстраивались в рамках логики создания системы регуляции хозяйственной деятельности коммерческих структур на основе принципа расширенного государственно-частного партнерства. Государство не только формировало институциональную среду и инфраструктурные основы для развития частных деловых инициатив, но и напрямую участвовало в их реализации, в том числе и в рамках привлечения внешних инвестиций. Важнейшими результатами реализации стратегических ориентиров модернизации экономики стали создание системы российских коммерческих банков, тесно связанных с предприятиями тяжелой промышленности, расширение доступа промышленников к долгосрочным кредитам, частичная оптимизация системы налогообложения коммерсантов и большей части потребителей, стабилизация национальной валюты, создание тарифной системы защиты производителей от иностранных конкурентов, формирование благоприятных условий для создания монополистических структур и начала экспорта капиталов в сопредельные государства. Все это способствовало реализации планов форсированной индустриализации российской экономики.

В то же время наличие в стратегии реформ внутренних противоречий способствовало проявлению таких негативных феноменов, как увеличение масштабов биржевых спекуляций (включая грюндерские проекты), рост объема внешней задолженности России, завышенный характер потребительских цен на промышленную продукцию, вытеснение мелких и средних компаний с рынка крупным бизнесом. Результатом этого стало появление новых барьеров, препятствовавших завершению экономической модернизации страны.

Литература

- Ананьич, Ганелин, 2000 – Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
- Бельгард, 2009 – Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009.
- Богданович, 1990 – Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.
- Боханов, 2006 – Боханов А.Н. Последний царь. М., 2006.
- Витте, 1960 – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.
- Витте, 1914 – Витте С.Ю. По поводу непреложности законов государственной жизни. СПб., 1914.
- Головин, 1899 – Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898. СПб., 1899.
- Головин, 2006 – Головин Ф.А. Николай II / Николай Второй. Воспоминания. Дневники. М., 2006. С. 11–25.
- Гольдштейн, 1908 – Гольдштейн И.М. Экономическая политика. М., 1908.
- Грегори, 2003 – Грегори П. Экономический рост Российской империи, (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
- Гурко, 1902 – Гурко В.И. Устой народного хозяйства России. СПб., 1902.
- Гурко, 2000 – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Гучков, 1993 – Гучков А.И. А.И. Гучков рассказывает... М., 1993.
- Денисов, 1912 – Денисов В.И. О желательном направлении финансовой и экономической политики в России. СПб, 1912.
- Ельчанинов, 1913 – Ельчанинов А.Г. Царствование Государя Императора Николая Александровича. СПб. М., 1913.
- Зайончковский, 1970 – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.
- Кизеветтер, 2001 – Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 2001.
- Коковцов, 1992 – Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Т 2. М., 1992.
- Корелин, Степанов, 1998 – Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998.
- Лаверычев, 1967 – Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.
- Мионов, 2018 – Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. I–III. 2 изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
- Мышцин, 1906 – Мышцин В.Н. Политические партии и их идеалы. Свято–Троицкая Сергиева Лавра, 1906.
- Пасхалов, 1911 – Пасхалов К. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения. М., 1911.
- Пешехонов, 1906 – Пешехонов А.В. Экономическая политика самодержавия. СПб., 1906.

- РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Спирин, 1977 – *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977.
 Тихомиров, 1912 – Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России (статьи 1909, 10, 11 гг.). М., 1912.
 Шванебах, 1901 – Шванебах П.Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901.
 Шепелев, 1987 – *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.
 Christian, 1997 – *Christian D.* Imperial and Soviet Russia: Power, privilege and challenge of modernity. N.Y., 1997.
 Gatrell, 1994 – *Gatrell P.* Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914. The last argument of tsarism. Cambridge, 1994.
 Geyer, 1987 – *Geyer D.* Russian Imperialism. The Interaction of domestic and foreign policy. 1860–1914. L., 1987.
 Harcave, 2004 – *Harcave S.* Count Sergei Witte and the Twilight of Imperial Russia. A Biography. N.Y.; L., 2004.
 Mosse, 1996 – *Mosse W.E.* An Economic History of Russia: 1856–1914. N.Y., 1996.
 Owen, 2005 – *Owen T.C.* Dilemmas of Russian Capitalism: Fedor Chizhov and Corporate Enterprise in the Railroad Age. L., 2005.
 Owen, 2002 – *Owen T.C.* The Corporation under Russian Law, 1800 –1917: A Study in Tsarist Economic Policy. Cambridge, 2002.
 Shanin, 1985 – *Shanin T.* Russia as a «Developing Society». Basingstoke; L., 1985.
 Wcislo, 2005 – *Wcislo F.* Rereading Old Texts: Sergei Witte and the industrialization of Russia // Russia in the European Context. 1789–1914. N.Y., 2005.

References

- Anan'ich, Ganelin, 2000 – *Anan'ich, B.V., Ganelin, R.Sh.* (2000). Sergei Yul'evich Vitte i ego vremya [Sergei Yulievich Witte and his time]. SPb. [in Russian]
 Bel'gard, 2009 – *Bel'gard, A.V.* (2009). Vospominaniya [Memories]. M. [in Russian]
 Bogdanovich, 1990 – *Bogdanovich, A.V.* (1990). Tri poslednikh samoderzhtsa. Dnevnik [The last three autocrat. Diary]. M. [in Russian]
 Bokhanov, 2006 – *Bokhanov, A.N.* (2006). Poslednii tsar' [The Last Tsar]. M. [in Russian]
 Christian, 1997 – *Christian, D.* (1997). Imperial and Soviet Russia: Power, privilege and challenge of modernity. N.Y.
 Denisov, 1912 – *Denisov, V.I.* (1912). O zhelatel'nom napravlenii finansovoi i ekonomicheskoi politiki v Rossii [On the Desirable Direction of Financial and Economic Policy in Russia]. SPb. [in Russian]
 El'chaninov, 1913 – *El'chaninov, A.G.* (1913). Tsarstvovanie Gosudarya Imperatora Nikolaya Aleksandrovicha [Reign of Sovereign Emperor Nikolai Alexandrovich]. SPb. M. [in Russian]
 Gatrell, 1994 – *Gatrell, P.* (1994). Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914. The last argument of tsarism. Cambridge.
 Geyer, 1987 – *Geyer, D.* (1987). Russian Imperialism. The Interaction of domestic and foreign policy. 1860–1914. L.
 Gol'dshtein, 1908 – *Gol'dshtein, I.M.* (1908). Ekonomicheskaya politika [Economic policy]. M. [in Russian]
 Golovin, 1899 – *Golovin, K.* (1899). Nasha finansovaya politika i zadachi budushchego. 1887 – 1898 [Our financial policy and tasks of the future. 1887 – 1898]. SPb. [in Russian]
 Golovin, 2006 – *Golovin, F.A.* (2006). Nikolai II. Nikolai Vtoroi. Vospominaniya. Dnevniki [Nicholas II]. M. Pp. 11–25. [in Russian]
 Gregori, 2003 – *Gregori, P.* (2003). Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii, (konets XIX – nachalo XX v.): Noveye podschety i otsenki [Economic Growth of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): New Calculations and Estimates]. M. [in Russian]
 Guchkov, 1993 – *Guchkov, A.I.* (1993) A.I. Guchkov rasskazyvaet... [Guchkov tells...]. M. [in Russian]
 Gurko, 1902 – *Gurko, V.I.* (1902). Ustoi narodnogo khozyaistva Rossii [Foundations of the national economy of Russia]. SPb. [in Russian]
 Gurko, 2000 – *Gurko, V.I.* (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. [in Russian]
 Harcave, 2004 – *Harcave, S.* (2004). Count Sergei Witte and the Twilight of Imperial Russia. A Biography. N.Y.; L.
 Kizeveter, 2001 – *Kizeveter, A.A.* (2001). Na rubezhe dvukh stoletii. Vospominaniya. 1881–1914 [At the turn of two centuries. Memories. 1881–1914]. M. [in Russian]
 Kokovtsov, 1992 – *Kokovtsov, V.N.* (1992). Iz moego proshlogo [From my past]. V. 2. M. [in Russian]
 Korelin, Stepanov, 1998 – *Korelin, A.P., Stepanov, S.A.* (1998). S.Yu. Vitte – finansist, politik, diplomat [S.Yu. Witte – financier, politician, diplomat]. M. [in Russian]

- [Laverychev, 1967](#) – *Laverychev, V.Ya.* (1967). Po tu storonu barrikad. Iz istorii bor'by moskovskoi burzhuzii s revolyutsiei [On the other side of the barricades. From the history of the struggle of the Moscow bourgeoisie against the revolution]. M. [in Russian]
- [Mironov, 2018](#) – *Mironov, B.N.* (2018). Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu. T. I-III. 2 izd., ispr. SPb.: Dmitrij Bulanin. [in Russian]
- [Mosse, 1996](#) – *Mosse, W.E.* (1996). An Economic History of Russia: 1856–1914. N.Y.
- [Myshtsin, 1906](#) – *Myshtsin, V.N.* (1906). Politicheskie partii i ikh idealy. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra [Political parties and their ideals]. Holy Trinity Sergius Lavra. [in Russian]
- [Owen, 2002](#) – *Owen, T.C.* (2002). The Corporation under Russian Law, 1800 –1917: A Study in Tsarist Economic Policy. Cambridge.
- [Owen, 2005](#) – *Owen, T.C.* (2005). Dilemmas of Russian Capitalism: Fedor Chizhov and Corporate Enterprise in the Railroad Age. L.
- [Paskhalov, 1911](#) – *Paskhalov, K.* (1912) Pogreshnosti obnovlennogo 17 oktyabrya 1905 goda Gosudarstvennogo stroya i popytka ikh ustraneniya [Errors of the State system updated on October 17, 1905 and an attempt to eliminate them]. M. [in Russian]
- [Peshekhonov, 1906](#) – *Peshekhonov, A.V.* (1906). Ekonomicheskaya politika samodержaviya [Economic policy of the autocracy]. SPb. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [RGIA – Russian State Historical Archive].
- [Shanin, 1985](#) – *Shanin, T.* (1985). Russia as a «Developing Society». Basingstoke; L.
- [Shepelev, 1987](#) – *Shepelev, L.E.* (1987). Tsarizm i burzhuziia v 1904–1914 gg. [Tsarism and the bourgeoisie in 1904–1914] L. [in Russian]
- [Shvanebakh, 1901](#) – *Shvanebakh, P.Kh.* (1901). Denezhnoe preobrazovanie i narodnoe khozyaistvo [Monetary transformation and the national economy]. SPb. [in Russian]
- [Spirin, 1977](#) – *Spirin, L.M.* (1977) Krushenie pomeshchich'ikh i burzhuznykh partii v Rossii (nachalo XX v. – 1920 g.) [The collapse of the landlord and bourgeois parties in Russia (early XX century – 1920)]. M. [in Russian]
- [Tikhomirov, 1912](#) – *Tikhomirov, L.A.* (1912). K reforme obnovlennoi Rossii (stat'i 1909, 10, 11 gg.) [Toward the Reform of a Renewed Russia (Articles 1909, 10, 11)]. M. [in Russian]
- [Vitte, 1914](#) – Vitte, S.Yu. (1914). Po povodu neprelozhnosti zakonov gosudarstvennoi zhizni [Regarding the immutability of the laws of state life]. SPb. [in Russian]
- [Vitte, 1960](#) – *Vitte, S.Yu.* (1960). Vospominaniya [Memories]. V. 3. M. [in Russian]
- [Wcislo, 2005](#) – *Wcislo, F.* (2005) Rereading Old Texts: Sergei Witte and the industrialization of Russia. Russia in the European Context. 1789–1914. N.Y.
- [Zaionchkovskii, 1970](#) – *Zaionchkovskii, P.A.* (1970). Rossiiskoe samodержavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M., 444 p. [in Russian]

Экономическая модернизация России в конце XIX века: стратегические ориентиры и внутренние противоречия

Виктор Валериевич Титов ^{a, *}, Константин Николаевич Бабичев ^b

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^b Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Представленное исследование посвящено изучению стратегических ориентиров экономической модернизации России в конце XIX века в контексте выбора направлений реформ и внутренних противоречий их реализации. Методология работы выстроена за счет комбинирования элементов синхронного, диахронного и структурного анализа. Источниковая база работы включает в себя комплекс документов личного происхождения и ранее неопубликованных делопроизводственных материалов центральных учреждений Министерства финансов Российской империи по части торговли и промышленности. Автор приходит к выводу о том, что в конце XIX века стратегия экономической модернизации России выстраивалась в соответствии с целью формирования системы регуляции хозяйственной деятельности коммерческих структур на основе принципа расширенного государственно-частного партнерства. Власти, с одной стороны, формировали институциональную среду и инфраструктурные основы для развития частных бизнес-инициатив, а с другой – принимали прямое участие в реализации флагманских проектов, в том числе в порядке привлечения внешних инвестиций. В качестве основных результатов реализации стратегических ориентиров модернизации экономики можно указать формирование системы национальных коммерческих банков, расширение доступа фабрикантов к долгосрочным кредитам,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: titov-msu@mail.ru (В.В. Титов), babichevk@list.ru (К.Н. Бабичев)

частичную оптимизацию системы налогообложения, стабилизацию национальной валюты за счет введения золотого рубля, создание тарифной системы защиты производителей от зарубежных конкурентов, формирование благоприятных условий для создания монополистических структур и начала экспорта капиталов в сопредельные государства. Все это способствовало реализации планов форсированной индустриализации российской экономики. Однако внутренние противоречия стратегии реформ способствовали увеличению масштабов биржевых спекуляций (включая грюндерские проекты), существенному росту объема внешней задолженности России, значительному увеличению потребительских цен на промышленную продукцию, вытеснению мелких и средних компаний с рынка крупным бизнесом, что создавало новые препятствия для завершения экономической модернизации России.

Ключевые слова: экономическая модернизация, стратегические ориентиры, промышленность, торговля, налоги, тарифы, капитал.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 426-432
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.426

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

V.V. Barthold's Scientific Strategy as a Component of Intellectual Culture

Gulnazia T. Zhakupova ^a, Bagashar B. Kozhahmetov ^{a,*}, Moldakhmet S. Myrzabekov ^b, Kamshat M. Rustem ^c

^a Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Kazakh National Women's Teacher Training University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^c Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

Today, the relationship between epistemology and history is an important problem in various aspects, both as an enrichment of research practice and as a pedagogical resource. The individual scientific experience of historians is a unique historiographical information. The methodological synthesis of the researcher makes it possible to cognize the subjective reality contained in the sources and reveals the nature of historical consciousness.

In the context of the history of historical knowledge, V.V. Barthold's scientific legacy is presented as an example of a scientific strategy based on a strict logical analysis and verification of data from a complex of historical sources. The purpose of the article is to analyze the research strategy of V.V. Barthold, one of the founders of the school of Oriental Studies on the history of Central Asia. The research materials are the works of V.V. Barthold. The result is to update the methodology of the subject of scientific knowledge V.V. Barthold in the modern system of scientific knowledge as part of intellectual culture.

Keywords: scientific worldview, intellectual culture, methodology, strategy of scientific research, historical epistemology, methods of source studies, scientific result.

1. Введение

Сегодня перед исследователями встают новые задачи о расширении, углублении, дополнении знаний, а также о пересмотре устоявшихся взглядов по отдельным проблемам исторической науки. В этом контексте вполне объяснимой оказывается главная роль научной стратегии В.В. Бартольда восточной историологии. Историческая эпистемология – базовый принцип исторического познания В.В. Бартольда, во многом зависящий от концептуального подхода, исследовательского диапазона, масштабного видения проблем, широкой культурной ориентации, отсутствия идеологических и методологических крайностей. Его исследовательская стратегия приводит к научному результату, который репрезентирует историческую динамику, раскрывая ее уникальность и особенность в изучении истории Азии. Актуальность обращения к данной теме связана с тем, что научное мировоззрение В.В. Бартольда является аналитической единицей оценки его научных достижений, поэтому данный тип анализа подтверждает главную закономерность историографии – преемственность.

2. Материалы и методы

Данное исследование основано на методологических установках, определенных рядом ученых. Труд Л.П. Репиной «Историографическая революция и теоретические поиски на рубеже веков» позволяет проводить успешное научное обоснование при исследовании научной стратегии В.В. Бартольда, а именно при определении методики организации эффективного научного мышления и механизмов критической оценки источниковедческой базы. Данный автор в статье

* Corresponding author

E-mail addresses: bagashar0909@gmail.com (B.B. Kozhahmetov), kamshat_hist@mail.ru (K.M. Rustem)

«Историко-историографическое исследование контекста современной интеллектуальной культуры» определяет аспекты анализа научной практики: «концепции разработки; исследовательские стратегии; познавательные процедуры; организационные схемы; научные результаты» (Репина, 2011: 21). Используются теоретические положения исследования А.П. Огурцова «Философия науки. Двадцатый век: концепции и проблемы». Важными являются изыскания В.И. Вернадского в отношении научного мировоззрения и исследование «Историк в поисках новых перспектив» под общей редакцией З.А. Чеканцевой. Из данной коллективной монографии в статье использовались выводы главы «История историков и эпистемология в историческом познании». Исследование построено на системном, феноменологическом подходе и логическом анализе. Все это позволяет определить научную стратегию В.В. Бартольда как часть интеллектуальной культуры.

3. Обсуждение

Научный дискурс, на котором основано исследование, рассматривается в двух аспектах: интеллектуальной истории; оценке научного вклада автора в изучении проблем истории Азии.

Важным является изучение исследовательского процесса, достоверности научного знания и способов его репрезентации, где учитываются субъективность историка. Значимой в историографической практике считается эпистемологически ориентированная историография (Историки в поисках..., 2019: 25). А.П. Огурцов верно отмечает, что в процессе когнитивной деятельности научная истина зависит от методов исследования (Огурцов, 2011: 17). В.И. Вернадский считает ключевым в научном познании это отношение ученого к окружающему миру и знание актуальных теорий и принципов научного искания (Вернадский, 1981: 43). «Приоритетное значение в историописании приобретают способы производства исторического знания, осмысление роли историка в этом процессе, анализ того, как он работает, посредством каких процедур, исследовательских стратегий и практик достигается научный результат» (Историки в поисках..., 2019: 7).

Л.П. Репина считает, что интеллектуальная история является частью целостной интеллектуальной системы, и при исследовании необходимо понимать процесс «исторического сознания и исторической культуры, стиля исторического мышления и историописания, средств и форм научного исследования – в общем контексте духовной культуры, социально-политических, организационных, и информационно-идеологических условий конкретной эпохи» (Репина, 2011: 22).

Необходимо учитывать факт, что в конце XIX века происходит формирование научного мировоззрения и направления творчества В.В. Бартольда. И в этом отношении важным является мнение Георг Герсон Иггера, который отмечает: «в истории девятнадцатого века, отмечается тенденция профессионализации ...в научном смысле опора на критический анализ источников, приводит к дистанцированию от непрофессиональных историков-любителей» (Iggers, 2015: 72-77). Верно утверждение Адриан Уилсон о том, что «историческое исследование научных канонов дает плодотворный синтез для развития науки» (Wilson, 2012: 108-109, 112).

В отношении оценки научных результатов В.В. Бартольда важным является ряд мнений ученых С.Г. Кляшторного и В.А. Ромодина. Данные авторы в его деятельности выявляют взаимосвязь русского и советского востоковедения и два периода интенсивной разработки истории тюркских народов (1892–1899 и 1925–1930 гг.) (Кляшторный, Ромодин, 1970). Они также характеризуют природу исторического знания В.В. Бартольда по периодам его творчества: на начальном этапе автор исследует ряд важных проблем по истории огузов, караханидов; изучает большое количество разных типов источников, выявляет и оценивает исторические факты (Кляшторный, Ромодин, 1970: 148); второй период его научной деятельности связан с разработкой истории республик Центральной Азии и организацией в этих регионах научно-исследовательской работы (Кляшторный, Ромодин, 1970: 150-153).

Многозначительно мнение академика И.Ю. Крачковского о процессе научного исследования В.В. Бартольда, а именно он подчеркивает его умение искать и использовать новые источники, а также извлекать детали исторической действительности в ранее изученных материалах другими исследователями (Бартольд, 1973: 5).

Исследование научного вклада В.В. Бартольда начинается в 20-30-е годы XX века. Ученые в своих трудах оценивают его научные достижения в профессиональном изучении следующих аспектов: исследование истории и культуры регионов Центральной Азии; проблемы социальной истории народа по истории Востока; научно-биографические очерки и эпистолярное наследие ученого. Исследования бартольдоведов в историографии занимают важное место и основаны на архивных материалах и на информации соратников. Они дают оценку научного творчества В.В. Бартольда и его вклада в мировое и региональное востоковедение. И.Ю. Крачковский подчеркивает значительную роль В.В. Бартольда в исследовании раннесредневековой истории Центральной Азии (Бартольд, 1968: 428). Б.В. Лунин справедливо отмечает, что его работы своим фактическим материалом, новизной исследования, профессиональным анализом и обобщением внесли существенный вклад в развитие мирового востоковедения (Лунин, 1981: 58).

В XXI веке интерес к исследованиям В. В. Бартольда также остается достаточно высоким. Опыт ученого для молодых исследователей является классическим примером «научного обоснования понятийного мышления для того, чтобы изучить научную работу в качестве субъекта» (Winkler, 2014:

66) в историографическом контексте. Рольф Торстендаль утверждает: «имеются профессионалы, которые рассматриваются как полностью компетентным историками академического сообщества» (Torstendahl, 2015: 122). К таким мы, несомненно, относим Василия Владимировича Бартольда. Он считается создателем туркестановедения (Джандосова, 2020: 78). Его научное наследие составило 512 различных изысканий (Ананьев, Бухарин, 2021: 105). Почти ежегодно публикуются исследования ученых Центральной Азии по оценке научного вклада В.В. Бартольда.

4. Результаты

На формирование научного мировоззрения В.В. Бартольда оказало огромное влияние образование. Научные традиции Петербургского университета способствовали развитию методологии источниковедения и сформировали научное мировоззрение целого поколения ученых. Об уровне подготовки научных кадров в данном университете говорят многие ученые. Например, В.Г. Василевский говорит о том, что у ученых того поколения развивали «аналитико-критический метод, попеременно обращаясь к источниковедению, историографии и критическому воспроизведению факта, анализу элементов явления и только, в конце концов, к формулировке обобщенного заключения» (Валк, 2000: 36). Того же мнения придерживался В.Р. Розен, который был научным руководителем В.В. Бартольда. Мнение В.И. Вернадского относится к научному творчеству В.В. Бартольда: «Ученый же, который, несмотря на все трудности, отстаивает те идеи, которые считает истинными, достоин самого глубокого уважения. Он является живым примером научного мировоззрения» (Вернадский, 1981: 43).

Научная стратегия В.В. Бартольда «связана не только с субъективными установками историков, но с природой исторического познания. Стержнем его является производство интерпретаций» (Историки в поисках ..., 2019: 15). Правильно отмечает С. Бехан МакКаллах: существует несколько подходов к объяснению исторических событий, где используются причинно-следственные, герменевтические, структурные и повествовательные модели (McCullagh, 2015: 12).

В своих исследованиях В.В. Бартольд исходит из концепции источниковедения как целостного и систематического учения. При анализе его познавательных процедур можно четко определить последовательность процессов источниковедческого исследования. Базовая научная установка ученого – это изучение истории Востока в контексте всемирной истории. Его главным потенциалом также является лингвистическая подготовка, которая способствовала переводу источников. В то же время основными теоретическими положениями, которые прослеживаются во всей научной деятельности В.В. Бартольда, явились следующие утверждения: взаимовлияние основ познания гуманитарной сферы по проблемам исследования истории Азии и Европы и важность изучения востока для понимания всемирной истории (Бартольд, 1977: 238). Интересным является определение требования В.В. Бартольда в отношении научного знания: «Признание закона причинности и установление причинной связи между отдельными фактами. Систематическое расположение фактов в зависимости от выяснившейся причиной связи между ними. Установление объективных признаков достоверности фактов, вошедших в систему» (Бартольд, 1977: 207). Основой его работы с историческими источниками считается «установление объективных признаков достоверности факта необходимо для того, чтобы дать науке ту основу, без которой выводы ученых остаются только личным мнением, не имеющих никакой обязательной силы для других» (Бартольд, 1977: 207).

Научная стратегия В.В. Бартольда по отношению к исторической критике является основополагающей. Он отмечает следующее: «нет другого пути к выяснению причинной связи событий, как путь критического изучения, без предвзятых идей, самих фактов» (Бартольд, 1977: 207). Среди приемов критики источников ключевым является прием сравнительного изучения их разных типов (Бартольд, 1977: 223). Способы их словесного выражения до такой степени разнообразны, что изложение одного события в двух рассказах неопровержимо доказывает зависимость одного рассказа от другого или зависимость обоих от общего источника (Бартольд, 1977: 223).

Для современных исследователей важным является, что Василий Владимирович подчеркивал следующее: «никакие теоретические обобщения и концепции не могут иметь научного значения, если они не основаны на твердой базе анализа фактов, добытых в результате тщательного изучения источников» (Бартольд, 1963: 31).

Методика анализа исторических источников у Василия Владимировича представляет следующую последовательность: анализ рукописи он начинал с указания информации об авторе, а если автор не указан, то устанавливал его, сопоставляя ряд фактов. Обращал внимание при анализе источников на специфику исторической эпохи; затем указывал, на основе каких источников написана рукопись, сравнивал исторические данные этого источника с информацией ранних сочинений, устанавливал ход событий, даты, произношение личных и географических имен. При историографическом анализе автор отмечал тенденции развития географической литературы X-XI веков, что предполагало непосредственное наблюдение нравов народов, собирание и приведение в систему накопившегося научного материала (Бартольд, 1977: 103).

В.В. Бартольда выявлял искажения при переписывании первоисточника, устанавливал подлинность, существование копий и оригиналов. «Транскрипция исторических документов является

одним из самых важных задач. От данного вида работы зависит, будет ли в рукописный текст признан и может быть применен в гуманитарных исследованиях» (Alabau et al., 2014: 198). Также он выделял особенное и существенное в источниках, раскрывал в них новое и то, что отличало компиляцию от предшествующих или современных трудов; критиковал переводы исторических рукописей некоторых западноевропейских ученых и делал свои переводы; сравнивал экземпляры рукописей, которые хранятся в западноевропейских научных центрах и в России.

Василий Владимирович уделял внимание такой важной стороне источниковедческой работы, как описание рукописей, а также издавал и готовил их к изданию в выпуске специальной серии «Тексты». Им опубликованы обширные извлечения из произведений 23-х арабских авторов. Кроме того, он часто говорил о том, что попытки выяснить основы исторического построения предшествовали установлению требований исторической критики. Позже им было признано значение археологии и других вспомогательных наук, связанных с источниковедением.

В научной стратегии В.В. Бартольда по историографическому анализу демонстрируется развитие научной информации по тому или иному историческому источнику. Автор использовал исследования зарубежных источниковедческих школ, проводил критический анализ введенной в научный оборот исторической литературы в работах зарубежных авторов. При этом высказывал свою точку зрения и устанавливал проблемы, которые возникали при недостаточном знании истории Средней Азии у ряда ученых (Н. Илайес, Э. Блош). Определял научное значение исторического источника как в историко-географическом, так и в культурно-историческом отношении и указывал, какие исторические проблемы можно изучать на их основе.

В.В. Бартольд постоянно работал с зарубежными исследователями, в том числе с немецкими историческими школами, которые заложили основы исторической критики источников. Вольфганг Хардтвиг отмечал, что «систематическая работа с источниками подчеркивает важность эмпиризма, и теоретических положений и исторической практики, что индивидуальные события или факты можно интерпретировать только в окружающем контексте» (Hardtwig, 2015: 290). Н. Земон Дэвис отмечал: «децентрирующий историк не раскрывает прошлое с какой-то выгодной позиции, а расширяет свое поле наблюдения в социальном географическом плане и вводит в свое изложение множество голосов» (Davis, 2011: 188-202).

Целостная научная стратегия В.В. Бартольда ярко выразилась при написании классического труда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Данное исследование является ценнейшим вкладом в историческую науку. Автор дает образец критического источниковедческого анализа, раскрывает особенности исторических источников, закладывает фундамент научного изучения истории Средней Азии во всех ее аспектах, раскрывает роль источников по данной проблеме, а именно арабских, персидских, тюркских, нумизматических материалов и т. д. В.В. Бартольда ввел в научный оборот широкий круг источников по данному периоду истории. Значимым направлением его деятельности является следующее: выявление рукописей; определение первоисточников; проведение сравнительного и текстологического анализа. Предварительная работа с историческими источниками способствовала добыванию фактического материала для написания данного исторического труда и определила перспективные научные направления по истории Средней Азии.

Монография В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» выступает как база формирования исторического сознания, и в ней выразилась в полной мере его научная стратегия. Для молодого поколения историков, анализирующих исторические документы, большое значение имеет вводная часть, называемая «Источники». В разделе введения, которое называется «Пособия», В.В. Бартольд, проводя анализ литературы по истории тюркских и монгольских племен, отмечает сильные и слабые стороны в исследованиях ученых. Впервые общий обзор истории тюркских и монгольских племен провели следующие ученые: Дегинь исследовал историю восточной части Средней Азии на основе китайских и некоторых компилятивных мусульманских источников; Барон д'Оссон подробно подверг анализу мусульманские первоисточники, и причиной его обращения к данным материалам является понимание исторической реальности XIII-XIV веков. При работе автор показал свою эрудицию и осторожность в выводах. А. Мюллер воспользовался только арабскими изданными источниками, для которых характерна односторонность (Бартольд, 1963: 112).

При рассмотрении данных разделов можно констатировать сравнение информации нескольких исторических и историографических источников. В исторических документах «исследуемые события образуют непрерывный ряд, каждый из них интегрирован и дополнен другим. Напрямую исторические события невозможно понять, а через исторические свидетельства, которые могут быть получены из критики текстов, можно» (Dhuwaib, 2013: 283).

В.В. Бартольд дает положительную оценку труду арабского автора Ибн ал-Асира, который добросовестно с большой долей критики собрал сочинения по периоду до мусульманского завоевания Средней Азии (Бартольд, 1963: 46). Работа данного автора предоставляет важную информацию для исследования идей исторических деятелей.

Итак, научная стратегия В.В. Бартольда считается базовым подходом, который позволяет конкретизировать средство исторического мышления, исследовательской практики историка. Поэтому верна следующая точка зрения: «Эпистемология историка как раз и проявляется в таком

дискурсивном, рефлексивном отношении историков к историческому познанию» (*Историки в поисках...*, 2019: 23).

5. Заключение

Научная стратегия В.В. Бартольда является целостной и актуальной. Исследовательская практика основана на аналитических процедурах и логико-методологическом анализе обоснования научного исторического знания и рассуждения. Историческое знание данного автора базируется на понимании и исследовании исторической действительности при помощи источниковедческих и историографических методов. Поэтому его научная стратегия определяет репрезентативность источниковой базы и исторического знания, раскрывает профессиональное владение методикой научного анализа. Прекрасная филологическая и методологическая подготовка В.В. Бартольда оказала большое влияние на формирование его научного мировоззрения. Он исследовал памятники Средней Азии, археологические находки, географическую и этнографическую литературу.

Исходя из этого, мы можем отметить, что в научной стратегии ученого отчетливо выявляется теоретическое осмысление и практическое использование исторических и историографических источников. Использование научного знания других дисциплин является характерной и важной чертой исследователя при изучении сложных проблем истории Средней Азии.

Кроме того, В.В. Бартольд при реконструкции исторической действительности по историческим источникам использовал метод восполнения пробелов в историческом знании по сохранившимся объектам. В.В. Бартольд ввел в научный оборот разные типы источников по истории Средней Азии, создал фундаментальную научную историю данного региона периода средневековья.

Научная стратегия В.В. Бартольда не потеряла своей актуальности как по существу поднятых вопросов, так и по качеству когнитивного потенциала. Репрезентация исторической действительности, основанной на комплексе источников, представлена в методологической концепции автора на основе принципа единства и многообразия.

Сегодня научные изыскания В.В. Бартольда актуальны как по существу поднятых вопросов, так и по методике их изучения. Его научные труды являются важнейшими пособиями для исследователей, изучающих средневековую историю.

Литература

[Ананьев, Бухарин, 2021](#) – *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* Российское востоковедение в переписке С.Ф. Ольденбурга и В. В. Бартольда // *Вестник Пермского университета. История.* 2021. № 1(52). С. 104-112.

[Бартольд, 1963](#) – *Бартольд В.В.* Сочинения. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Москва: Восточная литература, 1963. Т. I. 760 с.

[Бартольд, 1968](#) – *Бартольд В.В.* Сочинения. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Москва: Наука, 1968. Т. V. 757 с.

[Бартольд, 1973](#) – *Бартольд В.В.* Сочинения. Работы по источниковедению. Москва: Наука, 1973. Т. VIII. 723 с.

[Бартольд, 1977](#) – *Бартольд В.В.* Сочинения. Работы по истории востоковедения. Москва: Наука, 1977. Т. IX. 966 с.

[Валк, 2000](#) – *Валк С.Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. Сост.: В.Н. Гинев и др. СПб.: Наука, 2000. 662 с.

[Вернадский, 1981](#) – *Вернадский В.И.* Избранные труды по истории науки. Москва: АН СССР, 1981. 360 с.

[Джандосова, 2020](#) – *Джандосова З.* К 80-летию юбилею доктора исторических наук, профессора Турсуна Икрамовича Султанов // *Turkic Studies Journal.* 2020. Т. 2. № 4. С. 76-85.

[Историки в поисках...](#), 2019 – *Историки в поисках новых перспектив.* Коллективная монография / Под общей редакцией З.А. Чеканцевой. Москва: Аквилон, 2019. 416 с.

[Кляшторный, Ромодин, 1970](#) – *Кляшторный С.Г., Ромодин В.А.* Изучение истории тюркских народов в АН СССР / *Тюркологический сборник 1970.* Редакционная коллегия: А.Н. Кононов (ответственный редактор), С.Г. Кляшторный, Ю.А. Петросян, С.С. Цельникер. Москва: Наука, ГРВЛ, 1970. С. 148-162.

[Лунин, 1981](#) – *Лунин Б.В.* Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент: Фан, 1981. 223 с.

[Огурцов, 2011](#) – *Огурцов А.П.* Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы. В 3 частях. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. Часть 1. 502 с.

[Репина, 2011](#) – *Репина Л.П.* Историко-историографическое исследования контексте современной интеллектуальной культуры / *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей* / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 21-35.

Alabau et al., 2014 – Alabau V., Martínez-Hinarejos C.-D., Romero V., Lagarda A.-L. An iterative multimodal framework for the transcription of handwritten historical documents. *Pattern Recognition Letters*. 2014. Vol. 35. Pp. 195-203.

Davis, 2011 – Davis N.Z. Decentering History: Local Stories and Cultural Crossings in a Global World. *History and Theory*. 2011. Vol. 50. № 2. Pp. 188-202.

Dhuwaib, 2013 – Dhuwaib J. References Methodology in Teaching History. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 89. Pp. 283-287.

Hardtwig, 2015 – Hardtwig W. Ranke, Leopold von (1795–1886). In: International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition), 2015. Pp. 290-292.

Iggers, 2015 – Iggers G.G. Historical Thought and Historiography: Modern History (Since the 18th Century) – the West. In: International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition), 2015. Pp. 72-77.

McCullagh, 2015 – McCullagh C.B. Historical Explanation, Theories of: Philosophical Aspects. In: International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition), 2015. Pp. 10-16.

Torstendahl, 2015 – Torstendahl R. History, Professionalization of. In: International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition), 2015. P. 120-124.

Wilson, 2012 – Wilson A. What is a text? *Studies in History and Philosophy of Science Part A*. 2012. Vol. 43, Issue 2. P. 341-358.

Winkler, 2014 – Winkler R.-L. Vladimir Ivanovich Vernadsky – An outstanding historian of science and a pioneer of “the science of science”. *Journal of Geochemical Exploration*. 2014. Vol. 147. Pp. 65-68.

References

Alabau et al., 2014 – Alabau, V., Martínez-Hinarejos, C.-D., Romero, V., Lagarda, A.-L. (2014). An iterative multimodal framework for the transcription of handwritten historical documents. *Pattern Recognition Letters*. 35: 195-203.

Anan'ev, Bukharin, 2021 – Anan'ev V.G., Bukharin M.D. (2021). Rossiiskoe vostokovedenie v perepiske S.F. Ol'denburga i V.V. Bartol'da [Russian Oriental Studies in the correspondence of S.F. Oldenburg and V.V. Barthold]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 1(52): 104-112. [in Russian]

Barthold, 1963 – Barthold, V.V. (1963). Sochineniya. Turkestan v ehpokhu mongolsko nashestvie [Works. Turkestan in the era of the Mongolian invasion]. Moskva: Oriental literature Press. Vol. I. 760 p. [in Russian]

Barthold, 1968 – Barthold, V.V. (1968). Sochineniya. Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov [Works. Works on history and philology of the Turkic and Mongolian peoples]. Moskva: Science Press. Vol. V. 757 p. [in Russian]

Barthold, 1973 – Barthold, V.V. (1973). Sochineniya. Raboty po istochnikovedeniyu [Works. Works for source studies]. Moskva: Science Press. Vol. VIII. 723 p. [in Russian]

Barthold, 1977 – Barthold, V.V. (1977). Sochineniya. Raboty po istorii vostokovedeniya [Works. Works for the history of Oriental studies]. Moskva: Science Press. Vol. IX. 966 p. [in Russian]

Davis, 2011 – Davis, N.Z. (2011). Decentering History: Local Stories and Cultural Crossings in a Global World. *History and Theory*. 50(2): 188-202.

Dhuwaib, 2013 – Dhuwaib, J. (2013). References Methodology in Teaching History. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 89: 283-287.

Dzhandosova, 2020 – Dzhandosova, Z. (2020). K 80-letnemu yubileyu doktora istoricheskikh nauk, professora Tursuna Ikramovicha Sultanov [To the 80th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Tursun Ikramovich Sultanov]. *Turkic Studies Journal*. 2(4): 76-85. [in Russian]

Hardtwig, 2015 – Hardtwig, W. (2015). Ranke, Leopold von (1795–1886). In: International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). Pp. 290-292.

Iggers, 2015 – Iggers, G.G. (2015). Historical Thought and Historiography: Modern History (Since the 18th Century) – the West. In: International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). Pp. 72-77.

Istoriki v poiskakh..., 2019 – Istoriki v poiskakh novykh perspektiv. Kollektivnaya monografiya [Historians in search of new perspectives]. Pod obshechei redaktsiei Z.A. Chekantsevoi. Moskva: Aquilon Press. 416 p. [in Russian]

Klyashtornyi, Romodin, 1970 – Klyashtornyi, S.G., Romodin, V.A. (1970). Izuchenie istorii tyurkskikh narodov v AN SSSR [The study of the history of the Turkic peoples in the USSR Academy of Sciences]. Tyurkologicheskii sbornik 1970. Redaktsionnaya kollegiya: A.N. Kononov (otvetstvennyi redaktor), S.G. Klyashtornyi, Yu.A. Petrosyan, S.S. Tsel'niker. Moskva: Nauka, GRVL. Pp. 148-162. [in Russian]

Lunin, 1981 – Lunin, B.V. (1981). Zhizn' i deyatelnost' akademika V.V. Bartol'da: Srednyaya Aziya v otechestvennom vostokovedenii [The life and work of Academician V.V. Barthold: Central Asia in national oriental studies]. Tashkent: Fan Press. 223 p. [in Russian]

McCullagh, 2015 – McCullagh, C.B. (2015). Historical Explanation, Theories of: Philosophical Aspects. In: International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). Pp. 10-16.

Ogurtsov, 2011 – *Ogurtsov A.P.* (2011). *Filosofiya nauki: dvadtsatyi vek. Kontseptsii i problemy. V 3 chastyakh* [Philosophy of Science: the twentieth century. Concepts and problems. In 3 parts]. SPb.: Izd. dom «Mip'», 2011. Chast' 1. 502 p. [in Russian]

Repina, 2011 – *Repina, L.P.* (2011). *Istoriko-istoriograficheskoe issledovaniya kontekste sovremennoi intellektual'noi kul'tury* [Historical and historiographical research in the context of modern intellectual culture]. *Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noi i mirovoi kul'tury XVIII–XXI vekov: sbornik statei*. Pod red. N.N. Alebras, N.V. Grishinoy, Yu.V. Krasnovoy. Chelyabinsk: Entsiklopediya. Pp. 21-35. [in Russian]

Torstendahl, 2015 – *Torstendahl, R.* (2015). *History, Professionalization of*. In: *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. Pp. 120-124.

Valk, 2000 – *Valk, S.N.* (2000). *Izbrannye trudy po istoriografii i istochnikovedeniyu: Nauchnoe nasledie*. Sost.: V.N. Ginev i dr. [Selected works on historiography and Source Studies: Scientific Heritage]. Sost.: V.N. Ginev i dr. SPb.: Nauka. 662 p. [in Russian]

Vernadskii, 1981 – *Vernadskii, V.I.* (1981). *Izbrannye trudy po istorii nauki* [Selected works on the history of science]. Moskva: Academy of Sciences of the USSR Press. 360 p. [in Russian]

Wilson, 2012 – *Wilson A.* (2012). *What is a text? Studies in History and Philosophy of Science Part A*. 43(2): 341-358.

Winkler, 2014 – *Winkler, R.-L.* (2014). *Vladimir Ivanovich Vernadsky – An outstanding historian of science and a pioneer of “the science of science”*. *Journal of Geochemical Exploration*. 147: 65-68.

Научная стратегия В.В. Бартольда как составляющая часть интеллектуальной культуры

Гульназия Толгаевна Жакупова ^a, Багашар Болатович Кожаметов ^{a, *},
Молдахмет Сейдахметович Мырзабеков ^b, Камшат Молданкызы Рустем ^c

^a Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^b Казахский национальный женский педагогический университет, Алматы, Республика Казахстан

^c Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Сегодня соотношение эпистемологии и истории является важной проблемой в различных аспектах исследовательской практики. Индивидуальный научный опыт историков является уникальной историографической информацией. Методологический синтез исследователя дает возможность познания субъективной реальности, заключенной в источниках, и раскрывает природу исторического сознания.

В контексте исторического знания наследие В.В. Бартольда представляется как образец научной стратегии, основанной на строгом логическом анализе и верификации данных комплекса исторических источников. Цель статьи – проанализировать стратегию исследования В.В. Бартольда, одного из основателей школы востоковедения по истории Центральной Азии. Достижения научного знания В.В. Бартольда оказывают огромное влияние на историю Азии.

Ключевые слова: научное мировоззрение, интеллектуальная культура, методология, стратегия научного исследования, историческая эпистемология, методы источниковедения, научный результат.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bagashar0909@gmail.com (Б.Б. Кожаметов),
kamshat_hist@mail.ru (К.М. Рустем)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 433-441
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.433

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“America Amazed Me – It’s Siberia in 1000 years”: N.M. Yadrintsev’s Trip to the United States of America in 1893

Vyacheslav A. Dolzhikov ^a, Aleksandr V. Golovinov ^{a,*}, Konstantin A. Ishekov ^{b,c}, Yulia V. Golovinova ^d

^aAltai State University, Barnaul, Russian Federation

^bPlekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^cMoscow University for Industry and Finance «Synergy», Moscow, Russian Federation

^dAltai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

The proposed study aims to reconstruct a little-studied fragment of the biography of the educator and public figure, leader of the regionalist movement – Nikolai Mikhailovich Yadrintsev, associated with his trip to the United States of America in 1893.

Based on published sources, as well as with the involvement of archival material found in the funds of the National Library of Russia, an attempt is made to show what significance the visit to the American continent had for the worldview and professional activities of the famous Siberian.

The work is based on the epistemological potential of the “new social history”, which is aimed at understanding the past of individual social groups and significant personalities in history. The involvement of the cognitive tactics of the “new social history” can really contribute to the reconstruction of little-studied fragments in the extraordinary life of the Siberian educator.

The authors emphasize that the experience of development and methods of colonization policy on the American continent captured and aroused genuine interest in Nikolai Mikhailovich Yadrintsev. This narrative was typical for all representatives of the Siberian regionalists movement, whose leader was the educator.

The study established that impressions from what he saw with his own eyes in the USA should have become a significant help in statistical studies of future expeditions to Altai. N.M. Yadrintsev was always interested in the mechanism of improving the methodology of scientific and technical design of data on colonization processes. American impressions, therefore, could have had a generally positive effect on the educator’s further study of the problems of the policy of developing the Russian Altai.

Keywords: N.M. Yadrintsev, colonization policy, World’s Fair in Chicago in 1893, Siberia, modernization, Siberian regionalism, America.

1. Введение

Незаурядная жизнь просветителя, общественного деятеля, лидера движения сибирских областников – Николая Михайловича Ядринцева была наполнена многообразием событий. Одним из ярких фрагментов творческого пути выдающегося сибиряка можно считать 1893 г. В это время общественный деятель волею судеб посетил Соединенные Штаты Америки. Долгожданная поездка была связана с всемирной выставкой в г. Чикаго. С весны по самую осень 1893 г. бизнесмены, люди науки и просто туристы со всех уголков мира стекались на промышленную и художественную мировую выставку. Это было явление грандиозного масштаба. Характерно, что к моменту проведения и организации мероприятия исполнялась знаменательная дата – 400 лет со дня открытия Америки

* Corresponding author

E-mail addresses: alex-golovinov@mail.ru (A.V. Golovinov)

Христофором Колумбом. Именно поэтому выставка носила имя великого путешественника – World's Columbian Exposition.

Локализация события тоже не была случайностью. К тому времени Чикаго достиг поистине впечатляющего промышленного развития. В итоге в столице Иллинойса побывали представители 24 американских штатов, 50 иностранных государств и 37 колоний (Макотина, 2014: 128). В числе делегатов числился публицист-сибиряк Н.М. Ядринцев. Однако эта веха жизни общественного деятеля до сих пор слабо освещена в научном дискурсе. Потому обращение к искомой теме видится актуальным в познавательном смысле.

2. Материалы и методы

На основе анализа опубликованных источников – публицистических произведений и эпистолярных материалов, а также выявленных архивных материалов, хранящихся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Москва, Российская Федерация) (Фонд А.Н. Пыпина), будет осуществлена попытка показать, какое значение имела поездка в Чикаго для сибирского общественного деятеля.

Гносеологическая основа исследования предполагает использовать концепцию «новой социальной истории». Инструментарий направлен на познание прошлого отдельных социальных групп и значимых в истории личностей. Общественная деятельность известного сибиряка Николая Михайловича Ядринцева имела важное значение для прошлого и настоящего Азиатской части России. Его подвижническая деятельность способствовала развитию культуры, образования и социально-экономической жизни Сибири. Потому привлечение познавательной тактики «новой социальной истории» реально может поспособствовать реконструкции малоизученных фрагментов в незаурядной жизни сибирского просветителя.

3. Обсуждение

Современная исследовательская литература не баловала своим вниманием тему целей, значения и результатов посещения Н.М. Ядринцевым Американского континента. Вместе с тем, целый ряд работ посвящен деятельности выдающегося сибиряка на поприще публицистики, просветительства и других видов его многогранной работы. Отечественная историография в области «ядринцеведения» на современном этапе представляет собой большой комплекс научных разработок, прежде всего, в среде сибирских историков. В работах таких авторитетных ученых, как И.Л. Дамешек (Дамешек, 2019), Ю.Б. Костякова (Костякова, 2017), Н.В. Жиликова (Жиликова и др., 2022), М.В. Шиловский (Шиловский, 2021), А.В. Малинов (Malinov, 2024), Т. Szyszlak (Szyszlak, 2023), В.П. Зиновьев (Зиновьев, 2022), Д.Н. Шевелев и К.А. Конев (Шевелев, Конев, 2024), А.В. Головинов и В.А. Должиков (Головинов, Должиков, 2023) и др., рассматриваются идеологические нарративы наследия Николая Михайловича Ядринцева. Корпус данных материалов имеет важное методологическое и теоретическое значение для достижения замыслов настоящего исследования.

4. Результаты

Итак, промышленно-художественная выставка 1893 г. стала местом демонстрации достижений науки и техники. В частности, изобретение Н. Теслы позволило впервые в мировой истории широко использовать освещение выставочных площадок после заката солнца. Тогда такое применение переменного тока вызывало сенсационный эффект. Явлением доселе невиданным было колесо обозрения высотой под восемьдесят метров. Все это ярко иллюстрировало достижения индустриализации, что, конечно, не оставляло равнодушным инженеров и ученых.

Американскими организаторами была приглашена к участию и Россия, которой отводилось место для размещения своих экспонатов. К моменту открытия выставки, в Петербурге, по инициативе Министерства финансов, которым тогда руководил уже С.Ю. Витте, издавался специальный каталог Русского Отдела на английском языке (Worlds Columbian Exposition, 1893).

«Я занят сборами и некоторые лица – сообщил Ядринцев в письме А.Н. Пыпину от 12 мая 1893 г., – предложили мне поездку в Америку. Результатом должно быть сравнение нашей сибирской пустыни-колонии с развивающейся и расцветшей американской колонией, пригласившей мир отпраздновать свое совершеннолетие» (Ядринцев, 1893: 10).

В действительности опыт освоения и методы колонизационной политики на Американском континенте захватывали и вызвали неподдельный интерес у Николая Михайловича. Данный нарратив был типичен для всех представителей движения сибирских областников, лидером которого был Н.М. Ядринцев.

«Юношами мы уподобляли Сибирь С.-Американским штатам, – признавался в этом своем «грехе молодости» сам Ядринцев издателю «Вестника Европы», видному русскому этнографу А.Н. Пыпину, – старцами мы поняли огромную разницу. Но, может быть, когда-нибудь в отдаленном будущем и в Сибири состоятся хотя бы слабые подобию богатой американской цивилизации» (Ядринцев, 1893: 11). Были, впрочем, и те, кто относился к подобным завышенным, излишне оптимистическим ожиданиям с известной долей скепсиса. Например, один из ближайших друзей

Потанина и Ядринцева, С.С. Шашков относился к таким взглядам очень даже критично, считая их крайним проявлением так называемого сибирефильства. «Читатель может познакомиться с типом этих сибирефилов, прославляющих Сибирь, – иронично высказывался он в одной из своих журнальных публикаций, – и видящих в ней родную сестру Америки..., не Китая ли, скорее, господ?» (Шашков, 1867: 736). Также о некотором увлечении колонизационным опытом Америки писали и зарубежные ученые (Mohrenschildt, 1965: 85-130; Yarmolinsky, 1965: 31-32).

В консервативных кругах сравнение колонизационных процессов в Америке и Азии не вызвало сочувствия и поддержки, хотя иногда сопровождалось некоторой романтизацией.

«Давно я мечтал о поездке в Америку и европейские колонии для изучения условий жизни колонизируемых европейцами стран, – сообщал о мотивах и цели своего путешествия Н.М. Ядринцев, – но осуществить этого не мог. Случай представился только ныне побывать на выставке в Чикаго, куда стремятся многие русские и наши земляки из Сибири» (Ядринцев, 1893: 8).

Основные средства на путешествие Н.М. Ядринцева за океан, по свидетельству его друга студенческих лет В.П. Острогорского, выделил меценат И.М. Сибиряков, сочувствовавший областникам и оказывавший им часто финансовую поддержку. Другую часть денежных средств Ядринцев получил от В.П. Сукачева, иркутского предпринимателя и общественного деятеля, близкого к областникам и выделявшего денежные ресурсы на развитие научных исследований.

Наконец, дополнительным источником финансирования довольно дорогостоящей поездки могли быть денежные командировочные средства, выделенные издательствами столичных газет «Русская Жизнь» и «Русские Ведомости», собственным корреспондентом которых в начале 1890-х годов являлся Н.М. Ядринцев. Об этом свидетельствуют опубликованные им на страницах обоих изданий фрагменты путевых заметок о посещении Соединенных штатов, а также других материалов (Ядринцев, 1893: 12).

14 мая 1893 г. Ядринцев отправился из Петербурга в свое первое путешествие за океан с коллекцией тщательно отобранных личных экспонатов – как говорится, ехал отнюдь не с пустыми руками. «Я вез на выставку, – сообщает он в путевых заметках, – археологический атлас, свои книги, фотографии...» (Ядринцев, 1893: 16). Принимал он активное участие и в официальной подготовке будущей экспозиции Русского Отдела Чикагской выставки, санкционированной С.Ю. Витте, недавно назначенным на должность министра финансов императорского правительства. По его поручению Департаментом торговли и мануфактур было специально подготовлено (под общей редакцией заслуженного профессора Петербургского университета Д.И. Менделеева) роскошное 5-ти томное издание справочника-путеводителя по Русскому Отделу с переводом на английский язык. Тексты пятитомника составлялись под руководством директора Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов России В.И. Ковалевского и при деятельном участии вице-президента ИРГО сенатора П.П. Семенова (Тян-Шанского).

В связи с этим сюжетом особый интерес вызывает личность незаурядного соавтора данного тома этого издания – видного русского экономиста и технолога-инженера Степана Иосифовича Гулишамбарова, который вместе с Н.М. Ядринцевым летом 1893 г. также находился в Чикаго по заданию министра финансов С.Ю. Витте.

Определяя оптимальный маршрут для своей поездки, Ядринцев учитывал полезные советы знакомого по Петербургу столичного профессора И.И. Янжула, добравшегося к тому времени вместе с супругой Екатериной Николаевной уже до Чикаго (Янжул, 1893). По рекомендации приятеля выбор сделан был в пользу пути «на Лондон через порт Флессинген в Голландии» (Ядринцев, 1893: 8). Из Лондона Ядринцев добрался по железной дороге до Ливерпуля (Шотландия), а оттуда 22 мая (3 июня по новому стилю) на пароходе «Aurania» отправился в Нью-Йорк. «Четверо суток мы уже в море, – делился своими впечатлениями он со своими друзьями-коллегам по газете, – и я начинаю привыкать к океану и приходить в себя; по крайней мере, прошло то неприятное ощущение с головной болью, с головокружением и тошнотой, которые преследует первые дни всякого, кто делает в первый раз морское путешествие». Попутчиками Н.М. Ядринцева по кораблю были в основном эмигранты: ирландцы, шведы и норвежцы. «11 июня мы были полны ожидания и нетерпения видеть землю. Вечером, около 10-ти часов, – вспомнил он, – все вышли на палубу, сверкнули огни нью-йоркских маяков, в довершение эффекта на темном небе, над горизонтом, веером появлялся электрический свет из туч». Но наиболее удивительным зрелищем для русского путешественника стал сам огромный город-порт. «Вдали виден был Нью-Йорк, масса зданий, доков и над всем выдвигалась и царила огромная статуя свободы, работы Бертолетти. Это была фигура, поражающая массивностью, с сиянием на голове, с факелом и чашей» (Ядринцев, 1893: 8). Америка встретила новичка прекрасной панорамой. «Живописные берега, покрытые зеленью, – замечает Ядринцев, – масса пароходов, пристаней; вдали виден висячий мост и красивый город. Чудный день, спокойная гладь моря, мягкий, нежащий воздух» (Ядринцев, 1893: 15). В цитируемом письме для иркутских коллег Н.М. Ядринцев передает и свое впечатление от личного знакомства с главным мегаполисом восточного побережья Соединенных Штатов. О такой численности подписчиков, как издатель столичной газеты, Ядринцев, разумеется, мог лишь мечтать.

Не забывал Н.М. Ядринцев и об основной своей исследовательской миссии в Северной Америке. «Одна из целей моей поездки, – напоминал он читателям, – изучение переселенческого движения». На его взгляд, по сравнению с прежними временами, система приема эмигрантов в Соединенных Штатах «совершенно изменилась», теперь уже «не принимают больных, калек, нищих (paupers), не имеющих родственников, подозрительных людей вроде преступников». Зато «рабочие люди и ремесленники, знающие [английский] язык, быстро осваиваются и находят хороший заработок в 3 и 4 доллара в день. Землекопы и земледельцы едут на дальний запад». В письме приводятся, по словам Ядринцева, «любопытные цифры», извлеченные из правительственного отчета об иммигрантах, получивших разрешение на въезд в США в 1892 г., причем с разбивкой по национальностям. Больше всего переселилось: «из Германии 130 158 [человек], из России (исключая Польшу) – 84 393, Италии – 62 137, Швеции и Норвегии – 57 709, Ирландии – 55 467, Англии – 49 770, Австрии 42 900, Венгрии – 37 236, Польши – 33 299, Шотландии – 11 520». Как следует из статистических данных отчета, всего за десять лет (с 1881 по 1890 гг.) эмиграция из Европы дала прирост американскому обществу в более чем пять миллионов человек.

Н.М. Ядринцев отмечал, что «из русских подданных переселяются только евреи, поляки и финляндцы... Русских простолюдинов почти нет – одиночные явления, не знающие языка, тотчас же ретируются. Говорят, что едва ли наберется русских чел[овек] 15 в Нью-Йорке» (Ядринцев, 1893: 7).

Из Нью-Йорка дальше в Чикаго Н.М. Ядринцев отправился на поезде по Северо-Канадской дороге вдоль реки Гудзон с остановкой у знаменитого Ниагарского водопада. «Американское передвижение, – пишет он, – доведено до замечательной скорости». К месту назначения поезд прибыл 12 июня в 12 часов утра. Удивляли Ядринцева не только скорость, но и удобства в пассажирском экспрессе: «вагоны очень комфортабельны, постели скрыты в стенах вагона и, когда нужно, все открывается и развертывается». Путешественник наблюдал пролетавший за окнами живописный природный ландшафт.

В письме от 3 октября 1893 г., опубликованном в иркутской газете «Восточное обозрение», Н.М. Ядринцев описывает детально все архитектурные и другие достопримечательности грандиозной Всемирной выставки, посвященной 400-летию открытия Америки Христофором Колумбом (1492 г.). Полностью ее экспозиции стали доступны посетителям 1 мая 1893 г. Правда, Ядринцеву бросались в глаза, как говорится, и отдельные недостатки. В начале своего пребывания в городе он переночевал в далеко «не первой классной» гостинице. Номер отеля, по его словам, был мрачным и темным, «напоминал кутузку в одной из наших [полицейских] частей». «Чикаго в это утро не поразил меня, – как впоследствии вспоминает Н.М. Ядринцев, – я шел по большой улице и нашел ее хуже блестящих нью-йоркских улиц, хотя некоторые дома в 10 и 20 этажей удивляли высотой». Поэтому на следующий день Ядринцев «отправился отыскивать знакомых русских, чтобы с помощью их найти лучшее помещение». Вероятнее всего, в этом ему помогала состоятельная супружеская пара – петербургский профессор-экономист Иван Иванович Янжул и его жена Екатерина Николаевна, – приехавшие чуть раньше в Чикаго на ту же самую выставку и поселившиеся в отдельном коттедже. За советом к ним он уже обращался раньше. О том, что как раз И.И. Янжул порекомендовал Ядринцеву отправиться в заокеанское путешествие именно из Ливерпуля, упоминается в цитируемом выше письме (Ядринцев, 1893: 9).

«Только что возвратившись из путешествия за Океан в Северо-американские Соединенные Штаты, – сообщал Ядринцев читателям «Русских ведомостей» в своеобразном отчете о поездке, – где в нынешнем году стеклись представители всех наций на Колумбовские торжества, я не имею еще времени сразу поделиться всеми впечатлениями, какие выносит путешественник из Нового Света. Широкий размах жизни, применение цивилизации в новой стране, ее оригинальная прививка, страшное напряжение сил и чудовищно быстрые успехи роста этого государства, имевшего в 1790 году 3,920,114 жит[елей], а в 1890 г. 62,622,250 жит[елей]. И 65,000,000 к 1892 г. – все это озадачивает и заставляет изумляться... Рассматривая условия приема иммигрантов, мы видим, что правительство Соединенных Штатов и коренные американцы выяснили себе как хорошие, так и дурные стороны иммиграции и прежде всего поставили целью соблюдать интересы и выгоды коренного местного населения. Прибывшие не должны действовать в ущерб коренному гражданскому населению, не должны нарушать сложившуюся гражданскую жизнь, существующие институты и ложиться бременем на страну. Каждый прибывший должен уметь обеспечить себя трудом и иметь средства на первое время. Новый Свет готов открыть двери для полезного работника, но он не берется благотворить и брать на попечение ту часть неспособных, которых старается выпихнуть Европа». По наблюдениям Н.М. Ядринцева, «общественное мнение американцев и различные группы труда поэтому стараются, чтобы прибывший рабочий эмансипировался, а не падал и не закабалялся. Ограждая интересы народа, Соединенные Штаты создали условия и оплот против случайностей иммиграции». На его взгляд, «современная точка зрения американского правительства и общества в отношении к переселениям и иммиграции сводится к тому, чтобы допускать переселение и принимать европейских иммигрантов в пределах, какие не нарушают общего склада гражданской и экономической жизни государства, и под условием, чтобы пришлый элемент не являлся обременением для нового общества и не действовал в ущерб его материальным

интересам, а также не нарушал и не понижал прав, приобретенных гражданами великой республики» (Ядринцев, 1893: 17).

Результатами своего личного участия во Всемирной чикагской выставке Н.М. Ядринцев остался не особенно доволен. Презентация их совместного с инженером-технологом С.И. Гулишамбаровым авторского издания и проекта премии не получила. Однако выяснилось, насколько популярной у многих американских посетителей стала Русская Сибирь. «Благодаря предпринятым правительством по случаю этой выставки, – подчеркивал в своем отчете генеральный комиссар П.И. Глуховский, – изданиям на английском языке о нашей торговле и промышленности, о нашем сельском хозяйстве, о наших путях сообщения и т.п., американцы крайне заинтересовались Россией и в особенности Сибирью. Выставленный в Русском Отделе проект Великой Сибирской железной дороги как магнит привлекал к себе их внимание. Они заранее соображают, какие неисчислимы выгоды для торговых сношений с нами принесет осуществление этого всемирного пути и с нетерпением следят за волшебным ходом этого всеобъемлющего дела» (Глуховский, 1895: 154). Как свидетельствует Глуховский, ссылаясь на известные ему факты, последствием Чикагской выставки было установление непосредственных торговых сношений между русскими и американцами по различным отраслям промышленности.

Как сообщает в своих воспоминаниях бывший сокурсник Ядринцева по университету В.П. Острогорский, из Америки он будто бы возвратился разочарованный и с еще большей тоской, которая грызла его в последние годы. Более того, автор мемуаров утверждает, что вся эта заатлантическая суতোлка жизни с погоней за наживой и борьбой за существование оттолкнули от себя стареющего идеалиста шестидесятых годов.

Все же веских оснований доверять подобным умозаключениям у авторского коллектива настоящего исследования нет. На основе обращения к историко-текстологическому анализу эпистолярных и публицистических материалов, вышедших из под пера известного сибиряка за этот период возникает совершенно иной вывод. Газета «Восточное обозрение», а также издания «Русская жизнь» и «Русские ведомости» в 1893 г. содержали иные нарративы насчет Америки.

Хотя насчет реплики о том, что Ядринцев не смог «вообще напечатать привезенные с собой из Америки материалы за отсутствием нужных для этого средств» В.П. Острогорский не сильно заблуждался (Острогорский, 1894: 12).

За год примерно до своей трагической смерти Н.М. Ядринцевым была задумана и написана уже наполовину, по данным Т. Фарафоновой, «работа, озаглавленная «Путешествие в Америку. Очерки из жизни и истории европейских колоний». Хранительница его посмертного архива сообщала, что рукопись эта существовала «в виде «обширного трактата, заключающего в себе свыше ста мелко исписанных листов писчей бумаги». Был у Ядринцева план и другой большой работы, название которой упоминается в литературе. «Я имею намерение написать книгу "Сибирь и Америка", – сообщал он в письме Г.Н. Потанину от 4 июля 1893 г. из Чикаго, – но не знаю, осуществлю ли... Это было бы мое последнее слово...» (Фарафонова, 1894: 2).

Не выдерживает ни малейшей критики также и реплика Острогорского насчет американской действительности, которая будто бы вызвала какое-то «разочарование» у Н.М. Ядринцева. Скорее наоборот, поездка в Соединенные Штаты только укрепила его симпатии к великой демократической стране. «Пишу вам 4 июля, – сообщал Ядринцев о своих впечатлениях от увиденного Г.Н. Потанину, – праздник независимости; все в флагах, выстрелы, пальба...Представьте мои чувства... Сердце замирает, и боль, и тоска за нашу родину. Боже мой! Будет ли она такой цветущей?». В этом письме, датированном 4 июля 1893 г., Н.М. Ядринцев как бы подводил предварительный итог своему путешествию. «Америка меня поразила; это Сибирь через 1000 лет, – с оттенком зависти и одновременно горечи пишет он старому другу, – точно я вижу будущее человечества и родины. Этого достаточно» (Фарафонова, 1894: 2). Вместе с тем Ядринцев жаловался своему другу и соратнику Г.Н. Потанину на плохое физическое самочувствие. Заокеанское путешествие, судя по всему, сильно подорвало и без того слабое здоровье, а потому он уже не надеялся больше на осуществление своих планов. «Все зависит – сообщал Н.М. Ядринцев, – от благополучного возвращения в Россию. Ехать мне теперь при моем здоровье и душевном состоянии был бы большой риск, но я до конца выполнял свой долг и цель жизни. Поэтому не упрекайте меня ни в чем» (Фарафонова, 1894: 2).

С января 1894 г. Ядринцев стал подыскивать себе какое-нибудь место службы для постоянного заработка. У него были в основном случайные гонорары от публикаций в газетах и журналах, а также высылаемые редакцией «Восточного Обозрения» 720 рублей в год. Но такие мизерные суммы не могли обеспечить ни его личных нужд, ни расходов на образование двух сыновей и дочери. Поэтому он был готов принять любое предложение стабильного заработка. Именно в это самое время в Петербург приехал начальник Алтайского горного округа, полковник В.К. Болдырев. С ним Ядринцев увиделся совсем случайно в столичном комитете по переселенческому делу. Во время завязавшейся беседы выяснилось, что Болдырев намерен привести в порядок организацию крестьянских переселений на подведомственной ему территории. А для этого ему нужен был экспертный анализ ситуации с обеспечением земельными наделами новоселов на месте. «Изучение крестьянства! Чего же лучше! Но на грех, – сообщал Н.М. Ядринцев подробности разговора с Болдыревым одному из своих близких друзей, В.И. Семидалову, в письме от 14 февраля 1894 г., – начальник приехал

проводить реформу поземельного устройства крестьян в Алтае. Мне предстояло прежде ознакомиться с его воззрениями. Иные искатели мест на это не обращают внимания. Но моё положение особое» (Лемке, 1904: 188). После взаимного обмена мнениями стороны пришли к определенному согласию. Было принято решение отложить вопрос о поземельном устройстве крестьян на Алтае до окончания обстоятельных статистических исследований. В итоге предложение от начальника Алтайского горного округа занять должность заведующего статистическими исследованиями в Барнауле было наконец принято. «Конечно, статистика – работа черновая, – пишет он В.И. Семидалову 9 марта 1894 г., – и я мог бы вне ее стоять, направляя дело путем печати. Но за статистику придется взяться из нужды и ради заработка, а также ввиду того, что придется больше и больше тратить на детей» (Лемке, 1904: 188). И вот в начале мая Н.М. Ядринцев выехал, как оказалось впоследствии навсегда, из полюбившегося села Большого Рязанской губернии, где проживал с семьей после возвращения из Америки. Близко знакомый с Ядринцевым того времени писатель А.В. Круглов пересказывал содержание последней беседы с ним, которая состоялась весной 1894 г. накануне отъезда приятеля из Петербурга: «Мы сидели с ним на Николаевском вокзале, пили чай и беседовали. Он говорил о планах работ, был необыкновенно бодр и весел. На новую работу еду... Вы не шутите со мной теперь; такой прилив энергии чувствую, как никогда» (Круглов, 1980: 322).

Н.М. Ядринцев уезжал в Сибирь уже в качестве назначенного заведующего статистико-экономическими исследованиями крестьянского и инородческого населения в Алтайском горном округе. 10 мая 1894 г. он отправился на пароходе до Нижнего Новгорода. Здесь он встретился с двумя известными общественными деятелями того времени, писателями-народниками В.Г. Короленко и Н.Ф. Анненским. Второй из них в этот момент руководил земским статистическим комитетом в Нижегородской губернии, поэтому мог дать дельные советы Ядринцеву по созданию «с нуля» аналогичной структуры в Барнауле. 13 числа того же месяца он был уже в Перми, откуда железной дорогой добрался до Тюмени, 16 мая – до Тобольска и речным путем 17 мая отправился в Томск. Во время многодневной поездки на пароходе, миновал село Нарым 23 мая. Последние 2–3 дня мая 1894 г. Н.М. Ядринцев провёл у своих старых друзей Наумовых в Томске (Серебренников, 1999: 26). 2 июня Н.М. Ядринцев приехал в Барнаул и остановился на квартире своего приятеля, в прошлом также политического ссыльного Я.А. Сулина.

5. Заключение

В качестве заключительного слова отметим, что все свое свободное время в последние годы жизни просветитель проводил в кругу немногочисленных барнаульских друзей, рассказывал им о своей поездке в Соединенные Штаты, делился планами на ближайшее будущее.

Совершенно очевидно, что впечатления от увиденного собственными глазами на Американском континенте должны были стать весомым подспорьем в статистических исследованиях будущих экспедиций на Алтай. Н.М. Ядринцева всегда интересовал механизм совершенствования методики научно-технического оформления данных о колонизационных процессах. Американские впечатления, таким образом, в целом позитивно могли бы сказаться на дальнейшем изучении просветителем проблем политики освоения русского Алтая. Планам, к сожалению, не суждено было воплотиться в жизнь – в 1894 г. Николая Михайловича не стало. Но дело его продолжало развиваться в деятельности соратников и последователей по областническому движению.

Литература

Глуховский, 1895 – Глуховский П.И. Отчет господину министру финансов, тайному советнику С.Ю. Витте генерального комиссара Русского Отдела Всемирной Колумбовой Выставки. СПб.: Тип. В. Киршенбаума, 1895.

Дамешек, 2019 – Дамешек И.Л. Областническая концепция как выражение сибирского самосознания. Иркутское общество и «сибирские вопросы» / Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX - начала XX веков: Коллективная монография / Научный редактор Л.М. Дамешек. Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью. Издательство Отгиск, 2019.

Жилякова и др., 2022 – Жилякова Н.В., Есипова В.А., Шевцов В.В. "Секретно. Конфиденциально": цензурная история журналистики Томской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): Монография. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2022. 374 с.

Круглов, 1980 – Круглов А.В. Не могу примириться / Литературное наследство Сибири. Т. 5. Николай Михайлович Ядринцев. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980.

Костякова, 2017 – Костякова Ю.Б. Отношение Сибирских областников к революциям 1917 г. (на материалах журнала "Сибирские записки") // Уральский исторический вестник. 2017. № 3(56).

Лемке, 1904 – Лемке М.К. Николай Михайлович Ядринцев: Биографический очерк: к десятилетию со дня кончины (7.VI.1894). Введение И.И. Попова. СПб.: Изд-во газеты «Восточное обозрение», 1904.

Макотина, 2014 – *Макотина С.А.* Развитие и эксплуатация выставочных и поствыставочных территорий Всемирной универсальной выставки 1893 года в Чикаго // *Архитектура. Дизайн. Известия вузов: Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. 2014. № 1 (6).

Острогорский, 1894 – *Острогорский В.П.* Памяти Н.М. Ядринцева (Исторический очерк и воспоминания) // *Русские ведомости*. 1894. №214. 5 августа.

Серебренников, 1999 – *Серебренников Н.В.* Завещание и смерть Н.М. Ядринцева // *Вестник Томского государственного университета. Потанинские чтения*. 1999. Т. 268. Ноябрь.

Фарафонтова, 1903 – *Фарафонтова Т.* Из бумаг сибирского патриота (материалы к биографии Н.М. Ядринцева) // *Восточное обозрение*. 1903. № 184.

Шашков, 1867 – *Шашков С.С.* Очерки русских нравов в старинной Сибири // *Отечественные Записки*. 1867. Т. 174. № 10.

Шиловский, 2021 – *Шиловский М.В.* Публицистическое осмысление Н.М. Ядринцевым перспектив развития Сибири в 1870 – 1880-е гг. // *Ядринцевские чтения*. Омск: ОмГУ, 2021. Вып. 9.

Шевелев, Конев, 2024 – *Шевелев Д.Н., Конев К.А. Г.Н.* Потанин и круг его общения в эпоху войн и революций: по материалам переписки 1917–1920 гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 509.

Ядринцев, 1893 – *Ядринцев Н.М.* Письмо А.Н. Пыпину от 12 мая 1893 г. из С.-Петербурга // Отдел рукописей РНБ. Ф. 621. Пыпин А.Н. Оп. 1. Ед. хр. 1027. Л. 10-11.

Ядринцев, 1893 – *Ядринцев Н.М.* В Америку – на всемирную выставку в Чикаго (письмо редактора-издателя) // *Восточное обозрение*. 1893. № 26.

Ядринцев, 1893 – *Ядринцев Н.М.* Путевые заметки. Первые шаги в Америке // *Русская жизнь*. 1893. № 205. 3/15 августа.

Ядринцев, 1893 – *Ядринцев Н.М.* Современные условия переселения в Америку // *Русские ведомости*. 1893. № 256. 17 сентября.

Янжул, 1893 – *Янжул И.* Письма из Америки // *Русские ведомости*. 1893. № 124.

Malinov, 2024 – *Malinov A.V.* Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia // *Sibirica*. 2024. Vol. 23. No. 2. Pp. 69-88. DOI: 10.3167/sib.2024.230203

Szyszlak, 2023 – *Szyszlak T.* Subetnosy zagrożeniem dla superetnosu. Modele poskramiania mniejszości regionalnych w Federacji Rosyjskiej // *Wschodnioznawstwo*. 2023. Vol. 17. P. 395-416. DOI: 10.4467/20827695wsc.23.023.18741

Golovinov et al., 2023 – *Golovinov A.V., Vasiliev A.A., Dolzhikov V.A.* Synthesis of Political-Legal and Socio-Cultural Narratives of the Ideological and Journalistic Heritage of N.M. Yadrinsev in the 1870s // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1324-1332.

Mohrenschildt, 1981 – *Mohrenschildt, Dimitrii von.* Towards a United States of Russia. Plans and Projects of Federal Reconstruction of Russia in the 19th Century. East Brunswick: Associated University Press, 1981. Pp. 85-130.

Worlds Columbian Exposition, 1893 – *Worlds Columbian Exposition.* Chicago: Catalogue of the Russian Section. Published by the Imperial Russian Commission, Ministry of Finances. S.-Peterburg, 1893.

Yarmolinsky, 1965 – *Yarmolinsky A.* A Russian's American Dream: A Memoir on William Frey. Lawrence: The University of Kansas Press, 1965. Pp. 31-32.

References

Dameshek, 2019 – *Dameshek, I.L.* (2019). Oblastnicheskaya kontseptsiya kak vyrazheniye sibirskogo samosoznaniya. Irkutskoye obshchestvo i «sibirskiye voprosy» [Regional concept as an expression of Siberian identity. Irkutsk society and “Siberian issues”]. Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoi gubernii XIX - nachala XX vekov: Kollektivnaya monografiya. Nauchnyi redaktor L.M. Dameshek. Irkutsk: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu. Izdatel'stvo Ottisk. [in Russian]

Farafontova, 1903 – *Farafontova, T.* (1903). Iz bumag sibirskogo patriota (materialy k biografii N.M. Yadrinseva) [From the papers of a Siberian patriot (materials for the biography of N.M. Yadrinsev)]. *Vostochnoe obozrenie*. 184. [in Russian]

Glukhovsky, 1895 – *Glukhovsky, P.I.* (1895). Otchet gospodinu ministru finansov, taynomu sovetniku S.YU. Vitte general'nogo komissara Russkogo Otdela Vsemirnoy Kolumbovoy Vystavki [Report to the Minister of Finance, Privy Councilor S.Yu. Witte, General Commissioner of the Russian Department of the World Columbian Exhibition]. SPb.: Type. V. Kirshenbaum. [in Russian]

Golovinov et al., 2023 – *Golovinov, A.V., Vasiliev, A.A., Dolzhikov, V.A.* (2023). Synthesis of Political-Legal and Socio-Cultural Narratives of the Ideological and Journalistic Heritage of N.M. Yadrinsev in the 1870s. *Bylye Gody*. 18(3): 1324-1332.

Kostyakova, 2017 – *Kostyakova, Y.B.* (2017). Otnosheniye Sibirskikh oblastnikov k revolyutsiyam 1917 g. (na materialakh zhurnala "Sibirskiye zapiski") [Attitude of the Siberian regionals to the revolutions of 1917 (based on the materials of the journal “Sibirskiye zapiski”)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3(56). [in Russian]

- [Kruglov, 1980](#) – *Kruglov A.V.* (1980). I ne mogu primirit'sya [I can't reconcile myself]. Literaturnoe nasledstvo Sibiri. T. 5. Nikolai Mikhailovich Yadrintsev. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo. [in Russian]
- [Lemke, 1904](#) – *Lemke, M.K.* (1904). Nikolay Mikhaylovich Yadrintsev: Biograficheskiy ocherk: k desyatiletiiyu so dnya konchiny (7.VI.1894). Vvedenie I.I. Popova Nikolai Mikhailovich Yadrintsev: Biographical essay: on the tenth anniversary of his death (7.VI.1894) Introduction by I.I. Popov]. SPb.: Izd-vo gazety «Vostochnoe obozrenie». [in Russian]
- [Makotina, 2014](#) – *Makotina, S.A.* (2014). Razvitiye i ekspluatatsiya vystavochnykh i postvystavochnykh territoriy Vsemirnoy universal'noy vystavki 1893 goda v Chikago [Development and operation of exhibition and post-exhibition territories of the 1893 World's Fair in Chicago]. *Arkhitektura. Dizain. Izvestiya vuzov: Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'*. 1(6). [in Russian]
- [Malinov, 2024](#) – *Malinov, A.V.* (2024). Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia. *Sibirica*. 23(2): 69-88. DOI: 10.3167/sib.2024.230203
- [Mohrenschildt, 1981](#) – *Mohrenschildt, Dimitrii von* (1981). Towards a United States of Russia. Plans and Projects of Federal Reconstruction of Russia in the 19th Century. *East Brunswick: Associated University Press*. Pp. 85-130.
- [Ostrogorsky, 1894](#) – *Ostrogorsky, V.P.* (1894). Pamyati N.M. Yadrintseva (Istoricheskiy ocherk i vospominaniya [In Memory of N.M. Yadrintsev (Historical essay and memoirs)]. *Russkie Vedomosti*. 214. August 5. [in Russian]
- [Shashkov, 1867](#) – *Shashkov, S.S.* (1867). Ocherki russkikh nraov v starinnoy Sibiri [Essays on Russian customs in ancient Siberia]. *Otechestvennye Zapiski*. 174(10). [in Russian]
- [Shevelev, Konev, 2024](#) – *Shevelev, D.N., Konev, K.A.* (2024). G.N. Potanin i krug ego obsheniâ v épohu vojn i revolúcij: po materialam perepiski 1917–1920 gg [G.N. Potanin and the circle of his communication in the era of wars and revolutions: on the materials of correspondence 1917-1920]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 509. [in Russian]
- [Shilovsky, 2021](#) – *Shilovsky, M.V.* (2021). Publitsisticheskoye osmysleniye N. M. Yadrintsevym perspektiv razvitiya Sibiri v 1870 – 1880-ye gg [Publicistic understanding by N.M. Yadrintsev of the prospects for the development of Siberia in the 1870s – 1880s]. *Yadrintsevskie chteniya*. Omsk: OmGU. Vyp. 9. [in Russian]
- [Szyszlak, 2023](#) – *Szyszlak, T.* (2023). Subetnosy zagroženiem dla superetnosu. Modele poskramiania mniejszości regionalnych w Federacji Rosyjskiej. *Wschodnioznawstwo*. 17: 395-416. DOI: 10.4467/20827695wsc.23.023.18741
- [Worlds Columbian Exposition, 1893](#) – Worlds Columbian Exposition. Chicago: Catalogue of the Russian Section. Published by the Imperial Russian Commission, Ministry of Finances. S.-Peterburg, 1893.
- [Yadrintsev, 1893](#) – *Yadrintsev, N.M.* (1893). Pis'mo A.N. Pypinu ot 12 maâ 1893 g. iz S.-Peterburga [Letter to A.N. Pypin from May 12, 1893 g. from St. Petersburg]. Otdel rukopisei RNB. F. 621. Pypin A.N. Op. 1. Ed. khr. 1027. L. 10-11. [in Russian]
- [Yadrintsev, 1893](#) – *Yadrintsev, N.M.* (1893). Putevyye zametki. Pervyye shagi v Amerike [Travel notes. First steps in Americ]. *Russkaya zhizn'*. No. 205. 3/15 August. [in Russian]
- [Yadrintsev, 1893](#) – *Yadrintsev, N.M.* (1893). Sovremennyye usloviya pereseleniya v Ameriku [Modern conditions of resettlement to America]. *Russkie Vedomosti*. No. 256. September 17. [in Russian]
- [Yadrintsev, 1893](#) – *Yadrintsev, N.M.* (1893). V Ameriku – na vsemirnuyu vystavku v Chikago (pis'mo redaktora-izdatelya) [To America – to the World Exhibition in Chicago (letter from the editor-publisher)]. *Vostochnoe obozrenie*. No. 26. [in Russian]
- [Yanzhul, 1893](#) – *Yanzhul, I.* (1893). Pis'ma iz Ameriki [Letters from America] *Russkie Vedomosti*. No. 124. [in Russian]
- [Yarmolinsky, 1965](#) – *Yarmolinsky, A.* (1965). A Russian's American Dream: A Memoir on William Frey. *Lawrence: The University of Kansas Press*. Pp. 31-32.
- [Zhilyakova i dr., 2022](#) – *Zhilyakova, N.V., Esipova, V.A., Shevtsov, V.V.* (2022). "Sekretno. Konfidentsial'no": tsenzurnaya istoriya zhurnalistiki Tomskoy gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) ["Secret. Confidential": censorship history of journalism in the Tomsk province (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Monografiya. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, 374 p. [in Russian]

«Америка меня поразила – это Сибирь через 1000 лет»: поездка Н.М. Ядринцева в Соединенные Штаты Америки в 1893 г.

Вячеслав Александрович Должиков ^a, Александр Викторович Головинов ^{a, *},
Константин Анатольевич Ишеков ^{b, c}, Юлия Владимировна Головинова ^d

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex-golovinov@mail.ru (А.В. Головинов)

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^d Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В рамках предлагаемого исследования ставится цель исторической реконструкции малоизученного фрагмента биографии просветителя и общественного деятеля, лидера движения областников – Николая Михайловича Ядринцева, связанного с его поездкой в Соединенные Штаты Америки в 1893 г.

На основе опубликованных источников, а также с привлечением архивного материала, выявленного в фондах РНБ, осуществляется попытка показать, какое значение для мировоззрения и профессиональной деятельности известного сибиряка имело посещение Американского континента.

Работа опирается на гносеологический потенциал «новой социальной истории», которая направлена на познание прошлого отдельных социальных групп и значимых в истории личностей. Привлечение познавательной тактики «новой социальной истории» реально может способствовать реконструкции малоизученных фрагментов в незаурядной жизни сибирского просветителя.

Авторы акцентируют, что опыт освоения и методы колонизационной политики на Американском континенте захватывали и вызывали неподдельный интерес у Николая Михайловича Ядринцева. Данный нарратив был типичен для всех представителей движения сибирских областников, лидером которого был просветитель.

В ходе исследования установлено, что впечатления от увиденного собственными глазами в США должны были стать весомым подспорьем в статистических исследованиях будущих экспедиций на Алтай. Н.М. Ядринцева всегда интересовал механизм совершенствования методики научно-технического оформления данных о колонизационных процессах. Американские впечатления, таким образом, в целом позитивно могли бы сказаться на дальнейшем изучении просветителем проблем политики освоения русского Алтая.

Ключевые слова: Н.М. Ядринцев, колонизационная политика, всемирная выставка в Чикаго 1893 г., Сибирь, модернизация, сибирское областничество, Америка.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 442-450
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.442

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Primary School in the Life of the Zyryans in the late XIX – early XX centuries: the Transformation of Customary Legal Views

Olga A. Plotskaya ^{a, *}, Kairat K. Atabekov ^b, Denis A. Shiryov ^c, Tatyana S. Bessonova ^d

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Kyrgyz-Russian Slavonic University, Bishkek, Kyrgyz Republic

^c Peoples' Friendship University of Russia, RUDN University, Moscow, Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The functioning of the primary school in Komi, where in the late XIX – early XX centuries the Zyryans mainly lived, was closely interrelated not only with the cultural processes taking place in the region and in the state, but also with socio-political, socio-economic changes. Primary school was of great importance in the life of the Zyryans of the Yarensky and Ust-Sysolsky counties in the late XIX – early XX centuries. Moving away from the archaic views of the Komi peasants, they were well aware of the need for their children to receive primary education as the first educational step. At that time, education played an important role in the development of the Komi Region, which contributed to the acquisition of primary educational skills in writing, numeracy, reading, as well as raising the level of legal culture of the population, which in turn served as the basis for further development of the region. In turn, the state, paying considerable attention and taking special care of the development of education, including in Yarensky and Ust-Sysolsky counties.

Keywords: primary education, zyryans, zemstvos, primary schools, Komi region, usually legal views.

1. Введение

Во второй половине XIX века, в эпоху серьезных глобальных мировых изменений, российское общество столкнулось с трансформацией образовательной концепции, повлиявшей, в том числе, на формирование правосознания личности. Преобразования коснулись и начального образовательного звена.

Развитие и функционирование начальной школы в Коми, где в конце XIX – начале XX вв. преимущественно проживали зыряне (коми – представители финно-угорской языковой группы), находилось в тесной взаимосвязи не только с культурными процессами, происходившими в крае и государстве, но и с социально-политическими, общественно-экономическими изменениями. Во второй половине XIX века система государственного образования была реформирована, благодаря чему возникают новые учебные заведения, активно распространяется в крестьянской среде просветительская работа, широко поддерживаемая общественностью. Для большей части зырянских крестьян, часто опиравшихся на обычно-правовые воззрения, передаваемые из поколения в поколение, именно начальная школа являлась образовательной основой, благодаря которой дети могли получить первичные базовые знания и навыки.

Выпускники начальной школы не только пользовались особым уважением у односельчан, но и в ряде случаев могли продолжить обучение в других учебных заведениях, повышая свой образовательный уровень. Поэтому исследование роли и значения начальной школы в жизни зырян

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya)

в конце XIX – начале XX вв., а также трансформации обычно-правового правосознания населения, динамики численности учащихся, их гендерного состава, организации процесса обучения в начальных образовательных учреждениях, специфики начального образовательного звена, сегодня представляется актуальным явлением.

2. Материалы и методы

Изучение обозначенной проблематики основывается на анализе архивных исторических источников, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов – РГАДА (Москва, Российская Федерация), а также в Национальном архиве Коми Республики (Сыктывкар, Российская Федерация). Значимыми историко-правовыми первоисточниками для настоящего исследования представляются некоторые опубликованные статистические и делопроизводственные материалы (Фальборк, Чарнолуский, 1900: 407).

Не менее важными источниками являются обнародованные Примерные программы предметов, подлежащих изучению обучающимися начальных школ (Примерные программы..., 1897), материалы, содержащиеся в периодической печати, к примеру, широко распространенный на европейском северо-востоке журнал «Вологодские епархиальные ведомости».

Привлеченные к исследованию правовые акты, систематизированные в таком издании, как «Полное собрание законов Российской империи», (далее – ПСЗ), позволили отразить нововведения, происходившие в системе начального образования. Также изучены опубликованные документы нормативного характера, касающиеся организации деятельности инородческих школ (Иностранная школа..., 1916: 78).

В настоящей работе используемая методологическая основа включает в себя ряд взаимообусловленных и взаимосвязанных фундаментальных принципов, подходов и используемых методов. В основу исследования положены системный и междисциплинарный подходы, позволяющие комплексно применять методы анализа и синтеза, а также историко-правовой и системно-структурный. В работе использованы общепризнанные принципы объективности и историзма, способствующие раскрытию роли начальной школы в жизни зырян через призму исторических событий, происходивших в рассматриваемый период как в государстве в целом, так и в зырянском обществе. Внимание уделено и историко-генетическому методу, позволяющему выявить изменения, имевшие место в системе начального образования у зырян.

3. Обсуждение

Вопросами развития системы российского образования в целом, а также в различных губерниях, населенных представителями многочисленных этносов в XIX – нач. XX вв. занимаются многие современные исследователи (Koroleva, 2024: 129-136; Mineeva et al., 2024: 1124-1136; Rajović, Bratanovskii, 2024: 325-331).

Проблемами состояния начальной школы у коми (зырян) частично интересовались представители российской науки в дореволюционный период. Осуществляя экономико-хозяйственные исследования, ученые в своих трудах отчасти касались вопросов образовательного уровня местного населения, особенностей функционирования местных учебных заведений (Мамадышский, 1910) и др.

В работе В.Ф. Попова (Попов, 1911) подробно представлен сравнительный анализ состояния народного образования у зырян до введения земских учреждений и после. Уделяя значительное внимание деятельности земств в сфере народного образования и опираясь на нормативные акты, регулирующие нововведения в школьном образовании, автор особо выделяет значение церковно-приходских образовательных учреждений.

Анализ общероссийских статистических материалов, предоставленных местными учреждениями по вопросам народного образования во II половине XIX века, осуществлен в труде Г.А. Фальборка, В.И. Чарнолуского. (Фальборк, Чарнолуский, 1900). Придерживаясь хронологического принципа, авторы показывают динамику в изменении статистических показателей по вопросам народного образования в различных губерниях Российской империи. Характерной особенностью данной работы является наличие перевода на французский язык, что способствовало ознакомлению с данным трудом не только российского читателя, но и зарубежного.

В советский период появляются работы, раскрывающие развитие дореволюционных учреждений образования в зырянском крае, включая начальное образование. Ученые подходили к изучению данной темы, представляя образование в виде целостной системы, одной из ступенек которой являлось начальное образование. Значимый вклад в изучение данной проблематики внесли такие исследователи, как Н.А. Михеев (Михеев, 1955: 69-106), В. Мосин (Мосин, 1927: 3-18) и др.

Среди современных специалистов в сфере развития системы образовательных учреждений на зырянской земле, начиная с дореволюционного периода, необходимо назвать О.Е. Бондаренко (Бондаренко, 1998), детально раскрывшую различные типы образовательных заведений в Коми крае, а также исследовавшую количественные изменения в их развитии, педагогический состав и др.; С.В. Вайровскую (Вайровская, 1996; Вайровская, 2001), изучившую деятельность земств, в том числе,

в области народного образования в период с 1869 по 1918 гг.; О.В. Золотарева (Золотарев, 2015), описавшего историю коми-учительства, включая материальные проблемы, отношение органов власти к учителям, подготовку педагогических кадров, начиная с дореволюционного периода до начала XXI века.

Несмотря на наличие ряда научных исследований по вопросам развития народного образования в Зырянском крае, обозначенная тема все же нуждается в детализации и систематизации данных, а также в выявлении государственной политики в сфере народного образования и отношении населения к получению образования.

Цель настоящей работы – исследование роли и значения начальной школы в жизни зырян в конце XIX – начале XX вв., а также ее (школы) влияние на трансформацию правосознания населения.

4. Результаты

В настоящей работе будут рассмотрены вопросы развития начальной школы в двух уездах Вологодской губернии, где преобладающим большинством населения являлись коми (зыряне). Речь пойдет об Усть-Сысольском и Яренском уездах. В конце XIX – нач. XX вв. на территории Зырянского края появляются предпосылки к интенсивному развитию капиталистических отношений. Северные крестьяне, не знавшие крепостного права, традиционно занимавшиеся промысловой деятельностью (охотой, рыболовством, собирательством), постепенно вовлекаются в общеперские рыночные отношения. Так, к примеру, в первой половине XVIII века зыряне, проживая практически в моноэтничном обществе, где имели широкое распространение нормы обычного зырянского права, стремились договариваться устно, избегая письменной формы договора, за оформление которого нужно было нести дополнительные финансовые расходы. Эти траты могли возникнуть в силу отсутствия навыков письма у представителей договаривающихся сторон либо незнания (плохого знания) русского языка. Для записи договора необходимо было приглашать писаря, труд которого оплачивался. Поэтому во избежание дополнительных финансовых затрат зыряне часто верили «на слово», заключая договоры, именуемые «словесными» (РГАДА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 2. Л. 1). Однако произошедшие значительные изменения второй половины XIX века, вызванные реформаторской деятельностью, повлекли столь же значительные изменения в государстве, в том числе и в сфере образования.

В архивных источниках, датируемых этим периодом и позже, вплоть до начала прошлого столетия, содержится значительное количество документов, где крестьяне самостоятельно описывают различные правонарушения и посяательства на принадлежащие им объекты собственности, оформляя их в качестве прошений, направляемых в волостное правление (НА РК. Ф. 130. Оп. 1. Д. 107. Л. 1-10б.); документов, подтверждающих активное участие зырян в договорных (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 823. Л. 1; НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 810. Л. 3об.-4; НА РК. Ф. 273. Оп. 1. Д. 471. Л. 1-10б.; НА РК. Ф. 130. Оп. 1. Д. 54. Л. 1) наследственных отношениях (НА РК. Ф. 273. Оп. 1. Д. 471. Л. 1) и др. Данные факты косвенно свидетельствуют о повышении уровня грамотности и вовлеченности зырян в гражданский документооборот, принятый в государстве. В зырянской крестьянской среде достаточно уважительно относились к людям, имевшим хотя бы начальное образование. Это способствовало обучению детей, особенно мальчиков, русскому языку, русской грамоте, основам арифметических действий, письму. Осознавая перспективность обучения, зыряне стремились дать возможность своим детям получить хотя бы начальное образование. Поэтому возросший интерес к получению образования отражался в письменных приговорах крестьянских сходок и прошениях, направленных в земские управы. В них часто обозначалась необходимость открытия новых земских школ в сельской местности (Бондаренко, 1998: 10) и ставились вопросы «о повышенном образовании» (Попов, 1911: 260).

Повышению уровня грамотности и вовлеченности в образовательный процесс зырянских детей способствовало постепенное увеличение количественного состава ребят, получавших начальное образование.

Обратимся к статистическим данным, указанным в работе В.Ф. Попова (Попов, 1911: 81-80, 94-95, 103-104, 109-110, 263; Таблица 1) и отражающим количественный и гендерный состав обучающихся начальных учебных заведений в Усть-сысольском уезде.

Анализируя приведенные статистические данные, начиная с 1874–1875 учебного года по 1902–1903 учебный год, отметим, что в работе В.Ф. Попова полные показатели представлены только за два учебных периода – с 1874–1875 уч. г. по 1884–1885 уч. г.

В 1874–1875 уч. г. 406 детей, из них значительное большинство (372 мальчика) обучалось в земских учебных заведениях. Практически в два раза меньше (227 детей) училось в церковно-приходских школах. Данные по гендерному признаку отсутствуют. И всего 94 человека, из них 80 мальчиков, обучалось в городском приходском училище. Одна из причин низких количественных показателей обучающихся в городском училище заключалась в сроке обучения, который составлял 6 лет (Золотарев, 2015). Это значительный период времени, поэтому не каждое крестьянское хозяйство могло позволить отпустить «рабочие руки» на учебу.

Таблица 1. Количественный и гендерный состав обучающихся начальных учебных заведений в Усть-сысольском уезде

Год	Земские школы	Количество обучающихся (гендерный состав)		Церковно-приходские школы	Количество обучающихся (гендерный состав)		Городское приходское училище	Количество обучающихся (гендерный состав)	
		мальчиков	девочек		мальчиков	девочек		мальчиков	девочек
1874–1875 уч. г.		372	34		-	-		80	14
Общее кол-во обучающихся	406			227			94		
1884–1885 уч. г.		696	67		62	14		113	4
Общее кол-во обучающихся	763			76			117		
1887–1888 уч.г.		-	-		647	58		-	-
Общее кол-во обучающихся	-			705			-		
1902–1903 уч.г.		-	-		1407	496		-	-
Общее кол-во обучающихся	-			1903			-		

Таким образом, всего во всех начальных учебных заведениях Усть-сысольского уезда в рассматриваемый период обучалось 727 детей, из которых мальчиков было значительное большинство. Не все крестьяне исследуемых уездов осознавали значение грамотности для девочек. В зырянском обществе бытовали обычно-правовые воззрения, основанные на утилитарном значении обучения, согласно которому они определяли моральную ценность и полезность образования для мальчиков. В крестьянском правосознании доминировало представление необходимости получения образования мальчиками, так как им необходимо будет нести в будущем военную повинность, трудиться на отхожих промыслах, занимать общественные должности. Девочка, по мнению крестьян, будет заниматься хозяйством в своей деревне, выйдя замуж, «растворится в семье», где можно обойтись и без образования. Поэтому ввиду отсутствия финансовой возможности дать образование всем детям крестьяне предпочитали обучать мальчиков.

В 1884–1885 уч. г. общее количество обучающихся детей возросло до 956-ти человек. Из них 763 ребенка обучались в земской школе. Из них мальчиков – 696, т.е. значительное большинство. Значительно меньше детей (76) обучалось в церковно-приходских школах. Из них девочек было только 14 человек. А в городском приходском училище обучалось 117 детей (мальчиков – 113). Поэтому к 1884–1885 учебному году, несмотря на увеличение общего количества обучающихся, наметилась тенденция к сокращению практически втрое – с 227-ми до 76-ти детей, получавших знания в церковно-приходских школах (по сравнению с 1874–1875 учебным годом). Также с 94-х до 117-ти за десятилетний период возросло количество обучающихся в городском приходском училище.

Начиная с 1887–1888 учебного года по 1902–1903 учебный год можно судить только о состоянии количественных показателей для церковно-приходских школ. Отметим тенденцию, направленную на увеличение общего числа обучающихся в церковно-приходских школах в 1887–1888 уч. г. до 705 человек. О.Е. Бондаренко объясняет такой факт возросшим с 1885 года объемом финансирования школ (Бондаренко, 1998: 14), оплаты труда учителей, работавших в них (Сборник постановлений..., 1913: 223-224). Кроме того, выявляла свои результаты проводившаяся в зырянских селениях в конце XIX века пропаганда о пользе и важности получения детьми начального образования. Земства также боролись с широко распространенной обычно-правовой практикой, связанной с отвлечением детей от школы на различные деревенские праздники, мероприятия, свадьбы, постепенно убеждая не только детей, но и родителей в необходимости получения образования. Поэтому отношение населения к школе становится более доверительным, земства сумели заинтересовать крестьянское общество в школьном обучении, так как крестьяне к концу XIX века четко понимали учебно-воспитательную роль начальной школы.

К 1902–1903 уч. г. количество детей, получавших знания в церковно-приходских школах, возросло более чем в 2,5 раза по сравнению с 1887–1888 уч. г. и составляло 1 903 человека, из них преобладающее число составляли мальчики – 1407. Четко определилась тенденция в резком увеличении количества обучающихся. Девочек по-прежнему было значительно меньше, чем мальчиков.

В рассматриваемый период экономически доступной для получения образования крестьянскими детьми оставалась именно начальная школа. В это время существовало четыре типа начальных школ, которые были распространены в Зырянском крае. Речь идет о министерских, земских, церковно-приходских школах и менее распространенных школах по обучению грамоте. Все они имели различную ведомственную подчиненность. Также они отличались перечнем обязательных к изучению учебных дисциплин и сроками обучения. Если министерские и земские начальные школы находились в ведении Министерства народного просвещения, а срок обучения в них составлял от 3-х до 5-ти лет (Бондаренко, 1998: 11), то церковно-приходские школы и школы грамоты контролировались Синодом.

В конце XIX века были утверждены «Примерные программы...» дисциплин, которые преподавались в начальной школе (Примерные программы..., 1897: 36). Речь шла о таких дисциплинах, как Закон Божий, чистописание, церковно-славянская грамота, арифметика, русский язык, церковное пение, а также при наличии возможности добавлялась гимнастика (Примерные программы..., 1897: 6).

В земских школах преподавали наиболее подготовленные педагоги. В них часто открывались специализированные классы по обучению ремеслу.

Представители православного духовенства открывали начальные училища – церковно-приходские школы (ПСЗ. Т. IV. № 2318). В них значительное внимание уделялось изучению основ церковной грамотности, истории православной церкви и государства Российского (ПСЗ. Т. IV. № 2318).

Зыряне хорошо осознавали не только преимущества, которые появлялись у человека, закончившего начальную школу, но и те льготы, которые предоставляло подобное обучение.

Выше уже было отмечено (Таблица 1) численное преобладание мальчиков среди обучающихся начальных учебных заведений в Усть-сысольском уезде. Одной из причин этого являлось получение льгот при несении военной службы для лиц, обладающих свидетельством об окончании начальной школы. Для них сокращался срок действительной военной службы.

После введения в 1864 году положения о начальных училищах (Указ Св. Синода..., 1864: 52) руководство за их деятельностью осуществляли уездные (губернские) училищные советы. Они были наделены также и контрольно-надзорными функциями, в рамках которых инспектировали училища и протоколировали отчеты (НА РК. Ф. 177. Оп. 1. Д. 48. Л. 3, 5). С 1874 года за состояние начальных училищ были ответственны и попечители (Положение..., 1874: 261). С 1864 года (ПСЗ. Т. XXXIX. № 40457) после создания земств ситуация с содержанием народных училищ стала улучшаться, так как земства часто содержали такие учебные заведения, что позволило значительно улучшить материальное положение и осуществить переход к бесплатному начальному обучению. Финансируя постройку новых школ, проведение ремонта в ранее действовавших школах, приобретая необходимую мебель, учебные пособия, организуя горячее питание обучающихся, земства давали возможность детям из небогатых семей получить желаемое образование.

Такая деятельность показала соответствующий результат. Так, в 1894 году в Усть-сысольском уезде существовало 47 начальных учебных заведений всех ведомств (Фальборк, Чарнолуцкий, 1900: 32), а в Яренском уезде их было 35. Ситуация значительно меняется уже в конце 90-х годов XIX века. Так, к 1898–1899 уч. г. в Усть-сысольском и Яренском уездах функционируют следующие начальные школы (Таблица 2; Начальное..., 1902: 109). Причем общее количество всех начальных учебных заведений различных ведомств в Усть-сысольском уезде к 1898 году уже составляет 54 (увеличилось на 7 по сравнению с 1894 годом), а в Яренском уезде – 43 (увеличилось на 8 по сравнению с 1894 годом).

Таблица 2. Количественный состав начальных учебных заведений в Усть-сысольском и Яренском уездах в 1898–1899 уч. г.

Уезды	Учреждения министерства народного просвещения	Земские училища	Церковно-приходские школы
Усть-Сысольский	1	21	32
Яренский	1	-	42
Всего:	2	21	74

Из Таблицы 2 следует, что количество церковно-приходских школ в Усть-сысольском и Яренском уездах к 1898–1899 уч. г. составляло 74 единицы. Это в три раза больше, чем количество земских училищ. Меньше всего (2) было начальных училищ, подведомственных Министерству народного просвещения.

Проанализируем процент школ различных типов к общему числу всех начальных школ, существовавших к 1898–1899 уч. г. в Усть-сысольском и Яренском уездах (Таблица 3; Начальное..., 1902: 112).

Таблица 3. Процент школ различных типов к общему числу всех начальных школ в 1898–1899 уч. гг. в Усть-сысольском и Яренском уездах

Уезды	Учреждения министерства народного просвещения	Земские училища	Церковно-приходские школы
Усть-Сысольский	1,1 %	23,6 %	36 %
Яренский	1,2 %	-	52,5 %
Всего:	2,3 %	23,6 %	88,5 %

Процентное соотношение начальных школ, указанное в таблице 3, подтверждает доминирование церковно-приходских школ в Усть-сысольском и Яренском уездах к 1898–1899 уч. г., их было 88,5 %. Процентное соотношение земских училищ составляло 23,6 %, а начальных училищ, подведомственных Министерству народного просвещения, – 2,3 %.

Необходимо обратить внимание, на какое количество жителей уездов приходится 1 земская, 1 церковная и 1 церковно-приходская школы в 1897 г. в Усть-сысольском и Яренском уездах (Таблица 4; Начальное..., 1902: 110-111). При выделении количества жителей, приходящихся на одну земскую школу, Усть-Сысольский уезд был назван дважды, т.е. допущена опечатка. Вероятно, авторы данных статистических сведений имели в виду Яренский уезд, поэтому численность населения, равную 5 438, относим именно к этому уезду.

Таблица 4. Число жителей, приходящихся на одну земскую, церковную и церковно-приходскую школы в 1897 г. в Усть-сысольском и Яренском уездах

Уезды	Одна земская школа	Одна церковная школа	Одна церковно-приходская школа
Усть-Сысольский	22718	582	1095
Яренский	5438	1354	2836
Всего:	28156	1936	3931

Таким образом, статистические данные, представленные на 1897 г., свидетельствуют о том, что одна земская школа приходилась на 28 156 жителей обоих уездов. Однако в Усть-Сысольском уезде одна земская школа приходилась на 22 718 жителей, что более чем в четыре раза выше показателей соседнего уезда. Данные в таблице 4 констатируют значительное распространение среди зырян исследуемых уездов церковных и церковно-приходских школ.

Кроме того, важно отметить, что материалы первой всеобщей переписи всего населения Российской империи 1897 года позволяют судить не только о количестве проживавших (Первая..., 1898: 10) на территории Усть-сысольского и Яренского уездов, но и о количестве грамотных (Бондаренко, 1998: 21; Таблица 5).

Таблица 5. Количественный состав и уровень грамотности населения в 1897 г. в Усть-сысольском и Яренском уездах

Уезды	Количество населения (чел.)		Количество грамотных (чел.)	
	мужчины	женщины	мужчин	женщин
Усть-Сысольский	46085	49295	10688	2345
Яренский	22574	24464	7879	1909
Всего:	68659	73759	18567	4254

Переводя в процентное соотношение статистические данные, представленные в Таблице 5, необходимо отметить, что в конце XIX века в Усть-Сысольском и Яренском уездах насчитывалось 27,04 % грамотных мужчин и 5,7 % грамотных женщин. По мнению О.Е. Бондаренко, «по сравнению с 60-ми годами XIX века уровень грамотности ... в Коми вырос примерно в три раза» (Бондаренко, 1998: 21). Безусловно, этот положительный результат был достигнут благодаря деятельности начального звена образования.

В начале XX в. на государственном уровне санкционируется дополнительное финансирование из государственной казны, направленное на нужды начального образования. Так, в соответствии с Законом от 3 мая 1908 года государство выделяло дополнительно на развитие начального образования в местностях, «где выяснится особый недостаток в училищах...» (ПСЗ. Т. XXVIII. № 30328), денежные пособия.

Несмотря на предпринятые государством усилия, существовавшая в начале XX века сеть начальных школ в Коми не могла обеспечить реализацию принципа общедоступности. Многие школы находились на расстоянии более чем 5 верст. Проживание в суровых климатических условиях на значительном удалении от школ – не все дети могли самостоятельно преодолеть эти препятствия. Отдаленность школ от селений, весенне-осенние распутицы препятствовали освоению в полном объеме учебного материала. Существовали и другие проблемы в начальном образовании. К ним относились недостаток специально оборудованных учебных помещений, учебных пособий, часто возникавшие проблемы с посещением детей начальных училищ из-за бедности семей и недостатка рабочих рук. Детей стремились не отрывать от сельских работ (Попов, 1911: 93).

Однако важно отметить, что начальные учебные заведения имели положительное влияние на население. Уменьшались такие пагубные социальные явления, как пьянство, грубость нравов, искоренялись пороки и вредные обычаи, непристойное сквернословие. В среде зырян распространялись и укреплялись такие нормы, как знание русского языка, вежливость в обращении, усердное посещение церкви, стремление обучать собственных детей в школе и повышать нравственный уровень (Бондаренко, 1998: 25).

5. Заключение

Таким образом, начальная школа в жизни зырян Яренского и Усть-Сысольского уездов в конце XIX – начале XX вв. имела большое значение. Уходя от архаических воззрений, коми-крестьяне хорошо осознавали необходимость получения их детьми начального образования как первой образовательной ступени. В основе развития Коми края в это время важную роль имело образование, которое способствовало получению первичных учебных навыков письма, счета, чтения, а также повышению уровня правовой культуры населения, что, в свою очередь, служило базой для дальнейшего развития края. Государство, уделяя значительное внимание и проявляя особую заботу о развитии образования в Усть-Сысольском и Яренском уездах, рассматривало его как один из важнейших факторов развития крестьянского общества, в котором начинают трансформироваться обычно-правовые воззрения. Нормативно регламентировалась и санкционировалась деятельность органов, руководивших, контролировавших, финансировавших деятельность народных училищ. Все эти меры способствовали к началу XX века успешным начинаниям в развитии начального образования. При получении начального образования преимущественное количество сохранялось за мальчиками, так как, по мнению крестьян, именно мальчикам оно было более необходимо.

Литература

- Бондаренко, 1998 – Бондаренко О.Е. Учебные заведения в Коми крае в конце XIX – начале XX веков. Сыктывкар, 1998, 190 с.
- Вайровская, 1996 – Вайровская С.В. Земская школа в Коми крае последней трети XIX века // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар, 1996. С. 42-46.
- Вайровская, 2001 – Вайровская С.В. Земство Коми края (1869–1918 гг.). Сыктывкар: Коми научный центр, Институт языка, литературы и истории, 2001. 129 с.
- Золотарев, 2015 – Золотарев О.В. Коми учительство. Краткий очерк истории. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 184 с.
- Иногородская школа..., 1916 – Иногородская школа. Сборник статей и материалов по вопросам иногородской школы. Под. общ. ред. Г.Г. Тумима, В.А. Зеленко. Петроград, 1916. 254 с.
- Мамадышский, 1910 – Мамадышский Н.Н. Усинский край. Подворно-экономическое исследование поселений р. Усы Печорского уезда в 1909 г. Архангельск: Губернская типография, 1910. 73 с.
- Михеев, 1955 – Михеев Н.А. Из истории коми начальной школы // Ученые записки Пятигорского пединститута. Вып. IX. Пятигорск, 1955. С. 69-106.
- Мосин, 1927 – Мосин В. Начальное образование среди коми народа в прошлом // Коми просвещенец. 1927. № 1 (7). С. 3-18.
- НА РК – Национальный архив Республики Коми.
- Начальное..., 1902 – Начальное образование в Вологодской губернии по сведениям 1898–1899 гг. Т. 2. Ярославль-Вологда: Типо-лит. Шахова и Клыкова, 1902. 161 с.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- Первая..., 1898 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 1. СПб.: Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. Дел, 1898. 35 с.
- Положение..., 1874 – Положение о начальных народных училищах от 25 мая 1874 // Вологодские епархиальные ведомости. 1874. № 15. С. 259-266.
- Попов, 1911 – Попов В.Ф. История земской школы и первоначального народного образования в Усть-сысольском уезде. Усть-сысольск: Усть-сысол. уезд. земство Вологод. губ., 1911. 306 с.
- Примерные программы..., 1897 – Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства Министерства народного просвещения от 7 февраля 1897 г. Вятка: Типография Майшеева, бывшая Куклина и Красовского, 1897. 36 с.

ПСЗ РИ – XXXIX – ПСЗ, Собрание (1825–1881). Т. XXXIX (1864). Ч. I. № 40457. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 03.09.2024).

ПСЗ РИ – IV – ПСЗ, Собрание (1881–1913). Т. IV (1884). № 2318 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 03.09.2024).

ПСЗ РИ – XXVIII – ПСЗ, Собрание (1881–1913). Т. XXVIII (1908). № 30328 [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 31.10.2024).

Сборник постановлений..., 1913 – Сборник постановлений Усть-Сысольского уездного земского собрания за 13 лет. (1898–1910 гг.). 1913. С. 223–224.

Указ Св. Синода..., 1864 – Указ Св. Синода «О введении в действие положения о начальных народных училищах» от 31 августа 1864 // *Вологодские епархиальные ведомости*. 1864. № 4. С. 47–56.

Фальборк, Чарнолуцкий, 1900 – Фальборк Г.А., Чарнолуцкий В.И. Начальное народное образование в России. Санкт-Петербург: Тип. товарищества «Народная польза», Т. 1. 1900–1905. 407 с.

Koroleva, 2024 – Koroleva L.A. The Development of the Female Education System in the Penza Province in the 1850–1880 // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 129–136.

Mineeva et al., 2024 – Mineeva E.K., Zykina A.P., Ivanova T.N, Soshko I.A. Development of the Russian Education System in the first quarter of the XIX century. The Main Provisions of the Charter of 1804 // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1124–1136.

Rajović, Bratanovskii, 2024 – Rajović G., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 2 // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 325–331.

References

Bondarenko, 1998 – Bondarenko, O.E. (1998). Uchebnye zavedeniya v Komi krae v kontse XIX – nachale XX vekov [Educational institutions in the Komi Region in the late XIX – early XX centuries]. Syktyvkar, 190 p. [in Russian]

Fal'bork, Charnoluskii, 1900 – Fal'bork, G.A., Charnoluskii, V.I. (1900). Nachal'noe narodnoe obrazovanie v Rossii [Primary public education in Russia]. Sankt-Peterburg: Tip. tovarishchestva «Narodnaya pol'za», Т. 1. 1900–1905. 407 p. [in Russian]

Inorodcheskaya shkola..., 1916 – Inorodcheskaya shkola. Sbornik statei i materialov po voprosam inorodcheskoi shkoly [A foreign school. Collection of articles and materials on the issues of the foreign school]. Pod. obshch. red. G.G. Tumima, V.A. Zelenko. Petrograd, 1916. 254 p. [in Russian]

Koroleva, 2024 – Koroleva, L.A. (2024). The Development of the Female Education System in the Penza Province in the 1850–1880. *Bylye Gody*. 19(1): 129–136.

Mamadyshskii, 1910 – Mamadyshskii, N.N. (1910). Ussinskii krai. Podvorno-ekonomicheskoe issledovanie poselenii r. Ussy Pechorskogo uezda v 1909 g. [The Ussinsk region. Farmstead and economic study of the settlements of the Ussa river of the Pechora district in 1909]. Arkhangel'sk: Gubernskaya tipografiya, 73 p. [in Russian]

Mikheev, 1955 – Mikheev, N.A. (1955). Iz istorii komi nachal'noi shkoly [From the history of Komi elementary school]. *Uchenye zapiski Pyatigorskogo pedinstituta*. Vyp. IX. Pyatigorsk. Pp. 69–106. [in Russian]

Mineeva et al., 2024 – Mineeva, E.K., Zykina, A.P., Ivanova, T.N, Soshko, I.A. (2024). Development of the Russian Education System in the first quarter of the XIX century. The Main Provisions of the Charter of 1804. *Bylye Gody*. 19(3): 1124–1136.

Mosin, 1927 – Mosin, V. (1927). Nachal'noe obrazovanie sredi komi naroda v proshlom [Primary education among the Komi people in the past]. *Komi prosveshchenets*. 1(7): 3–18. [in Russian]

NA RK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Komi [The National Archive of the Komi Republic].

Nachal'noe..., 1902 – Nachal'noe obrazovanie v Vologodskoi gubernii po svedeniyam 1898–1899 gg. [Primary education in the Vologda province according to data from 1898–1899]. Т. 2. Yaroslavl'-Vologda: Tipo-lit. Shakhova i Klykova, 1902. 161 p. [in Russian]

Pervaya..., 1898 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first general population census of the Russian Empire in 1897]. Vyp. 1. SPb.: Izd. Tsentr. stat. kom. M-va vn. Del, 1898. 35 p. [in Russian]

Polozhenie..., 1874 – Polozhenie o nachal'nykh narodnykh uchilishchakh ot 25 maya 1874 [Regulations on primary public schools of May 25, 1874]. *Vologodskie eparkhial'nye vedomosti*. 1874. № 15. Pp. 259–266. [in Russian]

Popov, 1911 – Popov, V.F. (1911). Istoriya zemskoi shkoly i pervonachal'nogo narodnogo obrazovaniya v Ust'-sysol'skom uezde [The history of the zemstvo school and primary public education in Ust-Sysolsky district]. Ust'-sysol'sk: Ust'-sysol. uezd. zemstvo Vologod. gub., 306 p. [in Russian]

Primernye programmy..., 1897 – Primernye programmy predmetov, prepodavaemykh v nachal'nykh narodnykh uchilishchakh vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya ot 7 fevralya 1897 g. [Sample programs of subjects taught in primary public schools of the Department of the Ministry of Public Education dated February 7, 1897]. Vyatka: Tipografiya Maisheeva, byvshaya Kuklina i Krasovskogo, 1897. 36 p. [in Russian]

PSZ RI – IV – PSZ [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sbranie (1881–1913), Т. IV (1884). № 2318 [Electronic resource]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of access: 03.09.2024). [in Russian]

PSZ RI – XXVIII – PSZ [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie (1881–1913). T. XXVIII (1908). № 30328 [Electronic resource]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of access: 31.10.2024). [in Russian]

PSZ RI – XXXIX – PSZ [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie (1825–1881). T. XXXIX (1864). Ch. I. № 40457. [Electronic resource]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of access: 03.09.2024). [in Russian]

Rajović, Bratanovskii, 2024 – Rajović, G., Bratanovskii, S.N. (2024). The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 2. *Bylye Gody*. 19(1): 325-331.

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Sbornik postanovlenii..., 1913 – Sbornik postanovlenii Ust'-Sysol'skogo uездnogo zemskogo sobraniya za 13 let. (1898-1910 gg.) [Collection of resolutions of the Ust'-Sysolsky district zemstvo assembly for 13 years. (1898-1910)]. 1913. Pp. 223-224. [in Russian]

Ukaz Sv. Sinoda..., 1864 – Ukaz Sv. Sinoda «O vvedenii v deistvie polozheniya o nachal'nykh narodnykh uchilishchakh» ot 31 avgusta 1864 [Decree of the Holy Synod "On the enactment of the regulations on primary public schools" dated August 31, 1864]. *Vologodskie eparkhial'nye vedomosti*. 1864. № 4. Pp. 47-56. [in Russian]

Vairovskaya, 1996 – Vairovskaya, S.V. (1996). Zemskaya shkola v Komi krae poslednei treti XIX veka [Zemstvo school in the Komi region of the last third of the XIX century]. *Stefan Permskii i sovremennost'*. Syktyvkar. Pp. 42-46. [in Russian]

Vairovskaya, 2001 – Vairovskaya, S.V. (2001). Zemstvo Komi kraja (1869-1918 gg.) [Zemstvo of the Komi region (1869–1918)]. Syktyvkar: Komi nauchnyi tsentr, Institut yazyka, literatury i istorii, 129 p. [in Russian]

Zolotarev, 2015 – Zolotarev, O.V. (2015). Komi uchitel'stvo. Kratkii ocherk istorii [Komi teaching. A brief history outline]. Syktyvkar: IYaLI Komi NTs UrO RAN, 184 p. [in Russian]

Начальная школа в жизни зырян в конце XIX – начале XX вв.: трансформация обычно-правовых воззрений

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, *}, Кайрат Кулбакович Атабеков ^b, Денис Андреевич Ширёв ^c, Татьяна Сергеевна Бессонова ^d

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Кыргызско-Российский Славянский Университет, Кыргызская Республика

^c Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумба (РУДН), Российская Федерация

^d МИРЭА – Российский технологический университет, Проспект Вернадского, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Функционирование начальной школы в Коми, где в конце XIX – начале XX вв. преимущественно проживали зыряне, находилось в тесной взаимосвязи не только с культурными процессами, происходившими в крае и государстве, но и с социально-политическими, общественно-экономическими изменениями.

Начальная школа в жизни зырян Яренского и Усть-Сысольского уездов в конце XIX – начале XX вв. имела большое значение. Уходя от архаических воззрений, коми-крестьяне хорошо осознавали необходимость получения их детьми начального образования как первой образовательной ступени. В основе развития Коми края в это время важную роль имело образование, которое способствовало получению первичных учебных навыков письма, счета, чтения, а также повышению уровня правовой культуры населения, что, в свою очередь, служило базой для дальнейшего развития края. Государство, уделяя значительное внимание и проявляя особую заботу о развитии образования в Усть-Сысольском и Яренском уездах, рассматривало его как один из важнейших факторов развития крестьянского общества, в котором начинают трансформироваться обычно-правовые воззрения. Нормативно регламентировалась и санкционировалась деятельность органов, руководивших, контролировавших, финансировавших деятельность народных училищ. Все эти меры способствовали к началу XX века успешным начинаниям в развитии начального образования. При получении начального образования преимущественное количество сохранялось за мальчиками, так как, по мнению крестьян, именно мальчикам оно было более необходимо.

Ключевые слова: начальное образование, зыряне, земства, начальные школы, Коми край, обычно-правовые воззрения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 451-458
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.451

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

S.N. Bulgakov's Socio-Political Activity in 1901–1917

Dina V. Alontseva ^{a,*}, Olga N. Grishaeva ^a, Roman V. Tikhonov ^a

^a Bunin Yelets State University, YelSU, Russian Federation

Abstract

Russian religious philosopher, theologian, and jurist, known for his socio-political activities, especially in the context of Russian emigration and philosophical thought, Sergei Nikolaevich Bulgakov, in the period 1901–1917. The authors note that the scientist left a significant contribution to the socio-political life of Russia in the early 20th century, combining philosophical reflections on issues of religion, culture and politics, law and the state with active political and state activity. S.N. Russian religious philosopher Bulgakov was one of the representatives of Russian religious philosophy, his works are devoted to theology, metaphysics and philosophy, he sought to comprehend and preserve the Russian spiritual tradition in the context of political and social changes. S.N. Bulgakov considered the relationship between religious values and legal norms, morality as the basis of law in the context of the interaction of religion and secular legislation.

In his socio-political activities, he focused on the social responsibility of the individual to society and the state, and his ideas about human freedom and responsibility in the context of government became the basis for further research in the field of philosophy of law. Advocating the ideas of social justice and humanism, he criticized both capitalism and socialism, and sought ways to achieve harmony between the spiritual and material aspects of life, which was reflected in his scientific works.

Thus, the study of S.N. Bulgakov's socio-political activities is a multifaceted field that covers the philosophical, social and political aspects of his legacy, helps to better understand his complex and multifaceted views on law and the state, as well as their impact on domestic political and legal thought.

Keywords: political and legal views of S.N. Bulgakov, socio-political life, creative heritage.

1. Введение

Сергей Николаевич Булгаков (отец Сергей), русский мыслитель первой половины XX в., прошел в своих философских исканиях сложный путь от убежденного сторонника марксизма с его исключительно материалистическим подходом к мировосприятию до философа-идеалиста, развившего учение В.С. Соловьева и вставшего в один ряд с такими философами, как П.А. Флоренский и Н.А. Бердяев.

Его жизненный путь можно разделить на три части: период приверженности марксизму, период полемики с марксизмом и период развития собственного философского учения о Софии, Премудрости Божией. Однако истоки этого учения лежат, безусловно, во втором периоде жизни С.Н. Булгакова, во времени, когда он активно занимался общественной и политической деятельностью, которая приходится на промежуток между 1901 и 1918 гг. Время это совпало со столь же бурным периодом в истории самой России: Русско-японская война, русская революция, реформы, попытки страны выйти из затянувшегося кризиса, наконец, Первая мировая война. Все это разворачивалось на фоне противостояния многочисленных общественных и политических движений.

* Corresponding author

E-mail addresses: dina.alontseva@mail.ru (D.V. Alontseva), olya.grishaeva.85@mail.ru (O.N. Grishaeva), 478042316789@mail.ru (R.V. Tikhonov)

В настоящей статье мы предпринимая попытку рассмотреть основные вехи общественно-политической деятельности С.Н. Булгакова в этот период (1901–1918 гг.) во взаимосвязи с внешними факторами, обусловившими его мировоззренческие искания, проследить эволюцию его взглядов и убеждений на пути между апологетикой марксизма и собственной глубоко идеалистической концепцией Софии, Премудрости Божией.

2. Материалы и методы

Основным источником исследования послужили сочинения Сергея Николаевича Булгакова, имеющиеся в фондах Российской государственной библиотеки (Булгаков, 1903: 376; Булгаков, 1906: 47; Булгаков, 1946: 165; Булгаков, 1994: 415; Булгаков, 2009: 464). Кроме того, в работе использовались материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 277. Л. 138), Государственного архива Орловской области (ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5019), а также издания и документы Священного Собора Православной Российской Церкви (Деяния. Книга III, 1918: 260).

Методологическая база исследования основана на позитивистском подходе, акцентирующем внимание на объективности, эмпирических данных и научной строгости. В работе применялись историко-генетический и историко-сравнительный методы. Использование историко-генетического метода позволило проследить государственно-политическую деятельность русского ученого-правоведа и общественного деятеля Сергея Николаевича Булгакова. Историко-сравнительный метод, в свою очередь, помог сделать вывод о существенной роли трудов С.Н. Булгакова в области российской исторической и юридической науки.

3. Обсуждение

Исследование политико-правовых взглядов Сергея Николаевича Булгакова привлекает внимание многих ученых и историков права, поскольку его идеи о государстве и праве, политике и обществе формировались под влиянием как русской, так и западной философской традиции.

С.Н. Булгаков оставил значительный след в общественно-политической жизни Российского государства. В отечественной историографии есть ряд очерков, посвященных исследованию творческого и общественно-политического наследия мыслителя. Изучению общественно-политических идей ученого в разные годы его жизни и творчества посвящены работы Е.Я. Засядь-Волк (Засядь-Волк: 2008: 113-117); религиозно-философскому наследию – работы В.Н. Акулинина (Акулинин: 1990, 165), Н.К. Бонепкой (Бонепкая: 1999: 72), М.А. Колерова (Колеров: 1993: 101-114), И.Б. Роднянской (Роднянская: 1989: 6), В.В. Сапова (Сапов, 1990: 101-111), А. Самсина (Самсин: 2005, 170-178). Отдельным этапам жизни и творчества правоведа посвящены работы З.В. Гришиной (Гришина: 1994: 9-26), Ю.Н. Давыдова (Давыдов: 2008: 3-51), К.М. Долгова (Долгов: 2004: 817-844), Е.М. Селезневой (Селезнева: 1995: 189), С.Б. Филимонова (Филимонов: 2006, 220-226).

Материалы и обобщения, представленные в настоящей статье, существенно дополняют историко-правовую науку в части исследования историко-правовых аспектов общественно-политической жизни общества России в начале XX века.

4. Результаты

Разочарованный в марксизме после двухгодичного (1898–1899 гг.) пребывания на его родине, в стране Маркса – Германии, С.Н. Булгаков вернулся в Россию с совершенно противоположными философскими взглядами, обретенными им после тесного знакомства с философией Иммануила Канта. Именно это стало отправной точкой к переориентации, а вернее, к возвращению философа с позиций материализма к идеализму, разрыв с которым произошел еще в юношеские годы, во время обучения в Орловской духовной семинарии, закончившегося попыткой самоубийства.

По возвращении в Россию С.Н. Булгаков в 1900 г. защитил в Московском университете диссертацию «Капитализм и земледелие», которая подытожила его путешествие в Европу. Уже в ней отчетливо проступило разочарование в марксизме как теории, которая способна убедительно объяснить глубинные причины исторических процессов. Однако ученый совет, где проходила защита, несмотря на изначальный прицел автора на докторскую степень, счел диссертацию достаточной лишь для присвоения магистерского звания. После защиты в 1901 г. С.Н. Булгаков переехал в Киев, где стал преподавать в Киевском политехническом институте в должности экстраординарного профессора и в Киевском университете Святого Владимира в качестве приват-доцента.

С 1901 г. начинается второй период становления философских взглядов С.Н. Булгакова, на начальном этапе которого он позиционировал себя как приверженца христианского социализма. Это направление общественной мысли, зародившееся еще в первой половине XIX в. в Европе, предполагало объединение социалистических представлений об экономической организации общества с христианской этикой и моралью, которые должны стать основой, на которой и будет построен социалистический мир. Соблюдение христианских заповедей, следование учению Христа на пути к спасению естественным образом позволит добиться справедливого распределения благ, социального равенства, всеобщего благополучия и, как следствие, избавления от грехов.

С.Н. Булгаков, будучи в поисках новой философской концепции, которая смогла бы ответить на вопросы о глубинной сути религиозных исканий человеческой души, обращается к этим взглядам после знакомства с идеями В.С. Соловьева, философа второй половины XIX в. Учение В.С. Соловьева основывается на представлении об основополагающей роли христианства в общественной жизни. Идеальной формой государственности, по В.С. Соловьеву, является христианская теократия, воплотить которую, по мнению философа, было суждено России. Уже в 1903 г. С.Н. Булгаков опубликовал сборник статей «От марксизма к идеализму», тем самым официально подтверждая изменение своих мировоззренческих позиций. В сборник вошли некоторые его работы 1896–1903 гг., которые он сам счел наиболее ярко иллюстрирующими эволюцию собственных взглядов и переход философа от материалистических представлений к идеалистическим (Булгаков, 1903: 1).

Тогда же, в 1903 г., философ становится соучредителем «Союза освобождения», который возник из читателей журнала «Освобождение», нелегального эмигрантского издания П.Б. Струве. Учредительное собрание Союза прошло в Швейцарии. Помимо прочих, в нем приняли участие сам П.Б. Струве и единомышленник С.Н. Булгакова, философ Н.А. Бердяев. Целью союза должно было стать создание политического движения, направленного на отстаивание политических свобод в Российской империи, требование дарования конституции при сохранении монархии, решение земельного вопроса и обеспечение прав трудящихся.

Подобные движения были характерным явлением для России начала XX в., они стали своего рода симптомом грядущего кризиса, вылившегося в первую русскую революцию 1905–1907 гг. Членство С.Н. Булгакова в «Союзе освобождения» стало естественным результатом приверженности философа идеям христианского социализма с его явным тяготением к либеральной и социалистической оппозиции. Он вошел в киевскую группу либерал-демократов этой организации. «Союз освобождения», а вместе с ним и С.Н. Булгаков, принимал непосредственное участие в подготовке первой русской революции 1905 г. Представители этой организации были одними из тех, кто окончательно убедил Г.А. Гапона в необходимости донести до царя нужды народа, что закончилось Кровавым воскресеньем 9 января 1905 г.

От В.С. Соловьева С.Н. Булгаков воспринял идею «христианской политики», сущность которой состояла в объединении церквей, католической и православной, в единую Церковь, признающую при этом главенство Папы Римского и автономию Восточных патриархий. Объединенная Церковь должна была нести миссию спасения человечества и подготовку к пришествию Царствия Божия всем народам Земли, отринув тем самым политику националистического эгоизма, которая встала во главу угла с появлением национальных государств. Он также ратовал за отделение Церкви от государства, что соответствовало тенденциям, наметившимся в России к началу XX в. Разговоры о необходимости церковной реформы, о неправильности подчинения Церкви государству Петром I, о возвращении патриаршества велись на заседаниях различных религиозно-философских кружков, в то время разрешенных Николаем II (Алонцева и др., 2023: 2130). В 1905 г. С.Н. Булгаков пытался реализовать эти идеи через создание «Союза христианской политики».

Идея «Союза христианской политики» появилась на фоне революционных событий 1905 г. 17 октября 1905 г. император Николай II подписал свой знаменитый Манифест, известие о котором воодушевило С.Н. Булгакова. Он пришел к выводу о том, что медлить нельзя и необходимо воспользоваться ситуацией, создать собственную политическую партию, которая бы решила задачи, поставленные теорией «христианской политики» В.С. Соловьева. Философ опубликовал статью «Неотложная задача», в которой призывал к активизации христиан, к участию в политической жизни страны, отстаиванию общечеловеческих прав и свобод. Здесь же он выступил с критикой марксизма, указывая, что это учение так успешно лишь потому, что ему нет подходящей альтернативы, и подразумевая под ней христианскую общину, придерживающуюся пока индифферентных позиций в отношении государственной политики (что, по мнению автора, было преступно) (Булгаков, 1906: 26). Обвиняя христиан в безразличии, С.Н. Булгаков в этой статье подчеркивал также один из недостатков марксизма, который, по его мнению, заключается в очернении религии как феномена (Булгаков, 1906: 27).

На первых порах идея создания «Союза» привлекла к себе круг единомышленников С.Н. Булгакова из среды неославянофилов, в т.ч. Н.А. Бердяева, А.В. Карташева, А.С. Глинку и ряд других. Однако, как отмечают исследователи, стремление С.Н. Булгакова к созданию внефракционного общественного течения вкупе с недостаточной радикальностью взглядов, а также апелляция к христианству как основополагающему фактору всей политики «Союза», привели к тому, что это движение не сумело набрать популярности ни у сторонников С.Н. Булгакова по «Союзу освобождения», ни в центристской кадетской среде (Засядь-Волк, 2008: 115). Даже бывшие единомышленники выступили с критикой проекта булгаковской партии, в их числе – П.Б. Струве и Н.А. Бердяев. Критике подвергалась, в частности, попытка уместить одну из мировых религий – христианство – в рамки какой бы то ни было политической партии. По мнению критиков, христианство есть нечто более глобальное, способное объединить в себе людей с самыми разнообразными политическими устремлениями (Засядь-Волк, 2008: 116).

По существу проект «Союза христианской политики» так никогда и не был воплощен в жизнь. Уже в 1906 г. С.Н. Булгаков практически полностью отказался от идеи создания христианско-социалистической партии, однако современные историки положительно оценивают это начинание. Будучи специалистом в области экономики, философ, возможно, мог создать по-настоящему социально ориентированную политическую программу, если бы его идеи нашли больший отклик в годы первой русской революции (Засядь-Волк, 2008: 116). Тогда же, в 1906 г., С.Н. Булгаков вернулся из Киева в Москву, став приват-доцентом Московского университета, а в 1907 г. стал преподавать политэкономии в Московском коммерческом институте.

В 1906 г. С.Н. Булгаков оказался депутатом в составе Первой Государственной Думы. В нее он попал в качестве беспартийного христианского социалиста от Орловской губернии и за четыре месяца существования Думы I созыва полностью разочаровался в ней. Впоследствии он вспоминал: «Я не знал в мире места с более нездоровой атмосферой, нежели общий зал и кулуары Государственной Думы, где потом достойно воцарилась бесовская игрища советских депутатов» (Булгаков, 1946: 80). Свою деятельность в качестве депутата он также оценивал негативно и признавал, что не годен им быть. Этот первый реальный опыт участия в политической жизни на государственном уровне серьезно пошатнул интерес философа к этой сфере деятельности.

II созыв Государственной Думы окончательно отвратил С.Н. Булгакова от непосредственной политической деятельности. Однако в разочаровавшей ученого Думе нашелся человек, заслуживший его симпатии – это министр внутренних дел П.А. Столыпин. Его проект решения аграрного вопроса вызвал одобрение С.Н. Булгакова. В 1907 г. глава семейства Булгаковых получил от императора потомственное дворянство, и таким образом С.Н. Булгаков также обрел дворянское достоинство (ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5019). В этот период он постепенно начинает сдавать позиции убежденного сторонника конституционной монархии. Разочарование в идеях революции в целом, по его собственному признанию, наступило задолго до того, еще в 1905 г. Окончательно порвав с политикой, в годы III созыва Думы он укреплялся в монархических идеях.

В 1909 г. С.Н. Булгаков совместно с П.Б. Струве и Н.А. Бердяевым стал одним из авторов сборника «Веги», работы в котором были посвящены осмыслению итогов первой русской революции. В работах этого сборника предпринимались попытки выявить причины негативного развития революционных событий, и в целом рассматривались два пути, которые открывались перед Россией в условиях необходимости преобразований: путь эволюционного и революционного развития. Не все современники положительно оценивали деятельность авторского коллектива «Вех» и содержание их статей. В частности, крайне негативно о них отзывались В.И. Ленин и П.Н. Милуков.

Именно 1909 г. стал переломным в мировоззрении С.Н. Булгакова. Если прежде он стоял на позициях христианского социализма, ограничения самодержавия и был приверженцем идеи полного отделения Церкви от государства, то с этого момента он начинает придерживаться новой идеологии – христианской теократии, о которой писал в своих работах В.С. Соловьев. В своих философских исканиях в период между 1906 и 1910 гг. С.Н. Булгаков часто обращался к исследованиям раннехристианской Церкви, стремясь найти в них фундаментальные основы, неподвластные времени, на которых бы можно было выстроить обновленное мировоззрение.

В 1910 г. С.Н. Булгаков познакомился с П.А. Флоренским, который произвел на него глубочайшее впечатление как разносторонне одаренный ученый, сведущий в математике, физике, философии и богословии. Знакомство с отцом Павлом повлияло на дальнейшее развитие философии самого С.Н. Булгакова, заронив зерно софиологического учения в его мировоззрение. Именно от П.А. Флоренского и именно в его интерпретации С.Н. Булгаков впервые по-настоящему воспринял учение о Софии, Премудрости Божией. В этот же период начинается постепенное сближение философа с Церковью.

Результатом многочисленных философских исканий, полемики с марксизмом, изучения истории христианства, обращений к философии В.С. Соловьева и П.А. Флоренского становится одна из важнейших работ С.Н. Булгакова – «Философия хозяйства» (Булгаков, 2009). Эта работа в 1912 г. была защищена им как докторская диссертация по политической экономии. Став доктором наук, С.Н. Булгаков окончательно порывает с общественно-политической деятельностью. С 1911 по 1917 гг. его занимает только творчество: он пишет статьи и занимается научными исследованиями, развивая свою новую концепцию «софийности». Кульминацией этого периода становится работа «Свет невечерний» (Булгаков, 1994), которую сам С.Н. Булгаков считал прямым продолжением «Философии хозяйства». Творческий эскапизм полностью поглощает ученого, в своих рассуждениях он ищет первоосновы власти и сущность теократии.

Однако из творческого забытья С.Н. Булгакова вырывает 1917 г. Ударом становится свержение царской власти, сперва в виде Февральской революции, а затем и непосредственно в виде отречения Николая II в марте 1917 г. Эти события открыли новую страницу в истории Церкви. Наконец-то появилась реальная возможность провести Поместный собор, о необходимости которого говорили последние десятилетия в среде религиозной и светской интеллигенции, и решить судьбу Церкви – будет ли она подчинена государству, станет ли самостоятельной и независимой или подчинит государство себе. В августе 1917 г. в Москве открывается первая сессия Всероссийского Поместного

Собора Российской Церкви, с деятельностью которого и были связаны последние полтора года в рассматриваемом нами периоде жизни профессора С.Н. Булгакова, участие в обсуждении проекта «Определения о правовом положении Российской православной церкви» (ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 277. Л. 138).

С.Н. Булгаков активно включился в работу собора. Как профессор Московского университета он стал одним из приглашенных участников из числа мирян. Ключевым вопросом первой сессии стал вопрос о восстановлении патриаршества в России, упраздненного Петром I около двух столетий назад. Единого мнения в среде соборян по этому вопросу не было. С.Н. Булгаков выступил с докладом «Смысл патриаршества в России», который был посвящен рассуждениям об исторической роли патриарха в Московском царстве. Лейтмотивом выступления профессора была апологетика необходимости возрождения института патриаршества (Деяния. Книга III, 1918: 17).

Избрание патриарха, по мнению С.Н. Булгакова, должно было стать поворотной точкой, манифестацией отделения Церкви от государства и обретения ею независимости. Это должно было положить конец эпохе «цезарепапизма», начатой Петром I. Риторика ученого отражала его собственные идеи христианской теократии, необходимым условием для реализации которой было выведение Церкви из подчинения государственному аппарату. В итоге именно заданная С.Н. Булгаковым точка зрения возобладала на соборе, а 28 октября соборянами было принято решение об избрании патриарха, дополнительно форсированное Октябрьской революцией.

Ранее, в 1917 г., С.Н. Булгаков был избран ординарным профессором Московского университета, и перед ним открылась перспективная научная карьера, однако именно тогда, по его собственным воспоминаниям, в нем все отчетливее стала проступать тяга «к алтарю» (Булгаков, 1946: 37). Уход в священство профессора, доктора политической экономии стал бы непременным скандалом. После избрания патриарха Тихона С.Н. Булгаков обращался к нему с такой просьбой, однако тот ответил, что в своем светском качестве он куда важнее для дела Церкви, чем в виде священника. В декабре 1917 г. С.Н. Булгаков вошел в состав учрежденного патриархом Высшего церковного совета – совещательного органа при предстоятеле Русской Православной Церкви.

В январе 1918 г. началась вторая сессия Поместного собора, и в тот же момент С.Н. Булгаков узнал об обстреле Ялты большевиками. В Крыму в тот момент находилась семья профессора, и эта новость стала новым ударом для него. Великая Октябрьская революция и без того была воспринята им исключительно негативно, а после полученных известий в 1918 г. он выступил в печати с критикой новой власти.

Именно 1918 г. становится переломным в жизни ученого. Октябрьская революция уничтожила все привычные устои. С.Н. Булгаков, как и многие в те дни, оказался перед лицом неизвестности. Это и подтолкнуло его к принятию окончательного решения: он обратился к епископу Волоколамскому Федору с просьбой рукоположить его в сан. В 1911 г. этот епископ уже проводил хиротонию отца Павла (Флоренского). 10 июня 1918 г. в Даниловом монастыре епископ Федор провел таинство рукоположения, и С.Н. Булгаков принял сан диакона. На следующий день, 11 июня, в присутствии П.А. Флоренского и своих прежних соратников, Н.А. Бердяева, М.О. Гершезона, Е.Н. Трубецкого и др., он был рукоположен в священники. Уже как отец Сергей в июле 1918 г. он навсегда покинул Москву и уехал в Крым к своей семье. На этом завершились почти два десятилетия в жизни С.Н. Булгакова, за которые он из яркого сторонника марксизма, отринувшего религию еще в юношеские годы, вновь пришел к вере, сформировавшись окончательно как философ-идеалист.

5. Заключение

Рассмотренный нами фрагмент биографии С.Н. Булгакова наглядно иллюстрирует, как под влиянием внешних факторов постепенно накапливались внутренние изменения в мировоззрении философа. После первого надлома, когда поездка в Европу обнажила перед ним ограниченность марксистской теории, а знакомство с немецким идеализмом сформировало предпосылки для восприятия нематериалистических концепций, С.Н. Булгаков обратился к христианскому социализму как компромиссу между несовершенным марксизмом и идеалистическим религиозным учением. Будучи приверженцем этого течения, он активно принимал участие в деятельности либерально-демократической оппозиции. Особое влияние на его интерпретацию христианского социализма оказали труды В.С. Соловьева, теория «всеединства» и «христианская политика».

Результат деятельности многочисленных оппозиционных движений, среди которых был и «Союз освобождения», к которому принадлежал ученый, и события первой Российской революции развеяли очарование С.Н. Булгакова участием в оппозиционном движении. Однако он попытался воспользоваться ситуацией и после издания Манифеста 17 октября 1905 г. стал развивать идею создания «Союза христианской политики», объединения христиан Востока и Запада в единую общность, которая стала бы достойной альтернативой бездуховным марксистским партиям. Тем не менее раскритикованный собственными соратниками и не найдя поддержки у других политических течений, он постепенно отказался от идеи «Союза».

Участие в качестве депутата в работе Государственных дум I и II созыва окончательно отвратило С.Н. Булгакова от политической деятельности. С этого момента он полностью погрузился в

науку, опубликовав одни из своих главных работ – «Философию хозяйства» и ее идейное продолжение, «Свет невечерний». В этот же период начинается постепенное сближение ученого с официальной Церковью, идеи христианского социализма сменяются христианской же теократией и учением о «софийности», воспринятым через П.А. Флоренского от В.С. Соловьева.

В 1917 г. С.Н. Булгаков вновь активно включился в общественно-политическую жизнь, став членом Всероссийского Поместного Собора. В деятельности собора он принимал самое непосредственное участие, стоя на позициях отделения Церкви от государства и восстановления патриаршества, что согласовывалось с его идеями о христианской теократии. На фоне прихода к власти большевиков и начавшегося в стране хаоса накануне гражданской войны, когда С.Н. Булгаков «остался один перед лицом Божиим», достиг кульминации начавшийся в предреволюционные годы процесс сближения с Церковью. Ординарный профессор и доктор политической экономии Московского университета, отбросив все сомнения и перечеркнув престижную научную карьеру, принял сан, и в 1918 г. удалился в Крым. Там начался последний период его жизни. Отец Сергей окончательно превратился в теософа, готового развивать теорию «софийности», учение о Софии, Премудрости Божией, яркое и самобытное течение в русской идеалистической философии, основанное В.С. Соловьевым и подхваченное современниками С.Н. Булгакова, единомышленниками и соратниками Н.А. Бердяевым и П.А. Флоренским.

Таким образом, мы можем заключить, что наиболее активная общественно-политическая деятельность С.Н. Булгакова приходится на период 1903–1907 гг., начинаясь членством в «Союзе освобождения» и заканчиваясь роспуском II созыва Государственной Думы. С 1911 г. профессор окончательно уходит в науку (что совпадает с убийством единственного политического деятеля, которому он симпатизировал после разочарования в политической деятельности как таковой, – П.А. Столыпина), а вся его общественная деятельность ограничивается преподаванием курса политической экономии в столичных университетах. В 1917 г. ученый возвращается к политике, участвуя в заседаниях Поместного собора, а впоследствии выступая с критикой советской власти, однако в 1918 г. вновь удаляется от политической деятельности, приняв сан и покинув столицу. Тем не менее после окончательного утверждения советской власти по результатам гражданской войны С.Н. Булгаков, зарекомендовавший себя в глазах большевиков как «неблагонадежный», стал одним из пассажиров «Философского парохода», будучи высланным из РСФСР без права возвращения в 1922 г.

6. Благодарности

Авторский коллектив выражает благодарность ректорату Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина за финансовую поддержку настоящего исследования.

Литература

- Акулинин, 1990 – Акулинин В.Н. Философия всеединства: от Вл. Соловьева к П.А. Флоренскому. Новосибирск, 1990. 165 с.
- Бонецкая, 1999 – Бонецкая Н.К. Русский Фауст и русский Вагнер // *Вопросы философии*. 1999. №4. С. 72.
- Булгаков, 1903 – Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму: сборник статей (1896–1903). СПб., 1903. 376 с.
- Булгаков, 1906 – Булгаков С.Н. Неотложная задача: о союзе христианской политики. М., 1906. 47 с.
- Булгаков, 1946 – Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Париж, 1946. 165 с.
- Булгаков, 1994 – Булгаков С.Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М., 1994. 415 с.
- Булгаков, 2009 – Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 2009. 464 с.
- ГАОО – Государственный архив Орловской области.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гришина, 1994 – Гришина З.В. С.Н. Булгаков и Московский университет начала 90-х гг. XIX в. // *Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 8. История*. 1994. №2. С. 9-26.
- Давыдов, 2008 – Давыдов Ю.Н. Апокалипсис атеистической религии (С.Н. Булгаков как критик революционистической религиозности) / Булгаков С.Н. Два град: исследования о природе общественных идеалов. М., 2008. С. 3-51.
- Деяния. Книга III, 1918 – Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Книга III. Петроград, 1918. 260 с.
- Долгов, 2004 – Долгов К.М. Реконструкция эстетического в западноевропейской и русской культуре. М., 2004. С. 817-844.
- Засядь-Волк, 2008 – Засядь-Волк Е.А. «Союз христианской политики» С.Н. Булгакова: исторический опыт создания в России христианской социалистической партии // *Социум и власть*. 2008. №2. С. 113-117.
- Колеров, 1993 – Колеров М.А. С.Н. Булгаков и религиозно-философская печать (1903-1905) // *Вопросы философии*. 1993. №11. С. 101-114.
- Роднянская, 1989 – Роднянская И.Б. Сергей Николаевич Булгаков. Из истории русской философской мысли // *Литературная газета*. 1989. № 39. С.6.

- Самсин, 2005** – Самсин А. Философия хозяйства С.Н. Булгакова: постулаты и уроки // *Свободная мысль*. 2005. №8. С. 170-178.
- Сапов, 1900** – Сапов В.В. От марксизма к «христианской социологии» (Путь С.Н. Булгакова) // *Социологические исследования*. 1900. №4. С. 101-111.
- Селезнева, 1995** – Селезнева Е.М. Христианский социализм С.Н. Булгакова // *Социально-политический журнал*. 1995. №2. С. 189.
- Филимонов, 2006** – Филимонов С.Б. Ялтинское религиозно-философское общество: неизвестные материалы о С.Н. Булгакове // *Философия хозяйства*. 2006. №3. С. 220-226.
- Alontseva et al., 2023** – Alontseva D.V., Grishaeva O.N., Litvinov V.P., Tikhonov R.V. Local Cathedral: Historical and Legal Significance // *Bylye Gody*. 4(18): 2128-2135.

References

- Akulinin, 1990** – Akulinin, V.N. (1990). *Filosofiya vseedinstva: ot Vl. Solov'eva k P.A. Florenskomu* [Philosophy of Unity: from V. Solovyov to P.A. Florensky]. Novosibirsk, 165 p. [in Russian]
- Alontseva et al., 2023** – Alontseva, D.V., Grishaeva, O.N., Litvinov, V.P., Tikhonov, R.V. (2023). Local Cathedral: Historical and Legal Significance. *Bylye Gody*. 4(18): 2128-2135.
- Bonetskaya, 1999** – Bonetskaya, N.K. (1999). *Russkii Faust i russkii Vagner* [Russian Faust and Wagner. *Voprosy filosofii*. 4: 72. [in Russian]
- Bulgakov, 1903** – Bulgarov, S.V. (1903). *Ot marksizma k idealizmu: sbornik statej (1896–1903)* [From marxism to idealism: a collection of articles (1896–1903)]. SPb, 376 p. [in Russian]
- Bulgakov, 1906** – Bulgarov, S.V. (1906). *Neotlozhnaya zadacha: o soyuze hristianskoj politiki* [The urgent task: on the Union of Christian politics]. M., 47 p. [in Russian]
- Bulgakov, 1946** – Bulgarov, S.V. (1946). *Avtobiograficheskie zametki* [Autobiographical notes]. Paris, 165 p. [in Russian]
- Bulgakov, 1994** – Bulgarov, S.V. (1994). *Svet nevechernij: sozercaniya i umozreniya* [The light that never evolves: contemplations and speculations]. M., 415 p. [in Russian]
- Bulgakov, 2009** – Bulgarov, S.V. (2009). *Filosofiya hozyajstva* [Philosophy of economy]. M., 464 p [in Russian]
- Davydov, 2008** – Davydov, Yu.N. (2008). *Apokalipsis ateisticheskoy religii (S.N. Bulgakov kak kritik revolyucionisticheskoy religioznosti)* [The apocalypse of atheistic religion (S.N. Bulgakov as a critic of revolutionary religiosity)]. Bulgakov S.N. *Dva grad: issledovaniya o prirode obshchestvennykh idealov*. M. Pp. 3-51. [in Russian]
- Deyaniya. Kniga III, 1918** – Deyaniya Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi. Kniga III [Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church. Book III]. Petrograd, 1918. 260 p. [in Russian]
- Dolgov, 2004** – Dolgov, K.M. (2004). *Rekonstruktsiya esteticheskogo v zapadnoevropeiskoi i russkoi kul'ture* [Reconstruction of the aesthetic in Western European and Russian culture]. M. Pp. 817-844. [in Russian]
- Filimonov, 2006** – Filimonov, S.B. (2006). *Yaltinskoe religiozno-filosofskoe obshchestvo: neizvestnye materialy o S.N. Bulgakove* [Yalta Religious and Philosophical Society: unknown materials about S.N. Bulgakov]. *Filosofiya khozyaistva*. 3: 220-226. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti [The State Archive of the Orel region].
- GARF** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].
- Grishina, 1994** – Grishina, Z.V. (1994). *S.N. Bulgakov i Moskovskij universitet nachala 90-h gg. XIX v.* [S.N. Bulgakov and the Moscow University of the early 90s of the XIX century]. *Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 8. Istoriya*. 2: 9-26. [in Russian]
- Kolerov, 1993** – Kolerov, M.A. (1993). *S.N. Bulgakov i religiozno-filosofskaya pechat' (1903-1905)* [S.N. Bulgakov and the Religious and Philosophical Press (1903-1905)]. *Voprosy filosofii*. 11: 101-114. [in Russian]
- Rodnyanskaya, 1989** – Rodnyanskaya, I.B. (1989). *Sergei Nikolaevich Bulgakov. Iz istorii russkoi filosofskoi mysli* [Sergej Nikolaevich Bulgakov. Iz istorii russkoj filosofskoj mysli]. *Literaturnaya gazeta*. 39: 6. [in Russian]
- Samsin, 2005** – Samsin, A. (2005). *Filosofiya khozyaistva S.N. Bulgakova: postulaty i uroki* [The philosophy of S.N. Bulgakov's economy: postulates and lessons]. *Svobodnaya mysl'*. 8: 170-178. [in Russian]
- Sapov, 1900** – Sapov, V.V. (1900). *Ot marksizma k «hristianskoj sociologii» (Put' S.N. Bulgakova)* [From Marxism to "Christian Sociology" (S.N. Bulgakov's path)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 4: 101-111. [in Russian]
- Selezneva, 1995** – Selezneva, E.M. (1995). *Hristianskij socializm S.N. Bulgakova* [Christian Socialism by S.N. Bulgakov]. *Socio-political Journal*. 2: 189. [in Russian]
- Zasyad-Volk, 2008** – Zasyad-Volk, E.A. (2008). *Soyuz hristianskoj politiki» S.N. Bulgakova: istoricheskij opyt sozdaniya v Rossii hristianskoj socialisticheskoy partii* [Union of Christian Politics by

S.N. Bulgakov: Historical Experience of Creating a Christian Socialist Party in Russia]. *Socium i vlast'*. 2: 113-117. [in Russian]

Общественно-политическая деятельность С.Н. Булгакова в 1901–1917 гг.

Дина Викторовна Алонцева^{a, *}, Гришаева Ольга Николаевна^a, Тихонов Роман Владимирович^a

^a Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию государственно-правовых взглядов русского религиозного философа, теолога и правоведа, известного своей общественно-политической деятельностью, особенно в контексте русской эмиграции и философской мысли, Сергея Николаевича Булгакова в период 1901-1917 гг. Авторы отмечают, что ученый оставил значительный след в общественно-политической жизни России начала XX в., сочетая философские размышления по вопросам религии, культуры и политики, права и государства с активной политической и государственной деятельностью. С.Н. Булгаков был одним из представителей русской религиозной философии, его работы посвящены вопросам теологии, метафизики и философии, он стремился осмыслить и сохранить русскую духовную традицию в условиях политических и социальных изменений. С.Н. Булгаков рассматривал связь между религиозными ценностями и правовыми нормами как основу права в контексте взаимодействия религии и светского законодательства.

В своей общественно-политической деятельности акцентировал внимание на социальной ответственности личности перед обществом и государством. Его идеи о свободе и ответственности человека в контексте государственного устройства стали основой для дальнейших исследований в области философии права. Выступая за идеи социальной справедливости и гуманизма, критиковал как капитализм, так и социализм, искал пути к гармонии между духовными и материальными аспектами жизни, что отражалось в его научных трудах.

Таким образом, исследование общественно-политической деятельности С.Н. Булгакова представляет собой многогранную область, охватывающую философские, социальные и политические аспекты его наследия, помогает глубже понять его сложные и многогранные взгляды на государство, а также их влияние на отечественную политико-правовую мысль.

Ключевые слова: политико-правовые взгляды С.Н. Булгакова, общественно-политическая жизнь, творческое наследие.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dina.alontseva@mail.ru (Д.В. Алонцева),
olya.grishaeva.85@mail.ru (О.Н. Гришаева), 478042316789@mail.ru (Р.В. Тихонов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 459-469
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.459

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Image of the Turkestan Region of the early XX century in the Diary Entries of Priest V. Ilarionov

Assemgul M. Koskeyeva ^{a,*}, Zibagul S. Ilyassova ^b, Barshagul K. Issabek ^c, Bakyt S. Tokmurzayev ^d

^a S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^c Zhanibekov university, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^d Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article explores the potential of sources of personal origin in constructing the image of the Asian periphery of the Russian Empire. The aim of this paper is to reveal the perceptions of church ministers about the Turkestan region based on the ego-text of priest V. Ilarionov, who represents Turkestan in the system of coordinates of the categories “own”/“foreign”, which are the basis for the reception of the region in the power and socio-political discourse. The source base of the work is the diary of a priest published in 1906–1911 on the pages of the journal ‘Turkestan Diocesan Vedomosti’. The personal diary as a source, mastered in the article by the method of discourse analysis, widely used in modern source study, opens up prospects for a more complete description of imperial projects of colonisation of the eastern suburbs, as well as dynamically changing perceptions of the authorities and society about the administrative tasks in the Turkestan region and the ways of their implementation. In the course of the research, we have revealed priest V. Ilarionov's perceptions of the Turkestan region in the early twentieth century: markers used by the author of the diary to identify and separate the ‘own’ from the ‘strangers’; signs of these categories in the reception of the Russian Orthodox Church figure. The components of the image of Turkestan, in the representations of the priest's diary, as well as the factors that influenced the construction of the image of the region in a long-time perspective are determined. It has been established that V. Ilarionov's representations of Turkestan are based on the image of Turkestan. Ilarionov's perception of the Turkestan region was based on the inertial perception of the region in the rhetoric of the enlightenment-progressive ideology, which implied ‘reading the other’ as an uncivilised subaltern with respect to which active cultural regression is possible. At the same time, immersion in the problems of administrative, economic and socio-cultural everyday life in Turkestan led to the reformatting of ideas about territorial organisation, population, and communicative practices within the boundaries of the Russian Empire. The image of Turkestan created by the author went beyond the categorical imperative of ‘own’ / ‘foreign’, acquired features of dynamism, transformed into a multilayered and contradictory intellectual construct, which largely testifies to the ambiguity of the Orientalist approach in assessing the eastern policy of the Russian Empire in the early twentieth century.

Keywords: Turkestan region, East, image, representations, personal diary, ‘Turkestan Diocesan Vedomosti’, priest V. Ilarionov, representations.

1. Введение

В системе имперской политики России второй половины XIX – начала XX вв. восточному её вектору уделялось особое внимание, что непосредственным образом вписывается в дискурс Востока,

* Corresponding author

E-mail addresses: koskeeva@mail.ru (A.M. Koskeyeva), zita.o8@mail.ru (Z.S. Ilyassova), b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev)

становление которого происходило в «шлейфе» европейского колониализма и оформления колониальных теорий как продукта просветительских идей XVIII столетия. В данном отношении строительство и трансляция образа Востока как «Другого» являлись важным элементом ментального освоения пространств, маркируемых в качестве «своих» или «собственного Востока России» (Тольц, 2013). Общеизвестно, что XVIII в. стал временем экспоненциального роста интереса европейцев к Востоку, в ментальных границах которого европейские интеллектуалы – прежде всего ориенталисты Британской и Французской империи, актуализировали тезис, сообразно с которым цивилизованный Запад, являясь носителем знания о нецивилизованных народах, имеет все основания для ментального конструирования и подчинения Востока. В 1970-х гг. XX столетия ориенталистские представления были продекларированы в трудах Э. Саида, полагавшего, что знания и власть, которыми обладал Запад в эпоху колониальных захватов, являются достаточным основанием для последующего господства над Востоком и его перманентного переизобретения (Саид, 2021).

В этой связи в конструирование образа Востока в целом и Туркестанского края, интегрируемого в имперское поле с 1860-х гг., был вовлечён широкий круг лиц, принимавших активное участие в колонизационном деле. Имперские эксперты – чиновники, учёные, литераторы, публицисты, служители церкви, транслируя представления об азиатской периферии, отталкивались от универсального ориенталистского тезиса, сообразно с которым цивилизовать Восток можно исключительно посредством русской культурной ассимиляции. Вместе с тем в российском обществе начала XX в. под влиянием процессов экономической и социокультурной модернизации представления об окраинных территориях и инструментальных принципах их инкорпорации в общеимперское пространство подвергались видимой коррекции. Подобная динамика может быть прослежена на материалах личных текстов (дневников) священнослужителей, чьи функции в ситуации отдалённости от центра, этнокультурной и конфессиональной мозаичности азиатской периферии, не ограничивались благотворительностью или формальным выполнением своих служебных обязанностей.

Транслируя в личных материалах представления о регионе, сообщество деятелей Русской православной церкви в своих наблюдениях и выводах, с одной стороны, стремилось соответствовать основным «трендам» государственной политики в Туркестанском крае: активному русификаторству средствами образования и переселенческого движения, культурному выравниванию методами христианизации и «умиротворения» сторонников ислама, знаковой функциональной роли российского администрирования, а с другой – непосредственное соприкосновение священников с разными аспектами организации российского присутствия в Туркестане существенно корректировало шаблонный образ региона, наполняя его новыми коннотациями.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении компонентов образа Туркестана, конструируемого в личном дневнике сельского священника В. Иларионова, как динамичных, менявшихся представлений о регионе в контексте реализации имперского проекта колонизации / освоения приобретённых военным путём территорий в 1860-х гг.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы статьи составили материалы личного дневника священника В. Иларионова, публиковавшегося в неофициальной части газеты «Туркестанские епархиальные ведомости» (издание Туркестанской епархии, г. Верный) в 1906–1912 гг., в которую обычно включались такого рода тексты. В силу обширности материала, предлагаемого изданию штатными и внештатными корреспондентами, редакционная коллегия не имела возможности компактной публикации дневника, размещая его отдельными фрагментами по мере поступления от автора и наличия свободных полос в журнале.

Служебная карьера В. Иларионова, стартовавшая ещё в конце XIX века в Семиречье, в период 1906–1912 гг. продолжилась в центральной части Туркестана, активно включаемого в ареал аграрно-земледельческой колонизации. Являясь непосредственным участником событий и активным актором сообщества служителей РПЦ, В. Иларионов на страницах своего дневника репрезентировал не только собственные представления об окружающем его мире, но и в значительной степени конструировал представления о Туркестанском крае в системе координат интеллектуальной коммуникации социальных групп и сообществ региона в реализации имперских проектов России второй половины XIX – начала XX вв. По справедливому замечанию Л. Манчестер и Д. Сдвижкова, дневники служителей церкви и миссионеров, выполнявших служебные поручения на восточных окраинах империи, являют собой сакральный травелог паломничества, а описание в личных текстах пространства и времени – воплощение потребности образованных людей к самовысказыванию (Манчестер, Сдвижков, 2009: 12), что было характерным интеллектуальным феноменом Нового времени.

Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Степном крае являлась важным элементом имперской религиозной политики. Взаимодействие православных миссий с местным населением и механизм их адаптации к колонизационным условиям рассмотрены в ряде современных исследований (Mamraimov et al., 2024).

Вопросы миссионерской деятельности Русской православной церкви на окраинах империи, в том числе в Степном крае, были исследованы в работе Мамраимова и др., где анализируется религиозная политика и взаимодействие церкви с местным населением.

В методологическом отношении инструментальный фундамент статьи, посвящённой конструированию образа Туркестана в дневнике В. Иларионова, составляют гипотезы и выводы гуманитариев, отстаивавших предположение о продуктивности конструктивистского принципа описания исторической реальности. Фронтмену данного направления Б. Андерсену принадлежит тезис о нации как воображаемом сообществе, а в трудах его последователей развивалась идея о том, что регионы являются такими же воображаемыми объектами, конструируемыми в индивидуальном и массовом сознании (Андерсон, 2001; Миллер, 2001; Замятин, 2003; Родигина, 2006; Чуркин, 2024а; Чуркин, 2024б).

Тему конструирования образа Туркестанского края в дневниках священников проблематично раскрыть без обращения к исследовательским подходам «новой культурно-интеллектуальной истории», поскольку подходы и практики к имперской политике населения на окраинах России являлись следствием представлений о регионе. В этом аспекте видится актуальным обращение к теории дискурса и методу дискурс-анализа, который ориентировал исследователей не к фиксации сюжетов прошлого, а к их интерпретации, в которой текст выражает этические, идеологические взгляды автора на реальность, его культурные и нравственные конвенции (Филлипс, Йоргенсен, 2008; Фуко, 2011; Миньяр-Белоручева, 2015: 10).

3. Обсуждение

Тема регионов Российской империи как воображаемых конструкторов достаточно успешно осваивается в современном гуманитарном знании, располагаясь в междисциплинарном поле имагологических и исторических исследований. В отечественной историографии конца XX – первой четверти XXI вв. отсутствует устойчивое и однозначное определение понятия «регион», однако в работах, посвящённых проблемам организации имперского пространства России в широких хронологических рамках, имеет место согласие историков в том, что регионы не существуют, пока действующие исторические акторы не выведут его из забвения (Регионы..., 2021: 11). По мнению ряда учёных (Э. Хобсбаум, Э. Гелнер и др.), функцию таких акторов выполняют представители интеллектуальных элит – имперские эксперты, широкий круг которых составляли представители различных социальных и профессиональных групп: имперские чиновники, учёные, общественные деятели, служители церкви и т.д. Сюжеты конструирования образов регионов, в том числе Туркестанского края, представлены в работах зарубежных и отечественных авторов, вошедших в пантеон исторической имидженологии. Так, в работах А. В. Ремнёва и Н. Н. Родигиной выявлены содержательные компоненты образа Сибири как части картины мира российских интеллектуалов (Ремнёв, 2004; Родигина, 2006); в трудах М. Бассина предложены варианты конструирования географического пространства Российской империи и её окраин (Бассин, 2005); в монографии П. Сартори производится попытка воссоздания образа русского Туркестана через осмысление правовых элементов традиционного общества (Сартори, 2022).

Продуктивность разработанных в историографии подходов к категории «образ региона» предоставляет исследователям возможность в постоянном расширении круга лиц, чьи личные тексты с описанием пространств и людей, инкорпорируемых в состав России, вносят неоценимый вклад в формирование представлений о регионах, ставших объектом имперского влияния.

4. Результаты

Исходным мотивом конструирования образа региона (Туркестанского края) на страницах дневника священника В. Иларионова выступало коммуникативное согласие российской интеллигенции в том, что Россия идёт путём европейской цивилизации и является не многонациональной империей, состоящей из метрополии и зависимой колониальной периферии, а национальным государством в стадии формирования (Беккер, 2004: 77). В сознании образованного обывателя данный тезис выступал как обоснование цивилизаторских действий в отношении так называемых «нецивилизованных» народов, а окраины маркировались не в качестве колоний, а как «собственный Восток» России, нуждавшийся в административно-культурной интеграции в имперское пространство.

Представление о Туркестанском крае как «русской земле», своей территории, отливало на страницах дневника священника В. Иларионова в описании Ташкента – главного города региона и генерал-губернаторской резиденции как своеобразный «слепок» России. По ощущениям автора дневника, именно Ташкент является разделительной чертой между чужим, туземным Туркестаном, где только «люди в халатах с белыми тюрбанами на головах», «дороги плохи, лошади никуда не годны» и «почти внутренней Россией... с газовым освещением, шоссированными улицами, рессорными экипажами» (Иларионов, 1906а. № 2: 17). Демаркация по критерию «свои – чужие» в дальнейшем актуализируется в описании священником ташкентского железнодорожного вокзала, который «полон народу, и преобладающая публика – сарты..., для них предназначаются особые вагоны 3-го класса; ни русские к ним, ни они к русским не допускаются...» (Иларионов, 1906а. № 2: 18).

Направляясь к месту службы, следуя через города и станции Туркестанского края, В. Иларионов в описании своих впечатлений придерживается выбранной им линии отделения своих от чужих, в основе которой религиозная, социальная, этническая, культурная идентичность священника как типичного представителя профессионального сообщества лиц духовного звания. Маркируя «своих» и «чужих», священник противопоставляет отсталость прогрессу, опираясь на эту дихотомию при характеристике образа жизни, поведенческих практик, мировоззрения всех категорий населения Туркестана: сартов, киргизов, инославных групп, переселившихся в регион.

Этнический и религиозный критерии в конструировании образа Туркестанского края В. Иларионов рассматривает как один из определяющих его отношение к региону, как к «своему» – исконно русскому, православному и «чужому», не типичному, «другому», что воспринимается и репрезентируется в тексте дневника как отклонение от нормы. Так, проезжая через г. Коканд, Иларионов сетует на качество тракта, его техническое обеспечение и обслуживающий персонал, рельефно выделяя мир «чужих», в том числе и по религиозному маркеру: «Экипажи без кибиток, трясушие, русские тарантасы, крестьянские ямщики и старосты какие-то оборотни, должно быть молококане, как и сам почтосодержатель Рудометкин» (Иларионов, 1906b. № 3: 29). Признавая, что Коканд – крупный город, имеющий множество торговых складов и хлопкоочистительных заводов, Иларионов сетует: «...но церкви ещё настоящей нет...» (Иларионов, 1906b. № 3: 29).

«Свои» для автора дневника ассоциируются с привычным для выходца из Европейской России укладом, который он определяет как «европейский». В описании В. Иларионовым г. Намангана регулярно встречаются позитивно окрашенные риторические конструкции: «станция оказалась всех лучше», «есть хорошенькая каменная церковь», «много хлопковых заводов», «свистки, пыхтение паровика, высокие заводские трубы – это пахнет чем-то европейским» (Иларионов, 1906b. № 3: 29).

В описании православным священником национального праздника сартов (байрам) явно присутствуют иронические нотки и недоумение по поводу организованных местным населением скачек, а также постоянного скопления сартов в общественных местах, что идёт вразрез с представлениями христиан о проведении праздничных обрядов (Иларионов, 1906a, b. № 2: 17; № 3: 29). Вместе с тем ощущение «чужого» (не европейского и не русского) возникали у Иларионова и при контактах с малороссами, составившими большую часть его паствы в первые годы служения в Туркестане. На страницах дневника священник сетует на то, что разговорная речь крестьян-малороссов, выходцев из Киевской губернии, малопонятна и состоит из большого количества польских слов; религиозные обряды в нюансах отличаются от великороссийских, но больше всего признаки «другого», чуждого русской культуре проявляются в одежде и быте: «Большинство мужчин и женщин одеты в тёмно-коричневые суконные кафтаны, женщины в сарафанах и стародавних платьях... Смотря на их национальные костюмы, невольно переношишься мыслью на тридцать-сорок лет назад, когда все русские так одевались... Малороссы бань не знают. Не понимаю, как они могут так жить» (Иларионов, 1906c. № 4: 40-41).

Вообще, тема малороссийского крестьянства очень широко представлена в дневнике священника В. Иларионова. Её репрезентация позволит говорить о сложном отношении автора к данной этнической группе. С одной стороны, священник постоянно упоминает о частых девиациях малороссов в исполнении обрядово-ритуальных действий во время церковных служб (иконы не так держат, в крестных ходах участвуют редко) или практиках вызова невест из Киевской губернии, искренне возмущаясь, что «всё-таки здесь пахнет пережитком старины» (Иларионов, 1906d. № 7: 239-240). С другой стороны, автор отмечает, что «привоз девиц – нормальное дело для колоний и других, более передовых наций...» (Иларионов, 1908a. № 7: 640), а в смысле прочности брачных союзов малороссы отличаются от великороссов в лучшую сторону (Иларионов, 1908a. № 7: 642-643). В целом, если образ малоросса как «чужого» прописан В. Иларионовым достаточно амбивалентно и с надеждой, что в скором времени несходства культурного характера нивелируются в русскоязычной среде, то оценка деятельности иноверца-еврея, взявшего подряд на строительство церкви, абсолютно соответствует категории «чужой»: «Еврей старается более о том, чтобы денег вытянуть побольше от инженера..., рабочих обсчитывает, киргизы дров не везут, потому что заплатил им мало» (Иларионов, 1907b. № 4: 29).

Сюжет о «чужих», разлитый по страницам дневника, неожиданным образом преломляется в истории о миссионерской сфере деятельности священника В. Иларионова и крещении тех представителей коренного населения, которые выражали согласие принять христианство. В коротком свидетельстве автора особый интерес представляет его реакция на намерения одного из сартов перейти в православную веру: «Месяц назад явился ко мне один сарт и заявил, что желает принять христианскую веру. Ходил он ко мне, учился..., но объяснение заученного что-то не поддаётся, плохо понимает: может быть, потому, что он жил всё у малороссов, привык к малороссийской речи...» (Иларионов, 1907d. № 20: 510). В конечном итоге В. Иларионов отказал просителю под благовидным предлогом слабой подготовки к вступлению в православную веру, но, по всей вероятности, фактор влияния малороссов повлиял на его решение.

Ввиду того обстоятельства, что в начале XX в. Россия оказалась вовлечена в водоворот социальных конфликтов и революционных потрясений, образ окраинных территорий,

конструируемый на страницах епархиальных периодических изданий, подвергся значительным изменениям. «Туркестанские епархиальные ведомости», публикуя в эти годы фрагменты личных текстов священнослужителей, были заинтересованы в создании дополнительных «площадок» воздействия Русской православной церкви на реальную и потенциальную паству с точки зрения снижения социального напряжения в обществе. В свою очередь, представители клира, публиковавшие фрагменты своих дневников, имели возможность информировать власть и общество региона о том, как меняются их представления о социальной ситуации в крае и перспективах его освоения. В связи с этим нельзя не отметить, что образ «своего» и «чужого» Туркестана в ситуации социальной турбулентности менялся и наполнялся дополнительным содержанием.

В первую очередь, необходимо подчеркнуть, что успешное «освоение» отдалённого региона служители церкви в лице В. Иларионова связывали с деятельностью местной губернской администрации. Именно власть, по мнению Иларионова, олицетворяла «свой» Туркестан. Практически во всех опубликованных в журнале фрагментах дневника священник В. Иларионов обращает внимание читателя на организационное присутствие властных структур или символов имперской власти. В стартовый момент движения к месту службы Иларионов отмечает в своих записях русские посёлки, возведённые при участии Великого князя Николая Николаевича, в которых даже «сартовские кишлаки узкими, тесными улицами утопают в зелени садов..., все арыки обсажены тутом, талом, тополями» (Иларионов, 1907а. № 2: 18). Заметное место в дневнике В. Иларионова занимают коммуникации с губернским начальством: по пути к своему приходу в селе Успенское, во время краткой остановки в Ташкенте, священник фиксирует: «Нужно было непременно повидать губернатора, да его нет дома, уехал в Андижан раздавать пособия пострадавшим от землетрясения» (Иларионов, 1906b. № 3: 28). В дальнейшем автор методично будет подчёркивать выдающуюся роль туркестанских управленцев как «учредителей русского Туркестана», стремившихся вникнуть в чаяния и проблемы, прежде всего, своих соотечественников. Показательно, что, репрезентируя высшую администрацию в личных текстах, Иларионов постоянно указывал, что губернаторы являлись своеобразным эпицентром коммуникативного пространства власти; вокруг них группировались представители местных элит: духовенство, учителя, инженеры, приставы, уездные начальники (Иларионов, 1907с. № 6: 97). Включённость в общегосударственное дело через личные контакты с властью, с точки зрения священника, являлось основанием для осуждения революционной, тем более террористической активности противников режима, как явления глубоко чужеродного. Негативно оценивая покушение на приближённого губернатору чиновника особых поручений П., В. Иларионов гневно именует организаторов и исполнителей террористического акта «народными просветителями, совершающими разбойничьи расправы над чинами полицейскими и административными» (Иларионов, 1908b. № 20: 643).

Образ «чужого» Туркестана в дневнике В. Иларионова дополняется детальными описаниями социально-девиантного поведения крестьянства, попавшего под влияние радикальных политических сил в период Первой русской революции. Священник связывал факты асоциальных поступков соотечественников с утратой религиозного чувства и моральной деградацией сельского населения: «Объявили «свободы» и «воли» – пошли везде своеволие и пьянство» (Иларионов, 1907е. № 24: 644). В. Иларионов в период 1907–1909 гг. с тревогой пишет о малой воцерковлённости русских крестьян Туркестана, равнодушии к церковно-обрядовым практикам, широком распространении языческих предубеждений и сектантства. По мнению Иларионова, ослабление религиозности крестьян проявлялось и в неуважительном отношении к другим религиям, что инициировало конфликты на национальной почве. Автор рассказывает историю о том, как крестьяне ловят рыбу в местах, которые почитаются у мусульман как святыни, «преспокойно разворотили плотину, спустили воду, на уговоры прекратить это занятие не поддаются...» (Иларионов, 1907d. № 20: 508). Наибольшее возмущение у священника, судя по всему, вызывало неповиновение местным властям, что воспринималось им как очевидный конфликт «своего» и «чужого» в Туркестанском крае. Иларионов констатировал: «Здесь крестьяне почувствовали свободу, обратив её в своеволие и грубость. Недавно был здесь уездный начальник. Собрал сельский сход. На сход явилось много пьяных; многие говорили с ним дерзко...» (Иларионов, 1907е. № 24: 644). Вместе с тем автор писал и о поддержке со стороны своих прихожан, «которые во время хождения по домам в праздники ругали и осмеивали зачинщиков митингов и забастовок» (Иларионов, 1907е. № 24: 645).

Комментируя на страницах дневника последствия революции для туркестанского социума, В. Иларионов с сожалением отмечал нереализованность имперской программы культурной интеграции коренного населения региона вследствие вредного влияния событий 1905–1907 гг., ставших препятствием к созданию русского Туркестана. По мнению автора, «...сарты настолько честны были первые годы... А теперь? Появилось конокрадство, воровство. Конечно, виноваты во многом сами крестьяне; они показывают дурной пример: сами нечестны и в отношении к сартам, и между собой...» (Иларионов, 1909а. № 3: 71).

К числу основных характеристик образа Туркестанского края, создаваемого в личном дневнике священника В. Иларионова, следует отнести *инерционность* представлений автора о регионе, свойственная сообществу русских «цивилизаторов» XIX столетия. Инерция представлений о

нецивилизованных народах азиатской периферии России в текстах путешественников, чиновников, учёных-востоковедов транслировалась в трафаретной риторике «человека власти и культуры», носителя знания: «...с этими джатаками ничего не поделаешь, выстроишь им избу, дашь лошадей, коров и другую скотину..., а он, злодей, продаст втихомолку хлеб на корню и купит себе юрту, расставит её на гумне и свистит целую зиму в кулак» (Пашино, 1868: 4). В. Иларионов, следуя тем же просветительно-цивилизаторским курсом, наделяет «чужих» – коренных обитателей края – качествами, требующими культуртрегерских усилий со стороны «своих» – российской власти и общества: «туземный учитель обладает хорошим голосом, мастер своего дела, но к несчастью имеет большой запас лени» (Иларионов, 1910а. № 19: 423); «окрестили здешнего сарта..., но я всё сомневался в его искренности» (Иларионов, 1908а. № 7: 240) и т. д. Отметим, что покровительственное или настороженное восприятие автохтонов как «чужих» во многом поддерживалось государственной политикой землеобеспечения в Туркестанском крае, в основе которой лежал принцип «охранения» землепользования коренного оседлого населения – сартов и кочевников-киргизов. Культурное превосходство русских, транслируемое на страницах дневника священника В. Иларионова, явно диссонирует, по мнению автора, с широкой государственной поддержкой земледельческих практик инородцев, которые «преспокойно получают с русских мужиков по 6-8 рублей в год арендной платы за десятину» (Иларионов, 1909б. № 5: 128), и «везде туземец извлекает выгоды...» (Иларионов 1907. № 4: 29).

Отметим, что в беспокойные революционные годы, в условиях эскалации преступности, от инерции цивилизаторского апломба не оставалось и следа. Возвращаясь из служебной командировки в свой причт, В. Иларионов столкнулся в поезде с шайкой карманников. Не желая подвергать себя опасности, священник выбрал самое надёжное место: «Я сел в купе с сартами; заперлись и преспокойно спали» (Иларионов, 1909б. № 5: 126).

Инерционность образа Туркестана в связи с представлениями о коренных обитателях как нецивилизованном народе с течением времени существенно видоизменялась под воздействием регулярных контактов русского и местного населения. Рост крестьянских переселений, отсутствие внятной политики и практик обустройства мигрантов из Европейской России, специфика природно-климатических условий Туркестана, к которым местное население было лучше адаптировано, наглядно демонстрировали преимущества организации хозяйственной деятельности туземного населения. В. Иларионов констатировал: «Туземцы оказывают нам большие материальные услуги во всём. Так мы ехали от Намангана до Маргелана вдвоём за 6 рублей на арбе. Проехать с русским стоило бы не меньше 15 рублей. Номер в гостинице, содержимой русскими, – от 2 до 3 рублей, а в сартовской – от 50 копеек до 1,5 рублей. Посев хлопка, риса без сарта невозможен. Овощи дешевы здесь благодаря сартам» (Иларионов, 1907б. № 4: 29).

Очевидно, что с течением времени инерционность и однозначность конструкта образа Туркестана уступала место *противоречивому* восприятию региона, а рецепция акторов, его строивших, отличалась *динамичностью*. В данном отношении представления В. Иларионова о Туркестане, равно как и последующая репрезентация их в тексте личного дневника, являлись следствием множества внешних и внутренних факторов: продолжительности проживания в регионе, коммуникативной среды, материального положения и т. д.

В современных исторических исследованиях, написанных в междисциплинарном ключе, признаётся, что перемещение индивидов и социальных групп в новые обстоятельства, характеризующиеся необычной природной и этнокультурной средой, приводят к значительным изменениям межличностных контактов, социального статуса, жизненных стереотипов, сложившейся системы взаимодействия с окружением и неизбежно требуют пересмотра установок, отношений, представлений о социальных ролях таким образом, чтобы они были адекватны вновь сложившимся условиям (Чуркин, 2006: 283-284). Дневник В. Иларионова, составляемый в хронологических границах 1906–1911 гг., предметно фиксирует стадии адаптационных циклов церковного служащего и стратегии его адаптивного поведения в системе «человек-среда», в границах которых менялись представления автора об окружающем мире и своём месте в нём. Подводя предварительные итоги своей жизни в Туркестане, Иларионов констатирует, что в первые годы службы ему приходилось нелегко, но мрачные прогнозы и пророчества коллег, оставшихся в Европейской России, не оправдались (Иларионов, 1909а. № 3: 70). Тем не менее автор дневника выделяет ряд негативных моментов в своей бытовой и производственной повседневности, которые выступали в качестве неблагоприятного фона формирования представлений о Туркестанском крае: «служба была беспокойна и оплачивалась скудно»; «в приходе было полное неустройство»; «подчас злоба и зависть бывали к здешним служителям, занимавшим спокойные и обеспеченные приходы, Бог знает, за что получившим» (Иларионов, 1909а. № 3: 70).

Вчитываясь в текст дневника священника В. Иларионова, можно высказать предположение, что перед нами личность аффективно-ригидного типа (Чуркин, 2006: 291), для которой переезд на новое место означал следование выбранному пути беззаветного служения и ясного понимания своей высокой профессиональной миссии. Тем не менее включение в иную, нежели в европейской части страны, социокультурную среду естественным образом предполагало последовательное движение по адаптационной лестнице. Показательно, что в начальной фазе этого процесса, связанной с

перемещением к месту службы в декабре 1906 г., Иларионов испытывал чувство, близкое к эйфории. После нескольких лет жизни в «семиреченском захолустье» калейдоскопические картины Ташкента воспринимаются им в необычайно ярком свете и создают весьма обманчивое, но укладывавшееся в эволюционистскую схему представление о Туркестане как исконно русском крае, идущем по европейскому пути прогресса (Иларионов, 1906а. № 2: 17). Но уже 4 января, по прибытию к месту службы в село Успенское, настроение священника меняется, а образ Туркестанского края бледнеет: «село не понравилось», «в церкви теснота», «разговор малороссов плохо понимаю», «дети в школу ходят неисправно», «дорога – грязь непролазная» (Иларионов, 1906б. № 4: 39-42). Негативные впечатления, корректирующие одиозный образ Туркестана как «своей», русской земли, усиливаются у Иларионова в связи со страшным событием – самоубийством одного из сельских священников, который покончил с собой «вследствие перевода из хорошего, богатого прихода в плохой, бедный» (Иларионов, 1907д. № 20: 508).

В конце 1907 – начале 1908 гг., когда основные бытовые проблемы, а также острые вопросы, связанные с функционированием прихода, были в основном решены, восприятие В. Иларионовым региона начинает меняться. Конструирование в личном дневнике образа Туркестанского края как «своей», русской земли заметно усложняется и становится *многослойным*. Если в начальный период своей профессиональной деятельности Иларионов рельефно идентифицирует «свой», русский Туркестан, исключая из этой системы координат коренное население, то по мере интеграции в производственную повседневность, установления контактов с различными группами населения и сообществами, понятия «свой» и «чужой» в отношении Туркестанского края в тексте священника обрастают дополнительными коннотациями. В. Иларионов, ранее скептически оценивавший колонизационный потенциал крестьян-малороссов, с некоторым удивлением признавал, что и выходцы из великороссийских губерний не представляют собой качественного колонизационного материала. По свидетельству священника, русские крестьяне-переселенцы не смогли стать «своими» в крае, обустроиться на новом месте, в результате чего были вынуждены продавать земельные участки, перемещаясь в города или на заводы (Иларионов, 1910б. № 24: 542; 1911. № 1: 148). Одно из самых интересных наблюдений Иларионова заключалось в том, что русское крестьянство, попадая в Туркестанский край из разных губерний Европейской России, «никак не может сплотиться в общество» и, вопреки ожиданиям, не оказывает значимого культурного влияния на коренное население – сартов. Более того, перефразируя одно из замечаний В. Иларионова об отсутствии сближения сартов и русских ещё на уровне русско-туземных школ, прогнозируемое стирание культурных различий между этническими сообществами Туркестана как условие «освоения» автохтонов и создания «большой русской нации» оказалось неосуществимым (Иларионов, 1908с. № 22: 722).

Наряду с низкой оценкой русского культуртрегерства, священник в личном дневнике приводит примеры, свидетельствующие о хозяйственных достижениях коренного населения, а также выходцев из малороссийских губерний, удачно вписавшихся в проекты хлопководческого земледелия, в то время как в русских посёлках широко распространяются безверие и пьянство (Иларионов, 1908с. № 22: 702). Заметим также, что характерное для стартового периода службы Иларионова зачисление в стан «своих» представителей региональной администрации подвергается автором критическому переосмыслению: «За последние шесть-семь лет два раза были в селе губернаторы, но они мало обращают внимания на здешних новоселов, ограничиваясь посещением церкви и училищ» (Иларионов, 1908с. № 22: 702).

5. Заключение

Подводя итоги, отметим, что образ Туркестанского края, репрезентируемый в тексте личного дневника священника В. Иларионова, характеризовался стандартными для такого рода интеллектуальных конструкторов свойствами: инерционностью, противоречивостью и многослойностью. Представления автора дневника о Туркестане складывались под влиянием инерции восприятия в российском обществе азиатской периферии как органичном продолжении имперского пространства, нуждавшемся в приложении культуртрегерских усилий, рассматриваемых в качестве приоритетного условия социальной, этнической, религиозной унификации. Инерционность рецепции Туркестанского края являлась для В. Иларионова императивом в конструировании разделённых полей: «своей», русской земли и «чужого», «другого» Туркестана, который необходимо встроить в социокультурное пространство империи. Следует, однако, учитывать, что строительство образа в границах продолжительной временной перспективы всегда отличается динамичностью, что во многом связано с меняющимися обстоятельствами повседневной жизни и адаптивными практиками носителя представлений. Факторы повседневности автора дневника (личное обустройство в границах прихода, внешнее окружение, алармистские ситуации социальной конфликтности) корректировали его представления о возможностях и перспективах культурной интеграции Туркестанского края. До некоторой степени динамика этих представлений может рассматриваться в контексте рефлексии властью и образованным обществом потенциала имперской

программы «освоения» Туркестана и оценки эффективности практик империостроительства в восточных пределах России на рубеже XIX-XX вв.

Литература

- Андерсон, 2001** – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «Кучково поле», 2001. 288 с.
- Бассин, 2005** – *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства / Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. М., 2005. С. 277-310.
- Беккер, 2004** – *Беккер С.* Россия и концепт империи / Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. С. 68-77.
- Замятин, 2003** – *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
- Иларионов, 1906a** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1906. № 2. С. 17-19.
- Иларионов, 1906b** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1906. № 3. С. 27-30.
- Иларионов, 1906c** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1906. № 4. С. 39-42.
- Иларионов, 1906d** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1906. № 7. С. 236-241.
- Иларионов, 1907a** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1907. № 2. С. 16-19.
- Иларионов, 1907b** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1907. № 4. С. 26-30.
- Иларионов, 1907c** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1907. № 6. С. 97-100.
- Иларионов, 1907d** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1907. № 20. С. 506-510.
- Иларионов, 1907e** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1907. № 24. С. 642-645.
- Иларионов, 1908a** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1908. № 7. С. 239-245.
- Иларионов, 1908b** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1908. № 20. С. 643-648.
- Иларионов, 1908c** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1908. № 22. С. 702.
- Иларионов, 1908d** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1908. № 24. С. 641-646.
- Иларионов, 1909a** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1909. № 3. С. 70-73.
- Иларионов, 1909b** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1909. № 5. С. 125-128.
- Иларионов, 1910a** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1910. № 19. С. 420-423.
- Иларионов, 1910b** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1910. № 24. С. 541-545.
- Иларионов, 1911** – *Иларионов В.* Из дневника священника // *Туркестанские епархиальные ведомости.* 1911. № 1. С. 146-149.
- Манчестер, Сдвижков, 2019** – *Манчестер Л., Сдвижков Д.* Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века: вера и личность в меняющемся обществе / Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века / Сб. статей: под ред. Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 5-20.
- Миллер, 2001** – *Миллер А.И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // *Новое литературное обозрение.* 2001. № 52. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/> (дата обращения: 26.12.2024).
- Миньяр-Белоручева, 2015** – *Миньяр-Белоручева А.П.* Типология исторического дискурса. Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyag-Belouchева.shtml> (дата обращения: 10.01.2025).
- Пашино, 1868** – *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 г. Путевые записки. СПб.: Тип. Таблена, 1868. 176 с.

- Регионы...**, 2021 – Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.
- Ремнев, 2004** – Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
- Родигина, 2006** – Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.
- Саид, 2021** – Саид Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства Гараж, 2021. 560 с.
- Сартори, 2022** – Сартори П. Идеи о справедливости. Шариат и культурные изменения в русском Туркестане. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 480 с.
- Тольц, 2013** – Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
- Филлипс, Йоргенсен, 2008** – Филлипс Н., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
- Фуко, 2011** – Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
- Чуркин, 2006** – Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.
- Чуркин, 2024a** – Чуркин М.К. Азиатская периферия как «собственный восток России» в дискурсе епархиальной периодической печати Западной Сибири и Степного края (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2024. Т. 15. № 2. С. 36-53.
- Чуркин, 2024b** – Чуркин М.К. Образ имперского субалтерна в дискурсе travelогов алтайских миссионеров второй половины XIX – начала XX вв. / *Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления: Сб. ст. III Международной научной конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора Н.А. Дворяшиной, Surgut, 26–27 октября 2023 года*. Surgut: Surgutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2024. С. 39-44.
- Mamraimov et al., 2024** – Mamraimov S.D., Yelshibayev S.K., Tokmurzayev B.S., Abisheva Z.R. Orthodox Missionaryism in the Steppe Region as a Regional Practice of Imperial Religious Policy in the late XIXth – early XXth centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1425-1432. DOI: 10.13187/bg.2024.3.1425

References

- Anderson, 2001** – Anderson, B. (2001). Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. М.: «Kuchkovo pole», 288 p. [in Russian]
- Bassin, 2005** – Bassin, M. (2005). Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei: ideologicheskoe konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva [Russia between Europe and Asia: ideological construction of geographical space]. Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii: raboty poslednikh let. М. Pp. 277-310. [in Russian]
- Bekker, 2004** – Bekker, S. (2004). Rossiya i kontsept imperii [Russia and the concept of empire]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statei*. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan': «Tsentr Issledovaniya Natsionalizma i Imperii». Pp. 68-77. [in Russian]
- Churkin, 2006** – Churkin, M.K. (2006). Pereseleniya krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeiskoi Rossii v Zapadnyu Sibir' vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoi mobil'nosti i adaptatsii [Resettlement of peasants from the Black Earth Centre of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: determinant factors of migration mobility and adaptation]. Омск: Изд-во ОмГПУ, 376 p. [in Russian]
- Churkin, 2024a** – Churkin, M.K. (2024). Aziatskaya periferiya kak «sobstvennyi vostok Rossii» v diskurse eparkhial'noi periodicheskoi pechati Zapadnoi Sibiri i Stepnogo kraia (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Asian periphery as 'Russia's own East' in the discourse of diocesan periodicals of Western Siberia and the Steppe region (second half of the XIX – early XX centuries)]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 15(2): 36-53. [in Russian]
- Churkin, 2024b** – Churkin, M.K. (2024). Obraz imperskogo subalterna v diskurse travelogov altaiskikh missionerov vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [The image of the imperial subaltern in the discourse of travelogues of Altai missionaries of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Sovremennaya regionalistika: traditsionnye podkhody i novye napravleniya: Sb. st. III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu doktora filologicheskikh nauk, professora N.A. Dvoryashinoi, Surgut, 26–27 oktyabrya 2023 goda*. Surgut: Surgutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Pp. 39-44. [in Russian]
- Fillips, Iorgensen, 2008** – Fillips, N., Iorgensen, M. (2008). Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method]. Khar'kov: Изд-во «Гуманитарный центр», 352 p. [in Russian]
- Fuko, 2011** – Фуко, М. (2011). Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [Security, territory, population. Course of lectures delivered at the Collège de France in 1977–1978 academic year]. СПб.: Наука, 544 p. [in Russian]

- [Ilarionov, 1911](#) – *Ilarionov, V.* (1911). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1: 146-149. [in Russian]
- [Ilarionov, 1906a](#) – *Ilarionov, V.* (1906). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 2: 17-19. [in Russian]
- [Ilarionov, 1906b](#) – *Ilarionov, V.* (1906). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 3: 27-30. [in Russian]
- [Ilarionov, 1906c](#) – *Ilarionov, V.* (1906). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 4: 39-42. [in Russian]
- [Ilarionov, 1906d](#) – *Ilarionov, V.* (1906). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 7: 236-241. [in Russian]
- [Ilarionov, 1907a](#) – *Ilarionov, V.* (1907). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 2: 16-19. [in Russian]
- [Ilarionov, 1907b](#) – *Ilarionov, V.* (1907). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 4: 26-30. [in Russian]
- [Ilarionov, 1907c](#) – *Ilarionov, V.* (1907). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 6: 97-100. [in Russian]
- [Ilarionov, 1907d](#) – *Ilarionov, V.* (1907). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 20: 506-510. [in Russian]
- [Ilarionov, 1907e](#) – *Ilarionov, V.* (1907). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 24: 642-645. [in Russian]
- [Ilarionov, 1908a](#) – *Ilarionov, V.* (1908). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 7: 239-245. [in Russian]
- [Ilarionov, 1908b](#) – *Ilarionov, V.* (1908). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 20: 643-648. [in Russian]
- [Ilarionov, 1908c](#) – *Ilarionov, V.* (1908). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 22: 702. [in Russian]
- [Ilarionov, 1908d](#) – *Ilarionov, V.* (1908). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 24: 641-646. [in Russian]
- [Ilarionov, 1909a](#) – *Ilarionov, V.* (1909). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 3: 70-73. [in Russian]
- [Ilarionov, 1909b](#) – *Ilarionov, V.* (1909). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 5: 125-128. [in Russian]
- [Ilarionov, 1910a](#) – *Ilarionov, V.* (1910). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 19: 420-423. [in Russian]
- [Ilarionov, 1910b](#) – *Ilarionov, V.* (1910). Iz dnevnika svyashchennika [From the priest's diary]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 24: 541-545. [in Russian]
- [Mamraimov et al., 2024](#) – *Mamraimov S.D., Yelshibayev S.K., Tokmurzayev B.S., Abisheva Z.R.* Orthodox Missionaryism in the Steppe Region as a Regional Practice of Imperial Religious Policy in the late XIXth – early XXth centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1425-1432. DOI: 10.13187/bg.2024.3.1425
- [Manchester, Sdvizhkov, 2019](#) – *Manchester, L., Sdvizhkov, D.* (2019). Avtobiografika i pravoslavie v Rossii kontsa XVII – nachala XX veka: vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve [Autobiography and Orthodoxy in Russia of the late 17th – early 20th century: faith and personality in a changing society]. *Vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve. Avtobiografika i pravoslavie v Rossii kontsa XVII – nachala XX veka*. Sb. statei: pod red. L. Manchester, D.A. Sdvizhkova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 5-20. [in Russian]
- [Miller, 2001](#) – *Miller, A.I.* (2001). Tema Tsentral'noi Evropy: istoriya, sovremennye diskursy i mesto v nikh Rossii [The theme of Central Europe: history, contemporary discourses and Russia's place in them]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 52. [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/> (date of access: 26.12.2024). [in Russian]
- [Min'yar-Beloruicheva, 2015](#) – *Min'yar-Beloruicheva, A.P.* (2015). Tipologiya istoricheskogo diskursa [Typology of historical discourse]. *Yazyk i tekst langpsy.ru*. 2(2). [Electronic resource]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloruicheva.shtml> (date of access: 10.01.2025). [in Russian]
- [Pashino, 1868](#) – *Pashino, P.I.* (1868). Turkestanskii krai v 1866 g. Putevye zapiski [Turkestan region in 1866. Travelling notes]. SPb.: Tip. Tablena, 176 p. [in Russian]
- [Regiony..., 2021](#) – *Regiony Rossiiskoi imperii: identichnost', reprezentatsiya, (na)znachenie* [Regions of the Russian Empire: identity, representation, (na)importance]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 304 p. [in Russian]
- [Remnev, 2004](#) – *Remnev, A.V.* (2004). Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov [Russia of the Far East. Imperial geography of power of the XIX – early XX centuries]. Omsk: Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 552 p. [in Russian]

Rodigina, 2006 – Rodigina, N.N. (2006). «Drugaya Rossiya»: obraz Sibiri v russkoi zhurnal'noi presse vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [“Another Russia”: the image of Siberia in the Russian journal press of the second half of the XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: NGPU, 343 p. [in Russian]

Said, 2021 – Said, E. (2021). Orientalizm [Orientalism]. M.: Muzei sovremennogo iskusstva Garazh, 560 p. [in Russian]

Sartori, 2022 – Sartori, P. (2022). Idei o spravedlivosti. Shariat i kul'turnye izmeneniya v russkom Turkestane [Ideas on justice. Shariah and cultural changes in Russian Turkestan]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 480 p. [in Russian]

Tol'ts, 2013 – Tol'ts, V. (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostoковедение v pozdneimperskii period [“Russia's Own East”: Identity Politics and Orientalism in the Late Imperial Period]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 336 p. [in Russian]

Zamyatin, 2003 – Zamyatin, D.N. (2003). Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov [Humanitarian geography: space and language of geographical images]. SPb.: Aleteiya, 331 p. [in Russian]

Образ Туркестанского края начала XX в. в дневниковых записях священника В. Иларионова

Асемгуль Муратовна Коскеева^{a, *}, Зибагул Сулейменовна Ильясова^b,
Баршагул Кашкынкызы Исабек^c, Бакыт Салманович Токмурзаев^d

^a Казахский агротехнический исследовательский университет имени С. Сейфуллина, Астана, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

^c Zhanibekov university, Шымкент, Республика Казахстан

^d Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье исследуется потенциал источников личного происхождения в конструировании образа азиатской периферии Российской империи. Целью настоящей работы является раскрытие представлений служителей церкви о Туркестанском крае с опорой на эго-текст священника В. Иларионова, репрезентирующего Туркестан в системе координат категорий «свой»/«чужой», являющихся основой рецепции региона во властном и общественно-политическом дискурсе. Источниковой базой работы выступает дневник священника, публиковавшийся в 1906–1911 гг. на страницах журнала «Туркестанские епархиальные ведомости». Личный дневник как источник, осваиваемый в статье методом дискурс-анализа, широко применяемым в современном источниковедении, открывает перспективы более полного описания имперских проектов колонизации восточных окраин, а также динамично менявшихся представлений власти и общества об административных задачах в Туркестанском крае и способах их реализации. В процессе исследования выявлены представления священника В. Иларионова о Туркестанском крае в начале XX в.: маркеры, используемые автором дневника для идентификации и отделения «своих» от «чужих»; признаки данных категорий в рецепции деятеля Русской православной церкви. Определены составляющие образа Туркестана в репрезентациях дневника священника, а также факторы, оказавшие влияние на конструирование образа региона в продолжительной временной перспективе. Установлено, что в основе представлений В. Иларионова о Туркестанском крае располагалось инерционное восприятие региона в риторике просветительско-прогрессивной идеологии, предполагавшей «прочтение другого» как нецивилизованного субалтерна, в отношении которого возможно активное культуртрегерство. Вместе с тем погружение в проблемы административно-хозяйственной и социокультурной повседневности Туркестана приводило к переструктурированию представлений о территориальной организации, населении, коммуникативных практиках в границах пространства деятельности Российской империи. Создаваемый автором образ Туркестана выбивался за рамки категорического императива «свой»/«чужой», приобретал черты динамизма, преобразовался в многослойный и противоречивый интеллектуальный конструкт, что в значительной мере свидетельствует о неоднозначности ориенталистского подхода в оценке восточной политики Российской империи в начале XX столетия.

Ключевые слова: Туркестанский край, Восток, образ, представления, личный дневник, «Туркестанские епархиальные ведомости», священник В. Иларионов, репрезентации.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: koskeeva@mail.ru (А.М. Коскеева), zita.o8@mail.ru (З.С. Ильясова), b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 470-477
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.470

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Organization of Anti-Tuberculosis Medical and Social Care in the Yenisei Province in the 1910s

Tatyana A. Kattsina ^{a,*}, Ksenia A. Tishkina ^{a,b}, Oleg A. Kattsin ^c, Larisa V. Zakharova ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

^bAltai State University, Russian Federation

^cKrasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

Abstract

The article presents materials about providing the tuberculosis medical assistance in the Yenisei province in the 1910s. Through the activities of the Krasnoyarsk and Achinsk local departments of the All-Russian League for the Fight against Tuberculosis, shown the contribution of the Siberian public to the organization of medical and social assistance to tuberculosis patients, which manifested itself through the disseminating of anti-tuberculosis literature, the organization of educational lectures, the organization of outpatient clinics and summer colonies (sanatoriums), and collecting of statistical data about tuberculosis. Some difficulties (personnel, organizational, financial) solved by the local departments of the All-Russian League for the Fight against Tuberculosis in the Yenisei province during the First World War are traced. Assessing the historical importance of medical and social care for tuberculosis patients in the Yenisei province, the authors confirms the judgment available in the scientific literature that the local departments of the All-Russian League for Tuberculosis Control managed to attract public attention to the study of tuberculosis and a number of anti-tuberculosis measures. In the 1900s and 1914s, in general, it was possible to provide primary health care, organize the work of some anti-tuberculosis institutions: outpatient clinics, hospitals, sanatoriums, using funds collected with charity.

Keywords: All-Russian League for the Fight against Tuberculosis, Yenisei province, Society of Doctors of the Yenisei province, V.M. Krutovsky, charitable donations, colonies (sanatoriums) for tuberculosis patients, Tuberculosis Day, White Flower Day.

1. Введение

Историю борьбы с туберкулезом принято разделять на два этапа – до открытия ее инфекционного происхождения в 1882 г. и после. Туберкулез, который в прошлом называли чахоткой или бугорчаткой, – одна из острых медико-социальных проблем в мире. Чаще всего ему подвержены социально незащищенные слои населения с иммунодефицитом, находящиеся в состоянии так называемого перманентного стресса. Смертность от туберкулеза в ряде крупных городов Российской империи (Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Одессе и др.) в 1913 г. достигала 35–50 % и, несмотря на тенденцию к снижению, в 1917 г. оставалась высокой – 23–33 % (Лапина, 1969: 6). Особо следует отметить, что дореволюционная статистика недоучитывала значительное число больных из-за слабого развития сети противотуберкулезных учреждений, недостаточного количества врачей, малодоступности врачебной помощи. В официальные отчеты больниц не попадала большая часть заболевших туберкулезом, выявленных в порядке частной врачебной практики. В Сибири, вошедшей в историю Российской империи как ссыльнокааторжный регион, эпидемическое распространение туберкулеза было наиболее вероятно в переполненных камерах тюрем гражданского ведомства.

* Corresponding author

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina), ksetishkina@mail.ru (K.A. Tishkina), olegkatin@gmail.com (O.A. Kattsin), lvzakharova@sfu-kras.ru (L.V. Zakharova)

Штаммы могли циркулировать в многолюдных местах (в церквях, на ярмарках и т.п.), и проблема смертности от туберкулеза была не менее острой, чем в густонаселенных регионах.

Анализ обеспеченности врачами населения Российской империи XIX – начала XX вв., проведенный группой авторов, показал, что к 1913 г. обеспеченность составила 1,722 врача на 10 тыс. населения (Затравкин и др., 2017: 237). Авторы отмечают, что согласно «принятым в социальной гигиене представлениям о минимально допустимой обеспеченности населения врачами, позволяющей системе здравоохранения эффективно выполнять свои основные функции, она должна была соответствовать показателю 5 врачей на 10 тыс. населения» (Затравкин и др., 2017: 238). В силу этой и ряда сопутствующих причин система здравоохранения Российской империи обеспечивала возможность лишь части населения получать врачебную помощь.

Высокие цифры заболеваемости и смертности от туберкулеза побудили передовое медицинское сообщество привлечь к данному вопросу внимание общественных сил. В 1910 г. русские противотуберкулезные общества объединились во Всероссийскую лигу для борьбы с туберкулезом, к которой постепенно присоединились многие медицинские общества в разных уголках страны.

2. Материалы и методы

2.1. При изучении истории организации противотуберкулезной помощи населению чрезвычайно важны тексты Устава Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом (1909), Инструкции для отделов Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом (1912), в соответствии с которыми формировались общественные объединения, определялись их функции, регламентировались направления деятельности, финансовые взаимоотношения и т.п. Разные стороны жизни общественных организаций отражает делопроизводственная документация, архивная и отчасти опубликованная. Прежде всего, это документы фонда 595 «Енисейское губернское правление» государственного архива Красноярского края, Протоколы и труды общества врачей Енисейской губернии за 1911–1915 гг., Отчеты Красноярского отдела Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом за 1913 и 1914 гг., «Краткий обзор деятельности Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом за 1912 год (с 1 января по 1 сентября)». С ними хорошо сочетаются материалы региональных газет начала XX в.: «Отклики Сибири», «Сибирская мысль», Енисейский край.

2.2. Общей методологической основой исследования является ценностный подход к изучению общества и человека, исторических явлений. Анализ источников и исследовательской литературы проведен с учетом главных принципов научного исторического познания (объективности и историзма) с опорой на общенаучные и конкретно-исторические методы исследования. Это означает, что опыт противотуберкулезных мероприятий в Енисейской губернии начала XX в. рассматривается в совокупности позитивных и негативных проявлений с учетом разнообразия и противоречивости (принцип объективности) в контексте конкретно-исторических обстоятельств (принцип историзма) и одновременно с другими явлениями общественной жизни (синхронный метод). В статье также нашли применение методы источниковедческого анализа, основанные на принципах внешней и внутренней критики источника и предполагающие учет достоверности, полноты информации и научной ценности документа.

3. Обсуждение

К настоящему времени сформировалась довольно обширная историография, посвященная изучению предупреждения и борьбы с эпидемиями в России до 1917 г. В ряде публикаций (Аленин, Суворов, 2016; Мацкевич, 2016; Ваганов, 2023) внимание исследователей сосредоточено на работе местных отделений Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом в общем контексте противотуберкулезной помощи населению. Оценивая историческое значение развития борьбы с туберкулезом в дореволюционной России, исследователи отмечают, что передовым медицинским силам в 1900–1914-е гг. удалось привлечь внимание общественности к вопросам изучения туберкулеза и проведению некоторых противотуберкулезных мероприятий, обеспечить в целом первичную медико-санитарную помощь, организовать работу некоторых противотуберкулезных учреждений: амбулаторий, лечебниц, санаториев. Исследования такого плана развиваются и в рамках сибирского региона (Гайдаров и др., 2007). Нередко изучению отдельных аспектов противотуберкулезной истории способствуют труды, прямо ей не посвященные, а рассматривающие иные вопросы. В их числе можно отметить статью К.Е. Балдина «Роль женщин в формировании гражданского общества в российской провинции в начале XX в. (на примере г. Иваново-Вознесенска)» (Балдин, 2014), где освещается вклад горожанок в сферу здравоохранения, в том числе на поприще местного отдела Лиги.

В нашей статье представлены малоизученные материалы, позволяющие охарактеризовать значение и масштабы противотуберкулезной медико-социальной помощи в Енисейской губернии в 1910-е гг.

4. Результаты

4.1. Начало массовой противотуберкулезной деятельности в России и мире

Первые шаги, направленные на организацию общественной борьбы с туберкулезом в России, связаны с деятельностью Русского общества охранения народного здоровья (1877 г.) и Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова (1886 г.) – правопреемника Московско-Петербургского медицинского общества, основанного в 1883 г. В 1890–1900-е гг. в различных городах Российской империи создавались местные общества по борьбе с туберкулезом.

23-го ноября 1909 г. Департамент общих дел Министерства внутренних дел утвердил Устав Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом (далее – Лига). Ее ближайшей задачей, наряду с выработкой общего плана и рациональных способов борьбы с туберкулезом, развитием местных обществ, устройством периодических съездов по вопросам борьбы с туберкулезом и соприкасающимися вопросами общественной медицины и гигиены, стало объединение существующих в России противотуберкулезных и медицинских обществ, общественных и правительственных учреждений, чья деятельность была направлена на выработку и реализацию «мероприятий, необходимых для борьбы с туберкулезом как народной болезнью» (Устав..., 1911: 3). В Лигу сразу вступило 14 обществ различных городов, а к 1913 г. она объединила 139 отделов и 59 самостоятельных обществ (Лапина, 1969: 9).

Согласно Инструкции для отделов Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом для того, чтобы открыть местный отдел, требовалось заявление в правление Лиги «не менее 10 лиц, проживающих в районе будущей деятельности отдела», взявших на себя обязательство оплачивать членство «в размере ежегодного взноса 50 коп. или единовременного пожизненного – не менее 25 руб.» (Инструкция..., 1912: 3, 6).

Начало же массового противотуберкулезного движения в мире часто связывают с деятельностью Центрального Комитета для учреждения народных здравниц для легочных больных, созданного в Германии в 1895 г. В рамках страны он объединил все организации по профилактике и лечению туберкулеза, был взят под покровительство императора Вильгельма II, а в 1899 г. инициировал созыв Международного съезда для борьбы с бугорчаткой как народной болезни. На съезде, в частности, был поднят вопрос о создании Международного центрального Бюро для борьбы с бугорчаткой, членство в котором объявлялось открытым для представителей всех государств. В 1902 г. почетными членами этого органа от Российской империи стали принц А.П. Ольдебургский и видные медицинские деятели В.К. Анреп, Г.И. Гирш, К.К. Дегио, К.Г. Тритшель и В.Д. Шервинский (Коварский, 1902: 1).

Противотуберкулезные мероприятия в России шли с опорой на зарубежный опыт. Так, на первом заседании Лиги (апрель 1910 г.) прозвучало пожелание по примеру других стран организовать Туберкулезный день (впоследствии День белого цветка, День белой ромашки) – мероприятие, которое могло бы «воодушевить население к борьбе с туберкулезом» (Первый туберкулезный..., 1912: 1). Планировалось, что такие ежегодные акции будут приурочены к 20-му апреля – дню образования Лиги.

Лига имела разные каналы финансирования: членские взносы, отчисления местных отделов и обществ, пожертвования, субсидии от органов местного самоуправления, правительства. Так, в 1911 и 1912 гг. Лига получила от правительства 10 тыс. и 25 тыс. руб. соответственно (Лапина, 1969: 9-10), что было ничтожно мало в сравнении с теми пожертвованиями, которые собирались на местах. Только в 87-ми местностях Российской империи в Туберкулезный день 1912 г. чистый доход составил более 772 073 руб. (Краткий обзор..., 1912: 18, 2-я паг.). Важно отметить, что все суммы, собранные в Туберкулезный день или День белой ромашки, за вычетом 2 %, поступающих в Москву в Правление Лиги, предназначались на борьбу с туберкулезом именно в тех местностях, где производились сборы, и расходовались по усмотрению местных противотуберкулезных организаций.

4.2. Органы Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом в Енисейской губернии начала XX в.

Начало развитию планомерной противотуберкулезной деятельности в Енисейской губернии было положено в 1910 г., когда 29-го марта на собрании Общества врачей Енисейской губернии директор красноярской фельдшерской школы, врач М.И. Козьмин выступил с докладом «Лига борьбы с туберкулезом» и предложением присоединиться к новой организации. Под сомнение общественную полезность и необходимость этой формы борьбы с туберкулезом поставил врач, видный общественный деятель В.М. Крутовский. Он говорил: «Что может сделать Лига борьбы с туберкулезом при нашей бедности, темноте и тяжелых общественных условиях?» (Протоколы и труды..., 1910: 58). Тем не менее идея присоединиться к Лиге была поддержана. Неожиданной проблемой стало то, что по Уставу Лиги войти в ее состав могли только те организации, в учредительных документах которых имелся параграф, «дающий право на вступление в означенную Лигу» (Протоколы и труды..., 1910: 59). В Уставе Общества врачей Енисейской губернии такая запись отсутствовала, и изменений учредительного документа в ближайшее время не предвиделось. Пришлось вести длительную переписку по вопросу вступления в Лигу. Очевидно, компромисс был найден во время личных переговоров М.И. Козьмина с секретарем Лиги, во время визита первого в Москву в феврале 1912 г. Так, в мае 1912 г. Общество врачей Енисейской губернии направило

енисейскому губернатору Я.Д. Бологовскому ходатайство о разрешении вступить в члены Лиги, а после того, как был получен положительный ответ (7-го августа того же года), провело свое первое собрание, избрав в состав временного правления исключительно врачей: В.М. Крутовского – председателем, И.И. Кускова – казначеем, Л.И. Либмана – секретарем (*Отчет о деятельности..., 1914: 5*). В конце 1913 г. Красноярский отдел Лиги приступил к практической работе. Потребовалось уже постоянное правление. В нем место председателя занял В.М. Крутовский; товарища председателя – И.И. Кусков; секретаря – Л.И. Либман. Членами правления стали А.А. Кускова, П.Е. Шмандин, доктор Д.И. Дубникова-Либман и М.В. Красноженова. Кандидатами в члены Правления избраны М.А. Фишер, доктор А.В. Крылова, Д.Н. Тихомиров, Ф.С. Борисов; членами ревизионной комиссии – Л.Е. Козлов, доктор Я.Л. Гинцбург и доктор В.Н. Кайдалов (*Отчет о деятельности..., 1914: 5, 3-я паг.*).

В мае 1912 г. под председательством нотариуса А.М. Трескова был организован отдел Лиги в Ачинске. Особую инициативу в его открытии проявил врач Н.Д. Мошков (*Краткий обзор..., 1912: 5, 3-я паг.*).

Для местной общественности деятельность Красноярского и Ачинского отделов Лиги оказалась привлекательной, о чем можно судить по росту численного состава отделов, достигших к 1913 г. 250 и 150 человек соответственно (*Отчет о деятельности..., 1914: 5*).

Ачинский отдел Лиги планировал устроить летнюю детскую колонию в 12-ти верстах от Ачинска, для чего вошел с ходатайством в Управление государственного имущества о бесплатном отводе отделу 20-ти десятин казенной земли, на которой планировалось возвести необходимые постройки, а также устроить огород и пасеку. Затем в связи с колонией просил местных врачей провести среди учащихся Ачинска анкету о состоянии здоровья (*Краткий обзор..., 1912: 5, 3-я паг.*).

Красноярское отделение Лиги организовало в городе амбулаторию (заведующий Л.И. Либман) для туберкулезных, санаторий для них – в с. Есаулово. Открытие специализированного лечебного заведения (амбулатории) в Красноярске должно было снять нагрузку с имеющихся в городе благотворительных медицинских учреждений, где врачи бесплатно вели прием больных. Но в первое время поток пациентов в амбулаторию был небольшой – 8-10 чел. в день (*Протоколы и труды..., 1913: 21*). Всего же с сентября 1912 по январь 1913 гг. амбулаторию посетило 412 чел., в основном женщины от 21-го года до 30-ти лет. Помощь оказывали не только обратившимся жителям Красноярска, но и иногородним. На содержание амбулатории (сюда входили заработная плата персонала, закупка лекарств, отопление и освещение помещений и т.д.) ежегодно требовалось не менее 1 тыс. руб. (*Протоколы и труды..., 1913: 21*). Средства на эти цели получали от кружечных сборов, пожертвований, доходов от спектаклей и концертов, которые проходили в разных местах Енисейской губернии. Так, 3-го мая 1914 г. в Красноярске кружечный сбор (200 кружек) дал 2 365 руб. В отчете об этом говорилось следующее: «главными жертвователями являлся не крупный коммерсант, а средний обыватель, которому были более понятны и близки сердцу учреждения, подобные Лиге борьбы с туберкулезом» (*Отчет Красноярского отдела..., 1915: 8*).

Средства на содержание и устройство колонии (санатория) для туберкулезных были получены от благотворительного концерта, который состоялся 29-го мая 1914 г. в Красноярском городском театре с участием артистов П.И. Словцова («сибирский соловей») и Л.А. Аракиной. Доход с мероприятия составил 298 руб. Крупные пожертвования (10 руб.) «за ложи» внесли городской голова П.С. Смирнов и купец П.И. Гадалов, а М.Ю. Кохановский – 16 руб. за «директорскую ложу» (*Отчет..., 1914: 3*). Конечно, этих средств оказалось недостаточно для реализации целей, поставленных отделом Лиги. Значительную сумму (300 руб.) выделило городское общественное управление, еще 100 руб. – Общество врачей Енисейской губернии (*Отчет Красноярского отдела..., 1915: 2*).

Летом 1914 г. в с. Есаулово в арендованном доме была организована дача-колония для туберкулезных, которая приняла 26 человек – взрослых и детей. Содержание одного больного составило 17 руб. за сезон и покрывалось из благотворительных средств. Надо заметить, что с разрешения директора Енисейского пароходства Н.Н. Гадалова туберкулезные больные были бесплатно доставлены из Красноярска в Есаулово со всем их багажом и постельными принадлежностями. В то же время к колонии проявилось недоброжелательное отношение местного населения и дачников, опасавшихся распространения заболевания (*Отчет Красноярского отдела..., 1915: 22*).

4.3. Деятельность енисейских отделов Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом в годы Первой мировой войны

В годы Первой мировой войны в работе Лиги по борьбе с туберкулезом случился финансовый кризис, который коснулся всех ее отделов. Это объяснялось тем, что пожертвования от населения в первую очередь поступали в те общества, которые оказывали помощь фронту и жертвам войны. Тем не менее отделы Лиги не приостановили свою работу.

Осенью 1914 г. Красноярский отдел Лиги в целях экономии средств принял решение перенести амбулаторию из собственного здания в Первую городскую лечебницу, а также сократить заработную плату персонала. В связи с начавшейся в стране мобилизацией число обращений за медицинской помощью в амбулаторию в августе и сентябре сократилось, но к концу 1914 г. вновь увеличилось. Так, в августе 1914 г. число первично обратившихся составило 38, повторно – 339; в декабре первично

обратившихся – 69 чел., повторно – 889 чел. Всего за год в амбулатории наблюдалось 1 106 пациентов (Отчет Красноярского отдела..., 1915: 10).

Туберкулез оставался одной из причин смертности среди населения, «не щадя никакое звание, никакое занятие, никакое состояние». Только в Красноярске, по данным городского санитарно-статистического бюро, в 1914 г. умерло 1 560 чел., из них от туберкулеза легких – 109 чел. (6,98 %) (Смертность в Красноярске, 1915: 3).

Обострилась кадровая проблема. Весной 1915 г. в связи с призывом на воинскую службу от должности заведующего амбулаторией отказался Л.И. Либман, и на его место был принят доктор Ф.В. Гусаров, после двух месяцев работы сложивший свои полномочия из-за загруженности. Свои услуги предложил находящийся в Красноярске военнопленный доктор Могин, серб по происхождению. Осенью 1915 г. военное ведомство выдало ему разрешение на свободное проживание в городе и врачебную практику (Лига борьбы..., 1916a: 3).

Работа противотуберкулезных учреждений в основном поддерживалась благотворительными пожертвованиями. Так, на содержание летней колонии в с. Есаулово поступило 239 руб. с благотворительного сеанса, устроенного 25-го апреля 1915 г. в кинотеатре «Аквариум», 78 руб. – от «сочувствующего населения» (В Лиге борьбы..., 1915: 3). В пользу колонии в Красноярском городском саду 17-го мая 1915 г. были организованы отдельные гуляния с платой за вход: 25 коп. для взрослых и 15 коп. для учащихся и детей. Чистый сбор составил 249 руб. 10 коп. (Лига борьбы..., 1916b: 3). Однако средств было недостаточно. Тогда правление Красноярского отдела Лиги, убежденное в том, что борьба с туберкулезом должна входить в задачи городского самоуправления, направило ходатайство в городскую думу о выделении 200 руб. на поддержание летней колонии, но получило отказ (О-рцов, 1915: 3).

В июне 1915 г. красноярская газета «Отклики Сибири» обратила внимание читателей на проблемы в работе летней колонии для туберкулезных больных в с. Есаулово: пренебрежительное отношение красноярского общества к работе учреждения, жалобы в городскую думу и губернское правление с просьбой выселить больных с дачи Севастьянова, арендованной под колонию (Байкалов, 1915: 3). Тем не менее в 1915 г. работа колонии состоялась с 7-го июня по 12-е августа. Расходы на ее содержание и лечение 21-го пациента составили 950 руб. Врачи отмечали значительное улучшение здоровья у тех, кто находился на лечении (Лига борьбы..., 1916b: 3).

В апреле 1916 г. на собрании членов Красноярского отдела Лиги присутствовало всего 25 чел., что объяснялось военным положением в стране и заботами об «организации тыла». Было решено сконцентрировать работу на организации летнего санатория, для чего требовалось приобрести отдельное здание. На эти цели врач И.И. Кусков пожертвовал 500 руб., купец А.И. Цукерман – 100 руб. («Белый цветок», 1916: 3). Вырученные средства позволили приобрести и оборудовать под санаторий дом в Николаевской слободе г. Красноярска. По решению городской думы рядом со зданием была выделена территория под сад. Уже 10-го мая 1916 г. начался прием больных. За летний сезон лечение (в среднем 31 день) получили 18 чел. Средств катастрофически не хватало. В июне 1916 г. газета «Сибирская мысль» опубликовала заметку В.М. Крутовского «Добрые люди, помогите!», в которой он призывал к пожертвованиям разными вещами (предметами гардероба, постельным бельем) для нужд санатория, так как некоторые пациенты, поступающие на лечение, находились в нищенском состоянии. Расходы на содержание летней колонии (санатория) в 1916 г. составили 1 075 руб. (В местном отделе..., 1917: 3).

Летом 1916 г. было удовлетворено ходатайство Ачинского отдела Лиги на устройство летней колонии. Еще в октябре 1912 г. отдел поднял вопрос об открытии на свои средства (2 000 руб.) учреждения «для слабых, болезненных и предрасположенных к заболеванию туберкулезом детей» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 1106. Л. 1). Только в 1916 г. Министерство земледелия выделило Ачинскому отделу Лиги семь десятин земли вместо заявленных 20 с одним из условий, что если устройство колонии не начнется в течение трех лет, то земля возвратится государству (ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 1106. Л. 22).

В то же время, несмотря на усилия, которые прилагали члены Красноярского отдела Лиги, пришлось закрыть амбулаторию. Из-за нехватки медперсонала врачи, лечившие туберкулезных больных и сами подвергавшиеся смертельной опасности, испытывали колоссальные нагрузки и отказывались работать за мизерную плату. Примечателен и такой факт: когда в начале 1917 г. Красноярская городская управа обратилась в местный отдел Лиги с просьбой взять на попечение семь воспитанников, заболевших туберкулезом, то получила отказ в силу отсутствия средств, хотя члены отдела ратовали за открытие специального учреждения для туберкулезных детей, на оборудование которого требовалось 787 руб., а на ежегодное содержание – 3 526 руб. (Врачебно-санитарная хроника..., 1918: 5).

5. Заключение

Формирование в начале XX в. Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом свидетельствовало об острой необходимости в мерах по ликвидации заболевания, а также организации санитарно-профилактических мероприятий.

Жизнь местных органов Лиги складывалась подчас весьма своеобразно в зависимости от многих местных условий: протекала, как показали материалы проведенного исследования, не всегда гладко, встречая те или иные затруднения как общего, так и чисто местного характера. На территории Енисейской губернии в 1910-е гг. действовало два отдела Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом – в Красноярске и Ачинске. Весной 1914 г. в Канске открылось Общество борьбы с туберкулезом, которое действовало самостоятельно. Противотуберкулезные организации объединили не только врачей, но и представителей местной общественности, неравнодушных к проблеме распространения заболевания. Одним из главных достижений Красноярского отдела Лиги стало открытие в 1912 г. амбулатории, летней колонии (санатории), которая ежегодно с 1914 до 1917 гг. принимала больных туберкулезом. В условиях Сибири, где было слишком мало лечебных учреждений и врачей, деятельность в пользу здравоохранения имела особо ценное значение.

В связи с революционными преобразованиями и установлением власти большевистского правительства решение проблемы распространения социальных болезней, в число которых входил туберкулез, становилось одной из приоритетных задач здравоохранения. Учреждения, созданные отделениями Лиги для борьбы с туберкулезом, переходили в ведение государства.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20109, URL: <https://rscf.ru/project/22-18-20109/> Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

Литература

- «Белый цветок», 1916 – «Белый цветок» // *Сибирская мысль*. 1916. 6 апреля. С. 3.
- Аленин, Суворов, 2016 – Аленин П.Н., Суворов В.В. Организация борьбы с туберкулезом в Саратовской области // *Бюллетень медицинских интернет-конференций*. 2016. Т. 6. №. 1. С. 123-124.
- Байкалов, 1915 – Байкалов Ст. Нет места // *Отклики Сибири*. 1915. 19 июня. С. 3.
- Балдин, 2014 – Балдин К.Е. Роль женщин в формировании гражданского общества в российской провинции в начале XX в. (на примере г. Иваново-Вознесенска) // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 2. С. 9-17.
- В Лиге борьбы..., 1915 – В Лиге борьбы с туберкулезом // *Отклики Сибири*. 1915. 19 апреля. С. 3.
- В местном отделе..., 1917 – В местном отделе лиги борьбы с туберкулезом // *Енисейский край*. 1917. 21 января. С. 3.
- Ваганов, 2023 – Ваганов М.С. Деятельность отделов Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом в Костромской губернии 1911–1918 гг. // *Вестник Костромского государственного университета*. 2023. Т. 29. № 3. С. 62-67. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-62-67
- Врачебно-санитарная хроника..., 1918 – Врачебно-санитарная хроника города Красноярска. За январь–июнь 1917 года. Красноярск: Тип. Енис. Губ. Союза Кооп., 1918. 80 с.
- Гайдаров и др., 2007 – Гайдаров Г.М., Маслаускене Т.П., Хантаева Н.С. История организации борьбы с туберкулезом в Иркутской области // *Сибирский медицинский журнал*. 2007. № 6. С. 93-96.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Затравкин и др., 2017 – Затравкин С.Н., Щепин В.О., Олейникова В.С. Обеспеченность врачами населения российской империи в XIX – начале XX века // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2017. Т. 25. № 4. С. 236-239. DOI: 10.18821/0869-866X-2017-25-4-236-239.
- Инструкция..., 1910 – Инструкция для отделов Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом, утвержденная общим собранием Лиги 25 апреля 1910 г. Казань: Электрич. тип. Л. П. Антонова, 1912. 16 с.
- Коварский, 1902 – Коварский А. Из Берлина. 1-я Международная противобугорчатковая конференция в Берлине (23–26 октября 1902 г.). СПб.: Тип. Я. Трей, 1902. 16 с.
- Краткий обзор..., 1912 – Краткий обзор деятельности Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом за 1912 (с 1 января по 1 сентября). М.: [б/и], 1912. X, 26, 55 с.
- Лапина, 1969 – Лапина А. И. Организация борьбы с туберкулезом в СССР. М.: Издательство «Медицина», 1969. 304 с.
- Лига борьбы..., 1916a – Лига борьбы с туберкулезом // *Сибирская мысль*. 1916a. 13 мая. С. 3.
- Лига борьбы..., 1916b – Лига борьбы с туберкулезом // *Сибирская мысль*. 1916b. 17 мая. С. 3.
- Мацкевич, 2016 – Мацкевич К. Ю. Борьба с туберкулезом в Беларуси в начале XX века // *Здравоохранение*. 2016. № 8. С. 71-80.
- О-рцов, 1915 – О-рцов А. В Городской Думе // *Отклики Сибири*. 1915. 19 мая. С. 3.
- Отчет Красноярского отдела..., 1915 – Отчет Красноярского отдела Лиги для борьбы с туберкулезом за 1914 год. Красноярск: Типография б. М.И. Абалакова, 1915. 31 с.
- Отчет о деятельности ..., 1914 – Отчет о деятельности Красноярского отдела Лиги для борьбы с туберкулезом за 1913 год. Красноярск: Типография б. М.И. Абалакова, 1914. 24 с.
- Отчет..., 1914 – Отчет... // *Отклики Сибири*. 1914. 22 июня. С. 3.

- Первый туберкулезный..., 1912** – Первый туберкулезный день в Москве 1911 г. с прил. доклада д-ра П.К. Яковлева об организации и задачах туберкулезного дня. М.: [б.и.], 1912. 31 с.
- Протоколы и труды..., 1910** – Протоколы и труды общества врачей Енисейской губернии за 1909–1910 годы. Красноярск: Типография М.И. Абалакова, 1910. 121, [39], [18], [18] с.
- Протоколы и труды..., 1913** – Протоколы и труды общества врачей Енисейской губернии за 1912–1913 годы. Красноярск: Типография М.И. Абалакова, 1913. 83, [109] с.
- Смертность в Красноярске, 1915** – Смертность в Красноярске // *Отклики Сибири*. 1915. 9 апреля. С. 3.
- Устав..., 1911** – Устав Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1911. 15 с.

References

- «Belyj cvetok», 1916** – «Belyj cvetok» [«White flower»]. *Sibirskaya mysl'*. 1916. 6 aprelya. P. 3. [in Russian]
- Alenin, Suvorov, 2016** – *Alenin, P.N., Suvorov, V.V.* (2016). Organizaciya bor'by s tuberkulezom v Saratovskoj oblasti [Organization of the fight against tuberculosis in the Saratov region]. *Byulleten' medicinskih internet-konferencij*. 6(1): 123-124. [in Russian]
- Bajkalov, 1915** – *Bajkalov, St.* (1915). Net mesta [No place]. *Otkliki Sibiri*. 1915. 19 iyunya. P. 3. [in Russian]
- Baldin, 2014** – *Baldin, K.E.* (2014) Rol' zhenshchin v formirovanii grazhdanskogo obshchestva v rossijskoj provincii v nachale XX v. (na primere g. Ivanovo-Voznesenska) [The Role of Women in the Formation of Civil Society in the Russian Provinces at the Beginning of the Twentieth Century (using the City of Ivanovo-Voznesensk as an Example)]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 2: 9-17. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- Gaydarov i dr., 2007** – *Gaydarov, G.M., Maslauskene, T.P., Khantaeva, N.S.* (2007) Istoriya organizacii bor'by s tuberkulezom v Irkutskoj oblasti [History of the organization of the fight with tuberculosis in Irkutsk region]. *Sibirskij medicinskij zhurnal*. 1: 93-96. [in Russian]
- Instrukciya..., 1910** – Instrukciya dlya otdelov Vserossijskoj Ligi dlya bor'by s tuberkulezom, utverzhennaya obshchim sobraniiem Ligi 25 aprelya 1910 g. [Instructions for departments of the All-Russian League for the Fight against Tuberculosis, approved by the general meeting of the League on April 25, 1910]. *Kazan'*, 1912. 16 p. [in Russian]
- Kovarskij, 1902** – *Kovarskij, A.* (1902). Iz Berlina. 1-ya Mezhdunarodnaya protivobugorchatkovaya konferenciya v Berline (23–26 oktyabrya 1902 g.) [From Berlin. 1st International Anti-Tuberculosis Conference in Berlin (October 23–26, 1902)]. SPb., 16 p. [in Russian]
- Kratkij obzor..., 1912** – Kratkij obzor deyatelnosti Vserossijskoj Ligi dlya bor'by s tuberkulezom za 1912 (s 1 yanvarya po 1 sentyabrya) [Brief overview of the activities of the All-Russian League for the Fight against Tuberculosis in 1912 (from January 1 to September 1)]. М.: [б/и]. 1912. X, 26, 55 p. [in Russian]
- Lapina, 1969** – *Lapina, A.I.* (1969). Organizaciya bor'by s tuberkulezom v SSSR. [Organization of the fight against tuberculosis in the USSR]. М.: Izdatel'stvo «Medicina». 304 p. [in Russian]
- Liga bor'by..., 1916a** – Liga bor'by s tuberkulezom [League for the Fight against Tuberculosis]. *Sibirskaya mysl'*. 1916a. 13 maya. P. 3 [in Russian]
- Liga bor'by..., 1916b** – Liga bor'by s tuberkulezom [League for the Fight against Tuberculosis]. *Sibirskaya mysl'*. 1916b. 17 maya. P. 3. [in Russian]
- Mackevich, 2016** – *Mackevich, K.Yu.* (2016) Bor'ba s tuberkulezom v Belarusi v nachale XX veka [The fight against tuberculosis in Belarus at the beginning of the 20th century]. *Zdravoohranenie*. 8: 71-80. [in Russian]
- O-rcov, 1915** – *O-rcov, A.* (1915). V Gorodskoj Dume [In the City Duma]. *Otkliki Sibiri*. 19 maya. P. 3. [in Russian]
- Otchet Krasnoyarskogo otdela..., 1915** – Otchet Krasnoyarskogo otdela Ligi dlya bor'by s tuberkulezom za 1914 god [Report of the Krasnoyarsk Department of the League for the Fight against Tuberculosis for 1914]. Красноярск: Типография б. М.И. Абалакова, 1915. 31 p. [in Russian]
- Otchet o deyatelnosti ..., 1914** – Otchet o deyatelnosti Krasnoyarskogo otdela Ligi dlya bor'by s tuberkulezom za 1913 god [Report on the activities of the Krasnoyarsk department of the League for the Fight against Tuberculosis for 1913.]. Красноярск, 1914. 24 p. [in Russian]
- Otchet..., 1914** – Otchet... [Report...]. *Otkliki Sibiri*. 1914. 22 iyunya. P. 3. [in Russian]
- Pervyj tuberkuleznyj..., 1912** – Pervyj tuberkuleznyj den' v Moskve 1911 g. s pril. doklada d-ра P.K. Yakovleva ob organizacii i zadachah tuberkuleznogo dnya [The First Tuberculosis Day in Moscow in 1911 with an appendix of Dr. P. K. Yakovlev's report on the organization and tasks of the tuberculosis day]. М., 1912. 31 p. [in Russian]
- Protokoly i trudы..., 1910** – Protokoly i trudы obshchestva vrachej Enisejskoj gubernii za 1909–1910 gody [Protocols and works of the society of doctors of the Yenisei province for 1909-1910]. Красноярск, 1910. 121, [39], [18], [18] p. [in Russian]

Protokoly i trudy..., 1913 – Protokoly i trudy obshchestva vrachej Enisejskoj gubernii za 1912–1913 gody [Protocols and works of the society of doctors of the Yenisei province for 1912–1913]. Krasnoyarsk, 1913. 83, [109] p. [in Russian]

Smertnost' v Krasnoyarske, 1915 – Smertnost' v Krasnoyarske [Mortality in Krasnoyarsk]. *Otkliki Sibiri*. 1915. 9 aprelya. P. 3. [in Russian]

Ustav..., 1911 – Ustav Vserossijskoj Ligi dlya bor'by s tuberkulezom [Charter of the All-Russian League for the Fight against Tuberculosis]. M., 1911. 15 p. [in Russian].

V Lige bor'by..., 1915 – V Lige bor'by s tuberkulezom [In the League for the Fight against Tuberculosis]. *Otkliki Sibiri*. 1915. 19 aprelya. P. 3. [in Russian]

V mestnom otdele..., 1917 – V mestnom otdele ligi bor'by s tuberkulezom [In the local department of the league for the fight against tuberculosis]. *Enisejskij kraj*. 1917. 21 yanvarya. P. 3. [in Russian]

Vaganov, 2023 – *Vaganov, M.S.* (2023) Deyatel'nost' otdelov Vserossijskoj ligi dlya bor'by s tuberkulezom v Kostromskoj gubernii 1911–1918 gg. [Activities of the departments of the "All-Russia League for Fighting Tuberculosis" in Kostroma Province in 1911–1918]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 29(3): 62–67. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-62-67 [in Russian]

Vrachebno-sanitarnaya hronika..., 1918 – Vrachebno-sanitarnaya hronika goroda Krasnoyarska. Za yanvar'–iyun' 1917 goda [Medical and sanitary chronicle of the city of Krasnoyarsk. For January–June 1917]. Krasnoyarsk, 1918. 80 p. [in Russian]

Zatravkin i dr., 2017 – *Zatravkin, S.N., Schepin, V.O., Oleinikova, V.S.* (2017) Obespechennost' vrachami naseleniya rossijskoj imperii v XIX – nachale XX veka [The population provision with physicians in the Russian Empire in XIX-early XX centuries]. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhranenia i istorii meditsini*. 25(4): 236–239. DOI: 10.1016/0869-866X-2017-25-4-236-239 [in Russian]

Организация противотуберкулезной медико-социальной помощи в Енисейской губернии в 1910-е гг.

Татьяна Анатольевна Катцина ^{a, *}, Ксения Алексеевна Тишкина ^{a, b}, Олег Андреевич Катцин ^c, Лариса Вячеславовна Захарова ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены материалы по развитию борьбы с туберкулезом в Енисейской губернии в 1910-е годы. Через деятельность Красноярского и Ачинского местных отделов Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом показан вклад сибирской общественности в организацию медико-социальной помощи больным туберкулезом. Это стало возможным через распространение противотуберкулезной литературы, устройство просветительских лекций, организацию амбулаторий и летних колоний (санаториев), собрание статистических данных по туберкулезу.

Прослежены трудности (кадровые, организационные, финансовые), выпавшие на местные отделы Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны.

Оценивая историческое значение медико-социальной помощи больным туберкулезом в Енисейской губернии, авторы верифицируют имеющееся в научной литературе суждение о том, что местным отделам Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом удалось привлечь внимание общественности к вопросам изучения туберкулеза и проведения ряда противотуберкулезных мероприятий. В 1900–1914-е гг. удалось обеспечить первичную медико-санитарную помощь, организовать на собранные для попечительской помощи средства работу некоторых противотуберкулезных учреждений: амбулаторий, лечебниц, санаториев.

Ключевые слова: Всероссийская Лига борьбы с туберкулезом, Енисейская губерния, Общество врачей Енисейской губернии, В.М. Крутовский, благотворительные пожертвования, колонии (санатории) для туберкулезных больных, Туберкулезный день, День белого цветка.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Катцина), ksetishkina@mail.ru (К.А. Тишкина), olegkatcin@gmail.com (О.А. Катцин), lvzakharova@sfu-kras.ru (Л.В. Захарова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 478-486
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.478

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

White Flower Days in Yenisei Province at the beginning of the 20th century: Charity Events for Tuberculosis Patients

Tatyana A. Kattsina ^{a,*}, Ksenia A. Tishkina ^{a,b}, Oleg A. Kattsin ^c, Larisa V. Zakharova ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

^bAltai State University, Russian Federation

^cKrasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to a relevant, socially significant and at the same time little-studied in historical terms scientific problem – the regional aspect of charitable activities in the field of health care. The authors reveal the information coverage, methods of holding a charitable event – White Flower Day (White Chamomile) in the Yenisei province in the 1 necessary cause – the fight against tuberculosis. These issues are of timeless importance. The implementation of the actions contributed not only to attracting the attention of the population to the problem of tuberculosis. The White Flower Day program included educational anti-tuberculosis events and collecting donations for tuberculosis patients. The research materials show that where a quick response to an emerging problem was required, charitable actions played a significant, and sometimes key role. With the charitable funds collected during the "white flower" days, outpatient clinics and summer health resorts for tuberculosis patients were opened and maintained in Yenisei province. At the same time, the article notes that the implementation of charitable actions in favor of tuberculosis patients encountered various difficulties and required answers to many questions, both of a purely local and general nature. The development of this topic involves a wide range of various documents and materials of written origin (office records, reference and statistical materials, periodicals), both little-known published and archival, introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: All-Russian league to fight against tuberculosis, Yenisei province, Society of doctors of yenisei province, White Flower Day, charity, charity event, N.P. Bologovskaya.

1. Введение

В Российской империи, занимавшей в конце XIX в. первое место в Европе по смертности населения, большую роль в развитии отечественного здравоохранения сыграли местные общества врачей. Первые организации возникли еще в дореформенную эпоху, но широкое распространение получили после того, как в 1869 г. был издан «Нормальный устав общества врачей № губернии или № города». Главнейшие задачи обществ состояли в изучении условий, под влиянием которых развиваются и поддерживаются в той или иной губернии болезни, с изысканием средств к предупреждению или ограничению появления болезней. В Енисейской губернии такие задачи разносторонне решало крупнейшее в Сибири Общество врачей Енисейской губернии, образованное в 1886 г. в Красноярске. Оно сыграло ключевую роль в борьбе с эпидемиями, в том числе туберкулеза, особенно после того, как в 1912 г. примкнуло к Всероссийской Лиге для борьбы с туберкулезом (далее – Лига). Вклад в развитие противотуберкулезной деятельности на территории Енисейской губернии внесло также Ачинское отделение Лиги, образованное в 1912 г. и действовавшее самостоятельно.

* Corresponding author

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina), ksetishkina@mail.ru (K.A. Tishkina), olegkatin@gmail.com (O.A. Kattsin), lvzakharova@sfu-kras.ru (L.V. Zakharova)

Канское общество борьбы с туберкулезом, открытое в 1914 г., также было образовано для достижения своих медико-санитарных задач. Эти организации широко использовали благотворительные пожертвования в виде денежных сумм или других даров, поступивших от населения. Одним из способов привлечения средств служили благотворительные акции, которые проводились по всей стране с 1911 г. в так называемый «туберкулезный день» и получили название «День белого цветка» (цветок символизировал здоровье и чистое дыхание легких).

В задачу данной статьи входит следующее: определить тенденции развития акции «День белого цветка» в Енисейской губернии в 1910-е гг., выявить участников таких акций и оценить их вклад в борьбу с туберкулезом. Эти вопросы имеют вневременное значение, поскольку опыт прошлых поколений является важным фактором развития современной благотворительности.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковую базу представленного в статье исследования составляют рукописные и печатные материалы, используемые в комплексе. Это отчетная и организационная текущая документация, связанная своим происхождением с деятельностью Общества врачей Енисейской губернии, Ачинского отделения Лиги, Канского общества для борьбы с туберкулезом. Привлечены фотографии из фондов Красноярского краевого краеведческого музея, документы фонда 595 «Енисейское губернское правление» из государственного архива Красноярского края, которые ранее не публиковались. Широко использована региональная публицистика, рассчитанная для широкого круга читателей и размещенная на страницах газет «Сусанин», «Сибирская мысль», «Отклики Сибири», «Вести». Отдельного внимания заслуживает специальный номер газеты «Сибирская мысль», вышедший в День белого цветка, 5 мая 1912 г., с информацией о пунктах продажи ромашек, тематическими статьями «Местные цифры больных бугорчаткой и местные меры», «Влияние профессий на смертность от чахотки», «Жилища и туберкулез», «К борьбе с туберкулезом» и др., а так же однодневная газета «Белый цветок» (1913) под редакцией доктора В.М. Крутовского. Вышло всего три ее номера: 7-го апреля, 1-го и 4-го мая. В них размещены статьи членов Красноярского отдела Лиги.

2.2. В работе использованы базовые методологические принципы исторической науки: системности, научной объективности и историзма, которые позволили рассматривать явления и события с позиций всестороннего анализа эпохи. В концептуальном отношении благотворительные акции рассматриваются авторами данной статьи в организационном аспекте через ассоциации людей, созданные для достижения определенных целей. Наряду с прочими в работе использовался и историко-генеалогический метод. Применение историко-сравнительного метода позволяет выделить общие и особенные черты в проведении благотворительных акций по городам и уездам Енисейской губернии, которая включала пять уездов: Красноярский, Канский, Ачинский, Минусинский, Енисейский. Оказала заметное влияние на исследование темы активно формирующаяся в последнее десятилетие в гуманитарном знании теория социокультурной деятельности, которая позволила обозначить вклад отдельных личностей в проведение благотворительных акций.

3. Обсуждение

Деятельность Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом и ее отделов нашла отражение в ряде современных исследований (Мацкевич, 2016; Ваганов, 2023). Отдельно в научных работах рассматриваются проблемы реализации благотворительной акции «День белого цветка» в городах Российской империи (Гуденков, 2010; Ерохина, 2013; Саламбиева, 2017; Саламбиева, 2018; Ежова, 2019; Горлова, 2021; Маткин, 2021). Обращено внимание на преемственность в XXI в. дореволюционных традиций, связанных с профилактикой туберкулеза (Елсукова, 2014; Голубева, 2019). Нужно отметить, что благотворительная акция «День белого цветка» возобновлена в России в 2013 г. в канун событий, связанных с 400-летием Дома Романовых, в силу чего сегодня мероприятие больше ассоциируется с данью уважения благотворительной деятельности царской семьи и Русской православной церкви (Вторые Пермские..., 2021; Пакилева, 2021).

4. Результаты

В Российской империи акция «День белого цветка» неразрывно связана с Всероссийской Лигой для борьбы с туберкулезом, учрежденной в конце 1909 г. В 1910 г. 20 апреля правительство разрешило ей провести повсеместно в империи сбор пожертвований путем продажи белого цветка. Отчетность по сбору пожертвований устанавливалась в каждой губернии по указаниям местного начальства. Суммы, собранные в День белого цветка, за вычетом 2 %, поступающих в Москву в Правление Лиги, предназначались на борьбу с туберкулезом именно в тех местностях, где производились сборы, и расходовались по усмотрению местных противотуберкулезных организаций (Краткий обзор..., 1912: 3, 2-я паг.).

День белого цветка распространился и на Енисейскую губернию. Он состоял из просветительских мероприятий и сбора пожертвований. Так, 20 апреля 1911 г. в помещении клуба Красноярского Вольно-пожарного общества прошло публичное чтение лекций «О туберкулезе»,

которое посетило около 400 человек ([Лекции о туберкулезе, 1911: 2](#)). Врач Л.И. Либман рассказал о способах борьбы и мерах профилактики туберкулеза, врач А.П. Жуков доложил о процессах поражения туберкулезом человеческого организма, а также о современных способах лечения. Оба выступления сопровождалось «туманными картинками». В заключительной лекции, прочитанной врачом М.И. Козьминным, говорилось об опасности распространения туберкулеза и необходимости внимания общества к этой проблеме.

В честь всероссийского события красноярская газета «Вести» опубликовала стихотворение «День «Белой Ромашки»»:

Среди лесов, среди полей,
Среди простора лугового,
Где солнце светит веселей,
И тихо дремлет лес сосновый,
Где льются яркие лучи
И резво ползают букашки,
Блестят, как звездочки в ночи,
Простые белые ромашки.
Они невинной белизной
И ярким золотом сияют
И нам луч солнца золотой
Среди полей напоминают!
Забыв страдания свои
И веря в грезы золотые
На них о счастье и любви
Сердца гадают молодые...
И эти скромные цветы
Девизом светлым мы избрали,
Чтоб делать свет из темноты
Чтоб делать радость из печали!
С девизом эти мы идем,

Надеясь крепко друг на друга,
В борьбе с губительным бичом
Неизлечимого недуга.
И завтра будет яркий день,
Ромашки белой день заветный!
Мы перейдем одну ступень,
Рассеяв сумрак беспросветный!
Купите белые цветы
В мечтах о светлом идеале,
Чтоб сделать свет из темноты,
Чтоб сделать радость из печали!
Среди кокетливых вьюнов,
Среди гвоздик и пестрой кашки,
В душистой зелени лугов
Белеют скромные ромашки...
Они цветут короткий срок
Под благодатным солнцем лета...
Купите их! Они – залог
Надежды, радости и света!
([День «Белой Ромашки», 1911: 2](#))

Инициаторами проведения Дня белого цветка в Ачинске выступило местное Общество попечения о начальном образовании. Организованный при нем Дамский комитет изготовил искусственные цветки, продажа которых началась ранним утром 2 июня 1911 г. (дата выпала на четверг – городской базарный день). На базарной площади люди охотно покупали цветы и украшали ими свою одежду, получали листовки с информативным материалом о туберкулезе. Вечером сбор средств продолжился в городском саду, где во время народного гуляния продавали живые цветы, чай, фрукты и т.п. В то же время в Общественном собрании врач Н.Д. Мошков прочел лекцию о туберкулезе, «иллюстрированную туманными картинками» ([Ачинский отдел., 1913: 6](#)). Чистый сбор составил 862 руб., т.е. каждый житель Ачинска (9 144 чел.) в среднем пожертвовал 8 коп. ([Праздник белого..., 1911: 3](#)). Деньги были внесены на банковский сберегательный счет, и их дальнейшая судьба неизвестна.

С 1912 г. проведение Дня белого цветка осуществлялось только с уведомления Лиги и местной администрации, а полученные пожертвования должны были направляться «исключительно на борьбу с туберкулезом» ([Протоколы и труды..., 1912: 58](#)). Поэтому неудивительно, когда в феврале 1912 г. Общество врачей Енисейской губернии обратилось в Правление Лиги по вопросу согласования даты проведения Дня белого цветка в Красноярске, выбор пал на 5-е мая, субботу, когда традиционно проходил базар. У Лиги были закуплены искусственные белые ромашки и корзины для них, кружки для пожертвований, всего на сумму около 300 руб. ([Протоколы и труды..., 1912: 59](#)). Организационными вопросами занялась специально созданная Комиссия по устройству Дня белого цветка. В разработке программы мероприятий и правил для волонтеров деятельное участие приняла супруга енисейского губернатора Н.П. Бологовская. С 15-го апреля по воскресеньям в учебных заведениях Красноярска читались лекции о туберкулезе, его профилактике и методах лечения. Но организованные в разных учреждениях города лекции на эту же тему в День белого цветка обнаружили крайне низкую явку слушателей. 5-го мая сбор пожертвований начался в 9 часов в разных частях города. Дамы, участвовавшие в нем, заранее подходили к зданию общественного собрания, где им выдавали кружки (для акции изготовили 121 шт.), цветы, брошюры, удостоверения «на право продажи цветов и сбора денег». Через плечо они несли ленту с надписью «Борьба с чахоткой», а на руке – повязку с номером участка, который обозначал радиус их действий. В общественном собрании в присутствии первых лиц губернии прошел молебен, где прозвучало и о назначении Дня белого цветка. После молебна волонтеры устремились на свои участки. В качестве помощников они заблаговременно могли пригласить мужчин или учениц старших классов местной гимназии. На своем участке волонтеры обходили все общественные места: гостиницы, лавки, рестораны, учебные заведения и т. д. Однако в частные квартиры входить запрещалось. Во время

продажи цветов никакая сдача не допускалась. Если цветы и брошюры заканчивались, следовало обратиться в аптеку Общества врачей Енисейской губернии для получения новых партий. Продажей ромашек в губернском правлении занималась Н.П. Бологовская (Программа ..., 1912: 2). Торговля искусственными ромашками шла также в учебных заведениях и магазинах города. Уличный сбор завершился в 21 час, но продолжился в кинотеатрах, клубах и ресторанах. Кружки уличных сборщиков надлежало в тот же день сдать в отделение Сибирского банка под расписку, а их вскрытие произвести 6-го мая 1912 г. в 10 утра. Пожертвования, собранные в кинематографах, ресторанах и клубах, разрешалось сдать 10-го мая 1912 г. (Программа ..., 1912: 2). Вырученные средства должны были пойти на устройство в Красноярске амбулатории для туберкулезных больных. Надо заметить, что во вскрытых кружках обнаружили фальшивые серебряные монеты, а сама акция в глазах некоторых современников имела политическую подоплеку: «сперва бы следовало собрать на голодающих, если бы не было голодных, то не было и больных» (Праздник белого цветка, 1912: 3).

В Ачинске День белого цветка был устроен 21-го июня 1912 г. существующим там туберкулезным обществом – членом Лиги. Подготовительную работу взял на себя специально организованный Дамский комитет, он же занялся продажей цветов и раздачей брошюры Общества врачей Енисейской губернии «Чахотка и борьба с ней» во время акции. Чистый сбор составил около 1 034 руб. (Краткий обзор..., 1912: 5, 3-я паг.)

В 1913 г. открылся Красноярский отдел Лиги. Его правление сразу решило заручиться поддержкой епархиального начальства для привлечения общественного внимания и благотворителей к организованной борьбе с туберкулезом. В канун Дня белого цветка, намеченного на 4-е мая, местная газета опубликовала обращение епископа Никона к жителям Енисейской губернии. В нем говорилось, что эта акция должна объединять людей: «если бедняк не может, нет у него денег, сам[ому] купить себе цветок, пусть богатый, памятуя единение, день мира и общения, наденет ему знак любви – цветочек малый» (К 4-му мая 1913..., 1913: 1). Для контроля за проведением Дня белого цветка была создана специальная комиссия, в которую вошли А.А. Кускова, А.В. Крылова, М.В. Красноженова, М.А. Фишер. На должность председателей приглашены Н.П. Бологовская и президент Общества врачей Енисейской губернии П.И. Рачковский. Сбор средств был предназначен на устройство санатория для туберкулезных больных. Организаторы акции отмечали, что если в День белого цветка каждый житель города пожертвует 10 коп., то с ежегодным доходом в 8 000 руб. можно широко развернуть деятельность, направленную на ликвидацию болезни (Отчет о деятельности..., 1914: 2).

В 1914 г. День белого цветка в Красноярске прошел традиционно в первых числах мая. К этому времени уже был выработан алгоритм действий, способствующий слаженности всей работы. Утром 3-го мая протоиерей отец Иоанн Рязанский провел напутственный молебен. Несмотря на плохую погоду, не было ни одного «прохожего, который бы не внес на общее дело своей лепты». По разрешению епископа Никона кружечный сбор в пользу Красноярского отдела Лиги без продажи цветов прошел по всем церквям города во время литургии. Собрано было более 2 365 руб. (Денежный отчет, 1914: 2).

В том же 1914 г. День белого цветка прошел 22-го мая в Ачинске, 29-го июня – в с. Ужур Ачинского уезда. Выбор дат был связан с проведением в эти дни базара и ярмарки. Средства собирались на устройство в Ачинске детской летней колонии, а также амбулатории для больных туберкулезом. Кроме кружечного сбора, устроили гулянье в городском саду, а доктор Н.Д. Мошков прочитал лекцию «Туберкулез для детей» (Азь-Буки, 1914: 3). Чистый сбор по городу составил более 691 руб., на селе – 169 руб. И здесь обнаружили непригодные монеты на сумму более 2 руб., а также две иностранные.

В Енисейской губернии, где было слишком мало лечебных учреждений и врачей, деятельность в пользу здравоохранения имела особо ценное значение. Внимания заслуживает ходатайство жителей г. Канска перед городским головой в начале 1914 г. об учреждении местного Общества борьбы с туберкулезом. К прошению прилагался Устав, согласно которому целевыми параметрами Общества провозглашались устройство и содержание санатория для детей в окрестностях Канска; материальная помощь для лечения в теплом климате таким же больным; устройство других лечебных заведений для больных туберкулезом (ГАКК. Ф. 595. Оп. 35. Д. 1158. Л. 7). Подчеркивалось, что уже имеется более 710 руб., собранных в День белого цветка в Канске в 1913 г., и планируется их увеличить за счет членских взносов, частных пожертвований, поступлений с благотворительных мероприятий и т. д. Весной 1914 г. Канское общество борьбы с туберкулезом получило разрешение на деятельность и сразу приступило к организации Дня белого цветка, который состоялся 22-го мая (Рисунок 1). На строительство в городе специального санатория для больных туберкулезом было собрано 668 руб. (С-ко, 1914: 2).

Несмотря на сложности военного времени, в Енисейской губернии продолжились благотворительные акции в пользу больных туберкулезом. В Красноярске очередной День белого цветка прошел 2-го мая 1915 г. Он привлек около 200 сборщиков, для которых изготовили 143 кружки. Но собранные суммы оказались невелики, самая крупная для одной кружки – 72 руб. 69 коп. (Белый цветок, 1915: 3), поскольку главными жертвователями являлись «не крупный коммерсант, а средний обыватель» (Отчет ..., 1915: 8). «Цель сбора возбудила симпатии обывателей,

вольных и невольных», – военнопленных, размещенных на территории красноярского военного городка, и они пожертвовали 25 руб. (В военном городке, 1915: 3).

Рис. 1. Вонаго Л.Ю. Праздник белого цветка (мероприятие в помощь больным туберкулезом)
Источник: Госкаталог РФ, 2024

В селе Казачинском по инициативе В. Янченко 2-го мая 1915 г., в День белого цветка, собрали 75 руб. для Красноярского отдела Лиги. Среди тех, кто внес деньги, были политические ссыльные Г.С. Вейнбаум, Д.С. Самохвалов и др. (В пользу «Белого цветка», 1915: 3).

21-го мая 1916 г. в Красноярске в четвертый раз прошел День белого цветка. Призывая к пожертвованиям, организаторы акции обращали внимание на то, что туберкулез – болезнь излечимая, и чем больше будет открыто специализированных лечебных заведений, тем меньше риск распространения заболевания. Однако средств было собрано немного. Их, как видно из Рисунка 2, с каждым годом становилось все меньше и меньше, что сводило на нет усилия врачей по развертыванию широкомасштабной работы по лечению и профилактике туберкулеза.

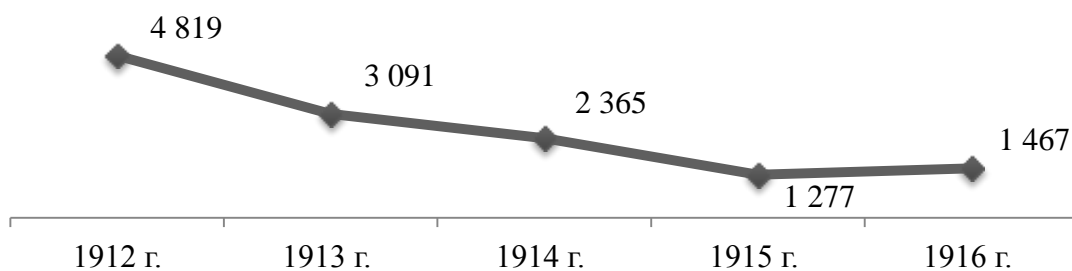

Рис. 2. Динамика пожертвований в День белого цветка по Красноярску (1912–1917 гг.)
Сост. по: Денежный отчет..., 1912: 3; Денежный отчет, 1914: 2; Денежный отчет, 1915: 4; Гусаров, 1917: 4.

5. Заключение

В Енисейской губернии организация Дня белого цветка стала одним из средств противотуберкулезных мероприятий. Даты проведения туберкулезного дня были различны, но организаторы старались придерживаться установленных Советом Лиги чисел – 20 апреля и 6 мая, а также стремились пользоваться удобными по местным условиям сроками с апреля по июль. Дни белого цветка оказались привлекательными для тех, кто имел желание помогать нуждающимся. В дамских комитетах, объединявших женское население из высших и средних городских слоев, сибирячки приобретали навыки общественной работы, которая, в свою очередь, воспитывала у них чувство долга и гражданской ответственности. Муниципальная пресса помогала создавать

позитивное отношение населения к проводимой акции, формировать уверенность в сопричастности, в том, что собираемые средства пойдут по назначению. Имелся строгий общественный и административный контроль над организацией сборов и подсчетом собранных сумм. В рамках Дня белого цветка распространялась соответствующая литература, осуществлялась просветительская медико-санитарная деятельность, собирались средства для попечительской работы, а также для устройства противотуберкулезных учреждений амбулаторного типа и летних санаториев.

Традиция устройства акции «День белого цветка» была продолжена в советское время. Проводимые в начале 1920-х гг. мероприятия были больше ориентированы на пропаганду профилактики заболевания, а собранные средства шли преимущественно на поддержание работы местных тубдиспансеров.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20109, URL: <https://rscf.ru/project/22-18-20109/> Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

Литература

- Азь-Буки, 1914** – *Азь-Буки. День «Белого Цветка» // Отклики Сибири.* 1914. 29 мая. С. 3.
- Ачинский отдел..., 1913** – Ачинский отдел Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом // *Газета «Белый цветок».* 1913. 4 мая. С. 6.
- Белый цветок, 1915** – Белый цветок // *Отклики Сибири.* 1915. 6 мая. С. 3.
- В пользу «Белого цветка», 1915** – В пользу «Белого цветка» // *Отклики Сибири.* 1915. 16 мая. С. 3.
- Ваганов, 2023** – Ваганов М.С. Деятельность отделов Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом в Костромской губернии 1911–1918 гг. // *Вестник Костромского государственного университета.* 2023. Т. 29. № 3. С. 62–67. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-62-67
- Вторые Пермские..., 2021** – Вторые Пермские научно-образовательные чтения «История Императорского Дома Романовых». Материалы научной конференции «Ратный подвиг и подвиг милосердия представителей Императорского Дома Романовых» (г. Пермь, 20 августа 2020 г.) / под ред. А. В. Громовой, С. В. Неганова. Пермь: ПермГАСПИ, 2021. 400 с.
- Гайдаров и др., 2007** – Гайдаров Г.М., Маслаускене Т.П., Хантаева Н.С. История организации борьбы с туберкулезом в Иркутской области // *Сибирский медицинский журнал.* 2007. № 6. С. 93–96.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Голубова и др., 2019** – Голубова Т.Н., Махкамова З.Р., Перескокова А.А., Соболев А.А. Дни белого цветка в Крыму: история и современность // *Вестник фтизиатрии и курортологии.* 2019. № 1. С. 98–101.
- Горлова, 2021** – Горлова Н.И. Отчетная документация как исторический источник исследования участия общественности в «цветочных» акциях в России начала XX в. // *История: факты и символы.* 2021. № 2 (27). С. 19–26. DOI: 10.24888/2410-4205-2021-27-2-19-26
- Госкаталог РФ, 2024** – Госкаталог РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9396932>
- Гуденков, 2010** – Гуденков М.А. День белой ромашки (К истории Всемирного дня борьбы с туберкулезом) // *Вестник Смоленской государственной медицинской академии.* 2010. № 1. С. 168–170.
- Гусаров, 1917** – Гусаров Ф. Отчет // *Енисейский край.* 1917. 3 января. С. 4.
- Денежный отчет, 1914** – Денежный отчет // *Отклики Сибири.* 1914. 20 мая. С. 2.
- Денежный отчет, 1915** – Денежный отчет // *Отклики Сибири.* 1915. 2 июня. С. 4.
- Денежный отчет..., 1912** – Денежный отчет по устройству праздника «Белого цветка» 5 мая 1912 г. // *Сибирская мысль.* 1912. 23 мая. С. 3.
- День «Белой Ромашки», 1911** – День «Белой Ромашки» // *Вести.* 26 апреля. С. 3.
- Ежова, 2019** – Ежова С. А. Дни Белого цветка в Казани: благотворительный праздник начала XX в. как опыт социально-культурного взаимодействия // *Гасырлар авазы – Эхо веков.* 2019. № 2. С. 6–25.
- Елсукова, 2014** – Елсукова Е.П. «Белый цветок» расцветает (из опыта проведения благотворительных акций по профилактике туберкулеза) / *Актуальные вопросы современной фтизиатрии и пульмонологии. Инновационные образовательные материалы очно-заочной межрегиональной конференции с международным участием, посвященной 25-летию юбилею кафедры фтизиатрии Кировской государственной медицинской академии* / под ред. Н.К. Мазиной, Л.А. Копысовой, Е.Г. Фесюк, И.А. Коковихиной. Киров: Кировская государственная медицинская академия, 2014. С. 225–228.
- Ерохина, 2013** – Ерохина С.В. День Белого цветка как форма социально-культурной благотворительности малого провинциального города в начале XX в. (на примере г. Мологи Ярославской губернии) // *Вестнике Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2013. Вып. 11 (127). С. 272–277.
- К 4-му мая 1913, 1913** – К 4-му мая 1913 // Сусанин. 1913. 2 мая. С. 1.
- Краткий обзор..., 1912** – Краткий обзор деятельности Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом за 1912 (с 1 января по 1 сентября). М.: [б/и], 1912. X, 26, 55 с.

- [Лекции о туберкулезе, 1911](#) – Лекции о туберкулезе // Красноярская мысль. 1911. 23 апреля. С. 2.
- [Маткин, 2021](#) – *Маткин А.А.* К истории зарождения благотворительной акции «Белый цветок» в городе Перми и Пермской губернии в 1911–1912 гг. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2021. Т. 12. № 2 (100). «История». 2020. Т. 11. Вып. 2 (88). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840013795-3-1/> DOI: 10.18254/S207987840013795-3
- [Мацкевич, 2016](#) – *Мацкевич К.Ю.* Борьба с туберкулезом в Беларуси в начале XX века // *Здравоохранение*. 2016. № 8. С. 71–80.
- [Отчет о деятельности ..., 1914](#) – Отчет о деятельности Красноярского отдела Лиги для борьбы с туберкулезом за 1913 год. Красноярск: Типография б. М.И. Абалакова, 1914. 24 с.
- [Отчет..., 1915](#) – Отчет Красноярского отдела Лиги для борьбы с туберкулезом за 1914 год. Красноярск: Тип. б. М.И. Абалакова, 1915. 31 с.
- [Пакилева, 2021](#) – *Пакилева Е.С.* Благотворительная акция «Белый цветок» как форма актуализации нематериального культурного наследия / *Искусство и наука третьего тысячелетия: материалы X Международной научно-творческой конференции, 15–16 ноября 2021 г., Симферополь*. Симферополь: ООО «Антиква», 2021. С. 303–306.
- [Праздник белого цветка, 1912](#) – Праздник белого цветка // *Сибирская мысль*. 1912. 8 мая. С. 3.
- [Праздник белого..., 1911](#) – Праздник белого цветка // *Красноярский хроникер*. 1911. 8 июня. С. 3.
- [Программа..., 1912](#) – Программа выработанная комиссией... // *Сибирская мысль*. 1912. 20 апреля. С. 2.
- [Протоколы и труды..., 1912](#) – Протоколы и труды общества врачей Енисейской губернии за 1911–1912 годы. Красноярск: Тип. б. М.И. Абалакова, 1912. 106, [78] с.
- [Саламбиева, 2017](#) – *Саламбиева А. В.* Из истории празднования дня белого цветка в г. Грозном в начале XX века // *Известия Чеченского государственного университета: научно-аналитический журнал*. 2017. № 1 (5). С. 152–156.
- [Саламбиева, 2018](#) – *Саламбиева А.В.* Общественная благотворительность населения города Грозного в начале XX в. на примере Дня белого цветка // *Общество: философия, история, культура*. 2018. № 8 (52). С. 112–115. DOI: 10.24158/fik.2018.8.21
- [С-ко, 1914](#) – *С-ко.* День «белого цветка» // *Отклики Сибири*. 1914. 5 июня. С. 2.

References

- [«Belyj cvetok», 1916](#) – «Belyj cvetok» [«White flowe»]. *Sibirskaya mysl'*. 1916. 6 aprelya. P. 3. [in Russian]
- [Den' «Beloj Romashki», 1911](#) – Den' «Beloj Romashki» [Day of the "White Daisy"]. *Vesti*. 26 aprelya. P. 3. [in Russian]
- [Achinskij otdel..., 1913](#) – Achinskij Otdel Vserossijskoj Ligi dlya bor'by s tuberkulezom [Achinsk Department of the All-Russian League for the Fight against Tuberculosis]. *Gazeta «Belyj cvetok»*. 1913. 4 maya. P. 6. [in Russian]
- [Alenin, Suvorov, 2016](#) – *Alenin, P.N., Suvorov, V.V.* (2016) Organizaciya bor'by s tuberkulezom v Saratovskoj oblasti [Organization of the fight against tuberculosis in the Saratov region]. *Byulleten' medicinskih internet-konferencij*. 6(1): 123–124. [in Russian]
- [Az"-Buki, 1914](#) – Az"-Buki. Den' «Belogo Cvetka» [Day of the «White Flower»]. *Otkliki Sibiri*. 1914. 29 maya. P. 3. [in Russian]
- [Bajkalov, 1915](#) – *Bajkalov, St.* (1915). Net mesta [No place]. *Otkliki Sibiri*. 1915. 19 iyunya. P. 3. [in Russian]
- [Baldin, 2014](#) – *Baldin, K.E.* (2014) Rol' zhenshchin v formirovanii grazhdanskogo obshchestva v rossijskoj provincii v nachale XX v. (na primere g. Ivanovo-Voznesenska) [The Role of Women in the Formation of Civil Society in the Russian Provinces at the Beginning of the Twentieth Century (using the City of Ivanovo-Voznesensk as an Example)]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 2: 9–17. [in Russian]
- [Belyj tsvetok, 1913](#) – Belyj tsvetok [White flowe]. *Susanin*. 1913. 14 aprelya. P. 1. [in Russian]
- [Belyj tsvetok, 1915](#) – Belyj tsvetok [White flowe]. *Otkliki Sibiri*. 1915. 6 maya. P. 3. [in Russian]
- [Denezhnyj otchet..., 1912](#) – Denezhnyj otchet po ustrojstvu prazdnika «Belogo cvetka» 5 maya 1912 g. [Monetary report on the organization of the “White Flower” holiday on May 5, 1912]. *Sibirskaya mysl'*. 1912. 23 maya. P. 3. [in Russian]
- [Denezhnyj otchet, 1914](#) – Denezhnyj otchet [Monetary report]. *Otkliki Sibiri*. 1914. 20 maya. P. 2. [in Russian]
- [Denezhnyj otchet, 1915](#) – Denezhnyj otchet [Monetary report]. *Otkliki Sibiri*. 1915. 2 iyunya. P. 4. [in Russian]
- [Elsukova, 2014](#) – *Elsukova, E.P.* (2014). «Belyj cvetok» rascvetaet (iz opyta provedeniya blagotvoritel'nyh akcij po profilaktike tuberkulyoza) [«White Flower» is blooming (from the experience of conducting charity events for the prevention of tuberculosis)]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj ftiziatrii i pul'monologii. Innovacionnye obrazovatel'nye materialy ochno-zaochnoj mezhhregional'noj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 25-letnemu yubileyu kafedry ftiziatrii Kirovskoj*

- gosudarstvennoj medicinskoj akademii*. Pod red. N.K. Mazinoy, L.A. Kopysovoj, E.G. Fesyuk, I.A. Kokovihinoj. Kirov. Pp. 225-228. [in Russian]
- Erohina, 2013** – *Erohina, S.V.* (2013). Den' Belogo cvetka kak forma social'no-kul'turnoj blagotvoritel'nosti malogo provincial'nogo goroda v nachale XX v. (na primere g. Mologi Yaroslavskoj gubernii) [White Flower Day as a form of socio-cultural charity in a small provincial town at the beginning of the 20th century (using the example of the town of Mologa in the Yaroslavl province)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 11(127): 272-277. [in Russian]
- Ezhova, 2019** – *Ezhova, S.A.* (2019). Dni Belogo cvetka v Kazani: blagotvoritel'nyj prazdnik nachala XX v. kak opyt social'no-kul'turnogo vzaimodejstviya [White Flower Days in Kazan: a charitable event of the early 20th century as sociocultural interaction experience]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 2: 6-25. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- Gaydarov i dr., 2007** – *Gaydarov, G.M., Maslauskene, T.P., Khantaeva, N.S.* (2007). Istoriya organizacii bor'by s tuberkulezom v Irkutskoj oblasti [History of the organization of the fight with tuberculosis in Irkutsk region]. *Sibirskij medicinskij zhurnal*. 1: 93-96. [in Russian]
- Golubova i dr., 2019** – *Golubova, T.N., Mahkamova, Z.R., Pereskokova, A.A., Sobolev, A.A.* (2019). Dni belogo cvetka v Krymu: istoriya i sovremennost' [White Flower Days in Crimea: History and Modernity]. *Vestnik ftiziatrii i kurortologii*. 1: 98-101. [in Russian]
- Gorlova, 2021** – *Gorlova, N.I.* (2021) Otchetnaya dokumentaciya kak istoricheskij istochnik issledovaniya uchastiya obshchestvennosti v «cvetochnyh» akciyah v Rossii nachala XX v. [Reporting documentation as a historical source for studying public participation in flower shares in Russia in the beginning of the XX century]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 2(27): 19-26. DOI: 10.24888/2410-4205-2021-27-2-19-26 [in Russian]
- Goskatalog RF, 2024** – Goskatalog RF. [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9396932>
- Gusarov, 1917** – *Gusarov, F.* (1917). Otchet [Report]. *Enisejskij kraj*. 3 yanvarya. P. 4. [in Russian]
- K 4-mu maya 1913..., 1913** – K 4-mu maya 1913... [By May 4, 1913...]. Susanin. 1913. 2 maya. P. 1. [in Russian]
- Kratkij obzor..., 1912** – Kratkij obzor deyatelnosti Vserossijskoj Ligi dlya bor'by s tuberkulezom za 1912 (s 1 yanvarya po 1 sentyabrya) [Brief overview of the activities of the All-Russian League for the Fight against Tuberculosis in 1912 (from January 1 to September 1)]. M.: [b/i]. 1912. X, 26, 55p. [in Russian]
- Lekcii o tuberkuleze, 1911** – Lekcii o tuberkuleze [Lectures on Tuberculosis]. *Krasnoyarskaya mysl'*. 1911. 23 aprelya. P. 2. [in Russian]
- Mackevich, 2016** – *Mackevich, K.Yu.* (2016). Bor'ba s tuberkulezom v Belarusi v nachale XX veka [The fight against tuberculosis in Belarus at the beginning of the 20th century]. *Zdravoohranenie*. 8: 71-80. [in Russian]
- Matkin, 2021** – *Matkin, A.A.* (2021) K istorii zarozhdeniya blagotvoritel'noj akcii «Belyj cvetok» v gorode Permi i Permskoj gubernii v 1911–1912 gg. [On the History of the Origin of the White Flower Charity Event in the City of Perm and Perm Province in 1911–1912]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. 12. 2(100). [Electronic resource]. URL: https://history.jes.su/s_207987840013795-3-1/ DOI: 10.18254/S207987840013795-3 [in Russian]
- Otchet..., 1915** – Otchet Krasnoyarskogo otdela Ligi dlya bor'by s tuberkulezom za 1914 god [Report of the Krasnoyarsk Department of the League for the Fight against Tuberculosis for 1914]. Krasnoyarsk: Tipografiya b. M.I. Abalakova, 1915. 31 p. [in Russian]
- Otchet o deyatelnosti ..., 1914** – Otchet o deyatelnosti Krasnoyarskogo otdela Ligi dlya bor'by s tuberkulezom za 1913 god [Report on the activities of the Krasnoyarsk department of the League for the Fight against Tuberculosis for 1913.]. Krasnoyarsk, 1914. 24 p. [in Russian]
- Pakileva, 2021** – *Pakileva, E.S.* (2021) Blagotvoritel'naya akciya «Belyj cvetok» kak forma aktualizacii nematerial'nogo kul'turnogo naslediya [Charity event “White Flower” as a form of actualization of intangible cultural heritage]. *Iskusstvo i nauka tret'ego tysyacheletiya: materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-tvorcheskoj konferencii, 15–16 noyabrya 2021 g., Simferopol'*. Simferopol'. Pp. 303-306. [in Russian]
- Prazdnik belogo tsvetka, 1912** – Prazdnik belogo tsvetka [White Flower Festival]. *Sibirskaya mysl'*. 1912. 8 maya. P. 3. [in Russian]
- Programma..., 1912** – Programma vyrabotannaya komissiej [The Program Developed by the Commission...]. *Sibirskaya mysl'*. 1912. 20 aprelya. P. 2. [in Russian]
- Protokoly i trudy..., 1910** – Protokoly i trudy obshchestva vrachej Enisejskoj gubernii za 1909–1910 gody [Protocols and works of the society of doctors of the Yenisei province for 1909-1910]. Krasnoyarsk, 1910. 121, [39], [18], [18] p. [in Russian]
- Protokoly i trudy..., 1912** – Protokoly i trudy obshchestva vrachej Enisejskoj gubernii za 1911–1912 gody [Protocols and Works of the Society of Physicians of the Yenisei Province for 1911–1912]. Krasnoyarsk, 1912. 106, [78] p. [in Russian]
- Salambieva, 2017** – *Salambieva, A.V.* (2017) Iz istorii prazdnovaniya dnya belogo cvetka v g. Groznom v nachale XX veka [From the history of the celebration of the White flower day in the Grozne at the beginning of the XX century]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta: nauchno-analiticheskij zhurnal*. 1(5): 152-156. [in Russian]

Salambieva, 2018 – *Salambieva, A.V.* (2018) Obshchestvennaya blagotvoritel'nost' naseleniya goroda Groznogo v nachale XX v. na primere Dnya belogo cvetka [Public charity of Grozny's population in the early 20th century by a case study of the White flower day]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 8(52): 112-115. DOI: 10.24158/fik.2018.8.21 [in Russian]

S-ko, 1914 – S-ko. Den' «Belogo cvetka» [Day of the «White Flower»]. *Otkliki Sibiri*. 1914. 5 iyunya. P. 2. [in Russian]

Prazdnik belogo..., 1911 – Prazdnik belogo cvetka [White Flower Festival]. *Krasnoyarskij hroniker*. 1911. 8 iyunya. P. 3. [in Russian]

V pol'zu «Belogo cvetka», 1915 – V pol'zu «Belogo cvetka» [In favor of the «White Flower»]. *Otkliki Sibiri*. 1915. 16 maya. P. 3. [in Russian]

Vaganov, 2023 – *Vaganov, M.S.* (2023) Deyatel'nost' otdelov Vserossijskoj ligi dlya bor'by s tuberkulezom v Kostromskoj gubernii 1911–1918 gg. [Activities of the departments of the “All-Russia League for Fighting Tuberculosis” in Kostroma Province in 1911-1918]. *Vestnik of Kostroma State University*. 29(3): 62-67. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-62-67 [in Russian]

Vtorye Permskie..., 2021 – Vtorye Permskie nauchno-obrazovatel'nye chteniya «Istoriya Imperatorskogo Doma Romanovyh». Materialy nauchnoj konferencii «Ratnyj podvig i podvig miloserdiya predstavitelej Imperatorskogo Doma Romanovyh» (g. Perm', 20 avgusta 2020 g.). Sbornik. Pod red. A.V. Gromovoj, S.V. Neganova. Perm'. 400 p. [in Russian]

Gudencov, 2010 – *Gudencov, M.A.* (2010) Den' beloj romashki (K istorii Vsemirnogo dnya bor'by s tuberkulyozom) [White Chamomile Day (On the history of World Tuberculosis Day)]. *Vestnik Smolenskoj gosudarstvennoj medicinskoj akademii*. 1: 168-170. [in Russian]

День белого цветка в Енисейской губернии начала XX в.: благотворительные акции в пользу больных туберкулезом

Татьяна Анатольевна Катцина ^{a, *}, Ксения Алексеевна Тишкина ^{a, b}, Олег Андреевич Катцин ^c, Лариса Вячеславовна Захарова ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена актуальной общественно значимой и в тоже время малоизученной в историческом плане научной проблеме – региональному аспекту благотворительной деятельности в сфере здравоохранения. Авторы раскрывают информационное освещение, способы проведения благотворительной акции «День белого цветка» (белой ромашки) на территории Енисейской губернии в 1910-е гг., выявляют участников этого процесса. Эти вопросы имеют вневременное значение. Реализация акций способствовала не только привлечению внимания населения к проблеме заболеваемости туберкулезом, программа Дня белого цветка включала просветительские противотуберкулезные мероприятия и сбор пожертвований в пользу больных туберкулезом. Материалы исследования показывают, что там, где требовалось быстрое реагирование на возникшую проблему, благотворительные акции играли значительную, а иногда и ключевую роль. На благотворительные средства, собранные в дни белого цветка, в Енисейской губернии открывались и содержались амбулатории, летние оздоровительные санатории для туберкулезных больных. При этом в статье отмечается, что проведение благотворительных акций в пользу больных туберкулезом встречало те или иные затруднения и требовало ответа на многие вопросы, имевшие как чисто местный, так и общий характер. В разработке данной темы задействован широкий круг разнообразных документов и материалов письменного происхождения (делопроизводственной документации, справочно-статистических материалов, периодической печати), как малоизвестных опубликованных, так и архивных, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: Всероссийская Лига для борьбы с туберкулезом, Енисейская губерния, Общество врачей Енисейской губернии, День белого цветка, благотворительность, благотворительная акция, Н.П. Бологовская.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Катцина), ksetishkina@mail.ru (К.А. Тишкина), olegkatcin@gmail.com (О.А. Катцин), lvzakharova@sfu-kras.ru (Л.В. Захарова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(1): 487-497
DOI: 10.13187/bg.2025.1.487

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The First World War: the Eastern Front in Modern Historiography

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

Abstract

This historiographical work is devoted to a brief analysis of modern research on the study of the Eastern Front of the First World War. The materials were works on the study of this war, the historiographical method, the classification method and the synthesis method were used as methods.

Having studied modern historiography on the problem of researching the First World War, we can conclude that the vector of these studies has changed quite a lot.

The fighting and the balance of forces of the warring parties have been studied very fully before. Currently, previously unexplored topics are being explored in more depth, in particular, issues of agitation and military propaganda, the participation of non-combatants in the war, as well as the role and impact of individual regions, territories, and cities on the results of the war; the phenomena of heroism and exploits of individual personalities are also being deeply and pointfully explored.

Keywords: historiography, World War I, historiography of the First World War, 1914–1918, Eastern Front of the First World War.

1. Введение

Проблема Первой мировой войны в мировой исторической науке освещена достаточно полно. Вместе с тем тема продолжает оставаться актуальной, исследователи находят новые грани, изучают новые ее сферы и источники по данной войне, что позволяет значительно глубже осветить ее особенности.

В данной историографической работе делается попытка вкратце осветить некоторые современные исследования, посвященные изучению Восточного фронта Первой мировой войны.

2. Материалы и методы

Материалами данной рукописи выступают новейшие исследования, касающиеся изучения Восточного фронта периода Первой мировой войны.

В качестве методов исследования применялись: историографический анализ (контент-анализ): применялся для изучения содержания материалов по исследованию Восточного фронта Первой мировой войны; метод классификации: применен для распределения историографии по категориям в зависимости от предмета исследования истории Первой мировой войны; а также метод синтеза, который был применен для формулирования результатов и выводов данной работы на основе историографического анализа вышеуказанных материалов по Первой мировой войне.

3. Обсуждение

Исследований по проблеме деятельности Восточного фронта в годы Первой мировой много; мы остановили свое внимание лишь на некоторых из них.

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

В частности, в данном историографическом исследовании мы апеллировали к работам Г.В. Мордвинцева, И.Ф. Сибгатуллиной (Мордвинцев, Сибгатуллина, 2014), Е.А. Королева, Ю.В. Танасюк (Королев, Танасюк, 2018), Н.Н. Блохиной (Блохина, 2015), Н.Н. Зорковой (Зоркова, 2015), А.Ю. Тимофеева (Тимофеев, 2020), М.П. Соболева, Р.С. Еременко (Соболев, Еременко, 2018), К. Назаренко, С.А. Кючукдагделена (Nazarenko, Küçükdağdelen, 2022), С.А. Липиной (Липина, 2011), Д.А. Латюка (Латюк, 2023), А.И. Чепель, Н.А. Замятиной (Чепель, Замятина, 2024), В.Б. Каратаева, А.А. Чурсина, А.С. Семенова, С.И. Адияева, С.Ф. Артемовой, А.Н. Волкова (Karataev et al., 2017; Karataev et al., 2019), Н.В. Митюкова, И.Ю. Черкасовой, Д.В. Матвеева (Митюков, Матвеев, 2017; Mitiukov, Cherkasova, 2022; Mitiukov, 2021), Т.Е. Зулфугарзаде, Н.Н. Черкасовой (Karataev et al., 2016), О.В. Натолочной, Р.М. Аллалиева, В.А. Свечникова, С.В. Петровой (Natolochnaya et al., 2021; Natolochnaya et al., 2021a; Natolochnaya et al., 2021b), Т.А. Магсумова, М.Б. Колоткова, С.Б. Зиньковского (Magsumov et al., 2022; Magsumov et al., 2023; Magsumov et al., 2023; Magsumov et al., 2023), М.Н. Кирилова (Kirilov, 2019), Г. Райовича, С.Н. Братановского (Rajović, Bratanovskii, 2023), А.А. Беляевой (Беляева, 2024), М.В. Бобровой (Боброва, 2019), О.Ю. Никонова (Никонова, 2020), Д.Ю. Федулкина (Федулкин, 2016), М.И. Абдулаевой, О.Б. Халидовой (Абдулаева, Халидова, 2020), Ф.С. Киреева (Киреев, 2010), Х.Е. Киселева (Kiselyov, 2024), З.Г. Сон (Son, 2024), И.А. Гилязова (Гилязов, 2024), М. Зеймо (Žejmo, 2019), Т.З. Рысбекова, А.Б. Нариман (Рысбеков, Нариман, 2020), Д.Г. Янченко, М.Ф. Флоринского (Yanchenko, Florinsky, 2022), С.Р. Сармановой, М.М. Козыбаевой, Х.Б. Маслова, С.Х.А. Жуссип, С.М. Сыздикова, Я.З. Тулейбаева, С. Жуматай (Sarmanova etc., 2023; Zhussip etc., 2023), Р. Дадашовой (Dadaşova R., 2022), М. Перинчек (Perinçek, 2011), А. Баш (Baş, 2019), Н.М. Александрова (Александров, 2015), Т.И. Трошиной (Трошина, 2008), Г. Райович, И.С. Денисова, Д.И. Степанова, И.А. Гордеева (Rajović et al., 2021), С.Ю. Шишкиной (Шишкина, 2006), М.З. Саидовой (Саидова, 2017), И.М. Афонасенко, Ю.А. Бахурина (Афонасенко, Бахурин, 2009), П.К. Крокож (Krokosz, 2022), Н.И. Богомазова (Богомазов, 2020), В. Волковой (Волкова, 2015), Д.А. Никодимова (Никодимов, 2016), А.Б. Асташова (Асташов, 2021), А.В. Барынкина (Барынкин, 2024), А.Е. Лебедь (Lebid, 2018), Д.В. Левинцева (Liventsev, 2019), Г. Райович, С.Н. Братановского, М.С. Братановской, А.Е. Епифанова (Rajović et al., 2022; Rajović et al., 2023), В.А. Пархоменко (Parkhomenko, 2018), В.С. Каменского (Kamensky, 2021), Р.О. Эмина, В.Ф. Марухина (Эмин, Марухин, 2016), А.В. Золова (Золов, 2016), Ю.А. Жердевой (Жердева, 2014), О.Н. Барабанова (Барабанов, 2023), А.А. Михайлова (Михайлов, 2020), Е.Н. Стрекаловой (Стрекалова, 2015), М.В. Васильева (Васильев, 2015), Х.М. Жирон-Гонзалеса (Giron-Gonzalez, 2020) и др.

Разумеется, историография Первой мировой войны гораздо шире, чем обозначенные выше работы, однако в масштабах данной работы мы не видим возможности осветить каждое из сделанных в исторической науке исследований.

4. Результаты

Для удобства историографию по проблеме исследования мы разделили на несколько групп.

1. «Юбилейные» исследования, посвященные началу или окончанию Первой мировой войны.

Существует весьма большой пласт работ, посвященный началу войны. В частности, Г.В. Мордвинцев, И.Ф. Сибгатуллина исследуют влияние войны на судьбы народов России (Мордвинцев, Сибгатуллина, 2014), Е.А. Королев, Ю.В. Танасюк анализируют проблемы материальных издержек России в данной войне (Королев, Танасюк, 2018), Н.Н. Блохина освещает работу сестер милосердия из дома Романовых (Блохина, 2015), Н.Н. Зоркова делает обзор мероприятий, посвященных 100-летию начала и участия России в войне (Зоркова, 2015), А.Ю. Тимофеев изучает участие сербских бойцов (Тимофеев, 2020), М.П. Соболев и Р.С. Еременко освещают войну глазами российских ее современников (Соболев, Еременко, 2018) и др.

2. Развитие армии и флота в годы войны (применительно к Восточному фронту).

К данной категории отнесем работы К. Назаренко и С.А. Кючукдагделен о противостоянии турецких и российских сил на Черном море (Nazarenko, Küçükdağdelen, 2022), исследование С.А. Липиной о проблемах технической модернизации российской армии (Липина, 2011), освещение Д.А. Латюком особенностей подводной войны на Черноморском театре военных действий (Латюк, 2023), исследование А.И. Чепель и Н.А. Замятиной о развитии химических средств поражения и их использовании на Восточном фронте (Чепель, Замятина, 2024), статью В.Б. Каратаева, А.А. Чурсина и А.С. Семенова о корректировке артподдержки силами авиации на Кавказском фронте (Karataev et al., 2017) и развитии авиации в целом (В.Б. Каратаев, С.И. Адияев, С.Ф. Артемова, А.Н. Волков; Karataev et al., 2019), изучение Н.В. Митюковым, И.Ю. Черкасовой и Д.В. Матвеевым работы судостроительного цеха Воткинского завода (Митюков, Матвеев, 2017) и боевых действий его барж (Mitiukov, Cherkasova, 2022), а также освещение деятельности боевого парохода «Граната» (Mitiukov, 2021) и т. д.

3. События на Кавказском фронте Восточного фронта в годы Первой мировой.

Значительный пласт исследований посвящен Кавказскому фронту, а именно работы В.Б. Каратаева, Т.Е. Зулфугарзаде и Н.Н. Черкасовой о наступательной операции российских войск на крепость Эрзерум (Karataev et al., 2016), О.В. Натолочной, Р.М. Аллалиева, В.А. Свечникова и

С.В. Петровой о планировании российским командованием блокады Босфорского пролива силами Черноморского флота в 1916-м году (Natolochnaya et al., 2021; Natolochnaya et al., 2021a; Natolochnaya et al., 2021b), Т.А. Магсумова, Т.Е. Зульфугарзаде, М.Б. Колоткова и С.Б. Зиньковского о помощи Сухумской церковной епархии российским вооруженным силам на Кавказе (Magsumov et al., 2022) и освещение «будней войны» (Magsumov et al., 2023), М. Н. Кирилова о деятельности иностранных вооруженных сил на Кавказе (Kirilov, 2019) и др.

4. Участие слабозащищенных социальных слоев в Первой мировой войне, а именно — женщин и детей. Данный предмет исследован Г. Райовичем и С.Н. Братановским (образ «детей войны» 1914–1915 годов) (Rajović, Bratanovskii, 2023), Т.А. Магсумовым, Т.Е. Зульфугарзаде, М. Б. Колотковым и С. Б. Зиньковским (формирование студенческих вооруженных отрядов) (Magsumov et al., 2023), А.А. Беляева (война глазами детей на примере жителей г. Архангельска) (Беляева, 2024), М.В. Бобровой (об участии женщин в войне) (Боброва, 2019), О.Ю. Никоновой (о трансформации детского сознания и мировоззрения в условиях войны) (Никонова, 2020) и др.

5. Исследования, посвященные отдельным персоналиям Первой мировой войны, а именно: трансформации философских взглядов И.А. Ильина (Рюмин, 2015), жизненный путь героя войны А.М. Ахлова (Кидирниязов, 2016), проблемы мифологизации на примере биографии А. Пальшиной (Корнев, 2016), трансформация творчества под влиянием войны В. Моле (Бершадская, 2016) и др.

6. Роль и влияние отдельных этносов, конфессий и государственных образований в Первой мировой войне.

В частности, участие в боевых действиях уроженцев Мордовии освещает Д.Ю. Федулкин (Федулкин, 2016), восприятие войны дагестанцами исследует М.И. Абдулаева и О.Б. Халидова (Абдулаева, Халидова, 2020), подвиги осетин описывает Ф.С. Киреев (Киреев, 2010), анализ влияния войны на трансформацию традиционной исламской культуры татар делает Х.Е. Киселев (Kiselyov, 2024), участие корейских эмигрантов на трудовом фронте освещает З.Г. Сон (Son, 2024), работу ученых-татар в военное время описывает И.А. Гилязов (Гилязов, 2024), процесс формирования восточных границ после окончания войны анализирует М. Зеймо (Zejmo, 2019), участие казахских бойцов вооруженных сил Российской империи исследует Т.З. Рысбеков и А.Б. Нариман (Рысбеков, Нариман, 2020), «финскую проблему» анализируют Д.Г. Янченко и М.Ф. Флоринский (Yanchenko, Florinsky, 2022), военную мобилизацию казахской интеллигенции освещают С.Р. Сарманова, М.М. Козыбаева и Х.Б. Маслов (Sarmanova et al., 2023), некоторые исторические аспекты участия казахов в войне описывают С.Х. А. Жуссип, Х.Б. Маслов, С.М. Сыздииков, М.М. Козыбаева, Я.З. Тулейбаев и С. Жумагай (Zhussip et al., 2023), участие армян в боевых действиях анализирует Р. Дадашова (Dadaşova, 2022), турецких ополчений — М. Перинчек (Perinçek, 2011) и А. Баш (Baş, 2019).

7. Деятельность отдельных регионов и городов Восточного фронта в годы Первой мировой войны.

Вопросы участия городов и отдельных регионов освещают Н.М. Александров (восприятие войны и врага сельским населением Костромской губернии) (Александров, 2015), Т.И. Трошина (участие населения Архангельска в войне) (Трошина, 2008), Г. Райович, И.С. Денисов, Д. И. Степанов, И.А. Гордеев (участие Румынии в войне) (Rajović et al., 2021), С.Ю. Шишкина (в монографии «Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны: август 1914 — февраль 1917 г.») (Шишкина, 2006), М.З. Саидова («священная война» Османской империи) (Саидова, 2017), Т.А. Магсумов, Т.Э. Зульфугарзаде, М.Б. Колотков, С.Б. Зиньковский («Будни войны» в Приморской области) (Magsumov et al., 2023), И.М. Афонасенко, Ю.А. Бахурин (роль и место обороны Новогоргиевска) (Афонасенко, Бахурин, 2009), П.К. Крокож (действия русских войск в предместьях Кракова) (Krokosz, 2022) и др.

8. Экономика стран Восточного фронта в Первой мировой.

Проблеме экономических отношений в период войны посвящено фундаментальное исследование Н.И. Богомазова (развитие российской железнодорожной сети вблизи театра военных действий) (Богомазов, 2020), работы В. Волковой (Волкова, 2015) и Д.А. Никодимова (Никадимов, 2016) о развитии тылового железнодорожного сообщения, А.Б. Асташова (изучение вопросов материальной и медицинской помощи российской армии со стороны земств и городов) (Асташов, 2021), А. В. Барынкина об эволюции экономических представлений до и во время войны (Барынкин, 2024) и др.

9. Вопросы агитации и пропаганды на Восточном фронте в период Первой мировой войны.

Пласт исследований, касающихся пропагандистской деятельности, весьма велик. Так, А.Е. Лебедь анализирует методы пропаганды как нелетального средства борьбы в войне (Lebid, 2018), Д.В. Левинцев исследует инструменты российской пропаганды в военном флоте в период 1914–1915-х годов (Liventsev, 2019), Г. Райович, С.Н. Братановский, М.С. Братановская и А.Е. Епифанов освещают методы военной пропаганды в периодических изданиях, в частности, в журнале «Задушевное слово» (Rajović et al., 2022) и в газете «Солдатский вестник» (Rajović et al., 2023; Rajović et al., 2024; Rajović et al., 2024a), В.А. Пархоменко описывает «образ врага», который рисовала пропаганда Российской империи (Parkhomenko, 2018), В.С. Каменский анализирует литературную российскую пропаганду (Kamensky, 2021), Р.О. Эмин и В.Ф. Марухин исследуют общие тенденции и методы российской агитации и пропаганды (Эмин, Марухин, 2016), А.В. Золов анализирует события Первой мировой в

призме советской пропаганды (Золов, 2016), Ю.А. Жердева освещает проблемы визуализации бедствий, принесенных войной, в иллюстрированной российской дореволюционной прессе (Жердева, 2014), О.Н. Барабанов описывает феномен недоверия российского населения к военной пропаганде времен Первой мировой войны (Барабанов, 2023), А.А. Михайлов исследует освещение героизма русских солдат времен войны в советской печати (Михайлов, 2020), Е.Н. Стрекалова освещает процесс формирования образа врага в «Письмах о войне 1914 года» (Стрекалова, 2015), М.В. Васильев сравнивает методы и способы военной пропаганды противоборствующих сторон (Васильев, 2015), Х.М. Жирон-Гонзалес исследует возможности почтовых голубей в пропагандистской деятельности в период Первой мировой (Giron-Gonzalez, 2020) и др.

В целом можно отметить, что исследование Первой мировой войны является весьма полным, и работы по данной проблематике раскрывают все сферы этой войны.

5. Заключение

Изучив современную историографию о проблеме исследования Первой мировой войны, мы можем сделать вывод о том, что вектор данных исследований изменился весьма сильно.

Боевые действия и соотношение сил противоборствующих сторон исследованы весьма полно ранее. В настоящее время более глубоко исследуются ранее не изученные темы, в частности, вопросы агитации и военной пропаганды, участие некомбатантов в войне, а также роль и влияние на результаты войны отдельных регионов, территорий, городов; также весьма глубоко о точечно исследуются феномены героизма и подвигов отдельных персоналий.

Литература

Абдулаева, Халидова, 2020 – Абдулаева М.И., Халидова О.Б. Первая мировая война в периферийном зеркале истории: восприятие войны населением Дагестанской области // *Манускрипт*. 2020. Т. 13. № 12. С. 18-23.

Александров, 2015 – Александров Н.М. Восприятие войны и врага сельским населением Костромской губернии в начальный период Первой мировой войны // *Северо-Запад в аграрной истории России*. 2015. № 21. С. 154-161.

Асташов, 2021 – Асташов А.Б. Война, деньги, милосердие: армия и союзы земств и городов в годы Первой мировой войны // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2021. № 2 (58). С. 5-23.

Афонасенко, Бахурин, 2009 – Афонасенко И.М., Бахурин Ю.А. Порт-Артур на Висле. Крепость Новогеоргиевск в годы Первой мировой войны. М., 2009.

Барабанов, 2023 – Барабанов О.Н. Война и недоверие к власти в России на примере Первой мировой войны // *Свободная мысль*. 2023. № 1 (1697). С. 5-16.

Барынкин, 2024 – Барынкин А.В. Эволюция представлений об экономической войне накануне Первой мировой войны и после ее окончания // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2024. Т. 46. № 8. С. 39-44.

Беляева, 2024 – Беляева А.А. Дети и война: Первая мировая война в Архангельске глазами ребенка / *Развитие современной науки и образования: инновации в преподавании, обучении, научных исследованиях. Сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Архангельск, 2024. С. 150–153.

Бершадская, 2016 – Бершадская М.Л. Первая мировая война и гражданская война в России в творчестве Воеслава Моле / *Седьмые и Восьмые Андреевские чтения. Сборник статей по материалам XLIV и XLV Международных филологических конференций* / Отв. ред. О.В. Гусева. 2016. С. 22-27.

Блохина, 2015 – Блохина Н.Н. Деятельность сестер милосердия дома Романовых в годы Первой мировой войны (к 100-летию Первой мировой войны) // *Российский медицинский журнал*. 2015. Т. 21. № 1. С. 52-56.

Боброва, 2019 – Боброва М.В. «Женщина на войне» как феномен и часть Первой мировой войны 1914–1918 гг. / *Студенческое сообщество и современная наука. Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Под редакцией Д.В. Щукина*. 2019. С. 25-30.

Богомазов, 2020 – Богомазов Н.И. «Железнодорожная война»: развитие российской железнодорожной сети вблизи театра военных действий в годы Первой мировой войны / *Отчет о НИР № 19-78-00075. Российский научный фонд*. 2019–2020.

Васильев, 2015 – Васильев М.В. Информационные войны Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / *Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики. Сборник материалов научного семинара*. Сост. Л.А. Капитанова, В.В. Фролов. 2015. С. 3-23.

Волкова, 2015 – Волкова В. Чыгунка на акупаванай тэрыторыі беларусіў гады Першай сусветнай вайны // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 2015. № 30. С. 136–141.

- Гилязов, 2024 – Гилязов И.А. Ученые на службе войны: перлюстрация писем татарских военнопленных в Германии в период Первой мировой войны // *Tatarica*. 2024. № 2 (23). С. 81-93.
- Жердева, 2014 – Жердева Ю.А. «Ужасы войны»: визуализация бедствия в иллюстрированной прессе Первой мировой войны // *Газетная и журнальная иллюстрация. Материалы научной конференции*. 2014. С. 72-80.
- Золов, 2016 – Золов А.В. Незабываемая война: к вопросу об освещении истории Первой мировой войны в СССР // *Non grata causa. сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева*. Санкт-Петербург, 2016. С. 303-316.
- Зоркова, 2015 – Зоркова Н.Н. Первая мировая война: возвращение памяти (обзор мероприятий, посвященных 100-летию начала Первой мировой войны) // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2015. № 1 (33). С. 226-229.
- Кидирнязов, 2016 – Кидирнязов Д.С. Жизненный путь участника Первой мировой войны, кавалера Георгиевского креста А. М. Ахлова / *Великая война 1914–1918. Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны*. Российская ассоциация историков Первой мировой войны; редакционная коллегия: Е. Ю. Сергеев, Д. Ю. Козлов, И. Н. Новикова, В. В. Романов, В. К. Шаццлло, Г. Д. Шкундин, Р. Нахтигаль, М. Витухновская-Кауппала, А. Ю. Павлов. 2016. С. 150-155.
- Киреев, 2010 – Киреев Ф.С. Герои и подвиги. Уроженцы Осетии в Первой мировой войне. Владикавказ, 2010.
- Корнев, 2016 – Корнев Р. Мифологизация истории Первой мировой войны на примере биографии Антонины Пальшиной // *Евразийский союз ученых*. 2016. № 30-3. С. 7-15.
- Королев, Танасюк, 2018 – Королев Е.А., Танасюк Ю.В. Материальные издержки России в Первой мировой войне (к 100-летию окончания Первой мировой войны) // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2018. Т. 12. № 2. С. 18-21.
- Латюк, 2023 – Латюк Д.А. Неограниченная подводная война в годы Первой мировой войны (1917-1918 гг.) / *Студенческая наука и XXI век*. 2023. Т. 20. № 1-2 (23). С. 352-354.
- Липина, 2011 – Липина С.А. Война и техническая модернизация: Омутнинский горный округ в годы Первой мировой войны // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 23 (238). С. 152157.
- Митюков, Матвеев, 2017 – Митюков Н.В., Матвеев Д.В. Судостроительный цех Воткинского завода в годы Первой мировой войны // *Вестник Томского государственного университета: История*. 2017. 50: 38-44.
- Михайлов, 2020 – Михайлов А.А. Герои Первой мировой войны в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны / *СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти. Сборник трудов международной научно-образовательной конференции*. 2020. С. 358-367.
- Мордвинцев, Сибгатуллина, 2014 – Мордвинцев Г.В., Сибгатуллина И.Ф. Первая мировая война и исторические судьбы народов России (к 100-летию начала Первой мировой войны) // *Вестник ВЭГУ*. 2014. № 2 (70). С. 220-225.
- Никадимов, 2016 – Никадимов Д.А. Железнодорожное обеспечение русских войск в годы Русско-японской войны и Первой мировой войны // *Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова*. 2016. № 1. С. 289-294.
- Никонова, 2020 – Никонова О.Ю. Дети и война: трансформация детства в России в условиях Первой мировой и гражданской войн / НИР: грант № 20-39-90008. Российский фонд фундаментальных исследований. 2020.
- Рысбеков, Нариман, 2020 – Рысбеков Т.З., Нариман А.Б. Бірінші дүниежүзілік соғыс жылдарындағы батыс Қазақстанның мұнай өнеркәсібіне шетел капиталының енуі: тарихы мен мәселелері // *Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия*. 2020. Т. 97. № 1. С. 122-127.
- Рюмин, 2015 – Рюмин С.Г. Нравственные противоречия войны в творчестве И. А. Ильина: к столетию Первой мировой войны // *Евразийский союз ученых*. 2015. № 3-8 (12). С. 50-53.
- Саидова, 2017 – Саидова М.З. К вопросу о «священной войне» Османского правительства в годы Первой мировой войны / *Наука сегодня: глобальные вызовы и механизмы развития. Материалы международной научно-практической конференции: в 2 частях*. Научный центр «Диспут». 2017. С. 70-72.
- Соболев, Еременко, 2018 – Соболев М.П., Еременко Р.С. Первая мировая война: взгляд из XXI века (к 100-летию со дня окончания войны) // *На пути к гражданскому обществу*. 2018. № 3 (31). С. 77-87.
- Соболев, Еременко, 2018 – Соболев М.П., Еременко Р.С. Первая мировая война глазами современников (к 100-летию со дня окончания войны) // *На пути к гражданскому обществу*. 2018. № 4 (32). С. 74-91.
- Стрекалова, 2015 – Стрекалова Е.Н. «Письма о войне 1914 года» и формирование образа врага в Первой мировой войне / *Боевое братство и национальное единство народов Северного Кавказа в*

- годы Первой мировой войны. *Материалы Международной научной конференции*. Отв. ред. И. В. Крючков. 2015. С. 200-207.
- [Тимофеев, 2020](#) – Тимофеев А.Ю. Столетие Первой мировой войны в Сербии: война памятников // *Славянский альманах*. 2020. № 3-4. С. 127-149.
- [Трошина, 2008](#) – Трошина Т.И. Великая война... забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Архангельск, 2008.
- [Федулкин, 2016](#) – Федулкин Д.Ю. Уроженцы Мордовии на фронтах Первой мировой войны // Национальная Ассоциация Ученых. 2016. № 10-2(26). С. 15-17.
- [Чепель, Замятина, 2024](#) – Чепель А.И., Замятина Н.А. Война химиков: химическое оружие и средства защиты в годы Первой мировой войны // *Современная научная мысль*. 2024. № 5. С. 76-84.
- [Шишкина, 2006](#) – Шишкина С.Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). Тюмень, 2006.
- [Эмин, Марухин, 2016](#) – Эмин Р.О., Марухин В.Ф. Агитация и пропаганда в период Первой мировой войны и Гражданской войны в России / *Студенческая наука Подмоскovieю. Материалы Международной научной конференции молодых ученых*. 2016. С. 763-767.
- [Baş, 2019](#) – Baş A.I. Dünya savaşı'nda Rusya'nın zonguldak'a yönelik saldırıları (1914-1915) // *Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi*. 2019. № 42. С. 14-34.
- [Dadaşova, 2022](#) – Dadaşova R. I Dünya müharibəsi illərində erməni hərbi hissələrinin türkiyəyə qarşı fəaliyyəti // *Metafizika*. 2022. Т. 5. № 20-4. С. 140-158.
- [Giron-Gonzalez, 2020](#) – Giron-Gonzalez J.M. Messenger Pigeons as a Propagandist's Weapon (the Case of World War I) // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2020. 7(1): 38-43.
- [Kamensky, 2021](#) – Kamensky V.S. Literary Propaganda and Litterateurs during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(1): 16-22.
- [Karataev et al., 2016](#) – Karataev V.B., Zulfugarzade T.E., Cherkasova N.N. To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance // *Bylye Gody*. 2016. 42(4): 1368-1377.
- [Karataev et al., 2017](#) – Karataev V.B., Chursin A.A., Semenov A.S. The Russian Aviation in the First World War: the Features of Artillery Fire Correction // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 301-308.
- [Karataev et al., 2019](#) – Karataev V.B., Adinyaev S.I., Artemova S.F., Volkov A.N. From the History of the Dawn of Aviation: Biplanes of the early XX century // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 406-412.
- [Kirilov, 2019](#) – Kirilov M.N. Foreign Units in the Russian Army during World War I. Formation of Armenian Vigilante Units in the Caucasian Front // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2019. 6(2): 67-76.
- [Kiselyov, 2024](#) – Kiselyov Kh.E.I. The World War I (1914 - 1918) as a powerful and major civilizational “challenge” towards the traditional islāmic culture of the tartar nation // *Уральская горная школа - регионaм. материалы Международной научно-практической конференции, в рамках Уральской горнопромышленной декады*. Екатеринбург, 2024. С. 828-830.
- [Krokosz, 2022](#) – Krokosz P.K. The russian military near Cracow during The First World War // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2022. Т. 67. № 2. С. 480-496.
- [Lebid, 2018](#) – Lebid A.E. Propaganda as a Tool of “Non-Lethal Warfare” (on the Example of British and German Propaganda during the Period of World War I) // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2018. 5(2): 55-64.
- [Liventsev, 2019](#) – Liventsev D.V. Military Propaganda in the Russian Navy in the Period 1914–1915 // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2019. 6(2): 55-66.
- [Magsumov et al., 2022](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. To the Issue of the Sukhumi Diocese's Activities of the Russian Orthodox Church during the First World War // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 494-502.
- [Magsumov et al., 2023](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The First World War on the Pages of the Journal “Studencheskii Byulleten' Kievskogo Kommercheskogo Instituta” // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 998-1006.
- [Magsumov et al., 2023](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. “Weekdays of the War” in the Sources on the Social History of the First World War (on the Example of the Primorsky Region) // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 475-484. DOI: 10.13187/bg.2023.1.475
- [Mitiukov, 2021](#) – Mitiukov N.W. Identification of the Steamer “Granata”, acquired by Izhevsk Factories during the First World War // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 2073-2083.
- [Mitiukov, Cherkasova, 2022](#) – Mitiukov N.W., Cherkasova I.Yu. Barges of the Votkinsk Plant, Ordered by the Naval Ministry in 1916 –1917 // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 1050-1059.
- [Natolochnaya et al., 2021](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V. Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 404-412.
- [Natolochnaya et al., 2021a](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V. Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 1042-1051.

- [Natolochnaya et al., 2021b](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V.* Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 3 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1560-1567.
- [Nazarenko, Küçükdağdelen, 2022](#) – *Nazarenko K., Küçükdağdelen Ç.A.* Birinci Dünya savaşı arifesinde ve esnasında rus donanması ve karadeniz boğazları // *Rusya Araştırmaları Dergisi*. 2022. № 8. C. 127-136.
- [Parkhomenko, 2018](#) – *Parkhomenko V.A.* “The Image of the Enemy” in the Russian Empire during the Great War // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2018. 5(2): 49-54.
- [Periñçek, 2011](#) – *Periñçek M.* Birinci Dünya savaşı'nda Türkiye ermenilerinin rus ordularına katilimine dair yeni belgeler // *Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi*. 2011. № 10. C. 9-50.
- [Rajović et al., 2021](#) – *Rajović G., Denisov I.S., Stepanova D.I., Gordeev I.A.* Romania during the First World War (on the Example of 1916 year) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 413-419.
- [Rajović et al., 2022](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Bratanovskya M.S.* The Journal “Zadushevnoe Slovo” as a Source on the History of the First World War // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1267-1272.
- [Rajović et al., 2023](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Bratanovskya M.S.* Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper “Soldatskii Vestnik” (May 22 – June 22, 1916). Part 1 // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 2118-2127.
- [Rajović et al., 2024](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Kuksin I.N.* Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper “Soldatskii Vestnik” (May 22 – September 7, 1916). Part 2 // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 465-471.
- [Rajović et al., 2024a](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Kuksin I.N.* Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper “Soldatskii Vestnik” (May 22 – September 7, 1916). Part 3 // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 959-964.
- [Rajović, Bratanovskii, 2023](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N.* The Evolution of the Image “Children at War 1914–1915” (based on the Materials of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”) // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1532-1538.
- [Sarmanova et al., 2023](#) – *Sarmanova S.R., Kozybayeva M.M., Maslov Kh.B.* Activities of the national intelligentsia to organize assistance to Kazakhs mobilized for rear work during The First World War // *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series*. 2023. № 3 (144). Pp. 39-50.
- [Son, 2024](#) – *Son Z.G.* Legal regulation of the Korean labor immigrants by the Russian imperial government in World War I // *Koreanology*. 2024. № 2 (7). C. 40-54.
- [Yanchenko, Florinsky, 2022](#) – *Yanchenko D.G., Florinsky M.F.* The council of ministers and the Finnish problem in the first year of World War I (on the materials of A.N. Yakhontov) // *The New Past*. 2022. № 1. C. 167-180.
- [Żejmo, 2019](#) – *Żejmo M.* Geopolityczne warunki kształtowania się wschodnich granic Polski po zakończeniu I wojny światowej (II część) // *Проблемы межрегиональных связей*. 2019. № 14. C. 38-41.
- [Zhussip et al., 2023](#) – *Zhussip S.Kh.A., Maslov Kh.B., Syzdykov S.M., Kozybayeva M.M., Zhumatay S., Tulebayev Ja.Z.* Historical aspects of the participation of Kazakhs in The First World War // *Voprosy Istorii*. 2023. № 11-2. C. 126-137.

References

- [Abdulaeva, Khalidova, 2020](#) – *Abdulaeva, M.I., Khalidova, O.B.* (2020). Pervaya mirovaya voina v periferiinom zerkale istorii: vospriyatie voiny naseleniem Dagestanskoi oblasti [Perception of the war and the enemy by the rural population of the Kostroma province in the initial period of the First World War]. *Manuskript*. 13(12): 18-23. [in Russian]
- [Afonasenko, Bakhurin, 2009](#) – *Afonasenko, I.M., Bakhurin, Yu.A.* (2009). Port-Artur na Visle. Krepost' Novogeorgievsk v gody Pervoi mirovoi voiny [Port Arthur on the Vistula. Novogeorgievsk Fortress during the First World War]. M. [in Russian]
- [Aleksandrov, 2015](#) – *Aleksandrov, N.M.* (2015). Vospriyatie voiny i vraga sel'skim naseleniem Kostromskoi gubernii v nachal'nyi period Pervoi mirovoi voiny [Perception of the War and the Enemy by the Rural Population of the Kostroma Province in the Initial Period of the First World War]. *Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii*. 21: 154-161. [in Russian]
- [Astashov, 2021](#) – *Astashov, A.B.* (2021). Voyna, den'gi, miloserdie: armiya i soyuzy zemstv i gorodov v gody Pervoi mirovoi voiny [War, money, mercy: the army and unions of zemstvos and cities during the First World War]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2(58): 5-23. [in Russian]
- [Barabanov, 2023](#) – *Barabanov, O.N.* (2023). Voyna i nedoverie k vlasti v Rossii na primere Pervoi mirovoi voiny [War and distrust of power in Russia on the example of the First World War]. *Svobodnaya mysl'*. 1(1697): 5-16. [in Russian]
- [Barynkin, 2024](#) – *Barynkin, A.V.* (2024). Evolyutsiya predstavlenii ob ekonomicheskoi voine nakanune Pervoi mirovoi voiny i posle ee okonchaniya [Evolution of ideas about economic war on the eve of the First World War and after its end]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 46(8): 39-44. [in Russian]

- Baş, 2019** – *Baş, A.I.* (2019). Dünya savaşı'nda Rusya'nin zonguldak'a yönelik saldırıları (1914-1915). *Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi*. 42: 14-34.
- Belyaeva, 2024** – *Belyaeva, A.A.* (2024). Deti i voina: Pervaya mirovaya voina v Arkhangel'ske glazami rebenka [Children and war: the First World War in Arkhangel'sk through the eyes of a child]. *Razvitie sovremennoi nauki i obrazovaniya: innovatsii v prepodavanii, obuchenii, nauchnykh issledovaniyakh. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Arkhangel'sk. Pp. 150-153. [in Russian]
- Bershadskaya, 2016** – *Bershadskaya, M.L.* (2016). Pervaya mirovaya voina i grazhdanskaya voina v Rossii v tvorchestve Voeslava Mole [The First World War and the Civil War in Russia in the Works of Vojeslav Mole]. *Sed'mye i Vos'mye Andreevskie chteniya. Sbornik statei po materialam XLIV i XLV Mezhdunarodnykh filologicheskikh konferentsii*. Otv. red. O.V. Guseva. Pp. 22-27. [in Russian]
- Blokhina, 2015** – *Blokhina, N.N.* (2015). Deyatel'nost' sester miloserdiya doma Romanovykh v gody Pervoi mirovoi voiny (k 100-letiyu Pervoi mirovoi voiny) [The activities of the Sisters of Mercy of the Romanov house during the First World War (on the 100th anniversary of the First World war)]. *Rossiiskii meditsinskii zhurnal*. 21(1): 52-56. [in Russian]
- Bobrova, 2019** – *Bobrova, M.V.* (2019). «Zhenshchina na voine» kak fenomen i chast' Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg. [“Woman at war” as a phenomenon and part of the First World War 1914–1918]. *Studencheskoe soobshchestvo i sovremennaya nauka. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. Pod redaktsiei D.V. Shchukina. Pp. 25-30. [in Russian]
- Bogomazov, 2020** – *Bogomazov, N.I.* (2020). «Zheleznodorozhnaya voina»: razvitie rossiiskoi zheleznodorozhnoi seti vblizi teatra voennykh deistvii v gody Pervoi mirovoi voiny [“Railway War”: development of the Russian Railway network near the theater of military operations during the First World War]. *Otchet o NIR № 19-78-00075. Rossiiskii nauchnyi fond. 2019–2020*. [in Russian]
- Chepel', Zamyatina, 2024** – *Chepel', A.I., Zamyatina, N.A.* (2024). Voina khimikov: khimicheskoe oruzhie i sredstva zashchity v gody Pervoi mirovoi voiny [The War of chemists: chemical weapons and means of defense during the First World War]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 5: 76-84. [in Russian]
- Dadaşova, 2022** – *Dadaşova, R.* (2022). I Dünya müharibəsi illərində erməni hərbi hissələrinin türkiyəyə qarşı fəaliyyəti. *Metafizika*. T. 5. 20-4: 140-158.
- Emin, Marukhin, 2016** – *Emin, R.O., Marukhin, V.F.* (2016). Agitatsiya i propaganda v period Pervoi mirovoi voiny i Grazhdanskoi voiny v Rossii [Agitation and propaganda during the First World War and the Civil War in Russia]. *Studencheskaya nauka Podmoskov'yu. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh*. Pp. 763-767. [in Russian]
- Fedulkin, 2016** – *Fedulkin, D.Yu.* (2016). Urozhentsy Mordovii na frontakh Pervoi mirovoi voiny [Natives of Mordovia on the fronts of the First World War]. *Natsional'naya Assotsiatsiya Uchenykh*. 10-2(26): 15-17. [in Russian]
- Gilyazov, 2024** – *Gilyazov, I.A.* (2024). Uchenye na sluzhbe voiny: perlyustratsiya pisem tatarskikh voennoplennykh v Germanii v period Pervoi mirovoi voiny [Scientists in the service of war: interception of letters of Tatar prisoners of war in Germany during the First World War]. *Tatarica*. 2(23): 1-93. [in Russian]
- Giron-Gonzalez, 2020** – *Giron-Gonzalez, J.M.* (2020). Messenger Pigeons as a Propagandist's Weapon (the Case of World War I). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 7(1): 38-43.
- Kamensky, 2021** – *Kamensky, V.S.* (2021). Literary Propaganda and Litterateurs during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(1): 16-22.
- Karataev et al., 2016** – *Karataev, V.B., Zulfugarzade, T.E., Cherkasova, N.N.* (2016). To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance. *Bylye Gody*. 42(4): 1368-1377.
- Karataev et al., 2017** – *Karataev, V.B., Chursin, A.A., Semenov, A.S.* (2017). The Russian Aviation in the First World War: the Features of Artillery Fire Correction. *Bylye Gody*. 43(1): 301-308.
- Karataev et al., 2019** – *Karataev, V.B., Adinyayev, S.I., Artemova, S.F., Volkov, A.N.* (2019). From the History of the Dawn of Aviation: Biplanes of the early XX century. *Bylye Gody*. 51(1): 406-412.
- Kidirniyazov, 2016** – *Kidirniyazov, D.S.* (2016). Zhiznennyi put' uchastnika Pervoi mirovoi voiny, kavallera Georgievskogo kresta A. M. Akhlova [Life path of the participant of the First World War, the holder of the Cross of St. George A. M. Akhlov]. *Velikaya voina 1914–1918. Al'manakh Rossiiskoi assotsiatsii istorikov Pervoi mirovoi voiny. Rossiiskaya assotsiatsiya istorikov Pervoi mirovoi voiny; redaktsionnaya kollegiya: E. Yu. Sergeev, D. Yu. Kozlov, I. N. Novikova, V. V. Romanov, V. K. Shatsillo, G. D. Shkundin, R. Nakhtigal', M. Vitukhnovskaya-Kauppal, A. Yu. Pavlov*. Pp. 150-155. [in Russian]
- Kireev, 2010** – *Kireev, F.S.* (2010). Geroi i podvigi. Urozhentsy Osetii v Pervoi mirovoi voine [Heroes and exploits. Natives of Ossetia in the First World War]. *Vladikavkaz*. [in Russian]
- Kirilov, 2019** – *Kirilov, M.N.* (2019). Foreign Units in the Russian Army during World War I. Formation of Armenian Vigilante Units in the Caucasian Front. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 6(2): 67-76.
- Kiselyov, 2024** – *Kiselyov, Kh.E.I.* (2024). The World War I (1914 - 1918) as a powerful and major civilizational “challenge” towards the traditional islāmic culture of the tartar nation. *Ural'skaya gornaya*

shkola - regionam. materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, v ramkakh Ural'skoi gornopromyshlennoi dekady. Ekaterinburg. Pp. 828-830.

[Kornev, 2016](#) – Kornev, R. (2016). Mifologizatsiya istorii Pervoi mirovoi voyny na primere biografii Antoniny Pal'shinoi [Mythologization of the history of the First World War on the example of the biography of Antonina Palshina]. *Evrasiiskii soyuz uchenykh*. 30-3: 7-15. [in Russian]

[Korolev, Tanasyuk, 2018](#) – Korolev, E.A., Tanasyuk, Yu.V. (2018). Material'nye izderzhki Rossii v Pervoi mirovoi voine (k 100-letiyu okonchaniya Pervoi mirovoi voyny) [Material costs of Russia in the First World War (on the 100th anniversary of the end of the First World War)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*. 12(2): 18-21. [in Russian]

[Krokosz, 2022](#) – Krokosz, P.K. (2022). The russian military near Cracow during The First World War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 67(2): 480-496.

[Latyuk, 2023](#) – Latyuk, D.A. (2023). Neogranichennaya podvodnaya voyna v gody Pervoi mirovoi voyny (1917-1918 gg.) [Unrestricted submarine warfare during the First World War (1917-1918)]. *Studencheskaya nauka i XXI vek*. T. 20. 1-2 (23): 352-354. [in Russian]

[Lebid, 2018](#) – Lebid, A.E. (2018). Propaganda as a Tool of “Non-Lethal Warfare” (on the Example of British and German Propaganda during the Period of World War I). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(2): 55-64.

[Lipina, 2011](#) – Lipina, S.A. (2011). Voina i tekhnicheskaya modernizatsiya: Omutninskii gornyi okrug v gody Pervoi mirovoi voyny [War and technical modernization: Omutninsky mining district during the First World War]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 23(238): 152157. [in Russian]

[Liventsev, 2019](#) – Liventsev, D.V. (2019). Military Propaganda in the Russian Navy in the Period 1914–1915. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 6(2): 55-66.

[Magsumov et al., 2022](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2022). To the Issue of the Sukhumi Diocese's Activities of the Russian Orthodox Church during the First World War. *Bylye Gody*. 17(1): 494-502.

[Magsumov et al., 2023](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2023). The First World War on the Pages of the Journal “Studencheskii Byulleten' Kievskogo Kommercheskogo Instituta”. *Bylye Gody*. 18(2): 998-1006.

[Magsumov et al., 2023](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2023). “Weekdays of the War” in the Sources on the Social History of the First World War (on the Example of the Primorsky Region). *Bylye Gody*. 18(1): 475-484. DOI: 10.13187/bg.2023.1.475

[Mikhailov, 2020](#) – Mikhailov, A.A. (2020). Geroi Pervoi mirovoi voyny v sovetskoi propagande v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Heroes of the First World War in Soviet propaganda during the Great Patriotic War]. *SSSR vo Vtoroi mirovoi voine (1939–1945 gg.): problemy istoricheskoi pamyati. Sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchno-obrazovatel'noi konferentsii*. Pp. 358-367. [in Russian]

[Mitiukov, 2021](#) – Mitiukov, N.W. (2021). Identification of the Steamer “Granata”, acquired by Izhevsk Factories during the First World War. *Bylye Gody*. 16(4): 2073-2083.

[Mitiukov, Cherkasova, 2022](#) – Mitiukov, N.W., Cherkasova, I.Yu. (2022). Barges of the Votkinsk Plant, Ordered by the Naval Ministry in 1916 –1917. *Bylye Gody*. 17(2): 1050-1059.

[Mityukov, Matveev, 2017](#) – Mityukov, N.V., Matveev, D.V. (2017). Sudostroitel'nyi tsekh Votkinskogo zavoda v gody Pervoi mirovoi voyny [Shipbuilding workshop of the Votkinsk plant during the First World War]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya*. 50: 38-44. [in Russian]

[Mordvintsev, Sibgatullina, 2014](#) – Mordvintsev, G.V., Sibgatullina, I.F. (2014). Pervaya mirovaya voyna i istoricheskie sud'by narodov Rossii (k 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voyny) [The First World War and the historical destinies of the peoples of Russia (on the 100th anniversary of the beginning of the First World War)]. *Vestnik VEGU*. 2(70): 220-225. [in Russian]

[Natolochnaya et al., 2021](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Petrova, S.V. (2021). Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 404-412.

[Natolochnaya et al., 2021a](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Petrova, S.V. (2021). Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 1042-1051.

[Natolochnaya et al., 2021b](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Petrova, S.V. (2021). Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 3. *Bylye Gody*. 16(3): 1560-1567.

[Nazarenko, Küçükdağdelen, 2022](#) – Nazarenko, K., Küçükdağdelen, Ç.A. (2022). Birinci Dünya savaşı arifesinde ve esnasında rus donanması ve karadeniz boğazları. *Rusya Araştırmaları Dergisi*. 8: 127-136.

[Nikadimov, 2016](#) – Nikadimov, D.A. (2016). Zheleznodorozhnoe obespechenie russkikh voisk v gody Russko-yaponskoi voyny i Pervoi mirovoi voyny [Railway support of Russian troops during the Russo-Japanese War and the First World War]. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova*. 1: 289-294. [in Russian]

[Nikonova, 2020](#) – Nikonova, O.Yu. (2020). Deti i voyna: transformatsiya detstva v Rossii v usloviyakh Pervoi mirovoi i grazhdanskoi voyn [Children and war: transformation of childhood in Russia during the First

- World and Civil Wars]. NIR: grant № 20-39-90008. Rossiiskii fond fundamental'nykh issledovaniï. [in Russian]
- [Parkhomenko, 2018](#) – *Parkhomenko, V.A.* (2018). “The Image of the Enemy” in the Russian Empire during the Great War. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(2): 49-54.
- [Perinçek, 2011](#) – *Perinçek, M.* (2011). Birinci Dünya savaşı'nda Türkiye ermenilerinin rus ordularına katilimine dair yeni belgeler. *Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi*. 10: 9-50.
- [Rajović et al., 2021](#) – *Rajović, G., Denisov, I.S., Stepanova, D.I., Gordeev, I.A.* (2021). Romania during the First World War (on the Example of 1916 year). *Bylye Gody*. 16(1): 413-419.
- [Rajović et al., 2022](#) – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.E., Bratanovskya, M.S.* (2022). The Journal “Zadushevnoe Slovo” as a Source on the History of the First World War. *Bylye Gody*. 17(3): 1267-1272.
- [Rajović et al., 2023](#) – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.E., Bratanovskya, M.S.* (2023). Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper “Soldatskii Vestnik” (May 22 – June 22, 1916). Part 1. *Bylye Gody*. 18(4): 2118-2127.
- [Rajović et al., 2024](#) – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.E., Kuksin, I.N.* (2024). Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper “Soldatskii Vestnik” (May 22 – September 7, 1916). Part 2. *Bylye Gody*. 19(1): 465-471.
- [Rajović et al., 2024a](#) – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.E., Kuksin, I.N.* (2024). Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper “Soldatskii Vestnik” (May 22 – September 7, 1916). Part 3. *Bylye Gody*. 19(2): 959-964.
- [Rajović, Bratanovskii, 2023](#) – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N.* (2023). The Evolution of the Image “Children at War 1914–1915” (based on the Materials of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”). *Bylye Gody*. 18(3): 1532-1538.
- [Rysbekov, Nariman, 2020](#) – *Rysbekov, T.Z., Nariman, A.B.* (2020). Birinshi dyniezhyzilik sořys zhyldaryndary batys Kazakstannyñ mұnai  nerk sibine shetel kapitalynyñ enui: tarikhy men m seleleri [The entry of foreign capital into the oil industry of Western Kazakhstan during the First World War: history and problems]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filosofiya*. 97(1): 122-127. [in Kazakh]
- [Ryumin, 2015](#) – *Ryumin, S.G.* (2015). Nravstvennye protivorechiya voiny v tvorchestve I. A. Il'ina: k stoletiyu Pervoi mirovoi voiny [Moral contradictions of war in the works of I. A. Ilyin: on the centenary of the First World War]. *Evraziiskii soyuz uchenykh*. 3-8(12): 50-53. [in Russian]
- [Saidova, 2017](#) – *Saidova, M.Z.* (2017). K voprosu o «svyashchennoi voine» Osmanskogo pravitel'stva v gody Pervoi mirovoi voiny [To the issue of the “holy war” of the Ottoman government during the First World War]. *Nauka segodnya: global'nye vyzovy i mekhanizmy razvitiya. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 chastyakh*. Nauchnyi tsentr «Disput». Pp. 70-72. [in Russian]
- [Sarmanova et al., 2023](#) – *Sarmanova, S.R., Kozybayeva, M.M., Maslov, Kh.B.* (2023). Activities of the national intelligentsia to organize assistance to Kazakhs mobilized for rear work during The First World War. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series*. 3(144): 39-50.
- [Shishkina, 2006](#) – *Shishkina, S.Yu.* (2006). Provintsiya i voina: Tobol'skaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny (avgust 1914 – fevral' 1917 g.) [Province and war: Tobolsk province during the First World War (August 1914 – February 1917)]. Tyumen'. [in Russian]
- [Sobolev, Eremenko, 2018](#) – *Sobolev, M.P., Eremenko, R.S.* (2018). Pervaya mirovaya voina: vzglyad iz XXI veka (k 100-letiyu so dnya okonchaniya voiny) [The First World War: a view from the 21st century (to the 100th anniversary of the end of the war)]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*. 3(31): 77-87. [in Russian]
- [Sobolev, Eremenko, 2018](#) – *Sobolev, M.P., Eremenko, R.S.* (2018). Pervaya mirovaya voina glazami sovremennikov (k 100-letiyu so dnya okonchaniya voiny) [The First World War through the eyes of contemporaries (on the 100th anniversary of the end of the war)]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*. 4(32): 74-91. [in Russian]
- [Son, 2024](#) – *Son, Z.G.* (2024). Legal regulation of the Korean labor immigrants by the Russian imperial government in World War I. *Koreanology*. 2(7): 40-54.
- [Strekalova, 2015](#) – *Strekalova, E.N.* (2015). «Pis'ma o voine 1914 goda» i formirovanie obraza vruga v Pervoi mirovoi voine [“Letters about the war of 1914” and the formation of the image of the enemy in the First World War]. *Boevoe bratstvo i natsional'noe edinstvo narodov Severnogo Kavkaza v gody Pervoi mirovoi voiny. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Otv. red. I. V. Kryuchkov. Pp. 200-207. [in Russian]
- [Timofeev, 2020](#) – *Timofeev, A.Yu.* (2020). Stoletie Pervoi mirovoi voiny v Serbii: voina pamyatnikov [Centenary of the First World War in Serbia: the War of Monuments]. *Slavyanskii al'manakh*. 3-4: 127-149. [in Russian]
- [Troshina, 2008](#) – *Troshina, T.I.* (2008). Velikaya voina... zabytaya voina... Arkhangel'sk v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.) [The Great War... the forgotten war... Arkhangel'sk during the First World War (1914–1918)]. Arkhangel'sk. [in Russian]

- Vasil'ev, 2015 – Vasil'ev, M.V. (2015). Informatsionnye voyny Pervoi mirovoi voyny (1914–1918 gg.) [Information wars of the First World War (1914–1918)]. *Aktual'nye problemy issledovaniya kommunikatsionnykh aspektov PR-deyatelnosti i zhurnalistiki. Sbornik materialov nauchnogo seminara*. Sost. L.A. Kapitanova, V.V. Frolov. Pp. 3-23. [in Russian]
- Volkova, 2015 – Volkova, V. (2015). Chygunka na akupavanai terytoryi belarusiŭ gady Pershai susvetnai voiny [Railways in the occupied territory of Belarus during the First World War]. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik*. 30: 136-141. [in Belorussian]
- Yanchenko, Florinsky, 2022 – Yanchenko, D.G., Florinsky, M.F. (2022). The council of ministers and the Finnish problem in the first year of World War I (on the materials of A.N. Yakhontov). *The New Past*. 1: 167-180.
- Żejmo, 2019 – Żejmo, M. (2019). Geopolityczne warunki kształtowania się wschodnich granic Polski po zakończeniu I wojny światowej (II część). *Problemy mezhregional'nykh svyazei*. 14: 38-41.
- Zherdeva, 2014 – Zherdeva, Yu.A. (2014). «Uzhasy voyny»: vizualizatsiya bedstviya v illyustrirovannoi presse Pervoi mirovoi voyny [“The horrors of war”: visualization of disaster in the illustrated press of the First World War]. *Gazetnaya i zhurnal'naya illyustratsiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Pp. 72-80. [in Russian]
- Zhussip et al., 2023 – Zhussip, S.Kh.A., Maslov, Kh.B., Syzdykov, S.M., Kozybayeva, M.M., Zhumatay, S., Tuleubayev, Ja.Z. (2023). Historical aspects of the participation of Kazakhs in The First World War. *Voprosy Istorii*. 11-2: 126-137.
- Zolov, 2016 – Zolov, A.V. (2016). Nezabytaya voyna: k voprosu ob osveshchenii istorii Pervoi mirovoi voyny v SSSR [Unforgotten War: On the Issue of Covering the History of the First World War in the USSR]. *Honoris causa. sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 70-letiyu professora Viktora Vladimirovicha Sergeeva*. Sankt-Peterburg. Pp. 303-316. [in Russian]
- Zorkova, 2015 – Zorkova, N.N. (2015). Pervaya mirovaya voyna: vozvrashchenie pamyati (obzor meropriyati, posvyashchennykh 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voyny) [The First World War: returning memory (review of events dedicated to the 100th anniversary of the beginning of the First World War)]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 1(33): 226-229. [in Russian]

Первая мировая война: Восточный фронт в новейшей историографии

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

Аннотация. Данная историографическая работа посвящена краткому анализу современных исследований, посвященных изучению Восточного фронта Первой мировой войны. Материалами послужили работы по исследованию данной войны, в качестве методов применены историографический метод, метод классификации и метод синтеза.

Изучив современную историографию о проблеме исследования Первой мировой войны, мы можем сделать вывод о том, что вектор данных исследований изменился весьма сильно.

Боевые действия и соотношение сил противоборствующих сторон исследованы весьма полно ранее. В настоящее время более глубоко исследуются ранее не изученные темы, в частности, вопросы агитации и военной пропаганды, участие некомбатантов в войне, а также роль и влияние на результаты войны отдельных регионов, территорий, городов; также весьма глубоко и точно исследуются феномены героизма и подвигов отдельных персоналий.

Ключевые слова: историография, Первая мировая война, историография Первой мировой войны, 1914–1918, Восточный фронт Первой мировой войны.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 498-510
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.498

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ethnic Groups of Peasant Migrants in the Altai Okrug (based on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural and Land Census)

Viktor N. Razgon ^{a, *}, Dmitry N. Belyanin ^b, Anton V. Razgon ^c

^a Altai State University, Barnaul, Russian Federation

^b T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article, based on the analysis of the materials of the 1917 All-Russian agricultural census, characterizes the changes in the ethnic composition of migrant peasants and the specifics of the demographic, economic and social adaptation of migrants of different nationalities in the Altai okrug. It has been established that the demographic structure of migrant households was determined by differences in the cultural and family traditions of migrants of different ethnic groups and the needs of economic adaptation in a new habitat. The choice of land use form, specialization and scale of the agricultural production, the level of provision with draft cattle and agricultural equipment, the social stratification of migrant households were largely determined by national economic traditions and economic experience acquired in their previous place of residence. In terms of literacy, which characterizes one of the aspects of socio-cultural adaptation, adult migrants of all nationalities, except for the Mordvins, surpassed the old-timers, and children of migrants of those ethnic groups that were characterized by a higher level of adult literacy had a higher level of school enrollment.

Keywords: nationality, ethnic composition, migrants, peasantry, agriculture, household, adaptation, agricultural census, Siberia, Altai okrug.

1. Введение

Из-за наличия благоприятных для ведения сельского хозяйства почвенно-климатических условий Алтайский округ (до 1896 г. – Алтайский горный округ), имевший статус земельной вотчины действующего императора и состоявший в управлении Кабинета Его Императорского Величества, являлся одним из главных центров притяжения крестьян, переселявшихся за Урал из европейской части страны. Со времени официального разрешения переселения в Алтайский округ и до начала проведения Столыпинской аграрной реформы (1865–1905 гг.) на его территорию прибыло около 670 тыс. чел. (Силина, 2004: 10). После издания царского указа 19 сентября 1906 г. «О передаче земель Алтайского округа под переселенческие участки» по 1914 г. в нем водворилось еще около 735 тыс. мигрантов (Разгон и др., 2013: 69). Учитывая, что в Сибирь в целом с 1861 по 1914 г. переселилось 4,45 млн крестьян (Крестьянство..., 1983: 39, 182, 231), на Алтайский округ приходилось до трети всего миграционного потока.

Наряду с русским крестьянством в миграционном движении на Алтай активное участие принимали представители других этносов, проживавших в европейской части страны. Алтайский округ являлся также территорией с активным сальдо движения населения в рамках внутрисибирской миграции. На Алтай переселялись представители восточнославянских, финно-угорских, германских, тюркских народов. Их хозяйственная и социальная адаптация на территории округа во многом определялась характерными для того или иного этноса традициями и жизненным укладом. Изучение

* Corresponding author

E-mail addresses: vrazgon@rambler.ru (V.N. Razgon)

специфики адаптации крестьян-переселенцев, принадлежавших к разным этносам, является актуальной задачей исторической науки.

2. Материалы и методы

Основным источником для написания статьи послужила база данных «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.», составленная на основе подворных анкет Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года и включающая сведения о 7,44 тыс. переселенческих семей (48,9 тыс. чел.), отобранных из общей совокупности анкет, сохранившихся в фонде Алтайской губернской земской управы Государственного архива Алтайского края (ф. 233), посредством случайной пятипроцентной выборки (*Крестьянские хозяйства...*, 2009). В анкетах переписи указывались этническая принадлежность крестьян-переселенцев и губерния, из которой семьи переселенцев прибывали в Сибирь («губерния выхода»). Наличие в переписных анкетах сведений о времени прибытия переселенцев в Сибирь позволяет проследить изменения в этническом составе переселенцев, происходившие на разных этапах развития миграционного движения. Поскольку программа переписи предусматривала сбор сведений о половозрастном составе и экономическом положении крестьянских домохозяйств, использование ее материалов позволяет провести сравнительное исследование демографической структуры и уровня экономической состоятельности переселенческих домохозяйств, принадлежащих к разным этническим группам.

Методы компьютеризованного статистического анализа использовались для определения численного состава и половозрастной структуры переселенческих домохозяйств, установления соотношения между видами землепользования, выявления уровня обеспеченности рабочим скотом и инвентарем, характера социального расслоения, уровня грамотности крестьян-переселенцев, принадлежавших к различным этническим группам. Для выявления специфики демографической структуры и хозяйственной деятельности крестьян-переселенцев различной этнической принадлежности, отражавшей особенности их приспособления к условиям хозяйствования в новой природно-географической среде обитания, применялся историко-сравнительный метод. Метод периодизации использовался для установления изменений в национальном составе мигрантов, прибывавших в Алтайских округ на разных этапах его колонизационного освоения.

3. Обсуждение

В советской историографии вопрос об участии различных этнических групп переселенцев в колонизационном освоении Сибири не выделялся в качестве предмета специального исследования. Исключением можно считать статьи Л.В. Малиновского (*Малиновский, 1980*) и Э.В. Кригера (*Кригер, 1990*), посвященные роли немецких крестьян-переселенцев в хозяйственном и социокультурном освоении азиатской части Российской империи.

С 1990-х годов проблематика исследований, посвященных участию переселенцев различных этнических групп в освоении Сибири и Алтая, значительно расширилась. Предметом исследования как в российской, так и зарубежной историографии становится изучение специфики хозяйственной и социокультурной адаптации в Северной Азии крестьян-переселенцев различной этнической принадлежности: русских (*Липинская, 1996; Шелегина, 2001–2002*), немцев (*Deutsche...*, 1997; *Вибе, 2008; Шайдуров, 2008*), украинцев (*Липин, 1999; Октябрьская и др., 2015; Shaidurov, 2016; Шайдуров, 2017*), мордвы (*Овчарова 2010*), поляков (*Масяж, 2002; Чернова, 2014; Островский, 2016; Леончук, 2017; Крих, Мулина, 2020*), латышей (*Коровушкин, 2008; Лоткин, 2009*), эстонцев (*Коровушкин, 2008; Баранцева, 2008*), казахов (*Октябрьская, 2019*) и др. Для изучения участия представителей различных этносов в освоении сибирского региона историками используются и данные всероссийских переписей населения. Особенно плодотворно для изучения межэтнического разделения труда в экономике дореволюционной Сибири применялись материалы Всероссийской переписи населения 1897 г. (*Крих, 2004; Зиновьев, 2024*). Однако первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. еще не использовались (за исключением работы В.Н. Шайдурова о немецких переселенцах на Алтае (*Шайдуров, 2002*)) в качестве источника для исследования этнического состава переселенцев и специфики хозяйственной и социальной адаптации в Сибири крестьян-переселенцев различных национальностей.

4. Результаты

В *Таблице 1* представлены изменения в этническом составе переселенцев, водворявшихся в Алтайском округе на протяжении второй половины XIX – начала XX в. В ней выделяются три основных этапа в развитии переселений в соответствии с изменениями, происходившими в переселенческой политике царского правительства. Первый этап переселенческого движения в Алтайский округ (1865–1889 гг.) охватывает промежуток от начала открытия его территории для переселения крестьян из других регионов страны до принятия закона от 13 июня 1889 г., положившего начало переходу к политике поощрения сельскохозяйственных миграций со стороны царского правительства, выразившейся в облегчении для переселенцев выхода из общин на местах прежнего жительства, предоставлении возможности получения денежных ссуд (пусть и в

ограниченном размере) и льгот по налоговым платежам. Второй из выделяемых в таблице этапов (1890–1906 гг.) характеризуется значительным расширением масштабов переселений, вызванных действием закона 1889 г. и мерами по содействию переселению крестьян в Сибирь со стороны Комитета Сибирской железной дороги (1892–1905 гг.). В отдельный этап выделены переселения времени столыпинских реформ, характеризующиеся принятием беспрецедентных для имперского периода российской истории мер государственной поддержки крестьянских миграций. Из рассмотрения исключены данные о переселенцах периода Первой мировой войны, когда значительную часть миграционного потока составляли не аграрные переселенцы, а беженцы и другие категории вынужденных мигрантов.

Таблица 1. Этническая принадлежность переселенцев, водворявшихся в Алтайском округе с 1865 по 1914 г. (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Этническая принадлежность	Основные этапы водворения переселенцев, домохозяйств, %			
	1865–1889 гг.	1890–1906 гг.	1907–1914 гг.	Всего
Русские	91,82	70,45	59,44	70,01
Украинцы	6,06	25,70	33,36	25,17
Мордва	0,99	1,67	1,01	1,29
Немцы	0	0,37	2,50	1,13
Белорусы	0	0,54	1,40	0,78
Эстонцы	0	0,14	0,20	0,14
Поляки	0,07	0,12	0,06	0,08
Зыряне	0,07	0,14	0	0,08
Литовцы	0	0,06	0,03	0,04
Латыши	0	0	0,03	0,01
Чуваши	0	0,06	0	0,02
Вотяки	0	0	0,03	0,01
Татары	0,07	0,06	0,16	0,10
Болгары	0	0	0,03	0,01
Чехи	0	0	0,03	0,01
Казахи	0,14	0,06	0,78	0,35
Калмыки	0	0,03	0,03	0,01
Коми-пермяки	0	0	0,03	0,01
Не указ.	0,78	0,60	0,88	0,74
Всего:	100	100	100	100

Сравнительный анализ данных, представленных в [Таблице 1](#), показывает, что в рамках каждого из выделенных этапов переселенческого движения русские крестьяне составляли основную часть прибывавших на территорию Алтайского округа мигрантов, но их удельный вес в общей численности переселенцев со временем снижался: если в 1865–1889 гг. они составляли 91,8 % от общего числа мигрантов, то в 1890–1906 гг. их доля в миграционном потоке сократилась до 70,5 %, а в период переселений, происходивших в рамках проведения столыпинских реформ, еще больше – до 59,4 %. Сокращение доли русских крестьян отражало активное включение в переселенческое движение в восточные регионы представителей других этносов многонациональной Российской империи, вызванное ростом населения в европейской части страны и связанным с ним сокращением земельных наделов, а также расширением практики предоставления государственных субсидий и льгот для переселенцев. Со временем миграционное движение в Алтайский округ становилось все более многонациональным: на первом этапе в нем участвовали представители 7 этносов, на втором – 13, а в ходе массовых миграций периода столыпинских реформ – 16 национальностей.

С ростом малоземелья в районах исторического проживания в переселенческое движение в Сибирь включалось крестьянство еще двух этносов, представлявших, как и русские, славянское население Российской империи – украинцы и белорусы. Если в рамках первого из выделенных этапов (1865–1889 гг.) украинские крестьяне-переселенцы, прибывавшие на Алтай из губерний Малороссии и Новороссии, а также соседних с ними уездов центрально-черноземных губерний, составляли лишь 6% от всех мигрантов, то на втором этапе (1890–1906 гг.) их доля в общем составе водворявшихся в округе переселенцев возросла до 25,7 %, а на третьем (1907–1914 гг.) – на украинцев приходилось уже до трети всего миграционного притока. Участие белорусских крестьян в миграционном процессе со временем также расширялось, но в целом их доля в составе переселенцев в Алтайский округ была гораздо менее заметной: на первом из выделяемых этапов они вообще не принимали участия в переселениях, на втором этапе белорусы составляли 0,5 % от общего числа переселенцев, а основная

масса мигрантов этой национальности прибыла на территорию округа во время «стольпинских» переселений, когда их доля в общем притоке крестьян-переселенцев увеличилась до 1,4 %.

Третью по численности этническую группу мигрантов (после русских и украинцев) составляла мордва, принадлежавшая к группе финно-угорских народов и переселявшаяся в Алтайский округ из районов своего исторического проживания (Пензенской, Симбирской, Самарской, Тамбовской, Пермской и Оренбургской губерний). Среди переселенческих домохозяйств, учтенных при проведении сельскохозяйственной переписи 1917 г. в Алтайском округе, мордовских насчитывалось 1,3 %. Миграция представителей этого этноса в Алтайский округ началась в 1860-е гг., а особенно активный приток мордвы на его территорию приходится на второй из выделенных в таблице этапов (1889–1906 гг.), в рамках которого на Алтай прибыло 56,3 % всех учтенных переписью мордовских крестьян-переселенцев.

В ходе аграрной миграции на Алтай переселялись также представители проживавших в западных регионах страны европейских (немцы, поляки) и прибалтийских (эстонцы, латыши, литовцы) народов, из северных регионов Европейской России – зыряне, коми-пермяки, вотяки (удмурты). Из названных этнических групп переселенцев отдельно следует выделить немецких крестьян, переселявшихся на Алтай из этнических колоний Новороссии и Поволжья: они составляли четвертую по численности национальную группу переселенцев (после русских, украинцев и мордвы), насчитывавшую к 1917 г. 43 тыс. чел. (Шайдунов, 2008: 59).

Своими почвенно-климатическими условиями Алтай привлекал и этнических переселенцев, прибывавших на его территорию в рамках миграции, ограниченной Урало-Сибирским регионом – татар, переселявшихся из Уфимской губернии и Семипалатинской области, и казахов, перебивавшихся в основном из соседней Семипалатинской области, для которых переселение было сопряжено с переходом на оседлый образ жизни и обращением к сельскохозяйственным занятиям (посевы были зафиксированы в ходе переписи у 82 % казахских домохозяйств, поселившихся в округе (подсчитано по: Крестьянские хозяйства..., 2009)).

Анализ представленных в Таблице 2 данных, характеризующих демографическую структуру переселенческих домохозяйств, показывает, что людность домохозяйств определялась различиями в культурно-семейных традициях мигрантов различных этнических групп и задачами хозяйственной адаптации. Наибольшие показатели средней людности имели домохозяйства русских, украинских, эстонских и мордовских крестьян-мигрантов, в большей степени, чем домохозяйства переселенцев других национальных групп, сохранившие уклад традиционных патриархальных семей. Ряд этнических групп переселенцев из западных регионов империи (поляки, литовцы, белорусы), у которых семейные отношения в большей степени продвинулись от патриархальности к модерну, имели более низкие показатели людности семей. Самые малочисленные домохозяйства были зафиксированы в ходе переписи у татар и казахов, переселявшихся в Алтайский округ из соседних регионов и в значительной мере представленных домохозяевами-одиночками (так, у казахов они составляли 14,3 % при среднем показателе по всем переселенческим домохозяйствам в менее, чем 2 % (подсчитано по: Крестьянские хозяйства..., 2009)) и семьями сыновей, выделявшихся их патриархальных отцовских семейств.

Таблица 2. Демографическая структура домохозяйств переселенцев различной этнической принадлежности в Алтайском округе в 1917 г. (подсчитано по: Крестьянские хозяйства..., 2009)

Показатели	Русские	Украинцы	Белорусы	Мордва	Немцы	Эстонцы	Поляки	Литовцы	Зыряне	Татары	Казахи	Старожилы
Средняя людность домохозяйств	6,7	6,5	5,7	6,0	6,3	6,2	5,8	5,0	5,3	4,8	4,3	5,9
Мужчин, %	50,98	51,63	53,95	47,07	50,26	50,0	57,14	46,67	62,5	55,26	63,64	49,96
Женщин, %	49,02	48,37	46,05	52,93	49,74	50,0	42,86	53,33	37,5	44,74	36,36	50,04
Возрастные группы, в %												
До 12 лет	32,84	34,01	25,92	29,24	37,44	23,53	28,57	33,33	28,13	23,68	21,19	33,08
12–15 лет	10,99	11,12	11,93	13,52	10,92	11,76	14,28	0	12,5	10,53	3,38	9,98
16–60 лет	51,20	50,59	56,90	53,95	49,22	60,29	57,14	60,0	53,12	60,52	70,33	51,69
Старше 60 лет	4,95	4,27	3,66	4,87	2,43	0	4,41	6,67	6,25	5,26	5,08	5,25

Домохозяйствам крестьян-мигрантов для успешного хозяйственного обустройства в новых местах поселения, трудоемких работ, связанных с распашкой целинных земель, выделяемых им в наделное пользование, нужны были трудоспособные работники, преимущественно мужского пола. Уже отмечаемое нами в других работах общее преобладание в составе переселенцев мужского населения над женским (см.: Razgon et al., 2023: 486) прослеживается во всех этнических группах мигрантов Алтайского округа, кроме мордвы и литовцев, тогда как у старожильского населения это соотношение было примерно равным и даже с чуть заметным перевесом в пользу женщин (Таблица 2). Для состава домохозяйств мигрантов практически всех этнических групп был характерен более низкий, по сравнению со старожильскими, удельный вес членов семьи в возрасте старше 60 лет, а для некоторых национальностей – детей (до 12 лет). Переселенческие домохозяйства с более высокой долей трудоспособных в своем составе имели больше возможностей для успешного хозяйственного обустройства на новом месте жительства. Вместе с тем демографическая структура домохозяйств мигрантов большинства национальных групп, в сравнении со старожилами, отличалась повышенной долей в их составе детей подросткового возраста (12–15 лет) (см. Таблицу 2), в чем можно усмотреть стремление переселявшихся в Сибирь крестьян иметь в неотдаленном будущем молодых семейных работников, требовавшихся для успешной хозяйственной адаптации.

Таблица 3. Соотношение форм землепользования у крестьян-переселенцев различных этнических групп в Алтайском округе в 1917 г., в % от общей площади наделной земли (подсчитано по: Крестьянские хозяйства..., 2009)

Формы землепользования, в % от общей площади наделной земли	Национальность											Старожилы
	Русские	Украинцы	Белорусы	Мордва	Немцы	Эстонцы	Литовцы	Поляки	Зыряне	Татары	Казахи	
Общинное	83,7	63,3	53,7	68,9	31,1	78,9	4,5	53,1	91,1	32,1	0	89,5
Подворно-наследственное, в том числе:	16,3	36,3	46,3	31,9	68,9	21,1	95,5	46,9	8,9	67,9	100	10,5
отрубное	76,5	90,5	86,7	92,8	90,2	70,2	0	0	100	61,6	88,3	82,2
хуторское	0,9	0,7	0	5,9	0,2	29,8	100	0	0	0	0	2,4
чересполосное	22,6	8,8	13,3	1,3	9,6	0	0	100	0	38,4	11,7	15,4
Единоличное	0,002	0,4	0	0,006	0	0	0	0	0	0	0	0

Как следует из данных Таблицы 3, в которой отражено соотношение между формами землепользования у переселенцев различной этнической принадлежности, пользование землей на общинных принципах наибольшее распространение получило у русских переселенцев (на него приходилось 83,7 % от общей площади наделного землепользования этой этнической группы), зырян (91,1 %) и мордвы (68,9 %), переселявшихся в Алтайский округ из регионов европейской части страны, в которых доминировало общинное землепользование (центрально-черноземные, приуральские и поволжские губернии), а подворно-наследственное пользование землей – у литовцев (95,5 %), немцев (68,9 %), поляков (46,9 %), белорусов (46,3 %), украинцев (36,3 %), прибывавших на Алтай из регионов с исторически сложившимся преобладанием подворного землепользования (Белоруссии, Украины, Прибалтики, Польши). Исключительно в подворное пользование укрепляли получаемые на территории округа земельные наделы переселявшиеся из Семипалатинской области казахи, подворно-наследственное землепользование было преобладающим и у мигрировавших в округ татар.

При этом немецкие и литовские крестьяне-переселенцы, а также татары и казахи на условиях подворно-наследственного распоряжения использовали более половины своих наделных земель, а у мигрантов остальных национальных групп преобладало общинное землепользование. Многие прибывавшие из европейской части страны переселенцы на Алтае, вопреки прежнему опыту землепользования, переходили от подворно-наследственного к общинному пользованию землей: если в Белоруссии и Украине доля подворного землепользования составляла 3/4 от общей площади наделных земель (Дубровский, 1973: 106), а в прибалтийских губерниях общинное землепользование вообще не получило распространения, то в Алтайском округе переселенцы-белорусы использовали на правах общинного пользования 53,7 % своих наделных земель, украинцы – 63,3 %, эстонцы – 78,9 % (Таблица 3). Выбор общинной формы землепользования для многих крестьян-мигрантов мог определяться их неудовлетворенностью качеством полученных в наделное пользование земельных угодий и надеждой на его улучшение в результате нового передела земли (из 447 переселенческих общин, обследованных в Сибири в 1912 г., 208 (46,5 %) провели общие переделы земли, а 40 (9 %) – частичные (Крестьянство..., 1983: 235)). Укрепление земельных наделов в отрубное и хуторское

пользование сдерживалось также нехваткой финансовых ресурсов, специалистов-землемеров и технических средств для его проведения. Помимо регулирования земельных отношений, община предоставляла переселенцам возможность объединения трудовых усилий и материальных ресурсов для совместного возведения социальных и бытовых объектов (колодцев, дорог, школ, церквей и пр.) в местах нового поселения, что облегчало трудности приспособления к новой природной и социальной среде обитания.

В наименьшей степени влияние порядка землепользования, сложившегося в местах выхода переселенцев, на организацию пользования наделной землей на территории Алтайского округа прослеживается у эстонских крестьян-переселенцев: если на родине господствующей формой их землепользования была подворно-хуторская, то на Алтае почти 4/5 всех наделных земель использовалось ими на общинных принципах (Таблица 3). Помимо указанных выше причин, это можно объяснить тем, что, в отличие от таежных районов Западной и Центральной Сибири, куда в начале XX века правительство стремилось направить переселенцев из Прибалтики и где основная часть наделных земель нарезалась в виде привычных для прибалтийских крестьян участков хуторского типа, на Алтае они расселялись преимущественно в переселенческих поселках, основывая локальные моноэтнические поселения, или приселялись в уже существующие населенные пункты со смешанным многонациональным населением (Коровушкин, 2008: 151-152, 155-156).

Вместе с тем часть эстонских крестьян-переселенцев сохранила приверженность хуторской форме землепользования и на Алтае: на долю хуторов в общем землепользовании эстонских переселенцев приходилось 6,3 %, а в общей площади подворно-наследственного землепользования этой национальной группы мигрантов они занимали 30 % (подсчитано по: Крестьянские хозяйства..., 2009). Хуторская форма землепользования занимала доминирующее положение в землепользовании переселившихся на Алтай литовцев: на нее приходилось 95,5 % общей площади наделной земли и 100% наделной земли, укрепленной в подворно-наследственное пользование (Таблица 3). Но в целом среди водворившихся на Алтае мигрантов других национальностей, не имевших опыта хуторского проживания на родине, политика по привлечению переселенцев на хутора (хуторянам выделялась специальная ссудная помощь), не имела успеха: хуторская форма землепользования в ходе переписи у них не была зафиксирована вообще или ее удельный вес не превышал 1 % (кроме мордвы – 5,9 %) (см. Таблицу 3).

За исключением литовцев, основной формой подворно-наследственного пользования наделной землей у переселенцев других национальностей была отрубная, не предусматривавшая проживания вне поселков и сел. Абсолютное большинство переселенцев, прибывавших в Алтайский округ, могли удовлетворять свой спрос на землю без выхода на хутора. На хуторах семьям крестьян-переселенцев было сложно организовать эффективное хозяйство и налаживать быт из-за отдаленности социальных объектов, отсутствия дорог и пр.

В целом землепользование переселенцев в большей степени, чем старожильческого населения округа, оказалось затронуто модернизационными преобразованиями, проводившимися в рамках Столыпинской аграрной реформы и направленными на распространение индивидуального пользования землей за счет сокращения общинного: как видно из данных таблицы 3, у переселенцев всех национальностей (кроме зырян) доля подворно-наследственного пользования землей, зафиксированная сельскохозяйственной переписью 1917 г., была больше, чем у алтайских крестьян-старожилов, в своем абсолютном большинстве сохранявших приверженность традиционным общинным порядкам.

Сравнительный анализ представленных в Таблице 4 основных показателей экономического состояния домохозяйств крестьян-переселенцев различных национальностей, поселившихся в Алтайском округе в результате миграции из европейской части страны, показывает, что их производственная специализация, объемы производства, уровень оснащенности сельхозинвентарем во многом определялись приобретенным в местах прежнего проживания экономическим опытом. Так, русские и украинские крестьяне-переселенцы воспроизводили на Алтае структуру производства, отражающую выработанный на родине и обусловленный почвенно-климатическими условиями и ограниченностью имевшихся в их распоряжении земельных ресурсов, смешанный тип ведения сельского хозяйства, ориентированный на сбалансированное сочетание занятий земледелием и скотоводством. Схожая отраслевая структура производства сельскохозяйственной продукции, но с относительно более низкими средними показателями, чем у русских и украинских переселенцев, была характерна и для домохозяйств селившейся в Алтайском округе мордвы.

Прибалтийские, польские и белорусские крестьяне на Алтае так же, как и на родине, направляли основные трудовые усилия и материальные ресурсы на производство животноводческой продукции, увеличение выработки которой в начале XX века стимулировалось ускоренным развитием сибирского маслоделия, вызванным расширением спроса на сибирское масло на мировых рынках. Прибывавшие из колоний Новороссии и Поволжья немецкие крестьяне-переселенцы специализировались на производстве зерновой продукции, в основном яровой пшеницы. Этому во многом способствовало их поселение на переселенческих участках, отводимых в степной полосе Алтайского округа (в Кулундинской степи). По среднему размеру посева на одно домохозяйство и

одного работника немецкие переселенцы превосходили мигрантов всех других национальных групп, в том числе русских – почти в 2 раза, а украинцев – в 1,5 раза (см. [Таблицу 4](#)).

Таблица 4. Обеспеченность домохозяйств переселенцев различных национальностей в Алтайском округе посевами, скотом и сельхозинвентарем в 1917 г. (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

	Русские	Украинцы	Белорусы	Немцы	Польки	Эстонцы	Мордва	Зыряне
Посев, в дес.:								
на одно домохозяйство	8,12	10,17	8,43	15,82	9,63	7,34	6,58	1,82
на одного работника	3,30	4,42	3,65	6,87	4,87	2,60	2,88	0,84
Доля домохозяйств, в %:								
без посева	9,17	5,28	11,29	7,61	0	0	8,08	50,0
с посевом до 4 дес.	27,86	20,33	17,74	10,87	50,00	54,55	37,37	33,33
с посевом от 4 до 12 дес.	40,35	45,04	48,39	28,26	33,33	18,18	41,42	16,67
с посевом от 12 до 25 дес.	17,77	22,20	17,74	31,52	0	27,27	9,09	0
с посевом более 25 дес.	4,85	7,15	4,84	21,74	16,67	0	4,04	0
Голов КРС:								
на одно домохозяйство	5,16	5,11	5,45	4,54	8,17	12,73	4,37	3,67
на одного работника	2,10	2,22	2,78	1,97	4,08	4,52	1,92	1,69
Коров на одно домохоз-во	2,70	2,45	2,92	2,16	4,00	6,73	2,33	1,5
Доля домохозяйств, в %:								
бескоровных	9,88	8,58	14,52	9,78	0	0	12,12	33,33
с 1-2 коровами	49,81	54,42	38,71	58,70	50,00	18,18	50,51	33,33
с 3-5 коровами	29,79	30,19	35,48	26,09	16,67	36,36	29,29	33,33
с 6 и более коровами	10,52	6,81	11,29	5,43	33,33	45,45	8,08	0
Голов рабочего скота:								
на одно домохозяйство	3,20	3,05	2,89	3,12	2,83	3,18	2,83	1,5
на одного работника	1,30	1,32	1,25	1,35	1,42	1,13	1,24	0,69
на десятину посева	0,39	0,30	0,34	0,20	0,29	0,43	0,43	0,83
Пропашных орудий, шт.:								
на одно домохозяйство	0,79	1,01	0,89	1,07	0,66	1,0	0,57	0,5
на одного работника	0,32	0,44	0,38	0,46	0,33	0,35	0,25	0,23
на 10 дес. посева	0,98	0,99	1,05	0,68	0,69	1,36	0,87	2,75
доля сох в пропашных орудиях, %	8,74	0,44	0	0	0	0	7,08	33,3
доля буккеров в пропашных орудиях, %	3,02	9,51	1,82	22,34	0	0	0	0
Усовершенствованных с/х орудий, шт.:								
на одно домохозяйство	0,92	1,17	0,98	1,33	1,00	1,36	0,79	0
на одного работника	0,38	0,51	0,42	0,58	0,50	0,48	0,34	0
на 10 дес. посева	1,14	1,15	1,16	0,84	1,04	1,86	1,20	0
доля домохозяйств без усовершенствованного сельхозинвентаря, %	61,87	52,00	56,45	45,65	66,66	54,55	66,66	100

В [Таблице 4](#) представлены также данные, характеризующие капиталовооруженность и фондооснащенность домохозяйств переселенцев разных этнических групп. Их сравнительный анализ показывает, что наиболее высокими показателями уровня энерговооруженности производства (количество голов рабочего скота на одного работника) отличались хозяйства немецких и польских крестьян-переселенцев. Вместе с тем домохозяйства переселенцев этих этнических групп демонстрируют и показатели более эффективного использования рабочего скота (голов рабочего скота в расчете на десятину посева). Немецкие крестьяне-переселенцы в расчете на голову имеющегося в домохозяйстве рабочего скота возделывали земли в два раза больше, чем русские, и в полтора раза больше, чем украинцы. У польских крестьян соответствующий показатель, характеризующий эффективность использования рабочего скота в земледельческих работах, был в

полтора раза больше, чем у русских, и примерно равен соответствующему показателю украинских домохозяйств. При том, что они в более широких масштабах, чем русские и украинские крестьяне-переселенцы, использовали рабочий скот для заготовки кормов и других работ в животноводстве, так как по количеству голов крупного рогатого скота в расчете на одно хозяйство и одного работника превосходили все другие этнические группы переселенцев, кроме эстонцев.

Эффективность использования рабочего скота в сельскохозяйственных работах повышалась за счет применения более совершенных и производительных орудий вспашки: многолемешных плугов и буккеров. Как видно из [Таблицы 4](#), доля наиболее производительных для того времени пропашных орудий – буккеров – в общем количестве используемого немецкими переселенцами пропашного инвентаря достигала 22,3 %, тогда как в домохозяйствах переселенцев других этнических групп она была значительно ниже: украинцев – 9,5 %, русских – 3 %, белорусов – 1,8 %, а мигрантами других национальных групп данный вид пропашных орудий вообще не применялся. Остальная часть пахотной земли распахивалась немецкими колонистами железными плугами, в том числе многолемешными. В арсенале используемого ими пахотного инвентаря вообще отсутствовали наиболее примитивные орудия вспашки – сохи, тогда как у русских переселенцев они составляли 8,7 %, мордвы – 7,1 %, а самый низкий уровень технической оснащенности пахотных работ имели переселенцы-зыряне (у них на сохи приходилась треть пропашного инвентаря), чьи сельскохозяйственные занятия характеризовались использованием традиционных орудий вспашки и на родине ([Сорокин, 2011: 72-73](#)).

Немецкие крестьяне-переселенцы в более широких масштабах, чем мигранты других этнических групп, применяли не только буккера, но и сложный сельхозинвентарь, используемый при уборке урожая – жнейки, молотилки, веялки и др. В целом оснащенность сельскохозяйственных работ усовершенствованным инвентарем в среднем на одно хозяйство у них была выше в 1,4 раза, чем у русских переселенцев, и в 1,14 раза, чем у украинских крестьян, а в расчете на одного работника – соответственно в 1,5 и 1,14 раза ([Таблица 4](#)). Близкий к показателям немецких домохозяйств уровень обеспеченности усовершенствованными сельхозорудиями имели домохозяйства эстонских крестьян, но у них они были представлены в большей степени инвентарем, применявшимся для заготовки кормов для животноводства, являвшегося основным хозяйственным занятием: косилки и конные грабли составляли у эстонцев более половины (53,3 %) всего используемого усовершенствованного сельхозинвентаря, тогда как у немцев лишь 18 %, а остальное приходилось на орудия и машины, используемые в сельскохозяйственных работах (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Исходный уровень состоятельности и прежний опыт хозяйственной деятельности во многом определял и зафиксированные переписью экономические показатели, характеризующие особенности социального расслоения крестьян-переселенцев разных этносов. Так, немецкие семьи, переселявшиеся в Томскую губернию, привозили с собой в среднем 280 руб., тогда как основная масса переселенцев имели на семью не более 100 руб., вырученных от продажи земли и имущества в прежних местах проживания ([Шайдуров, 2008: 60](#)). Это способствовало их более успешной, по сравнению с переселенцами других национальностей, хозяйственной адаптации на новом месте жительства. Практически по всем средним показателям сельскохозяйственного производства, учтенным в [Таблице 4](#) (размер посева, обеспеченность рабочим скотом и усовершенствованным сельхозинвентарем), немецкие переселенцы превосходили другие этнические группы крестьян-мигрантов. Социальное расслоение переселенцев этой национальности характеризовалось самой низкой долей в их составе беспосевных и малопосевных (до 4 дес.) домохозяйств и значительно большим, чем у мигрантов других этнических групп, удельным весом зажиточных хозяйств (с посевом более 12 дес.) – 53,3 %, что было в 1,8 раза больше, чем у украинских крестьян, в 2,3 раза – чем у русских и белорусских, в 4 раза – чем у мордовских крестьян-переселенцев. Посевы размером в 25 и более десятин имели 21,7 % всех немецких домохозяйств, тогда как в составе переселенцев других этнических групп доля этой категории домохозяйств была существенно ниже и колебалась в пределах от 4 % (мордва) до 16,7 % (поляки), а у эстонцев и зырян домохозяйств с таким посевом не было зафиксировано вообще.

Влияние опыта хозяйствования на прежнем месте жительства на содержание и масштабы хозяйственной деятельности в Алтайском округе на примере немецких переселенцев выразилось в том, что мигранты, переселявшиеся на Алтай из немецких колоний Новороссии, часть из которых имела опыт хозяйствования на крупных земельных участках (расширяемых за счет аренды), демонстрировали более впечатляющие показатели хозяйственной адаптации на новом месте жительства, чем немецкие переселенцы – выходцы из поволжских губерний, среди которых было относительно больше малоземельных крестьян. Так, средний посев, учтенный в ходе сельскохозяйственной переписи 1917 г., составил у поволжских немцев 16,1 дес., а у немцев, переселившихся из губерний Новороссии, – 18,0 дес. на одно домохозяйство. Превосходили выходцы из немецких колоний Новороссии переселенцы из Поволжья и по уровню технической оснащенности сельскохозяйственных занятий: в среднем на одно домохозяйство у них приходилось 1,6 единиц сложного сельхозинвентаря, а у поволжских немцев – 1,3, т. е. в 1,3 раза меньше (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

При группировке домохозяйств по количеству коров наиболее высокий показатель доли зажиточных хозяйств обнаруживается среди эстонских и польских крестьян-переселенцев, что отражает их специализацию на производстве продукции животноводства (см. [Таблицу 4](#)).

Первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. могут использоваться и для выявления специфики социокультурной адаптации крестьян-переселенцев различных национальностей, в частности, уровня грамотности.

Как следует из данных [Таблицы 5](#), во всех этнических группах крестьян-переселенцев, прибывших в Алтайский округ из европейской части страны (за исключением мордвы), доля грамотных среди взрослого населения была больше, чем у старожилов, что отражало более высокий уровень развития школьного образования в Европейской России, по сравнению с азиатской частью Российской империи, так как часть взрослых переселенцев, учтенных при проведении переписи 1917 г., обучалась грамоте на родине. Самым высоким уровнем грамотности отличались этнические переселенцы из регионов с наиболее развитой сетью сельских школьных заведений – западных регионов империи (поляки, эстонцы), а также выходцы из немецких колоний Новороссии и Поволжья. Массовый приток переселенцев в Алтайский округ в целом способствовал повышению общего уровня грамотности населения региона.

Таблица 5. Грамотность крестьян-переселенцев различной этнической принадлежности в Алтайском округе в 1917 г. (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Категории населения по возрасту и грамотности	Национальная принадлежность переселенцев								Старожилы
	Русские	Украинцы	Белорусы	Мордва	Немцы	Эстонцы	Поляки	Зыряне	
Взрослые, среди них:									
грамотные	26,5	31,4	32,5	18,0	63,4	79,1	38,9	23,5	19,4
неграмотные	73,5	68,6	67,6	82,0	36,6	20,9	61,1	76,5	81,6
Доля учащихся среди детей школьного возраста (8–14 лет)	13,7	13,5	12,5	11,4	36,4	22,2	33,3	40,0	13,9

Из-за медленного формирования сети школьных заведений в переселенческих районах доля учащихся среди детей школьного возраста в наиболее многочисленных этнических группах мигрантов (русские, украинцы, мордва, белорусы) была несколько меньше, чем у крестьян-старожилов. Охват начальным образованием детей переселенцев этих национальностей сокращался и по сравнению с местом прежнего проживания, так как в целом по Российской империи в сельской местности в 1914 году было охвачено школьным обучением 28,3 % детей школьного возраста ([Бодрунов, 2017: 195](#)).

Самый высокий удельный вес учащихся среди детей школьного возраста при проведении переписи был зафиксирован в тех этнических группах переселенцев, которые отличались и наибольшим уровнем грамотности взрослого населения – немцев, поляков, эстонцев. Помимо сформировавшихся представлений о ценности образования и обучения детей, свою роль в этом сыграл и фактор более успешной хозяйственной адаптации переселенцев этих этнических групп, дававшей им возможность выделять больше средств на удовлетворение культурных потребностей, в том числе строительство школ, оплату учителей и пр.

5. Заключение

Аграрная миграция в Алтайский округ на протяжении второй половины XIX – начала XX в. приобретала все более многонациональный характер: при относительном сокращении в переселенческом потоке доли, приходящейся на русских крестьян-переселенцев, расширялось участие крестьянства других этносов.

Демографический состав переселенческих домохозяйств определялся национальными культурно-семейными традициями и потребностями адаптации в новой природно-климатической и социокультурной среде обитания. Несмотря на различие в показателях плотности, для домохозяйств переселенцев практически всех национальностей были характерны численное преобладание мужского над женским населением, более высокая, чем у старожилов, доля лиц работоспособного возраста, а также детей подросткового возраста, рассматриваемых как резерв рабочей силы, необходимой для проведения трудозатратных работ по освоению целинных земель, строительству жилья, хозяйственных помещений и объектов социально-бытовой инфраструктуры в местах поселения.

Выбор переселенцами форм землепользования во многом определялся их предшествующей практикой пользования наделной землей на родине. Хотя ряд национальных групп крестьян-мигрантов, переселившись на Алтай, расширили практику использования общинного землепользования, в целом их землепользование было в большей степени затронуто модернизационными преобразованиями, проводившимися в рамках реализации Столыпинской земельной реформы: доля наделных земель, укрепленных в подворно-наследственное пользование, у переселенцев всех национальных групп (кроме зырян) была выше, чем у крестьян-старожилов.

Отраслевая структура, масштабы и техническая оснащенность производственной деятельности переселенческих домохозяйств в Алтайском округе во многом определялись экономическим опытом, приобретенным в местах прежнего проживания. Наибольшие успехи в хозяйственной адаптации демонстрировали немцы-переселенцы из губерний Новороссии, имевшие предшествующий опыт ведения хозяйства на крупных земельных участках.

По уровню грамотности, характеризующему один из аспектов социокультурной адаптации, прибывавшие из европейской части страны взрослые переселенцы всех национальностей, кроме мордвы, превосходили старожилов, что отражало более широкое распространение начального образования в Европейской России по сравнению с азиатской частью империи. Наиболее высокая степень охвата школьным обучением была характерна для детей переселенцев тех этнических групп, которые отличались повышенным уровнем грамотности взрослого населения.

Литература

Баранцева, 2008 – Баранцева Н.А. Этносоциальные процессы среди эстонского населения юга Средней Сибири во второй половине XIX – первой трети XX в. // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2008. Вып. 22. С. 514-524.

Бодрунов, 2017 – Бодрунов С.Д. Великая русская революция 1905–1917 годов: уроки для современной России // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2017. Т. 204. № 2. С. 192-202.

Вибе, 2007 – Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 368 с.

Дубровский, 1973 – Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М.: Наука, 1973. 395 с.

Зиновьев, 2024 – Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Азиатской России по данным переписи 1897 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2024. 210 с.

Карих, 2004 – Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения в XIX – начале XX века. Томск: изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.

Коровушкин, 2008 – Коровушкин Д.Г. Латыши и эстонцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XX века. Новосибирск, 2008. 248 с.

Крестьянские хозяйства..., 2009 – Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]: база данных / Сост. В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская. Электрон. дан. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2009620044.

Крестьянство..., 1983 – Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / Редкол.: Л. М. Горюшкин (отв. ред.) и др. Новосибирск: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 399 с.

Кригер, 1990 – Кригер В.Э. Особенности социально-культурного и экономического развития немецкого населения Азиатской России (дореволюционный период) // Теория и практика национальной политики Алтая и России. Сб. тез. краевой научно-практ. конф. Барнаул, 1990. С. 21-25.

Крих, Мулина, 2020 – Крих А.А., Мулина С.А. Хозяйственная жизнь польских переселенцев в Сибири в конце XIX – начале XX в.: стратегии успеха // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2020. Т. 7. № 1(25). С. 28-37. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).28-37

Липин, 1999 – Липин А.М. Украинские переселенцы в Западной Сибири: районы выхода (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 1999. № 4(14). С. 24-29.

Липинская, 1996 – Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М.: Наука, 1996. 296 с.

Лоткин, 2009 – Лоткин И.В. Проблемы формирования поселений прибалтийских народов в Сибири в XIX – начале XX в. // *Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология*. 2009. № 4/2 (64/2). С. 118-125.

Малиновский, 1980 – Малиновский Л.В. К характеристике некоторых групп переселенцев в Сибирь конца XIX – начала XX вв. // *Известия СО АН СССР. Серия общ. наук*. 1980. Вып. 1. № 1. С. 98-104.

Масяж, 2002 – Масяж В. Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX века // *Сибирь в истории и культуре польского народа*. М.: Ладомир, 2002. С. 241-254.

Овчарова, 2010 – Овчарова М.А. Мордва Алтая: история и этнокультурные процессы (XIX – начало XXI в.). Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 228 с.

Октябрьская и др., 2015 – Октябрьская И.В., Крикау Л.В., Антропов Е.В. «Мы украинцы, хотя пишемся русские...»: этнические процессы в среде украинцев степной зоны Западной Сибири XX – начала XXI в. // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2015. Вып. 4 (50). С. 221-227.

Октябрьская, 2019 – Октябрьская И.В. Казахи Алтая. Очерки истории и культуры. Новосибирск, 2019. 200 с.

Островский, 2016 – Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2016. 808 с.

Разгон и др., 2013 – Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.

Силина, 2004 – Силина И.Г. Динамика и интенсивность миграционных процессов во второй половине XIX – начале XX вв. на территории Алтайского округа // *Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в.: сб. науч. статей*. Вып. 2. Барнаул, 2004. С. 3–11.

Сорокин, 2011 – Сорокин П. Современные зыряне // *Наследство*. 2011. № 1. С. 60-96.

Чернова, 2014 – Чернова И.В. Хозяйство польских переселенцев в сибирской деревне (на примере с. Минск-Дворянское Тарского района Омской области) / *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы X Междунар. науч.-практ. конф.* Омск: Изд-во ОмГАУ, 2014. Ч. 3. С. 132-136.

Шайдуров, 2002 – Шайдуров В.Н. Российские немцы на Алтае (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.) / *Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах массовых источников): сб. ст.* Барнаул, 2002. С. 62-100.

Шайдуров, 2008 – Шайдуров В.Н. Немецкая община Западной Сибири (вторая половина XVIII – начало XX вв.) // *Новый исторический вестник*. 2008. № 17. С. 50–63.

Шайдуров, 2017 – Шайдуров В.Н. Особенности экономической жизни украинских крестьян в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // *История повседневности*. 2017. № 1. С. 9-22.

Шелегина, 2001–2002 – Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.). М.: Логос, 2001–2002. Вып. 1–2. 183 с.; 158 с.

Deutsche..., 1997 – Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. Berlin: Siedler, 1997. 669 s.

Leończyk, 2017 – Leończyk S. Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku. Warszawa, 2017. 323 s.

Razgon et al., 2023 – Razgon V.N., Belyanin D.N., Razgon A.V. Demographic Structure of the Households of the Stolypin Reforms Settlers in the Altai Okrug: Gender and Age Composition (on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural Census) // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 485-493.

Shaidurov, 2016 – Shaidurov V.N. The Ukrainian community of Western Siberia: specific features of formation and development in the 2nd half of the 19th – early 20th century // *Bylye Gody*. 2016. 39 (1): 109-119.

References

Barantseva, 2008 – Barantseva, N.A. (2008). Etnosotsial'nye protsessy sredi estonskogo naseleniya yuga Srednei Sibiri vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX v. [Ethnosocial processes among the Estonian population of the south of Central Siberia in the second half of the 19th – first third of the 20th centuries]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 22: 514-524. [in Russian]

Bodrunov, 2017 – Bodrunov, S.D. (2017). Velikaya russkaya revolyutsiya 1905–1917 godov: uroki dlya sovremennoi Rossii [The Great Russian revolution of 1905–1917: lessons for modern Russia]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestvo Rossii*. 204 (2): 192-202. [in Russian]

Chernova, 2014 – Chernova, I.V. (2014). Khozyaistvo pol'skikh pereselentsev v sibirskoi derevne (na primere s. Minsk-Dvoryanskoe Tarskogo raiona Omskoi oblasti) [Household of Polish settlers in a Siberian village (using the example of the village of Minsk-Dvoryanskoye, Tarsky district, Omsk region)]. *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: materialy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Omsk: Izd-vo OmGAU. Ch. 3. Pp. 132-136. [in Russian]

Deutsche..., 1997 – Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland [German History in Eastern Europe. Russia]. Berlin: Siedler. 669 p.

Dubrovskii, 1973 – Dubrovskii, S.M. (1973). Sel'skoe khozyaistvo i krest'yanstvo Rossii v period imperializma [Agriculture and the peasantry of Russia in the period of imperialism]. Moskva: Nauka. 395 p. [in Russian]

Karikh, 2004 – Karikh, E.V. (2004). Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoi Sibiri v protsesse ee khozyaistvennogo osvoeniya v XIX – nachale XX veka [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development in the 19th – early 20th centuries]. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta, 232 p. [in Russian]

Korovushkin, 2008 – Korovushkin, D.G. (2008). Latyshi i estontsy v Zapadnoi Sibiri: rasselenie i chislennost' v kontse XIX – nachale XX veka [Latvians and Estonians in Western Siberia: settlement and numbers at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Novosibirsk. 248 p. [in Russian]

Krest'yanskije hozyajstva..., 2009 – Krest'yanskije hozyajstva Altajskoj gubernii v 1917 g. [Peasant farms in the Altai province in 1917]. Sost. V.N. Razgon, D.V. Koldakov, K.A. Pozharskaya. Elektron. dan. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2009. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). № gosregistratsii 2009620044. [in Russian]

Krest'yanstvo..., 1983 – Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Nauka. 399 p. [in Russian]

Krikh, Mulina, 2020 – *Krikh, A.A., Mulina S.A. (2020). Khozyaistvennaya zhizn' pol'skikh pereselentsev v Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.: strategii uspekha [Economic life of Polish settlers in Siberia in the late 19th – early 20th centuries: strategies for success]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki. T. 7. № 1(25): 28-37. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).28-37. [in Russian]*

Leończuk, 2017 – *Leończuk, S. (2017). Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej potowie XIX i na pocz^tku XX wieku [Polish rural settlement in Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Varshava. 323 p. [in Polish]*

Lipin, 1999 – *Lipin, A.M. (1999). Ukrainskie pereselentsy v Zapadnoi Sibiri: raiony vykhoda (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Ukrainian settlers in Western Siberia: areas of outcome (second half of the 19th – early 20th century)]. Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 4(14): 24-29. [in Russian]*

Lipinskaya, 1996 – *Lipinskaya, V.A. (1996). Starozhily i pereselentsy. Russkie na Altae. XVIII – nachalo XX veka. [Old-timers and settlers. Russians in Altai. 18th – early 20th century]. M.: Nauka. 296 p. [in Russian]*

Lotkin, 2009 – *Lotkin, I.V. (2009). Problemy formirovaniya poselenii pribaltiiskikh narodov v Sibiri v XIX – nachale XX v. [Problems of formation of settlements of the Baltic peoples in Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya. 4/2 (64/2): 118-125. [in Russian]*

Malinovskii, 1980 – *Malinovskii, L.V. (1980). K kharakteristike nekotorykh grupp pereselentsev v Sibir' kontsa XIX – nachala XX vv. [On the characteristics of some groups of settlers in Siberia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Izvestiya SO AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk. 1(1): 98-104. [in Russian]*

Masyazh, 2002 – *Masyazh, V. (2002). Migratsiya pol'skikh krest'yan v Sibir' v kontse XIX – nachale XX veka [Migration of Polish peasants to Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda. M.: Ladomir. Pp. 241-254. [in Russian]*

Oktyabr'skaya i dr., 2015 – *Oktyabr'skaya, I.V., Krikau, L.V., Antropov, E.V. (2015). «My ukrainsy, khotya pishemsya russkie...»: etnicheskie protsessy v srede ukraintsev stepnoi zony Zapadnoi Sibiri XX – nachala XXI v. [«We are Ukrainians, although it is written Russians...»: ethnic processes among Ukrainians in the steppe zone of Western Siberia in the 20th – early 21st centuries]. Problemy istorii, filologii, kul'tury. 4(50): 221-227. [in Russian]*

Oktyabr'skaya, 2019 – *Oktyabr'skaya, I.V. (2019). Kazakhi Altaya. Ocherki istorii i kul'tury [Kazakhs of Altai. Essays on history and culture]. Novosibirsk. 200 p. [in Russian]*

Ostrovskii, 2016 – *Ostrovskii, L.K. (2016). Polyaki v Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – pervoi chetverti XX veka [Poles in Western Siberia in the late 19th – first quarter of the 20th century]. Novosibirsk: NGASU (Sibstrin). 808 p. [in Russian]*

Ovcharova, 2010 – *Ovcharova, M.A. (2010). Mordva Altaya: istoriya i etnokul'turnye protsessy (XIX – nachalo XXI v.) [Mordvins of Altai: history and ethnocultural processes (19th – early 21st centuries)]. Novosibirsk: izd-vo IAET SO RAN. 228 p. [in Russian]*

Razgon et al., 2013 – *Razgon, V.N., Khramkov, A.A., Pozharskaya, K.A. (2013). Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: reseselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: Azbuka. 348 p. [in Russian]*

Razgon et al., 2023 – *Razgon, V.N., Belyanin, D.N., Razgon, A.V. (2023). Demographic Structure of the Households of the Stolypin Reforms Settlers in the Altai Okrug: Gender and Age Composition (on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural Census). Bylye Gody. 18(1): 485-493. DOI: 10.13187/bg.2023.1.485*

Shaidurov, 2002 – *Shaidurov, V.N. (2002). Rossiiskie nemtsy na Altae (po materialam Vserossiiskoi sel'skokhozyaistvennoi i pozemel'noi perepisi 1917 g.) [Russian Germans in Altai (based on the materials of the All-Russian Agricultural and Land Census of 1917)]. Demograficheskoe i khozyaistvennoe razvitie altaiskoi derevni vo utoroj polovine XIX – nachale XX v. (na materialakh massovykh istochnikov). Barnaul: Azbuka. Pp. 62-100. [in Russian]*

Shaidurov, 2008 – *Shaidurov, V.N. (2008). Nemetskaya obshchina Zapadnoi Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [German community of Western Siberia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Novyi istoricheskii vestnik. 17: 50-63. [in Russian]*

Shaidurov, 2017 – *Shaidurov, V.N. (2017). Osobennosti ekonomicheskoi zhizni ukrainskikh krest'yan v Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [Specifics of the economic life of Ukrainian peasants in Western Siberia in the XIX – early XX centuries]. Istoriya povsednevnosti. 1: 9-22. [in Russian]*

Shaidurov, 2016 – *Shaidurov, V.N.* (2016). The Ukrainian community of Western Siberia: specific features of formation and development in the 2nd half of the 19th – early 20th century. *Bylye Gody*. 39(1): 109-119.

Shelegina, 2001–2002 – *Shelegina, O.N.* (2001–2002). Adaptatsiya russkogo naseleniya v usloviyakh osvoeniya territorii Sibiri (Istoriko-etnograficheskie aspekty. XVII–XX vv.) [Adaptation of the Russian population in the context of the development of the territory of Siberia (Historical and ethnographic aspects. XVII–XX centuries)]. Moskva: Logos. Vyp. 1–2. 183 p; 158 p. [in Russian]

Silina, 2004 – *Silina, I.G.* (2004). Dinamika i intensivnost' migratsionnykh protsessov vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. na territorii Altaiskogo okruga [Dynamics and intensity of migration processes in the second half of the 19th – early 20th centuries in the Altai District]. *Altaiskaya derevnya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: sbornik nauchnykh statei*. Vyp. 2. Barnaul: Azbuka. Pp. 3-11. [in Russian]

Sorokin, 2011 – *Sorokin, P.* (2011). Sovremennye zyryane [Modern Zyryans]. *Nasledstvo*. 1: 60-96. [in Russian]

Vibe, 2007 – *Vibe, P.P.* (2007). Nemetskie kolonii v Sibiri: sotsial'no-ekonomicheskii aspekt [German colonies in Siberia: socio-economic aspect]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 368 p. [in Russian]

Zinov'ev, 2024 – *Zinov'ev, V.P.* (2024). Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Aziatskoi Rossii po dannym perepisi 1897 g. [Interethnic division of labor in Asian Russia according to the 1897 census]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 210 p. [in Russian]

Этнические группы крестьян-переселенцев в Алтайском округе (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.)

Виктор Николаевич Разгон ^{a, *}, Дмитрий Николаевич Белянин ^b, Антон Викторович Разгон ^c

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье характеризуются изменения в этническом составе крестьян-мигрантов в Алтайском округе, происходившие на протяжении второй половины XIX – начала XX века, и определяется, на основе анализа данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., специфика демографической, хозяйственной и социальной адаптации переселенцев различной национальной принадлежности. Установлено, что демографическая структура переселенческих домохозяйств определялась различиями в культурно-семейных традициях мигрантов разных этнических групп и потребностями хозяйственной адаптации на новом месте жительства. Выбор форм землепользования, отраслевая специализация и масштабы производства, уровень обеспеченности рабочим скотом и оснащенности сельскохозяйственным инвентарем, характер социального расслоения переселенческих домохозяйств во многом определялись национальными экономическими традициями и хозяйственным опытом, приобретенным на прежнем месте жительства. Наибольшие успехи в хозяйственной адаптации демонстрировали немцы-переселенцы из губерний Новороссии, имевшие предшествующий опыт ведения хозяйства на крупных земельных участках. По уровню грамотности, характеризующему один из аспектов социокультурной адаптации, взрослые переселенцы всех национальностей, кроме мордвы, превосходили старожилов, а более высоким уровнем охвата школьным обучением отличались дети переселенцев тех этнических групп, которые характеризовались повышенным уровнем грамотности взрослого населения.

Ключевые слова: национальность, этнический состав, переселенцы, миграция, крестьянство, сельское хозяйство, сельскохозяйственная перепись, Сибирь, Алтайский округ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vrazgon@rambler.ru (В.Н. Разгон)